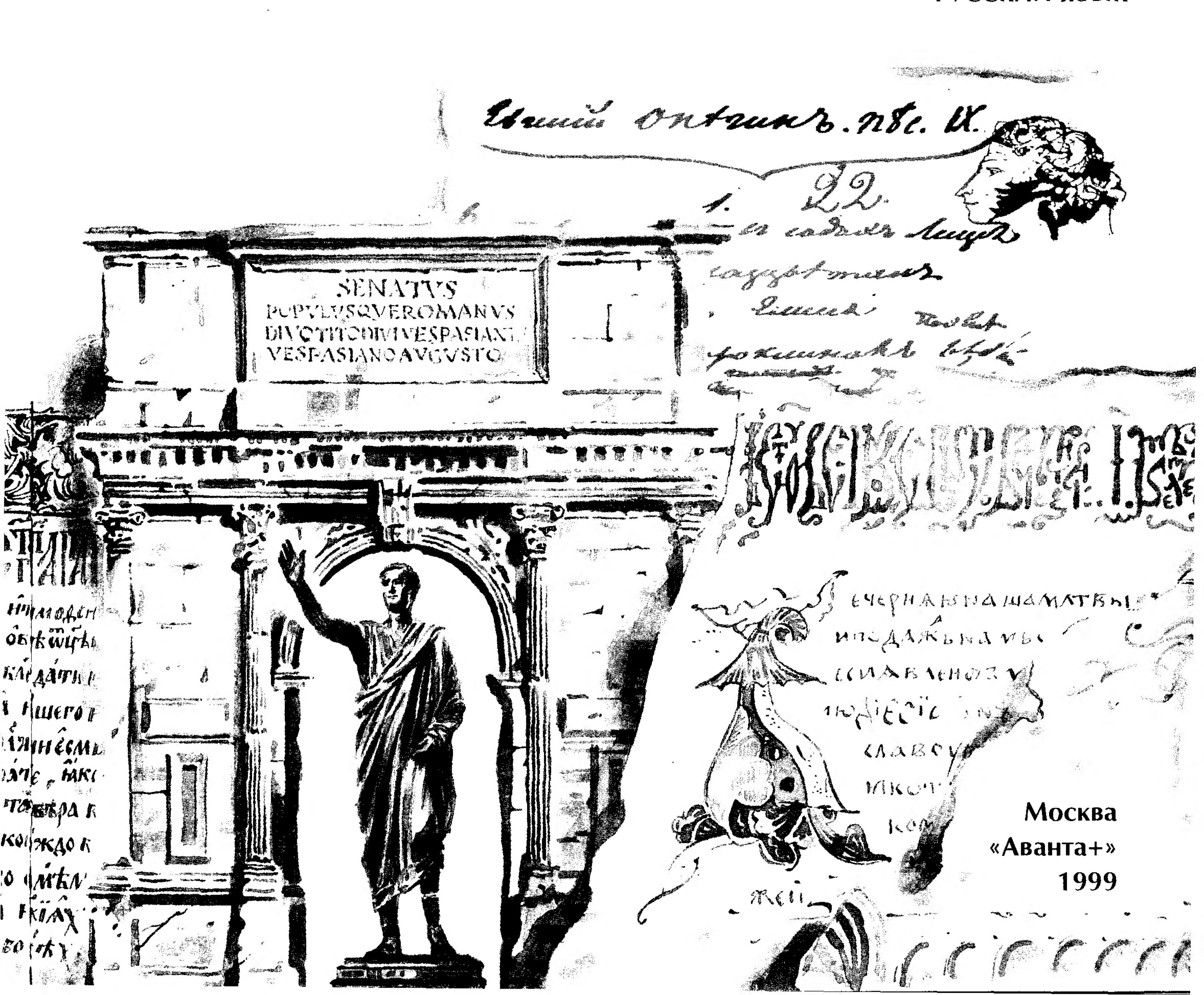
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

ТОМ
10

ЯЗЫКОЗНАНИЕ.
РУССКИЙ ЯЗЫК

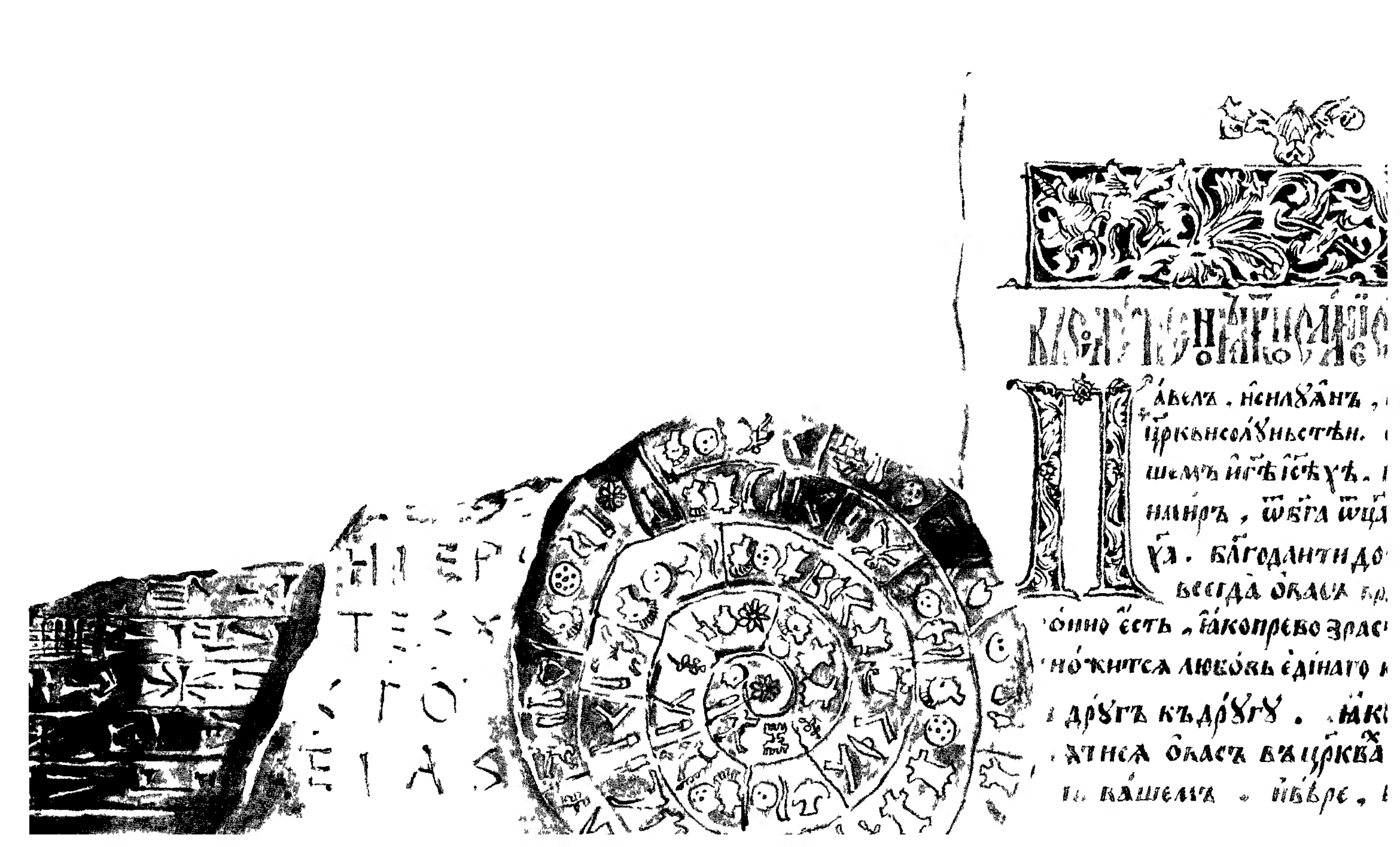


Москва
«Аванта+»
1999

Рекомендовано Департаментом общего среднего образования Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации. (Письмо №1576/14-10 от 231198)

Аванта+

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. РУССКИЙ ЯЗЫК



УДК 087.5:[81+811.161.1](031)
ББК 81я2+81.2Рус я2
Э68

Все тома, вышедшие в серии «Энциклопедия для детей», рекомендованы Департаментом общего среднего образования Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации.

Генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор одобрил презентацию тома «Религии мира» серии «Энциклопедия для детей» в региональных представительствах ЮНЕСКО, в частности в Москве, Алма-Аты и Ташкенте.

За профессиональное издательско-полиграфическое исполнение «Энциклопедии для детей» Государственный комитет Российской Федерации по печати наградил «Издательский центр „Аванта+"» дипломом от 04.09.97.

Оргкомитет XI Московской Международной книжной ярмарки, Генеральная дирекция международных книжных выставок и ярмарок наградили издательское объединение «Аванта+» дипломом от 02.09.98 как победителя в номинации «Самый массовый познавательный проект 1998».

Э68 **Энциклопедия** для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык. — 3-е изд., перераб. и доп./Глав. ред. М. Д. Аксёнова. — М.: Аванта+, 1999. — 704 с.: ил.
ISBN 5 8483-0010-0 (т 10)
ISBN 5-8483-0012-7

В томе «Языкознание Русский язык» доступно и занимательно рассказано о сложном и многообразном явлении — человеческом языке. Раздел «Русский язык» — своего рода книга в книге — включает не только самые важные вопросы школьной программы, но и множество интереснейших сведений о родном языке, которые обычно остаются за страницами учебников Том написан ведущими современными лингвистами.

Книга содержит практические советы по повышению грамотности, изучению иностранных языков, развитию речи, а также занимательные языковые игры, лингвистические задачи, юмористические рисунки.

Книга рассчитана на детей среднего и старшего школьного возраста, их родителей и учителей, абитуриентов и студентов, а также на всех, кому интересны вопросы языка

УДК 087.5:[81+811.161.1](031)
ББК 81я2+81.2Рус я2

ISBN 5-8483-0010-0 (т. 10)
ISBN 5-8483-0012-7

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

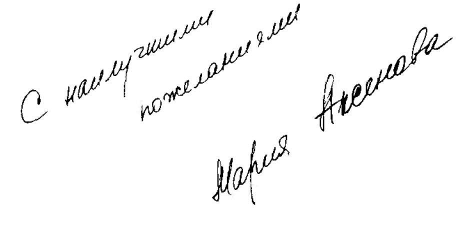
Человек рождается любопытным, стремящимся к развитию, жаждущим познать мир. А между тем с каким трудом взрослые люди меняют что-либо в себе и своей жизни! С возрастом человек находит своё место в обществе и часто останавливается на этом. Однако закон жизни таков: стоять — значит двигаться назад. Как только мы решаем, что наше знание точно и окончательно, — мы перестаём расти, застреваем. Представьте, что человечество отказалось бы вслед за Коперником и Галилеем оставить такую уютную и греющую наше самолюбие веру в то, что Земля находится в центре мира. Чем занималась бы после этого наука и какова была бы тогда судьба человечества?

В истории нам важны не даты; нам интересны люди, их поиск, опыт их жизни. И если за описанием фактов и событий мы видим живого человека, чувствуем, как он радовался, сомневался, уставал, принимал решения, творил, то текст перестаёт быть просто набором данных. Опыт этого человека становится нашим, мы учимся, растем, изменяемся. А изменяться — значит жить.

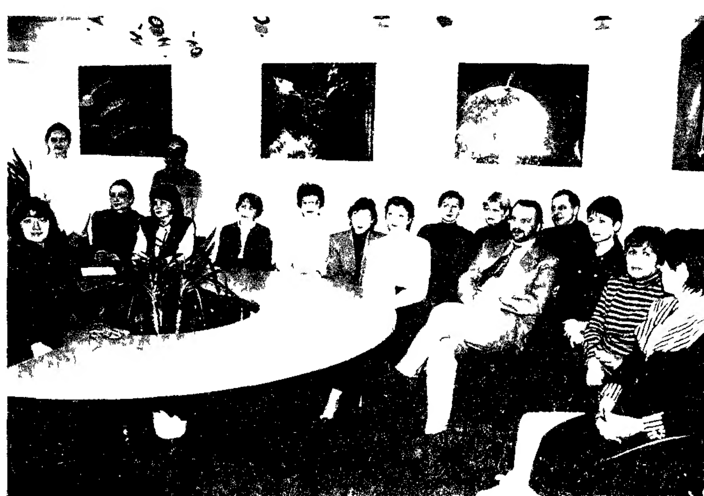
* * *

Первый том «Энциклопедии для детей» вышел в июне 1993 года, а значит, у нас с вами юбилей — мы вместе уже пять лет. И том, который у вас в руках, — юбилейный, десятый.

Наше издание — не совсем обычная энциклопедия. Конечно, здесь можно найти рассказ обо всех самых важных событиях, фактах, научных теориях: ведь главное в любой энциклопедии — достоверная информация. Но наша энциклопедия — для детей, и создаётся она в России, стране, которая заново учится, растёт, изменяется. Поэтому нам хотелось, чтобы «Энциклопедия для детей» помогала читателю не только многое узнать, но и лучше понять самого себя и весь этот огромный загадочный мир.



Во время работы над томом «Языкознание. Русский язык»



Впереди новые тома

К ЧИТАТЕЛЮ

Такая толстая книга о языке! Что в ней? Все известные правила орфографии? Или грамматика всех языков, какие есть на свете? У читателя, знакомого с наукой о языке лишь по школьным урокам русского и иностранного, подобные вопросы вполне могут возникнуть. Обычно мы задумываемся о языке, только если нужно написать текст без ошибок или пообщаться с иностранцами. «Ничто для нас столь обыкновенно, ничто столь просто не кажется, как речь наша, — писал в XVIII столетии Александр Николаевич Радищев, — но в самом существе ничто столь удивительно есть, столь чудесно, как наша речь...»

Человек, который задумался о родном языке, чем-то похож на рыбу, пытающуюся уяснить себе свойства воды. Рыба не может жить вне воды, и человек не может оставаться человеком вне языка. Родной язык для личности человека — примерно то же, что воздух для его тела. На языке мы думаем, общаемся, творим, принимаем решения, и если несвободное дыхание — угроза жизни, то несвободное владение языком — угроза личности.

В романе-антиутопии английского писателя Джорджа Оруэлла «1984» людей стараются лишить свободного владения языком, чтобы они перестали мыслить, любить, принимать решения. Человек, плохо владеющий языком, не может ни определить своё мнение, ни выразить его. Он не найдёт понимания, поскольку не умеет договариваться. Тонкий юмор, словесное творчество, сложное общение, самоанализ — навсегда потерянные для него богатства. Поэтому владение языком — главное, чему стоит учиться, и в школах любой страны родной язык — важнейший предмет.

Конечно, даже из очень толстой книги нельзя узнать о языке всё. Это и не нужно. Главное — открыть для себя мир языка, полный тайн и загадок. Он находится не в бездне космоса и не за синим морем, а вокруг нас. Нужно только прислушаться, задуматься, чтобы убедиться: «...ничто столь удивительно есть...»!

* * *

Первая и главная загадка языка — как он вообще возможен? Как удаётся нам, издавая звуки или рисуя закорючки, описывать весь бесконечно разнообразный мир? Учёные открывают всё новые поразительные «изобретения», заложенные в систему языка. Многозначность его единиц, их позиционные чередования, законы сочетаемости элементов — всё это позволяет языку с помощью ограниченного набора средств выражать неограниченное количество смыслов.

Знаем ли мы родной язык? Конечно да, ведь мы говорим на нём с детства. И конечно нет. Система языка, с одной стороны, логична, а с другой — непредсказуема и полна исключений. Полное описание даже одного-единственного языка заняло бы несколько сотен толстых томов. Профессор языкознания отличается от первоклассника прежде всего тем, что знает, как много ещё неизвестного есть в языке. Подробные описания — дело учёных, а интерес к родному языку, знание его основных особенностей, умение замечать его парадоксы — всё это делает жизнь человека богаче.

Каждый шаг к ответу на вопрос, как устроен язык, рождает новые вопросы. Система языка сложна, логична, экономна, красива — неужели это получилось само по себе? Как возникает и развивается язык? Легко сказать: «Постепенно», но можно ли представить себе момент его рождения, первые слова? И как могло из этих слов развиться множество таких разных и сложных языков? Разгадка этой тайны спрятана очень глубоко, ведь возникновение языка неотделимо от возникновения мышления — а значит, и человека. Древние мудрецы говорили: «Понять, как возникло нечто, — значит понять его суть».

У народов Земли разная внешность, разные обычаи и образ жизни. Во многом эти отличия можно объяснить условиями жизни народа и его историей. Но вот загадка: почему так сильно различаются человеческие языки? У народов, живущих очень сходной жизнью, языки могут быть совсем разные, и наоборот — жители отдалённых мест, представители разных цивилизаций говорят на языках очень похожих. И главное — что позволяет всем языкам, таким разным, одинаково успешно описывать мир?

Следующая загадка — как язык действует? Когда мы общаемся на языке, мы не думаем о его устройстве, а просто используем: болтаем с друзьями, произносим речь, записываем решение

ЧТО ТАКОЕ САМОДОСТАТОЧНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

Когда Шерлок Холмс расшифровывал таинственные надписи, составленные из изображений пляшущих человечков, он и не подозревал, что решает *самодостаточную лингвистическую задачу*. На страницах этой книги вы встретите множество таких задач, они будут сопровождать почти каждый раздел.

Лингвистическая задача — это особый, очень интересный жанр. Ее не решишь, действуя по шаблону, ответ невозможно где-то вычитать или просто угадать, необходимо размышлять, анализировать, сопоставлять, т. е. использовать логическое мышление. Но прежде чем будет выстроено решение задачи, нужно найти «ниточку», за которую можно потянуть, и здесь поможет не логика, а интуиция, языковое чутье. Можно сказать, что каждая лингвистическая задача — это маленькое научное исследование. Ведь вы пройдете те же стадии, которые проходят в своей работе настоящие ученые: изучение и анализ материала, догадка, предположение и его проверка, выстраивание доказательства, вывод. Решая задачи, вы сможете самостоятельно открыть множество удивительных языковых явлений в разных языках мира и даже в своем родном.

В лингвистических задачах вы встретите слова и фразы на совершенно незнакомых языках (о существовании которых вы, может быть, и не догадывались), что, однако, не помешает решать задачи. Не случайно они называются самодостаточными: для решения не нужны никакие специальные знания, все необходимые сведения содержатся в условии, нужно только как следует поразмыслить.

Без лингвистических задач сегодня трудно представить себе интересное, творческое преподавание лингвистики. А между тем они появились как особый жанр всего несколько десятилетий тому назад. В 60-х гг. XX в. были опубликованы первые задачи, сочиненные известным современным лингвистом Андреем Анатольевичем Зализняком. Тогда же прошла и первая олимпиада по лингвистике и математике для школьников. Ее инициатором и составителем задач стал Альфред Наумович Журинский. С тех пор появились сотни новых интересных задач, регулярно проводятся олимпиады. Над задачами работает постоянный коллектив лингвистов-энтузиастов, в котором на равных участвуют и маститые ученые, и студенты. Есть даже такой способ изучать лингвистику: решать задачи и

узнавать при этом о различных языковых явлениях и законах. Поэтому даже если вы не решали задачу, прочтите ее объяснение — в нем вы найдете сведения, дополняющие и углубляющие содержание статьи.

Задачи помещены на плашках; их условие помечено изображением думающего человечка: ; ответ и комментарий к решению можно найти на одной из следующих страниц с рисунком, на котором человечек пляшет от радости — нашел ответ: .

СИСТЕМА ОБОЗНАЧЕНИЙ В ЭТОЙ КНИГЕ

Лингвистические тексты имеют особенность. в них соседствуют речь автора, который с помощью языка излагает свои мысли, и единицы языка, которые он приводит в качестве примеров. Чтобы читателю было легче отличать одно от другого, используют специально разработанные системы выделений и условных обозначений. Познакомьтесь с системой, принятой в этом томе.

ШРИФТОВЫЕ ВЫДЕЛЕНИЯ

Новые термины и понятия выделяются курсивом с разрядкой, например: *звук* Слова и предложения, приводимые в качестве примера, выделяются курсивом: *Котенку налили молока.* Если внутри примера нужно особо выделить слово, морфему (часть слова) или букву, используется полужирный курсив: ***котенку.*** Отдельные буквы, сочетания букв и отдельные морфемы тоже выделяются полужирным курсивом: ***а, жи, ши,*** приставка ***при-***.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Запись звуков дается в квадратных скобках: *в*[а]*да́*, запись фонем — в угловых скобках: *в*<о>*да.*

Варианты единиц языка даются через одну косую черту /: ***-ое/-ее***; их чередования обозначаются двумя косыми чертами //, которые ставятся между звуками, морфемами и т. п.: *снег//сне**ж**.*

Исторические реконструкции обозначаются знаком звездочки (а́стериском) *, который помещается перед реконструированной фонемой, морфемой или словом: ****godь-***.

Значение слова или другой единицы языка приводится в семантических кавычках, которые ставятся в начале и конце слова вверху, например: ‘слово’.

В области самого мышления действие языка исключает всякую остановку в каком-либо достигнутом пункте. Обнаружение истины... не зависит от языка; но язык дает человеку предпосылку для развития внутренних сил; когда мы стремимся к бесконечному, первое побуждение, отвагу и энергию на этом пути мы получаем от языка. <...>

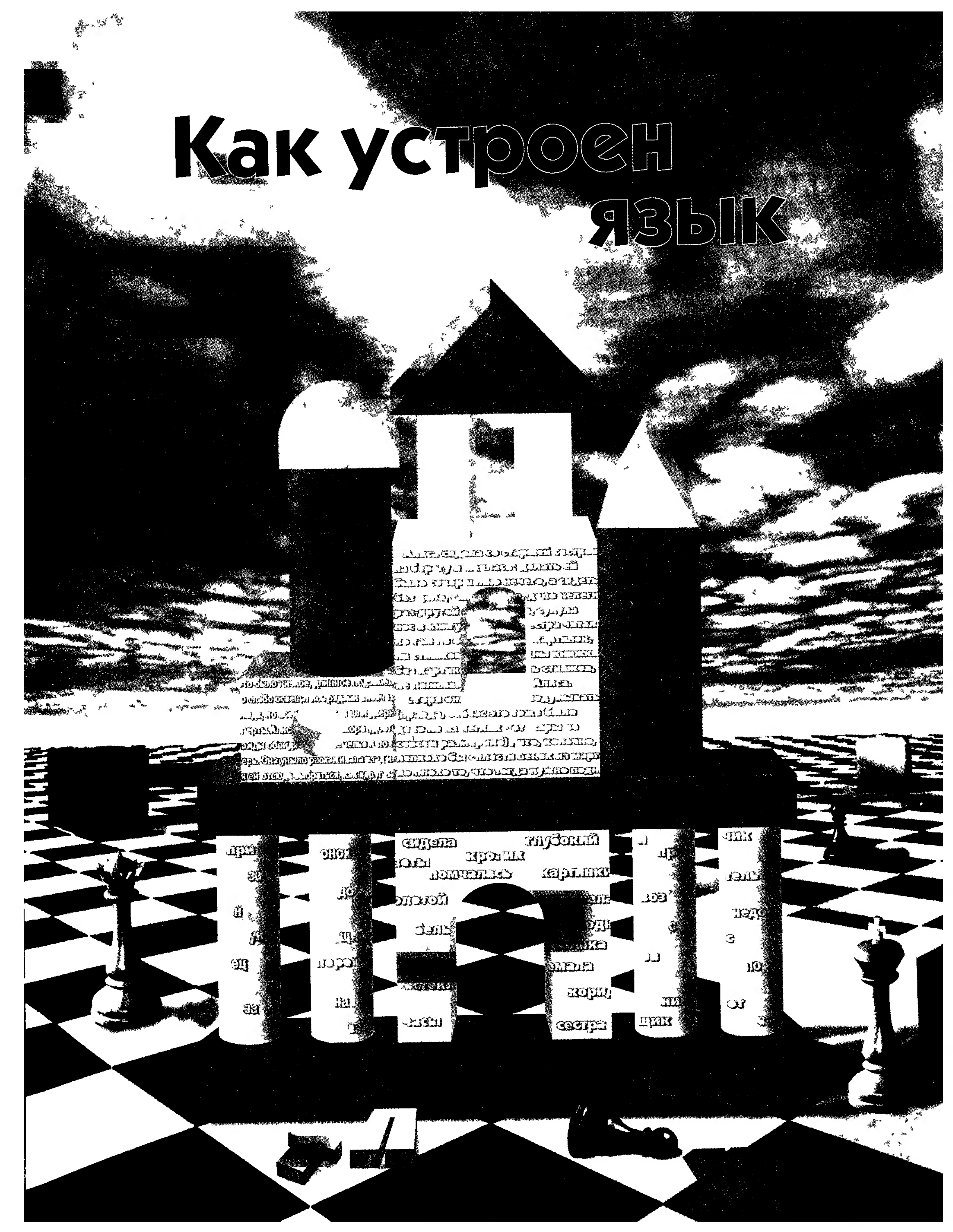
Человек думает, чувствует и живет только в языке, он должен сначала сформироваться посредством языка... Но человек чувствует и знает, что язык для него — только средство, что вне языка есть невидимый мир, в котором человек стремится освоиться только с его помощью. Для самого повседневного чувства и самой глубокой мысли язык оказывается недостаточным, и люди взирают на этот невидимый мир, как на далекую страну, куда ведет их только язык, никогда не доводя до цели. Всякая речь в высоком смысле слова есть борьба с мыслью, в которой чувствуется то сила, то бессилие.

(Из работы В. фон Гумбольдта «Характер языка и характер народа».)

задачи, сочиняем стихи, рассказываем анекдоты. Из всего богатства, предоставляемого языком, мы каждый раз точно и без видимых усилий выбираем именно то, что нам нужно в данной ситуации. Как? Если устройство языка наука уже в значительной мере изучила, то к решению этого вопроса она только приступает.

В течение многих веков лингвистика считалась частью филологии — науки, которая изучала тексты, прежде всего древние Со временем внутри филологии выделились два направления: изучение собственно текстов, т. е. литературы, и изучение языков, на которых они написаны. Описывая всё новые и новые языки и сравнивая их между собой, учёные обнаружили, что в лингвистике можно достичь поразительных результатов, если действовать не филологическими методами, а подобно математикам, доказывающим теоремы. Так в лингвистику пришли логика, строгость, доказательность. Выяснилось, что по сути своей она ближе к точным наукам, прежде всего к математике: математика, по словам Галилея, изучает язык природы, лингвистика — язык людей Последние два столетия были эпохой революционного развития лингвистики, причём многие из важнейших открытий были сделаны российскими учёными. Эта наука, первые труды по которой известны ещё с древности, до сих пор только готовилась к мощному пробуждению. Движение лингвистики вперёд продолжается, стремительный прогресс последних десятилетий, появление компьютера поставили перед ней новые задачи. Возможно, лингвистика станет одной из важнейших наук будущего информационного общества.

Есть привычное выражение — «владеть языком». Действительно, в детстве мы все овладеваем родным языком, затем, если есть желание, — иностранными. Но чем глубже исследуют учёные взаимосвязь языка и мышления, тем больше получают подтверждений обратного: это язык владеет человеком! Если в одном языке слово *клён* мужского рода, а в другом — женского, то их носителями и само дерево воспринимается по-разному: в первом случае поэт сравнит его с «пьяным сторожем», а во втором — назовёт «рыжекудрой красавицей». Человек, в языке которого одна грамматическая форма прошедшего времени, относится к прошлому иначе, чем говорящий на языке с шестью прошедшими временами. Воздействие языка на человека — ещё одна загадка, которую предстоит решить лингвистике, и здесь учёные работают на стыке языкознания, психологии и философии. Становится ясна и связь языкознания с этикой, а именно с фундаментальным вопросом человеческого бытия — вопросом свободы. В процессе работы над подобными проблемами лингвистике предстоит стать не только наукой о языке, но и наукой о человеке.


Как устроен
язык

ЧТО ТАКОЕ ЗНАК

МЫ ЖИВЁМ В МИРЕ ЗНАКОВ

Звонит будильник — и мой приятель Саша вскакивает с постели, одевается. Если бы где-то застучал молоток или что-нибудь с грохотом упало, он бы проснулся, но потом снова заснул, ворча. А звук будильника — особый, у него есть значение: пора вставать.

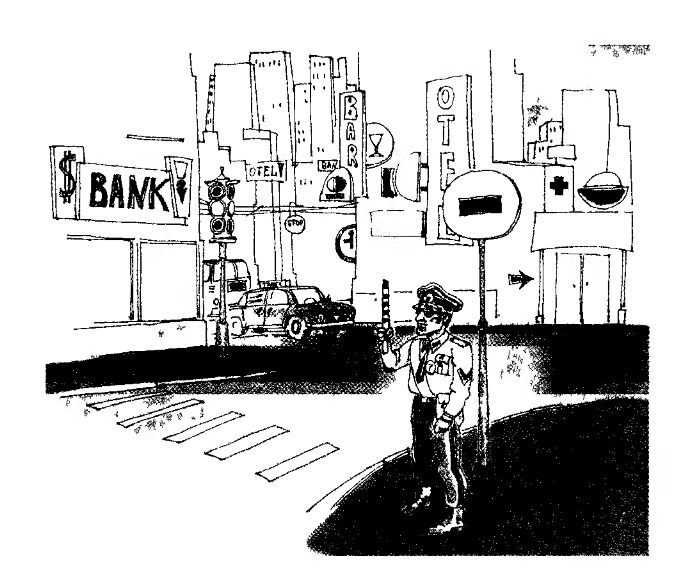
Саша завтракает На банках, коробках цветные наклейки: знаки, какой это продукт. Звонит телефон: знак, что надо взять трубку. Саше напоминают, что сегодня будут спортивные соревнования, пусть не забудет майку в синюю полоску — знак школьного клуба.

На улице Саша ждёт свой автобус, смотрит на номера — знаки маршрутов. Едет; вдруг — стоп! Автобус останавливается. Авария? Нет, просто светофор красным огнём (знак!) велит стоять На остановке входит военный, это видно по его форме — по знаку. Погоны (опять знак!) сообщают: он — лейтенант.

Из окна автобуса Саша видит: стоит молодой человек с букетом, ждёт кого-то. Букет — знак. Печальный прохожий несёт венок с чёрными лентами — это, увы, тоже знак.

В автобус входит девочка, машет Саше рукой. Это знак: она узнала его. Саша подмигивает ей и кивает головой на окно, чтобы она посмотрела: листочки уже на деревьях! Весна! Май!

У школы к Саше бросается приятель: «Сашка! Вот я тебе скажу...». И говорит, говорит, говорит... Сыплет словами. Знаками. Знаки повсюду.



А листочки на деревьях — знаки? Говорят, что весна? Нужно разобраться.

ЧЕТЫРЕ СВОЙСТВА ЗНАКА

Всякий знак обладает четырьмя важными свойствами Во-первых, непременно должно быть *обозначающее*. Что-нибудь доступное зрению или слуху· звонок... красный свет... погоны... флаг... звуки... слова... Можно предположить, что существуют знаки, «обращённые» к обонянию. Юноша и девушка условились· если она придёт в какое-то людное место и будет надушена духами «Сирень», то встреча назначена в парке, а если духами «Роза», то в кино. Они не хотели при посторонних назначать свидание... Надуманность этого примера уже говорит о том, что обозначающее, как правило, предназначено уху и глазу, оно не для носа.

Итак, для знака нужны, во-первых, какие-то материальные признаки (обозначающее).

Во-вторых, знак должен что-то обозначать, т. е. необходимо *обозначаемое*. Это либо понятие *(окружность, холод, совесть, преобладать)*, либо представление-образ *(Снегурочка, растяпа, взъерошиться, пожухлый)*.

Обозначающее — «добыча» органов чувств, обозначаемое — часть мира мыслей. Они-то в знаке и объединены. Как?

Знак существует только для тех, кто участвует в договоре

Необходима (в-третьих) *условная связь* между обозначающим и обозначаемым. Не природная, не естественная и неизбежная, а та, о которой условились люди.

На улице около перекрёстка живёт очень злобная лохматая собака. Опасная. Вижу: из-за угла дома на перекрёстке торчит лохматый хвост. Её! Замедлил шаг и стал обдумывать окольный путь. Можно считать, что хвост собаки — её знак? Нет, ни в коем случае. Никто не уславливался о том, чтобы у собаки был хвост, он ей принадлежит от природы. Хвост — часть собаки, а не её знак.

Кто-то может сказать: «А со мной никто не уславливался, что красный цвет обозначает „Стой". Для меня он вполне естественный сигнал!». Нет, условились. В самом красном цвете нет ничего останавливающего. Как же человек устанавливает, что красный — это «Стой!»? По опыту жизни. Папа не пустит на красный сигнал... Пойдёшь на красный — неприятностей не оберёшься... В школе учат правилам уличного движения... Вот как условились.

А вот помидор покраснел. Посылает знак, что спелый? Горло красное, лоб горячий, температура поднялась... Знак простуды? Нет, это природные проявления, естественные признаки. Не знаки.

Часто говорят, например, так: гортань покраснела — знак простуды. Вольное употребление слов — право бытовой речи. Однако, чтобы разобраться в сути дела, нужно понимать точное значение терминов.

Теперь — в-четвёртых. Это особенно важная сторона знака. Знак не выносит одиночества. Он не может быть один как перст. Знак всегда соотнесён с другим знаком. Если есть одно обозначающее со своим значением, то непременно есть и другое обозначающее и у него — своё обозначаемое. Светофор: зелёный свет — и противоположный ему красный. Знак на дороге «Поворот запрещён». Но в некоторых переулках висит знак «Поворот разрешён». Командир командует: *Стой!* И он же приказывает: *Шагом марш!*

Представьте себе прямую дорогу без перекрёстков, съездов и ответвлений. И посреди неё вдруг светофор, который всегда — всегда! — горит зелёным огнём. Автомобилисты, вероятно, будут в изумлении: что значит этот зелёный свет? Да, такой «знак» ничего не обозначает, даром тратится электроэнергия. Чтобы он стал настоящим знаком, ему нужен «напарник»: красный свет. Не может существовать один знак без другого, с иным обозначающим и иным значением.

ЦВЕТОК НА ОКНЕ

Любой предмет или действие могут быть знаками. Делает их знаками, связывает их форму и содержание воедино договор между людьми. Они каким-то образом заранее уславливаются, что данные предмет, жест или действие будут передавать какое-либо содержание, после чего они становятся обозначающими и вместе с обозначаемыми образуют знаки.

Едва ли не в каждой квартире на окнах стоят цветы. Их ставят туда для того, чтобы они лучше росли, для красоты или уюта, да и просто так. Эти цветы — не знаки. Однако если два человека предварительно договорились о том, что цветок на окне что-то означает, то он для них становится знаком. Например, разведчик сообщает своему напарнику о провале конспиративной квартиры. Знак «цветок на окне» передаёт адресату содержание: «Провал! Не приходить!».

Секретность информации обеспечивается тем, что договор касается только двоих. Для посторонних людей, не участвующих в договоре и ничего о нём не знающих, цветок на окне никаким знаком не является.

Часто это значения противоположные: «Ехать можно» — «Ехать нельзя», «Проходи» — «Стой». Однако может быть не два противоположных знака, а много: часы всеми своими делениями показывают время.

Итак, знак всегда соотнесён с другим знаком (знаками) или, иначе говоря, образует вместе с ними единую *знаковую систему*. Конечно, если их значения сопоставимы. Знаки со значениями «Входа нет» и «Перед употреблением взбалтывать» не могут составлять единую систему.

Знаки одной системы могут соотноситься по принципу «и»: каждый может употребляться вместо другого. Обозначения ***а/б*** и ***а : б*** имеют один и тот же смысл: ***а*** разделить на ***б.*** Однако все знаки системы не могут соотноситься по принципу «и». Ведь если у всех знаков одно и то же обозначаемое (тогда они выступают по принципу «и»), то это всё равно что в данной системе один знак. Но, как мы уже знаем, это невозможно, поэтому в любой системе должны быть знаки, соотносящиеся по принципу «или». Может использоваться лишь один из знаков с разным смыслом. Это и есть основная работа знаков — различение, противопоставление смыслов.

Могут быть системы знаков, в которых нет соотношений по принципу «и», но не может быть систем без соотношений по принципу «или».

* * *

Четыре свойства необходимы для знака. Если хотя бы одного из них нет, не будет и знака. Нет обозначающего — нет и знака. У разных народов есть сказки с похожим сюжетом. Злодеи похитили мальчика. А он подобрал около дома цветные камешки и бросал их по пути. Остался знак: здесь его вели похитители. По этим камешкам их и нагнали. А если бы он стал бросать... например, горошины? Птицы бы налетели и склевали горох. Исчезло обозначающее, исчез и знак.

Нет обозначаемого — нет и знака. На электрической трансформаторной будке рисунок: череп, перекрещённые кости и молнии по бокам. Это означает: «Смертельно опасно! Не подходить!». И бабушки стороной водили своих питомцев, стараясь не подходить близко к будке. Потом трансформатор перенесли в другое место. Будка стала «безработной» и постепенно разрушилась. В конце концов сохранился только обломок стены со страшным рисунком. Но всем

ЧТО ТАКОЕ СИСТЕМА

Далеко не каждую группу знаков можно назвать знаковой системой. Основным свойством системы является наличие у неё *структуры*. Этим она отличается от неорганизованного и неупорядоченного множества произвольных предметов. Любая структура, в том числе и структура знаков, подразумевает наличие *отношений* между всеми её элементами.

Со структурами мы сталкиваемся постоянно. Так, структурой является всякая семья. Во-первых, семья состоит из людей — членов семьи. Таким образом, семья — это множество, а члены семьи — его элементы. Во-вторых, члены семьи связаны друг с другом различными родственными отношениями, т. е. семья представляет собой структуру, в которой заданы элементы и отношения между ними. Нельзя быть внучкой вообще, можно быть только чьей-то внучкой. Если в семье есть внучка, то в ней обязательно найдётся бабушка или дедушка. Изменение, связанное с одним из элементов системы, например женитьба сына, создаёт за собой новые отношения всех других элементов: родители становятся свёкром и свекровью и т. д.

Система — это структура в действии, т. е. такая структура, которая способна работать или, говоря научным языком, функционировать. Имеется в виду не любое действие системы, а лишь то, которое использует её структуру.

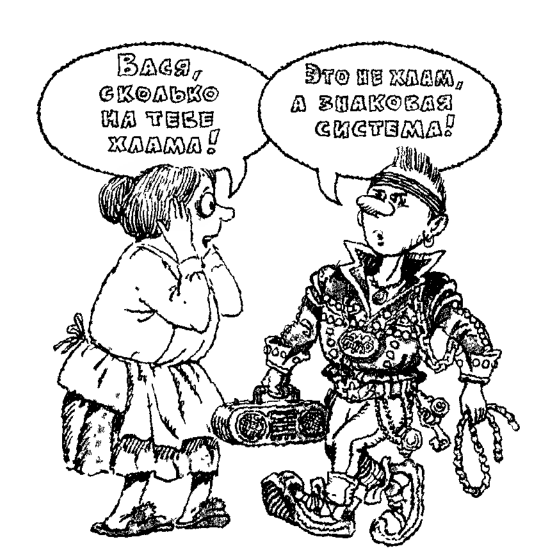
Любым тяжёлым предметом можно забивать гвозди, даже компьютером. Но компьютер, используемый в качестве молотка, системой не будет. Только применение компьютера по прямому назначению можно считать системным, поскольку только оно основано на его структурных свойствах.

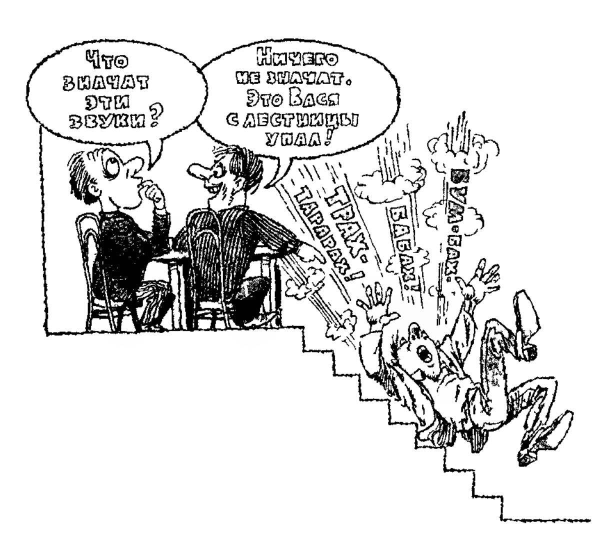
Системами являются любой механизм и любой живой организм, футбольная команда и армия, Земля и Вселенная в целом. Однако выделить системные свойства совсем непросто. Нужно выявить в изучаемом объекте структуру, описать все её элементы и — что особенно трудно — установить всё множество отношений между ними (или множество ролей). Для того чтобы адекватно выполнять свою роль, язык должен быть очень сложной системой. И только в XX столетии его начали изучать именно как систему.

понятно, что опасности больше нет; обозначаемое исчезло. И дети играют около этого обломка, некоторые даже взбираются на него — картинка их уже не пугает.

Нет условной и при этом устойчивой связи между обозначающим и обозначением — нет знака. Катя написала записку Николаю: «Я тоже по тебе соскучилась. Завтра буду тебя ждать на опушке нашей рощи. Там около дорожки одна берёза пожелтела... Вот около неё и встретимся». А уже сентябрь . Проснулся утром Николай, видит — за сутки жёлтых берёзок стало много, здесь и там. Всё-таки встретил он Катю, но пришлось побегать и поискать: знак оказался неудачным. Желтизна листьев — природное, естественное свойство берёзы осенью. Не по воле людей оно устанавливается, не по воле людей меняется. Итак, нет условной связи между обозначаемым и обозначающим — знак не работает. Значит, недостоин называться знаком.

Нет противопоставления другому знаку — нет знака. Немецкие фашисты во время оккупации Дании заставили всех евреев носить на рукаве повязку с шестиугольной звездой. Стало ясно, что, как и в других странах, они готовят здесь уничтожение евреев. Тогда король Дании и вся королевская семья надели такие нарукавные повязки. А завтра их надел весь народ. Повязка перестала быть знаком: исчезло отличие,





ЗНАКИ ДОВЕРИЯ

В Древнем мире использовались особые знаки доверия. Так, в Афинах был обычай дарить гостю в качестве знака доверия половину сломанного кольца, заключая тем самым союз гостеприимства. Этот знак напоминал его владельцу о другом человеке и договоре между ними. Складывая половинки кольца, их владельцы или те, кому они передали свои половинки, даже много лет спустя узнавали друг друга.

Знаки доверия служили своеобразным паролем. Так же как и слова-пароли, лингвисты выделяют их в особую категорию знаков — опознавательные знаки.

КЛЯКСА И БУКВА

Если сравнивать кляксу и букву, материальная природа которых одинакова и обе они доступны органам восприятия, то выясняется, что для характеристики кляксы все ее материальные свойства: и размер, и форма, и цвет, и степень жирности — одинаково важны. А для буквы важно лишь то, что отличает эту букву от других: ***а*** может быть больше или меньше, жирнее или слабее, может быть разного цвета, но это «то же ***а***», тогда как при различии этих признаков кляксы будут разные. Клякса ничего не значит, а буква значит, хотя и не имеет своего значения: ***а*** же существует для того, чтобы, различаясь с ***о, у*** и т. п., различать *стал* и *стол, стул* и т. п. У буквы же может быть существенно изменен ее материальный вид, например: а, *а*, А, *А* и т. д., но это то же самое, тогда как для кляксы изменения ее контуров приводят к тому, что это разные кляксы.

Дело здесь именно в том, что знак — это член определенной знаковой системы, для буквы — алфавитной и графической, тогда как любая клякса может «существовать» сама по себе и ни в какой системе не участвовать.

(По книге А. А Реформатского «Введение в языковедение».)

противопоставление другому знаку — отсутствию повязки По этой повязке фашисты уже не могли отличать свои жертвы, она различала теперь только гитлеровцев и граждан Дании.

Итак, каждый из четырёх признаков знака необходим. Без них знака нет.

КТО ЗДЕСЬ ХОЗЯИН

Вне договора знака не существует. Никто не может сам по себе решить: это значит то-то и то-то. Впрочем, решить, конечно, может, но общаться с помощью таких знаков вряд ли получится.

«...Значит, так: триста шестьдесят четыре дня в году ты можешь получать подарки на день нерожденья...

— Совершенно верно, — сказала Алиса.

— И только один раз на день рожденья! Вот тебе и слава!

— Я не понимаю, при чем здесь „слава"? — спросила Алиса.

Шалтай-Болтай презрительно улыбнулся.

— И не поймешь, пока я тебе не объясню, — ответил он. — Я хотел сказать: „Разъяснил, как по полкам разложил!".

— Но „слава" совсем не значит: „разъяснил, как по полкам разложил!" — возразила Алиса.

— Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше, — сказал Шалтай презрительно.

— Вопрос в том, подчинится ли оно вам, — сказала Алиса.

— Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин, — сказал Шалтай-Болтай. — Вот в чем вопрос!

Алиса вконец растерялась и не знала, что и сказать; помолчав с минуту, Шалтай-Болтай заговорил снова.

— Некоторые слова очень вредные. Ни за что не поддаются! Особенно глаголы! Гонору в них слишком много! Прилагательные попроще — с ними делай, что хочешь. Но глаголы себе на уме! Впрочем, я с ними со всеми справлюсь. Световодозвуконепроницаемость! Вот что я говорю!

— Скажите, пожалуйста, что это такое? — спросила Алиса.

— Вот теперь ты говоришь дело, дитя, — ответил Шалтай, так и сияя от радости. — Я хотел сказать: „Хватит об этом! Скажи-ка мне лучше, что ты будешь делать дальше! Ты ведь не собираешься всю жизнь здесь сидеть!".

— И все это в одном слове? — сказала задумчиво Алиса. — Не слишком ли это много для одного!

— Когда одному слову так достается, я всегда плачу ему сверхурочные, — сказал Шалтай-Болтай.

— Ах, вот как, — заметила Алиса.

Она совсем запуталась и не знала, что и сказать.

— Посмотрела бы ты, как они окружают меня по субботам, — продолжал Шалтай, значительно покачивая головой. — Я всегда сам выдаю им жалованье.

(Алиса не решилась спросить, чем он им платит, поэтому и я ничего не могу об этом сказать.)»

(Из книги Л. Кэрролла «Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье».)

НУЛЕВЫЕ ЗНАКИ

Знак в одиночку не существует. Верно ли это? На кнопке лифта горит огонёк, значит, он занят. А противоположное (лифт не занят, его можно вызвать) вроде бы никак не обозначается. Не горит огонёк, и всё. Получается, что нет знака? Но ведь отсутствие огонька значимо, оно само по себе уже знак. Следовательно, может быть такая система знаков: у одного обозначающее — какой-нибудь зрительный или звуковой сигнал, а у другого, противоположного, обозначающее — отсутствие такого сигнала. Называется это *нулевым знаком*. Значимое отсутствие знака тоже знак. И таких нулевых знаков множество.

На маяке перед штормом вывешивают флаг или воздушные шары А если шторма не ожидается? Нет штормового сигнала. Это значит: «Пока всё спокойно. Плывите без страха». Отсутствие знака — знак.

На дверях магазина плакатик «Обед» А потом его сняли. И покупатели повалили в магазин: отсутствие этого плакатика означает, что обеденный перерыв кончился. Нулевой знак.

Нет светофора у поворота — тоже нулевой знак: опасностей здесь немного

Получается, что у нулевых знаков нет обозначающих? Нет, это не так.

Подошёл к лифту, вижу — огонёк не горит. Значит, свободен... Задумали покататься на катере по морю, взглянули на маяк — штормовых сигналов нет. Значит, можно отправляться в плавание... Сижу в кресле, читаю, к двери (открывать её) не бегу. Я же слышу. никто не звонит...

НАУКА О ЗНАКАХ

Даже ничего не зная про какую-то знаковую систему, мы можем предсказать многие её свойства — просто потому, что это знаковая система. Наука, изучающая знаки и знаковые системы, объясняющая и предсказывающая их поведение, называется *семиотикой* (от *греч.* «semeîon» — «знак»). Придумал и саму эту науку, и ее название американский ученый Чарлз Сандерс Пирс (1839—1914). Основные книги и статьи Ч. С. Пирса были опубликованы после его смерти, так что семиотика как наука фактически появилась только в 30-х гг. XX в.

Лингвистика, с одной стороны, является одной из ветвей семиотики. С другой, поскольку язык — важнейшая из знаковых систем, можно считать семиотику частью лингвистики; неслучайно большинство понятий и методов семиотики — лингвистического происхождения.

ОЧЕНЬ НУЖНЫЙ ЗНАК

Нулевой знак не может существовать сам по себе, независимо от других, ненулевых знаков. Если во время приветствия кто-то не пожмет протянутую руку, это означает «не хочу здороваться» (обижен, знать не желаю и т. д.).

Нулевыми знаками являются пробелы между словами в написанном или напечатанном тексте, паузы между двумя последовательными световыми сигналами и т. д. В том, что нулевой знак именно знак, а не отсутствие знака, легко убедиться, если убрать нулевые знаки из сообщения. Часть информации сразу пропадет:

Безпробеловлюбойтекствоспринимаетсягораздохуже.

Вижу, взглянули, слышу.. Значит, есть обозначающее у нулевых знаков: то, что можно увидеть и услышать; противоположное другому знаку.

И в языке много нулевых показателей. *Иди! Пиши! Перепрыгни! Проглоти!* Повелительное наклонение; оно обозначено окончанием ***-и*** *Отрежь! Поставь! Не плачь! Ляг! Встань!* Окончания никакого нет. Верно ли? Неверно: повелительное наклонение обозначено нулевым окончанием.

Он был мастер рассказывать. Он станет мастером живописи. Он настоящий мастер. Три предложения отличаются временем сказуемого. Прошедшее и будущее обозначены глаголами-связками *был, станет.* Настоящее время распознаётся по отсутствию глагола, т. е. по нулевой связке.

Бывают и нулевые суффиксы, например у существительных со значением отвлечённого действия *(отлёт, пробег, разрез)* или отвлечённого признака *(муть, синь, гладь).*

Не всякое отсутствие — знак. Зимой люди выходят на улицу в шубе. А летом из дома выскакивают в комнатной одежде. Нужно ли считать, что летом у них «нулевая шуба»? Ни в коем случае. Просто они без зимней одежды и ничего не хотят этим обозначить. Это естественная связь между погодой и общепринятой одеждой.

Милиционер, чтобы выследить преступника, переоделся в штатское платье. Военная форма, милицейская, спортивная — всё это знаки; а этот сыщик как раз такого знака, такой узнаваемости хотел избежать. Можно сказать, что он избрал нулевой знак? Нет, нельзя. Он захотел слиться с людьми, чья одежда не имеет явного знакового характера, чтобы его не отличили от тех, кто не служит в милиции. Знак не может преследовать цель: «Пусть меня не замечают». Он ведь для того и существует, чтобы его заметили, даже если он нулевой.

САМЫЕ ГЛАВНЫЕ ЗНАКИ

Знаковых систем много. Но среди них есть главная. Это наш обычный, повседневный язык. Однако сначала надо доказать, что язык имеет знаковый характер.

Возьмём слово. Это единство обозначающего и обозначаемого. Звучание, последовательность звуков — это материальная данность, обозначающее (а на письме обозначающее — буквы). Значение слова — его обозначаемое: понятие или образ, т. е. мысль.

Итак, первое и второе условия, которые делают знак знаком, у слова существуют. Далее, есть и условная связь между значением слова и его звучанием.

Писатель Сергей Михайлович Третьяков в своей книге «Страна-перекрёсток» так писал о чешских словах: «Чешское слово *пушка* означает нашу *винтовку.* В свою очередь наша *пушка* по-чешски *дело.* Наше *дело* по-чешски *чин.* Наше *чин* по-чешски *годность.* И только слово *годность* переводится на чешский язык словом, которого у нас не имеется. А наше слово *подводник* значит (по-чешски) *шулер.* Уже возник на этой почве анекдот, как некий наш подводник возымел трудности при получении визы, ибо это обозначение профессии навело чехов на сомнения».

Как видно, звучание слова и его значение связаны друг с другом условно, а не природно. В одном языке — так, в другом — по-иному. В противном случае не нужно было бы учить языки: из звучания речи прямо вытекало бы

её значение. Удобно, но одновременно человечество лишилось бы великого богатства — разнообразия языков.

И конечно, слово не действует «в одиночку». Каждое слово соотнесено с другими словами. (Это четвёртая особенность знака.) Представьте себе: в многолюдном обществе некто вдруг остановился и громко, внушительно сказал: *Простокваша!* Сразу посыпались бы вопросы: *Зачем тебе простокваша? Где ты видишь простоквашу? Какая простокваша? Ты голоден? Кого ты обозвал простоквашей?* (т. е. люди потребуют, чтобы тот, кто произнёс это слово, связал его с другими словами, ввёл знак в круг других знаков).

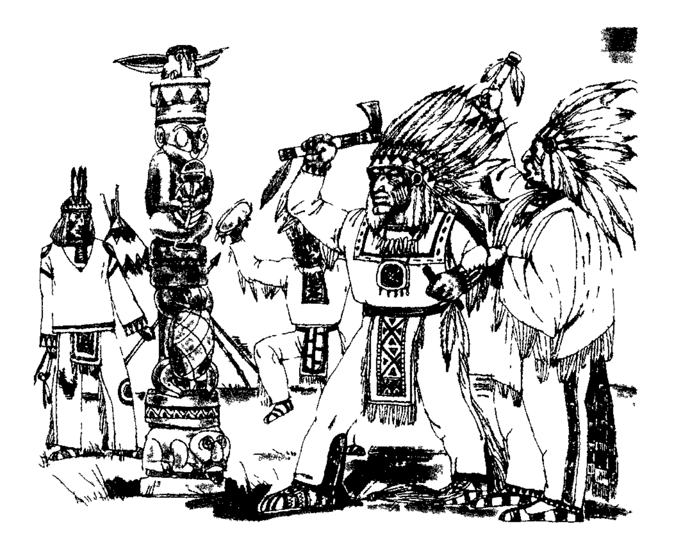
Не только слова — знаки. Знаками могут быть и предложения, и целые тексты. В широком смысле слова «Война и мир» Льва Толстого тоже большой, продолжительный, захватывающий знак.

Есть ещё интонация — повышение и понижение тона звуков во время речи. *Ты знаешь...* с одной интонацией — утверждение, *Ты знаешь?* с другой — вопрос. Разные интонации в живой речи — знаки. Легко у них найти обозначаемое и обозначающее. Тембр живой речи (ласковый, сердитый, требовательный, заискивающий, насмешливый) тоже знак.

Итак, язык, несомненно, знаковая система.

Чем же язык уникален, необычен и чудесен, почему он — главная система?

Язык — *универсальная знаковая система*. Он универсален по отношению ко всем остальным знаковым системам. Любой знак любой системы может быть «пересказан» средствами языка. Любая знаковая система может быть изложена, перетолкована, объяснена с помощью языка. Уличная сигнализация? Новичку, не знающему дорожных знаков, её всегда объясняют словами. Любая игра? Учат в неё играть опять же словами.



Знаковые системы могут быть самыми разными.

Новобранец, может быть, и не взял в толк все воинские знаки различия, то и дело попадает впросак, но ему разъясняют их, и здесь поможет не столько гауптвахта, сколько человеческая речь.

Итак, универсальность языка в том, что он может быть использован для введения в любую знаковую систему, он служит для освоения, для понимания других (любых!) знаков.

Язык универсален ещё и потому, что охватывает весь мир: и тот, который вокруг нас, и тот, который внутри нас. «Не мёд, а ко всему льнёт» — народная пословица о слове. Язык способен обозначать всё: явления природы, общественные события, тончайшие и глубочайшие нюансы пе-

ПОДПИСЬ

Интересным знаком является подпись — особая запись фамилии или имени. У каждого подпись своя. Человек подписывает свои письма, подтверждая, что написал их именно он. С той же целью художник подписывает свои картины. Может ставить подпись на документах свидетель или участник договора. Учитель, ставя оценку на письменной работе, как правило, расписывается рядом, и это означает, что именно он поставил пятерку или двойку. Все подписи индивидуальны, и каждая принадлежит только одному человеку. Никто не имеет права использовать чужую подпись. Копирование чужой подписи называется подделкой.

Омонимия подписей могла бы привести к неприятной путанице — и приводила! Раньше неграмотные крестьяне, подписывая какой-то документ, вместо подписи ставили крест. Конечно, опознать «свой крест» и отличить его от других омонимичных было довольно трудно. Этим часто пользовались для обмана — подделки подписи.

реживаний. Он может творить чудеса. Правда, для этого язык требует умелого обращения с ним.

Такая всеохватность языка определила особый характер его знаков. У них и обозначающее, и обозначаемое необычны. Обозначающее в языке — звуки. Вибрация воздушной среды. Звуки, во-первых, ничего не весят. Нельзя надорваться, перенося их. Во-вторых, звуки нельзя забыть дома, потерять, их невозможно украсть. В-третьих, они могут производиться в неограниченном количестве. Где человек, там непременно есть и воздух. Говори сколько хочешь, порождай звуковые волны. Эти три качества языковых знаков уникальны, ни в одной другой системе нет таких обозначающих.

Привезли на грузовике огромный камень. С помощью подъёмного крана установили около дороги. Это — в память какого-то важного события. Знак: обозначающее — камень, обозначаемое — память. Такое обозначающее с собой не захватишь; да и вообще знаки обычно имеют весомое материальное обеспечение. Светофор тоже привозят на грузовике. Дорожные шахматы на что уж легки, но и те что-то весят. И можно их забыть дома.

Встретились два приятеля, задумали поговорить... да не смогли: забыли свой родной язык дома! Или потеряли по пути. Сами слова, их звуковые вибрации. Так и промолчали всю встречу... Вздор, конечно. Такие замечательные обозначающие в языке: они всегда при себе у всякого говорящего. И они невесомы: надорваться, перемещая их в пространстве, невозможно. Да и зачем переносить: их в любом месте можно производить заново.

Особый характер в языке имеет и обозначаемое. Знаков в языке — огромное количество, слов — несколько сотен тысяч, а предложений и вовсе нескончаемое множество. Тех, которые были высказаны, и тех, которые ещё будут... Чтобы не заблудиться в таком изобилии знаков, мир языка снабжён указателями. Языковой знак — слово — является сложным. Оно всегда состоит из двух частей, за которыми скрываются разные пласты знаний. Одна часть слова обращена к миру, ко всей бескрайности вещей, действий, чувств, признаков, состояний, мыслей. А другая часть обращена к самому слову, она показывает, как его употреблять. Она-то и не даёт говорящему заблудиться в мире языка. Например: *На горной лужайке пастухи пасут коз.* В слове

Любой знак любой системы
может быть пересказан средствами языка

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ЗНАКИ

Знаки бывают разными. Они по-разному создаются, по-разному устроены, у них могут быть непохожи форма и содержание, тип ситуации, в которой они используются, и многое другое. На основании всего этого знаки можно объединять в различные группы, т. е. классифицировать.

Знаки могут быть *простыми* и *сложными* в зависимости от того, можно или нельзя выделить в них более простые элементы, также являющиеся знаками. Сложные знаки членятся на простые, а простые уже нечленимы. В языке это звуки, точнее фонемы.

Среди неязыковых знаков тоже бывают простые и сложные. Например, у светофора три света: красный, жёлтый и зелёный. Это знаки. Их формой является цвет, и каждому цвету соответствует своё значение. Красный запрещает идти или ехать. Очевидно, что этот знак невозможно расчленить на простые знаки. Поэтому он простой. Пример сложных знаков — погоны военных. Они состоят из простых знаков — звёздочек и полосок.

Возможна и другая классификация знаков — по их употреблению. Одни знаки могут использоваться сами по себе. Их называют самостоятельными, или *свободными*. Другие, несамостоятельные, или *связанные*, знаки отдельно не употребляются, они всегда появляются вместе с какими-то другими знаками. Самостоятельные знаки — это слова, словосочетания и предложения, а среди неязыковых знаков — это погоны, дорожные знаки, деньги и многое другое. К несамостоятельным знакам в языке относятся, например, служебные слова, приставки, суффиксы. Несамостоятельными знаками являются и цифры на денежной купюре. Они передают определённый смысл: количество товара, который можно купить на эти деньги. Но без самой купюры цифры в этом значении не употребляются.

ИСКУССТВО И ЯЗЫК

Правильно ли считать язык универсальной знаковой системой? Весь ли мир он обнимает и все ли знаковые системы могут быть выражены его средствами? Например, музыка. Ведь её-то словами не перескажешь. «Расскажи мне эту симфонию Сергея Прокофьева. Хочу понять, что ты в ней нашла. Про что она? О чём эта музыкальная фраза, такт?» Невозможно! Слово неспособно «объяснить» музыку, передать её суть.

И это надо сказать обо всех произведениях искусства. Содержание их, обаяние их нельзя полностью перевести в слова. Искусство тоже знаковая система. Недаром музыка восточных народов может быть непонятна европейцу: знаковая система чужая. Однако искусство больше, чем знаковая система. Оно воздействует во многом непосредственно, а не потому, что мы так условились: при таких-то звуках — загрустить, при таких-то — заволноваться...

Есть немало случаев, когда сочетаются эти две стихии: знаковая и незнаковая. Искусство именно такой случай. Незнаковое в нём нельзя пересказать средствами языка. Литература тоже содержит в себе незнаковую часть, запечатлевая переживания людей, их веру и чаяния.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДОГОВОРУ

Часто условия общественного договора формулируются в явном виде, и тогда все его участники знакомятся с ними. Так, смысл дорожных знаков описан в специальной книге, и все автомобилисты должны сдать экзамен на их знание.

Иначе устроена система договора для естественных языков. Родному языку учатся с раннего детства, постепенно и незаметно. Однако для естественных языков тоже существуют книги, в которых описано содержание общественного договора. Это учебники, словари и грамматические справочники. Из них можно узнать, как правильно произносить и писать слова, что эти слова означают и как из них составляются фразы. Такие книги знакомят с правилами языка и тем самым — с условиями общественного договора. Они предлагают присоединиться к соглашению, которому люди, говорящие на данном языке, следуют уже много веков. Выучить язык означает как бы поставить свою подпись под общественным договором.

СИНОНИМЫ И ОМОНИМЫ

В современной денежной системе России есть и монета достоинством в пять рублей, и пятирублевая бумажная купюра Эти знаки — *синонимы* (от *греч.* «synōnymos» — «одноименный») Два знака одной знаковой системы называются синонимами, если их содержание полностью или почти полностью совпадает, а формы различаются.

В арифметической системе синонимичны два знака умножения: точка и косой крест Синонимичны также записи дробей 0,5 и 1/2.

В знаковой системе одежды синонимами можно считать такие предметы мужского гардероба, как галстук и бабочка. Оба этих знака указывают на официальность ситуации, в которой они используются Однако синонимия здесь не полная, поскольку бабочку надевают, как правило, в более торжественных случаях, к смокингу или фраку В галстуке люди ходят на работу или, например, в музей, а бабочка в этих случаях, напротив, неуместна.

Синонимия свойственна и языку жестов Например, жесты «показать нос» и «высунуть язык» синонимичны. Оба они обозначают поддразнивание

Нет ни одного естественного языка, в котором не было бы синонимов Синонимичными могут быть морфемы в словах *учи**тель**, точиль**щик**, дириж**ёр***; определения *грустный, печальный*, целые высказывания — *Не могли бы вы открыть окно?* и *Откройте, пожалуйста, окно.*

Зачем нужна синонимия? Почему некоторые системы прекрасно обходятся без нее, а в других она широко распространена? Какова её роль в этих системах, помогает или мешает она общению?

Синонимия характерна прежде всего для знаковых систем со сложной структурой и специальными правилами построения сложных знаков из более простых. Благодаря синонимам один и тот же смысл можно выразить по-разному. Это особенно важно, когда требуется не просто передать информацию, но сделать это красиво и удобно. Синонимия позволяет делать общение более сжатым и эффективным и в любом случае — более богатым.

Синонимия в математике позволяет значительно укоротить длину формул и математических текстов. Синонимия денежных знаков облегчает оплату как больших и дорогих покупок, так и мелких. Проще заплатить за дорогую покупку одной купюрой, чем сотней мелких монет.

Когда в знаковой системе много неточных синонимов, это увеличивает ее возможности. Подбирая разные синонимы, можно выражать тонкие оттенки смысла. Так, в языке одно и то же содержание можно передать вежливо и оскорбительно, изяшно и грубо, нежно и подчеркнуто официально.

Наконец, известно, что содержание запоминается лучше, чем форма. Поэтому легче передать какой-нибудь текст своими словами, чем заучить его наизусть и повторить буквально. Представьте себе письмо длиной в одну-две страницы, которое вы хотите пересказать другу. Не будете же вы учить его наизусть! Гораздо проще, используя любые синонимы, изложить содержание письма в нескольких фразах.

* * *

Возможна обратная ситуация: у знаков формы совпадают, а содержание различается. Такие знаки называются *омо́нимами* (от *греч.* «homós» — «одинаковый» и «ónyma» — «имя»).

Есть в русском языке разговорное выражение *дело — труба*, которое означает 'ситуация очень плохая'. Однако если трубочист говорит: *Мое дело — труба*, то возникает омонимия; он может иметь в виду и свои профессиональные занятия. Омонимичными могут быть самые разные единицы языка: приставки ***пере**делать* и ***пере**прыгнуть*; окончания *рук**а*** — женский род, единственное число; *дом**а́*** — мужской род, множественное число; слова *лук* (оружие) и *лук* (овощ).

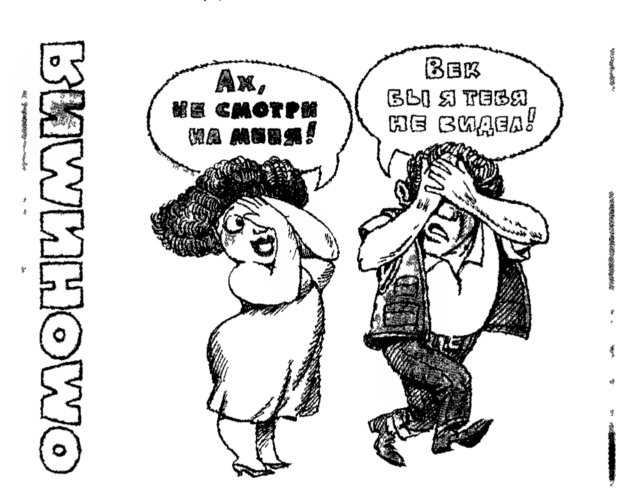
Жесту «похлопывание по плечу» также соответствует несколько значений. Так, можно похлопать по плечу, чтобы привлечь внимание, хлопнуть по плечу в знак одобрения и похлопать по плечу, чтобы подбодрить. Когда человек закрывает лицо руками, он либо сам не хочет что-то видеть, либо не хочет, чтобы видели его лицо. Это тоже два омонимичных жеста.

Омонимия встречается гораздо реже синонимии, а во многих знаковых системах ее просто нет. Она может затруднять понимание — ведь одна и та же форма означает разные вещи, и неясно, что имеется в виду. Поэтому совпадающие у разных знаков формы обычно мешают знаковой системе работать.

Однако говорить, что омонимия — вещь вредная, не совсем справедливо. Она позволяет выразить больше содержаний, особенно если набор форм ограничен (как в случае с окончаниями). Да и путаница знаков в жизни возникает очень редко, так как слушающий хорошо понимает, какой из омонимичных знаков используется в каждом конкретном случае. Сравните три омонима: *коса* 'узкая полоса суши, уходящая в сторону моря', *коса* 'заплетенные волосы', *коса* 'сельскохозяйственное орудие труда, используемое для срезания травы'. Перепутать их в речи довольно трудно. Они связаны с совершенно непохожими ситуациями общения и темами разговора и, кроме того, сочетаются с разными словами. Словосочетания *девичья коса, заплести косу* — про волосы. *Острая коса, наточить косу, коса сломалась* — про орудие труда. *Песчаная коса, проплывать мимо косы* — точно про часть суши.

Также легко различить *железнодорожный* и *зубной мосты, электрическую* и *столовую вилки, спортивную команду* и *команду-приказ*. Трудно спутать и такие омонимы-глаголы, как *гладить* (по голове) и *гладить* (брюки), *сажать* (в тюрьму) и *сажать* (цветы).

Омонимичными бывают и сочетания знаков. Сочетание слов *переводы Лермонтова* может означать две различные вещи: либо переводы, которые сделал сам Лермонтов, либо переводы его произведений, выполненные кем-то другим.

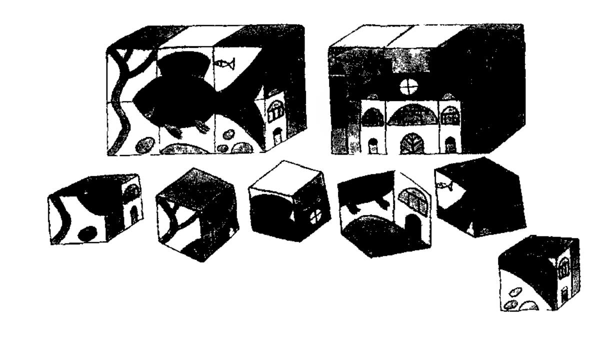


БЕЗ ГРАММАТИКИ — НИКУДА

Существуют необычные для европейцев изолирующие языки. Например, вьетнамский. У них в слове нет частей — грамматических указателей. Что же, у них нет грамматических значений? Грамматика есть во всяком языке. И в изолирующих языках есть не только лексические, но и грамматические значения. Но выражены они по-своему. Например, местом, которое занимает слово в предложении. Стоит слово на первом месте — знак того, что оно исходное, все остальные слова в предложении его обслуживают. Оно — подлежащее.

Впрочем, можно было бы и не ездить так далеко — во Вьетнам: и в русском языке есть случаи, когда порядок слов помогает передать грамматическое значение. *Мать любит дочь. Дочь любит мать.* Излучает действие первое слово, оно — подлежащее. Воспринимает действие — слово после глагола, оно — дополнение. И в слове *мать*, и в слове *дочь* совпадают окончания именительного и винительного падежей, они нулевые. Грамматически разобраться в предложении помогает порядок слов. Подлежащее и здесь грамматически противопоставлено дополнению. Грамматика всюду выступает на равных правах с лексикой.

пастухи часть ***пастух-*** обращена к миру, который нас окружает, а часть ***-и*** сообщает, что это слово — главное в предложении, все остальные прямо или косвенно (с помощью других слов) относятся к нему. Слово *пас-ут* первой своей частью называет действие, о котором идёт речь, а вторая, ***-ут,*** свидетельствует: оно относится к слову *пастухи.* В слове *коз* часть ***коз-*** как бы выхватывает предметы из внешнего мира, а нулевое окончание заявляет: это слово связано со словом *пасут. На лужайке:* служебное слово, предлог *на,* и окончание существительного — знаки того, что слово *лужайке* относится к глаголу. Наконец, *горной* тоже имеет два значения: речь идёт о том, что дело происходит в горах и что прилагательное связано со словом *лужайке.*



Итак, в языке знание о мире постоянно сопровождается знанием о том, как употребляется данный знак. Первая часть (знание о мире) называется *лексической,* вторая (знание о слове) — *грамматической.* Не будь этой части, наставляющей, как употреблять слова, мы бы потонули в неразберихе, в хаосе знаковых единиц языка.

Двуличным быть непохвально. Но слово двулико в хорошем смысле: оно обращено одним своим значением к миру, который оно как знак отражает, воплощает, создаёт, а другим своим значением обращено к самому языку

Представьте себе два набора цветных детских кубиков. В одном наборе они разных цветов, из них можно в любом порядке складывать какие угодно узоры. А в другом наборе иначе: если сложить его кубики правильно, то

ПИСЬМО И ЖЕСТ

Главное обозначающее в языке — звуковое. Однако есть и другой тип обозначающего — письмо. Оно развёрнуто в пространстве и хранится во времени. Звуковая речь — для участия в текущей ситуации, для мгновенной реакции. Письмо — для преодоления, покорения времени. Оно — речь не только здесь и сейчас, но и завтра, через век, всегда. Египетские пирамиды сохранили до наших дней написанные иероглифы, преодолев пропасть в 4 тыс. лет!

Пишу — могу перечитать, исправить написанное, могу через день или год вернуться к тексту и изменить его, внести то, что заново передумал. Это важное достоинство письма — победа над временем.

Еще один тип обозначающего в языке — жест. Разговаривая, люди часто помогают себе руками. Правда, есть пословица «Что словом не расскажешь, то и пальцем не растычешь». У нас «жестовое сопровождение речи» имеет второстепенное значение. Однажды психологи провели эксперимент. Опытным ораторам сказали: «Будете выступать — положите обе руки на трибуну и не двигайте ими». Большинство участников эксперимента не утерпели, стали жестикулировать; оказалось, что если руки держать неподвижно, то и слова «спотыкаются».

Совсем иное дело — языки индейцев Северной Америки и аборигенов Австралии. У них есть обычные, звуковые языки — у каждого племени свой. И есть язык жестов для межплеменного общения с сотнями знаков — жестовых слов — и со своей грамматикой. Она выражается порядком следования жестов: обычно в начале — жестовое слово о предмете речи (подлежащее), затем в твёрдо закрепленном порядке следуют другие жестовые члены предложения.

ИГРА «ЧОП»

В языке и других знаковых системах есть знаки, которые могут менять свое значение по воле употребляющего их человека. Во многих карточных играх используется особая карта — джокер — с изображением шута. Игрок, имеющий джокера, может присвоить ему значение любой другой карты. В языке типичные джокеры — местоимения, ведь во время разговора, например, слова *я* и *ты* обозначают по очереди то одного, то другого собеседника.

* * *

На явлении переменных знаков построена очень интересная игра. К сожалению, сыграть в нее по-настоящему — в роли отгадывающего — можно только один раз в жизни. Впрочем, немало радости она доставляет и когда вы следите за напряженными интеллектуальными усилиями друзей.

В начале игры выбирают того, кто будет водить — отгадывать. Это должен быть человек (ещё лучше два человека), никогда раньше в ЧОП не игравший. Ему объясняют правила игры: задавая вопросы остальным, нужно догадаться, что обозначает задуманная ими аббревиатура, например МГУ — Московский государственный университет. Вопросы должны быть такие, на которые можно ответить «да» или «нет». Нельзя задавать вопросы по составу аббревиатуры (например, угадывать буквы в ее словах).

После этого отгадчик выходит за дверь. Загадывается аббревиатура ЧОП — ***Ч**еловек, **О**тветивший **П**оследним*. То есть каждый, отвечая на вопрос, будет иметь в виду, что ЧОП — тот, кто ответил перед ним. Обычно довольно быстро выясняется, что ЧОП — это человек, затем — что он находится среди присутствующих, и вот тогда-то начинается самое интересное. ЧОП оказывается то девочкой, то мальчиком, то блондином, то брюнетом, сидит то у окна, то в углу. Рано или поздно ответ находится. Можно поздравить человека, сумевшего справиться с ЧОПом: это человек с развитым мышлением, способный искать решение упорно и последовательно, находить логику даже в том, что представляется полным абсурдом. Часто загадывают другую аббревиатуру подобного типа, несколько проще, — МПС (***М**ой **П**равый **С**осед*).

вместе они образуют рисунок. Линия на одном кубике продолжается на другом, цвет с одного кубика переходит на другой, соседний. Кубики сами показывают, в каком порядке их надо складывать Язык похож на этот второй набор. слово показывает своей грамматической частью, что оно дополняет, продолжает, определяет, разъясняет другое слово.

ЛЮБИМЫЕ ЗАНЯТИЯ ЯЗЫКА

У языка два назначения, две работы. Служить *общению* людей И быть *средством мысли*.

Если соберутся несколько человек и начнут общаться, то между ними сразу появится «невидимка» — язык. Он объединяет людей, дарит им возможность взаимопонимания. Представьте, что люди лишились языка. Не могут говорить, понимать речь, читать, писать. Они немедленно опустились бы на уровень коров, кошек и зайцев. Человеческое общество прекратилось бы, началось стадо. Человеку необходимо общение с другими людьми

Когда говорят об этой важной функции языка — быть средством общения, на первый план выдвигается обозначающее, т. е. то, что мы непосредственно воспринимаем. Оно делает речевое намерение явным, доступным для других. Но важен и весь знак целиком, вместе с обозначаемым, явным ведь делается определённый смысл.

Язык служит и для мышления. Знаки языка имеют обозначаемое: понятия и представления, всё это — мысль. Знаки языка позволяют соединять значения, строить из них рассуждения, сопоставлять их — мыслить Даже если я мыслю не вслух, а про себя, все равно мои мысли должны быть как-то явлены мне самому, иметь обозначающее, а значит, и здесь нужен язык.

Когда говорят о функции языка — быть средством мысли, то на первый план выдвигается обозначаемое, т. е мысль. Но при этом опять-

таки важен весь знак целиком. Без обозначающего мысль была бы неясной не только для других, но и для самого мыслителя. Поэтому-то людям и грозил бы уровень коров и зайцев.

Язык как средство общения — это мышление «на людях», для всех. Язык как средство мышления — это общение с самим собой, внутренний диалог, спор с собой, согласие. Эти назначения языка связаны неразрывно.

Между людьми всегда присутствует «невидимка» язык

Без языка никакая мысль невозможна

Самый простой разговор обычно — обмен мыслями:

— *Ты сегодня пойдёшь в булочную?*

— *Нет, у меня есть батон.*

— *А мне нужно... Хотя дождь...*

— *Я тебе могу дать полбатона, мне до завтра хватит.*

— *Спасибо, хорошо как! В такую погоду не хочется выходить...*

В этом простом житейском разговоре много мыслей. Здесь и оценка реальности, и надежда на помощь, и доброжелательное участие, и благодарность, и выражение товарищеской близости между людьми. Попробуйте поговорить с кем-либо, не выразив ни одной мысли.

Конечно, мысль рождается в голове отдельного человека. Но родившись, она требует жизни, ей нужно существование, достойное мысли. Ею надо действовать, её надо высказывать, объяснять, истолковывать, уточнять, совершенствовать, доказывать и оспаривать, подтверждать и отрицать; нужно приводить новые аргументы «за» и «против» неё. Без этой естественной жизни мысль не существует.

Поэтому все тираны, ненавидящие живую мысль, избирают простой и надёжный путь её уничтожения: разрешают высказывать мысль, только им, тиранам, угодную. Они говорят: «У нас свобода мысли Думайте что хотите, но высказывать можно только то, что мы позволим». Так прекращается мысль. Она существует только тогда, когда выбрана из многих мыслей и свободно передана другим людям. Лишить людей возможности свободно общаться, обмениваться мыслями — значит лишить их мысли.

Так связаны эти две важнейшие функции языка

Есть у языка и другие назначения. Например, *экспрессивная* функция. Говорящий выражает — не только словами, но также интонацией, тембром, темпом речи — своё отношение к тому, что сообщается в высказывании, и к ситуации, в которой происходит разговор. Радость при встрече, приветливость, расположение, дружеское участие или, наоборот, недоброжелательность, отчуждённость, раздражение, вражда — это огромное множество оттенков выражается во всех языках, хотя и по-разному. Каждый язык выделяет свои особые средства для их выражения.

Есть очень важная *игровая* функция языка. Языком тоже можно играть. Притом это такая игрушка, которая не изнашивается и не стареет... Когда папа читает ребёнку сказку Корнея Чуковского:

> *Выходила к ним горилла,*
> *Им горилла говорила,*
> *Говорила им горилла,*
> *Приговаривала...*

или стихи Самуила Маршака:

> *Во что бы то ни стало*
> *Мне надо выходить...*
> *Нельзя ли у трамвала*
> *Вокзай остановить,*

то и ребёнок, и взрослый наслаждаются звуковой и словесной игрой, радуются, смеются...

Есть *поэтическая* функция языка: создаются произведения, где язык становится художественной ценностью. С помощью языка создаётся прекрасное.

Роман Осипович Якобсон, известный лингвист, говорил и о *магической,* заклинательной функции языка. Отсутствующее лицо считается участником диалога. Могущественный собеседник слушает речь заклинателя и благосклонно отвечает на неё действием:

Вода-водица, река-царица, заря-зарница!
Унесите тоску-кручину за сине море,
в морскую пучину!

И может быть, река унесёт тоску-кручину... Если собеседник не отвечает на просьбу заклинателя, значит, не хочет. Как бы то ни было, че-

Множество оттенков чувств выражается с помощью языка.

ловек, который заклинает, использует язык явно с магической целью: получить помощь от могущественных сил.

Назначения языка многочисленны, но в основе их всё-таки лежат две главные функции: быть средством общения и средством мысли.

ЕДИНИЦЫ СЛАГАЮТСЯ В МИЛЛИОНЫ

Язык подобен многоэтажному зданию. Его «этажи» — единицы: звук (фонема), морфема, слово, словосочетание, предложение, текст. И каждая из них занимает своё место в системе, каждая выполняет свою работу.

ЗВУК

Звуки мы слышим и произносим — это единицы восприятия речи. Они относятся к обозначающей стороне языкового общения. Смысла у отдельного звука нет. Предлог *у* значим. Так ведь значение имеет предлог, а не звук. Союз *а* имеет значение, но в качестве союза, а не звука.

Поэты любят искать смысл у звуков. Велимир Хлебников написал стихотворение, в котором хотел выразить звуками зрительное впечатление, нарисовать портрет. Звуки в нём передают цвета:

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

Здесь *бобэоби* вызывает образ алых губ, *вээоми* — синих или серых глаз, *гзи-гзи-гзэо* — золотых звеньев цепочки... Но даже если стихотворение и удалось (как у Хлебникова), то цветовое осмысление звуков так и остаётся в нём, не выходит за его пределы, в язык, не становится обязательной для всех оценкой звука.

Звуковая сторона языка устойчива. За тысячу лет в русском языке получили полноправное бытие всего два новых звука (они вошли в язык в XIV в.): [ф] и его собрат — мягкий согласный [ф']. Тысячи слов появились за это время, а звуков — только два.

Это не значит, что звуковая стихия языка неизменна, но изменения в ней протекают медленно, скрыто, незаметно.

Законы произношения, живые звуковые связи в слове очень жёсткие; они не знают исключений. В современном русском языке есть такой закон: перед согласными ***ч*** и ***щ*** (они в русском языке мягкие: [ч'], [щ']) может произноситься только мягкий [н'] — не твёрдый: *дива*[н'ч']*ик, шарма*[н'щ']*ик*. «А я вот возьму и произнесу!» Но дело не в «возьму и произнесу!», а в том, что непременно, обязательно реализуется в обычной, естественной речи, во всех словах с сочетанием ***н + ч, н + щ***. В этом-то и сила живых фонетических законов: они не знают исключений.

Сравните слова в двух столбцах:

*ко**н**цы — ко**н**чик;*
*ко**н**цы — ко**н**чено;*
*бараба**н** — бараба**н**чик;*
*стака**н** — стака**н**чик;*
*бараба**н** — бараба**н**щик;*
*обма**н** — обма**н**щик.*

В левом столбце согласный [н] твёрдый. Рядом с ним нет ни [ч'], ни [щ']. В правом столбце — всегда мягкий [н'] перед мягкими [ч'] и [щ']. Здесь вслед за [н] идёт мягкий согласный — либо [ч'], либо [щ']. Они-то и «заражают» предшествующий [н] мягкостью, да так, что ни в одном слове с таким сочетанием согласному [н] не избежать мягкости.

Итак, звуковая сторона языка обладает огромной устойчивостью. Законы произношения гораздо более категоричны, чем законы грамматики. Они реализуются в речи с полной ясностью и определённостью. Поэтому многие законы языка сначала были открыты в области фонетики, и это помогло установить подобные законы в грамматике.

МОРФЕМА

Морфема (от *греч.* «morphḗ» — «форма») — мельчайшая частица смысла в языке. Она передаёт простое понятие или представление и как смысловая единица дальше нечленима.

Есть слова из многих морфем: *тепл-о-воз-о-стро-и-тель-н-ый.* И существуют слова из одной морфемы: *там.* Как же работают морфемы? Какие у них заслуги в языке?

Вот начало восточной сказки: У царя Цит Цвань-тона и царицы Бир Тумы родился сын. Назвали его Фас Тум-бахом. Но злодей Тви Хабул-рыз похитил его; он решил захватить власть у Цит Цвань-тона, а наследник ему мешал. Тви Хабул-рыз увёл Фас Тум-баха в лес, к своей сестре Ти-визуме, чтобы она его извела. Однако Ти-визума мальчика изводить не стала. Она отправилась с Фас Тум-бахом в лесную хижину, к отшельнику Ку Таву-шиму и попросила его беречь мальчика. А вязаный поясок Фас Тум-баха оставила себе. Ку Таву-шим обучил Фас Тум-баха охотиться на зверей, добывать себе пищу и одежду... Тви Хабул-рыз проник в свиту Цит Цвань-тона и стал выжидать случая убить его. Однажды в лесу, когда Цит Цвань-тон охотился, Тви Хабул-рыз улучил момент и выстрелил в него из лука. Он бы убил Цит Цвань-тона. Но Фас Тум-бах тайно, из-за деревьев, наблюдал за царём и его свитой. В миг, когда стрела Тви Хабул-рыза готова была сорваться и полететь в Цит Цвань-тона, Фас Тум-бах выстрелил, ударил стрелой в руку Тви Хабул-рыза. Стрела злодея полетела в сторону и не попала в Цит Цвань-тона. Но среди спутников Цит Цвань-тона прошёл слух: ранили человека из свиты царя, Тви Хабул-рыза! Фас Тум-баха схватили, вот-вот казнят... Решили, что он целил в Цит Цвань-тона. Напрасно Ку Таву-шим (он был в свите царя) говорил, что Фас Тум-бах невиновен, что он, напротив, спас Цит Цвань-тона. Не верят. Но тут, в последний момент, прибежала Ти-визума, показала поясок Фас Тум-баха, который она сохранила. По этому пояску, связанному самой Бир Тумой, Цит Цвань-тон узнал своего похищенного сына, поверил в его невиновность, а Тви Хабул-рыза прогнали...

Трудно читать, верно? Как-то путаешься в этих тви-бабахах. А теперь тот же рассказ, но с другими именами. У царя Курноса и царицы Величавы родился сын. Назвали его Ясноглазом. Но злодей Перегрызец похитил его; он решил убить Курноса, захватить власть, а царевич ему мешал. Перегрызец увёл Ясноглаза в лес, к своей сестре Белянке, и приказал ей извести мальчика. Однако Белянке царский сын понравился, и она отправилась с Ясноглазом в лесную хижину, к отшельнику, меткому охотнику Луконосцу. А поясок Ясноглаза оставила себе. «Сбереги и обучи его», — сказала Белянка Луконосцу. Отшельник так и сделал: Ясноглаз научился у Луконосца метко стрелять, добывать себе пищу и звериные шкуры для одежды... Перегрызец проник в свиту Курноса, стал выжидать случая, когда он сможет убить царя. Однажды в лесу, когда Курнос охотился, коварный Перегрызец улучил момент и выстрелил в него из лука. Он

бы убил Курноса. Но Ясноглаз, который из-за деревьев скрыто следил за царём и его свитой, спас царя. Чуть-чуть не сорвалась с тетивы смертельная стрела Перегрызца, но Ясноглазец успел ударить стрелой из своего лука по руке злодея; стрела у того полетела в сторону и не попала в Курноса. Но среди спутников царя переполох: какой-то незнакомец ранил Перегрызца, человека из свиты Курноса! Ясноглазца схватили, ему грозит казнь. Решили, что он целил в Курноса. Напрасно Луконосец, который сопровождал царя, уверял, что Ясноглаз невиновен, что он, напротив, спас царя.

Но тут прибежала Белянка, показала поясок Ясноглаза, связанный самой Величавой. Курнос узнал поясок, а по нему и своего похищенного сына, поверил в его невиновность. Перегрызца в толчки прогнали, а лук и стрелы отобрали.

Гораздо легче стало читать и понимать! Почему? И в первом, и во втором варианте имена персонажей состоят из частей. Но в первом варианте эти части — не морфемы: в русском языке они не имеют значения. В имени *Фас Тум-бах* части *фас, тум, бах* не имеют смысла (поэтому их и нельзя считать морфемами). Так что каждое имя в целом тоже не имеет значения. Их трудно запомнить, трудно отличить, где кто.

Во втором варианте имена тоже членятся на части, но эти части — морфемы: *Ясноглаз* = ***Яс + н + о + глаз.*** Сравните, например, *ясь: «Но странная из солнца ясь струилась»* (В. Маяковский); *яс-**н**-ый, лес-**н**-ой, груз-**н**-ый...* Здесь ***-н-*** — суффикс прилагательного; *Ясн-**о**-глаз, скал-**о**-лаз, груз-**о**-воз*: часть ***-о-*** показывает, что с обеих сторон у неё — равноправные морфемы: корни. ***глаз**... **глаз**-а... **глаз**-н-ой.* Корень

Перегрызец = ***Пере + грыз + ец...*** Сравните: ***пере**-грызу, **пере**-пилю, **пере**-рублю; пере-**грыз**, за-**грыз**, над-**грыз**; перегрыз-**ец**, удал-**ец**, пис-**ец**, лов-**ец**...*

Итого в слове *перегрызец* четыре осмысленные морфемы! (Тот, кто удивился, почему четыре, забыл про нулевое окончание существительного в именительном падеже единственном числе.) И другие имена персонажей тоже членятся на морфемы. Они понятны и легко запоминаются.

Так вот в чём заслуга морфем, их работа! Они переходят из слова в слово, сохраняя своё значение, и тем самым помогают нам понимать слова, различать их по смыслу, запоминать.

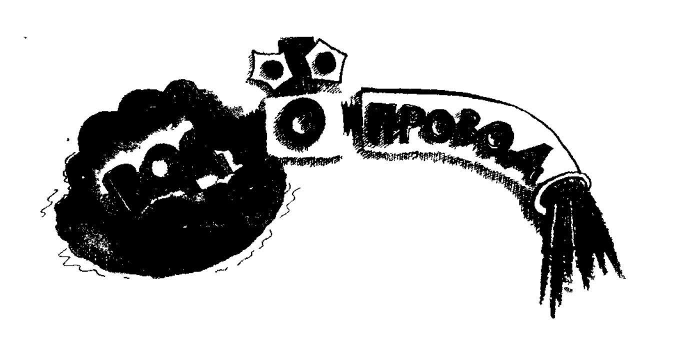
И ещё морфемы умеют не мешать. Если слово давно известно и понятно, морфемы не лезут на первый план, не напоминают о своём отдельном значении. Они скромно довольствуются тем, что входят в общее значение слова.

Что такое *водопровод?* Это — откроешь кран, и вода... Нет необходимости помнить: *проводит воду. Небоскрёб...* Можно, употребив это слово, заметить метафору: здание такое высокое, что как будто крышей скребёт небо. Но можно и не думать о морфемах, не вычленять: *неб-о-скрёб-∅.*

Если бы всё время приходилось держать в уме значение каждой морфемы, то речь и мышление были бы медленными, с запинками на каждой морфеме, с излишними операциями их узнавания. Филипп Фёдорович Фортунатов, великий русский языковед, писал, что у морфем есть способность выделяться в слове. Именно способность, а не настырность.

Каким же образом слово членится на морфемы? Явных границ ведь нет. Не то чтобы сказал: ***пере...*** остановился, потом: ***дел...*** пауза, а затем: ***ка...*** Пауз-границ между морфемами нет. Есть отношения слов.

В определённых случаях на первый план могут выдвигаться одни отношения, в других случаях — иные. *Он прислал в редакцию новые **переделки** своих рукописей. А по-моему, это скорее **недоделки**!* — вперёд выдвинулись значения



ЯЗЫК — ЭТО СИСТЕМА

Дмитрий Николаевич Ушаков в своей книге «Краткое введение в науку о языке» пишет, что слово тогда только делится на лексическую и грамматическую части, когда выполняются два непременных условия. Во-первых, необходимо, чтобы та же грамматическая часть существовала в том же значении в других словах с другими лексическими частями. Во-вторых, нужно, чтобы та же лексическая часть прослеживалась в других словах с другими грамматическими частями (окончаниями, суффиксами, приставками).

«Например, *рука* разлагается на ***рук + а*** не только потому, что ***-а*** существует еще в *ног**-а**, изб**-а**, жен**-а*** и т. п., но и потому, что основа ***рук-*** существует ещё в ***рук**-ою, **рук**-у, **рук**-ами* и т. д. Или, например, *несу* разлагается на ***нес + у*** в соотношении с *вед**-у**, бер**-у*** и т. п., а также с ***нес**-ёшь, **нес**-ет, **нес**-ём* и т. д. Так же *беленький* разлагается на ***бел + еньк + ий*** в соотношении со словами ***бел**-ый, **бел**-ить* и т. п., а также с *черн**-еньк-ий**, красн**-еньк-ий*** и т. п.

Если отсутствует хоть одно из этих двух условий, то... общая звуковая принадлежность слов не выделяется как формальная (грамматическая). Например, общая звуковая принадлежность в словах *Пе**-тр**, теа**-тр**, смо**-тр*** не является формальной... потому, что нет второго условия и, стало быть, ни ***Пё-*** в *Петр*, ни ***теа-*** в *театр* и т. д. не являются основой. За отсутствием первого условия не выделяется, например, как основа ***пор-*** в словах *порох, порча, порка*. Сравните, наоборот, прочную ассоциацию того же слова ***пор-ка*** со словами ***воз-ка, нос-ка*** и т. п., а также со словами ***пор**-оть, **пор**-ол*.

Из сказанного следует, что форма может существовать в слове лишь соотносительно с другими словами; что формы слов в языке могут существовать лишь постольку, поскольку те или иные слова соотносительны между собой... Следовательно, не может быть в языке такой формы, которая была бы представлена только одним словом. И если вследствие исторического изменения в языке случилось бы так, что от прошлого уцелело бы одно только слово, имевшее известную форму, то для настоящего эта форма в нем не со-

приставок ***пере-*** и ***недо-***. *Ну и попал я в **переделку!** В самую толпу и давку!* — здесь, наоборот, значение приставки ***пере-*** превращается в размытую тень. Оно не столько выделяется, сколько сливается со значением всего слова.

Морфемы выделяются, потому что есть отношения слов. Какие отношения? Выявить это можно двумя путями.

Во-первых, так. Сопоставляются слова с одной и той же морфемой: ***пере**делка, **пере**стройка, **пере**рисовка, **пере**краска*... Во всех словах есть приставка ***пере-:*** одинаковое звучание (обозначающее) и одинаковое значение — 'сделать что-то заново, по-новому'. То, что здесь приставка одна и та же, доказывается толкованием: в значения всех слов с таким ***пере-*** входят слова *снова* или *заново: переделать* — 'делать заново или снова'.

Теперь ряд слов с другим ***пере-: пере**кличка, **пере**-бранка, **пере**тасовка, **пере**писка* (между кем-то)... Здесь и толкование иное: обозначено действие, в котором участвуют две или несколько сторон, и они этим действием связаны. В толкование входит предлог *между*. Единство в значении приставок доказано.

Второй путь, ведущий к выделению морфем Сопоставляем слова, которые различаются морфемным составом: одно из них более сложное и образовано от другого, более простого. *Стекольщик* — 'тот, кто вставляет *стёкла*'. Толкование слова *стекольщик* с помощью слова *стекло* позволяет разделить более сложное слово на две части: *стеколь + щик*. Часть ***стеколь-*** имеет то же значение, что и слово *стекло (стёкла)*. На долю морфемы ***-щик-*** остаётся вся остальная часть толкования: 'тот, кто делает', т. е. название лица по действию.

Так членятся слова на морфемы. Либо обнаруживаются отношения между словами с одинаковыми морфемами; тогда то, что в толковании двух слов одинаково, относится к выделенным морфемам, и тем доказаны тождество одних морфем и различие других. Либо более сложное слово сопоставляется с более простым. И опять толкование обоих слов и их сопоставление позволяют в более сложном выделить две части, расчленить его на морфемы.

Вывод из этого рассуждения очень важный: единицы в языке требуют, чтобы между ними были определённые отношения. Отношения-то их и выделяют, образуют, создают. В словах ***от**лёт, **от**ъезд, **от**кол, **от**ход, **от**ток* есть приставка ***от-***, а в словах *отдел, отвага, отрава* такой приставки нет: нет отношений с другими словами, которые оправдали бы её выделение.

Кто производит такое разделение слов на морфемы? Учёные-филологи? Да, но также и все владеющие языком. Мы по большей части несознательно, минуя сложные логические построения, принимаем в расчёт сигналы морфем. Без понимания морфемного строя языка владеть им невозможно.

СЛОВО

Слово служит для называния. Иначе говоря, оно выделяет в мире какой-либо объект (вещь, действие, признак и т. д.) и делает его пригодным для разговора.

Если вам расскажут, что в какой-то стране живёт птица и жители её любят, приручают, но птица эта не имеет названия, не верьте. Птица может не иметь названия, если её только что, сегодня утром, где-то в лесах или пустынных горах открыла научная экспедиция, но уже к вечеру птице дадут имя Она будет называться.

Всё, что попадает в поле зрения человека, получает название: слово *(ромашка, капуста)* или словосочетание *(кукушкины слёзки, Воробьёвы горы)*.

Слово — центральная единица языка Недаром сам язык часто называют словом: *На Всемирном конгрессе часто звучало русское слово; Я очень люблю величавое слово Данте.*

К слову направлены и от него исходят все остальные единицы языка. Звуки и морфемы входят в состав слова (вне слова их не бывает),

Слово выделяет в мире какой-либо объект

КУКАРЯМБА

В то утро Томми и Анника, как всегда, прибежали к Пеппи на кухню и громко с ней поздоровались. Но ответа не последовало. Пеппи сидела на кухонном столе и гладила господина Нильсона (кота. — *Прим. ред.*), который примостился у нее на коленях. Лицо у нее расплылось в счастливой улыбке.

— Привет, Пеппи! — еще раз крикнули Томми и Анника.

— Во всяком случае, знаите, — мечтательно проговорила Пеппи, — знайте, что я это нашла. Я, и никто другой.

— Что ты нашла? — в один голос спросили Томми и Анника, сгорая от любопытства <...>

— Новое слово, — торжественно объявила Пеппи и взглянула на своих друзей так, словно только теперь их увидела. — Новое слово, совсем новенькое, прямо с иголочки.

— А какое это слово? — спросил Томми.

— Прекрасное, — сказала Пеппи. — Одно из самых красивых слов на свете. Лучшего слова я не слыхала.

— Ну скажи, какое, — попросила Анника.

— Кукарямба, — с торжеством промолвила Пеппи.

— Кукарямба? — переспросил Томми. – А что это значит?

— Ах, если бы я только знала! — вздохнула Пеппи. — Мне ясно одно — что это не пылесос!

Томми и Анника в растерянности помолчали, потом Анника сказала:

— Но если ты сама не знаешь, что значит это слово, то какой от него толк?

— В этом-то и вся штука, вот это мне и не дает покоя, — объяснила Пеппи.

— Скажи, а ты не знаешь, кто придумывает, какие слова что означают? — спросил Томми.

— Наверное, это делают сто старых-престарых профессоров, — объяснила Пеппи. — Ах, до чего же эти люди смешные! Подумай только, какие слова они придумали: шеколда, простокваша, гиппопотам, табуретка, ну и всякие другие, о которых никто не может сказать, зачем они нужны. А вот что кукарямба замечательное слово - каждому ясно. А как оно звучит: кука-рям-ба! И все же никто не знает, что это такое. Вы не представляете, как мне трудно было его найти! И я во что бы то ни стало узнаю, что же оно означает!

Пеппи помолчала, задумавшись, а потом сказала:

— А может быть, кукарямба — это золотой светофор?

— Что ты, Пеппи, ведь золотых светофоров не бывает, — возразила Анника.

— Пожалуй, ты права. Что же это все-таки может быть? Уж не звук ли, который получается, когда наступаешь ногой на сухую ветку? Давай попробуем, как это выйдет: «Анника побежала в лес, наступила на сухую ветку, и сразу же раздалось: „Кукарямба"».

Пеппи печально покачала головой.

— Нет, не выходит. Надо было бы сказать: «И сразу же раздался громкий треск».

Пеппи почесала затылок.

— Мрак сгущается. Но чего бы мне это ни стоило, я открою эту тайну...

(Из книги А. Линдгрен «Пеппи Длинный Чулок».)

словосочетания и предложения строятся из слов. Слово — средоточие языка, оно имеет и лексическую, и грамматическую сторону, объединяя и то и другое (см. статью «Что такое знак»).

СЛОВОСОЧЕТАНИЕ

Словосочетание — мельчайшая единица, в которой начинают действовать грамматические законы. Есть словосочетания — просто названия: *Большая Медведица, Дальний Восток, мать-и-мачеха*. Есть словосочетания — уже предложения· *Нам холодно; Побегу домой*.. Словосочетание — на полпути от названия к предложению. В нём уже проснулась связная мысль, оно — простейшая смысловая, мыслительная единица, созданная говорящим.

Только что было сказано, что оно состоит из слов. Не поздно исправить неточность: не из слов, а из словоформ.

Слова употребляются в речи по-разному: *вода — воды — воде; пишу — пишут — писали — буду писать; зелёный — зелёная — зелёных — зелен*... Это *словоформы* — грамматически обусловленные разновидности одного и того же слова Бывают слова, которые не расщепляются на словоформы: *всегда, всухомятку, ау, гм.* Они состоят из одной словоформы.

Строя словосочетание, следует выбрать не просто нужное слово, а нужную словоформу нужного слова: если *лист* — то *зелёный,* если *листьев* — то *зелёных;* сказано *я*, значит, годится *иду,* а не *идёшь* и т. д. Поэтому получается, что словосочетание состоит из словоформ.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Предложение — единица языка, которая служит для выражения мысли. Обычно предложение строится так: спрягаемая форма глагола и слова, грамматически с ней связанные. Центром является глагол.

Почему именно глагол? Для мысли важно, чтобы каждое высказывание (суждение) могло иметь и позитивную форму («да»), и негативную («нет»). Всякий глагол может сочетаться с частицей *не* или употребляться без неё: *любит — **не** любит, болеет — **не** болеет, ненавидит — **не** ненавидит, был прав — **не** был прав.* Для мысли, для рассуждения, для логики это очень важно — отличать чётко выраженное утверждение от чётко выраженного отрицания.

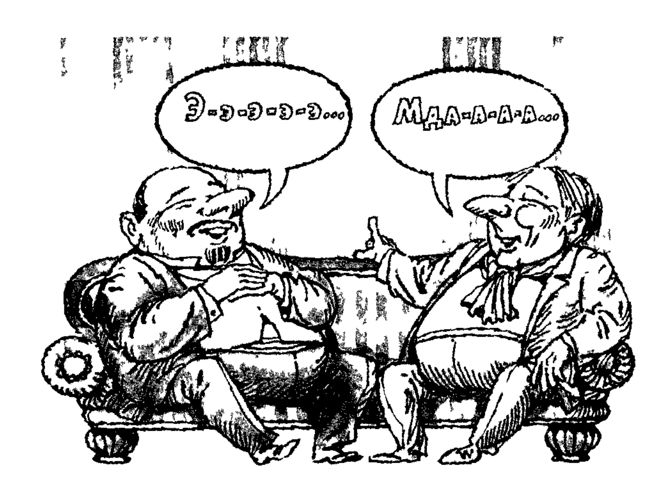
Другие грамматические единицы, имена, такой постоянной возможности не дают: быть и с *не*, и без *не*. Есть слова *правда* и ***не**правда, большой* и ***не**большой*, но нет слов *неверблюд, неутюг, несовесть, Непетя*... Может быть только так: *Ты видишь **не** верблюда, **а** ламу!* Здесь *не* не частица, а часть сочинительного союза *не... а.* Неверблюда всё равно нет.

А если взять такой пример: *Холодно? Это тебе **не** юг!* Здесь частица *не* есть, и относится она... к глаголу! К связке. *Это **не был** юг, это **не будет** юг, это **не** юг.* В настоящем времени связка нулевая, но это тем не менее глагольная форма.

Такие предложения, как *Он прав; Листья зелены; Небо на западе огненное*, тоже глагольны. Стоит их поставить в прошедшее или будущее время, и связка обнаружится — уже не нулевая, а выраженная звуками.

Но ведь есть же назывные предложения: *Зима. Мороз. Ночь.* Где глагол? Он опять представлен нулём: *Был мороз* (прош. вр.); *Мороз* (наст. вр.); *Будет мороз* (буд. вр.). В предложении *Мороз* нулевой глагол, но не вспомогательный, не связка, а полнозначный глагол бытия — он значит, что мороз есть, существует. По звучанию (т. е. обозначающему) он совпадает со вспомогательным глаголом, но смысл его (обозначаемое) иной; это другой знак.

Однако есть случаи, когда в предложении никакого глагола нет и быть не может. В популярном изречении: *Войне — нет! Миру — да!* ещё можно предположить опущенный глагол: *Миру скажем «да»! Войне заявим «нет»!* Возьмите другую редакцию этих предложений: *Мир — да! Война — нет!* Никаких глаголов здесь быть не может, тем не менее это явные предложения. Всё же и они могут быть пересказаны обычными глагольными предложениями: *Мы — сторонники мира; Мы отвергаем войну.*



Можно сказать: *Вот кошка!* или: *Вот тополь!* — и при этом даже рукой указать на предмет. Здесь частица *не* невозможна и, более того, нет никакого нулевого глагола Однако на эти предложения кто-то может ответить: *Нет, это **не** тополь...* Оказывается, что *Вот тополь* — вариант предложения *Это тополь*, имеющего нулевую связку: *Это был (будет) тополь* и сочетается с частицей *не: Это **не** был тополь.*

Произнесу с укоризной: *Э-э-э...* Предложение. Междометное. Утвердительное. Обидное. А в ответ могу услышать: *Ничего **не** «э»! Разве я сделал что-нибудь плохое? А ты сразу «э»!*

Итак, всякое предложение что-нибудь либо утверждает, либо отрицает. А для этого нужен глагол или его заменитель.

Сочетание слов, которое нельзя пересказать глагольным предложением, предложением не является, т. е. не является грамматически законченным выражением мысли. Например *кошку разом, лапшу высох, лысиной наоборот.* Всякая мысль требует, чтобы было ясно: утверждает что-либо говорящий или отрицает А если спрашивает? Значит, ждёт утверждений или отрицаний. Поэтому в предложении, языковой единице, содержащей мысль, должен быть глагол — грамматическая единица, способная утверждать и отрицать. Предложения, имеющие иное строение, очень редки и всегда могут быть превращены в глагольные.

ТЕКСТ

Главное свойство текста в том, что за его пределами либо другой текст, либо никакого текста, т. е. особых языковых признаков у него нет. Важно, что он существует отдельно. Поэтому есть мнение, что текст — совсем не единица языка. Текст — это и статья в газете, и роман, и реклама. Это песенка, надпись на памятнике, пьеса, радиопередача, детская считалка, вопрос прохожего на улице: *«Как пройти к библиотеке?»*, «Одиссея» Гомера в переводе В. А. Жуковского, надпись на дверях: *«Входа нет»*, невнятное бормотание автоответчика, «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, стихотворения из одной строки... Были и очень выразительные, например у В. Я. Брюсова: *«И никого, и ничего в ответ»*.

Впервые пришли к мысли, что текст — это особый объект исследования, участники основанного в 1916 г. ОПОЯЗа (Общества по изучению поэтического языка) и близкие к нему филологи. Они стали изучать художественные произведения как замкнутые тексты, каждый из которых имеет свои законы построения. Ими были созданы блестящие работы, в которых они раскрыли своеобразие художественных текстов Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого, Хлебникова, Маяковского, Ахматовой... После этих работ рамки исследования текстов расширились: начали изучать как нечто целостное также публицистические, научные тексты.

Однако вопрос, является ли текст единицей языка, более крупной, чем предложение, так и остался спорным. Например, если взять опубликованные незаконченные произведения или дошедшие до нас из древности обломки строф? Естественно, целостностью, законченностью, замкнутостью они не обладают. Это тексты? И как вообще отличить текст от нетекста?

СПОР РИМЛЯН

Учебники редко бывают любимыми книгами. А вот учебник Александра Александровича Реформатского «Введение в языкознание» у нескольких поколений студентов остается любимой книгой и заслуживает этого. Вот, например, как А. А. Реформатский рассказывает в своей книге о единицах языка:

«Для того чтобы определить, какие элементы входят в структуру языка, разберем следующий пример: два римлянина поспорили, кто скажет (или напишет) короче фразу. Один сказал (написал): *Eo rus* [э́о рус!] — „я еду в деревню", а другой ответил: *I* — „поезжай". Это самое короткое высказывание (и написание), которое можно себе представить, но вместе с тем это вполне законченное высказывание, составляющее целую реплику в данном диалоге и, очевидно, обладающее всем тем, что свойственно любому высказыванию. Каковы же элементы этого высказывания?

1. [i] — это звук речи (точнее, фонема), т. е. звуковой материальный знак, доступный восприятию ухом, а также ***i*** — это буква, т. е. графический материальный знак, доступный восприятию глазом;

2. ***i-*** — это корень слова (вообще: морфема), т. е. элемент, выражающий какое-то понятие;

3. *i* — это слово (глагол в форме повелительного наклонения в единственном числе), называющее определенное явление действительности;

4. *I* — это предложение, т. е. элемент, заключающий в себе сообщение.

„Маленькое" ***i***, оказывается, заключает в себе все, что составляет язык вообще: 1) звуки — фонетика (или буквы — графика), 2) морфемы (корни, суффиксы, окончания) - морфология, 3) слова — лексика и 4) предложения — синтаксис.

Больше в языке ничего не бывает и не может быть.

Почему для выяснения вопроса о структуре языка понадобился такой пример? Для того чтобы было ясно, что различия элементов структуры языка *не количественные*, как могло бы показаться, если бы мы взяли длинное предложение, разбили его на слова, слова — на морфемы и морфемы — на фонемы. В данном примере эта опасность устранена: все ступени структуры языка представляют собой „то же" ***i***, но взятое каждый раз в особом качестве.

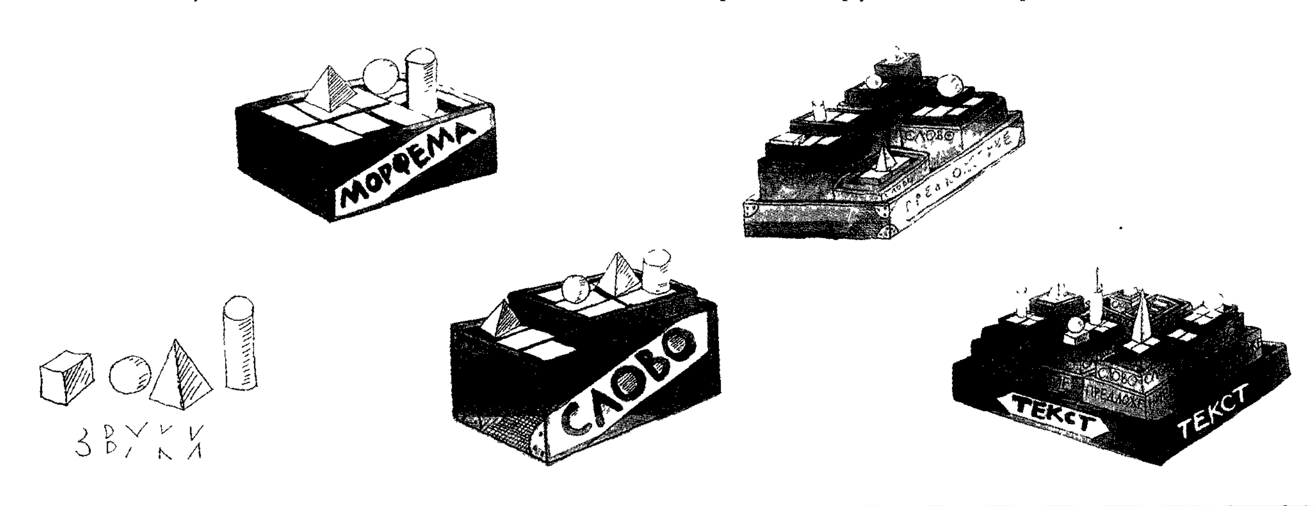
Таким образом, различие элементов структуры языка — *качественное*, что определяется разными функциями этих элементов».

Впрочем, сомнения эти не случайны В очень многих областях знаний чем выше ранг единицы, тем труднее даётся её определение в рамках данной науки

* * *

Так чем же отличаются друг от друга единицы языка: звук, морфема, слово, словосочетание, предложение, текст? Размером, длиной? Нет, размеры вряд ли можно считать основным различием. Что-то удивило человека и он сказал. *О!* Это предложение: высказано удивление, оно относится к какой-то ситуации, являет собой мысль Это слово: междометие. Это морфема: имеет значение Наконец, это звук.

Главное различие единиц — в их функции, языковом назначении Звук — это единица восприятия. Морфема — единица значения, мельчайшее вместилище понятия Слово — назывная единица, главное средство наименования. Словосочетание — мельчайшая единица, в которой обнаруживаются грамматические зако-



номерности. Предложение — единица для выражения мысли. Текст — такая единица языка, крупнее которой нет.

Правда, в одном отношении размер единиц языка, их длина всё-таки имеют значение. Каждая вышестоящая единица может включать несколько нижестоящих, но не наоборот. Однако главное не в этом, главное, конечно, в том, что каждая единица языка работает для своих целей.

ПОД РУЧКУ ПРОЙТИСЬ. СИНТАГМА

ВМЕСТЕ ПО ЗАКОНУ

Что означает сочетание слов *Кузьму умыться?* А ничего. Оно образовано не по законам русского языка, поэтому непонятно. Вот другие сочетания: *отец заставил, заставил Кузьму, заставил умыться.* Они понятны, и из них можно составить другие, более длинные — например, *Отец заставил Кузьму умыться.* Сочетание языковых единиц, образованное по законам этого же языка, лингвисты называют *с и н т а г м о й* (*греч.* «syntágma» — «вместе построенное», «соединённое»).

Что значит — по законам языка? Это значит: в языке есть строгие правила, которые командуют не отдельными, какими-то особыми единицами, а относятся к целому классу, объединяющему сходные единицы. В языке могут сочетаться друг с другом не любые, а строго определённые классы единиц. Например, *заставил Кузьму* — это сочетание переходного глагола с существительным в винительном падеже. Правильны и такие синтагмы: *заставить чиновников, заставить солдат, заставить зайца* (дрессированного: барабанить в барабан), *заставить таракана* (скрыться в щели), *заставить совесть* (замолчать), *заставить облако, заставить дерево* (это, вероятно, из сказки). Грамматически все они безупречны.

Итак, синтагма *заставил Кузьму* законна, потому что есть синтагма *заставить Николая,* а она законна, потому что есть синтагма *заставить солдат,* а *заставить солдат* — хорошая синтагма ввиду того, что есть *заставить зайца,* а она... Следовательно, в это сочетание входят формы винительного падежа любого существительного. Весь класс языковых единиц.

Почему же сочетание *Кузьму умыться* не синтагма? Будем менять глаголы — брать их из класса непереходных глаголов: *Кузьму побежать, Таню улыбнуться, муравья уползти...* Все эти сочетания бессмысленны. Там весь класс единиц годился для данного типа сочетаний. Здесь весь класс не годится. Значит, мы действительно имеем дело с закономерностями. С синтагматическими закономерностями.

Все типы языковых единиц — звуки, морфемы, слова, предложения — могут образовывать синтагмы.

Начнём со звуков. В русском языке закономерно образуются синтагмы «твёрдый губной согласный + дрожащий согласный». Твёрдые губные — это [п — б — м — ф — в]. Класс дрожащих включает два звука: [р] и его мягкая пара [р']. Сочетания *пр, бр, мр, фр, вр* обычны в русском языке: ***пр**ишёл, **бр**ат, **мр**ак, **фр**ак, **вр**ун.* А сочетания «мягкий губной + дрожащий согласный» наш язык не приемлет. «Запрещён» весь класс мягких губных перед дрожащими. Представьте себе каких-то сказочных персонажей с именами: *Кривьрох, Бремьрып, Фрумьрук, Туфьраз...* Заметьте, что сочетания согласных с [р] произносятся с некоторым напряжением. Нет навыка произносить их в середине слова! Между тем на стыке слов их произносить очень легко: *голу**бь р**вётся в небо* = [п'р], *восе**мь р**аз* = [м'р], *пригото**вь р**ыбу* = [ф'р]... Эти сочетания слов можно произносить безо всякой паузы (обычно так и произносят), мягкий губной и дрожащий оказываются рядом, и это

не затрудняет говорящего. Значит, дело не в том, что трудно напрягать мускулы Сочетание «мягкий губной + дрожащий» трудно произносить внутри слова, потому что по синтагматическим законам языка мы не приемлем, не терпим некоторые сочетания звуков внутри слова Они для нас — незаконные синтагмы.

Таких синтагматических запретов и разрешений в языке много Например, в конце слова могут быть только глухие согласные, а парные им звонкие — не могут Произносим: *зу*[п], *ше*[ф], *ё*[ш], *замёр*[с], *дру*[к], т. е законна синтагма «глухой согласный + конец слова», незаконна — «звонкий согласный + конец слова»

Существуют законы сочетания морфем внутри слова Например, в существительных, образованных от глаголов, соединены основы глагола и суффиксы со значением 'тот, кто производит действие' *регулировать — регулиров**щик**, гранить — граниль**щик**, летать — лёт**чик**, проводить — провод**ник**, строить — строи**тель**, обирать — обир**ала*** и т. д (суффиксы ***-щик, -льщик, -чик, -ник, -тель, -л(а)...***). Все это соответствует законам построения синтагм

Основы прилагательных сочетаются с суффиксами, которые умеют в составе существительного сохранить значение признака *старый — стар**ость**, добрый — добр**ота**, кривой — кри**визна*** Это суффиксы ***-ость, -от(а), -изн(а),*** а также нулевые суффиксы *синий — синь, далёкий — даль, высокий — высь, тёмный — темь, гнилой — гниль*

Значит, определённый класс основ сочетается с предназначенной для них группой суффиксов. Таким способом и получаются хорошие синтагмы из морфем.

ОТМЕЧЕННЫЕ И НЕОТМЕЧЕННЫЕ

Синтагмы построены по-разному, и единицы в них по-разному относятся друг к другу. Одни — по-братски, другие — покровительственно: «Я-де имею больше прав»

Приглядимся к синтагмам, построенным из морфем, — к словам. Названия лиц по национальности или месту жительства могут быть образованы сочетанием основы и суффикса·

*Испания — испан**ец**, испан**ка**;*
*Польша — пол**як**, поль**ка**;*
*Сибирь — сибир**як**, сибир**ячка**;*
*юг — юж**анин**, юж**анка**.*

Различие в значениях простое. существительное мужского рода называет мужчину, женского — женщину. Аврора Дюдеван писала под псевдонимом *Жорж Санд*, однако даже в этом случае нельзя говорить *француз Жорж Санд* — только *француженка* Эти отношения между словами можно изобразить простой схемой·

Здесь симметричные отношения, полное равновесие двух единиц в синтагме

Другой ряд наименований:
преподаватель — преподавательница;
лифтёр — лифтерша;
поэт — поэтесса.
тракторист — трактористка;
художник — художница;
кассир — кассирша

Казалось бы, и здесь такие же отношения между словами. мужчинам один суффикс, женщинам — другой. Разве что основы здесь указывают не на страны, а на профессии Однако разница есть *Преподавательница, лифтерша* — слова женского рода, и обозначают они женщин Но вот слова мужского рода могут относиться ко всем — и к мужчинам, и к женщинам Можно сказать· *учительница Мария Николаевна*, и не менее правильно: *учитель Мария Николаевна*. Верно *художница Серебрякова*, но хорошо и *художник Серебрякова*. О каждой *трактористке* можно сказать, что она *тракторист*. Существительное мужского рода, обозначающее профессию, предназначено и для мужчины, и для женщины Существительное мужского рода здесь говорит: «Это моё, и твоё — тоже моё»

Существительное женского рода в этом случае можно, не изменив смысла высказывания, заменить соответствующим существительным мужского рода. Отношения здесь уже не симметричны, они вот какие.

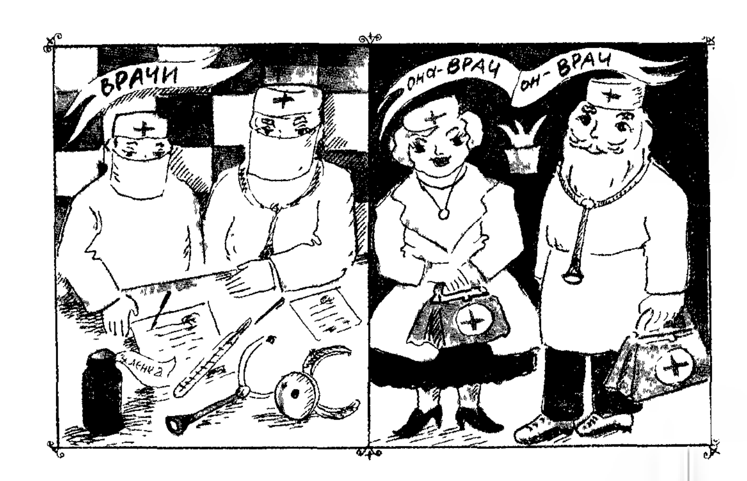
Исключениями являются названия артистических и спортивных профессий, а также любые титулы. Про *певицу* не говорят *певец*, а про *лыжницу*, что она — *лыжник*. И *царица* явно не *царь*, и *герцогиня* не *герцог*

Итак, два типа отношений В одном случае отношения построены по принципу «это или то»: годится только одно (*сибиряк* либо *сибирячка*). В другом случае принцип иной: «это и то вместе — или только то». Некоторые *лифтёры* вместе с тем *лифтёрши*. *Лифтёрши* всегда одновременно и *лифтёры*. Разные противопоставления слов!

Значит, есть такие отношения между единицами языка, когда одна из них указывает на какой-либо признак называемого объекта (например, пол), а другая — нет. И неуказанием этим ограничивается. Такие единицы называются *немаркированными*, или *неотмеченными*: в их значении не отмечено, что они имеют ограниченное использование

В языке во многих случаях противопоставлены отмеченные и неотмеченные единицы. Вот несколько примеров.

Русские глаголы изменяются по временам Формы прошедшего времени сообщают о том, что происходило до момента речи. Что же тогда значат формы настоящего времени? Хочется сказать: они говорят о том, что происходит в момент речи. Нет, это не так. Формы настоящего времени — неотмеченные единицы. Они пригодны и для того, что происходит в момент речи, и для того, что было до него: *Иду я вчера домой. Вижу — из магазина выходит Катя. Пошёл с ней гулять...* Речь идёт о вчерашнем дне, поэтому уместны и формы прошедшего времени, и формы настоящего, которые ни к чему не приурочены. *Купил я новые марки, пришёл домой. Сижу разглядываю. Вдруг входит мой приятель: так и впился в марки. Глядит — не наглядится. Подарил ему одну красивую марку..* Здесь в одном ряду использованы формы прошедшего времени, потому что они отмеченные единицы, предназначены именно для обозначения прошлого, и формы настоящего времени, потому что они неотмеченные, годятся для разных времён. Значение форм настоящего времени в русском языке различно в разных контекстах. Оно



может обозначать действие, которое протекает в момент речи и действие, которое относится к прошлому; действие, которое предмет совершает всегда, беспрерывно *(Вулкан дымится и днём и ночью)*, и действие, которое характерно для предмета *(Весной перелетные птицы возвращаются на север)*.

Отмеченная единица заменяется неотмеченной часто, но не во всяком контексте. В предложении *Наша кассирша родила двойню* вряд ли можно заменить *кассиршу* на *кассира*

Синтагмы с неотмеченными единицами говорят нам о том, что язык не создаёт пассивную копию мира. Отображая мир, он как бы преобразует его, переводит реальное в своё, языковое. Картина мира, которую строит язык, верна и точна, но строится она по его собственным, языковым законам.

ОТМЕЧЕННЫЕ И НЕОТМЕЧЕННЫЕ

Отмеченная единица	Неотмеченная единица
1) Отмечает в предмете определенные отличия	1) Не отмечает в предмете этих отличий
2) Может заменяться неотмеченной единицей	2) Может заменять отмеченную единицу
3) Имеет объем значения более узкий, чем неотмеченная	3) Имеет объем значения более широкий, чем отмеченная
4) Встречается в текстах реже, чем соответствующая неотмеченная	4) Встречается в текстах чаще, чем отмеченная
5) Обе единицы имеют разное строение, т. е. представляют собой разные синтагмы. (Например: *учитель∅ — учитель-ниц-а, сосед∅ — сосед-к-а.*)	

2 Зак № 730 т 10

ЦАРСТВО СИНТАГМ

Пока что мы видели, как морфемы складываются в синтагмы, в слова. Но подлинное царство синтагм — синтаксис. Слова сочетаются в предложения и части предложений. Бесконечное разнообразие типов синтагм, множество приёмов их сочетания, огромные возможности их комбинирования — это и есть *синтаксис*.

Вот как легко идёт одна синтагма за другой: *В это время услышал я глухой грохот. «Это обвал», — сказал мне г. Орлов. Я оглянулся. Я увидел в стороне груду снега, которая осыпалась. Я увидел в стороне груду снега, которая медленно съезжала с крутизны. Малые обвалы здесь не редки. В прошлом году русский извозчик ехал по Крестовой горе. Обвал оборвался; страшная глыба свалилась на его повозку. Страшная глыба поглотила телегу. Страшная глыба поглотила лошадь. Страшная глыба поглотила мужика. Страшная глыба перевалилась через дорогу. Страшная глыба покатилась в пропасть с своею добычею.*

Как-то не так получилось... Оказывается, люди придумали очень умную вещь: соединять сочинительными союзами и сочинительной интонацией части предложений, не повторяя лишний раз их общие отрезки: «*В это время услышал я глухой грохот. „Это обвал", — сказал мне г. Орлов. Я оглянулся и увидел в стороне груду снега, которая осыпалась и медленно съезжала с крутизны. Малые обвалы здесь не редки. В прошлом году русский извозчик ехал по Крестовой горе. Обвал оборвался; страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телегу, лошадь и мужика, перевалилась через дорогу и покатилась с своею добычею*».

Можно, значит, сократить текст, не повторяя одинаковые части одинаково построенных синтагм. И видите, как хорошо получается? Недаром этот текст написал А. С. Пушкин.

Такие сокращения закономерны, обычны в речи. Не принято говорить: *Приехал Пётр, приехал Виктор, приехала Мария*. Говорят: *Приехали Пётр, Виктор и Мария*. Конечно, синтагмы остаются теми же, что и без сокращения: это три соединения глагола с существительными-подлежащими.

Однако бывают изобретательные сокращения: убираются разные части предложения так, чтобы по оставшимся словам можно было догадаться об опущенных. И здесь действует уже не привычный шаблон, а изобретательная воля создателя высказывания. Надо сократить своё высказывание, но так, чтобы оно всё же было понятно. Такой приём называется *э́ллипсисом* (греч. «élleipsis» — «опущение», «недостаток») и используется прежде всего в разговорной речи и поэзии.

Вот запись разговора за столом: беседуют несколько человек; обстановка тёплая, дружеская, располагающая к непринуждённой, раскованной речи:

— *Вот эти волнушки были собраны ну буквально за пятнадцать минут.*

— *Это волнушки?*

— *Пятнадцать минут. И никого там нет, и одни эти грибы. И под ёлкой, и под соснами.*

— *Мне не селёдки, мне хлеба.*

— *Я сама положу.*

— *Самые вкусные — маленькие, да?*

— *Нет, большие тоже вкусные...*

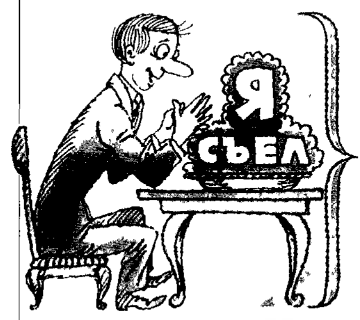
— *Я говорю: ты собирай в кучу, а я за ведром сбегаю.*

— *Берите хлеб, берите.*

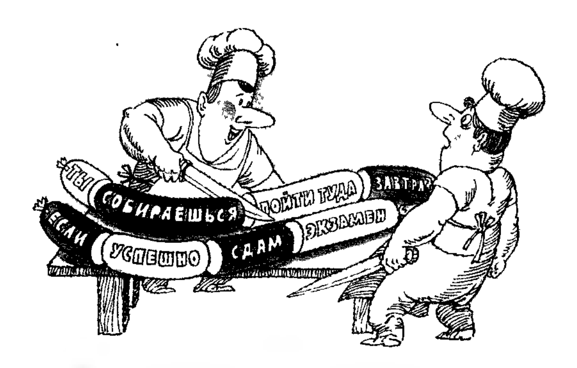
— *Очень вкусные грибы.*

— *Надо знать места. Вот с Родионом идёшь — он говорит: иди туда, там белые. Приходишь — белые. Иди туда — там рыжики. Приходишь — рыжики.*

— *Нет, грибы вполне...*



Можно не повторять
одинаковые части одинаково построенных синтагм



Эллипсис — обычное явление для разговорной речи.

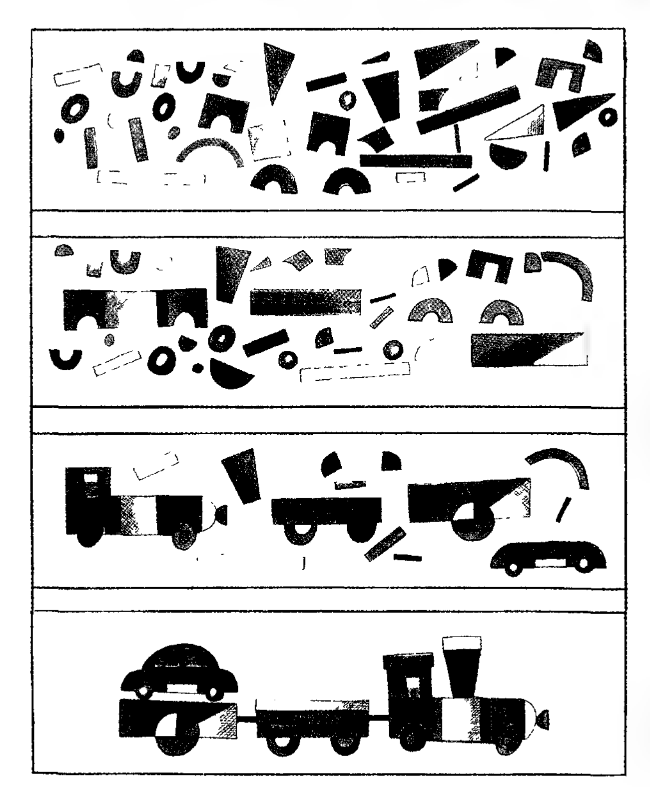
Если вставить все опущенные части высказывания, то речь потеряет свою выразительность, непосредственность, живость.

В современной речи эллипсисы бывают неожиданными и изобретательными. Иногда, чтобы получить из эллипсиса полную форму высказывания, надо не только добавить слова, но и перефразировать само высказывание. Эллипсис используется как естественный способ речевой экономии. Человек думает, что собеседнику и так всё ясно, люди они близкие, что объяснять-разжёвывать?

Можно ли считать, что опущенные части синтагм-предложений — то же, что грамматические нулевые знаки? Нет, это другое явление языка. В формах *туч, свадеб, пальм, рук* есть окончание — его никто не опускал. Оно в таких случаях (например, в родительном падеже слов на ***-а***) является законным, грамматически обязательным, необходимым. У него есть своё значение, иное, чем у любого ненулевого окончания. Напротив, предложение с опущенной синтаксической частью имеет тот же смысл, что и полное выражение. А само сокращение не всегда обязательно.

* * *

Итак, сочетание можно назвать синтагмой, только если оно соответствует законам языка. *Оценить шутку, получить посылку, справить*



Синтагмы — закономерные сочетания единиц.

ШУТКА СКАЗАТЬ!

Неужели в языке все закономерно? И не может быть исключений? Конечно, может. Есть сравнительно много исключений и из синтагматических законов — сочетания, которые живут одни-одинешеньки. Например, *шутка сказать!* употребляется в значении 'это дело непростое'. И сочетание такого строения — единственное: нет выражении *прибаутка сказать, посылка послать, соседка встретить...* Не сочетается переходный глагол с дополнением в именительном падеже. В некоторых русских говорах так можно строить сочетания, а в литературном языке — нельзя.

Подобные языковые единицы, уникально-изолированные, называются *ф р а з е о л о г и з м а м и* (от *греч.* «phrásis» — «выражение» и «lógos» — «учение», «слово»). Они плохо членятся на части или не членятся совсем. Так дело обстоит и с нашим фразеологизмом *шутка сказать:* значение целого у него не выводится из значения частей. Чтобы понять его, не нужно собирать его смысл по словечку — этот смысл можно понять только в том случае, если знаешь выражение целиком. Оно является по существу нечленимым.

ИГРА «СНЕЖНЫЙ КОМ»

Рассуждения о том, как строятся синтагмы языка, кажутся длинными и сложными. Между тем все мы, пользуясь языком, строим правильные синтагмы быстро и легко. Быстро составить очень-очень длинную синтагму и есть цель игры «Снежный ком».

Игра идёт по кругу. Первый играющий придумывает нераспространенное предложение, например: *Мальчик идет.* Каждый следующий должен прибавить к этому предложению одно слово, обязательно повторив всю фразу целиком: *Мальчик идёт в кино, Мальчик быстро идет в кино.* По правилам игры союзы, предлоги и частицы не считаются новыми словами. Тот, кто пропустил слово или переставил слова местами, выходит из игры. Побеждает оставшийся последним.

Сначала, конечно, все силы играющих уходят на то, чтобы правильно запомнить, правильно вставить слово. После некоторой тренировки это получается легко. Тогда удаётся своим словом дать сюжету новый поворот, озадачив других играющих, или составить необычную фразу типа *Синий откусанный стул с задушевным хохотом свисал с потолка.*

Можно усложнить игру: например, запретить использовать союзы, договориться вставлять слова только на определённую букву и т. п. Эта игра развивает память и внимательность, а также учит «не лезть за словом в карман».

свадьбу, подарить книгу — настоящие синтагмы. Их в отличие от фразеологизмов всегда легко членить на части: каждая часть этого сочетания (переходный глагол + существительное в винительном падеже) заменяется множеством других единиц того же типа, класса.

Синтагма (то, что является сочетанием, членимо) всегда должна опираться на классы единиц. Когда такой поддержки нет, то нет и синтагмы.

Синтагмы, закономерные сочетания единиц, образуются языком на всех его уровнях — от звуков до предложений. Сложные предложения — это синтагмы, образованные из предложений. Многообразие синтагм поистине неисчерпаемо.

СМЕНА КАРАУЛА. ПАРАДИГМА

НЕ ВМЕСТЕ, А ВМЕСТО

Языковые единицы, как выяснилось в предыдущей статье, можно соединять друг с другом правильно, а можно неправильно. Правильное, закономерное соединение языковых единиц — это синтагма. *Помог муравью* и *заставил муравья* — две синтагмы. Изменился глагол — и законы языка требуют заменить одну форму слова *муравей* на другую, с другим падежом. Возьмём другое существительное: *помог Кузьме, заставил Кузьму.* Опять меняется! И так будет всегда: в одних ситуациях будет одна форма слова, в других — её всегда заменит другая. Языковые единицы, которые закономерно заменяют друг друга в текстах, образуют *парадигму* (*греч* «paradeigma» — «пример», «образец»).

Издавна, ещё с античных времён, парадигмой называли формы одного слова: *рот — рта — рту; пишу — пишешь — пишет* и т. д. Падежные формы существительного составляют одну парадигму, спрягаемые формы глагола — другую. В более широком, не вполне правильном смысле парадигма означает любой набор, совокупность

Сравним: *уважаю сестру — опасаюсь сестры — помогаю сестре — горжусь сестрой — думаю о сестре.* Здесь во всех словосочетаниях — глагол с сильным управлением. Это значит, во-первых, что глагол непременно требует дополнения — существительного в косвенном падеже. Нельзя подойти к собеседнику, сказать: *Он уважает...* — и всё, отправиться по своим делам. Если сказали: *Они гордятся,* — то будьте добры добавить, чем гордятся. И это нужно не только для ясности. *Он так стремился к победе на состязаниях, но упустил...* Всё понятно. Однако непременно надо добавить: *её, победу, возможность победить.* Язык требует: при глаголе, имеющем сильное управление, должно быть дополнение. А как быть с таким случаем: *Ты подождёшь Николая? — Подожду!* Дополнение и здесь есть, оно подразумевается, его легко восстановить из предыдущего предложения. Такие предложения называют *неполными.*

Второе требование глаголов с сильным управлением: дополнение при глаголе должно находиться в определённом падеже. Глаголам не годится какой угодно падеж, им подай одинединственный, для каждого свой: *уважаю сестру* (вин. п.), *горжусь сестрой* (твор. п.), *доверяю сестре* (дат. п.) и т. д.

Все эти падежные формы обозначают предмет, необходимый, чтобы действие осуществилось. Нельзя уважать, если нет уважаемого. Невозможно гордиться, не избрав предмета гордости: *уважаю* (кого?), *горжусь* (кем?)... У этих дополнений падежные окончания (обозначающие) различны, а смысл (обозначаемое) сближен: они называют объект, который позволяет осуществиться действию.

Но если глаголы разные, то сами падежи приходится менять. Один сказал: *Я им горжусь.* Другой ответил: *И я тоже уважаю... им?* Нет, *его.* Кто-то заметил: *Я предвидел эту беду...* А ему в ответ: *Лучше бы не предвидеть, а заранее воспрепятствовать... её?* Вот и нет: здесь нужно *ей* (беде). Так падежи проявляют свою парадигматическую природу: по требованию окружения (глагола) они сменяют друг друга

Дополнение при глаголе должно находиться в определенном падеже.

В парадигмы могут складываться все единицы языка, например звуки Сравним формы: *хо**дить** — **хожу** — **ходишь** — **ходит** — **ходим** — **ходите** — **ходят***. Во всех формах перед окончанием — [д'], мягкий зубной согласный, и только в 1-м лице единственного числа — согласный [ж], твёрдый шипящий. Мена строго закономерная, её имеют другие глаголы на ***-ить:*** *судить, водить, бродить, твердить, трудиться, насладиться, простудиться* и т. д.

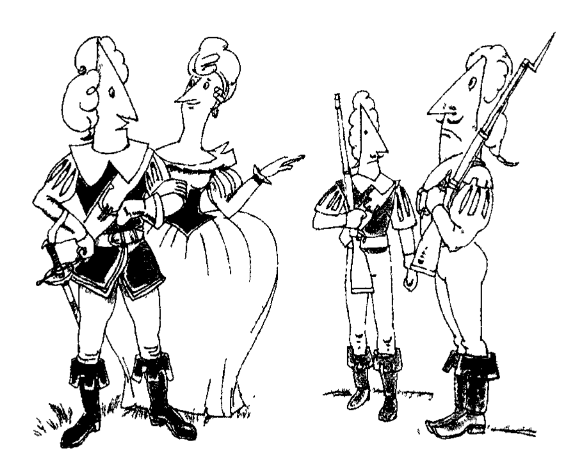
Парадигма такая:

[ж] — в 1-м л. ед. ч.;

[д'] — во всех других формах.

Мена обусловлена окружением, разными окончаниями: ***-ить*** и ***-у***.

В глаголах типа *сесть, украсть, упасть, попасть* всё по-другому. Здесь в 1-м лице единственного числа и 3-м лице множественного числа звук твёрдый — [д]: *ся**ду**, ся**ду**т; попа**ду**, попа**ду**т*... В остальных спрягаемых формах мягкий — [д']: *ся**де**т, ся**де**шь; попа**дё**т, попа**дё**шь* и т. д. Парадигма такая:



Принцип синтагмы. «вместе» Принцип парадигмы: «вместо».

[д] — в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч.;

[д'] — во всех других формах.

Что объединяет все парадигмы? В чём их отличие от синтагмы? Принцип синтагмы: «вместе». Одна единица встречается вместе с другой. Они образуют закономерное сочетание. Принцип парадигмы: «вместо». Определённая единица употребляется вместо другой под влиянием условий. Смена караула.

В БЕРЕГАХ ПОЗИЦИЙ

Представим себе реку. Она течёт по-разному: то широко разольётся по равнине, то вытянется в узкую нить водопада, то заскачет между каменистыми, зубчатыми отрогами горной цепи. Но это одна и та же река. Так и языковые единицы могут «протекать» через цепь позиций — условий, которые их изменяют.

Вернёмся к *ходить — хожу*. *Ходить* поставлено в такие условия: перед ***-ить*** дано [д']. ***Хожу:*** перед ***-у*** (1-е л.) дано [ж]. ***Ходим, ходит, ходите, ходят:*** перед всеми остальными окончаниями выступает [д']; *хо**ждение**:* перед суффиксом отглагольного существительного — [жд']; *хо**док**:* перед другим суффиксом существительного появляется [д].

Вот наша «река»:

[д' — ж — жд' — д].

Её «русло» протекает в таких «берегах»: перед суффиксом неопределённой формы ***-ть*** — перед окончанием 1-го лица единственного числа ***-у*** — перед другими окончаниями — перед суффиксом ***-ениј(е)*** — перед суффиксом ***-ок***.

Итак, чередование единиц в языке зависит от позиций, от языковых условий. Но зависимость эта может быть строгой, а может быть не очень.

Чередования, которые осуществляются в данных условиях (в данной позиции) во всех единицах данного типа без исключения, называются *п о з и ц и о н н ы м и*. Чередования, которые имеют исключения, называются *н е п о з и ц и о н н ы м и*.

Чередование *ходить — хожу*. Какое оно? *Ка**тить** — ка**чу**, схва**тить** — схва**чу**, коп**тить** — коп**чу**, заме**тить** — заме**чу**, отве**тить** — отве**чу***... Можно сотнями приводить глаголы на [т'] + + ***-ить,*** их очень много в русском языке, и везде предстаёт чередование [т'] — [ч'].

Везде? Значит, чередование [т'] — [ч'] в глагольных формах позиционное? И тут попадается слово *превра**тить** — превра**щу***... Исключение! Здесь [т'] меняется не на [ч], а на [щ'], т. е чередование непозиционное. Таких исключений,

Как бы ни изменялось течение реки среди разных берегов-позиций, это все-таки одна и та же река

оказывается, не так уж мало: *укоро**т**ить — укоро**ч**у*, но *укро**т**ить — укро**щ**у; посве**т**ить — посве**ч**у*, но *просве**т**ить — просве**щ**у; прогло**т**ить — прогло**ч**у*, но *погло**т**ить — погло**щ**у; переворо**т**ить — переворо**ч**у*, но *превра**т**ить — превра**щ**у*... Историк языка объяснит эти факты: глаголы с ***-чу*** — исконно русские, а с ***-щу*** — пришлые, русский язык взял их из старославянского (одного из южнославянских языков). Но это уже история. А сейчас все перечисленные слова русские и живут рядом, в одном языке. И чередование [т'] + ***-ить*** — [ч] + ***-у*** является непозиционным. Оно непоследовательно, не диктуется полностью позицией, оно действует выборочно, не на все глаголы данного типа. Пусть большинство подчиняется чередованию [т'] — [ч]! Нужно, чтобы не большинство, а все! Только тогда чередование будет позиционным.

Вот глагол *урумтить*. Это искусственный глагол, я его только что придумал, и означает он неизвестно что. Как образовать от него форму 1-го лица единственного числа? Неизвестно. То ли *урумчу*, то ли *урумщу*, потому что чередование непозиционное: не даёт гарантии. Чередования звуков, которые возникают перед определёнными морфемами, называют *морфологическими*. Они всегда непозиционные, не могут «удержаться» от исключений. Позиционные же чередования исключений не знают. И в естественной речи, когда русским языком владеют как родным, они выполняются с неукоснительной точностью. При таких чередованиях мена единиц полностью определяется их позицией, окружением. Строго позиционными могут быть уже не морфологические, а *фонетические* чередования.

Вот пример. В русском языке есть звонкие шумные согласные [б — в — г — д — ж — з] и парные по отношению к ним глухие шумные [п — ф — к — т — ш — с]. Перед гласными шумные звонкие стоять могут: *зу**б**ы — сли**в**ы — са**д**ы — берё**з**ы — у**ж**и — доро**г**а*. А на конце слова, перед паузой, они непременно заменяются парными глухими: *здоровый зу*[п], *пять сли*[ф], *перекрёсток доро*[к], *цветущий са*[т], *гибкий у*[ш], *много берё*[с]. Эта мена в русском языке обязательна. Нам даже произнести звонкий шумный на конце слова трудно, ведь у нас нет такого навыка. Надо приложить усилия и напрячь органы речи, чтобы в конце слова перед паузой получились [б — в — д] и т. д. Русский язык не приучил нас к этому. В других языках (например, во французском, английском) бывают звонкие шумные на конце слова, а в русском их нет.

Это чередование можно изобразить в виде таблицы:

Перед гласным	Заменяются на конце слова звуками
[б]	[п]
[в]	[ф]
[г]	[к]
[д]	[т]
[ж]	[ш]
[з]	[с]

Или короче:

Перед гласным	На конце слова
звонкий шумный	глухой шумный

СИНОНИМЫ — ПАРАДИГМА?

Можно ли считать парадигмой слова, синонимичные друг другу? Например, *смотреть, глядеть, взирать, таращиться, глазеть, впериться, воззриться, вглядываться*.. Вероятно, нет. Единицы, сменяющие друг друга в парадигме, обусловлены позицией. Определенность позиции — вот что необходимо для парадигмы. Поэтому число её членов всегда строго определено. Правда, бывают разногласия среди исследователей: в школьном учебнике падежей шесть, у Р. О. Якобсона их восемь, а у других ученых — 14. Но это следствие различных теоретических подходов, а не расплывчатости фактов. Границы парадигмы четкие: к парадигме существительного *дом* относятся формы *дом, дóма, дому, домом* и т. д., но не относится *домой*.

Напротив, границы группы синонимов неопределенные, число слов в каждой группе неясно. Связь выбора синонима с требованиями текста, конечно, существует, но как она индивидуальна, как неповторима для каждого отдельного случая! Богатство синонимов заключается в том, что для любого текста их неопределенно много, что они дают неограниченные возможности выбора, а выбор можно варьировать согласно тончайшим побуждениям говорящего — часто трудно уловимым. Все это отличает группу синонимов от строго организованной, причинно обусловленной парадигмы.

Это подлинно позиционное чередование. Исключений нет По тому, есть исключения или нет, мы судим, действует ли позиционный закон чередования.

ЗНАЧЕНИЯ ТОЖЕ ЧЕРЕДУЮТСЯ

Среди значений (т. е. у обозначаемого) тоже есть замены, чередования: одни — позиционные, другие — непозиционные.

Иногда грамматические морфемы имеют капризные, непредсказуемые значения. Например, частица ***-ся*** у возвратных глаголов. У одной группы глаголов с частицей ***-ся*** есть такой оттенок значения действие взаимно Каждый его участник одновременно субъект и объект действия: *целовать**ся**, шептать**ся**, объяснять**ся**, обниматься**ся**, ссорить**ся**...* У другой группы эта же частица показывает действие как свойство предмета: *кусать**ся**, колоть**ся**, жечь**ся**, рвать**ся**: собака кусает**ся**, крапива жжёт**ся**, дрова хорошо колют**ся**, эта ткань легко рвёт**ся**...* А ещё есть страдательные глаголы с такой частицей. *работа выполняет**ся** мастерами, полы у нас моют**ся** особой машиной*... Всех значений много, и у разных глаголов они различны. Надо знать, как каждый глагол поступает со своей частицей ***-ся***, каких значений требует от неё. Конечно, важен и контекст, но он не определяет полностью значение частицы: оно капризно и уникально для каждого глагола. Иностранцам, изучающим русский язык, приходится запоминать смысловые особенности каждого глагола на ***-ся*** в отдельности. И так же мы поступали в детстве.

Однако существуют и такие грамматические формы, у которых выбор значения строго обусловлен. По позиции, в которой находится морфема, можно уверенно определить её значение и, таким образом, значение всей грамматической формы Пример — падежи существительного. Вот творительный падеж Формы этого падежа могут обозначать: время *(приехал прошлой зим**ой**)*, место *(бежали лес**ом**)*, орудие *(рубил топор**ом**)*, производителей действия *(пол натирается полотёр**ами**)*, сравнение *(летит птиц**ей**)*, предмет, необходимый для осуществления действия *(увлекается спорт**ом**)*, именную часть сказуемого *(был учител**ем**)*. Значений много (здесь ещё не все перечислены), но запоминать, какое когда употребляется, нет необходимости. И помнить, какому существительному эти значения свойственны, тоже не нужно Надо знать (и это мы тоже усваиваем в детстве) позиционные условия употребления этих значений.

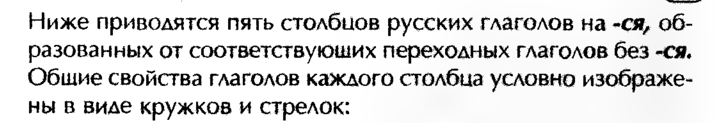
Если основа существительного обозначает промежуток времени (***лет**-о, **зим**-а, **утр**-о*), а само оно относится к глаголу, то форма творительного падежа называет время действия: *приехал утр**ом**, зим**ой** болел*.

Если основа существительного обозначает пространство, форма творительного падежа тоже указывает на какое-то пространство. Правда, этого недостаточно, нужен ещё глагол со значением движения-перемещения. Не говорят: *мы сидели лесом, мы отдыхали опушкой, мы купались морем. Мы двигались лесом, самолёт летел морем* — так можно. Позиционные условия здесь сложные: нужны основа существительного и глагол с определёнными значениями.

Если существительное обозначает своей основой конкретный предмет, вещь, а глагол — физическое действие, то окончание существительного имеет значение орудия: *рубить топором, пилить пилой, мерить метром, конопатить ватой, прошивать нитью*... А такие сочетания, как *пилить стрекозой, водой, ватой?* Они непонятны, но только лексически. Трудно

У разных глаголов частица **-ся** имеет разное значение.

ОТ *-СЯ* ДО *-СЯ*



Ниже приводятся пять столбцов русских глаголов на ***-ся***, образованных от соответствующих переходных глаголов без ***-ся***. Общие свойства глаголов каждого столбца условно изображены в виде кружков и стрелок:

I ○→○

*асфальтирова**ться***
*оценива**ться***
*разыскива**ться***
*изгоня**ться***
*запечатыва**ться***

II ○↩

*причёсыва**ться***
*мы**ться***
*сдержива**ться***
*вооружа**ться***
*закутыва**ться***

III ○

*пролива**ться***
*пуга**ться***
*вали**ться***
*изменя**ться***
*взрыва**ться***

IV ○⇄○

*целова**ться***
*встреча**ться***
*обнима**ться***
*грыз**ться***

V ○→

*брызга**ться***
*бода**ться***
*куса**ться***
*толка**ться***
*щипа**ться***

1. Используя запись с помощью кружков и стрелок в качестве подсказки, определите, по каким признакам сгруппированы глаголы по пяти столбцам.

2. Распределите по столбцам следующие глаголы: *прята**ться**, двига**ться**, стреля**ться**, обжарива**ться**, швыря**ться**, растворя**ться**, связыва**ться**, сообща**ться**, царапа**ться**, готови**ться**, руга**ться**.*

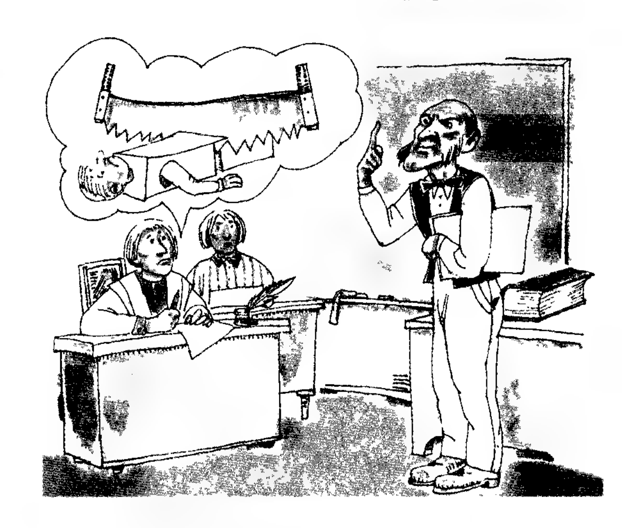
(Учтите при этом, что одно и то же слово может в одном своём значении относиться к одному столбцу, а в другом — к другому. Если вы помещаете какое-либо слово в два различных столбца, поясните своё решение.)

представить, чтобы пилили с помощью таких неподходящих средств. Но грамматическое значение абсолютно ясно: утверждается, что стрекоза была использована для пилки (чего?). Нелепо, но нелепость не грамматическая. Сами позиционные условия заставляют понимать здесь форму творительного падежа совершенно недвусмысленно.

А если сказано *Он **пилит** нас своими наставлениями; Она **пилит** меня постоянным ворчанием?* Существительное не обозначает предмет. Поэтому и глагол *пилить* обозначает нефизическое действие. «Нефизические» содержания глагола и существительного соответствуют друг другу и обеспечивают позиционную связь. Эта связь требует, чтобы переносное значение существительного опиралось здесь на переносное значение глагола.

Сравнительное значение у формы творительного падежа возникает в том случае, когда дополнение не имеет общих с подлежащим существенных признаков. Нельзя сказать: *ястреб парил птицей* (или *соколом*, или *вороном*). Неверно: *рысь ощерилась зверем, кошка ласкалась к ней домашним животным.* Верно вот так: *газик мчался по дороге птицей, Семён Семёныч ощерился зверем...*

Есть падежные формы с простой позиционной обусловленностью (например, форма дательного падежа), есть — с очень сложной (сложнейшая — форма родительного падежа). Но если мы знаем слово, то понимаем его падежные формы без словаря. Ведь зная слово *крокодил*, человек не полезет смотреть в словарь, что значит *крокодилом*... Потому что падежные изменения слова со всеми их смысловыми оттенками обусловлены, «объяснены» контекстом — позицией, в которой дана падежная форма.



РАЗЛИЧЕНИЕ — НЕРАЗЛИЧЕНИЕ

Широко «разбежались» значения у творительного падежа! Время, место, орудие, субъект действия, сравнение... Почему бы не считать все эти значения отдельными падежами? Может быть, потому, что все эти значения объединены общим окончанием, собраны под одной крышей: в мужском и среднем роде — ***-ом,*** в женском роде — ***-ой, -ою*** или ***-ью,*** во множественном числе — ***-ами?***

Нет, это неубедительное мнение. Причина, почему столь различные падежные значения мы относим к одному падежу, гораздо глубже.

Какую роль играют позиционные чередования? Всё, что делается в языке, происходит между двумя полюсами: противопоставление единиц и отождествление их. Различение (или противопоставление) полностью осуществляется, когда единицы находятся в одной позиции, в одном окружении. ***Дом — дам — дым — дум...*** Гласные в одном окружении; нельзя думать, что их различие вызвано соседями, не в них дело. Гласные здесь сами по себе различны. Поэтому они могут различать слова.

Это свойство любых единиц языка: если они в одной позиции, то работают на различение.

Иное дело, если звуки чередуются в зависимости от позиции: в одной позиции такой звук, а в другой позиции он заменяется другим. Отличия звуков — не свои, их вызвала позиция, они свидетельствуют о различии позиций. Такие позиционно чередующиеся единицы в языке оцениваются как тождество. Кто заметит, что в словах *зу*[б]*ы* и *зу*[п] разные звуки? Никто, пока не станет специально прислушиваться или не начнёт писать и не задумается, какая нужна буква?

Очень важно, что позиционное чередование не знает исключений. Это значит, например, что такая-то позиция не допускает звука *X* и в ней он непременно заменяется звуком *Y*. Значит, в данном окружении и *X*, и *Y* встречаться не могут — только что-то одно. Поэтому *X* и *Y*, позиционно исключающие друг друга, воспринимаются как одна и та же единица — как тождество.

Вот сказка. В одном селе объявился злобный колдун. Как только люди соберутся на праздник, вдруг невесть откуда является колдун. И всем делает зло: одному взглянет на щёку — щека распухла, другому посмотрит на пальцы — руку свело, третьему положит руку на плечо — плечо заныло. Как только люди заметят, что он принялся за своё — бросаются к нему, чтобы намять бока и выгнать... А колдуна и нет! Исчез неизвестно куда... Один мальчик решил разгадать, когда это колдун исчезает. И заметил: когда колдун в доме и вредит, нет около печки большого раскидистого веника, а как только он исчезает — веник сразу появляется. И так всегда: когда колдун в доме — нет веника около печки, колдун исчез — появился веник. Мальчик понял, в чём дело. Когда в следующий раз колдун исчез, он хвать веник — и в огонь. Перестал появляться злой колдун...

Почему мальчик догадался, что колдун и веник — одно и то же? Потому что они позиционно чередовались. Позицией здесь выступало время. Один промежуток времени — одна позиция: есть колдун, нет веника. Другой промежуток — другая позиция: есть веник, нет колдуна. Поскольку они чередовались позиционно, они тождественны.

А если в доме были бы одновременно обнаружены и колдун, и веник? Тогда бы стало ясно, что это разные сущности. Они в одной позиции, в одном промежутке времени — и различаются.

Звуки могут позиционно чередоваться, тогда в языке они выступают как тождество. Они тождественны не потому, что похоже слышатся

Колдун и веник тождественны, поскольку чередуются позиционно

МЫ МЫСЛИМ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯМИ. АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ

Язык — система знаков, построенная на их противопоставлении. Однако противопоставления важны не только для языка. На них основано восприятие мира человеком. Что-то считают низким только потому, что существует высокое, небо противопоставляют земле, мужчину — женщине, время — пространству. Способность правильно строить противопоставления — основа разума и логического мышления.

Аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес придумал забавную классификацию животных китайскими придворными мудрецами: «...животные делятся на: а) принадлежащих Императору, б) набальзамированных, в) прирученных, г) сосунков, д) сирен, е) сказочных, ж) отдельных собак, з) включенных в эту классификацию, и) бегающих как сумасшедшие, к) бесчисленных, л) нарисованных тончайшей кистью из верблюжьей шерсти, м) прочих, н) разбивших цветочную вазу, о) похожих издали на мух». «Соль» этой классификации как раз в том, что она построена на неправильных противопоставлениях.

В противопоставления можно поиграть. Эта игра подойдет тем, кто хочет развить свое мышление.

* * *

Игра «Классификация». Можно соревноваться двум командам или играть просто так, не соперничая. Пусть каждый предложит все, какие только придут в голову, способы расклассифицировать, например, ребят в классе: на мальчиков и девочек; блондинов, шатенов и брюнетов; отличников, хорошистов и троечников; сидящих у окна и сидящих у стены; любящих математику и любящих литературу и т п. Важно следить, чтобы классификации были правильными: противопоставлять нужно по одному и тому же признаку (нельзя девочек и отличников) Не должно остаться элементов, не попавших ни в одну группу (нельзя делить только на блондинов и брюнетов, если в классе есть хоть один рыжий). Группы, получившиеся в результате классификации, не должны поглощать одна другую (нельзя делить на мальчиков и футболистов) Побеждает команда, сумевшая найти больше вариантов.

Классифицировать можно самые разные множества: буквы алфавита, ошибки в диктанте, любой список слов, книги на полке, предметы в школьном расписании, телепередачи, месяцы и дни недели, виды классификаций и многое другое. Очень интересно классифицировать своих знакомых. Главное — чтобы множество было всем известно и четко ограничено

* * *

На противопоставлениях основаны и многие другие игры. В них можно играть самому, решая готовые задания, а можно с друзьями, придумывая задачи друг для друга. За каждое правильное решение и за каждую верную задачу начисляется балл. Побеждает тот игрок или та команда, которая к концу игры набрала больше баллов Слишком простые задания и ответы на них, а также однотипные задания, похожие на предыдущие, не засчитываются. У некоторых заданий может быть несколько решений, тогда за каждое присуждается по баллу.

Игра «Продолжить ряд». Нужно продолжить ряд, догадавшись, какая закономерность лежит в его основе. Ответ надо пояснить.

Вот пример. ряд ***О, Д, Т****...(?)* **Ответ:** ***Ч*** (даны первые буквы числительных по порядку: ***о****дин,* ***д****ва,* ***т****ри...* ***ч****етыре*).

Игра «Четвёртый лишний». В каждом ряду из четырех элементов нужно назвать лишний — тот, у которого нет качества, характерного для всех остальных. Участник должен пояснить ответ.

МОЛОТОК И МОЛОКО

Парадигматические отношения — это отношения, связывающие знаки в структуре. Парадигмой называют группу знаков, имеющих некий набор общих свойств, но различающихся по какому-либо признаку. Выделив общее, можно изучать отличия.

Проще сказать, чем отличается молоток от пилы, нежели указать отличия молотка от молока. Ведь молоток и пила входят в одну парадигму — столярных инструментов. Молоток так не похож на молоко, что даже непонятно, с чего начать перечисление их отличий. Сравнение всегда предполагает хоть какое-нибудь сходство или, как говорят, основание для сравнения. Чем больше оснований для сравнения, тем легче его производить. А парадигма — это группа однородных, сходных элементов. Впрочем, парадигматическими отношениями связаны и более далекие знаки, просто такие отношения труднее описать и они реже бывают нужны.

ШЫР-ПИР

Ниже зашифрована фраза на русском языке:

Шыр-пир ю пяпюжгы зэлэмьгый гесрыг, фед гяг, фед гяг, зэлэмьгыи гесрыг

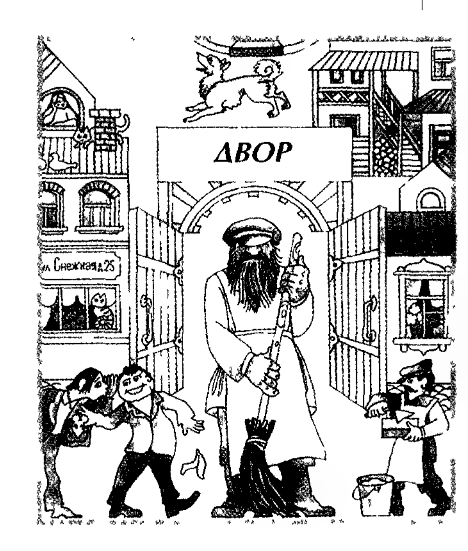
Определите принципы зашифровки и расшифруйте эту фразу.

Например, *печка, свечка, утка, овечка.* **Ответ:** *утка* (остальные рифмуются). *Ворота, чернила, столы, ножницы.* **Ответ:** *столы* (остальные не имеют единственного числа).

Игра «Пропорции». Нужно решить пропорцию (найти недостающие в ней члены), а для этого понять, каковы отношения между ее членами. Игра развивает гибкость мышления, способность видеть связи и соотношения между разными вещами, в том числе неочевидные и скрытые. Классический пример — пропорция *птица/рыба = самолет/?.* Слева члены пропорции природные, справа — сделанные человеком; вверху летают, внизу плавают. **Ответ:** *подводная лодка* (*корабль* не подходит — решение должно плавать под водой).

Пропорции могут строиться на самых разных соотношениях. Пример грамматической пропорции: *делать/сделать = говорить/?* **Ответ:** *сказать.* Забавный пример: *пожар/пожарник = ?/дворник.* Правильно *двор,* если пропорция словообразовательная, и *мусор,* если семантическая, смысловая.

Баллы присуждаются как за решения, так и за создание новых пропорций. Можно усложнить игру: выбрать тему, к которой должны иметь отношение все задания (например, «Литература»), или допускать к игре только пропорции с двумя неизвестными.



РЕШИТЕ С ХОДУ

«Продолжите ряд»

1) *апельсин, банан, виноград...*
2) *паук, таракан, мышь...*
3) *медведи, сестры, поросята...*
4) *дорога, ремонт, милиция...*
5) *январь 1934 г., апрель 1983 г., февраль 1996 г...*

«Четвёртый лишний»

1) *крик, кричать, квакать, кукарекать;*
2) *золото, ураган, молоко, болото;*
3) *лебедь, воробей, ворона, попугай;*
4) *рыба, рак, угорь, скорпион;*
5) *уши, головы, ноги, плечи;*
6) *норка, ключ, тропа, коса;*
7) *ночь, дочь, рожь, мышь;*
8) *пароход, парной, парик, парник.*

«Пропорции»

1) *рысь/кошка = ?/собака;*
2) *лампа/свет = ?/звук;*
3) *ластик/рисунок = время/?;*
4) *доска/аскод = парта/?;*
5) *казак/казак = арап/?;*
6) *музыка/ноты = речь/?;*
7) *земля/небо = человек/?;*
8) *пол/потолок = стена/?;*
9) *лицо/портрет = природа/?;*
10) *пожарник/? = дворник/метла;*
11) *тигр/4 = ?/8;*
12) *провода/электричество = ?/кровь;*
13) *машина/мотор = человек/?;*
14) *дом/крыша = человек/?;*
15) *верблюд/горб = пеликан/?;*
16) *вода/огонь = ?/дерево;*
17) *автомобиль/шины = конь/?;*
18) *капля/море = слово/?;*
19) *человек/пища = машина/?;*
20) *дождь/снег = осень/?;*
21) *листья/зима = лето/?;*
22) *банк/деньги = ?/спички;*
23) *?/звезды = зрители/фильм;*
24) *музыка/плейер = прибой/?;*
25) *мороз/красный нос = солнце/?;*
26) *сон/стон = мак/?;*
27) *грудь/спина = орел/?;*
28) двойная пропорция: *?/антилопа = = ?/котлета.*

или произносятся (это совсем необязательно!), а исключительно благодаря своему позиционному поведению. Например, ударный гласный [ó] в предударном слоге всегда меняется на звук [а]. Его обозначают знаком «а»: *д*[о]*м* — *д*[а]*мá, н*[о]*с* — *н*[а]*сы́, х*[ó]*дит* — *х*[а]*ди́ть, т*[ó]*лстый* — *т*[а]*лсте́ть, ск*[ó]*ро* — *ск*[а]*рée.* Ударный [о] и безударный [а] позиционно чередуются Но ведь позиционно чередующиеся единицы — тождество Поэтому звуки, которые позиционно сменяют друг друга, являются одной единицей, целостностью, тождеством Имя ей — *ф о н е м а* В данном случае фонема <о> представлена ударным гласным [о] и безударным [а], которые чередуются в зависимости от позиции по отношению к ударению. В разных языках — разные позиционные мены Значит, дело не в свойствах нашего речевого аппарата и не в физических качествах звуков Дело в самом языке, в том, что характеризует его как знаковую систему

Грамматические значения, которые чередуются, тоже являются тождеством. Например, окончание ***-ом*** в формах творительного падежа имеет самые разные значения (мы уже убедились в этом) Почему же все-таки ***-ом*** со значением места, ***-ом*** со значением времени, ***-ом*** со значением объекта действия, ***-ом*** со значением сравнения мы считаем одним и тем же окончанием? Не лучше ли ввиду больших смысловых различий считать их омонимами, разными

единицами? Есть же в языке омонимы *лук* (репчатый) и *лук* (для стрельбы) Пусть так же оценивали бы и формы с ***-ом: едем селом*** и *клуб построен всем* ***селом,*** *горжусь своим* ***селом*** и *обрабатывали поле всем* ***селом.*** Взяли бы и решили, что здесь формы с ***-ом*** — разные падежи

Это одна единица именно потому, что значения форм с ***-ом*** чередуются позиционно. Получается, что и в области значений действует закономерность. то, что позиционно чередуется, для языка тождественно.

Перед гласными глухие и звонкие согласные различаются: ***коса — коза, пруды — пруты*** На конце слова перед паузой они совпадают в одном звуке ***коз*** = [кос] и ***кос*** = [кос], ***пруд*** = = [прут] Точно так же совпадают конечные согласные в словоформах ***кот*** и ***код, гас*** и ***газ, сноп*** и ***сноб, порок*** и ***порог...***

Обобщенно·

Перед гласным (сильная позиция)	звонкий шумный согласный	глухой шумный согласный
На конце слова перед паузой (слабая позиция)	глухой шумный	глухой шумный

Совпадение языковых единиц в определённых позициях, хотя в других они различаются, называется *нейтрализацией* (от *лат.* neuter —

ОТ *-СЯ* ДО *-СЯ*

Легко можно увидеть, что в столбце *II* сгруппированы глаголы на ***-ся,*** которые обозначают действия, производимые над собой («возвратные»), а в столбце *IV* — взаимные действия (обозначающие одно и то же действие, которое два действующих лица совершают друг с другом). Что общего у глаголов в нечетных столбцах, не столь очевидно.

Рассмотрим рисунки «понятных» столбцов *II* и *IV*. В первом случае мы видим один кружочек, от которого отходит стрелка, возвращающаяся к самому кружочку. Вероятно, кружочек обозначает участника ситуации, а стрелка — направление действия. Участник ситуации здесь один, а действие исходит от него, но направлено на него же. Во втором случае мы видим два кружочка (и действительно, участников ситуации два). Стрелок тоже две, и можно понять, что глаголы *IV* группы обозначают по два одинаковых действия (исходящие от каждого участника ситуации и направленные на другого участника).

В группе *I* два кружочка и два участника. Действие исходит от одного из них и направлено на второго. В самом деле, «асфальтироваться» что-то может только в том случае, если его кто-то асфальтирует, «оцениваться» — только если есть тот, кто оценивает, и то, что оценивают, и т. д. В отличие от этой группы группа *III* обозначает процесс, который может происходить самопроизвольно, без участия активно действующего лица. Соответственно этому мы видим один кружочек без стрелки (действия нет, и налицо один участник — с которым происходит обозначенный глаголом процесс).

Наконец, глаголы в группе *V* обозначают действие, направленное на неопределенного участника, который при этих глаголах не называется (есть действие — стрелка и один участник — кружочек).

Обратим внимание: в условии указано, что эти глаголы образованы от соответствующих переходных глаголов без ***-ся***. Каковы эти переходные глаголы? В группе *I* они соотносятся с глаголами на ***-ся*** как конструкции действительного и страдательного залога, причем деятель может быть выражен в обеих конструкциях: *Рабочие асфальтируют дорогу — Дорога асфальтируется* ***ся*** — *Дорога асфальтирует**ся** рабочими; Судьи оценивают выступление — Выступление оценивает**ся** судьями* и т. д. В группах *II* и *IV* два действующих лица действительного залога сливаются в одно: *Мама причесывает девочку — Девочка причесывает**ся**; Мама целует девочку — Девочки целуют**ся***. В группе *III* действующее лицо, выраженное при переходном глаголе, устраняется: *Маша проливает молоко — Молоко проливает**ся*** и т. д. В группе *V* устраняется, наоборот, лицо, на которое направлено действие и которое выражено дополнением: *Ребенок брызгает водой — Ребенок брызгает**ся**; Собака кусает меня — Собака кусает**ся***.

В заключение можно догадаться (хотя это не требуется в задаче), что незаштрихованный кружочек соответствует подлежащему, а заштрихованный — дополнению в той конструкции, которую образуют глаголы, приведенные в задаче: *Преступник разыскивается* ***полицией;*** *Девочка целуется с* ***мамой.***

Ответ:

прятаться — I (Наркотики ***прячутся*** *контрабандистами в одежде); II (Мальчик* ***спрятался****);*

двигаться — III;

стреляться — II (От такой жизни ***стреляются****); IV (Они* ***стрелялись*** *на дуэли);*

обжариваться — I;

швыряться — I (Деньги ***швыряются*** *ими на стол); IV (Они* ***швырялись*** *подушками); V (Мальчик* ***швыряется*** *камнями);*

растворяться — I (Жир ***растворяется*** *поваром в кипятке); II (Он* ***растворился*** *в толпе); III (Соль уже* ***растворилась****);*

связываться — I (Концы веревки связываются матросами); II (Он ***связался*** *с Москвой); IV (Они* ***связываются*** *по телефону);*

сообщаться — I (Новости ***сообщаются*** *журналистами); IV (Они* ***сообщаются*** *по радио);*

царапаться — IV (Коты ***поцарапались****); V (Коты* ***царапаются****),*

готовиться — I (Обед ***готовится*** *поваром); II (Он* ***готовится*** *к экзамену);*

ругаться — IV (Они постоянно ***ругаются****), V (Он очень часто* ***ругается*** *скверными словами).*

В сильной позиции звуки различаются, в слабой — совпадают.

ШЫР-ПИР

Зашифрованы известные строки: *«Жил-был у бабушки серенький козлик, вот как, вот как, серенький козлик»*. Звонкие согласные заменены соответствующими глухими, а глухие — звонкими.

Этот способ кодирования приводит к следующей трудности: у некоторых глухих согласных, например ***х*** и ***ц***, парные к ним звонкие в русской речи возникают редко; во всяком случае, для их обозначения нет отдельных букв. Впрочем, в нашем тексте подобные согласные не встречаются. Буква ***л*** заменяется на ***р***, буква ***м*** — на ***н*** (и наоборот). Букву ***й*** не заменяют. Гласные ***а, у, о...*** заменяют на ***я, ю, ё...*** (и наоборот).

«ни тот ни другой»). Позиции, в которых единицы совпадают, называют *слабыми*, а в которых различаются — *сильными*.

Для глухих и звонких согласных перед гласными позиция сильная — они различаются. А на конце слова не различаются, это слабая позиция, позиция неразличения.

Русская фонетика знает много разных видов нейтрализации. Немало их и в грамматике. Нейтрализуются словоформы и грамматические сочетания, части речи и члены предложения.

Если сказано *Он приехал ранней весной*, то *весной* — существительное, только существительное может определяться прилагательным. А если *Он приехал рано весной*, то *весной* — наречие: только наречие может определяться наречием на **-о**. А если просто *Он приехал весной* — столько же оснований считать *весной* наречием, сколько существительным. Различие между двумя частями речи здесь нейтрализовано.

* * *

Язык — это закономерности синтагм и парадигм. Это баланс, равновесие между различением и отождествлением единиц.

ЯЗЫК И РЕЧЬ

Впервые чётко разграничил язык и речь швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр, один из создателей лингвистики XX в. С тех пор необходимость различать язык и речь стала у филологов общепринятой.

Суть этого различия можно показать с помощью такого сравнения. Работает конвейер, на нём собирают, например, фотоаппараты. Кто-то посмотрел и говорит: «Они собирают один аппарат». А другой ему в ответ: «Нет, они собирают тысячу аппаратов в день». На самом деле правы оба. Собирают действительно один аппарат, т. е. выпускают одну модель, работают всё время по одним и тем же чертежам, воплощая один и тот же технический замысел. И вместе с тем выпускают много аппаратов: вещей-то много, воплощений этой модели изготовляется по тысяче в день.

Итак, с одной стороны, различаются: модель, умозрительный образец, одна и та же возможность выбора и реализации конструкции, когда речь идёт об одном объекте. И с другой — конкретные воплощения этой модели, производство отдельных вещей, когда речь идёт об их множестве.

Сходным образом соотносятся язык и речь. Количество возможных высказываний неисчислимо. Как же людям удаётся понимать друг друга? *Сегодня в лесу мне встретился олень,* — сказал один. А другой его понял! Почему? Потому что оба они знают слова: *сегодня, лес, встретился, олень, я.* Слово *я* у них изменяется одинаково, по той же парадигме: *я, меня, мне* и т. д. Слово *лес* может быть с предлогом: *в лесу* - так же, как и многие другие слова: *в поле, в городе, в огороде;* это модель, известная всем говорящим по-русски, — «предлог *в* + форма предложного падежа, обозначающая место». Обоим известна и модель двусоставного предложения.

А собеседник ответил: *И мне в лесу сегодня встретился олень!* (Тоже, значит, повезло.) Одно предложение в этом диалоге или два? Два. Второй не повторил предложение первого, как эхо, как повторяется звукозапись при повторном пуске магнитофона. Каждый создал своё предложение, выбрав для него слова и грамматически возможные конструкции. Он мог бы сказать: *Да ведь и мне встретился олень!* или: *Иду, а олень на меня прямо так и вышел...* или: *В лесу я — глядь! — олень-то около меня,* или предпочесть им десятки других выражений с почти таким же смыслом. Но модель, избранная ими, найденные ими слова — одни и те же. Поэтому можно сказать, что оба повторили одно предложение. Получается похоже на конвейер: объект один, и в то же время их множество.

С одной стороны, механизм, создающий речь, объединяет всех говорящих. Все по общим законам образуют синтагмы и парадигмы.

У собеседников, понимающих друг друга, общие «чертежи» языка

Все следуют — пусть с некоторыми вариантами — одним нормам языка: *олень вышел,* а не *олень вышли* и никак не *олень вышедши.* Можно сказать, что у собеседников, понимающих друг друга, общие «чертежи» *языка.* С другой стороны, речевая «продукция», т. е. собственно *речь,* у каждого своя.

Если всё так просто и похоже на конвейер, то почему в технике нет сложных проблем, серьёзных конфликтов между инженерной идеей (замыслом) и конкретной работой машины, а между «машинным» языком и речью они бывают? В чём причина?

Технике творчество нужно для инженерного замысла, для поисков его наилучшего воплощения. А раз конвейер построен и работает, то от работников не требуется выпускать каждый фотоаппарат в результате творческих поисков. Просто нужно точно выполнять инструкции, строго следовать стандарту. Если про работника скажут: «Иван Сергеевич на конвейере настоящий виртуоз: для каждого аппарата придумывает что-нибудь новое», — то вряд ли это похвала. При общении, напротив, творческими являются и язык, и речь.

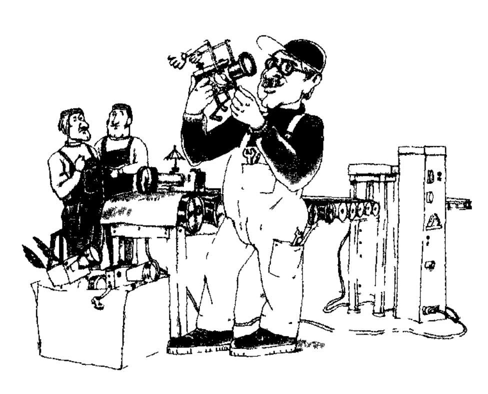
Язык — результат многовекового творчества народа. Он — воплощение народной активности. Язык - творец во всех своих строгих законах, нормах, требованиях. Это проявляется в том, что в каждую эпоху язык бережёт себя как народную драгоценность. Возникают уродства, искажения — и исчезают, не принятые языком.

Известно немало случаев, когда верховные правители пытались помыкать языком и навязывать ему свои прихоти. Так, Павел I запретил употреблять слово *стража.* Он требовал, чтобы говорили *караул.* Но в итоге сохранились оба слова: и *караул,* и *стража.* Язык решил, что они нужны.

Творческая суть языка проявляется не только в том, что он отсеивает всё чуждое ему. Он ещё и принимает, «усыновляет» всё ценное, что появляется в речи.

Речь тоже творчество. Речь — использование языка в конкретных ситуациях. Это не сборка механизма на конвейере по одной и той же инструкции. Пусть кто-то несколько дней подряд входит в свой дом с возгласом: *Ну и ветер сегодня! Рвёт!* Поставил ли он свою реплику на конвейер? Выполняет ли неизменно-обязательную, стандартную инструкцию? Нет, у него каждый раз есть выбор, есть возможность сказать по-другому. И если он говорит одинаково — в этом его выбор.

Идёте, например, вы по улице, впереди вас — женщина. Вдруг она что-то уронила. Догнать её



Для работы на конвейере не нужно творчество.

вы не успеете, она вот-вот свернёт за угол. И вы кричите, чтобы привлечь её внимание: ведь уронила.. Что вы закричите? *Гражданка! Госпожа! Дама!* (вряд ли). *Сударыня! Женщина! Девушка! Дочка! Мамаша! Тётенька! Бабуся! Бабуля!* (в соответствии с возрастом женщины и с вашим возрастом и привычками). *Марь Николавна!* (если это знакомая). *Лисий воротник! Синий плащ!* Всего не перечислишь; наконец, можно просто рявкнуть в пространство: *Э-э-э-э-эй!* Вам предстоит выбрать то, что отвечает речевой ситуации «с двух концов»: характеризует женщину, к которой вы обращаетесь, и вас самих. Заорав *Эй, баба!* или *Эй, кастрюля!* (допустим, у неё шляпа в форме кастрюли), вы крайне невыгодно аттестуете себя. Нужен выбор, т. е. творчество. И это даже в наипростейшем случае общения.

Творчество заключается здесь не в том, чтобы изменить язык, а в том, чтобы наиболее успешно его использовать. Таким образом, язык определяет речь, указывает её звуковые, словесные и грамматические возможности. А в речи иногда появляются новшества — сначала по инициативе отдельных говорящих, потом как приметная и увлекательная новинка и, наконец, как общеупотребительное языковое средство.

Юрий Гагарин за несколько мгновений до старта сказал: «*Поехали!*». Обычно форма глагола прошедшего времени показывает действие уже совершившееся, ушедшее в прошлое. Но можно, переминаясь на пороге с ноги на ногу, сказать: *Я пошёл!* Это значит: 'Я в мыслях уже вижу себя идущим'. Здесь важна особая психологическая мотивировка речи: человек своё намерение представляет как уже нечто свершившееся.

В речи эта возможность используется нечасто. Она охватывает ограниченный круг глаголов: *Ну тронулись! Ну полетели*! Вряд ли певец на эстраде перед началом выступления заявит: *Я запел!* Или бегун на старте, ожидая сигнала к началу забега, сообщит: *Ну я побежал...*

Можно представить себе, что такое использование форм прошедшего времени стало бы устойчиво употребляться и распространилось бы в русском языке. Это могло бы родить особый, одобренный языком случай употребления такой формы. И говорили бы: *Я поплыл!* — отправляясь из дома на теплоход, *Я закурил!* — вынимая трубку и табак. Так речевое событие могло бы вызвать к жизни устойчивую языковую норму.

Уловить момент перехода речевого в языковое очень трудно. Пока новое употребление не стало нормой языка, оно представляет собой только речь. А когда оно войдёт в язык, получив всеобщее признание, никто и не вспомнит, что совсем недавно это употребление было индивидуальной речевой особенностью.

Так складываются отношения языка и речи. Язык организует, создаёт речь. Речь медленно обогащает и изменяет язык.

РЕШИТЕ С ХОДУ

К игре «Продолжить ряд». 1) Любое слово — название фрукта, начинающееся с **г** — следующей буквы алфавита, например *груша;*

2) *птица* или *человек,* в этом ряду — названия животных в порядке уменьшения количества ног;

3) например, *мушкетёры* — слово, которое вместе с числительным *три* образует название художественного произведения: «***Три*** медведя», «***Три*** сестры»... «***Три*** мушкетёра»);

4) например, *фары:* это слово начинается с ***фа-***, продолжая музыкальный ряд ***до****-рога,* ***ре****-монт,* ***ми****-лиция,* и одновременно относится к тематике ряда;

5) *февраль* любого невисокосного года: месяцы даны в порядке убывания количества дней, 1996 г. — високосный.

К игре «Четвёртый лишний». 1) *Крик* (остальные слова — гла голы); 2) *ураган* (остальные слова содержат полногласные со четания); 3) *ворона* (остальные мужского рода); 4) *угорь* (ос тальные слова дали названия созвездиям Зодиака); 5) *го́ловь* (остальные слова называют парные предметы); 6) *тропа* (у ос тальных слов есть широкоупотребительные омонимы); 7) *рожь* (в отличие от прочих не имеет множественного числа); 8) *па рик* (в остальных словах корень ***-пар-***).

К игре «Пропорции». 1) *Волк;* 2) *магнитофон* или *радио;* 3) *вос поминания;* 4) *атрап;* 5) *пара* — слова прочитаны справа нале во; 6) *буквы;* 7) *ангел* или *птица;* 8) *стена;* 9) *пейзаж;* 10) *вода* 11) *паук* — по количеству ног; 12) *сосуды;* 13) *сердце;* 14) *шап ка;* 15) *клюв;* 16) *огонь;* 17) *подковы;* 18) *текст;* 19) *топливо* *зима;* 21) *снег* — то, чего не бывает летом; 22) *коробок* 23) *астроном;* 24) *раковина;* 25) *веснушки, загар;* 26) *мрак* 27) решка; 28) *тигр* или *лев* — первый член, *человек* — второй

ВДОЛЬ И ПОПЕРЁК ЯЗЫКА. СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ

Ледники медленно стекают с гор. Камень, вмёрзший в лёд, за год продвигается, влекомый ледником, на несколько метров.

Так же медленно движется и язык. Если спросить пожилого человека, изменился ли современный язык по сравнению с языком его юности, он скорее всего ответит: «Конечно! Сколько новых слов появилось, многих и не знаешь, и разные новые обороты речи... А кроме того, то и дело слышишь некультурную речь...». Но ведь имеются в виду лишь поверхностные и недолговечные новшества (новые словечки во множестве появляются и быстро умирают), а не глубины языка. Никто не скажет: «За последние десятилетия появились новые падежи, а старые изменили своё грамматическое значение». Никто не найдёт серьёзных изменений в спряжении глаголов, никто не заявит, что произношение претерпело большие изменения... Чего нет — того нет. Речь очень изменчива и часто подвержена моде, но язык как целостная система обладает огромной устойчивостью.

Сохранилась звукозапись речи Льва Толстого. Если мы её прослушаем, то скажем: это говорит наш современник. Некоторые отличия в произношении и в словоупотреблении — очень редкие — были бы заметны только языковедам.

Однако язык изменяется. Но поскольку никому в течение своей жизни не приходилось быть свидетелем резких изменений в языке, обычно люди не замечают его движения — как они не замечают движения ледника.

Если спросить ученика-отличника, где корень в слове *председатель*, он почти наверняка сразу же, не думая, ответит: *Сед!* Как в глаголе *сел, сидеть*. Ответ неверный. Да, были времена, когда существовал живой оборот *председать перед кем-то* (перед собранием, за столом заседания). Тогда в слове *председатель* была приставка ***пред-***. *Председатель* означало 'сидеть пред', и это было правом председателя. Слово *председатель* было соотнесено с *председать*, а это слово — с *сидеть*. Ещё во времена поэта Евгения Баратынского (начало XIX в.) слово *председать* было живым.

ЗНАЧЕНИЕ — ДЕЛО ТОНКОЕ

Значения единиц языка: морфем, слов, синтаксических конструкций — изучает особая наука — *семантика* (от *греч.* «semantikós» — «обозначающий»). На каждом уровне языка есть свои загадки значений.

На первый взгляд со значением морфем — суффиксов или префиксов — всё просто. Значение морфемы множественного числа — 'множественное число'. Суффикс деятеля (***-тель*** или ***-щик***), естественно, имеет значение 'деятель', а уменьшительный суффикс — 'уменьшительность'.

В реальном языке всё обстоит, как правило, гораздо сложнее. Если окончание единственного числа выражает единственность объекта, то почему по-русски надо говорить: *Цапля стоит на одной ноге* и нельзя сказать: *Цапля стоит на ноге* (такой вариант возможен, только если цапля стоит на чьей-то чужой ноге). Это странно, ведь значение 'одна' уже выражено в форме слова *нога!?*

Так же и с уменьшительностью. *Домик* — это 'маленький дом', а *дворик* — 'маленький двор' (причём приятный говорящему). Но вот *ножка* — это не любая симпатичная 'маленькая нога', а нога женщины, ребёнка или... мебельная. *Бумажка* или *железка* вообще не делают меньше *бумагу* и *железо*, а *дырка* — не уменьшенная *дыра* (скорее наоборот: *дыра* — это очень большая *дырка*...).

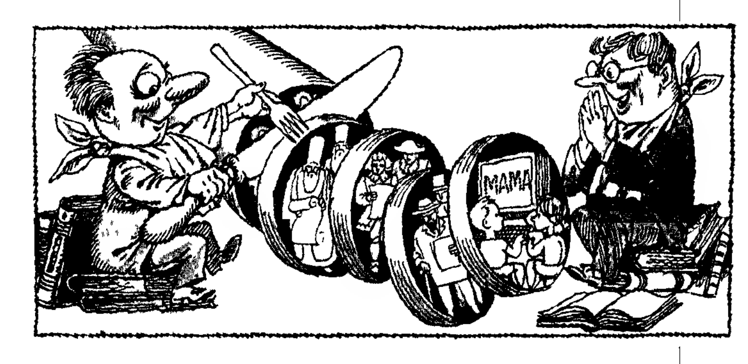
У значений синтаксических конструкций причуд не меньше. Значение всей конструкции никогда не сводится к простой сумме значений составляющих её слов: так, *шёл-шёл* не значит 'шел два раза', а 'шёл долго и непрерывно'; *синий-синий* можно приблизительно описать как 'интенсивно синий'. Смыслы непрерывности или интенсивности не содержатся в самих словах, это значение конструкции как таковой.

А как обстоит дело со значениями слов? Открываем наугад «Словарь русского языка» (малый академический) — например, на слове *мышь* и читаем: «*Небольшой грызун, обычно серого цвета, с острой мордочкой и длинным серым хвостом, приносящий вред в хозяйстве. Домовая мышь. Полевая мышь*» — и всё. А где же про отношения мышей и кошек? Про тихое шуршание? Про сыр, наконец? В семантике к смыслу относят только ту информацию, которая помогает объяснить поведение слова в языке; всё остальное называется *экстралингвистической* информацией. Например, по-русски говорят: *Сиди тихо, как мышь* — не «как кошка» или «как лев», а именно «как мышь»; значит, наше *языковое* представление включает мышиную бесшумность: она — часть семантики слова. Мыши маленькие и серые, незаметные (*серая мышь* — о незаметном, неярком человеке), быстрые и скрытные *(она мышкой юркнула в комнату);* они обычно пищат и возятся (отсюда *мышиный писк, мышиная возня*). У мыши есть хвост — тонкий, длинный, несколько несерьезный *(мышиный хвостик)*. А есть ли у неё усы? Нос? Ушки? Русский язык их как бы не замечает, представляя мышь как маленький серый комочек с хвостиком. Если она не движется, а замирает

Но цепь отношений *председатель — председать — сидеть* распалась. *Председатель* перестало соотноситься с *председать* и *сидеть* У суффикса ***-тель*** есть значение ‘название лица или предмета по действию, которые они совершают’. Нет связи с глаголом — нет и этого значения Нет этого значения — нет и суффикса Не входит в эту цепочку отношений глагол *сидеть* — нет и приставки ***пред-***. Получился новый корень ***-председатель-***. Нечленимый, целостный

Слово *беспечный* ‘беззаботный’, ‘легкомысленный’ происходит от существительного *печа* ‘забота’ то, что «печет», заботит человека. *Беспечный* — тот, у кого нет «печи», кого никто и ничто не допекает По происхождению состав слова таков *бес-печ-н-ый* Слово *печа* исчезло из языка Если нет корня ***-печ-***, то нет и приставки ***бес-***, и суффикса ***-н-***. Современный состав слова *беспечн-ый*, оно непроизводно

Ловкий первоначально обозначало ‘такой, который умеет ловить’ (*ловкий зверь*, например) и было связано с глаголом *ловить* (сравните с прилагательными *плавкий*, *ковкий* — металл) Связь со словом *ловить* была утрачена, поэтому современное слово *ловкий* имеет корень не ***-лов-***, а ***-ловк-***.



Можно изучать один срез языка — его состояние в определенный период времени, а можно сравнивать разные срезы между собой

Разные отношения — разные единицы. Был один корень — стал другой. Никакого шума при этом не было, поэтому никто и не обратил внимания. Именно так, незаметно, проникают обычно изменения в язык.

Есть наречия *дома (занимаюсь дома)* и *домой, (вчера) вечером, (поздно) зимой, (насыпал стакан) с ве́рхом, (ездил) верхо́м*... Все они в прошлом — имена, они — «дети» существительных. Но в современном языке это наречия. Изменились их отношения к другим единицам языка и

на месте, это называется *мышь сидит*. Про живую мышь в русском языке не говорят: *стоит* или *лежит*.

Можно и дальше пополнять наше описание, учитывая особенности употребления этого слова в самых разных контекстах. Но можно ли быть уверенным, что мы учли абсолютно все контексты? Бесконечность языкового материала проявляется в семантике особенно сильно.

Еще одна проблема: в современном русском языке *мышь* употребляется и для обозначения маленькой приставки к компьютеру, которая напоминает мышку формой, проводом-хвостиком и тем, как стремительно и несколько беспорядочно бегает связанный с ней курсор на экране. (Интересно, что нельзя, имея в виду компьютерный класс, сказать: *У нас совсем нет мышей*. Множественное число у слова *мышь* во втором значении пока не получается, не зря в английском языке у этих слов разные формы множественного числа: у компьютерной мыши — стандартное *mouses*, а у живой — устаревшая форма *mice*).

Вообще слов с одним значением в языке мало. Почему многозначность является обязательным свойством любого языка? Это универсальный инструмент, позволяющий экономить языковые средства. Но почему тогда мы обычно не замечаем многозначности в тексте?

Оказывается, что при соединении многозначных слов количество значений не увеличивается, а наоборот, уменьшается. Услышав призыв: *Держи крепко!*, человек сразу понимает, в каком именно смысле использовано слово *держать*, хотя вообще-то значений у него несколько: ‘взять и не выпускать’ *(держать молоток)*; ‘служить опорой, поддерживать’ *(каркас держит конструкцию)*, ‘вынуждать находиться где-либо’ *(держать человека в приёмной)*; ‘придав определенное положение, сохранять его’ *(держать хвост трубой)*; ‘иметь у себя в хозяйстве’ *(держать десять кошек)* и др. Конечно, в этом призыве использовано первое значение, потому что стоящее рядом *крепко* лучше всего связывается со смыслом ‘взять и не выпускать’.

Так происходит согласование семантики связанных друг с другом слов, в результате чего выбирается одно-единственное подходящее к данному контексту значение. Причём такая «притирка» значений происходит у всех слов в предложении одновременно. Вообще говоря, многозначных текстов просто не бывает — бывают только тексты с недостаточным контекстом. Если их продолжить, от многозначности не останется никакого следа.

ВЕЖЛИВЫЙ И ВОЗРАЗИТЬ

Слово *вежливый* происходит от слова *вежа* 'человек, знающий, ведающий, как вести себя в обществе'. Прилагательное *вежливый* означало 'качество вежи' (сравните со словом *трусливый*). Исчезло из русского языка слово *вежа*, поэтому слово *вежливый* перестало члениться на *-веж-* (корень) и *-лив-* (суффикс). Появился корень *-вежлив-*.

Первоначально слово *возразить* (корень *-раз-*, приставка *воз-*) было однокоренным со словами *разить, сразить, поразить, отразить* (врагов) и значило 'ответить ударом на удар'. Новое значение — 'опровергнуть чужое мнение' — отторгло его от глагола *разить*. *Возраз-и-ть* — так членится современный глагол.

в сочетаниях (синтагматически), и при чередованиях (парадигматически) они превратились из одних грамматических единиц в другие.

Отношения между единицами языка меняются не только в тех случаях, когда единица в ходе истории исчезает (как исчезло, например, слово *председать*). Они меняются и тогда, когда появляются новые единицы. Откуда появляются? Создаются из материала самого языка. Новые для литературного языка слова десятками заимствуются из народных диалектов. Одни усваиваются литературным языком, другие не уживаются в нём. Много слов русский язык взял из других языков, обогащаясь при соприкосновении с иными культурами. И всё это меняет взаимоотношения между единицами языка.

Эти примеры показывают, что понять каждую единицу языка можно только в том случае, если она берётся в соотношении, в сравнении с другими единицами, которые одновременно с ней существуют в языке и входят в одну систему.

Синхрони́я (от *греч.* «sýnchronos» — «одновременный») — это изучение отношений, которые существуют между языковыми единицами всех уровней в любую выбранную исследователем эпоху.

Диахрони́я (от *греч.* «diá» — «через», «сквозь» и «chrónos» — «время») — это изучение языковых единиц в их истории, в смене разных периодов и эпох.

Мы убедились, что изучение сосуществования языковых единиц (синхрония) и законы их последовательных изменений (диахрония) дают разные результаты. Впервые это поняли и разграничили синхронию и диахронию в науке о языке знаменитый швейцарский учёный Фердинанд де Соссюр и два исследователя, два глубоких мыслителя из России: Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ и Филипп Фёдорович Фортунатов.

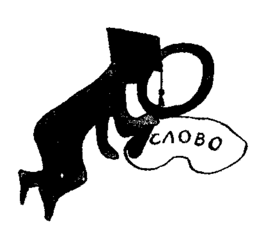
Как изучать синхронию? Это ясно: надо найти отношения единиц, которые одновременно существуют в данном языке данной эпохи. Единицы эти друг друга взаимно определяют.

Как изучать диахронию? Здесь мнения разделились. Фердинанд де Соссюр считал, что нужно взять одно «волокно», одну единицу языка и проследить, как она меняется во времени. Например, так можно было бы изучить историю отдельного звука или отдельной грамматической формы. Этот взгляд вряд ли верен. Если исследовать отдельные «волоконца» языка, можно искусственно разорвать языковые связи и тем самым исказить исторические изменения в языке.

Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ в своих исследованиях по истории языков показал иной путь. Сопоставляются целостные эпохи в развитии языка, т. е. разные синхронные срезы. Один срез сравнивается с другим, с тем, который находится уровнем ниже — глубже в историческом прошлом. Сравнив несколько таких срезов, можно установить, в каком направлении изменяется система данного языка, куда направлено его движение. Разграничение синхронии и диахронии необходимо, если мы хотим понять, как устроен язык.

* * *

Язык необыкновенно прост. Ребёнок овладевает им в три-четыре года. Язык необыкновенно сложен, неисчислимо богат, предельно выразителен, многообразно связан с жизнью каждого человека и всего общества. И вряд ли кто может сказать: «Уф, я позавчера полностью овладел языком!». Язык — неисчерпаем.



Русский язык

ВВЕДЕНИЕ

Родной язык не выбирают, как не выбирают мать и отца, место и время рождения. Но именно то, чего мы не выбираем, во многом определяет нашу судьбу. Счастье или несчастье человека зависит от взаимоотношений с близкими людьми, и взаимоотношения с родным языком тоже очень важны в жизни.

Если человек испытывает бессильную тоску перед чистым листом бумаги, не умея связать двух слов, для него закрыты десятки профессий. Тот, кто косноязычен, плохо говорит, может проститься со специальностями, требующими работы с людьми, а таких в современном мире становится всё больше. Если же человек просто неграмотен, не может и строчки написать без ошибки, для него недостижимо высшее образование (а если вопиюще неграмотен — то и среднее). Дело не только в карьере. Для такого человека слишком сложным, а значит, неинтересным, будет любой сколько-нибудь содержательный текст. Для него поэтому не существует литературы — в лучшем случае он в состоянии читать бульварные газеты. Неспособность воспринимать и анализировать тексты делает человека беззащитным перед напором рекламы и политиков. Любой краснобай может его заболтать, обмануть, обобрать, использовать в своих целях

Да, жалкое зрелище — человек «без языка». Его мучения описал когда-то писатель В. Г Короленко, рассказав о судьбе украинца, эмигрировавшего в Америку. Но почему люди соглашаются быть «безъязычными» у себя на родине? Язык предоставляет равные возможности каждому из своих «детей», а используют эти возможности все по-разному Даже полное незнание, например, химии или алгебры гораздо меньше осложняет жизнь, чем плохое владение родным языком Между тем многие школьники увлечены химией и математикой А вот часто ли приходится встречать учеников, которые называют любимым предметом русский язык? Только если очень повезло с учителем Как же случилось, что самый важный для жизни предмет получил устойчивую репутацию самого скучного и нелюбимого? Попробуем разобраться

Что приходит в голову при словах «уроки химии»? Таинственные превращения в пробирках, всё шипит, клокочет, меняет цвет... Математика — поиск, напряжение мысли, и наконец — эврика! — ответ найден, и как логично, красиво решение! История — даль прошлого, множество сложно связанных между собой событий, битвы, древние цивилизации География — сколько стран, народов, как велик и разнообразен мир! А теперь русский язык. Что представляется? Правила, диктанты, ошибки, снова правила. «Чем занимаются языковеды? — удивляются школьники — Еще в десять раз больше правил придумывают?» Между тем в языке есть и чудесные превращения, и красивая логика, и даль истории, и разнообразие стран и народов. Только вот на школьных уроках обо всем этом не говорят

Главной задачей школы считается научить грамотно писать Это, конечно, важно — хотя бы для возможности продолжить образование. Но поскольку дело это долгое и трудное, лучше ни на что другое внимание учеников не отвлекать Пусть учат правила, а общие сведения о языке — только те, которые нужны для применения

правил. Такая традиция сложилась давно, ещё во времена становления российского школьного образования. Десятилетия за десятилетиями ученики зубрили правила — а их тогда было ещё больше из-за устаревших написаний, — не зная ничего о лингвистической науке, которая, как всякая наука, развивалась, в ней кипели страсти, совершались открытия, опровергались заблуждения. В застывшем царстве школьной программы всё оставалось по-прежнему: «***ча*** и ***ща*** пишется с буквой ***а***», «*не* с глаголами пишется раздельно», «между однородными членами предложения ставится запятая».. Почему пишем ***а,*** почему отдельно, почему нужна запятая? Существительное *волк* — одушевлённое... У глаголов совершенного вида формы настоящего времени нет... В словосочетании *белый платок* главное слово *платок*... Что значит «одушевлённое», почему нет настоящего времени, как доказать, что главное слово — *платок?* На подобные вопросы ответ всегда один: так написано в учебнике. Мало того: из учебника в учебник переходили утверждения, сделанные в те далёкие времена, когда лингвистики как состоявшейся науки ещё не было. До сих пор в школе учат, что буква обозначает звук, что местоимения и междометия — части речи, а предложение — это законченная мысль, хотя наука уже лет сто знает, что в языке всё не так просто.

Такое положение вещей всегда вызывало протест и учёных-лингвистов, и прогрессивных учителей. «Обучение родному языку принесено в жертву идолу правописания» — основная тема бурной дискуссии, проходившей в России в начале XX в. перед орфографической реформой.

Упрощение орфографии отстаивали представители демократических сил: чем проще правописание, тем легче достичь всеобщей грамотности, тем больше возможностей у всех людей участвовать в жизни общества. Их противники отстаивали устаревшее правописание, говорили, что защищают культуру, традицию, но по сути они не хотели терять яркое отличие образованных слоёв — тяжким гимназическим трудом заработанную грамотность. На волне событий 1917 г. орфографическая реформа состоялась, и на время давление правописания ослабло. Однако и новая власть не собиралась отказываться от такого мощного средства воспитания подрастающего поколения, как «орфографический террор».

Еще в 60-х гг. XIX в. министр образования Дмитрий Андреевич Толстой сказал знаменитую фразу: «Ещё шесть лет латыни — и вы увидите, как угомонится наша молодёжь». Граф видел в отупляющей зубрёжке панацею от вольнодумства и, видимо, был прав. Уроки родного языка тоже прекрасно могут служить этой цели, если свести их к бесконечному заучиванию правил, диктантам и упражнениям.

Советские чиновники от образования оказались единомышленниками царского министра. В 1952 г. появляется памятная учителям инструкция «Единый школьный режим грамотного письма и культуры речи» с такими, например, пунктами: «...Учащиеся пользуются стандартными школьными тетрадями... До употребления страницы тетрадей должны быть пронумерованы

Обыкновенно употребляющийся у нас так называемый грамматический разбор есть само по себе очень хорошее упражнение; но постоянное употребление одного этого упражнения в продолжение нескольких лет делает его для детей невыносимо скучным <...> В какой класс ни придешь, всё разбор да разбор. Письменный разбор, как вешь совершенно бесполезную, мы советуем решительно исключить и заменить его другими письменными упражнениями, заключающими в себе более смысла и занимательности для учащихся.

(Из книги К. Д. Ушинского «О первоначальном преподавании русского языка». 1864 г.)

Скольким тысячам детей вместо хлеба образования дается камень правописания! Сколько бесполезных затрат на этого ненасытного бога!

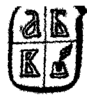
(Из книги К. Г. Житомирского «Молох XX века (правописание)». 1915 г.)

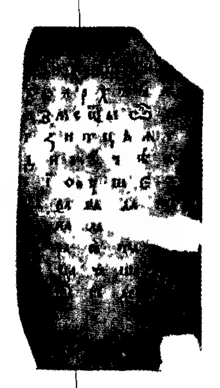
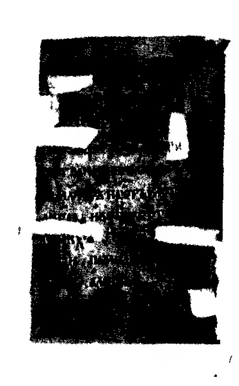
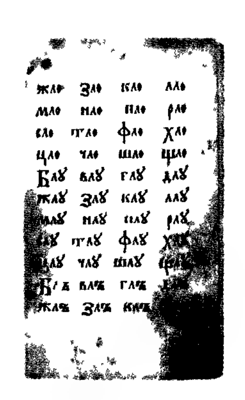
Первое, что приходится установить относительно правописания, — что обучать этому предмету вовсе не значит обучать языку, у которого есть своя жизнь и свои законы... обучать правописанию — это значит учить условному изображению языка на бумаге и только; подобно тому, как знать все ноты вовсе не значит быть музыкантом...

Содержание образования современного человека мы всё более и более видим не столько в знании условностей жизни... сколько в знании самой жизни, в умении идти к этому познанию все глубже, в умении работать, мыслить и сокращать ненужные условности в пользу действительно реального дела.

Нельзя без досады видеть, как ежедневно множество людей возмущаются какой-либо грамматической ошибкой человека, может быть, очень образованного, и в то же время о самом языке, об его жизни, законах, об его отношении к нашей логике, психологии имеют самые невежественные представления; или, вернее, в силу своей невежественности в языкознании и придают такое огромное значение всякой ошибке в правописании.

(Из книги А. Д. Алферова «Родной язык в средней школе». 1911 г.)



Листы из «Азбуки» московской печати. 1637 г.

(вверху посреди листа), поля размером в 3—3,5 сантиметра отлиновываются карандашом с внешней стороны страницы... Ученики должны соблюдать установленные правила нажима, волосяных линий, наклона и размера букв, промежутков между словами... Употреблять ручки и перья только стандартного образца... Носить тетради в особой картонной папке...». Здесь уже не до исследования тайн языка, только бы правильно поля отмерить...

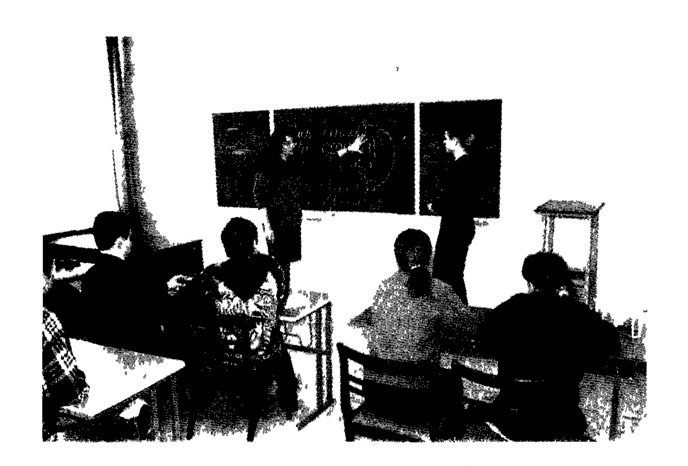
И сегодня уроки родного языка остаются уроками правописания. Но вот что удивительно: тысячи часов, проведённых на уроках русского языка и за домашними упражнениями, грамотности совсем не гарантируют. Опытные учителя знают: в каждом классе есть дети, которые пишут без ошибок, хотя правил не знают, — этот феномен называют «врождённой грамотностью», и он пока плохо изучен. Есть и другие, которые, зная все правила назубок, в экзаменационном сочинении всё равно сделают десяток ошибок. Возникает ощущение, что затраченные силы и время почти не могут повлиять на результат. Кто-то и без того пишет грамотно, а кто-то, несмотря ни на какие усилия, — с ошибками. Лучше бы в это время спортом занимался или книжки читал! Почему так происходит?

Представим себе человека, который хочет научиться играть в шахматы. Один наставник предлагает ему учиться так: шахматы — игра сложная, не будем ни на что отвлекаться. Вот так ходят фигуры, вот правила — выучи наизусть, для тренировки повтори по десять раз каждую из партий известных шахматистов, а потом будешь играть сам. Получится плохо — учи правила лучше. У другого учителя иной метод: давай разберёмся в сути игры, изучим тактику и стратегию, я расскажу об истории шахмат, мы обсудим много интересных партий, поговорим о психологии поединка. Несложно догадаться, в каком случае из ученика выйдет хороший шахматист.

Сходная ситуация и с правописанием. Стремление освободить учеников от «лишних» знаний оставляет только один способ обучения грамоте: зубрёжка и натаскивание. Между тем русская орфография устроена логично и по-своему красиво. Если потратить десяток уроков, чтобы разобраться в её устройстве, «лишние» знания дадут практический результат: разрозненные правила на глазах превратятся в стройную систему. Пунктуация, которая многим школьникам представляется чем-то специально придуманным для мучения детей, тоже внутренне логична. Учить же отдельные правила без рассказа о принципах пунктуации — всё равно что пытаться решать задачи на умножение, вызубрив таблицу Пифагора, но не имея представления о сути этого математического действия. Даже пресловутые «разборы» могут быть увлекательным занятием, если делать их, не бездумно копируя образец, а осознанно представляя себе систему языка и место в ней разбираемого элемента.

Правописание нужно в жизни, а теоретические знания о языке — нет, считают многие. Тогда зачем в школе изучают математику? Ведь в жизни большинству из нас нужны только четыре действия арифметики и проценты! Математика развивает мышление — это все знают. Но изучение языка развивает его не хуже, причём именно те грани мышления, которые в других предметах не задействуются. А изучать только правописание — то же самое, что ограничиться четырьмя действиями и процентами в математике. Поэтому, кстати, некоторые статьи в нашем томе покажутся читателю сложными: просто нет привычки размышлять о языке, хотя основные лингвистические понятия ничуть не сложнее логарифма или функции.

То, что школьная программа отстаёт от большой науки, — нормально. В вопросах, которыми занимается сегодня большая физика, вообще разбираются только несколько сотен человек на планете. Плохо, если на уроках нет научности как таковой. Научность — это поиск, доказательства, парадоксы, открытость для нового. Она несовместима с догматичным «потому что так в учебнике», она не требует заучивания, обращается к мысли, а не к прилежанию. Система языка не менее красива и интересна, чем устройство Вселенной или молекулы белка. Уроки родного языка могут и должны стать самыми увлекательными, самыми любимыми. Но для этого нужно проделать большую работу — не только написать новые учебники и программы, выпустить больше интересных книг о языке. Глав-

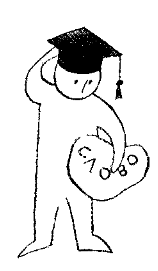


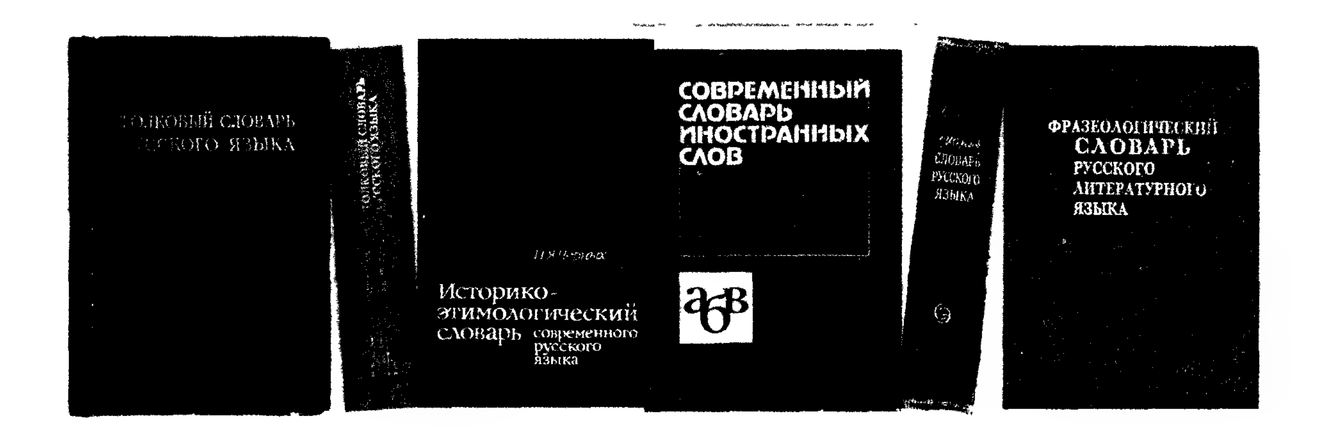
ное должно измениться нынешнее отношение к родному языку, во многом основанное на страхе и неприязни. Сотни сделанных «через не хочу» упражнений и двоек, полученных за диктанты, не проходят бесследно. Взрослый, уже вполне состоявшийся человек может таким тоном спрашивать у своего ребёнка: «Ну как у тебя по русскому?», что передаёт свой страх и свою неприязнь ему, а через него — внукам.

Мы боимся того, что плохо знаем. Поэтому лучший способ «наладить отношения» с родным языком — интересоваться им. Почему можно сказать *Меня взяла злость*, но нельзя — *Меня взяла ненависть?* Почему безударные гласные нужно проверять ударением? Почему, прибавив к определению времени суток один и тот же суффикс ***-ник***, получаем слова с совершенно разными значениями: *утрен**ник**, днев**ник**, вечер**ник**, ноч**ник**?* Почему глаголы в прошедшем времени изменяются по родам, ведь в остальных формах они обходятся без этого? Разбираться во всех этих загадках — занятие не только полезное, но и по-настоящему увлекательное.

* * *

Язык не выбирают, и нет нашей заслуги в том, что русский язык действительно великий, могучий и свободный. Однако это не отнимает у нас права гордиться своим родным языком и не снимает ответственности за него. В языке могучей пружиной сжат тысячелетний опыт наших предков: их мысли, достижения, чувство прекрасного. Поэтому о родном языке никогда нельзя знать достаточно — он неисчерпаем.





ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

СЛОВО — ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

ЧТО ТАКОЕ СЛОВО?

В 1954 г. учёные Джорджтаунского университета (США) провели интересный эксперимент: они научили электронно-вычислительную машину переводить тексты с одного языка на другой. Правда, во время этого эксперимента машина перевела всего лишь одну фразу. Однако «освоение» машиной человеческого языка началось.

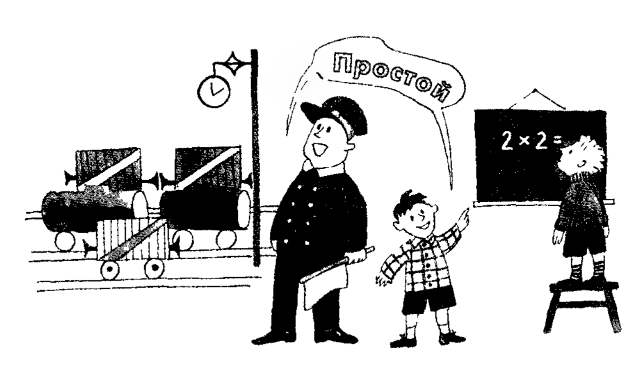
В этих работах вместе с математиками и инженерами участвовали лингвисты: ведь в основе машинного перевода должно лежать ясное и точное описание языков, на которых создаются тексты. Машина в отличие от человека не понимает никаких недосказанностей, ничего подразумеваемого — любая информация должна быть ясной и определённой.

Текст состоит из предложений, а предложения — из слов. Чтобы перевести какой-либо текст с одного языка на другой, надо сначала расчленить его на предложения и слова, а затем выяснить, что значат эти слова. В самом начале работ по машинному переводу учёные столкнулись с парадоксальной вещью: оказалось, что никто не знает, что такое слово. Что

считать словом? Ясно: *лес, день, корова, спать, ехать, первый, хорошо, вчера, поэтому* — это слова; здесь специалист не требуется. А *кое-кто* — одно слово или два? Этот вопрос становится совсем не простым, если просклонять местоимение *кое-кто: кое у кого, кое с кем, кое о ком.* А *день-деньской, белым-бело, за границей* (сравните: *Он был* ***за границей,*** *и* ***заграница*** *ему не понравилась*), *с бухты-барахты, под мышкой (Он нёс книгу* ***под мышкой****)?*

Не надеясь получить от лингвистов быстрый ответ на все эти вопросы, математики и инженеры, создававшие системы машинного перевода, условились считать словом последовательность букв в тексте между двумя пробелами. Однако довольно быстро выяснилось, что это определение неудовлетворительно: упомянутые наречия — *с бухты-барахты, под мышкой* — тогда пришлось бы считать состоящими из самостоятельных слов, а это явно противоречит нашему языковому чутью.

Нельзя не учитывать и значение выделенной последовательности букв. Например, вычленив из текста последовательность букв *простой,* нельзя ответить на вопрос: идёт ли речь о простоте чего-либо или же о простое вагонов в железнодорожном тупике. Человек, читающий текст, легко выбирает нужное значение, опираясь на общий смысл. Но как научить этому машину?



Итак, что может сказать о слове лингвистика? В науке о языке *с л о в о м* считается основная единица языка, у которой есть такие признаки: она воспринимается как нечто целое (это близко к рассмотренному выше критерию «последовательность букв между двумя пробелами»), её легко выделить в речи и свободно использовать — воспроизводить — при построении текстов.

Например, последовательность букв *сад* в русском языке воспринимается как нечто целостное. Это целое обладает определённым значением (‘участок земли с посаженными на нём фруктовыми деревьями и кустами’). Даже когда последовательность букв становится иной при изменении слова: *саду, сады, садом,* мы всё равно считаем, что перед нами та же самая единица. Это слово имеет набор грамматических форм — падежных *(сад, сада, саду...)* и числовых *(сад — сады).* А последовательность букв ***саж*** не может быть признана словом, так как она не обладает целостностью: у неё нет ни собственного значения, ни определённого набора форм. Говорящим по-русски это буквосочетание покажется скорее «обрывком» какого-то слова (например, ***сажа, сажать*** или *пас****саж***).

Свойство слова «выделяться в речи» означает, что носители языка легко узнают слово в потоке речи. Как они это делают? Одна из примет слова — ударение (как правило, оно в слове одно, если не считать слов с побочным ударением типа *моро́зоусто́йчивый*).

Однако если слово можно выделить на каком-либо отрезке речи — в словосочетании, предложении, тексте, — то легко вставить его в другой подходящий контекст, в иной речевой ситуации. Это и означает его воспроизводимость: когда мы говорим или пишем, то не составляем слова из звуков и букв каждый раз заново, а берём готовые, имеющиеся в языковой памяти.

Например, *ничего не делать* — три слова, каждое из которых выделимо в тексте и воспроизводимо, т. е. может повторяться в сочетаниях с другими словами: ***ничего не*** *хочу,* ***делать*** *работу,* ***не*** *читать* и т. п. *Ничегонеделание* надо признать одним словом, а не тремя: выделяется в тексте и воспроизводится вся эта последовательность букв, а не отдельных её частей: не существует таких сочетаний, как *чего-то делание* или *ничего не творение.*

Все три перечисленных признака — внешние, формальные; мы смотрим на слово как бы извне, стремясь распознать его в тексте или в потоке речи. Главные *с о д е р ж а т е л ь н ы е* свойства слова — способность выражать некий смысл и указывать на отношения с другими словами в предложении. Иными словами, слово обладает *л е к с и ч е с к и м* и *г р а м м а т и ч е с к и м* значениями. В предложении *Котёнку налили молока* слово *котёнок* имеет лексическое значение ‘детёныш кошки’, слово *налить* — ‘наполнить жидкостью какую-либо ёмкость (или её часть)’, *молоко* — ‘белая жидкость, выделяемая молочными железами самок млекопитающих’.

Но откуда мы узнаём, что значит то или иное слово? Мы «добываем» эти сведения из своей языковой памяти. А там они откуда? Там они формируются в процессе овладения языком. Если

СЛОВАРИ — СОКРОВИЩНИЦА ЯЗЫКА

Французский писатель Анатоль Франс называл словарь «вселенной, расположенной в алфавитном порядке». Он рассказывает, как однажды Шарль Бодлер, в ту пору молодой и малоизвестный поэт, пришел к маститому поэту — Теофилю Готье. Тот спросил Бодлера: «Читаете ли вы словари?» Молодой поэт ответил, что да, читает охотно. И Готье стал горячо говорить Бодлеру, как необходимо это занятие писателю, сколько полезного может почерпнуть он из чтения словарей.

Читать словари? Что за странность! Ведь это не роман, не детектив. Как же можно их читать? Словарь нужен, если не знаешь, как пишется или произносится слово...

Между тем словари — это не только справочники, но и элемент национальной культуры: ведь в слове запечатлены многие стороны народной жизни. Все богатство и разнообразие лексических запасов языка собрано в словарях. Создание словарей — задача особой отрасли лингвистической науки, *лексикографии* (от *греч.* «lexis» — «слово» и «grapho» — «пишу»).

Словари многочисленны и разнообразны. *Энциклопедические* словари описывают мир, объясняют понятия, явления, дают биографические справки о знаменитых людях, сведения о странах и городах, о выдающихся событиях (войнах, революциях, открытиях). В *филологических* словарях содержится информация о словах. Существуют разные типы филологических словарей. Большинству людей известны словари *двуязычные*: с ними мы имеем дело, изучая иностранные языки, переводя тексты с одного языка на другой.

Особенно разнообразны одноязычные словари. Сведения о правильном написании слова можно получить в *орфографическом* словаре, о том, как слово надо произносить, — в словаре *орфоэпическом* (т. е. словаре правильного, литературного произношения). Происхождение слова, его путь в языке, все изменения, которые произошли с ним на этом пути, описываются в словарях *этимологических* и *исторических*. Устойчивые сочетания слов регистрируют словари *фразеологические*.

Есть словари *грамматические*, содержащие информацию о морфологических и синтаксических свойствах слова; *обратные*, в которых слова расположены по алфавиту их конечных букв (это бывает необходимо для некоторых лингвистических исследований); словари *иностранных слов*, *терминологические*, *диалектные*, словари *языка писателей*, словари *речевых неправильностей и трудностей*. Словарь может описывать не всю лексику языка, а какие-либо группы слов: таковы словари *синонимов*, *антонимов*, *омонимов* или *паронимов*.

Этот перечень был бы неполон без двух типов словарей, имеющих наиболее давнюю лексикографическую традицию. Это словари *толковые* и *идеографические*. И в тех и в других описывается смысл слов. Но в толковом словаре слова расположены по алфавиту, а в идеографическом — по группам, которые выделяются на основании некоторых общих свойств вещей и понятий (например, таких: «человек», «животное», «действие», «физическое свойство», «чувство» и т. п.).

Современная лексикография развивается по двум основным направлениям. Одно — создание специализированных словарей, в которых содержалась бы информация только одного типа: например, только о написании слова, только о его происхождении, только о способах его сочетания с другими словами и т. д. Другое направление — создание словарей комплексных, которые включали бы по возможности все сведения о слове: не только давали бы толкования его значений, грамматические характеристики, правила произношения и написания, но и описывали его смысловые связи с другими словами (синонимами, конверсивами, антонимами), особенности его употребления в разных стилях, его словообразовательные возможности. Иногда в такие словари включают и энциклопедические сведения о вещи, которую называет слово.

Различные типы словарей разрабатываются в зависимости от того, кому они адресуются. Так, например, есть словари *академические*, которые содержат наиболее полную информацию о слове, и *учебные*, которые преследуют цель научить человека, овладевающего языком, правильно использовать слово. Есть словари, адресованные всем, рассчитанные на любого читателя (таков, например, однотомный «Толковый словарь русского языка» Сергея Ивановича Ожегова и Натальи Юльевны Шведовой), и словари-справочники, предназначенные людям определенных профессий (например, «Словарь ударений для работников радио и телевидения», «Толковый словарь бизнеса»). Особый тип составляют словари для различных технических, прикладных целей: например, для машинного перевода и т. п.

Составление словарей — труд кропотливый и долгий. Современная лексикография представляет собой целую индустрию, которая, удовлетворяя потребность в самых разнообразных видах информации о слове, активно использует возможности современной компьютерной техники.

«Заглядывал я встарь в академический словарь. ..»

В нашей памяти хранятся все формы слова

этот процесс не завершён (человек недостаточно хорошо знает данный язык, например русский), языковая память может подвести, и тогда надо обратиться к толковому словарю. В толковых словарях значения слов описаны в точном соответствии с тем, как понимают и употребляют слова природные носители языка — те, кто говорит на нём с раннего детства.

В нашей языковой памяти хранится также информация о том, как должны изменяться слова (например, по падежам, числам, лицам), как они связываются друг с другом в тексте. При подлинном владении языком это «записанное» в нашем мозгу знание языка неощутимо: чтобы что-то сказать друг другу, нам не нужно каждый раз сверяться с учебником грамматики. А вот в грамматиках информация о связях слов в речи даётся в явно сформулированном и полном виде. Если мы в чем-либо не уверены — например, так ли склоняется слово, как надо сочетать его с другими словами, — мы можем обратиться к грамматике, и она разрешит наши сомнения Вернёмся к предложению *Котёнку налили молока.* Между словами, составляющими это предложение, имеются определённые связи, которые выражаются формами слов, их окончаниями· ***-у*** в словоформе *котёнк**у*** обозначает дательный падеж, ***-а*** в словоформе *молок**а*** — родительный падеж, показывающий, что имеется в виду некоторое количество или часть чего-либо. Форма глагола *налили* сигнализирует, что обозначаемое этим глаголом действие произошло в прошлом (сравните: *нальют*), что оно закончено (сравните: *наливали*), что «производитель» этого действия неизвестен или неважен (сравните: *Хозяйка **налила** котёнку молока; Дети **налили** котёнку молока*). Такие значения словоформ, указывающие на отношения между обозначаемыми объектами, время и характер действия, и есть грамматические значения.

Лексическое и грамматическое значения — два важнейших свойства слова. Лексическое значение позволяет нам говорить о мире, называя словами его явления. Грамматическое даёт возможность связывать слова между собой, строить из них высказывания. Чем лексическое значение слова отличается от грамматического? Во-первых, каждое лексическое значение индивидуально — им обладает только данное слово. Грамматическое значение присуще, напротив, целым классам слов. Каждое из слов — *дорога, книга, стена* — обладает собственным, только ему присущим лексическим значением. Но грамматическое значение у них одно и то же: все они принадлежат к одной части речи (являются существительными), к одному грамматическому роду (женскому), имеют форму одного и того же числа (единственного).

Грамматическое значение абстрактно. Например, значения вида, времени, наклонения не закреплены за каким-либо одним глагольным словом, а относятся ко всему классу глаголов.

Во-вторых, в отличие от лексического значения грамматическое обязательно должно быть выражено в тексте или в высказывании (с помощью окончаний, предлогов, порядка слов и т. п.). Слово нельзя употребить, не выразив при этом его грамматических характеристик (исключение: несклоняемые слова типа *метро, такси* вне связи с другими словами).

Произнося слово *компьютер,* мы уже одной его формой выражаем грамматические значения: отнесённость к классу существительных,

СТИХОТВОРЕНИЕ

Следующий стихотворный отрывок взят из объёмного произведения, созданного группой авторов:

усики/трусики/младограмматики/парамагнетики/ботики/антибиотики.

Постарайтесь догадаться, в чём состоял замысел этого произведения.

ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ И ИХ СОЗДАТЕЛИ

Первым большим *толковым* словарем русского языка, т. е. словарем, в котором объясняются значения слов, был «Словарь Академии Российской». Словарь издавался дважды; второе издание несколько отличалось от первого построением и количеством описанных в нем слов. В первое издание, появившееся в 1789—1794 гг., было включено 43 257 слов, во второе издание (1806—1822 гг.) — уже 51 388 слов.

Во второй половине XIX в. вышел в свет «Словарь церковно-славянского и русского языка». В нем было описано уже 114 749 слов. В отличие от предыдущего словаря, включавшего в основном слова литературного языка, принадлежавшие к высокому «штилю», в «Словарь церковно-славянского и русского языка» входила и новая лексика.

Настоящей революцией в словарном деле стал «Толковый словарь живого великорусского языка», созданный в середине XIX в. Владимиром Ивановичем Далем (1801—1872). Именно в него впервые были включены самые широкие слои лексики.

Составитель этого замечательного словаря и сам был замечательным человеком. Разносторонний ученый, он занимался этнографией, языковедением, медициной, биологией, слыл очень неплохим писателем.

За свою долгую жизнь Даль много повидал и много испытал. Был военным, служил мичманом во флоте. Выйдя в отставку, Даль закончил медицинский факультет и получил учёную степень доктора медицины. Потом воевал, был министерским чиновником.

Все это время Даль собирал материалы для своего словаря. Впервые он занялся этим в 1819 г., будучи еще очень молодым человеком, а издавать словарь он начал только в 1863 г., закончив к тому времени службу.

«Толковый словарь живого великорусского языка», издание которого было завершено в 1866 г., стал поистине великим событием в истории отечественной науки. Словарь, содержащий около 200 тыс. слов, запечатлел реальное состояние русского языка той эпохи. Даль составлял свой труд, опираясь на «устную речь простого русского человека, не сбитого с толку грамотейством». Именно включение в словарь разговорных, диалектных и даже просторечных слов делает его столь интересным для читателей.

Поскольку сам Даль не был профессиональным филологом, в его словаре довольно много недочетов. Поэтому в 1903—1911 гг. под руководством замечательного отечественного языковеда Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ было подготовлено 3-е издание этого словаря.

Самым известным словарем, описывающим современное состояние русского языка, т. е. языка XX в., стал «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова.

Дмитрий Николаевич Ушаков (1873—1942) — одна из самых ярких фигур отечественной лексикографии. Его учителем был Филипп Федорович Фортунатов. Долгое время Ушаков был профессором Московского государственного университета, возглавлял Московскую диалектологическую комиссию. Вокруг него всегда собирались молодые лингвисты, прозванные в Москве «ушаковскими мальчиками». Самые знаменитые его ученики — С. И. Ожегов, Г. О. Винокур, Р. О. Якобсон. Многие из учеников стали потом его помошниками в составлении словаря. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935—1940 гг.) состоит из четырех томов и включает 85 289 слов.

В 1948—1965 гг. вышел в свет новый академический словарь русского языка — «Словарь современного русского литературного языка». Этот 17-томный словарь готовился целым коллективом авторов.

Но в обычной жизни пользуются обычно не этими подробными словарями, тем более что не все имеют их дома, а однотомным «Словарем русского языка» С. И. Ожегова, впервые вышедшим в 1949 г. Словарь этот дорабатывается и переиздается вот уже почти 50 лет. Сергей Иванович Ожегов (1900—1964) — ученик В. В. Виноградова и Л. В. Щербы. Круг его лингвистических интересов был очень широк. Он занимался лексикологией и лексикографией, вопросами культуры речи и социолингвистикой, историей русского литературного языка и языком художественной литературы.

Работа лексикографа очень трудна и кропотлива. Никакие новшества в технологии не заменят интуиции человека, его внимательных глаз и трепетного отношения к слову.

Дмитрий Николаевич Ушаков.

Сергей Иванович Ожегов

СТИХОТВОРЕНИЕ

Взято несколько идущих последовательно слов из «Обратного словаря русского языка» (1974 г.). В обратном словаре слова располагают в алфавитном порядке, начиная с последней буквы слова.

род (мужской), число (единственное), падеж (именительный или винительный: ***Компьютер*** (им. п.) *не работает; Купили новый* ***компьютер*** (вин. п.)).

Лексическое значение слова *компьютер* (‘электронная вычислительная машина’) во всех формах этого слова — *компьютеру, компьютером, компьютеры* — остаётся неизменным и при этом не выраженным никакими дополнительными средствами, кроме самой последовательности букв: *к-о-м-п-ь-ю-т-е-р.*

Итак, мы рассмотрели основные признаки слова. Но складываются ли эти признаки в некое целостное определение этого понятия? Едва ли. А может быть, и не нужно стремиться во что бы то ни стало дать определение слову? Не определили же математики до сих пор понятие «число», и ничего, математическая наука не стала от этого хуже... Ведь и слово, и число принадлежат к классу так называемых фундаментальных научных понятий (лежащих в основании соответствующей науки), которые обычно осознаются интуитивно, но точных, строго формализованных определений не имеют. Это не мешает науке развиваться, изучать свойства таких «неопределённых» явлений. Все вопросы, связанные со словами и их ролью в языке, изучает наука *л е к с и к о л о́ г и я* (от *греч.* «léxis» — «слово» и «logos» — «учение»).

ЛЕКСЕМА

Лиса́, лисы́, лисе́, лису́, лисо́й, о лисе́; ли́сы, лис, ли́сам, лис, ли́сами, о ли́сах. Сколько здесь слов? «Двенадцать, — скажет один, — все они перечислены через запятую». — «Одно, — возразит другой, — ведь лексическое значение везде одно и то же». Кто же прав? Можно сказать, что оба, только первый обратил внимание на формальные признаки (цельность, выделимость), а второй — на содержательный признак (лексическое значение). Вот вопрос сложнее: *В этих местах водятся* ***лисы;*** *На пальто — воротник из* ***лисы;*** *Эта* ***лиса*** *всякого сумеет уговорить!* Одно слово или три? Ведь и лексическое значение во всех трёх случаях разное:

1) ‘животное, хищное млекопитающее семейства псовых с острой мордой и длинным пушистым хвостом’; 2) ‘мех этого животного’; 3) ‘хитрый, льстивый человек’. Но не считать же этих трёх «лис» такими же разными словами, как, скажем, *лиса* и *медведь!*

Слово в совокупности всех его форм и значений лингвисты называют *лексе́мой.* Все словоформы лексемы принадлежат к одной части речи (скажем, прилагательное *лисий* не может считаться формой лексемы *лиса,* это элемент другой, самостоятельной лексемы; сравните: *лисий, лисьего, лисьему* и т. д.). А значения одной лексемы обычно связаны между собой или общими компонентами смысла (такая связь есть между первым и вторым значениями лексемы *лиса:* она выражена компонентами «животное», «мех»), или ассоциативной связью. Так, между первым и третьим значениями лексемы *лиса* связь устанавливается потому, что в русском сознании лисе приписываются хитрость, коварство и льстивость.

Обычно все словоформы лексемы имеют общую основу, в нашем примере — *лис.* Но некоторые слова образуют свои грамматические формы от разных основ. Такие формы называются *с у п п л е т и в н ы м и* (от *лат.* suppleo — «добавляю», «дополняю»): например, *брать — взять, человек — люди, я — меня* и т. п. Эти формы совсем не похожи друг на друга. Однако лексическое значение у них одно, а различаются только грамматические значения: несовершенный вид *(брать)* — совершенный вид *(взять);* единственное число *(человек)* —

ИГРА «НЕ ПОВТОРЯТЬСЯ!»

Человек, знающий больше слов, лучше владеет языком — эта мысль кажется очевидной. Но знать слова можно по-разному. Почти любому взрослому известно, что *какаду* — птица с большим носом, *крепдешин* — тонкая ткань, а *офсайд* — ситуа́ция «вне игры» в футбольном матче. Эти слова входят в *пассивный словарный запас* большинства людей. Однако очень легко представить себе человека, который в течение жизни ни разу не употребил их на письме или в разговоре. Значит, эти слова не входят в его *активный словарный запас*.

Чем богаче пассивный словарный запас человека, тем легче он понимает тексты и речь других людей. Расширить его можно, почаще заглядывая в словарь и не стесняясь спрашивать у собеседников о значении незнакомых слов. Очень часто значения слов из пассивного словарного запаса нам известны лишь приблизительно: *тога* — это такая свободная одежда у древних римлян; *завалинка* — это что-то такое, на чём любят сидеть в деревне, то ли скамейка, то ли забор; *управа* — какое-то учреждение, чем-то управляет. Как ни странно, столь расплывчатого представления о значении слов в бо́льшинстве ситуаций вполне достаточно. Впрочем, могут возникать и курьёзы. Восторженного репортёра из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», который, желая передать напряжённую работу на строительстве, написал, что «стропила гудят», подвело именно приблизительное представление о значении слова. «Стропила гудят только тогда, когда постройка собирается развалиться», — отвечал ему рассерженный инженер.

Богатый активный словарь позволяет полно и точно выражать свои мысли, легко писать, непринуждённо выступать перед аудиторией. Он тем больше, чем шире и разнообразнее круг общения и интересы человека. Яркий пример ограниченного активного словарного запаса — героиня того же романа Ильфа и Петрова Эллочка Щукина. Понимая речь других людей, сама она вполне обходилась 30 словами.

Один из способов расширить свой активный словарный запас — игры, требующие речевой изобретательности, умения сказать об одном и том же множеством разных способов.

Например, игра «Не повторяться!». Играют в неё так: все по кругу высказываются на одну и ту же тему, не повторяясь. Тема может быть любой — погода, описание предмета, человека и т. п. Нарушивший запрет на повторение или не сумевший ничего сказать выходит из игры. Побеждает тот, кто остаётся.

Игру можно существенно усложнить, если сделать более строгим запрет: не повторять ни одного из уже звучавших слов или даже однокоренных слов (в последнем случае все реплики придётся записывать).

В одном из вариантов игры все участники встают на стартовую прямую. Каждый, сумевший правильно высказаться, делает шаг вперёд. Тот, кто не успевает придумать, что сказать, остаётся на месте, допустивший повтор делает шаг назад. Побеждает тот, кто первым доходит до финиша.

Можно использовать эту игру, чтобы поздравить с днём рождения своих друзей. Полезно и очень приятно!

множественное число *(люди);* именительный падеж *(я)* — косвенные падежи (*меня, мне* и т. д.). Поэтому, несмотря на разные основы, эти формы также составляют одну лексему.

* * *

Чтобы что-то сказать, мы подыскиваем нужные слова и строим из них предложения. А что значит — нужные? Те, которые лучше всего передают нашу мысль, выражают наши чувства и отношение к окружающему. В том огромном наборе слов, который предоставляет нам язык, в каждой ситуации общения одни слова мы считаем подходящими, другие — нет.

Если уподобить нашу языковую, в данном случае словесную, память библиотеке, то мы пользуемся не всеми книгами этой библиотеки, а только некоторыми, к этой ситуации наиболее подходящими. И делаем свой выбор очень быстро и точно! В библиотеке книги стоят в определённом порядке — например, по алфавиту, темам, разделам наук и т. д. Этот формальный принцип помогает выбрать нужную книгу.

Также формально, например по алфавиту, можно упорядочить и слова (так они и расположены в большинстве словарей). Легко разделить слова на классы, скажем, по длине или по числу слогов. Но что это даёт для понимания сути слова, его роли в языке? Слово — не просто набор букв или звуков, а такой набор, который что-то обозначает. Часто одной и той же совокупностью букв обозначаются совершенно разные вещи *(ивовый прут — враги прут).* И это, безусловно, разные слова.

Стало быть, суть слова — не в его внешнем облике (во всяком случае, не только в нём), а в том, что́ за этим обликом скрывается и, как говорят учёные, не дано нам в прямом наблюдении. Это нечто — смысл, значение слова. Именно способность выражать смысл и делает слово центральной единицей языка.

Раздел языкознания, который изучает значения единиц языка, называется *сема́нтикой* (от *греч.* «sēmántikos» — «обозначающий»). Учёные — специалисты в области семантики — не просто фиксируют значения тех или иных слов, а исследуют закономерные смысловые различия и сходство между словами (например, синонимы, конверсивы, антонимы); формулируют правила преобразования одних смыслов в другие (например, чтобы смысл двух фраз с антонимичными словами был одинаков, к одному из антонимов надо добавить отрицание; сравните: *Он* ***отсутствовал*** *на последнем уроке — Он* ***не присутствовал*** *на послед-*

нем уроке); изучают особенности смысловых изменений слова при его сочетании с другими словами (см. статью «Вместе и врозь. Сочетаемость слов»). Семантика, семантические исследования служат теоретической базой при создании толковых словарей. Правильное истолкование слова невозможно без определения того, какие смысловые компоненты являются существенными, а какие — случайными, т. е. какова структура значения.

Слово только на первый взгляд кажется простой и понятной единицей языка. При внимательном исследовании оно предстаёт сложнейшей структурой с неисчерпаемым содержанием.

СЛОВО И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

МНОГОЗНАЧНОСТЬ СЛОВА

Представьте себе такую ситуацию. Вы слышите чужой разговор, но слов не разобрать, и до вас долетает только одно, сказанное громче других восклицание: *Идёт!* Что имеется в виду? То ли дождь идёт, то ли автобус приближается, то ли гость, которого заждались, наконец пожаловал? Правильно понять смысл слова можно, только учитывая его сочетание с другими словами и ситуацию речи: *дождь* ***идёт,*** *Ваня* ***идёт.*** А на остановке, где все замёрзли в ожидании автобуса, этот возглас и без дополнительных слов будет понятен.

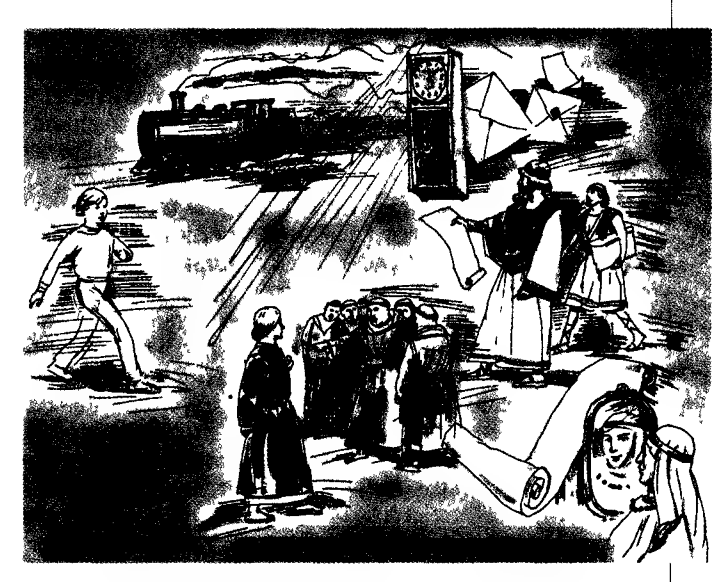
Словам любого естественного языка свойственна *многозначность,* многосмысленность. Нет такого языка, в котором каждому словесному знаку соответствовало бы только одно значение (учёные называют такое соответствие одно-однозначным).

Многие слова русского языка имеют не по одному, а по два-три значения, некоторые — по десятку и более. Например, уже упомянутый глагол *идти* может быть употреблён более чем в 20 значениях: *По дороге* ***идёт*** *мальчик; Поезд* ***идёт*** *быстро; Трудно* ***идти*** *против воли большинства; В своих исследованиях он* ***идёт*** *за учителем; Письма* ***идут*** *долго; «Старинные часы ещё* ***идут»; Идёт*** *дождь; Дорога* ***идёт*** *полем; Из трубы* ***идёт*** *дым;* ***Идут*** *экзамены; На костюм* ***идёт*** *три метра ткани; Это платье вам* ***идёт;*** *Устаревшие модели одежды* ***идут*** *за бесценок; Гвоздь не* ***идёт*** *в стену; Из-за дождей картошка* ***идёт*** *в ботву; Этот фильм уже нигде не* ***идёт;*** *Макулатура* ***идёт*** *в переработку; Давай меняться? —* ***Идёт!*** и т. д.

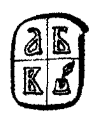
Существует закономерность: чем употребительнее слово, тем оно более многозначно. Такие слова, как *стол, рука, жить, белый, большой, говорить, делать, расти* и другие, имеют по нескольку разных значений.

Одно из значений многозначного слова бывает первичным, *исходным,* а другие значения — вторичными, *переносными:* название как бы переносится с одного объекта на другой. Например, слово *глухой* в первичном значении характеризует человека, который лишён слуха или плохо слышит ***(глухой*** *старик),* а в сочетаниях ***глухой*** *переулок,* ***глухой*** *забор,* ***глухой*** *голос,* ***глухая*** *ночь,* ***глух*** *к моим просьбам* это прилагательное употреблено во вторичных, переносных значениях.

Как отличить прямые значения от переносных? Важная черта прямого значения — его конкретность. Если слово имеет два или несколько значений и при этом одно из них конкретное, а другое (или другие) — отвлечённое, то, как правило, конкретное значение является первичным, прямым, а все остальные — вторичными, переносными. Например, в сочетании ***железный*** *стержень* прилагательное употреблено



Слово *идет* имеет множество значений



Мягкий характер Железная воля

в конкретном значении (можно сказать иначе: *стержень из железа*). В сочетании ***железная** воля* у прилагательного отвлечённый, а стало быть, вторичный, переносный смысл (переиначить это сочетание, как в первом случае, нельзя по-русски не говорят *воля из железа*).

Подобным образом в сочетании ***мягкий** воск* слово *мягкий* употреблено в прямом значении (это значение вещественно, конкретно), а в сочетании ***мягкий** характер* — в переносном. В сочетании *начертить* ***круг*** реализуется прямое значение слова *круг* (этот круг можно увидеть, он материален), а в сочетаниях ***круг** друзей, **круг** интересов* — переносное.

Если переносное значение встречается очень часто, то оно перестаёт ощущаться как вторичное, особенно если слово и во вторичном значении именует конкретные предметы, а не отвлечённые понятия. Так, слова *ручка* ('инструмент для письма'), *ножка* (стола), *спинка* (кровати) появились когда-то в результате переноса названий с частей тела человека на части предметов или на отдельный предмет. *Ножка*, например, похожа на ногу человека, во всяком случае по функции. *Ручка* — это то, за что всегда берутся рукой Но сейчас, конечно, они воспринимаются как отдельные слова со своим лексическим значением.

Многозначное слово в каждом из своих значений по-разному сочетается с другими словами Например, когда глагол *идти* используется в прямом значении, то естественно указать направление или способ движения: ***иду** домой, в магазин: **идём** пешком, быстро, медленно* и т. п Если же говорят о часах, то указывают не направление, а характер действия: *часы **идут** хорошо, плохо* (нельзя сказать *Часы **идут** домой*) В значении 'быть к лицу' этот глагол должен иметь обязательное дополнение в дательном падеже без предлога (кому идет) *Платье вам **идёт*** В значении 'расходоваться' глагол *идти* употребляется с дополнением в винительном падеже с предлогом *на: На костюм **идёт** три метра ткани*

Словообразовательные связи у многозначного слова также различны разным значениям соответствуют разные производные Если речь идёт о глухом человеке, то этот физический

ПОТЕРЯННАЯ КАРТОЧКА

Когда составляли толковый словарь русского языка, завели два набора карточек. На одних карточках писали глаголы, на других — их значения. (Всякий глагол обозначает ситуацию, в которой есть один или несколько участников. Эти участники были обозначены на карточках переменными: *A* едет из *B* в *C* на *D* = Иван едет из Риги в Москву на поезде.) Случилось так, что карточки перепутали и карточка с одним из глаголов потерялась:

ехать (A едет из *B* в *C* на *D); лихорадить (A* лихорадит*); удаляться (A* удаляется от *B); идти (A* идет из *B* в *C); просить (A* просит *B* о *C); знобить (A* знобит*); догонять (A* догоняет *B).*

(1) Из-за болезненного состояния некое лицо чувствует холод и дрожит.

(2) Два объекта перемещаются в одном и том же направлении, расстояние между ними сокращается, и один из них находится позади другого.

(3) Одно лицо побуждает другое лицо произвести некое действие, считая, что это лицо может произвести данное действие, но не обязано его производить.

(4) Лицо перемещается из одного пункта в другой, находясь на движущемся транспортном средстве, и это перемещение входит в число целей перемещающегося.

(5) Из-за болезненного состояния некоторое лицо чувствует то жар, то холод и обычно дрожит.

(6) Объект перемещается, и расстояние между ним и другим объектом увеличивается.

(7) Два объекта перемещаются в одном и том же направлении, расстояние между ними увеличивается, и один из них находится позади другого.

(8) Живое существо перемещается из одного пункта в другой, переступая ногами и ни в какой момент не утрачивая полностью контакт с поверхностью, по которой оно перемещается.

1. Восстановите правильные соответствия глаголов и их значений.

2. Какой глагол был на потерянной карточке?

ОЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ МИРА

Один из самых частых метафорических переносов строится на том, что свойства окружающего мира уподобляются свойствам человека. Когда говорят ***злой** ветер, **жестокий** мороз, **равнодушная** природа, **дыхание** весны,* то явления природы уподобляют качествам и действиям людей. Это случаи *антропоморфи́зма* (от *греч.* «antrópos» — «человек» и «morphé» — «форма», «вид», «образ»). От частого употребления таких метафор их образность стирается и становится незаметной для говорящих: *поток **бежит,** вулкан **проснулся,** природа **отдыхает, пульс** жизни* и т. п.

Бывает и наоборот — некоторые свойства и явления неживой материи переносят в мир человека. Тогда образуются метафорические по своей природе выражения типа ***холодный** взгляд, **каменное** сердце, **железная** воля, **стальные** нервы, **золотой** характер, **половодье** чувств, **водоворот** событий, **копна** волос, **клубок** мыслей, **груз** пережитого.*

недостаток называют *глухотой;* если же говорят о глухом согласном употребляют другое название свойства — *глухость* Прилагательному *глухой* в значениях, которые проявляются в сочетаниях ***глухая** стена, **глухой** лес,* не может соответствовать ни то ни другое существительное· не говорят *глухота стены, глухость леса* (но говорят *лесная глушь*)

Полотно** дороги, земной **шар,** дружный **класс,** светлая **голова эти переносные значения настолько привычны, что без специального усилия мысли их вторичность и не заметишь

Чтобы выяснить оттенки словесных значений, нужно обратиться к толковому словарю В нем обязательно отмечены сходство и различия в значениях и употреблении синонимов Хороший толковый словарь (Даля, Ушакова, Ожегова) отражает не только языковое чутьё и вкус составителя, но и принятое в данную эпоху осмысление и сочетаемость слов.

МЕТАФОРА

Когда говорят ***головка** лука, глазное **яблоко, иголки** сосны, **клин** журавлей,* то называют один предмет вместо другого по сходству формы А говоря ***нос** лодки, **хвост** поезда, **шляпка** гвоздя,* переносят название с одного предмета на другой по сходству расположения предметов (точнее, их частей) Перенос названий может объясняться и сходством в функциях предметов· так появились словосочетание *электрическое **полотенце,*** слово *сторож* в значении 'приспособление, не дающее выкипать молоку' (как бы стерегущее его) и т п

Перенос названия с одного предмета, действия или свойства на другое на основе сходства называется *мета́форой* (*греч* «metaphorá» — «перенос»). Метафоры бывают общеязыковые, когда то или иное метафорическое значение слова широко употребляется и известно всем говорящим на данном языке (***шляпка** гвоздя, время **бежит, чёрная** зависть, **золотые** руки).* Это метафоры «стертые», а лежащее в их основе уравнение давно забыто. Бывают и метафоры индивидуальные, созданные одним человеком, обычно писателем или поэтом, и не ставшие общеупотребительными. Такие метафоры ярче, чем общеязыковые, связь двух образов, на которой они построены, привлекает внимание своей неординарностью Таковы. например, метафоры Сергея Есенина: ***костёр** рябины красной, берёзовый весёлый **язык** рощи, **ситец** неба;* или *кровавые **слёзы** сентября, **поросли** дождевых капель, **булки** фонарей и **пышки** крыш* у Бориса Пастернака

ПОТЕРЯННАЯ КАРТОЧКА

Среди данных в условии глаголов можно выделить две группы. В первую войдут глаголы *знобить* и *лихорадить,* обозначающие ощущения некоторого лица, вызванные его болезненным состоянием. Во вторую большую группу попадут глаголы, в значении которых содержится указание на перемещение объекта в пространстве — *ехать, удаляться, идти, догонять.* Особняком стоит глагол *просить.* Теперь очевидно, что на карточках (1) и (5) находятся значения глаголов из первой группы. А на карточках (2), (4), (6), (7) и (8) упоминают перемещение, следовательно, это значения слов из второй группы. Однако карточек со значениями для слов второй группы пять, а самих глаголов — только четыре. Отсюда следует, что на потерянной карточке был записан ещё один глагол со значением перемещения. Оставшаяся карточка (3) соответствует глаголу *просить.*

Состояние, обозначенное глаголом *знобить,* в первую очередь характеризуется ощущением холода — значение с карточки (1). Так, можно сказать: *На улице такая жара, а у меня зуб на зуб не попадает, похоже, меня знобит.* Глагол *лихорадить* в таком контексте был бы менее уместен, на его долю остается значение с карточки (5).

Вторую группу глаголов также можно разбить на две подгруппы: в первую войдут глаголы, в значении которых содержится прямое указание на то, при помощи чего объект перемещается, — *ехать* и *идти,* а во вторую попадут все оставшиеся глаголы. Действительно, *догонять* и *удаляться* можно как пешком, так и на машине, а для того, чтобы *ехать,* необходимо какое-либо транспортное средство (4). Действие *идти* обязательно предполагает, что некое лицо переступает своими ногами (8). Итак, остались карточки (2), (6) и (7) и глаголы *удаляться* и *догонять.* Карточки (2) и (7) описывают ситуации, в которых участвуют два движущихся в одном направлении объекта. А глагол *удаляться* обращает наше внимание на то, что один объект перемещается относительно некоторой точки (6). *Догонять* предполагает, что расстояние между двумя движущимися объектами сокращается (сравните: *Мальчик догнал и схватил котенка*), ему соответствует карточка (2). Ситуация, описанная на карточке (7), похожа на ситуацию с карточки (2), но отличается от неё тем, что расстояние между двумя движущимися друг за другом объектами не сокращается, а увеличивается. Значит, чтобы восстановить глагол с потерянной карточки, нужно найти антоним к глаголу *догонять.* Таким антонимом является глагол *отставать,* именно он был потерян.

МЕТОНИМИЯ

Слова *золото, хрусталь, фарфор* могут обозначать материал *(изделия из* ***золота, хрусталя*** *или* ***фарфора****)*, а могут — вещи, сделанные из этого материала *(У неё в ушах* ***золото;*** *На полках — сплошной* ***хрусталь****)*. Слова *тарелка, стакан* обозначают и определённые виды посуды *(тарелка* ***супу,*** *стакан* ***воды****)*, и содержимое, влитое в посуду *(съел две* ***тарелки,*** *выпил* ***стакан****)* Столь же обычен перенос названия действия на средство, инструмент действия *(****замазка*** *щелей — свежая* ***замазка, передача*** *движения — велосипедная* ***передача****)* или место действия *(поспешный* ***выход*** *— стоять у* ***выхода, остановка*** *движения — автобусная* ***остановка****)*

Перенос названия с одного предмета на другой, основанный на связи, смежности этих предметов, называется *м е т о н и́ м и е й* (от *греч.* «metōnymia» — «переименование»). Метонимические переносы особенно регулярны, они свойственны не отдельным словам, а целым классам слов Наименование материала систематически используется для названия предметов из него (сравните. *изделия из* ***фарфора*** *и* ***хрусталя*** *— выставка* ***фарфора*** *и* ***хрусталя****)*, наименование органа — для названия болезни (особенно в разговорной речи: *У него* ***почки;*** *У тебя* ***голова*** *прошла?* и т. п.).

СИНЕКДОХА

Один из своеобразных видов метони́мии — *сине́кдоха* (от *греч.* «synekdoche» — «соотношение»). Это способность слова называть и часть чего-либо, и целое. Например, слова *лицо, рот, голова, рука* обозначают части человеческого тела. Но каждым из них можно называть человека: *Посторонним* ***лицам*** *вход воспрещен; В семье пять* ***ртов;*** *Коля — светлая* ***голова*** (сравните: *У Коли светлая* ***голова***); *У него* ***рука*** *в министерстве.*

Синекдохой называется и употребление единственного числа вместо множественного — для обозначения совокупности, множества: ***Студент*** *нынче не тот пошел* (имеется в виду студенты). Это свойственно главным образом публицистической и разговорной речи, но встречается и в художественной литературе: «*И слышно было до рассвета, как ликовал* ***француз***» (М. Ю. Лермонтов).

Некоторые характерные признаки внешности человека — борода, очки, одежда и т. п. — часто используются, чтобы назвать человека, обратиться к нему. Особенно это характерно для разговорной речи, например: *Эй,* ***борода,*** *куда лезешь?; Я стою вот за этим* ***синим плащом*** (т. е. за человеком в синем плаще). Этот вид синекдохи используется и художниками слова: «*Это верно, что дорого, — вздыхают* ***рыжие панталоны***» (А. П. Чехов).

Однако не всякая деталь внешнего облика человека будет уместна в роли синекдохи. Неэтично называть человека по особенностям его тела, фигуры, которые связаны с физическими недостатками — с хромотой, близорукостью, чрезмерным весом и т. п.

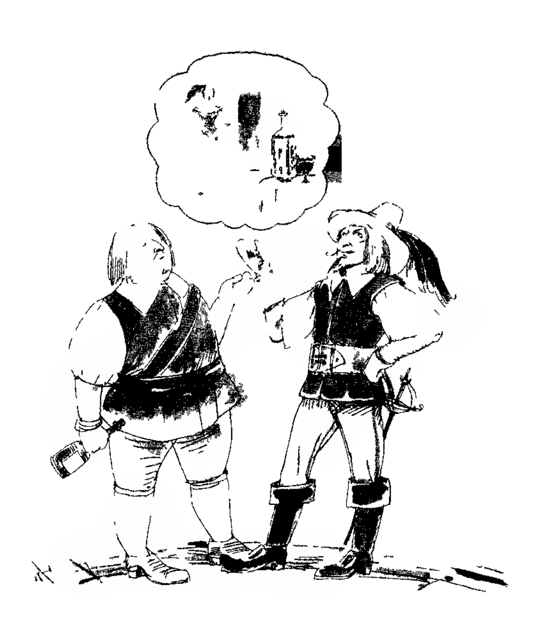
Название характерной детали вместо названия целого нередко используется, чтобы подчеркнуть место человека среди ему подобных. В этом случае слово-синекдоха имеет при себе определение: *первая* ***скрипка,*** *всемирно известный* ***тенор,*** *вторая* ***ракетка*** *страны* (слово *скрипка* здесь употреблено в значении 'скрипач', *тенор* — в значении 'певец, обладающий тенором', *ракетка* — в значении 'теннисист').

Гораздо реже словами с обобщенным или родовым значением называют единичное, конкретное. Так, слово *начальство* может использоваться в значении 'начальник': ***Начальство*** *сегодня не в духе.* Родовое наименование характерно для профессиональной и жаргонной речи. Например, старатели называют *металлом* золото, плотники *инструментом* именуют топор *(Не тупи* ***инструмент!****).*

ОМОНИМЫ

Жил такой замечательный учёный — Сергей Михайлович Бо́нди (1891—1983), непревзойдённый знаток А. С Пушкина На его лекциях по русской литературе в Московском университете никогда не было свободных мест. Он был мастером устного слова, очень любил словесную игру, каламбуры. И, кроме всего прочего, был блестящим полемистом В спорах с коллегами и оппонентами, где разногласия нередко возникали не по существу, а из-за разного понимания одних и тех же терминов, он часто говорил: «Прежде чем говорить о *графине,* надо определить, что мы имеем в виду — сосуд или человека».

Действительно, слова *графин* и *графиня* в форме предложного падежа совпадают *(о графине).* Такое явление, когда по форме совпадают



ТИПЫ ОМОНИМОВ

Выделяют несколько типов неполной омонимии: *фонетическую (омофоны)* — слова совпадают только по звучанию, но пишутся по-разному (*сток — стог, кот — код, бал — балл*); *графическую (омографы)* — слова совпадают только по написанию, но звучат по-разному (*а́тлас — атла́с, за́мок — замо́к, му́ка — мука́*); *морфологическую (омоформы)* — совпадают лишь некоторые формы разных слов: *три* — числительное и *три* — форма повелительного наклонения глагола *тереть* (*три рубля — три к носу*), но в других формах различие этих слов очевидно (*тремя рублями — тру к носу*); *корма́ судна — заготовлять ко́рма* (но: *след за кормо́й — отправился за ко́рмом*).

На омонимах часто строятся разные языковые игры. У современного сатирика Андрея Кнышева есть такие шутливые фразы: *«В доме всё было краденое, и даже воздух какой-то **спёртый**»; «Сидор **пытал** счастье, как матёрый гестаповец»*.

В старой школьной шутке обыгрываются омоформы: *«Три, да три, да три — сколько будет?» — «Девять». — «Нет, дырка»* (если долго тереть ластиком, протрёшь дырку).

Такая «игра» может быть и серьёзной. Вот как звучат омографы у Марины Цветаевой:

> *«Всё перемелется, будет **муко́й**!»*
> *Люди утешены этой наукой.*
> *Станет **муко́ю**, что было тоской?*
> *Нет, лучше **му́кой**!*

слова, не имеющие ничего общего по смыслу, называется *омони́мией* (от *греч.* «homōnymia» — «одноимённость»). *Лук$_1$* — 'огородное растение', *лук$_2$* — 'оружие для метания стрел'; *бор$_1$* — 'сосновый лес', *бор$_2$* — 'стальное сверло в бормашине', *бор$_3$* — 'химический элемент' — это примеры полных лексических омонимов: они совпадают во всех падежных формах. Иногда совпадает лишь часть форм или даже всего одна, как в примере с *графином* и *графиней*.

Как отличить омоним от многозначного слова? Между разными значениями многозначного слова сохраняется некоторая общность, и это обнаруживается в том, как толкуются их значения в словарях. У омонимов толкования никогда не содержат общих элементов. Например, в толковых словарях многозначный глагол *заводить* имеет следующие толкования: 1) 'ведя (т. е. заставляя двигаться), доставлять куда-нибудь мимоходом, по пути': ***заводить** детей в школу;* 2) 'ведя, направлять куда-нибудь очень далеко, не туда, куда следует': ***заводить** в болото; Такие рассуждения могут далеко **завести**;* 3) 'оттаскивая в сторону конец чего-нибудь, ставить': ***заводить** невод;* 4) 'устраивать', 'организовывать': ***заводить** подсобное хозяйство, **заводить** новые порядки* (т. е. делать так, чтобы хозяйство, новые порядки начали иметь место); 5) 'приобретать', 'обзаводиться чем-нибудь' (т. е. начинать иметь): ***заводить** собаку;* 6) 'начинать что-нибудь' (что обозначается существительным): ***заводить** разговор, **заводить** знакомство;* 7) 'приводить в движение', 'пускать в ход (механизм)': ***заводить** часы, **заводить** мотор.* В этих разных значениях обнаруживаются общие для них смысловые компоненты: «движение» и «начинать».

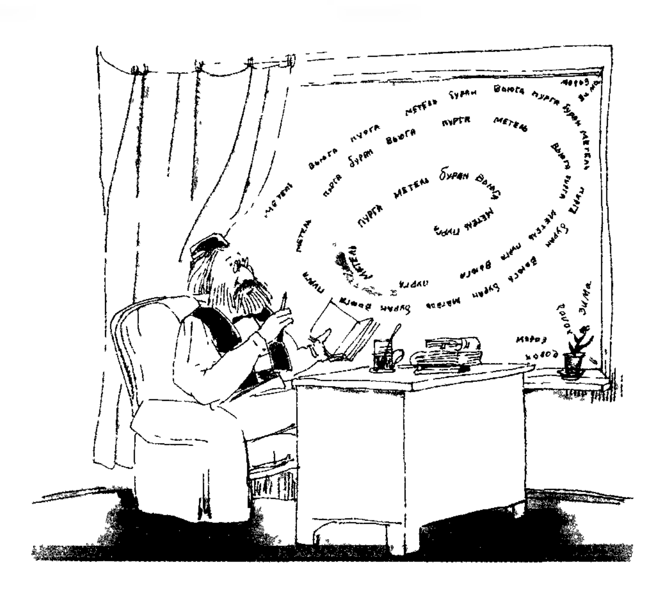
Ничего похожего нельзя найти в толкованиях омонимов. Например, *завод$_1$* — 'промышленное предприятие с механической обработкой сырья': *металлургический **завод**, маслобойный **завод**; завод$_2$* — 'приспособление для приведения в действие механизма': *часовой **завод**, игрушка с **заводом**.* (Толкования даны по «Словарю русского языка» С. И. Ожегова.)

Нельзя сказать, что омонимы обогащают язык, скорее это помеха в общении: когда не ясно, в каком смысле употреблено слово или форма слова, общение затрудняется. Однако «вредоносность» омонимов не стоит и преувеличивать. Ведь в контексте речи значение омонима, как правило, становится понятным: *Это совсем **простой** пример — За **простой** вагонов взимается штраф.*

СИНОНИМЫ

Зима. За окном снег, вьюга... Или метель? А может, пурга? Ну не буран же: буран скорее в степи, в поле, а не в городе, хотя и это слово приходит на ум. А хорошо бы из зимы да в лето, от холода, стужи, мороза — к июньскому теплу, июльской жаре (но, конечно, не к зною)... Слова сближаются по смыслу: *вьюга, метель, пурга, буран; холод, стужа; тепло, жара, зной* и противопоставляются: *зима — лето, холод — жара, стужа — зной.* Это наиболее типичные отношения между словесными значениями — синонимические и антонимические.

Сино́нимы (от *греч.* «synonymos» — «соимённый») — это слова, принадлежащие к одной и той же части речи, которые звучат и пишутся по-разному, а по смыслу одинаковы или очень близки. Например: *миг — момент, бранить — ругать, огромный — громадный, напрасно — зря, возле — около.* Синонимичными



могут быть не только пары слов, но и целые ряды слов: *метель — метелица — вьюга — пурга — буран; кратко — сжато — коротко — лаконично — вкратце*

Слова, одинаковые по смыслу, называются *полными* синонимами. Например: *бросать — кидать, глядеть — смотреть, прекращаться — переставать, забастовка — стачка, подлинник - оригинал* (картины, рукописи), *одинаковый — тождественный, везде — всюду.*

Однако синонимия далеко не всегда означает полное тождество смыслов Есть слова, которые близки, но не одинаковы по смыслу. Они называются *неполными* синонимами, или *квазисинóнимами* (от *лат.* quasi — «почти», «приблизительно»). У неполных синонимов значения совпадают в основном, а в частностях они могут различаться.

Если значение одного из квазисинонимов может полностью «вкладываться» в значение второго и при этом в значении второго есть ещё некоторые смысловые компоненты, то между такими синонимами — отношения включения. Слова *нести — тащить, нападение — агрессия* соотносятся именно таким образом *тащить* — это *нести*, но с трудом (*мешок* можно и *нести*, и *тащить*, но ***тащить,*** например, *чашечку кофе* нельзя); всякая *агрессия* является нападением, но не всякое *нападение* можно назвать агрессией (в сочетании ***нападение*** *грабителей на прохожего* слово *нападение* нельзя заменить словом *агрессия*)

Значения двух квазисинонимов могут иметь общую часть, а значение каждого из них отличаться какой-то особенностью, в этом случае их значения «пересекаются». Так, *жадный* значит 'одержимый страстью захватывать чужое', а *скупой* — 'одержимый страстью не отдавать своё'

Квазисинонимы часто различаются и по стилистической окраске Например, в ряду слов *очи — глаза — гляделки* первое слово — возвышенное по своей стилистической окраске, второе — нейтральное, третье *(гляделки)* принадлежит к стилистически сниженной лексике Однако между этими словами есть и смысловые различия: *очами* можно назвать лишь большие, красивые глаза, *гляделками,* напротив, глаза маленькие или невыразительные, а слово *глаза* подходит во всех случаях.

Стилистически нейтральный и наиболее общий по смыслу член синонимического ряда обычно главный в этом ряду. Его называют *доминáнтой* (от *лат* dominans — «господствующий»). Таков, например, глагол *упасть* среди синонимичных ему слов, бóльшая часть которых имеет разговорную или просторечную окраску: ***упасть,*** *свалиться, бухнуться,*

Слово *очи* сочетается с *ликом, гляделки* — с *рожей*, а слово *глаза* подходит для всех случаев

шлёпнуться, брякнуться, шмякнуться, грохнуться, хлопнуться, полететь, ухнуть (в яму), *загреметь* и др.

Синонимичным данному слову может быть не только другое слово (или другие слова), но и словесный оборот, устойчивое выражение. Например: *бездельничать — бить баклуши, обманывать — водить за нос, умереть — сыграть в ящик — дать дуба — отдать Богу душу* и т. п. Как правило, такие устойчивые выражения ярко окрашены, экспрессивны.

Многозначные слова могут входить не в один, а в разные синонимические ряды: в каждом из таких рядов слово участвует только одним своим значением. Так, слово *низкий* в значении 'малый по высоте' синонимично слову *невысокий,* квазисинонимично словам *приземистый, низкорослый, малорослый* (о человеке); в значении 'относящийся к нижнему звуковому регистру' составляет синонимический ряд со словами *басовитый, басистый* (например, о голосе); в значении 'неудовлетворительный по качеству' слово *низкий* синонимично слову *плохой* (сравните: *продукты **низкого** качества — продукты **плохого** качества*); при обозначении определённого качества человека *низкий* вступает в синонимические отношения со словами *подлый, бесчестный* и др.

Синонимы могут различаться по своей сочетаемости с другими словами. Прилагательное *коричневый* свободно связывается с названиями любых предметов (***коричневый** карандаш, **коричневые** туфли, **коричневое** пальто* и т. п.); слово *карий* употребляется только для обозначения цвета глаз (по-русски нельзя сказать: ***карие** туфли* или ***карее** пальто*), а *каштановый* — цвета волос. Дождь или снег могут *прекращаться* или *переставать,* а занятия, уроки, игры — только *прекращаться* (нельзя сказать *уроки **перестали***). Глаголы *состояться* и *произойти* близки по своим значениям, но слово *состояться* применимо лишь к событиям, которые планируются *(**состоялось** совещание, **состоялась** встреча глав правительств)*, и не может быть употреблено с названиями стихийных действий, процессов (предложение *Вчера на Камчатке **состоялось** землетрясение* — нелепо).

КАК ВОЗНИКАЮТ СИНОНИМЫ

Синонимы появляются по-разному. Иногда слово, приобретая новое значение, сближается по смыслу с другими словами Например, существительное *участок,* развившее значение 'область какой-либо деятельности' *(На этом **участке** у нас отставание),* стало сходиться с такими словами, как *сфера, область, отрасль.* Синоним может возникнуть в результате того, что разошлись по смыслу слова, когда-то близкие; сравните: *лавка — скамья* и *лавка* ('небольшое торговое предприятие') — *магазин — ларёк — палатка.* Часто язык заимствует иноязычные слова, близкие по смыслу к тем, которые уже существуют в языке: *уют — комфорт, область — сфера, всемирный — глобальный* (вторые члены этих пар — слова иноязычные). Синонимы могут образовываться также от одного корня с помощью разных аффиксов: *замораживание — заморозка, пилотирование — пилотаж, оснащение — оснастка, гранение — огранка* и т. п.

Чем больше в языке синонимов, тем он богаче, тем больше в нём возможностей для выражения мыслей и чувств. Человека с большим весом можно назвать и *полным,* и *толстым,* и *грузным.* При этом каждый из синонимов имеет свою особенность значения, подчёркивающую объём *(полный),* форму *(толстый)* или вес *(грузный).* Такой человек может *сесть* или *опуститься* на стул, а может *плюхнуться;* в дверь он не всегда *входит* — в узкую он *втискивается* или *протискивается;* голос его может *звучать, греметь, рокотать* (если это бас), *гудеть, сипеть* и т. д.

Благодаря синонимам у нас есть возможность избегать в речи одинаковых слов и оборотов и в то же время сохранять нужный смысл: *К зиме он **закончил** свой труд. **Завершить** его вовремя было очень важно.* Особенно необходимы синонимы, чтобы передавать на письме

«Ах, нет, мне нельзя, ведь я такая толстая. полная. . пышненькая пухленькая Положи-ка мне еще тортика!».

прямую речь, диалог. Нельзя всё время повторять: *он сказал, она сказала.* Язык предоставляет нам и другие возможности: *прошептал, пробормотал, промолвил, крикнул, закричал, возразил...*

Особенно ярко основное назначение синонимов — делать речь выразительной, гибкой, передавать тонкие оттенки смысла — проявляется в художественной литературе. *«Белинский был* ***образованнее*** *всех своих товарищей (не* ***учёнее,*** *а именно* ***образованнее****)»* (И. А. Гончаров); *«Старику захотелось важных, серьёзных мыслей; хотелось ему не просто* ***думать,*** *а* ***размышлять****»* (А. П. Чехов); *«****Сияло*** *солнце, вздыхала степь,* ***блестела*** *трава в бриллиантах дождя, и золотом* ***сверкала*** *река»* (М. Горький); *«...Александр Иванович* ***не ел, а питался.*** *Он* ***не завтракал, а совершал физиологический процесс введения в организм должного количества жиров, углеводов и витаминов****»* (И. Ильф и Е. Петров). Употребление слов-синонимов вместе в приведённых выше фразах словно делает смысл каждого из них глубже, полнее, неожиданнее.

ПАРОНИМЫ

Очень часто приходится от кого-нибудь слышать: ***одел*** *пальто,* ***одевай*** *шапку.* А надо: ***надел, надевай*** (пальто, шапку или любую другую одежду). *Одевают* же кого, а не что *(****одень*** *ребёнка).* На собрании можно услышать: *Слово* ***представляется*** (такому-то). А надо говорить: ***предоставляется***. Слова *одеть — надеть, представляться — предоставляться* являются *паронимами* (от *греч.* «para» — «возле», «около» и «onyma» — «имя»), т. е. словами, сходными по форме, но имеющими разный смысл. Обычно это слова, образованные от одного корня с помощью разных аффиксов, или просто близкозвучащие слова.

В отличие от синонимов, конверсивов и антонимов, которые дают возможность об одном и том же говорить по-разному и тем самым придают языку гибкость и выразительность, паронимы — явление в языке скорее нежелательное, чем полезное, своего рода помеха для говорящих. Однако они существуют (и не только в русском, но и во многих других языках), поэтому надо уметь их чётко различать по смыслу и правильно употреблять.

Паронимы по-разному сочетаются с другими словами (это вполне естественно: значения у них разные, поэтому и смысловые связи с соседями в предложении не могут быть одинаковыми). Например, в заявлении об отпуске надо писать: *Прошу* ***предоставить*** *мне отпуск,* т. е. дать возможность воспользоваться отпуском. А директор может написать на этом заявлении: ***Представьте*** *сначала отчёт о работе.* То есть он приказывает предъявить ему отчёт о работе. На собрании докладчику или оратору ***предоставляют*** *слово* — разрешают высказываться. А если кого-либо признают достойным похвалы, то его могут ***представить*** *к награде.* Гостя собравшимся также ***представляют***, но бывают такие нерадивые хозяева, которые ***предоставляют*** *гостей самим себе.* Эти два глагола различаются всего одним звуком, а по смыслу разница весьма существенная.

Паронимы можно различать и так: вместо каждого паронима подставлять близкое ему по смыслу слово. Эти «подстановочные» слова никогда не совпадут. Так, например, вместо ***экономный*** *хозяин* можно сказать ***рачительный*** *хозяин,* вместо ***экономичный*** *способ литья* — ***выгодный*** *способ литья.* Прилагательное *рачительный* явно отличается по значению от

СТОЛПОТВОРЕНИЕ ОШИБОК

Паронимы не всегда бывают однокоренными, слова от разных корней тоже часто путают.

Глагол *довлеть* по звучанию похож на *давить.* Его значение — 'быть достаточным': *Поэт не гонится за славой, ему* ***довлеет*** *творчество.* Фразеологизм *злоба дня* пришёл из Евангелия, и там он звучит так: *«...****довлеет*** *дневи* ('дню', дат. п. — *Прим. ред.) злоба его»* ('дню достаточно его забот', т. е. делай то, что должен делать сейчас, а заботу о будущем возложи на Бога). Поэтому сочетание *над ним* ***довлеет*** *то-то и то-то,* хоть и стало часто употребляться, всё же следует считать неправильным: правильно было бы сказать *над ним* ***тяготеет...***

Похожая судьба у слова ***апробировать:*** его путают с ***опробовать,*** хотя оно значит 'утвердить'. Этот глагол всё время *пробуют* употреблять неверно, но составители словарей — люди грамотные, и ***апробировать*** такое словоупотребление не могут.

Столпотворение происходит не от глагола *столпиться,* т. е. не от *толпы,* а от *столпа* — башни, причём Вавилонской. Значение этого слова — 'путаница', 'разноголосица'. Скопление людей — не всегда столпотворение.

Такая же путаница возникла и вокруг слова *откровение.* Его значение — 'проявление Господа в нашем мире, которое сообщает нам нечто важное, ранее скрытое'. Однако в речи часто путают *откровение* и *откровенности.* И тогда в речи появляются выражения вроде ***откровения*** *депутата,* что, видимо, должно означать: депутат беседовал с Господом, да ещё не единожды (даже у Иоанна Богослова *откровение* было только одно).

ИМЕНА, ИМЕНА, ИМЕНА...

Большинство слов языка обозначает понятия, предметы, явления и свойства. *Стол* — это вообще стол, а не какой-либо конкретный; *уравнение* — любое, и записанное в тетради, и напечатанное в учебнике, и то, которое пока только в мыслях ученого; *читать* можно все, что написано; *большим* называют любой предмет, размер которого кажется человеку превышающим некий «нормальный»: ***большой** дом, **большие** глаза* и т. д. Такого рода слова называются *нарицательными:* ими называют, нарицают любой предмет, действие или свойство из множества подобных.

Кроме нарицательных в языке есть *имена собственные,* которые называют индивидуальные объекты. Это имена, отчества и фамилии людей *(Саша, Сидоров, Николай Михайлович),* названия городов, рек, озер, морей, гор, местностей *(Москва, Волга, Онтарио, Кавказ, Алтай).* Личные имена людей лингвисты именуют *антропонимами* (от *греч.* «anthropos» — «человек» и «onyma» — «имя»), а имена географических объектов — *топонимами* (от *греч.* «topos» — «место» и «onyma» — «имя»). Раздел лексикологии, изучающий антропонимы, называется *антропонимикой,* а раздел, изучающий топонимы, — *топонимикой.* Антропонимика и топонимика вместе составляют общую научную дисциплину о собственных именах — *ономастику* (от *греч.* «onomastike» — «искусство давать имена»).

Ономастика изучает также клички животных *(Шарик, Барсик, Буренка),* собственные имена предметов материальной культуры *(«Царь-пушка», алмаз «Кохинор»),* астрономических объектов *(Марс, Андромеда),* явлений природы — например, ураганов, тайфунов *(Анжелика, Бетси)* и т. п.

Имена собственные только называют объект, но не выражают никакого понятия. В самом деле, что означает имя *Саша?* Оно лишь именует какого-то конкретного мальчика или молодого человека, никак не раскрывая его свойств.

Собственные имена могут быть социальными знаками. например, некоторые личные имена в те или иные эпохи были распространены лишь в определенных социальных слоях. Так, в России XIX в. имена *Агафья, Фекла, Евфросинья, Порфирий, Евграф* и подобные им встречались только среди крестьянства и купечества, а в пушкинские времена даже имя *Татьяна* считалось простонародным. Пушкин, назвав героиню своего романа в стихах «Евгений Онегин» этим именем, был вынужден дать такое пояснение:

*Ее сестра звалась **Татьяна...***
Впервые именем таким

ТАБУ И ЭВФЕМИЗМЫ

Пришедшее из языков Полинезии слово *табу* в переводе означает «запрет». Оно связано с обычаем, который в древности существовал у многих народов, а сейчас сохраняется у ряда племен Африки, Юго-Восточной Азии и Австралии. По этому обычаю некоторые вещи, явления и действия люди из суеверия называли не настоящими именами, а иносказательно, намеками. Для древнего человека имя и изображение какого-либо предмета были частью самого предмета, и, произнося имя, можно было побеспокоить того, кому оно принадлежало.

Например, животных, на которых охотились, полагалось обозначать описательно, прямое же их именование сулило охотнику неудачу или даже смерть. Поэтому во многих языках прямые названия некоторых животных утратились, а сохранились только описательные замены. Русское слово *медведь* — результат подобного табу; буквально это слово значит 'едящий мед', прямое же обозначение этого зверя в русском языке не сохранилось.

В современных обществах табу может налагаться на прямые наименования некоторых физиологических процессов, частей человеческого тела и т. п. Темы смерти, болезней тоже часто обсуждаются осторожно, без прямых обозначений. Во всех этих случаях прибегают к описательным оборотам, иносказаниям, которые смягчают и вуалируют суть обозначаемого. Такие вуалирующие обозначения принято называть *эвфемизмами* (от *греч.* «eu» — «хорошо» и «phemi» — «говорю»). К ним люди прибегают, когда считают неудобным назвать что-либо своим именем или же хотят скрыть, закамуфлировать неприятную, опасную, осуждаемую обществом сущность явления или вещи. Вместо *Высморкайся!* советуют ребенку: *Приведи в порядок нос!* Вместо *Врешь!* упрекают: *Ты говоришь неправду.* Эвфемистичны и многие медицинские термины: *новообразование* вместо пугающего *опухоль, канцер* вместо *рак* (*лат.* cancer — «рак»), *летальный исход* вме-

Страницы нежные романа
Мы своевольно освятим
И что ж? оно приятно, звучно;
Но с ним, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Иль девичьей!..

Личные имена могут быть модными или, напротив, не приниматься обществом. В наши дни многие родители выбирают для своих детей простые, «народные» имена. *Иван, Игнат, Егор, Мария, Дарья, Ксения* и подобные им. Зато «красивые» имена — *Розалинда, Эвелина, Ромуальд* и другие — не пользуются популярностью.

Между собственными и нарицательными именами в языке постоянно идет «обмен». Русские личные имена *Вера, Надежда, Любовь* возникли из нарицательных существительных *вера, надежда, любовь*. Многие имена, заимствованные из других языков, также происходят от нарицательных имен существительных или прилагательных: *Петр* в переводе с греческого означает «камень», *Виктор* по-латыни — «победитель», *Мария* по-древнееврейски — «горькая».

В начале XX в. среди писателей было модно брать псевдонимы в виде качественных прилагательных, вызывавших определенные (а иногда и довольно туманные) ассоциации. *Максим **Горький**, Михаил **Голодный**, Демьян **Бедный**, Андрей **Белый**, Саша **Чёрный**.* Эту традицию позднее переняли в артистической среде — и появились *Ляля **Чёрная**, Рина **Зелёная**.* Это примеры того, как имена нарицательные превращаются в собственные.

Происходит и обратный процесс — некоторые имена собственные переходят в разряд нарицательных. Так, например, возникли многие обозначения физических единиц: *ампер, ватт, вольт, кулон, ом, паскаль* (от фамилий физиков, которые ввели в науку ту или иную единицу, — Андре Мари Ампер, Джеймс Уатт, Алессандро Вольта, Шарль Огюстен Кулон, Георг Симон Ом, Блез Паскаль). Модели оружия *кольт* и *маузер* названы в честь конструкторов Сэмюэла Кольта, братьев Вильгельма и Пауля Маузеров, а *вальтер* именуется так по названию немецкой фирмы «Вальтер». Некоторые марки автомобилей также названы в честь имен собственных. *«форд»* — в честь Генри Форда (основателя автомобильной промышленности в США), *«мерседес»* — по имени дочери Карла Бенца (изобретателя первого в мире автомобиля и основателя фирмы «Даимлер — Бенц»), а *«рено»* именуют по названию автомобильной компании Франции «Рено».

Имена некоторых литературных героев нередко становятся нарицательными, обозначая человека — носителя определенных свойств. *Митрофанушка* — великовозрастный неуч (по имени персонажа комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль»), *донкихот* — рыцарски самоотверженный, но странный для окружающих человек, который борется за отвлеченные идеалы (по имени героя романа М. де Сервантеса «Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский») и др.

Топонимы также могут переходить в разряд нарицательных имен, давая название видам материала, одежды и т. п., производимым в данной местности. Высококачественная шерстяная костюмная ткань названа *бостон* по городу Бостон в США. Тонкая шерстяная ткань *кашемир* именуется так по штату Кашмир в Индии. Слово *шаль* в значении 'шерстяная материя', 'покрывало из этой материи' происходит, по свидетельству арабского путешественника Ибн Батуты (XIV в.), от названия старинного города Šaliat в Индии. Слово *джинсы* — это видоизмененное название итальянского города Генуя, где впервые стали производить прочную хлопчатобумажную ткань, из которой вначале изготовляли паруса, а затем стали шить брюки и куртки.

сто *смерть* и т. п. Работники оборонной промышленности атомную бомбу деликатно именуют *изделием*, а полигон, где она испытывается, — *обьектом*. Тюрьма и лагерь в административном языке обозначаются расплывчато — *учреждение*, работают там не надзиратели, а *контролеры*.

Чем официальнее отношения между людьми, тем более вероятно появление в их речи эвфемизмов. Поэтому речь дипломатов и тексты дипломатических документов полны эвфемистических намеков и недосказанностей. Особенно часто прибегают к эвфемизмам политики — например, когда говорят о *непредсказуемых* последствиях событий, которые, напротив, весьма предсказуемо ведут к конфликту или даже к военным столкновениям. И наоборот, чем раскованнее чувствуют себя люди в общении друг с другом, тем меньше они испытывают необходимость в эвфемизмах.

Но все же эвфемизмы нужны: они поддерживают определенный культурный уровень речевого общения, а также помогают избегать конфликтов и этических неловкостей.

слова *выгодный.* Тем самым разница между паронимами *экономный* и *экономичный* становится очевидной.

КОНВЕРСИВЫ

В предложениях *Я **купил** у него интересную книгу — Он **продал** мне интересную книгу* описана по существу одна и та же ситуация купли-продажи. Однако что-то мешает нам признать глаголы *купить* и *продать* синонимами. Это *конверси́вы* (от *лат.* conversio — «превращение»), они называют одну и ту же ситуацию, но с разных точек зрения. Глагол *купить* обозначает ситуацию купли-продажи с точки зрения покупателя, а глагол *продать* — с точки зрения продавца.

Наиболее простой и наглядный тип конверсивов — глаголы действительного и страдательного залогов. Например: *Комиссия **рассматривает** проекты — Проекты **рассматриваются** комиссией; Водитель **открывает** дверь — Дверь **открывается** водителем,* а также глагольные пары типа *лечить — лечиться, обучать — учиться: Этот врач **лечил** его от заикания — Он **лечился** у этого врача от заикания; Математике их **обучал***

*Иван Петрович — Математике они **учились** у Ивана Петровича.* Это — однокоренные конверсивы.

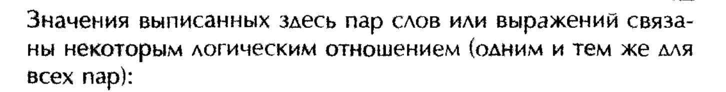
Кроме того, русский язык располагает большим числом разнокоренных конверсивов: *занимать — одалживать (Он **занял** у меня деньги — Я **одолжил** ему деньги), опираться — поддерживать (Свод **опирается** на колонны — Колонны **поддерживают** свод), пугать — бояться (Многих **пугает** одиночество — Многие **боятся** одиночества)* и др.

Обозначая ситуацию, конверсивы выделяют в ней разные стороны, логически подчёркивают нужный (в данном высказывании) смысл. Например, если после футбольного матча сказать *Опытная команда **уступила** новичкам,* то главный смысл этой фразы в том, что опытная команда играла не очень хорошо (даже новичкам уступила!). Если же сказать *Новички **выиграли** у опытной команды,* то в этом случае подчёркивается иное: новички играли очень хорошо (даже опытных мастеров победили!).

АНТОНИМЫ

*Полюбил **богатый** — **бедную,***
*Полюбил **учёный** — **глупую,***
*Полюбил **румяный** — **бледную,***
*Полюбил **хороший** — **вредную:***
Золотой** — полушку **медную.

Это начало одного из стихотворений Марины Цветаевой. Оно построено на противопоставлении, на контрасте. Такие противопоставления слов по смыслу языковеды называют антонимическими. *Анто́нимы* (от *греч.* «anti» — «против» и «onyma» — «имя») — это слова, принадлежащие к одной и той же части речи и имеющие противоположные значения. Например: *горячий — холодный, горе — радость, враг — друг, мало — много, всегда — никогда.*



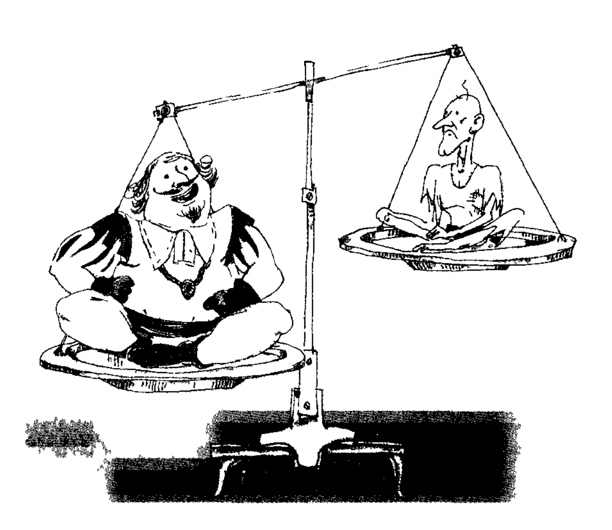
ПАРЫ СЛОВ

Значения выписанных здесь пар слов или выражений связаны некоторым логическим отношением (одним и тем же для всех пар):

бояться кого-либо — *страшить* кого-либо;
выше кого-либо — *ниже* кого-либо;
содержаться в чём-либо — *включать в себя* что-либо;
дружить с кем-либо — *дружить* с кем-либо;
критиковать кого-либо — *подвергаться критике* со стороны кого-либо;
выиграть у кого-либо — *проиграть* кому-либо;
сопротивляться кому-либо — *встречать сопротивление* со стороны кого-либо.

1. Сформулируйте это отношение.
2. Для каждого из следующих выражений найдите такое, чтобы значения обоих выражений находились бы в том же отношении:

(1) *быть похожим* на кого-либо,
(2) *повиноваться* кому-либо,
(3) *принадлежать* кому-либо,
(4) *гостить* у кого-либо.



Далеко не все слова в языке могут иметь антонимы. Для этого в самом значении слова должна быть заложена возможность значения противоположного. Например, обозначать степень признака *(тихий — громкий, тяжёлый — лёгкий)*, противоположно направленные действия *(подниматься — опускаться, входить — выходить)* или противоположные точки пространства и времени *(верх — низ, поздно — рано)*. У слов, которые обозначают конкретные предметы, нет антонимов: невозможно представить себе нечто противоположное тому, что обозначено словами *шкаф, бумага, варенье* и т. п.

Поэтому естественно, что антонимы часто имеют качественные прилагательные и наречия и гораздо реже — существительные и глаголы (главным образом это такие слова, которые содержат в своих значениях качественный признак).

Противопоставляются как антонимы и некоторые предлоги: *за — перед (**за** шкафом — **перед** шкафом), в — из (**в** комнату — **из** комнаты), под — над (**под** мостом — **над** мостом), к — от (**к** берегу — **от** берега), без — с (**без** денег — **с** деньгами)* и др.

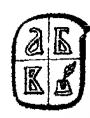
Как ни странно, антонимами могут быть только слова, значения которых не просто различны, а имеют много общего, соотносительного. Так, слова *тяжёлый* и *лёгкий* характеризуют предметы по весу. Этот смысловой компонент «вес» — общий для их значений: слово *тяжёлый* можно истолковать как 'большой по весу', а слово *лёгкий* как 'небольшой по весу'. Если же сопоставить слова, не имеющие названного общего компонента «вес»: *тяжёлый — зелёный, лёгкий — сухой*, то никакого антонимического противопоставления не получится.

Подобно квазисинонимам, существуют и квазиантонимы. Они различаются не только противопоставлением, но и по другим компонентам их смысла. Например, прилагательные *бездонный* и *мелкий* различаются не только тем, что первое обозначает большую глубину, а второе — малую, но и степенью обозначаемого признака: *бездонный* значит 'очень большой глубины' *(**бездонная** пропасть, **бездонный** колодец)*, *мелкий* же значит 'небольшой глубины' — компоненты *очень* в значении этого прилагательного нет. Поэтому можно сказать: ***очень мелкая** река, **очень мелкое** место* (у берега), но нельзя сказать ***очень бездонная** пропасть*, поскольку *бездонный* и означает 'очень глубокий'.

Антонимы очень часто используются, чтобы подчеркнуть контраст между понятиями. На противопоставлении антонимов построены многие русские пословицы и поговорки: *«**Мягко** стелет, да **жёстко** спать»; «На печи **не храбрись**, а в поле **не трусь**»; «**Сытый голодного** не разумеет»;* названия художественных произведений: *«**Толстый** и **тонкий**»* (рассказ А. П. Чехова), *«**Далёкое близкое**»* (книга воспоминаний И. Е. Репина), *«Что такое **хорошо** и что такое **плохо?**»* (стихотворение В. В. Маяковского), *«**Живые** и **мёртвые**»* (роман К. М. Симонова) и многие другие.

На противопоставлении антонимов, как видно на примере отрывка из стихотворения Марины Цветаевой, бывает основана выразительная сила поэтической речи. Вот строки из стихотворения Александра Блока:

*Познай, где **свет**, — поймёшь, где **тьма**.*
Пускай же всё пройдёт неспешно,
*Что в мире **свято**, что в нём **грешно**,*
*Сквозь **жар** души, сквозь **хлад** ума.*



ВНУТРИСЛОВНАЯ АНТОНИМИЯ

Иногда антонимичными могут быть не отдельные слова, а разные значения одного слова. Правда, явление это очень редкое. Оно получило название *энантиосемии* (от *греч.* «en» — «в», «внутри», «anti» — «против» и «semeion» — «знак», «значение»). Вот примеры таких слов: *бесценный* означает и 'имеющий очень высокую цену' (***бесценные** сокровища),* и 'не имеющий никакой цены' (***бесценный** товар;* это значение сейчас устарело, но сохранилось в однокоренном *бесценок: купил за бесценок,* т. е. очень дешево, почти даром). *Блаженный* — это и 'в высшей степени счастливый', и 'глуповатый' (более раннее значение — 'юродивый').

Как возникают подобные противоречия внутри значений одного и того же слова? Чаще всего в результате употребления слова в разных сферах языка. Например, слово *лихой* в книжном языке Древней Руси имело отрицательное значение — 'плохой', 'дурной'. В народном языке наряду с этим значением стало развиваться и положительное — 'удалой', 'смелый'. ***Лихим** делом* в старину называли преступление, ***лихие** люди* — это преступники, разбойники, т. е. отчаянные головы, удалые, смелые; отсюда недалеко и до современных сочетаний типа ***лихой** рубака* или ***лихой** водитель.*

Другой источник энантиосемии — ироническое употребление слова, когда «плюс» в значении может со временем смениться на «минус». Например, наши предки, воздавая кому-либо хвалу, *чести́ли* этого человека (буквально 'воздавали честь'). У Алексея Константиновича Толстого в «Песне о походе Владимира на Корсунь» есть такие строки:

Цари Константин и Василий
По целой империи пишут приказ:
«Владимир-де нас от погибели спас —
*Его чтоб все люди **чести́ли!**»*

Но стоило начать обращаться с этим словом шутливо, иронически, как в нем развилось антонимическое значение 'ругать', 'бранить', 'поносить'. Второе, производное значение живо и сейчас, а первоначальное забылось.

Явление энантиосемии может объясняться также многозначностью морфем, с помощью которых образуются те или иные слова. Такова, например, приставка ***про-*** в глаголах ***про**смотреть,* ***про**слушать.* Она может придавать глаголам противоположные значения:

— *Ты **прослушал** весь курс лекций?*

— *Вот именно, **прослушал** — ничего не помню.*

ПАРЫ СЛОВ

Фраза *Я боюсь* его означает примерно то же самое, что и фраза *Он страшит меня, Я выше его* — то же, что *Он ниже меня.* Легко убедиться, что этим свойством будут обладать и другие фразы, в которых в качестве сказуемого выступают данные в условии задачи слова. Поэтому логическое отношение, связывающее слова каждой пары, можно сформулировать следующим образом:

1. Любая фраза, в которой данные слова выступают в качестве сказуемого или части сказуемого, предполагает двух основных участников, например *боится* (кто? кого?), *выше* (кто? кого?), *дружит* (кто? с кем?). Этим данные сказуемые отличаются от многих других: *живет, растет, высок* и т. п., где нет второго участника.

2. Заменяя в сказуемом фразы один член пары на другой и одновременно переставляя местами подлежащее и дополнение, можно получить фразу, имеющую тот же смысл, что и исходная Иными словами, оба члена пары отражают одну и ту же ситуацию, но эта ситуация как бы оценивается с позиции разных ее участников. Такое отношение называется в лингвистике конверсивным, а слова, находящиеся в этом отношении, — конверсивами.

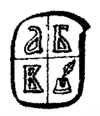
Пары для контрольных слов:

(1) *быть похожим* на кого-либо;

(2) *держать* кого-либо *в повиновении, подчинять себе;*

(3) *обладать* чем-либо, *быть хозяином* чего-либо;

(4) *принимать* кого-либо *у себя.*



Поэт может использовать в качестве антонимов и слова, которые не образуют регулярных антонимических пар. В этом случае слово обычно выступает не в своём прямом значении, а как символ более глубокого смысла: «*Да здравствует* ***солнце***, *да скроется* ***тьма!***» (А. С. Пушкин) *Солнце* здесь — символ жизни, радости, просвещения, а *тьма* — символ невежества, духовной пустоты (сравните антонимию слов *свет* и *тьма*, где слова имеют прямые значения).

ВМЕСТЕ И ВРОЗЬ. СОЧЕТАЕМОСТЬ СЛОВ

СВОБОДНЫЕ И НЕСВОБОДНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

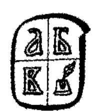
Нет, наверное, человека, который не любил бы иногда повалять дурака. Но почему *валяют* всегда именно *дурака*, а не *глупца, простофилю, бездаря?* Каждый оказывался в ситуациях, когда хотелось *провалиться сквозь землю.* Но *сквозь пол* или *сквозь почву* — никогда. Получается, что некоторые сочетания слов в языке запрещены, хотя на то нет никакой видимой причины.

В большинстве случаев слово легко сочетается с другими словами. *Валять* можно *валенки* или *одежду по полу*, *провалиться в яму* или *под лёд.* Значения слова, которые не мешают ему сочетаться с другими словами, называются *свободными* Подавляющее большинство значений слов, составляющих лексику данного языка, принадлежит к свободным Например, бóльшая часть значений слов *земля, человек, книга, бежать, белый, хорошо, весело* и многих других имеет свободный характер: при выражении этих значений возможны самые разнообразные словесные сочетания: *идти по земле, копать землю, мягкая земля; человек идёт, читает, спит, болеет, радуется; весело смеяться, смотреть, жить* и т п

Но бывает, что в каких-то из своих значений слово «соглашается» быть вместе только с некоторыми словами (а то и с одним-единственным) или требует для себя строго определённого места в предложении. Такие значения слов, ограничивающие их сочетаемость, называют *несвободными.*

Например, слово *каурый* имеет значение 'светло-каштановый', 'рыжеватый' Но применимо оно лишь для характеристики масти лошадей; можно сказать ***каурый*** *жеребец*, ***каурая*** *лошадь, кобыла*, но нельзя ***каурое*** *пальто* или ***каурые*** *локоны.* В подобных случаях слово может сочетаться только с определённым и при этом ограниченным кругом других слов. Можно ***скоропостижно*** *умереть*, ***скоропостижно*** *скончаться*, но нельзя, например, ***скоропостижно*** *закончить работу;* можно ***расквасить*** *нос* или *губы*, но не *голову*, не *ногу.*

Бывают и такие ограничения в связях слова с другими словами, которые определяются местом слова в предложении. Так, слово *шляпа* помимо прямого значения 'вид головного убора' имеет переносное: 'вялый, безынициативный человек', 'растяпа'. Переносное значение обычно выражается в том случае, если слово *шляпа* находится в составе именного сказуемого или, реже, является дополнением: *Экая же ты* ***шляпа!***; *Он всегда был* ***шляпой;*** *Этой* ***шляпе*** *нельзя доверить никакого дела.* Если же слово *шляпа* выступает в роли другого члена предложения и при этом такое предложение не содержит никакой оценки, а только информирует о том или ином действии, то может быть выражено лишь прямое, но не переносное значение этого слова: можно сказать ***Шляпа*** *висела на вешалке*, но фраза вроде ***Шляпа*** *вошёл в комнату* невозможна. Подобные синтаксические ограничения действуют и



при переносном употреблении таких слов, как *осёл, медведь, слон, змея, дуб, пила* применительно к человеку *(Этому* ***ослу*** *невозможно что-либо втолковать; А начальник-то у них* ***дуб дубом;*** *Его жена — настоящая* ***пила****)*.

У некоторых слов ещё более узкие рамки сочетаемости. Глагол *плакаться* возможен лишь в сочетании с предлогом *на* и существительным в винительном падеже: *плакаться* ***на*** *свою судьбу,* ***на*** *горькую долю.*

Если говорят *Воробей сел на ветку, и* ***под тяжестью его тела*** *с ветки осыпался снег,* совсем не хотят указать на то, что воробей очень тяжёлый. Просто существительное *тяжесть* в словосочетании *под тяжестью тела* (и только в нём!) имеет значение 'вес'. Имеется в виду только вес воробья, причём совсем небольшой. Существительное *возраст,* употреблённое в конструкции *быть* ***в возрасте,*** имеет смысл 'значительный возраст' (только о человеке). Сказать о ком-нибудь *Он уже* ***в возрасте*** — значит выразить смысл 'Он уже в пожилом возрасте'. В других конструкциях слово *возраст* не имеет этого значения.

ТАБУН ЛОШАДЕЙ И СТАДО КОРОВ?

Глаголы *думать, радоваться, смеяться, грустить* описывают различные состояния человека, а значит, могут сочетаться лишь с такими словами, которые обозначают человека: *мальчик, старик, прохожий, врач, учительница* и т. п. Слова, обозначающие неодушевлённые предметы или животных, с этими глаголами сочетаться не могут: только в сказке или фантастической повести шкаф может задуматься, а коза — засмеяться.

Эти принципы сочетаемости прямо вытекают из значения слова и называются *семантической*, т. е. смысловой, сочетаемостью. Её правила очевидны, предсказуемы. Понятно, что глаголы со значением передвижения будут сочетаться со словами, называющими способ передвижения: *ехать верхом; идти пешком.* Точно так же естественно, что слова, называющие цвет, не будут в прямом значении сочетаться с абстрактными существительными вроде *процесс* или *понятие* (нельзя сказать *зелёный* ***процесс*** или *фиолетовые* ***понятия***).

Но иногда то или иное слово «не хочет» вступать в сочетания, которые семантически вполне возможны. Например, существует класс слов, объединяемых общим смыслом «совокупность животных»: *стадо, табун, стая, рой, косяк* и т. п. Названия животных сочетаются с этими словами только избирательно: ***стадо*** *коров,* ***табун*** *лошадей,* ***стая*** *птиц,* ***рой*** *пчёл,* ***косяк*** *сельди,* но нельзя сказать ***стадо*** *лошадей,* ***табун*** *коров,* ***рой*** *птиц,* ***косяк*** *пчёл* и т. п.

Если слово способно сочетаться только с некоторыми изо всего множества слов, в принципе подходящих по значению, говорят о *лексической* сочетаемости. Лексическая сочетаемость избирательна и капризна. Например, слова, обозначающие виды продуктов, плодов, растений, сочетаются только с определёнными словами, входящими в семантический класс «типичное количество чего-либо». Сравните такие словосочетания: ***щепотка*** *соли* и ***горсть*** *орехов,* ***пучок*** *редиски* и ***букет*** *цветов.* Менять местами слова в подобных сочетаниях нельзя: не говорят ***щепотка*** *орехов,* ***букет*** *моркови* и т. п

Лексически обусловлена сочетаемость глаголов *производить, совершать, проводить, оказывать* с существительными, обозначающими действие. Можно сказать ***производить*** *осмотр,* ***совершать*** *нападение,* ***проводить*** *собрание,* ***оказывать*** *помощь,* но не говорят ***производить*** *помощь,* ***оказывать*** *осмотр,* ***совершать*** *собрание.*

Лексически обусловленная сочетаемость слова порождает так называемые *идиоматические* (от *греч.* «idioma» — «своеобразие») выражения данного языка. Подобные случаи, когда

сказать можно только так и не иначе, причём непонятно почему, очень трудны при освоении языка (особенно иностранцами).

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

— Я в этом деле ***собаку съел!*** *А вы говорите, что я работаю* ***спустя рукава!***

— Если и дальше будете ***бить баклуши,*** *в конце месяца* ***останетесь с носом:*** *зарплату не начислю!*

В этом диалоге *собаку съесть, работать спустя рукава, бить баклуши, остаться с носом* — устойчивые выражения, или *фразеологизмы* (от *греч.* «phrasis» — «выражение» и «logos» — «учение»). Слова — компоненты фразеологического оборота — нельзя заменять другими словами (не говорят *Он съел* ***кошку*** *в этом деле*), нельзя добавлять какие-либо новые компоненты или, напротив, опускать тот или иной из имеющихся *(работал спустя* ***длинные*** *рукава, бил* ***какие-то*** *баклуши)*. Иногда непозволительно даже менять порядок слов во фразеологическом выражении *(паче чаяния, ничтоже сумняшеся)*.

Изменив фразеологизм, можно разрушить его или превратить в обычное словосочетание, не обладающее целостным смыслом; сравните: *Смотри, как бы мать тебе за это шею* ***не намылила!*** — *Мать* ***намылила*** *ребёнку шею детским мылом.* Этим фразеологическое выражение похоже на слово: если в слове поменять порядок составляющих его частей, добавить новые части или заменить одну часть на другую, то слово разрушится.

По смыслу фразеологизм тоже похож на слово: его смысл целостен, он не складывается из значений составляющих его слов-компонентов. *Съесть собаку* означает ‘быть мастером в каком-нибудь деле’, и этот смысл никак не связан с собственными значениями слов *съесть* и *собака. Нос* в выражении *остаться с носом* значит совсем не ‘часть лица’. В старину этот оборот употребляли по отношению к родителям жениха, которые шли в дом невесты с подношением (с носом) и, не принятые в этом доме, оставались с тем, что принесли. Но даже докопавшись до исторического смысла этого *носа* (‘то, что принесено’), можно объяснить лишь происхождение выражения, а не его современное значение: ‘обмануться в ожиданиях’.

Именно целостность смысла фразеологических оборотов заставляет обращаться с ними как с одним словом. Это особенно проявляется при переводе фразеологизмов на другие языки: если переводить фразеологизм по частям, то скорее всего получится какая-нибудь нелепость. Так, например, случилось при переводе названия песни популярного в 80-х гг. французского певца Джо Дассена *«L'été indien»:* песню назвали по-русски *«Индийское лето»*, тогда как это французское выражение означает ‘бабье лето’ или ‘вторая молодость’.

Довольно часто устойчивое выражение, имеющее целостный смысл, переводится на другой язык одним словом. Так, русское выражение *биться об заклад* переводится на английский язык глаголами *to bet* или *to wager*. И наоборот, слово может быть настолько ёмким, образным

ЖГУЧИЙ, КРУГЛЫЙ И ПРОЛИВНОЙ

Даны три пары слов:

(1) *жгучий брюнет, круглый дурак, проливной дождь.*

В каждой из этих пар первое слово имеет один и тот же смысл, а именно: оно выражает высокую степень того, что́ обозначается вторым словом пары. *Жгучий* в сочетании со словом *брюнет* указывает на очень чёрные волосы; *круглый* в сочетании со словом *дурак* — на очень большую степень глупости; *проливной* — на очень сильный дождь.

Вот ещё два ряда пар; в каждом ряду первое слово в паре имеет один и тот же смысл:

(2) *благотворное влияние, удачная покупка, счастливый брак, благоприятные условия;*

(3) *вызывать раскол, наводить порядок, создавать условия, разбивать сквер, сеять панику.*

1. Укажите ещё несколько пар, в которых первые слова обозначают высокую степень того, что́ обозначено вторым словом.

2. Объясните, какой смысл объединяет первые слова в каждой паре в ряду (2), а какой — в ряду (3). В каждый ряд добавьте ещё несколько пар, у которых первое слово имеет тот же смысл, что и во всём ряду.

3. Придумайте сами два-три таких ряда пар, чтобы в каждом ряду первое слово пары имело один и тот же смысл (в каждом ряду — свой).

СКРИПЯ СЕРДЦЕМ

Часто, когда какой-либо компонент фразеологизма непонятен говорящему, он «исправляет» его, заменяя на знакомый и разрушая тем самым фразеологизм. Так появляются *скрипя сердцем* вместо *скрепя сердце, удалить жажду* вместо *утолить* и др.

Иногда фразеологический оборот изменяют намеренно, чтобы нарушить автоматизм его употребления и восприятия: *Он в этом деле съел* ***не одну*** *собаку; «Он жил на широкую,* ***но босую*** *ногу»* (шутка с 16-й полосы «Литературной газеты»); *«Я хорошо усвоил чувство локтя,* ***который мне совали под ребро****»* (Владимир Высоцкий).

Фразеологизм может стать основой каламбуров, когда одно и то же выражение осмысляется в двух планах — прямом и переносном: *«Пожарный всегда работает с огоньком»* (Эмиль Кроткий); *Штирлицу угодила в голову пуля. «Разрывная», — раскинул мозгами Штирлиц* (из анекдотов про Штирлица).

по смыслу, что, переводя его на другой язык, лучше всего воспользоваться соответствующим по значению фразеологизмом. Правда, при этом может потеряться экспрессия, выразительность переводимого оборота. Русское просторечное слово *насобачиться* в русско-английском словаре переводится нейтральным, менее выразительным оборотом *to become a good hand* (at something) — «стать искусным (в чём-либо)».

Степень спаянности частей фразеологического оборота может быть разной. Составные части *ф р а з е о л о г и ч е с к и х   с р а щ е н и й* как бы срослись в одно целое и по отдельности могут быть просто непонятны современному человеку. Что значит, например, наречие *впросак* в выражении *попасть впросак?* Это можно узнать, только обратившись к историческим

словарям: в старину *просаком* называли прядильный станок. Если человек по неосторожности или оплошности попадал (например, рукой) в такой станок, то он проявлял себя как неумелый работник. Отсюда пошёл и более общий, переносный смысл этого выражения: по своей оплошности оказаться в невыгодном, неприятном или смешном положении.

А что означают составляющие таких фразеологических сращений, как *паче чаяния* и *ничтоже сумняшеся? Паче* — сравнительная степень старинного наречия *паки*, которое имело несколько значений: 'обратно', 'назад', 'опять', 'снова', 'ещё', 'потом', 'наоборот', 'в противном случае', а *чаяние* означает 'надежда', 'ожидание'. *Паче чаяния* — это 'сверх ожидания', 'вопреки ожиданию'. Древнее *ничтоже* значит 'ничуть', 'нимало', а *сумняшеся*, сохранившееся только в этом обороте, — деепричастие от древнерусского глагола *сумнѣтися* — 'сомневаться'. Всё выражение означает 'нимало, ничуть не сомневаясь', 'не колеблясь'.

Фразеологизмы, части которых спаяны не так тесно, как в сращениях, получили название *ф р а з е о л о г и ч е с к и х   е д и н с т в*. В таких оборотах каждый компонент — обычное, легко узнаваемое слово, но смысл оборота не равен сумме значений составляющих: *тянуть лямку, мелко плавать, высосать из пальца* и т. п. Один из характерных признаков фразеологических единств — их образность. Например, вполне понятно, почему о безвольном человеке можно сказать *мокрая курица:* вид мокрой, побывавшей в воде курицы действительно жалок.

Третий тип фразеологизмов — *ф р а з е о л о г и ч е с к и е   с о ч е т а н и я*. Целостный смысл таких фразеологизмов складывается из значений составляющих (как в свободных сочетаниях слов), но при этом один из компонентов употребляется несвободно, лишь с некоторыми словами определённого семантического класса. Можно сказать, например, *злость* ***берёт,*** *зависть* ***берёт,*** но нельзя: *гнев* ***берёт,*** *надежда* ***берёт.*** *Щекотливым* можно назвать *дело, вопрос, положение,* но сомнительны или невозможны сочетания ***щекотливая*** *проблема,* ***щекотливое*** *предприятие,* ***щекотливая*** *работа.*

У многих слов, входящих во фразеологические сочетания и имеющих связанное употребление, вообще нет свободных значений. Такие слова существуют лишь в составе фразеологизмов; например: ***потупить*** *глаза* или *взор,* ***кромешный*** *ад* или ***кромешная*** *тьма.*

Как возникают фразеологизмы? Происхождение некоторых фразеологических выражений может быть связано с каким-либо занятием

или профессиональной средой Таково уже упоминавшееся выражение *попасть впросак*. Обороты *снять стружку, разделать под орех* пришли из речи столяров, а в дальнейшем приобрели переносные значения ‘строго раскритиковать’, ‘сильно изругать’. *Играть первую скрипку* в каком-нибудь деле — выражение, возникшее в среде музыкантов; *дать задний ход, спустить на тормозах* — в среде водителей.

Многие библейские выражения стали крылатыми, превратились в устойчивые обороты, имеющие переносный смысл. Когда, отзываясь о чересчур строгом экзамене, говорят *избиение младенцев*, то используют выражение из Библии, которое первоначально имело буквальный смысл ‘убиение’, ‘убийство младенцев’ (царь Древней Иудеи Ирод, узнав о рождении Христа, велел убить всех новорожденных, надеясь таким способом избавиться от будущего Мессии) Текст Библии послужил источником и таких хорошо знакомых выражений, как *запретный плод, первородный грех, каинова печать, мерзость запустения, око за око, зуб за зуб, нести свой крест, поцелуй Иуды* и др

Многими фразеологизмами языки обязаны античной мифологии *Дамоклов меч*, например, связан с именем жителя древнего города Сиракузы Дамокла, который завидовал положению сиракузского правителя Дионисия I Старшего. Правитель посадил его на один день на свой трон, повесив над ним острый меч на одном конском волосе, показав тем самым, что положение правителя настолько опасно, что не может быть объектом зависти. Другие выражения, вошедшие в русский язык. *кануть в Лету* (Лета — река забвения в царстве мертвых), *авгиевы конюшни* (громадные конюшни древнегреческого царя Авгия, которые Геракл очистил за один день, направив в них воды двух рек) и др.

Некоторые фразеологические выражения — не что иное, как дословные переводы соответствующих оборотов с других языков *Синий чулок* — перевод английского *blue stocking; на широкую ногу* — перевод немецкого *auf großem Fuß; быть не в своей тарелке* — неточный перевод французского *ne pas être dans son assiette* (при первоначальном переводе этого французского оборота на русский язык слово *assiette* было понято только в одном, прямом его значении ‘тарелка’, тогда как во французском языке оно имеет и другие, переносные — в частности, ‘состояние’, ‘положение’, ‘настроение’)

Состав фразеологизмов в каждом языке со временем меняется Некоторые выражения постепенно становятся малоупотребительными или ограничиваются сферой книжной речи (например, *ни гласа ни воздыхания* — ‘полное молчание’, ‘полная тишина’, *метать перуны* — ‘гневаться’, ‘сердиться’). Появляются и новые выражения — как правило, из просторечия, жаргонов. В 70—90-х гг. XX в стали активно употреблять ранее неведомые русскому языку обороты *найти крайнего, стоять на ушах, вешать лапшу на уши, крыша поехала* и многие другие

* * *

Слова существуют в языке не сами по себе. Каждое из них включено в живую ткань языка, связано со множеством других слов нитями сходства и различий, подчиняется сложным правилам сочетаемости. Только учитывая всё многообразие этих связей, можно понять глубину значения каждого слова, его выразительные возможности и роль в языке.

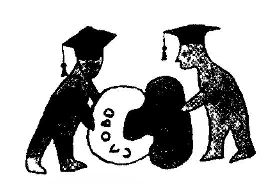
ЖГУЧИЙ, КРУГЛЫЙ И ПРОЛИВНОЙ

Можно указать, например, такие словосочетания, в которых первое слово обозначает высокую степень того, что обозначено вторым словом: *веский довод, грубая ошибка, тяжёлая рана, кромешная тьма.*

Первые слова в сочетаниях ряда (2) имеют значение: «то, что обозначено вторым словом, является хорошим». Можно добавить сюда пары *положительная оценка, заманчивое предложение, привлекательная внешность.*

Первые слова в сочетаниях ряда (3) имеют общий смысл: «делать так, чтобы возникло то, что обозначено вторым словом». Можно добавить пары: *извлекать звук, устанавливать норму, созвать совещание, шить костюм.*

Можно привести ещё, например, следующие ряды: а) «начинать делать то, что обозначено вторым словом»: *открывать собрание, приступать к работе;* б) «делать так, чтобы не было того, что обозначено вторым словом»: *тушить свет, подрывать единство, нарушать порядок;* в) «то, что обозначено вторым словом, правильно, соответствует назначению»: *верная догадка, уместная попытка, обоснованные опасения.*



ФОНЕТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

ЗВУКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

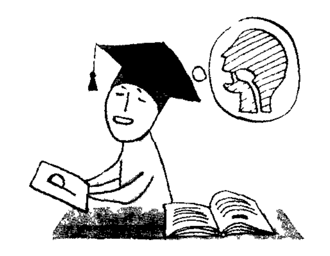
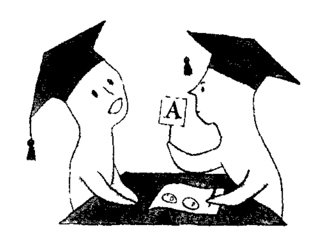
Все ли звуки русского языка вам знакомы? Странный вопрос: как можно не знать звуков родного языка? Но вот два слова *месяц зимний.* Произнесите это сочетание несколько раз, не делая паузы между словами. Мы говорим *меся*[д͡з] *зимний.* Значит, в русском языке есть согласный [д͡з], о существовании которого большинство говорящих по-русски людей и не подозревает.

Послушаем ещё: *молоко, говорить, паровоз, запереть.* Обратим внимание на первый гласный в этих словах. Это какой-то очень короткий звук, то ли [а], то ли [ы] — что-то среднее. Кажется, что он еле-еле втиснулся между согласными. Этот звук присутствует в огромном количестве русских слов, мы многократно произносим его каждый день — и не замечаем этого!

Удивительно не только то, что мы не знаем всех звуков родного языка, но и то, что это нисколько не мешает нам на нём говорить.

Этой и многими другими загадками занимается наука *фонетика* (от *греч* «phonētikos» — «звуково́й»). Все значимые единицы языка (морфемы, слова, предложения) выражены звуками, одеты в фонетический «костюм». Однако сами звуки собственного значения не имеют. Что могут значить [у] или [д]? Сами по себе – ничего. (А как же ***у** него?* Ведь ***у*** в этом примере имеет значение — указывает на принадлежность кому-либо. На самом деле значение имеет не звук [у], а предлог ***у***, состоящий из одного-единственного звука.)

Что нужно сделать, чтобы изучить звуки языка? Прежде всего — говорить и слушать. Произнесите два звука: твёрдый [л] и мягкий [л']. Как вам удалось передать мягкость, что вы для этого сделали? Оказывается, при произнесении мягкого звука средняя часть языка приподнимается вверх. Вы применили важнейший метод изучения фонетики – самонаблюдение. Можно наблюдать не за собой, а за другими людьми. Посмотрите внимательно на любого говорящего и определите, какое положение занимают его губы, например когда он произносит звук [у]. Такое же, как при [и], или другое? Это метод

непосредственного наблюдения. Большинство фонетических сведений было получено именно с помощью этих двух простых приёмов.

Современная техника позволяет лингвистам вести очень точные наблюдения звучащей речи с помощью специальных приборов и компьютерных программ.

ЗАПИСЫВАЕМ ЗВУКИ

Чтобы изучать звучащую речь, её нужно как можно точнее зафиксировать. Казалось бы, для этой цели уже есть буквы, которые и предназначены для передачи на письме произношения. Но русское письмо устроено таким образом, что часто буква обозначает совсем не тот звук, который произносится. В слове *вода*, например, пишется буква ***о***, а произносится звук [а]; в слове *го**д*** на месте буквы ***д*** слышится звук [т]. Кстати, эта особенность русского письма — одна из причин, по которой мы «не слышим» некоторых звуков. Люди так привыкают к буквенному образу слов, что уже «не верят своим ушам».

Для записи произношения была разработана специальная система, называемая *фонетической транскрипцией.* Чтобы показать, что используется фонетическая запись, а не обычная буквенная, пишутся квадратные скобки: *стог* — буквы, [сток] — звуки.

Однако можем ли мы обойтись для записи звуков имеющимися в алфавите буквами? *Дом* — *дома́* — *домово́й* — разные или одинаковые гласные произносятся в корне этих слов? В слове *дом* — [о], в *дома* — [а], но более краткий, чем, например, в слове *д*[а]*м*. Как его обозначить? А в слове *домово́й?* Здесь уже знакомый нам краткий звук — буквы алфавита для него нет. А как записать первый гласный в слове *пятак?* Он похож на [и], но и на [э] немножко тоже. Ещё один пример — первые звуки в словах *вол* и *вёл*. Мы слышим, что они разные: в первом слове твёрдый согласный, а во втором — мягкий. Но в русском письме нет отдельных букв для твёрдых и мягких звуков, используется одна и та же буква ***в***.

Получается, что только с помощью букв русского алфавита невозможно точно отразить произношение: звуков в языке больше, чем букв в алфавите. Поэтому в транскрипции используются специальные знаки или буквы из других алфавитов. Например, первый звук в слове ***ёж*** передаётся латинской буквой, которая называется «йот». получается [jош]. Звук, произносящийся на месте букв ***х*** или ***хг*** в словах *свер**х**звуковой, свер**х**дальний, бу**х**галтер*, обозначается греческой буквой «гамма» — [γ].

Краткий гласный в словах *домовой* и *молоко* обозначают знаком [ъ] (из статьи «История русской фонетики» можно узнать, почему букву, известную нам как «твёрдый знак», используют для обозначения краткого гласного). Первый гласный звук в словах ***пятак*** или ***весна***, похожий на [и] и немножко на [э], так и обозначают: [иᵊ] — «***и*** с призвуком ***э***». Кстати, буква ***е***, так же как ***ю***, ***я*** и ***ё***, в транскрипции вообще не употребляется. Ведь они не обозначают особых звуков: в слове ***юла*** буква ***ю*** обозначает сочетание двух звуков [j] + [у], и транскрипция этого слова такая: [jула]. А в слове ***тюль*** буква ***ю*** обозначает гласный [у], заодно показывая, что предшествующий согласный мягкий: [т’ул’].

Запятая справа и вверху буквы показывает, что это мягкий согласный· [с’] *(семь).*

Чёрточка над буквой передаёт долготу звука: *ва*[н̄]*а (ванна).*

Дуга под буквой обозначает гласный, не способный образовывать слог: *сара*[и̯] *(сарай).*

Чтобы показать слитное произношение звука, используется дуга над буквами: например, [д͡з] — звонкий согласный, парный глухому звуку [ц]: *спе*[д͡з]*задание (спе**ц**задание);* [д͡ж’] — звонкий согласный, парный звуку [ч’]: *мя*[д͡ж’] *большой (мя**ч** большой)* и др.

Вот два вида записи четверостишия С. Я. Маршака — буквенная и фонетическая:

Пусть каждый день и каждый час
Вам новое добудет.
Пусть добрым будет ум у вас,
А сердце умным будет.

[пус’т’ ка́ждыи̯ д’эн’/ иᵊка́ждыи̯ ч’ас/
вам но́въи̯ъ дабу́д’иэт//
пуз’д’ до́брым/бу́д’иэт ум ува́с//
ас’э́рцъ/у́мным бу́д’иэт//]

Разница существенная! Обратите внимание, как делится письменный и звучащий текст на отрезки. Слово в фонетике может быть не равно слову в лексике и грамматике: с точки зрения произношения *у вас* — это одно слово, а не два. Вместо знаков препинания в транскрипции отмечаются паузы: короткая — косой чертой (/), более длительная — двумя косыми чертами (//).

КАК МЫ ЭТО ДЕЛАЕМ

Чтобы человек видел, природа дала ему глаза, чтобы слышал — уши, чтобы двигался — ноги и т. д. А вот органов, специально предназначенных для производства звуков, у нас нет: все те части организма, с помощью которых мы говорим, выполняют эту работу «по совместительству».

Как явление природы звуки речи ничем не отличаются от любых других звуков. Все они возникают в результате колебания какого-либо тела: струны́ музыкального инстумента, крыши под струями дождя, голосовых связок человека и т. д. Колеблющееся тело образует упругие волны, которые передаются через окружающую среду и достигают нашего уха.

Чтобы голосовые связки колебались и производили звук, в первую очередь необходима воздушная струя. Человек создаёт её, выдыхая воздух из лёгких. Сначала поток воздуха попадает в дыхательное горло — трахею, а затем в гортань. В гортани между хрящами натянуты голосовые связки — мускулистые плёнки, идущие поперёк гортани. Они могут быть расслаблены (как при обычном дыхании), а могут быть напряжены и сдвинуты. В последнем случае струя воздуха, пробиваясь в узкую щель между связками, заставляет их дрожать. В результате этого колебания образуется голос — так же, как звук от гитарной струны. Произнесите звуки [а], [з]. Если положить при этом ладонь на гортань, то легко ощутить, как вибрируют голосовые связки.

Пройдя гортань, струя воздуха попадает в глотку, которая переходит в две полости — ротовую и носовую. Эти полости при образовании звуков речи выполняют роль резонаторов. Они разделены нёбом; оно спереди твёрдое, а в задней части — мягкое и оканчивается маленьким язычком (если посмотрите в зеркало, то увидите его). Мягкое нёбо вместе с маленьким язычком называют нёбной занавеской. Если она приподнята, то воздух идёт через рот. А если опущена и закрывает вход в ротовую полость, воздух выходит через нос.

Ротовая полость может менять свою форму и объём благодаря движениям языка, губ и нижней челюсти. Это меняет характер звука, подобно тому, как разные резонаторы — печная труба и флейта — дают разный звук. Носовая полость изменять объём и форму не может. Только пройдя ротовую или носовую полости, звук получает окончательную окраску, приобретает характерный тембр, свойственный именно этому звуку и отличающий его от любого другого. Органы, с помощью которых человек говорит, вместе составляют *речевой аппарат*. Движения и положения органов речи, необходимые для того, чтобы произнести звук, называют *артикуляцией* (от *лат.* articulāre — «членораздельно выговаривать»).

Устройство речевого аппарата.

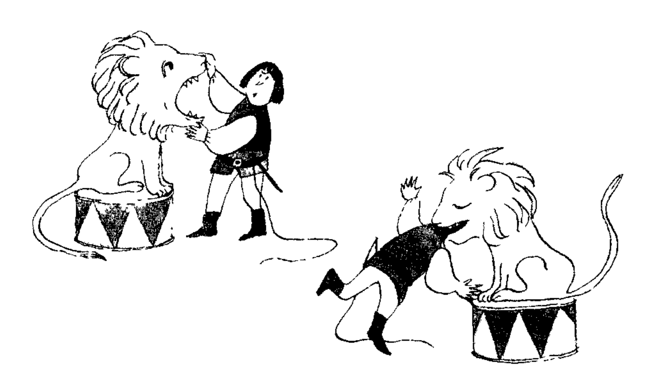
ГЛАСНЫЕ И СОГЛАСНЫЕ

Звуки, окружающие нас, могут быть разными. Играет скрипка, звучит труба, звенит хрустальный бокал: это музыкальные звуки, возникшие при гармоническом, равномерном колебании. Такой звук называется *тоном*. Ветер шуршит сухой листвой. Человек кашляет. Мотор работает. Это уже совсем другие звуки — немузыкальные, *шум*.

Звуки речи, как и все остальные звуки, состоят из тона или шума. Во всех языках мира звуки делятся на две большие группы: *гласные* —

тоновые, и *согласные* — шумные. Гласные образуются благодаря колебанию голосовых связок, когда струя воздуха проходит через гортань В образовании согласных участвует шум, возникающий при преодолении воздушной струёй препятствий (трение о зубы, размыкание губ и т. д.). Голосовые связки могут участвовать в образовании согласных, а могут бездействовать.

Однако это не единственное отличие гласных и согласных. Когда произносят гласные, воздух выходит свободно, не встречая препятствий на своём пути, а когда произносят согласные — на пути струи воздуха образуется преграда. Поэтому при артикуляции согласных воздушная струя значительно сильнее — ведь нужно преодолеть препятствие Чтобы громче произнести гласный, надо шире раскрыть рот, а если мы хотим, чтобы громче звучал согласный, необходимо максимально сблизить органы речи (попробуйте сравнить — произнесите как можно громче, например, звуки [а] и [с]). Вот почему гласные называют ртораскрывателями, а согласные — ртосмыкателями.



Ртораскрыватели и ртосмыкатели

ПАРАД СОГЛАСНЫХ

Преграду на пути струи́ воздуха при произнесении согласных могут образовывать разные органы речи и в разных местах ротовой полости. При этом один из двух органов речи, создающих преграду, активен, подвижен, а другой — пассивен.

Произнесите звуки [п] и [с]. Какие органы речи действуют при артикуляции этих звуков? Когда мы произносим [п], подвижна одна губа (понаблюдайте в зеркало: вы увидите, что движется нижняя губа, а верхняя практически неподвижна). Такие звуки называют *губными*. При артикуляции [с] движется язык, это язычный согласный. Поскольку язык — очень подвижный и гибкий орган, важно учитывать, какая именно его часть активна. Произнесите — [т], [j], [к]. При артикуляции этих звуков работают разные части языка — передняя, средняя и задняя.

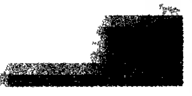
МОРОЗ

В слове *мороз* пять звуков. Определите, сколько раз встречается каждый из этих звуков в пословице *«Семь раз примерь, один — отрежь»*.

ЗВУКОВАЯ АЛГЕБРА

Решите приведённые ниже «звуковые пропорции». Для каждого из звуков (X_1 — X_{10}) укажите, встречается ли он в русской речи, и если встречается, то приведите какое-нибудь слово или словосочетание, содержащее данный звук. Для каждой пропорции кратко объясните, в чем состоит различие между звуками, входящими в пару.

(1) [з] : [с] = [б] : X_1 = X_2 : [ч] = X_3 : [х];
(2) [д] : [с] = X_4 : [х] = [б] : X_5;
(3) [з] : [т] = X_6 : [к];
(4) [ш] : [щ] = [н] : X_7 = [ж] : X_8;
(5) [б] : [м] = X_9 : [н] = [г] : X_{10}.



Назвав активный орган, образующий преграду, и тот орган, с которым он соприкасается или сближается, мы определим согласный по *месту образования*. Так, например, нижняя губа может образовывать преграду с другой губой ([м], [б] — *губно-губные* звуки) или с верхними зубами ([ф], [в] — *губно-зубные*). Передняя часть языка может встречаться с зубами ([т], [н], [л] — *переднеязычные зубные* согласные) или передней частью нёба ([ш], [р] — *переднеязычные нёбные*) и т. д.

У звуков [т] и [с] одинаковое место образования — кончик языка сближается с зубами. А звуки получаются совершенно разные. Когда мы произносим [т], органы речи полностью смыкаются, касаются друг друга (как и при [п], [г]), а при артикуляции [с] они только сближаются, между ними остаётся щель, в которую просачивается воздух (как при [ш], [х]). По *способу образования* все согласные можно разделить на смычные и щелевые.

При образовании *щелевых* согласных воздух просачивается в щель между органами речи, такие согласные можно тянуть ([с], [з], [ш], [ж]). При образовании *смычных* преграда на какой-то момент полностью закрывает путь воздушной струе и только затем разрушается, причём по-разному у разных типов согласных. У *взрывных* согласных происходит резкое размыкание органов речи, «взрыв» ([п], [б], [т], [д] и др.). *Аффрикаты* ([ч'], [ц] и др.) мы начина-

МОРОЗ

В слове *мороз* пять звуков: [м, а, р, о́, с]. Звук [м] не встречается в приведенной фразе ни разу (в словах *семь* и *примерь* выступает мягкий согласный [м']). Звук [а] во фразе встречается два раза в словах ***о**дин, **о**трежь*. Твёрдый согласный [р] встречается один раз в слове ***р**аз* (в словах *примерь* и *отрежь* представлен мягкий согласный [р']). Ударный гласный [о́] не встречается во фразе ни разу. Глухой твёрдый согласный [с] встречается один раз в слове *ра**з*** (в слове *семь* представлен мягкий согласный [с']).

ЗВУКОВАЯ АЛГЕБРА

(1) Звуки [з] и [с] различаются по звонкости/глухости, поэтому X_1 = [п] (глухой парный к [б]).

Чтобы получить X_2, нужно произнести звонко звук [ч]. Так как само [ч] является как бы произнесённым слитно сочетанием мягких согласных [т'] и [ш'], то парным к нему будет слитное мягкое [д͡'ж']. Этот звук возникает в русском языке при озвончении [ч] в позиции перед звонкими согласными, если, например, произнести без паузы сочетания *лечь бы* или *дочь гор.*

X_3 — звонкий парный к [ц]. Само [ц] — это слитно произнесённое сочетание согласных [т] и [с], и парным к нему будет слитное [д͡з]. Такой звук появляется в русском языке при озвончении [ц] перед звонкими, например в слове *плацдарм* или в сочетании *отец бы*.

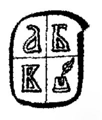
X_4 — звонкий парный к [х]. Этот звук, обозначаемый обычно в транскрипции греческой буквой «гамма» (γ), возникает, например, в сочетаниях *их бы* или *их дом* при озвончении согласного [х]. Звук [γ] может произноситься в слове *бухгалтер.*

(2) Звуки [д] и [с] различаются по звонкости/глухости и, кроме того, по способу образования. При произнесении [д] на пути воздуха образуется полная преграда («смычка»), которая мгновенно разрывается, а при произнесении звука [с] в том же месте образуется щель, через которую и пропускается воздух. Звуки, образованные этими двумя способами, называются соответственно смычно-взрывными (или просто взрывными) и щелевыми (или фрикативными). X_4 — звонкий взрывной, образующийся в том же месте, что и [х], т. е. X_4 = [г] ([г]*од*, *ро*[г]*а*). Ближайший кандидат в X_5 среди звуков русского языка — согласный [ф] ([ф]*он*, *ро*[ф]): он является глухим и щелевым, но место его образования сдвинуто по сравнению со звуком [б] немного назад.

(3) Эта пропорция тоже основана на глухости/звонкости и способе образования. X_6 = [γ]. В дополнение к прежнему («звонкая пара к [х]») здесь получается новый способ описания звука [γ]: щелевой, парный к [г].

(4) Буквой ***щ*** обозначается долгий мягкий [ш'], поэтому X_7 — долгий мягкий [н'] *(весе**нн**ий, в **анн**е),* а X_8 — долгий мягкий [ж'], который в речи многих носителей русского языка произносится в словах *во**жж**и, ви**зж**ит, до**жд**я, дро**жж**и*.

(5) Звуки [б] и [м] — смычные одного и того же места образования (губные), но второй из них носовой. Иначе говоря, оба звука связаны с образованием одной и той же преграды — сомкнутых губ, но в случае согласного [б] происходит «взрыв» и воздух проходит через рот, а в случае [м] при сохраняющейся смычке воздух проходит через нос (ротовая полость играет при этом роль резонатора). X_9 — неносовой, одинаковый по месту и способу образования с [н] (переднеязычный), т. е. X_9 = [д] ([д]*ом*, *во*[д]*а*). В таких же отношениях, что и [б] с [м], находятся звуки [г] и [ŋ] ([ŋ] — согласный, обозначаемый в английском и немецком языках буквами ***ng***), т. е. X_{10} = [ŋ]. Это заднеязычные звуки. «Пропорциональность» этих трех пар согласных проявляется, в частности, так: если в момент произнесения [м], [н] и [ŋ] путь воздуха через нос перекрыт (например, при насморке), они становятся близки по звучанию к [б], [д] и [г], хотя носовой оттенок у них сохраняется (носовая полость играет роль резонатора). Так, в сказке Редьярда Киплинга «Любопытный Слонёнок», когда Крокодил схватил Слоненка зубами за нос, тот закричал: *«You are hurtig be!»* вместо *You are hurting me!* (в русском переводе Корнея Чуковского: *«Бде больдо!»* — вместо *Мне больно!*).



ем произносить, смыкая органы речи, как для взрывных согласных, а затем органы речи немного отходят друг от друга и между ними образуется щель, в которую просачивается воздух. При артикуляции *носовых* согласных ротовая полость полностью перекрыта преградой, а воздух выходит через нос ([м], [н]). *Дрожащие* согласные образуются за счёт вибрации кончика языка, когда он попеременно смыкается и размыкается с нёбом ([р]).

В образовании любого согласного участвует шум, появляющийся при разрушении струёй воздуха преграды в ротовой полости. Но у некоторых согласных роль шума меньше, они называются *сонорными* (от лат. conorus — «звучный»): [р, л, м, н, j]. Другие согласные — *шумные:* [б, в, г, д, ж, з, к, п, с, т, ф, х] — содержат больше шума.

Глухие и *звонкие* согласные отличаются отсутствием или наличием голоса. При образовании глухих согласных голосовые связки не работают, при артикуляции звонких они сведены, напряжены и вибрируют, создавая звук — голос. Положив руку на гортань, легко обнаружить, какой звук произнесён: ощущается под рукой вибрация — согласный звонкий, не чувствуется — глухой.

Роль голоса и шума в образовании согласных может быть различной

Согласные могут быть *твёрдыми* и *мягкими.* Когда мы произносим мягкие, язык смещается вперёд и приподнимается по направлению к твёрдому нёбу, а если язык сдвигается немного назад, получаются твёрдые согласные.

ПАРАД ГЛАСНЫХ

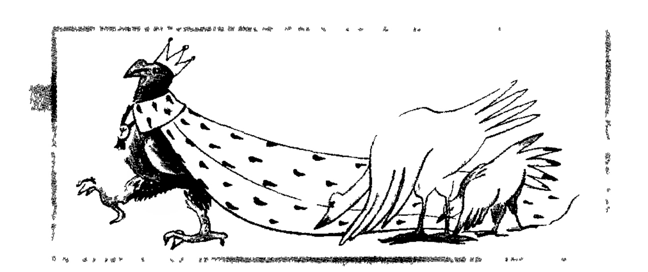
Меняя положение языка вниз-вверх и назад-вперёд, мы изменяем форму и объём ротовой полости Губы тоже могут двигаться, меняя звучание рта-резонатора. При этом получаются разные гласные звуки.

КОРОЛЬ — ОРЁЛ

Есть такая скороговорка *«Король — орёл»,* самая короткая и одна из самых трудных русских скороговорок (в этом легко убедиться). А почему она трудная?

Гласные могут изменять артикуляцию под влиянием мягкости окружающих согласных. Сравните произношение гласного в словах *сад* и *сядь.* В обоих этих словах гласный [а], но это два разных [а]. В слове *сад,* где гласный находится между двумя твёрдыми звуками, он произносится как гласный среднего ряда и нижнего подъёма. Но в слове *сядь* артикуляция [а] меняется, приспосабливаясь к мягкости окружающих согласных: язык занимает более верхнее и переднее положение, чем у [а] из слова *сад.*

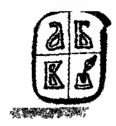
В скороговорке *«Король — орёл»* под ударением стоят два похожих звука в разном окружении: в слове *король* [о] находится после твёрдого перед мягким согласным, а в *орёл* [о] попало в позицию после мягкого перед твёрдым. Быстро проговаривая цепочку слов *король — орёл — король — орёл,* мы невольно меняем местами сочетания звуков. В слове *король* произносим комплекс звуков, которые должны быть в слове *орел:* «мягкий + [о] + твердый», а в слове *орел* — то, что должно звучать в слове *король:* «твёрдый + [о] + мягкий». В результате неверно произносятся и согласные, и гласный.



Произнесите звуки [и], [ы], [у]: вы ощутите, что язык смещается горизонтально, почувствуете различие между тремя *рядами* гласных — передним, средним и задним.

Различие гласных по *подъёму* легко ощутить, произнося, например, звуки [и], [э], [а]. Три уровня подъёма языка — верхний, средний и нижний. Чем ниже поднимается язык, тем шире раскрывается рот и тем ниже опускается нижняя челюсть.

В образовании гласных могут участвовать губы. При артикуляции *огублённых* гласных [о] и [у] губы принимают округлую форму и вытягиваются вперёд. В стихотворении Эдуарда Багрицкого обилие огублённых гласных создаёт вполне зримый образ:



В тучу, в гулкие потёмки
Губы выкатил рожок,
С губ свисает на тесёмке
Звука сдавленный кружок.

Вот таблица, в которой отображены ударные гласные звуки русского языка:

Подъём	Ряд		
	Передний	**Средний**	**Задний**
Верхний	[и]	[ы]	[у]
Средний	[э]		[о]
Нижний		[а]	

В действительности, как мы уже увидели, в русском языке гласных звуков значительно больше. В безударных слогах гласные ослабляются и звучат совсем не так, как в ударных. Средний между [и] и [э] звук так и произносится: язык находится ниже, чем при артикуляции [и], но выше, чем нужно для [э]. Звук, похожий на [а], который произносится в слоге, предшествующем ударному, требует чуть большего подъёма языка, чем ударный [а]. А очень краткий гласный [ъ], средний между [а] и [ы], который произносится в безударных слогах после твёрдого согласного ([гъла́ва], [каро́въ]), относится к гласным среднего подъёма.

СЛОГ И УДАРЕНИЕ

В САМОЙ ВЕЩИ ХИТРОВАТО

В середине XVIII в. поэт Василий Кириллович Тредиаковский (1703—1768), один из первых исследователей русского слога, писал в «Разговоре... об ортографии старинной и новой...»: «Всяк с первого взгляду скажет, что разделение складов само собой тотчас познавается, но в самой вещи хитровато оно[1]» (в то время слог называли «складом»). Хотя с тех пор прошло несколько столетий и были написаны сотни научных трудов, слог всё ещё остаётся загадкой.

Даже маленький ребёнок, ещё не умеющий читать и писать, интуитивно умеет делить слово на звуковые части. Никогда ребёнок, для которого русский язык родной, не разделит так: *кор-ов-а* или *чел-ов-ек*. Значит, в самом языке заложены правила, по которым звуки группируются в слоги. Удивительно, но познать эти правила оказалось делом нелёгким.

Ещё с античных времён известна *э к с п и р а т о́ р н а я* (выдыхательная) теория слога, согласно которой слог — это ряд звуков, произносимых одним дыхательным толчком. Если произнести слово перед пламенем зажжённой свечи, то под влиянием выдыхаемого воздуха пламя будет колебаться — сколько раз пламя качнётся, столько в слове слогов. *Молоко* — три раза вздрогнет пламя под воздействием трёх отдельных толчков выдыхаемого воздуха, значит, в слове три слога. Но можно найти слова, в которых количество слогов не совпадает с количеством дыхательных толчков. Так, например, в слове *сплав* один слог, но два толчка воздуха; в слове *ау!* при двух слогах мы выдыхаем воздух один раз (проверьте со свечой!). Однако, если теория объясняет не все факты языка, а только часть их, значит, она неверна.

На смену экспираторной пришла другая теория слога — *с о н о р н а я*, разработанная для русского языка Рубеном Ивановичем Аванесовым (1902—1982). Сонорность звуков — это, говоря иначе, их звучность. Самые звучные в любом языке — это гласные ([а], [о] и др.), менее звучны сонорные согласные (например, [м], [л]), далее идут шумные звонкие ([б], [д] и др.) и шумные глухие ([п], [т] и др.). Можно разделить звуки по уровням в зависимости от их звучности: гласные — четвёртый уровень, сонорные — третий, шумные звонкие — второй, шумные глухие — первый, а пауза — нулевой уровень (звучания нет вообще). Возьмём слово *побежала* и отметим на шкале уровень сонорности каждого звука:

[п ъ б' и^э ж а лъ]
4 - - - - • - - - - • - - - - • - • - гласные
3 - - - - - / \ - / - \ - / - \ • \ - сонорные согласные
2 - - - - - - - • - - - - - • - - - - \ шумные звонкие
1 - - - - • - - - - - - - - - - - - - - шумные глухие
0 • - - - - - - - - - - - - - - - - - • пауза

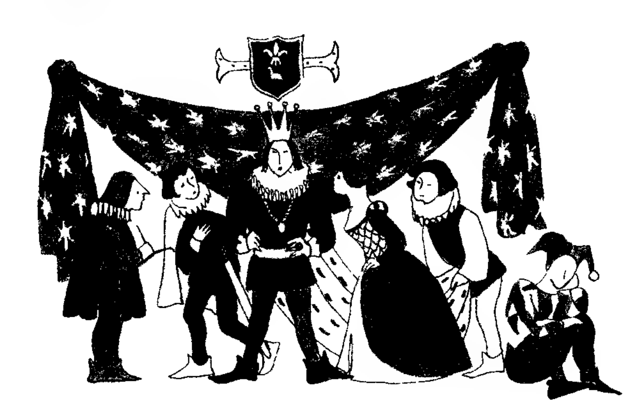
Соединив последовательно все точки, получим схему сонорности слова *побежала.* Мы видим, что на схеме получилась волна — звучность то поднимается, то опускается, сочетаются звуки разные по уровню сонорности, более звучные и менее звучные. При этом сколько в слове вершин сонорности, столько и слогов. В нашем примере четыре пика сонорности, на картинке получился «четырёхгорбый верблюд» — значит, в слове *побежала* четыре слога.

Попробуем со словом *сплав*, односложность которого нельзя объяснить при помощи экспираторной теории.

[с пл а ф]
4 - - - - - - - - • - - - - - - - гласные
3 - - - - - - - • - - - - - - - - - сонорные согласные
2 - - - - - - - - - - - - - - - - - шумные звонкие
1 - - - - • - • - - - - • - - - - - шумные глухие
0 - - • - - - - - - - - - - - - • - - пауза

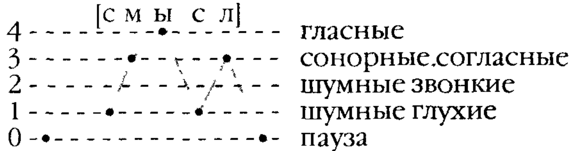
На схеме — одна вершина сонорности, что подтверждает наше представление об односложности этого слова.

В каждом слоге один звук бывает слогообразующим, слоговым, объединяющим звуки в слог, остальные звуки — неслоговые. Согласно теории сонорности, слоговым будет звук, имеющий наибольшую звучность в слоге, тот, который забрался на самую «вершину». В рассмотренном нами примере слоговыми являются все гласные: [ъ], [и^э], [а], [ъ]. Помните правило, которое учат в первом классе: сколько в слове гласных, столько в нём и слогов. Но есть один гласный звук, само название которого указывает на его неспособность быть слоговым: это [и̯] («и неслоговое»). Его звучность ослаблена по сравнению с другими гласными (она находится между третьим и четвёртым уровнями). В слове *майка* [ма́и̯къ] три гласных звука, но только два из них слоговые, поэтому в слове два слога.

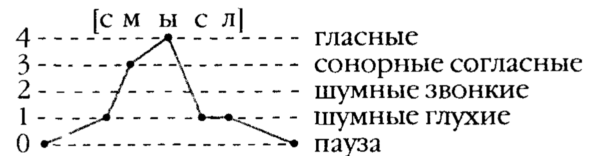


В каждом слоге один звук бывает главным, объединяющим все остальные

Кроме гласных слоговыми могут иногда становиться и сонорные согласные. Построим схему сонорности для слова *смысл:*



Мы видим: две вершины сонорности, значит, два слога. В первом слоге слоговым является гласный [ы], а во втором самый звучный, а следовательно, слоговой — сонорный согласный [л]. Однако слово *смысл* можно произнести и в один слог — если сонорный согласный оглушается после шумного глухого звука [с]. Тогда он окажется на схеме сонорности на первом, а не на третьем уровне. Получится один пик звучности и один слог.



Следовательно, сонорные согласные могут давать лишний слог, а могут, оглушаясь, не образовывать его. Эта особенность сонорных — произноситься двояко: как звонкий и как глухой,

СЕНТЯБРЬ

Ученик написал: *Когда наступит **сентяборь,** весёлая будет **жизинь:** будем ходить с ребятами **в театар** и цирк.* Почему он написал неправильно — *сентяборь, жизинь, театар?* Такие ошибки не случайны: скорее всего ученик пишет эти слова неправильно потому, что неправильно их произносит. Ощущая на слух «лишний» слог, появившийся в этих словах за счёт сонорного согласного, некоторые люди пытаются избавиться от этой «неправильности» и вставляют лишний гласный звук. Двусложность слова *жизнь* для русского языка — фонетическая странность (гласный-то всего один), а если вставить ещё один гласный, то это снимет «неправильность». Вот и появляются в произношении, а затем и на письме *сентяборь, жизинь, театар.*

ОРФОЭПИЯ

Не все говорящие на русском языке люди одинаково произносят одни и те же слова. Произношение *коклеты, какава, бонба, коньфеты, шпиён (котлеты, какао, бомба, конфеты, шпион)* или слова с неверным местом ударения *(кило́метр, на́чать, по́ртфель)* — признаки просторечия. Произношение же *сапо*[х], [б’а]*рёза*, *д*[о]*ро́га* и т. д. говорит об использовании одной из местных разновидностей русского языка.

Но существует произношение, которое воспринимается носителями языка как образцовое, эталонное. Это речь образованных, культурных людей, подчиняющаяся традиционно сложившимся нормам русского литературного произношения. Раздел науки о языке, изучающий подобные нормы, называется *о р ф о э́ п и е й* (от *греч.* «orthos» — «правильный» и «epos» — «речь»). Орфоэпия определяет нормы литературного произношения и охраняет их.

Как возникают неверные произношения? Их источником может быть диалектная речь, просторечие, т. е. речь малообразованных слоев городского населения. Во многих случаях отступление от нормы провоцирует письмо: под влиянием буквы говорят [ч’]*то* вместо [ш]*то*, *коне*[ч’]*но* вместо *коне*[ш]*но*, *свое*[г]*о* вместо *свое*[в]*о* и т. д.

Одни произносительные нормы не допускают вариантов. Например, слова *вода (в*[а]*да)* или *друг* (*дру*[к]) нельзя по существующим правилам произнести по-другому. Если кто-то говорит *в*[о]*да* или *дру*[х], это нелитературное произношение.

Бывают нормы другого типа, которые допускают варианты: слово или морфему можно произнести по-разному, и оба варианта будут правильны и литературны. Например, можно говорить *було*[шн]*ая* и *було́*[ч’н]*ая*, *до*[шт’] и *до*[щ], *п*[о]*эт* и *п*[а]*эт* и др. Произносительные нормы такого типа в первую очередь интересуют орфоэпию. Она изучает то, как говорящий выбирает тот или иной вариант, какое место занимает каждый из них в системе литературного произношения.

Орфоэпические варианты могут относится к разным стилям произношения. Высокий стиль позволяет придать речи некоторую приподнятость, торжественность. Для него характерно произношение *в*[э^{и}]*сна́*, *н*[о]*ктю́ри*, *ти́*[хъ]*й.* В нейтральном стиле, который может быть использован в любой ситуации, эти же слова будут звучать по-другому: в[и^{э}]сна́, н[а]*ктю́рн*, *ти́*[х’и^{э}]й. В разговорной речи, в бытовом и неофициальном общении часто можно наблюдать выпадение гласных и согласных: [када́] — *когда*, [ско́къ] — *сколько*, [бу́ит] — *будет* и т. д.

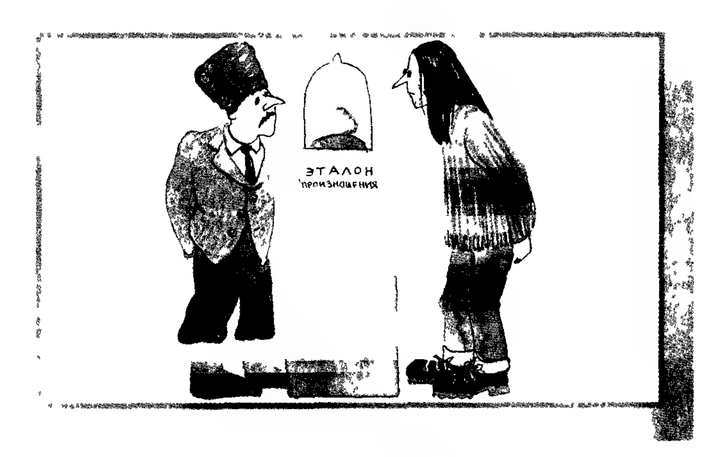
* * *

Наш звуковой язык постоянно изменяется. Разрушаются одни фонетические закономерности, на смену им приходят новые. Между произносительными нормами разных поколений появляются различия, параллельно существуют системы произношения «отцов» и «детей» — так называемые «старшая» и «младшая» нормы. В наши дни, например, носители «старшей» нормы говорят: [з’в’]*ерь*, о[с’л’]*ик*, *улыба́ю*[с], *ти́*[хъ]*й*, а представители «младшей» нормы — [зв’]*ерь*, *о*[сл’]*ик*, *улыба́ю*[с’], *ти́*[х’и^{э}]*й*.

* * *

Русское литературное произношение складывалось на протяжении долгого времени. До XVII в. практически не было единых для русского языка произносительных норм. Существовали местные разновидности русского языка (например, ростово-суздальский диалект, новгородский, рязанский и т. д.). После объединения русских княжеств вокруг Москвы вырос престиж московского говора. Его нормы, в том числе и нормы произношения, постепенно стали распространяться и употребляться в качестве единой общенациональной нормы. Этому способствовало и то, что Москва расположена в зоне действия среднерусских говоров, в которых различия между северным и южным наречиями сглажены.

В начале XVIII в. столицу перенесли из Москвы в Петербург, и это привело к тому, что в новой столице постепенно сформировалась особая система произношения, несколько отличная от московской. Так, петербуржцы часто говорили *вла*[стн]*о*, *пра*[здн’]*ик*, *и*[шч’]*у*, *в*[э^{и}]*сна*, а москвичи — *вла*[сн]*о*, *пра*[з’н’]*ик*, *и*[щ]*у*, *в*[и^{э}]*сна* и т. д. В наши дни различия между московской и петербургской нормами сглаживаются. Во многом это связано с тем, что в обоих городах слушают одно и то же радио, смотрят одно и то же телевидение, учатся по одинаковым учебникам.



ШАПОЧНОЕ ЗНАКОМСТВО В КАЛАШНОМ РЯДУ

Как правильно произнести слово *подсвечник* — *подсве*[шн']*ик* или *подсве*[ч'н']*ик?* На месте букв ***-чн-*** могут быть разные звуки. В одних словах обязательно произносится [ч'н] *(точный, вечный, алчный),* в других — только [шн] *(конечно, скучно, двоечник, яичница),* в третьих возможны оба варианта — и [ч'н], и [шн] *(булочная, сливочный, порядочный).* Одно и то же слово в разных сочетаниях произносят по-разному: можно сказать *друг серде*[шн]*ый,* но нельзя *институт серде*[шн]*ых заболеваний;* многие говорят *моло*[шн]*ая каша,* но в химическом термине *молочная кислота* — только *моло*[ч'н]*ая.*

Раньше круг слов, в которых произносилось [шн] на месте букв ***-чн-,*** был значительно шире, чем сейчас. Говорили: *кори*[шн']*евый, кирпи*[шн]*ый, таба*[шн]*ый, цвето*[шн]*ый* и др. В некоторых случаях это старое произношение закрепилось в написании имен собственных: фамилиях *Рукавишников* (должно было бы писаться *Рукавичников*), *Свешников;* в названиях московских улиц и переулков — улица *Прянишникова,* переулки *Калашный, Пуговишников, Столешников.* В тех случаях, когда слова с ***-чн-*** входят в состав устойчивых сочетаний слов, фразеологизмов, последовательно сохраняется старое произношение с [шн] — *шапо*[шн]*ое знакомство; с суконным рылом в кала*[шн]*ый ряд* и т. п.

МЯГЧЕ — ТВЁРЖЕ

Раньше в русском языке действовал фонетический закон, по которому согласный звук перед следующим мягким в большинстве случаев смягчался. В начале XX в. говорили: *ла*[п'к']*и, на тра*[ф'к']*е, на ту*[м'б']*е*... Затем эта закономерность начала разрушаться, происходило постепенное отвердение первого звука в подобных сочетаниях, но протекал этот процесс с неодинаковой скоростью в разных сочетаниях звуков и в разных словах. В одних сочетаниях по современной норме все еще продолжает действовать старый фонетический закон и согласный перед следующим мягким произносится мягко. Так, это происходит у некоторых зубных звуков в позиции перед мягкими зубными: *го*[с'т']*и, ка*[з'н']*ить.* В других группах согласных уже победила новая закономерность — перед мягким стоит твердый согласный: *ю*[пк']*и, в кана*[фк']*е.* В большинстве сочетаний сосуществуют старый и новый варианты орфоэпической нормы. Носители «старшей» нормы произносят: [д'в']*ерь, е*[с'л']*и,* о *рома*[н'с']*е;* а «младшей» — [дв']*ерь, е*[сл']*и, о рома*[нс']*е* и т. д.

НАСЛЕДИЕ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОГО

В некоторых словах на месте буквы ***г (хг)*** произносится звук [γ]. Обязателен он только в междометиях *ага, ого, угу.* В словах *господи, бухгалтер, ей-богу* допустимо двоякое произношение — и [г], и [γ]. Раньше в высоком стиле произношения в соответствии с нормами церковно-славянского языка на месте ***г*** произносили [γ], который на конце слова заменялся парным ему глухим звуком [х]. Об этом свидетельствуют рифмы поэтов XIX в.: *дух* — ***юг,*** *своих* — ***миг,*** *вздох* — ***мог.*** Например, у А. С. Пушкина:

> *О сколько нам открытий чудных*
> *Готовят просвещенья* ***дух***
> *И опыт, сын ошибок трудных,*
> *И гений, парадоксов* ***друг,***
> *И случай, Бог изобретатель.*

Рифма подсказывает, что Пушкин говорил *дру*[х].

Особый звук [γ] употреблялся в словах *Бога, господи, благо* и им подобных не случайно. Как отмечал известный российский лингвист Евгений Дмитриевич Поливанов, «большинство духовенства в Древней Руси принадлежало к южноруссам (и в частности, к киевлянам), а потому произносило [γ] во всех словах. Великорусское же население стало подражать ему, естественно, именно в специфически религиозных словах, слышанных от духовенства в церкви... приобретя таким образом лишнюю согласную фонему.. ».

ИСЧЕЗАЮЩИЙ ЗВУК

В корнях слов *дрожжи, брызжет, визжать, дребезжать, брюзжать, вожжи, езжу, сожженный* и других на месте букв ***-зж-, -жж-*** допустимо двоякое произношение: «старшее», с долгим мягким [ж'], и «младшее», с долгим твердым [ж]. «Старший» вариант [ж'] употребляется все реже с каждым новым поколением.

Рифма показывает нам, как произносили слово *дожди* поэты разных поколений. У Анны Ахматовой:

> *Господь немилостив к жнецам и садоводам,*
> *Звеня, косые падают* ***дожди,***
> *И прежде небо отражавшим водам*
> *Пестрят широкие* ***плащи.***

Рифма *дожди — плащи* требует произношения *до*[ж']*и.* А Булат Окуджава рифмует так:

> *Земля гудит под соловьями,*
> *Под майским нежится* ***дождём,***
> *А вот солдатик оловянный*
> *На вечный подвиг* ***осуждён.***

Рифмующаяся пара *дождем — осужден* подсказывает «младшее» произношение этого слова *(до*[жд']*ем).*

создавая лишний слог и не делая этого, — хорошо ощущается в стихах.

У Бориса Пастернака есть такие строки:

Была в Останкине зима,
***Декабрь,** число тридцатое.*

А немного ниже сказано:

Была в Останкине зима,
***Декабрь,** тридцать первое.*

Ритм стихотворения требует прочитать слово *декабрь* в первом случае в два слога, а во втором — в три

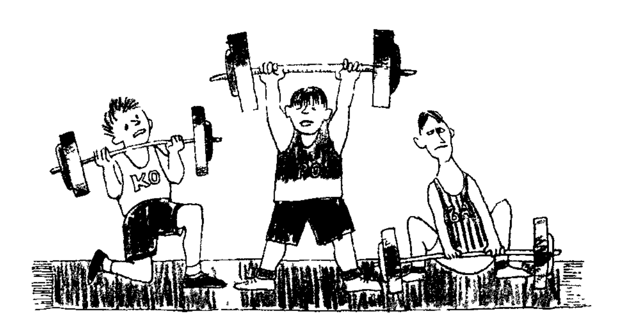
Итак, казалось бы, теория сонорности легко объясняет все факты. Слог — это волна звучности. Но вспомним междометие, которым подзывают к себе кошку: *кс-кс-кс.* А теперь представим себе, как выглядит в данном случае схема сонорности. [кскскс]. В этом междометии все звуки — шумные глухие согласные, значит, произносятся они на первом уровне звучности. Схема сонорности будет представлять собой... прямую линию. Волны звучности не получается. Так что же, это слово вообще не делится на слоги? Нет, на слух легко определить, что оно членится так: [кс-кс-кс]. Объяснить это с точки зрения теории сонорности невозможно

На помощь приходит *теория напряжённости.* Согласно этой теории, в слоге сочетаются звуки, требующие разной степени напряжения речевого аппарата, и слоговым является самый напряжённый звук, т. е. произносящийся с максимальным мускульным напряжением органов речи. В примере *кс-кс-кс* — это звук [с].

Получается, что в одних случаях слоговым является самый звучный звук в слоге, а в других случаях — самый напряжённый Но у звуков с повышенной звучностью и повышенной напряжённостью есть одна общая черта — они обладают большей силой, большей интенсивностью, чем другие звуки. На этом основана *динамическая* теория слога, которая не отменяет теорию сонорности и теорию напряжённости, а объединяет их. Согласно динамической теории, слог — это волна силы, интенсивности. Самый сильный, громкий звук в слоге — слоговой, менее сильные - неслоговые.

Можно ли поставить точку в истории изучения слога? Время покажет...

Согласно теории напряженности, звуки в слоге требуют разного напряжения речевого аппарата



По динамической теории, звуки в слоге различаются силой, интенсивностью

УДАРЕНИЕ

Слоги, составляющие слова, неравноправны. Один из слогов является центром слова и отличается от всех остальных. Мы говорим: на него падает ударение. *Ударением* называется выделение одного из слогов в слове. А что значит выделение? Белое выделяется на тёмном фоне, крик хорошо слышен в тишине, но среди других громких звуков его можно и не услышать. Что-то выделяется, если оно отличается от окружающего, контрастирует с ним. Значит, ударный слог должен отличаться от всех остальных, безударных.

В разных языках мира по-разному выделяют ударный слог. Он может отличаться от безударных силой, т. е. громкостью, с которой его произносят. Иногда ударный длительнее, чем безударный. Бывает, на ударном слоге происходит особое движение тона — вверх или вниз (подробнее об ударении в разных языках см в статье «В мире звуков»).

А какое ударение в русском языке? Русское ударение — комбинированное. Ударный слог отличается от безударного тем, что он всегда длительнее, а во многих случаях — громче, сильнее безударного. В научных работах последних лет высказываются предположения, что на удар-

ном слоге происходит и некоторое движение тона, но эта гипотеза требует дальнейших доказательств.

В некоторых языках ударение «привязано» к определённому слогу в слове: например, во французском языке ударение всегда на последнем слоге, а в чешском — на первом. Русское ударение *свободное*, оно может падать на любой слог слова и на любую морфему: на первый слог *(до́мик)*, на второй *(вода́)*, на третий *(далеко́)*, на четвёртый *(закономе́рность)*, на пятый *(необыкнове́нный)*; на приставку *(**по́**езд)*, на корень *(**доро́**га)*, на суффикс *(сосн**о́вый**)*, на окончание *(рук**а́**)*.

Русское ударение не только свободное, но и *подвижное*: оно может переходить на другой слог при изменении слова *(во́ды — вода́)* или при образовании новых слов *(тигр — тигрёнок)*. Однако бо́льшая часть слов русского языка (около 96 %) имеет неподвижное ударение: *кни́га, кни́ги, кни́гу, кни́гой, кни́ге* и т. д.

ПОЗИЦИИ И ЧЕРЕДОВАНИЯ ЗВУКОВ

ЗВУК РЕЧИ И ЗВУК ЯЗЫКА

Сколько звуков в русском языке? А сколько чисел между нулём и десятью? Ответ зависит от того, с какой точностью считать — с точностью до единицы, до десятых, до сотых...

Если несколько человек произнесут одно и то же слово, звуки будут хоть и похожими, но всё-таки немного разными, поскольку у каждого человека есть индивидуальные особенности речи. Даже одно и то же слово человек произносит всякий раз по-другому: то чуть быстрее, то медленнее, то тише, то громче и т. д. Каждый звук чем-то отличается от любого другого. Это *звуки речи*, т. е. конкретные звуки, произнесённые конкретным человеком в конкретной ситуации.

Каждый звук чем-то отличается от любого другого

Как же удаётся фиксировать произношение в транскрипции? Дело в том, что в транскрипции мы записываем не конкретные звуки речи, а *звуки языка* — единицы, объединяющие множество звуков речи, разных, но похожих. При этом мы не обращаем внимания на небольшие различия между ними. Звук языка — это некий эталон звука. Когда мы записываем в транскрипции звук [и^{э}] *(в*[и^{э}]*сна́, ст*[и^{э}]*на́)*, мы понимаем, что реально за этим знаком скрываются чуть-чуть разные звуки: у кого-то гласный будет больше похож на [и], у кого-то — на [э]. Но поскольку различия не слишком значительны, всё это множество звуков речи функционирует как один звук языка.

ПОЗИЦИОННЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ

Прислушайтесь, какой звук произносится на конце приставки ***под-*** в следующих словах:

***под**морозить — по*[д]*моро́зить;*
***под**поясать — по*[т]*поя́сать;*
***под**делать — по*[д']*де́лать;*
***под**тянуть — по*[т']*тяну́ть;*
***под**садить — по*[ц]*сади́ть;*
***под**сесть — по*[ц']*се́сть;*
***под**зуживать — по*[д͡з]*зу́живать;*
***под**жарить — по*[дж]*жа́рить.*

ВЕЛИКАНЧИК

Вот огромный *великан*. С [н] твердым. А если бы маленький был *великан?* Его бы называли *великанчик*. (Вы скажете: не может быть маленького великана. Вы правы! Тут не поспоришь. Но ведь если нет маленького великана, то слова *великанчик* никто не слышал? Не так ли? А мне сейчас нужно именно слово, которое до сих пор никто не употреблял.) <...>

Произнесите: *великанчик*. И вы услышите, если естественно, без натуги произнесли, что [н'] произнеслось вами очень мягко. Именно — произнеслось, как бы само собой получилось.

Откуда у всех такое произношение? Что ж там, в слове, мягкий знак стоит? Посмотрите внимательнее: *Великанчик!*

Нет мягкого знака... Может быть, вы слышали это слово, запомнили и так произносите, как запомнили? Не слышали вы этого слова! Ведь затем мне оно и понадобилось, невозможное в речи, чтобы не было сомнения: не слышали вы его. Великанчиков-то нет. Маленьких великанов. И слова нет. (А может быть, это сын великана? Все равно: вы не слышали такого слова, сознайтесь!) А почему же все знают, что надо произносить [н']?

Наверное, сам язык подсказал...

А почему? Потому что перед [ч'] (он всегда в русском языке мягкий) происходит смена караула: [н] оставляет пост, его занимает [н'].

Это позиционная мена. Как всякая позиционная, она в русском языке не знает исключений. В вашей жизни не было случая, чтобы караул не сменился, — значит, не было случая, чтобы вы произнесли [н] твердый перед [ч']. Поэтому и не приучены вы его произносить.

(По книге М. В. Панова «Занимательная орфография».)

На конце приставки звучат совершенно разные, непохожие друг на друга согласные: [д], [т], [д'], [т'], [ц], [ц'], [д͡з], [д͡ж] и др. А замечает ли обычно человек, что он произносит одну и ту же приставку по-разному? Нет, он даже удивится, если сказать ему об этом.

В корне ***-вод-*** произносятся разные гласные: *в*[о́]*ды* — *в*[а]*да́* — *в*[ъ]*дяно́й*. Но люди, говорящие по-русски, обычно не замечают этого, хотя [о], [а] и [ъ] совершенно разные звуки. Почему же они существуют в нашем сознании как нечто единое?

Для начала надо разобраться: почему появляются разные звуки? От чего, например, зависит, какой именно согласный произносится на конце приставки ***под-?*** Оказывается, от того, какой звук стоит дальше. Если твёрдый глухой, то и наш звук произносится твёрдо и глухо *(по*[т]*поясать)*, перед мягким глухим появляется мягкий глухой *(по*[т']*тянуть)*, перед мягким звонким — мягкий звонкий *(по*[д']*делать)* и т. д.

А от чего зависит первый гласный в словах *в*[о́]*ды* — *в*[а]*да́* — *в*[ъ]*дяно́й?* Сравните: *д*[о́]*м* — *д*[а]*ма́* — *д*[ъ]*мово́й; м*[о́]*лод* — *м*[а]*ло́же* — *м*[ъ]*лодо́й; г*[о́]*д* — *г*[а]*до́чек* — *г*[ъ]*дово́й*. Во всех случаях выбор звука зависит от места по отношению к ударению: под ударением [о], в первом слоге перед ударным — [а], во втором слоге перед ударным — [ъ].

Появление того или иного звука зависит от позиции, в которую он попадает. ***Фонетическая позиция*** — это условия употребления звуков в речи: на конце слова или в середине, перед каким-либо звуком или после какого-либо звука, под ударением или без ударения и т. д. Меняется позиция — меняется и звук. Это похоже на состояние воды в природе: температура ниже 0 °С — перед нами лёд; температура поднялась — позиция изменилась — лёд превратился в жидкость; температура стала выше 100 °С — снова изменилась позиция — появился пар.

Горо[д]*а* — *горо*[т], *ду*[б]*ы* — *ду*[п], *ко*[з]*ы* — *ко*[с]: во всех случаях звонкие шумные согласные заменяются парными глухими, как только попадают в позицию конца слова. *Ст*[о]*л* — *ст*[а]*лы, р*[о]*с* — *р*[а]*сли́, вх*[о]*д* — *вх*[а]*ди́ть:* звук [о] в предударном слоге регулярно заменяется на [а]. Такая замена одного звука другим под влиянием фонетической позиции называется ***фонетическим позиционным чередованием.***

Позиционные чередования не знают исключений По шутливому выражению лингвиста Михаила Викторовича Панова, они действуют «фатально-тотально»: попал звук в определённую позицию и должен обязательно замениться другим звуком — сопротивление бесполезно; при этом чередование захватывает все без исключения случаи, где есть условия для его проявления.

Недавно в русский язык пришло слово *смог*, означающее смесь дыма с туманом, которая бывает в больших городах. Оно происходит от английского *smog* (это сложносокращённое слово, составленное из двух: *smoke* — «дым» и *fog* — «туман») В английском языке на конце слова звонкие согласные не заменяются глухими, но как только это слово стало «полноправным жителем» русского языка, оно сразу же подчинилось действию русского позиционного чередования и произносится: *смо*[г]*а, смо*[г]*у*, но *смо*[к]. В фантастических книгах и фильмах появилось слово *киборг* (сокращённое *кибернетический организм*). И это придуманное слово произносится

строго по законам русских позиционных чередований: *кибор*[г]*а, кибор*[г]*у, кибор*[к].

Причина, по которой в одном и том же месте слова (т. е. в одной и той же приставке, корне и т. д.) появляются разные звуки, названа: это позиционные чередования. Но почему же мы не замечаем реальных различий между этими звуками?

Любой предмет отбрасывает тень. Но тень лишь сопровождает предмет, она неотделима от него. Никому не придёт в голову сказать: «Он пришёл со своей тенью» (как же иначе!) Если что-то происходит всегда, без исключений, мы не замечаем этого. Можно сказать, что появление тени позиционно обусловлено наличием предмета и поэтому незначимо для нас. Но стоит тени появиться самостоятельно, «оторваться» от предмета, стать позиционно независимой — она сразу становится значимой (как, например, Тень отца Гамлета в трагедии У. Шекспира — человека уже нет в живых, а тень есть). Раздельное существование человека и тени столь необычно, что стало также сюжетом сказки Г. Х. Андерсена и пьесы Е. Л. Шварца.

ФОНЕМЫ

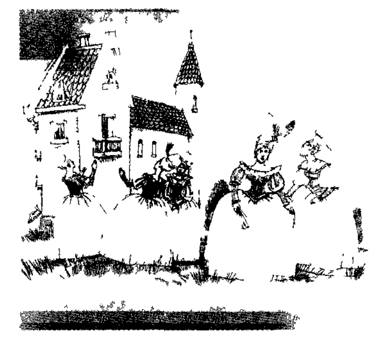
Замечает ли говорящий, что в словах *том — дом* первые звуки разные? Конечно, замечает, потому что различие между этими звуками не вызвано позицией: позиция одинакова — перед следующим гласным [о], а звуки разные. Разница между этими звуками самостоятельная, она существует независимо от позиции, поэтому значима для нас. А ощущаем ли мы, что на конце предлога *от* в примерах *о*[т] *Тани* и *о*[д] *Даши* разные согласные? Нет, потому что эта разница несамостоятельная, она лишь «отблеск» следующего звука.

В словах *д*[о]*м, д*[а]*ма́, д*[ъ]*мово́й* гласные в корне слова разные, но поскольку их смена зависит от позиции, мы воспринимаем их как «одни и те же». *Ду*[б]*ы — ду*[п]. Звуки [б] и [п] заменяют друг друга вслед за меняющимися условиями произношения (перед гласным — звонкий [б], на конце слова — парный ему глухой [п]). Значит, звуки [б] и [п] тоже представители «одного и того же», некоей общности. Эта общность — *ф о н е м а,* единица языка, представленная в речи позиционно чередующимися звуками. Для обозначения фонемы используют угловые скобки — < >.

Саму фонему нельзя ни произнести, ни услышать: она существует только в нашем сознании. Так же как никогда и нигде нельзя увидеть или потрогать H_2O — воду вообще (в природе это вещество существует в виде льда, жидкости или пара). И фонема тоже, будучи понятием обобщённым, не может «попасть в реальность», не воплотившись в том или ином звуке, а каком именно — это зависит от позиции. Поскольку звуки [о], [а], [ъ] в примере *д*[о]*м — д*[а]*ма́ — д*[ъ]*мово́й* чередуются позиционно, весь ряд звуков представляет одну фонему, её называют <о> Позиционно заменяющие друг друга звуки [б] и [п] (*ду*[б]*ы — ду*[п]) относятся к одной фонеме <б>.

Для чего существуют в языке фонемы? Их основная функция — различать слова и морфемы. Сравните: *дом — дам — дум.* Каким образом мы понимаем, что это не одно и то же слово? На первый взгляд кажется: благодаря тому, что первые звуки в словах — разные. Но мы уже видели, что одна и та же морфема (тот же корень ***-дом-***) может иметь очень разный звуковой состав, и у нас не возникает ощущения, что перед нами разные морфемы.

Все слова этого ряда различаются не только гласными звуками, но и гласными фонемами:



д<о>м — д<а>*м* — *д*<у>*м*. Ведь не позиция заставляет их сменять друг друга, позиция всё время одна — под ударением Эти звуки разные сами по себе, они принадлежат разным фонемам Поэтому мы понимаем, что слова разные.

Фонемы выполняют в языке и другую важную функцию Понаблюдайте· [с]*ломать*, [с']*тереть*, [з]*гореть*, [з']*делать*, [ш]*шить*, [ж]*жарить* (*сломать, стереть, сгореть, сделать, сшить, сжарить*). Во всех этих словах приставка **с-**, хотя звуки произносятся совершенно разные Разница между этими звуками вызвана влиянием позиции, и фонема одна Благодаря этому мы воспринимаем разные звуки как одну приставку — фонема позволяет отождествить их, понять, что это «одно и то же»

МОСКОВСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

С конца XIX столетия в языковедении, как в западном, так и в отечественном, начали складываться школы, в рамках которых развивались те или иные традиции изучения языка: методологические взгляды на науку, решение принципиальных вопросов возникновения языков, их эволюция и т. д.

В России конца XIX в сложились две большие лингвистические школы — Московская и Казанская. Их основателями были два великих русских лингвиста — Филипп Фёдорович Фортунатов (1848—1914) и Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845—1929). Естественно, основные взгляды на язык и способы его изучения «отцов-основателей» повлияли в дальнейшем и на исследования их учеников. В круг научных интересов Ф. Ф. Фортунатова, например, входили вопросы звуковой эволюции языков, отношения языка и мышления, грамматическая теория, теория синтаксиса и т. д. Ф. Ф. Фортунатов и его ученики всегда отличались строгостью научных исследований. Среди его учеников были А. А. Шахматов, М. М. Покровский, В. К. Поржезинский, Б. М. Ляпунов, А. И. Томсон, Е. Ф. Будде, Д. Н. Ушаков, М. Н. Петерсон и др.

Идеи основателей школы и их основные научные принципы сохранило следующее поколение лингвистов: Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров, П. С. Кузнецов. Это поколение отличали широта взглядов и интерес к новым методам исследования языка. В науке в то время появилось новое направление — фонология. Именно эта проблема стала одной из центральных уже для третьего поколения представителей Московской лингвистической школы. В 30—40-х гг. XX в. на основе новых тогда структурных методов исследования языка и учения И. А. Бодуэна де Куртенэ о фонеме сложилась фонологическая теория. Новое направление получило название Московской фонологической школы, впоследствии она стала широко известна во всём мире.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ СИДОРОВ

Одним из ярких представителей Московской фонологической школы был Владимир Николаевич Сидоров (1902 или 1903—1968). Он был учеником Дмитрия Николаевича Ушакова и Михаила Николаевича Петерсона и принадлежал, таким образом, к третьему поколению Московской лингвистической школы.

Владимир Николаевич Сидоров

В. Н. Сидоров стремился к комплексному и систематическому изучению языка. Его подход к описанию языковых явлений напоминал подход Д. И. Менделеева, систематизировавшего химические элементы. Он был убежден в том, что должна быть выявлена строгая система отношений между элементами языковой структуры, и тогда, возможно, найдутся даже те элементы, которые до сих пор не были известны науке. Это доказали и Периодическая система элементов Д. И. Менделеева, и диалектологические исследования В. Н. Сидорова, который предсказал существование одного из типов умеренного яканья.

В Н. Сидоров был не только замечательным ученым, но и мужественным человеком. Он с достоинством переносил все жизненные невзгоды, которых на его долю выпало немало: тяжелая болезнь (он страдал от туберкулеза колена); многолетнее заключение (В. Н Сидоров был одним из тех ученых, которых обвинили в создании мифической «Русской национальной партии» и осудили). Еще одной замечательной чертой этого человека было его открытое и теплое отношение к молодому поколению ученых. Ученики Владимира Николаевича Сидорова и люди, с которыми ему довелось работать, с благодарностью вспоминают его помощь и поддержку.

СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ ПОЗИЦИИ ФОНЕМ

Фонема в некоторых случаях справляется со своей основной задачей — различать слова и морфемы, а иногда не может полностью выполнить эту работу

Предположим, вас попросили нарисовать предмет, название которого произносится как [прут] Одни нарисуют палочку, а другие — небольшой водоём Почему так получается? Потому, что *прут* и *пруд* произносятся одинаково Если изменить эти слова, они будут различаться на слух *пруды*, но *прутья* В словах *прут* и *пруд* разный фонемный состав —

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ РЕФОРМАТСКИЙ

Имя Александра Александровича Реформатского (1900 — 1978) навсегда вошло в историю отечественного языкознания прежде всего благодаря его книге «Введение в языковедение». Это уникальный пример того, как могут сочетаться основательная систематизация научных знаний, целостная концепция ученого и доходчивое изложение. Учебник А. А. Реформатского можно назвать научным бестселлером: его с интересом читают и сложившиеся ученые-лингвисты, и студенты первых курсов филологических специальностей. Впервые эта книга вышла в 1947 г., и с тех пор ее неоднократно переиздавали. Последнее, 5-е издание вышло в 1996 г., более чем через 20 лет после смерти самого А. А. Реформатского и почти через 50 лет после выхода 1-го издания.

Александр Александрович Реформатский

А. А. Реформатский был чрезвычайно колоритной фигурой: блестящий оратор, остроумнейший человек, колкостей которого боялись не только ученики, но и коллеги. Прозвища, которые он присваивал людям, закреплялись за ними навсегда. Своеобразие его речи было легендарным и вызывало восхищение и учеников, которых было у него великое множество, и не только их.

Человек энциклопедического склада ума, А. А. Реформатский был знатоком русской культуры, истории, ценителем театра, музыки (особенно он любил оперу), заядлым шахматистом и охотником. И все свои увлечения он обязательно использовал в лингвистических исследованиях. Занимаясь, например, терминологией и теорией редактирования, он обращался к охотничьим терминам, оперные арии анализировал с точки зрения особенностей произношения, шахматную теорию применял для анализа языковых явлений. Сочиняемые им стихотворные шутки он тоже расценивал как лингвистический эксперимент.

Его работы были широки по своему размаху: от фонетики и фонологии, грамматики и словообразования до машинного перевода и функционирования языка в речи.

ПЕТР САВВИЧ КУЗНЕЦОВ

Еще одним блестящим представителем Московской фонологической школы был Петр Саввич Кузнецов (1899 — 1968). Полиглот, чье знание языков стало легендой в языковедческой среде, он увлекался философией, математикой, психологией. Благодаря знанию языков он успешно занимался исследованиями французского, сербскохорватского, суахили, праславянского и др

П С. Кузнецов отстаивал идеи Московской фонологической школы, характеризуя фонему посредством ее взаимосвязи с морфемой. Он также был замечательным диалектологом-практиком, организатором полевой лингвистической работы. Изучал он и древнерусские рукописи, черпая из них многочисленные языковые факты. Особенностью всех исследовании П. С. Кузнецова было огромное количество использованного фактического материала.

Как и все его соратники по Московской фонологической школе, П. С. Кузнецов отличался широтой и смелостью взглядов, стремлением заглянуть в будущее лингвистики.

Петр Саввич Кузнецов

4 Зак № 730 т 10

пру<т> и *пру*<д>, но в позиции конца слова глухая фонема <т> и звонкая фонема <д> не различаются, совпадают в глухом звуке [т] — [прут].

Может произойти такое и с гласными. В предложении *Я сама поймала сома* невозможно на слух различить слова *с*[а]*ма* (от *сам*) и *с*[а]*ма* (от *сом*). Мы говорим: *Я* [сама́] *поймала* [сама́].

Итак, в одних позициях фонемы отличаются от всех остальных фонем и выполняют свою задачу по различению слов, а в других — совпадают с другими фонемами и с различением слов не справляются. Позиции различения фонем называются *сильными*, а позиции неразличения — *слабыми*.

Слабые и сильные позиции фонем очень полезно знать. Зачем? Это станет понятно после одного небольшого эксперимента. Но сначала нужно разобраться, какие именно позиции у русских фонем сильные, а какие — слабые.

Позиции гласных: далеко ли до ударения? Сравните ряды слов: *дом* — *дома́* — *домово́й* и *сад* — *сады́* — *садово́д*. Прислушайтесь к звукам в корне: *д*[о]*м* — *д*[а]*ма́* — *д*[ъ]*мово́й*; *с*[а]*д* — *с*[а]*ды́* — *с*[ъ]*дово́д*. Гласный в корне меняется в зависимости от того, в каком слоге он оказался: ударном, предударном, безударном. При этом только в ударном слоге гласные [о] и [а] различаются, в первом слоге перед ударением они совпадают в звуке [а], а также в слоге, отдалённом от ударения, — в звуке [ъ]. Оказывается, что по-настоящему «ответственно» мы относимся лишь к произнесению ударного гласного: обеспечиваем его различение с остальными звуками. А в безударных позициях — пусть совпадают. Эта особенность произношения русских гласных называется *редукцией* — ослаблением звуков в безударных положениях.

Посмотрим, как ведут себя другие гласные. Сравните: *лес* — *леса́* — *лесови́к* и *лист* — *листы́* — *листопа́д*. Под ударением различаются звуки [э] и [и]. А в безударных слогах они совпадают в звуке [и^э].

Особенно интересно ведёт себя фонема <а> в предударном слоге после мягких согласных. Послушайте: *пятак, мясной*. Тот же звук, что и в словах *леса* и *листы:* [и^э]. Получается, что в этом звуке совпадают сразу четыре фонемы: <и>, <о>, <э> и <а>.

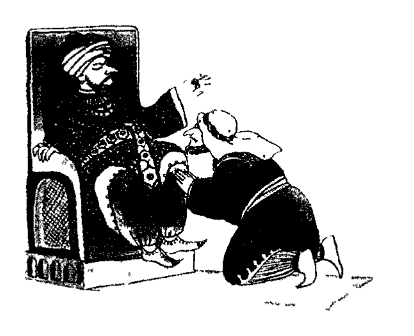
Можно сделать вывод: под ударением гласные различаются, значит, позиция сильная, без ударения совпадают, позиция слабая.

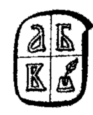
ИКАНЬЕ

Одна из важнейших произносительных норм современного русского языка — *и́канье*. В безударных слогах после мягких согласных на месте фонем <а, о, э, и> произносится звук [и^э]: *п*[и^э]*та́к, в*[и^э]*сна́, ст*[и^э]*на́, п*[и^э]*тьё*. Гласные фонемы в этих словах разные, это видно в сильной позиции, под ударением: *п*[’а]*ть, в*[’о́]*сны, ст*[’э́]*ны, п*[’и]*ть*. Понаблюдайте, как вы произносите выделенные слова: ***чистота** комнаты* — ***частота** колебаний*, ***увидать** лису* — ***увядать** в лесу*, ***примерять** платье* — ***примирять** драчунов*, ***посвятить** жизнь детям* — ***посветить** фонарём*. На слух легко определить, что во всех приведенных примерах на месте разных букв и разных фонем произносится один и тот же гласный [и^э]. Произношения *п*[’а]*та́к, ст*[’э́]*на* воспринимаются как неправильные. Такие строгие правила произношения изучает фонетика.

О или ОБ?

У предлога *о*, употребляющегося с предложным падежом, есть вариант *об*. Выбор варианта определяется строгим правилом. Сформулируйте его, исходя из следующего набора примеров, которые даются в произвольном порядке: ***об** отце, **о** матери, **о** юноше, **о** бабушке, **о** яблоке, **об** улице, **о** ёлке, **об** уроке, **об** армии, **о** якоре, **об** имени, **о** егере, **об** осени, **о** лете, **о** зиме, **о** весне, **о** юге, **о** севере, **об** эпосе, **о** городе.*





Позиции согласных: кто правый сосед? Наблюдая за метаморфозами с приставкой ***под-***, мы уже убедились, что согласные часто стремятся уподобиться следующему звуку. Сравните: *по*[т]*тащить* — о[т]*тащить, по*[т]*переть* — *о*[т]*переть*. Звонкий [д] заменился глухим [т]. Звуки не различаются, совпадают. В другом примере *по*[д]*ловить* — *о*[т]*ловить, по*[д]*менить* — *о*[т]*менить* — положение перед [л] позволило каждому звуку «остаться самим собой». Вывод первый: позиция согласного зависит от следующего за ним звука, от правого соседа.

Сравниваем дальше: *по*[д]*берёт* — *о*[д]*берёт, по*[д]*гонять* — *о*[д]*гонять*. Звуки не различаются: перед следующим звонким произносятся одинаково. А в паре *по*[д]*ыскать* — *о*[т]*ыскать* различаются. Получается, что перед гласными и сонорными согласными позиция сильная, а перед звонкими и глухими — слабая, звуки не различаются, сливаются в одном. Есть, правда, исключение: *по*[д]*вести* — *о*[т]*вести*. Перед звуком [в'] позиция тоже сильная. А если правого соседа нет, звук в слове последний? На самом деле сосед и в этом случае есть, это пауза. Выясним, какая позиция на конце слова, послушаем: *код* — *кот, мок* — *мог, сноб* — *сноп*. Слова звучат совершенно одинаково, звонкие согласные оглушились и совпали с глухими. Значит, если сосед справа — пауза, позиция слабая.

До сих пор речь шла о глухости и звонкости согласных, но ведь они могут быть ещё твёрдыми или мягкими. В словах *рад* — *ряд, вол* — *вёл, стук* — *тюк* твёрдые и мягкие звуки различаются, позиция перед гласным сильная. Можно затранскрибировать эти слова, чтобы убедиться, что различаются именно согласные, а не гласные,

Чтобы узнать, какую фонему представляет звук, нужно «застать» его в сильной позиции

А КАК В АНГЛИЙСКОМ?

В русском языке произношение шумных согласных зависит от соседа справа: если далее следует звонкий шумный — глухой озвончается, если глухой шумный или пауза — звонкий оглушается. А как в английском? Оказывается, там важен сосед слева. Легко увидеть это на примере окончания множественного числа (на письме оно обозначается ***-s*** или ***-es***).

После гласных, сонорных, звонких, шумных	**После глухих шумных**
cow[z]	*cat*[s]
ball[z]	*top*[s]
bed[z]	*rock*[s]
day[z]	*roof*[s]

ТРИ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

1. В книге «Правильно ли мы говорим?» писатель Борис Николаевич Тимофеев посвящает отдельную небольшую главу скоплениям гласных и согласных, знакомя читателей с некоторыми любопытными примерами. Вот один из них:

«— А может быть, вам желательно услыхать фразу, в которой стояли бы рядом девять (!) гласных?

— Извольте!

*— Я зн**аю её и её ию**льское увлечение...».*

Верен ли этот пример?

* * *

2. У поэта Давида Самойлова есть ироническое стихотворение «Дом-музей». Рассказ экскурсовода о жизни маститого поэта заканчивается так:

Здесь он умер. На том канапе́.
Перед тем прошептал изреченье
Непонятное: «Хочется пе...»
То ли песен? А то ли печенья?
Кто узнает, чего он хотел,
Этот старый поэт перед гробом!

Смерть поэта — последний раздел.

Не толпитесь перед гардеробом...

Здесь допущена фонетическая ошибка. Какая?

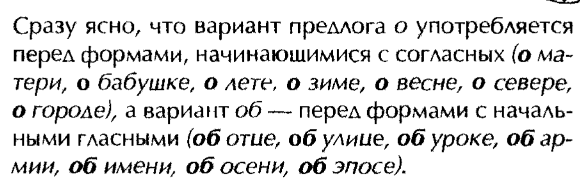
* * *

3. В одном мультфильме-загадке есть такие строчки:

Далеко-далеко на лугу
Пасутся ко...
Ко... Нет, не кони!
Ко... Нет, не козы!
Ко... Правильно, коровы!

Найдите фонетическую ошибку.

О или ОБ?



Сразу ясно, что вариант предлога *о* употребляется перед формами, начинающимися с согласных (***о** матери, **о** бабушке, **о** лете, **о** зиме, **о** весне, **о** севере, **о** городе),* а вариант *об* — перед формами с начальными гласными (***об** отце, **об** улице, **об** уроке, **об** армии, **об** имени, **об** осени, **об** эпосе).*

Но почему говорят ***о** юноше, **о** яблоне, **о** ёлке, **о** якоре, **о** егере, **о** юге?* Ведь эти формы начинаются гласными буквами ***е, ё, ю, я!*** Здесь и нужно вспомнить о «невидимом» согласном, который «спрятан» в этих буквах: в начале слова они передают сочетания согласного ***j*** («йот») с соответствующими гласными: ***е*** [jэ], ***ё*** [jo], ***ю*** [jу], ***я*** [ja]. И совершенно закономерно перед формами с начальным ***j*** выступает вариант предлога *о.*

как можно подумать, глядя на буквы: [рат] — [р'ат], [вол] — [в'ол], [стук] — [т'ук]. Различаются твёрдые и мягкие и перед некоторыми твёрдыми согласными: *банка — банька, изба — резьба.* А перед мягкими — не всегда, например, в словах *ба*[н']*тик* или *ме*[с']*течко* согласные уподобляются правому соседу по мягкости, ведь сами по себе они твёрдые: *ба*[н]*т, ме*[с]*то.* На конце слова в отличие от глухих и звонких твёрдые и мягкие не совпадают: *кон — конь, жар — жарь.* Подведём итог: перед гласными, твёрдыми согласными и на конце слова позиции для согласных по твёрдости/мягкости сильные, перед мягкими согласными — слабая позиция. Особняком стоят звуки [л] и [л'], которые всегда находятся в сильной позиции, т. е. всегда различаются: *по*[л]*ка — по*[л']*ка, по*[л]*неть — бо*[л']*ней.*

Если один и тот же звук может относиться к разным фонемам, то как узнать, к какой фонеме он относится в каждом конкретном случае? Надо смотреть, с каким звуком в сильной позиции чередуется звук слабой позиции в той же морфеме. *В*[а]*да́ — в*[о́]*ды* — чередуется безударный [а] с ударным [о]. Значит, здесь фонема <о>. *Тр*[а]*ва́ — тр*[а́]*вы* — чередование безударного [а] с ударным [а] говорит о том, что фонема <а>.

Настало время эксперимента. Напишите фразу *Хорошо весной отправиться вместе с приятелем в поход* таким образом, чтобы сделать в ней все возможные орфографические ошибки (не случайные описки, а именно ошибки, которые может сделать человек, не знающий правил орфографии). Должно получиться примерно так: *Харашо́ висно́й адпра́вица с прея́тилим ф пахо́т.* Где оказались возможны ошибки? Там, где звук находится в слабой позиции (об этой особенности русской орфографии см. раздел «Русская графика и орфография»). Если в слове все звуки до единого в сильной позиции, как, например, в словах *дом* или *слон,* сделать ошибку в нём нельзя. Можно сказать, что фонетика даёт нам возможность «знать, где упадёшь, и подстелить соломки».

* * *

Так сколько же в русском языке фонем? Столько, сколько разных звуков может быть в сильной позиции. Гласные нужно считать в позиции под ударением: *м*[а]*л — м*[о]*л — м*[’э]*л — м*[’и]*л — м*[у]*л.* Гласных всего лишь пять. А согласных звуков гораздо больше (34) — их можно пересчитать в позиции перед гласными: [т]*ом* — [д]*ом* — [т']*ень* — [д']*ень* и т. д.

ИНТОНАЦИЯ

Однажды великий русский режиссёр Константин Сергеевич Станиславский предложил актёру Московского Художественного театра сделать из слов *сегодня вечером,* меняя только их звучание, 40 разных сообщений. Актёр, перечислив около 40 различных ситуаций, произнёс эти слова в соответствии с каждой из них, но в другом порядке. А слушатели, сидящие в зале, должны были угадать, о какой ситуации идёт речь. И актёр, и аудитория блестяще справились с задачей. Позднее актёр рассказал эту историю лингвисту Роману Осиповичу Якобсону, и тот повторил опыт Станиславского. Результаты превзошли все ожидания: носители русского языка легко понимали, какая звуковая окраска высказывания соответствует какой ситуации.

Этот эксперимент показывает, что в устной речи роль организатора звукового потока в осмысленные высказывания берёт на себя *интонация.* Она неотъемлемая часть любого устного высказывания. В разговорной речи интонация нередко заменяет многие грамматические и лексические средства. С помощью интонации мы расцвечиваем свою речь множеством смысло-

вых и эмоциональных оттенков. Нередко только она позволяет различить смысл одинаковых по своему составу и строению высказываний

Именно интонация, подобно краскам на картине, придаёт нашему «речевому полотну» живописный колорит. Ведь даже самый обычный вопрос *Который час?* можно произнести так мрачно, что никто не захочет на него отвечать Не зря говорят *яркая интонация, бесцветный тон, мягкие оттенки голоса* ..

Интонация — сложное явление. Оно состоит из нескольких более простых элементов. мелодики (повышения и понижения тона голоса), силы (громкости) звучания разных частей высказывания, темпа речи, тембра («окраски» голоса, которая зависит от индивидуальных особенностей работы голосовых связок), пауз

(перерывов в звучании) Интонационные компоненты, подобно стёклышкам в калейдоскопе, могут по-разному сочетаться друг с другом, образуя большое количество различных интонационных рисунков.

ТРИ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

1. Борис Тимофеев привел фразу, в которой идут подряд девять гласных букв, а не звуков. Из них шесть передают сочетания с согласным [j]: Я зна[jу] [jиjо] и [jиjо] и[jу]льское увлечение.

* * *

2. Произнесите слова *песен* и *печенья*: разве начальные сочетания, переданные на письме одинаково, звучат тоже одинаково? Нет, они звучат по-разному: в слове *песен* под ударением произносится ясный звук [э], а в слове *печенья* в соответствии с первой буквой **е** произносится неясный звук, близкий к [и]. Так что если умирающий поэт произнёс: *Хочется* [п'э]... это не могло быть началом слова *печенья*, если же он произнёс [пи'], это не было началом слова *песен.*

* * *

3. Случай такой же, как со словами *песен* и *печенья:* в словах *ко́ни* и *ко́зы* звучит под ударением [о], а в слове *коро́вы* — звук, близкий к [а].

НА СЛУЖБЕ У СМЫСЛА

40 вариантов интонации, использованные актёром Художественного театра, не предел. Но среди этого многообразия можно выделить основные типы, которые позволяют нам, например, отличить вопрос от утверждения: *Он идёт к товарищу?* и *Он идёт к товарищу;* или вопрос от восклицания: *Какая сегодня погода?* и *Какая сегодня погода!*. Смыслоразличительные типы русской интонации описывают по-разному. В России наиболее известна система интонационных конструкций Елены Андреевны Брызгуновой.

В каждой фразе есть слово, которое произносится с наибольшей силой и длительностью. Это *интонационный центр*. В зависимости от движения тона голоса на центре, перед ним и после него высказывание обретает интонацию того или иного типа.

Если на предцентровой части тон немного повышается, гласный центра выделен усилением словесного ударения, а в заударной части происходит понижение тона — это интонация вопроса с вопросительным словом· *Куда́ ты*

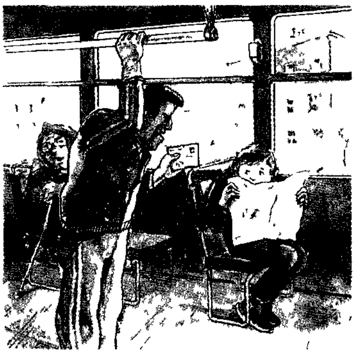
«КРУПНЫЕ СЛОВА»

Описание интонации может быть настоящим художественным шедевром, если за это берётся мастер слова. Максим Горький в романе «Жизнь Клима Самгина» сказал об одном из героев: *«Варавка говорил немного и словами крупными, точно на вывесках»*. Как можно говорить *крупными словами?* Метафора писателя подчёркивает такую интонационную особенность речи, как темп. Варавкина неторопливая, спокойная манера речи сильно отличается от интонаций его друга Ивана Самгина, отца Клима: *«...он говорил так много и быстро, что слова подавляли друг друга, а вся речь напоминала о том, как пузырится пена пива или кваса, вздымаясь из горлышка бутылки». Мелкие пузырьки* — и *крупные слова.* Два персонажа — два совсем разных темпа речи.

Русские писатели, рассказывая о своих героях, отмечают и высоту среднего тона, у каждого человека свою. Например, описывая героя романа «Рудин», Иван Сергеевич Тургенев замечает: *«Тонкий звук голоса Рудина не соответствовал его росту и широкой груди»*. А Иван Северьяныч Флягин из повести Николая Семёновича Лескова «Очарованный странник» говорит *«приятным басом с повадкою»*.

Уже по одному только тембру голоса можно догадаться, что речь одного из героев романа «Обломов» Ивана Александровича Гончарова мало содержательна: *«...говорил он* (Михей Тарантьев. — *Прим. ред.) громко, бойко и почти всегда сердито; если слушать в некотором отдалении, точно будто три пустые телеги едут по мосту»*.

Музыкальная сторона речи всегда привлекала внимание русских писателей. Обязательность и точность интонационных характеристик — черта большого мастера. Пристальное внимание к интонациям устной речи и тонкий слух позволили русским классикам создать галерею блестящих, неповторимых речевых портретов.



Обычный вопрос отличается от назидательного интонационным оформлением.

идёшь? Такая интонация в русском языке употребляется и в утвердительных предложениях, если нужно выделить, подчеркнуть или сопоставить что-то: *Ты сегодня идёшь в библиотеку? — Нет, я вче**ра́** там был* (вчера, а не сегодня); *«Быть шофёром хорошо, а лётчиком — лучше, я бы в **лё**тчики пошёл, пусть меня научат»* (именно в *лётчики*).

Другой тип интонации: предцентровая часть произносится на среднем тоне, а на ударном слоге центра происходит понижение тона. Это обычная утвердительная интонация. С такой интонацией обычно произносят ответные реплики в диалоге: *Куда ты идёшь? — Я иду на диско**те́**ку.*

В русском языке есть особый тип вопроса — без вопросительного слова. Его отличительная интонационная особенность — резкий подъём тона на ударном гласном центра: *Он идёт на диско**те́**ку?* Во многих европейских языках такой интонационный рисунок не встречается.

Тот же вопрос *Куда ты идёшь?* можно задать и с другой интонацией. Она почти зеркально отражает предыдущий тип: на гласном центра тон понижается, а после центра плавно повышается: *Ку**да́** ты идёшь?* (Значение этого вопроса можно выразить примерно так: *Ну-ка отвечай, куда это ты собрался? Уже поздно.*) Эту интонацию часто называют официальной или назидательной.

Представим себе ситуацию. Вы едете в автобусе, читаете интересную книгу и не замечаете, что происходит вокруг. Вдруг слышите обращённый к вам вопрос: *Ваш билет?* Только по типу интонации вы сможете понять значение вопроса. С резким подъёмом тона на центре он будет обозначать: *Это вы уронили билет? Вот он, возьмите.* С интонацией назидательного вопроса обращается к пассажирам контролёр, это обращение значит: *Предъявите ваш билет.*

При интонации восклицания два центра. В предцентровой части тон поднимается, между первым и вторым центрами тон остаётся высоким, а в заударной части снова опускается вниз: *Ка**ко́й** чудесный **ве́**чер!*

Не только движение тона, но и место интонационного центра может менять смысл высказывания. Попробуйте несколько раз передвинуть центр в таком вопросительном предложении: *Ты вчера мне звонил?* Если центр находится на *ты*, вопрос означает: *ты или кто-то другой.* Если перенести центр на слово *вчера*, смысл вопроса изменится: *вчера или в другой день?* Когда центр оказывается на слове *звонил* — появляется новое значение. *звонил или нет?*

Басня Ивана Андреевича Крылова «Ларчик» заканчивается фразой: *«А ларчик просто от-*

крывался». Лингвисты заметили, что её можно понять двояко в зависимости от того, на каком слове находится интонационный центр в предложении: *«А ларчик* ***просто*** *открывался»* (замо́к у ларчика был простым; слово *просто* — наречие); *«А ларчик просто* ***открывался****»* (ларчик вообще не имел замка; слово *просто* здесь — частица). Вот как сильна интонация! Она может переводить отдельные слова в предложении из одной части речи в другую.

В разговорной речи интонация может даже заменить частицу *не* и превратить утверждение в отрицание. Если фразу *Ты придёшь* произнести, сильно растянув ударный гласный, значение высказывания меняется на противоположное: *Ты приде́-ё-шь!* (тебя не дождёшься).

Смысл высказывания зависит также от места паузы или интонационной границы. Сравните: *Мама/сказала сестра/приедет завтра; Мама сказала/сестра приедет завтра.* На письме будут по-разному расставлены знаки препинания: *«Мама, — сказала сестра, — приедет завтра»; Мама сказала: «Сестра приедет завтра».*

У интонации есть ещё одна очень важная задача. Она делит устный текст на смысловые отрезки, которые объединяются общим мелодическим рисунком. Звучащая речь членится по определённым правилам. Нельзя, например, отделять предлог от существительного, определение от определяемого слова, присоединять союз к предыдущей части, отрывая от последующей, к которой он примыкает по смыслу, и т. д.

Вот как может быть прочитан отрывок из «Сорочинской ярмарки» Николая Васильевича Гоголя: *«Оглянувшись,/увидела она/толпу стоявших на мосту парубков,/из которых один,/одетый пощеголеватее прочих,/в белой свитке/и в серой шапке решетиловских смушек,/подпершись в бока,/молодецки поглядывал/на проезжающих».* Можно попробовать разделить текст немного иначе — правила интонационного членения устного текста (в отличие от правил пунктуации в письменном тексте) допускают варианты. Однако полный произвол невозможен. Попробуем произнести так: *«Оглянувшись, увидела/она толпу стоявших на/мосту...».* «Абракадабра какая-то», — скажет кто-нибудь и будет прав.

НА СЛУЖБЕ У ЧУВСТВА

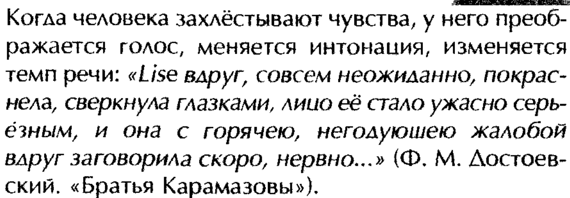
С помощью интонации мы можем передавать не только мысли, но и чувства, причём некоторые эмоции в разных языках выражаются сходными интонационными средствами. Чувства

ДАР ЛЕСКОВА

Интонацию живой разговорной речи трудно передать на письме. Помочь в этом могут знаки препинания, порядок расположения слов и... талант. С большим мастерством передаёт особенности интонации устной речи Николай Семенович Лесков. Каждый его герой говорит своим неповторимым языком. Вот сочная, с яркими разговорными интонациями речь смиренной и благочестивой Домны Платоновны из рассказа «Воительница»: *«Я тебе вот какой случай скажу, как в глаза-то нашего брата обделывают. Иду я — вскоре это еше, как из своего места сюда приехала, — и надо мне было идти через Апраксин. Тогда там теснота была, не то что теперь, после пожару, — теперь прелесть как хорошо, а тогда была ужасная гадость. Ну, иду я, иду себе. Вдруг откуда ни возьмись молодец этакой, из себя красивый: „Купи, говорит, тетенька, рубашку". Смотрю, держит в руках ситцевую рубашку, совсем новую, и ситец преотличный такой — никак не меньше как гривен шесть за аршин надо дать».*

Здесь представлены основные типы интонационных конструкций

РЕЧЬ — ЗЕРКАЛО ЧУВСТВ



Когда человека захлёстывают чувства, у него преображается голос, меняется интонация, изменяется темп речи: *«Lise вдруг, совсем неожиданно, покраснела, сверкнула глазками, лицо её стало ужасно серьёзным, и она с горячею, негодующею жалобой вдруг заговорила скоро, нервно...»* (Ф. М. Достоевский. «Братья Карамазовы»).

Неожиданное изменение высоты тона — ещё один сигнал, свидетельствующий об эмоциональном возбуждении человека. Так, в романе «Анна Каренина» Лев Толстой передает волнение своей героини, просто отмечая повышение тона её голоса: *«„Ну как же? где ты встретил Алексея Александровича?" — вдруг ненатурально зазвенел её голос».*

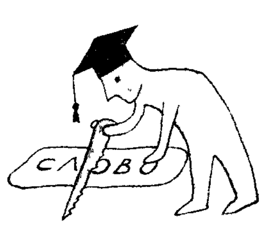
О сильном волнении человека часто говорит нарушение ритмики речи. Неожиданно его речь обрывается, он начинает заикаться, сам себя перебивает. Такой ритмический сбой в тексте художественного произведения писатель нередко выражает графически (многоточием, удвоением букв). Например: *«„Я желала... — начала Ася, стараясь улыбнуться, но ее бледные губы не слушались её, — я хотела... Нет, не могу", — проговорила она и умолкла. Действительно, голос её прерывался на каждом слове»* (И. С. Тургенев. «Ася»); *«Чужим голосом, заикаясь, он* (Дмитрий Самгин. — *Прим. ред.*) *сказал: „Т-такие в-веши рассказывают горничные. Это извинительно только с похмелья"»* (М. Горький. «Жизнь Клима Самгина»).

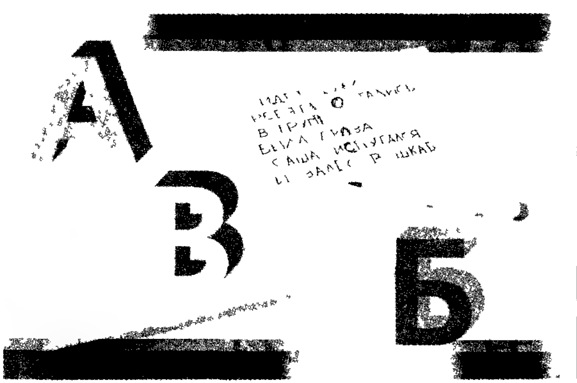
связаны с физиологическим состоянием человека, и поэтому некоторые типы интонации, выражающие эмоции, являются общечеловеческими, универсальными. Испытывая сильное чувство, например гнев, человек напрягает все мускулы, в том числе и голосовые связки — в результате повышается общий тон речи. «Интернациональный» характер интонационных средств, выражающих эмоции, помогает нам понимать без слов игру иностранного актёра, даже если он говорит на совершенно незнакомом нам языке. Недаром лингвисты отмечали, что интонация является «термометром чувств». Есть выражения *нервный голос, обида в голосе, радостные нотки в голосе, скорбные интонации*. Это своего рода «интонационные жесты», хорошо понятные всем людям независимо от их национальной принадлежности.

В каждом языке имеются и свои языковые средства выражения эмоций. Именно поэтому возможны ошибки при восприятии интонации иностранного языка: чужую речь человек «просеивает через сито» интонационной системы родного языка. Так, например, в русских повествовательных высказываниях тон на конечных слогах обычно понижается, с выражением чувств эта интонация никак не связана. Американцы, слушая русскую речь, воспринимают её как «сердитую»: глубокое понижение тона в конце предложения в американском английском — сигнал отрицательной эмоции.

* * *

Сегодня в распоряжении учёных-интонологов современная акустическая аппаратура, с помощью которой они записывают и измеряют, как изменяются высота и окраска голоса. Однако самые важные компоненты интонации человек улавливает на слух. Ведь именно обогащение речи — основная задача интонации. Недаром в фантастических фильмах непременная черта роботов и автоматов — монотонная речь без яркой интонации. Передавать тончайшие оттенки смысла и выражать чувства — потребность чисто человеческая.





РУССКАЯ ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

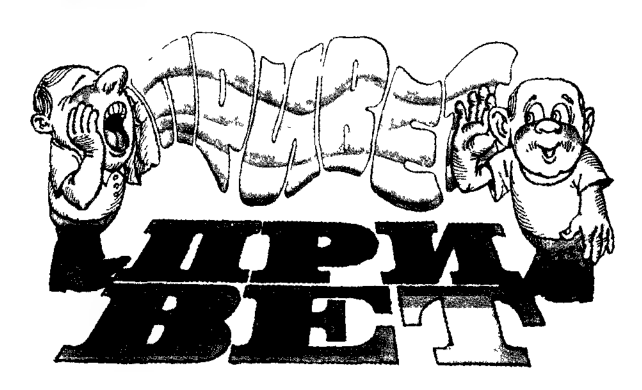
РУССКОЕ ПИСЬМО

Сотни веков язык существовал без письменности, да и сейчас немало бесписьменных языков. Исторически письменная речь вторична, но в современном мире она играет не меньшую роль, чем речь звучащая. У каждой из этих форм существования языка своя сфера действия, устная и письменная речь дополняют друг друга. Звучащей речью мы овладеваем в раннем возрасте, она усваивается как бы сама собой, без усилий с нашей стороны, письму же мы учимся специально, тратя на постижение грамоты многие годы. Может быть, именно поэтому мы уважительнее относимся к письменной речи, чем к устной. «Что написано пером, того не вырубишь топором» — говорит пословица.

Магия письма настолько велика, что подчас заслоняет сам язык не только школьники, но и взрослые образованные люди отождествляют письмо и язык, звук и букву Часто можно услышать: «Букву „эр“ не выговаривает», хотя «выговорить», произнести можно только звук, а не букву. Буквенный облик слова «гипнотизирует», и грамотному человеку трудно поверить, что, например, в конце слова *дуб* он произносит не [б], а [п]

Неразличение письма и языка, буквы и звука с особенной остротой проявляется всякий раз, когда встаёт вопрос об усовершенствовании, упрощении нашего правописания Сразу раздаются протесты против «реформы языка», против вмешательства в язык, его порчи. В 60-х гг. XX в. Орфографическая комиссия разработала проект, в котором предлагалось убрать некоторые исключения из правил, сделав их более последовательными и простыми: например, после буквы ***ц*** писать только букву ***и*** и не писать ***ы***. Казалось бы, как удобно, не заботясь о том, в корне или в окончании встречается данное сочетание, не запоминая исключений из правила, писать всегда ***ци***: ***ци****рк*, ***ци****плёнок*, ***ци****вилизация*, *огур****ци***. Однако многие возмутились: они были убеждены, что в слове *революция* они произносят мягкий [ц'], а в слове *огурцы* — твёрдый, тогда как на самом деле звук [ц] в русском языке всегда твёрдый. Он не имеет мягкой пары, и поэтому, напишем ли мы после ***ц*** букву ***и*** или ***ы***, всё равно произнесём одинаково — [цы]. Одна газета с негодованием писала. «Неужели мы будем теперь встречать наших космонавтов не мужественным приветствием *Молодцы!*, а визгливым *Молодци!*». Автор статьи был уверен, что если изменится написание, изменится и произношение

Итак, письмо и язык, мир букв и мир звуков — два разных мира. В каждом из них — свои



Мир букв и мир звуков — два разных мира, и в каждом из них свои законы

законы, и соединены они между собой многочисленными и порой непростыми связями.

РАЗДЕЛЫ ПИСЬМА

Наше письмо — целое большое хозяйство. Кроме букв (их, как мы знаем, 33) есть ещё небуквенные знаки. Некоторые из них участвуют в передаче на письме слов. Это дефи́с (*тёмно-зелёный, жар-птица, по-моему, Ростов-на-Дону*), знак ударения (*большу́ю, бо́льшую*), апостро́ф (*Д'Артаньян, Жанна д'Арк, о'кей*). Другие небуквенные знаки — пунктуационные, или знаки препинания. Это точка, запятая, точка с запятой, двоеточие, тире, скобки, многоточие, вопросительный и восклицательный знаки и, наконец, очень важный знак — пробел между словами. У них своя сфера действия — не слово, а целое предложение.

Научившись писать, мы делаем это легко и быстро, хотя при этом приходится решать много непростых задач Надо сложить из букв слова и выделить прописными буквами особый класс собственных имён; разделить пробелами слова, чтобы они не сливались, отделить друг от друга более крупные синтаксические единицы — предложения. Внутри них позаботиться о том, чтобы отдельные части предложения разделялись на письме пунктуационными знаками, да ещё не забыть о переносе слов. Всё это нужно, чтобы при чтении было легче понимать, воспринимать текст

Решением этих задач занимаются разные разделы письма. *Орфография* (от *греч.* «orthos» — «правильный» и «graphō» — «пишу») и *пунктуация* (*среднелат.* punctuatio, от *лат.* punctum — «точка») — два основных раздела правил русского письма. Орфография — правила, обеспечивающие общепринятую буквенную запись слов. Пунктуация — это правила расстановки знаков препинания. Внутри орфографии есть свои подразделы: кроме правил буквенной передачи звукового состава слов орфографическими являются правила слитного и дефисного написания и употребления прописных букв.

ИЕРОГЛИФЫ В РУССКОМ ПИСЬМЕ

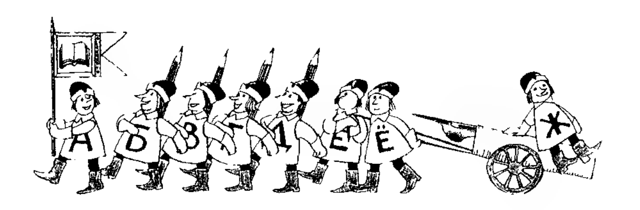
Для того чтобы написать по-русски слово *человек*, необходимо семь знаков (букв), а в иероглифическом письме нужен всего один знак — *иероглиф* (от *греч.* «hieros» — «священный» и «glyphē» — «то, что вырезано»)!

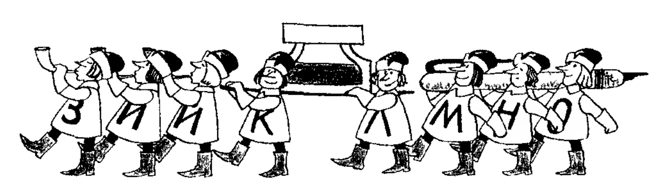
Русское письмо, как и все современные европейские системы письма, — *фонографическое*, или *звуко-буквенное*. Это значит, что основные его единицы — буквы — соотносятся с единицами фонетической (звуковой) системы языка. В иероглифическом же письме единицы письма — иероглифы — соотносятся непосредственно со смысловыми, значимыми единицами языка — словами или морфемами (см. раздел «Письменность»).

А есть ли в русском письме элементы иероглифического письма? Да, например, знаки **«+»**, **«–»**, **«=»**, **«§»**, **«%»**. Все цифры — типичные иероглифы! Как это доказать? Знак **«+»** можно прочитать по-разному: и как *плюс*, и как *прибавить*, и как *сложить;* знак **«–»** — как *минус, отнять, вычесть;* знак **«=»** — как *знак равенства, равняется, равно.* Во всех случаях знаку будет соответствовать слово или словосочетание. Важно и то, что эти знаки международные: в разных языках им соответствуют разные слова.

РУССКИЙ АЛФАВИТ

Набор букв, расположенных в условном, но строго определённом порядке, как все мы знаем, называется *алфавитом* (от *греч.* «alphábetos»), или *азбукой*. Слово *алфавит* происходит от





РОБКАЯ Э

Буква **э** сравнительно молодая. Она появилась в азбуке только в 1735 г. Встретили её неприветливо. Писатель Александр Петрович Сумароков называл эту букву «уродом», Михаил Васильевич Ломоносов в «Российской грамматике» не включил её в азбуку, дав своему решению такое обоснование: «Вновь вымышленное или, справедливее сказать, старое **е**, на другую сторону обороченное, в российском языке не нужно, ибо 1) буква **е**... может служить и в местоимении *етот*, и в междометии *ей;* 2) для чужестранных выговоров вымышлять новые буквы весьма невыгодное дело... 3) ежели для иностранных выговоров вымышлять новые буквы, то будет наша азбука с китайскую».

Итак, М. В. Ломоносов считал, что без этой буквы вполне можно обойтись. Она и в современном русском языке не очень-то «своя»: обозначает твёрдость предшествующего согласного, и то очень «робко», лишь в заимствованных словах (для русских слов необходимости в этом нет). С буквы **э** начинается всего несколько русских слов, притом только местоимений и междометий: ***эва, эвон, эге, эге-ге, эй, эк, экий, этак (эдак), этакий (эдакий), этот (эта, это, эти), эх, эхма, эхе-хе***. Все остальные слова, начинающиеся с **э**, — слова-иностранцы: ***эврика, эгоизм, Эдип, экватор, экзамен, экономика, экспорт, экстренный, электричество, элемент, элита, эллин, эмоция, энергия, эпиграф, эпидемия, эпос, эра, Эрик, эскорт, эстетика, Эсхил, этика, этимология, Этна, эфир, эхо...***

В древнерусском языке были две буквы: **є** — «есть» и **ѥ** — «**е** йотированная»; **є** передавала звук [э] после согласных (причём перед этим звуком согласный несколько смягчался — был полумягким), а букву **ѥ** использовали для передачи [jэ] в начале слова и после гласных. Потом **ѥ** перестали употреблять, и её функции отошли к букве **є**. Она стала выполнять две «работы»: указывать на мягкость предшествующего согласного и передавать сочетание [jэ] (эти функции буква **е** выполняет и сейчас в исконно русских словах). В специальной букве, обозначающей твёрдость предшествующего согласного, просто не было нужды: твёрдые согласные перед [э] не употребляли, а в начале слова произносили только [jэ].

Когда в русский язык из других языков начали проникать слова с начальным [э] без предшествующего [j], такое [э] тоже стали передавать буквой **є**. Создалось неудобство: когда надо читать начальное **є** как [э], а когда как [jэ]? Начались колебания в произношении. Мы сейчас говорим ***Европа, Египет, епископ*** с [jэ] именно потому, что в этих заимствованных из греческого языка словах пишется буква **е**. В книгах можно встретить написания ***Еврипид, Евклид*** и даже ***Ермитаж***, тогда как в современном языке они произносятся без [j]. Так что буква **э** не лишняя, она пригодилась русскому письму.

И С КРАТКОЙ

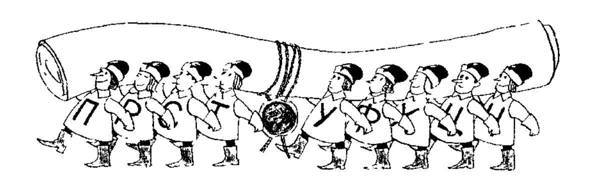
Буква **й** официально была введена в азбуку, как и буква **э**, в 1735 г., хотя её начали употреблять ещё в XVI—XVII вв., а до того писали обычное ***и:*** например, **доброи** (т. е. *добрый*), **прежнеи** (*прежний*).

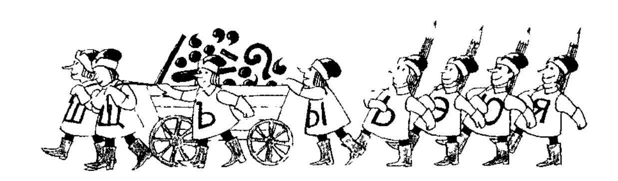
Почему эта буква называется «***и*** краткое»? Потому что составлена она была из буквы ***и***, над которой писали значок, называемый *кра́тка* — «***и*** с краткой». А потом, не понимая, что это за *кратка*, люди стали говорить ***и*** *краткое*, а раз ***и***, то решили, что эта буква передаёт гласный звук. А на самом деле она передаёт согласную фонему <j>, которая представлена в речи либо согласным звуком [j]: [jo]*лка* (ёлка) (но в этом случае буква ***й*** как раз и не пишется), либо неслоговым гласным [и̯] ([мои̯], [мои̯ка] — необычным гласным, который в отличие от всех других гласных русского языка не образует слога.

САМАЯ МОЛОДАЯ

Буква **ё** — самая молодая буква в русском алфавите. Известен её создатель, у неё есть «день рождения», и в 1997 г. ей исполнилось 200 лет. В 1797 г. писатель и историк Николай Михайлович Карамзин издал второй альманах стихов «Аониды», в котором впервые использовал букву **ё**. До этого для обозначения ударного [о] после мягких согласных использовали диграф ***іô***, введённый в 1735 г., например *сл**іô**зы, вс**іô***. А ещё раньше, в древнерусском языке, звук [о] после мягких согласных вообще не употреблялся. Вместо *мёд, слёзы, нёс, Пётр* произносили *мед, слезы, нес, Петр* с [э]. В XVIII и в начале XIX в. такое произношение было свойственно высокому стилю. Вот, например, рифмы Гаврилы Романовича Державина: *течет — нет, пчелку — стрелку, в издевку — девку, от весел — был весел*. Вспомним стихотворение А. С. Пушкина «Анчар»:

> *В пустыне чахлой и скупой,*
> *На почве, зноем раскалённой,*
> *Анчар, как грозный часовой,*
> *Стоит, один во всей вселенной.*





названия первых букв греческого алфавита «альфа» и «бета» (новогреческая «вита»), слово *азбука* получилось из сложения старых названий первых букв русского алфавита — «аз» и «буки».

Русский алфавит состоит из 33 букв, каждая из которых существует в двух вариантах: прописная (заглавная, большая) и стро́чная (малая) буквы.

У буквы ***ё*** особое положение в русском письме. Она и есть, и её как бы нет. Действительно, её встретишь не в любом тексте. Она обязательна лишь в специальной литературе, например в учебниках по русскому языку для младших школьников и для иностранцев, изучающих русский язык, в справочных изданиях, а также в собственных именах, которые без буквы ***ё*** нельзя правильно прочесть (например, название реки *Олёкмы* или французского города Байё). В то же время слова, начинающиеся с буквы ***ё,*** в словарях даются обычно вместе со словами на букву ***е:*** *ёлку* нужно искать среди слов на букву ***е.*** В обычном тексте любое написание с ***ё*** может быть заменено написанием с ***е,*** поэтому в правилах часто используют обозначение ***ё(е).***

* * *

С какими же единицами звуковой системы русского языка соотносятся буквы? Что они передают? Первый ответ, который напрашивается: звуки, вот что обозначают буквы. И это предположение подтверждается: *бал, волны, трон, кукуруза, смерч, верх, туман*... Однако как быть со словами *бегу,* ***сад, ложка, счастье?*** Ведь мы говорим *б*[и]*гу, са*[т], *ло*[ш]*ка,* [щáс']*тье.* Получается, что буква не передаёт звук? А что же тогда? Вот этот вопрос, главный вопрос русского письма, нам и предстоит решить.

ГРАФИКА

Одна маленькая девочка написала: ***Тьотьа Катья сиводни*** *я* ***хадила в децкий сат*** *там* ***есьть йожик.*** Она сделала ошибки двух видов. Написав ***тьа*** вместо ***тя*** и ***йо*** вместо ***ё,*** девочка нарушила правила о передаче на письме сочетаний мягкий согласный + гласный и сочетаний звук [j] + гласный Это — правила *г р а ф и к и* (от *греч.* «grapho» — «пишу»). А написания *сиводни, хадила* или *сат* нарушают правила *о р ф о г р а ф и и.* Разница между правилами графики и орфографии видна на двух примерах

Правило графики: звук [а] после мягкого согласного передаётся буквой ***я,*** в остальных случаях — буквой ***а:*** ***алый, талый, тянет, ад, сад, сяду.***

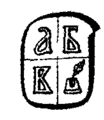
Правило орфографии: звук [а] передаётся буквой ***а,*** если в той же части слова (в той же морфеме) он соотносится с ударным звуком [а] *(**тащить** — **та́щит**),* и передаётся буквой ***о,*** если в той же части слова он соотносится с ударным звуком [о] *(**топить** — **то́пит**).*

Чтобы выбрать букву для звука [а] в словах ***талый*** или ***сад,*** достаточно знать о его соседе слева — не мягкий ли это согласный; о значении же слова можно совсем ничего не знать. Получается, что правила графики подходят для любых слов.

Выбор буквы в словах ***тащить — топить*** определяют совсем другие условия. Надо разобраться, в какой значимой части слова этот звук находится, подыскать такое слово или форму того же слова, в котором в этой же морфеме звуку [а] соответствовал бы ударный гласный. Не понимая, что́ значит данное слово, его не передашь правильно!

Кроме того, в русском языке звуки в пределах слова оказываются в разных, неравноправных условиях — фонетических позициях. В одних они различаются со всеми другими звуками — это *с и л ь н ы е* позиции; в других условиях различаются не все звуки — это *с л а б ы е* позиции.

Для гласных, например, сильная позиция — под ударением. В этом «привилегированном» положении различаются все гласные: ***мал, мол, мил, мул, мел.*** В слабых же позициях со звука-



ми происходят странные превращения. Например, ударный звук [о] в первом предударном слоге после твёрдых согласных меняется на [а]: ***со́ль*** — *с*[а]*ли́ть*, ***то́нет*** — *т*[а]*ну́ть;* после мягких [о] меняется на звук, близкий к [и]: ***тёплый*** — [т'и]*плéть*, ***лёд*** — [л'и]*до́к*.

Такая мена, или чередование звуков, приводит к тому, что звуки, различающиеся в сильной позиции, перестают различаться в слабой. Под ударением встречаются звуки [о] и [а], без ударения только [а]: *в*[о́]*ды, тр*[а́]*вы*, но *в*[а]*да́, тр*[а]*ва́*. А после мягких согласных не различаются, совпадают в одном звуке [и] целые четыре звуковые единицы, различающиеся под ударением, — [о, а, и, э]: [т'и]*плéть*, [т'и]*ну́ть*, [п'и]*ла́*, [д'и]*ла́*, но [т'о́]*плый*, [т'а́]*нет*, [п'и]*ть*, [д'э́]*ло*.

Согласные звуки в русских словах тоже находятся в неравноправных условиях, в разных фонетических позициях. Перед гласными, например, различаются все парные по звонкости/глухости согласные (сильная позиция): *ро́за — но́са, сады́ — коты́;* в конце слова парные по звонкости/глухости согласные не различаются (слабая позиция): *много ро*[с], *мокрый но*[с], *са*[т], *ко*[т].

Из-за слабых позиций могут путаться целые слова: ***сам*** и ***сом***, но *с*[а]*ма́* (непонятно, о чём речь: о *соме* или о *самой*), ***лес*** и ***лис***, но *л*[и]*са; лу́га* и *лу́ка* (род. п.), но *лу*[к]; ***плоды*** и ***плоты***, но *пло*[т].

Поэтому-то правила графики — это правила написания букв независимо от того, в каком конкретном слове передаваемый звук встретился. Они применимы к любым словам. Правила же орфографии определяют написание букв в зависимости от того, в каком слове, в какой морфеме этот звук встретился.

В сильной позиции звуки различаются, в слабой — совпадают

С правил графики обычно начинают обучать русской грамоте. Большинство детей уже в первом классе графических ошибок не делают. Правила орфографии — это второй этап овладения правописанием, и продолжается он, пожалуй, всю жизнь. Конечно, выучившись писать, мы применяем правила графики и орфографии одновременно, в зависимости от того, какое правило требуется, чтобы передать на письме данный конкретный звук.

БУКВЫ — ЗНАКИ

В отличие от звуков, которые сами по себе не являются знаками (не передают никаких значений), буквы — это своеобразные знаки, поскольку в языке им соответствуют фонемы. Именно в этом смысле можно говорить о «значениях» букв — например, о том, что у буквы ***я*** два значения, а у буквы ***н*** — одно.

Так же как фонему можно представить в речи разными звуками, буква на письме тоже может иметь множество различных начертаний, оставаясь «той же буквой». Если в классе учитель попросит написать букву ***а***, дети могут написать её по-разному: А, а, *А*, *а*, а, А ...

НОВАЯ БУКВА

В графических системах иногда используются буквы, чтение которых зависит от позиции (от того, в соседстве с какими буквами стоит данная буква). Таковы, например, русские ***я, ю,*** которые читаются по-разному после гласных и после согласных. Можно ли ввести в русском письме такую букву с новыми правилами чтения, чтобы она заменила две буквы: ***й*** и какую-нибудь одну из следующих букв: ***л, я, ь, и?***

ОБОЗНАЧЕНИЕ ТВЁРДОСТИ/МЯГКОСТИ СОГЛАСНЫХ

В русском языке 34 согласных звука — именно столько согласных различается в сильной позиции — перед гласными. А букв для обозначения этих согласных только 21. Почему так мало?

НОВАЯ БУКВА

Решение этой задачи строится на применении в графике принципа дополнительного распределения. Можно объединить буквы ***ь*** и ***й:*** поскольку ***ь*** и ***й*** не употребляют в одинаковых позициях (***ь*** после согласных, а ***й*** после гласных), наличие двух букв избыточно. Интересно, что впервые этот факт отметил словенский ученый Юрий Крижанич (около 1618—1683) более 300 лет назад. В связи с этим он предложил исключить из русского алфавита букву ***й,*** употреблять вместо нее ***ь*** и писать ***краь, стоь, пеьте*** и т. п.

В современном способе письма есть случаи, когда добавление к написанию слова буквы ***ь*** приводит к добавлению звука [й] в произношении слова: сравните *лет* [л'от] и *льет* [л'йот].

В русском письме нет особых букв для обозначения парных твёрдых и мягких согласных. Каждая из 12 пар согласных, различающихся лишь твёрдостью/мягкостью ([б—б', п—п', в—в', ф—ф', м—м', д—д', т—т', з—з', с—с', л—л', р—р', н—н']), обозначается одной и той же буквой: [б] и [б'] — буквой ***б,*** [п] и [п'] — буквой ***п,*** [д] и [д'] — буквой ***д*** и т. д. У них одна буква на двоих, значит, эти буквы передают не весь согласный, а лишь согласный без признака твёрдости/мягкости.

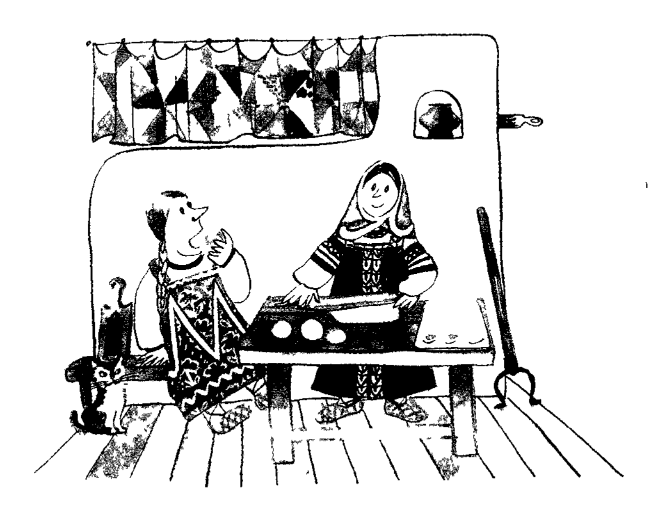
Как же мы узнаём, когда букве соответствует твёрдый звук, а когда мягкий? Ключом к прочтению букв для согласных служит следующая буква (или её отсутствие). Если мягкий согласный находится в конце слова или перед другим согласным, его мягкость передаёт мягкий знак. Эта буква неслучайно называется знаком: сама по себе она не передаёт никакого звука, но сигнализирует о том, что перед ней стоит мягкий согласный: *ко**нь**, ко**нь**ки, бро**сь**, бро**сь**те, ме**ль**, ме**ль**ник.*

Если за мягким согласным следует гласный, то мягкость обозначается буквами ***я, ю, ё, е, и.*** У этих букв (если они употребляются после согласных) сразу две обязанности: они передают гласные [а, у, о, э, и] и одновременно указывают на мягкость предшествующего согласного: ***ряд**, **лю**к, **тё**р, **се**л, **пи**л.* Твёрдость же парных согласных обозначают либо следующие за согласным буквы ***а, у, о, э, ы,*** либо отсутствие мягкого знака: *рад, лук, сэр, пыл, волна.*

Такой принцип обозначения парных по твёрдости/мягкости согласных звуков называется *слоговым,* так как мягкость согласных всегда передаётся сочетанием букв — *графическим слогом* ***(тя, ть).***

МА МЯ МЬ

[МА][М'А][М']



Буква согласного «недорабатывает», и букве гласного «приходится выполнять работу» за нее.

ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ ПРАВИЛ ГРАФИКИ

В парах ***а—я, у—ю, о—ё*** слоговой принцип соблюдается честно: буквы ***я, ю, ё*** указывают на мягкость предшествующего парного согласного, а буквы ***а, у, о*** — на его твёрдость. Они же употребляются и тогда, когда не нужно указывать ни на твёрдость, ни на мягкость согласного, т. е. в начале слова и после гласных (сравните ***та**лый, **а**лый, ли**а**на).*

А в паре ***э—е*** между буквами несколько неожиданные отношения. Как и буквы ***а, у, о,*** буква ***э*** употребляется в начале слова *(**э**тот, **э**ра)* и после гласных *(по**э**т, силу**э**т).* Однако после гласных в нескольких словах отвоевала себе позицию и буква ***е:*** *про**е**кт, про**е**кция, тра**е**ктория.* Подобно буквам ***а, у, о,*** буква ***э*** обозначает твёрдость предшествующего согласного, хотя употребляется она для этого крайне неохотно — в единичных словах, притом только иноязычного происхождения: ***мэ**р, **мэ**тр, **пэ**р, сэр, пле**нэ**р, **рэ**кет.*

Итак, согласный звук перед буквой ***э*** мы обязаны произнести твёрдо. А перед ***е*** — мягко? В исконно русских словах — да! Сравните: ***б****елый,* ***пе****ть,* ***ве****тка,* ***де****лать,* ***те****нь,* ***зе****лень, в сте****не****,* ***се****рый,* ***ле****нь.* А в заимствованных? Произнесите: *ас****бе****ст* и ***бе****би,* ***де****спот* и ***де****льта,* ***зе****бра* и *эк****зе****ма, пио****не****р* и *и****не****рция, ас****пе****кт и ка****пе****лла,* ***ре****нта* и ***ре****гби,* ***се****рия* и ***се****рвис, па****те****нт* и *пар****те****р.* В первом слове каждой пары перед ***е*** — мягкий согласный, во втором — твёрдый (по крайней мере так рекомендует произносить «Орфоэпический словарь русского языка»): [д’]*еспот,* но [дэ]*льта, пио*[н’]*ер,* но *и*[нэ]*рция* и т. д.

МНОГОЛИКИЙ РАСЧЁТ

Как с помощью букв русского алфавита по-другому записать слово *расчёт,* чтобы запись читалась так же? (Предполагается, что читать такие записи будут с ударением на последнем слоге.)

Докажите, что это можно сделать более чем 140 способами. Возможность каждого способа чтения буквы или сочетания букв подтверждайте реальным написанием каких-нибудь русских слов.

ИНОСТРАНЕЦ

1. Пусть иностранец не знает ни одного русского слова, но знает общие правила о том, как читаются русские буквы и как, слыша тот или иной звук в русском слове, правильно обозначить его на письме.

(При решении задачи обратите внимание: правила могут затрагивать не только отдельные буквы, но и их окружение, позицию в слове и т. п., т. е. основываться на любых сведениях о слове, которые можно получить, не зная его смысла.)

Даны слова: *конь, сел, луч, год, шкура, люк, жен, край, сдал, пух.*

Определите для каждого из этих слов, сможет ли иностранец (с уверенностью, что сделает это правильно) прочитать это слово, видя его написание, и записать это слово, слыша, как его произносят.

В случаях когда вы считаете, что он не сможет этого сделать, укажите причину. (Не нужно принимать во внимание, что согласный звук иногда может отражаться на письме удвоенной буквой.)

2. В русских книгах, предназначенных для детей и иностранцев, различаются буквы ***е*** и ***ё,*** а также везде проставляется ударение.

Приведите такие русские слова, которые иностранец не смог бы прочесть (с уверенностью, что сделает это правильно) и в этом случае.

Получается, что буква ***е*** в заимствованных словах не указывает ни на твёрдость, ни на мягкость согласного звука, ведь чтобы прочитать слово правильно, мы заранее должны знать, как оно произносится — с твёрдым или мягким согласным перед ***е.*** А если мы впервые встретили слово, например ***демпфер,*** скорее всего прочтём его с [дэ] — уж очень оно иностранное.

Можно ли букву ***э*** последовательно употреблять для обозначения твёрдости согласных? Писать *ас****бе****ст,* но ***бэ****би;* ***де****спот,* но ***дэ****льта;* ***те****ма,* но *с****тэ****нд;* ***зе****бра,* но *эк****зэ****ма; пио****не****р,* но *и****нэ****рция; па****те****нт,* но *пар****тэ****р?* Этому мешает множество слов иноязычного происхождения с неустойчивым, двояким произношением согласного — слов, в которых перед [э] произносится то твёрдый, то мягкий согласный: [тэ]*мп* и [т’э]*мп, бас*[сэ]*йн* и *бас*[с’э]*йн.*

У русской графики есть и другие «причуды» — исключения. Например, по правилу графики твёрдость предшествующего парного согласного обозначается буквой ***ы:*** *с****ы****рой, с****ы****грать, д****ы****ра, пред****ы****стория, коз****ы****, без****ы****дейный.* Но после приставки ***сверх-*** и после иноязычных приставок пишется не ***ы,*** а ***и.*** Здесь во владения графики вторгается орфография и отменяет правила графики: *сверх****и****зящно, дез****и****нформация, гипер****и****нфляция, контр****и****гра, пост****и****мпрессионизм.* В этих случаях буква ***и*** не выполняет своей обычной функции — не обозначает мягкости предшествующего согласного.

О других нарушениях правил графики пойдёт речь в статье «Орфография» — ведь все исключения из правил графики касаются написания конкретных слов или их частей, а это уже область орфографии.

ХОРОШ ИЛИ ПЛОХ СЛОГОВОЙ ПРИНЦИП РУССКОЙ ГРАФИКИ?

«Что было бы, если бы его не было?» — задаёт вопрос известный венгерский лингвист и педагог Ференц Папп (родился в 1930 г.), автор курса русской грамматики. И отвечает на него так: применение специального знака для обозначения мягкости согласных (помните, как девочка написала ***тьотьа*** вместо ***тётя?***) «потребовало бы значительно больше места для передачи того же количества языковой информации. Подсчитано, что увеличение достигло бы 7—9 %, т. е. при предположении, что в Российской государственной библиотеке имеется 20 млн томов, написанных по-русски, отсутствие слогового принципа

потребовало бы на 1,4—1,8 млн томов больше!.. Итак, слоговой принцип для русского письма — очень удачное решение трудной проблемы; если бы этого принципа не было, его надо было бы изобрести».

Кроме того, лишние пять букв для гласных плюс мягкий знак позволяют сэкономить 12 согласных букв алфавита. Не случайно русский лингвист Николай Феофанович Яковлев (1892—1974) именно слоговой принцип положил в ос-

МНОГОЛИКИЙ РАСЧЁТ

Слово *расчёт* содержит пять звуков: [раш'о́т]. Начальный согласный звук может быть передан на письме единственным способом: ***р***. Гласный звук [а] можно записать двумя способами: ***а*** и ***о*** (сравните со словом *просчёт*). Третий звук [щ'] в русских словах передаётся несколькими способами: одной буквой ***щ*** (как в слове *пища*); двухбуквенными сочетаниями: ***сч*** (как в самом слове *рас**ч**ёт*), ***зч*** (*извозчик*), ***жч*** (*мужчина, перебежчик*), ***шч*** (*весну**шч**атый*), ***сщ*** (*рас**щ**елина*); трёхбуквенными сочетаниями: ***ссч*** (*ра**ссч**итать*), ***стч*** (*жё**стч**е*), ***здч*** (*звё**здч**атый*). (Разнообразные способы передачи звука [щ'] возникают на стыке приставки и корня или корня и суффикса. Заметив это, легче отыскать нужные сочетания. Вместе с тем трудно быть уверенным, что они перебраны все: так, в словарях не зафиксированы слова, содержащие буквосочетание ***ждч***, но их можно было бы легко образовать, прибавив к основе на ***жд***, например, суффикс ***-чат-***.)

Ударный гласный [о́] после шипящего можно записать двумя способами: ***ё*** и ***о*** (сравните *чётный* и *чопорный*). Наконец, согласный звук [т] на конце слова можно передать четырьмя способами: ***т*** (*счё**т***), ***д*** (*мё**д***), ***тт*** (*ва**тт***), ***дт*** (*Кроншта**дт***).

Таким образом, общее число теоретически возможных (по правилам графики) способов написания слова [раш'о́т] — 2 · 9 · 2 · 4 = 144, но лишь один из них признаётся правильным и соответствует современным орфографическим правилам.

ИНОСТРАНЕЦ

1. Решение можно представить в виде таблицы. Слова, взятые в скобки, относятся к пункту 2.

	Можно прочитать	Нельзя прочитать
Можно записать	*конь, край, пух (сёл)*	*сел*
Нельзя записать	*луч, год, люк, сдал (жён, шку́ра)*	*жен, шкура (злого, что, модель)*

Точки над буквой ***ё*** в литературе для взрослых обычно опускаются, поэтому, видя в слове букву ***е*** перед твёрдым согласным, иностранец не сможет решить, какой звук она обозначает: [о] или [э]. Поэтому слова *сел* или *жен* иностранец не прочтёт с твёрдой уверенностью, что делает это правильно. Нельзя прочитать однозначно также слово *шкура*, так как неизвестно, где нужно сделать ударение. Чтобы прочесть остальные слова, достаточно знать некоторые общие правила чтения, например: буква ***ь*** не читается, но предшествующий согласный нужно смягчить, звонкие на конце слова надо произносить как соответствующие им глухие, букву ***ю*** после согласного читают как [у], а сам согласный смягчается.

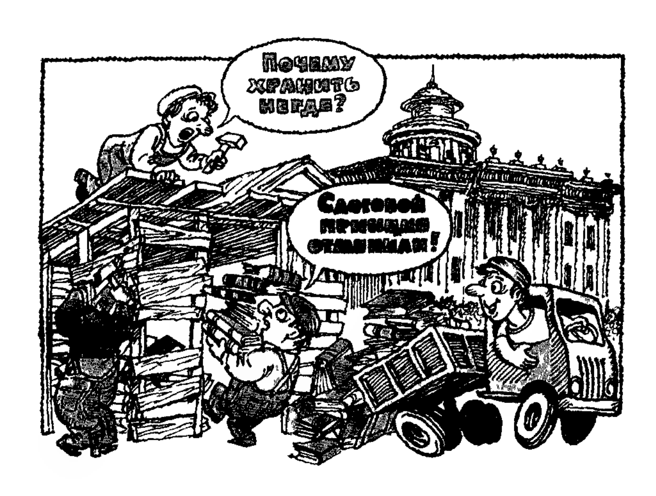
Выяснить, как писать: *год* или *гот, люк* или *люг*, можно, изменив слово так, чтобы после согласного звука шёл гласный. Иными словами, общих правил письма недостаточно, нужно знать само слово. Чтобы в конце слова *шкур**а*** уверенно писать букву ***а***, нужно знать, что это слово — существительное женского рода (сравните: *озер**о*** или наречия *хмур**о**, скор**о***, имеющие на конце тот же гласный звук). Нет ясности и для слова *жен*, поскольку звук [о] после шипящего может записываться также как ***о*** (например, *жом, жор*). Для правильной записи слова *луч* нужно знать, что это существительное мужского рода (сравните: ***ночь***), для слова *сдал* — то, что ***с-*** — приставка (сравните: ***здесь***).

2. Когда в тексте проставлены ударения и различены буквы ***е*** и ***ё***, остаётся совсем мало факторов, затрудняющих чтение. Назовём три из них.

Буква ***е*** часто пишется там, где следовало бы писать ***э*** — сравните *дельта, модель* (с твёрдым согласным) и *дело, дети* (с мягким согласным). Существуют *омо́графы* (от *греч.* homos — «одинаковый» и graphō — «пишу»), т. е. слова с одинаковым написанием, но с разным произношением, различающиеся только прочтением ***е***: *результаты **теста*** (с твёрдым согласным) и *пирожки из слоёного **теста*** (с мягким согласным).

Буква ***ч*** иногда передаёт звук [ш], сравните ***что*** и ***чти***. Иногда два различных прочтения буквы ***ч*** соответствуют двум разным значениям одного и того же слова, например во фразах *У него, **сердечного, сердечная** болезнь* и ***Конечно,** это множество **конечно*** (в обоих примерах в первом случае звук [ш], а во втором — [ч]).

Принятый способ записи окончания прилагательных — ***-ого***, из-за которого, например, форма *зл**ого*** не может быть прочитана (сравните: *мн**ого**, стр**ого***) и записана (сравните: *сл**ово***) однозначно. Омографична форма *пол**ого***. Буква ***г*** читается как [в], если это форма родительного падежа прилагательного *полый*, и как [г], если это наречие. Правда, произношение этих омографов различается ещё и ударением.



нову разработанной им универсальной формулы построения наиболее экономного в отношении числа букв алфавита.

ПОЧЕМУ МЫ НЕ ПИШЕМ *ЧЯЩЯ, ШЮКА?*

В самом деле, почему? Ведь [ч'] и [щ'] — мягкие звуки! Значит, их мягкость должна быть отражена, обозначена на письме? Нет, это не так. У этих звуков нет твёрдой пары — их не́ от чего отличать, они всегда мягкие, их мягкость уже передана буквами ***ч*** и ***щ,*** и ни к чему ещё раз обозначать её с помощью гласной. Вот после них и пишут гласные буквы, которые употребляют, когда не нужно указывать ни на твёрдость, ни на мягкость предшествующих согласных, т е. ***а*** и ***у*** (вспомните: именно эти буквы передают [а] и [у] в начале слова и после гласных). Пишут ***ча**с, **ча**ща, **чу**до, по**ща**да, **щу**ка.*

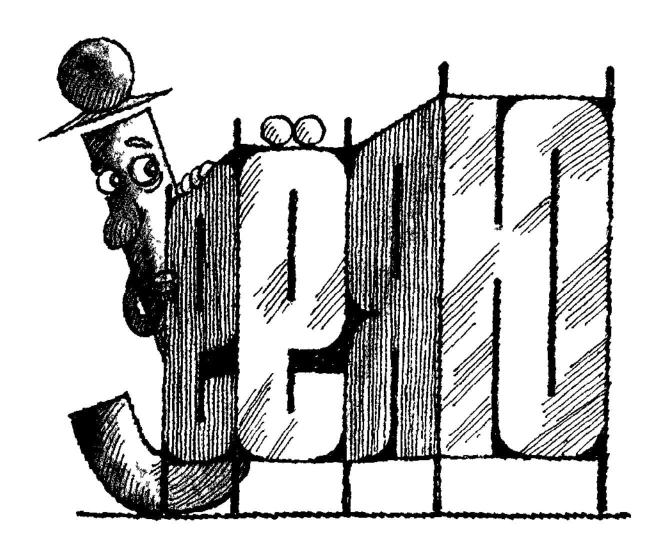
Есть и другие непарные по твёрдости/мягкости согласные — [ж] и [ш], всегда твёрдые. Они тоже не нуждаются в специальном обозначении своей твёрдости с помощью следующей буквы — у них нет мягкой пары. После букв ***ж*** и ***ш*** пишется не буква ***ы,*** сигнализирующая о твёрдости предшествующего согласного, а буква ***и,*** которая употребляется в начале слова и после гласных *(**и**гры, по**и**ть):* ***ши**рь, камы**ши**, **жи**р, ска**жи**.* Это не отступление от слогового принципа передачи твёрдости/мягкости — на непарные согласные не должно распространяться его действие, и это очень разумно.

Казалось бы, по этой логике после непарных согласных должна употребляться буква ***о,*** а не ***ё;*** после ***ц*** ([ц] — ещё один твёрдый непарный) — буква ***и,*** а не ***ы.*** Однако это не так. После ***ж, ш, ч, щ*** употребляется не только ***о,*** но и ***ё*** *(но**жо**м,* но *бере**жё**м;* ***шо**к,* но ***шё**лк;* ***чо**кнуться,* но ***чё**рствый; тру**що**ба,* но ***щё**тка);* после буквы ***ц*** пишется не только ***и,*** но и ***ы*** *(**ци**гейка,* но ***цы**ган; стан**ци**я,* но *белоли**цы**й).* В таких случаях не обойдёшься правилами графики. Чтобы выбрать нужную букву, надо знать, в каких именно словах или в каких морфемах после шипящих следует писать ***о,*** а в каких — ***ё;*** когда после ***ц*** писать ***ы,*** а когда — ***и.***

Кстати, правило написания ***о/ё*** после шипящих — одно из самых трудных в русской орфографии (это вы, наверное, ощутили на собственном опыте). Не случайно поэтому, когда встаёт вопрос об упрощении русской орфографии, учителя в первую очередь требуют заменить это правило простым: под ударением после шипящих писать ***о,*** без ударения ***е.*** Например, ***жо́**лтый — **же**лте́ть, **чо́**рт — **че**ртéй, л**жо́**т — ска́**же**т.* Именно такое написание предлагал проект Орфографической комиссии 1904 г. и нереализованный проект 1964 г.

ГДЕ ПРЯЧЕТСЯ [j]?

В русском языке есть особый звук [j]. Многие даже не знают, что он существует и что это согласный. А всё из-за графики: любит этот звук прятаться, растворяться в буквах, передающих гласные звуки. Для него есть специальная буква ***й,*** но её употребляют только после гласных и притом не перед гласными (а значит, в конце слова или перед согласными): ***ма**й**, ма**й**ка, ро**й**, землеро**й**ка, зме**й**, зме**й**ка.*** Если же после [j] оказываются гласные, то его как бы поглощают



КОГДА МЯГКИЙ ЗНАК НЕ МЯГКИЙ

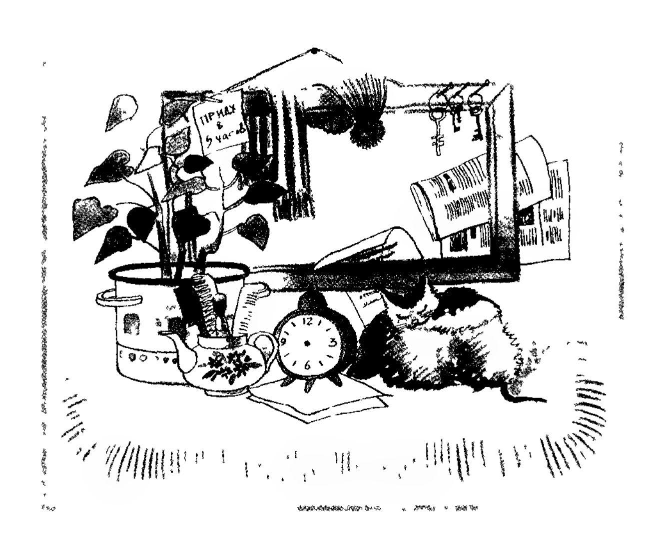
Много ролей у буквы ***ь.*** Никаких звуков она (как и ***ъ***) не передаёт, однако безработной её не назовёшь. У ***ь*** в русском письме три разных дела. Первая и основная его работа — сигнализировать, что предшествующий согласный мягкий. По совместительству мягкий знак выполняет ещё и другую работу: оповещает, что после согласных буквы ***я, ю, ё, е*** нужно читать как [ja], [jу], [jo], [jэ]. В этой роли его называют *разделительным.* Взялся мягкий знак и за третью работу — честолюбие одолело: захотел быть не только фонетическим знаком (т. е. уточнять, как следует читать букву согласного или гласного), но и грамматическим. Но толку от этого немного.

Мягкий знак после шипящих в конце слова явно не на своём месте: он не указывает на мягкость предшествующих согласных. Мягкость непарных мягких и не нуждается в обозначении: буквы ***ч, щ*** и без мягкого знака, сами по себе, передают мягкие звуки. Тем более не нужен он после непарных твёрдых ***ж*** и ***ш!*** И всё-таки ***ь*** пишется: *мыш**ь**, рож**ь**, печ**ь**, вещ**ь**, не плач**ь**, стрич**ь**, настеж**ь**.* Пишем *нож,* но *лож**ь**; громкий плач,* но *не плач**ь**; золотая рож**ь**,* но *много рож.*

У одного человека сломался будильник, да так сломался, что и починить нельзя — только выбросить. А выбросить жалко, вот он и решил: «Пусть будильник стоит на комоде. Буду под него разные нужные бумажки класть. Всё-таки польза». У этого будильника и ***ь*** после шипящих много общего. Они не выполняют свою главную работу — один не показывает время, а другой не указывает на мягкость предшествующего согласного. Можно сказать: зато ***ь*** — грамматический сигнал, он помогает отличать существительные мужского рода от женского! Но это уж скорее медвежья услуга. Придут к человеку гости, посмотрят на будильник — время узнать. И хозяин каждому должен будет объяснять: этот будильник время не показывает, он просто так стоит, бумажки прижимает. По этому поводу Ференц Папп писал: «Русским здесь мягкий знак не помогал и до сих пор. Кажется, и нерусским он оказывал фальшивую помощь: гораздо более целесообразно запомнить целые словосочетания типа *наша рожь,* чем абстрактное правило: „Если после шипящего мягкий знак, то это — женский род"».

Орфографическая комиссия в начале XX в. предложила не писать мягкий знак в этих случаях. Как хорошо — избавились бы от лишнего правила! Писали бы *мыш, рож, печ, веш, стрич, стричся, еш, еште, реж, режте,* не думая, к какой части речи принадлежит слово — не к существительным ли, а если к существительным, то не женского ли оно рода, и какого числа и падежа — ведь надо писать *ночь,* но *туч...* Жаль, что это предложение не было принято.

Откуда же взялся ***ь*** после шипящих? Это наследство древнерусской орфографии. Когда-то на месте ***ъ*** и ***ь*** были полноценные буквы, обозначавшие гласные звуки. Давно утраченные, эти звуки стояли в конце слова после согласных. (Подробнее об этом см. в статье «Графика и орфография. Реформы и реформаторы».)



буквы, передающие гласный звук, — ***я, ю, ё, е,*** которые в начале слова и после гласных означают сочетание [j + а], [j + у], [j + о], [j + э]: ***я**блоко, бо**я**знь, **ю**г, зме**ю**, **ё**лка, по**ё**т, **е**ль, при**е**хал.*

Одна буква передаёт сразу два звука — согласный и гласный, целый слог! И здесь действует слоговой принцип. Такая игра [j] в прятки часто сбивает с толку школьников, особенно когда нужно определить границы между частями слова. Например, надо разобрать по составу слово *строю* или *стая.* Так и жди ошибки — как бы не разделили на такие части: *стро-ю, ста-я.* А правильно: *стро*[jу], *ста*[ja]. Ведь звук [j] принадлежит основе: *ста*[jу], *ста*[jе]*й, ста*[ja]*ми.*

А как быть, если сочетания [ja, jу, jo, jэ] находятся после согласного звука? Ясно, что между согласной буквой и буквами ***я, ю, ё, е*** должна быть какая-то прослойка, которая бы заставляла нас читать эти буквы как [ja, jу, jo, jэ]. И такая прослойка существует, это так называемые разделительные мягкий и твёрдый знаки: ***ь*** — *дру**зья**, **вью**га, бе**льё**, ни**чьей**, соло**вьи**;* ***ъ*** — ***въ**я**вь**, пред**ъю**билейный, **съё**мный, раз**ъе**хаться.* Для графики хватило бы и одного знака — мягкого, но и здесь вмешалась орфография: велит пос-

ле приставок перед буквами ***я, ю, ё, е*** писать твёрдый знак.

Когда ребёнок только учится писать, он может написать *маёр, бульён* — по правилам передачи сочетаний [j] + гласный, действующим в русской графике. Между тем в некоторых словах иноязычного происхождения, в том числе и в именах собственных, орфография отменяет правила графики; буква ***й*** употребляется там, где должны писаться буквы ***е, ё, ю, я:*** ***Йе****мен,* ***йо****га,* ***Йо****рданс,* *ко****йо****т,* *ма****йо****нез,* *ма****йо****р,* *Ма****йя****,* *Ме****йе****рхольд,* *Нью-****Йо****рк,* *папа****йя****,* *ра****йо****н,* *секво****йя****,* *Фре****йя****.*

Остаётся только удивляться, как всем нам удалось в возрасте пяти—восьми лет разобраться в этих премудростях и научиться читать и писать! Действительно, есть за что уважать себя!

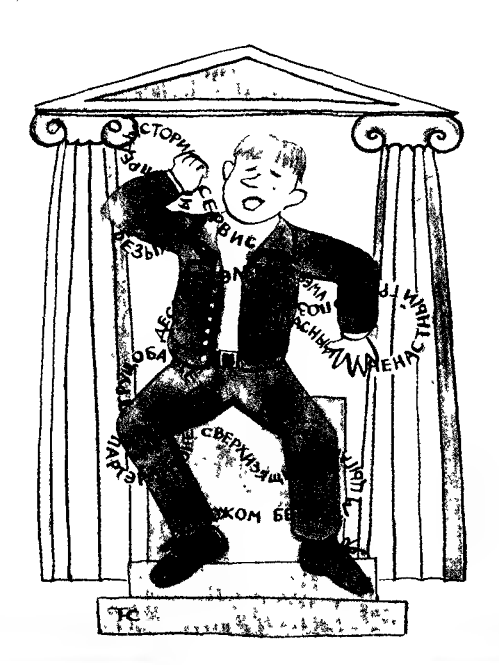
БУКВЫ-АКТЁРЫ

Буквы ***я, ю, ё, е,*** как актеры в театре, играют в нашем письме разные роли. То они обозначают гласный, одновременно указывая на мягкость предшествующего согласного (например, ***я*** = [' + а]), то передают сочетания [j] + гласный (***я*** = [j + а]). Почему же мы не ошибаемся и всегда верно читаем эти буквы? Потому что они означают разное в разных условиях: находясь после согласных, эти буквы передают один звук (вместе с мягкостью предшествующего согласного): *тетя, мел, мот.* А в начале слова, после гласных и после разделительных **ь** и **ъ** они передают два звука — [j] + гласный: ***Ё****жик по****ё****жится, съ****ё****жится л****ё****жа;* ***Я****ша вь****я****вь по****я****вится и объ****я****вит себ****я****.*

ОРФОГРАФИЯ

ТЬМА ПРАВИЛ

Часто приходится слышать жалобы и сетования: что за орфография у нас? Не верь ушам своим — слышится одно, а пишется совсем другое! Говорим *акно,* а пишем *окно,* говорим *г зимле,* а пишем *к земле.* С какой стати писать совсем не то, что слышишь?



Сколько орфографических правил! Как их запомнить? Они такие разные

Как обозначать безударные гласные? Когда, например, на месте звука [и] писать букву ***и,*** а когда ***е*** или ***я,*** если произносится *в*[и]*сна, л*[и]*ства* и *п*[и]*так?*

Какую букву писать в конце слова на месте глухого согласного *(пру****т*** или *пру****д****)?*

Как передавать звонкие согласные перед звонким *(ко****зь****ба* или *ко****сь****ба),* а глухие — перед глухим *(ска****ск****а* или *ска****зк****а)?*

Какое окончание писать в предложном падеже единственного числа существительных: ***-е*** или ***-и*** *(на вол****и*** или *на вол****е****)?*

А в формах спряжения! Когда в окончании надо писать ***-ит*** *(служ****ит****, друж****ит****),* а когда ***-ет*** *(скаж****ет****, ляж****ет****)?*

А непроизносимые согласные! Просто мистика какая-то: обозначать согласные, которых и нет совсем. Пишем *опа****сн****ый,* но *нена****стн****ый, гро****зн****о,* но *по****здн****о.*

И ещё много-много других и таких разных правил!

Однако не нужно приходить в отчаяние. Попробуем разобраться.

ВИНОВАТА ФОНЕТИКА?

Мы убедились, что русская фонетика «с характером», звуки «беспокойные»: под влиянием фонетической позиции (положения в слове) они

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ СКАЗКА

Светлое сентябрьское утро. Иванушка (совсем не дурачок, а очень толковый мальчик) радостно идёт в школу — в первый раз. Мама говорит: «Представляешь, уже на Новый год ты сможешь сам написать письмо бабушке!».

На уроках Иванушка узнаёт, что каждый звук обозначается специальной закорючкой — буквой. Если запомнить, какая закорючка какой звук обозначает, можно написать: *м-а-м-а, д-о-м, Д-а-ш-а.* Просто слушай и пиши. Получается здорово. Но вот он старательно выполнил домашнее задание, придумал слова, начинающиеся с буквы *с*. Вскоре учитель возвращает Иванушке тетрадь. И что же? В слове *сабака* жирной красной полосой зачёркнута буква *а* и сверху написано *о!* Всё это очень странно. Ведь учитель сам говорил, что такой звук, как в словах [а]*рбуз*, *м*[а]*м*[а], *Д*[а]*ш*[а], обозначается вот такой закорючкой: ***а.*** Слушаем и пишем: *с-а-б-а-к-а.* Логично? Логично. И что только учителю не понравилось?

После нескольких «собак» Иванушка решает не сдаваться и рассуждает дальше: похоже, всё устроено не так просто, и, если слышишь звук [а], писать почему-то нужно букву ***о.*** Он даже догадывается, что происходит это в безударном слоге. Теперь всё ясно, больше Иванушка не попадётся!

Естественно, в ближайшем же задании ему попадается слово *капуста.* Наш герой храбро встречает вызов судьбы и, веря в силу здравого смысла, применяет принцип аналогии: «Когда я слышал *с*[а]*бака,* правильно было писать ***собака.*** Я слышу *к*[а]*пуста,* значит, пишу: *к-**о**-п-у-с-т-а*». Логично? Логично!

Но на этот раз перед Иванушкой перечёркнутое красным ***о!*** Домой он приходит весь в слезах: «Мама, я не хочу писать письмо бабушке. Я никогда, никогда не смогу писать без ошибок...».

* * *

Эту драму в той или иной мере переживает каждый ребёнок, овладевающий русским письмом. Конечно, потом всё забывается, и родители уже не понимают испуга своих детей перед головоломным правописанием. Многие дети учатся писать задолго до школы и решают проблему постепенно, по мере своих сил. Но полностью избежать стресса невозможно.

Происходит по сути следующее. Сначала категоричным тоном сообщают правила игры: буква обозначает звук. После этого правила изменяются в одностороннем порядке и без предупреждения. Оказывается, очень часто звук «своей» буквой обозначать нельзя.

Представьте, что вы сели играть в шахматы. Правила известны, опыт игры имеется. Вдруг после очередного вашего хода (сделанного в соответствии с правилами!) судья заявляет: «А на этот раз слон так не ходит, вы проиграли!». А вам при этом шесть лет, и в роли судьи — Первая Учительница.

Неудивительно, что страх перед орфографией есть почти у каждого. Что можно сделать? Просто понять, что формула «буква обозначает звук» — лишь временное допущение, ложь во спасение, которая необходима, чтобы ребенок начал читать и писать. После этого с ней нужно расстаться, иначе заманчивая простота такого принципа обернётся обманом. Подлинный принцип нашей орфографии — фонемный; он гораздо сложнее, но именно этот принцип соответствует нашему языку, нашей фонетике с позиционными менами звуков. Русская орфография сложна, но не коварна, и тот, кто разобрался в её устройстве, может ей доверять.

меняются, чередуются. «Заскользило» ударение — и вместо звука [о] появился [а]. *д*[о́]*рог — д*[а]*ро́же,* или вообще звук, ни на что не похожий: то ли краткое [а], то ли что-то [ы]-обра́зное. *д*[ъ]*рого́й. Др*[ав]*а́* — много *др*[о́ф] — в одной морфеме сразу две мены: звук [о] заменился на [а], вместо [в] появился звук [ф]. В таких случаях говорят: ударный звук [о] чередуется с безударным [а], звук [в] чередуется с [ф] на конце слова. А бывает и так, что звук совсем исчезнет, тогда говорят, что он чередуется с нулевым звуком, например: *опо*[зд]*ать — по*[з]*но.* Из-за таких превращений звуки, различающиеся в сильной позиции, в слабой перестают различаться — такая уж у нас фонетика.

В языках с фонетической системой, подобной русской — с неразличением звуков в слабых позициях, — письмо может распорядиться алфавитом одним из двух способов: или передавать буквами позиционные изменения звуков, как это происходит, например, в сербском или в белорусском письме, или не передавать их. Белорусы пишут *жаваранок, пажар, маладой, сталіца, сваімі гарадамі.*

Если бы в русском письме передавались позиционные изменения звуков, мы бы вполне

НЕСОМНЕННЫЕ СОМНИТЕЛЬНЫЕ

Говорят, когда сомневаешься, что писать, то проверяй. Ставь под ударение, перед гласным и т. д. Но каждый звук, каждую букву не проверишь. Где нужно сомневаться?

В дневнике писательницы Веры Инбер есть такая запись: «Настя опять сделала много ошибок в диктанте. Я говорю ей: „Ты должна проверять, когда сомневаешься". Она мне: „Тетя Вера, ну я вот нисколечко не сомневалась!"».

Настя права: говорят — когда сомневаешься, а когда надо сомневаться — не говорят! Или так иногда советуют: если согласный сомнительный, ты его проверяй. В словах *острая коса, острых кос* звук [с] не сомнительный, пиши, что слышишь. А в словах *бодливых коз, стадо коз* последний согласный сомнительный, и его непременно надо проверять. А в обоих случаях согласный звучит совершенно одинаковый — [с], почему один сомнительный, а другой — нет?

«И в слове *наш* и *нож* звучит на конце один и тот же звук [ш]; *хлоп* — *лоб* — звучит на конце один и тот же звук [п]. А вы всеми силами стараетесь уверить, что звук [ш] только в *нож* и звук [п] только в *лоб* — звуки сомнительные, а в словах же *наш* и *хлоп* — они звуки не сомнительные», — отчитывал сторонников такого взгляда ученый-методист В. П Шереметевский. Конечно, справедливо.

Если бы на самом деле были сомнительные звуки, особые звуки, — тогда достаточно было бы прислушаться: это какой звук? особый? не [п] несомненное, а [п] сомнительное? Надо его передавать буквой ***б!*** Да и проверки было бы не нужно: особые-то звуки где? Там, где нужна буква, «противоположная» звуку. Если сомнительный звук [п] — пиши ***б!*** Если сомнительный звук [ш] — пиши ***ж!***

И никаких грамматических правил: навостри ухо — и пиши, всегда будет правильно! Так было бы, если бы существовали особые, на слух отличимые звуки.

На самом деле для правильного письма нужно не ухо, чуткое к «сомнительным звукам», а нечто иное.

Надо учить восходить от слабой позиции к сильной.

(По книге М. В. Панова «Занимательная орфография».)

грамотно писали *вада, парахот, лисьник, децкий, павоска, нинасный день* вместо *вода, пароход, лесник, детский, повозка, ненастный день.* А начало стихотворения А. С. Пушкина «Зимняя дорога» выглядело бы так:

Сквось валнистыи туманы
Прабираица луна,
На пичальныи паляны
Льёт пичальна свет ана.

Но мы с детства поняли, когда ещё и представления не имели о сильных и слабых позициях, что на письме нельзя всегда доверять звуку. Поэтому, боясь ошибиться, могли на всякий случай написать *трова, ковта, опастно* — и опять ошибались... Какой же путь ведёт от русской фонетики к орфографии?

ЗАДОМ НАПЕРЁД

Попробуйте прочитать в обратном порядке звуки, из которых состоят следующие слова:

яр, люк, сад, лен, пол, парк, шум, туз, ешь, лей, юг, альт, араб, шел, порог.

Какие новые слова у вас получатся?

ТЬМА РАССТУПАЕТСЯ

Вспомним, как мы поступаем, применяя разные орфографические правила.

Чтобы правильно передать безударный звук [а] в слове *б*[а]*роться,* мы проверяем его формой *б*[ó]*рется,* в которой гласный корня находится под ударением (в сильной позиции), и обозначаем его буквой ***о.*** Безударный звук [и] в слове [т'и]*жёлый* сопоставляем с ударным звуком того же корня в слове [т'á]*жесть* и для звука [а], поскольку он следует за мягким согласным, выбираем букву ***я.***

Определяя, какую букву выбрать для передачи звука [т] в конце слова *са*[т], мы соотносим его со звуком в сильной позиции *са*[д]*ы* и передаём его буквой ***д.***

Точно так же поступаем при проверке парного глухого согласного перед глухим и парного звонкого — перед звонким: пишем *ко**с**ьба* (хотя говорим *ко*[з']*ба*), потому что в сильной позиции перед гласным находим звук [с']: *ко*[с']*ить.*

При подозрении о «пропаже» звука в сочетании согласных опять-таки привлекаем сильную позицию — перед гласными: *опа**с**ный — опасен, нена**ст**ный — нена**ст**ен, бумаги разо**сл**аны* (сравните: *посылать*) — *бумаги разо**стл**аны* (сравните: ***сте**лить*).

В самых разных случаях мы делаем одно и то же: звук в слабой позиции проверяем звуком

ОШИБКИ, ОШИБКИ, ОШИБКИ...

Орфографические ошибки отравляют жизнь многим школьникам. Они возникают снова и снова, несмотря ни на какие усилия, доводят до отчаяния. Ошибки — это так стыдно! Паника, однако, грамотности не способствует. Ошибки были, есть и будут, они — естественное следствие особенностей нашего языка, которые отражены в письменности. Можно утешаться тем, что английским детям приходится ещё хуже, наша орфография всё-таки довольно логична. Абсолютно грамотных людей не бывает, но у каждого есть возможность стать более грамотным, чем раньше.

Чтобы врага победить, его нужно прежде всего изучить. Какие бывают ошибки? Почему они возникают? Самая частая причина — недостаток «орфографической зоркости», неумение видеть слабые позиции, грозящие ошибками. При этом нужно иметь в виду, что ошибки бывают прямые — те, которые продиктованы произношением слова: *сабака, скаска, чесный*. А бывают обратные — это ошибки, сделанные вопреки произношению, «из перестраховки», с учётом горького опыта ошибок прямых: *копуста, кразка, опастный*. Для развития «орфографической зоркости» очень полезно упражнение, обратное привычному «с пропущенными буквами»: нужно записать текст, заменив точками все буквы, в выборе которых можно ошибиться.

Если ошибки происходят в основном в словарных словах, нужно развивать память, использовать мнемонические приёмы (т. е. приёмы для запоминания). Словарное слово можно крупно записать цветными фломастерами или спеть по слогам на любимую мелодию: кто-то лучше запоминает глазами, кто-то — на слух.

Бывает, что ошибок очень много и они странные; например, человек может написать не только *варона*, но и *вурона* или *вырона*. Возможно, у него нарушено восприятие звуков и надо проконсультироваться с логопедом, он научит специальным упражнениям для борьбы с такими ошибками.

Похоже, что в учебники по русскому языку стоило бы ввести тему «Ошибки». Ведь изучают же врачи болезнетворных микробов, а пожарники — причины возникновения пожаров!

Ошибки — это серьёзная проблема, и решать её приходится каждому, кто хочет грамотно писать по-русски. Чем спокойнее и вдумчивее человек подойдёт к решению этой проблемы, тем больше у него шансов на успех. Наша орфография сложна, но логична. Создавая проблемы, она же даёт ключ к их решению.

Подыскивая проверку, мы освобождаем звук от «порабощения» позицией.

в сильной позиции. Подыскивая проверку, мы освобождаем звуки слабых позиций от «влияния», «угнетения», «порабощения» позицией. Не замечая позиционных изменений звуков в слабых позициях, обозначаем их так, как если бы на их месте были звуки в сильных позициях. А это значит, что множество разных правил — в сущности одно общее правило: пиши букву для звука по его варианту в сильной позиции.

Что же это за единица, которую в разных позициях произносят по-разному, но обозначают одной и той же буквой? Множество звуков закономерно, под влиянием фонетической позиции чередующихся в пределах морфемы, представляет собой одну языковую единицу — *фонему* (от *греч.* «phonema» — «звук», «голос»). Поэтому и принцип, по которому на письме не обозначают позиционные чередования звуков, называется *фонемным*, или *фонематическим*.

Теперь мы знаем, почему в русском письме одна буква может передавать разные звуки — они представляют одну и ту же фонему! И почему один звук может передаваться разными буквами — он может представлять разные фонемы. Так, буквой ***с*** обозначается множество звуков, целая вереница: [с] *маслом*, [с'] *тётей*, [з] *городом*, [з'] *девочкой*, [ж] *жаром*, [ш] *шумом*, [щ] *человеком*. Но фонема всюду одна, проверим: [с] *артистом*. Поэтому и буква одна — ***с***. Один и тот же звук, например [с], может передаваться двумя буквами ***з*** и ***с*** — ***воз*** и ***нос***. Это потому, что фонемы разные, проверим: *во́*[з]*а*, *но́*[с]*а*.

В ответ на вопрос, почему мы пишем совсем не то, что слышим, не то, что есть в языке, можем сказать: да, мы не всегда пишем то, что про-

износим и слышим, но передаём именно те единицы, которые есть в языке, — фонемы.

«Зри в корень», — призывал Козьма Прутков. Русская орфография это и делает — смотрит в корень: не обращая внимания на позиционную мену звуков, передаёт только основные, самостоятельные звуки — фонемы. Русское письмо отказывается обозначать позиционные изменения звуков. Это и есть его принцип.

ШАГ ЗА ШАГОМ

Итак, встретившись со звуком в слабой позиции, мы всегда рискуем сделать ошибку. Надо искать сильную позицию. Искать надо с умом — в пределах той же значимой части слова: того же корня, той же приставки, того же суффикса, окончания. Не проверять слово *месить* словом *миска*, а слово *копать* — словом *капля*, *комок* — *камень*, *ласкаться* — *лоск*. Поиск проверочного слова — дело творческое, требующее усилий ума и быстрой работы, особенно во время диктанта. Важно, чтобы всегда, при всех обстоятельствах проверочное слово отвечало двум требованиям: искомый звук должен быть в сильной позиции и входить в состав той же самой части слова.

«Орфографическую опасность» представляют не только те звуки, которые «пострадали» от слабых позиций (например, в сильной позиции звук [з], в слабой — [с]: *ко*[з]*а*, но *ко*[с]). Нет, не только «потерпевшие» нуждаются в проверке, но и те звуки слабых позиций, которые по звучанию не изменились (звук [с] как был в сильной позиции, так и остался звуком [с] в слабой: *ко*[с]*а* — *ко*[с]). Такие звуки тоже должны «оправдаться» сильной позицией, ведь слабая позиция — это позиция неразличения, совпадения звуков. Доказать нужно написание не только буквы ***о*** в слове *др**о**ва*, но и буквы ***а*** в *тр**а**ва*, не только буквы ***г*** в слове *сто**г***, но и буквы ***к*** в *сто**к***.

Применяя основной принцип орфографии, можно решить почти все орфографические проблемы. Фонемными оказываются даже те написания, которые в школьных учебниках предлагают не проверять, а запоминать. Как, например,

ИГРА «АНТИДИКТАНТ»

Часто можно услышать, как школьник жалуется: «Все правила знаю, любое могу рассказать, упражнения делаю правильно, а как диктант — полно ошибок!». Дело в том, что правила сами по себе мало чем могут помочь. Прежде чем применить правило, нужно увидеть в слове «орфографически опасное место», т. е. звук в слабой позиции. Иначе правила останутся в голове, а неверно поставленная буква — на бумаге. Не случайно выполнять упражнения с пропущенными буквами легче, чем писать диктант или сочинение: когда места возможных ошибок прямо указаны, несложно и правило вспомнить. Поэтому самое важное для развития грамотности — выработать в себе «орфографическую зоркость». В этом может помочь игра «Антидиктант».

Интереснее всего соревноваться командами по нескольку человек. Кто-то медленно диктует играющим маленький текст. Они должны записать его, сделав все возможные орфографические ошибки и не сделав ни одной невозможной (не должно быть описок). Некоторые ошибки будут маловероятными, например написание ***козьдь*** *(кость)*, но, если они в принципе возможны, они должны быть сделаны. Нужно заранее решить, возможны ли графические ошибки, например ***йолка*** вместо ***ёлка***.

Командам предоставляется время (около пяти минут) для того, чтобы записать текст по правилам игры. Когда время истечёт, каждая команда должна медленно прочитать свою запись вслух. В это время вносить в тексты исправления уже нельзя. За каждую правильно допущенную ошибку команде начисляют балл, за каждую лишнюю — балл отнимают. Побеждает команда, набравшая максимальное количество баллов.

Сначала кажется, что нет ничего легче, чем наделать побольше ошибок. Но попробуйте — и вы убедитесь: работа эта требует ещё бо́льшего внимания и сосредоточенности, чем грамотное письмо! Интересно, что лучше всего удаётся антидиктант тем, кто обычно пишет очень грамотно, даже если правил совсем не знает, т. е. людям с развитой «орфографической зоркостью».

Вот текст детского стихотворения Агнии Барто, записанный по правилам игры «Антидиктант» (графических ошибок в тексте нет):

Я люблю сваю лашатку,
Пречишу ей шорздку глатка,
Грибижком преглажу хвозьтик
И вирхом паеду ф гозьти.

решить, какую написать гласную в окончании существительного *на поле?* Можно запомнить в предложном падеже 2-го склонения всегда пишется ***е.*** Но почему именно ***е?*** Проверим под ударением находим [э], например *на окне́;* т. е фонема [э] — значит, и буква ***е!*** Окончание прилагательного *преж**ним*** (дням) проверим окончанием с ударным гласным — *ка**ки́м;*** для проверки окончания глагола *ед**ешь*** подыщем окончание с ударным гласным — *ид**ёшь*** То же самое правило! А в учебнике — три разных

Суффикс ***-ник-*** в словах *разбой**ник**, волшеб**ник**, работ**ник*** тоже проверяется напишем букву ***и,*** проверив ударным гласным *уче**ни́к**, взрыв**ни́к.*** Почему в безударном суффиксе слова *сли́в**овый*** (джем) пишем букву ***о?*** Потому что в сильной позиции, под ударением [о]· *айв**о́вый*** (сок).

ТИПОВЫЕ ПРОВЕРКИ

Чтобы не перебирать множество однокоренных слов, надеясь хотя бы в одном из них найти гласный или согласный в сильной позиции, хорошо иметь проверки, которые всегда под рукой. Проверки, одинаковые для множества слов, называют *типовыми.* Надо начинать с форм того же слова — это самый простой способ. Например, безударные гласные в существительных удобно проверять, заменяя единственное число множественным, а множественное — единственным.

1. *Нога́ — **но́**ги, вода́ — **во́**ды, трава́ — тра́вы, роса́ — **ро́**сы, коза́ — ко́зы, земля́ — зе́мли, кольцо́ — ко́льца, письмо́ — пи́сьма, оса́ — о́сы, страна́ — стра́ны, весна́ — вёсны, сосна́ — со́сны, плечо́ — пле́чи, полоса́ — по́лосы, пятно́ — пя́тна.*

2. И наоборот: *дере́вья — де́рево, дере́вень — дере́вня, дочеря́м — дочь, камне́й — ка́мень, лошаде́й — ло́шадь, ряда́ми — ряд, рукава́ми — рука́в, корне́й — ко́рень.*

3. Может помочь смена падежа: *веща́ми — ве́щи, дереве́нь — дере́вни, дете́й — де́ти, дочеря́м — до́чери, камне́й — ка́мни.*

4. А вот типовые проверки безударных гласных в прилагательных: *бедны́ — бе́ден, велика́ — вели́к, должно́ — до́лжен, дорога́я — до́рог, рябо́й — ряб.*

5. Глаголы удобно проверять так: *взгляну́ла — взгля́нет, дели́л — де́лит, дотащи́ла — дота́щит, истопи́ла — исто́пит, колоти́л — коло́тит, наклони́л — накло́нит, насажу́ — наса́дит.*

Обратите внимание: в следующих глаголах безударную гласную так проверять нельзя — *лежа́ть* (хотя *ля́жет*), *сиде́ть* (хотя *ся́дет*).

6. *Заведу́ — завёл, нагребла́ — нагрёб, наня́ть — на́нял, намело́ — намёл, отнести́ — отнёс, понесла́ — понёс.*

Для слов, оканчивающихся в инфинитиве на ***-сти(сь), -зти(сь),*** эта проверка является единственной и потому очень важной. И опять внимание: ей нельзя пользоваться для форм настоящего времени глагола *расти — расту, растишь, растёт* и т. д. (хотя *рос*).

7. *Броса́лись — бро́ситься, встаешь — встать, заверну́лись — завёртываться, затева́ть — зате́ять, натяну́л — натя́гивать, погляде́л — погля́дывать.*

Нельзя так проверять глаголы *сиде́ть* (хотя *се́сть*), *разжига́ть* (хотя *разже́чь*), *сжимать* (хотя *сжать*), *начинаться* (хотя *нача́ться*), *поднима́ть* (хотя *подня́ть*), *продлевать* (хотя *продли́ть*).

Нельзя проверять безударную гласную в корне при помоши глаголов несовершенного вида с суффиксом ***-ива-(-ыва-);*** например: *разбросать* (хотя *разбрасывать*), *подтолкну́ть* (хотя *подталкивать*).

8. Глагол можно проверять отглагольными существительными: *блесте́ла — блеск, взгляну́ла — взгляд, вбежа́ла — бег, вдохну́ла — вздох, весели́ться — веселье, проверять — проверка.*

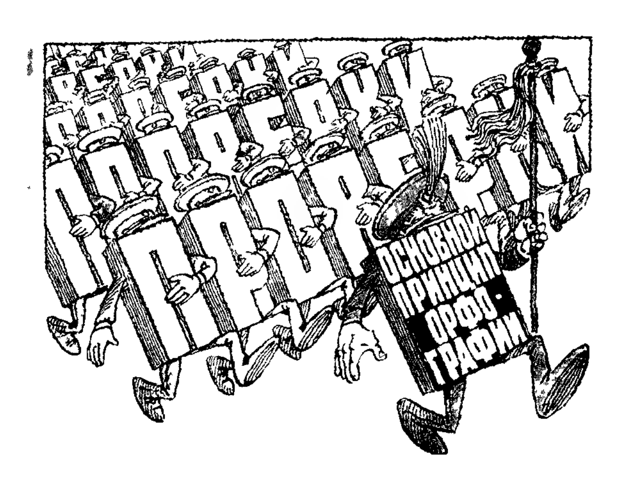
Перейдем от безударных гласных к согласным. Их проверяют так:

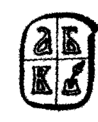
1. Единственное число существительных проверяют множественным: *глаз — глаза, нос — носы, пруд — пруды, гриб — грибы.*

2. Можно изменить и число, и падеж: *ножка — ножек, кошка — кошек, сказка — сказок, дорожка — дорожек.*

3. Часто помогает уменьшительная форма *сад — садочек, книжка — книжечка, книжонка, миска — мисочка.*

4. Отглагольное существительное можно проверить глаголом: *косьба — косить просьба — просить, резка — резать, топка — топить.*





В приставке слова ***при**ехать* напишем ***и,*** также проверив ударным: ***при́****был*. Приставку слова *о*[д']*дёрнуть* соотнесём с той же приставкой, но с согласным в сильной по звонкости/глухости позиции — ***от**нять*, ***от**обрать*, и звук [д'] передадим буквой ***т.*** Звонкий согласный [з] в слове [з]*бросить* обозначим буквой ***с,*** соотнеся его со звуком [с] в словах ***с**орвать*, ***с**резать*.

Множество разных орфографических правил на глазах объединяются в одно! Конечно, пришлось потратить силы и время, чтобы разгадать тайну орфографии, найти её основной принцип, но результат того стоит!

Чем же удобен фонемный принцип?

Этот принцип позволяет отвлечься от «мимолётных» звуковых изменений, от тех влияний, которые звуки испытывают в потоке речи, и даёт возможность передать структуру слова, его глубинную, фонемную суть. Он охватывает написание звуков в любой части слова, подходит и для гласных, и для согласных.

Благодаря фонемному принципу морфема (корень, суффикс, приставка) единообразно передаётся на письме, её легко узнать при чтении: *в**о**дный, в**о**дичка, в**о**доворот, по в**о**ду* — звуки разные, а фонема одна, значит, и буква одна и та же.

Мы убедились в разумности, логичности нашей орфографии: рассуждай, сопоставляй слова — и будешь писать грамотно.

ИЗ РЯДА ВОН ВЫХОДЯЩЕЕ СЛОВО

Сейчас в каждом издательстве, типографии работают строгие, требовательные корректоры, и они не позволяют ошибкам проникнуть в печатный текст. В 20—30-е гг. XX в. не было еще такого требовательного орфографического надзора, и в печати иногда проскакивали ошибки. И сравнительно часто — в слове *нянчить*. В словах *клянчит, барабанчик, окончательно, утонченный, санчасть* ошибок обычно не было, не ставили ***ь*** после ***н***.

Почему людей тянуло сделать ошибку именно в этом слове? Ставить ***ь*** после ***н?*** Потому что оно идёт поперек всем остальным. В нем фонема, несомненно, мягкая: <н'>. Проверка: *няня*[н'а́н'а], *нянюшка, нянька*. Сравните: *нянька — изнанка*. Перед [к] различаются твердые и мягкие согласные, позиция сильная. Проверки показывают, что в слове *нянчить* фонема <н'> мягкая. Противоположных свидетельств нет. Проверки советуют писать мягкий знак после ***н***. А не пишем! Этот единственный случай подвели под все остальные.

Чтобы правило было круглое, без исключений, мы и здесь не пускаем ***ь*** в сочетания ***нч, нщ***.

И именно в это слово то и дело внедряются ошибки. Не только в тетрадях учеников, но и в печати!

Нет сомнения, что эта условность здесь оправданна: дает более простую формулировку правила, без исключений. Но и частота ошибки тоже понятна.

(По книге М. В. Панова «Занимательная орфография».)

ОТКУДА ЖЕ БЕРУТСЯ ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ?

Если всё дело в том, чтобы усвоить одно-единственное правило, почему не так просто научиться писать грамотно? Причин несколько. Одну из них мы уже назвали — неразличение звуков в слабых позициях. Есть и другие. Не всегда бывает легко подобрать нужное проверочное слово. Хорошо, если у слова много «родственников», тогда больше надежды найти среди них «влиятельного» — в сильной позиции. А бывает, что и «родственники» есть, да нужного не найдёшь. Как проверить безударную гласную в слове *город?* Перебираем: *городо́к, городи́шко, городско́й, за́городный...* Скоро ли вспомнишь *нижегоро́дский* или *иногоро́дний?* К тому же иногда границы между морфемами так размыты, что не поймёшь, в корне ли стоит безударный гласный или в приставке (выделяется ли, например, в слове *председатель* приставка ***пред-*** и соответственно можно ли гласный в корне проверять словом *сел?*), тот же корень в проверочном слове или другой (например, *изморо*[с'] — от *мороси́ть* или от *моро́зить?*), та же приставка или другая, например, в словах ***пре**ступить* и ***при**ступить?*

А бывает и так, что имеются сразу две проверки. Какую букву писать на месте безударного гласного в слове *скл...ниться?* Под ударением два образца для проверки: с одной стороны, *скло́нится, покло́н* и с другой — *кла́няться*. Что же писать без ударения? Пишем ***о:*** *скл**о**нился, покл**о**нюсь, накл**о**няться*. Фонемному принципу такое написание не противоречит, хотя доля условности в выборе буквы ***о*** есть.

Вот ещё сходная ситуация: под ударением две гласные (а значит, две проверки). *Ска́чет, вска́чь* и *вско́чит, ско́к-поско́к*. А как писать

ЗАДОМ НАПЕРЁД

Рай, куль, таз, ноль, лоб, краб, муж, суд, шей, ель, куй, тля, пара, ложь, короб.

ск..кать, вск...чить? Без ударения пишутся буквы и ***а,*** и ***о.*** Для проверки надо брать то же самое слово, но в другой форме: *ск...кать* — (он) *ска́чет, ска́чешь, ска́чем,* значит, надо писать *ск**а**кать, ск**а**чу, ск**а**чи* (и *поск**а**кать,* и *приск**а**кать,* и *уск**а**кать*); *вск...чить* — (он) *вско́чит, вско́чим, вско́чишь,* значит, надо писать *вск**о**чить, вск**о**чу* (и *подск**о**чить,* и *заск**о**чить*). Слова *ск**а**кун, ск**а**калка, ск**а**чок* образованы от *ск**а**кать,* значит, их надо писать через ***а.***

Так же и с написанием корней ***-тер-*** и ***-тир-*** *(прот**е**реть* и *прот**и**рать),* ***-стел-*** и ***-стил-*** *(рас**сте**лю и расст**и**лать)* и подобных. Здесь тоже имеются две проверки: *протёр* и *прот**и́**рка, ст**е́**лет* и *подст**и́**лка.* И в этом случае правописание не противоречит общему правилу русской орфографии. Однако, хотя и не противоречит, всё же не позволяет выбрать образец для проверки Орфография велит писать в одних случаях ***е,*** в других — ***и.*** Как же запомнить, где писать ***и*** и где ***е?*** Нужен приём для запоминания. Он есть: буква ***и*** пишется в том случае, если после корня стоит суффикс ***-а-,*** если же этого суффикса нет, то пишется буква ***е.*** Этот приём по старому школьному обычаю носит «кодовое» название «ИРА».

Бывает и противоположная ситуация — нет ни одной проверки, звук в слабой позиции нельзя соотнести со звуком в сильной позиции, звук в морфеме «запрятан» так, что его не вытащишь в сильную позицию — на «светлое место», где его можно было бы распознать, расслышать, как он звучит в сильной позиции. Например, предударный гласный в словах *с**о**бака, **о**лень, к**а**пуста*

проверить сильной позицией не получается: как ни изменяй это слово, какие однокоренные слова ни подбирай *(собаченька, собаченция, собаковод, собачища,* даже *собачиться),* ударного звука не найдёшь. Под ударением здесь могли бы быть и звук [о], и звук [а], точнее нельзя сказать. Значит, написание *с**о**бака* не противоречит фонемному принципу, но всё же выбор между буквами ***о*** и ***а*** условен, поэтому такие написания называются *ф о н е м н о-у с л о в н ы м и.*

Для слова *где* нельзя подобрать формы, в которой первый согласный оказался бы в сильной позиции, и узнать, какая фонема за ним скрывается· <г> или <к>. Мы привыкли называть такие гласные и согласные непроверяемыми. В таких случаях, как *т**е**перь, м**е**р**и**диан, вит**я**зь,*

РОВНАЯ НЕРАВНИНА

Трудности возникают из-за того, что связи между морфемами подчас бывают сложные, их не так-то легко установить.

Пример: пишется *равнина,* с буквой ***а.*** Но ведь хочется так определить: равнина — это ровное место, ро-о-о-овное! Почему же пишется буква ***а?***

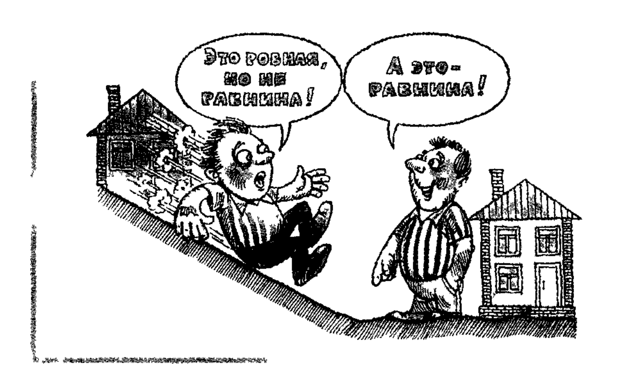
Посмотрим рисунки. Вот это равнина? Место ровное, без бугров и колдобин. Но не равнина.

Для равнины нужно, чтобы место было горизонтально-плоское! То есть чтобы все её точки были на равном расстоянии от уровня моря. На ра-а-а-авном! Поэтому она — *равнина.*

Выяснилось, что одну и ту же корневую морфему имеют слова *равный* и *равнина.* Помните: морфема при проверке должна быть одна и та же — одна по смыслу! И по фонемному составу! Мы и нашли такую проверку, но чуть было не ошиблись.

Да, отождествлять фонемы не всегда легко!

(По книге М. В. Панова «Занимательная орфография».)



КОВАРНАЯ *НЕ*

Частица ***не*** — одно из самых употребительных слов русского языка и безусловный чемпион по количеству связанных с ним орфографических ошибок. Какую же орфографическую опасность может таить в себе маленькое словечко из двух звуков?

Три примера: *Он просто **не**вежа; Он совершенно **не**вежливый; Он **не** вежливый, а нахальный.* В каждом из них ***не*** появляется в новом облике: в первом примере — это часть корня, во втором — приставка, в третьем — частица. В чем же проблема? Естественно, что часть корня и приставка пишутся слитно, а частица — раздельно, такую простую мысль даже правилом назвать неудобно. Однако теме слитного и раздельного написания ***не*** отводят множество школьных уроков и страниц в орфографических справочниках, а ошибки появляются снова и снова. Попробуем разобраться в этом.

* * *

Самый простой случай — ***не*** как часть корня. Такие слова, как ***не****лепый*, ***не****льзя*, ***не****наглядный*, ***не****навидеть* без ***не*** не употребляются, а значит, раздельного написания быть не может. Но почему никому не приходит в голову написать ***не*** *рвный* или ***не*** *бо*, а писать ***не*** *лепый* или ***не*** *навидеть* кое-кто ухитряется? Дело в том, что в этих словах ***не*** когда-то было приставкой, затем слово без ***не*** из языка исчезло. Можно даже примерно понять смысл исчезнувших корней: *навидеть* могло означать 'сильно любить' (сравните *наглядеться не могу*), а *лепый* — 'хороший', 'красивый'. Некоторая «отдельность» ***не*** от корня чувствуется до сих пор и провоцирует ошибки.

С ***не***, которое может быть и частицей, и приставкой, все гораздо сложнее. Как их различить, если в русском языке есть ***не****хороший* и ***не*** *хороший*, ***не****важно* и ***не*** *важно*, ***не****счастье* и ***не*** *счастье*? Сравните: *Это **не** друг — Это **не**друг; Дом **не** высокий — Дом **не**высокий; Мне **не** хорошо — Мне **не**хорошо*

В предложениях с частицей ***не*** отрицается наличие предмета, признака, состояния, ведь частица отрицательная. А с приставкой ***не-***, тоже вроде бы отрицательной, ничего не отрицается! Более того, даже утверждается существование нового признака: *это **не**друг* значит 'это враг', *дом **не**высокий* значит 'дом низкий'. Приставка ***не-***, присоединяясь к слову, рождает новое слово, как и положено приставке. Это новое слово почти всегда можно заменить синонимом: ***не****друг — враг*, ***не****счастье — беда*, ***не****высокий — низкий*, ***не****богатый — бедный*, ***не****хорошо — плохо*.

Не получается ли, что слова с приставкой ***не-*** в языке лишние, избыточные? Есть пары антонимов: *хороший — плохой, друг — враг*. Зачем еще ***не****хороший* и ***не****друг*? Сравните: *Он **не**хороший человек — Он плохой человек; Это хорошая мысль — Это **не**плохая мысль*. Слова с приставкой ***не-*** делают утверждение мягче, оно звучит не столь категорично.

Частица ***не*** существует в мире синтаксиса, в мире логики и правил без исключений. Она может стоять перед любым словом — членом предложения, и тогда то, что этим словом названо, будет отрицаться: *Я **не** пойду туда; Я пойду **не** туда; Туда пойду **не** я*. Приставка ***не-*** — из мира лексической семантики, и поэтому она капризна и непредсказуема. Почему есть слова ***не****друг* и ***не****счастье*, но нет слов ***не****враг* и ***не****беда* или ***не****горе*? Почему, говоря о росте человека, мы скажем, что он ***не****высок*, а о личности — что он *низок*? В большинстве случаев ответ может быть только таким: «Потому что так сложилось в языке». Но сказать, что «избирательность» приставки ***не-*** совсем лишена логики, было бы неверно.

У многих есть ***не****друг*, но ни у кого нет ***не****кошки*; может быть ***не****высокий* *дом*, но не возможен ***не****кирпичный дом*, бывает ***не****хорошо*, но нет ***не****бежит*? Нельзя говорить о чем-то, противоположном *кошке*, можно только о другом предмете — ***не*** *кошке*. Невозможно действие, противоположное *бежать*, можно только совершать какое-то другое действие, ***не*** *бежать*. Слов, «не принимающих» приставку ***не-***, в языке много: все глаголы, все числительные, большинство существительных, многие прилагательные и наречия. «Согласны» на эту приставку только некоторые качественные прилагательные, образованные от них наречия и ещё некоторые существительные, такие, как *друг, счастье, удача*. Все эти слова не столько что-то называют, сколько выражают наше отношение к тому, что называется. Поэтому они всегда мыслятся парами. Нигде в реальности не противопоставлены друг другу *хорошо* и *плохо*, *большой* и *маленький*, *счастье* и *несчастье* — их различия существуют только для нас, для нашего сознания.

* * *

Размышления над значением приставки ***не-*** и частицы ***не*** позволяют понять смысл известных из школьной программы правил: «***Не*** с глаголами пишется раздельно», «Если слово с ***не*** можно заменить синонимом, ***не*** пишется слитно». А как же правило о том, что ***не*** пишется раздельно, если есть союз *а*: *Он **не** друг мне, **а** просто знакомый; Читать лучше **не** быстро, **а** вдумчиво?* В таких случаях слово с ***не*** заменить синонимом невозможно, нельзя сказать: *Он враг мне, а просто знакомый* или *Читать лучше медленно, а вдумчиво.*

Понятнее становится и правило о написании ***не*** с причастиями. Причастие совмещает в себе свойства прилагательного и глагола. Поэтому, когда причастие ведет себя «по-глагольному» — является сказуемым или имеет зависимые слова, — оно пишется с ***не*** раздельно: *Дом **не** покрашен; Стоит **не** покрашенный вовремя дом.* А когда причастие уподобляется прилагательному, согласуясь с существительным, оно пишется с ***не*** слитно: *Стоит **не**покрашенный дом.*

Как бы ни была сложна и запутанна ситуация с ***не***, в этом случае, как и в большинстве других, ее разрешают пристальное внимание к значению слов и размышление над закономерностями языка. Правила орфографии — тоже результат размышлений людей, но довольствоваться ими — всё равно что читать описания природы вместо того, чтобы пойти в лес. Как гласит восточная мудрость: «То, что запомнил, — уйдет, то, что понял, — останется».

ИЗ-ПОД МЫШЕК, В ОБНИМКУ, ДО ЗАРЕЗУ

Правописание наречий настолько прихотливо, что трудно не сделать в них ошибку: *до отказа,* но *доверху; вповалку,* но *в обнимку; исподлобья, исподтишка,* но *из-под мышек; спросонок,* но *с разгона* и т. д.

Правило о слитном и раздельном написании таких слов сейчас, пожалуй, занимает место старого правила о букве **ѣ**: так же надо запомнить несколько сотен слов, правописание которых по существу современным языком не мотивировано. В «Правилах русской орфографии и пунктуации», которые сейчас являются законом для всех, перечисляется более 300 наречий, и список кончается минорной нотой: «В случаях затруднений в правописании наречий, образованных соединением предлога с именами существительными, следует обращаться к орфографическому словарю».

Единственное утешение, что наречия эти не так уж часто встречаются в речи. Но это вместе с тем и плохо: встречаются не часто, и, значит, трудно запомнить их по мере употребления, незаметно для себя. Зубрёжки — и какой трудной — не избежать. Поэтому-то, по правде говоря, никто и не знает, как их писать.

Может быть, есть объяснения, почему наречия пустились в такой хоровод? Объяснения всегда есть, но они не очень убедительны.

Например: почему пишется *положить под спуд, находиться под спудом?* Потому что *спуд* встречается с разными окончаниями. Это ведь свойство существительного: сочетаться с разными окончаниями... Так отвечают на наш вопрос. Но помилуйте: существительное всегда имеет своё значение. Нет бессмысленных существительных...

Бессмысленным может быть только кусок слова, механически вырезанный из него. Если из слова *кукуруза* вырезать кусок *укур,* он окажется бессмысленным. В слове *впопыхах* кусок *попых* не имеет смысла; значит, это действительно только кусок слова. Вот такой бессмысленный кусок и *спуд;* нет у него никакого значения. Когда-то было, но очень давно. У нас-то речь идёт о современном русском языке и о нашей орфографии. И этот бессмысленный кусок, просто сочетание звуков и только, делает вид, что он — существительное! Особое слово! Вот уж подлинное самозванство.

Удивительно и объяснение, что это «существительное» соединяется с окончаниями (и предлогами). А как же быть со словами *вверх, вверху, наверх, сверху? Сбоку, набок, вбок? Ввек, вовек, вовеки, навек?* Уж их-то на тех же основаниях надо писать врозь, в два слова: *посмотрим в верх...* Тем более что слова *верх, бок, век* в отличие от слова *спуд* действительно существуют.

Оказывается, что правило придумано только для явно бессмысленных «существительных»: *спуд, карачки...*

Сейчас мы должны писать: *под мышку, под мышкой, под мышки.* Видите ли, слово склоняется. Значит, существительное. А что здесь значит это *мышкой, мышки?* Конечно, имеется в виду не та мышка, что скребёт под полом.

Исторически это слово в ближайшем родстве со словом *мышца.* Но разве говорящие сейчас сознают эту связь? В этих выражениях сочетание

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

1. Оставить один разделительный знак **ь** <...> : *под**ь**езд, об**ь**ём* <...> и т. д.

2. После **ц** писать всегда **и** <...> : ***ци**ган, **ц**иркуль, огур**ци**, бледноли**ций**, сестри**ци**н.*

3. После ***ж, ч, ш, щ, ц*** писать под ударением ***о,*** без ударения — ***е*** <...> : ***жо**лтый, **жо**лудь, **шо**в* <...> , *теч**о**т, ок**ружо**нный, ж**жо**т* <...> , но *желтеть, желудей, шека, чернеть, плачем* <...>

Примечание 1. Слово *ешё* пишется с ***е(ё)*** независимо от того, находится оно под ударением или нет.

Примечание 2. Некоторые заимствованные слова (***жо**кей, **жо**нглёр, **шо**кировать, **шо**ссе, **шо**фёр* и др.) пишутся с буквой ***о.***

4. После ***ж, ч, ш, щ*** не писать ***ь*** <...>: *доч, мыш, рож, стрич, выпеч, читаеш* <...> и т. д.

5. Отменить чередования в корнях: ***-зар-//-зор-, -раст-//-рост, -гар-//-гор-, -плав-//-плов-*** и т. д. <...>

6. Вместо двух суффиксов ***-инск****(ий)* и ***-енск****(ий)* писать только ***-инск****(ий)* <...>

7. Вместо суффиксов ***-ец-*** и ***-иц-*** писать только ***-ец-*** <...>: *плать**ец**е, паль**тец**о.*

8. Отменить двойные согласные в иноязычных словах.

9. Упростить написание ***н*** – ***нн*** в причастиях. В приставочных причастиях пишется ***нн*** *(изране**нн**ый, написа**нн**ый, перегруже**нн**ый),* в бесприставочных — ***н*** *(ране**н**ый в руку, писа**н**ые маслом картины, гружё**н**ая кирпичом машина).*

10. Сочетание ***пол-*** *(половина)* с последующим родительным падежом существительного или порядкового числительного писать всегда через дефис <...>

11. Сложные существительные, начинающиеся с элементов ***вице-, унтер-, обер-, экс-, лейб-, штаб-,*** писать слитно <...>

12. Писать все частицы раздельно <...>

звуков *мышкой, мышки* потеряло самостоятельное значение; значит — уже не слово, просто обрубок, входящий в другое подлинное слово.

А как же: склоняется? Ничуть оно не склоняется. Когда-то склонялось и было существительным, а теперь стало частью единого слова: *подмышкой* или *подмышку*. Так бы и писать... Нет, действующие правила не велят.

Иногда мотивировки бывают и другого рода. Как вы думаете, почему *до зарезу, до упаду, в тупик* пишутся раздельно? Да-да: *стать в тупик*. Почему? Отвечают: чтобы подновить метафору.

Выражения эти и впрямь метафоричны: *танцевать до упаду* не значит в самом деле упасть от усталости. Смысл здесь переносный. Но метафора стёрлась, побледнела; большей частью она не нужна говорящим.

Это постоянный процесс в языке: ходовые, стандартные метафоры, закрепленные в словах, постепенно бледнеют и перестают восприниматься. На смену им возникают новые метафоры. Надо ли стремиться подновить стертую метафору — притом путём орфографического вмешательства? Орфография бессильна это сделать. Да и не нужно...

А. Ф. Кони в своих воспоминаниях рассказывает про одно судебное дело. Защитник в своей речи упомянул, что обвиняемому — убийце очень были нужны деньги. Прокурор, отвечая защитнику, вдруг замолчал, запнулся и долго не мог снова начать свою речь. После суда его спрашивают: что с ним случилось? «Мне пришло в голову, что подсудимому действительно были нужны деньги до *зарезу*... Это чуть было не рассмешило меня в самом неподходящем месте речи...» Здесь метафоричность слова *до зарезу* сама собой оказалась подновлённой — и это вышло крайне неуместно и нелепо. Когда мы просили у кого-нибудь: «Дай мне книгу, нужно до зарезу» — разве в наш расчет входит, чтобы метафорический смысл был подновлён, подчёркнут?

Никакие орфографические правила здесь не помогут. Стёртые метафоры будут постепенно полностью утрачивать свою метафоричность, становиться прямым и простым указанием, как их ни пиши!

Есть еще два правила; одно вполне обосновано: пишутся слитно наречия типа *вкрутую, вплотную, врукопашную, зачастую, напропалую, наудалую* и другие подобные.

Другое совершенно бессмысленное: наречия типа ***в обрез, в одиночку, в упор, в охапку*** и т. д., у которых после приставки следует гласная буква, пишутся раздельно. Разумного основания для этого правила никто не пытался придумать, да это и невозможно.

Теперь надо решить, как же надо писать: *воткрытую* (по первому правилу) или ***в открытую*** (по второму)? Пишется по бессмысленному правилу: *в открытую*. И это, пожалуй, резонно. Если сталкиваются правила, обоснованное и нелепое, то всегда спор надо решать в пользу нелепого. Разумное правило крепко держится на ногах, оно себя отстоит. *Вкрутую, напропалую* надо писать слитно, ведь предлог может относиться только к существительному, а *крутую, пропалую* даже с большой натяжкой нельзя признать существительными. Правило: пиши такие наречия вместе — разумно, оно не нуждается в особой протекции и поддержке.

А нелепое правило требует всяческой помощи и защиты. Если из него, из нелепого, будут ещё всякие исключения, то ему не устоять. Простая, последовательная нелепость может удержаться, но путаная и сложная — вряд ли. Вот и пришлось при столкновении двух правил дать предпочтение нелепому.

Но возможен и другой выход: освободить правописание наречий от всяких произвольных правил и свести его к небольшому количеству правил естественных и обоснованных... Это и надо сделать.

(По книге М. В. Панова «И всё-таки она хорошая».)

13. Допустить факультативные написания флексий существительных <...>: о *Васил**и**и* — о *Васил**ие**; на лин**ии**, к лини**и** — на лини**е**, к лини**е**;* о *задани**и*** — о *задани**е*** <...>

14. Изъять исключения: 1) писать ***ж**юри, брош**у**ра, параш**у**т;* 2) <...> писать *за**е**нька, па**е**нька, ба**е**ньки;* 3) писать: а) *досто**е**н,* б) *за**е**ц, за**е**чии;* 4) писать *деревя**н**ый, оловя**н**ый, стекля**н**ый* <...>

(Проект составлен Орфографической комиссией Института русского языка АН СССР под председательством В. В. Виноградова. 1964 г.)

Вот какой текст написал филолог В. П. Семенихин в 1964 г. во время дискуссии о реформе русской орфографии:

А НАШЭМ ПИСЬМЕ

Вазможноли рускае фанетическае письмо? Это нисуразнейшый иссамых нисуразных вапросаф иба только таким ано и далжно быть.

Этат выват так ачевиден што врядли стоит ево абасновывать. Лучшэе ево абаснавание наглядный пакас рускава фанетическава письма што я и придлагаю.

ЛЮДИ И ОРФОГРАФИЯ

Вокруг каждой реформы орфографии вспыхивают споры. С одной стороны, всегда есть люди, страстно мечтающие её упростить — прежде всего ученики и учителя. С другой стороны, многие не приемлют никаких изменений: усвоив грамоту, люди не желают переучиваться. Это вполне естественное стремление к стабильности. Ведь устойчивость орфографии — не просто большое достоинство, а необходимое условие существования культуры, неотъемлемой частью которой является письмо.

И всё-таки изменения неизбежны — история письма говорит об этом. Ведь язык постепенно изменяется, и орфография должна (хотя и медленно) следовать за ним.

В 1964 г. были опубликованы «Предложения по усовершенствованию русской орфографии». Их подготовила Орфографическая комиссия, созданная в 1962 г. постановлением Президиума Академии наук СССР. В её состав входили видные языковеды (В. В. Виноградов, Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский, С. И. Ожегов), а также методисты, психологи, учителя, преподаватели вузов, писатели (например, К. И. Чуковский).

Комиссии предстояло не реформировать русскую орфографию, а лишь усовершенствовать её. Нужно было убрать непоследовательности, исключения из общих правил графики, освободить орфографию от условных, традиционных написаний, которым в современном языке ничто не соответствует и которые поэтому затрудняют её усвоение. Итак, главная цель — облегчить усвоение орфографии учащимися.

Комиссия разработала проект изменений. Например, вместо трудного правила написания ***о/ё*** после шипящих (пишем *шёлк,* но *шорох; чёрт,* но *чокаться*) предлагали после всех шипящих под ударением писать ***о,*** без ударения ***-е:*** *жо́лудь,* но *желуде́й; шо́лк,* но *шелкови́стый.* Какое облегчение для учеников! Да и не только для них: многие грамотные люди подчас затрудняются в выборе ***о*** или ***ё.*** Было предложено также писать *мышь, рожь, помнишь, ешьте, печь, стричься, настежь* без мягкого знака. В этих случаях мягкий знак лишний: он не указывает на мягкость предшествующего согласного. Большим облегчением для пишущих было бы и предусмотренное проектом последовательное написание после ***ц*** буквы ***и.*** Все эти изменения, кстати, предлагала ещё Орфографическая комиссия 1904 г.

Как же отнеслось общество к предложениям комиссии? Преподаватели русского языка приняли их восторженно. Но общество в целом их не поддержало (и притом очень эмоционально выражало свой протест в письмах и статьях). Кто-то написал, что он отказывается есть *огурци,* написанные через ***и,*** как в своё время, в начале XX в., не хотели есть *хлеб,* написанный не через «ять»: он, мол, не такой душистый и вкусный. Особенно резкой была реакция писателей — людей, для которых графика слова, его начертание имеет самостоятельную эстетическую ценность.

Реакция общества понятна: люди ценят уют привычного и не склонны менять свои привычки, в том числе и орфографические. Такой вот парадокс: все жалуются, что орфография трудная, но не соглашаются ничего в ней менять.

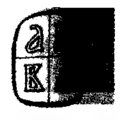
Вторая причина неприятия перемен в письме — заблуждение, очень распространённое в обществе: что язык и письмо — одно и то же, что любые изменения в письме — прямая угроза языку А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского и т. д. Писатель Л. М. Леонов даже призывал «бить в рельсу», чтобы спасти язык. Это, конечно, недоразумение, но оно сыграло роковую роль: продуманные и научно обоснованные Орфографической комиссией предложения так и не были приняты.

***вт**орник, в**о**кзал, ли**ф**т,* приходится запоминать, зазубривать написание слова или справляться о нём в орфографическом словаре. Всё это фонемно-условные написания.

Плохо, когда нельзя проверить, — приходится запоминать, какую букву писать. А бывает, что нельзя и проверять! Например, при выборе букв ***а, о*** в глаголах нельзя брать для проверки глаголы с суффиксом ***-ива- (-ыва-):*** *раст**о**птать, пото**ро**пить, забр**о**сать* нельзя проверять глаголами *раст**а́**пт**ыва**ть, потор**а́**пл**ива**ть, забр**а́**с**ыва**ть;* существительное *сем**е**на* нельзя проверять родительным падежом *сем**я́**н.*

Кроме «объективных» языковых трудностей, связанных с поиском проверочного слова (когда проверку трудно найти, или когда их несколько, или, наоборот, нет ни одной), в русской орфографии есть и случаи прямого нарушения её основного принципа, необъяснимые с точки зрения современного языка. К счастью, эти орфографические аномалии очень немногочисленны. Основной (фонемный, или фонематический) принцип русской орфографии охватывает бо́льшую часть написаний. Подсчитано, что в текстах на русском языке этому принципу отвечает 96 % написаний.

Оставшиеся 4 % — это разного рода исключения. Почему в слове *з**а**ря* пишем букву ***а?*** Ведь есть законная проверка — *зо́ри!* Почему пишем *пл**о**вец* (ведь есть *пл**а́**вать*)? Почему надо писать *р**а**сту, р**а**стение,* если под ударением — [о]: *р**о**с, р**о**ст, отр**о**сток?* Так пишут вопреки



основному принципу, по установившейся традиции Поэтому такие нефонемные написания называются *традиционными*.

Ещё пример нефонемных написаний. В приставках ***раз-/роз-*** под ударением встречается только ***о*** (например, ***ро́**спись*, ***ро́**зыгрыш*), без ударения же пишется буква ***а: расписа́ть, раз**гра́ть*.

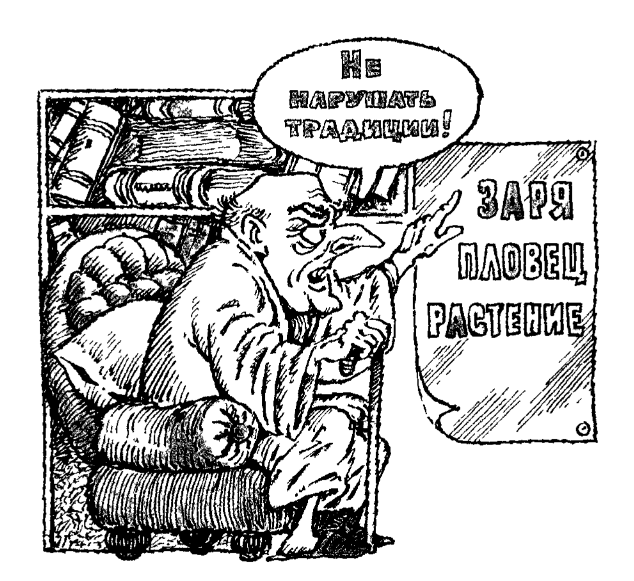
Написание конечных согласных в приставках на ***з/с*** также не подчиняется главному правилу передачи звуков в слабых позициях. В сильной позиции перед гласным произносится [з]: *ра*[з]*ыскать, бе*[з]*ответный;* по фонемному принципу надо бы писать букву ***з.*** Однако пишется то ***з,*** то ***с,*** и выбор нужной буквы зависит от того, какой буквой передаётся следующий согласный. перед буквами звонких согласных пишется ***з,*** перед буквами глухих — ***с,*** например: *ра**з**будить*, но *ра**с**пустить, бе**з**болезненный,* но *бе**с**полезный.* При этом нужно иметь в виду, что важна именно буква, а не звук. В слове *без**в**кусный* после приставки идёт звук [ф], но буква ***в.*** Пишем ***з:*** буква важнее. Такова традиция.

В безударном окончании прилагательных в именительном падеже пишем ***-ый***, хотя под ударением — ***-ой:*** *молод**о́й**, жив**о́й**,* но *весёл**ый**, сму́гл**ый**.*

Есть и другие орфографические аномалии. Особый разряд правил составляют исключения из правил графики О некоторых из них уже говорилось, например о написании буквы ***и*** после твёрдых согласных иноязычных приставок. Звук [в] в сильной позиции перед гласным по правилам графики должен передаваться буквой ***в.*** Однако в окончании ***-ого(-его)*** этот звук полагается обозначать не буквой ***в,*** как во всех других случаях, а буквой ***г.*** Пишем *больш**ого**, син**его**, мо**его**,* хотя произносим *большо*[в]*о, сине*[в]*о, мое*[в]*о*. Это правило касается именно данного окончания. Так распорядилась орфография.

Другие примеры традиционных написаний — буквы ***о/ё*** после шипящих под ударением: *шо́рох,* но *шёпот, боржо́м,* но *жёлудь;* мягкий знак в конце некоторых слов после шипящих: ***речь, вскачь, стричь, режь.*** Все эти написания определяются правилами, действующими исключительно для данных морфем или для данных слов.

Многие написания, которые мы сейчас воспринимаем как прихоть орфографии, как нарушение общего правила, когда-то отражали реальные языковые факты. Это и понятно: орфографические нормы складывались постепенно, и в отступлениях отражается языковое состояние прежних эпох. В словах *пожать — пожимать, занять — занимать* когда-то носовой гласный чередовался с сочетанием гласный + ***н*** или ***м,*** отсюда чередование ***а/им*** и ***о/им*** в современном языке. А в корне ***лаг//лож*** в незапамятные времена мягкое ***г*** превратилось в ***ж.*** Орфография хранит старые чередования.



Традиционный принцип определяет 4 % русских написаний

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКЗОТИКА

Есть в языке и целые категории слов, которым «закон не писан» ни в графике, ни в орфографии. Это слова иноязычного происхождения. Их орфографическое оформление имеет особенности, характеризуется отступлениями от основных принципов употребления букв и передачи значимых частей слов.

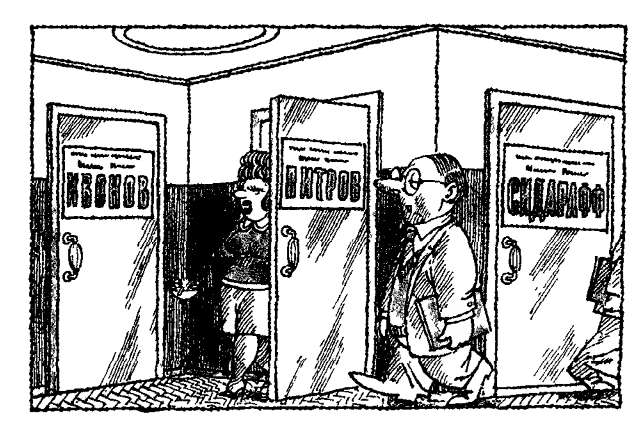
При заимствовании в этих словах получают отражение фонетические черты языка-источника, несвойственные русскому языку. Так, мягкость [ж'] и [ш'] в словах ***жюри**, бро**шю**ра, пара**шю**т,* заимствованных из французского языка, была передана буквой ***ю.*** Постепенно эти слова приспособились к русской фонетике: только в одном слове *жюри* наряду с произношением [жу]*ри*, вполне отвечающим современной литературной норме, сейчас можно услышать и произношение с мягким [ж'] — [ж']*юри*. Другие же слова произносятся только с твёрдым [ш], но орфография продолжает фиксировать их прежнее произношение. Ещё примеры непривычных для нашего глаза, не встречающихся в русских словах сочетаний букв: ***Жю**ль*, ***Шя**уляй*, ***Ця**вловский*, ***Цю**рих;* ***Чы**онг*, ***Чэ**нду* (буквы ***ы*** и ***э*** после

ч употребляются для обозначения твёрдого [ч] в языке-источнике).

В других случаях нехарактерное для русского языка употребление букв в иноязычных словах объясняется только традицией — например, написание после ***ж, ш*** буквы ***э*** при передаче китайских слов: ***жэнь, Шэньян, Лао Шэ*** и т. п.

Русской фонетике несвойственны сочетания мягких [г', к', х'] с гласными [а, у, о], поэтому и сочетания букв ***гя, гю, гё, кя, кю, кё, хя, хю, хё*** встречаются только в словах иноязычного происхождения, в том числе в именах собственных, например: ***гя**ур, **Гя**нджа, **гю**рза, **Гю**го, **гё**зы, **Гё**те, мани**кю**р, **кю**вет, **Кю**хельбекер, **Кё**льн, ли**кё**р.* Правда, сочетание ***кё*** представлено и в словах *кио**скё**р, пани**кё**р,* не заимствованных целиком, а образованных в русском языке от иноязычных слов с помощью суффикса ***-ёр,*** и в личных формах глагола *ткать: т**кё**шь, т**кё**т, т**кё**м, т**кё**те.*

Только в словах иноязычного происхождения встречаются буквенные сочетания ***йя, йю, йо, йи, ьо,*** например: *секво**йя**, **Йо**рк, ра**йо**н, бул**ьо**н.* Лишь в иноязычных собственных именах можно встретить прописную букву ***Ы*** в начале слова, например: ***Ы**ныкчанский* (посёлок в Якутии). Нехарактерные для русского языка сочетания букв встречаются и в аббревиатурах, например: *нэп* (новая экономическая политика), *ЙАР* (Йеменская Арабская Республика).



Написание фамилий правилам орфографии не подчиняется

Правила орфографии откровенно нарушаются при написании некоторых фамилий. Фамилии имеют особый юридический статус и, как правило, сохраняют буквенный облик, зафиксированный в официальных документах Поэтому написания *Ч**о**рный, **А**хапкин, Ком**о**ровский, С**а**башников, Сыро**еш**кин, Бе**з**сонов* не являются ошибочными, а *Ч**ё**рный* и *Ч**о**рный, Куз**ьм**ин и Куз**м**ин, **О**хапкин* и ***А**хапкин, Ком**а**ровский* и *Ком**о**ровский, Сыро**еж**кин* и *Сыро**еш**кин, Бе**сс**онов* и *Бе**з**сонов* — это разные фамилии. Таким образом, в написании фамилий традиция играет особую роль.

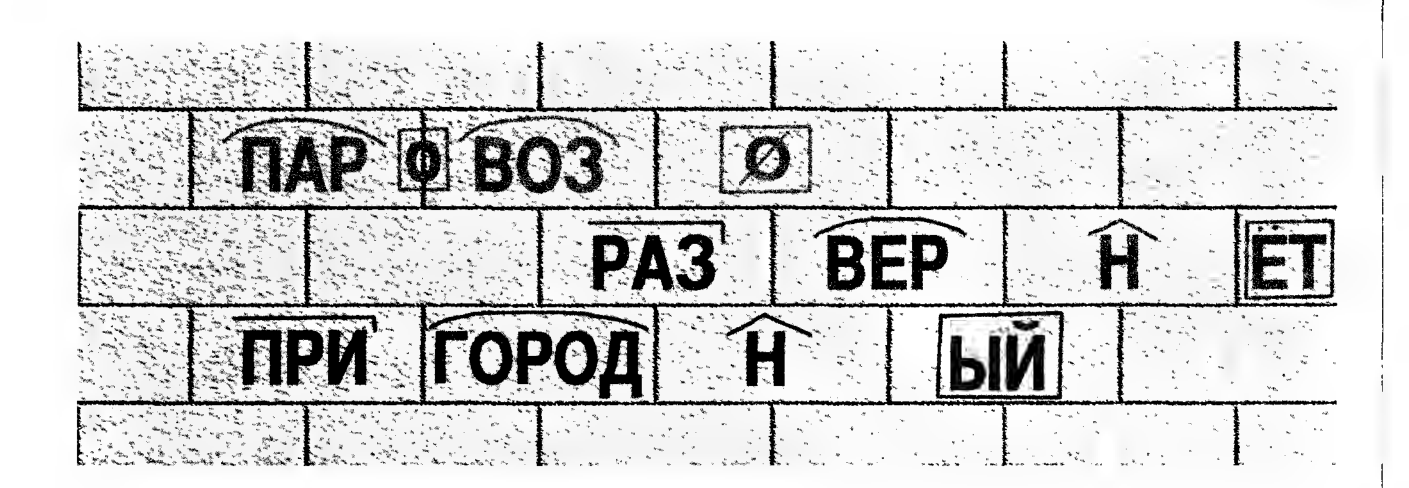
* * *

Письмо справедливо сравнивают с одеждой, с платьем для языка, имея в виду, что письмо — это нечто внешнее, условное по отношению к языку. Теперь мы убедились, что это платье шьёт хороший портной. Наша орфография — не случайный клубок правил и исключений, она удобно подогнана под язык, устроена разумно, на едином основании, которое мы разгадали. Мы нашли ответ на вопрос, с какими единицами звуковой системы русского языка соотносятся буквы. Буквы передают фонемы.

О МОРФОЛОГИЧЕСКОМ ПРИНЦИПЕ ОРФОГРАФИИ

Иногда главный принцип русской орфографии называют морфологическим — потому, дескать, что каждая значимая часть слова (морфема) передаётся всегда одинаково. Это не совсем точно передаёт суть дела. Представим себе, что вам дали инструкцию морфему изображать всегда одинаково. А как одинаково? Где взять образец для копирования? На этот вопрос ответа нет.

К тому же неверно, что морфема всегда обозначается одинаково. В словах ***друг, дружить, друзей*** морфема, несомненно, одна, а пишется она по-разному (и каждый раз правильно!): то с буквой ***г,*** то с ***ж,*** то с ***з.*** Большинство морфем пишутся всегда одинаково именно по той причине, что изменение звуков в них только позиционное. В приведённых же примерах фонемы разные, поэтому и буквы разные! Получается, что морфологическое написание — это следствие фонемного принципа орфографии, а не особый принцип.



СОСТАВ СЛОВА

ЧАСТИ СЛОВА — МОРФЕМЫ

С первых дней жизни мы приучаемся соотносить людей и окружающие нас предметы с определёнными сочетаниями звуков — словами. Ребёнок запоминает, что одна последовательность звуков обозначает маму, другая — кошку, третья — кашу. Слово — начало познания мира. Оно воспринимается как нечто цельное, почти осязаемое, как сами предметы, которые оно называет.

Малыш, только начинающий говорить, произносит одно и то же *мама* в совершенно разных ситуациях:

— *Мама!* («Мама, ты где? Иди сюда!»)

— *Мама.* («Это мама нарядила ёлку и развесила гирлянды».)

— *Мама, папа.* («Это мамино место, а это — папино».)

— *Баба, мама, дян-дян.* («Баба маме колокольчик дала».)

Постепенно он учится использовать разные формы слова:

— *Хочу к мам**е!***

— *Где мам**а?***

— *Я пойду с мам**ой.***

Слово явно одно (ведь мама-то одна!), но на конце его нужно немножко менять, потому что так требуется для предложения.

Дальнейшие наблюдения: Утром папа ***у**ходит* на работу, а вечером ***при**ходит* с работы. Когда мама сердится на кота, называет его *Вась**ка**,* когда гладит — *Вас**енька*** или *Вас**юша**,* а когда зовёт есть — *Вася.* Если что-то ***от**ломилось,* ***от**кололось,* ***ото**рвалось,* ***от**клеилось,* то это надо ***при**бить,* ***при**клеить,* ***при**шить,* ***при**колотить,* ***при**делать.*

Оказывается, слово не является таким уж цельным и неделимым! Оно состоит из кусочков, которые что-то значат. Открывается простор для словотворчества.

В книге К. И. Чуковского «От двух до пяти» есть такая запись: *«Послушай, папа, фантазительный рассказ: жила-была лошадь, её звали лягавая... Но потом её переназвали, потому что она никого не лягала».*

Дети ищут смысл в любых случайных созвучиях с таким упорством, как будто они уверены, что в словах зашифрованы все тайны окружающего их мира. В той же книге К. И. Чуковского знакомимся с такими объяснениями: *«Наблюдение — то, что на блюде»; «Судак — это которого судят?»; «Начальная школа — это где начальники учатся?»; «Почему ручей? Надо бы журчей. Ведь он не ручит, а журчит»; «Почему ты говоришь: тополь? Ведь он же не топает».*

5 Зак № 730 т. 10

БАРМАГЛОТ

— Вы так хорошо объясняете слова, сэр, — сказал Алиса. — Объясните мне, пожалуйста, что значит стихотворение под названием «Бармаглот».

— Прочитай-ка его, — ответил Шалтай. — Я могу тебе объяснить все стихи, какие только были придуманы, и кое-что из тех, которых еше не было!

Это обнадежило Алису, и она начала:

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве.
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

— Что же, хватит для начала! — остановил ее Шалтай. — Здесь трудных слов достаточно! Значит, так: *варкалось* — это четыре часа пополудни, когда пора уже варить обед.

— Понятно, — сказала Алиса, — а *хливкие?*

— *Хливкие* — это хлипкие и ловкие. *Хлипкие* значит то же, что и *хилые*. Понимаешь, это слово как бумажник. Раскроешь, а там два отделения! Так и тут — это слово раскладывается на два!

— Да, теперь мне ясно, — заметила задумчиво Алиса. — А *шорьки* кто такие?

— Это помесь хорька, ящерицы и штопора!

— Забавный, должно быть, у них вид!

— Да, с ними не соскучишься! — согласился Шалтай. — А гнезда они вьют в тени солнечных часов. А едят они сыр.

— А что такое *пырялись?*

— Прыгали, ныряли, вертелись!

— А *нава*, — сказала Алиса, удивляясь собственной сообразительности, — это трава под солнечными часами, верно?

— Ну да, конечно! Она называется *нава,* потому что простирается немножко направо... немножко налево...

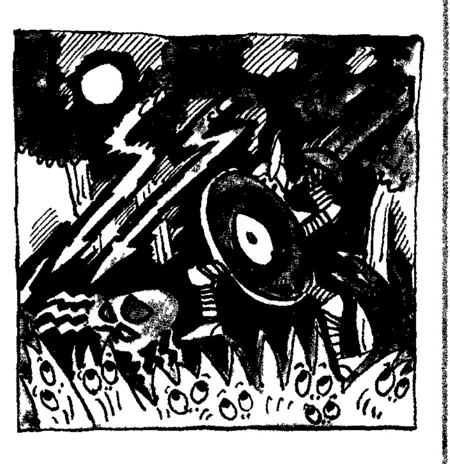
— И немножко назад! — радостно закончила Алиса.

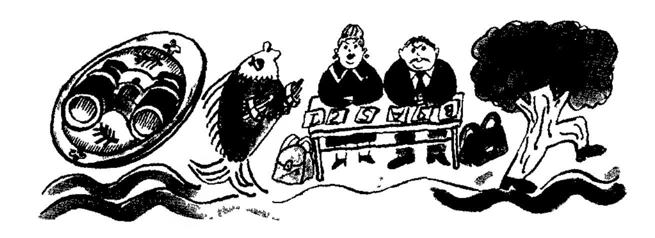
— Совершенно верно! Ну а *хрюкотали* — это хрюкали и хохотали... или, может, летали, не знаю. А *зелюки* это зеленые индюки! Вот тебе еще один бумажник!

— А *мюмзики* — это тоже такие зверьки? — спросила Алиса. — Боюсь, я вас очень затрудняю.

— Нет, то птицы! Бедные! Перья у них растрепаны и торчат во все стороны, будто веник... Ну а насчет *мовы* я и сам сомневаюсь. По-моему, это значит *далеко от дома*. Смысл тот, что они потерялись. Надеюсь, ты теперь довольна?

(Из книги Л. Кэрролла «Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье».)





Взрослые и умиляются, и смеются над детскими попытками навести в языке порядок. Слова *спун* 'соня', *людь* 'человек', *вагонята* 'вагончики', *огонята* 'искры', *никовойная* 'ничья', *намакаронился* 'наелся макарон', *смеяние* 'смех' забавны именно сочетанием правильности и неправильности. Дети используют существующие в языке единицы в их точном значении, но образуют слова, которых в языке нет. С одной стороны, слова явно «сделаны» из неких «кирпичиков» смысла, с другой — получается, что просто складывать их из этих кирпичиков нельзя!

Детские открытия — дело серьёзное. Открытия учёных-лингвистов отличаются от них в одном отношении — ту работу, которую дети осуществляют неосознанно, интуитивно, учёные ведут целенаправленно, на основе строгих методов. Сравнивая и анализируя слова, лингвисты сделали следующие выводы:

1) многие слова делятся на фрагменты;

2) эти фрагменты общие для ряда слов и привносят в них какое-то значение — всякий раз одно и то же;

3) фрагменты эти уже не могут быть разбиты на более мелкие значимые части

Эти фрагменты — «кирпичики» смысла — в лингвистике называют *морфемами* (от *греч.* «morphé» — «форма») Наука, которая изучает, на какие морфемы делится слово, называется *морфемика,* а наука, отвечающая на вопрос, как из морфем делаются слова, – *словообразование.*

Возьмём, например, слово *пригородный*. Сравнивая его с другими словами, в чём-то похожими на него, мы разделим его на морфемы:

-ый (потому что есть *пригородн**ая**, пригородн**ого***) говорит о том, что слово является при-

ЭТАЖЕРКА

Если попытаться вычислить в словах морфемы, обращая внимание только на форму, можно, подобно Винни-Пуху, погрузиться в такие раздумья:

Опять ничего не могу я понять,
Опилки мои — в беспорядке.
Везде и повсюду, опять и опять
Меня окружают загадки.

*Возьмем это самое слово **опять.***
Зачем мы его произносим,
Когда мы свободно могли бы сказать
Ошесть,** и **осемь,** и **овосемь?

*Молчит **этажерка,** молчит и **тахта** —*
У них не добьешься ответа,
*Зачем это **хта** — обязательно **та,***
*А **жерка,** как правило, **эта!***

(Из книги А. А. Милна «Винни-Пух и все-все-все». Перевод Б. В. Заходера.)

лагательным мужского рода в форме именительного или винительного падежа;

при- (есть ***за**городный,* ***между**городный* и ***при**брежный,* ***при**дорожный*) означает нахождение вблизи чего-либо;

-н- (есть **пригород** и *дорож**н**ый*) превращает существительное в прилагательное;

-город- (есть *при**бреж**ный,* *при**стен**ный,* *при**дорож**ный* и ***город**ской,* *за**город***), эта часть обозначает 'город'.

Среди морфем мы обнаружим многозначные (например, приставка ***за-*** может означать начало действия: ***за**петь,* ***за**говорить,* или его завершённость: ***за**лить,* ***за**мучить*), синонимичные (например, суффиксы ***-тель,*** ***-ун*** и ***-ник*** в словах *храни**тель,*** *чита**тель,*** *учи**тель,*** *шал**ун,*** *болт**ун,*** *работ**ник,*** *balov**ник,*** *охот**ник***), антонимичные (например, приставки ***в-*** и ***вы-,*** суффиксы ***-ик*** и ***-ищ:*** ***въ**ехать* и ***вы**ехать,* *дом**ик*** и *дом**ище***).

В слове у морфем разная роль. Без одних оно существовать не может — это *корни* (то, что находится в центре, в глубине), без других многие слова вполне обходятся — это *аффиксы* (от *лат.* affixus — «прикреплённый») Аффиксы тоже бывают разные. *Окончания* меняют только форму слова: *слон — слон**у** — слон**ы;*** *гор**ю** — гор**ишь** — гор**ят.*** Другие аффиксы образуют новые слова: *слон — слон**ик** — слон**овый;*** *горит — **при**горит — гор**ел**ый.* Словообразующие аффиксы могут стоять в начале слова, перед корнем, — это *приставки,* или *префиксы* (от *лат.* praefixus — «прикреплённый впереди»). После корня идут *суффиксы* (от *лат.* suffixus — «прикреплённый снизу»).

Есть ещё *интерфиксы* (от *лат.* inter — «между» и fixus — «укреплённый»), знакомые школьникам как соединительные гласные, и *постфиксы* (от *лат.* post — «после» и fixus — «укреплённый»), например ***-ся,*** который ставится после окончания. А в других языках есть ещё инфиксы, трансфиксы и т. п., не знакомые русскому человеку.

Морфемы многолики: в различном окружении они могут принимать разные формы. Некоторые изменения мы замечаем (например, чередование ***г/ж:*** *бере**г**у — бере**ж**ёшь,* *овра**г** — овра**ж**ек;* ***оро/ра:*** *заг**оро**дка — ог**ра**да,* *в**оро**та — прив**ра**тник;* ***с/ст/щ:*** *ро**с** — ра**ст**ение — выра**щ**енный* и т. д.), а другие — нет (скажем, чередование ***л/л':*** *смоло*[л] — *смоло*[л']*и;* ***о/а:*** *ст*[о]*л* — *ст*[а]*лы* и т. д.). Морфема может быть даже вообще не выражена звуками, как, например, окончание в слове *слон* (сравните: *слон**а,** слон**у***). Однако морфема здесь есть, и значение у неё есть — единственное число, именительный падеж. Такие окончания называют *нулевыми.*

Каждая разновидность морфемы, взятая в отдельности ([стол], [стол']; [стал], [стал'] — *стол, столик, столы, столешница)* называется *морфом.* Морфема — это абстрактная единица, представленная в речи в виде конкретных морфов.

Итак, морфема — единица языка, с которой начинается смысл. Ниже морфемы, в мире звуков, смысла нет. Выше, в царстве слов и грамматики, нет ничего бессмысленного. Место морфемы — на границе этих двух миров — и определяет её свойства.

ДВЕ РАБОТЫ МОРФЕМ

Школьники в других странах и во многих городах России специально изучают русский язык — родной язык у них другой. Они учатся склонять русские существительные. Учитель показывает, как склоняются слова *вода, трава,* и даёт задание просклонять слова *голова, весна, стена.* Ребята справляются — они умеют создавать формы этих слов, даже если никогда их не слышали. Они уверенно скажут, что от слова *стен**а*** творительный падеж — *стен**ой,*** потому что знают формы *вод**а*** — *вод**ой.***

А можно ли попросить ученика образовать новое слово? Пусть по усвоенному образцу *(писа**ть** — писа**тель**)* ученик образует новые слова и тем самым обогатит свой словарь...

Параллель как будто полная. *вод**а*** — *вод**ой,*** поэтому от *стен**а*** форма творительного падежа — *стен**ой;** писа**ть** — писа**тель,*** поэтому от *чита**ть*** можно образовать существительное *чита**тель.***

Но оказывается, эта параллель ложная. Если ученик поверит, что слова образуются так же, как формы слов, — стандартно, по общей модели, в его речи появятся такие ошибки: *Я думал о великом горящем сердце Данко и о **создавателе** такой великой легенды; Перед нами проходят **творители** настоящей жизни.*

Нет, очевидно, в речи можно создавать формы слов, а слова — нельзя. Почему?

МОРФЕМЫ — «СВЯЗНЫЕ»

Некоторые морфемы показывают связи слов в предложении. Если в тексте встретилась словоформа *вишнёв**ую,*** где-нибудь поблизости (а скорее всего просто рядом) стоит существительное в винительном падеже: *ветку, заросль.* В словоформе *перебежал**а*** последняя морфема ***-а*** указывает на связь с подлежащим; наверное, в предложении есть слова: *она, девочка, рысь, тень, дежурная, Фатима, Жорж Санд, Лизок* или им подобные.

В сочетании *смел**о** победил* ***-о*** показывает, что слово *смел**о*** относится к слову *победил.* Было бы *смел**ый** победил* — мы бы поняли, что, наоборот, слово *победил* зависимо, оно относится к слову *смелый,* его нулевая конечная морфема была бы показателем этого отношения.

Значит, в языке есть грамматические единицы — аффиксы, которые передают особые значения грамматической связанности, объединённости слов. Морфемы, способные передавать такие значения, называются *реляционными* (от *лат.* relatio — «отношение»), или *формообразующими.* В русском языке они стоят в конце слов, поэтому их удобно называть окончаниями. Точнее сказать, они стоят ближе к концу, потому что есть возвратные глаголы *(вернул**ась**, вернул**ись**),* у которых реляционные морфемы не на самом конце.

Реляционные морфемы передают отношения между словами

Если две словоформы отличаются только реляционными морфемами, то они принадлежат одному слову. Этот закон был открыт и обоснован гениальным русским языковедом Филиппом Фёдоровичем Фортунатовым. Все мы чувствуем, что отношения между *писал**а*** — *писал**о*** и между *писала* — ***пере**писала* неодинаковые. Первые две единицы ближе друг к другу, чем вторые. Действительно, словоформы *писал**а*** — *писал**о*** отличаются морфемами ***-а, -о,*** а это морфемы реляционные. У них реляционное значение.

ОКОНЧАНИЯ ИЛИ СУФФИКСЫ?

Строго говоря, ***-ть, -ти*** и ***-чь*** в неопределенной форме глагола надо считать окончаниями, поскольку *закрича**ть*** и *закричал* — формы одного и того же слова, по-разному связанные с другими словоформами в предложении. Аналогично окончаниями следует считать «суффиксы» деепричастий *(**-я, -в:** говоря, сделав),* а также ***-о*** и ***-и*** у таких наречий, как *громк**о**, дружеск**и**.* Но по традиции принято называть эти морфемы суффиксами, точнее формообразующими суффиксами.

они показывают отношение глагола-сказуемого к подлежащему. Значит, *писал**а*** и *писал**о*** — формы одного и того же слова. Формы *писала* — ***пере**писала* отличаются отсутствием/наличием морфемы ***пере-***, а эта морфема нереляционная, она не показывает отношение глагола к какому-нибудь другому слову в предложении. Значит, формы *писала* и ***пере**писала* отличаются нереляционными морфемами и принадлежат разным словам. Это первое важное различие между двумя типами морфем.

СТАНДАРТНЫЕ И НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЕ

Одни единицы языка создаются, производятся в речи, другие — только повторяются, воспроизводятся. Например, зная глагол *поговорить,* можно без колебаний и сомнений употреблять в своей речи формы *поговорю, поговоришь, поговорят, поговорила* и т. д., даже если раньше их не слышал и не употреблял. Их можно производить в своей речи, а не только воспроизводить. И это потому, что от глаголов на ***-ить*** всегда образуется первое лицо с окончанием ***-у(-ю)*** и означать ***-у(-ю)*** всегда будет первое лицо. Если *вар**ить*** — то *вар**ю,*** если *дар**ить*** — то *дар**ю,*** если *говор**ить*** — то *говор**ю...***

Единая закономерность не сулит никаких неожиданностей и подвохов. Поэтому учитель и может дать ученику задание: «Просклоняй существительное *весна,* проспрягай глагол *говорить*». Ученик должен по определённому образцу (модели) создать все формы этих слов. Образцами служат другие существительные того же склонения и другие глаголы на ***-ить.***

Предположим, что всё было бы не так. Например, у одного глагола на ***-ить*** 1-е лицо имело бы окончание ***-у,*** а у другого глагола того же типа — какую-нибудь другую морфему, не ***-у;*** у третьего — ещё какую-нибудь. И значение этих форм было бы не совсем одинаковое: у одного глагола такая форма относила бы действие к «я», лицу говорящему, у другого обозначала бы, что действие производит «я» и ему помогает «он», и т. д. Каждый глагол прихотливо, по-своему варьировал бы значение первого лица. Производить эти формы в речи (с уверенностью, что производишь именно те формы, которые есть в языке) стало бы невозможно.

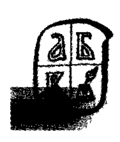
Во всех случаях пришлось бы помнить, какие капризы свойственны каждой конкретной форме данного глагола, т. е. реально можно было бы не производить, образовывая её в речи,

Первое лицо от глагола на ***-ить*** всегда образуется с окончанием ***-у(-ю)*** *хожу, учу, говорю, пью.*

а только воспроизводить по памяти. Но ведь именно так обстоит дело в словообразовании. Есть такие пары слов: *регулировать — регулиров**щик,** полировать — полиров**щик,** дрессировать — дрессиров**щик,** сортировать — сортиров**щик,** регистрировать..* Можно было бы ожидать *регистриров**щик.*** Нет! Такого слова не существует в русском языке. Есть слово с другим суффиксом: *регистра**тор.*** Предсказать, что здесь суффикс ***-тор,*** а не ***-щик,*** не ***-тель*** или какой-нибудь другой, невозможно. Это надо знать. Единицу *регистра**тор*** нельзя свободно производить в речи — нет законов такого безошибочного производства; её можно только воспроизводить.

Есть слова *регулиров**щик,** полиров**щик,** дрессиров**щик*** и слова *регистра**тор,** механиза**тор,** вульгариза**тор.*** Все они образованы от глаголов одного и того же типа. Все имеют общее словообразовательное значение: называют лицо по его действию, а суффикс у одних слов ***-щик,*** у других — ***-тор.***

Этого мало. Непредсказуем не только суффикс (т. е. его звуковой, фонемный состав), но и его значение. Окончание 1-го лица ***-у,*** как мы видели, не меняет своего значения, не приобретает разных оттенков, присоединяясь к разным глагольным основам. Но в словообразовании всё не так! Сопоставим *проектировать — проектиров**щик,** дрессировать — дрессиров**щик,** регулировать — регулиров**щик,** зимовать — зимов**щик...** Проектиров**щик*** — 'тот, кто проектирует'. *Дрессиров**щик*** — 'тот, кто дрессирует'. Мы бы ожидали: *регулиров**щик*** — 'тот, кто регулирует', *зимов**щик*** — 'тот,



кто зимует'. А это неверно. Аффикс ***-щик*** (словообразовательный) вносит в слова не всегда одинаковые значения. Правда, он всегда обозначает деятеля. В первых двух словах *(проектиров**щик**, дрессиров**щик**)* только этим и ограничивается его роль. Но иногда он неожиданно ещё сужает значение глагольной основы: *регулиров**щик*** — 'тот, кто регулирует уличное движение' (или 'ход какой-нибудь машины'). Если я тщательно регулирую свои занятия, работу и отдых, то всё-таки не имею права назвать себя регулировщиком.

Словари дают такие оттенки значения глагола *регулировать: Лекции — средство **регулировать** порядок приобретения знаний; **Регулировать** отношения между лицами; **Регулировать** ход каната (при переезде через реку на пароме); **Регулировать** рыночные цены; **Регулировать** уличное движение; **Регулировать** ход станка.*

Только два последних значения взяты языком для слова *регулировщик.* В его значении есть ограничения, которых нет у глагола *регулировать.* И они непредвиденны — их нельзя было ожидать на основании знакомства с другими словами, имеющими тот же суффикс.

Так же и в слове *зимов**щик**: зимовать* — 'оставаться где-нибудь на зиму', *зимовщик* — 'тот, кто остался зимовать где-либо за пределами жилых мест'. Этого уточнения — именно 'за пределами жилых мест' — не содержит глагольная основа, его неожиданно внёс суффикс, хотя в других словах он такого ограничения не вносит.

Итак, есть суффикс ***-щик*** со значением 'тот, кто...'; он может присоединяться к глаголам определённого строения. Но попробовав его присоединить, попадаем впросак. Наши правильные знания не помогли составить правильные слова. Дважды попадаем впросак: не угадали, что в слове *регистратор* суффикс не ***-щик,*** а ***-тор,*** и не угадали, каково общее значение слова *регулировщик* (оно обозначает не всех, кто что-либо регулирует). Словообразование в отличие от словоизменения вдвойне непредсказуемо: и по значению, и по фонемному облику производных слов.

Не всякий, кто что-либо регулирует, может называться регулировщиком.

Есть ещё важное различие словообразования и словоизменения. Словоизменительные аффиксы неизбежны в речи. Нельзя, например, избежать в русском языке глагольного окончания 1-го лица.

Нужно сказать: *Сейчас я пишу.* Я должен непременно употребить форму 1-го лица, потому что «я» обязательно именно её и потребует. Пусть я ловко извернусь (если, предположим, не знаю, как образуется у глаголов 1-е лицо), например, так: *Если посмотреть на меня сейчас со стороны, то можно сказать: писать — вот какое сейчас занятие у этого человека.* Хитро! Неужели всё время так хитрить, говоря по-русски? Нет, это невозможно.

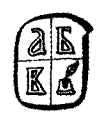
Обозначение лица у глагола — это обозначение его связи с подлежащим. По законам русского языка связь сказуемого и подлежащего необходимо обозначать аффиксами. От этого не уйдёшь. Надо такие аффиксы знать. Один раз извернёшься (как было придумано выше), но нельзя всё время говорить о себе, минуя форму лица.

Словоизменительные аффиксы обязательны в речи именно потому, что они показывают связи между словами. Напротив, без любого словообразовательного аффикса можно обойтись. Например, можно совсем не пользоваться суффиксами лица-деятеля у существительных.

Вместо *Пришёл ли **точильщик?*** можно сказать *Пришёл ли **тот, кто точит ножи?*** Слова *регулировщик, регистратор, исследователь, пианист, жнец, передовик* — все можно заменить описательными оборотами, в которых нет суффикса лица. Ведь словообразовательные аффиксы употребляются не для связи слов... А для чего? Для образования целостных особых наименований, чтобы коротко называть вещи, которые могут обозначаться и пространно, описательно. Ясно, что такие аффиксы не являются неизбежными в речи.

* * *

Итак, существуют три различия между словообразованием и словоизменением. Связь между этими различиями несомненна. Словоизменительные аффиксы служат для связи слов, а связи слов непременно должны быть выражены в каждом русском предложении; следовательно, сло-



воизменительные аффиксы неизбежны в речи. Присоединение этих аффиксов к основе должно быть сравнительно простым, чтобы можно было по требованию предложения быстро образовать словоизменительные формы. Эти формы должны быть подчинены общим правилам и ограничивать число исключений, сторониться их.

Подобная связь прослеживается и в обратном направлении: если какой-нибудь тип аффиксальных единиц нерегулярен, прихотливо непредсказуем, допускает постоянные отступления от стандарта, то он не может быть основой для строительства синтаксических единиц, всегда стандартных. Аффиксы, которым «не оказывает протекции» синтаксис, не являются необходимыми и неизбежными в речи, а значит, это аффиксы словообразующие.

Итак, три различия между словообразованием и словоизменением — три узла на одной нитке; за одним обязательно тянутся два других.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ: КАК ДЕЛАЮТСЯ СЛОВА

Возьмём фразу *У стены сарая стояла кабарга.* Что это? Человек, лопата, грабли, дерево? Не ясно Но вот продолжение: *а рядом с ней маленький кабаржонок.* Теперь ясно. *Кабарга* — это животное, потому что *кабаржонок* — название детёныша А раз *кабаржонок* — детёныш, то *кабарга* — его мама. И действительно, слово *кабарга* называет животное из семейства оленей, обитающее в горах.

Как вы догадались? Вам помогло словообразование. Слово *кабаржонок* входит в ряд существительных, обозначающих детёнышей: *орлёнок, тигрёнок, лисёнок, волчонок, львёнок, медвежонок, слонёнок, оленёнок...* Все эти слова одинаково соотносятся с названиями взрослых животных: *орёл : орлёнок = тигр : тигрёнок = лиса : лисёнок = кабарга : кабаржонок...*

Мы решили своеобразную пропорцию, которую лингвисты называют *словообразовательным квадратом.*

Присмотримся внимательнее к этим названиям детёнышей. У всех есть особый элемент — суффикс ***-онок,*** согласный перед суффиксом смягчается *(ли*[с]*а — ли*[с']*онок)* или чередуется с другим согласным *(вол*[к] *— вол*[ч']*онок, медве*[д'] *— медве*[ж]*онок).*

Подобные части слова и помогают человеку понимать, запоминать и создавать новые слова. Это *словообразующие* морфемы.

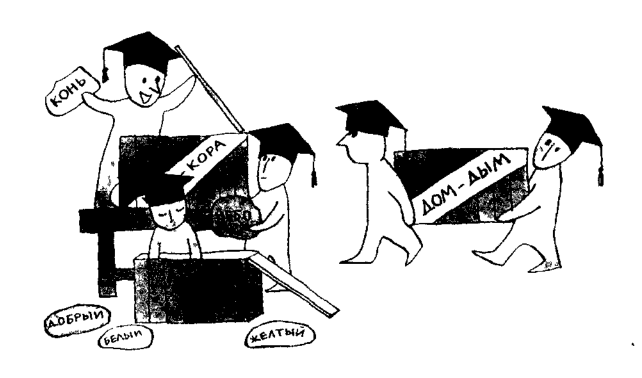
Роль этих маленьких частичек слова исключительно велика. Что, если бы их не было и они не связывали слова родственными отношениями, а каждый новый предмет, признак, действие называл бы особое слово, никак не связанное с другими словами? Человеку в этом случае пришлось бы запоминать огромное количество слов.

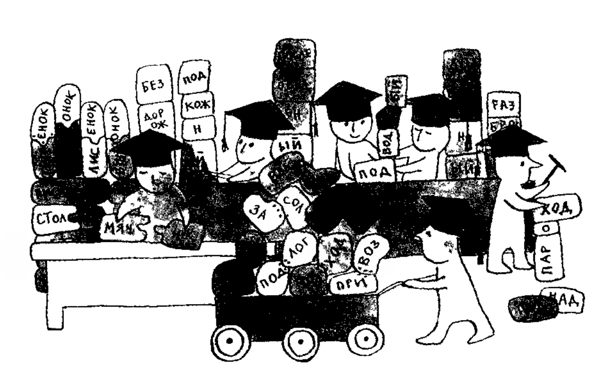
Здесь на помощь и приходит язык. Он устроен так, что облегчает нам узнавание и запоминание слов. Мы с детства усваиваем вместе со словами родного языка действующие в языке словообразовательные средства и законы построения из них новых слов.

Как же языку удаётся помочь человеку? Как человек может, не перегружая память сотнями тысяч слов, пользоваться всем богатством родного языка?

СЛОВА «ГОТОВЫЕ» И «СДЕЛАННЫЕ»

Секрет языка в том, что он не просто большая груда слов. Язык — умный, удобный и очень гибкий инструмент. Лишь меньшая часть слов существует в нём «в готовом виде». В основном это известные каждому с детства самые употребительные слова, такие, как *дом, стол, сын, вода, земля, спать, гулять, синий, добрый* и т. п. Сравните их со словами: ***дом**ик, **дом**ашний, **до**мище; **стол**ик, на**стол**ьный, **стол**овая; **усы**новить, **сын**ок; **вод**ичка, **вод**ный, под**вод**ный, обез**вод**ить; **земл**яной, **земл**ица; на**гул**яться, **гул**яка, **гул**янье; **син**еть, **син**еватый, **син**енький; **добр**ота, **добр**еть.* Каждому ясно, что слова второй группы образованы от слов первой группы. Языковеды делят все слова на *простые, непроизводные* и *производные* («сделанные» в языке).





Непроизводные слова подобны химическим элементам (хотя число слов несравненно более велико) Из них составляются все прочие слова. Значения простых слов никак не связаны со звуковым обликом, о них нельзя догадаться, их нужно знать. Если вам неизвестно, что значат сочетания звуков, образующие слова *собака, лошадь, стена, дело, окно, яйцо,* то догадаться об этом вы не можете. А значение производных слов определяется значением слов простых, мотивировано им, подобно тому как свойства химических соединений зависят от свойств входящих в них элементов. Значение слов *столик* и *домик* мотивировано, определяется значением слов *стол, дом* и значением суффикса ***-ик,*** обозначающего уменьшительность, точно так же как значение глагола *приводить* определяется значением слова *водить* и приставки ***при-,*** обозначающей приближение.

Каждая из морфем имеет своё определённое значение. Чтобы выявить его, недостаточно изучить одно слово, нужно рассмотреть ряд слов с общим элементом – морфемой. Возьмём, например, такой ряд слов: ***в****-бежать* — ***в****-лететь* — ***в****-прыгнуть* — ***в****-лезть* — ***в****-двинуть.*

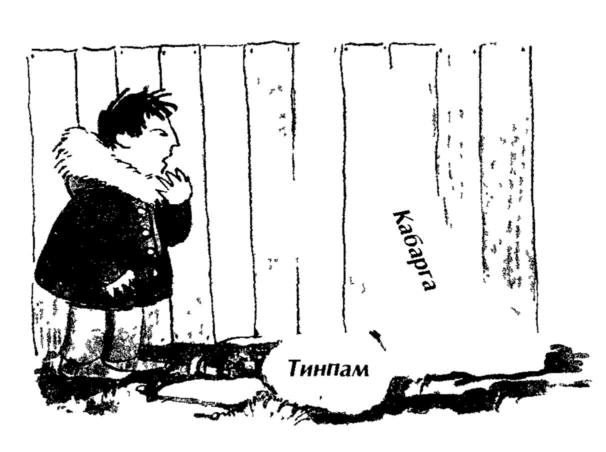
Значение этого ***в-*** здесь вполне очевидно — направление движения вовнутрь. Общность значения как раз позволяет убедиться в реальном существовании приставки ***в-.***

Существуют разные виды морфем: корни, суффиксы и приставки, окончания, и между ними есть важные различия.

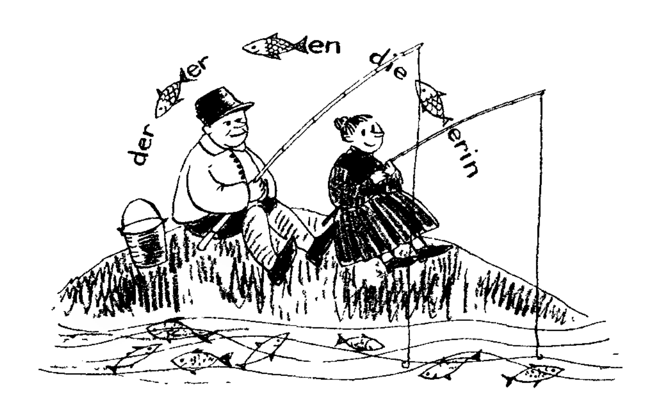
Корневых морфем во много раз больше, чем суффиксов, приставок и окончаний. Они исчисляются десятками тысяч, а суффиксов, приставок и окончаний всего несколько сотен Это различие не только количественное, но и принципиальное. Суффиксы, приставки и окончания повторяются чаще, чем корни, они «сидят» у человека в голове. Поэтому они не только позволяют построить слова для называния чего-то нового, но и помогают понять неизвестное слово и запомнить его.

Изменим нашу фразу о *кабарге: У стены сарая стояла кабарга, а рядом с ней маленький тинпам.* Что за *тинпам?* Что такое *кабарга?* О чём идёт речь? Из нарисованной «картинки» сразу исчезли и животное, и его детёныш.

Словообразование помогает нам и при изучении иностранных языков. О значении многих слов, которых вы никогда раньше не встречали, можно догадаться. Зная, например, немец-



кое слово *der Fisch* («рыба») и такие распространённые суффиксы, как ***-er*** (суффикс лица мужского пола), ***-in*** (суффикс лица женского пола), ***-en*** (показатель инфинитива), вы легко поймете, что *der Fisch**er*** значит «рыбак», *die Fisch**erin*** — «рыбачка», *fisch**en*** — «ловить рыбу».



МАЛЕНЬКАЯ ДА УДАЛЕНЬКАЯ

Сопоставляя слова между собой (решая словообразовательные пропорции), мы открыли существование морфемы. Известные всем из школьного обучения корни, приставки, суффиксы и окончания слов — это и есть морфемы

Языковеды определяют морфему как наименьшую значимую часть слова Оба этих признака (наименьшая и значимая) должны быть у морфемы одновременно Это значит, что из всех значимых единиц языка (например, слов, предложений) морфема — наименьшая Если мы будем дробить её на более мелкие части, то уже не получим значимых частей. Действительно, морфемы состоят из звуков (одного или более), которые самостоятельного значения в слове уже не имеют. Что значит звук [б] в слове *убежать?* Ничего, так же как и звуки [е], [ж], [а] и мягкий [т'] А вот звук [у] имеет значение: в этом глаголе он не просто звук, а звук и одновременно морфема. Глагольная приставка, обозначает

ПОЭТЫ И МОРФЕМЫ

Значимость морфем в слове, их выразительную роль часто используют писатели.

Вот картинка из стихотворения Ирины Снеговой «Утро»:

Повысыпали школьники. Сначала
Старательные двигались солидно,
*Потом **за**торопились лежебоки,*
И, всех сшибая, побежали сони...
*Я шла по Еревану. **За**мелькало,*
***За**двигалось все сразу, **за**галдело.*

Повторение глаголов с приставкой ***за-***, обозначающей начало действия, придаёт всему тексту динамичность, действенность.

Владимир Маяковский даже употреблял морфемы как самостоятельные слова («150 000 000»):

*Демократ**измы**,*
*гуман**измы** —*
идут и идут
*за **изм**ами **измы**.*

Владислав Ходасевич обыгрывает приставку ***пере-:***

***Пере**шагни, **пере**скочи,*
***Пере**лети, **пере-** что хочешь —*
Но вырвись: камнем из праши,
Звездой, сорвавшейся в ночи...

Марина Цветаева в стихотворении «Поэт и царь» пишет об отношении царя к Пушкину:

Гляди, мол, страна, как, молве вопреки,
Монарх о поэте печется!
*Почётно — почетно — почетно, — **архи-***
Почетно, — почетно — до черту!

Приставка ***архи-***, употребленная как отдельное слово, да еще в положении рифмы, звучит особенно выразительно.

Поэты любят творить новые слова. Вот слова с корнем ***лет-***, созданные Велимиром Хлебниковым в начале XX в. для обозначения новых понятий, связанных с рождением авиации: ***летьбище*** 'аэродром', ***летоба*** 'авиация', ***летавица*** 'авиаторша'. Эти слова не вошли в язык. Но причина не в том, что они непонятны. Наоборот, они вполне понятны, так как известно значение их составных частей (корень ***-лет-*** и суффиксы: *летьб**ище** — стрельб**ище**, лет**авиц**а — крас**авиц**а, лет**об**а — учё**б**а*). Вот если бы Велимир Хлебников вместо знакомых суффиксов придумал свои, его слова были бы непонятны, даже если корни были взяты из общего языка. Например, что мог бы означать какой-нибудь *летвах?* Аэродром? Летчик? Даже поэты, стремящиеся к индивидуальному словотворчеству, полностью не рвут с общим языком, строят «свои» слова, используя готовый материал языка. Только это и делает их слова понятными другим людям.

удаление. Сравните ряд глаголов: *бежать* — ***у**бежать, ползти* — ***у**ползти, нести* — ***у**нести, лететь* — ***у**лететь.* В этих глаголах прибавление приставки ***у-*** вносит значение удаления.

ДВА ОТЛИЧИЯ

Узнать, какое слово перед нами — производное или нет, — не всегда просто. Прежде всего надо найти то слово, от которого оно образовано. Такое слово называют *базовым,* или *производящим.*

Производное и его базовое слово образуют *словообразовательную пару: дом — домик, мяч — мячик, стол — столик, дом — домище, тигр — тигрёнок, писать — писатель, Москва — москвич, бегать — бегун, белый — беловатый* и т. д.

Производное отличается от базового слова двумя признаками. Во-первых, оно сложнее по составу — включает какую-нибудь словообразовательную морфему (суффикс, приставку или даже и суффикс, и приставку). Во-вторых, оно сложнее по смыслу — имеет какой-либо дополнительный компонент значения: *домик* = ***дом*** + суффикс ***-ик*** + 'маленький'; *домищ(е)* = ***дом*** + суффикс ***-ищ-*** + 'большой'; *тигрёнок* = ***тигр*** + суффикс ***-'онок*** + 'детёныш'.

ЕСЛИ БЫ НЕ БЫЛО ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ...

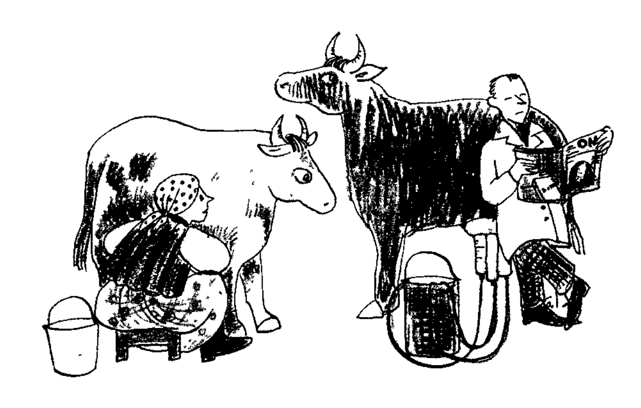
В языке идёт непрерывный процесс образования новых слов. Он подобен цепной реакции: основная масса новых слов образуется от старых, и только некоторые слова возникают совершенно заново. Эти слова приходят к нам, как правило, из других языков, заимствуются. Но и они сразу вовлекаются в сферу действия словообразовательного механизма. Слово *компьютер,* которое обозначает очень важный и распространённый в наше время прибор, тут же породило прилагательное *компьютерный,* название специалиста *компьютерщик,* отвлечённое существительное *компьютеризация,* глагол *компьютеризировать.*

Такой способ расширения словаря языка кроме практического удобства имеет и другое положительное свойство: слова, связанные между собой в языке, обозначают явления, связанные в реальной жизни. Благодаря этому каждое новое производное слово не только сообщает человеку своё значение, но и говорит ему, с чем связано его появление, в ряду каких других явлений и предметов оно находится.

ДВА ВЗГЛЯДА НА СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Возьмём две пары слов: *дояр — доярка, зонт — зонтик.* Составим словообразовательную пропорцию *артист : артистка = дояр : доярка.* Вывод: слово *дояр* — базовое, слово *доярка* — производное, оно обозначает женщину, которая доит коров. *Мяч : мячик = зонт : зонтик.* Вывод: слово *зонт* — базовое, *зонтик* — производное, оно означает 'маленький зонт'.

Однако история этих слов говорит о другом. Слово *дояр* возникло от слова ***доярка*** вычитанием суффикса ***-к-*** в то время, когда стали применяться специальные доильные аппараты и доение коров перестало быть чисто женской профессией. Слово ***зонтик*** также возникло раньше, чем *зонт.* ***Зонтик*** — изменённое голландское слово *Zonnedeck.* Конечный элемент этого слова был похож по звучанию на русский суффикс ***-ик*** и стал восприниматься как суффикс со значением уменьшительности по аналогии со словами: *стол**ик**, дом**ик**.* Чтобы создать «неуменьшительное» слово, отсекли суффикс ***-ик*** и получился *зонт.* Такой способ называют *обратным словообразованием.*



Значит ли это, что наши пропорции неверны? Нет, конечно, ведь точно такие же пропорции составил бы любой носитель русского языка. В системе современного языка отношения между этими словами именно таковы: *дояр* и *зонт* — базовые, ***доярка*** и ***зонтик*** — производные.

Эти примеры показывают два подхода к изучению языка. При синхроническом подходе изучается система языка в тот или иной период времени, при диахроническом — происхо-

дящие в языке изменения (см. статью «Вдоль и поперёк языка. Синхрония и диахрония»).

И тот и другой вид изучения может быть применён как по отношению к современному состоянию языка, так и по отношению к прошлым эпохам. Иными словами, может быть синхроническое и диахроническое изучение современного языка, синхроническое и диахроническое изучение прошлых эпох. Диахроническое изучение современного языка, например, требует исследования исторических процессов, происходящих в короткий период истории языка, т. е. в микроистории.

Обратное словообразование: брюки превращаются в элегантные шорты

В этом разделе о словообразовании говорится с синхронической точки зрения, а о том, как в русском языке появлялись новые слова, можно прочитать в статье «История русской лексики».

ОСОБЫЕ «СТРОЙМАТЕРИАЛЫ» СЛОВА

Вспомните детскую игру в кубики. Если слово уподобить дому из кубиков, то кубики — это морфемы. А почему не звуки? Ведь слова, как и морфемы, состоят из звуков. Однако если мы станем разлагать слова на звуки, то не получим частей, с которыми связывалось бы какое-нибудь значение. Именно морфемы — тот содержащийся в языке «строительный» материал, из которого непосредственно делаются слова. А звуки являются материалом, из которого сделаны «кубики», т. е. морфемы.

Поэтому «стройматериалы» слов — это словообразующие морфемы: корни, суффиксы, приставки. Есть и ещё один своеобразный «стройматериал». Сравните:

Базовое название города	**Производное название жителя**	**Производное прилагательное**
Саратов	*саратов-**ец***	*саратов-**ск**-ий*
Лондон	*лондон-**ец***	*лондон-**ск**-ий*
Ялта	*ялт-**ин-ец***	*ялт-**ин-ск**-ий*
Орёл	*орл-**ов-ец***	*орл-**ов-ск**-ий*
Дели	*дели-**j-ец***	*дели-**j-ск**-ий*
Америка	*америк-**ан-ец***	*америк-**ан-ск**-ий*
Африка	*африк-**ан-ец***	*африк-**ан-ск**-ий*

Все названия жителей образованы одинаково: к базовой основе добавлен суффикс ***-ец.*** Одинаково образованы и все прилагательные: они содержат базовую основу и суффикс ***-ск.*** Однако в некоторых словах между основой и суффиксом имеется ещё некий элемент (он выделен в таблице). Что это такое? Значение 'житель' выражает суффикс ***-ец,*** он является наименьшей значимой частью слова, т. е. морфемой. Элементы ***-ин-, -ов-, -j-, -ан-*** никакого значения в слово не добавляют. Мы обязаны их отделить от морфем, ведь при членении на морфемы нужно получить наименьшую значимую часть. Сегменты ***-инец, -овец, -jец, -анец*** членятся совершенно отчётливо, получаются две части: суффикс ***-ец*** и расположенный перед ним компонент. Подобные компоненты есть и в прилагательных: чётко выделяется суффикс ***-ск-,*** а перед ним ***-ин-, -ов-, -j-, -ан-.***

Эти строительные элементы слова не имеют значения, а следовательно, не являются морфемами. В русском языке их называют термином интерфикс, реже — «пустые морфы», «вставки». Открыл их известный отечественный языковед Николай Сергеевич Трубецкой, который назвал их *с о е д и н и т е л ь н ы м и* морфемами.

Интерфиксы чаще всего соединяют основу и суффикс. Их используют для того, чтобы избежать скопления гласных: *пои-**л**-ец, суди-**л**-ище* или же скопления согласных: *дед-**ов**-ский, сестр-**ин**-ский, отц-**ов**-ский.* Кроме того, интерфиксы придают основе слова, оканчивающейся на гласный, обычный для русского языка вид с согласным на конце: *гаи-**ш**-ник, эмгеу-**ш**-ник, кино-**ш**-ник, домино-**ш**-ник.* Иногда по аналогии слово включает интерфикс, имеющийся в словах того же строения и значения: *колибри — колибри-**н**-ёнок*, сравните: *слон — слон-ёнок.*

РАЗНОХАРАКТЕРНЫЕ БЛИЗНЕЦЫ

Иногда под одной звуковой оболочкой прячутся похожие друг на друга, как близнецы, разные суффиксы и приставки. Кажется, что суффикс один, но на самом деле их несколько. Возьмём для примера существительные с суффиксом ***-ин-:***

I	II	III
*горош**ин**а*	*баран**ин**а*	*дом**ин**а*
*солом**ин**а*	*свин**ин**а*	*ветр**ин**а (ветер)*
*картофел**ин**а*	*лосос**ин**а*	*купч**ин**а*
*изюм**ин**а*	*осетр**ин**а*	*газет**ин**а*
*жемчуж**ин**а*		*поезд**ин**а*
		*волч**ин**а*

Можно ли сказать, что во всех этих словах один и тот же суффикс? Нет, конечно! В первой группе слова с суффиксом ***-ин-*** обозначают один предмет из ряда одинаковых, который собирательно называет слово без суффикса (ряд *горош**ин*** составляет кучу *гороха*, ряд *солом**ин*** — кучу *соломы).*

Во второй группе слов суффикс ***-ин-*** образует от названий животных слова, обозначающие мясо этих животных. Эта группа невелика, так как невелико число слов, от которых может быть образовано название мяса.

В словах третьей группы суффикс имеет увеличительное значение. Таких слов немного в современном языке: чаще используются другие увеличительные суффиксы, например ***-ищ-:*** *дом**ище**, ветр**ище**, волч**ище**...*

Суффиксу ***-ин-*** мешает его многозначность. Скажешь *слон**ин**а* (в значении 'большой слон'), а подумают, что ты говоришь о слоновьем мясе. Скажешь *стол**ин**а*, и самому не ясно, что обозначает это слово: 'один стол' или 'большой стол'.

Производит слова этот суффикс и с другими значениями (например, *выбо**ин**а, промо**ин**а, пробо**ин**а*). Ещё одна группа существительных с суффиксом ***-ин-:*** *велич**ин**а, глуб**ин**а, тиш**ин**а, шир**ин**а, толщ**ин**а, сед**ин**а*. Здесь наш суффикс образует существительные с отвлечённым значением. В этой группе в отличие от предыдущих он всегда безударный (ударение падает на окончание ***-а***).

Из всех суффиксов-братьев ***-ин-*** самый деятельный, активный, тот, который производит названия единичных предметов. Легко понять почему: у него нет конкурентов. В русском языке нет других суффиксов со значением единичности, а суффиксов со значением увеличительности и отвлечённости много (например, *смел**ость**, добр**от**а, крив**изн**а* и др.).

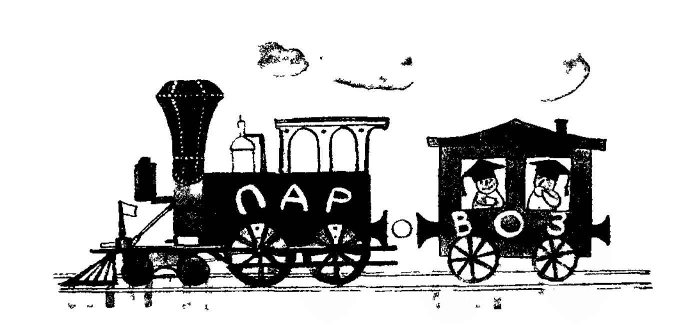
Есть близнецы и среди приставок. Особенно много их среди глагольных приставок: ***пере**ехать поле, **пе-рейти** речку, **пере**ползти дорогу, **пере**плыть озеро, **пе-ре**лететь океан; **пере**писать сочинение, **пере**шить платье, **пере**строить дом; **пере**солить суп, **пере**варить варенье; **пере**чинить бельё, **пере**читать книги, **пере-**бить посуду, **пере**портить всё, **пере**знакомить всех.* В этом длинном ряду приставка ***пере-*** выступает в четырёх значениях: 'через' (***пере**плыть озеро)*; 'ещё раз', 'заново' (***пере**шить платье);* 'чересчур' (***пере**солить суп)* и, наконец, 'охват действием всех предметов' (***пере**читать книги).*

Встречаются в нашем языке и корни-близнецы. В словах *при**вод**ить, про**вод**, у**вод**ить, про**вод**ка* (электрическая); ***вод**яной, **вод**ичка, на**вод**нение, под**вод**ный* два корня ***-вод-:*** один глагольный, связанный с действием ***водить***, второй — с существительным ***вода***. А в слово ***водопровод*** попали оба эти корня, каждый со своим значением.

Другая важная роль интерфиксов — соединение основ в сложных словах: *пар-**о**-воз, дым-**о**-ход, пар-**о**-ход, сен-**о**-кос, зме-**е**-ед*. В школе обычно такие интерфиксы называют соединительными гласными. Морфемы можно сравнить с кирпичами, из которых строится слово, а интерфиксы — с цементом, который скрепляет кирпичи.

Вот ещё несколько типичных слов с интерфиксами: *убеж-ище*, но *суди-**л**-ище; твор-ец*, но *пе-**в**-ец; весёл-ость*, но *будущ-**н**-ость; лес-**н**-ой*, но *кофе-**j**-н-ый.*

Во многих учебниках интерфиксы как особый элемент слова не выделяют. В результате приходится говорить о многочисленных вариантах суффиксов: наряду с ***-ец*** появляются ***-вец, -овец, -нец, -лец, -инец, -анец.*** Но если что-то меняется в составе морфемы — значимой части слова, — должно измениться и её значение. А в данном случае прибавление частей ***-в, -ов, -н, -ан*** ничего в значении не меняет. Поэтому включать интерфиксы в состав суффиксов неправильно. Интерфиксы — не морфемы и даже не части морфем.



КАК СТРОЯТСЯ СЛОВА

Корень — обязательная, необходимая часть слова Слов без корней не бывает С них и начинается строительство слов, для которого в русском языке есть пять основных способов

Префиксация (*приставочный* способ) — самый простой и легкий способ словообразования Приставки присоединяются к готовому слову При этом почти всегда получается слово той же части речи, что и исходное слово *бежать* — ***при****-бежать, ходить* — ***при****-ходить, лететь* — ***при****-лететь, носить* — ***при****-носить* (глаголы), *противно* — ***пре****-противно, любезно* — ***пре****-любезно, глупо* — ***пре****-глупо* (наречия)

Значение слова при этом не меняется коренным образом, к нему лишь добавляется некоторый оттенок Так, глаголы с приставками ***у****-бежать,* ***при****-бежать,* ***от****-бежать,* ***под****-бежать* обозначают то же действие, что и глагол *бежать* Приставка только дополнительно указывает на направление движения Прилагательные ***пре****-противный* и ***пре****-забавный* называют тот же признак, что и слова без приставок, но с оттенком большой степени его проявления

РАБОТЯГИ И БЕЗДЕЛЬНИКИ

Не все суффиксы и приставки, имеющиеся в языке, используются говорящими в качестве «стройматериалов» «Деятельные» словообразовательные морфемы, участвующие в образовании новых слов, называют *продуктивными*, а «бездеятельные», которые в образовании новых слов уже не участвуют, хотя имеют определенное значение и выделяются из состава слова — *непродуктивными.*

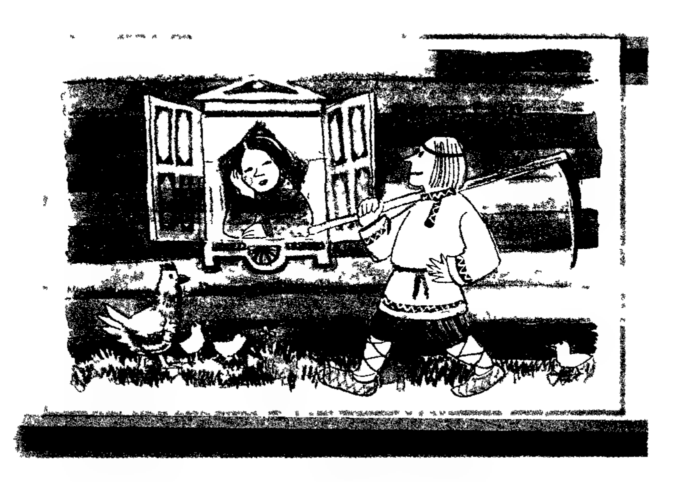
Примером «деятельных» морфем в современном языке могут быть суффиксы существительных ***-ник-*** *(бюджет — бюджет****ник****, льгота — льгот****ник****),* ***-щик-*** *(атом — атом****щик****, компьютер — компьютер****щик****),* приставки прилагательных ***сверх-*** *(****сверх****скоростной,* ***сверх****легкий,* ***сверх****срочный),* ***без-*** *(****бес****конфликтный,* ***без****аварийный,* ***без****убыточный,* ***бес****солевой),* суффикс прилагательных ***-н-*** *(вертолет****н****ый, ракет****н****ый, телевизор****н****ый, компьютер****н****ый)*

«Бездеятельный» суффикс ***-ич*** встречается в названиях лиц по месту жительства Он выделяется из состава слов: *москв****ич****, костром****ич****, псков****ич****, вят****ич*** (от Вятка), *том****ич*** (от Томск), *ом****ич*** (от Омск), но в образовании новых названий этого рода не участвует.

Среди многочисленных суффиксов, которые обозначают лица по географическому названию, особенно продуктивен суффикс ***-ец.*** Он образует названия жителей многих городов. *муром****ец****, воронеж****ец****, орлов****ец****, астрахан****ец****, екатеринбурж****ец****, петербурж****ец****, ярослав****ец****.* Даже в тех случаях, когда есть старое слово с другим суффиксом, нередко вмешивается этот суффикс и производит новое название Так создаются пары *устюжанин* и *устюж****ец****, пражанин* и *праж****ец****.* Суффикс ***-ец*** не боится и таких необычных для русского языка названий городов, как Тбилиси *(тбилис****ец****)*, Батуми *(батум****ец****)* Суффиксы ***-ич, -ит, -як*** держатся в отдельных словах *(одесс****ит****, перм****як****, ту****ляк****)* иногда очень упорно (попробуйте заменить суффикс ***-ич*** на ***-ец*** в слове *москвич!*), но они уже стали бездеятельными.

Непродуктивными бывают и приставки. Таковы, например, в современном языке приставки старославянского происхождения ***воз-(вос-)*** и ***низ-(нис-).*** Первая обозначает направление действия вверх: ***воз****носить,* ***воз****водить,* ***вос****ходить* (на гору) и начало действия: ***воз****любить,* ***вос****пылать,* ***воз****радоваться,* ***воз****греметь;* вторая — направление действия вниз: ***низ****вести,* ***низ****ринуться,* ***нис****ходить,* ***нис****падать,* ***нис****посылать.* Даже из немногих примеров видно, что эти приставки встречаются в словах, имеющих налет торжественности, «высокого» стиля. Многие из них устарели.

В русской классической литературе XIX в. слова с приставками ***низ-*** и ***воз-*** были более распространены, чем в современном языке. Сейчас общеупотребительны (без налета торжественности) всего несколько слов с этими приставками: ***низ****вержение* (тирана), ***вос****ход* (солнца), ***вос****хождение* (термин альпинистов). Новые слова с приставками ***воз-*** и ***низ-*** не образуются. Значения, свойственные этим приставкам, легко и свободно передаются активным, «деятельным» приставкам. ***вз-*** (движение вверх: ***вз****лететь,* ***вз****бежать,* ***вз****громоздиться);* ***с-*** (движение вниз: ***с****бежать* с горы, ***с****лезть,* ***с****ходить* с лестницы); ***за-*** и ***по-*** (начало действия: ***за****греметь,* ***за****пылать,* ***за****шуметь,* ***за****плакать;* ***по****любить,* ***по****лететь,* ***по****бежать).*



Приставочным способом образуются чаще всего глаголы, прилагательные и наречия. Эти части речи обозначают действия (глаголы) и признаки (прилагательные и наречия), для них особенно важно определить направление действия, его время, меру или степень признака.

Суффиксация. Самый частый способ образования новых слов в русском языке — присоединение суффикса: *стол — стол-**ик**, сын — сын-**ок**, студент — студент-**к**-а, лун-а — лун-**ник**, бел-ый — бел-**изн**-а, приклеива-ть — при-кле-и-ва-**ни-j**-е, лимон — лимон-**н**-ый, чёрный — чёрн-**еньк**-ий, бел-ый — бел-**оват**-ый.* *Суффиксальный* способ более сложный. Им образуются и слова той же части речи, к которой относится исходное слово: *студент — студент-**к**-а, чёрный — чёрн-**еньк**-ий,* и слова иной части речи: *лимон — лимон-**н**-ый, приклеивать — при-кле-и-ва-**ни-j**-е, белый — бел-**изн**-а.* В одних случаях производное слово отличается от исходного только оттенком значения: *стол**ик**, бел**оватый**, чёрн**еньк**ий,* в других случаях называет нечто совсем иное, чем исходное слово: *школа — школь**ник**, гимназия — гимназ**ист**.*

Суффикс прибавляется не к готовому слову, как приставка, а к корню или основе: *вод-а — вод-**ян**-ой, приклеива-ть — приклеива-**ни-j**-е, чёрн-ый — черн-**от**-а, писа-ть — писа-**тель**.*

Можно ли догадаться, какую часть речи образуют суффиксы ***-ун, -ниц-, -ость?*** Несомненно, имена существительные: суффикс ***-ун*** — мужского рода 2-го склонения *(горб-**ун**, прыг-**ун**, бег-**ун**)*, суффикс ***-ниц-*** — женского рода 1-го склонения *(сахар-**ниц**-а)*, суффикс ***-ость*** — женского рода 3-го склонения *(глуп-**ость**, стар-**ость**, весёл-**ость**)*. Точно так же и глагольные суффиксы образуют глаголы, получающие определённые грамматические свойства. Суффикс ***-ыва-(-ива-)*** образует глаголы только несовершенного вида *(подпрыг-**ива**-ть, перешаг-**ива**-ть, размах-**ива**-ть, набрас-**ыва**-ть)*, суффикс ***-е-*** образует от имён прилагательных глаголы только непереходные *(бел-**е**-ть, син-**е**-ть, стар-**е**-ть, молод-**е**-ть)*, а суффикс ***-и-*** — переходные *(бел-**и**-ть, син-**и**-ть, молод-**и**-ть)*. Сравните: *Вдали **белеет** снег* и *Пора **белить** потолок; Он **молодеет** с каждым годом* и *Это платье бабушку **молодит**.*

В русском языке нет суффиксов, общих для слов разных частей речи: ***-ну-*** — суффикс только глагольный *(крик-**ну**-ть, шаг-**ну**-ть)*; ***-оват-*** — суффикс только прилагательных *(бел-**оват**-ый, черн-**оват**-ый, красн-**оват**-ый, глуп-**оват**-ый)*, ***-от-*** — суффикс только существительных *(глух-**от**-а, слеп-**от**-а, нем-**от**-а, добр-**от**-а)*.

Иное дело приставки. Они могут присоединяться к словам различных частей речи:

***раз-: раз**-весёлый, **раз**-удалый; **рас**-прекрасно; **рас**-красавица; **раз**-огорчить;*

***со-: со**-автор, **со**-гражданин, **со**-брат, **со**-редактор; **со**-переживать, **со**-пиршествовать;*

***архи-: архи**-нелепый, **архи**-глупый; **архи**-плут, **архи**-бездельник, **архи**-миллионщик.* В романе «Подросток» Ф. М. Достоевского эта приставка встречается даже при глаголе: «*Я соврал, **архи**соврал*».

Приставки начинают слова, это им даёт известную независимость, автономность в составе слова. Суффиксы такой свободы не имеют, потому что они неразрывно спаяны со словами той или иной части речи, имеющими определённые грамматические свойства.

Комбинированный *(приставочно-суффиксальный)* — третий способ построения

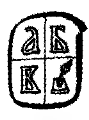
МНОГОБРАЗНАЯ РАБОТА СУФФИКСОВ

Суффиксы имён существительных самые многочисленные и разнообразные. Они классифицируют предметы действительности, как бы деля мир на клеточки: здесь названия людей по профессиям, здесь — по действию, здесь — по месту жительства; это — названия детёнышей, а это — названия ягод.

Особый случай — образование имён существительных, заменяющих сложные названия из нескольких слов. Так работает суффикс ***-ник**: заоч**ник*** — студент заочного отделения, *дошколь**ник*** — ребёнок дошкольного возраста, *десятиклас**сник*** — ученик десятого класса. Ещё более активно «сокращает» целые выражения суффикс ***-к-**: многотираж**к**а* — многотиражная газета, *узкоколей**к**а* — узкоколейная дорога, *подзем**к**а* — подземная дорога, *электрич**к**а* — электрический поезд, *взрывчат**к**а* — взрывчатое вещество.

Названия многих московских улиц образованы этим способом: *Знаменка, Воздвиженка, Остоженка, Пугачёвка, Преображенка.*

Новые слова, возникшие из целых выражений, есть и в других славянских языках, например, широко они распространены в чешском. В русском языке большинство подобных слов употребляют только в разговорной речи: *Третьяков**к**а* — Третьяковская галерея, *«Литератур**к**а»* — «Литературная газета», *«Комсомол**к**а»* — «Комсомольская правда», *Мариин**к**а* — Мариинский театр, *Салтыков**к**а* — Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, *зачёт**к**а* — зачётная книжка, *читал**к**а* — читальный зал, *ман**к**а* — манная крупа.



ПОВАРЕННАЯ СОЛЬ

Объясните, от какого слова и каким способом было образовано слово *поваренный*, выступающее в выражении *поваренная соль*. Подтвердите своё объяснение примерами производных слов, которые образованы от исходных слов тем же способом и приблизительно так же соотносятся с ними по смыслу.

новых слов; приставка и суффикс присоединяются одновременно. Этим способом образуются глаголы: *гулять* — ***на**-гулять-**ся**, слушать* — ***за**-слушать-**ся**, писать* — ***ис**-писать-**ся**, звонить* — ***до**-звонить-**ся**;* существительные: ***на** столе* — ***на**-столь-**н**-ый*, ***под** водой* — ***под**-вод-**н**-ый*, ***за** Кавказом* — ***За**-кавказ-**j**-е*, ***без** дорог* — ***без**-дорож-**j**-е;* прилагательные: ***под** кожей* — ***под**-кож-**н**-ый*, ***после** обеда* — ***после**-обед-**енн**-ый*, ***до** войны* — ***до**-воен-**н**-ый;* наречия: *честный* — ***по**-честн-**ому**, братский* — ***по**-братск-**и**, накладывать* — ***в**-накладк-**у**.*

* * *

Словосложение — четвёртый способ создания слов. Два (или более) корня складываются вместе, соединяясь интерфиксом ***-о-*** или ***-е-***: *тёмн-**о**-серый, железн-**о**-дорожный, птиц-**е**-лов, кон-**е**-вод.*

Сложносокращённый способ — самый молодой способ словообразования; он развился в XX в. Соединяются несколько слов, но не целиком, а частями, в сокращении. Образованное таким путём слово называют *а б б р е в и а т у р о й.*

Слово может составляться из начальных частей нескольких слов: ***сов**ет **без**опасности* — *совбез,* ***зав**едующий **лаб**ораторией* — *завлаб;* из начальной части первого слова и целого слова: ***сбер**егательная **книжка*** — *сберкнижка,* ***зам**еститель **директора*** — *замдиректора,* ***хоз**яйственный **расчёт*** — *хозрасчёт;* из названий начальных букв каждого слова: ***М**осковский **г**осударственный **у**ниверситет* — *МГУ;* из начальных звуков каждого слова: ***О**рганизация **О**бъединённых **Н**аций* — *ООН,* ***Г**осударственная **а**вто**и**нспекция* — *ГАИ;* из начальных звуков ряда первых слов и начальной части последнего слова: ***И**нститут **м**ировой **ли**тературы* — *ИМЛИ.*

Этот способ породил огромное число слов после Октября 1917 г. Понятно, почему: было необходимо создать много новых названий для явлений советской действительности. В период перестройки и постперестройки также возникло немало сложносокращённых слов: *РФ* — ***Р**оссийская **Ф**едерация, СБ* — ***С**овет **Б**езопасности, СНГ* — ***С**одружество **Н**езависимых **Г**осударств* и т. д.

Подобные слова удобны своей краткостью, но плохи тем, что часто бывают непонятны. В стихотворении «Прозаседавшиеся» В. Маяковский высмеивал увлечение аббревиатурами:

«Пришёл товарищ Иван Ваныч?» —
«На заседании
А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома».

ЛИЛОВАТЫЙ И БЛИЗОРУКИЙ

Даны слова: *краснота, чернота, лиловатый, розоватый, лермонтовед, шолоховед, минералогия, география, тарификация.*

Эти слова можно разделить на две группы: (1) слова, образованные простым соединением значащих частей, и (2) слова, у которых соединение значащих частей сопровождалось некоторым дополнительным преобразованием (одним и тем же для всех слов этой группы).

Постарайтесь догадаться, в чём заключалось это дополнительное преобразование, и перечислите все слова, входящие в группу (2).

* * *

Есть ли в русском языке слова с утроенными согласными, т. е. такие, в которых три одинаковые согласные пишутся подряд? Если есть, приведите пример. Если нет, докажите, что таких слов в русском языке быть не может.

* * *

Подумайте, как образовано слово *близорук.* Что оно означает, ясно: ‘хорошо видящий на близком расстоянии и плохо — на дальнем’. Но при чём здесь рука, если речь идёт о зрении?

ПОВАРЕННАЯ СОЛЬ

Рассмотрим гипотезу *варить — **по**варить — повар**ен-ный***. Значение приставки ***по-*** в ***по**варить* такое же, как в глаголах ***по**носить* (пиджак), ***по**рисовать, **по**играть* 'совершать действие так, чтобы его длительность осталась недостаточной для полной завершённости' (сравните: *сварить, износить, нарисовать, сыграть*). Но тогда получится, что *поваренная соль* — это 'соль, которую недолго поварили', что отнюдь не соответствует фактическому значению этого словосочетания, а именно: 'соль, которую можно употреблять для приготовления пищи'.

Теперь предположим, что слово *поваренный* является не причастием, а прилагательным и образовано от существительного подобно словам *песенный* (от *песня*), *башен**ный*** (от *башня*), *кухон**ный*** (от *кухня*) и т. п., в которых суффикс ***-н-*** присоединяется к основе, оканчивающейся на суффикс ***-ен-(-он-)*** с беглым ***-е-*** (или ***-о-***). Получается цепочка *повар — повар**ня** — повар**енный*** (сравните: *конюх — конюш**ня** — конюш**енный***). Тогда *поваренная соль* — 'соль, имеющая отношения к поварне (кухне)', 'кухонная соль', что вполне соответствует действительному значению этого словосочетания.

В современном русском языке слово *поваренный* не является производным, так как исчезло слово *поварня*.

КАК УСТРОЕНА СИСТЕМА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Язык — сложная система, которая состоит из отдельных систем (их иногда называют подсистемами). Словообразование — одна из них. Эта система состоит из множества единиц, определённым образом связанных друг с другом. Самая простая единица — морфема. Самая важная — производное слово. Ведь именно ради производных слов существует словообразование. Затем идут словообразовательная пара и словообразовательный квадрат. Обо всех этих единицах мы рассказали выше. Теперь рассмотрим более сложные единицы.

* * *

Можно образовывать слова последовательно одно от другого: *учи-ть — учи-**тель** — учитель-**ниц**-а; готов-ый — готов-**и**-ть — **за**-готовить — заготов-**щик**.* Получаются цепи слов. Эти *словообразовательные цепи* показывают, что производные слова сами могут быть производящими для других слов. В начале цепи — непроизводное слово. Каждое слово в цепи служит производящим, базовым для следующего члена цепи (своего правого соседа).

Все слова в цепи — родственники, имеют общий корень. Это напоминает отношения в семье. Дети связаны непосредственно («образованы от») лишь с родителями, хотя дедушки и бабушки, а также прадедушки и прабабушки тоже их родственники.

Подобно ступеням родства, есть *ступени словообразования.* Непроизводное слово находится на нулевой ступени, далее следуют слова первой, второй, третьей и т. д. ступеней словообразования:

0	*учи(ть)*	*Москв-а*	*готовый*
1	*учи-**тель***	*москв-**ич***	*готов-**и**-(ть)*
2	*учитель-**ниц**-а*	*москвич-**к**-а*	***за**-готови-**ть***
3			*заготови-**тель***
4			*заготовитель-**ниц**-а*

В русском языке словообразовательные цепи обычно включают два-три члена, реже больше.

Слова одной и той же части речи, образованные с помощью одного и того же словообразовательного средства и находящиеся в одинаковых смысловых отношениях с базовыми словами, образуют *словообразовательный тип: бел-**оват**-ый : белый = красн-**оват**-ый : красный = черн-**оват**-ый : чёрный...*

Попробуем распределить группу слов по словообразовательным типам: *артистка, головка, ложка, мышка, развеска, шведка, переписка, румынка, собачка, москвичка, птичка, перепечатка, юбка.* Сначала проверим: все ли слова в этом списке производные? Нет ли «самозванцев»? Есть: *юбка* и *ложка.* Это слова непроизводные. Ведь в современном русском языке нет слов *юба* и *лога.* Все остальные слова действительно производные, образованы с помощью суффикса ***-к.***

Словообразовательных значений здесь три: 'женщина' (*артист**ка**, швед**ка**, румын**ка**, москвич**ка***), 'маленький размер' (*голов**ка**, мыш**ка**, собач**ка**, птич**ка***), 'действие' (*развес**ка**, перепис**ка**, перепечат**ка***). Соответственно и словообразовательных типов три.

Словообразовательный тип — очень важное понятие для словообразования. Он служит образцом для производства слов в языке.

Каждое слово имеет определённый набор производных слов, которые от него могут быть образованы. Например, от названий животных образуются названия детёнышей и самок:

Базовое слово	Самка	Детёныш
волк	*волч**ица***	*волч**онок***
тигр	*тигр**ица***	*тигр**ёнок***
лев	*льв**ица***	*льв**ёнок***
медведь	*медвед**ица***	*медвеж**онок***

Правда, похоже на склонение или спряжение? И называется такая совокупность слов тоже парадигмой, только словообразовательной.

В одну *словообразовательную парадигму* могут входить слова разных частей речи и слова с разными суффиксами (сравните: *волчий, медвежий,* но *тигриный, львиный*). Это главное различие между парадигмами словообразования и морфологии. Кроме того, образцы склонения и спряжения более регулярны, единообразны, а словообразовательные парадигмы более индивидуальны, «капризны». Ведь они включают не формы слов, а самостоятельные, отдельные слова. А новые слова образуются по законам словообразования, которые менее строги, чем законы морфологии. Можно сказать, что каждое слово — личность и имеет свой характер, свою семью производных слов, своё окружение. Наиболее похожи на человеческие семьи словообразовательные парадигмы животных. Действительно, тигр, тигрица, тигрёнок — это семья.

В морфологии имеется несколько образцов склонения и спряжения. И в словообразовании слова разных частей речи имеют разные парадигмы. Играет роль не только часть речи базового слова, но и его значение. Рассмотрим для примера словообразовательные парадигмы двух групп слов: имён существительных — названий животных и имён прилагательных со значением цвета.

Ф. И. О

Даны русские личные имена и образованные от них фамилии и женские отчества:

Илья — Ильин — Ильинична;
Иона — Ионов — Ионовна;
Кирилл — Кириллов — Кирилловна;
Кузьма — Кузьмин — Кузьминична;
Леонид — Леонидов — Леонидовна;
Лука — Лукин — Лукинична;
Никита — Никитин — Никитична;
Роман — Романов — Романовна;
Савва — Саввин — Саввична;
Фёдор — Фёдоров — Фёдоровна;
Фока — Фокин — Фокична;
Фома — Фомин — Фоминична.

От одного из имён фамилия и отчество образованы неправильно, хотя и считаются нормативными.

1. Найдите это имя.

2. Какие правила образования русских фамилий и женских отчеств вы можете сформулировать на материале задачи?

ЛИЛОВАТЫЙ И БЛИЗОРУКИЙ

Прилагательные *лил**оват**ый* и *роз**оват**ый* образованы соответственно от прилагательных *лиловый* и *розовый* с помощью суффикса ***-оват-***, как и многие другие (сравните: *красный — крас**оват**ый, серый — сер**оват**ый*). При простом соединении производящей основы и суффикса получилось бы: **лилововатый* и **розововатый* (звёздочка здесь означает, что слово неправильное). Существительные *лермонтовед, шолоховед, минералогия* и *тарификация* по общему правилу должны были бы иметь вид: **лермонтововед, *шолохововед, *минералология, *тарифификация* (сравните: *пушкиновед, вулканология, газификация* и др.). У этих слов при соединении значащих частей оказываются рядом две сходные последовательности звуков, одна из которых выпадает. Этому процессу не препятствует то, что гласные могут быть не вполне тождественны: например, в слове **минералоло́гия* только второй из двух слогов ***-ло-*** ударный. Представленное в задаче явление называется *гаплологией* (от *греч.* «haplóos» — «простой» и «lógos» — «слово», «учение»), или же *наложением морфем*.

* * *

В русском языке нет слов с утроенными согласными. Если при образовании слова оказываются подряд три одинаковые согласные на стыке морфем, одна из них обязательно выпадает. Например:

*рас + **с**сориться → ра**сс**ориться;*
*коло**нн**(а) + **н**ый → коло**нн**ый;*
*ва**нн**(а) + **н**ая → ва**нн**ая* (комната);
*Оде**сс**(а) + **с**кий → оде**сс**кий.*

Это частный случай гаплологии.

* * *

Первоначальная форма слова *близорук* имела другой, более «прозрачный» вид: *близозорок* (сравните: *дальнозорок*). Затем один из одинаковых слогов выпал (опять гаплология!), а последний гласный ***о*** заменился на ***у***, видимо, всё-таки под влиянием слова *рука*.

Обратимся к таблице «Словообразовательная парадигма существительных — названий животных». В круглых скобках помещены потенциальные слова, которых нет в языке, но они легко могут быть образованы. В квадратных скобках помещены *супплетивные образования* (от *позднелат.* suppletivus — «дополняющий»), т. е. слова другого корня, служащие для выражения данного словообразовательного значения.

Из таблицы видно, что названия животных рождают слова, связанные в реальной жизни с животными: обозначения размера (большой или маленький: *коров**ища**, коров**ка***), оценки (ласкательной или уничижительной: *коров**ушка**, соба**ченция***), названия самок и детёнышей, названия мяса животного, названия человека, связанного с животным (служитель, охотник на животное, любитель животного — *кош**атник**, соба**чник***), и, наконец, названия помещений для животного (*коров**ник**, телят**ник**, обезьян**ник** в зоопарке*). Имя существительное — самая большая зона производных слов.

В зоне прилагательных — слова, обозначающие признаки животных (*вол**чий** хвост, коров**ье** молоко, обезьянь**и** ужимки*). А самая маленькая, хотя и самая любопытная, зона — глагол. В ней находим глаголы двух значений. Первое — производить на свет: *щен**иться** (собака щен**ит**ся), тел**иться** (корова тел**ит**ся)*. В этих глаголах используются корни названий детёнышей

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ — НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ

Часть речи производного	**Словообразовательное значение**	**Исходное существительное**				
		волк	*собака*	*баран*	*корова*	*обезьяна*
Существительное	уменьшительность	— — *волч-**ок*** —	*собач-**к**-а* — — —	— — *бараш-**ек*** *баран-**чик***	*коров-**к**-а* — — —	*обезьян-**к**-а* — — —
	увеличительность	*волч-**ищ**-е* *волч-**ин**-а*	*собач-**ищ**-а* *собач-**ин**-а*	*баран-**ищ**-е* —	*коров-**ищ**-а* *(коров-**ин**-а)*	*обезьян-**ищ**-а* -
	оценочность	— *волч-**ишк**-а* — —	*(собач-**ушк**-а)* *(собач-**ишк**-а)* *собач-**онк**-а* *собач-**енциј**-а*	— *(баран-**ишк**-а)* — —	*коров-**ушк**-а* *(коров-**ишк**-а)* *коров-**ёнк**-а* *(коров-**енциј**-а)*	*(обезьячн-**ушк**-а)* *(обезьян-**ишк**-а)* — —
	самец/самка	*волч-**их**-а* *волч-а*	*[кобель/сука]*	*[овца]*	*[бык]*	—
	детёныш	*волч-**онок*** *волч-**оныш***	*[щенок]* *(собач-**оныш**)*	*[ягнёнок]*	*[телёнок]*	— *обезь-**ян-ыш***
	мясо животного	*(волч-**ин**-а)* *волч-**атин**-а*	*(соба́ч-**ин**-а)* *собач-**атин**-а*	*баран-**ин**-а*	*[говядина]*	*(обезьян-**ин**-а)*
	лицо, связанное с животным	— *волч-**атник***	*собач-**ник*** *собач-**атник***	— —	*коров-**ник*** —	— —
	помещение для животного	— *волч-**атник***	*собач-**ник*** *собач-**атник***	*[овчарня]* —	*коров-**ник*** —	*обезьян-**ник*** —
Прилагательное	принадлежащий, свойственный животному	*волк-**ов*** *волч-**ий*** *волч-**ин**-ый*	*собак-**ин*** *собач-**ий*** —	*баран-**ов*** *баран-**ий*** —	*коров-**ин*** *коров-**ий*** —	*(обезьян-**ин**)* *обезьян-**ий*** —
Глагол	производить на свет	—	*[щен-**ить**-ся]*	*[ягн-**ить**-ся]*	*[тел-**ить**-ся]*	—
	вести себя как...	—	*собач-**ить**-ся*	—	—	*обезьян-**ничать***

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЦВЕТА

Часть речи производного	Словообразовательное значение	Исходные прилагательные			
		красный	*синий*	*белый*	*жёлтый*
Прилагательное	Степени признака: оценочность слабая сильная	*крас-**еньк**-ий* *крас-**оват**-ый* *крас-**ущ**-ий*	*син-**еньк**-ий* *син-**еват**-ый* *син-**ющ**-ий*	*бел-**еньк**-ий* *бел-**оват**-ый* *(бел-**ющ**-ий)*	*жёлт-**еньк**-ий* *желт-**оват**-ый* *(желт-**ущ**-ий)*
Существительное	Отвлечённый признак	*крас-**от**-а* — — —	– *син-**ев**-а* *синь*	— — *бел-**изн**-а* —	— — *желт-**изн**-а* *(желть)*
	Название носителя признака	— — — *крас-**ух**-а* *крас-**ушк**-а* — — —	*син-**як*** — — *син-**юх**-а* *син-**юшк**-а* – — *синь-**к**-а*	*бел-**як*** *бел-**ил**-а* *бел-**ок*** *бел-**ух**-а* — *бел-**янк**-а* *бельё* —	*желт-**як*** — *желт-**ок*** *желт-**ух**-а* — — — —
Глагол	Становиться/ обнаруживать признак	*крас-**еть***	*син-**еть***	*бел-**еть***	*желт-**еть***
	Делать каким	*крас-**ить***	*син-**ить***	*бел-**ить***	*желт-**ить***
Наречие	Признак	*крас-**о***	*син-**е***	*бел-**о***	*(желт-**о**)*

*(щен**ок**, телён**ок**)*. Второе — вести себя, как данное животное в переносном смысле: *обезьян**ничать*** 'передразнивать', *попугай**ничать*** 'повторять за кем-либо', *собач**иться*** 'огрызаться'.

В словообразовательной парадигме прилагательных (названий цвета) встречаем совсем другой набор производных. Это слова, обозначающие степени признака *(бел**оват**ый, крас**новат**ый; син**ющ**ий, красн**ущ**ий)*, оценку *(бе**леньк**ий, син**еньк**ий)*. Большое количество слов обозначает отвлечённый признак *(красн**ота**, бел**изна**, син**ева**)*. Обратите внимание, что эти слова произведены с помощью разных суффиксов ***-от-**, **-изн**, **-ев-***. А словообразовательное значение у этих слов одинаковое: отвлечённый признак.

В зоне глагола нет ничего особенно интересного. Имеются две группы глаголов: с суффиксом ***-и-*** 'делать каким' *(син**ить**, бел**ить**, черн**ить**)*; с суффиксом ***-е-*** 'обнаруживать какой-либо цвет' (*бел**еть**, син**еть**, черн**еть***; вспомните строки М. Лермонтова «***Белеет** парус одинокий...*»).

В отличие от названий животных названия цвета производят наречия. И это отвечает закономерностям языка: «родителями» наречий всегда бывают качественные прилагательные. Зоны глагола и наречия наиболее регулярные, единообразные. Они больше всего напоминают морфологическую парадигму. Наиболее далека от такой парадигмы зона конкретных существительных. Здесь мы видим самое большое разнообразие используемых суффиксов (не менее шести) и лексических значений производных слов. Тут и названия болезней *(желт**уха**, красн**уха**)*, грибов *(черн**ушка**, красн**ушка**)*, животных *(бе**ляк**, бел**уха**)*, частей яйца *(бел**ок**, желт**ок**)*, краски *(бел**ила**, синь**ка**)* и т. п.

Итак, мы увидели, сколь различны словообразовательные парадигмы у слов разных частей речи и разного значения.

Самая сложная единица словообразования — *с л о в о о б р а з о в а т е л ь н о е   г н е з д о*, т. е. объединение всех производных слов одного корня.

ПОХОЖ ЛИ ЩЕНОК НА ТИГРЁНКА?

Словообразование имеет много строгих законов, которые даже напоминают математику (вспомните словообразовательный квадрат и словообразовательные пропорции). Но это не всегда так. Названия взрослых животных и их детёнышей образуют закономерные ряды одинаковым образом построенных слов: *тигр : тигрёнок = волк : волчонок = лев : львёнок = орёл : орлёнок...* Здесь, однако, начинается «но». Почему детёныш собаки называется *щенок;* детёныш коровы — *телёнок;* детёныш свиньи — *поросёнок.*

Эти слова не входят в пропорции, они — беззаконники. Но не во всём. По значению они так же относятся к названиям взрослых животных, как слова *тигрёнок, волчонок* и др. Некоторые из них имеют тот же суффикс, что и «законопослушные» детёныши (*тел-ёнок, порос-ёнок*). Таким образом, слова типа *поросёнок, телёнок, щенок* лишь отчасти не подчиняются законам словообразования. Их можно сравнить с явлениями морфологии. Какова форма множественного числа от слова *человек? Люди.* А сравнительной степени от *хорошо? Лучше.* От *плохо? Хуже.* Значение то же, что у обычных, нормальных словоформ, а образованы они от другого корня. Такие словоформы в морфологии называют *супплетивными.*

По аналогии с морфологией и в словообразовании слова, производные по смыслу, называют *супплетивным словообразованием.* Можно составить такие пропорции: *волк : волчонок = = тигр : тигрёнок = собака : щенок = корова : телёнок = свинья : поросёнок.*

Так похож ли *щенок* на *тигрёнка?* Конечно, похож, хотя и не совсем. Как двоюродный, а не как родной брат.

Вот ещё две любопытные вещи. Все супплетивно образованные именования детёнышей — это названия домашних животных. И их родителей называют словами разных корней: *корова* и *бык, свинья* и *боров, сука* и *кобель,* а *собакой* называют это животное независимо от принадлежности к полу. Посмотрим на других домашних животных: *курица* и *петух, утка* и *селезень, овца* и *баран, кобыла* и *жеребец* (общее — *лошадь*).

А диких животных называют строго по законам словообразования: *тигр — тигрица — тигрёнок, лев — львица — львёнок, медведь — медведица — медвежонок, орёл — орлица — орлёнок, волк — волчица — волчонок...*

В чем дело? Как объяснить это различие? Домашние животные более важны для человека, они ближе к нему, чем дикие. И он давал каждому из них свое особое, отдельное имя. Названия домашних животных — более древние. Названия диких животных получены по словообразовательному образцу, можно сказать, без особого внимания. Но и детёнышей домашних животных иногда называют словами, полученными по словообразовательному образцу.

Мальчик пяти лет говорит: *Посмотри, посмотри, какой собачонок бежит!* Иностранный студент, изучающий русский язык, рассказывает по картинке: *Здесь нарисована собака и её собачонок.* Писатели также нередко используют подобные слова как средство художественной выразительности. Например, Владимир Маяковский писал: «*Вырастет из сына свин, если сын свинёнок*».

Нужно выстроить однокоренные слова в пары, затем в парадигмы и цепи, и лишь тогда мы получим гнездо.

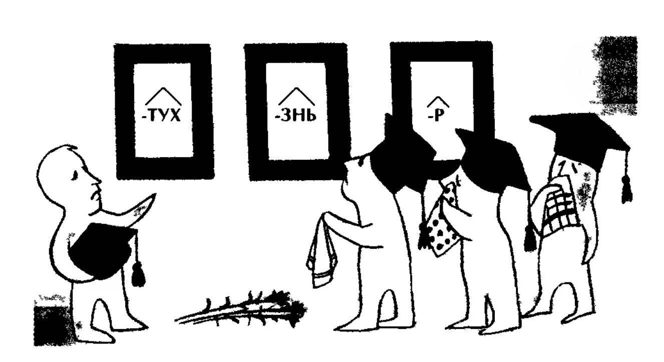
ЖИЗНЬ МОРФЕМ В ЯЗЫКЕ

Язык, как и все явления в природе и обществе, находится в постоянном развитии. Не остаются неизменными и «стройматериалы» слова — морфемы. Меняются их роли в составе слова, их звуковой облик. Одни суффиксы и приставки уходят из языка, другие в нём появляются.

Языковеды говорят: мёртвый суффикс, мёртвая приставка. Конечно, это образное выражение, метафора. Мёртвыми называют суффиксы и приставки, с помощью которых уже не образуются новые слова и которые мы не ощущаем как составные части слова. К мёртвым, например, относятся суффиксы ***-тух*** в слове *петух* ('тот, кто поёт', сравните: *петь*), ***-знь*** в слове *жизнь* (сравните: *жить*), ***-р*** в словах *пир* (сравните: *пить*), ***дар-*** (сравните: *дать*).

Мёртвые суффиксы и приставки сохраняются обычно всего только в нескольких словах. Приставка ***па-*** встречается в словах *пасынок* и *падчерица.* Если у первого слова связь со словом *сын* в какой-то степени ещё осознаётся, то у второго слова связь со словом *дочь* ослаблена в результате звуковых изменений, происшедших в этом слове.

Почему умирают морфемы? Чаще всего это связано с изменением значения слова, которое обычно приводит к забвению его состава. Первоначальное значение слова как бы складывалось из значений его частей, а новое значение не связано со значением составляющих его частей, оно не вытекает из значения простого слова, от которого когда-то было образовано. Так, когда произносят слово *петух,* никто не думает о пении, не связывает название этой птицы с глаголом *петь.* Петух просто домашняя птица определённой породы, а не певчая птица, которая поёт. Ведь соловей или жаворонок поют гораздо лучше. В подобных словах сглаживаются, зарастают швы между морфемами.



Мертвыми называют суффиксы и приставки, с помощью которых уже не образуются новые слова

Утратив составное, мотивированное значение, слово утрачивает и составное строение и из производного делается простым. Этот процесс называется *опро́щением* слова. Состав простых слов постоянно пополняется за счёт производных, утративших смысловую связь с простыми, от которых они были когда-то образованы. Вряд ли кто-нибудь из наших современников непосредственно, без специального анализа, осознаёт связь между словами *стрелять* и *стрела*. В XX в стреляют не стрелами, а из пушек, винтовок и другого сложного оружия. Глагол *стрелять* перестал осознаваться как слово, производное от существительного *стрела*.

Но не все суффиксы и приставки в опро́щенных словах мертвы. Мёртвыми называются только те из них, которые нельзя выделить из состава ни одного слова и значение которых в языке неясно. Приставки ***на-***, ***за-*** перестали осознаваться в глаголах ***на****ходить,* ***за****быть*, но живы в сотнях других глаголов (***на****лететь,* ***на****бежать,* ***на****толкнуть;* ***за****петь,* ***за****кричать,* ***за****шуметь*).

Как проверить, является ли какое-либо слово производным? Замечательный лингвист Григорий Осипович Винокур (1896—1947) установил, что слово является производным, если его значение может быть истолковано через значение однокоренного базового слова: *писательница* — 'женщина-писатель', *баранина* — 'мясо барана', *сахарница* — 'вместилище для сахара'. Если слово нельзя объяснить через значение более простого по составу однокоренного слова, значит, оно утратило свою производность. Так порвалась связь между словами *кружево* и *кружить, голубь* и *голубой, ходить* и *находить, быть* и *забыть, красивый, красота* и *красный* (первоначальное значение слова *красный* 'хороший, красивый' сохранилось в выражениях ***красное*** *солнышко,* ***красная*** *девица*). Слова *кружево, голубь, находить, забыть, красный* утратили производность. Их значение не мотивировано значением простых слов, не складывается из суммы значений составляющих их частей.

Слова *дар, пир* так же не воспринимаются теперь как отглагольные существительные, не связываются с глаголами *дать, пить*. В современном языке это простые слова, от которых образованы производные глаголы *пировать, дарить*.

Этот способ отличать производные с точки зрения современного языка слова от непроизводных так и назвали — *критерий Винокура*.

Ф. И. О

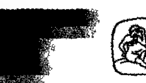
Как видно из условия, все представленные в задаче фамилии оканчиваются либо на ***-ов*** ***(Кириллов)***, либо на ***-ин*** ***(Кузьмин)***, а отчества — либо на ***-овна*** ***(Леонидовна)***, либо на ***-ична*** ***(Саввична)***, либо на ***-инична*** ***(Ильинична)***. Если фамилия оканчивается на ***-ов***, то соответствующее ей отчество всегда оканчивается на ***-овна*** и наоборот, а если фамилия оканчивается на ***-ин***, то отчество может оканчиваться как на ***-ична***, так и на ***-инична***.

Таким образом, необходимо установить, чем определяется выбор показателей ***-ов*** и ***-ин*** в фамилиях, а также ***-овна***, ***-ична*** или ***-инична*** в женских отчествах. Чтобы сделать это, представим весь имеющийся в задаче материал в виде таблицы:

Фамилии	на ***-ов***	на ***-ин***	
Женские отчества	на ***-овна***	на ***-ична***	на ***-инична***
Имена	*Иона* *Кирилл* *Леонид* *Роман* *Фёдор*	*Никита* *Савва* *Фока*	*Илья* *Кузьма* *Лука* *Фома*

Сразу бросается в глаза, что фамилии на ***-ов*** (и соответственно отчества на ***-овна***) образуются от имён 2-го склонения *(Роман, Фёдор)*, а фамилии на ***-ин*** и отчества на ***-ична*** и ***-инична*** — от 1-го склонения *(Никита, Кузьма)*. Единственное имя, нарушающее данную закономерность, — *Иона*; очевидно, это и есть исключение.

Значительно сложнее установить, от чего зависит выбор показателей ***-ична*** и ***-инична***; между именами, относящимися ко второму и третьему столбцам, нет никаких различий в склонении, не играет роли и конечная согласная корня (сравните: *Фока* и *Лука*). Остается единственное предположение: всё дело в ударении. Действительно, у имён *Ники́та, Са́вва, Фо́ка* оно падает на корень, а у имён *Илья́, Кузьма́, Лука́, Фома́* — на окончание, причем первые три имени образуют женские отчества с помощью показателя ***-ична***, а остальные четыре — с помощью ***-инична***; следовательно, это предположение полностью подтвердилось.

ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ 

Производные слова можно объяснить при помощи слов, от которых они образованы *(исходных слов)*, составляя с ними фразы, например: *писатель* — 'человек, который *пишет*'; *читальня* — 'место, где *читают*'; *возчик* — 'человек, который *возит*'; *стульчик* — 'маленький *стул*'. Часть объясняющей фразы, остающуюся, если отбросить исходное слово, называют *объясняющей конструкцией* для рассматриваемого слова. Слова *писатель, возчик* имеют одну и ту же объясняющую конструкцию: 'человек, который...'. Объясняющая конструкция для слова *читальня* — 'место, где...'; для слова *стульчик* — 'маленький...'.

Даны глаголы, образованные от существительных или прилагательных: *озорничать, глохнуть, голодать, лодырничать, пилить, звереть, свирепеть, нуждаться, хамить, горевать, каменеть, рыбачить, блаженствовать, бороновать, толстеть, бинтовать, столбенеть, сверлить.*

1. Разделите эти глаголы на группы так, чтобы:

а) в пределах каждой группы для всех глаголов подходила одна и та же объясняющая конструкция;

б) объясняющая конструкция одной группы не годилась бы ни для какой другой группы.

Приведите для каждой группы объясняющую конструкцию.

2. Укажите, какими суффиксами и другими словообразовательными средствами образованы от исходных слов глаголы каждой группы. Приведите хотя бы для некоторых групп пример глагола, для которого годилась бы объясняющая конструкция данной группы, но который был бы образован от исходного слова с помощью словообразовательных средств, в данной группе не представленных.

СЛОВА ЧЛЕНЯТСЯ ПО-РАЗНОМУ

Ранее говорилось о том, что слова могут быть производными (их основы состоят из двух и более морфем: *бор-ец, нож-ик, раз-брос-ать*) и непроизводными, основы которых не делятся на морфемы: *дом, стол, стен-а, неб-о, город, трав-а* и много-много подобных. Однако кроме этих двух чётко противопоставленных классов имеется много промежуточных, спорных, не вполне ясных случаев. В русском языке есть слова, которые нельзя считать производными, они не входят в словообразовательные пары, но при этом делятся на какие-то части, членятся.

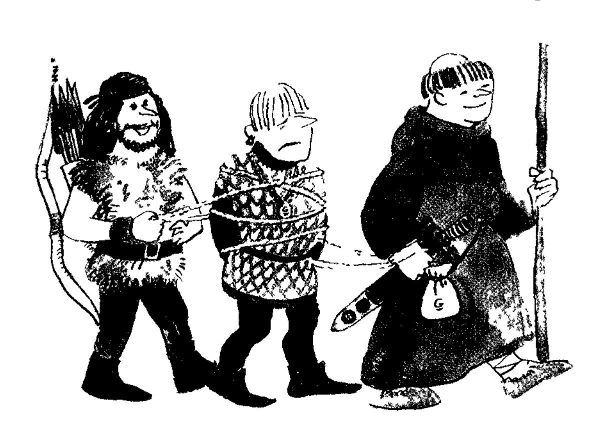
Присмотримся к одному из таких слов: *добавить*. Мы легко выделяем показатель инфинитива ***-ть***, суффикс совершенного вида ***-и-***. А дальше? Хочется выделить приставку ***до-***, она так и просится в один ряд с ***до****лить*, ***до****сыпать*, ***до****солить* и другими глаголами. И значение аналогичное: 'произвести добавочное действие'. Тогда останется корень ***-бав-***. Но у нас нет глагола ***бав****ить*. Производящего слова для *добавить* не нашли, зато легко нашли ещё слова с этим же «корнем» и другими приставками: ***прибав****ить*, ***отбав****ить*, ***сбав****ить*. Получается странно. Приставка у глагола ***до****бавить* несомненно есть, а корень дефектный, несвободный (без приставок не встречается). У глагола *добавить* нет производящего слова, поэтому нет оснований его считать производным Однако на части этот глагол делится.

Чтобы устранить такое вопиющее противоречие, учёные ввели понятие *членимости*. Слова, подобные *добавить*, называют *членимыми*, но не производными. Какая-нибудь одна из выделяемых в таких словах частей является «дефектной». Понятие членимости более широкое, чем понятие производности: класс членимых слов включает все производные слова и часть слов непроизводных

* * *

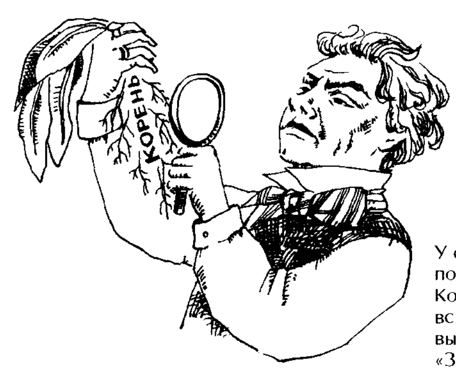
Суффиксы и приставки всегда находятся при корне слова, как бы «привязаны» к нему. Корни же самостоятельны: могут употребляться и с суффиксами, и с приставками ***стол****ик*, *при****вкус***, *бес****сонн****ица*, и без них: *стол, вкус, сон*. Однако в русском языке есть слова, корни которых тоже «живут» в языке только вместе с суффиксами и приставками, т. е. в *связанном* виде.

Связанные корни мы находим в словах: *с****верг****нуть, от****верг****нуть, низ****верг****нуть; во****нзи****ть, про****нзи****ть; до****стиг****нуть, на****стиг****нуть;* ***зр****ячий,* ***зр****ение,* ***зр****елища, обо****зр****еть, обо****зр****еватель.* Когда-то давно корни подобных слов употреблялись и самостоятельно, но с течением време-



ни такие слова ушли из языка, а сохранились лишь те, в которых эти корни соединены с суффиксами и приставками. Так, глагол *зреть* в значении 'смотреть' употреблял Михайло Ломоносов: «***Зрю** на вас, поля широки*». У сатирического поэта XIX в. Козьмы Пруткова есть выражение «***Зри** в корень!*». Это выражение архаично. Оно понятно современному человеку, но сказать ***Зри** в окно! Кто там идёт?* нельзя.

Слова со связанными корнями могут сохранять свою членимость на морфемы. Например, корень ***-верг-*** встречается в глаголах с приставками *в**вергнуть**, с**вергнуть**, низ**вергнуть**, под**вергнуть**, опро**вергнуть*** и в образованных от них существительных *низ**верж**ение, с**верж**ение* и др. В современном языке корень ***-верг-*** сам по себе непонятен. Его значение можно вывести только из значения тех слов, в которые он входит. В XVIII в. в торжественном книжном языке слово ***вергнуть*** 'кинуть', 'бросить' ещё могло употребляться свободно, без приставок. В живой речи того времени его уже не употребляли. В современном языке многие слова с корнем ***-верг-*** делятся на морфемы благодаря тому, что они составляют группу слов, имеющих нечто общее по смыслу. Значение приставок в них выступает вполне отчётливо: ***в**вергнуть в бездну* ('направление действия внутрь', сравните: ***в**нести, **в**вести, **в**ходить, **в**двинуть*); ***от**вергнуть предложение* ('направление действия от чего-нибудь', сравните: ***от**бросить, **от**кинуть, **ото**двинуть*); ***с**вергнуть царя, **низ**вергнуть тирана* (в обоих случаях 'направление действия вниз', сравните: ***с**бросить царя, **низ**вергнуться с горы*); ***из**вержение вулкана* ('направление действия изнутри').



У сатирического поэта XIX в. Козьмы Пруткова встречается выражение «Зри в корень!»

Всё же в современном языке корень ***-верг-*** отчасти понятен. Недаром Владимир Маяковский, тонко чувствовавший русский язык, употребил его как самостоятельное слово в поэме «Война и мир»:

ЕСТЬ ЛИ НУЛЕВЫЕ ПРИСТАВКИ?

Как показывают факты русского языка, нулевых приставок в нём нет. Иногда встречается выражение «нулевая приставка» в значении 'отсутствие приставки' (приставочные глаголы *прибежать, убежать* и глагол с нулевой приставкой *бежать*), но его нельзя считать правильным. «Нулевой» знак обозначает не просто отсутствие той или иной единицы, а значимое отсутствие, которое является средством выражения определённого значения.

Почему можно утверждать, что нулевых приставок нет? Потому что в русском языке нет слов, у которых приставок нет, но которые выражали бы характерное для них значение и вместе с тем могли бы трактоваться как производные от однокоренных бесприставочных слов.

Встаньте,
ложью верженные ниц...

Однако не все слова с корнем ***-верг-*** так чётко делятся на составные части, как только что приведённые. Неясно значение приставки в слове ***под**вергнуть* Эти глаголы утратили свои первоначальные конкретные значения. Раньше глагол ***под**вергнуть* значил 'бросить вниз, подо что-нибудь' и значение приставки в его составе было вполне ясно (сравните глаголы с аналогичным значением приставки ***под-***: ***под**лезть **под** кровать, **под**ставить ведро **под** умывальник*). В современном глаголе ***под**вергнуть* значение приставки неясно, глагол утратил членимость. Перестало выделяться значение приставки и в словах ***опро**вергнуть, **по**вергнуть.*

Чем конкретнее значение слова, чем яснее в слове значение входящих в него словообразовательных морфем, чем активнее и деятельнее в языке эти морфемы, тем отчётливее членимость слова.

В глаголах с маленьким корнем ***-я-*** *от**нять**, с**нять**, под**нять**, при**нять**, раз**нять**, об**нять*** приставки имеют ясное пространственное значение и выделяются из состава слова. Благодаря этому перечисленные слова не утрачивают полностью своей членимости, хотя значение корня ***-я-*** в современном языке и непонятно. В этих словах центр смысловой тяжести слова перенесён на приставку, она более значима в составе слова, чем корень. А в словах с тем же корнем *по**нять*** 'постигнуть умом', *в**нять*** 'обратить внимание на что-нибудь', 'слушать что-нибудь' приставки не выделяются, их значение в слове неясно, так как эти слова утратили свои первоначальные конкретные значения. Швы между приставкой и корнем «заросли».

НУЛЕВЫЕ СУФФИКСЫ

Строчки из поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин»:

*Лай, хохот, пенье, свист и **хлоп,***
*Людская **молвь** и конский **топ!***

вызвали недовольство литературных критиков того времени. Слова *хлоп, молвь* и *топ,* утверждали они, не существуют в языке, выдуманы поэтом. Пушкин в «Примечаниях к „Евгению Онегину"» писал: «В журналах осуждали слова: *хлоп, молвь* и *топ,* как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские. *„Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую **молвь** и конский **топ**"* („Сказка о Бове Королевиче"). *Хлоп* употребляется в просторечии вместо *хлопание,* как *шип* вместо *шипения.*

*Он **шип** пустил по-змеиному.*

(Древние русские стихотворения.)

Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка».

Как эти слова образованы? Базовые слова понятны: *свистеть — свист, хлопать — хлоп, шипеть — шип, топать — топ.* Значение тоже ясно — название действия. Но где же словообразующая морфема? Вспомните сходные случаи с окончаниями: в слове *рук* отсутствие звуков на конце обозначает, что перед нами форма множественного числа родительного падежа. Это нулевое окончание; оно выделяется, потому что существует в ряду других окончаний: *рук**а**, рук**и**, рук**ой*** и т. д. Может быть, в словах *хлоп, шип, топ* тоже нулевая морфема — суффикс? Это предположение подтвердится, если найдутся другие слова с ненулевыми суффиксами, передающими то же значение: отглагольное существительное, называющее действие. Такие слова есть: *хлоп**анье**, топ**от**,* названное самим Пушкиным *шип**ение***.

С помощью нулевого суффикса особенно часто образуются слова от глаголов: *задира, подлиза, выход, проезд.*

Существительные женского рода, образованные от прилагательных с помощью нулевого суффикса, часто встречаются в стихах. Например, у А. С. Пушкина в «Тазите»:

Из мира дольнего куда
Младые сны его уводят?..
*Как знать? Незрима **глубь** сердец.*

Подобные существительные мы находим и у А. А. Блока в стихотворении «Прозрачные, неведомые тени...»:

*Перекликаются в свободной **выси** птицы,*
Встает туман, алеют небеса.

Встречаются они у многих других поэтов, например у К. Д. Бальмонта в стихотворении «Безглагольность»:

Недвижен камыш. Не трепещет осока.
*Глубокая **тишь.** Безглагольность покоя.*

Не надо думать, что во всех случаях, когда существительное не имеет суффикса, можно говорить о нулевом суффиксе. Никаких нулевых суффиксов нет в словах *дом, стол, слон* и многих других. Нулевой суффикс можно выделять, только если он имеет словообразовательное значение. Необходимы сразу два условия.

1. У слова есть значение, которое в языке передается «обычными» суффиксами. Так, слова *глубь* и *тишь* обозначают отвлечённый признак. Это значение выражается и «нормальными» суффиксами: *глубь* и *глуб**ина**, тишь* и *ти**шина***.

2. В языке есть однокоренное слово, более простое по форме и значению, которое является базовым для слова с нулевым суффиксом: *тихий — тишь, зелёный — зелень, синий — синь.*

СПОР О БУЖЕНИНЕ И ПОПАДЬЕ. УНИФИКСЫ

Есть ли суффикс в слове *буженина?* Да, это слово можно сравнить со словами *баран**ина*** 'мясо барана', *осетр**ина*** 'мясо осетра', *кон**ина*** 'мясо коня'. А какой корень в *буженине?* Построим словообразовательный квадрат: *баранина : баран = буженина : x.*

Чему равен *x?* Он равен ***бужен-***. Такого слова в русском языке нет. Ни в каком другом слове корень ***бужен-*** не встречается, он не только связанный, но и единичный!

Возьмём слово *попадья* 'жена попа'. У этого слова есть производящее слово *поп.* Но можем ли мы ***-адья*** назвать суффиксом? Ведь ни в каких других словах русского языка элемент ***-адья*** не встречается, а мы знаем, что суффиксы (и приставки тоже) должны повторяться с тем же значением в других словах, хотя бы в двух. Они должны образовывать словообразовательные квадраты. Но *попадья* ни в какой квадрат не входит. Опять мы столкнулись с загадкой.

Части слова, подобные суффиксам и приставкам по своей роли в составе слова, но единичные, не повторяющиеся, называются *у н и ф и к с а м и.*

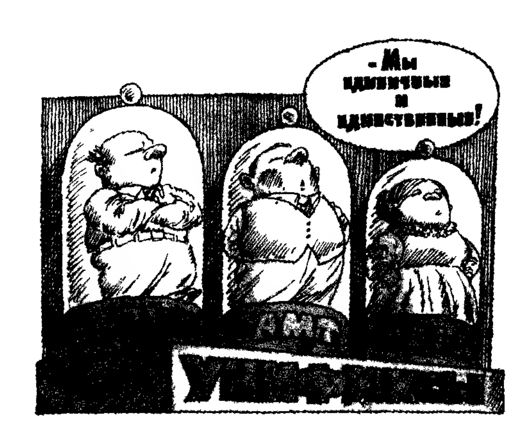
Среди лингвистов идут споры о том, что представляют собой единичные, т. е. встречающиеся лишь в одном слове, отрезки типа ***-'арус*** *(стекл**ярус**)*, ***-амт*** *(поч**тамт**)*, ***-адья*** *(поп**адья**)*

и т. п. Вычленяются ли они из состава слова, значимы ли они, являются ли они аффиксами или незначимыми прокладками («пустыми морфами», наращениями)?

Входя в ряд однокоренных слов *стекло — стеклянный — стекольщик — стекл**ярус**; почта — почтовый — почтовик — почт**амт***, отрезки ***-'арус, -амт*** и т п., несомненно, вычленяются из состава слова Но они отличаются от корневых и аффиксальных морфем тем, что не являются строительным материалом для образования новых слов.

Слова с «обычными» корнями и аффиксами строятся и служат моделью для построения других слов; они могут и производиться, и воспроизводиться в речи. Такие слова, как *поч**тамт**, стекл**ярус*** и подобные им, всегда только воспроизводятся.

Так чем же закончился спор о *бужениние?* Это слово членимое, но непроизводное. Оно включает повторяющийся в других словах суффикс



-ин и уникальный, да ещё и связанный корень ***бужен-***.

Введение понятия членимость позволяет разрешить давний спор лингвистов. Кроме того, оно отчётливо показывает, что существуют два способа анализировать слово.

СЛОВО БЕЗ КОРНЯ

Оказывается, есть слово без корня И не какое-нибудь необыкновенное, а самое простое. Глагол *вынуть*. Попробуем расчленить его на морфемы: ***вы-*** — приставка, ***-ну-*** — суффикс глагола (сравните: *тянуть, двинуть*), ***-ть*** — показатель инфинитива. Где корень? Его нет. А слово существует, все его понимают; получается, что и без корня оно имеет значение.

Куда же девался корень? Он исчез в результате звуковых изменений, которые претерпело это слово. Глагол *вынуть* (несовершенный вид: *вынимать*) — родственник глаголов *отнять — отнимать, занять — занимать, снять — снимать* и т. п. Глаголы *отнять, занять, поднять, снять* и т. п. имеют древний корень ***-я-*** со значением 'брать'. Состав этих слов с исторической точки зрения можно изобразить так: *от-н-я-ть, за-н-я-ть, под-н-я-ть, с-н-я-ть, об-н-я-ть, вз-я-ть.* А что такое звук [н] в составе этих слов? Звук [н] — часть приставки. Он появлялся после некоторых приставок в тех случаях, когда корень слова начинался с гласного звука. Такого же происхождения начальное ***н*** в наших местоимениях, употребляемых с предлогами: *к **нему*** (но: *пишу **ему***), *с **ним*** (но: *доволен **им***), *к **ней*** (но: *говорю **ей***). Теперь нам осталось понять только одно — почему корень ***-я-*** превратился в корень ***-у-*** в слове *вынуть?* Это объясняется просто. Корень ***-я-*** очень коротенький, невыразительный, самостоятельно в словах без приставок перестал употребляться. Значение его забылось. Сочетание ***-ня-*** в *вы**ня**ть* (как было ранее) стало непонятным. Зато во многих глаголах встречался деятельный, активный суффикс ***-ну-***. По аналогии с этими глаголами *вы**нять*** изменилось в *вы**ну**ть,* потеряв при этом корень. Во многих народных говорах и теперь говорят: *вынять, он выняет.* Это сохранение старой формы.

Есть в языке и другие необыкновенные случаи, когда корень слова такой маленький, невыразительный и непонятный, что всё значение слова передают приставки и суффиксы. Как разделить на составные части самые обычные слова — глаголы ***обуть*** и ***разуть?*** В этих словах ясно выделяются приставки ***об-*** (обозначает 'направление действия вокруг предмета'; сравните: ***обмотать, облепить, обвязать***), ***раз-*** (обозначает 'действие, противоположное другому действию': ***обмотать — размотать, обвязать — развязать, одеть — раздеть***) и показатель инфинитива ***-ть.*** Корень не исчез, он сохранился: ***-у-***. Но что он значит? Сам по себе ничего. Отдельно его не употребляют, встречается он только в «связанном» виде — в окружении приставки и суффикса. Тот же корень, несомненно, сохранился в существительном *обувь*. Однако в этом слове он не выделяется так легко, как в глаголах, потому что приставку и суффикс в имени существительном нельзя вычленить так легко, как в глаголах.

Глаголы *обуть* и *разуть* противоположны по значению, и эта противоположность, противопоставленность их значения связывается с различием приставок ***раз-*** и ***об-*** (остальные части слова совпадают). Поэтому приставки легко выделяются из состава этих глаголов. Показатель инфинитива также вычленяется очень отчётливо (это распространённая и «деятельная» морфема, встречающаяся в тысячах слов). А в существительном ***обувь*** значение приставки неясно, хотя вообще в языке приставка ***об-*** живая. Что касается суффикса ***-вь***, то он мёртвый, значение его говорящим непонятно. Вот почему слово *обувь* в современном языке простое, неразложимое. Маленький корень ***-у-*** объединил приставку и суффикс, создав новый корень, от которого образуются слова ***обувщик, обувной*** и др.

АПТЕКАМТЫ И ЖЕЛЕЗЯРУСЫ

Имеют ли вычленяемые из состава слов *почтамт* и *стеклярус* отрезки ***-амт*** и ***-'арус*** значение вне состава этих слов, т. е. будут ли они понятны носителям языка, если их «приставить» к каким-либо другим основам? Для того чтобы выяснить это, был проведён эксперимент. Информантам задавали вопросы типа: «Что, по вашему мнению, могут значить слова *аптек-**'амт**, вокзал-**амт**,* бан-***'амт,*** желез-***'арус,*** янтар-***'арус?*** Как бы вы поняли слово *аптекамт,* встретив его в тексте?». Конечно, одному информанту не задавались вопросы о нескольких словах с одним и тем же наращением, ведь это уничтожило бы важное принципиальное свойство наращений — уникальность. Оказалось, что эти слова непонятны 97 % отвечающих, т. е. наращения вне слов, в которых они закреплены, незначимы.

Естественно, что, если бы придуманные слова были вставлены в контекст, подсказывающий смысл, вероятность их понимания была бы выше: *На главной улице расположено красивое здание **аптекамта;** Сейчас носят драгоценные камни, **железярус** не в моде.* Вставим в вышеприведённые фразы модифицированные слова, прибавив к основам ***аптек-*** и ***желез-*** не наши наращения, а выдуманные: *На главной улице города расположено красивое здание **аптекинта;** Сейчас носят драгоценные камни, **железунг** не в моде.* Очевидно, что эти фразы будут поняты так же (или почти так же), как предыдущие.

Напротив, если мы составим слово из реального аффикса и выдуманного корня, его общий смысл будет понятен. Таково, например, придуманное слово *зумзумитель.* На вопрос, что значит это слово, большинство опрашиваемых ответило: «Механизм, который зумзумит».

Таким образом, если наши наращения и значимы, то их значения отличаются от значения «нормальных» аффиксов. Смысл наращений подобен значению частей фразеологических выражений, которые встречаются в составе одного-единственного фразеологизма, например элементу *зга* в выражении ***ни зги** не видно.* Смысл целого понятен: «ничего не видно», понятен смысл *не видно,* а что такое *зга* остаётся неясным. Точно так же всем понятен отрезок ***стекл-,*** а что такое ***-арус*** — загадка.

УНИФИКСЫ ДАЮТ ПОБЕГИ

Мы говорили, что унификсы дефектны, ущербны. Но... оказывается, унификсы могут давать побеги. Слово, включающее унификс, используется как образец для нового слова. Писатель Андрей Белый в мемуарах «Между двух революций», вспоминая о певце из Неаполя, пишет: *«Тремоло неаполитанца с закрученными усиками нам било в уши: **рукоплесменты...**».*

Слово *рукоплесменты* мы встречаем в первый раз, но сразу его понимаем. Очевидно, что оно содержит основу слов *рукоплескать — рукоплескания* и унификс, взятый из существительного *аплодисменты,* имеющего связанный корень (сравните: *аплодировать — аплодисменты).*

А вот другое необычное слово — *решебник.* Журналист пишет иронически: «...автор смотрит не в магический кристалл, а в «решебник», где уже имеется готовый ответ, но делает вид, что старательно решает жизненную задачу». Нам сразу приходит на ум слово *учебник* и мы выстраиваем квадрат — *учить : учебник = решить : решебник.*

Не всякий унификс, однако, способен на словообразовательную активность. Он должен быть выразителен в звуковом отношении (состоять не из одного, а из нескольких звуков), его значение должно быть подобно тем значениям, которые имеют суффиксы и приставки. Важен, безусловно, и подсказывающий контекст, т. е. окружение слова.

ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Если проанализировать определения производных глаголов через исходные слова и выявить их общий смысловой костяк, то можно выделить пять объясняющих конструкций и соответственно пять групп глаголов: (1) 'совершать действие, свойственное...' *(озорничать, лодырничать, хамить, рыбачить);* (2) 'становиться...' *(глохнуть, свирепеть, толстеть);* (3) 'испытывать...' *(голодать, нуждаться, горевать, блаженствовать);* (4) 'действовать с помощью...' *(пилить, бороновать, бинтовать, сверлить);* (5) 'становиться похожим на...' *(звереть, каменеть, столбенеть).*

Теперь для каждой группы укажем её словообразовательные средства, а в скобках для некоторых групп приведём другие средства и примеры на них: (1) ***-ать, -ничать, -ить (-овать:** плут**овать**, **-ировать:** пилот**ировать**, **-ствовать:** учительст**вовать**);* (2) ***-нуть, -еть (-ать:** ветш**ать**);* одновременное присоединение приставки и суффиксов ***вы-...-яться:** **вы**прямл**яться**, **на-...-аться:** **на**сыщ**аться**, **о-...-аться:** **о**свеж**аться**);* (3) ***-ать, -аться, -евать, -овать;*** (4) ***-ить, -овать (-ать:** седл**ать**);* (5) ***-еть, -енеть.***

Итак, одно и то же значение может выражаться многими формальными средствами. И наоборот, одно и то же формальное средство может выражать совершенно разные значения. Например, суффикс ***-ать*** встречается в четырёх смысловых группах глаголов. Это один из фактов, иллюстрирующих сложные отношения между содержанием и выражением в языке.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И МОРФЕМНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВА

Слово можно анализировать с точки зрения его производности — это будет *словообразовательный анализ,* а можно — с точки зрения членимости, тогда это *морфемный анализ,* или разбор слова по составу. Словообразовательный и морфемный анализ не следует смешивать.

Цель словообразовательного анализа — определить, от какого слова и каким образом образовано рассматриваемое слово.

Для этого надо соотнести анализируемое слово с двумя рядами слов: включающих ту же основу и включающих то же (или те же) словообразовательные средства.

Разберем слово *паровозный*. Оно входит в такие ряды слов. ***паровоз, паровоз****ик,* ***паро-во****-зищ(е), вагон****н****ый, камен****н****ый, дорож****н****ый*... Из этого сопоставления мы можем сделать вывод, что прилагательное *паровозный* образовано с помощью суффикса ***-н-*** от существительного *паровоз*. Такой ответ станет очевидным, если мы рассмотрим значение и форму прилагательного *паровозный: оно* значит 'относящийся к паровозу', т е. его значение связано со значением существительного *паровоз;* обнаруживает непосредственную зависимость от существительного *паровоз* и по форме (содержит основу этого существительного и суффикс прилагательных ***-н-***)

При словообразовательном анализе не следует сразу искать корень слова, так как это может привести к неверным выводам. Если в слове *паровозный* мы сразу выделим корни ***-пар-*** и ***-воз-*** и решим, что слово *паровозный* образовано путём сложения основ, то ошибёмся, так как это слово произведено от «готовой» основы *паровоз* и словообразовательным средством является в нём суффикс ***-н-***. Таким образом, оно произведено не путём сложения слов, а суффиксальным способом

Морфемный анализ отличается от словообразовательного и по задачам, и по результатам. Цель его — установить, из каких морфем состоит слово В результате морфемного анализа мы узнаём состав слова. Морфемный анализ должен опираться на результаты словообразовательного. только поняв, как образовано слово, можно правильно расчленить его на морфы. (Очевидно, слова членимые, но непроизводные словообразовательному анализу не следует подвергать.) На вопрос, как образовано анализируемое слово, морфемный анализ не отвечает.

* * *

Итак, мы убедились, что система словообразования русского языка облегчает человеку пользование языком, помогает ему догадываться о смысле неизвестных слов. Но... язык — это не детские складные кубики, которые могут просто собирать малыши: ***дом*** + ***ик*** = *домик* 'маленький дом', ***стол*** + ***ик*** = *столик* 'маленький стол', ***дом*** + ***ище*** = *домище* 'большой дом'.

Как, например, расчленить слова *желтуха, белуха, синюха, чернуха?* Все они произведены от основ прилагательных со значением цвета, все имеют окончание ***-а*** и суффикс ***-ух-***. А каково значение этих слов? На этот вопрос ответить труднее. Конечно, они связаны по смыслу со своими базовыми словами. Словообразование даёт лишь общий ответ: нечто жёлтое, белое,

Хохлатка? Хохлушка? Хохлунчик? Хохлунок?

синее, чёрное; ничего конкретного мы извлечь не можем. А лексическое значение этих слов своеобразно у каждого: *желтуха* 'болезнь, при которой желтеет кожа больного'; *белуха* 'морское млекопитающее животное белого цвета', 'полярный дельфин'. Слово *синюха* может обозначать разные вещи синего цвета: траву; грибы; болезненное посинение кожи; денежную купюру синего цвета (устаревшее слово); даже есть пословица *«Без* ***синюхи*** *судьи глухи»*. Существительное *чернуха* — слово жаргонное. В наши дни этим словом называют произведения, чаще всего кинофильмы, рисующие мрачные (чёрные) стороны жизни. Нередко можно услышать: *По телевизору гонят одну* ***чернуху!;*** *В кино одна* ***чернуха,*** *смотреть не хочется!*

Получается, что есть производные слова, значение которых полностью складывается из значений их составных частей: *дом-**ик*** 'маленький дом', *дом'-**ищ**-е* 'большой дом', *волч-**онок*** 'детёныш волка'. А есть такие, значение которых основывается на значениях составных частей, но не является простой их суммой. Таковы, например, существительные *водитель, белок, синяк.* Существительное *водитель* обозначает не просто 'лицо, которое что-либо водит', а 'лицо, профессия которого — водить общественный транспорт'. Составляющие морфемы этого смысла — 'общественный транспорт' не содержат. Слово *белок* обозначает не любой предмет белого цвета, а 'белую часть яйца'; *синяк* — не любой предмет синего цвета, а 'кровоподтёк синего цвета'. Сравните однокоренные существительные, произведённые от прилагательных *косой* и *тёплый.* Одно называет 'косой по форме головной платок' *(косынку),* а другое — 'имеющую форму косого угла стаю птиц, рыб или других животных' *(косяк).* Одно называет 'тёплый товарный вагон' *(теплушку),* а другое — 'тёплое помещение для выращивания рассады, цветов и т. п.' *(теплица).*

Различие в значениях этих слов никак не связано с их строением. Эту часть значения слова нельзя вывести из его состава, нельзя предугадать. Её надо знать.

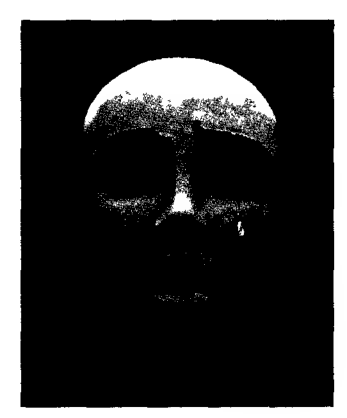
Учитель не просто 'тот, кто учит или любит учить', а как и *писатель,* — название определённой профессии, рода деятельности. Мы можем назвать лишь в шутку писателем человека, который пишет письмо или школьное сочинение. Значение реальных, живых слов часто бывает неожиданным. Можно ли догадаться, что слово *электричка* обозначает именно электрический поезд, а не электрическую бритву, чайник или плитку; слово *ночник* — ночную лампу, а не что-нибудь другое, связанное с ночью? Нет, это нужно знать.

Свойство производного слова выражать нечто, не содержащееся в значении его составных частей, называют *фразеологичностью,* или *идиоматичностью* (от *греч.* «idíoma» — «особенность», «своеобразие»).

Прямо противоположный случай — так называемые *потенциальные слова,* которые образуются по модели, безо всяких добавлений ещё какого-либо значения. Мать говорит шутливо сынишке: *Ну что ты всё время повторяешь? Вот* ***повторятель*** *нашёлся!* Найдёте ли вы в словарях слово *повторятель?* Конечно нет. Поймёте ли вы его? Конечно да! Это чистая реализация словообразовательной модели, потенциальное слово.

* * *

Вот и подошёл к концу наш рассказ о том, как делаются слова. Добавим, что в разных языках словообразование занимает неодинаковое место. Например, в русском языке словообразование очень богатое, а слов, не имеющих родственников, совсем мало. Учёные подсчитали, что их немногим больше 3 %.



МОРФОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

СЛОВО В ГРАММАТИКЕ

Мистер Твистер, лёгкий на подъём американец, решил навестить своего друга в Москве. Уже в России, в гостиничном номере, он написал ему записку. Переводчик опоздал, но есть толстый англо-русский словарь, а в словаре — более 100 тыс. слов (не всякий говорящий по-русски с детства знает столько слов!). Приятель получает записку: *Я ты приходить рано утро.* Что это может значить? *Я приду к тебе рано утром? Ты приходи ко мне рано утром? Я рано утром приходил к тебе (но не застал)? Приходить ко мне утром — (слишком) рано?*

Значение каждого слова понятно, а общий смысл сообщения— нет. А вот совсем другой случай, из рассказа Людмилы Петрушевской «Пуськи бя́тые»:

«Сяпала Калу́ша с калушатами по напу́шке. И увазила бутявку, и во́лит:

— Калушата! Калушаточки! Бутявка!

Калушата присяпали и бутявку стрямкали. И подудонились.

А Калуша волит:

— Оеё! Оеё! Бутявка-то некузявая!

Калушата бутявку вычучили.

Бутявка вздребезнулась, сопритюкнулась и усяпала с напушки.

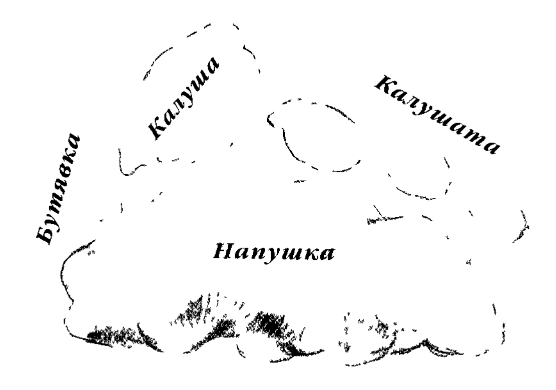
А Калуша волит калушатам:

— Не трямкайте бутявок, бутявки дюбые и зюмо-зюмо некузявые. От бутявок дудонятся.

А бутявка волит за напушкой:

— Калушата подудонились! Калушата подудонились! Зюмо некузявые! Пуськи бятые!». Здесь нет ни одного русского слова, кроме служебных. Что, собственно, происходит и с кем — неизвестно. Однако кое-что можно понять. Ясна последовательность событий, кто какое действие совершает и какое свойство к кому относится. Не сложно сделать грамматический разбор: *Калуша* — существительное женского рода 1-го склонения, употреблено в форме единственного числа именительного падежа; *подудонились* — глагол совершенного вида 2-го спряжения в форме изъявительного наклонения, прошедшего времени, множественного числа. И члены предложений тоже легко выделить.

Получается, что в чём-то все эти *«пуськи бятые»* понятнее, чем *Я ты приходить рано утро* мистера Твистера, составленное из нормальных русских слов! В первом случае не текст, а засушенный гербарий: названы предметы, действия, признаки, но ничего не происходит. В другом — масса событий, целый рассказ, но все — участники, действия, свойства — играют свою



роль инкогнито, так как корни слов придуманные, несуществующие. А ожил этот спектакль благодаря тому, что показатели грамматических форм (окончания, суффиксы) — русские, знакомые и слова в предложении связаны правильно.

Итак, ни лексика без грамматики (как в записке мистера Твистера), ни грамматика без лексики (как в рассказе о *«пуськах»*) полноценного текста не дают. Слова в языке существуют как бы в одном измерении (лексическом), а их роли в предложении — в другом (грамматическом). И только вместе лексическое и грамматическое начала создают действительно осмысленный текст.

Это значит, что говорящий должен не только мгновенно найти нужные слова, но и выбрать для каждого слова одну-единственную правильную форму из всех имеющихся в языке. Поразительно, как человеку вообще удаётся говорить, да ещё с такой скоростью и легкостью! Причем во время речи он думает о том, что хочет объяснить и как к его словам отнесутся собеседники, а совсем не о лице глагола и падеже прилагательного!

Чтобы это было возможным, грамматический строй языка должен быть в достаточной мере строгим и логичным. Строй этот изучает наука, которая называется *грамматикой* (*греч.* «grammatikḗ», от «grámma» — «буква», «написание»). Она состоит из двух больших частей: *морфологии* (от греч. «morphḗ» — «форма» и «lógos» — «слово», «учение»), которая описывает формы изменения слов, и *синтаксиса* (см статью «Синтаксис русского языка»), предмет которого — связи между словами в предложении.

НИКУДА НЕ ДЕНЕШЬСЯ

Он мой друг — поддержка друга — подарок другу — спор с другом... Как будто для каждого случая в языке приготовлена особая форма: какое значение нужно, такую форму и выбираешь. Однако у словосочетаний *нет друга* и *рука друга* разные значения. ‘друг отсутствует’ и ‘рука принадлежит другу’, а форма слова *друг* одна. А похожие значения *подарок для друга* и *подарок другу* передают почему-то разные формы.

Ещё пример: *белая стена* Нельзя сказать: *белый стена* или *белое стена,* потому что существительное женского рода, а значит, и прилагательное должно быть в форме женского рода. Другой пример: *белый стол*. Теперь не подойдут формы *белая* или *белое,* род должен быть мужской. Но *белые* — и *стены,* и *столы!* В единственном числе нам не всё равно, какой род, и нужны разные формы, а во множественном и одной можно (более того, нужно!) обойтись. Хотя значение слова совершенно не изменилось. Парадокс.

Вспомним мистера Твистера. Он уже вернулся домой и засел за русскую грамматику — готовится к следующей поездке. И многое ему кажется странным. Есть у тебя друг или нет друга, подарок ты ему готовишь или вспоминаешь о нём, в английском языке само слово *friend* никак не меняется. Кроме одного случая: если нужно сказать *рука друга,* то к слову *friend* прибавляется особое окончание: *friend***'s** *hand.* Все остальные значения английский язык не считает необходимым особыми формами передавать. Зато по-английски нельзя сказать: *Я вижу птицу*. Нужно обязательно уточнить: просто какую-то птицу (и тогда будет *I see a bird*) или конкретную птицу, например ту, которую я давно хотел увидеть, или ту, о которой только что говорили: *I see the bird.* Английскому языку не всё равно, определённая это птица или нет, а русскому — безразлично. Если уж очень нужно, можно использовать слова *эту, ту самую, какую-то* и т. п.

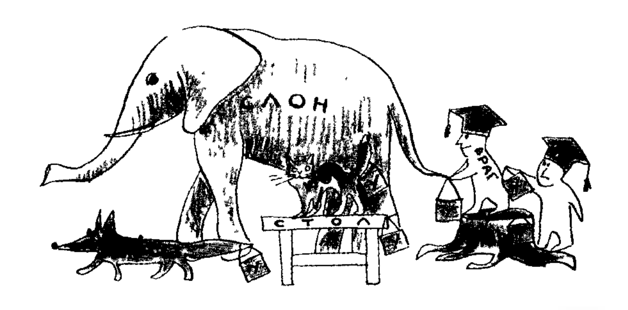
Значит ли это, что одни значения в каком-либо языке можно выразить, а другие — нельзя? Нет, выразить можно всё: в русском определённость или неопределённость передают с помо-

щью местоимений, падежные значения русских слов переведут на английский с помощью предлогов. Любому языку подвластны все значения, но некоторые из них языки отмечают особо, выражая их грамматическими способами. При этом каждый язык по-своему решает, что включать в сферу грамматики, а что — нет. Есть языки с особыми формами глаголов для выражения отрицания или запрещения, есть такие, в которых у существительного десятки падежных форм, иногда даже форма предмета — круглая или удлинённая — выражается специальными грамматическими средствами. Почему так сложилось — отдельный вопрос, и неизвестно, можно ли на него точно ответить.

Грамматика — это правила игры, и в каждом языке они свои. Что принято в хоккее, может быть не к месту в футболе. Но одно требование является общим для всех игр: если правила есть, они должны строго выполняться, иначе какие это правила?! Поэтому если уж какое-то значение выражается грамматически, оно должно выражаться всегда.

Нельзя употребить русское существительное в «никаком» падеже и числе. *Грамматическое значение* — это значение, которое обязательно, регулярно выражается в языке, причём выражается всегда определённым *грамматическим способом*. Значение дательного падежа единственного числа слова *друг* и всех грамматически подобных ему слов выражает окончание ***-у(-ю): слону, столу, врагу, пню*** — грамматике всё равно. Заимствовали слово *файл* — значит, ***файлу,*** придумали слово *сталкер* — значит, *сталкер**у***. То, что действие совершалось в прошлом, обозначает суффикс ***-л: ходил, мешал, строил.*** Всегда ***-л,*** даже в только что выдуманных словах: ***расхохатывал, лапшевешничал, трам-пам-памил.*** Грамматика подобна алгебре: как $2x = x + x$ всегда, какие бы значения мы ни подставляли вместо переменной x, так и грамматика безразлична к лексическому «наполнению» грамматической формы.

Вспомним, что слова без грамматики — актёры без роли. Роли в каждом представлении



ГРАММАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ

Грамматических значений в языках мира множество. Может быть, когда-нибудь учёным удастся составить полный список всех в принципе возможных значений, но пока до этого далеко. А вот грамматических способов совсем немного. Это и понятно, ведь в распоряжении людей только звуки. Их можно убрать или добавить, заменить одни на другие, использовать ударение и интонацию — вот и всё. Поэтому грамматические способы всех языков мира легко пересчитать по пальцам. У каждого языка при этом есть «излюбленные» способы и есть те, которыми он пренебрегает или вообще не пользуется.

Чаще всего используются специальные морфемы — их называют формообразующими. Это могут быть приставки: *делать* — ***с**делать;* суффиксы: *говорить — говори**л**, реша**л** — реши**л**;* окончания: *делай — делай**те**, молчу — молч**ит**, рука — рук**е**, дорог**ой** — дорог**ие*** (подробнее о формообразующих морфемах см. статью «Две работы морфем»). В русском языке этот способ — основной, причём употребляются преимущественно окончания.

Окончание может быть и нулевым, не выраженным звуками, но от этого оно не перестаёт быть грамматическим способом. У него есть своё постоянное значение: *друг* — значение именительного падежа единственного числа, *рук* — значение родительного падежа множественного числа, *делай* — значение повелительного наклонения единственного числа.

В образовании формы слова время от времени участвует и корень. В нём могут чередоваться фонемы: *(во<з>ить — во<ж>у, у<х>о — у<ш>и);* он может даже полностью заменяться: ***говорить — сказать, иду — шёл, человек — люди.*** Такой грамматический способ называется *супплетивизм* (от *лат.* suppletivo — «восполнение») и обычно применяется только для отдельных слов. В некоторых языках для выражения множественности или сильной степени используют повтор корня (что-то вроде русского *еле-еле*). Важнейшее грамматическое средство для русского и многих других языков — служебные слова. Предлоги помогают выражать падежные отношения, частица *бы* образует условное наклонение, глаголы-связки входят в состав именного сказуемого. Для большинства языков очень важно место слова в предложении; в английском, например, от этого может зависеть, существительное перед нами или глагол. Для русского языка порядок слов не столь значим: основную информацию передают окончания. Использует русский язык и ударение *(ру́ки — руки́, наре́зал — нареза́л),* и интонацию *(Он может быть прав* и *Он, может быть, прав).*

разные, но распределять их между актёрами грамматика обязана всегда. Для того она и существует. Грамматике всё равно, какой актёр какую роль играет, но уж если ты играешь Гамлета, то играй строго по роли.

Обязательность — первое свойство грамматики, общее для всех языков. Есть и второе. Правила любой коллективной игры предусматривают, как игроки должны взаимодействовать друг с другом. В начале любого сценария должно указываться, в каких взаимоотношениях находятся герои. Так и в грамматике. При всём разнообразии того, что может попасть в её сферу (вспомните продолговатые и круглые предметы), одно грамматика должна выражать непременно — правила, по которым слова связываются друг с другом.

Грамматическое значение и грамматический способ неразрывно связаны. Если значение в языке может выражаться, а может и нет, может выражаться так, а может иначе (например, значение определённости/неопределённости в русском языке), значит, для него нет грамматического способа, следовательно, грамматического значения тоже нет. Грамматическое значение — это то, что́ нужно выразить (означаемое), грамматический способ — то, че́м это выражается (означающее). В единстве они образуют языковой знак, один из важнейших в системе языка, — *грамматическую форму*.

Грамматическая форма — центральное понятие в грамматике подобно слову — в лексике, фонеме — в фонетике, морфеме — в морфемике.

Как и всякий знак, грамматическая форма существует только в противопоставлении другому знаку. Так же как невозможны письменность из одной буквы и светофор, на котором всегда горит один цвет, невозможен язык с одним падежом или одним временем. Если нет противопоставления грамматических форм — нет и самих

ГЛОКАЯ КУЗДРА

Известный русский языковед Лев Владимирович Щерба (1880—1944) однажды провёл любопытный эксперимент. Он попросил своих слушателей-студентов рассказать, о чём говорится в предложении: *Гло́кая ку́здра ште́ко будлану́ла бо́кра и курдя́чит бокрёнка*. Оказалось, что они в какой-то мере смогли понять содержание предложения, хотя ни одно слово (кроме служебного слова — союза *и*) не было им знакомо. Было очевидно, что *глокая* — это свойство *куздры; куздра* сделала нечто с *бокром* и делает что-то с его детёнышем — *бокрёнком*. В чём состояло конкретное действие *куздры* по отношению к *бокру*, студенты не знали, но догадались, что это было какое-то мгновенное и резкое действие *(будланула)*.

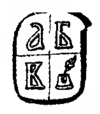
Как же удалось понять хоть что-то в предложении, построенном из слов, которых вообще нет в русском языке? У слов, придуманных Л. В. Щербой, вымышленными являются только корни, а аффиксы этих слов — настоящие аффиксы русского языка. Цель эксперимента состояла в том, чтобы показать роль аффиксов в русском языке. Для этого нужно было «выключить» значение корней слов, чтобы вся информация, которую получит читатель или слушатель текста, определялась только значениями аффиксов.

Аффиксы передают два типа значений. Благодаря одним аффиксам мы узнаём об отношениях слов в этом предложении (например, о том, что *куздра* является действующим лицом, а *бокр* и *бокрёнок* — объектами действия; о том, что *глокая* — это свойство *куздры,* а не *бокра* или *бокрёнка;* о времени действия *куздры* по отношению к моменту речи). Всё это выяснилось благодаря грамматическим формам слов, которые выражены в их аффиксах — окончаниях.

Благодаря другим аффиксам приоткрылись некоторые стороны лексических значений этих слов. Так, ясно, что *бок**рёнок*** — детёныш *бокра* (сравните: *кот* — *кот**ёнок**, лев* — *ль**вёнок***), хотя мы и не знаем, что за животное *бокр*. О мгновенном и резком характере действия *будл**ану**ть* мы узнаём потому, что тот же суффикс встречается в известных нам глаголах (сравните: *будл**ану**ть* и *рв**ану**ть, рез**ану**ть*). Это позволяет догадаться и о приблизительном значении слова *штеко*. Если оно называет признак мгновенного резкого действия *(штеко будланула)*, то, вероятно, обозначает что-нибудь вроде «резко», «сильно», «быстро», «внезапно».

Эксперимент Л. В. Щербы показывает, что аффиксы выражают отношения между словами. При этом одни аффиксы (словообразовательные) указывают на отношения между лексическими значениями: *бокр* и *бок**рёнок***, а другие (грамматические) выражают отношения слов в предложении: ***глокая куздра***. Словообразовательные аффиксы работают на лексику, а грамматические — на синтаксис.

Предложение про *глокую куздру* полюбилось лингвистам. Его используют в учебниках и на лекциях, оно становится сюжетом рисунков, вдохновляет на поиск остроумных вариантов расшифровки.



форм. Грамматические формы, противопоставленные друг другу по значению, образуют одну *грамматическую категорию.* Например, формы единственного и множественного числа — категорию числа, формы совершенного и несовершенного вида — категорию вида.

АКТЁРЫ И РОЛЬ

Слова, как мы видели, подобны актёрам, меняющим грим и одежду соответственно роли. Роли разные — актёр один, но его самого вне роли мы никогда на сцене не увидим. Такие же отношения существуют, например, между фонемой и звуком: фонема тоже не может ни прозвучать, ни быть услышана, не воплотившись в конкретном звуке. Подобно этому и слово реализуется в речи каждый раз в виде одного из своих вариантов — *словоформ.*

Сколько слов в предложении *Рука руку моет?* «Три», — скажет один. «Два», — скажет другой, ведь *рука* и *руку* — формы одного и того же слова. Правы оба, просто они отвечали на разные вопросы. Первый имел в виду слова как элементы, из которых состоит предложение, т. е. словоформы. Второй говорил о словах как о единицах языка, хранящихся в нашем сознании. С одной стороны, слово *рука* — одна единица. А с другой— целый набор словоформ: *рука, руки, руке, руку, рукой, (о) руке, руки, рук, рукам, руки, руками, (о) руках.* Но не называть же каждый раз, когда нужно сказать о слове *рука,* все 12 форм! Ведь о глаголах или прилагательных тогда вообще не побеседуешь — у них словоформ гораздо больше Поэтому когда имеют в виду слово в целом, для удобства его именуют по одной из форм — начальной (точно так же фонему называют по её звучанию в сильной позиции, а не перечисляют каждый раз все её варианты). Начальная форма для существительного — форма именительного падежа единственного числа, для прилагательного — именительного падежа единственного числа мужского рода, для глагола — неопределённая форма (инфинитив). Именно из начальных форм слов — ведь они как раз и даются в словаре — пытался построить предложение мистер Твистер.

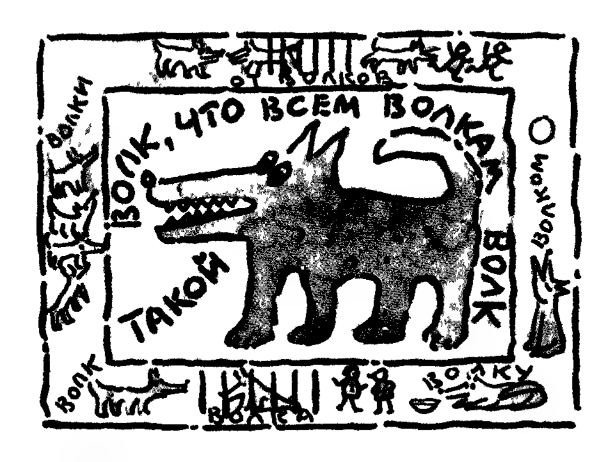
Совокупность всех словоформ одного слова называется *парадигмой.* Обычно парадигмы записывают в виде столбиков.

Вот как выглядит, например, парадигма существительного *дом:*

Падеж	**Единственное число**	**Множественное число**
Им.	*дом*	*дома*
Род.	*дома*	*домов*
Дат.	*дому*	*домам*
Вин.	*дом*	*дома*
Твор.	*домом*	*домами*
Пред.	*(о) доме*	*(о) домах*

Парадигма слова тем больше, чем больше у него грамматических форм. В русском языке у числительных совсем небольшая парадигма (почти все они изменяются лишь по падежам), а у прилагательного — очень обширная: формы рода, числа, падежа, ещё и краткие формы!

Никто не станет сомневаться, что *волк* и *волчище* — разные слова, а *волк* и *волку* — формы одного слова. Но иногда решение принять сложнее. Например, *честный — честнее — честнейший.* Суффиксы ***-ее*** и ***-ейш-*** показывают степень выраженности признака 'честный', т. е. *честнее* — это 'более честный', а *честнейший* — 'самый честный'. Но ведь это значение очень похоже на значение суффикса ***-ищ-*** в слове *волчище* 'такой волк, что всем волкам волк' — суффикса чисто словообразовательного. Между тем во



многих грамматиках формы сравнения прилагательных включаются в их парадигму: ведь они образуются достаточно регулярно, совсем как грамматические формы.

По-разному расценивают причастия и деепричастия: как формы глагола и как отдельные части речи. Глаголы разного вида часто считают формами одного слова. Однако, например, любая видовая пара к глаголу *лететь* будет отличаться не только видом, но и значением: *прилететь, улететь, долететь* и т. п. Получается, что *делать* и *сделать* — формы одного слова, а *бежать* и *сбежать* — разные слова!

Сомнения вызывают формы типа *говорить — сказать, человек — люди*: по значению это явно формы одного слова, но они такие разные... А в паре *ребёнок — дети* всё ещё сложнее, ведь есть слово *дитя*, но по значению оно более узкое: *дитя* — это обязательно кто-то маленький и ангелоподобный, а *ребёнок* и *дети* — это любые невзрослые люди: младенцы и подростки, паиньки и хулиганы. Получается, что *дитя* и *дети* — не пара. А каким же будет тогда множественное число от *дитя?*

Другой случай: *он* — множественное число *они*, *ты* — множественное число *вы*, *я* —... Стоп, что-то не так. Разве *мы* — это много *я?* Нет, *мы* это *я* плюс *они*. Значения очень разные, и формами одного слова *я* и *мы* никак не признаешь. Формы числа существительного вообще любят парадоксы. Например, *сок — соки*. Вроде бы множественное число, и показатель есть — окончание ***-и***. Но *соки* — это не много раз один и тот же *сок*, это непременно соки разных сортов! Значит, *сок* и *соки* — разные слова, и есть две отдельные парадигмы:

Падеж	**Единственное число**	**Множественное число**
Им.	*сок*	—
Род.	*сока*	—
Дат.	*соку*	—
Вин.	*сок*	—
Твор.	*соком*	—
Пред.	*(о) соке*	—

Падеж	**Единственное число**	**Множественное число**
Им.	—	*соки*
Род.	—	*соков*
Дат.	—	*сокам*
Вин.	—	*соки*
Твор.	—	*соками*
Пред.	—	*(о) соках*

В одну общую эти парадигмы не объединяются.

Парадигмы, в которых представлены не все формы, в принципе возможные для слова, называются *неполными*. У слов *сок* и *соки* в парадигмах пустует половина «полочек», а иногда может быть не занята всего одна:

Лицо	**Единственное число**	**Множественное число**
1-е	—	*победим*
2-е	*победишь*	*победите*
3-е	*победит*	*победят*

Почему у глагола *победить* нет формы 1-го лица единственного числа — неизвестно. Так сложилось в языке, и всё. Никаких *победю, побежу, побеждю* парадигма этого глагола не принимает. Приходится выкручиваться: *одержу победу*. Точно так же по непонятной причине глагол *помочь* не желает иметь деепричастия. *Помогя, помогнув, помогши?* Нет, только *оказав помощь*.

Где же здесь основные признаки грамматики: обязательность, регулярность, безразличие к значению конкретного слова? Сплошные капризы, тонкости и исключения. Но, если вдуматься, противоречия здесь нет. Представьте, выпускают на заводе телевизоры. Все они сделаны по общей схеме и вроде бы должны одинаково работать. Но один подключили к хорошей ан-

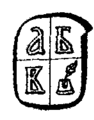
ГРАММАТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

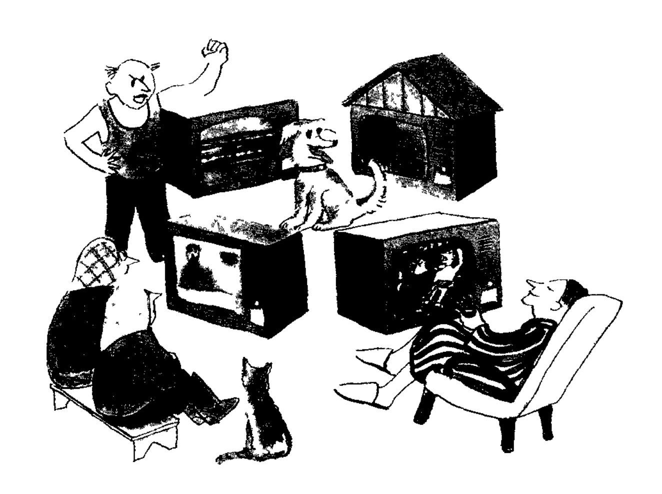
Чтобы изучить язык, необходимо иметь точные сведения о том, как изменяются слова по падежам, числам и т. д. Эти сведения можно представить в виде специальных помет, отсылающих к соответствующим образцам склонения и спряжения. Существует особый тип словарей, в которых собрана информация такого рода, — грамматические словари.

Ниже даны некоторые русские существительные в том виде, в каком они представлены в «Грамматическом словаре русского языка»:

вéдьма **ж о 1 а**
дождь **м 2 b**
карáсь **м о 2 b**
няня **ж о 2 а**
одеяло **с 1 а**
олéнь **м о 2 а**
похвалá **ж 1 b**
пýля **ж 2 а**
габýн **м 1 b**
чертá **ж 1 b**
шеф **м о 1 а**

Установите, что означает каждая из указанных помет, и определите, какие пометы имеют в «Грамматическом словаре русского языка» следующие слова: *блин, вещество, вождь, карта, княгиня, миля, множество, пашпирь, слон, ярус*.





тение в столичном городе — и он показывает 20 каналов, а другой отвезли в глухую деревню — и он еле-еле ловит два. С одним обращались аккуратно, а другой уронили трижды, пока несли из магазина, и каждый день бьют по нему кулаком. А ещё из одного хозяин вообще всю электронику вытряхнул и сделал будку для собаки. Конечно, теперь все эти одинаково сделанные телевизоры работать (или не работать) будут по-разному. Но говорит ли это о том, что схема была нелогична? Описывая грамматику языка в целом, мы говорим не о формах конкретных слов, а о системе форм, которая предусмотрена языком для слов каждого типа: для существительных, прилагательных, глаголов. А судьба каждого отдельного слова может быть гораздо сложнее приключений телевизоров.

ЧАСТИ РЕЧИ: МИФЫ И СУРОВАЯ ПРАВДА

Дом — существительное, *высокий* — прилагательное, *стоит* — глагол, *недалеко* — наречие. Не нужно глубоких познаний в лингвистике, чтобы определить, к какой части речи принадлежит слово. И всё же попробуем задуматься: откуда мы знаем, что *дом* — существительное, а *стоит* — глагол? Вопрос надо задать, ответит любой школьник. «Что?» — дом; «что делает?» — стоит. Допустим. Но откуда мы знаем, какой именно вопрос нужно задать? Никто никогда не спросит: «что?» — *белый* или «как?» — *стена*. Похоже, что мы с самого начала знаем, к какой части речи относится данное слово и вопрос подгоняем под это знание.

Может быть, подсказкой служит значение слова? В школе учат, что существительное обозначает предмет, прилагательное — признак, глагол — действие. Вот мы и рассуждаем: *дом* — предмет, значит, это существительное; *высокий* — признак, значит, это прилагательное. И слово *бег* тоже называет предмет? И *белизна* — предмет? Как-то не верится. Почему *дом* и *вечер* — предметы, а *домой* и *вечером* — признаки действия? По смыслу ***совершить осмотр*** и *осмотреть* — одно и то же, но в одном случае слово обозначает предмет *(осмотр)*, а в другом — действие *(осмотреть)?* Да и как быть с *пуськами бятыми?* Ведь в этом случае абсолютно неоткуда было узнать, какое слово называет предмет, а какое — признак: все они непонятные. Между тем части речи легко определились. Единственное, за что можно было «зацепиться», — окончания. *Бят**ые*** — такое же окончание, как в словах *молод**ые**, золот**ые**, родн**ые***, а значит, та же система форм, та же парадигма. То есть *бятые* для нас прилагательное именно потому, что прилагательными являются *молодые, золотые* и еще множество известных нам слов с таким же набором окончаний.

Вот каков, оказывается, механизм, позволяющий нам определить, к какой части речи принадлежит слово. Слышим — *дом*. Вспоминаем, что это одна из форм парадигмы *дом — дома — дому — дом — домом — (о) доме — дома — домов — домам — дома — домами — (о) домах*. Парадигма включает формы шести падежей и двух чисел, а слова, которые так изменяются, мы и называем существительными. После этого можно уже и вопрос задавать, и о значении рассуждать — часть речи известна. Она определена на основании строгого, проверяемого критерия — парадигмы. Прилагательные — это слова, парадигма которых включает формы трёх родов, двух чисел и шести падежей. Числительные — слова, парадигма которых состоит только из падежных форм, больше они никак не изменяются. Глаголы — слова, имеющие формы вида, наклонения, времени, лица и числа, а в прошедшем времени — ещё и рода. Наречия — слова, которые не изменяются.

Слова с одним и тем же набором словоформ и образуют *ч а с т ь р е ч и*. Миф о том, что принадлежность слова к части речи зависит от его значения или что она может быть определена по вопросу, уходит корнями в глубокую древность, ко временам первых античных грамматик. В своё время по их образцу были созданы первые русские грамматики, затем этот миф попал в школьные учебники и стал общепринятым убеждением. В лингвистике такой подход давно считается устаревшим, а новое, строгое понятие частей речи обосновал русский

учёный Филипп Федорович Фортунатов (1848—1914)

Последовательно придерживаясь этого определения частей речи, мы найдем в школьной грамматике немало противоречий. Например, слова *первый, пятый, сороковой* отнесены в учебниках к числительным, поскольку называют порядковый номер предмета. Но слова эти изменяются по родам, числам и падежам, а значит, являются прилагательными. Сравним *пят**ый** — добр**ый**, пят**ая** — добр**ая**, пят**ое** — добр**ое**, пят**ые** — добр**ые**, пят**ого** — добр**ого**, пят**ых** — добр**ых*** и т. д. Окончания одинаковые, формы одинаковые — перед нами слова одной части речи. И слово *один*, хоть и называет число, — не числительное, а прилагательное, в этом легко убедиться. Да и странно как-то считать числительным такую, например, форму, как *одни*. *Одни* — это множественное число, а значение слова — 'число предметов, равное единице'. Не может что-то быть сразу и одно, и много! А слова *тысяча* и *миллион* — существительные, так как изменяются по числам и падежам, и это не мешает им называть число и отвечать на вопрос «сколько?».

Но самое большое недоразумение, появившееся в результате выделения частей речи по значению, — это... лишняя часть речи! Что объединяет слова *ты, они, кто, сколько, где, некий, когда, так?* У них особое значение, точнее, этого значения у них как бы нет. *Они* — это и *люди*, и *друзья*, и *коты*, и *леса*, и *мосты*, и *вирусы*. *Сколько* может быть и *пять*, и *десять*, и *нуль*. *Так* — это и *весело*, и *грустно*, и *быстро*, и *противно*. Каждое из этих слов может заменять в предложении другие слова, причём по определённым правилам. *Так* не заменит слово *весёлый*, а *сколько* — слово *человек*. Ведь тогда разрушилось бы предложение: эти слова поразному изменяются и не могут занимать в предложении одно и то же место. Заменять можно только слова, которые изменяются так же, имеют ту же парадигму, иначе говоря, слова той же части речи. *Они* и *что* могут заменять существительные, *какое* и *некий* — прилагательные, *сколько* — числительные и т. д. Подобные слова с «пустым» значением в школе называют *местоимениями*. Особенность значения у них общая, а грамматически они все разные, как и положено словам разных частей речи. Есть местоимённые прилагательные,

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Каждое слово характеризуется в «Грамматическом словаре» четырьмя признаками, которым соответствуют четыре последовательные позиции:

1) род: мужской/женский/средний;

2) одушевлённость: одушевлённое/неодушевлённое (не помечается!);

3) конечная согласная основы: твердая (окончания **-а, -ы** и т. д.)/мягкая (окончания **-я, -и** и т. д.);

4) ударение: падает на основу/на окончание (когда оно есть).

Сокращенные пометы:

ж — женский род; **м** — мужской род; **с** — средний род; **о** — одушевлённость; **1** — последняя согласная основы твёрдая; **2** — последняя согласная основы мягкая; **a** — ударение падает на основу; **b** — ударение падает на окончание (там, где оно есть).

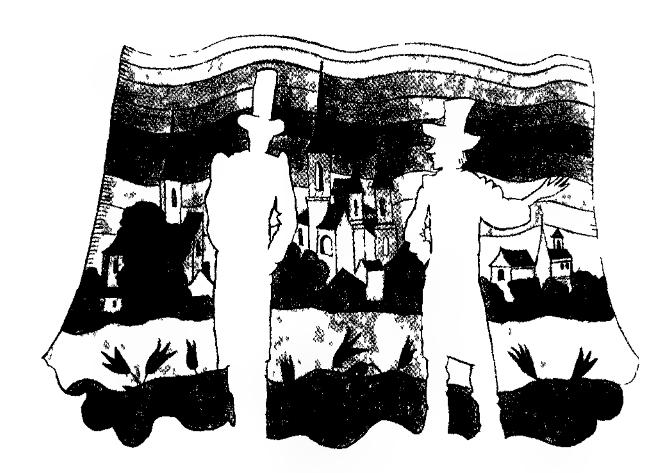
Слова из задания должны получить следующие пометы.

блин **м 1 b**
вещество́ **с 1 b**
вождь **м о 2 b**
ка́рта **ж 1 а**
княги́ня **ж о 2 а**
ми́ля **ж 2 а**
мно́жество **с 1 а**
па́нирь **м 2 а**
слон **м о 1 b**
я́рус **м 1 а**

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ СЛОВ

Можно допустить, что два слова входят в один грамматический класс, если они могут изменяться по одинаковым грамматическим категориям (примеры грамматических категорий — падеж, число, время и т. п.).

Разбеите на грамматические классы следующие слова: *верблюд, который, кто, лисий, мужичье, некто, пятый, пять, синий, три, четыре*. Для каждого класса укажите, по каким грамматическим категориям изменяются слова, в него входящие.



Местоимения — слова с «пустым» значением.

ФИЛИПП ФЁДОРОВИЧ ФОРТУНАТОВ

Выдающийся русский лингвист Филипп Фёдорович Фортунатов родился в семье педагога — директора Петрозаводской гимназии. Поступив на историко-филологический факультет в Московский университет, Ф. Ф. Фортунатов под руководством Фёдора Ивановича Буслаева увлечённо занимался сравнительно-историческим языкознанием, изучал древнеиндийские памятники письменности. В 1875 г. была опубликована его магистерская диссертация «Sāmaveda — Aranyaka — Samhitā», представлявшая собой критическое издание, перевод и комментарий этого древнейшего ведического текста. В качестве приложения был дан очерк «Несколько страниц из сравнительной грамматики индоевропейских языков». Это была первая русская работа по сравнительному языкознанию — направлению, господствовавшему в лингвистике на протяжении всего XIX столетия.

В 1876 г. Ф. Ф. Фортунатов был избран профессором кафедры сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков и началась его педагогическая деятельность в Московском университете. «Неимоверно разрослось то дело, которое 22 января 1876 года в 10 часов утра начал молодой доцент Фортунатов», — писал Михаил Николаевич Петерсон о своём учителе. За время работы в Московском университете Ф. Ф. Фортунатов создал целую систему преподавания лингвистических дисциплин для подготовки специалистов по сравнительно-историческому языкознанию.

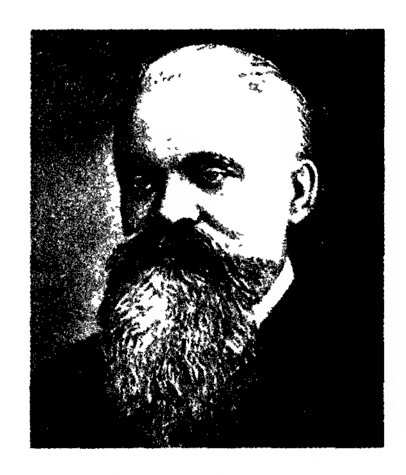
Исследования в этих направлениях могли проводить лишь высококвалифицированные специалисты. Для работы в области сравнительно-исторического языкознания, во-первых, необходимо было овладеть основными, так называемыми опорными языками: древнеиндийским, древнегреческим, латинским, старославянским и литовским. По всем этим языкам велись специальные занятия. Во-вторых, читались общие теоретические курсы. Лекции Ф. Ф. Фортунатова отличались глубиной мысли и содержали богатейший фактический материал. «Предметом, изучаемым в языковедении, является не один какой-либо язык и не одна какая-либо группа языков, а вообще человеческий язык в его истории», — говорил он.

Лекции Ф. Ф. Фортунатова слушали многие выдающиеся русские и зарубежные лингвисты. На его учении выросла Московская фортунатовская школа в языкознании, или *Московская лингвистическая школа*. Ученики Фортунатова в разных научных областях последовательно проводили основную идею своего учителя: «Лингвистические задачи следует решать лингвистическими методами». В то время господствовало представление о том, что предмет языкознания находится в ведении различных дисциплин: синтаксис принадлежит логике, морфология — психологии, фонетика — акустике и физиологии, а лексика — истории народа. Лингвистику не признавали самостоятельной наукой. Основоположники сравнительно-исторического языкознания, исследовав определённые звуковые изменения в родственных языках, сформулировали первые языковые законы и методы исследования. Благодаря этим достижениям лингвистика стала наукой. Фортунатовская школа продолжила деятельность, превратившую описательное языкознание в подлинную науку, освобождая лингвистику от психологизма, а язык — от навязанных, несвойственных ему явлений и категорий.

Ещё в курсе лекций 1882/83 гг. Ф. Ф. Фортунатов ввёл термин *морфология* вместо бытовавшей в то время *этимологии* и разработал *учение о форме слова*, превратив морфологию в самостоятельную дисциплину об устройстве морфологического яруса языка. Фортунатовское учение о форме слова опиралось на реально существующее в языке материальное выражение этой формы, т. е. форма слова могла быть установлена только там, где она материально представлена. Это положение не давало возможности фантазировать, рассуждая о языке. Язык, по Ф. Ф. Фортунатову, — это строгая система, в которой всё взаимосвязано и взаимообусловлено, а её закономерности можно строго обосновать и проверить.

Учение о грамматической форме вызвало в лингвистике шквал плодотворных идей, оно было продолжено учениками Ф. Ф. Фортунатова, так называемым *вторым поколением* Московской лингвистической школы: Николаем Николаевичем Дурново, Дмитрием Николаевичем Ушаковым, Михаилом Николаевичем Петерсоном, Александром Матвеевичем Пешковским, Алексеем Александровичем Шахматовым, Александром Ивановичем Соболевским, Виктором Карловичем Поржезинским и др.

Фортунатовская морфология, его учение о форме слова заложили фундамент нового лингвистического мировоззрения, нацеленного на поиск внутренних, собственно лингвистических связей, закономерностей в языке. Не случайно ученики учеников Ф. Ф. Фортунатова, молодые последователи его учения, уже *третье поколение* Московской лингвистической школы — Рубен Иванович Аванесов, Владимир Николаевич Сидоров, Александр Александрович Реформатский, Пётр Саввич Кузнецов и другие — явились создателями *фонологии*, строгой науки, формировавшей лингвистическое мышление XX в.



Филипп Фёдорович Фортунатов.

местоименные числительные, местоименные наречия. А говорить о том, что местоимения — отдельная часть речи, конечно, не приходится. Местоимения — явление лексики, а не грамматики (хотя некоторые интересные грамматические особенности у части из них есть, например, число у личных местоимений, о котором говорилось выше).

* * *

Итак, мы увидели, что грамматика языка — особый мир, мир отношений, не зависящий прямо от значений конкретных слов. Что включать в грамматику, а что нет, в каждом языке решается по-своему, но общие черты всех грамматик — строгость, обязательность и выражение связей между словами. Красота грамматики —

УЧЕНИЕ Ф. Ф. ФОРТУНАТОВА

Современное учение о грамматической форме слова опирается на идеи выдающегося русского языковеда Филиппа Федоровича Фортунатова. Он считал, что слово имеет форму, если в нем можно выделить основу, с которой связано его главное значение (Фортунатов называл его реальным), и аффикс, выражающий формальное значение. Формальное значение как-то видоизменяет или уточняет реальное значение. Интересен метод, которым пользовался Фортунатов, чтобы выделить эти части слова. Например, он сопоставлял слово *несу* (современные лингвисты сказали бы: словоформу *несу*), с одной стороны, со словами (словоформами) *беру, веду*, а с другой — со словами *несешь, несет*. *Несу* обозначает такое же действие, как и *несёшь, несет*. Значит, можно связать это значение с общей частью всех этих словоформ — основой *нес*. А словоформы *несу, беру, веду* называют разные действия, но все они содержат указание, что действует сам говорящий. Следовательно, это значение выражено общей частью этих словоформ, т. е. окончанием ***-у***.

В этой процедуре выявились два важнейших свойства формы слова. Во-первых, форма обязательно должна быть как-то внешне выражена (например, аффиксом, в том числе и нулевым).

В русском языке форма творительного падежа может употребляться в разном значении: например, в значении орудия (*ударить камнем, вязать крючком, копать лопатой*), сравнения (*упасть камнем*, т. е. 'как камень', *нос крючком, борода лопатой*). Но отсюда нельзя делать вывод, что у нас есть форма орудийного или сравнительного падежа, потому что нет особых аффиксов (или других средств), выражающих эти значения.

Во-вторых, формальное значение всегда сопутствует основному: слово может состоять из одного корня (носителя основного значения слова), но оно не может состоять только из аффикса (носителя формального значения).

Повторение той же процедуры позволяет выделить не только окончания, но и другие аффиксы (если они есть). Например, у существительного *избушка* выделяется окончание ***-а***, а потом суффикс ***-ушк-*** (сравните: *изба — избушка, комната — комнатушка, повесть — повестушка*). Фортунатов различал формы словоизменения (разные грамматические формы одного слова) и формы словообразования (разные слова, связанные словообразовательными отношениями). Если аффикс изменяет основное (лексическое) значение слова, то это разные формы словообразования: *избушка* — это маленькая *изба*. А если аффикс не изменяет лексического значения слова, а только добавляет к нему то или иное синтаксическое значение, то это формы словоизменения. Таковы, например, падежные формы существительного. Сравните: *Избушка там на курьих ножках/Стоит без окон, без дверей* и *В избушке, распевая, дева прядет...* (А. С. Пушкин). Форма именительного падежа указывает, что *избушка* производит действие (хотя это действие и заключается в том, что она стоит), а форма предложного падежа — что она служит местом действия (дева там прядет и распевает).

Число существительных Фортунатов относил к формам словообразования, т. е. считал единственное и множественное число существительных (*дом — дома́, лошадь — лошади*) разными словами. Ведь выбор числа у существительных зависит не от синтаксических отношений, а от реальных предметов (их числа); сравните: *парнишка пасет лошадь — парнишки пасут лошадей*. Такие различия Фортунатов считал лексическими. Другое дело — формы числа у прилагательных и глаголов, которые определяются согласованием с существительными. У них число относится к формам словоизменения.

Однако большинство современных лингвистов, в том числе и многие последователи Фортунатова, относят число существительных к формам словоизменения. Для них основным критерием грамматических форм является их регулярность.

По своим грамматическим формам слова делятся на грамматические классы. Такими классами являются известные с античных времен части речи: существительные, прилагательные, глаголы. Но традиционная система частей речи непоследовательна. Она смешивает разные принципы группировки слов: одни части речи выделяются по грамматическим значениям, выраженным в их формах, другие — по характеру их лексических значений. Так, местоимения выделяются в отдельную часть речи, хотя общих для местоимений грамматических форм нет. Фортунатов убедительно показал всю непоследовательность такой классификации слов по частям речи.

Именно с идей Фортунатова ведет начало новый, строго научный подход к изучению грамматики языка, поэтому его учение по праву считается важнейшим этапом становления языкознания как науки.

это красота холодной логики и строгой системности.

Мы ещё раз убедились, что любое утверждение о единицах языка или об их свойствах должно быть строго обосновано. Аргументы типа «так принято считать», или «так написано в учебнике», или даже «так считали древние греки» к достоверным результатам не приведут. В то же время даже самый строгий научный подход не может сделать грамматику абсолютно прозрачной. Наоборот, чем точнее выбран угол зрения, тем больше тайн в ней обнаруживается. А значит, появляется больше возможностей эти тайны раскрыть.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

В любом учебнике, школьном или вузовском, описание русских частей речи начинается с *имени существительного*, и это не случайно. Обозначение предметов и явлений действительности — одно из основных назначений языка. Именно существительное позволяет передать информацию о действующих лицах описываемой ситуации: *Дети играют в мяч; Коту снится сон про горшок со сметаной; В сказках добро побеждает зло; Сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы.* Часто говорят, что существительное обозначает предмет. Но под предметами в этом случае придётся понимать и *красоту*, и *элегантность*, и *ходьбу*, и *сияние*, и *синеву*, и *сон*.

В предложении существительное требует «лояльности» от прилагательных и причастий, задаёт для них формы рода, числа и падежа: *светл**ый** день — светл**ого** дня — светл**ые** дн**и**; наступающ**ий** день — наступающ**его** дн**я** — наступающ**ие** дн**и**.* Это естественно, ведь они называют признак предмета, и согласование эту связь с предметом выражает. Существительное в русском языке идёт дальше: «помыкает» даже «хозяином» предложения — глаголом, вынуждая его согласовываться по числу и роду: *дуб вырос, берёз**а** вырosл**а**, дерев**о** выросл**о**, дерев**ья** вырос**ли**.* Существительное не только «властный начальник», но и гибкий подчинённый. Его падежные формы передают разные оттенки вовлечённости предмета в действие: *дыхание весн**ы**, радуюсь весн**е**, предчувствую весн**у**, наслаждаюсь весн**ой**, мечтаю о весн**е**...*

Система форм существительного кажется более простой по сравнению с системой форм прилагательного или тем более глагола. Два числа, шесть падежей; склонение обычно зависит от рода. Но внимательный взгляд обнаружит за кажущейся простотой множество грамматических парадоксов.

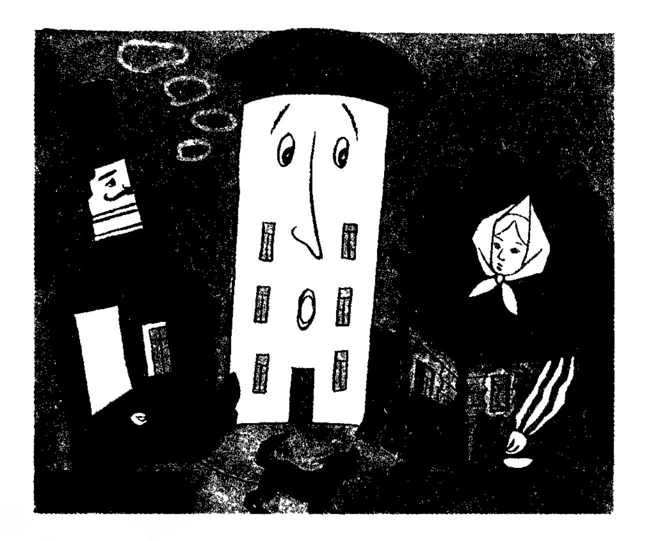
МУЖЕСТВЕННЫЙ ДОМ И ЖЕНСТВЕННАЯ ИЗБА

В первом классе учат определять род существительного, мысленно подставляя к нему слова *он, она, оно* или *мой, моя, моё*. Конечно, на самом деле всё происходит наоборот. Мы соединяем

Существительное в русском языке не только «властный начальник», но и «гибкий подчиненный»

со словом *зверь* слова *он* и *мой,* а со словом *дверь* — *она* и *моя* именно потому, что знаем: *зверь* — мужского рода, а *дверь* — женского. Ни одному носителю русского языка, даже совершенно неграмотному, не придёт в голову сделать наоборот. Простой приём с местоимениями лишь помогает осознать своё знание. Но откуда оно берётся? Те, кто изучали иностранный язык, существительные в котором имеют категорию рода, знают, сколько трудностей это вызывает. В испанском, например, *браслет (pulsera)* — женского рода, *брошь (broche)* — мужского, *кольцо (anillo)* — тоже мужского, а *обручальное кольцо (alianza)* — опять женского! Единственная возможность правильно строить предложения — просто запомнить род этих слов, ведь от этого зависят формы прилагательного и артикля.

Получается, что род любого из десятков тысяч существительных родного языка каждый из нас просто помнит! Абсолютно каждый, даже тот, кто не может выучить таблицу умножения. Но, конечно, мы помним род существительных не в виде списка: *дом* — мужской род, *изба* — женский, *здание* — средний. Просто, усваивая в детстве родной язык, мы незаметно для себя усваиваем и такое правило: слова, которые изменяются с помощью окончаний ∅ — ***а*** — ***у*** — ∅ — ***ом*** — ***е*** — ***ы*** — ***ов*** — ***ам*** — ***ы*** — ***а*** — ***ами*** — ***ах*** (такие, как *дуб, мост*), должны сочетаться со словами, у которых набор окончаний ***ой*** — ***ого*** — ***ому*** — ***ой*** — ***ым*** — ***ом*** — ***ые*** — ***ых*** — ***ым*** — ***ые*** — ***ыми*** — ***ых*** (такими, как *молодой, удалой).* Именно это знание позволяет нам правильно подставлять заветные *он* и *мой,* а иностранцу, изучающему русский язык, этот приём нисколько не помог бы. Таким образом, в школе мы всего лишь осознаём уже имеющееся у нас знание и привыкаем называть это явление языка грамматическим родом.



Определить род существительного намного легче, чем ответить на вопрос, почему то или иное слово именно такого рода. Понятно, почему слова *мальчик, отец, учитель, спортсмен, петух, баран* — мужского рода, а слова *девочка, мама, медсестра, гимнастка, курица, овца* — женского. Их род соответствует полу обозначаемых людей и животных. Но что мужского в *стуле* и *носе* и что женского в *табуретке* и *брови*? И почему эти слова язык наделяет «полом», а *ведро* и *окно* относит к среднему роду? А слова *каникулы, шахматы, сумерки* вообще без рода обходятся! Если бы род слов был напрямую связан с их значениями, его не нужно было бы запоминать. Более того, в этом случае во всех языках, имеющих категорию рода, слова, называющие одни и те же предметы, были бы одного рода. Именно так и происходит с существительными, называющими живых существ: у них род связан со значением, поэтому *корова* или *сестра* будут женского рода почти во всех языках. Почти, потому что взгляды на род в языках могут быть очень разными. Одни языки оставляют пол только людям, а животные и предметы всегда среднего рода, другие выделяют ещё «невзрослый» род и род для названий животных В немецком, например, слова *das Weib* («женщина») и *das Madchen* («девочка») среднего рода. Поэтому даже в случаях, когда род связан со свойствами обозначаемого предмета, грамматика подчиняется не логике реального мира, а логике языка. А с точки зрения языка род — такое качество существительного, которое определяет форму зависимого от него прилагательного или глагола. Сочетания *весёлое вечер* или *пришла брат* невозможны. Если необходимости определять форму прилагательного нет, род существительным не нужен. Во множественном числе прилагательные и глаголы по роду не различаются — есть общая форма для всех слов: *знакомые мальчики, девочки, окна; показались мальчики, девочки, окна.* Поэтому у существительных, не имеющих форм единственного числа *(сани, шахматы, проводы),* рода нет.

ДВА = МНОГО

Грамматическая категория числа кажется самой простой в русской грамматике: две формы, образуется в основном с помощью окончаний, грамматическое значение понятно. У прилагательных или глаголов она действительно уст-

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ СЛОВ

Сначала нужно найти те грамматические категории, по которым может изменяться хотя бы одно слово из приведённого списка.

(1) Падеж. По падежам изменяются все приведённые слова, кроме *некто.*

(2) Число. Одни слова изменяются по числам, другие (числительные *два, три, четыре, пять,* местоимения *кто, некто,* а также существительное *мужичьё*) — нет.

(3) Род. Изменяются по родам *белый, лисий, пятый, который,* а также *два* (сравните: *два сына* и *две дочери*); остальные слова по родам не изменяются (это верно и для таких слов, как *пять,* которые вообще не имеют рода, и для таких, как *стол,* которые имеют вполне определённый, фиксированный род).

(4) Одушевлённость. По этой грамматической категории изменяются *белый, лисий, пятый, который* (сравните: *вижу пятого юношу* и *вижу пятый дом;* здесь *пятого* и *пятый* — формы винительного падежа единственного числа мужского рода; эти формы различаются только по одушевлённости и неодушевлённости), а также *два, три, четыре* (сравните: *вижу двух сыновей* и *вижу два стола*). Остальные слова не изменяются (сравните сказанное выше о роде).

(5) Степени сравнения. По ним изменяется лишь слово *белый.*

(6) Противопоставление полных и кратких форм. Оно представлено только у слова *белый.*

Таким образом, приведённые слова разбиваются на семь грамматических классов.

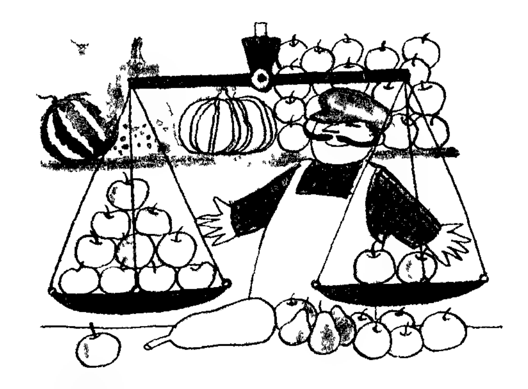
Класс		Грамматические категории, по которым изменяются слова данного класса					
Номер	**Состав**	**Падеж**	**Число**	**Род**	**Одушевлённость**	**Степень сравнения**	**Противопоставление полных и кратких форм**
(1)	*белый*	+	+	+	+	+	+
(2)	*лисий, пятый, который*	+	+	+	+	–	–
(3)	*сын, стол*	+	+	–	–	–	–
(4)	*два*	+	–	+	+	–	–
(5)	*три, четыре*	+	–	–	+	–	–
(6)	*пять, кто, мужичьё*	+	–	–	–	–	–
(7)	*некто*	–	–	–	–	–	–

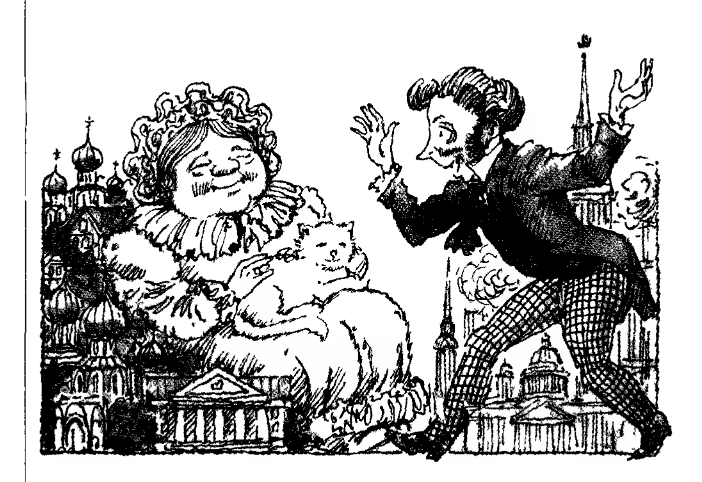
роена достаточно просто, а вот у существительных вызывает немало вопросов.

Начнём со значения. Единственное число — предмет один, множественное — много. Сколько — много? Хотя бы два, для грамматики два — много. Когда-то в русском языке существовала ещё форма двойственного числа — специально для называния парных предметов, и тогда «много» начиналось с трёх (подробнее об этом см. в статье «История русской грамматики»).

Значение ясно, но грамматическое ли оно? Грамматические значения выражают отношения, связи между словами в предложении, а факт, что в ситуации участвует один предмет или несколько, относится к реальности, а не к связи слов. *Мы купили стол; Мы купили столы* — на грамматических связях слов смена числа никак не отражается. С другой стороны, не считать же *стол* и *стол**ы*** разными словами, а окончание ***-ы*** — словообразовательным аффиксом, подобным ***-тель*** или ***-ник?*** Формы числа обязательны, образуются регулярно, а это верные признаки грамматического явления. Противоречия числа заметили давно. Некоторые учёные склонны выводить число за пределы грамматики, большинство всё-таки считает его грамматическим явлением. Но независимо от названий и классификаций природа числа остаётся противоречивой.

Есть множество случаев, когда то, что на первый взгляд кажется формами числа, оказывается разными словами. Например, *металл — **металлы:*** ведь *металлы* — это не много металла,





МУЖИ И МУЖЬЯ

Существительное *муж* в разных значениях имеет разные формы множественного числа:

муж 'супруг', множественное число *мужья, мужей, мужьям, мужьями, о мужьях;*

муж 'мужчина' (устарелое и в высоком стиле, а также в некоторых сочетаниях), множественное число *мужи, мужей, мужам, мужами, о мужах (ученые мужи; государственные мужи).*

Формы родительного падежа в разных значениях совпадают *(мужей)*. Но одинаково ли они образованы?

О ЗНАЧЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА

У одушевленных существительных грамматические формы рода передают значение 'мужской пол' — 'женский пол' А у неодушевленных существительных грамматические формы рода не выражают никакого значения.

Однако это не всегда так. В художественном творчестве формы рода существительных неодушевленных могут передавать значение 'мужчина' и 'женщина'. Вот примеры, которые приводит знаменитый русский языковед В. В. Виноградов: «Н В. Гоголь в „Петербургских записках 1836 г " писал: „Москва женского рода, Петербург мужского. В Москве все невесты, в Петербурге все женихи <...>

Москва — старая домоседка, печет блины, глядит издали и слушает рассказ, не подымаясь с кресел, о том, что делается на свете; Петербург — разбитной малый, никогда не сидит дома, всегда одет и, охорашиваясь перед Европой, раскланивается с заморским людом" <.. >

А. С Шишков приводил любопытный пример толкования категории рода царской цензурой начала XIX в.: „Цензоры во все времена были у нас большею частию худы, то есть не довольно сведущи в словесности Я помню, давно уже, что один из них не хотел пропустить выражения *нагая истина,* сказывая, что истина женского рода, и потому непристойно ей выходить в свет нагой".

Сравните: в сказке Салтыкова-Щедрина „Добродетели и пороки": „Произросло между ними в ту пору существо среднего рода, ни рак, ни рыба, ни курица, ни птица, ни дама, ни кавалер, а всего помаленьку. Произросло, выровнялось и расцвело. И было этому межеумку имя тоже среднего рода: Лицемерие"».

Особенно ярко значение форм рода обнаруживается при поэтических переводах с одного языка на другой. Еще несколько примеров из коллекции В. В. Виноградова: «...Немецкое *ein Fichtenbaum* в разных переводах стихотворения Гейне „Ein Fichtenbaum steht einsam..." (Lyrisches Intermezzo, XXXIII) передавалось по-разному. У Ф. И. Тютчева говорится о *кедре*:

На севере мрачном, на дикой скале,
***Кедр** одинокий под снегом белеет,*
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его буря лелеет.

Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет одиноко.

У Лермонтова — под влиянием женского рода слова *сосна* — решительно меняется смысл стихотворения.

На севере диком стоит одиноко
*На голой вершине **сосна***
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она

И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

Л. В. Щерба замечает по этому поводу: „Мужской род (*Fichtenbaum,* а не *Fichte*) не случаен, и в своем противоположении женскому роду — *Palme* — он создает образ мужской неудовлетворенной любви к далекой, а потому недоступной женщине. Лермонтов женским родом *сосны* отнял у образа всю его любовную устремленность и превратил сильную мужскую любовь в дружбу"».

ЕСТЬ ЛИ ЗУБЫ У РЫБЫ?

«Локоткову удавалось входить в доверие к учителю французского языка и коварно выводить его на посмешище, уверяя его во время перевода, что сказать: ***у рыб нет зуб*** *невозможно, а надо говорить: или* ***у рыбей нет зубей,*** *или* ***у рыбов нет зубов*** *и т. п.»* (Н. С. Лесков. «Смех и горе»).

Вероятно, это и есть «первоисточник» шутливого грамматического вопроса, который многие, наверное, помнят с детства: *«Как правильно:* ***у рыбей нет зубей, у рыбов нет зубов*** *или* ***у рыб нет зуб?****»*. Дайте обстоятельный ответ на этот вопрос, обосновав его закономерностями русской морфологии.

СОГЛАСОВАТЕЛЬНЫЕ КЛАССЫ

Дана следующая запись: *Я вижу больш- _______, кажд- из которых красив-*. Если вместо прочерка поставить какое-нибудь существительное в винительном падеже множественного числа, то вместо черточек могут появиться только вполне определенные окончания, которых требует (допускает) это существительное. Два существительных входят в один согласовательный класс, если они требуют одних и тех же окончаний.

Определите, сколько таких классов существительных в русском языке. Приведите по крайней мере по одному примеру из каждого класса.

КАПРИЗЫ ПАДЕЖЕЙ

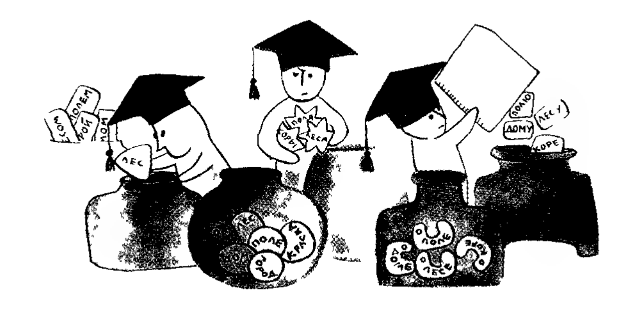
Почему нельзя сказать: *«Жизнь и ловля пресноводных рыб»?* Десятки, сотни подобных словосочетаний не вызывают возражений: *поиски и находки ученых, труд и отдых рабочих* и т. д. Обычно отвечают так: *жизнь рыб* — это они сами живут, сами действуют, а *ловля рыб* — это не они ловят, а их ловят. Можно соединять два словосочетания, когда *обозначаются* действия, поступки одних и тех же существ. Следовательно, падеж один, а смысл разный...

Отчасти значение падежа можно вывести из его названия. «Родительный, — отмечал академик В. В. Виноградов, — получил свое имя от того, что он иногда обозначал род, принадлежность, происхождение. Дательный своим названием выражал одну из своих функций.. (сравните употребление дательного падежа при глаголе *дать* — *давать*)». Творительный падеж ввел в 1596 г. один из первых русских грамматиков Лаврентий Зизаний. Этот падеж связан по значению с глаголом *творить,* 'делать что-то при помощи какого-нибудь орудия, средства', поэтому основное значение творительного падежа орудийное, инструментальное (*работать топором, молотком* и т. д.). Мелетий Смотрицкий в своей «Грамматике» (1619 г.) дополнил русскую падежную терминологию еще сказательным падежом (сравните: *говорить — сказать о чем-нибудь*), который потом Ломоносовым был переименован в предложный.

Идеальный принцип любой грамматической категории (связь смысла и формальных признаков) постоянно нарушается, когда мы имеем дело с категорией падежа. Любой падеж имеет не одно, а несколько значений. Например, наиболее характерно для творительного падежа 'значение орудия или средства, при помощи которого производится действие'. Но, кроме того, есть творительный времени — *днем, вечером* (это совсем не то, что *писать пером*); творительный способа и образа действия — *шагом, боком;* творительный сравнения — *лететь стрелой* и т. д. Если исходить из значения, только внутри творительного падежа можно выделить несколько падежей.

Итак, определить число падежей на основе формальных признаков нельзя, так как среди них нет единообразия, на основе смысла — тоже нельзя, так как нет предела для дробления значений. Сколько же падежей? Этот вопрос ставил еще академик А. И. Соболевский, он писал: «Сколько падежей? Ответ на этот вопрос не только труден, но прямо невозможен. Если принять за основание звуковую форму имени... то мы должны будем сказать, что одни имена (например, *кость* — только с тремя разными звуковыми формами единственного числа) имеют меньше всего падежей, чем другие... и что число падежей неопределенно. Если же принять за основание грамматическое значение... то мы должны будем насчитать большое количество падежей... Тогда, например, форма *хлеба* в разных предложениях *(я взял себе хлеба, мясо лучше хлеба, мягкость — свойство хлеба)* будет представлять три падежа..»

(По книге В. В. Одинцова «Лингвистические парадоксы».)



МУЖИ И МУЖЬЯ

Эти две формы родительного падежа, пишущиеся и звучащие одинаково, образованы по-разному.

В первом случае все формы множественного числа образованы с «наращением» в основе «йота» [j]: *муж[j]а, муж[j]ам, муж[j]ами, о муж[j]ах*. В родительном падеже окончание нулевое, а в основе перед [j] появляется беглая гласная ***е***: *муже[j]*.

Так же образовано множественное число, например, у существительных *друг* (*дру**з**ья, дру**з**ей, дру**з**ьям* — с чередованием ***г/з***) и *княз**ь*** (*кня**з**ья, кня**з**ей, кня**з**ьям*). Но чаще во множественном числе с наращением [j] в основе родительный падеж имеет окончание ***-ов*** (на письме ***-ёв, -ев***): *зятья — зять**ёв**, братья — брать**ев**, стулья — стуль**ев***. А у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине» встречается и форма *мужьев*:

Служанки со всего двора
Про барышень своих гадали
И им сулили каждый год
***Мужьёв** военных и поход.*

Во втором случае родительный падеж образован с окончанием ***-ей***, закономерным у существительных мужского рода с основами на мягкие и шипящие согласные (*олен**ей**, цар**ей**, сторож**ей**, ерш**ей**, товарищ**ей***).

Итак, совершенно одинаковые и на письме, и по звучанию две формы *мужей* с точки зрения морфологии устроены по-разному. Они членятся так: *мужей* (с нулевым окончанием); *муж**ей*** (с окончанием ***-ей***).

а разные металлы. А *снег**а*** — не много снега и не разные виды снега, а снег, лежащий всюду, куда ни кинешь взгляд *Бег**а*** — тоже не множественное число от *бег*, а особый вид соревнований (*конные бега*). *свобод**ы*** — не множественное от *свобода*, а правовой термин (*гражданские права и свободы*) Во всех этих случаях перед нами разные слова, каждое из которых по числам не изменяется.

Не изменяются по числам многие существительные. Это обычно связано со значением слова: как посчитать *золото* или *воздух*, как представить себе их во множественном числе? А вот слова *чернила, духи, дрожжи*, наоборот, не имеют единственного Почему *молоко* невозможно во множественном, а *сливки* — в единственном, остаётся только гадать. Не мыслятся во множестве и многие слова, называющие отвлечённые понятия. *совесть, справедливость, творчество, синева, добро, любовь* (*любови* возможно лишь в ироническом смысле). Только в форме множественного числа существуют слова, называющие предметы, состоящие из двух частей: *ворота, штаны, очки, ножницы* и почему-то *часы*.

Даже в тех случаях, когда формы числа «в полном комплекте», в их употреблении не всё просто. Например, в предложении *Все дети любят мыть голову шампунем «без слёз»*, конечно, не имеется в виду, что все дети совместными усилиями моют одну-единственную голову. Знаменитый лозунг *Книга — источник знаний* тоже не подразумевает, что достаточно прочесть всего лишь одну книгу

Это далеко не полный перечень «странностей» числа существительных. Вот уж действительно обманчивая простота!

ИВАН РОДИЛ ДЕВЧОНКУ...

В предложении *После ужина в своём кресле под светом лампы мать выводила иголкой узоры, вышивала подарок сестре* множество существительных, каждое из которых называет так или иначе вовлечённый в ситуацию предмет. *Мать* — тот, кто производит действие, *узоры* и *подарок* — объект, на который действие направлено, *сестра* — адресат действия, *после ужина* — указывает на время действия, *в кресле* и *под светом* — на место, *иголка* — орудие, с помощью которого действие совершается, и т. д. Все эти сложные и разнообразные отношения в русском языке передаются с помощью падежных форм

В реальности вариантов отношений между участниками ситуаций, конечно, гораздо больше, чем падежей. Наверное, человеку, в родном языке которого 20 падежей, трудно понять, как мы обходимся шестью. Но разве кто-нибудь не смог выразить свою мысль лишь потому, что в русском языке не оказалось нужной падежной формы? Есть языки всего с двумя падежами и совсем без них, но на любом можно сообщить, кто совершает действие, с помощью чего и т. д.

В русском языке каждый падеж выражает не одно, а несколько значений. Например, предложный падеж· *Мне рассказали о городе* — объект действия, *Мы живём в городе* — место, *Люди*

в городе приветливые — определение. Помогают падежным формам передавать разные значения предлоги.

Считается, что падежей в современном русском языке шесть: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный (их порядок школьники запоминают с помощью забавного двустишия: *Иван родил девчонку, велел тащить пелёнку).* Но есть основания считать, что падежей в русском языке больше. Внутри родительного падежа есть формы с особым окончанием ***-у*** и со значением ограниченного количества: *положить сахар**у**, выпить ча**ю***. Внутри предложного тоже «спрятаны» два падежа, сравните: *о лес**е**, о снег**е**, о год**е*** и *в лес**у**, в снег**у**, в год**у***. Выделить эти формы в полноценные падежи мешает то, что они есть только у небольшого числа слов.

Изменение слова по падежам называют *склонением*. Способность склоняться — отличительная черта имён существительных, прилагательных, числительных. Падежные формы образуются с помощью окончаний; каждое слово имеет свой набор форм (парадигму) и свои окончания. Если брать всё новые и новые существительные и образовывать от них падежные формы, можно заметить, что наборы окончаний повторяются. *дом — дом**а** — дом**у** — дом — дом**ом** — (о) дом**е**; лес — лес**а** — лес**у** — лес — лес**ом** — (о) лес**е**; хлеб — хлеб**а** — хлеб**у** — хлеб — хлеб**ом** — (о) хлеб**е***. Таких основных наборов окончаний три: один для слов типа *дом*, другой для слов типа *страна*, третий — для слов типа *ночь*. Эти три набора форм называют *типами склонения*. Кроме трёх основных типов есть ещё и особые. Например, существительные, образовавшиеся из прилагательных и причастий, склоняются как прилагательные: *домов**ой** — домов**ого** — домов**ому** — домов**ого** — домов**ым** — (о) домов**ом***. Особый набор окончаний имеют слово *путь* и известная десятка: *время, племя, имя* и т. д

ЕСТЬ ЛИ ЗУБЫ У РЫБЫ?

Все три варианта, конечно, неправильны, но в разной степени. Первый вариант — наиболее неправильный. Обе формы неправильны, потому что окончание ***-ей*** родительного падежа множественного числа никогда не присоединяется к основам существительных, кончающихся на твёрдые согласные. Оно закономерно образует родительный падеж множественного числа от существительных мужского рода с основами, оканчивающимися на мягкие согласные, тогда как к основам на твёрдые согласные присоединяется окончание ***-ов.*** Вот регулярные соотношения: *угл**ов*** (от *угол*) — *угл**ей*** (от *уголь*), *маляр**ов*** (от *маляр*) — *пекар**ей*** (от *пекарь*), *ус**ов*** (от *ус*) — *гус**ей*** (от *гусь*).

Во втором варианте неправильно образована форма ***рыбов,*** потому что окончание ***-ов*** не может образовать родительный падеж множественного числа от существительных женского рода; форма *зуб**ов*** образована правильно.

Наконец, в последнем варианте тоже правильна только одна форма — *рыб∅*. Однако форма *зуб∅*, образованная с нулевым окончанием вместо окончания ***-ов,*** не нарушает резко закономерности русской морфологии. Ряд существительных мужского рода в порядке исключения имеет родительный падеж множественного числа с нулевым окончанием: *ботинок∅, сапог∅, партизан∅, грузин∅* и др. А в XIX в. была возможна наряду с формой *зуб**ов*** и форма *зуб∅*. Например, у А. С. Пушкина в «Домике в Коломне»:

> *Но Пегас*
> *Стар, **зуб** уж нет. Им вырытый колодец*
> *Иссох. Порос крапивою Парнас...*

О ЖИВЫХ КУКЛАХ И НЕЖИВОЙ ТОЛПЕ

Русские существительные имеют одну, очень своеобразную категорию одушевлённости/неодушевлённости. Большинство носителей русского языка уверены: одушевлённые существительные — это те, которые называют живые предметы (людей и животных), а неодушевлённые — все остальные. Определить, одушевлённое существительное или нет, можно якобы по вопросу: «кто?» — *волк*, одушевлённое; «что?» — *дом*, неодушевлённое. О том, как вопросы «помогают» понять грамматику, уже говорилось. И в этом случае, как и при определении рода или падежа, мы заранее знаем, какой вопрос задавать. Откуда? Первое предположение — по значению: живое или неживое. Действительно, *волк* живой — «кто?», *дом*

неживой — «что?». Но *дуб* — «что?», хотя растения вообще-то живые. Дальше ещё удивительнее: *мертвец* — «кто?» (какой же он живой?!), *снеговик* — «кто?», а *народ* — «что?», хотя из живых людей состоит. Между тем вопросы заданы правильные, и спросить *мертвец* — «что?» или *народ* — «кто?» ни одному носителю русского языка в голову не придёт.

Что же заставляет нас вопреки значению слова, вопреки реальному делению на живое и неживое именно так подбирать вопросы? Оказывается, грамматика. Грамматике всё равно, кто дышит, ест и растёт, а кто нет. А что ей не всё равно? Сравните:

Им. п.	*дом∅*	*волк∅*
Род. п.	*дом**а***	*волк**а***
Дат. п.	*дом**у***	*волк**у***
Вин. п.	*дом∅*	*волк**а***
Твор. п.	*дом**ом***	*волк**ом***
Пред. п.	*(о) дом**е***	*(о) волк**е***

Данные слова одного типа склонения, поэтому и набор окончаний должны иметь одинаковый. И действительно, окончания совпадают во всех падежах, кроме винительного. У слова *дом* форма винительного падежа совпадает с формой именительного, а у слова *волк* — с формой родительного. Понаблюдаем ещё:

Им. п.	*дуб∅, народ∅*	*мертвец∅, снеговик∅*
Род. п.	*дуб**а**, народ**а***	*мертвец**а**, снеговик**а***
Дат. п.	*дуб**у**, народ**у***	*мертвец**у**, снеговик**у***
Вин. п.	*дуб∅, народ∅*	*мертвец**а**, снеговик**а***
Твор. п.	*дуб**ом**, народ**ом***	*мертвец**ом**, снеговик**ом***
Пред. п.	*(о) дуб**е**, (о) народ**е***	*(о) мертвец**е**, (о) снеговик**е***

Результат тот же: если форма винительного падежа совпадает с именительным, для нас это «что?», если с родительным — «кто?» (о том, почему это именно так, см. статью «История русской грамматики»).

Категория одушевлённости/неодушевлённости — ещё один пример того, что в языке логика иная, нежели в реальном мире. Для языка «живыми» оказываются *кукла, воздушный змей, шахматный ферзь*, а неживыми — *толпа* и *человечество* (проверьте это сами). По-видимому, для языка *ферзь* — фигура активная («ходит», «угрожает», даже может кого-то «съесть»), а *человечество* как единый деятель не воспринимается.

Множество парадоксов, связанных с существительными, имеет своё объяснение. Ведь они берут на себя так много ролей, так многообразен мир, который они называют!

СОГЛАСОВАТЕЛЬНЫЕ КЛАССЫ

Какие окончания могут стоять на месте черточек? Вместо первой чёрточки могут быть только окончания винительного падежа множественного числа прилагательных. Существуют два таких окончания: ***-ие*** (при употреблении прилагательного с неодушевлённым существительным) и ***-их*** (в случае одушевлённого существительного).

Вместо второй чёрточки можно поставить только окончания именительного падежа прилагательных: ***-ый, -ая, -ое*** или ***-ые.*** Окончание на месте третьей чёрточки либо совпадает со вторым окончанием, либо является окончанием краткого прилагательного (нулевое окончание, ***-а, -о*** или ***-ы***), каждое из которых **в** точности соответствует одному из вторых окончаний. Поэтому дальше можно рассматривать лишь первое и второе окончания.

Рассматривая всевозможные комбинации первого и второго окончаний, можно обнаружить существительные, которые допускают только данную комбинацию окончаний. Лишь для одной комбинации не находится ни одного существительного (первое окончание ***-их,*** а второе — ***-ые***). Все остальные комбинации определяют семь классов русских существительных: 1) *стол* (неодушевленные существительные мужского рода); 2) *река* (неодушевлённые женского рода); 3) *окно* (неодушевлённые среднего рода); 4) *сани* (неодушевленные, обозначающие парные предметы); 5) *лев* (одушевлённые мужского рода); 6) *собака* (одушевлённые женского рода); 7) *чудовище* (одушевлённые среднего рода). Кроме того, имеются существительные типа *староста*, которые допускают две комбинации окончаний прилагательных (для мужского и женского рода). Эти существительные составляют восьмой класс.

Таким образом, выделены классы русских существительных в зависимости от их влияния на формы согласуемых с ними слов. Каждый такой класс характеризуется определенным сочетанием признаков: род, одушевлённость/неодушевленность, парность/непарность. Однако не все теоретически возможные сочетания признаков реализованы в русском языке. У парных существительных род не различается. Кроме того, не существуют одушевлённые парные существительные.

Следует также отметить, что существительные, имеющие только форму множественного числа и обозначающие нерасчленённую совокупность (например, *чернила*), а также существительные, имеющие только форму единственного числа *(молоко)*, могут рассматриваться двояко. Во-первых, можно считать, что их нельзя употреблять в указанной конструкции, и тогда они не подлежат классификации в рамках данной задачи. Во-вторых, если считать, что их можно употребить в указанной фразе, то они распределятся по уже выделенным классам.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Части речи неравноценны и неравноправны. Самую важную информацию мы получаем от двух частей речи: имени существительного и глагола. Весь мир предметов (в самом широком смысле) предстаёт в виде существительных, действия – сфера глагола. Но то, что выражается этими двумя самыми важными частями речи, нуждается в дополнительной информации. Для этого существуют три части речи: *прилагательное*, числительное и наречие. Остальные слова, для которых придумано название «частицы речи», служат для уточнения отношений между главными словами.

У числительных роль узкая и определённая: указывать количество предметов. Функции наречий разнообразны, но главная из них — смысловое дополнение того, что выражено глаголом. А прилагательное создано специально для «обслуживания» существительного. Оно и устроено соответствующим образом. У существительных есть грамматические категории рода, числа и падежа. И у прилагательных есть род, число и падеж. Но как же по-разному выглядят эти грамматические признаки у существительного и прилагательного!

Существительное не изменяется по родам, а относится к одному из трёх родов — мужскому, женскому или среднему. Принадлежность его к определённому роду проявляется в грамматической форме зависимого прилагательного: *красив**ый** костюм, красив**ая** кофта, красив**ое** платье.* Прилагательное сообщает о роде существительного и тогда, когда его форма не позволяет определить род: *зелён**ая** фасоль, тон**кий** тюль.* В формах прилагательных обнаруживается род даже неизменяемых существительных: *сокрушительн**ый** торнадо, настоящ**ая** леди, заграничн**ое** турне.*

Существительные изменяются по числам: единственное число обозначает, что речь идёт об одном предмете, множественное — что предметов больше одного. А число прилагательного зависит от числа существительного, и при этом во множественном числе род не различается: *красив**ые** костюмы, кофты, платья.*

Существительные изменяются по падежам. Падеж существительного зависит от его роли в предложении. Падеж прилагательного повторяет падеж существительного: *красив**ого** костюм**а**, красив**ой** кофт**ы**, красив**ому** костюм**у**; красив**ых** костюм**ов**, кофт, плать**ев**.*

Таким образом, формы рода, числа и падежа прилагательных служат для их согласования с существительными. Прилагательные склоняются по родам, числам и падежам в отличие от существительных, склоняющихся лишь по падежам и числам.

Прилагательные могут превращаться в существительные. Это всегда сопровождается изменением указанных трёх грамматических категорий: род перестаёт быть изменяемым и согласуемым, число начинает обозначать количество предметов, а падеж оказывается зависимым от роли существительного в предложении. Прилагательное *столовый* имеет три формы рода. Существительное *столовая* относится к женскому роду и может иметь при себе прилагательное, согласующееся с ним в роде, числе и падеже: *нов**ая** столов**ая**, нов**ые** столов**ые**, в нов**ой** столов**ой**.*

КАЧЕСТВЕННЫЕ И НЕ ОЧЕНЬ

Если общее значение существительного как части речи — предмет (в широком смысле), то общее значение прилагательного — признак предмета. Прилагательные делятся на несколько разрядов по значению.

Качественные прилагательные обозначают такой признак, который может проявляться в большей или меньшей степени: ***очень*** *красивый*, ***чрезвычайно*** *опасный*, ***слишком*** *строгий*, ***немного*** *однообразный*, ***несколько*** *тревожный* и т. п. Это позволяет образовывать

от них формы степеней сравнения — сравнительной и превосходной: *красив**ее**, **более** красивый, **самый** красивый*. У всех остальных прилагательных форм степеней сравнения нет. Именно к качественным относятся и почти все прилагательные, имеющие краткие формы; таких форм у каждого прилагательного четыре (всех трёх родов и множественного числа): *красив, красива, красиво, красивы*.

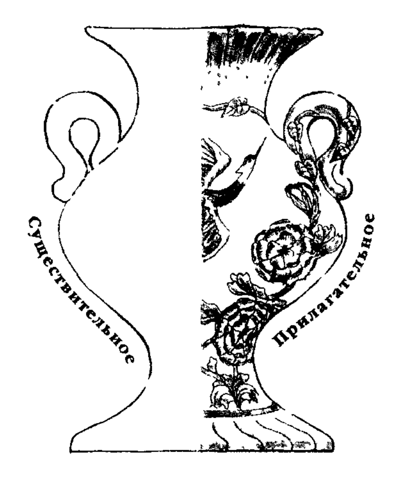
Относительные прилагательные обозначают признаки не непосредственно, а через отношение к чему-то: к предмету в самом общем смысле (*дорожный* 'имеющий отношение к дороге'), к предмету как к материалу (*оловянный, кафельный, ситцевый* — 'сделанный из...') и др. Относительные прилагательные большей частью образованы от других частей речи, в том числе от глаголов (например, *читальный, переносной*), наречий *(вчерашний, здешний)*.

Относительные прилагательные могут в определённом контексте приобретать качественные значения (например, прилагательное *городской* в таком предложении: *Для сельского жителя у него слишком городской вид!*). Есть немало случаев, когда прилагательное в одном значении качественное, а в другом — относительное. Таково, например, прилагательное *музыкальный;* сравните: *музыкальный ребёнок* и *музыкальный инструмент*. Качественные и относительные — самые многочисленные разряды прилагательных. Две другие группы включают меньше слов.

Притяжательные прилагательные обозначают принадлежность человеку или иному живому существу *(отцов, мамин, олений)*.

Порядковые прилагательные (в полном соответствии с их названием) — обозначают порядок следования *(первый, сороковой, сотый)*. В школьной традиции их называют порядковыми числительными, но грамматических свойств, которые отличали бы их от прилагательных, у них нет.

Прилагательные перечисленных выше разрядов являются *знаменательными* словами. Все вместе они противопоставлены *местоимённым* прилагательным, у которых есть своё деление по значениям (указательные: *тот, этот;* притяжательные: *мой, твой, свой, наш, ваш, чей* и др.).



Прилагательное, называя признак предмета, выделяет его из множества подобных.

САМАЯ ЖАЛОБНАЯ КНИГА

Найдите среди приведённых ниже предложений такие, которые могут вызвать улыбку. Чем объясняется комический эффект?

(1) *«Сколько их! куда их гонят?/Что так жалобно поют?»* (А. С. Пушкин. «Бесы»)

(2) Очень нагляден пример из «Ионыча» А. П. Чехова с превосходной степенью *самые талантливые.*

(3) *В книге, которую мне дали в библиотеке, на каждой странице встречаются очень музыкальные термины, так что я её сразу бросил.*

(4) *Сестра гораздо культурнее брата.*

(5) *Возмущённый покупатель потребовал у продавца самую жалобную книгу, какая только есть в их гастрономе.*

(6) *Все стены класса были увешаны очень наглядными пособиями.*

(7) *Сестра очень музыкальна, но брат ещё музыкальнее, у него абсолютный слух и тонкое восприятие музыки.*

(8) *Посещение картинной галереи доставило всем огромное удовольствие.*

(9) *Необходимо налаживать культурные связи между государствами СНГ.*

(10) *Какие картинные позы она принимает, когда хочет понравиться!*

* * *

Следующие предложения взяты из газет. Подумайте, что в них обращает на себя внимание.

(А) *И по-прежнему со всех концов страны едут в Москву опытные люди с опытной продукцией.*

(Б) *Очень исполнительная власть. Губернатор и его команда в услужении у криминального бизнеса* (заголовок и подзаголовок).

(В) *Великий русский учёный Иван Павлов, создавший учение о высшей нервной деятельности человека, видимо, и не подозревал, что она может быть настолько нервной.*

УМНЕЕ ЕЩЁ НЕ ЗНАЧИТ *УМНЫЙ*

У какого человека больше ума — у того, кого назвали *умным,* или у того, о ком сказано, что он *умнее* кого-то? Один и тот же признак эти формы представляют по-разному: *умный* — безотносительно, *умнее* — в сравнении. Тот, кого определили словом *умный,* действительно обладает умом. Форма же *умнее* не приписывает тому, к кому она отнесена, непременное наличие ума. Вот как охарактеризован Чацкий в статье Ивана Александровича Гончарова «Мильон терзаний»: «*Но Чацкий не только* ***умнее*** *всех прочих лиц, но и положительно* ***умён***». Система полных и кратких форм качественного прилагательного так и называется *положительной степенью* (по соотношению со сравнительной и превосходной).

А вот пример, хорошо показывающий суть значения превосходной степени: «*...он вспомнил всё сразу — и романы Веры Иосифовны, и шумную игру Котика, и остроумие Ивана Петровича, и трагическую позу Павы, и подумал, что если* ***самые талантливые*** *люди в городе так* ***бездарны,*** *то каков же должен быть город*» (А. П. Чехов. «Ионыч»). Значит, форма *самый талантливый* не содержит сведений о том, что соответствующее лицо «положительно талантливо»!

Итак, формы степеней сравнения представляют признак не безотносительно, а в сопоставлении. Сопоставляться может данный предмет с другим предметом и с тем же предметом в другое время или в других условиях и т. п.: *Это дерево* ***выше*** *дома; Сейчас дерево* ***выше,*** *чем было год назад; Это дерево* ***выше,*** *чем мне казалось.* Назовём это разными проявлениями признака. Сравнительная степень выражает превосходство данного проявления признака над другими его проявлениями.

Размер такого превосходства может сообщаться и с помощью определённых слов. Наречия *гораздо, значительно, намного, несравненно* и т. д., а также сочетания *в сто раз, в тысячу раз* и т. п. обозначают, что это превосходство велико. Наоборот, наречия *немного, несколько, чуточку, капельку* говорят о незначительности превосходства признака, выражаемого сравнительной степенью.

Превосходная степень выражает превосходство проявления признака, выделяя его из определённого круга однородных проявлений. Сравните: *Это дерево* ***выше*** *других деревьев,* ***выше*** *нашего дома,* ***выше*** *окрестных домов* и *Это* ***самое высокое*** *дерево в нашем парке.* В первом случае сравнение производится с разными предметами, во втором — лишь с точно

УМЁН ЛИ МИША?

Вот несколько предложений.

(1) *Петя умнее Миши.*
(2) *Петя гораздо умнее Миши.*
(3) *Петя ещё умнее Миши.*
(4) *Петя значительно умнее Миши.*
(5) *Петя несравненно умнее Миши.*
(6) *Петя чуточку умнее Миши.*
(7) *Петя намного умнее Миши.*

Можно ли на основании каких-то из этих предложений установить, умен Миша или глуп? Что можно сказать о значении наречий, стоящих перед формой *умнее?*

обозначенным кругом одинаковых предметов (деревьев). Дело, таким образом, не в количестве проявлений признака, из сравнения с которыми устанавливается превосходство данного его проявления, а в способе, которым производится сравнение

Во всех приведённых до сих пор примерах сравнительная степень выражена одной формой: *красив**ее**, умн**ее**, выш**е**, талантлив**ее**,* а превосходная степень — сочетанием слова *самый* с положительной степенью. ***самый*** *красив**ый**,* ***самый*** *умн**ый**,* ***самый*** *талантлив**ый**.* Для первой категории приводились простые формы, для второй — сложные. Это не случайно.

По традиции часто выделяют так называемые простые формы превосходной степени прилагательного — это формы с суффиксами ***-ейш-***, ***-айш-***: *сильн**ейш**ий, крепч**айш**ий.* Однако они используются обычно для обозначения просто очень сильного проявления признака, без всякого сравнения Например, *сильн**ейш**ий ветер, крепч**айш**ий чай* понимаются как 'очень

САМАЯ ЖАЛОБНАЯ КНИГА

Забавны предложения (3), (5), (6). Языковая основа комического эффекта во всех случаях одна и та же: относительные прилагательные ведут себя, как качественные. В первых десяти предложениях встречается пять прилагательных, каждое дважды. Прилагательные *культурный* и *картинный* (в примерах (4) и (10) — качественные, в примерах (8) и (9) — относительные) употреблены правильно. В трёх остальных парах примеров один раз правильно употреблены качественные прилагательные или наречие *(жалобно)*, а второй раз — относительные прилагательные «узурпировали» свойства качественных *(**очень музыкальные** термины, **самая жалобная** книга, **очень наглядные** пособия)*.

* * *

В предложении (А) намеренно соединены два значения прилагательного *опытный*: качественное ('обладающий опытом') и относительное ('пробный', 'экспериментальный').

В предложении (Б) прилагательное *исполнительный* в сочетании, предполагающем его относительное значение ('приводящий в исполнение решения, постановления'), намеренно, с обличительной целью соединено со словом *очень* — самой яркой «лакмусовой бумажкой» качественности. В результате возникает значение 'точно и хорошо исполняющий поручения'.

В предложении (В) обыграны качественное и относительное значения прилагательного *нервный* (как в ходячей шутке: *У него очень нервная система*).

УМЁН ЛИ МИША?

В предложениях (1), (2), (4), (5), (6), (7) не содержится никаких сведений об уме Миши. Мы узнаем только, что Петя по этому признаку превосходит Мишу (согласно предложениям (2), (4), (5), (7), это превосходство значительное). Разница между наречиями *гораздо, значительно, несравненно, намного* здесь роли не играет, она главным образом стилистическая; среди них *гораздо* — самое нейтральное слово. Предложение (1) ничего не сообщает о величине «умственного превосходства» Пети над Мишей. Из предложения (6) ясно, что превосходство незначительно.

Совершенно иной случай — предложение (3). В нём, несомненно, сообщается, что Миша умный. Этот факт можно проверить. Мы можем сказать: *Миша умный, но Петя умнее Миши* и *Миша глупый, но Петя умнее Миши*. В то и другое предложение можно «добавить» наречия *гораздо, значительно, несравненно, намного*, а также наречие *чуточку*. Но наречие *еще* перед формой *умнее* возможно только в первом предложении: *Миша умный, но Петя еще умнее Миши*. Второе предложение с наречием *еще* превращается в бессмыслицу!

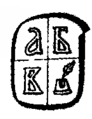
Значит, наречие *еще* перед формой сравнительной степени информирует о том, о чем ни одно другое наречие сообщить не может. Оно сообщает, что то проявление признака, с которым сравнивается его данное проявление, обладает им в положительном плане.

сильный ветер', 'очень крепкий чай'. Чтобы воспринять их как формы превосходной степени, нужны особые конструкции, однако в них формы на ***-ейший, -айший*** выглядят искусственно. Известный лингвист А. М Пешковский приводил пример: «***Чистейший*** *из этих воротничков всё-таки очень грязен*». Но в естественной речи употребили бы сочетание со словом *самый*: ***Самый чистый*** *из этих воротничков*. Поэтому формы

на ***-ейший, -айший*** вряд ли можно считать формами превосходной степени

Сравнительная степень может быть выражена и с помощью сложных форм. ***более*** *вкусный*, ***более*** *красивый*, ***более*** *умный*, ***более*** *талантливый*. Такие формы можно образовать от любого качественного прилагательного. Что же касается простых форм, то от ряда прилагательных они не образуются. Таковы, например, прилагательные *ветхий, гордый, одинокий, трудоёмкий*; у них есть только сложные формы. ***более*** *ветхий*, ***более*** *гордый*, ***более*** *одинокий*, ***более*** *трудоёмкий*. Но в художественной литературе изредка встречаются простые формы от некоторых таких прилагательных, например: «*Ничего* ***одиноче*** *его вечной обступлённости, обсмотренности, обслушанности я не знала*» (М. Цветаева).

Существует зависимость: если прилагательное образует степени сравнения, у него есть и краткие формы. Исключение составляют немногочисленные качественные прилагательные на ***-ский:*** они образуют сложные формы степеней сравнения *(**более** оптимистический, **самый** оптимистический)*, но кратких форм не имеют



А вот обратной зависимости нет: прилагательные, имеющие краткие формы, далеко не всегда обозначают признак, который может проявляться в большей или меньшей степени. Например, прилагательное *женатый* имеет краткие формы: *он* ***женат;*** *они* ***женаты;*** но нельзя быть *женатее*, **более** *женатым*, **самым** *женатым*.

У прилагательного *равный* есть краткие формы *равен, равна, равно, равны*, но сравнительная степень *равнее* или *более равны* существует только в иронической формуле:

> *«Все животные равны,*
> *но некоторые животные*
> ***более равны,*** *чем другие»*

(из романа-сказки Джорджа Оруэлла «Скотный Двор»). Не имеют степеней сравнения (при наличии кратких форм) другие прилагательные, в значение которых (как и у *равный*) уже входит «идея сравнения»: *адекватный, аналогичный, идентичный, одинаковый, тождественный, эквивалентный.*

Краткие формы употребляются только в сказуемом, согласуясь с существительным в роде и числе. Но в сказуемом могут употребляться и полные формы. Можно сказать: *Он очень* ***красив*** и *Он очень* ***красивый.*** Разница между этими высказываниями только стилистическая: первый способ выражения свойствен книжной речи, второй — разговорной.

Безотносительно высокая степень признака, обозначаемого качественными прилагательными, может выражаться с помощью сочетаний с наречиями. Стилистически нейтральное наречие *очень* имеет ярко окрашенные эквиваленты: книжные *весьма, чрезвычайно*, разговорные *ужасно, страшно*, просторечное *больно* и др. Сравните: ***чрезвычайно интересные*** *мысли;*

ТАЛАНТЛИВЫЙ ПЕТЯ

Сравним два предложения: *Из трех моих братьев* ***самый талантливый*** *Петя* и *Из двух моих братьев* ***самый талантливый*** *Петя.* Второе предложение неправильное — надо употребить сравнительную степень: *Из двух моих братьев* ***талантливее*** *Петя.* Значит, количество проявлений признака, служащих для сопоставления, в случае с превосходной степенью должно быть непременно больше двух!

Поэтому неправильно следующее предложение из телевизионного репортажа о ходе выборов: *Из двух кандидатов победит тот, который наберет* ***наибольшее*** *число голосов.* Надо сказать: ***большее.***

ОН БОЛЬНОЙ

Конструкции с полной и краткой формой прилагательного могут различаться по смыслу. Характерный пример — предложения *Он* ***болен*** и *Он* ***больной.*** В первом случае речь идет скорее всего о временном болезненном состоянии, во втором — о плохом здоровье, т. е. о признаке постоянном. Но дело здесь не в различном значении полных и кратких форм прилагательных, а в разном синтаксическом поведении прилагательного *больной* в разных значениях.

В одном значении полные формы прилагательного *больной* употребляются только с зависимыми словами (*больной* ***гриппом,*** *больной* ***корью*** и т. д.), обозначая временное состояние. В этом значении в сказуемом должна быть употреблена непременно краткая форма (нельзя сказать: *Он* ***больной*** *гриппом*, надо: *Он* ***болен*** *гриппом*). Это значение не допускает образования степеней сравнения.

В значении 'пораженный недугом, отличающийся слабым здоровьем' прилагательное *больной* употребляется без зависимых слов. Краткие формы и сравнительная степень в этом значении почти не употребляются. Все же изредка они встречаются в художественной литературе. *«На улице, на солнце, чахоточный всегда кажется* ***больнее*** *и обезображеннее, чем дома...»* (Ф. М. Достоевский).

ОЧЕНЬ

«Мы с моей тётей, папиной сестрой Верой, почему-то сидим на полосатом матрасе нежилой кровати и разговариваем. Вера спрашивает: „Ты меня любишь?“ — „Ужасно люблю“, — отвечаю я. „Ужасно люблю — не говорят, — поправляет меня Вера, — ужасно — значит очень плохо, а очень плохо — не любят. Надо сказать — очень люблю!“ — „Ужасно люблю“, — упрямо повторяю я. „Очень!“ — говорит Вера. „Ужжжасно люблю“, — уже со злобой повторяю я. Входит мама. Бросаюсь к ней: „Мариночка, Вера сказала, что ужасно любить нельзя, что ужасно люблю — не говорят, что можно только — очень люблю!“. Мама (Марина Цветаева. — *Прим. ред.*) берёт меня на руки. „Можно, Алечка, ужасно любить — ужасно любить — лучше и больше, чем просто любить или любить очень!“ — говорит мама и раздувает ноздри — значит, сердится на Веру» (А. Эфрон. «Попытка записей о маме»).

Кто прав: Вера или Аля (Ариадна Эфрон) с Мариной?

ГОЛЕНЬКИЙ, ДЕРЕВЯННЕНЬКИЙ

Только от качественных прилагательных образуются производные слова с суффиксом ***-оват- (-еват-)*** со значением слабой степени проявления признака (*глуп**оват**ый, скучн**оват**ый, рыж**еват**ый*), с уменьшительным суффиксом ***-еньк-*** (*глуп**еньк**ий, корот**еньк**ий, слаб**еньк**ий*) и др.

Такие производные нельзя образовать от относительных прилагательных, например *проволочный, дорожный, сосновый, стеариновый* и т. п. Такова литературная норма. Но в художественном тексте уменьшительное образование от относительного прилагательного может быть очень выразительным. Вот пример из хорошо известного произведения: «*Папа Карло, но ведь я — **голенький, деревянненький**, — мальчишки в школе меня засмеют*».

страшно увлекательный *роман; считает себя* ***больно умным!*** (Первое высказывание как будто взято из научного обсуждения, второе — из непринуждённого разговора, третье наводит на мысль о перебранке на базаре или в трамвае.)

Качественные прилагательные очень часто имеют совпадающие с ними по значению качественные наречия на ***-о*** и слова на ***-о,*** употребляющиеся в роли сказуемых безличных предложений (некоторые авторы грамматик называют их категорией состояния). Сравните: *скучный роман, скучно пишет, мне скучно.*

Имя прилагательное — очень сложная, тонкая и довольно капризная часть речи.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

НЕ ИМЕЕТ ЧИСЛА? ЗНАЧИТ — ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ!

Вот ряд слов: *три, пять, дюжина, тысяча, единица, миллион, двенадцать, десяток, шестьдесят, тридцать, двести, сорок, триллион, пятьсот, семёрка, девяносто.* Все они так или иначе называют число или количество. Но принадлежат ли эти слова к одной и той же части речи?

Предположим, что эти слова — существительные. Легко убедиться, что все 15 слов обладают важным свойством существительных: они склоняются, т. е. изменяются по падежам. Однако склонение существительных — это изменение по падежам в единственном и во множественном числах. Посмотрим, изменяются ли наши 15 слов по числам.

От семи из них мы легко образуем падежные формы множественного числа: *дюжин, тысяч, единицам, миллионы, десятков, триллионами, о семёрках* и т. п. Эти слова действительно ведут себя, как существительные. А что же остальные? Слова *пять, двенадцать, тридцать* имеют такие же падежные окончания, как существительные единственного числа *кровать, копоть, нежность*, но образовать от них множественное число никак не удаётся!

Впрочем, у слов *копоть* и *нежность* тоже нет множественного числа. Существительные, обозначающие вещества и абстрактные свойства, принадлежат к категории, которую принято называть латинским выражением singularia tantum («только единственное»): то, что они обозначают, не мыслится во множестве. Однако образовать формы *копоти, нежности* вполне возможно. И если первая из этих форм не встречается в языке, то вторая известна в ироническом выражении *телячьи нежности.*

Со словами *пять, двенадцать, тридцать* дело обстоит в принципе иначе: нельзя сказать, что у них есть только единственное число (*пя-*

ти, пятью, двенадцати, двенадцатью, тридцати, тридцатью). У этих слов вообще нет числа, изменение их по числам невозможно себе представить.

Падежные формы некоторых других слов из нашего списка (ещё не прошедших «проверку» на число) похожи на формы множественного числа существительных: *трём, тремя, о трёх, пятистам, пятьюстами, о пятистах* (сравните: *домам, домами, о домах*). Можно ли сказать, что у этих слов нет единственного числа, а есть только множественное? Конечно нет. К ним тоже неприменимо понятие числа в грамматическом смысле. Попробуйте изменить по числам слова *шестьдесят, сорок, девяносто,* и вы убедитесь, что они не имеют форм числа.

Но слова, у которых нет категории числа, не могут считаться существительными. В нашем небольшом списке такими оказались *три, пять, двенадцать, шестьдесят, тридцать, сорок, девяносто, двести, пятьсот.*

ЕСТЬ ЛИ У ЭТИХ СЛОВ ДРУГИЕ ОСОБЕННОСТИ?

Присмотримся к словосочетаниям: ***пять*** *городов,* ***двенадцать*** *государств,* ***шестьдесят*** *стран.* Слова *пять, двенадцать, шестьдесят* выполняют в них роль главного слова — синтаксического «хозяина», требующего от подчинённого слова формы родительного падежа множественного числа. Можно вспомнить совершенно аналогичные сочетания *тысяча городов, множество государств* и т. п., в которых «хозяевами» выступают имена существительные.

А если взять сочетания с косвенными падежами: ***пяти*** *городов,* ***пяти*** *городам,* ***пятью*** *городами,* ***о пяти*** *городах?* Картина изменилась: слово *пять* перестало быть «хозяином», оно уже не управляет существительным *город,* а согласуется с ним в падеже. Так же ведут себя два других слова: ***двенадцати*** *государствам,* ***шестьюдесятью*** *странами.* А слово *тысяча* во всех падежах по-прежнему требует постановки слова *город* в родительном падеже множественного числа, т. е. подтверждает свою «репутацию» существительного: *тысяч**и** город**ов**, тысяч**е** город**ов**, тысяч**ей** город**ов**, о тысяч**е** город**ов**.*

Мы убедились, что в именительном падеже (а также в совпадающем с ним винительном) слова *пять, двенадцать, шестьдесят* ведут себя, как существительные. А в косвенных падежах согласуются с существительными, как прилагательные: ***пяти*** *город**ов** — больших городов,* ***пяти*** *город**ам** — большим городам,* ***пятью*** *город**ами** — большими городами.* Двоякое синтаксическое поведение (то как существительное, то как прилагательное) и составляет вторую грамматическую особенность этих слов.

МНОГОЛИКИЙ «ОДИН»

Прочитайте несколько примеров со словами *один, одна, одно, одни.*

(1) *В этой комнате **один** стол, а в соседней целых три.*

(2) ***Одни*** *знакомый обещал мне помочь.*

(3) *Он **одного** экзамена сдать не сумел, где же ему сладить с пятью!*

(4) *У меня **одни** ножницы на все случаи жизни, а не так, как у Онегина!*

(5) *Все крупные предметы мебели из комнаты вынесли, остались **одни** стулья.*

(6) *Товарищи расстались: **один** повернул назад, другой решил продолжить поиски.*

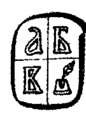
(7) *Нельзя иметь **одни** очки, надо минимум двое: **одни** оставлять дома, другие всегда иметь с собой.*

(8) *Вот моя комната: на втором этаже с **одним** окном.*

(9) ***Одни*** *мои знакомые каждое лето ездят в новое, незнакомое место.*

(10) *Как же мы выйдем из положения: на пятерых **одна** кровать!*

Можно ли считать, что во всех случаях перед нами одна и та же часть речи? Если да, то какая? Или здесь представлены разные части речи? В каких предложениях у слов *один, одна, одно, одни* можно обнаружить свойства числительных?



МНОГОЛИКИЙ «ОДИН»

На первый взгляд слово *один* представляется обычным прилагательным, имеющим все формы для согласования с существительными в роде, числе и падеже. Но вычленим из наших примеров те, где разные формы слова *один* передают количество 'один'. Это примеры (1) — ***один*** *стол,* (3) — ***одного*** *экзамена,* (4) — ***одни*** *ножницы,* (7) — ***одни*** *очки,* (8) — *с* ***одним*** *окном,* (10) — ***одна*** *кровать.* Можно ли считать форму *одни* в примерах (4) и (7) множественным числом к *один, одна, одно?* Нет, здесь она не имеет значения множественного числа, а служит лишь для согласования с существительными, которые обозначают один предмет, но имеют форму множественного числа. Таким образом, формы *один, одна, одно* со значением 'один' не соотносятся с формой *одни* как единственное число со множественным. Можно сказать, что у этих форм нет категории числа, и это роднит их с числительными. Но других отличительных свойств числительных *один, одна, одно, одни* не имеют.

В некоторых грамматиках отсутствие категории числа считается достаточным основанием для того, чтобы считать слово *один* числительным. Другие авторы отказывают ему в праве называться числительным, ведь остальные грамматические признаки этой части речи у него отсутствуют.

В примерах (2), (5), (6) и (9) слово *один* количество не обозначает.

В примерах (2) и (9) (***один*** *знакомый* — ***одни*** *знакомые)* употреблены формы единственного и множественного числа местоименного прилагательного, близкого по значению слову *некий* или к неопределенному артиклю в других языках.

В примере (6) — местоименное прилагательное, которое соотносится по значению со словом *другой* — тоже местоименным прилагательным. Их смысловое противопоставление возможно и во множественном числе: ***Одни*** *повернули назад,* ***другие*** *продолжали поиски.*

Наконец, в примере (5) сочетание ***одни*** *стулья* близко по значению к сочетанию ***только*** *стулья,* т. е. слово *один* употреблено в роли частицы. Так может быть использована и форма единственного числа: *Все ушли, остался* ***один*** *Митя.*

Слова *тридцать, сорок, пятьсот, девяносто* из нашего списка тоже в именительном/винительном падеже управляют родительным падежом множественного числа существительных, а в других падежах с ними согласуются.

Несколько иначе ведёт себя слово *три:* в именительном/винительном падеже оно требует от существительного родительного падежа единственного (а не множественного) числа: ***три*** *города,* ***три*** *государства,* ***три*** *страны.* Но в косвенных падежах тоже согласуется с формами множественного числа существительных: ***трёх*** *городов, государств, стран;* ***трём*** *городам, государствам, странам* и т. д. Значит, и оно обладает признаком «двоякости» синтаксического поведения.

Эти две особенности — морфологическая (отсутствие категории числа) и синтаксическая (совмещение свойств существительного и прилагательного) — и служат основанием для выделения особой части речи — *имени числительного.*

ОЧЕНЬ

Хотя в тексте фигурируют сочетания не с качественным прилагательным, а с «качественным глаголом» *любить,* он прекрасно иллюстрирует соотношение нейтрального наречия *очень* и свойственного живой разговорной речи наречия *ужасно,* когда оно употреблено не в прямом значении, а для выражения высокой степени (в данном случае чувства, передаваемого глаголом).

Легко можно представить себе такую «дискуссию» и по поводу сочетаний ***ужасно*** *хороший,* ***ужасно*** *милый,* ***ужасно*** *красивый.* Один из ее участников вполне мог бы «обрушиться» на Наташу Ростову, так выразившуюся в разговоре с Пьером: «...я только хотела сказать про Петю: нынче няня подходит взять его от меня, он засмеялся, зажмурился и прижался ко мне — верно, думал, что спрятался. ***Ужасно*** *мил»* (Л. Толстой. «Война и мир»).

Как не присоединиться к Але, Марине Цветаевой и Наташе Ростовой! Конечно же, ***ужасно*** *люблю* (и ***ужасно*** *милый)* — сочетания гораздо более выразительные по сравнению с ***очень*** *люблю,* ***очень*** *милый.* Люди, возражающие против такого употребления (а такие встречаются не так уж редко), плохо чувствуют живую речь.

Однако ***ужасно*** в значении 'очень' уместно не во всяком тексте. Представьте себе такую фразу в статье о новом произведении известного композитора: *В этой симфонии много* ***очень*** *красивых мелодий.* Здесь ***ужасно*** *красивых* невозможно!

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ НЕ ВО ВСЁМ ОДИНАКОВЫ

Числительные – очень своеобразная часть речи. К ней принадлежат слова и группы слов, которые ведут себя каждая на свой лад. Мы уже обнаружили отличие слова *три* от других числительных. Такими же свойствами обладает слово *четыре* (сравните: *четыре города, четырёх городов, четырём городам*). Слова *два, полтора, оба,* так же как *три* и *четыре,* в именительном/винительном падеже требуют существительного в родительном падеже единственного числа, но при этом они могут согласовываться с существительными в роде (у остальных числительных категории рода нет): *два, полтора, оба города (государства); две, полторы, обе страны.*

Нет и общего для всех числительных типа склонения, изменение их по падежам представляет собой очень пёструю картину Падежные окончания некоторых числительных схожи с окончаниями форм единственного числа существительных типа *кровать.* У числительных *три, пятьсот* окончания похожи на окончания существительных множественного числа. А у числительных *сорок, девяносто, сто* вообще лишь одна форма для всех падежей, кроме именительного/винительного *(сорока, девяноста, ста).* Есть и так называемые сложные числительные, состоящие из двух самостоятельно склоняющихся частей *(пятисот, пятистам, пятьюстами, о пятистах; семьюдесятью; двухсот; четырёмстам; девятьюстами).*

Такая непростая и разнородная система падежных форм числительных доставляет немало неприятностей не только тем, кто изучает русский язык как иностранный, но и очень часто приводит к ошибкам его носителей.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ МОЖНО ПЕРЕЧИСЛИТЬ

Уникальная особенность числительных состоит в том, что все они могут быть перечислены (их 50 с небольшим). А можно ли перечислить все существительные, все прилагательные, все глаголы? Конечно же нет. Новые слова, относящиеся к этим частям речи, в русском языке возникают постоянно, поэтому ни один словарь нельзя назвать полным. А числительные в любом толковом словаре приведены полностью, и новые вряд ли уже появятся

Как же это может быть? Ведь чисел гораздо больше, чем слов в самом богатом языке, их бесконечно много, и тем не менее любое из них мы можем назвать! Ответ прост: количество слов ограниченно, но эти слова могут образовать неограниченное число сочетаний для обозначения любого числа или количества. Такие сочетания часто называют *составными* числительными, но лучше говорить о составных числовых обозначениях, поскольку их образуют не только числительные, но и слова, обладающие, как мы видели выше, всеми признаками существительных (*тысяча, миллион, миллиард* и т. д.). Можно поупражняться в образовании цепочки любой длины. Хотя бы такой: *четыре триллиона сто пятьдесят три миллиарда семьсот сорок пять миллионов шестьсот девяносто три тысячи семьсот девяносто шесть.* Встретить такую цепочку слов в жизни — большая редкость. Легче представить себе ряд цифр: *4 153 745 693 796.* Длинные ряды цифр порой

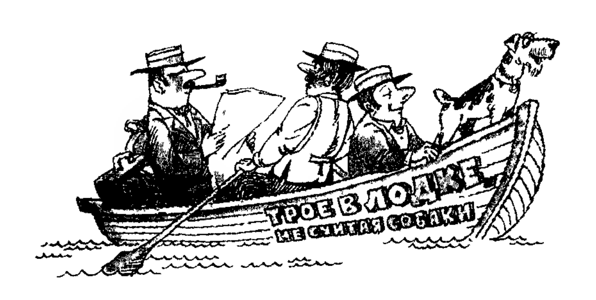
приходится «озвучивать» (например, с экрана телевизора), иначе говоря, превращать ряды цифр в цепочки слов. Хорошо, если все эти слова должны стоять в именительном падеже, а если в косвенном? Ведь от каждого «звена» цепочки должна быть образована соответствующая падежная форма! Мало кто с этим хорошо справляется. *Четырьмя триллионами ста пятьюдесятью тремя миллиардами...* Желающие могут продолжить.

РАЗРЯДЫ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Большинство числительных составляют так называемые *количественные.* Все слова, о которых мы рассказывали до сих пор, относятся именно к этому разряду. Значение его хорошо выражено в самом названии

Другой разряд числительных — *собирательные: двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро* (дальше этот ряд не продолжается). Эти числительные не только называют количество предметов, но и выражают значение совокупности, показывают, что предметы воспринимаются все вместе. Они сочетаются главным образом с одушевлёнными существительными мужского рода: ***двое*** *моряков,* ***трое*** *друзей.*

Грамматическими свойствами числительных обладают также слова *сколько, столько* и *несколько* (сравните: ***Сколько*** *городов ты посетил?; Со* ***сколькими*** *городами ты знаком?;* ***Столько*** *фильмов посмотрел, но о* ***стольких*** *фильмах ещё не имею понятия!; Посмотрел* ***несколько*** *спектаклей в* ***нескольких*** *театрах*). По значению это *местоименные слова,* т. е. перед нами *местоименные числительные.* К ним примыкают *оба — обе,* уникальные слова, заслуживающие отдельного разговора.



Собирательные числительные показывают, что предметы собираются все вместе

ДВОЕ, ТРОЕ, ЧЕТВЕРО

Прочтите несколько предложений с числительными *двое, трое, четверо.*

(1) ***Трое*** *мальчиков отделились от группы.*

(2) *Дождь лил не переставая* ***двое*** *суток.*

(3) ***Четверо*** *участников обсуждения выразили своё особое мнение.*

(4) *Зачем тебе* ***четверо*** *ножниц? Наверное, и у Онегина столько не было!*

(5) *С этими* ***двоими*** *хулиганами не может сладить целый коллектив.*

(6) *Все* ***трое*** *ворот на замке, как же они ускользнули?*

(7) ***Четверым*** *мальчикам из этого класса вручены награды за участие в выставке рисунков.*

Что получится, если заменить в этих предложениях собирательные числительные количественными *два, три, четыре?*

О НЕЧИСЛИТЕЛЬНЫХ И НЕ СОВСЕМ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

А как же слова *первый, второй, третий* и т. д.? В школьной грамматике их называют порядковыми числительными. Но для признания их числительными с грамматической точки зрения нет оснований. Они ничем не отличаются от прилагательных: и склоняются так же, и согласуются с существительным в роде, числе и падеже. Поэтому в научных трудах по грамматике эти слова называют *порядковыми прилагательными.* Вместе с количественными числительными они образуют составные порядковые обозначения, причём порядковое прилагательное всегда идёт последним: *тысяча девятьсот девяносто* ***седьмой*** *год.* В таких сочетаниях полагается склонять только прилагательное: *после двести пятьдесят* ***шестой*** *встречи, на триста пятьдесят* ***второй*** *странице, в тысяча девятьсот девяносто* ***седьмом*** *году, в две тысячи двести тридцать* ***первом*** *году* и т. п. Однако в речи нередко возникают ошибки. Говорят, например: *к ста восьмидесяти пятой годовщине, трёхсот четвёртая встреча, четырёхсот пятидесятую страницу* и т. п. Это происходит потому, что на составные порядковые обозначения распространяют правило, которое относится только к составным количественным числительным, — склоняют каждую часть (его, как известно, часто нарушают в речи). Вот и получается, что,

ВСЕ

Вот ряд предложений.

(1) *У неё пять сестёр, но, к сожалению, все они живут не в Москве.*

(2) *А братьев у неё только два, зато все, как и она, живут в Москве.*

(3) *Коля, Петя и Вася в первый раз переступили порог школы. У всех трех — одинаковые новенькие ранцы.*

(4) *Маша и Катя пришли нарядные, все две с красивыми бантиками.*

(5) В семье родились близнецы. Маленький Вовочка спрашивает: *«Они все тут останутся или их нам прислали, чтобы мы могли выбрать?».*

Всё ли здесь в порядке? Если обнаружите ошибки, исправьте их.

с одной стороны, не склоняют там, где нужно, а с другой стороны, склоняют там, где это совсем не нужно!

* * *

В заключение вернёмся ещё раз к началу нашего разговора о числительных. Мы привели ряд слов с количественным значением и обнаружили среди них такие, которые обладают особыми грамматическими свойствами. Они выделяются в особую часть речи — числительные.

Прочие слова оказались обычными существительными, и среди них слово *тысяча*. Однако иногда это слово ведёт себя как числительное. Например, у Е. А. Баратынского в поэме «Бал»:

Пылает ***тысячью*** *огней*
Обширный зал...

В стихотворении Г. Р. Державина «Шуточное желание» находим:

Если б милые девицы
Так могли летать, как птицы,
И садились на сучках, —
Я желал бы быть сучочком,
Чтобы ***тысячам девóчкам***
На моих сидеть ветвях.

И наконец, Лев Толстой в романе «Война и мир» писал: «*...Ней с своим десятитысячным корпусом прибежал в Оршу к Наполеону только с* ***тысячью человеками,*** *побросав и всех людей, и все пушки...*».

Как можно объяснить сочетания *тысячам девочкам, тысячью человеками* и саму форму *тысячью?* Эти примеры показывают «стремление» существительного *тысяча* стать числительным. Творительный падеж *тысячью* возник по образцу числительных *пять — тридцать (пятью, двенадцатью, двадцатью).* В первом примере синтаксически форма *тысячью* сохраняет свойства существительного (управляет формой родительного падежа — *огней*), а в третьем примере, подобно числительным, согласуется с творительным падежом — *человеками* (сравните: *с пятью человеками*). Во втором примере дательный падеж *тысячам* тоже согласуется с существительным *девочкам* (сравните: *двум девочкам*); существительное *тысяча* потребовало бы родительного падежа *(тысячам девочек).*

Однако всё же вряд ли слову *тысяча* когда-нибудь удастся превратиться в числительное. Ведь строки державинского «Шуточного желания» были написаны очень давно, и с тех пор *тысяча* ни на шаг не двинулась дальше по этому пути...

ГЛАГОЛ

ДЕЙСТВИЕ В ГРАММАТИКЕ

Каждый школьник знает, что *глагол* — это часть речи, которая обозначает действие. В самом деле, *строгать, печь, рисовать, объяснять* — значит действовать. А как же глаголы *спать, болеть, цвести, принадлежать, преобладать?* Подходит ли к ним такое определение? Разве человек, который спит, действует?

Дело в том, что все слова имеют не только лексические, но и грамматические значения. Лексические значения выражаются основами слов, а грамматические — их грамматическими формами.

Лексические значения глаголов очень разнообразны: это действия *(рисовать, писать, строгать),* состояния *(спать, болеть, радоваться),* отношения *(принадлежать, преобладать, совпадать);* можно выделить и другие значения.

ДВОЕ, ТРОЕ, ЧЕТВЕРО

Такая замена возможна лишь в случаях (1), (3), (5), (7): ***три** мальчика, **четыре** участника, с **двумя** хулиганами, **четырём** мальчикам.* При этом значение слегка изменяется: теряется значение совокупности, которое вносится собирательными числительными.

В предложениях (2), (4), (6), как вы, наверное, уже убедились, замена невозможна. Объяснение простое: числительные *два, три, четыре* в именительном/винительном падеже требуют форм родительного падежа единственного числа, а у существительных pluralia tantum ('только множественное') *сутки, ножницы, ворота* этих форм нет. Поэтому приходится с такими существительными употреблять числительные *двое, трое, четверо,* после которых идет форма родительного падежа множественного числа. И никакого оттенка собирательности эти числительные в подобных случаях не имеют, они заменяют обычные количественные числительные.

ВСЕ

Исправить нужно предложения (2), (4) и (5). Правильные предложения:

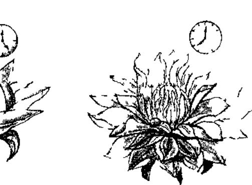
(2) *А братьев у нее только два, зато **оба,** как и она, живут в Москве.*

(4) *Маша и Катя пришли нарядные, **обе** с красивыми бантиками.*

(5) *Они **оба** тут останутся?..*

Каково же значение числительных *оба, обе?* Почему нельзя сказать *все две,* употребить слово *все* даже не в сочетании *два,* а по отношению к двум лицам? Ответ очень простой: числительные *оба, обе* уже сами по себе означают 'все два', 'все две'. Можно сказать: *все три, все сорок, все двести, все девятьсот,* т. е. сочетать слово *все* с любым числительным, кроме *два, две,* потому что существуют *оба, обе.*

Место этих двух слов в системе русских числительных уникально. В некоторых грамматиках их относят к собирательным числительным (не объясняя, как они соотносятся с «несомненным» собирательным числительным *двое*). Есть основания думать, что это местоименные числительные, но своеобразные: их значение не такое абстрактное, как, например, у вопросительного местоименного числительного *сколько.* А слова *оба, обе* сочетают местоименное значение ('все') со значением 'два', 'две' Они имеют значение всеохватности, выражаемое особым словом только для количества *два.*



Значение глагола — протекающий во времени признак предмета

Грамматическое значение у всех этих слов одно: значение действия.

Что же понимается под действием в грамматике? Сопоставим словосочетания *больной ребёнок* и *ребёнок болеет.* Глагол *болеет,* как и прилагательное *больной,* обозначает признак ребёнка. Значение признака предмета у глагола выражено в том, что его форма, как и форма прилагательного, зависит от существительного: глагол согласуется с существительным в числе *(ребёнок болеет — дети болеют),* а в прошедшем времени — ещё и в роде *(мальчик болел — девочка болела).*

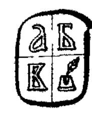
Глагол, однако, отличается от прилагательного тем, что обозначает признак предмета (лица) как процесс, протекающий во времени. Сравните *У неё больной ребёнок* и *У неё болеет (болел) ребенок.*

Итак, под действием в грамматике понимается *процессуальный* (протекающий во времени) *признак* предмета.

ДЕЛАТЬ И СДЕЛАТЬ

Сравните предложения *Бабушка вчера **связала** шарф для моей мамы* и *Бабушка вчера **вязала** шарф для моей мамы.* Из первого предложения мы узнаём, что шарф готов. Второе оставляет нас в неведении, закончила бабушка свою работу или нет.

Глаголы *совершенного вида* указывают на то, что действие достигло (достигнет) сво-



его предела, а глаголы *несовершенного вида* обозначают действие, не указывая этого. В нашем примере предел достигнут, когда получен результат (связанный шарф). Это только один из возможных случаев, хотя и очень распространённый: ***написать** письмо, **решить** кроссворд, **вычистить** куртку, **накормить** котёнка.* Пределом действия может стать любая критическая точка, с достижением которой действие должно прекратиться: *проснуться* — 'перестать спать', *испариться* — 'перестать быть жидкостью', *умереть* — 'перестать жить'. У глаголов со значением начала действия (*запеть* — 'начать петь', *заговорить* — 'начать говорить', *зацвести* — 'начать цвести') совершенный вид указывает, что начало действия состоялось (состоится), а в глаголах несовершенного вида *(запевать, заговаривать, зацветать)* такого указания нет (сравните: *Куст **зацвёл*** и *Куст **зацветал***).

Фёдор Михайлович Достоевский так однажды обыграл разницу в значении вида глаголов: *«О, будьте уверены, что Колумб был счастлив не тогда, когда **открыл** Америку, а когда **открывал** её...».*

Глаголы несовершенного вида обозначают действие в его течении, поэтому они, как правило, сочетаются с так называемыми *фазовыми* глаголами: *начинать (начать), продолжать (продолжить), кончать (кончить)* и т. п. Глаголы совершенного вида не могут сочетаться с фазовыми глаголами: нельзя сказать *начал запеть, продолжал написать, перестал вырасти* и т. д. Это и понятно. Ведь действие, уже достигшее предела, нельзя членить на периоды, фазы.

Глаголы, которые различаются только видом, образуют видовую пару: *вязать — связать, строить — построить, читать — прочитать, спасать — спасти, говорить — сказать, делать — сделать.*

Однако не к каждому глаголу можно подобрать видовую пару. Возьмём, например, глагол несовершенного вида *лететь*. От него образуется ряд глаголов совершенного вида: *прилететь, улететь, взлететь, слететь* и другие, но ни один из них не образует видовой пары с глаголом *лететь*. Каждый из этих глаголов указывает на то или иное направление полёта, а у глагола *лететь* такого значения нет. Следовательно, он отличается от перечисленных глаголов не только видом. Есть видовые пары *прилететь — прилетать, улететь — улетать* и т. д. А глагол *лететь* не имеет видовой пары. Нет её и у многих других глаголов несовершенного вида: *жить, любить, ходить, бегать, стоять, лежать, спать* и др.

ДВУВИДОВЫЕ ГЛАГОЛЫ

Есть глаголы, которые могут употребляться то как глаголы несовершенного, то как глаголы совершенного вида: *казнить, женить, велеть, организовать, использовать* и др. Сравните два примера. Первый — отрывок из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы»:

Мы дики; нет у нас законов.
*Мы не терзаем, не **казним** —*
Не нужно крови нам и стонов —
Но жить с убийцей не хотим...

Второй — строки из «Песни про царя Ивана Васильевича...» М. Ю. Лермонтова:

*И **казнили** Степана Калашникова*
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
Во крови на плаху покатилася.

В первом примере глагол *казнить* несовершенного вида, как и глагол *терзать*, с которым он стоит в одном ряду. Во втором, где речь идёт об уже свершившейся казни, глагол *казнить* совершенного вида.

Глаголы, которые могут иметь значение несовершенного и совершенного вида, принято называть *двувидовыми*. Эти глаголы — грамматические омонимы. И так же как лексические омонимы (*лук*$_1$ 'оружие' и *лук*$_2$ 'растение'), мы распознаём их по контексту.

Однако не всегда это так легко сделать, как в нашем примере с глаголом *казнить*. Представьте себе такую ситуацию. Молодой человек получил от тяжелобольного одинокого старика-дяди письмо, в котором тот пишет: «Все свое имущество я *завешаю* тебе». Можно ли считать племянника наследником дяди? Да, если дядя употребил двувидовой глагол *завешать* как глагол несовершенного вида, потому что в этом случае словоформа *завешаю* означает настоящее время. Но возможно, дядя имел в виду будущее время: ведь *завешаю* — это одновременно и форма будущего времени совершенного вида. В этом случае ещё неизвестно, успеет ли дядя составить завешание.

Как видно из этого примера, грамматическая омонимия создаёт некоторые неудобства. Стремясь избавиться от них, язык образует новые видовые пары. Например, глагол *арестовать* раньше был двувидовым глаголом (говорили: *Бандитов находят и арестуют* и *Бандитов найдут и арестуют*); теперь же он употребляется только как глагол совершенного вида, и от него образован новый глагол несовершенного вида *арестовывать (Бандитов находят и арестовывают).*

В других случаях за прежним двувидовым глаголом сохраняется значение глагола несовершенного вида *(стенографировать)*, а от него образуется глагол совершенного вида (*застенографировать*). Так, если раньше говорили: *Они полтора часа стенографировали* (несов. в.) *отчёт* и *Они полностью стенографировали* (сов. в.) *отчет*, то теперь мы скажем во втором случае: *Они полность застенографировали отчёт.*

Есть «одиночки» и среди глаголов совершенного вида, например: *сбе́гать, воспрянуть, очнуться.* Несовершенный и совершенный виды — это грамматические классы, на которые делятся все глаголы в русском языке. Виды различаются не только значением, но и системой форм (об этом будет сказано ниже). Грамматический вид — особенность русского и вообще славянских языков. В таких западноевропейских языках, как французский и немецкий, работу видов частично выполняет система форм времени, более сложная, чем в русском языке.

ЧТО НУЖНО СКАЗУЕМОМУ

Сравним предложения: *Через десять лет я* ***буду*** *уже стариком — Через десять лет я* ***буду*** *уже старым — Через десять лет я* ***состарюсь;*** *В зале было шумно — В зале* ***шумели.***

В этих предложениях в роли сказуемых выступают разные части речи. Но только глаголы *(состарюсь* и *шумели)* могут выполнить функцию сказуемого без помощи служебного слова (связки). Способность быть сказуемым — важнейшее свойство глагола.

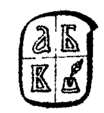
Выполняя работу сказуемого, глагол должен нести всю информацию, которая по законам русского языка возложена на этот член предложения. Прежде всего сказуемое должно показывать отношение говорящего к реальности того, о чём он говорит. Для этого у глагола есть формы *наклонения.*

Изъявительное наклонение указывает, что говорящий сообщает о действии как о реальном: *Я* ***собираю*** *марки; Нас* ***пригласили*** *на просмотр фильма. Условное* наклонение (его также называют *сослагательным*) означает, что о действии сообщается только как о предполагаемом, а не о реальном: *Ты* ***бы мог*** *так поступить на его месте?; Мне* ***сказали бы,*** *если была бы опасность. Повелительное* наклонение означает, что речь идёт не о реальном действии, а о требуемом: говорящий призывает собеседника совершить действие. Этот призыв может иметь разные оттенки: приказ *(Взвод,* ***стройся!****)*, просьбу *(****Повторите,*** *пожалуйста, название книги)*, совет *(****Оденьтесь*** *потеплее)* или предложение *(****Пойдём*** *на каток!).*

Однако глагол в изъявительном наклонении не обязательно обозначает реальное действие. Человек может и лгать, и ошибаться; он нередко шутит или фантазирует, как, например, один из героев «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла:

> *И этот милый старичок*
> *Сказал с улыбкой мне:*
> *—* ***Ловлю*** *я воду на крючок*
> *И* ***жгу*** *её в огне,*
> *И* ***добываю*** *из воды*
> *Сыр под названьем бри.*
> *Но* ***получаю*** *за труды*
> *Всего монетки три.*

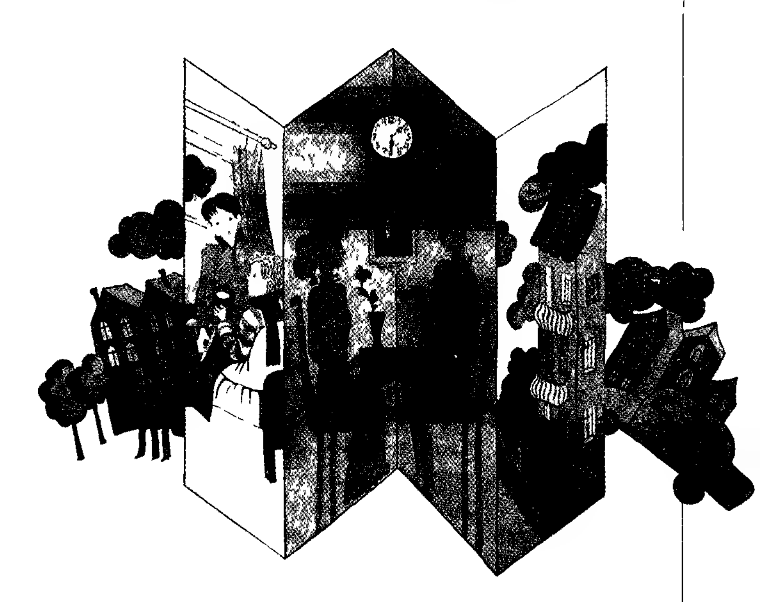
И наоборот, говоря о реальном действии, говорящий может сообщать о нём как о предполагаемом: *Я* ***хотел бы*** *сегодня* ***пойти*** *на каток.* Желание говорящего вполне реально и может быть выражено в форме изъявительного наклонения: *Я* ***хочу*** *сегодня* ***пойти*** *на каток.* Употребляя условное наклонение, говорящий под-



чёркивает, что не настаивает на своём желании. Он как бы ставит в зависимость от обстоятельств (может быть, от воли собеседника) не только сам поход на каток, но даже и своё желание пойти туда.

Если говорящий сообщает о действии как о реальном, он обязательно должен указать время действия, употребив одну из *форм времени*. Изъявительное наклонение может существовать только в формах времени — *настоящего, прошедшего* и *будущего*. Условное и повелительное наклонения, напротив, форм времени не имеют.

Значение условного наклонения выражается частицей ***бы*** и суффиксом ***-л-;*** повелительное наклонение имеет свои аффиксы. А у изъявительного наклонения нет средств выражения, отличных от форм времени: *я жду* — это форма настоящего времени, а также и форма изъявительного наклонения.



ВРЕМЯ В ГРАММАТИКЕ

Система форм времени зависит от вида глагола. У глаголов несовершенного вида три формы времени. Точкой отсчёта является момент речи. Прошедшее время обозначает действие, происходившее до момента речи *(Отец **работал** на заводе)*, а будущее время — действие, которое будет происходить после момента речи *(Скоро я **буду работать** инженером)*. Можно подумать, что настоящее время указывает на совпадение времени действия с моментом речи *(Мамы здесь нет, она **работает** на огороде)*. Но это только одно из значений формы настоящего времени. Эта же форма употребляется и в тех случаях, когда время действия не связано с моментом речи (происходит постоянно или периодически повторяется).

Сравните два отрывка из стихотворений А. А. Фета и М. Ю. Лермонтова:

И вот в тиши ночной твой голос
***слышу** вновь...*

и

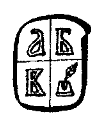
***Слышу** ли голос твой*
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке,
Сердце запрыгает...

В первом случае говорится о действии, которое в момент речи и происходит. Во втором речь не идёт об определённом времени. Герой говорит о том, как он волнуется всегда, когда слышит голос своей любимой. Эти значения формы настоящего времени мы распознаём по контексту.

Кроме того, форма настоящего времени может при определённых условиях заменять формы прошедшего *(Вчера я вдруг **слышу** такой разговор)* и будущего времени *(Завтра я **сдаю** экзамен по математике)*.

Выходит, что у формы настоящего времени нет единого грамматического значения? Нет, такое значение имеется, но оно иного типа, чем у прошедшего и будущего времён. Они обозначают действия, протекающие до или после момента речи. Таким образом, каждая из этих форм указывает на несовпадение (разрыв) между временем действия и моментом речи. А форма настоящего времени на такой разрыв не указывает. Казалось бы, зачем языку форма, всё значение которой заключается в том, что она на что-то не указывает? А между тем такие формы (их называют *немаркированными*) могут выражать значения, для которых нет специальных (маркированных) форм. Так, форма настоящего времени благодаря тому, что она не указывает на разрыв между временем действия и моментом речи, может обозначать и действие одновременное с моментом речи, и постоянное или повторяющееся действие.

Использование настоящего времени вместо прошедшего или будущего позволяет затушевать реальный разрыв между прошлым (или будущим) действием и моментом речи. Это может использоваться, например, для оживления рассказа). В басне И. А. Крылова «Волк на псарне» находим, например:



Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор —
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и ***рвутся***
вон на драку;
Псари ***кричат****: «Ахти, ребята, вор!».*

У глаголов совершенного вида только две формы времени. Считается, что у них нет формы настоящего времени Однако это говорит только о том, что у них нет специальной формы, чтобы обозначать действия, которые произошли одновременно с моментом речи Эту работу выполняет форма будущего времени: *Смотрите, что делает заяц: прыгнет — и приляжет, прыгнет — и приляжет* Слова *смотрите, что делает заяц* показывают, что действия зайца происходят в момент речи, на глазах у собеседников. Такой пример привёл известный языковед и общественный деятель Константин Сергеевич Аксаков (1817—1860), первым указавший, что так называемая форма простого будущего может обозначать также и настоящее

Эта же форма может обозначать постоянные или повторяющиеся действия, безотносительные к моменту речи, как, например, в стихотворении Ф. И Тютчева.

ЗАГАДОЧНЫЕ СЛОВОФОРМЫ

Есть странные глаголы, которые употребляются только в прошедшем времени: *хаживал, говаривал, лавливал, видывал, певал, живал, езжал* и т. п

В наше время подобные словоформы встречаются преимущественно в говорах, а в литературном языке уже выходят из употребления. Однако в литературе XIX в. (а иногда и XX в.) они не редкость.

Вот несколько примеров из произведений А. С. Пушкина. Из «Евгения Онегина»:

Старушка ей: «А вот камин;
Здесь барин ***сиживал*** *один.*
Здесь с ним ***обедывал*** *зимою*
Покойный Ленский, наш сосед».

Из «Моцарта и Сальери»:

Рассей пустую думу. Бомарше
Говаривал *мне:*
«Слушай, брат Сальери,
Как мысли черные к тебе придут,
Откупори шампанского бутылку,
Иль перечти „Женитьбу Фигаро"».

Из «Русалки»:

...да сколько раз, бывало,
В неделю он на мельницу ***езжал?***

Чем отличается *говаривал* от *говорил, езжал* от *ездил?*

Вместо *говаривал* можно всегда сказать *говорил*, вместо *езжал* — *ездил: Бомарше* ***говорил*** *мне; Сколько раз, бывало, он* ***ездил*** *на мельницу*. При этом потеряется выразительность, но сохранится общий смысл и грамматическая правильность предложения.

А вот обратная замена не всегда возможна. Нельзя, например, сказать: *На прошлой неделе он* ***говаривал*** *о тебе; Я сегодня много раз* ***езжал*** *по этой дороге* Как же нужно трактовать различия между *говаривал* и *говорил?* Что это — разные глаголы (*говаривать* и *говорить*) в одной грамматической форме или разные формы времени от одного глагола *(говорить)?* Вопрос сложный и до конца он не решен.

Многие ученые считают словоформы *говаривал, видывал, живал, едал* формой «давнопрошедшего времени» (так назвал ее Михаил Васильевич Ломоносов). Вот что пишет о значении этой формы лингвист Виктор Владимирович Виноградов: «Старые грамматики правильно указывали, что давнопрошедшее время употребляется, когда говорят о многократном действии, происходившем давно... и притом в неопределенное время...».

Однако значение ‘давно’ не обязательно для формы «давнопрошедшего времени».

Например, в басне И. А. Крылова Щука так доказывает Коту свою способность ловить мышей:

И, полно, куманек!
Вот невидаль: мышей!
Мы ***лавливали*** *и ершей.*

Конечно, Щука не имеет в виду давнее время. Скорее всего речь идет о том, что ей доводилось в прошлом (неважно когда) ловить ершей и она приобрела тем самым необходимый опыт.

Замечено, что, если такая форма употребляется с частицей **не,** это усиливает отрицание: «*„А вам нравится наш чай?" — спросила медовым голоском Александра Семеновна... „Превосходный, Александра Семеновна, великолепный! Я еще не пивал такого"* (Ф. М. Достоевский. «Униженные и оскорбленные»); «*Решительно, я никогда подобной женщины не видывал*» (М. Ю Лермонтов. «Герой нашего времени»).

Я еще не пивал такого — ‘мне еще не доводилось пить такой’ (чай); *Я не видывал подобной женщины* — ‘мне не случалось видеть подобную женщину’. С оттенком обобщенного значения этой глагольной формы связано и впечатление усиленного отрицания.

Так иногда, осеннею порой,
Когда поля уж пусты, рощи голы,
Бледнее небо, пасмурнее долы,
*Вдруг ветр **подует**, тёплый и сырой,*
*Опавший лист **погонит** пред собою*
*И душу нам **обдаст** как бы весною.*

Форма простого будущего времени у глаголов совершенного вида иногда употребляется и вместо формы прошедшего времени «*Кругом не слышалось почти никакого шума. Лишь изредка в близкой реке с внезапной звучностью **плеснёт** рыба, и прибрежный тростник слабо **зашумит...***» (И С Тургенев).

КРАТКАЯ ФОРМА ГЛАГОЛА

Вдруг слышу крик и конский топ.
Подьехали к крылечку.
*Я поскорее дверью **хлоп***
И спряталась за печку.

А. С. Пушкин. «Жених»

Выделенное слово похоже на междометие. Но междометия не бывают сказуемыми, не управляют существительными. А *хлоп* — сказуемое *(я... хлоп)*; оно управляет существительным *(дверью хлоп)*, как глагол *хлопнуть* (сравните: *хлопнуть дверью*). *Хлоп* — это особая форма глагола *хлопнуть*. Она сохраняет значение времени (прошедшее) и значение вида глагола (совершенный). В отличие от обычной формы прошедшего времени она не изменяется ни по родам, ни по числам. Такая форма глагола называется *краткой*.

Краткая форма глагола образуется только от глаголов совершенного вида, причем не от всех, а только от тех, которые обозначают резкое мгновенное действие. Вот три примера из басен И. А. Крылова: *«Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,/ Тихохонько Медведя **толк** ногой...»; «Левей, левей! и с возом — **бух** в канаву!»; «Тут рыцарь **прыг** в седло и бросил повода».*

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ И... ВЕЖЛИВОСТЬ

Грамматическое время указывает на отношение действия к моменту речи Казалось бы, какая связь между формой времени и вежливостью? А вот лингвист Марина Яковлевна Гловинская недавно открыла случай, когда такая связь существует.

Иногда мы употребляем вместо будущего времени форму настоящего, например: *Завтра я уезжаю в деревню*; *Ты в воскресенье опять дежуришь?*; *Через неделю мы отправляемся в экспедицию.*

Чтобы такая замена была возможна, необходимы два условия: 1) событие должно произойти в скором времени; 2) будущее событие должно быть запланировано, предрешено уже в момент речи. Оба эти условия присутствуют в приведенных примерах.

Теперь представим себе такую ситуацию. Вас приглашают в гости в ближайшее воскресенье, а вы уже собрались идти в этот день в театр. Вы вынуждены отказаться. Объясняя свой отказ, вы можете употребить и будущее время *(К сожалению, я не смогу прийти: в воскресенье я **пойду** в театр)*, и настоящее *(К сожалению, я не смогу прийти: в воскресенье я **иду** в театр)*.

Грамматически оба варианта ответа правильны (оба условия употребления настоящего времени для обозначения будущего действия налицо). Но в смысле вежливости отказа эти варианты далеко не равноценны. Первый звучит менее вежливо, в нем явно звучит предпочтение похода в театр посещению знакомых А во втором варианте форма настоящего времени как бы снимает с говорящего ответственность за выбор: поход в театр неизбежен, и предпочтений нет.

КТО ГОВОРИТ, КТО ДЕЙСТВУЕТ

Как изъявительное наклонение не существует без форм времени, так формы настоящего и будущего времени не существуют без форм лица. Формы лица указывают, кто производит действие, и выражаются личными окончаниями *(спеш**у**, спеш**ишь**, спеш**ит**, спеш**им**)*.

Формы 1-го и 2-го лица единственного числа обозначают действия участников речи (говорящего и его собеседника — адресата речи) При этом форма 1-го лица всегда обозначает действие самого говорящего, а форма 2-го лица может изменять своё значение в зависимости от контекста. Чаще всего она передаёт действие адресата речи: *Ты мне **расскажешь** об этом событии; Правильно **делаешь;** Как хорошо ты **поёшь!*** Но может она иметь и обобщающее значение· ***Поспешишь** — людей **насмешишь;** Тише **едешь** — дальше **будешь; Любишь** кататься — **люби** и саночки возить.* Эти мысли могут относиться к любому человеку, в том числе и к адресату речи, и к самому говорящему.

Иногда форма 2-го лица может употребляться и вместо формы первого. Например, Николенька Иртеньев из повести Льва Толстого «Детство» вспоминает: *«Набегавшись досыта, **сидишь,** бывало, за чайным столом, на своём высоком креслице; уже поздно, давно выпил свою чашку молока с сахаром, сон смыкает глаза, но не **трогаешься** с места, **сидишь** и **слушаешь**»*.

Форма 1-го лица множественного числа обозначает действие группы лиц, к которой относит себя и сам говорящий: *Мы с тобой давно **дружим;** Мы **ходим** всем классом в походы.*

Форма 2-го лица множественного числа указывает, что действие производят собеседники говорящего *(Вы, ребята, почему не **купаетесь?**)* или группа лиц, в которую входит собеседник (или собеседники) и другие лица, но не сам говорящий *(Вы с отцом надолго **уезжаете** в горы?)*. Употребляют её и в качестве вежливой формы при обращении к одному лицу. Так следует обращаться к малознакомым людям, к старшим по возрасту (кроме близких родственни-

ВОЗЬМИ ДА И...

Сравните два предложения: ***Позабудь** и думать об этом* и *«Барин твой приказал мне отнести его Дуне записочку, а я и **позабудь,** где Дуня-то живет»* (А. С. Пушкин).

Словоформа *позабудь* в первом случае — повелительное наклонение. А во втором? Внешне она не отличается от повелительного наклонения, но означает не требование, а действие в прошлом, причем внезапное и неожиданное.

Подобные формы можно образовать только от глаголов совершенного вида: *«А Алексей Иванович и **заколи** поручика»* (А. С. Пушкин); *«В эту-то Дуняшу и **влюбись** Аким!»* (И. С. Тургенев); *«Да телеграмма к тетке и **приди**»* (Ф. М. Достоевский); *«Ему бы в сторону броситься, а он **возьми** да прямо и **побеги**»* (И. С. Тургенев). Это очень эмоциональная форма. Она встречается в разговорной речи и в художественной литературе.

Одни ученые видят в таких формах особое употребление повелительного наклонения. Другие (например, академики Александр Александрович Шахматов и Виктор Владимирович Виноградов) считают, что это грамматические омонимы. По мнению А. А. Шахматова, форма прошедшего времени, омонимичная с повелительным наклонением, произошла от древнего аориста — одной из форм прошедших времён древнерусского языка (см. об аористе в статье «История русской грамматики»). Каким бы ни было происхождение этой особой формы прошедшего времени, считал В. В. Виноградов, в современном языке она не имеет ничего общего по значению с повелительным наклонением. Поэтому особая форма прошедшего времени и форма повелительного наклонения — грамматические омонимы.

НА ОХОТЕ С ТУРГЕНЕВЫМ

Иногда рассказчики или писатели употребляют форму 2-го лица множественного числа вместо 1-го лица единственного числа. Например, Иван Сергеевич Тургенев эту форму использует в рассказе «Лес и степь» из цикла «Записки охотника»: *«А летнее, июльское утро! Кто, кроме охотника, испытал, как отрадно бродить на заре по кустам? Зелёной чертой ложится след ваших ног по росистой, побелевшей траве. Вы **раздвинете** мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся тёплым запахом ночи...»*.

Автор говорит здесь о себе, однако употребляет форму 2-го лица множественного числа, как бы приобщая читателей к своим впечатлениям и переживаниям, связанным с природой.

ЗОВИМАЯ ЗЕМЛЯ

Вот цитата из поэмы С. Смирнова «Свидетельствую сам»:

> *Я везу, везу его на Землю,*
> *Ласково **зовимую** Большой.*

Правильно ли образована форма страдательного причастия?

ков). Эта форма принята в официальных отношениях: очень некрасиво, когда начальник позволяет себе обращаться к подчинённому, используя форму единственного числа: *Ты, Петров, **работаешь** завтра во вторую смену.*

Форма 3-го лица (как единственного, так и множественного числа) указывает, что действие не относится к участникам речи. О том, кто (или что) производит это действие, сообщает подлежащее, а сама форма глагола указывает только на число производителей действия: *кошка **пьёт** молоко — кошки **пьют** молоко, мальчик **идёт** по дороге – дети **идут** по дороге, машина **подъезжает** к крыльцу – машины **подъезжают** к крыльцу.*

Если подлежащего не существует, форма единственного числа указывает, что у действия нет производителя, оно происходит как бы само по себе (безличные глаголы): *Уже **рассветает**; Меня **знобит**; Ребёнку сладко **спится*** и т. д. А форма множественного числа глагола без подлежащего даёт понять, что говорящий не знает, кто производит действие или это для него безразлично: *Вот **везут** молоко; Посылку вам **доставят** на дом; Нам здесь **помешают** разговаривать.*

НЕ ТОЛЬКО СКАЗУЕМОЕ

У глагола есть формы, которые, называя процессуальный признак предмета, тем не менее неспособны быть сказуемыми в предложении (полные *причастия* и *деепричастия*) или выполняют эту роль только с помощью связки (краткие причастия).

По своей синтаксической роли определения причастия схожи с прилагательными, и связь с существительными выражается у них теми же окончаниями: *красн**ая** роза* и *цветущ**ая** под окном роза; находится за дровян**ым** сараем* и *находился за снесённ**ым** сараем; окна чист**ы*** и *окна вымыт**ы**.*

Одни причастия обозначают процессуальный признак самого производителя действия (субъекта действия): *писатель, **получивший** Нобелевскую премию; девушка, **разбившая** кувшин; ученики, **решающие** задачу* (задачу решают ученики). Такие причастия называются *действительными*. Другие причастия обозначают процессуальный признак предмета, который подвергается действию (объекта действия): *премия, **полученная** писателем; кувшин, **разбитый** девушкой; задача, **решаемая** учениками.* Эти причастия называются *страдательными*.

У одних глаголов есть и действительные, и страдательные причастия — это такие глаголы,

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРЕХОДНОСТИ

Можно предложить два определения, по которым некоторые глаголы в русском языке могут называться переходными.

Первое определение. Глагол называется переходным, если его нельзя употреблять без зависимого существительного в винительном падеже без предлога (имеются в виду полные, а не сокращённые предложения, встречающиеся в разговорной речи).

Второе определение. Глагол называется переходным, если его можно употреблять с зависимым существительным в винительном падеже без предлога.

1. Приведите примеры таких существительных, что русские глаголы несовершенного вида, от которых эти существительные будут зависеть, в большинстве своём окажутся переходными согласно второму определению.

2. Исключите те зависимые от глагола существительные, которые будут выделены в задании 1. Укажите глаголы, которые, несмотря на введенное ограничение, всё равно не являются переходными согласно первому определению, но оказываются переходными согласно второму.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРЕХОДНОСТИ

1. Это существительные *минута, час, неделя, месяц* и т. п. в винительном падеже, обозначающие обстоятельство длительности: *жил неделю, сидел час, смеялся минуту.*

2. К таким глаголам относятся *ест, пьет, читает, рисует, пишет* и т. п. Возможны вполне законченные ответы на вопрос *Что он сейчас делает? — Он читает. Он ест. Он рисует. Он пишет.* Таким образом, эти глаголы не являются переходными по первому определению, но являются переходными по второму.

ЗОВИМАЯ ЗЕМЛЯ

Форма образована неправильно. Страдательные причастия настоящего времени почти не образуются от глаголов, у которых настоящее время устроено так же, как у глагола *звать.* У этих глаголов находим окончания I спряжения и твёрдые согласные перед окончаниями 1-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа: *зову — зовут.* Такое же настоящее время у глаголов *брать (беру — берут), драть (деру — дерут)* и некоторых других на ***-ать*** и у всех глаголов с инфинитивом, т. е. неопределённой формой, на ***-сти, -сть, -зти, -зть, -чь:*** *вести (веду — ведут), класть (кладу — кладут), везти (везу — везут), грызть (грызу — грызут), влечь (влеку — влекут).*

Страдательные причастия есть лишь у немногих таких глаголов; самые употребительные формы: *ведомый, везомый, влекомый, несомый.*

Формы от других глаголов — большая редкость. Например, в поэме А. С. Пушкина «Анджело»:

> *...И Анджело, смущенный,*
> ***Грызомый*** *совестью, предчувствием стеснённый,*
> *Туда же поспешил.*

Так же, с суффиксом ***-ом-,*** должна быть образована форма от *звать: зовомый,* которая изредка встречается, например, у Бориса Слуцкого:

> *А чем теперь мне стать бы?*
> *Почтенным генералом,*
> ***Зовомым*** *на все свадьбы?*

Так что правильно, как это ни странно: *Земля, зовомая Большой!*

которые могут иметь при себе дополнение в винительном падеже без предлога *(любить природу, решить задачу, сочинить рассказ, купить тетрадь);* они называются *переходными.* А у *непереходных* (всех остальных) глаголов могут быть только действительные причастия. Например: ***любящий*** *сына отец — сын,* ***любимый*** *отцом;* ***решивший*** *задачу мальчик — задача,* ***решённая*** *мальчиком.* Но только: ***бегущий*** *мальчик,* ***плачущий*** *ребёнок,* ***расцветшая*** *фиалка,* ***отшумевшая*** *буря* (нельзя бежать или плакать кого-то или что-то).

Причастия имеют формы времени. Настоящее и прошедшее время есть у причастий, образованных от глаголов несовершенного вида: ***играющие*** *дети* и ***игравшие*** *дети;* ***бегущий*** *человек* и ***бежавший*** *человек;* ***танцующая*** *молодёжь* и ***танцевавшая*** *молодёжь.* А от глаголов совершенного вида образуются только причастия прошедшего времени: ***написавший*** *портрет художник;* ***разбитая*** *вдребезги чашка.* Будущего времени у причастий нет совсем.

Наибольший набор причастных форм имеют переходные глаголы несовершенного вида. Однако реально очень многие из этих глаголов используют далеко не все возможности, которые предоставляет им система языка

Так, страдательные причастия от глаголов несовершенного вида образуются очень нерегулярно. Например, не образуются они от глаголов *брать, совать, длить* (споры) и некоторых других. У многих подобных глаголов страдательные причастия употребляются только в настоящем (*любимый, ненавидимый* и др.) или только в прошедшем времени (например, ***битый*** *всеми мальчишка),* к тому же многие из страдательных причастий несовершенного вида очень редко употребляются *(уже* ***петые*** *песни;* ***гружённые*** *мешками подводы).*

В отличие от причастий деепричастие не имеет форм согласования. Как же при этом устанавливается отношение действия, обозначенного деепричастием, к предмету? Благодаря связи деепричастия со сказуемым, к которому оно всегда примыкает (например: *Брат* ***рассказывал*** *мне,* ***смеясь,*** *о своих приключениях)* А так как сказуемое всегда относится к подлежащему, то и деепричастие обозначает процессуальный признак подлежащего, но признак второстепенный, сопутствующий главному. (В нашем примере смеялся тот же, кто и рассказывал, т. е. брат.)

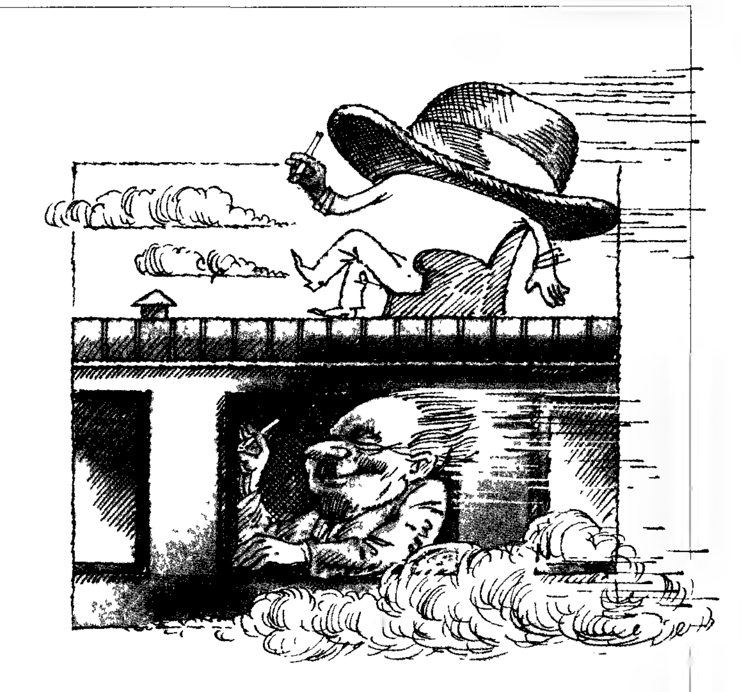
Довольно распространённую и забавную ошибку, связанную с употреблением деепричастий, привёл А. П. Чехов в рассказе «Жалобная книга». Один из пассажиров записал в этой кни-

ге: *«Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа»*. Поскольку действие, называемое деепричастием, и действие, называемое сказуемым, всегда относятся к одному предмету, можно подумать, что к станции подъезжала... шляпа собственной персоной!

Деепричастие — неизменяемая форма глагола. Деепричастие несовершенного вида указывает, что главное и второстепенное действия происходят одновременно: *«Что, сударь, плачете? Живите-ка,* ***смеясь****»* (А. С Грибоедов). Деепричастие совершенного вида указывает, что второстепенное действие предшествует главному. ***Дойдя*** *до перекрёстка, прохожий остановился.*

Всем остальным формам глагола противопоставлен *инфинитив – неопределённая* форма. Он только называет процессуальный признак *(ходить, любить, создать),* но не указывает, к какому предмету этот признак относится.

Не выражая значений, которые свойственны глаголу в роли сказуемого (наклонение, время, лицо и др.) или причастию (время, число, род и др.), инфинитив не играет и определённой синтаксической роли. Он может выступать в предложении в функции разных его членов. ***просить*** *его бесполезно* (*просить* — подлежащее); *Я научилась* ***плавать*** *брассом* (*плавать* — дополнение); ***Молчать!*** (сказуемое).



В русском языке ни одна другая часть речи не располагает такой сложной парадигмой, т. е. системой грамматических форм, как глагол. Особенности глагольной парадигмы связаны с многообразием синтаксических ролей, в которых выступает глагол, и с «ответственностью» главной из них — роли сказуемого.

НАРЕЧИЕ

Рассмотрим ряд сочетаний слов: *смотреть* ***вверх,*** *говорить* ***вполголоса,*** *действовать* ***вслепую,*** *бежать* ***врассыпную,*** *смотреть* ***исподлобья,*** *стоять* ***навытяжку,*** *отказать* ***наотрез,*** *ответить* ***невпопад,*** *брести* ***ощупью,*** *двигаться* ***ползком,*** *знать* ***понаслышке,*** *разрезать* ***пополам,*** *подкрасться* ***сзади,*** *ехать* ***стоя,*** *встретиться* ***тайком,*** *пробраться* ***украдкой.***

Все эти сочетания состоят из глагола и другого слова, которое определяет характер действия, выраженного глаголом В приведённых примерах глаголы стоят в инфинитиве Попробуем изменить глагольные формы: *смотрит* ***вверх,*** *говорил* ***вполголоса,*** *не действуй* ***вслепую,*** *бегущие* ***врассыпную,*** *смотревший* ***исподлобья,*** *отказав* ***наотрез,*** *двигаясь* ***ползком*** и т. д.

Как видим, слова, характеризующие действия, выраженные разнообразными глагольными формами, не претерпели никаких изменений. Такие неизменяемые слова, которые определяют другие слова, называются *наречиями.*

Наречия могут относиться не только к глаголам, но и к словам других частей речи. к существительным *(яйцо* ***всмятку,*** *рубаха* ***навыпуск,*** *пальто* ***нараспашку,*** *лекарь* ***поневоле,*** *волосы* ***торчком****)*, прилагательным *(****вдвойне*** *опасный,* ***еле*** *видный,* ***наполовину*** *пустой,* ***очень*** *интересный,* ***позарез*** *нужный,* ***слишком*** *независимый,* ***совсем*** *чужой,* ***чересчур*** *сложный),* другим наречиям ***(совсем даром, почти рядом, слегка вправо, немного впереди, совершенно впустую, вполне искренне, очень смело, чересчур быстро).***

Чаще всего наречия выступают при глаголах — одной из двух главных частей речи. При существительных наречия употребляются относительно редко. Это неудивительно·

у существительного есть своя «обслуживающая» часть речи — прилагательное, которое целиком приспособлено к этой роли по своим морфологическим свойствам (согласуется с существительным в роде, числе и падеже). Морфологическое же свойство наречия — неизменяемость. Именно благодаря ему наречие может относиться к словам разных частей речи.

Наречия, которые определяют прилагательные и другие наречия, в большинстве случаев обозначают степень проявления признака: *очень, вполне, совершенно, совсем, чрезвычайно* и др. А вот наречия, относящиеся к глаголам, по своему значению очень разнообразны.

Есть наречия, которые раскрывают характер самого действия; к ним применяют название наречия *образа действия: читать* ***вслух,*** *бегать* ***босиком,*** *ехать* ***верхом,*** *идти* ***шагом,*** *переписать* ***набело,*** *бежать* ***вприпрыжку*** и т. д.

Наречия другого типа указывают на внешние по отношению к действию обстоятельства; их и называют *обстоятельственными.* Они могут обозначать место и время действия: *поблизости, вдалеке, рядом, снаружи, внутри* и *вчера, сегодня, днём, вечером, зимой, летом, накануне, прежде* и т. п. Обстоятельственными являются наречия, характеризующие действие как неожиданное *(вдруг, внезапно),* повторяющееся *(порой)* и др. Такие наречия не привязаны по смыслу к определённым глаголам, ведь *поблизости, вдалеке, вечером, зимой* и т. п. может происходить множество разных событий, действий.

Наречия образа действия часто бывают связаны с относительно небольшим числом глаголов. Так, *исподлобья* можно только *смотреть, врассыпную — бежать, вдребезги — разбить* или *разбиться, навзрыд — плакать.* Наречие *наизусть* сочетается главным образом с глаголами *читать* и *помнить, нараспев* можно *читать* или *говорить.*

Вот ещё ряд таких наречий: *вброд, взаперти, вкратце, воочию, вплавь, вплотную, вповалку, вполоборота, впопыхах, впустую, врасплох, вскачь, кувырком, набекрень, назубок, наотрез, наощупь, напоказ, наугад, ничком, плашмя, поровну, потихоньку, свысока, сдуру, силком, сослепу, сплеча, шагом.*

Большинство наречий — знаменательные слова, но есть и местоимённые наречия, например: *так, тогда, там, здесь* (указательные), *как, когда, где* (вопросительные), *всегда, везде* и др.

ОТКУДА БЕРУТСЯ НАРЕЧИЯ

Происхождение наречий так же разнообразно, как и их внешний облик. Многие наречия с точки зрения современного языка ни от чего не образованы. Исторически, однако, они обнаруживают связь со словами разных частей речи.

От существительных произошли наречия *бегом, даром, кубарем, нагишом, пешком, рядом, торчком.* Всё это «застывшие» формы творительного падежа существительных, которых иногда уже нет в современном языке. Наречия *ввысь, вглубь, вширь; набок, назад, наперёд, наспех; сбоку, сверху, сзади, снизу, спереди* когда-то были сочетаниями падежных форм существительных с предлогами. Краткие формы прилагательных с предлогами тоже часто становились наречиями: *добела, докрасна, досуха, дочиста; задолго, запросто, засветло, затемно; набело, надолго, налево, направо, насухо; свысока, сгоряча, слева, справа, спьяна.*

В современном языке наречия свободно образуются от прилагательных с помощью приставки ***по-*** и суффиксов ***-и*** или ***-ому*** и без приставки с помощью суффиксов ***-о, -и: по****-русск****и,*** ***по****-нов****ому,*** *громк****о,*** *мастерск****и.***

Особое место занимают наречия на ***-о,*** с большой регулярностью образующиеся от качественных прилагательных: *бодр****о,*** *быстр****о,*** *важн****о,*** *глуп****о,*** *горд****о,*** *груб****о,*** *грустн****о,*** *крепк****о,*** *ловк****о,*** *мудр****о,*** *плох****о,*** *сильн****о,*** *скучн****о,*** *честн****о,*** *ясн****о*** и др. Эти наречия внешне совпадают с краткими формами среднего рода прилагательных: *Его лицо* ***грустно*** *— Он* ***грустно*** *улыбнулся.*

Да наречия ли это? Может быть, это формы прилагательных среднего рода, выступающие при глаголах? В статье «О частях речи в русском языке» Лев Владимирович Щерба писал: «Мы бы, вероятно, сознавали подобные наречия формой соответственных прилагательных, если бы в той же функции не употреблялось большого коли-

чества неизменяемых слов, не являющихся производными от прилагательных: *очень, слишком, наизусть, сразу, кругом* и т. д.».

У наречий на ***-о*** есть важные отличия от всех остальных наречий, связанные с их близостью к прилагательным. Обычно при отглагольных существительных могут выступать те же наречия, что и при соответствующих глаголах: *ездить* ***верхом*** — *езда* ***верхом,*** *читать* ***вслух*** — *чтение* ***вслух,*** *бежать* ***вприпрыжку*** — *бег* ***вприпрыжку,*** *разговаривать* ***вполголоса*** — *разговор* ***вполголоса*** и т. п. Наречия же на ***-о*** не могут определять отглагольные существительные. Сочетанию *ехать* ***быстро*** соответствует *быстрая езда*, а отнюдь не *езда быстро*. Вот ещё примеры: ***громко*** *кричать — громкий крик,* ***отчаянно*** *сопротивляться — отчаянное сопротивление,* ***плохо*** *работать — плохая работа,* ***интересно*** *рассказывать — интересный рассказ* и т. п. Это объясняется просто: так как лексические значения наречий на ***-о*** и соответствующих прилагательных полностью совпадают, естественно употребить при существительном специально для этого «приспособленную» форму прилагательного!

Близость наречий на ***-о*** к прилагательным особенно ярко проявляется в том, что у них есть внешне неразличимые формы сравнительной степени: *Удар был* ***сильнее*** *— ударил* ***сильнее;*** *Рассказ был* ***интереснее*** *— рассказывал* ***интереснее;*** *Крик становился всё* ***громче*** *— кричал* ***громче.***

Что же это такое — эти два *сильнее*, два *интереснее*, два *громче?* Одна и та же форма, выступающая в разных ролях, или две разные формы, одна из которых образована от прилагательного, а другая — от наречия? В научных трудах высказывались обе точки зрения. В любом случае интересен сам факт полного совпадения простой сравнительной степени у прилагательных и наречий.

Повторим примеры с совпадающими формами. *Его лицо* ***грустно*** *— Он* ***грустно*** *улыбнулся.* И добавим третью: *Сегодня ему было особенно грустно.* Что это за третье *грустно*, вы узнаете из следующей статьи.

ЕЩЁ ОДНА ЧАСТЬ РЕЧИ? (КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ)

Вот три цитаты из произведений А. С. Пушкина

Хоть ***тяжело*** *подчас в ней бремя,*
Телега на ходу легка...

«Телега жизни»

И ***тяжело*** *Нева дышала,*
Как с битвы прибежавший конь.

«Медный всадник»

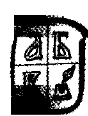
«Эй! Пошёл, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, ***тяжело...»***

«Бесы»

В каждом из этих примеров есть слово *тяжело*. Слово *тяжело* в первом случае — краткая форма прилагательного *тяжёлый:* она согласуется в роде и числе с существительным *бремя* и выступает в предложении в роли сказуемого.

Во второй цитате наречие *тяжело* определяет глагол-сказуемое *дышала*. Это *тяжело*, как и положено наречию, — неизменяемое слово.

И наконец, в последнем случае предложение *Коням, барин,* ***тяжело*** — безличное, подлежащего в нем нет и быть не может, а *тяжело* выступает в роли сказуемого. Такова его синтаксическая функция. Однако какая же это часть речи? Краткая форма прилагательного среднего рода, как в первом предложении, или наречие, как во втором?



Начнём с первого предположения. Оно очень правдоподобно. В безличном предложении, где нельзя сказать, кто производит действие, сказуемое не с чем согласовывать, и потому используется форма среднего рода как самая нейтральная. Именно эта единственная форма есть в прошедшем времени у безличных глаголов: *светать — светало, вечереть — вечерело, знобить — знобило.*

Если сказуемым в безличном предложении становится личный глагол, он тоже употребляется в форме среднего рода, как, например, в балладе В. А. Жуковского «Вадим»:

> *Вадим взглянул — призрáк исчез;*
> *А в вышине... **звенело.***

Глагол *звенеть* не безличный: форма прошедшего времени среднего рода *звенело* — форма, предназначенная для согласования с существительным, но в безличном предложении ей просто не с чем согласовываться. Почему бы не решить, что то же самое происходит с краткой формой среднего рода прилагательного *тяжёлый — тяжело?*

Второе предположение о том, что в третьей цитате *тяжело* — наречие, оказывается ничуть не менее обоснованным. Есть наречие *тяжело* — уже «готовое» неизменяемое слово. Не проще ли считать, что именно оно в безличном предложении и выступает в качестве сказуемого?

Какое же из предложений верно? Получается, что форма *тяжело* одновременно и прилагательное — ведь оно способно быть сказуемым, и наречие — оно неизменяемо. Это слово как бы и то и другое. Возникает мысль: а может быть, оно как раз ни то ни другое, а что-то третье, совершенно особая грамматическая категория? В самом деле, в языке есть и другие слова, выступающие в роли сказуемого в безличном предложении: *можно, нельзя, пора.* Среди них есть оканчивающиеся на **-о,** похожие на наше *тяжел**о**: можн**о**, над**о**.* Есть и непохожие на него: *жаль, нельзя, лень (ему **лень** даже пошевелиться), порá (**пора** приниматься за дело).* Последние два слова по форме совпадают с существительными *лень* и *пора.*

Некоторые учёные в своих трудах выделяют эти разнообразные по форме слова, объединяемые двумя общими свойствами (неизменяемостью и синтаксической ролью сказуемого в безличных предложениях) в отдельную часть речи, которая получила название *категории состояния.* Существует и другое название — *предикативы.*

Сторонники выделения безлично-предикативных слов в особую часть речи признают, что это не очень убедительная категория. Так считал и её «первооткрыватель» — российский языковед Лев Владимирович Щерба.

«Противники» категории состояния называют главные члены таких предложений, как *Мне **холодно;** Мне **тяжело;** Мне **скучно*** и т. п., «предикативными наречиями». Иными словами, их всё же признают какой-то особой категорией.

Многие качественные прилагательные имеют по два омонима на **-о** — наречие и категорию состояния. К ним относятся *тяжёлый* (как в наших примерах из Пушкина), *грустный (Его лицо было **грустно;** Он **грустно** улыбнулся; Мне*

грустно), *смешной* (*Такое поведение* ***смешно;*** *Он* ***смешно*** *выглядит; На него* ***смешно*** *смотреть*), *интересный* (*Соревнование* ***интересно*** *составом участников; Сочинение* ***интересно*** *написано; С ним* ***интересно*** *спорить*) и др. Однако немало и таких прилагательных, с которыми соотносится только наречие (например, *бойкий, быстрый, вкусный*). Что касается наречия *холодно*, то оно соответствует только переносному значению прилагательного *холодный* (***холодно*** *относиться к чему-нибудь,* ***холодно*** *взглянуть*), а прямое («температурное») значение есть лишь у безлично-предикативного слова (*ему* ***холодно,*** *на улице* ***холодно***).

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

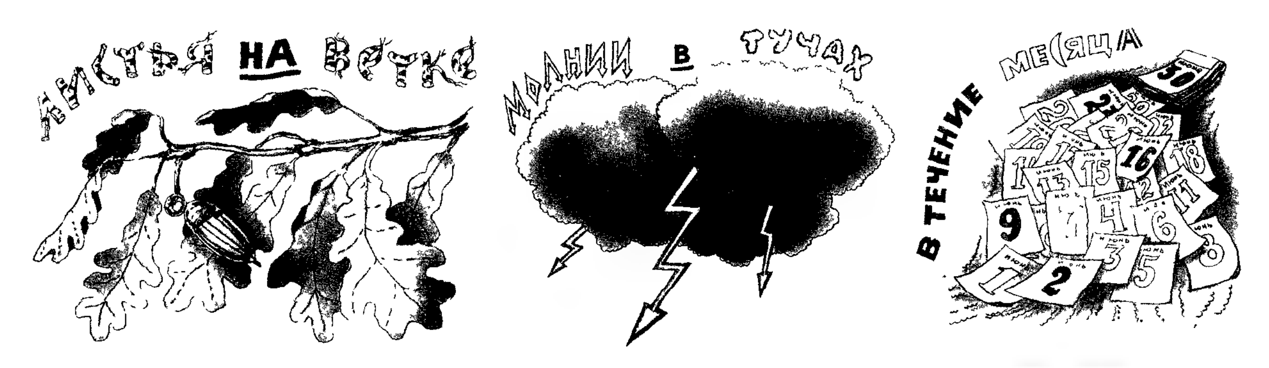
В русском языке есть слова, называющие предметы, существа, явления (*лес, заяц, землетрясение*); признаки (*росистый, медленно*); действия, процессы (*красят, красил бы, крась*). Это слова *знаменательные*, т. е. значащие У каждого знаменательного слова есть лексическое значение. Рассмотрим предложение: *Дикие гуси уж прилетели и теперь обживаются на озёрах. Дикий* — значит 'неприручённый'; *гусь* —'водоплавающая птица с длинной шеей'; *прилететь* – 'летя, прибыть', *теперь* — 'в настоящее время'; *обживаться* — 'привыкать к новой обстановке'; *озеро* — 'естественный, замкнутый в берегах водоём'. Все эти слова связаны между собой: *дикие* согласуется с *гуси* в роде, числе и падеже; слово *обживаются* диктует слову *озеро* определённый падеж — следовательно, каждое из них является членом предложения.

А вот слова *и, на, уж* ничего не называют, лексического значения у них нет, членами предложения они не являются. Всё не... не... не... А положительная характеристика, хоть одна, у них есть? Она есть, но необычна. Эти слова всегда выступают только в сочетании со знаменательными словами и вместе с ними выражают грамматические отношения: не просто *на*, а ***на*** *озере;* не *и*, а *прилетели* ***и*** *обживаются;* не одно *уж*, а ***уж*** *прилетели*. Отношения такие· в сочетании ***на*** *озер**е*** предлог ***на*** вместе с окончанием *-**е*** показывают пространственные отношения; союз ***и*** в сочетании *прилетели* ***и*** *обживаются* говорит о равноправном положении глаголов-сказуемых в предложении; частица ***уж*** усиливает действие, которое названо глаголом *прилетели* Слова *на, и, уж* вместе с окончаниями знаменательных слов — выразители грамматических отношений. Это слова *служебные*. Получается, что главный, обязательный признак служебных слов — несамостоятельность!

ПРЕДЛОГ: НА СЛУЖБЕ У СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Грамматическое значение может быть выражено одним окончанием: *иду лес**ом**, надвинул**ись** туч**и**.* Но иногда только окончания бывает недостаточно. Вы не скажете· *ид**у** лес**у**, ходил**а** портфел**ем**, молни**и** туч**ах**,* нужен ещё *предлог*: *иду* ***по*** *лес**у**, ходил**а*** ***с*** *портфел**ем**, молни**и*** ***в*** *туч**ах**.* Предлог употребляется лишь при существительном, вместе с его падежным окончанием.

Есть предлоги, которые всегда сопровождают окончания одного и того же падежа: *до* — *добежать* ***до*** *финиш**а*** (род п.), *к* — *вызвать*



ЧЕРЕЗ

Известен случай, когда предлог «выпал» из литературного языка. Это предлог *через* в конструкции «*через* + + существительное в винительном падеже» со значением причины: *пострадал **через** критику* (т. е. пострадал за критику), *опоздала **через** гололедицу* (т. е. опоздала из-за гололедицы). Подобные сочетания встречаются в литературных произведениях XIX в. Главный герой комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» Чацкий воспринимает сплетню о своём безумии так:

Какими чудесами?
***Через** какое колдовство*
Нелепость обо мне все в голос повторяют?

В наши дни сфера употребления этого предлога сузилась. Сказать *ослаб **через** болезнь, обижают **через** прямоту* может только человек, не владеющий литературной речью. Это признак просторечия.

к** директор**у (дат. п.), *про — вспоминать **про** поход**ы*** (вин. п.), *над — лететь **над** гор**ами*** (твор. п.), *при — поселиться **при** школ**е*** (пред. п.). Другие предлоги употребляются с окончаниями двух или даже трёх падежей, например предлог *по: спускаться **по** склон**у**, сообщить **по** телефон**у*** (дат. п.), *стоять **по** пояс в воде, пролистать книгу с первой **по** сороковую страниц**у*** (вин. п.), ***по** окончани**и** сеанса* (пред. п.).

Предлоги, как и другие служебные слова, — устойчивый языковой материал. Они почти не меняются со временем. Но на самом деле движение происходит даже в «застывшем» мире предлогов.

Иногда новые предлоги образуются из знаменательных слов. Предлогами они становятся в тех случаях, когда вместе с утратой лексического и грамматического значений утрачивают и свою самостоятельность. Привязываясь накрепко к существительным, предлоги теперь вместе с падежными окончаниями указывают их отношение к словам, которым подчинены.

Некоторые предлоги произошли из сочетаний существительных с предлогами: *в течение, в продолжение, в заключение, во время*. Они и похожи на существительные, но только внешне. У существительного есть лексическое значение (*течение* — ‘поток воды’, ‘направление воды’) и морфологические значения — род, число, падеж. Оно может употребляться в разных падежах с разными предлогами: ***от** течения*, ***по** течению* и др. Предлоги же *в течение, в продолжение, в заключение* всегда при существительном и всегда вместе с его окончанием родительного падежа выражают временны́е отношения: ***в течение** месяц**а**, **в продолжение** вечер**а**, **в заключение** бесед**ы**.*

Предлог *благодаря* (***благодаря** товарищу*) произошёл от глагола *благодарить* ‘выражать благодарность кому-нибудь’, точнее от деепричастия *благодаря*. У этого деепричастия есть морфологические свойства, доставшиеся ему от глагола: оно несовершенного вида, при нём могут быть пояснительные слова *(благодаря товарища, благодаря за помощь, благодаря сердечно).*

Предлог же *благодаря* оторвался от глагола, покинул глагольную парадигму. У него нет значения ‘выражая благодарность кому-нибудь’, у него нет и морфологических свойств глагола (вида, способности управлять). Он всегда работает с окончанием существительного в дательном падеже, выражая вместе с ним причинные или следственные отношения этого существительного к другим словам в предложении: ***Благодаря** уход**у*** (дат. п.) *и забот**е*** (дат. п.) *больной быстро поправился*. Эту же мысль можно высказать иначе, с другими предлогами: ***По причине** уход**а** и забот**ы**; **Вследствие** уход**а** и забот**ы**.*

Новые предлоги могут образовываться и от наречий. Слово *мимо* известно всем как наречие: оно самостоятельное, с лексическим значением ‘не останавливаясь’, ‘не задерживаясь’: *Мы пришли на станцию встречать знакомых, но они проехали **мимо**.* Совсем другой пример: *Проехать **мимо** дом**а**.* Здесь *мимо* — служебное слово: вместе с окончанием существительного в родительном падеже оно указывает на-

ПО ОКОНЧАНИИ...

Не исключено, что предложно-падежные конструкции *по окончании, по завершении* со временем пополнят разряд предлогов. В них предлог *по* употребляется вместе с окончанием предложного падежа существительного. В книжно-деловом и научном стилях речи такие конструкции используют для выражения временны́х отношений; после них обязательно стоит существительное в родительном падеже: ***по окончании** института, **по достижении** результатов, **по завершении** работ, **по прекращении** следствия, **по прошествии** года* и др. Эта конструкция вынуждена работать в жёстких условиях: только в книжно-деловом и научном стилях, только со значением времени, только с окончанием существительного в родительном падеже. Она стала похожа на предлог! Ещё не предлог, но первые шаги по пути перехода в предлоги уже сделаны.

правление действия, т. е. выражает пространственные отношения. Это предлог.

Разные предлоги тяготеют к различным типам речи. Предлоги *в течение, в продолжение, в заключение, вследствие, ввиду* употребляются преимущественно в деловой речи: ***Вследствие** недопоставок сырья были сорваны поставки по договорам; **Ввиду** крайней опасности учащиеся были эвакуированы из школы.* Зарождающиеся предлоги *по окончании, по завершении, по достижении* закрепляются в книжно-деловом и научном стилях. В разных пластах языка живут внешне похожие предлоги *из-за, из-под, по-над, по-за.* Первые два *(**из-за** леса, **из-под** крыши)* встречаются в литературном языке. *По-над, по-за* — диалектные слова, т. е. слова областного языка. Предложно-падежная конструкция *по-над* означает, что предмет расположен вдоль чего-либо, находящегося внизу: *Цветут сады **по-над** Доном.* Конструкция *по-за* называет предмет, позади которого совершается действие: ***По-за** околицей кричали перепела.* Эти предлоги можно встретить в художественных произведениях, чаще всего в речи тех действующих лиц, которые говорят на диалекте или просторечии.

СОЮЗ: НА СЛУЖБЕ У ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Разберём предложение: «*В середине лета **и** соловей **и** кукушка перестают петь, но почему-то ещё долго, пока не скосят траву и рожь, кричат дергач **и** перепёлка*» (М. М. Пришвин.). Члены предложения связаны *союзами: соловей **и** кукушка, траву **и** рожь, дергач **и** перепёлка.* Предложение сложное, и его части тоже связаны союзами: *В середине лета и соловей и кукушка перестают петь, **но** почему-то ещё долго, **пока** не скосят траву и рожь, кричат дергач и перепёлка.*

Союзы могут выражать сочинительные, равноправные отношения, которые существуют между членами предложения, а также между равноправными частями сложного предложения.

Равноправные элементы могут выступать вместе, это передаётся *соединительным* союзом. «*Пришёл к директору знакомый китаец **и** принёс подарок*» (М. М. Пришвин), «*Вглядываясь в Радилова, я никак не мог себе представить его счастливым **ни** теперь, **ни** когда-нибудь*» (И. С. Тургенев); «*Месяц светил в окно, **и** луч его играл по земляному полу хаты*»; «*Я там чуть-чуть не умер с голода, **да** ещё вдобавок меня хотели утопить*» (М. Ю. Лермонтов).

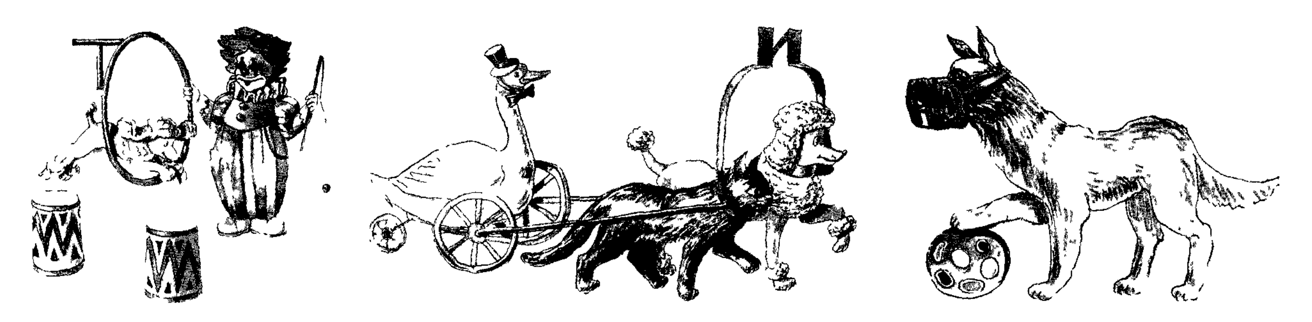
Если соединяемые союзом части противопоставляются друг другу, используют *противительные* союзы: «*Девочка взяла огурец, кивнула головой, **но** есть не стала*» (К. Г. Паустовский); *С утра шёл дождь, **однако** к полудню небо прояснилось.*

Разделительными союзами пользуются, когда речь идёт о выборе или о чередовании явлений: «*Лёгкий ветерок **то** просыпался, **то** утихал...*» (И. С Тургенев); «*Овсяников разъезжал **либо** на беговых дрожках, **либо** в небольшой красивой тележке с кожаным верхом*» (И. С. Тургенев).

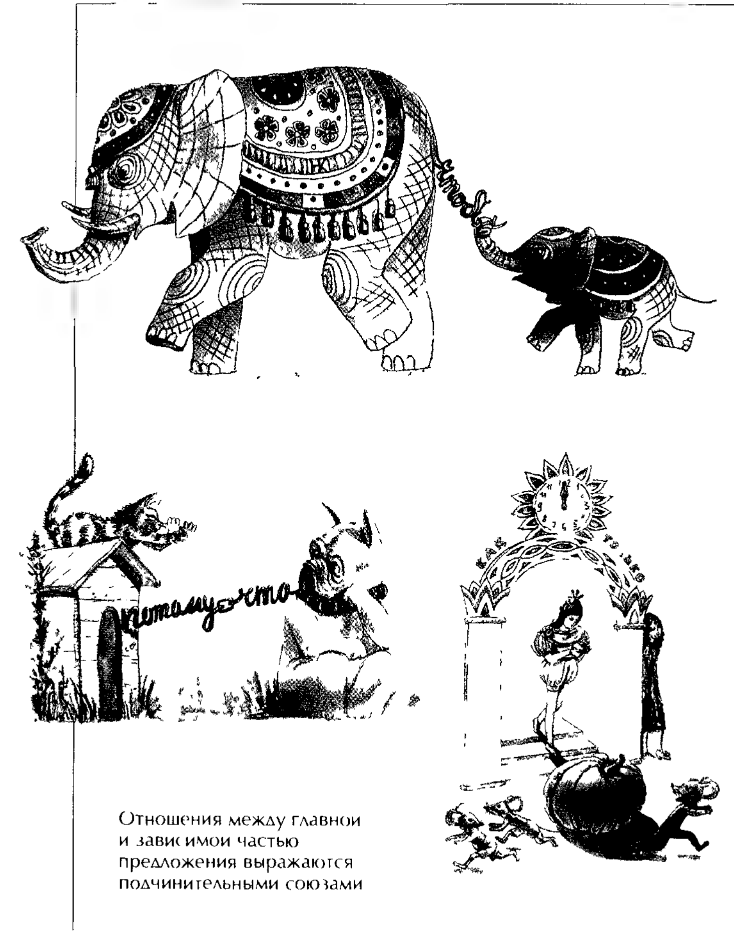
Пояснительные союзы *то есть, не то что, не то чтобы, именно, как то, или* (в значении *то есть*) используют для уточнения, объяснения смысла слова или высказывания, например: «*Нос собаки, **или** чутьё, как говорят охотники, эта холодная мокрая замазка с двумя дырочками, никогда не перестанет удивлять человека*» (М. М. Пришвин).

В предложениях, которые состоят из главной и зависящей от неё части (частей), употребляются *подчинительные* союзы: «*Я должен был нанять быков, **чтоб** втащить мою тележку на эту проклятую гору, **потому что** была уже осень и гололедица*» (М. Ю. Лермонтов).

Союзы способны выразить всё многообразие отношений между частями сложноподчинённого



Отношения между равноправными элементами выражаются сочинительными союзами



Отношения между главной и зависимой частью предложения выражаются подчинительными союзами

предложения. Подчинительные союзы выражают з н а ч е н и е п р и ч и н ы (*Он не пришёл, **потому что** обиделся*); ц е л и (*Он пришёл, **чтобы** поговорить*); с л е д с т в и я (*Он не пришёл, **так что** всё отменяется*); у с л о в и я (***Если** он не пришёл, значит, что-то случилось*); у с т у п и т е л ь н о с т и (***Хотя** он и не пришёл, мы справились сами*); в р е м е н и (***Как только** он придёт, начнём*); и з ъ я с н и т е л ь н о с т и (*Он обещал, **что** придёт*); с р а в н е н и я (*Мы ждали его, **как** доброго волшебника*).

Союзы, как и предлоги, употребляют очень разборчиво. Например, отношения условия выражают союзы *если, раз, коль скоро, как скоро, ежели, коли, кабы.* В современном литературном языке главная роль у союза *если,* и его ничто не может потеснить в употреблении. У остальных — свои узкие сферы функционирования. Союз *коль скоро* принадлежит исключительно книжной и деловой речи: ***Коль скоро** назначили нового директора, он должен завершить затянувшийся ремонт школы.* Союз *раз* связывает подчинённую и главную части сложного предложения в разговорной речи: *«**Раз** я злая, не говорите со мной. Не трогайте меня!»* (А. П Чехов).

Союзы *как скоро, ежели, кабы, коли* устарели. *Как скоро* можно встретить в литературе XIX в.: *«**Как скоро** требование искусственно, мы его признаём дурным, вредным ..»* (Н. А. Добролюбов). Союзы *ежели, коли (коль), кабы* — просторечные. Они обычны у людей, чья речь далека от литературной нормы, у простонародных персонажей в художественных произведениях: *«То-то, барышня, — сказала она, таинственно понизив голос, — **кабы** ты меньше думала о стрелецком сироте, так бы в жару о нём не бредила, а батюшка не гневался б»* (А. С. Пушкин).

Некоторые из этих союзов часто встречаются в народной поэзии:

*Ах, **кабы** на цветы да не морозы,*
И зимой бы цветы расцветали.

ПАРНЫЕ СОЮЗЫ

Один лингвист выписывал из книг и газет предложения, в которых он усматривал нарушения синтаксической нормы. Он собрал в частности такие предложения:

(1) *Атомные электростанции станут не только поставщиками электроэнергии, но и тепла.*

(2) *Космические лучи несут информацию не только об источниках, которые их излучают, но и могут рассказать о том, что встретилось им в пути.*

(3) *Все эти проблемы решаются сегодня как учёными и инженерами в нашей стране, так и в Америке.*

(4) *Память о них нетленна как в сердцах советских людей, так и французских боевых товарищей.*

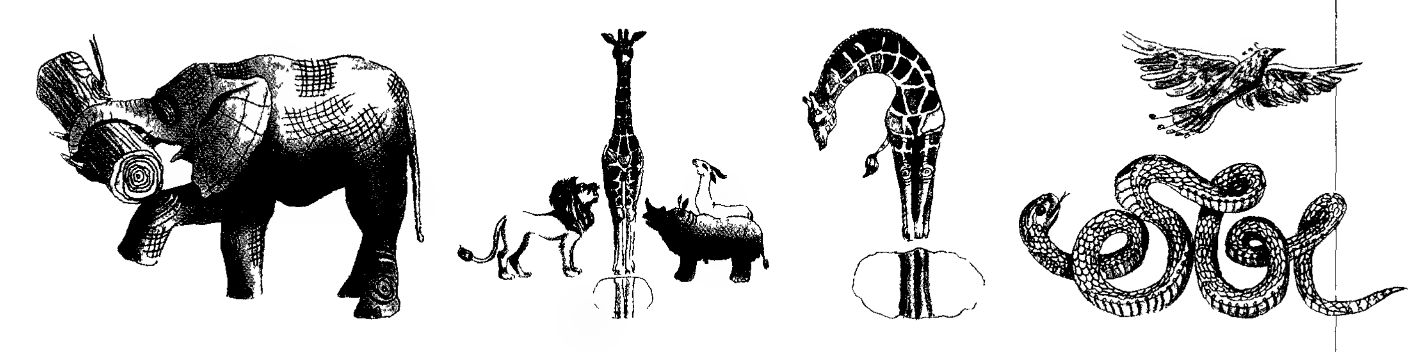
(5) *Возникла мысль: сортировать не суточных цыплят, а калибровать предназначенные для инкубации яйца.*

(6) *Поваренная соль и гипс обеспечивают не только нашу область, но и вывозятся в больших количествах за ее пределы.*

Разбейте эти предложения на две равные группы в зависимости от того, каким способом могут быть исправлены допущенные нарушения.

ЧАСТИЦЫ: НА ВСЕ РУКИ

Частицы можно назвать всякой всячиной языка, ведь они так разнообразны и разнородны. Объединяет их одно: они привносят в предложение то или иное дополнительное значение, каждая своё. Некоторые частицы выражают отношение говорящего к его высказыванию: усиленное утверждение (*Все **ведь** знали о предстоящих экзаменах*); отрицание (*Корабли **не** пройдут по северным морям*); вопрос (*Откроется **ли***



осенью читальня?); восклицание *(**Что за** тишина в лесу!);* условность *(Научил **бы** ты меня плавать);* побуждение *(**Пусть** ёж зимует в сторожке);* желательность *(**Лишь** успеть **бы** на автобус);* передача чужих слов или сомнение в них *(Теперь, **мол,** она напишет статью).*

Другие частицы — обязательные участницы в образовании грамматических форм глагола. Так, формы глагола с частицей *бы (читал **бы,** построил **бы**)* обозначают действие предполагаемое, возможное — это формы сослагательного наклонения. Частицы *пусть, пускай, да,* присоединившись к глагольной форме *(**пусть** запомнит, **пускай** болтают, **Да** простит меня читатель),* обозначают побуждение к действию — это формы повелительного наклонения.

Частицы могут вносить в предложение и другие дополнительные значения: ограничительное *(**Только** дождь стучит по крыше; Все птицы замолкли, **одна** сова ухает в ночи; Отец всегда принимал **единственно** правильное решение);* определительное *(Футбольный матч состоится **именно** сегодня; Билеты продают **прямо** у входа на стадион; Братья **точь-в-точь** похожи);* указательное *(**Вот** музей; **Те** трудные годы дед вспоминает часто);* неопределённое *(В городке **кое**-что переменилось; Мой друг всегда расскажет что-**нибудь** интересное),* частицы с неопределённым значением всегда стоят при местоимениях; присоединительное *(Все пошли в класс, я **тоже** пошёл);* значение приблизительности *(Петя прочитал книгу **почти** до конца; Птицы склевали **чуть** не все зёрна);* выделительное *(От ссадин на руке не осталось **и** следа; Все учащиеся, **даже** первоклассники, сажали кусты и деревья).*

Видно, что название «частицы» объединяет очень разные по значению и по роли служебные слова. Одни обеспечивают образование грамматических форм, другие выражают цель высказываний, третьи просто делают речь живой, яркой. Похоже, частицы — это такие служебные слова, которые просто не вошли ни в одну другую группу. Словом, всякая всячина.

СВЯЗКА: НА СЛУЖБЕ У СОСТАВНОГО СКАЗУЕМОГО

Сравните: *Вчера у нас **была** сестра* и *Сестра **была** печальна.* В первом предложении утверждается, что сестра была, присутствовала, находилась у нас. У слова *была* во втором предложении нет лексического значения. Но оно необходимо для того, чтобы прилагательное *печальна* могло стать сказуемым. Это слово вместе с кратким прилагательным образует составное именное сказуемое. Ведь у прилагательного нет глагольных значений наклонения и времени, поэтому краткое прилагательное одно выполнить работу сказуемого не может. Ему помогает связка: она выражает глагольное значение изъявительного наклонения и прошедшего времени.

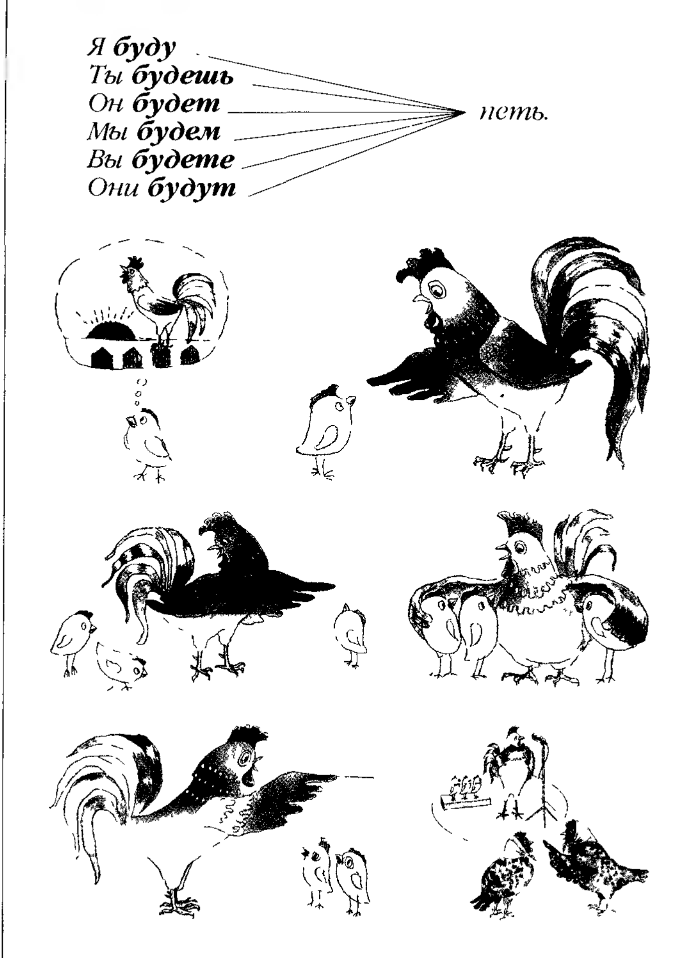
Существительному и категории состояния связка служит для этих же целей *(Отец **был инженер;** Внук **будет инженер;** Вчера **было холодно;** Завтра **будет холодно**).*

В настоящем времени связка имеет нулевую форму *(Отец — инженер; Сегодня холодно).* Это похоже на нулевое окончание: там нулём фонемы обозначается падеж, а здесь нулём слова обозначается настоящее время.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ: НА СЛУЖБЕ У ИНФИНИТИВА

Есть формы глагола, которые образуются не с помощью морфем, а посредством служебных слов. Это составное будущее время: ***буду** рисовать, **будут** рисовать.* Вспомогательные глаголы *буду, будут* лексического значения не имеют и всегда употребляются при знаменательном глаголе в форме инфинитива. Инфинитив изменяться не может, изменяется вспомогательный глагол, он для того только и нужен, чтобы выражать грамматические значения времени, лица, числа:

Я ***буду***
Ты ***будешь***
Он ***будет***
Мы ***будем***
Вы ***будете***
Они ***будут***
— *петь.*



Употребляются как вспомогательные и глаголы *начать, перестать.* Они выражают значение начала *(**начал** дрожать)* или завершения действия *(**перестала** плакать).*

СЛОВА СТЕПЕНИ: НА СЛУЖБЕ У СРАВНЕНИЯ

Слова *более, менее* известны как знаменательные. У них есть лексическое значение. *Более* по значению равно *больше,* это форма сравнительной степени прилагательного *большой* и наречия *много: Сорвал три яблока, не **более.*** Слово *менее,* как и *меньше,* — форма сравнительной степени наречия *мало* 'немного', 'недостаточно'· *На праздник пришёл весь класс, не **менее.*** Но если формы *более, менее* утрачивают своё лексическое значение, изменяется и их морфологическая природа. Они уже не самостоятельны. Теперь, постоянно находясь возле качественных прилагательных и наречий, они образуют степени сравнения: *Мать **более** требовательна, чем отец; Сегодня команда играет **менее** уверенно, чем вчера.*

По морфологическому значению словосочетание *более требовательна* равно слову *требовательнее.* И то и другое — сравнительная степень качественного прилагательного, только во втором случае *(требовательн**ее**)* значение сравнительной степени выражено аффиксом ***-ее,*** в ***более** требовательна* — словом *более.* Слова *более, менее* здесь выполняют ту же работу, что и аффикс ***-ее,*** выражают грамматическое значение, а потому являются служебными словами. Их называют словами степени.

* * *

Служебные слова в русском языке очень многочисленны и разнообразны. И ко всем «не» в их характеристике можно прибавить ещё одно. без них в языке не обойтись!

ПАРНЫЕ СОЮЗЫ

Элементы парных сочинительных союзов *(не только... но и; как... так и; не... а)* должны располагаться перед однородными членами предложения.

Нарушение состоит в том, что первый элемент парного союза располагается либо левее нужного места в примерах (1), (3) и (4), либо правее его в примерах (2), (5) и (6).

СЛОВА, ПОДОБНЫЕ МОРФЕМАМ

Посмотрим внимательно на слова, которые выделены в тексте: *Ласточка — **самка;** Ласточка — **самец;** Черепаха — **самка;** Черепаха — **самец.*** Подобные слова (лингвисты называют их *пустые*) существуют не при всех названиях одушевленных предметов. Но всякий раз сопровождая знаменательные слова, они передают такие грамматические оттенки, которые в других словах выражают аффиксы, например: *Воробей — **воробьиха,** тигр — **тигрица.*** Слова эти, несомненно, служебные.

В официальном русском языке XVIII—XIX вв. как служебное употреблялось и слово «сын» — для обозначения отчества. Вспомните, как в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» помещики из провинциального города представляются столичному чиновнику Хлестакову:

*«Бобчинский. Имею честь представиться: житель здешнего города. Петр Иванов **сын** Бобчинский.*

*Добчинский. Помещик Петр Иванов **сын** Добчинский».*

СЛОВА, НЕ ОТНОСЯЩИЕСЯ К ЧАСТЯМ РЕЧИ

Морфология делит слова на грамматические классы, которые называются частями речи. Их знает каждый школьник. Но все ли слова можно распределить по этим классам? Возьмём совершенно обычный диалог: *Ты смотрела эту передачу? — **Да.** — Она тебе понравилась? — **Нет.***

Слово *да* может быть союзом: «*Однажды Лебедь, Рак **да** Щука / Везти с поклажей воз взялись...*» (И. А. Крылов) и частицей: «***Да** здравствует солнце, **да** скроется тьма!*» (А. С. Пушкин). Но *да* как знак утверждения, согласия не относится к этим частям речи: в отличие от союзов оно не соединяет ни слов, ни предложений, в отличие от частиц — не вносит дополнительного оттенка в смысл предложения. Оно само заменяет целое предложение, в нашем примере — *Я смотрела эту передачу.* Точно так же слово *нет* заменяет предложение *Она мне не понравилась.* Не отнести эти слова и к другим частям речи.

Ещё один пример: «*А не спрашивал он, на что, **мол,** нужен барину фрак?*» (Н. В. Гоголь). Слово *мол* указывает, что говорящий передаёт чужие слова (в данном случае предполагаемые). Оно не относится к самостоятельным частям речи: не является членом предложения; к нему нельзя поставить вопрос: что? или как? и т. п. Не относится оно и к служебным частям речи. Служебное слово невозможно изъять из предложения, не рассыпав его или не нарушив смысла, а слово *мол* можно убрать, и смысл предложения сохранится, поскольку это слово грамматически не связано с окружающим текстом.

Не входит в число частей речи и выделенное слово в отрывке из стихотворения А. К. Толстого «Сватовство»:

А князь смеётся: «Знаю!
Пусть входят молодцы,
*Не дальнего, **чай,** краю*
Залётные птенцы!»

Почему же эти слова оказались вне частей речи? А таких слов в языке немало, мы слышим и произносим их каждый день и редкий разговор или текст обходится без них. Может быть, лингвисты, разрабатывая учение о частях речи, просто забыли об этих словах? Нет, конечно.

Дело в том, что роль «неприкаянных» слов в языке особая. Все части речи так или иначе участвуют в построении предложений. Самостоятельные части речи (существительное, прилагательное, глагол, наречие, числительное) благодаря собственным системам форм могут играть ту или иную роль в предложении. Например, глаголу формы наклонения и времени позволяют выполнять функцию сказуемого; формы лица и числа (а в прошедшем времени — рода и числа) связывают сказуемое с подлежащим. Служебные части речи тоже работают на предложение: они выражают связи и отношения между самостоятельными словами.

Таким образом, каждая часть речи выполняет определённые функции в предложении. Слова же, которые мы рассматривали выше, никогда не входят в состав предложения. Они или сами заменяют предложение, как *да* и его антоним *нет*, или, находясь внутри предложения, не связаны с ним грамматически, т. е. не входят в состав предложения ни как его члены, ни как служебные слова.

ОТ *АГА* ДО *КИС-КИС*

Слова, которые не принадлежат ни к одной части речи, очень разнообразны.

Это *слова-предложения* со значением утверждения, согласия и отрицания, несогласия *да, нет*, а в разговорном языке ещё *ага* и *точно* (последнее пришло из речи военных). Например: *Мам, я пошёл к Серёжке. — А уроки выучил? — **Ага.*** Согласие может быть выражено словами *ладно* и *хорошо*: *Посуду вымоешь? — **Ладно.***

Не относятся к частям речи и слова, употребляющиеся только в качестве вводных. *Вводные слова* грамматически не связаны с членами предложения, их роль — выражать оценку того, о чём говорится. В качестве вводных могут употребляться слова самых разных частей речи: ***К сожалению,** я ошибся; **Как говорят,** этот человек скрывает какую-то тайну.* Но есть специальные слова, выступающие только

в одной роли — вводных слов. Поскольку они никогда не входят в состав предложения, они не относятся к частям речи: *по-видимому, наверное, во-первых, во-вторых* и т. п.

Типы оценок, которые выражаются вводными словами, различны. Это может быть и оценка достоверности высказывания, как например, в басне И. А. Крылова «Квартет» и в «Сказке о мёртвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина:

«Постойте ж, я сыскал секрет! —
*Кричит Осёл, — мы, **верно,** уж поладим,*
Коль рядом сядем».

...«Свет ты мой, —
Красно солнце отвечало, —
Я царевны не видало.
***Знать,** её в живых уж нет».*

Это может быть и указание на то, что передаётся чужая речь, таково значение слов *мол, дескать, де.* В одном из писем А. С. Пушкин писал: *«Недавно прочёл я в его журнале сравнение между мной и Полевым; оба **де** морочат публику».* Вот пример из «Бориса Годунова»:

А говорят о милости твоей,
*Что ты, **дескать** (будь не во гнев), и вор,*
А молодец.

Есть вводные слова, которые указывают на порядок следования мысли или на характер перехода от одной мысли к другой. Например, у Пушкина в «Евгении Онегине» и у Н. А Некрасова:

Всё это ныне обветшало,
Не знаю, право, почему;
*Да, **впрочем,** другу моему*
В том нужды было очень мало,
Затем, что он равно зевал
Средь модных и старинных зал.

Он сказал мне: «Месяц в небе,
Словно сайка на столе».
***Значит,** думает о хлебе.*
Я мечтаю о тепле.

УВЫ и *АХ*

Эмоциональные междометия способны передать целую гамму человеческих чувств. Только некоторые из них выражают какое-то одно чувство. Междометие *увы* выражает сожаление. Например у А. С. Пушкина читаем:

***Увы!** на разные забавы*
Я много жизни погубил!

Междометие *фу* — отвращение, негодование, презрение: ***Фу,** какая гадость!; **Фу,** как не стыдно!* Близки к нему и значения междометии *тьфу, фи.*

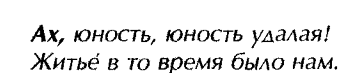
Междометие *ба (ба-ба, ба-ба-ба)* — это эмоциональная реакция на неожиданное событие. *«„**Ба,** да это ты, Циммер!“ — сказал ему Грэй, признавая скрипача...»* (А. Грин. «Алые паруса»). Или, например, у Пушкина в «Русалке»:

*Скажи, где князь наш? **ба, ба, ба!** какая*
Повязка! вся в каменьях дорогих!

Многие междометия могут выражать самые разные чувства в зависимости от интонации или контекста. Наиболее широкий круг чувств (вплоть до самых противоположных) способно передать междометие *ах.*

Сравните отрывки из произведений Пушкина:

***Ах,** боже мой! в лесу ночной порою*
И дикий зверь, и лютый человек,
И леший бродит — долго ль до беды.



***Ах,** юность, юность удалая!*
Житье в то время было нам.

***Ах,** быстро молодость моя*
Звездой падучею мелькнула!

***Ах,** наконец ты вспомнил обо мне!*

*«**Ах** ты, рыжая бестия, — говорил садовник, — да как ты смеешь бить маленького барина...»*

Слово *ах* в этих отрывках — это и восхищение, и сожаление, и упрёк, и тревога, и негодование.

Не вступают в грамматическую связь с другими словами в предложении и *междометия* (*ах! ох! ай! ай-ай-ай! эх! увы!* и т. п.). Значит, они тоже не относятся к частям речи.

Особенность междометий в том, что они выражают чувства, не называя их, или побуждение к действию, не называя этого действия. Сравните: ***Увы!*** *Она умирает* и *К несчастью, она умирает.* В первом случае чувство, которое вызывает у говорящего неизбежность чьей-то смерти, выражено, но не названо; во втором случае оно названо. Другой пример: *Тсс!* и *Молчи!* (или *Молчите!*). В первом случае выражено побуждение к молчанию, но действие, к которому говорящий побуждает собеседника, не названо.

Междометия, передающие чувства (*ах, ох, фу* и т. д.), называют *эмоциональными,* а междометия, выражающие волеизъявление, побуждение к действию, — *побудительными,* или *императивными* (*тсс, цыц, эй, ну* и т. д.). Побудительные междометия употребляют и при обращении к животным (*цып-цып, кис-кис, брысь, тпру* и т. д.).

Вне частей речи находятся и *слова-звукоподражания: трах-тарарах, дзинь, ку-ку, гав-гав* и т. п.

* * *

Слова, относящиеся к частям речи, и слова вне частей речи не разделены непроницаемой перегородкой, часто возникают переходные случаи. Например, слово *спасибо* по значению близко к междометиям (оно выражает чувство благодарности, не называя его), но в отличие от междометий может иметь зависимые слова: *Огромное тебе* ***спасибо!*** Слово *на*, понятное, только когда оно сопровождается жестом, по значению тоже близко к междометиям, но в отличие от неизменяемых междометий имеет форму множественного числа *нате* и тоже может иметь зависимые слова: ***На*** *яблоко!*, сближаясь с повелительной формой глагола.

РАЗЖАЛОВАНЫ В МЕЖДОМЕТИЯ

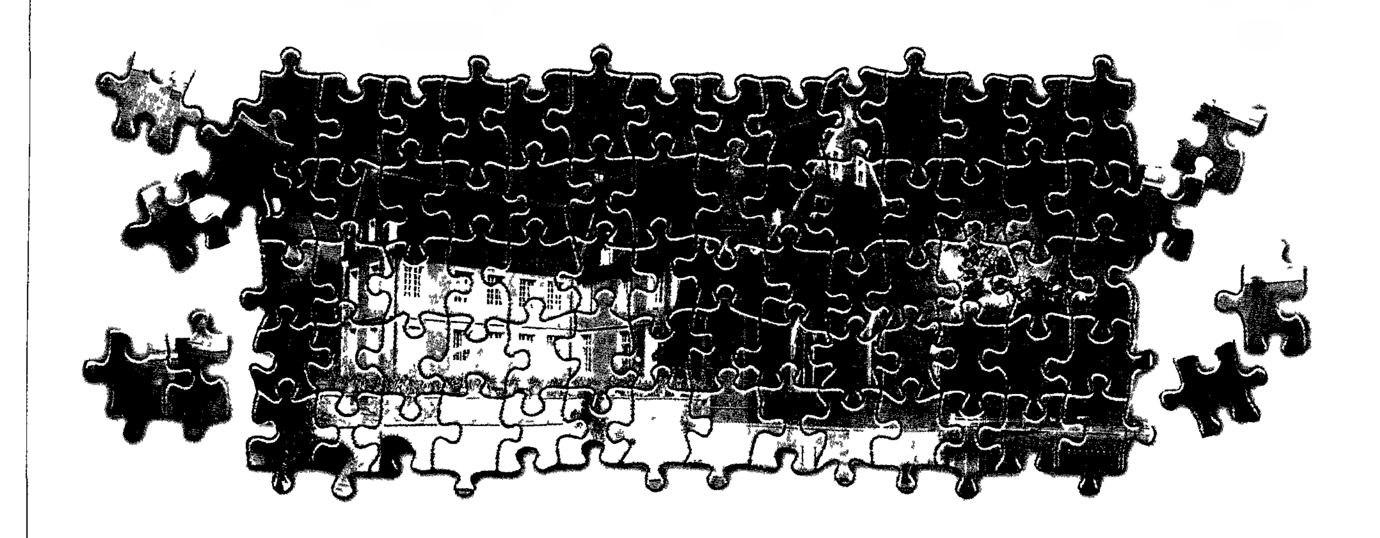
Но сегодня, о ***Боже,*** *покаюсь в грехах,*
Ты пред смертью меня не покинь!..

Пред нею снова он стоял,
Но, ***боже!*** *— кто б его узнал?*

В одном или разных значениях употреблено в этих строках выделенное слово? *Боже* — старая звательная форма от слова *Бог.* И именно в таком значении (как обращение к Богу) встречается она в первом отрывке из перевода С. Я. Маршака. Во втором отрывке (из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон») ни о каком обращении к Богу речи нет (поэтому и написано слово *боже* с маленькой буквы). По происхождению это та же словоформа, но употребляется она как междометие: выражает сильное чувство, вызванное у Тамары внезапным превращением Демона.

Переход в междометия отдельных словоформ и целых словосочетаний не редкость. Междометие *караул!* (крик о помощи) происходит от существительного *караул* 'вооружённая стража', 'охрана'. Человек, на которого нападали, взывал к страже: *Караул!* Впоследствии связь крика *караул!* с названием вооружённой стражи утратилась, слово стало использоваться как междометие: ***Караул!*** *Помогите мне!*

В междометия перешли и многие словосочетания, которые потеряли своё первоначальное значение и теперь употребляются для выражения чувств: *ради бога* как выражение просьбы или предостережения (*Не урони,* ***ради бога!***); *чёрт возьми!* как выражение негодования или раздражения (***Чёрт возьми!*** *Откуда мне знать?; Что творят,* ***чёрт возьми!***).



СИНТАКСИС РУССКОГО ЯЗЫКА

ОТ СЛОВА К ТЕКСТУ

Представьте, что перед вами лежит стопка карточек со словами, выписанными из словаря *виденье, гений, как, красота, мгновенье, мимолетный, помнить, перед, ты, чистый, чудный, я, явиться* Теперь попробуем составить из них предложения Вариантов получится немало *Ты помнишь красоту мимолетного мгновенья· я, чудный гений, явился перед тобой, чистый, как виденье; Я помню виденье· ты являешься передо мной — мимолетная, как мгновенье, чистая, чудная, гений красоты; Я помню чудное мгновенье. передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты.* Такие разные по смыслу предложения из одного набора слов! Секрет в том, что каждый раз слова по-разному объединялись между собой

Слова хранятся в нашей памяти и называют предметы, явления, действия, признаки Но чтобы выразить с их помощью свою мысль, мы должны не просто подобрать нужные слова, но особым образом их организовать распределить между ними роли, установить, кто кому подчиняется и кто за что отвечает, приспособить слова друг к другу, соответствующим образом изменив их формы Причем не как придется, а одним из типовых способов, предписанных языком Делать это умеет каждый, кто говорит на каком-нибудь языке А вот разобраться, как мы это делаем и почему именно так — очень непросто Правила, по которым слова связываются между собой и создают новые единства, на-

Каждый участник ситуации выполняет свою смысловую роль

пример словосочетания и предложения, изучает *синтаксис* (от *греч.* «sýntaxis» — «порядок», «построение»), едва ли не самая сложная область науки о языке.

Что же должно произойти, чтобы слово «ожило», влилось в речевой поток? Как из разных слов получается цельная картина? Предположим, вы хотите рассказать о том, что у вас есть друг, которого вы считаете неплохим поэтом. Для такой цели подойдёт предложение: *Мой друг хорошо пишет стихи.* Как нужно было организовать эти пять слов, чтобы появилось предложение с нужным смыслом? Во-первых, должно быть понятно, о ком речь и чтó этот кто-то делает: это выражено связью между словами *друг* и *пишет.* Во-вторых, нужно уточнить, что именно является результатом его действия *писать* и для этого связать со словом *пишет* слово *стихи.* В-третьих, через связь слов *друг* и *мой* вы указываете на отношения между вами. Наконец, связывая слова *хорошо* и *пишет,* выражаете свою оценку его действия. Правильно образовав связи, вы описали ситуацию именно так, как задумывали, а свяжи вы, скажем, слова *мой* и *стихи* — и смысл бы получился совсем другой. Связываются между собой не только слова, но и более крупные единства, например части сложного предложения. Сравните: *Из-за того что будильник не зазвонил, на автобус я опоздал, и весь день пошёл кувырком; Будильник не зазвонил, да ещё и на автобус я опоздал — весь день пошёл кувырком; Будильник не зазвонил, весь день пошёл кувырком, и поэтому на автобус я опоздал.* Мы связываем части в зависимости от того, какие отношения между тремя ситуациями хотим выразить. Связи между частями словосочетания, предложения, сложного предложения, которые представляют отношения между этими частями, называются *синтаксическими.* Синтаксические связи — основное понятие синтаксиса.

Выражаются синтаксические связи по-разному. В случаях *мой друг* и *друг пишет* они очевидны: грамматические формы этих слов скоординированы, ведь если бы речь шла о подруге, нужно было бы сказать *моя,* а если о друзьях — то *мои* и *пишут.* Слова *пишет* и *стихи* связаны между собой не столь очевидно, но можно заметить, что глагол *пишет* требует от существительного *стихи* одной конкретной формы — винительного падежа. Никаких *стихами, стихах, стихов* быть не может. Связь между словами *хорошо* и *пишет* не выражена морфологически, хотя любой говорящий по-русски сочтёт их связанными и задаст вопрос: *пишет* **как?** — *хорошо.* Между частями сложного предложения тоже может быть очевидная связь: например, в случае *Из-за того что будильник не зазвонил, я опоздал на автобус* она выражена союзом *из-за того что;* а может быть «подразумеваемая», как в предложении *Будильник не зазвонил, на автобус я опоздал — весь день пошёл кувырком.* В данном случае о наличии связи свидетельствуют не окончания и союзы, а интонация и взаимное положение элементов.

Соединяемые синтаксической связью единицы могут быть равноправны: *стихи и поэмы, пишет или рисует, Будильник не зазвонил, на автобус я опоздал* или неравноправны: *пишет стихи, хорошие стихи, Из-за того что будильник не зазвонил, весь день пошёл кувырком.* Это связано со свойством нашего мышления воспринимать мир иерархично: что-то нам кажется главным, а что-то — второстепенным. Отношения между явлениями, занимающими одну и ту же ступеньку в этой иерархии, мы выражаем *сочинительной* связью, а отношения между главным и «подчинённым» — *подчинительной.* Средства выражения сочинительной

Сочинительная связь.

Подчинительная связь.

Место в иерархии не зависит от конкретного наполнения

связи — сочинительные союзы (*и, или, а* и др.) и особая интонация одинаковы в словосочетании и в сложном предложении. Подчинительная связь заявляет о себе по-разному: в словосочетании — в виде окончаний и предлогов, в сложном предложении — в виде подчинительных союзов и союзных слов.

Благодаря разнообразным синтаксическим связям нам удаётся проделать путь от хранящихся в нашей памяти слов к живому общению, к высказыванию и тексту. Основные вехи этого пути — словосочетание, предложение, сложное предложение — и есть основные единицы синтаксиса. Система синтаксиса устроена иерархически, т. е. каждая следующая единица сложнее предыдущей и создаётся на основе единиц предшествующего уровня.

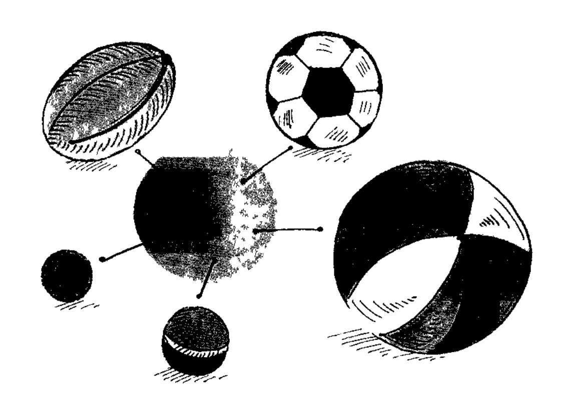
Но можно ли сказать, что из слов складываются словосочетания, из словосочетаний — предложения, из предложений — сложные предложения, подобно конструктору? Оказывается, не всё так просто. Предложение, например, может и не содержать в себе словосочетаний: *Светает; Стоять!* Единица более высокого уровня может быть гораздо проще по смыслу и заметно короче, чем более скромная с точки зрения иерархии, сравните: *Пошёл дождь, и засуха кончилась* и *Пошёл настоящий летний дождь, мощный, шумный, как водопад, несущий спасительную влагу измученным засухой, поседевшим от горячего ветра полям и лесам.*

Место синтаксической единицы в иерархии зависит не от её конкретного наполнения, а от грамматических свойств (в нашем примере — от количества грамматических основ). Ведь синтаксис, как и морфология — это царство отвлечённых, универсальных форм. Если образуется, например, творительный падеж единственного числа существительных мужского рода с помощью окончания **-ом**, то это общее правило для всех слов: *человек**ом**, стол**ом**, долг**ом**, кентавр**ом*** и даже *Бармаглот**ом**.* Так же в синтаксисе: если существует модель словосочетания «переходный глагол плюс существительное в винительном падеже», то она может наполняться любыми словами, подходящими по грамматическим свойствам: *любить Машу, собирать дрова, подкладывать свинью, гнать пургу;* если есть модель предложения «существительное в именительном падеже плюс личная форма глагола», то возможны и *Солнце встаёт,* и *Прилетели марсиане,* и *Ты бы подождал,* и *Виндоуз глючит.* Морфология и синтаксис вместе образуют правила игры, принятые в языке, его строй или, как принято говорить, *грамматику.*

СЕКРЕТЫ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

НА СЛУЖБЕ У СМЫСЛА

Возьмём слова, обозначающие некие предметы *(мяч, дерево).* Они устраивают нас до тех пор, пока нужно описать ситуацию, в которой участвуют один мяч и одно дерево: *Под деревом мальчик играет в мяч.* Стоит появиться второму предмету, называемому тем же словом, что и первый, как это слово перестаёт справляться со своей задачей — передавать достаточно полную информацию. Предложения *Вдоль забора растут **деревья**, а посреди площадки возвышается **дерево**; Мой сынишка с восторгом смотрел на **мяч**, а дочка сразу выбрала **мяч*** просто бессмысленны. Чтобы всё прояснилось, нужно уточнить, о каких деревьях и мячах идёт речь: *Вдоль забора растут **невысокие раскидистые деревья**, а посреди площадки возвышается **огромное старое дерево с дуплом**; Мой сынишка с восторгом смотрел на **кожаный футбольный мяч**, а дочка сразу выбрала **расписной надувной мяч с неё ростом**.* Теперь предмет не просто назван — он конкретизирован, вычленен среди множества подобных. Мы сделали это с помощью *словосочетания* — синтаксической единицы, которая образована из нескольких слов, соединённых друг с другом синтаксической связью. Как мы убедились, смыслоразличительная сила словосочетания намного превосходит возможности слова.



Словосочетание — это уточненное наименование

Конкретизироваться может не только предмет, но и признак (*красный — красный как кровь*), действие (*бежать — бежать наперегонки*) и т. д. Действие можно уточнить, указав объект, на который оно направлено (*рассказать — рассказать подружке, рассказать историю*), иных участников ситуации, время, место, условия совершения действия (*проснуться утром, проснуться дома, проснуться из-за шума*). А некоторые понятия просто нельзя обозначить одним словом (вспомните выражения *железная дорога, тянуть волынку, изливать душу, рожки да ножки*).

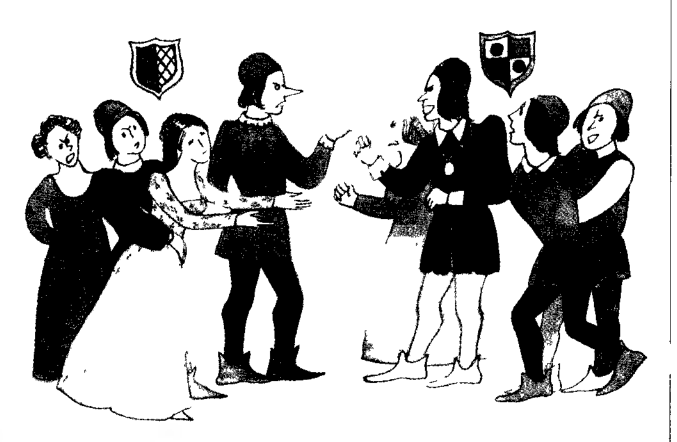
В приведённых примерах слова, составляющие словосочетание, неравноправны; одно из них конкретизирует смысл другого, «обслуживает» его и грамматически от него зависит (сравните: *большой мяч, большого мяча, большими мячами*). Поэтому говорят о *главном* слове и о *зависимом*, а само словосочетание с неравноправными элементами, соединёнными подчинительной синтаксической связью, называют *подчинительным*.

В других случаях нужно не вычленить предмет или явление из ряда подобных, а указать на соотношение между двумя или несколькими подобными явлениями. Эту задачу тоже помогает решить словосочетание: *Мне подарили* ***кота и черепаху; Кота, черепаху*** *тебе подарили; Не подарили мне* ***ни кота, ни черепахи*** (явления воспринимаются вместе); *Мне подарили* ***кота, а не черепаху*** (явления противопоставляются друг другу); *Тебе подарить* ***кота или черепаху?*** (нужно выбрать либо одно явление, либо другое). Компоненты этих словосочетаний равноправны, соединены между собой сочинительной связью, и сами словосочетания называются соответственно *сочинительными*.

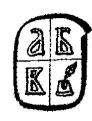
Чтобы возникло словосочетание, мало нашего желания уточнить наименование какого-либо явления, слова должны быть синтаксически совместимы: сочетаться по смыслу и своим грамматическим свойствам. Например, *мяч* — 'упругая сфера, обычно накачанная воздухом, используется в некоторых видах игр' — может быть *большим, разноцветным, тяжёлым, размером с арбуз, рваным,* но не *острым, вытекшим, грустным* или *математическим*. Грамматическая несовместимость — это запрет на появление словосочетаний вроде *очень мяч* или *красная ударил*. Точно так же по причине смысловой несовместимости трудно представить сочинительные словосочетания *кошка и синтаксис, бегать или симпатизировать*, а по причине грамматической совсем невозможны сочетания *кошку и собакой, бегать и поёт*. Составлять словосочетания из слов, мало совместимых по смыслу, любят поэты и писатели, их необычность останавливает внимание читателя, создаёт яркий образ. Вспомните хотя бы названия. «Короли и капуста» — повесть О'Генри, «Товарищу Нетте — пароходу и человеку» — стихотворение В. В. Маяковского, «Мёртвые души» — поэма Н. В. Гоголя, «Зелёный шум» — стихотворение Н. А. Некрасова.

Если в предложении оказывается несколько совместимых друг с другом слов в подходящих формах, то понять, есть между ними синтаксическая связь или нет, можно, лишь обратившись к реальной ситуации. Так, из предложения *В магазин привезли цветастые шали и платки* неясно, имеются ли в виду *цветастые* ***шали и платки*** или ***цветастые шали*** *и платки*.

Средства синтаксической связи в сочинительных словосочетаниях — это прежде всего сочинительные союзы, особая интонация, взаиморасположение. А вот виды подчинительной связи более разнообразны, и о них нужно рассказать подробнее.



Желания мало — нужна совместимость.



СОГЛАСОВАНИЕ: ПОСЛУШНЫЙ ПОДЧИНЁННЫЙ

Среди уже рассмотренных примеров были словосочетания, в которых грамматическая форма зависимого слова уподобляется форме главного во всех общих для них категориях: *большой мяч, большого мяча, большими мячами.* Зависимое прилагательное ставится в форму того же рода, того же числа, того же падежа, что и главное слово — существительное. Отсюда и название этого типа синтаксической связи — *согласование.*

Наиболее характерна такая связь для словосочетаний, в которых главное слово — существительное, а зависимое — прилагательное или причастие. У этих «партнёров» есть максимальные возможности согласоваться с существительным — формы рода, числа, падежа: *красивый букет, красивая лилия, красивых растений, красивым розам, весь день, всей ночи, всего утра, всем вечерам, найденный клад, найденной сокровищницы, найденному богатству, о найденных драгоценностях* и т. д.

Несколько меньше возможностей у глагола, который, будучи в роли сказуемого, согласуется с подлежащим в числе, а в некоторых формах ещё и в роде: *дождь ⇒ начался, буря ⇒ началась, дожди ⇒ начались, затмение ⇒ началось, гроза ⇒ началась бы* и т. д.

Согласуются с существительным и числительные, но только по падежу и только с косвенными падежами существительного (подробнее о синтаксических взаимоотношениях существительного и числительного см. в статье «Имя числительное»).

Особенно интересно согласуются с главным словом некоторые разновидности приложений (определений, выраженных существительным). Являясь существительным, приложение не может изменить свой род *(старушка театровед, сочинение-монолог),* хотя иногда происходит совпадение по роду *(старушка учительница, старичок учитель).* По числу приложение согласуется с главным словом, если на это не наложено грамматического запрета *(девушка-спортсменка, девушки-спортсменки,* но *вездеход-**сани**).* А вот согласование по падежу для приложений обязательно; исключение — словосочетания с несклоняемыми существительными *(Публика была в восторге от артиста-**кенгуру**. Мне рассказали о лётчиках-**камикадзе**).*

ИГРА «ЧЕПУХА»

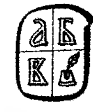
Игрокам понадобятся ручки и длинные узкие листки бумаги. Игра проходит по кругу; каждый должен знать, от кого он получает листок и кому передаёт. Ведущий последовательно задаёт вопросы: кто?, что делал? или когда? и т. п. Каждый игрок в верхней части своего листка записывает ответ, после этого заворачивает листок так, чтобы запись не была видна, и передаёт его соседу. Когда все передадут свои листки, ведущий задаёт следующий вопрос, игроки снова пишут ответ, опять закрывают его и передают листки и т. д.

Ведущий ставит пять—восемь вопросов таким образом, чтобы получилось синтаксически правильное предложение. Игра заканчивается тем, что все разворачивают оказавшиеся у них листки и читают получившуюся «чепуху» вслух, под общий хохот.

Эта игра — не соревнование, все в равной мере заинтересованы в хорошем результате. Поэтому так важны правильные синтаксические связи: употребление именно того падежа, который задан вопросом, верное использование предлогов и т. д. Ошибка хотя бы одного игрока приводит к тому, что всё предложение не получается.

УПРАВЛЕНИЕ: ТРЕБОВАТЕЛЬНЫЙ НАЧАЛЬНИК

Иностранцы, изучающие русский язык, никак не могут понять, почему по-русски нужно говорить *видеть кого (что), смотреть — на кого (на что),* а *любоваться — кем (чем).* Никакие объяснения здесь не помогут — придётся просто выучить наизусть, какую форму существительного «любит» каждый из этих близких по смыслу глаголов. Синтаксическую связь, при которой главное слово требует от зависимого определённой падежной формы, называется *управлением.* При управлении как бы ни менялась форма главного слова, зависимое, как



стойкий оловянный солдатик, остаётся неизменным: *вижу кошку, видят кошку, видел кошку, видела бы кошку.*

Управление особенно характерно для словосочетаний с главным словом, обозначающим действие (состояние, изменение состояния и т. п.), т. е. в первую очередь глаголов и глагольных форм: причастий и деепричастий. Ведь действие совершает кто-то, с чем-то, с помощью чего-то, ради кого-то, и все эти вовлечённые в действие предметы нужно назвать. Поэтому глагол или причастие иногда управляет целой гроздью зависимых существительных:

книгу ⇐ *просит* ⇒ *для сестры*
⇓
у друга

ножницами ⇐ *вырезающий* ⇒ *из бумаги*
⇓
салфетки

Некоторые из этих потенциальных возможностей глагола управлять существительным должны быть обязательно реализованы: нельзя сказать *Я хочу извлечь,* не указав что и откуда. А вот уточнять, с помощью чего я хочу это сделать, или нет — зависит от воли говорящего, синтаксическая модель этого строго не требует.

Существительное тоже может управлять словами. Ярче всего эта способность выражена, естественно, у отглагольных существительных, но они (в отличие от причастий) не копируют модель управления глагола, а преобразуют её: *чтение — чего,* хотя *читать — что; зависимость — кого от кого,* хотя *зависит — кто от кого.*

Впрочем, и самые обычные, не связанные с глаголами по происхождению существительные могут быть главными словами в словосочетаниях с управлением: *злость — на кого (что); путь — куда, к кому (чему); фотография — кого; свет — чего (от чего)* и т. д.

Если приглядеться к существительным-«руководителям», то можно заметить: способность управлять — не такая уж неотъемлемая их черта, как аналогичное свойство глаголов. Предложение с глаголом, у которого нет «обязательных» подчинённых, кажется неполным. А отсутствие зависимых слов при существительных часто не нарушает грамматической структуры предложения. Сравните: *Ваше решение оказалось неверным* и *Ваше решение задачи оказалось неверным;* но во фразе *Вы решили задачу неверно* дополнение обязательно. Правда, в ситуации, когда возможна двусмысленность, управление становится обязательным, например: *Пора подумать о* ***возвращении*** *домой* — от ***возвращаться*** и *Пора подумать о* ***возвращении*** *долга* — от ***возвращать*** *кого (что) кому (чему).*

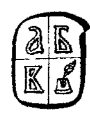
Кроме того, словосочетание, в котором одно существительное управляет другим, часто может заменяться на синонимичное, в котором от существительного зависит согласующееся с ним прилагательное или местоимение: *портрет мамы — мамин портрет; увлечение спортом — это увлечение* (при повторном упоминании).

Используют управление и числительные: в именительном падеже они требуют существительного в родительном падеже единственного *(полтора, два, три, четыре килограмма)* или множественного числа *(пять, шесть, двадцать восемь, сто килограммов).* Это не мешает некоторым из них согласовываться с существительными в роде *(полтора, два километра,* но *полторы, две версты).*

В синтаксической связи, которой соединены подлежащее и сказуемое, тоже совмещены два типа связи: глагол управляет существительным, требуя от него только именительного падежа, и одновременно согласуется с ним в роде и числе: *она согласилась, они согласились* (а с личными местоимениями — ещё и в лице: *я пишу, ты пишешь, он пишет*). Такая связь, в которой каждое слово является, с одной стороны, главным, а с другой — зависимым, называется *координацией.*

Некоторые прилагательные «берут пример» с причастий и тоже могут управлять другими словами: *известный всем, полезный больному, полезный для лечения.*

Способность слова управлять, количество его потенциальных «подчинённых» и форма, которую потребует от них «начальник», тесно связаны с лексическим значением управляющего слова. А там, где царит лексика, невозможны универсальные схемы; какой именно является



ВАЛЕНТНОСТИ СЛОВА

Термин «валентность» (от *лат.* valentia — «сила») лингвисты позаимствовали у химиков. В лингвистику первым это понятие ввел Соломон Давидович Кацнельсон, заметив некоторую схожесть свойств слов и атомов.

Валентность слова — это его способность присоединять к себе зависимые слова в определенных формах (без этих зависимых слов употребление главного слова неполно). Например, у глагола *дает* три валентности: используя этот глагол, мы обязательно должны заполнить при нем три места: кто? что? кому? — *Учитель дает книгу ученику*. У глагола *лежит* две валентности: кто (что)? и где? *Книга лежит на столе (в шкафу).*

Валентности присущи не только глаголам, но и другим частям речи, например прилагательным: *интересный* (кому?), *необходимый* (кому? для чего?), *достойный* (чего?). Валентностями могут обладать и существительные, прежде всего образованные от глагола: ***Нина** приехала **в Москву*** → *Приезд* ***Нины в Москву.*** Валентности обязательны и для некоторых других групп существительных. При существительных, обозначающих часть предмета, необходимо указать на целое, к которому относится эта часть: *ручка* (чего?) *двери, сумки; крыша* (чего?) *дома; хвост* (чей?) *волка* или *волчий*, у слов, обозначающих родственников, тоже должно быть указание, чей это родственник: *брат* (чей?) *мой (Танин, друга).*

Особого внимания все же заслуживают валентности глагола, ведь в центре предложения — действие или состояние, обозначаемое обычно глаголом. От него зависят все остальные члены предложения. Слова, которые заполняют валентности глагола, называют *актантами* («действователями»). Актанты соответствуют подлежащему и дополнениям (изредка обстоятельствам) в традиционной грамматике. Зависимые от глагола слова, которые не заполняют никакой валентности, называют *сирконстантами* (это обстоятельства). Например, в предложении *Вечером Нина встретила Таню* слова *Нина* и *Таню* — актанты (они заполняют две валентности глагола *встретить*); *вечером* — сирконстант, это слово не заполняет никакой валентности: выражение значения времени не является обязательным при данном глаголе.

Такой подход к предложению был разработан французским лингвистом Люсьеном Теньером. В отличие от традиционной грамматики, в которой выделяются два главных члена предложения — подлежащее и сказуемое, по Теньеру, главным является только обозначение действия, подлежащее же относится к глагольным актантам наряду с дополнениями. Действительно, сравните предложения: *Я слышу шум* и *Мне слышится шум; Я люблю народные танцы* и *Мне нравятся народные танцы.* В близких по смыслу предложениях русского языка подлежащее и дополнение легко меняются местами. При переводе русское подлежащее нередко будет передаваться в другом языке дополнением, и наоборот. Например, предложение *Мне нравятся народные танцы* скорее всего можно перевести на английский так: *I like folk dances.*

Валентности, о которых мы говорили, выделяются на поверхностном уровне описания языка. Такие валентности называются *синтаксическими*, им соответствуют определенные формы выражения, т. е. синтаксические актанты.

Современная лингвистика кроме синтаксических выделяет еще и *семантические* валентности слова. Они в отличие от синтаксических выделяются не на поверхностном уровне описания языковых структур, а на глубинном, смысловом. Впервые их стал исследовать американский лингвист Чарлз Филмор. Семантические валентности — это свойства глагола присоединять к себе семантические актанты (т. е. участников ситуации), среди которых выделяются субъект (***Антон** читает),* объект *(читать **книгу**),* адресат *(подарить **другу**),* инструмент *(резать **ножом**)* и др. Семантические валентности не изменяются при изменении формы главного слова, если ситуация остается прежней. Сравните: *Школьник **решил** задачу; Школьником **решена** задача; **Решение** школьником задачи.* Во всех трех случаях описывается одна и та же ситуация. У главного слова *решил (решена, решение)* две семантические валентности: субъектная и объектная, но выражаются они по-разному, т. е. синтаксические валентности будут разные. В первом предложении (активная конструкция) субъект является подлежащим, имеет форму именительного падежа, а объект — прямым дополнением, что выражается формой винительного падежа. Во втором предложении (пассивная конструкция) субъект выражен формой творительного падежа, а объект становится подлежащим. В третьем случае при отглагольном существительном субъект — в творительном падеже, а объект — в родительном.

Соотношение семантических и синтаксических валентностей называется *моделью управления.* (Это понятие предложено современными лингвистами Игорем Александровичем Мельчуком и Юрием Дерениковичем Апресяном.) В стандартном случае каждой семантической валентности соответствует определенная синтаксическая валентность. Так, у глагола *дать* такая модель управления:

Семантические валентности	**Субъект**	**Объект**	**Адресат**
Синтаксические валентности	Им. п. (подлежащее)	Вин. п. (прямое дополнение)	Дат. п. (косвенное дополнение)

Однако есть глаголы и с более сложными отношениями между семантическими и синтаксическими валентностями. Например, глаголы *находиться, располагаться, стоять, лежать* имеют семантическую валентность места. Значение места может быть выражено и при многих других глаголах: *читать книгу **в библиотеке**, слушать музыку **в консерватории***, но в большинстве случаев слово со значением места является сирконстантом, а не заполняет валентность глагола. При глаголах же со значением месторасположения указывать место необходимо. если вы скажете *книга находится* или *шкаф*

стоит, собеседник тотчас спросит: «Где?». А вот синтаксические формы выражения этой валентности различны. Книга может лежать *на столе, в столе, у стола, за столом* и даже *под столом*.

Многие глаголы имеют валентность не на предмет, а на целую ситуацию, например: *настаивать* ***на чём-либо*** (на поездке в деревню), *обрадоваться* ***чему-либо*** (приходу друга), *убеждать* ***в чём-либо*** (в том, что надо поступать в университет). Как правило, такие валентности имеют несколько способов выражения. Например, у глагола *надеяться* две семантические валентности: субъект и объект-ситуация. Вторая валентность выражается формой «на + винительный падеж», при этом в форме винительного падежа выступает не существительное с конкретным значением, а отглагольное существительное *(Мой брат надеется на поступление в университет)* или придаточное предложение *(Мой брат надеется на то, что (он) поступит в университет)*. Возможен и инфинитив *(Мой брат надеется поступить в университет)*.

Есть и совсем необычные случаи, например, когда одна семантическая валентность расщепляется на две синтаксические. У глагола *восхищать* две семантические валентности, которые обычно соответствуют двум синтаксическим: *Смелость Петра восхищает Марию*. Однако первая семантическая валентность может расщепиться на две синтаксические, и мы скажем: *Петр восхищает Марию своей смелостью*.

Может быть и наоборот, когда одной синтаксической валентности соответствует несколько семантических. Что имеется в виду под формой винительного падежа в предложении *Художник нарисовал сына*? Объект, т. е. живой мальчик, позировавший художнику? Или изображение мальчика на картине? Выбор значения может определяться контекстом: ***Мальчика,*** *который сейчас разговаривает с учителем, нарисовал художник* (здесь мы имеем в виду живого мальчика); *Посмотри на эту картину: как замечательно художник нарисовал* ***сына*** (а здесь мы говорим об изображении мальчика). Если же контекст не подсказывает нам, какое из значений следует выбрать, мы имеем дело со «склеиванием» валентностеи, т. е. в одной форме выражаются сразу два участника ситуации: и объект действия, и то, что получилось в результате действия, — изображение объекта.

Подобных глаголов довольно много: ***переписать предложение*** *с доски в тетрадь* (в ситуации два семантических актанта: предложение на доске и предложение в тетради, а форма, выражающая эти два значения, одна); ***перевязать кофту*** (распустили одну кофту, связали другую, а обозначили и ту и другую одной формой); ***сменить кран*** *в ванной* (старый кран убрали, новый поставили, а форма для обоих опять-таки одна!).

Область явлений, связанных с валентностями, весьма обширна и интересна. И еще далеко не все в этой области подробно исследовано лингвистами.

Люсьен Теньер

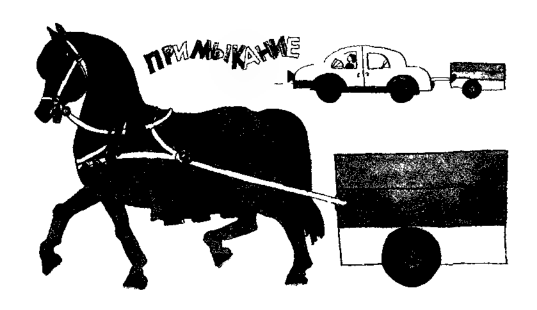
модель управления данного слова, приходится просто помнить. И все мы, носители языка, храним в памяти эту информацию. Если же возникают сомнения, как правильно сказать: *свет лампы* или *свет от лампы* — нужно обратиться к словарю, поскольку не только разные слова одной части речи, но и одно слово в разных значениях может иметь разные «начальственные» привычки. Вот пример с глаголом *идти* в трёх разных значениях: *идти*$_1$ ⇒ *куда (Я иду*$_1$ *в магазин); идти*$_2$ ⇒ *кому (Вам идёт*$_2$ *это платье); идти*$_3$ *(Часы идут*$_3$*)*.

ПРИМЫКАНИЕ: РОДСТВО ДУШ

Когда подчинительная связь в словосочетании не выражена морфологически, мы говорим, что зависимое слово примыкает к главному. *Примыкание* словно специально придумано для присоединения неизменяемых слов (наречий) и некоторых форм глагола (инфинитива, деепричастий): *Он бежал* ***быстро****; Мальчик отвечал* ***запинаясь****; Я улыбнулась* ***невзначай****; Терпеть не могу есть* ***стоя****; На плите стоял раскалённый* ***докрасна*** *утюг* и т д.

Различить примыкание и управление часто бывает непросто.

Как, например, расценивать словосочетания типа *бежать с трудом, отвечать без запинки?* Как управление (сравните *бежать с эстафетной палочкой, обходиться без еды*) или как примыкание (сравните *бежать быстро, отвечать кое-как*)? Скорее, это всё же примыкание, ведь в подобных случаях глаголы не требуют определённой предложно-падежной формы, а лишь допускают наличие обстоятельства образа



действия, выраженного любым способом: *бежать* (как?) *плохо, спотыкаясь, с трудом.*

Несогласованные определения типа *яйцо всмятку, цвет хаки, брюки клёш* примыкают к существительному. Такие случаи, как *дорога в гору, дорога в никуда,* можно считать и примыканием, и управлением (глагол опущен, и его роль выполняет существительное: *дорога, ведущая* (куда?) *в гору, в никуда*). Связь в словосочетаниях типа *девушка в шляпе* или *мамаша под зонтиком,* скорее, примыкание: у существительного есть возможность присоединить определение (согласованное или несогласованное), выраженное произвольным способом: *девушка* (какая?) *красивая, с синими глазами, в мини-юбке, с сумочкой, под зонтиком.*

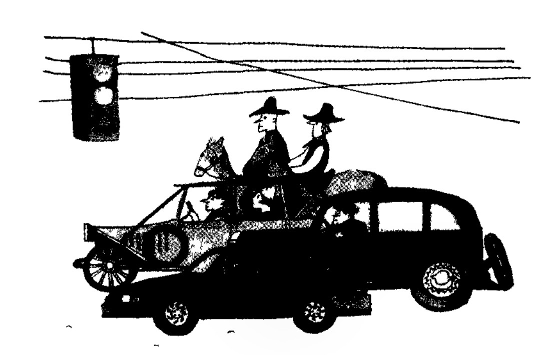
Так же трудно провести границу между словосочетаниями типа *войти в комнату, войти под навес* (где предложно-падежная форма мотивирована и собственным значением, и формой глагола) и словосочетаниями типа *отдыхать в роще, отдыхать под мостом* (очевидные обстоятельства). Поэтому, наверное, удобнее считать это случаями управления... В общем, оба решения столь же оправданны, сколь и произвольны.

* * *

Каждый тип смысловых отношений имеет свои предпочтения среди синтаксических связей, но строгой зависимости здесь нет. Действительно, чаще всего связь между предметом и его признаком выражается согласованием, связь между действием и его объектом — управлением, а связь между действием и его признаком — примыканием, однако в языке для описания определительных отношений наряду с сочетанием *старое платье* возможно *платье без рукавов* и *платье беж.*

И наоборот, одна и та же связь, например управление, может представлять разные отношения; иногда даже одно и то же словосочетание в разных контекстах может переосмысляться. Словосочетание *портрет матери* в зависимости от ситуации означает: 'портрет, на котором изображена мать' (определительные отношения), 'портрет, принадлежащий матери' (отношения принадлежности), 'портрет, нарисованный матерью' (отношения между производителем действия и результатом его действия).

Так что язык хотя и предписывает нам строгие правила связывания слов, вместе с тем даёт возможность достаточно свободно выбирать способ выражения своих мыслей.

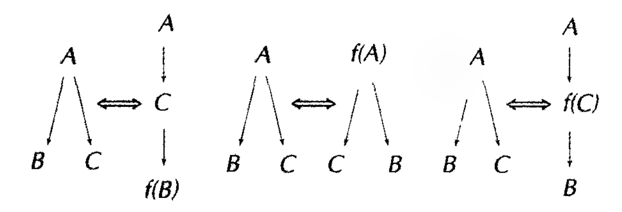


СИНТАКСИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ

Ниже приводятся три пары фраз и три схемы. Фразы, входящие в одну пару, имеют один и тот же смысл, но разное синтаксическое строение. Каждая схема отвечает одной из этих трёх пар фраз, а каждой паре отвечает одна определённая схема: схема условно изображает соотношение между синтаксическим строением фраз соответствующей пары.

В каждой схеме формы слова обозначены одной и той же буквой, а *f(x)* и *x* обозначают однокоренные слова, не являющиеся формами одного слова.

(1) Структурное изменение сетчатки.
Изменение структуры сетчатки.
(2) Маша стучит каблучками.
Стучат Машины каблучки.
(3) Прямая пересекает окружность.
Окружность пересечена прямой.



1. Укажите, какой паре фраз отвечает каждая схема.

2. Нарисуйте схему, отвечающую следующей паре фраз: *Он поспешил выйти. Он поспешно вышел.*

НЕПРОСТОЕ ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

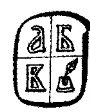
Представьте себе: вы находитесь в совершенно тёмном помещении, и в руках у вас фонарик, дающий очень узкий луч света. Вы пытаетесь понять, что перед вами, направляете фонарик, и луч мечется по стене, выхватывая из темноты фрагменты какого-то изображения: вот морда собаки, вот струны инструмента, вот гусиное перо, дым, поднимающийся в небо, вышитый узор, седые усы.. Что общего между всем этим? Вдруг включается свет, и вы видите перед собой полотно Ильи Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Разрозненные детали мгновенно пришли в движение, соединились в одно целое; давние события разыгрались прямо у вас на глазах

Примерно то же самое происходит, когда отдельные слова и словосочетания, называющие предметы, явления и их признаки, соединяются в предложение, которое описывает ситуацию в целом. Каждый из нас, научившись говорить, проделывает это много раз в день, но объяснить, как мы это делаем, не так просто Как работает предложение? Как оно описывает ситуацию? Как оно устроено? Этим трём вопросам соответствуют три стороны предложения, выделенные современным чешским синтаксистом Франтишеком Данешем коммуникативная (какова функция предложения в процессе общения), семантическая (что и как предложение обозначает) и формальная (как предложение строится)

ЗАЧЕМ ЭТО ГОВОРИТСЯ?

Мы описываем ситуацию с помощью предложения не просто так, а с какой-то целью. Например, произнося *Я скоро приду*, человек может преследовать цель обрадовать, напугать, удивить, дать обещание, просто поставить в известность. В процессе общения происходит обмен *высказываниями*. Причём в роли высказываний могут выступать не только предложения, но и отдельные слова, звуки и даже жесты — всё, что используется в общении с определённой целью. Когда кто-то с какой-либо целью произносит *Ах!* или показывает кулак — это тоже высказывания. Если предложение — единица языка, то высказывание — единица речи, общения, поэтому, анализируя высказывание, нужно прежде всего обращать внимание, как оно выполняет свою основную задачу, — реализует ту цель говорящего, которую он преследует, вступая в общение.

Язык предоставляет говорящему немало средств для достижения своей цели Одно из них — интонация. Если в предложении-высказывании *Дай мне книгу* произнести слово *книгу* с особой, выделительной интонацией, это будет означать: мне важно получить в руки именно книгу, а не журнал или газету, которые лежат рядом. Можно использовать и порядок слов. Если цель вашего высказывания в том, чтобы собеседник понял, о каком действии вы его просите, вы скажете: ***Дай** мне книгу*; если вам важно обратить его внимание на объект действия, то вы скажете так: ***Книгу** дай мне;* если в компании друзей все хотят полистать эту книгу, а вас просто снедает нетерпение, то вы можете



ПОДЛЕЖАЩЕЕ — НЕ ВСЕГДА ТО, О ЧЁМ ГОВОРИТСЯ

Актуальное членение предложения не зависит от выделения подлежащего и сказуемого: *Петя*^{T} / *наконец пришел*^{R}; *[Все в сборе.] Пришел*^{T} / *даже Петя*^{R}. Правда, чаще всего группа подлежащего попадает в тему, группа сказуемого — в рему.

Но при разборе предложения могут возникнуть сложности именно из-за актуального членения. Ни у кого не возникнет сомнения при выделении подлежащего и сказуемого в предложениях *Красивы девушки Эллады!* и *Девушки Эллады красивы*. А вот предложения *Гулять по лесу отрадно для души* и *Отрадно для души гулять по лесу* отличаются лишь актуальным членением. Однако принято, что в первом инфинитив — подлежащее, второе предложение безличное. Это — один из подводных камней синтаксиса, о который может ушибиться даже специалист...

КОММУНИКАТИВНЫЕ МОДЕЛИ

В русском языке свободный порядок слов, поэтому рема и тема могут располагаться в высказывании по-разному. Обычно, если ответ на вопрос *Куда*^{R} / *идешь*^{T}? эмоционально нейтрален, используется модель «тема — рема»: *Иду*^{T} / *в школу*^{R}; если же он эмоционально окрашен, то «рема — тема»: *В школу*^{R} / *иду*^{T}.

Ответ на вопросы определённого типа может состоять из одной ремы: [*Что нового*^{R}?] — *На море побывал*^{R}. Модель «только рема» свойственна также неполным предложениям: [*Какая погода*^{R} / *была там*^{T}?] — *Дождливая*^{R} и нерасчлененным предложениям (т. е. таким, в которых и подлежащее, и сказуемое служат описанием одного и того же): *Гремел гром*^{R}.

воскликнуть: ***Мне** дай книгу!*, подчёркивая, кто должен стать адресатом действия.

Очень важную роль играет пауза внутри предложения, то место, где одна интонационная мелодия сменяет другую. Обычно она разделяет старую, уже известную говорящему и слушающему информацию — её называют *темой* — и новую, ради которой, собственно, и произносится высказывание, — *рему*. Выделение темы и ремы зависит от ситуации общения. Если высказывание *Эта книга / о любви* — ответ на вопрос *О чём эта книга?*, то часть предложения *эта книга* будет темой (обозначается латинской буквой T), а часть *о любви* — ремой (обозначается R), а если вопрос был *Какая из этих книг о любви?*, то наоборот. Разделение высказывания на тему и рему ввёл чешский лингвист Вилем Матезиус, назвав его *актуальным членением* (подробнее об этом см. в статьях «Высказывание и диалог» и «В мире текстов»).

ЗА КЕМ ИЛИ ОТ КОГО?

Что происходит, когда мы что-то описываем? Например: Здесь есть два *участника*, способные формировать разные ситуации: собака и кошка. Мы можем обратить внимание только на , отметить у этого существа признак *лохматая* и тогда опишем ситуацию так: *Собака — лохматая.* Можем обратить внимание на *кошку* и увидеть ситуацию так: *Кошка — серая.* А можем охватить своим вниманием и , и , особо выделить , наделив

ТЕКСТ НА КУСОЧКИ

Чтобы текст стал более выразительным, составляющие его высказывания можно развернуть, свернуть, переставить местами и даже разделить на кусочки. Существует несколько способов такого разделения.

Если вы начинаете расчленять высказывание с конца: *Бабушка в сад пошла. Нарвать яблок. Тебе. На дорожку*, то такой способ превращения единого смыслового и формального отрезка в самостоятельные высказывания называется *парцелляцией* (от *франц.* parcelle — «частица»). В коммуникативном отношении все эти кусочки — ремы. В результате получается так называемая рубленая фраза, которая очень нравилась Владимиру Маяковскому: «*Чувствую мастерство. Могу овладеть темой. Вплотную. Ставлю вопрос о теме. О революционной*». Такой приём еще называют «телеграфным стилем». Он служит для усиления выразительности текста. Михаил Булгаков для большего эффекта делил на кусочки высказывание целиком:

«*— Расписку мне.*

— Да неграмотный же председатель!

— Сию. Секунду. Чтоб. Была. Расписка».

Можно членить высказывание не «с хвоста», а отделяя начальную часть: *Каникулы. Каникулы! Ка-ни-ку-лы... На все лады повторяли несколько дней назад это приятное слово первоклашки и десятиклассники.* В коммуникативном отношении отчлененное существительное в именительном падеже — гема, эту форму так и называют: «именительный темы». В аналогичной роли может выступать инфинитив: *Уехать!.. Об этом столько мечталось!* Такой способ расчленения называют *сегментацией* (от *англ.* segment — «кусок», «отрезок»), он тоже используется, чтобы сделать речь более выразительной. Прием сегментации часто применяют поэты: «*Вечерний звон, вечерний звон! Как много дум наводит он...*» (И. И. Козлов); «*Любить?.. но кого же?<...> Желанья... что пользы напрасно и вечно желать?*» (М. Ю. Лермонтов); «*Москва! Как много в этом звуке / Для сердца русского слилось*» (А. С. Пушкин).

её активным признаком *гонится,* и сказать: *Собака гонится за кошкой.* Или, наоборот, выделить ✿ и увидеть ситуацию таким образом: *Кошка убегает от собаки.* На каких участниках мы останавливаем своё внимание и какие признаки мы у них замечаем или им приписываем — именно это определяет форму и значение нашего предложения.

Сравнив предложения *Кошка — серая* и *Рыжая кошка убегает от собаки,* мы увидим, что признаки могут по-разному участвовать в представлении ситуаций. Признак *серая* в первом предложении порождает ситуацию, а во втором только дополняет ситуацию, которую порождает другой признак *(убегает).* Поэтому среди признаков различают *предикативный признак (предикат),* благодаря которому ситуация образуется, и просто *признак,* спутник того или иного участника.

Участники ситуации, которым приписаны признаки, называются их *носителями.* Главный среди них — носитель предикативного признака. Например, в предложении *Большая лохматая собака гонится за серой кошкой* участник *собака* — носитель признака *большая,* признака *лохматая* и предикативного признака *гонится,* а участник *кошка* — только носитель признака *серая.* В предложении же *Собака гонится за кошкой* участник *кошка* носителем признака вообще не является, а так, гуляет сама по себе. Конечно, во внеязыковой ситуации кошка не гуляет, а изо всех сил убегает от собаки. Но предложение, описывающее эту ситуацию, мы построили так, что участник *кошка* оказался не обременён никакими признаками, — так уж нам захотелось.

Участник без признака — явление вполне обычное для семантической структуры русского предложения. А возможен ли признак, «гуляющий» без своего носителя? В жизни, конечно, нет, а вот в синтаксисе это не редкость, например в таких предложениях: *Шум; Веселье; Беготня.* Несмотря на то что признаки здесь выражаются именами существительными, каждый из нас понимает: *шум* — это кто-то шумит; *веселье* — есть люди, которым весело; *беготня* — кто-то бегает. Способность нашего мышления отделять признак от носителя и давать ему самостоятельную жизнь подметил математик и писатель Льюис Кэрролл: в его книге «Алиса в Стране Чудес» улыбка Чеширского Кота (признак) появляется первой, а вслед за ней возникает и сам Кот (носитель признака).

Подобно актёрам, участники ситуации могут играть разные семантические роли. Основных ролей всего две: роль семантического субъекта (носителя предикативного признака) и роль семантического объекта. Но при описании семантики предложений иногда бывает нужно отличить *агенс* (***Бабушка** вяжет носки* — активно действующий субъект) от *экспериенцера* (***Бабушка** видит носки;* ***Бабушке** нравится рисунок;* ***Бабушке** прохладно* —

Кто? Куда? За кем? Зачем? С кем?

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ

1. Схема (а) отвечает второй паре слов, (б) — третьей, (в) — первой.

воспринимающий или чувствующий субъект); *пациенс* (*Он поливает* ***цветы*** — объект, испытывающий воздействие со стороны субъекта) от *результатива* (*Они построили* ***дом*** — новый объект, который создаётся в результате действий субъекта) и др

Если участники — это актёры, то предикат — скорее режиссер Он задает тон заставляет актёров энергично действовать *(Сережа играет в мяч)*, создавать отношения *(Друзья меня уважают; Брат старше сестры)*, испытывать состояния *(Брат спит; Мне грустно)*, демонстрировать свои свойства и качества *(Леночка красивая; Витька весельчак)* и т. п.

Власть режиссёра не безгранична. Набор участников-актёров и качество их ролей могут жестко задавать жанр ситуации-спектакля Если вокруг режиссера собираются главные герои *кто — у кого — что — за сколько*, то это спектакль под названием «покупать» Если участник *за сколько* куда-то отлучился, то у спектакля меняется название — «брать» А если участник *у кого* ушёл вместе с участником *за сколько*, но пришёл новенький по имени *от кого*, спектакль может выйти под названием «получать в подарок».

ПРЕДИКАТИВНОСТЬ — ДУША ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Однажды в студии художники спорили об искусстве. Великий певец Федор Иванович Шаляпин, который не принимал участия в споре,

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

В зависимости от того, какие компоненты входят в ситуацию, можно выделить *семантические модели* предложений, например «признак» *(Морозит; Морозно; Мороз)*, «участник + признак» *(Дети спят; Они маленькие)*, «признак + признак» *(Кататься весело; Учиться в радость; Учеба интересна)*, «участник + признак + участник» *(Мне видно школу; Брат читает книгу)*, «участник + признак + участник + признак» *(Я рад твоему приходу; Мне интересно с тобой разговаривать)* и др.

Для каждого языка есть свои излюбленные варианты семантических моделей. Вот, например, какие типичные для русского языка варианты модели «участник + признак» приводит современный российский синтаксист Галина Александровна Золотова.

1. *Сестра шьёт.* Субъект и его характеристика через действие.

2. *Сестре скучно.* Субъект и его характеристика через состояние.

3. *Сестра добрая.* Субъект и его характеристика через свойство.

4. *Сестер три.* Субъект и его характеристика через количество.

5. *Сестра — врач.* Субъект и его характеристика через отнесение к классу предметов.

Во всех этих предложениях участник является носителем предикативного признака.

Предложения, в которых участник представлен существительным (местоимением) в именительном падеже, называются *личными*. Если же представить его в такой форме невозможно, предложение будет *безличным*. Среди приведенных примеров личными являются предложения *Сестра шьет, Сестра добрая; Сестра — врач*, а безличными — *Сестре скучно; Сестер три.*

Безличными предложения называют потому, что глагол в них, употребляясь в форме единственного числа среднего рода или 3-го лица, никаких других личных форм не имеет *(Сестре / мне / тебе* ***будет*** *скучно; Сестер* ***было*** *три).* Это справедливо и для предложении с семантической моделью «признак»: *Моро**зит** / Морози**ло** / Бу**дет** морозить.*

Семантическая модель «участник + + признак» может включать и варианты, когда участник не является носителем предикативного признака. *Его вспоминаешь; О нем говорят; С ним хлопоты; Им довольны; Ему рады* — это примеры предложений, в которых есть участник-обьект, а участник-субьект как бы остался за кадром. В разных случаях его можно обозначить словами *все, каждый* или *кто-то/неизвестно кто*, поэтому такие предложения принято называть *обобщенно-личными* или *неопределенно-личными.*

Говорящий часто строит предложение таким образом, чтобы скрыть истинное положение дел. Например, семантическая модель фразы *Бумаг набросано!* заставляет собеседника буквально поверить в то, что речь идет о бумагах, которые набросаны и которых много. Но иногда бывает полезно заглянуть за «поверхностную» семантическую модель. Чтобы сквозь предложение увидеть сущность описываемого положения дел, следует выявить того важного участника, который отвечает за порождение предикативного признака. Для этого вместо вопроса о семантическом обьекте *(Что набросано?)*, нужно задать вопрос о семантическом субьекте *(Кто набросал?)*. Именно такой вопрос задает мама дочке в диалоге из книги Корнея Чуковского «От двух до пяти»:

«— Я спала, а баба ушла, а тут такой крик стоял...

— Кто же кричал?

— Да я».

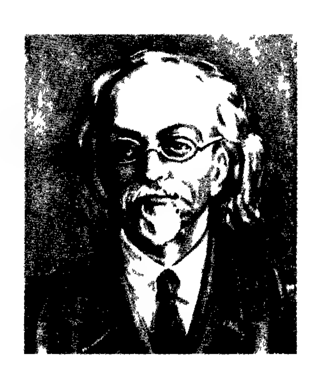
АЛЕКСАНДР МАТВЕЕВИЧ ПЕШКОВСКИЙ

Отечественная синтаксическая традиция, начало которой было положено М. В. Ломоносовым, его «Российской грамматикой», представлена великими именами и насчитывает в своём развитии уже более 200 лет. Синтаксисом занимались А. Х. Востоков и А. А. Барсов, Ф. И. Буслаев и Н. И. Греч, А. А. Потебня и Д. Н. Овсянико-Куликовский, Ф. Ф. Фортунатов. Фортунатов разрабатывал структурный подход к синтаксису на основе понятия грамматической формы, изгоняя из теории синтаксиса любые смутные и непроверяемые положения. Его идеи были развиты в концепциях А. А. Шахматова и А. М. Пешковского.

Судьба Александра Матвеевича Пешковского (1878—1933) схожа с судьбами многих выдающихся отечественных языковедов, чей путь в науку начался с преподавания словесности в гимназиях. А. М. Пешковский считал своим долгом обучать учеников таким образом, чтобы они понимали грамматику родного языка, имели представления о языковедении как науке. Прежде чем изучать язык во всех его проявлениях, ученики должны составить представление о его структуре, увидеть родной язык как единое целое.

Гимназический опыт повлиял и на характер научной деятельности А. М. Пешковского. Самый известный его труд «Русский синтаксис в научном освещении» (1914 г.) — книга, в которой проявился талант Пешковского как педагога. Вместе с читателями он проводит эксперименты над языком и размышляет над их результатами. Лев Владимирович Щерба назвал эту книгу сокровищницей тончайших наблюдений над русским языком.

«Русский синтаксис в научном освещении» — это еще и замечательный пример научной честности и умения отказываться от своих прежних представлений, когда появляются научные доказательства, опровергающие их. Когда А. М. Пешковский готовил 3-е издание (вышедшее в 1927 г.), появился «Синтаксис русского языка» Алексея Александровича Шахматова, в котором содержалось множество новых идей и данных, и Пешковский почти полностью переработал свою книгу.



Александр Матвеевич Пешковский

ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ ВИНОГРАДОВ

Виктор Владимирович Виноградов (1895—1969) был одновременно лингвистом и литературоведом, человеком энциклопедических знаний, родоначальником двух лингвистических наук — истории русского литературного языка и науки о языке художественной литературы. Литературное наследие В. В. Виноградова огромно: более 300 работ по грамматике, лексикологии, лексикографии, истории языка, стилистике художественной литературы, текстологии.

Необыкновенная эрудиция В. В. Виноградова позволила ему первому определить основные принципы эвристики — науки об установлении авторства по безымянному тексту. Благодаря его исследованиям было установлено авторство множества статей и рассказов Достоевского, которые прежде считались анонимными.

Позднее В. В. Виноградов обратился к проблемам поэтической речи и изучению стилей русской художественной прозы. Результатом этой работы явились книги «Язык Пушкина» (1935 г.), «Стиль Пушкина» (1941 г), «О языке художественной литературы» (1959 г.).

В книге «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» (1938 г.) Виноградов показал основные процессы развития русского литературного языка Нового времени, его связь с народными говорами и просторечием, с языками Западной Европы

В. В. Виноградов создал собственную грамматическую теорию. Его капитальный труд «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947 г) оказал большое влияние на все дальнейшее развитие грамматической науки и на изучение строя не только русского, но и других языков; он стал настольной книгой каждого филолога. В области синтаксиса Виноградов разработал понятие синтаксических единиц и учение о видах синтаксической связи, сформулировал отличие словосочетания от предложения, предложил теорию модальности.

Виктор Владимирович воспитал не одно поколение ученых, в нашей стране нет такого филологического вуза, где не трудились бы его ученики или ученики его учеников.

Науке о языке была посвящена вся жизнь Виноградова. Работал он всегда, когда мог, ночью, даже на отдыхе. Одну из своих последних статей он закончил словами из стихотворения Валерия Брюсова «Родной язык»:

Мой верный друг!
Мой враг коварный!
Мой царь! Мой раб!
родной язык...

Виктор Владимирович Виноградов.

решил показать им на деле, что такое искусство. Он незаметно вышел из комнаты и через некоторое время появился на пороге — бледный, волосы спутаны, руки трясутся Он лишь выдохнул: «Горим!». Что тут началось! Все вскочили, заметались, паника, крики. И тогда Шаляпин рассмеялся· «Вот что такое искусство».

Шаляпин сказал слово *горим.* Если бы певец выбрал другое слово: *мы* либо *в доме,* никакого эффекта он бы не произвёл. Почему? Слово *горим* не просто обозначает некий процесс, оно с помощью глагольного окончания сообщает ещё и следующую информацию: во-первых, мы (1-е лицо), во-вторых, сейчас (настоящее время), в-третьих, горим на самом деле (изъявительное наклонение). Есть чего испугаться!

Российский языковед Виктор Владимирович Виноградов назвал комплекс значений наклонения, времени и лица *предикативностью.* Подобно тому как включенный свет позволяет нам собрать воедино разные фрагменты и воспринять картину художника как одно целое, предикативность делает набор словоформ единым предложением, тем, с помощью чего можно выразить мысль, соотнеся её содержание с действительностью. Передавать значение предикативности способен только глагол или связка, без которых не обходится ни одно сказуемое.

Можно сказать, что у предложения есть тело и душа. Тело составляют члены предложения, которыми стали части речи, наработав синтаксические привычки. Сердце предложения — сказуемое. Отсюда идут нити управления к подлежащему (голове) и второстепенным членам. В сердце-сказуемом обитает душа — предикативность, — делающая предложение живым.

Без предикативности мысли не выразить

ГЛАГОЛ ИЛИ СВЯЗКА

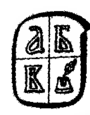
Среди слов с глагольными окончаниями есть удивительное слово *быть* Синтаксисты заметили, что ведёт оно себя двояко: как обычный глагол, имеющий значение ‘наличествовать’, ‘иметься’, ‘быть расположенным’ *(У деда был дом; Дом был в деревне),* и как слово-пустышка. В последнем случае оно использует свою способность выражать значения наклонений и времён для «предикативной помощи» неглагольным словам, когда те выступают в функции сказуемого (сравните: *Дети веселились — Дети были весёлые; Детям было весело*).

Такое вспомогательное слово назвали *связкой.* О связке как части составного именного сказуемого в конце XIX в. писал Александр Афанасьевич Потебня. А отсутствующую форму настоящего времени Александр Матвеевич Пешковский предложил затем называть *нулевой* связкой. Кроме слов *быть/бывать* связкой могут служить полузнаменательные глаголы *становиться/стать, делаться/сделаться, оказываться/оказаться* и др.: *Он был грустен; Ему сделалось весело; Все стали добры и внимательны друг к другу.*

Современные исследователи Нина Давидовна Арутюнова и Евгений Николаевич Ширяев выделили среди глагольных предложений с тремя компонентами особую группу бытийных: *В небе была луна; У меня есть велосипед; У него был озноб; С ней обморок. Бытийный глагол* в таких предложениях в настоящем времени может быть *нулевым,* как и связка, а может быть представлен словоформой *есть.*

Синтаксисты заметили, что слово *быть* в предложениях с одним и тем же составом ведёт себя подобно хамелеону, легко меняя статус глагола на статус связки. Это происходит в зависимости от выбранного говорящим варианта актуального членения: *У Маши / были длинные косы* (глагол) и *Косы у Маши / были длинные* (связка).

Не все загадки слова *быть* разгаданы учёными. Например, одинаково или по-разному устроены предложения с предметными существительными: *Была улица; Был фонарь; Была аптека* и с признаковыми: *«Был зов. Был звон. Не новогодний ли»* (Б. Л. Пастернак)? В обоих ли случаях можно говорить о бытийном глаголе *быть* и, следовательно, считать эти предложения личными двусоставными? Или предложения со связкой именовать старым



термином «односоставные назывные предложения»? К тому же, если снабдить существительное прилагательным *Был*^{T} / *новогодний звон*^{R} и изменить порядок слов: *Звон*^{T}/*был новогодний*^{R}, слово *быть* снова начнёт вести себя как хамелеон. Вопрос о статусе слова *быть* до сих пор остаётся предметом научных споров. Но в любом случае *быть* как слово с глагольными окончаниями обладает предикативностью и образует сказуемое.

ВСЕГДА ЛИ СЕРДЦЕ НАРАСПАШКУ?

Историю о Шаляпине рассказывают и по-другому: артист напугал всех возгласом: «Пожар!» Слово *пожар* тоже образует предложение, хотя здесь и не видно ни глагола, ни связки Информация о событии выразилась неглагольным признаковым словом, а вспомогательное глагольное слово съёжилось, стало невидимым

Глагольное слово прячется тогда, когда из ситуации и так ясно, что всё происходит сейчас и на самом деле: *Лето; Тепло; Деревья зелёные; Мама в восторге; Она художница; У нас каникулы; Всем весело; Нам не до сна; Дома праздник; На столе торт.* Но стоит изменить время или наклонение, и глагольное слово проявится *Было лето; Было тепло; Деревья были зелёные; Мама была бы в восторге; Она будет художницей.*

Отсутствие этой словоформы значимо. она является нулевым знаком (см. статью «Что такое знак») и включается в морфологическую парадигму глагольного слова. А форму предложения с таким нулевым знаком, имеющим значение настоящего времени изъявительного наклонения, включают соответственно в синтаксическую парадигму предложения

ПАРАДИГМА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Есть фонема и ее варианты *(час — часов: <а> — [иэ])*, морфема и морфы *(книг-а — книж-н-ый)*, слово и словоформы *(дом — дома, дому, домом, о доме)*. Предложение тоже имеет варианты — формы предложения.

Разновидности предложений, отличающиеся друг от друга значениями предикативности, современный российский лингвист Наталья Юльевна Шведова объединила в одну систему — парадигму форм предложения. В отличие от парадигмы глагола, состоящей из пяти словоформ (см. статью «Глагол»), парадигма предложения состоит из восьми форм: три у реального изъявительного наклонения (формы настоящего, будущего и прошедшего времени) и по одной форме у ирреальных наклонений — сослагательного, желательного, долженствовательного, побудительного и условного.

Форма предложения со значением настоящего времени изъявительного наклонения — особая, её считают основным представителем предложения-знака и называют исходной формой. Вот как выглядит парадигма форм предложения с составным именным сказуемым:

1. ***Ты ∅ умница.***
2. *Ты будешь умницей.*
3. *Ты была умницей.*
4. *[Если бы ты хотела], ты была бы умницей.*
5. *Вот бы ты была умницей!*
6. *[Все могут ходить хоть на головах], а ты будь умницей.*
7. *Будь умницей!*
8. *Если бы ты была умницей, [было бы хорошо].*

Не каждое предложение может иметь все восемь форм. Например, у предложения *Зима* форм много, а у предложения *Вот и зима* — только одна, потому что конструкция ***вот и*** «не соглашается» ни на что другое, кроме настоящего времени изъявительного наклонения.

ДИКТУМ И МОДУС

Давайте попробуем описать одно и то же положение дел разными предложениями с разными оценками. Сравните: *Телефон звонит; Телефон начал звонить; Телефон противно/весело звонит; Телефон должен звонить; Телефон не может не звонить; Я слышу, что телефон звонит.* В этих предложениях есть нечто постоянное, как бы продиктованное самой действительностью (*д и к т у м*), и нечто привнесённое, смоделированное говорящим (*м о д у с*). Эти важные понятия ввел в лингвистический обиход французский учёный Шарль Балли. *Телефон звонит* — диктум. *Начал, противно, весело, должен, может, я слышу* — модус. Модусные смыслы чрезвычайно разнообразны.

НАДЛЕЖАЩЕЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ

На уроках русского языка школьников учат начинать разбор предложения с выделения грамматической основы: подлежащего и сказуемого. Понятно, почему в основу входит сказуемое, — обладая предикативностью, оно и делает предложение предложением, а вот почему так высок статус подлежащего? Почему в предложении *С утра долго и упорно мой трудолюбивый сосед забивает гвоздь в стену молотком* мы считаем слово *сосед* более важным членом предложения, чем слова *молоток, гвоздь* и *стена?*

С точки зрения носителей многих других языков, подлежащее принципиально не отличается от всех остальных членов предложения, называющих участников ситуации. Особенность русского языка состоит в том, что между подлежащим и сказуемым существует двусторонняя связь. Это значит, что не только сказуемое может определять форму подлежащего в именительном падеже (через связь управления), но и подлежащее способно оказывать влияние на форму лица и числа или рода и числа сказуемого (через связь согласования).

Смена сказуемого не влечёт изменения формы подлежащего, которое так и остаётся в именительном падеже: *Сосед купил ковёр; Сосед решил повесить ковёр на стену; Сосед достал гвозди и взял молоток.* Постановка другого подлежащего, напротив, может сразу изменить форму сказуемого: *Когда соседк**а** забивал**а** гвозди молотком, гвозд**и** забивал**ись** с грохотом. А в руках соседа молоток забивал гвозди почти бесшумно.*

В русском языке подлежащее может быть представлено как существительным (местоимением) в именительном падеже, так и инфинитивом в тех случаях, когда он является темой предложения-высказывания. Поскольку инфинитив — слово без показателей лица, числа, рода, сказуемое обычно согласуется с ним посредством глагольного окончания 3-го лица единственного числа или среднего рода — наиболее нейтрального: *Забивать в стену гвозди / соседке был**о** трудно; Забивать в стену гвозди / для соседки был**о** трудным делом.*

Понятно, почему в русской синтаксической традиции в отличие от большинства других, основой предложения принято считать не только сказуемое, но и подлежащее. Ведь получается, что в любом случае подлежащее стоит как бы над всеми членами предложения, его слушается даже само сказуемое!

ОДНО- И ДВУСОСТАВНЫЕ

Если грамматическая основа состоит из подлежащего и сказуемого, то предложения такой структуры называются *д в у с о с т а в н ы м и.* Если грамматическая основа формируется одним главным членом, это *о д н о с о с т а в н ы е* предложения. Подход к изучению предложений с точки зрения их состава разработал российский лингвист Алексей Александрович Шахматов.

Предложение не может существовать без сердца-сказуемого, в котором обитает душа — предикативность. Сказуемое и является единственным главным членом односоставных предложений. Многообразие их разновидностей — особенность русского языка. В большинстве языков нет таких единиц. Особое место среди односоставных занимают безличные предложения. В них может подразумеваться некая не названная прямо сила, например сила стихии *(Лодку унесло)*, сила телесного рефлекса *(Его знобит;*

ПОДЛЕЖАЩИМ МОЖЕТ БЫТЬ ВСЁ?

Закон гласит: среди существительных (местоимений) подлежащим считаются те и только те словоформы, которые имеют вид именительного падежа. Закон этот достаточно строг. Существительных в формах косвенных падежей подлежащими он не признает: компонент, представляющий участника-бабушку в предложении *Бабушка не спит,* — подлежащее, а в предложении *Бабушке не спится* — не подлежащее.

Однако есть и примечание к закону: подлежащими могут считаться слова любых частей речи, употреблённые в функции существительного (*Все собрались; Учащиеся встретились; Семеро опоздали; Новенькие перешёптывались; Каждый из нас волновался).*

Это позволяет говорящему/пишущему делать подлежащим буквально все, что попадает в фокус его внимания. Выявил среди участников главное действующее лицо сложившейся ситуации (*Ведущие <u>профессора</u> обучают его по новой программе)* — прекрасно, увидел участника (*<u>Он</u> обучается по новой программе у ведущих профессоров)* — хорошо, выделил предикативный признак (*<u>Обучение</u> у него по новой программе)* — годится, выхватил фрагмент реального высказывания (*Твоё <u>«ах!»</u> никого не волнует; <u>Учится</u> — это слабо сказано; <u>«Я сейчас принесу»</u> длится уже час)* — тоже подойдёт. Подлежащим признается и такое признаковое слово, как инфинитив с функцией темы (*Позвонить не мешает; Летать — мое призвание; Курить — здоровью вредить!).*

У него перехватило дыхание) или сила под названием Судьба (*Нам повезло; Ему было предназначено с ней встретиться).* Когда мы сообщаем о природных явлениях, тоже используем такие предложения (*Рассвело; Стало солнечно).* (О безличных предложениях типа *Бабушке не спится* можно прочитать в очерке «Не работается».)

Отдельную группу односоставных предложений составляют предложения с независимым инфинитивом (*и н ф и н и т и в н ы е п р е д л о ж е н и я).* Не каждый иностранец догадается, что эти предложения с частицей *не* и с инфинитивом несовершенного вида выражают отрицание долженствования: *Ему эти задачи не решать* ('он не должен решать'), а с инфинитивом совершенного вида — значение невозможности: *Ему эти задачи не решить* ('он не сможет решить'). Такие инфинитивные предложения способны передавать и другие модальные смыслы «без поддержки» модального слова.

ГЛАВНЫЕ И ВТОРОСТЕПЕННЫЕ

Информацию о ситуации в предложении передают все члены — и главные, и второстепенные. Информативная нагрузка распределена соразмерно, если предикативный признак и его носитель выражены сказуемым и подлежащим, а остальные участники и признаки-спутники — дополнениями, определениями и обстоятельствами: «*Они жили в ветхой землянке ровно тридцать лет и три года. Старик ловил неводом рыбу*» (А. С. Пушкин).

Но мы постоянно нарушаем такую соразмерность. Например, когда предикативный признак представлен описательным оборотом: *Их **обуял ужас;** Старушку **сморил сон,*** он одновременно является и подлежащим, и сказуемым! Поскольку в русском языке признаки и участники не закреплены строго за членами предложения,

ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

Формальных моделей у русских предложений немного: «подлежащее + сказуемое» у двусоставных и «сказуемое» у односоставных. Существуют разные варианты этих моделей в зависимости от того, чем выражено сказуемое, — глаголом или неглагольными словами со связкой. Сравните: *Он не спал — Ему не спалось; Он был весёлый — Ему было весело; Друзья были вдвоем — Друзей было двое; Он был в печали — Ему было не до сна.*

Такие же варианты есть и у инфинитивных предложений: *Он работает — Ему работать; Он будет весёлым — Быть ему весёлым; Он будет врачом — Быть ему врачом; Все будут начеку (на страже) — Всем быть начеку (на страже).*

Модель «подлежащее + сказуемое» обычно имеет две разновидности, поскольку подлежащее-тема может быть представлено и существительным (местоимением), и инфинитивом. Варианты с инфинитивом-подлежащим строятся аналогично: *Спать мне / не хотелось; Работать ему / было необходимо; Ждать под палящим солнцем / было невмоготу; Разговаривать с ним / мне было без надобности.*

Интересно, что, как только инфинитив перестаёт быть темой и переходит в рему, он становится зависимым компонентом в составе сказуемого: *Мне / не хотелось спать; Ему / было необходимо работать; Под палящим солнцем / было невмоготу ждать; С ним / мне было без надобности разговаривать.* В этих примерах мена актуального членения влечет изменение формальной модели и обуславливает переход предложений из типа двусоставных в тип односоставных. Правда, есть случаи, когда этого не происходит, например: *Учиться / — моя мечта* и *Моя мечта / — учиться.*

ФОРМУЛА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Синтаксисты прошлого иллюстрировали каждый тип предложений многочисленными примерами. Это было убедительно, но громоздко.

Российские синтаксисты Н. Ю. Шведова и В. А. Белошапкова подумали: если у разных типов предложений есть формальные устройства, то эти устройства можно описать формулами подобно тому, как это делается в алгебре. Каждая из них предложила собственный список формул, однако формулы оказались похожими. Например, предложения типа *Он работает* описывают формулой N_1 V_f (читается так: *эн один — вербум финитум*). Для типа *Он веселый* предлагается формула N_1 $Cop_f Adj$ (*эн один — копула финитум — адьективум*) или формула N_1 Adj (*эн один — адьективум*), где N_1 — существительное в именительном падеже, V_f — спрягаемый глагол, Cop_f — спрягаемая связка и Adj — прилагательное.

В русистике есть специальный раздел — учение о структурной схеме предложения, — в рамках которого, конечно, не столько выводят формулы, сколько исследуют семантику предложений, стоящую за этими формулами.

КАК УСТРОЕНО ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Рассмотрим преждложение: *Мой* (1) *приятель* (2) *любит* (3) *путешествовать* (4) *автостопом* (5). Связи между словами обозначим стрелочками, расположив словосочетания иерархически. У нас получится «деревце», в котором роль веток играют стрелки зависимости (такой способ анализа называется построением *дерева зависимостей*):

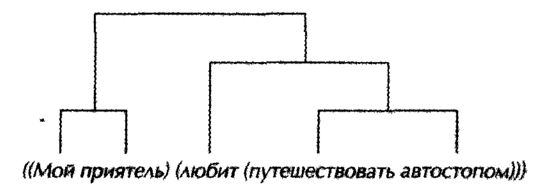
3

2 4
⇓ ⇓
1 5

Это — нормальный вид простого предложения (сложное тоже будет деревом, но более сложным по строению). Правда, в разговорной речи и художественных текстах дерева может не получиться. Попробуйте построить схемы всех предложений какого-нибудь гоголевского текста, не пропуская ни одного слова, и вы в этом убедитесь.

Есть и другой метод изучения структуры предложения, он называется *анализ по непосредственным составляющим*. Непосредственно связанные друг с другом слова вместо стрелки соединяются дугой; в прочих связях они участвуют как единое целое; дуга между подлежащим и сказуемым проводится в последнюю очередь.

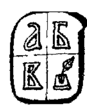
Наше предложение будет выглядеть так:



((Мой приятель) (любит (путешествовать автостопом)))

Благодаря такой системе обозначений легко увидеть разницу между однородными и неоднородными определениями. Сравните: *Дома у нас нет ничего подходящего для ребёнка его возраста, мне нужно срочно купить ему ((новые, интересные) книги)* и *Он прочитал все, что нашел интересного, так что мы поедем с ним в магазин, чтобы купить ему (новые (интересные книги))*. При таком способе анализа нетрудно понять, почему запятые в этих случаях ставятся по-разному.

Работа с внутренней структурой предложения — совершенно необходимый этап любого синтаксического разбора, даже если разбирается словосочетание. Определяя, какое слово главное, какое зависимое, мы обязательно учитываем не только их морфологические характеристики, но и место в структуре предложения, которую мы мысленно представляем. Представьте себе, что мы читаем строку, открывая ее постепенно, одно слово за другим: *вижу... столовую*. Если дальше не читать, то связь между этими словами можно представить себе как управление: переходный глагол управляет существительным. Но читаем дальше: *столовую.. ложку...* Все изменилось: теперь мы видим, что слово *столовую* вообще никак не связано с глаголом *вижу*, а согласуется с существительным *ложку*, являясь прилагательным.



СИНТАКСИЧЕСКИЕ ДЕРЕВЬЯ

Даны предложения и схемы предложений.

(1) *Знакомые студентки занимаются прикладной лингвистикой.*

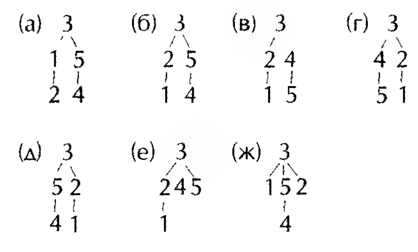
(2) *Студент с нетерпением ждал летних каникул.*

(3) *Наш преподаватель возвратился из командировки в Новосибирск.*

(4) *Пейзажные зарисовки сменили монументальные полотна.*

(5 *Этот переполох вызвал простой солдат.*

(6) *Работа по-новому всколыхнула весь коллектив.*



Каждому смыслу предложения соответствует одна схема.

1. Опишите принципы построения схем.
2. Для каждого предложения найдите все соответствующие ему схемы.

ТЫСЯЧА СМЫСЛОВ

Дана фраза: *Письма знакомой из Киева не заменят фотографии его любимой и милой дочери Марии.*

Покажите, что эта фраза имеет не менее тысячи смыслов.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДРОБЬ

Предложение можно представить в виде дроби. В отличие от математической дроби синтаксическая дробь трехъярусная. На ее «этажах» расположены компоненты коммуникативной, семантической и формальной моделей предложения. Если между компонентами есть взаимно однозначное соответствие, предложение построено соразмерно: *Дети / веселились: дети* — тема // участник // подлежащее; *веселились* — рема // предикативный признак // сказуемое. Если соответствия нет — значит, предложение «с секретом». Предложение *Детям / было весело* как раз служит примером такого устройства с секретом: на одном этаже есть тема и рема, на другом участник и признак, а на третьем — только сказуемое!

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ

Каждый школьник без труда приведет примеры омонимов: *коса* ('инструмент' и 'прическа'), *лук* ('орудие стрельбы' и 'растение'). Это лексическая омонимия. Из-за нее оказываются неоднозначными предложения вроде *У нее хорошая коса* или *Он взял лук.* Но в языке существует и *синтаксическая омонимия,* когда разница в смыслах словосочетаний или предложении не связана с лексической омонимией входящих в них слов. Интересный пример — пушкинская фраза *«Он из Германии туманной привез учености плоды»*. Как писал в своей книге математик Алексей Всеволодович Гладкий, «Германия (в отличие от Англии) никогда не считалась туманной страной, а вот ученость, усвоенная Ленским, была и вправду несколько туманной». Из-за омонимии замысел Пушкина остается неясным.

Синтаксическая омонимия возникает, когда совпадают по форме словосочетания или предложения с различной синтаксической структурой.

Очень часто можно по-разному установить синтаксические связи между словами, т. е. для зависимого слова можно найти разных «хозяев»: *Он умеет* ***заставить себя*** *слушать* ('заставить себя' или 'себя слушать').

В других случаях пара «хозяин — слуга» выделяется однозначно, но понять тип связи между этими словами можно по-разному: *Он прислан к нам инспектором* (форма *инспектором* может быть понята либо как субъект действия 'инспектор прислал его' либо как объект 'кто-то прислал его в качестве инспектора').

Иногда можно по-разному понять форму слова *Он не решил* ***уравнения*** — то ли родительный падеж единственного числа, то ли винительный падеж множественного числа.

В предложениях типа *Положи в портфель* ***новые тетради и книги*** непонятно, новые только тетради или книги тоже новые. Эти смыслы можно различить, объединив в группы тесно связанные слова с помощью скобок: *(новые тетради) и книги* или же *новые (тетради и книги).*

Часто лексическая омонимия сочетается с синтаксической. Например, в словосочетании *рабочие бригады* можно не только по-разному установить синтаксические связи, но и понять слово *рабочие* как существительное или как прилагательное (это случай *лексико-синтаксической омонимии*).

Важность исследования синтаксической (и лексико-синтаксической) омонимии стала понятна во время работ по автоматической обработке текста Выяснилось, что в реальных текстах гораздо больше омонимичных предложений, чем может показаться на первый взгляд. Нередко при машинном переводе фраза интерпретируется совсем не в том смысле, который вложил автор. Например: *Фоторепортеры мухами облепили помост.* Двусмысленность возникает из-за разного понимания формы творительного падежа: *мухами* — как? или чем? Или: *Он видел их семью своими глазами* (слово *семью* можно воспринять как числительное.) А приходило ли вам в голову, что выхваченная из контекста пушкинская строка *Души прекрасные порывы* тоже неоднозначна?

отличить их друг от друга можно, только обратившись к семантике. Сравните: *Охотника* ***терзал*** ***<u>страх</u>*** и *Охотника* ***терзал*** *<u>тигр</u>*.

Если семантический субъект оденется в одежду дополнения (*Ему не сидится; У него тоска; С сердцем плохо; Охотник был терзаем тигром),* обстоятельства (*«От этого Терека в поэтах истерика»* (В. В. Маяковский)) или определения (*Алёнкин шёпот раздался над моим ухом),* и мы их опустим по причине «второстепенности», наше описание ситуаций окажется информативно недостаточным

Недостаток информации очевиден, когда опускаются обстоятельства, которые входят в модель управления глагола (см. очерк «Валентности слова»). Сравните: *Дети очутились на поляне — Дети очутились...* и *Маша читала книгу на поляне — Маша читала книгу.* В предложении с глаголом *читать* (с моделью управления *кто читал что*) компонент *на поляне* легко можно опустить, он описывает не существо ситуации, а её фон В предложении с глаголом *очутиться* (модель управления *кто очутился где*) этого сделать нельзя, так как компонент *на поляне* является полноправным участником ситуации.

* * *

Существует около тысячи определений понятия предложения. Слово и предложение — два полюса языка. Обе эти единицы интуитивно понятны, но трудно определимы.

ТЫСЯЧА СМЫСЛОВ

Приведённая в задаче фраза имеет более тысячи смыслов. От вас требуется, во-первых, найти в составе фразы неоднозначные фрагменты, во-вторых, учитывая их неоднозначность, подсчитать общее количество смыслов фразы. Однако определить общее число, просто перемножив разные смыслы фрагментов, нельзя: не все они совместимы.

Вот основные неоднозначные фрагменты фразы, не вызвавшие сомнений ни у кого из носителей русского языка.

В условии дано простое предложение со сказуемым, выраженным глаголом *заменят.* При нем обязательно должны быть выражены подлежащее и прямое дополнение, кроме того, возможно и косвенное дополнение со значением адресата: *заменят кому-либо.* Адресат может вычленяться семью способами, включая его нулевое выражение: (*его* (*любимой* (*и милой* (*дочери* (*Марии*))))) или (*знакомой из Киева*).

Для каждого из этих семи способов возможны четыре способа понимания подлежащего и прямого дополнения. Во-первых, и подлежащим, и дополнением может быть как именная группа слева от сказуемого, так и именная группа справа от него. Во-вторых, при сказуемом в отрицательной форме прямое дополнение может стоять как в винительном, так и в родительном падеже, поэтому формы *письма* и *фотографии* в роли прямого дополнения могут пониматься и как винительный падеж множественного числа, и как родительный падеж единственного числа.

В именной группе слева от сказуемого содержатся неоднозначные сочетания двух типов: 1) *письма знакомой* (чьи? или кому?); 2) *письма из Киева* или *знакомой из Киева.* В части предложения справа от сказуемого можно выделить следующие неоднозначные словосочетания: 1) *дочери Марии — дочери* (чьей?) *Марии* или *дочери по имени Мария;* 2) *любимой и милой дочери — (любимой и милой) дочери* или *(любимой) и (милой дочери);* 3) слово его может относиться и только к ближайшему слову *любимой,* и ко всей последующей группе слов; 4) конструкция *фотографии X* имеет три смысла: а) 'фотографии, которые сделал X', б) 'фотографии, которые имеет X', в) 'фотографии, на которых изображен X'.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ДЕРЕВЬЯ

Задание 1, несложное для лингвиста, может оказаться трудным для школьника, изучавшего традиционную грамматику. Он привык рассматривать в качестве вершины предложения скорее подлежащее, чем сказуемое, и не упорядочивать по тесноте связи зависимые от сказуемого члены предложения.

Основные признаки построения схем:

1) номера узлов схемы соответствуют порядковым номерам членов предложения;

2) существительное с предлогом является одним членом предложения;

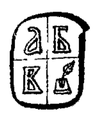
3) в вершине схемы — сказуемое;

4) номера главных слов в каждом словосочетании располагаются выше номеров зависимых и соединяются с ними стрелкой (линией);

5) члены предложения, зависимые от сказуемого, располагаются слева направо в следующем порядке: подлежащее, дополнения, обстоятельство.

Ответ на задание 2 можно представить в виде таблицы, отражающей соответствующие предложениям схемы.

Предложения	1	2	3	4	5	6
Схемы	а, б	ж	в, е	б, д	в, г, д	а, ж



СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ЧАСТЬ + ЧАСТЬ

Предложение может содержать информацию не об одной, а о нескольких ситуациях, так или иначе связанных между собой. Если в таком предложении есть несколько грамматических основ и, следовательно, несколько частей, напоминающих по форме простые предложения, его называют *сложным.* О том, что сложное предложение — целостная единица, а не продукт соединения простых предложений, писал русский языковед Василий Алексеевич Богородицкий (1857—1941).

Части сложного предложения связаны между собой особым образом. и если мы внимательно присмотримся, то сможем увидеть нечто уже знакомое. Например, части предложений *«Дверь тихонько отворилась, и царевна очутилась в светлой горнице»* (А. С. Пушкин); *«Не хочу учиться, а хочу жениться»* (Д. И. Фонвизин) связаны между собой тем же способом, что и словоформы в словосочетаниях *красное и белое; не ради славы, а ради правды,* т. е. с помощью сочинительных союзов и особой интонации. И связь такая же — сочинительная.

В сложных предложениях *Мы опоздали, потому что долго не было автобуса; Я прочитал рассказ, в котором говорится о море,* как и в словосочетаниях *опоздали из-за автобуса, рассказ о море,* связь между частями подчинительная. Связь может выражаться и без союзов, с помощью одной только интонации, как между частями сложных предложений *Солнце встало, запели птицы; Я вспомнил: это случилось летом; Ты говоришь — я молчу,* так и между формами слов: *яблоки, груши, черешня; пойду принесу.* В зависимости от того, какой из трёх типов связи используется, сложные предложения делятся на *сложносочинённые, сложноподчинённые* и *бессоюзные.*

Российский синтаксист Вера Арсеньевна Белошапкова (1917—1996) заметила сходный характер связей между частями словосочетания и частями сложного предложения и назвала это явление *изоморфизмом* (от *греч.* «isos» — «равный» и «morphe» — «форма»).

СОЮЗНО И БЕССОЮЗНО

Как-то раз приятели договорились поиграть в футбол, но пошёл дождь. Мама, которая не хочет, чтобы сын промок, может выразить свою заботу разными способами: *Идёт дождь,* ***так что*** *ты остаёшься дома; Идёт дождь,* ***и*** *ты остаёшься дома; Идёт дождь — ты остаёшься дома; Идёт дождь, ты остаёшься дома.*

Чем отличается предложение *Идёт дождь,* ***так что*** *ты остаёшься дома* от предложения *Идёт дождь — ты остаёшься дома?* Тем, что в одном случае присутствует подчинительный союз, а в другом нет. А по содержанию? Очевидно, что с помощью обоих вариантов говорящий мог бы выразить отношение следствия, усматриваемое им между двумя ситуациями (прогулкой и дождём).

Чем отличается предложение *Идёт дождь,* ***и*** *ты остаёшься дома* от предложения *Идёт дождь, ты остаёшься дома?* Тем, что в одном случае употреблён сочинительный союз, а в другом — нет. А содержание? Оба варианта позволяют говорящему представить описываемые ситуации рядоположенными. Но разве слушатель не может здесь усмотреть также следственные отношения? Конечно, может. Но ведь может и не усмотреть!

Говорящий с помощью языка-кода передаёт информацию, слушающий должен её раскодировать и понять мысль говорящего. Добросовестный говорящий (или говорящий, у которого много свободного времени) может тщательно кодировать всё вплоть до мелочей. Обычный говорящий (или говорящий, у которого мало времени) предпочитает использовать символы с широким содержанием. И обычному слушающему этого бывает достаточно, чтобы понять суть.

Значимое отсутствие союзов и союзных слов — символ с широким содержанием, союзы и союзные слова — символы с более узким содержанием. Поскольку в бессоюзном сложном предложении средства связи лексически

ДВА ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА

Изучая язык как средство общения, мы можем двигаться в двух направлениях: либо от языка к общению, либо от общения к языку.

Первый подход, который изучает систему языка, его единицы и правила их сочетания, называют *ф о р м а л ь н ы м.* С этой точки зрения синтаксис, например, изучает, как из слов строятся словосочетания и предложения. Второй подход, *к о м м у н и к а т и в н ы й,* задаётся вопросами: с какой целью мы используем те или иные средства языка и как ситуация общения влияет на наш выбор средств выражения своей мысли? Тогда, говоря о синтаксисе, нужно учитывать и цель говорящего (сообщить информацию, произвести хорошее впечатление, напугать), и характер взаимоотношений говорящего и слушающего, и уровень образованности и осведомлённости каждого из них, и настроение, и наличие свидетелей, и шум в помещении, и время, которым располагают собеседники, и многое другое. Все эти факторы влияют на состав предложения, сложность синтаксической конструкции, выбор слов для её наполнения.

Смысл предложения зависит от ситуации.

Формальный путь имеет гораздо более длинную историю, а его сторонники достигли немалых успехов. Основное его достоинство — строгость, возможность делать обобщённые заключения без учёта всего множества конкретных ситуаций. Например, можно успешно провести синтаксический анализ совершенно бессмысленного предложения: *«Бесцветные зелёные мысли яростно спят»* (пример Ноама Хомского), *«Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка»* (пример Льва Владимировича Щербы). По знакомым окончаниям и порядку слов легко догадаться, где какие члены предложения и чем они выражены.

Красота и стройность формального синтаксиса (и формальной морфологии) породила в душах лингвистов 50-х гг. XX в. мечту о компьютерах, способных свободно переводить тексты с одного языка на другой. И учёным, действительно, удалось достичь многого. Главным достижением исследований по машинному переводу стали... новые знания о структуре языка. В частности, оказалось, что синтаксические единицы гораздо в большей степени пронизаны семантикой и прагматикой (целью высказывания), чем казалось раньше. Успех с *глокой куздрой* удаётся повторить далеко не всегда.

Возьмём такое искусственное предложение из двух частей: *Бынкая марко покурела дурча* (А) *и дмякнула туком в крыню* (Б). Первую часть (А) можно интерпретировать очень многими способами: *Больная сердито пожурила врача; Больная обиженно потела ворча; Больная фламинго пожевала урча; Глотая молоко, похудела кляча* и даже *Толстая, легко похудела кляча.* Вторая часть тоже неоднозначна: *стукнула кулаком в физиономию, выскользнула бочком в приёмную или махнула вечерком в деревню.*

Опыты с машинным переводом наглядно показали, что лишь в редких случаях смысл предложения равен сумме значений составляющих его слов. Реально же для правильной интерпретации предложения нужно знать ситуацию общения, в которой оно родилось. Есть множество вопросов, ответ на которые невозможно найти в рамках формального подхода.

Вот только некоторые из них. Почему, например, одну и ту же информацию можно передать с помощью разных слов и конструкций: *Моя хата с краю, ничего не знаю; Своя рубашка ближе к телу; Двое дерутся — третий не мешайся; У меня своих неприятностей хватает, в ваши дела лезть не хочу; Вы уж как-нибудь сами разбирайтесь, меня в это дело не впутывайте?* Как же мы выбираем один вариант из множества возможных?

Ещё вопрос: от чего зависит степень сложности выбранной синтаксической конструкции? С одной стороны, интеллектуально развитый человек должен быть способен понять и описать ситуацию со сложными взаимоотношениями её компонентов. Не случайно учителя, проверяющие сочинения и изложения, порицают примитивный синтаксис типа *Моя бабушка живёт в деревне. Я был ле-*

не представлены, взаимоотношения между его частями можно толковать широко и неоднозначно. А в составе союзного сложного предложения есть специальная лексема-связист, и это позволяет значительно сузить диапазон вариантов при толковании, а иногда и свести его к одному толкованию — конкретному и однозначному.

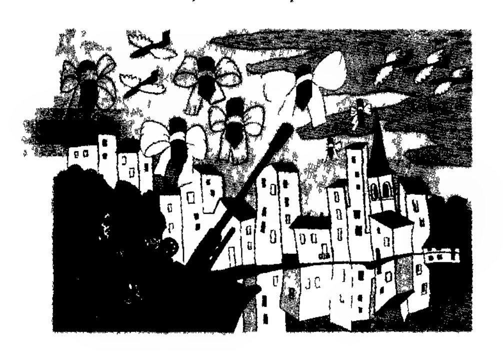
В нашем случае исчерпывающе конкретным будет вариант *Идёт дождь,* ***так что*** *ты остаёшься дома,* в котором союз выражает отношение следствия. А вот в бессоюзном варианте *Идёт дождь, ты остаёшься дома* наряду с этим отношением можно при желании усмотреть и другие, например причины ('так как идёт дождь, ты остаёшься дома'), условия ('если идёт дождь, ты остаёшься дома') или времени ('когда идёт дождь, ты остаёшься дома').

У каждого говорящего свои предпочтения. Если вы любите выражать свои мысли чётко и конкретно, союзные сложные предложения, безусловно, ваш лингвистический инструмент. Если же во взаимоотношениях двух или более ситуаций вы склонны видеть многообразие возмож-

том у бабушки в деревне. Там я увидел много интересного... С другой стороны, человеческий мозг не воспринимает чересчур сложные структуры, поэтому предложения не должны быть слишком длинными или запутанными. У Л. Н. Толстого или Н. Г. Чернышевского бывают предложения, занимающие добрую страницу, и читателю приходится их перечитывать несколько раз. В теории синтаксиса существует гипотеза глубины американского лингвиста Виктора Ингве, согласно которой синтаксическое дерево не может ветвиться бесконечно

Или такая, например, проблема Система языка — совершенный инструмент для передачи смысла, однако в живом общении, как показывают исследования, мы используем ее возможности не в полную силу: все, что непосредственно связано с происходящим, мы не столько слышим, сколько угадываем. Человек может говорить с грамматическими ошибками, глотать окончания, пропускать и путать слова, но в большинстве случаев мы его прекрасно понимаем.

С точки зрения коммуникативного подхода интересны случаи, когда одна и та же мысль выражается по-разному в зависимости от позиции говорящего. Например, предложения *Ваш паршивец опять разбил моё окно!* и *Мы немножко поиграли в футбол...* могут описывать одну и ту же ситуацию. Чешский писатель Карел Чапек придумал замечательный пример, иллюстрирующий эти различия *«Коварный враг подло обстрелял наши бомбардировщики, мирно сбрасывавшие бомбы на его столицу»*. Выбирая те или иные речевые средства, мы изменяем оценку событий; эта способность активно используется в пропаганде и рекламе (см. статью «Язык и власть»)



ХО-ХО

Несчастье посетило Эллочку в тот радостныи вечер, когда она примеряла очень миленькую крепдешиновую кофточку В этом наряде она казалась почти богинеи

— Хо-хо, — воскликнула она, сведя к этому людоедскому крику поразительно сложные чувства, захватившие ее

Упрошенно чувства эти можно было бы выразить в следуюшей фразе «Увидев меня такои, мужчины взволнуются Они задрожат Они поидут за мнои на краи света, заикаясь от любви Но я буду холодна Разве они стоят меня? Я самая красивая Такои элегантнои кофточки нет ни у кого на земном шаре»

Но слов было всего тридцать, и Эллочка выбрала из них наиболее выразительное — «хо-хо»

В такои великий час к неи пришла Фима Собак Она принесла с собой морозное дыхание января и французскии журнал мод На первои странице Эллочка остановилась Сверкаюшая фотография изображала дочь американского миллиардера Вандербильда в вечернем платье Там были меха и перья, шелк и жемчуг, необыкновенная легкость покроя и умопомрачительная прическа Это решило все

— Ого! — сказала Эллочка сама себе

Это значило «Или я, или она»

(Из произведения И Ильфа, Е Петрова ‹Двенадцать стульев›)

* * *

Долгое время лингвисты считали, что синтаксис нужно изучать просто как некоторую структуру, не обращая внимания на все, что имеет хоть какое-то отношение к реальному миру. Однако постепенно выяснилось, что этот подход сильно обедняет наши представления о языке. Оказалось, чем более сложные единицы языка мы изучаем, тем важнее их смысл и контекст, в который они вовлечены. А поскольку такой метод изучения языка ещё сравнительно молод, основные открытия на этом пути, видимо, впереди.

ностей — специально для вас существуют бессоюзные сложные предложения

СОЮЗНОЕ СЛОВО — НЕ СОЮЗ!

В сложноподчиненных предложениях следует отличать союзное слово от союза Правило такое союзные слова являются членами предложения, а союзы — нет

Например, в предложениях с придаточными условия, причины, следствия и цели любое союзное средство — союз В предложениях с придаточным определительным средство связи — союзное слово *Мы приехали в город,* ***который*** *нас давно манил* А вот в изъяснительных придаточных возможны оба средства *Я знаю,* ***что*** (союз) *я видел во сне себя, Не припомню,* ***чтобы*** (союз) *я видел кого-то из знакомых, К сожалению, я забыл,* ***что*** *именно* (союзное слово) *я видел, Я не запомнил,* ***куда*** (союзное слово) *я ходил, Совсем забылось,* ***зачем*** *я туда пошел,* ***с кем*** *встречался,* ***о чем*** *мы разговаривали* (союзные слова), *Мне чудилось,* ***будто*** (союз) *я летал*

СОЧИНЯЕМ ИЛИ ПОДЧИНЯЕМ?

В чём отличие сочинения и подчинения? Можно сказать, что сложносочинённые и сложноподчинённые предложения — это два разнотипных свидетельства внутреннего диалога, который автоматически ведётся в мозгу человека, намеревающегося что-то сказать. Когда говорящий сопоставляет *(Маша мыла посуду, **а** я убирал в комнате)*, ставит в один ряд *(**И** Маша трудилась, **и** я не бездельничал)*, выделяет из ряда *(**Не только** вымыты были чашки, **но и** вся посуда поставлена на место)*, взаимоисключает *(**Или** ты моешь пол, **или** я ухожу)*, противопоставляет *(Мама предлагала нам свою помощь, **но** мы отказались)* или как-то иначе логически соединяет описываемые в сложном предложении ситуации, он разворачивает повествование «горизонтально», сочинительно. А когда говорящий видит одну из ситуаций так, будто она поясняет другую, как бы отвечая на вопросы: что? какой? как? почему? с какой целью? и другие, то повествование строится «вертикально», подчинительно: *Мы с сестрой решили, **что** уборка — лучший подарок маме. Сначала мама не знала, **какой** сюрприз её ожидает. И она поинтересовалась, **почему** мы не идём гулять. **Хотя** нам очень хотелось побегать на улице, мы сидели и ждали, **когда** мама уйдёт в магазин.*

На тот факт, что в основе сочинения и подчинения лежат разные типы диалога, первым обратил внимание известный языковед Сергей Осипович Карцевский (1884—1955), работавший сначала в России, а затем в Швейцарии.

* * *

Итак, мы видим — в мире синтаксиса происходит то же самое, что мы уже наблюдали в фонетике, лексике, словообразовании, морфологии. Для того чтобы выразить нужный смысл, мы подбираем подходящие единицы языка и соединяем их между собой по особым правилам. Но только теперь, с высоты синтаксиса, становится понятно, для чего существуют звуки и морфемы, слова и грамматические формы.

ПРИНЦИПЫ РУССКОЙ ПУНКТУАЦИИ

Знаки препинания (запятые, тире, двоеточия и др.) появились намного позже, чем была изобретена письменность. Без пунктуации (от *лат.* punctum — «точка») люди прекрасно обходились если не тысячи, то сотни лет. Зато современный человек вынужден тратить годы на овладение этой премудростью.

А может быть, напрасно? Конечно, не обойтись без пробелов — их важность воспета даже школьным фольклором: *Наполеонпосеяллён, полякипелижуравлями.* Но если все пробелы — на месте и правила орфографии соблюдены, кажется, и без знаков препинания всё будет понятно: *брат и сестра были поразительно похожи оба худые и высокие только если Настя была просто невзрачной то Саша откровенно некрасивым.*

Однако случаи, когда знаки препинания необходимы, не исчерпываются знаменитым *Казнить нельзя помиловать.* Предложения, понять которые однозначно можно только с помощью знаков препинания, встречаются в речи довольно часто· *Положи свои вещи! — Здесь? — У бабушки в шкафу, на нижней полке. — Места нет; Положи свои вещи здесь, у бабушки. В шкафу на нижней полке места нет; Положи свои вещи здесь, у бабушки, в шкафу. — На нижней полке? Места нет!*

Когда дети учатся писать, то начинают с отдельных слов. Кажется, научись записывать слова — и воспроизвести на бумаге произнесённое предложение будет легко. Однако в речи кроме слов есть ещё интонация, логическое ударение, тембр голоса, выразительное протягивание гласных. Если необходимо передать сухую инфор-

мацию, можно обойтись простейшей записью слов (например, в телеграмме). Но чтобы записать выразительную, эмоциональную речь, передать настроение, автору придётся либо стать невыносимо многословным (ведь каждый вздох, слёзы в голосе, изумлённо поднятая бровь должны быть описаны словами), либо потерять слишком многое.

Можно сказать, на попытке преодолеть оковы письменной речи выросла вся художественная литература. Пишущие всегда искали способ ввести в текст дополнительную информацию, которую нельзя, да и не нужно выражать словами, ведь она касается высказывания в целом. Так появились знаки препинания, своеобразный комментарий к тексту.

Поскольку комментарий к собственному тексту — вещь достаточно индивидуальная, правила пунктуации оставляют гораздо больше свободы, чем правила орфографии. Но есть случай, когда излишняя вольность будет только мешать: например, при обозначении знаками препинания связей в предложении. Школьников обучают только обязательной, нормативной пунктуации — вероятно, потому она и кажется такой скучной... А ведь знаки препинания могут стать средством выражения состояния пишущего, как, например, у Евгения Замятина в «Мы»: «*Не записывал несколько дней. Не знаю сколько; все дни — один. Все дни — одного цвета — жёлтого, как иссушенный, накалённый песок, и ни клочка тени, ни капли воды, и по жёлтому песку без конца*».

САМЫЕ ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

Передать на письме оттенки смысла гораздо сложнее, чем обозначить звуки. Неудивительно поэтому, что правил пунктуации гораздо больше, чем орфографических. И требований к пишущему они предъявляют больше. Просто выучить их бесполезно, нужно понимать, в каких условиях какой знак препинания выбрать, т. е. знать основные *принципы пунктуации*. Некоторые из них так очевидны, что мы о них никогда не задумываемся. Например, такой: знаки препинания никогда не ставятся внутри слова, их «вотчина» — предложение.

Ещё один принцип, который разумный школьник усваивает после первых же диктантов: при расстановке знаков препинания не следует руководствоваться интонацией.

Первые теоретики пунктуации (М. В. Ломоносов, Н. Г. Курганов, А. А. Барсов) были уверены, что расстановка знаков препинания зависит прежде всего от интонации. В XX в. у *интонационной теории* появился горячий и талантливый сторонник — А. М. Пешковский. Он отстаивал идею о первостепенной значимости живой, звучащей речи и считал знаки препинания лишь

НЕМНОГО ИЗ ИСТОРИИ ПУНКТУАЦИИ

Препинания служат к изъяснению смысла в письме и ко избежанию всякого противного толкования. Оные препинания ставятся по силе разума и по его расположению и союзам.

(Н. Г. Курганов. «Письмовник, содержащий в себе науку российского языка, со многим присовокуплением разного учебного и полезнозабавного вещесловия».)

Большая часть пишущих ставят первый попавшийся под перо их знак и притом нимало не заботясь, будет ли он у места или нет. Некоторые хотя и ставят знаки не без разбору, но постигнуть правила, коими они руководствуются при поставлении знаков, невозможно.

(Е. Филомафитский. «О знаках препинания вообще и в особенности для российской словесности».)

Прообразы знаков препинания попадаются уже в новгородских берестяных грамотах. Часто начало письма означал крест; изредка встречается осмысленное употребление точек (они ставились между словосочетаниями, хотя и не вполне регулярно).

По-настоящему система пунктуации сформировалась только после распространения книгопечатания. Из печатных изданий знаки препинания в современном смысле этого слова постепенно проникали и в рукописные тексты. А уже в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова есть целый раздел, посвященный «строчным знакам», т. е. знакам препинания.

Со временем число знаков препинания увеличивалось. Ломоносов писал о точке, вопросительном и «удивительном» знаках, о запятой, точке с запятой и «двух точках», о «вместительном» (скобки) и «единительном» (дефис) строчных знаках. В конце XVIII в. в книгах появляются тире, кавычки и многоточие. Тире («черту») первым стал употреблять Н. М. Карамзин. В последних изданиях «Письмовника» Николая Курганова (1725—1796) к знакам препинания были причислены «примечательный» (подчёркивание или шрифтовое выделение) и «отменительный» (кавычки). В 1797 г. в грамматике Антона Барсова (1730—1791) уже описаны тире («молчанка»), кавычки («вносный» знак), звёздочка («примечательный») и параграф («статейный»). Позже в особых случаях стали использовать комбинацию вопросительного и восклицательного знаков, вопросительного знака и многоточия, восклицательного знака и многоточия.

Интересно, что со времен Кирилла и Мефодия новых букв практически не изобрели, некоторые даже отменили. А вот знаки препинания изобретают. Может быть, в XXI столетии еще что-нибудь появится?

Комментарии пишущего к своему тексту всегда индивидуальны

отражением её ритмомелодической структуры. Современные лингвисты не согласны с этим. Письменный текст, считают они, не копия разговорной речи, он создаётся по иным законам, иначе воспринимается. Основное назначение пунктуации — передавать логику предложения, связь между его частями. Впрочем, поскольку интонация тоже связана со строением предложения, очень часто знаки препинания передают и её. Точка выражает интонацию законченного утвердительного высказывания. Вопросительный знак призывает нас выбрать между двумя разновидностями вопросительной интонации. Восклицательный говорит либо о специфической интонационной конструкции (типа *Как я люблю море!*), либо о наличии в предложении эмоционально выделенных элементов (типа *Я* ***ненавижу*** *этого ябеду!*). Многоточие указывает на интонацию незавершённости, даже если грамматически предложение является законченным. Пунктуация передаёт интонацию часто, но не всегда. Если не помнить об этом, трудно удержаться и не поставить запятую в таком, например, предложении: *Ветер по морю* ***гуляет*** *и кораблик* ***подгоняет*** (А. С. Пушкин). Интонация просто толкает под локоть: поставь запятую. А структура предложения — против: здесь *гуляет* и *подгоняет* — однородные сказуемые, соединённые союзом ***и***.

ПОЭТ И ТОЧКИ

Для обозначения пропуска слов в тексте часто используют точки. Одна из поэм Владимира Маяковского из-за цензуры вышла из печати с большими купюрами в конце. Пропуски были отмечены рядами точек, а в тексте знаков препинания почти не было. Казалось, Маяковский просто выставил все пропущенные знаки в конце текста.

Важнейший принцип пунктуации связан со структурой предложения: знаки препинания отмечают начало и/или конец синтаксической единицы (предложения, словосочетания, слова), но не всякой подряд, а только той, которая чем-то выделяется среди своих соседей. Особенной может быть её функция, состав или позиция.

Почему в конце предложения ставится точка? Потому, что законченное предложение — это особая структура. Запятая между частями сложного предложения отделяет друг от друга специфические по структуре синтаксические единицы. Правило об обособлении определительного оборота учитывает функцию (выполняет роль определения), состав (наличие прилагательного или причастия, зависимых слов) и позицию соответствующей синтаксической единицы.

С этим основным принципом тесно связан другой: при выборе знака препинания следует учитывать не только его способность отмечать синтаксическую конструкцию, но и собственное значение знака.

ЗНАЧЕНИЯ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ

Собственные значения знаков препинания складывались в течение столетий. Всё случайное и неудачное отсеивалось, всё лучшее закреплялось в творчестве тонко чувствующих письменный текст авторов, в практике серьёзных издательств, в которых работали столь же тонко чувствующие значимость пунктуации редакторы (подробнее об этом см. в очерке «Знаки препинания»).

Многие считают, что *точка* всегда стоит в конце предложения, а оно, как учат в школе, выражает законченную мысль. Но рассмотрим такое, например, предложение: *В магазине Павлик сразу увидел этот мяч. Большой. Чёрный. Сшитый из кожаных шестиугольничков. Мяч, о котором он так мечтал. Который даже видел во сне.* Судя по грамматической структуре, предложение здесь одно. Вместо пяти точек можно поставить пять запятых.

Откуда же эти «незаконные» точки? На самом деле точка стоит не там, где действительно кончается предложение, а там, где пишущий хочет сказать: «Я сообщил вам всё, что считал нужным. Можете обдумать моё сообщение». Однако нормативная пунктуация разрешает делать подобные «заявления» только в конце предложения. Всё остальное — авторские вольности.

Многоточие — своеобразный антоним точки. Его ставят, когда хотят сказать: «Я сообщил вам ещё не всё, что знаю. Подумайте сами,

что можно добавить к сказанному (или что произошло потом)». *«Он был необычайно, необычайно талантлив, но вы знаете, как это делается в молодости... Побыстрее, посмешнее — тяп-ляп, и так сойдёт... Да-с...»* (А. и Б. Стругацкие).

Другое значение многоточия — 'Я сообщил вам ещё не всё, что знаю. Я подумаю и, возможно, добавлю что-нибудь ещё'. *«Граф Калиостро — это совсем не то же самое, что великий Бальзамо. Это... как бы вам сказать... Это не очень удачная его копия. Бальзамо в юности сматрицировал себя»* (А. и Б. Стругацкие).

В многоточии кроются два оттенка — незаконченности и неуверенности; в текстах они могут появляться как вместе, так и порознь. Кроме того, с помощью многоточия обозначают пропуски в тексте.

Вопросительный знак тоже противопоставлен точке, но совсем иначе. Точка обозначает конец сообщения, но не предлагает собеседнику немедленно на него реагировать. А вот вопросительный знак требует ответа. В устной речи ему соответствуют особого рода интонация и вопросительные слова, как, например, у К. И. Чуковского.

«Перед тем как купить у захожей торговки груши, яблоки или, скажем, черешни, она простодушно спрашивала:

– А они хорошие? — Хорошие, мадамочка, хорошие!

Узнав у торговки цену, мама задавала ей новый вопрос:

— А это не дорого? – Не дорого, мадамочка, не дорого!

Когда же торговка отвешивала маме товар на сомнительных весах, мама спрашивала:

-- А весы у вас верные? -- Верные, мадамочка, верные!».

Если пишущий ставит в конце предложения *восклицательный знак*, он показывает, насколько сильно его волнует содержание собственного высказывания. В этом смысле восклицательный знак противопоставлен и точке, и многоточию, и вопросительному знаку: *«— Погодите! — вскричал я. — Орла! Орла заберите! Вместе с запахом!»* (А. и Б. Стругацкие).

Запятую ставят, когда хотят сказать: «Я ещё не закончил своё сообщение, читайте дальше». С одной стороны, запятая противопоставлена точке (сообщение не закончено), с другой — многоточию (пишущий не намерен прерывать своё сообщение). Запятые — это своеобразные крючки, за которые цепляются связанные воедино замыслом автора текста фрагменты предложения. Так что они не столько обособляют или выделяют, сколько объединяют.

Точка с запятой, своеобразный синоним и запятой, и точки, противопоставлена им обеим. Значение этого знака можно определить так: «Я закончил существенную часть своего сообщения. Вам уже есть над чем подумать. Однако я сообщил ещё не всё, читайте дальше». Вот как точку с запятой использует А. С. Пушкин:

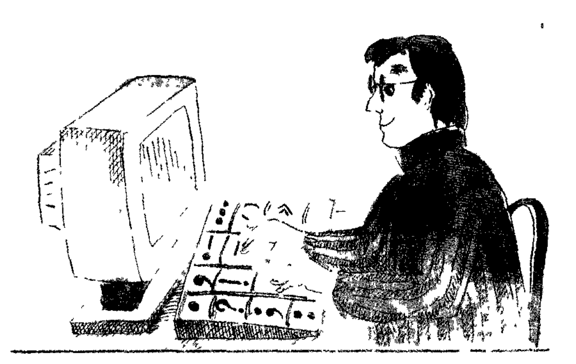
> *Королевич зарыдал*
> *И пошёл к пустому месту,*
> *На прекрасную невесту*
> *Посмотреть ещё хоть раз.*
> *Вот идёт; и поднялась*
> *Перед ним гора крутая;*
> *Вкруг неё страна пустая;*
> *Под горою тёмный вход.*

Точку с запятой нередко употребляют вместо запятой, если соединяемые ею части слишком распространённые, сложные по структуре. Таких примеров множество в текстах Л. Н. Толстого.

Двоеточие ставят, если хотят сказать: «Я собираюсь пояснить сделанное сообщение». Этим объясняется и употребление двоеточия перед рядом однородных членов после обобщающего слова, в бессоюзном предложении перед второй частью, которая поясняет или дополняет первую либо указывает причину, и перед прямой речью: *«Я выглянул из кибитки: всё было мрак и вихорь»*; *«Читатель извинит меня: ибо, вероятно, знает по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам»* (А. С. Пушкин).

Тире не только многозначно, но даже имеет омонимы. Тире ставят, например, если хотят показать, что в сообщении есть пропуск каких-то слов. В этом значении тире используют в неполных предложениях: *«Татьяна — в лес, медведь — за нею»* (А. С. Пушкин). Часто тире отмечает опущенную глагольную связку:

> *Замечу кстати: все поэты —*
> *Любви мечтательной друзья.*



К тому же значению восходит и тире, обозначающее интервал: *Памятников древнерусской письменности XI—XIV вв. почти не сохранилось. Сведения об этом вы найдёте в §1—3.*

Совсем иной знак — тире в значении чередования. Его ставят, если хотят указать, что в диалоге сменился автор реплики или что от прямой речи перешли к обычному тексту: «*— А почему ехать мне вправо? — спросил ямщик с неудовольствием. — Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой. — Ямщик казался мне прав. „В самом деле, — сказал я, — почему думаешь ты, что жильё недалече?“ — „А потому, что ветер оттоле потянул, — отвечал дорожный, — и я слышу, дымом пахнуло; знать деревня близко*“» (А. С. Пушкин).

Возможно, именно к этому значению восходит использование тире, которым обозначают варианты названия: *признак определённости — неопределённости; закон Бойля — Мариотта.* Тире может указывать, что варианты не просто равноправны, но тождественны: *Он всерьёз увлёкся моей матерью — женщиной яркой и талантливой.* Как ни странно, значение противоположности тоже часто обозначается этим знаком: *Я мрачен — ты весел, я счастлив — ты зол.*

И, наконец, тире в значении следования. Тире ставится, если нужно отметить, что одно событие следует за другим — обычно внезапно, даже вопреки ожиданиям: *Он медленно, стараясь не показывать животному своего ужаса, отступал к двери — и вдруг упал, споткнувшись о какой-то сучок; все замерли.* Иногда событие происходит не внезапно, а закономерно, будучи следствием предыдущего: *Делаем общее дело — незачем ссориться да выяснять, кто главный; Хочешь есть — работай со всеми.* Это своеобразный антоним предыдущему значению.

Может быть, именно из-за многозначности тире любят поэты и писатели, превращая его в главное средство авторской пунктуации.

Кавычки ставят, когда заключённое в них высказывание принадлежит не автору. Чаще всего их используют, чтобы обозначить границы прямой речи или цитаты. Иногда в кавычки заключают слова, от которых пишущий хочет «откреститься», или общепринятое, но не совсем точное, не слишком удачное обозначение. Сравните: *Лидер партии заявил, что страна стонет под гнётом «преступных правителей, продавшихся врагам», и обещал исправить положение, как только его изберут президентом; Мой приятель подался в «коммивояжёры» — торгует какими-то пятновыводителями.* Благодаря способности подчёркивать непрямое значение слов и выражений кавычки часто становятся знаком иронического отношения к обсуждаемому предмету: *Такие «спасители Отечества» могут довести нас до серьёзной беды.*

Запятая означает, что сообщение еще не закончено.

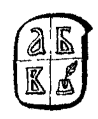
В *скобки* ставят высказывание, несущее не основную, а дополнительную информацию.

Если присмотреться внимательно, то можно заметить, что кроме обычной запятой существует и знак *две запятые* (или *парная запятая*), выделяющий синтаксические конструкции с обеих сторон. Во многом сходен с ним знак *два тире (парное тире).* Эти знаки кроме обычного значения запятой и тире ещё и выделяют в предложении какую-то конструкцию (этим они похожи на скобки). В испанском языке, например, парность является обязательной для... вопросительного и восклицательного знаков: они должны стоять не только в конце, но и в начале вопросительного (восклицательного) предложения, причём в начале — в перевёрнутом виде: *¡Saludo!*

Если две запятые только выделяют конструкцию, то тире и в особенности скобки ещё указывают на относительную оторванность содержания выделенной единицы от смысла всего предложения.

По функции похожа на знак препинания *заглавная буква* в начале нового предложения: по сути дела она такой же символ начала высказывания, как точка — символ финала. Правильнее было бы говорить о знаках: «прописная + точка», «прописная + многоточие», «прописная + вопросительный знак», «прописная + восклицательный знак».

Во времена М. В. Ломоносова «строчным знаком» (так называли знаки препинания) считался и дефис. Он показывает, что два слова составляют единое понятие *(гоголь-моголь, студент-заочник),* т. е. его функции отличаются от функций других знаков. Впрочем, тире в некоторых своих значениях похоже на дефис.



Недаром часть пишущихся через дефис приложений *(русист-профессионал)* при наличии зависимых слов пишется через тире *(Лекции читал русист — настоящий профессионал).*

Если выйти за рамки предложения, то на роль знака препинания мог бы претендовать и параграф (§), и шрифтовые выделения заголовков или других фрагментов текста, и рамки, и расположение текста на странице.

СОЧЕТАНИЯ ЗНАКОВ, ИЛИ КТО КОГО СЪЕСТ?

До сих пор шла речь о значении и функциях каждого знака препинания в отдельности. Но знаки могут встретиться в одной и той же позиции. Тогда становится ясно, что система знаков препинания устроена иерархически: «младшие» знаки всегда должны уступать место «старшим».

Знаки, обрамляющие высказывание (точка, многоточие, вопросительный и восклицательный знаки), никогда не встречаются со знаками, отделяющими структурно равноправные фрагменты предложений (запятой, точкой с запятой, двоеточием и тире), потому что последние не могут оказаться на границе высказывания. А вот оказаться в одной позиции с парными знаками (две запятые, два тире и скобки), которые обрамляют слова и словосочетания (скобки и кавычки могут обрамлять и высказывание), могут и точка с её компаньонами, и запятая или любой другой отделяющий знак.

Точка и другие знаки той же группы являются обязательными, и потому они могут вытеснить одну из двух запятых и одно из двух тире в конце предложения (в начале предложения в роли «людоеда» выступает прописная буква). «*[⊗Как и полагается демонам Максвелла,] всю свою жизнь они занимались открыванием и закрыванием дверей*» (А. и Б. Стругацкие);

«*Он оглянулся и увидел, что через лужайку [, мучительно переставляя кривые ноги,] изо всех сил бежит Суслик [, держа перед собой в обеих руках высокий стакан с прозрачной смесью⊗]*» (А. и Б. Стругацкие).

Скобки находятся на особом положении. Конструкция, заключаемая в них, обычно стоит в середине или в конце предложения и обрамляющий знак ставится после скобки: *Оказывается, он был понятым, когда полиция делала у Циндилиндера обыск (понятой — это официальный свидетель), и видел своими глазами, как у Циндилиндера под какими-то досками нашли все украденные вещи* (по К. И. Чуковскому).

Если же предложение начинается со скобки, значит, в скобки заключено высказывание целиком, и тогда обрамляющие высказывание знаки оказываются внутри скобок: «*Но вскоре о шаланде проведали и другие мальчишки, такие же бездомные, как и я. Они забирались туда ещё с вечера и, едва только я появлялся, швыряли в меня камнями и комьями глины. (Их было трое, и они были старше меня.) Приходилось ложиться на голый песок, который к утру становился невыносимо холодным*» (К. И. Чуковский).

А вот если конструкция, обрамляемая двумя запятыми или тире, стоит внутри скобок и граничит с ними, то скобки «съедают» пограничный знак: «*Иван Митрофаныч встаёт, берёт с сундука свою мягкую шляпу, накидывает на плечи крылатку (я подаю ему его суковатую палку, которой я давеча стучал по столу⊗) и направляется к двери*» (К. И. Чуковский).

Запятая, точка с запятой, двоеточие и тире отделяют друг от друга структурно равноправные фрагменты предложения (однородные члены, части сложносочинённого и сложного бессоюзного предложения и т. п.) и часто оказываются в одной позиции с выделительными знаками.

САМАЯ ЛАКОНИЧНАЯ ПЕРЕПИСКА

Самая лаконичная в истории переписка состоялась между французским писателем Виктором Гюго и издателем его книги. После того как были отпечатаны «Отверженные», Гюго послал издателю письмо, где стояло только «?», и получил ответ: «!». Так он узнал, что его книга вызвала большой интерес у читателей.

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ

От расстановки знаков препинания может зависеть человеческая жизнь. Всем известна знаменитая фраза *Казнить нельзя помиловать.*

Оказывается, в истории произошел подобный случай. Русской императрице Марии Федоровне удалось переправить запятую в резолюции ее супруга, императора Александра III «*Простить нельзя, отправить в Сибирь*» на: «*Простить, нельзя отправить в Сибирь*». Узник был спасен.

Если запятая встречается с одной из парных запятых, то мы этого не замечаем, просто пишем одну запятую, а вот точка с запятой или двоеточие «съедают» любую из парных запятых, с которой они встретились: *«В первый момент мне показалось [, что все они горят⊗], но затем я заметил, что дым у них идёт из больших конических труб»* (А. и Б. Стругацкие). *«То и дело попадались какие-то люди, одетые только частично: [⊗скажем,] в зелёной шляпе и красном пиджаке на голое тело»* (А. и Б. Стругацкие).

Тире «поглощает» только первую из двух запятых, а со второй прекрасно уживается: *«Говорили они долго — [⊗судя по спидометру,] в течение нескольких лет, — а потом вдруг сразу исчезли, и стало пусто»* (А. и Б. Стругацкие).

«Проглотить» одно из двух тире под силу только точке с запятой и двоеточию. С запятой два тире совместимы: *« — Комментариев не имею, — отвечаю я и перехожу на бег. Но чёрта с два от них оторвёшься: один, с микрофоном, — справа; другой, с фотоаппаратом, — слева»* (А. и Б. Стругацкие).

При встрече двух тире с их ближайшим родственником — тире, — естественно, остаётся только одно тире. Впрочем, встреча тире и тире считается «не вполне приличной», и, если возможно, два тире заменяют запятыми или скобками либо вместо тире ставят запятую, точку с запятой или двоеточие (что больше подойдёт).

Что касается скобок, то они прекрасно уживаются со всеми знаками, и никто никого не «ест»: *«Каждое утро, сунув за пазуху заготовленный с вечера большущий бутерброд с колбасой или салом (который я съедал на ходу), я спускался по откосу к Тимоше — одолевать вместе с ним физику, латынь, древнегреческий»* (К. И. Чуковский).

При всей уживчивости скобок, их сочетание с себе подобными считается неудачным, его избегают. Правда, в научной речи подобные случаи встречаются, тогда пользуются двумя-тремя видами скобок (круглыми, квадратными и даже фигурными): *Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе — это науке неизвестно (см. «Успехи марсологии» [Тома 246, 247 {вып. 3}]).*

Запятые с запятыми мирно сосуществуют, но в предложениях, где слишком много выделительных запятых, принято заменять некоторые из них на два тире, чтобы конструкции не путались друг с другом. Если же замены не происходит, то в некоторых случаях современные правила русской пунктуации предусматривают исчезновение двух запятых вокруг конструкции, стоящей на границе другой выделенной конструкции. Так, в «Справочнике по правописанию и литературной правке» Д. Э. Розенталя говорится: «Если вводное слово стоит в начале или в конце обособленного оборота, то никаким знаком от оборота оно не отделяется. Например: *«А Пётр Петрович, по крайней мере по многим признакам, человек весьма почтенный»* (Ф. М.Достоевский); *Посреди поляны росло большое дерево, судя по всему вяз.*

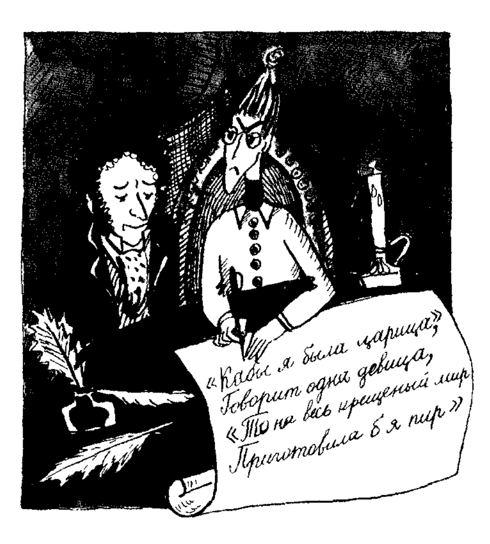
Знак парное тире «съедает» первую из двух запятых, но спокойно совмещается со второй.

КТО В ТЕКСТЕ ХОЗЯИН?

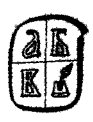
Об авторской пунктуации ходит много легенд, особенно среди абитуриентов. Самое частое заблуждение — считать, будто бы любую пунктуационную ошибку можно объяснить авторской пунктуацией, но М. Горькому или М. Цветаевой такое прощают, а бедным школьникам и абитуриентам — нет. Так какие же авторские вольности допускаются законами пунктуации?

Главное право автора — выбирать между возможными вариантами расстановки знаков. *«А сейчас эта надежда — уже не надежда, а уверенность в чуде — заполнила его до самой макушки,* ***и*** *он уже удивился, как мог раньше жить в таком беспросветном, безысходном мраке»* (А. и Б. Стругацкие). Вместо двух тире могли бы быть две запятые (или скобки), перед союзом *и* допустимо тире... Не случайно полностью воспроизвести в диктанте авторскую пунктуацию невозможно: ведь мы пишем в соответствии с правилами, но полагаемся на свой вкус.

Авторской пунктуацией считается употребление знаков препинания в рамках собственных значений, но в несвойственных им функциях.



«Авторская пунктуация? Знать ничего не хочу!»



ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ КАК ЕДИНАЯ СИСТЕМА

Одни знаки препинания противопоставлены друг другу, другие выполняют схожие функции и взаимозаменяемы. Значит, они существуют не сами по себе, а в рамках единой системы. Попробуем установить, в каких условиях и с какими синтаксическими структурами появляются те или иные знаки.

Одни знаки препинания — точка, многоточие, вопросительный и восклицательный знаки — расчленяют поток письменной речи на высказывания. Другие — запятая, точка с запятой, двоеточие и тире — призваны отделять друг от друга структурно равноправные части предложения (однородные члены и части сложносочинённых и бессоюзных предложений). Третьи — две запятые, два тире, скобки, кавычки — выделяют в составе высказываний специфические конструкции (обособление, вводные слова, сравнительные обороты и т. д.), это парные знаки.

Особенности значения пунктуационных знаков можно представить в виде таблицы:

Значение знака	.	...	?	!	,	, ,	;	:	—	— —	( )	«»
Завершённость высказывания	++	+	+	+	––	–	–	–	–	–	0	0
Законченность мысли	++	––	+	+	–	–	+	–	–	–	+	+
Неполнота информации	––	++	+	–	0	+	–	+	+	+	+	–
Ожидание ответа	–	–	++	–	0	0	0	0	0	0	0	0
Эмоциональная напряжённость	–	–	–	++	0	0	0	0	0	0	0	0
Вспомогательный характер информации	–	–	–	–	–	+	–	–	–	+	++	–
Относительная автономность помеченной структуры	++	++	++	++	–	–	+	–	–	+	++	+
Смена автора высказывания	–	–	+	–	0	0	0	+	+	0	0	++
Разъяснение предыдущей части высказывания	0	0	0	0	–	+	–	+	–	+	+	0
Следование объектов и событий друг за другом	–	–	–	–	++	–	+	–	++	–	0	0

«+» в таблице означает, что знак способен выражать данное значение, «++» — что он является основным способом выражения данного значения. Например, знак вопроса информирует нас о желании пишущего получить дополнительную информацию, а это означает, что его собственные знания неполны; а вот многоточие прямо указывает на неполноту информации. «––» прямо, а «–» — косвенно свидетельствуют о том, что данный признак принимает отрицательное значение. Так, появление запятой несовместимо с идеей законченности мысли, а многоточие непосредственным образом сообщает, что мысль не закончена. «0» стоит, если данный знак не подтверждает и не опровергает рассматриваемого значения.

Знаки препинания, как и слова, могут употребляться в переносном значении: кавычки, например, могут передавать необычные значения слов и т. п.

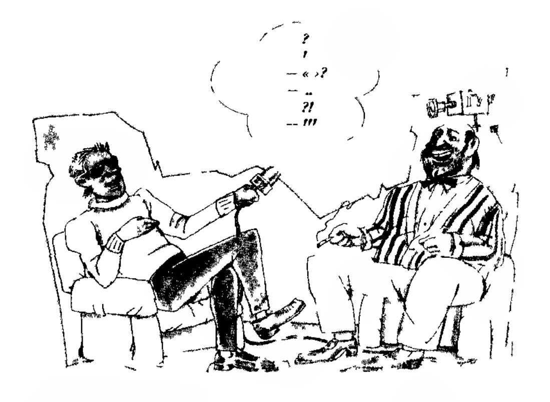
Знаки с противоположным значением — своеобразные пунктуационные «антонимы». Например, двоеточие «смотрит вперёд» и предупреждает о наличии впереди не менее чем одного структурно равноправного фрагмента, а тире «смотрит назад» и сопоставляет следующий за ним фрагмент с предшествующими ему равноправными.

Можно говорить и о «синонимии» знаков. Впрочем, синонимичные, казалось бы, знаки проявляют свойственные им значения очень по-разному. Например, при передаче чужой речи знак вопроса говорит нам о возможной смене авторства следующего ожидаемого высказывания; двоеточие предваряет реально существующую чужую речь; тире либо предваряет реально существующую чужую речь, либо следует за ней, отделяя её от слов автора; кавычки же обрамляют вкрапления реально существующей чужой речи независимо от наличия или отсутствия слов автора:

Приятель спросил меня: «Ты что, правда, ездил в Париж?» — и вытаращил глаза.

— Да, с папой и мамой.

Эти несходства позволяют пишущему делать свою речь более выразительной и разнообразной.



АРХАИЧНАЯ ПУНКТУАЦИЯ

Нормы пунктуации до недавних пор не были жёсткими, поэтому менялись они довольно быстро. В изданиях писателей XIX в. знаки препинания расставлены не только в соответствии со вкусом самих авторов — они скорее отражают вкусы нескольких поколений издателей, редакторов и корректоров. В 60-х гг. XX в. вышли в свет так называемые академические издания большинства классиков, и сейчас, например, пушкинской считается пунктуация, принятая в академическом издании. Естественно, все её отклонения от сегодняшней нормы объясняют «авторством» Пушкина, что не вполне соответствует реальности.

Однако иногда в текстах классиков сохранились следы устаревших норм: например, два двоеточия в одной короткой фразе (сейчас это не принято); намного чаще встречается точка с запятой вместо обычной запятой.

Чаще всего так используют восклицательный и вопросительный знаки и многоточие, когда их ставят не в конце высказывания, а после особо значимого фрагмента. *Мы сидели и гадали: знают ли? отец? приедет? выручать? наказывать? нас? обидчиков? сегодня же? завтра?*

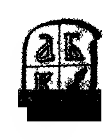
Вот почему восклицательный и вопросительный знаки, если пишущий вознамерился с их помощью пометить слово или словосочетание, часто соединяются с выделительными знаками — скобками или двумя тире: *Кто-нибудь — отец? брат? — сумел бы сделать это, но мне такое было не под силу. Я решил — хотя мне этого страшно не хотелось! — обратиться за помощью к старшей сестре, ужасной насмешнице. Прибежал Валька и завопил, что на соседней улице случилась авария и рассыпался целый контейнер (!) конфет.*

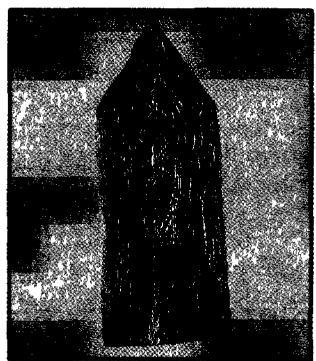
Что касается многоточия, то оно обычно просто ставится в том месте, где обрывается мысль, и выделенный им фрагмент не обрамляется дополнительно скобками или двумя тире: *Жизнь... на Марсе... Какая чепуха!..*

Иногда автор может объединить знаки с характерными собственными значениями. Таковы сочетания: вопросительного и восклицательного знаков (передаёт вопрос с оттенком сильного удивления, возмущения или иного чувства), вопросительного знака с многоточием (передаёт нечётко сформулированный вопрос или вопрос с оттенком размышления, нерешительности и т. п.), восклицательного знака и многоточия (передаёт незаконченную мысль или неполную информацию, имеющую повышенную эмоциональную значимость для пишущего). «*Человек рождён, чтобы мыслить (вот он, Кирилл, наконец-то!..)*» (А. и Б. Стругацкие).

Многие авторы пытаются передать с помощью знаков препинания (чаще всего парной запятой, тире или парного тире) интонационное своеобразие речи. В этом случае может появиться незаконно обособленный второстепенный член предложения или даже тире между подлежащим и сказуемым, выраженным личной формой глагола: *Я — люблю и страдаю; Он приехал посоветоваться, с моим отцом.*

Обычно корректор при подготовке произведения к печати безжалостно расправляется со всеми подобными авторскими изысками, но прославленные писатели иногда могут — хотя бы из принципа — настоять на своём особом «ви́дении» или «слышании» текста. После смерти такого авторитета корректоры, конечно, уже и не пытаются привести текст в соответствии с нормами пунктуации, и легенда об авторском произволе получает своё подтверждение.





ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

ВВЕДЕНИЕ

СОБРАНИЕ ПЁСТРЫХ ГЛАВ

Историю языка можно представить себе как толстую книгу. Фонемы, морфемы, грамматические категории, синтаксические конструкции — у каждого элемента языка своя история, свой сюжет. Эти сюжеты сложно переплетаются между собой, то сходясь в одной точке, то разбегаясь... Из отдельных повестей-глав складывается биография языка.

Одно поколение может прочитать лишь страницу этой книги. Впрочем, люди не только читают, но и записывают новые строки, судьба которых станет ясной только со временем. Например, на протяжении уже многих десятилетий говорящие на русском языке ленятся склонять сложные числительные: мало кто способен произнести без запинки *одной тысячи восьмисот пяти*. В 90-е гг. XX столетия всё чаще стали делать ошибки и в склонении простых числительных: *четырмью* вместо *четырьмя*, *двумями* вместо *двумя*. Подобные ошибки свидетельствуют о том, что категория склонения числительных разрушается. Возможно, следующие поколения уже не найдут её на своей странице. Из факта сегодняшней жизни языка она может превратиться в факт вчерашней, а там и позавчерашней языковой реальности.

Развитие языковой системы — длинный путь, начало которого теряется в прошлом, а конец — в будущем. О том, каков был язык в давние времена и каким будет спустя столетия, можно только выдвигать гипотезы.

Мысленно сделав остановку в любой точке этого пути, мы получим что-то похожее на стоп-кадр в кино. Ещё секунду назад двигавшиеся фигуры вдруг застывают, и зритель видит изображение во всех деталях. Такой стоп-кадр получается, когда учёные описывают, каким язык был в определённый момент времени (например, в XII, XVII или XX в.). Описание языковой системы, взятой в определённый момент времени, называется *синхроническим* (от *греч.* «sýnchronos» — «одновременный»).

Возможен и другой угол зрения, при котором любые элементы языка (а также вся система в целом) рассматриваются с точки зрения их развития и происходящих с ними изменений. Такой взгляд на язык называется *диахроническим* (от *греч.* «diá» — «сквозь» и «chrónos» — «время»).

Синхрония и диахрония тесно связаны. Подробные и точные синхронические описания для самых разных моментов времени — важнейшая

БУРЯ В ЛЕСУ

Каждый живой язык, если он и вправду живой, вечно движется, вечно растет. Но одновременно с этим в жизни языка чрезвычайно могущественна и другая тенденция, прямо противоположного свойства, столь же важная, столь же полезная. Она заключается в упорном и решительном сопротивлении новшествам, в создании всевозможных плотин и барьеров, которые сильно препятствуют слишком быстрому и беспорядочному обновлению речи.

Без этих плотин и барьеров язык не выдержал бы напора бесчисленного множества слов, рождающихся каждую минуту. Он весь расшатался бы, превратился бы в хаос, утратил бы свой целостный, монолитный характер. Только этой благодатной особенностью нашего языкового развития объясняется то, что, как бы ни менялся язык, какими бы новыми ни обрастал он словами, его общенациональные законы и нормы в основе своей остаются устойчивы, неизменны, незыблемы:

Как сильно буря ни тревожит
Вершины вековых древес,
Она ни долу не положит,
Ни даже раскачать не может
До корня заповедный лес.

Н. А. Некрасов

Пускай эта буря и повалит какую-нибудь одряхлевшую сосну или ель. Пускай где-нибудь под тенью дубов разрастется колючий бурьян. Лес все же останется лесом, какая бы судьба ни постигла его отдельные деревья или ветви. Даже в те эпохи, когда в язык проникает наибольшее число новых оборотов и терминов, а старые исчезают десятками, он в главной своей сути остаётся все тем же, сохраняя в неприкосновенности золотой фонд и своего словаря, и своих грамматических норм, выработанных в былые века. Сильный, выразительный и гибкий язык, ставший драгоценнейшим достоянием народа, он мудро устойчив и строг.

(По книге К. И. Чуковского «Живой как жизнь».)

предпосылка для создания полного диахронического описания языка. И наоборот: чем лучше исследователь знает историю языка, тем точнее он может описать состояние языковой системы в любую выбранную им эпоху.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ

Как удаётся учёным отдёрнуть завесу времени и получить представление о языке наших далёких предков? Работая над полным жизнеописанием человека, биографы изучают историю семьи (генеалогию), интересуются судьбой родственников своего героя. Точно так же и биография языка требует учитывать его связи с родственными языками (родственные языки восходят к одному и тому же предку — праязыку). Иногда общий праязык известен во всех деталях. Романские языки (французский, итальянский и др.) произошли от латыни, вполне доступной для изучения благодаря множеству текстов.

Однако чаще речь идёт о бесписьменном праязыке, существовавшем в очень отдалённом прошлом. Сведения о праславянском языке (к которому восходит и русский язык) лингвисты получают, последовательно двигаясь от современного состояния славянских языков в прошлое. Сравнивая русское слово *сон*, польское *sen* и сербское *сан*, можно предположить, что слово со значением 'сон' в праславянском языке начиналось со звука [s], затем шёл какой-то гласный (более детальное исследование показывает, что это был особый краткий звук [ъ]), а затем звук [n]. Так работает *сравнительно-исторический метод*. Современные языки могут служить хорошими «информаторами», если уметь расшифровать заложенную в них информацию. Ценнейшие сведения черпают из диалектов — в них порой сохраняются следы очень давнего прошлого.

Самый надёжный источник исторических разысканий — письменность. Здесь на помощь истории языка приходят *палеография* (от *греч.* «palaiós» — «древний» и «gráphō» — «пишу») — наука, изучающая памятники письменности, и *текстология* — наука о текстах.

Иногда важные сведения сохраняют тексты, принадлежащие другим культурам. Так, ранние записи славянских слов (географических и племенных названий, собственных имён) находят в трудах арабских географов IX—X вв. Первыми опытами грамматического описания русский язык также обязан иностранцам: из пособий для желающих быстро выучить русский язык они стали теперь важнейшим источником сведений по истории русского языка.

Древние черты одного языка можно восстановить и с помощью другого, даже неродственного. Например, в эстонском языке есть заимствованные из русского слова *sund* 'суд', *und* 'удочка', а в литовском *sund* 'судья', *ûndâ* 'удочка'. В этих словах современному русскому [у] соответствует сочетание [un]. Значит, в те времена, когда произошло заимствование, в этих русских словах был носовой [у], исчезнувший ещё до появления письменности.

Вместе с народом язык рождается, живёт, изменяется... И внимательный взгляд в прошлое языка — это погружение в историю народа.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

Сколько лет русскому языку? Ответить на этот вопрос нелегко. Лингвисты разделяют живой разговорный язык и литературный. Разговорный язык рождается из недр языка-предка, или праязыка, у которого тоже есть свой язык-предок, и т. д. Поэтому точное время его появления определить практически невозможно. Иное дело — литературный язык. Его история — это история нормы. В лингвистике *нормой* принято называть правила выбора языковых средств в конкретном обществе и в конкретное время Литературный язык возникает тогда, когда появляется письменность, и поэтому момент его рождения обычно известен.

В I тысячелетии до н. э. один из диалектов индоевропейского языка дал начало языку — предку всех славянских языков. Никто не знает, как называли себя и свой язык говорившие на нём племена. Сегодня учёные называют его *праславянским*. Шло время, и этот язык в свою очередь тоже распался на диалекты. Историки языка считают, что примерно в VI—IX вв. до н. э. в праславянском сформировались три больших диалектные группы: южная, западная и восточная. К древним южнославянским диалектам восходят современные болгарский, сербскохорватский, македонский, словенский; к западнославянским — польский, чешский, словацкий, верхне- и нижнелужицкие; к восточнославянским — русский, украинский и белорусский, которые выделились как самостоятельные языки к XVI в. Общий восточнославянский язык назывался *древнерусским*. Такова родословная разговорного русского языка: она непрерывна и начало её теряется в исторической дали. Поэтому ответить на вопрос: «Сколько лет русскому языку?» — вряд ли возможно.

Знания о праславянском, языке дописьменной эпохи, учёные получили с помощью реконструкции. Сравнивая между собой живые славянские языки, привлекая данные других индоевропейских языков, они восстановили слова и формы давно исчезнувшего языка. Однако этот реконструированный язык — в значительной степени условная схема Живой язык, безусловно, отличался от неё.

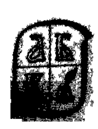
О языке письменной эпохи известно намного больше Появление письменности — ключевой момент истории языка. С этого времени исследователи имеют дело с достоверными фактами, запечатлёнными в текстах.

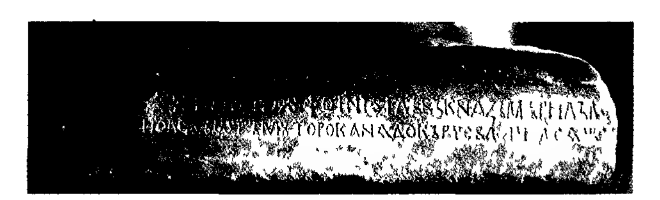
Первым литературным языком, общим для всех славян, стал язык первых переводов священных христианских книг — *старославянский*. На нём написаны древнейшие памятники X—XI вв. Со второй половины XI в. под влиянием живых славянских языков формируются национальные изводы (варианты) литературного языка. Язык памятников этого времени принято называть *церковно-славянским*. И только в XVIII столетии появляется собственно русский литературный язык.

ПЕРВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК СЛАВЯН

Появление письменности у славян связано с принятием христианства: необходимы были понятные славянам богослужебные тексты. Греческие миссионеры Константин (в схиме Кирилл) и Мефодий создали первый славянский алфавит и перевели с греческого фрагменты богослужения и Священного Писания. В основе старославянского лежит солунский диалект (Кирилл и Мефодий были родом из греческого города Фессалоники, или Солунь). Первоначально новый литературный язык распространился в Моравии, затем в Болгарии (о создании славянского алфавита см статью «Графика и орфография. Реформы и реформаторы»).

Памятник Мефодию и Кириллу Скульптор В Н Клыков Москва. 1992 г





Надпись на Тмутараканском камне Один из первых дошедших до нас текстов на славянском языке

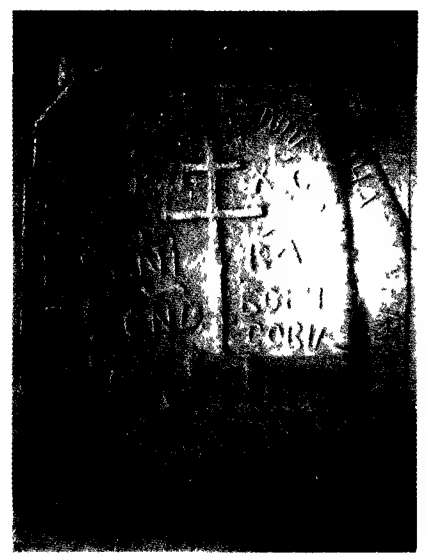
Смена верований всегда ведёт к появлению в культуре новых текстов, а в языке — новых слов. У славян-язычников не было слов, которые могли бы передать христианские понятия, поэтому многие слова пришлось заимствовать из греческого. Так, в старославянский, а затем и в русский вошли *ангел* (от *греч.* «ángelos» — «вестник»), *варвар* (от *греч.* «bárbaros» — «иноземец», «иноплеменник»), *келья* (от *греч.* «kellíon» — «келья», «жилище монаха или отшельника») и др.

Владимир-Волынский Плита с надписью 1194 г

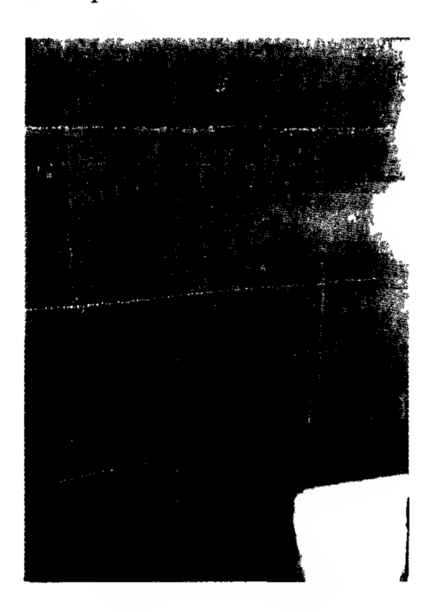
В других случаях старым словам придавали новые значения, и славянское слово приобретало отвлечённый религиозный смысл, который складывается в языке обычно столетиями. Таких значений, которые в старославянском получили слова *дух* (в соответствии с *греч.* «pneuma»), *свет* (в соответствии с *греч.* «phōs»), *слово* (в соответствии с *греч.* «lógos»), в живых славянских диалектах не было. Слово *дух,* например, даже в современных русских говорах означает ‘дыхание’, ‘запах’, ‘жизненная сила’. Слово **господь** (т. е. ‘господин’) значило ‘властитель’, ‘владелец’ и никогда не использовалось как обращение к языческим богам.

Чтобы перевести греческое слово, состоящее из двух корней, переводчики соединяли в одно целое два славянских корня. Так были сконструированы слова **единородьнъıи** (*греч.* «monogenesés» от «mónos» — «единственный» и «génesis» — «рождение») и **единосꙋщнъıи** (*греч.* «homooúsis» от «homos» — «равный», «одинаковый» и «usia» — «существо», «сущность»), которых не было до этого в славянском языке.

Славянским переводчикам предстояло не только найти нужные слова, но и разработать основы синтаксиса. Эта задача была, пожалуй, ещё сложнее. Ведь фраза в разговорном языке строится по-иному, чем в письменном тексте. Мы говорим не *Дай мне, пожалуйста, карандаш, который упал под стол,* а что-нибудь вроде *Карандаш под столом — дай, пожалуйста.*



Надпись на Рогволдовом камне 1171 г



Надпись на стене собора Святой Софии в Великом Новгороде

Традиция перевода священных текстов, существовавшая в Средние века, требовала, чтобы каждому слову оригинала соответствовало слово в переводе. Этими правилами руководствовались и славянские первоучители Кирилл и Мефодий. Принцип такого перевода легко понять, если пословно перевести текст с английского или французского языка на русский. Например, предложение *The cat is black* будет выглядеть так: *Эта кошка есть чёрная.* Поэтому синтаксис старославянского языка копировал синтаксис греческих текстов, не передавая особенностей живой славянской речи.

Церковно-славянский язык был языком культуры и письменной традиции, а русский — языком повседневного общения

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИЙ — ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ДРЕВНЕЙ РУСИ

В IX—X вв. славянский язык оставался ещё единым. Языковые отличия на территориях расселения славян были отличиями диалектов, а не разных языков. Поэтому переводы Кирилла, Мефодия и их учеников были понятны всем славянам.

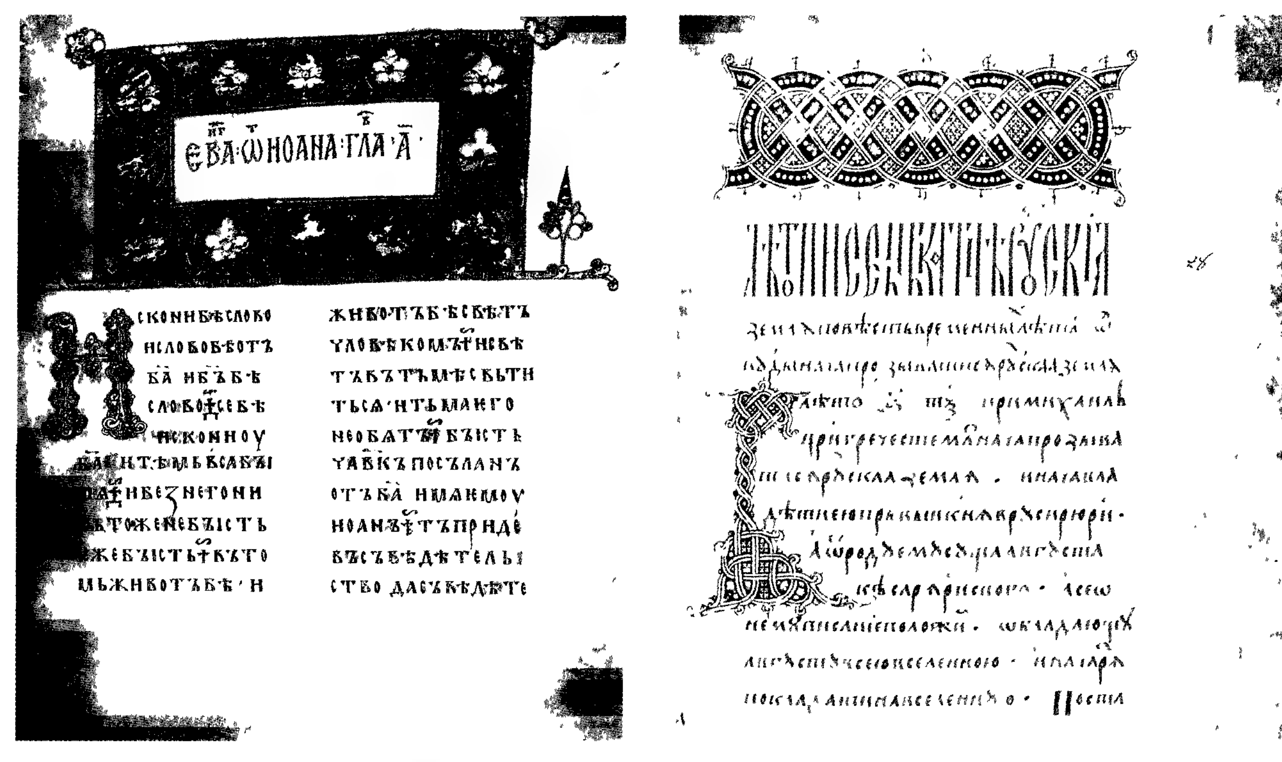
Однако в живом языке восточных славян к XI в. не было некоторых грамматических форм, свойственных литературному языку, южнославянскому по происхождению. Отсутствовали многие слова, совершенно иным был синтаксис. Изначальная дистанция между живым языком и книжным по мере развития и изменения живого языка ещё более увеличивалась. И тем не менее церковно-славянский никогда не воспринимался и не изучался как иностранный язык. Он был вполне понятен и существовал как особый, книжный вариант родного языка. То есть два языка — церковно-славянский и русский — воспринимались как один, но сферы их употребления не пересекались. Первый был языком культуры (в первую очередь церковной) и письменной традиции, а второй — языком повседневной, обыденной жизни. На церковно-славянском шли службы, произносили проповеди, читали молитвы, а в быту говорили только на русском. Перевод с одного языка на другой был невозможен — это восприняли бы как кощунство. Такое разделение функций письменного и разговорного языков называется *диглоссией* (подробнее об этом явлении см. статью «Языки, народы, государства»).

Книжный (церковно-славянский) учили совсем не так, как сегодня иностранный язык, — с учебником грамматики и словарём. Научившись читать по слогам и освоив первую книгу «Букварь», ученик выучивал наизусть Часослов (книгу, содержащую «Часы» — богослужебные тексты, читающиеся в разное время суток) и Псалтирь (сборник священных гимнов). Таким образом, он знал на память значительное количество церковно-славянских текстов, которые понимал, опираясь на свой родной язык. То же происходит и сейчас в православных церквях: люди, регулярно посещающие богослужения или поющие в хоре, понимают церковно-славянский без учебников и словарей.

ДВА ЯЗЫКА

Одним из свидетельств языковой ситуации в Московской Руси XVII в. является высказывание английского ученого Г. В. Лудольфа, помещенное в предисловии к его русской грамматике (Оксфорд, 1696 г.): «Для русских знание славянского языка необходимо, потому что не только Святая Библия и остальные книги, по которым совершается богослужение, существуют только на славянском языке, но невозможно ни писать, ни рассуждать по каким-нибудь вопросам науки и образования, не пользуясь славянским языком... Но... и наоборот — в домашних и интимных беседах нельзя никому обойтись средствами одного славянского языка, потому что названия большинства обычных вещей, употребляемых в повседневной жизни, не встречаются в тех книгах, по каким научаются славянскому языку. Так у них и говорится, что разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски».

Лудольф отмечает, что, «чем более ученым кто-либо хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком».



Древнейшие памятники письменности Руси — Остромирово Евангелие (1057 г.) и «Повесть временных лет» (XII в.)

Далеко не каждого допускали к переписыванию священных текстов. Для этого необходимы были особые знания и умения. Церковно-славянский в отличие от русского был языком строго нормированным, и именно эту языковую норму должны были освоить будущие писцы.

Норма книжного языка не была единой и зависела от типа текста. Например, язык Остромирова Евангелия (1057 г.) заметно отличается от языка «Повести временных лет» (XII в.), хотя эти памятники созданы примерно в одно время.

В богослужебных книгах главным была верность традиции. Русские книжники ориентировались на образцовые тексты, а такими они считали прежде всего тексты древние. Норма не допускала, чтобы в них проникали элементы живого разговорного языка. В летописях, написанных на том же церковно-славянском, вполне могли появиться отдельные формы, присущие живому языку.

Новгородская берестяная грамота. Вторая половина XIV в.

Среди памятников письменности Древней Руси есть и такие, которые написаны не на церковно-славянском. Это документы делового характера или частные письма. Они отражают черты живого разговорного языка (его диалектные особенности). Уникальным источником по истории разговорного языка Древней Руси являются новгородские берестяные грамоты — частная переписка жителей Новгорода. Береста — недолговечный материал. Однако новгородская почва сохранила до наших дней множество берестяных писем. Поэтому учёные знают об истории новгородского диалекта намного больше, чем о любом другом славянском диалекте.

Таким образом, среди памятников древнерусской письменности есть тексты, написанные и на церковно-славянском, и на древнерусском языке. Один и тот же писец в зависимости от жанра текста следовал разным системам правил. Строгость нормы определялась содержанием: чем важнее был текст в глазах средневекового книжника-христианина, тем архаичнее и строже языковая норма.

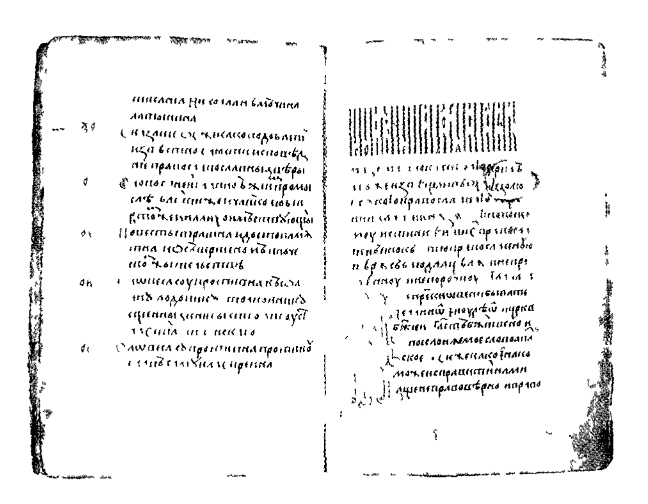
ИСПРАВЛЕНИЕ КНИГ

К XIV в в живом древнерусском языке произошли значительные изменения. Были утрачены двойственное число, звательный падеж; изменилась система времён; вместо древних шести склонений существительных осталось три; после исчезновения редуцированных гласных серьезно перестроилась фонетическая система. В результате расстояние между разговорным и книжным языком значительно увеличилось Например, раньше формы **мѧ** (меня), **тѧ** (тебя), **рꙋцѣ** (руке), **нозѣ** (ноге) были общими для разговорного и книжного языка, а теперь они остались только в последнем

Переписанная от руки копия книги всегда отличалась от оригинала· каждый писец делал какие-то ошибки, вносил свои исправления. Поэтому один и тот же текст существовал в большом количестве вариантов, и среди памятников, написанных на церковно-славянском, невозможно найти две одинаковые рукописи Перед следующим писцом вставала задача выбрать правильный вариант, отделив его от всех прочих Но если книги могут содержать ошибки, быть «порчеными», значит, их необходимо исправить, а язык «очистить».

В 1518 г в Москву приехал греческий монах Максим Грек Ему предложили перевести текст Толковой Псалтири (книги псалмов с комментариями). В процессе работы он сравнивал греческие тексты с церковно-славянскими, устранял неточности, делал переводы других христианских книг Большое внимание уделял грамматике, стремясь установить жёсткое соответствие между церковно-славянскими и греческими формами слов Так, в греческом языке формы прошедшего времени 2-го и 3-го лица имели разные окончания, а в славянском окончания этих форм были одинаковыми. Максим Грек исправлял церковно-славянские формы по аналогии с греческими

Деятельность Максима Грека вызвала раздражение у ревнителей веры Его обвинили в ереси и осудили Несколько лет он провёл в монастырской тюрьме Некоторые предъявленные ему обвинения касались как раз исправления священных текстов Московские книжники считали, что изменение грамматических форм может привести к искажению смысла, т е к ереси. Так, Максим Грек исправил стих из псалма «**Господи, прибѣжище бысть намъ**» на «**Господи, прибѣжище былъ еси намъ**» Оппоненты Максима Грека



Сборник слов и поучений Максима Грека 1563 г

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

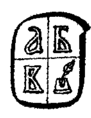
От южных славян на Русь приходят первые грамматические сочинения. Это не были грамматики в современном значении слова. Основное место в них занимали рассуждения о происхождении языка, необходимости правильного письма и т. д. Конечно, они не являлись полным сводом правил и грамматических форм, да в этом и не было необходимости, ведь церковно-славянский язык учили не по грамматикам.

Вот фрагмент средневекового грамматического сочинения «Написание языком словенским о грамоте и о ея строении», в котором содержится характеристика согласных. Изложение ведется в форме вопросов и ответов.

Колико есть в бꙋкве писман полꙋзвательныїхъ; («Сколько в алфавите согласных букв?») **Ѿвѣтъ: Полꙋзвателныїхъ писманъ въ бꙋквѣ двадесѧтъ и четыре.** («Согласных букв в алфавите двадцать четыре».)

Которыїѧ: изочти ми ѧ всѧ («Какие? Назови мне их все».) **Ѿвѣтъ: сїи есть б в г д ж ѕ з к л м н п р с т ф х ц ч ш щ ѯ ѱ ѳ.**

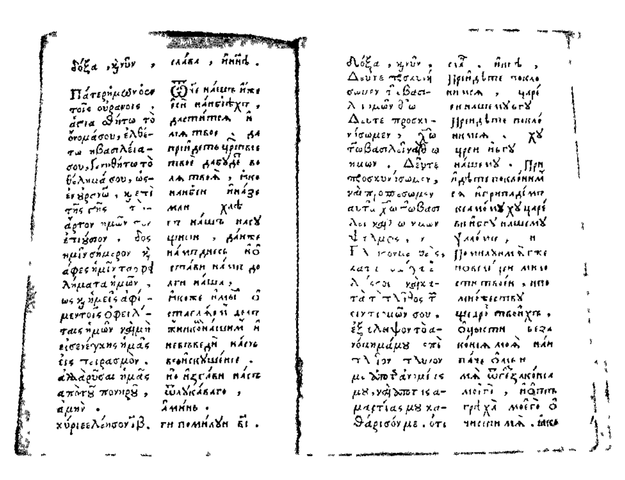
Полꙋзвателныїѧ писмана кѡи и котѡрыїѧ гласӹ обдержатъ: («Каковы согласные буквы и какие звуки выражают?») **Ѿвѣтъ** (ответ содержит прообраз характеристики согласных по способу и месту образования. — *Прим. ред.*): **Сїи сицевыїѧ гласӹ обдержатъ, два писмани грꙋбӹ б п, три писмани свибливӹ в ф ѳ, два писмани тѧжкӹ и натꙋжнӹ и гꙋгнивӹ г х, два писмани простыї, легкӹ, а громнӹ д т, два писмани шепетливӹ ж ш, пѧть писманъ сипавӹ ѕ з с ѯ ѱ, три писмани ꙗснӹ ц ч щ, два писмани кортавӹ к р, три писмани нѣмӹ л м н.** («Они выражают такие звуки: две буквы — грубые: б, п; три буквы — шепелявые: ***в, ф, ѳ;*** две буквы — тяжёлые, напряженные и косноязычные: ***г, х;*** две буквы — простые, легкие и подобные грому: ***д, т;*** две буквы произносятся шепотом: ***ж, ш;*** пять букв — сиплые: ***ѕ, з, с, ѯ, ѱ;*** три буквы — светлые: ***ц, ч, щ;*** две буквы — картавые: ***к, р;*** три буквы — немые: ***л, м, н***».)



сочли, что теперь эту строку нужно понимать так: «Господи, ты когда-то был нашим прибежищем», т. е. «сейчас уже не являешься прибежищем». А такое толкование с точки зрения православного вероучения — очевидная ересь.

Однако среди русских книжников авторитет Максима Грека был очень высок. В своих сочинениях они часто ссылались на греческого «еретика». Его именем даже подписывали грамматические сочинения, созданные намного позже. В 1988 г. Православная Церковь причислила Максима Грека к лику святых.

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА, КНИГОПЕЧАТАНИЕ И РАСКОЛ



Листки из «Азбуки» Ивана Федорова. Острог. 1578 г.

Конец XVI в. — закат русского Средневековья. В это время меняются нормы книжного (церковно-славянского) языка, а в некнижном (языке деловой письменности) устанавливается общерусская норма.

Централизация русских земель, управление страной из единого центра требовала единого стандарта государственных документов. Образцом считался язык московских приказов (канцелярий), которому стремились подражать провинциальные дьяки и подьячие (так в старину называли государственных чиновников). Поэтому деловые тексты XVII в. почти лишены местных диалектных особенностей.

В 1574 г. во Львове Иван Фёдоров издал первый печатный «Букварь». В 1619 г. вышла знаменитая, впоследствии много раз переиздававшаяся «Грамматика славенскія правилная синтагма...» Мелетия Смотрицкого. По этой книге издания 1648 г. училось не одно поколение русских людей. По ней изучал грамматику и М. В. Ломоносов.

На основе языка московских приказов формировалась общерусская норма делового языка

Возникновение книгопечатания стало важнейшей вехой в истории литературного языка. Переписчики книг не могли создать двух тождественных рукописей, теперь же из-под печатного станка выходят сотни одинаковых книг. Расходясь по всей стране, печатные книги постепенно вытесняли рукописные, отражающие местные языковые особенности. Это способствовало становлению единой нормы церковно-славянского языка.

Исправление богослужебных книг приобрело ещё большее социальное значение, чем во времена Максима Грека. Его деятельность повлияла лишь на его собственную судьбу, а исправление печатных книг при патриархе Никоне привело к церковному расколу, оказавшему огромное влияние на судьбу России в целом.

Патриарх Никон (1605—1681) решил приблизить церковно-славянские богослужебные книги к греческим. Однако он не знал, что современные ему греческие книги дают более позднюю редакцию текстов, чем та, с которой переводились славянские. Многочисленные отличия церковно-славянских книг от греческих Никон объяснял ошибками писцов, и тексты правились очень сильно. В своей работе никоновские «справщики» пользовались юго-западнорусскими изданиями, которые прежде не вызывали в Московском государстве особого доверия. Никоновские книги не были приняты значительной частью верующих. В результате раскола возникла старообрядческая Церковь, признающая книги только старого образца.

Современный церковно-славянский язык, который и сегодня звучит в православных храмах, возник именно после никоновской реформы. Теперь он ориентируется не на образцовые древние тексты, а на строгую систему правил.

К НОВОМУ ЛИТЕРАТУРНОМУ ЯЗЫКУ

Окончательное размежевание церковно-славянского и русского языков произошло в Петровскую эпоху. Это время было переломным для России: создавалась новая система государственного управления, появлялись промышленные предприятия, проводилась реформа армии, строился флот. Не менее значительны были перемены, произошедшие в сфере культуры. В основе культурной политики Петра I лежало чёткое разграничение церковной и светской культуры. Всё церковное воспринималось Петром как старое, тёмное, суеверное, чему место лишь внутри церковной ограды.

Новая Россия противопоставлялась старой, а новой реальности должны соответствовать новые слова. Впрочем, слова появлялись не только для того, чтобы дать имя новым явлениям. Например, совершенно необязательно было называть *сенатом* высший орган государственного управления, подчинённый императору: в русском языке существовали слова *дума, совет* и т. д. (позже, в XX в., они вернулись в язык). Но реформаторам важно было разорвать связь настоящего и будущего с предшествующими эпохами.

Одной из важнейших реформ Петра I стала реформа алфавита. Кириллица ориентировалась на греческое начертание букв, а созданный русский гражданский шрифт — на латиницу. Из алфавита исключили греческие по происхождению буквы ѡ, ѿ, ѱ, ѯ, ведь для записи звуков [о], [от], [пс], [кс] были и другие знаки. Отныне, постановил царь, светские книги должно печатать гражданским шрифтом и по-русски, а церковные — кириллицей и на церковно-славянском.

Когда по предписанию Петра I Фёдор Поликарпович Поликарпов-Орлов (1670—1731), человек книжный, учёный, перевёл «Географию генеральную» Бернхарда Варения, царь остался недоволен этим переводом, потому что он был написан на церковно-славянском. И тогда И. А. Мусин-Пушкин пишет Поликарпову, чтобы он исправил перевод «не высокими словами, но простым русским языком». Видимо, Мусин-Пушкин процитировал слова царя. Пётр I считал создание нового литературного языка важнейшим делом — без этого «прорубить окно» в европейскую культуру было невозможно.

НОВЫЕ СЛОВА ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Филолог Никита Алексеевич Смирнов так писал в начале XX в. о языковых нововведениях Петровской эпохи: «Появляются теперь *администратор, актуариус, аудитор, бухгалтер, герольдмейстер, губернатор, инспектор, камергер, канцлер, ландгевдинг, министр, полицеймейстер, президент, префект, ратман* и другие более или менее важные особы, во главе которых стоит сам *император*. Все эти персоны в своих *ампте, архиве, гофгерихте, губернии, канцелярии, коллегиуме, комиссии, конторе, ратуше, сенате, синоде* и в других административных учреждениях, которые заменили недавние думы и приказы, *адресуют, аккредитуют, апробуют, арестуют, баллотируют, конфискуют, корреспондуют, претендуют, секондируют, трактуют, экзавторуют, штрафуют* и т. д. *инкогнито* в *конвертах, пакетах* разные *акты, акциденции, амнистии, апелляции, аренды, векселя, облигации, ордера, проекты, рапорты, тарифы* и т. п.».

Новой реальности Петровской эпохи должны были соответствовать новые слова

В словаре Ф. П. Поликарпова «Лексикон треязычный сиречь Речений славенских, еллиногреческих и латинских...» церковно-славянский и книжный русский предстают как два самостоятельных языка. Поликарпов переводит с церковно-славянского языка на русский: «***Азъ*** *простѣ глаголемо* ***я***», «***вотъ*** *простѣ глаголемо емлется вмѣсто* ***се***». Иногда он приводит «простое» русское слово и отсылает к соответствующему церковно-славянскому: «***берег,*** *зри* ***брег***», «***говорю,*** *зри* ***глаголю***».

В это время церковно-славянский окончательно утратил функцию литературного языка,

БИБЛИЯ В ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Славянская письменность, а с ней и литературный язык были созданы, чтобы переводить библейские тексты, предназначенные для богослужения. Переводы Библии вообще сыграли важную роль в формировании многих языков Европы.

Учёные спорят о том, что́ именно перевели славянские первоучители Кирилл и Мефодий: всю Библию или лишь фрагменты, которые читали во время богослужения. До наших дней дошли отдельные отрывки текстов, о которых можно точно сказать, что они восходят к Кириллу и Мефодию. Это неудивительно. До изобретения книгопечатания полная Библия (более тысячи страниц современного мелкого шрифта) не могла получить широкого распространения. Библию читали в пересказах, извлечениях, в книгах с толкованием (т. е. с комментариями) библейского текста, слушали во время богослужения.

Потребность в полной Библии возникла в XV столетии. В это время в Московской Руси среди простого народа и части духовенства распространились взгляды, отличные от официально принятых Православной Церковью. Спорящие стороны, доказывая правоту своего вероучения, обращались к Библии, поэтому стал необходим полный и достоверный библейский текст. Работа над ним завершилась в 1499 г. Этот перевод называют Геннадиевской Библией, по имени новгородского архиепископа Геннадия, руководившего работой. Объём книги превышал 2 тыс. страниц, поэтому списков Геннадиевской Библии немного.

Появление книгопечатания решило проблему. В 1580—1581 гг. выходит первая печатная Библия — знаменитая Острожская Библия Ивана Фёдорова. В основу издания был положен текст Геннадиевской Библии, грамматика и орфография которого были несколько исправлены. Острожской Библией пользовался Мелетий Смотрицкий при составлении первой славянской грамматики. Её экземпляры хранились во многих монастырских библиотеках не только России, но и других славянских стран. Эта Библия оказала большое влияние на нормы церковно-славянского языка.

Инициатором последней переработки церковно-славянской Библии был Пётр I. Подготовка издания длилась несколько десятилетий. Книга вышла в свет только в 1751 г., при Елизавете Петровне, и называется поэтому Елизаветинской Библией. Она перепечатывается и по сегодняшний день.

Перевод Библии на русский язык был начат в 1812 г. Вначале это вызвало энергичный протест, потому что привычный славянский текст казался в русском переводе сниженным и упрощённым. Полная Библия на русском языке появилась только в 1870 г. Перевод был одобрен Святейшим Синодом и получил название синодального. До сих пор он остаётся единственным текстом русской Библии, который принят Церковью. В течение XX в. появлялись и другие переводы: одни сближали русский текст с церковно-славянским, другие подавали ветхозаветные тексты как литературные памятники, третьи прорывались к еврейскому подлиннику в обход христианской традиции, четвёртые, стремясь к предельной понятности, вводили в текст разъяснения.

Сравните один и тот же фрагмент Библии (Пс. 101. 2—6) в синодальном переводе и в современном (С. С. Аверинцева).

«Господи! услышь молитву мою, и вопль мой да придет к Тебе. Не скрывай лица Твоего от меня; в день скорби моей приклони ко мне ухо Твое; в день, когда воззову к Тебе, скоро услышь меня; ибо исчезли, как дым, дни мои, и кости мои обожжены, как головня; сердце мое поражено, и иссохло, как трава, так что я забываю есть хлеб мой...»

Яхве, услышь мольбу мою,
и вопль мой пусть дойдёт
до Тебя!
Не скрывай Твой лик от меня,
в день бедствия моего
преклони ко мне Твой слух!
Когда взываю я к Тебе,
скоро услышь меня!
Ибо дни мои тают, как дым,
и кости мои горят, как огонь;
сердце моё скошено,
как трава, —
позабыл я есть мой хлеб!..

передав её русскому. Однако как богослужебный церковно-славянский язык дожил до наших дней. В конце XX столетия в православных храмах совершается служба на языке, являющемся прямым наследником того, который создали Кирилл и Мефодий. В отличие от живого разговорного языка церковно-славянский за свою тысячелетнюю историю изменился не так уж сильно и сохранил многие черты языка наших далёких предков.

ПОЛЕМИКА XVIII ВЕКА

Сфера употребления церковно-славянского языка в XVIII в. сильно сузилась. Освободившееся место должен был занять вновь создаваемый русский литературный язык. Каким он будет? Этот вопрос чрезвычайно волновал писателей XVIII в. Быть писателем означало тогда быть учёным-филологом. Не случайно так много высказываний

ФЕДОР ИВАНОВИЧ БУСЛАЕВ

Ученики и последователи называли Федора Ивановича Буслаева (1818—1897) вторым Ломоносовым в области языка и словесности, учителем нескольких поколений. Уже полтора века филологи, искусствоведы, фольклористы, этнографы обращаются к книгам и статьям Ф. И. Буслаева. Немногие научные труды отличаются таким долголетием.

Детские годы Буслаева прошли в Пензенской губернии. Его первым гимназическим преподавателем русского языка был Виссарион Григорьевич Белинский. После окончания в 1838 г. Московского университета Буслаев уехал в Германию, затем в Италию. Там он познакомился с только что появившимися теориями языка и культуры, а также памятниками искусства и архитектуры.

Идеи о родстве языков и о том, что на основе современного состояния возможно реконструировать язык далеких предков, оказали огромное влияние на европейскую гуманитарную науку XIX в. Ф. И. Буслаев стал приверженцем сравнительно-исторического метода языкознания, отныне в своих трудах он руководствовался этим методом.

В 1844 г. ученый выпустил книгу «О преподавании отечественного языка», в которой на основе собственного опыта провозгласил необходимость сравнительно-исторического изучения русского языка сразу после усвоения основных его правил. После смерти Ф. И. Буслаева его ученик профессор Евгений Федорович Будде сказал: «...Буслаев вдохнул живую душу в преподавание и преподавателей современного русского языка. <...> вся грамотная Россия добровольно признала в Ф. И. Буслаеве своего учителя по предмету отечественного языка...».

Не менее блестящую судьбу имел его «Опыт исторической грамматики русского языка». Ф. И. Буслаев первым обратил внимание на русские говоры. Он считал, что диалектные особенности — следствие объективных языковых законов, и стремился сформулировать эти законы. Книга создавалась как учебник истории русского языка и при жизни автора выдержала пять изданий. Название этого труда дало имя филологической дисциплине. И сейчас историки русского языка изучают историческую грамматику, диалектологию и историю литературного языка.

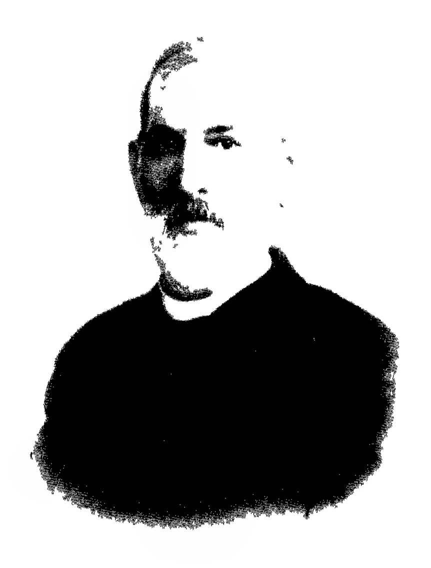
За исторической грамматикой последовала «Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языка», в которую вошли важнейшие памятники письменности средневековой Руси. Из 135 произведений, включенных в нее, 69 публиковались впервые. В течение долгого времени хрестоматия использовалась не только для преподавания истории русского языка, но и в исследовательских работах. На основе двух этих книг Ф. И. Буслаев подготовил «Учебник русской грамматики» и «Русскую хрестоматию» для средней школы. Этими учебниками пользовались вплоть до революции (13-е издание «Русской хрестоматии» вышло в 1917 г.)

В истории языка Ф. И. Буслаев стремился найти отражение древних верований, культуры и быта людей, говоривших на нем. В развитии языка он выделял два периода. Для первого периода характерна бóльшая конкретность значения слов и грамматических форм. Во второй период на первое место выходит логическое начало. Однако и современному языку присущи свои собственные законы, которые часто противоречат законам логики. Идея Буслаева развивает характерное для романтической школы представление об истории человечества как о постепенном разрушении гармоничного мира древности. В рамках этой концепции исторический путь языка показан как постепенное превращение живого организма в четко организованную формальную систему.

Подобные схемы истории развития языка впоследствии были отвергнуты филологической наукой. Однако неопровержимой остается идея Ф. И. Буслаева, что «история языка неотделима от истории его носителей» Тесная связь слова с мифологией (как, не обращаясь к мифам, объяснить, почему в современном русском языке слово *труп* — неодушевленное, а *мертвец* — одушевленное?) заставила Ф. И. Буслаева обратиться к истории русской народной культуры. В 1861 г. вышел его сборник, озаглавленный «Исторические очерки русской народной словесности и искусства». В книгу входят статьи о русском эпосе, поэзии XVII в., древнерусской литературе и искусстве в сопоставлении с искусством Византии и Западной Европы. Только после работ Буслаева искусство средневековой Руси перестали рассматривать как слияние различных древних искусств (монгольского, персидского, китайского и др.).

В 70-х гг. он обратился к изучению иконографии, книжного орнамента, фресковой живописи и других видов древнерусского искусства. Учениками Буслаева считали себя не только филологи, но и историки древнерусского искусства: Иван Евгеньевич Забелин, Николай Павлович Кондаков, Дмитрий Власьевич Айналов и другие ученые.

Ф И Буслаев считал, что история языка неотделима от истории культуры, и пытался охватить весь комплекс явлений древнерусской культуры. Почти во всех областях, в которых ему приходилось работать, он оказался классиком.



Федор Иванович Буслаев.

о языке встречается у М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова.

В центре споров стоял вопрос о том, на какой язык должен ориентироваться русский литературный: на живой великорусский или же на церковно-славянский, за которым традиция средневековой книжности. На формирование литературного языка влияла и западноевропейская литература. Сторонники создания литературного языка по моделям европейских литературных языков (в первую очередь французского) ратовали за освобождение его от славянизмов и приветствовали заимствования. Полемизируя с Н. М. Карамзиным, сторонником европеизации литературного языка, литератор А. С. Шишков приводил пародийные примеры нового слога, высмеивая его искусственность и вычурность.

Старый стиль	**Новый стиль**
Деревенским девкам навстречу идут цыганки.	*Пёстрые толпы сельских ореад сретаются с смуглыми ватагами пресмыкающихся фараонит.*
Жалкая старушка, у которой на лице были написаны уныние и горесть.	*Трогательный предмет сострадания, которого уныло задумчивая физиономия означало гипохондрию.*
Какой благорастворённый воздух!	*Что я обоняю в развитии красот вожделеннейшего периода.*

Ревнители традиций, напротив, считали церковно-славянский фундаментом нового литературного языка.

С вопросом использования славянизмов связана и знаменитая теория «трёх штилей» Михаила Васильевича Ломоносова. В XVIII в. формируются жанры новой русской литературы. С каждым жанром связывалась своя языковая стихия. Так, в героических поэмах, одах, торжественных речах (произведениях «высокого» стиля) должны были употребляться как славянские по происхождению слова, так и общие для церковно-славянского и русского языков (*отверзаю, Господень, взываю* и др.). В драматургии, сатирах, официальных письмах («средний» стиль) могла использоваться общеупотребительная лексика с вкраплениями как славянизмов, так и просторечия *(говорю, ручей, лишь, который)*. В комедиях, эпиграммах, дружеских письмах («низкий» стиль) славянизмы неуместны.

В «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке», опубликованном в 1758 г., Ломоносов пишет, что в литературе церковно-славянский и русский языки не соперники: церковно-славянский язык органически вошёл в русский и обогатил его, но, несмотря на это, единственно возможный язык литературы — русский.

«Высоким» стилем пишет эпическую поэму «Россиада» поэт Михаил Матвеевич Херасков:

Князь Курбский возопил, алкая с ним схватиться:
Не стыдно ль множеству съ единымъ купно биться?
Храните рыцарскій, герои, в бранѣхъ чинъ;
Оставьте насъ, хощу съ нимъ ратовать единъ.

«Средний» стиль выбирает журнал «Всякая всячина»: *«Вельможа одинъ приговорилъ ко смерти одного своего невольника, который, не видя уже надежды ко спасенію своего живота, зачалъ бранить и проклинать вельможу. Сей, не разумѣя языка невольнича, спросилъ у около стоящихъ своихъ домашнихъ: что невольникъ говоритъ? Одинъ вызвался, говоря: государь, сей безщастный сказываетъ, чай рай приуготовленъ для тѣхъ, кои уменьшаютъ свой гневъ и прощаютъ преступленія. Вельможа простилъ невольника».*

«Низкий» стиль мы находим в комедии Александра Петровича Сумарокова «Опекун»: *«Намнясь видѣлъ я, какъ честной то по вашему и безчестной, а по моему разумной и безумной принималися. Безчестной атъ, по вашему, пріѣхалъ, такъ ему стулъ, да ещё въ хорошенькомъ домѣ: все ли в добромъ здоровьи? какова твоя хозяюшка? дѣтки? Что такъ запалъ* (запропастился. — *Прим. ред.*)*? ни къ нам не жалуешъ, ни къ себѣ не зовешъ».*

Будущее русского литературного языка было связано со «средним» стилем. Новый книжный язык «среднего» стиля — это язык европеизированный. Чтобы передать отсутствующие в русском языке понятия, использовали западноевропейскую научную терминологию. Например, М. В. Ломоносов ввёл слова *атмосфера, горизонт, практика, температура*. Иногда термины переводили буквально, соединяя русские и церковно-славянские морфемы. Так появились слова *водород* и *кислота*. Гуманитарные науки черпали терминологию и из церковно-славянского. В. К. Тредиаковский ввёл в русский язык слова *естественность, сущность, разумность, чувственность*, объяснив свой выбор так: *«Оныи термины подтверждаются всѣ книгами нашими церковными, из которых я оныи взял».*

ВАСИЛИЙ КИРИЛЛОВИЧ ТРЕДИАКОВСКИЙ

В середине XX в. замечательный русский ученый Григорий Осипович Винокур написал о Василии Кирилловиче Тредиаковском (1703—1769) такие слова: «...долг историка русской культуры, мне кажется, состоит в том, чтобы с почтительной благодарностью помянуть старейшего русского лингвиста, пионера русской фонетики, который так мало знал радостей в своей неудачливой жизни и для которого справедливый суд потомства задержался так надолго».

Василий Кириллович Тредиаковский

В. К. Тредиаковский родился в семье астраханского священника. В отрочестве учился в школе у католических монахов, затем бежал в Москву, где поступил в Славяно-греко-латинскую академию. Позднее уехал в Голландию, а оттуда в Париж, где в Сорбонне обучался математике, философии и богословию.

Перевод с французского романа Поля Тальмана «Езда в остров Любви» (1730 г.) принес Тредиаковскому большую популярность. Он стал придворным поэтом, профессором Академии наук, авторитетным переводчиком.

Такое блестящее начало имело, однако, трагическое продолжение. Популярность сменилась насмешками, близость ко двору Анны Иоанновны после воцарения Елизаветы обернулась опалой. В 1747 г. пожар уничтожил не только имущество, но и многочисленные труды ученого. Среди них перевод девяти томов 10-томной «Древней истории» Шарля Роллена, сделанный перед этим Тредиаковским. Подобных пожаров Василий Кириллович пережил три. И только мужество и удивительная трудоспособность позволили ему каждый раз находить в себе силы продолжать работу.

Тредиаковский был одним из первых реформаторов русского стиха. В 1735 г. вышел «Новый и краткий способ к сложению российских стихов...». В 1748 г. он издал «Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи». Это была первая работа по русской фонетике.

После того как Тредиаковский был вынужден покинуть Академию, ему приходилось печатать труды за свой счет, пришли болезни. Умер он в нищете, почти полностью забытый современниками.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШАХМАТОВ

«Купил за 50 санскритских слов и за 3 готских слова — 60 исландских. За 40 персидских слов и 8 арабских — 50 финских и литовских... за 257 древнегерманских слов — 60 редких готских слов» — этот «счет» был составлен 13-летним гимназистом, который уже через несколько лет стал известен как самый молодой и самый одаренный ученый-филолог в России. Имя этого человека — Алексей Александрович Шахматов (1864—1920).

А. А. Шахматов рано лишился родителей и вместе с сестрами все детство и юность находился на попечении дяди. Они много путешествовали, бывали и за границей. Детское любопытство к окружающему миру переросло в серьезный интерес к научным изысканиям. «Я составил филологические теоремы, т. е. истины, требующие доказательства; доказываю я алгеброй», — писал Алексей в письме домой.

Больше всего юного Алексея Шахматова занимали языки и история. Два этих детских увлечения легли потом в основу его научных исследований. Он стал крупнейшим знатоком истории древних славянских литератур и языков. Шахматов занимался фонетикой и диалектологией, лексикографией и синтаксисом, историей и современным состоянием русского языка. Его работы по изучению текстов древнерусских летописей стали базой для создания целой научной области — *текстологии.*

А. А. Шахматову принадлежат известнейшие работы: «Курс истории русского языка», «Синтаксис русского языка», «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей» и другие труды. Он работал над созданием академического «Словаря русского языка», который был начат еще Яковом Карловичем Гротом. Вместе с своим учителем Филиппом Федоровичем Фортунатовым Шахматов разрабатывал проект орфографической реформы русского языка.

В основе всех этих работ лежали глубокое знание фактов (Шахматов многие годы посвятил изучению диалектов в экспедициях), широта и смелость научного мышления.

Гипотезы А. А. Шахматова не всегда оказывались верными. Но сам он всегда был готов изменить свои взгляды на ту или иную проблему, если была доказана их ошибочность или неточность.

Алексей Александрович Шахматов

В конце XVIII столетия произошло очень важное для истории русского языка событие — был создан первый толковый и нормативный словарь русского литературного языка «Словарь Академии Российской...» в шести частях (1789—1794 гг.). Его авторами в числе других были члены Российской Академии Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, Я. Б. Княжнин, Е. Р. Дашкова. Словарь содержал 43 257 слов.

ПУШКИН И РУССКИЙ ЯЗЫК

XIX в. стал временем окончательного становления русского литературного языка. Развернувшись во всю мощь, он дал миру великую литературу. Огромная заслуга в этом принадлежит А. С. Пушкину. Его творчество — итог поисков и размышлений нескольких поколений русских писателей о том, каким должен быть литературный язык. В пушкинской поэзии и прозе гармонично соединились торжественность церковно-славянского, энергия живой русской речи, европейская ясность изложения, меткие просторечные слова. В речи на открытии памятника Пушкину И. С. Тургенев сказал «Нет сомнения, что он создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и нашим потомкам остаётся только идти по пути, проложенному его гением». Языковед, специалист по истории русского языка Григорий Осипович Винокур писал: «Имя Пушкина.. стало для последующих поколений символом общерусской национальной языковой нормы... Пушкин был не столько реформатор, сколько великий освободитель русской речи от множества сковывавших её условностей.. Поэтому именно в художественном языке Пушкина и

Александр Сергеевич Пушкин

«ОНА ПО-РУССКИ ПЛОХО ЗНАЛА...»

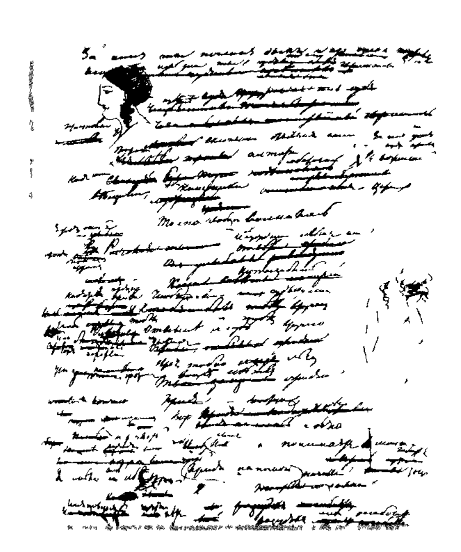
Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалася с трудом
На языке своем родном...

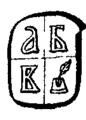
Что имел в виду Пушкин, дав своей любимой героине Татьяне такую речевую характеристику? Неужели он считал, что Татьяна говорила по-русски, как иностранка?

Знаменитый русский пушкиновед С. М. Бо́нди писал: «Здесь говорится не о том, что Татьяна вообше не умела говорить по-русски или говорила как иностранка, с акцентом и ошибками... Татьяна „плохо знала" образующийся тогда новый поэтический язык, так как „журналов наших не читала"; она „выражалася с трудом", когда дело касалось тонких, интимных переживаний, — вот здесь ей помогал привычный ей, страстной читательнице французских романов, французский язык». Во времена Пушкина русский язык еше не стал языком культурного общения:

Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

Именно Пушкин многое сделал для того, чтобы «гордый наш язык» стал языком эпистолярной культуры (от *лат.* epistola — «письмо», «послание»). Почти из 800 сохранившихся писем Пушкина по-французски написаны немногим более 100. Поэт писал по-французски в основном любовные письма; так написаны и его письма к невесте, Н. Н. Гончаровой. Однако когда Наталья Николаевна стала его женой, Пушкин писал ей письма только по-русски! По-русски написаны и все письма Александра Сергеевича к друзьям. Эпистолярная проза великого поэта — драгоценнейшая часть его наследия.





У НАС ЕСТЬ ПУШКИН!

Почему считается, что именно Пушкин вдохнул жизнь в русский литературный язык? Ведь и до Пушкина были слова и предложения, метафоры и эпитеты, стихи и проза. А вот чего не было, словами выразить непросто. Не было, например, такого (из эпиграммы на балладу «Замок Реглер»):

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль: что, если это проза,
Да и дурная?..

Не могло быть и этого: *«...поглядеть на дочку их, Марью Гавриловну, стройную, бледную* ***и*** *семнадцатилетнюю девицу»*. Вот этого иронического ***и*** ни в коем случае быть не могло. Не могло быть и романа в стихах, который с удовольствием слушают маленькие дети, не понимая смысла, но зачарованные звучанием. А в самом романе — всех этих авторских усмешек — *«Противоречий очень много, но их исправить не хочу...»* или:

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы розы;
На вот, возьми ее скорей!)

Серьезно все было до Пушкина в нашей литературе, серьезно, трудно и несвободно. Как писал поэт Антиох Дмитриевич Кантемир: «Кто не отведал еще стихи сочинять, почает, что не трудное дело несколько слогов вместить в одну строку. И правда, кто чает, что стих в том одном состоит, легко на одной стоя ноге их намарать может, но не тоже, когда дело идет, составлять порядочные, по правилам, и уху и уму приятные стихи. Трудность тогда немалая встречается так в соглашении здравого смысла с рифмою, как и в учреждении слогов...».

Кто, прочитав пушкинское «Я вас любил...», заподозрит, что поэту ведомы были эти мучения «соглашения здравого смысла с рифмою»? Огромная работа, стоящая за этой легкостью, становится понятна только при взгляде на страницы рукописей, где после десяти зачеркнутых слов оставлено одно, единственно нужное. «Так и со словами. Не э́то — не это — не это — то́. По явности не-этого узнаю то́» — так через век после Пушкина пыталась выразить муки рождения слова Марина Цветаева.

Главное, чем мы обязаны Пушкину, — это уважение к свободе языка и ответственность перед языком. Он прошел как по лезвию ножа между двумя крайностями, перемешанными в русском языке к началу XIX в.: жесткой регламентированностью, расставленными всюду границами и запретами «штилей» и «приличий» и вседозволенностью, пренебрежением к духу языка, принятой тогда практикой корежить его по иностранным шаблонам или потому, что «не согласуется с рифмою». Свобода и ответственность только вместе имеют такую огромную творческую, созидательную силу.

Работу по созиданию литературного языка Пушкин проделывал осознанно, свою миссию ощущал со всей ответственностью. Год за годом, произведение за произведением он проходил необъятные просторы русского языка, с одной стороны, отменяя запреты, выпуская слова на свободу, снимая гипноз штампов и предписаний, с другой — расчищая завалы, превращая языковой хаос в гармонию. Вся его жизнь была Днем творения. Каждые несколько лет: «Да будет проза», «Да будет драма», «Да будет лирика». А увидев, что это хорошо: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!».

Литературный язык — это среда, в которой живет культурный человек, это воздух, которым он дышит. Пушкин пришел в культуру, где дышали по-французски, а по-русски отчитывали горничную. Уже через несколько десятилетий в каждом культурном доме были книги русских философов, русские критические журналы, стояли тома классиков великой русской литературы — на вольном воздухе все развивается быстро. Теперь уже и не представить себе, как это не иметь возможности выразить мысль на родном языке, потому что нет слов, потому что так не говорят.

Давайте еще раз порадуемся тому, что у всех у нас был и есть Пушкин.

нашел русский национальный язык ту воплощённую норму, которая была целью всех сложных событий, происходивших в нем с конца XVII в.». Во второй половине XIX в. школы, грамматики, словари окончательно закрепили общенациональную норму книжной речи; обогатилась терминология, унифицировалось правописание. Ещё А. С. Грибоедов писал *на еву* вместо *наяву*, Пушкин — *каляска*, а Карамзин жаловался: даже в Москве «с величайшим трудом можно найти учителя для языка русского, а в целом государстве едва ли найдёшь человек 100, которые совершенно знают правописание».

ЯЗЫК ЭПОХИ ПОТРЯСЕНИЙ

В начале XX в. Россия вступила в эпоху войн и революций. Множество людей сменили место жительства, создалась новая государственность. Произошла реформа орфографии. Были сделаны шаги к всеобщей грамотности. Жизнь внесла изменения в русский язык. Особенно значительными они были в лексике. После 1905 г. в жаргоне политических партий появляется слово *товарищ*; ещё до войны 1914 г. *лётчик* вытесняет *авиатора*, а *кинематограф*

Одна из самых ярких примет первого десятилетия советской власти — засилие аббревиатур

переименовывается по типу немецкого слова в *кино*. События 1917 г. вызвали лавину новых слов.

Одна из самых ярких примет времени — сокращения, аббревиатуры: *командарм, главковерх* (верховный главнокомандующий), *земгор* (союз земств и городов), *врио* (временно исполняющий обязанности), *РСФСР, нэп, ГПУ, зам, спец, Коминтерн, губчека, продналог, компартия, МВД, Донбасс*. Говорят, был даже *наркомпоморде* — народный комиссар по морским делам.

Стирались грани между социальными группами, смешивалась речь образованных людей и просторечие, язык города и диалекты. Прежняя литературная норма не вызывала уважения, поскольку была частью «старого мира»

Изменения в русском языке представлялись современникам настолько серьёзными, что раздавались достаточно резкие голоса, предупреждавшие об опасности языковой разрухи. Так, газета «Известия» в 1923 г. в заметке «Борьба за русский язык» пишет: «Русский язык жестоко пострадал за время революции. Ничто не подверглось у нас такому безжалостному изуродованию, такому беспощадному исковерканию, как язык». В 1925 г. в дискуссии по культуре речи очень осторожно, но вполне недвусмысленно высказались такие крупные российские лингвисты, как Лев Владимирович Щерба и Лев Петрович Якубинский: «...язык стал крайне небрежен, неряшлив и стал пестрить иностранными словами и оборотами больше, чем это было раньше»; «Русский язык переживает достаточно смутное время...». В 1927 г. в газетах всё ещё писали о необходимости объявления «самой горячей войны ряду засоряющих чистоту русского языка слов и выражений, искусственно внесённых в нашу речь в последнее время».

В 30-х гг. XX столетия начался новый период стабилизации языковой нормы. Однако в русском литературном языке уже произошли существенные изменения

РУССКИЙ ЯЗЫК СЕГОДНЯ

Современный русский язык — это сложное единство литературного языка, диалектов, просторечия, жаргонов.

Русский литературный язык, прошедший долгий путь развития, стал более разнородным. Его носители различаются по социальному положению, месту жительства, профессии, по уровню образования и культуры И сам литературный язык разделился на две разновидности — книжный язык и разговорную речь (подробнее об этом см. статьи «Стили литературного языка» и «Разговорная речь»).

Книжный язык — это язык научных трудов, художественной литературы, деловой переписки, газет и журналов, радио и телевидения. Разговорный — язык неофициального общения. Он считается самостоятельной системой внутри общей системы литературного языка — со своим набором единиц, сочетающихся друг с другом по особым правилам. На нём говорят дома, в семье, с друзьями.

Современные носители русского литературного языка владеют обеими его разновидностями. А, например, русские эмигранты, покинувшие страну в первые десятилетия XX в., и их потомки практически не знают современной русской разговорной речи Даже в быту они говорят на русском книжном языке начала XX столетия. Вот почему их речь нам кажется несколько искусственной.

* * *

Эпоха перемен в России в конце 80 — начале 90-х гг. XX в и вызванные ею изменения в жизни общества не могли не отразиться на русском языке. Телевидение, газеты и другие средства массовой информации оказывают на нас бо́льшее влияние. чем прежде. В язык, например, вошли слова и словосочетания *фазенда* в значении 'дача' (из телесериала «Рабыня Изаура»), *сладкая парочка* (из телевизионной рекламы) и др.

После падения «железного занавеса» с Запада вместе с новыми политическими понятиями и предметами быта хлынули новые (или полуза-

бытые) слова: *муниципалитет, брифинг, саммит, принтер, файл, картридж, чипсы, бургер, хот-дог.* Ожили многие слова дореволюционной России *(дума, губернатор)* Стремление к яркости и выразительности речи в сочетании со специфической социальной ситуацией ввело в язык немало слов из уголовного жаргона· *беспредел, крутой, разборка, наехать...* Язык не может не изменяться, как не может застыть сама жизнь

Ослабли жёсткие рамки официального публичного общения, на смену заранее подготовленным докладам пришли беседы, дискуссии, игры, интервью. Вместо строго официальных дикторов, читающих заранее подготовленный текст, мы видим и слышим ведущих с раскованной манерой держать себя и непринуждённой речью. Количество разговорных, жаргонных, просторечных элементов в публичной речи значительно увеличилось. Во многом эта раскрепощённость (а иногда и развязность) речи идёт от нежелания говорить на бюрократическом жаргоне советской эпохи. Отказ от казёнщины влияет на все уровни языка — от произношения и интонации до построения фразы. К сожалению, порой «с водой выплёскивают и ребёнка». Вместе с советскими штампами утрачиваются годами выработанная культура речи, правильное произношение, точность словоупотребления Но вместе с тем именно язык связывает между собой поколения, делает культуру народа единой. И было бы жаль, если следующим поколениям пришлось бы читать Пушкина и Чехова в переводе.

И вновь, как уже не раз бывало, заговорили о «порче» русского языка Но мы не стали говорить хуже, чем раньше, — просто изменившиеся условия заставляют нас больше говорить публично без предварительной подготовки, и мы ещё этому только учимся.

Конец 80-х – начала 90-х гг были временем обостренного интереса к общественно-политической жизни Пресса и телевидение стали другими, изменился их язык

Современный русский язык живёт и развивается очень интенсивно. Язык обрёл новые степени свободы, а освоение нового всегда идёт методом проб и ошибок. У нас есть много поводов гордиться своим языком. Знакомство с его историей помогает правильно понимать, что в нём происходит сегодня.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

ПОДВАЛЫ СКУПОГО РЫЦАРЯ

У Пушкина в «Скупом рыцаре» Барон с нетерпением предвкушает, как он откроет шестой сундук, чтобы в него «горсть золота накопленного всыпать». Подобно скупому рыцарю, народ изо дня в день неутомимо пополняет свой «золотой запас» — *лексический уровень языка.* Не случайно полное описание всех слов, которые использовались людьми, жившими в одно и то же время на одной территории и говорившими на одном языке, получило название *тезаурус,* что в переводе с греческого означает «сокровищница».

Перечислить все фонемы русского языка можно довольно быстро; чтобы обозреть все морфемы, также не потребуется много времени. Однако даже самому терпеливому и упорному человеку не под силу назвать все элементы, составляющие лексический уровень языка. Например, далеко не самый полный четырёхтомный «Словарь русского языка», изданный Академией наук (1981—1984 гг.), включает более 90 тыс. слов

Лексический уровень языка очень консервативен (устойчив) и при этом чрезвычайно

9 Зак № 730 т 10

подвижен (изменчив). Он развивается благодаря непрерывному накоплению слов. При этом значение *неологизма* (нового слова) вступает в *системные отношения* со значениями других слов (они могут быть синонимами, антонимами, омонимами и т. д.). Из-за системных связей неологизмы часто влияют на употребление уже укоренившихся в языке слов. Например, слово *десерт,* проникшее в русский язык из французского в XVIII в. и первоначально употреблявшееся только в придворном быту, начало взаимодействовать со словами *закуска* и *заедка* (в значении 'сладости, фрукты, которые подают в конце трапезы'). В результате слово *закуска* постепенно изменило значение и стало называть блюда, которые подают в начале еды, а слово *заедка* стало просторечным.

Итак, лексический уровень представляет собой *открытую систему.* В «центре» этого уровня — общеупотребительные слова (их относительно немного). Но дальше лежит «необозримое поле» слов, которые мы понимаем, но сами не употребляем. Это *пассивный запас лексики.* К пассивному запасу относятся *архаизмы* (устаревшие слова, например *воитель*) и *историзмы* (слова, обозначающие реалии прошедших эпох, например *опричник*). Ни «центр», ни «окраины» лексического уровня не установлены раз и навсегда. Давно забытое слово вдруг оказывается одним из самых распространённых, а то, что ещё вчера было у всех на устах, отправляется на «отдых». Поэтому строго разделить историю лексики и современное её состояние нельзя: обновление словаря исподволь происходит каждый день.

БЕЛЫЕ ПЯТНА НА КАРТИНЕ МИРА

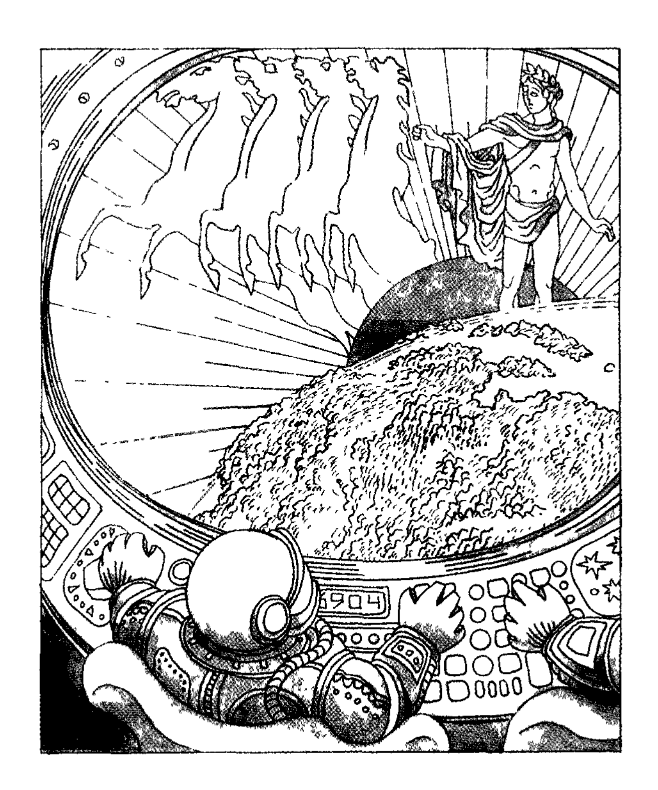
Лексический уровень языка описывает окружающий мир. Люди, говорящие на разных языках, неодинаково видят действительность, и об этом свидетельствует язык. В русском языке, например, различаются понятия *снег, холод, лёд,* но такая детализация совершенно не нужна ацтекам, которые передают всё это одним словом. А в языке эскимосов есть особые названия для снега в зависимости от того, падает ли он, тает и т. д.

Некоторые слова доносят до наших дней древние представления о мире; например, мы говорим: *солнце восходит, заходит, садится,* не обращая внимания, что эти словосочетания отражают древнее убеждение, что Солнце движется вокруг Земли. Таким образом, лексический уровень языка содержит в себе некоторое осмысление действительности, представление о мире *(концепцию),* меняющееся со временем и не совпадающее у разных народов. В силу этого часто говорят о *концептуальности* (от *лат.* conceptio — «система взглядов, представлений») лексического уровня.

Потребность в новом слове возникает, когда в картине мира появляется что-то, для чего нет названия. Иногда это новое всего лишь давно забытое старое. Так, например, в 90-х гг. XX в. вернулись к активной жизни слова *гимназия, лицей, гувернёр, дума, губернатор.*

Необходимость в неологизме активизирует словообразовательные возможности языка. После Октября 1917 г. появилось много новых слов, созданных по продуктивным словообразовательным моделям: *корниловец, детдомовец, выдвиженец; фронтовик, передовик, беспризорник, частник; массовость, плановость; соглашатель; тракторист, чекист* и др. Сравните появившиеся в 90-х гг. слова *рыночник, державник, гэкачепист.*

В других случаях нечто новое, требующее названия, появляется при взаимодействии культур. Тогда «пустота» в языке устраняется чаще всего прямым заимствованием «чужого» слова,



которое постепенно начинает взаимодействовать со своими новыми «соседями».

Русский язык заимствовал из английского слово *киллер* 'убийца'. Взаимодействуя с исконно русским словом *убийца*, оно закрепилось за названием особой профессии — наёмный убийца.

Кроме того, язык испытывает потребность в новых *экспрессивных* словах, в которых содержится оценка того, о чём говорится. Литературный язык пополняет свой экспрессивный фонд, «просматривая», например, реестры специальных профессиональных языков. Так, слово *накладка* в значении 'недоразумение', 'неприятный случай', 'неполадка' пришло из театрального обихода.

Иногда из другого языка заимствуется не само слово, а его переносные значения. Так, совсем недавно в разговорном языке стало популярным выражение *крутой парень* в значении 'жёсткий', 'грубый'. Оно появилось под воздействием английского *tough guy*: *tough* значит 'плотный', 'прочный' и ещё 'упрямый', 'несговорчивый', 'бандитский', 'преступный'. Новое значение распространилось: *крутой боевик* — 'в котором много драк, погонь, стрельбы'. А из языка профессиональных преступников были заимствованы слова *шестёрка* и *тусовка*.

Убийца и киллер.

АПЛОДИСМЕНТЫ ИЛИ БОЙКОТ?

Отношение к заимствованным словам в обществе меняется. Бывают времена, когда к ним относятся вполне терпимо, но в иные эпохи они оцениваются отрицательно. Тем не менее, несмотря на ту или иную реакцию общества, одна часть заимствованных слов органично входит в язык, а другая отторгается им.

Политику, направленную на борьбу с заимствованиями, назвали *языковым пуризмом* (от *лат.* purus «чистый»). Пуристы считают, что заимствования портят язык и что слово можно отменить или запретить волевым усилием.

Русский писатель Александр Петрович Сумароков писал по поводу заимствований: «...восприятие чужих слов, а особливо без необходимости, есть не обогащение, но порча языка... Язык наш толико сею заражён язвою, что и теперь вычищать его трудно; а ежели сие мнимое обогащение ещё несколько лет продлится, так совершенного очищения не можно будет надеяться». А. П. Сумароков предлагал избавляться от слов *фрукты, сюртук, суп, гувернантка, еложь, пассия* и заменять их соответственно словами *плоды, верхнее платье, похлёбка, мамка, похвала, страсть*. Как видно, язык реагировал на эти слова выборочно, избавившись от модных в XVIII в. *галлицизмов* (заимствований из французского языка) — *еложь, пассия*, в то время как другие были им освоены (сравните родовидовые пары *плоды — фрукты, верхняя одежда — сюртук*; стилистическую пару *похлёбка — суп;* пару *гувернантка — мамка*, в которой слова разведены по значению в зависимости от рода занятий).

Язык «опробует» заимствованное слово постепенно. Первоначально оно может записываться при помощи «родной» графической системы,

чем подчёркивается его особое положение. Вспомним строки А. С. Пушкина:

Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовётся vulgar. (Не могу...

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у нас покамест ново,
И вряд ли быть ему в чести.)

Прогнозы Пушкина не сбылись: слово *вульгарный* живо и сейчас да ещё обросло производными — *вульгарность, вульгаризатор* и др.

ОТ БАРРИКАД ДО БУТИКА

В истории общества бывают моменты, когда какую-либо чужую культуру выбирают в качестве образца для подражания. Ее язык становится престижным, и слова из него заимствуются особенно активно. В разное время на русский язык влияли греческий, польский, голландский, французский и английский. Частое употребление заимствованных слов служило знаком принадлежности к «избранному» кругу. Например, в дипломатической среде в XVII в. были модны *полонизмы* (заимствования из польского языка), а в аристократическом обществе в XVIII и XIX вв. — французские заимствования.

Во время революции 1905—1907 гг. появились заимствованные слова-термины: *аграрии, баррикады, бастовать, бойкот, демонстрация, директивы, мандат, митинг, партия, провокатор, прокламация, пропаганда* и т. д. Сразу после Октября 1917 г. многие люди воспринимали использование иноязычных слов как признак прогрессивности, революционности. В газете «Рабочая Москва» в 1926 г. даже цитировалось высказывание: «Говорит непонятно — значит, большевик». Часто заимствованные слова употребляли неправильно, поскольку важен был не их смысл (который, возможно, был неизвестен оратору), а желание показать свою причастность к новой культуре. Говорили, например, *элемент* вместо *выдающийся человек, персонально* вместо *случайно, игнорировать* вместо *сделать что-либо*.

Отношение к заимствованным словам как к более «красивым» и престижным характерно и для последнего десятилетия XX столетия. Одно дело — *магазин*, совсем другое — *бутик*. Во французском языке *boutique* означает просто 'маленький магазин', а на русской почве слово *бутик* стало означать 'дорогой магазин модной одежды'.

Иногда желание подобрать исконное слово вместо заимствованного заставляет вспомнить очень старые словообразовательные модели. На волне борьбы с «чужаками», например, в XX столетии было создано слово *вратарь*, сменившее заимствованное *голкипер*. Новое слово совпало с уже известным языку: из старославянского когда-то было заимствовано слово *вратарь*, обозначавшее 'привратник' (правда, оно произносилось с ударением на корне: *вра́тарь*). Южнославянскому корню ***-врат-*** соответствует великорусский корень ***-ворот-***, так что, строго говоря, и в этом случае мы имеем дело с заимствованием, только из близкородственного языка, к тому же давным-давно освоенным.

ОТСЕБЯТИНА И БЕЛИБЕРДОНОСЦЫ

Героиня романа Николая Семёновича Лескова, придумавшая таинственный глагол *марфунствовать*, объясняла своему собеседнику. «Всякое слово хорошо... если оно выражает то, что хочется им выразить. Академия наук не знает всех слов, которые нужны».

Язык можно оценивать не только с точки зрения того, насколько удобно он передаёт информацию. Как и искусство, язык выполняет эстетическую функцию, следовательно, новое слово иногда рождается благодаря потребности в красоте и выразительности.

Иногда художественное творчество практически неотличимо от словотворчества. Вот пример из стихотворения поэта Велимира Хлебникова: *«А мирязи слетались и завивались девиннопёрыми крылами начать молчать в голубизненную звучаль»*.

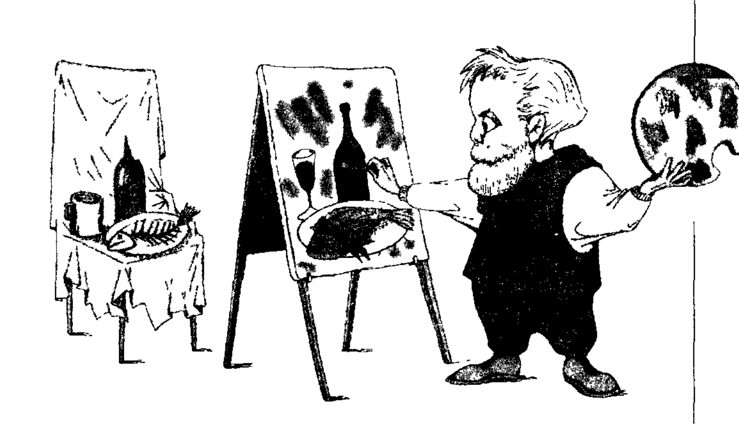
Чем меньше ассоциаций вызывает новое слово, тем труднее его понять. Иногда автор специально стремится к такому эффекту расплывчатости. Однажды замечательный линг-

вист Александр Александрович Реформатский придумал слово *обрадр*, которое употребил в письме: «...пишу вам в стиле *обрадр*». И на полях пояснил: *обрадр* — «обратная дрянь либо обратная дружба, впрочем, и сам не знаю, что сие значит».

Даже если использована «прозрачная» словообразовательная модель, слово не обязательно войдёт в язык. Тот, кто 'носит флаг', называется *флагоносцем*. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин создал по этому образцу слова *белибердоносец* — тот, кто 'несёт белиберду', и *фиговидец* – тот, кто 'видит фигу', но они не стали общеупотребительными. А вот другое изобретение М. Е. Салтыкова-Щедрина — слово *головотяпство* — стало общепринятым.

В словаре Владимира Ивановича Даля дан следующий комментарий к слову *отсебятина:* «Слово К. Брюллова: плохое живописное сочиненье, картина, сочинённая от себя, не с природы, самодурью». Этот комментарий не просто доносит до читателя имя автора слова, он позволяет ещё и понять, каков был эстетический идеал художника Карла Павловича Брюллова.

Как правило, авторские слова — *окказионализмы* (от *лат.* occasio — «случай»), — распространившиеся в обществе, платят за эту «удачливость» забвением имени создателя.



«Отсебятина — картина, сочиненная от себя, не с природы...»

Вот что писал Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» о слове *стушеваться:* «...всем оно известно, все его понимают, все употребляют. И, однако, во всей России есть только один человек, который знает точное происхождение этого слова, время его изобретения и появления в литературе. Этот человек — я, потому что ввёл и употребил это слово в литературе первый раз — я. Появилось это слово в печати, в первый раз, 1-го января 1846 г., в „Отечественных записках", в повести моей: „Двойник, приключения господина Голядкина"».

ХАЛТУРА И ХАЛЯВА

В латинском языке было слово *chartularium* 'поминальный список' (от *лат. chartula* — «бумажка», «записка»). Заимствованное юго-западными диалектами восточнославянского языка, оно стало обозначать не только саму записку и плату, которую вносили родственники, подавая записку, но и похороны, и поминки 'даровое угощение'. В языке московского духовенства слово *халтура* оказалось связано с идеей обогащения. Позднее в артистической среде оно утвердилось в значении 'побочный легкий заработок'. Примерно в 20-х гг. XX в. слово вошло в общее употребление, сохранив значения и лёгкости 'плохо выполненная, небрежная работа', и наживы 'заработок сверх основного'.

Слово *халява* известно всем. Его употребляют, когда говорят о возможности получить что-либо даром, не прикладывая усилий. Предок этого слова, *халява,* значило совсем другое — 'широкое голенище сапога'. Как произошло подобное превращение значения слова, не вполне ясно. По одной из гипотез, когда-то, сидя за столом, гости прятали за голенище сапога еду, которую они не могли съесть сразу. Таким образом у них была возможность даром поесть ещё раз.

НЕЗНАКОМЫЕ ЗНАКОМЦЫ

Знаменитый этнограф Павел Николаевич Рыбников в 1860 г. встретил в одной из северных деревень молодого сказителя Андрея Сорокина и записал былину о новгородском купце Садко, которая стала хрестоматийной и с тех пор много раз переиздавалась. В былине рассказывается о том, как Садко

Продавал товары новгородские,
Получал ***барыши великие,***
Насыпал ***бочки-сороковки красна***
золота, *чиста серебра,*

Поезжал назад во Новгород,
Поезжал он по синю морю.

На синем море сходилась ***погода сильная,***
Застоялись ***черлёны*** *корабли*
на синем море...

Читатель XX столетия легко понимает содержание фрагмента в целом, общую логику событий: Садко продал товары, получил прибыль, нагрузил золото и серебро на корабли и поплыл

в Новгород, но в открытом море корабли не смогли продолжать путь...

Однако этот текст не совсем «прозрачен». Его странность связана с несколькими моментами: в тексте есть архаизмы *(сороковки, черлёны);* слово *погода* используется в значении, не известном современному литературному языку, непонятно, что значит *погода сильная;* слово *барыш* употреблено как стилистически нейтральное, тогда как в наше время оно имеет оттенок иронии; прилагательное *великий* в значении 'огромный' не имеет привычных ограничений на сочетаемость с другими словами: *великая радость, великое удивление,* но нельзя сказать, например, *великий счёт в банке.*

Изменения, происходящие на лексическом уровне, не сводятся только к пополнению общеупотребительной и пассивной лексики и обмену между ними. Лексика развивается за счёт внутренних ресурсов и благодаря способности слов к обновлению. «Биография» слова определяется историей его значений. Каждое значение обрастает оттенками, оно может порождать новые значения и, наконец, отмирать (как это случилось со словом *погода* — некоторые его значения оказались забыты). Меняется и его место на стилистической шкале (это видно на примере слова *барыш*), отношение к стандартному для данной части речи набору грамматических форм (например, слово *погода* в прошлом имело форму множественного числа), а также к набору контекстов, в которых оно выступает (как в случае со значением 'большой' для слова *великий*).

ПЛОХАЯ ХОРОШАЯ ПОГОДА

В былине говорится, что на море была *погода сильная.* Речь идёт о каком-то природном явлении. Но о каком именно?

В современном русском языке *погода* может быть *плохой, хорошей, гадкой* или *превосходной;* во всяком случае, речь идёт об определённом состоянии атмосферы, которое оценивается по-разному, как нечто положительное или отрицательное, причём слово *погода,* когда оно описывает то, что происходит в данный момент за окном, нельзя употребить без оценки. Можно сказать: *Славная погода!; Мерзопакостная погода сегодня!* или даже *А погода!..* (в последнем случае оценка будет передана интонацией). Но нельзя сказать: *На улице погода* (хотя в некоторых диалектах так можно говорить). Сочетаемость слова *погода* в говорах гораздо шире, чем в литературном языке. В них *погода* может быть не только плохой и хорошей, но и *лёгкой* (ясной, со слабым ветром), *верховой* (с сильным ветром), *медовой* (благоприятной для пчёл), *рыбной* (благоприятной для рыбной ловли), *холостой* (когда рыба не клюёт). В литературном языке — *погода меняется (ухудшается, портится или улучшается).* В костромских говорах существует выражение: *погода мнётся* (так говорят о неустойчивом состоянии атмосферы).

Представим, что один писатель решил рассказать о чудесном летнем дне. Он садится к столу, открывает тетрадь и начинает: *Погода была хорошая, светило солнце, пели птицы...* Потом всё зачёркивает и выводит: *Денёк выдался погожий...* Но ведь прилагательное *погожий* образовано от слова *погода.* Почему же *погожий* день всегда хороший, ясный?

В литературном языке есть ещё слово *непогода.* Это не отсутствие погоды вообще, а констатация того, что погода плохая. Следовательно, оно косвенно указывает, что слово *погода* соотносится с представлением о некоем хорошем, благоприятном времени.

В рассказе о путешествии Стефана Новгородца, записанном в XVI в., читаем: *«А корабль стоит — погоды ждёт».* Понятно, что корабль ждёт не просто 'состояния атмосферы', а некоего особого его качества. Вероятно, и здесь речь идёт о хорошей, «удобной» погоде. Но что является хорошей, благоприятной погодой для корабля, идущего на парусах? Конечно, ветер, *парусная погода.* Таким образом, слово *погода* может означать 'ветер'. Вспомним поговорку *«Ждать у моря погоды»,* т. е. ожидать благоприятный момент, который, впрочем, может и не наступить. Видимо, первоначально имелось в виду именно ожидание попутного ветра.

Вот ещё примеры из словаря В. И. Даля: *На море погода поднялась; Видючи погоду, за реку не езди.* Здесь говорится именно о ненастье, буре, т. е. о природных явлениях, связанных с сильным ветром. Значение 'сильный ветер' имеется, например, в былине «Про Ставра-боярина»: *«Только сырой дуб шатается, будто от погоды сильныя».*

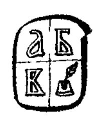
Итак, прямые и косвенные данные позволяют построить гипотезу о пути, который прошло

ЛУЧШИЙ ТРОЕЧНИК

Перед вами фраза из очень известного произведения одного великого русского писателя. В ней сделана купюра (иначе не получилось бы задачи):

«...Кирюха... на весь округ считался лучшим троечником».

Как это можно быть *лучшим троечником?*



слово *погода*. Вероятно, когда-то оно указывало на благоприятный для какой-либо деятельности отрезок времени (сравните со значением однокоренных слов: *погоди!* — 'подожди более благоприятного момента' или же *годный* – 'подходящий'), откуда развилось значение общей положительной оценки ('хорошая погода').

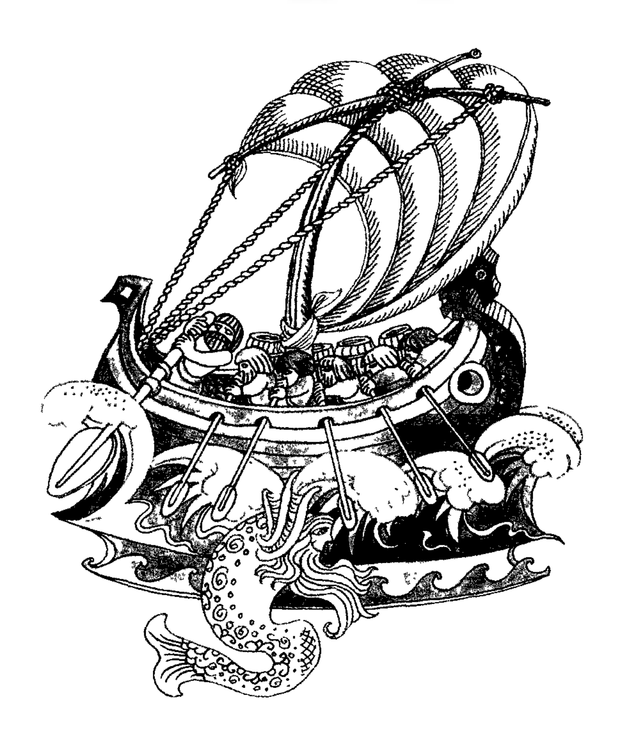
В тех областях, где развито мореплавание, на основе значения 'благоприятное время' появилось новое значение — 'попутный ветер'. Затем *погодой* стали называть ветер вообще. Поскольку сильный ветер вызывает стихийные явления или сопутствует им, это же слово получило значение 'ненастье' (сравните значение однокоренного слова *година* — 'время тяжёлых испытаний').

Анализ всех данных языка, являющихся *рефлексами* (наследниками) одного корня, называется *внутренней реконструкцией*. Она помогает нам «припомнить» то, что утрачено в языке. Если взять для анализа рефлексы одного древнего корня, извлечённые из родственных языков, получится *внешняя реконструкция*. Она дополняет внутреннюю и позволяет опуститься ещё глубже по лестнице истории, выявить точки схождения и расхождения между языками.

Многие из индоевропейских языков тоже сохраняют слова, произведённые от древнего корня ***ghodh-***, рефлексом которого является общеславянский корень ***godъ-***. Некоторые факты позволяют предположить, что индоевропейский корень имел значение 'соотноситься': например, древневерхненемецкое *gigat* значило 'соответствующий'.

В дальнейшем корень развивался, вероятно, через уточнение: 'соотнесение' — 'соотнесение с некоторым промежутком времени' (для русского слова *год* известно старое значение 'любой промежуток времени') — 'период времени, не отмеченный особыми природными явлениями' — 'положительная оценка такого периода', откуда выделилось общее значение благоприятности. Сравните сербскохорватское *гӧд* 'праздник', чешское *hod* 'праздник', словенское *god* 'удобное время', 'праздник', а также английское *good* 'хороший'. Заметьте, что русское слово *добрый* восходит к общеславянскому корню ***doba-*** (индоевропейскому ***dhabh-*** 'соответствовать'), также означавшему 'период времени': сравните значения прилагательных *удобный* 'подходящий' и *подобный* 'такой, как'.

Время и погода оказываются в близком родстве и в других языках: например, в латинском — *tempus* 'время' и *tempestas* 'время', 'погода'; или



в латышском — *laiks* 'временной период', 'срок' и *laiks* 'погода'.

Подчиняясь законам системности, в литературном языке слово *погода* утратило все значения, кроме одного, что отразилось и на прилагательном *погодный*, которое в современном литературном языке используется редко *(погодные условия)*, а в древнерусский период могло обозначать 'благоприятный' *(погодный ветер)* или 'относящийся к ненастью' (например, в тексте грамоты: *«Тонул от погодного времени»*).

Вернёмся к былине о Садко. Теперь, наконец, понятно, что *сильная погода* означает 'сильный ветер'. В другой записи былины этот эпизод пересказывается так: *«Судно стало на осерёдке моря. Ветер дует, а судно никуда нейдёт»*. Таким образом, в тексте рассказывается о необычном явлении: несмотря на хороший (сильный) ветер, корабль Садко *застоялся*. Именно это чудо заставило Садко вспомнить о *морском царе*, которому *дани не плачивали*.

ЧЕРЛЁНЫЙ КОРАБЛЬ И КРАСНО ЗОЛОТО

Садко плыл по *синю морю* на *черлёном* корабле. Ясно, что прилагательное *черлёный* означает какое-то качество корабля. Каким же был корабль у Садко?

ЛУЧШИЙ ТРОЕЧНИК

Ответ становится ясен из полного текста фразы, взятой из повести А. П. Чехова «Степь»:

«...Кирюха жил в кучерах у хороших людей и на весь округ считался лучшим троечником».

Этого значения слова *троечник* уже нет в современном языке. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова оно не указано. Но в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и в обоих академических словарях (17- и 4-томном) оно есть. Это 'извозчик, ямщик, ездящий на тройке'.

У многих на слуху начало стихотворения:

Ну, кажись, я готов:
Вот мой кафтанишко...
Рукавицы на мне,
Новый кнут под мышкой...

При этом, вероятно, не все, помнящие эти строки, уверенно скажут, что их автор Иван Саввич Никитин. А название стихотворения наверняка угадают очень немногие. Называется оно «Выезд троечника».

Прилагательное *червлёный (черлёный)* не из тех слов, которые используются повседневно. Однако оно поможет понять тексты, созданные в далёком прошлом, а также специально архаизировать язык. Так, например, это слово употребил Алексей Константинович Толстой в былине «Алёша Попович»: *«За плечами видны гусли, а в ногах червлёный щит»*. Поэтому слово *червлёный* имеется в современных толковых словарях русского литературного языка, но с пометой «устар.» (устаревшее). Обращение к древнерусской письменности проясняет значение этого слова. Прилагательное *червлёный* 'тёмно-красный' является страдательным причастием прошедшего времени от глагола *червить* 'красить', в свою очередь образованного от существительного *червь* 'красная краска' или 'ткань красно-пурпурного цвета'. Есть предположение, что это слово связано со словом *червь*, так как в древности красную краску получали из мелких червей.

Другой вариант этого прилагательного — слово *червонный* 'красный', 'алый' в XV—XVI вв. переняло новое значение у польского прилагательного *czerwony* 'калёный', 'раскалённый' (этот процесс стали называть *калькированием*, т. е. копированием значения). Таково происхождение выражения *czerwony złoty* или русского слова *червонец*. Это название монеты из золота высшей пробы, а само золото высокой чистоты определялось как *червонное*, т. е. 'красное'. Вот и купец Садко грузил на свои *черлёные* корабли *красно золото*.

СОРОК СОРОЧЕК

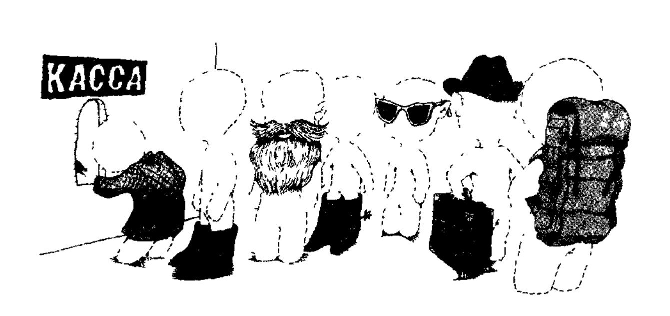
Золото и серебро Садко приказал засыпать в *бочки-сороковки*. Слово *сороковка* не используется в современном языке, однако понятно, что оно связано с числительным *сорок*. Действительно, бочка-сороковка вмещала в себя 40 вёдер содержимого.

Числительное *сорок* представлено только в трёх славянских языках — русском, украинском и белорусском. В других славянских языках число 40 передаётся сочетанием числительных *четыре* и *десять*, например, болгарское *четиридесет*. Когда-то аналогично устроенное числительное было и в восточнославянских языках, но его вытеснило из общего употребления слово *сорок*.

Слово *сорок* является родственным слову *сорочка* 'рубашка'. Его современное значение развилось, как считают исследователи, в языке охотников, которые называли так некоторое подобие тары, вмещавшей ровно четыре десятка шкурок пушного зверя. А вот в датском языке похожую историю имеет числительное *двадцать*. Слово *snesn* 'двадцать' первоначально обозначало 'прут, длинную ветку, на которую помещалось примерно 20 рыб', и использовалось в языке рыболовов.

Такой процесс называется *метонимическим переносом*. Суть его в том, что название, принятое для одного понятия или объекта, «перетекает» на те, которые связаны с ним по смежности. Эта смежность предстаёт в самых разнообразных формах, например: соотнесение вместилища и того, что в нём содержится *(узорчатое **блюдо**, обед из трёх **блюд**)*; места и связанного с ним события *(строить **дорогу**, долгая **дорога**)*; населённого пункта и жителей *(подъехать к **деревне**, **деревня** гуляет на свадьбе)*; действия и результата действия *(**рассказ** занял целый вечер, книга **рассказов**)*; человека и детали его одежды (вспомним, как А. П. Чехов описывал Трубную площадь в Москве: *«Копошатся, как раки в решете, **сотни тулупов, бекеш, меховых картузов, цилиндров**»*. А вот примеры метонимических переносов по этому признаку, возникших уже в конце XX столетия: *чёрные береты* 'бойцы ОМОНа', *краповые береты* 'спецназ', *голубые каски* 'солдаты ООН'.

В разговорной речи часто используется *метонимический перенос*, который характерен только для определённых контекстов и не приводит к появлению нового значения; например, на вопрос: *Что с тобой?* может последовать ответ: *Голова* (вместе с тем само по себе слово *голова* не имеет значения 'головная боль'). В некоторых ситуациях людей называют по особенностям их внешнего вида: *За кем ты занял очередь? — За бородой,* что соответствует сочетанию 'за бородатым человеком'. Метони́мия позволяет экономить речевые усилия, преобразовав словосочетание в одно слово, поэтому она так распространена именно в разговорной речи. Очень употребительна метонимия, когда соотносится автор и его произведение *(Мы ходили смотреть **Репина**)*. Однако в литературном языке способность слов сочетаться ограничена: вряд ли уместно *Давайте повесим **Репина**, маленький **Репин**,* а вот в разговорной речи такие обороты очень часты.



ПОЭТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА

От языковой метафоры отличается метафора — литературный приём, как, например, у Маяковского:

Говоря по-нашему,
рифма —
бочка.
Бочка с динамитом.
Строчка —
фитиль.
Строка додымит,
взрывается строчка, —
и город
на воздух
строфой летит.

Такие развёрнутые метафоры рождаются и живут только в художественных текстах, «стиранию» они не подвержены.

САМОВАР С НОГАМИ

Комический персонаж народного кукольного театра Петрушка был известен своим лукавством.

— Самовар поставил? — спрашивает его барин, к которому он нанялся в услужение.

— Я самовар-то поставил, да он у меня *убежал,* — отвечает Петрушка.

— Куда *убежал?*

— В Москву за капустой.

— А разве самовар с ногами, что ли?

— То есть виноват, барин, самовар-то остался, да *кипяток убежал.*

Когда говорят: *чайник **бежит**, суп **убежал**,* то стремятся передать способность жидкости при кипении быстро исчезать (испаряться, выливаться) из сосуда, в котором она нагревалась, как будто речь идёт о ком-то одушевлённом. Точно так же как ***бежит** человек,* могут ***бежать** реки, дороги, облака, время*... Всё это примеры *метафоры* — переноса названий с одних объектов на другие по сходству.

Метафора позволяет словам развивать новые значения. Во все времена люди непрерывно сравнивают между собой предметы, явления, состояния, поступки, выделяя в них некоторый общий признак. Это может быть форма *(**головка** сыру, **луковки** церквей, **пузатый** чайник)*, расположение *(**подошва** горы, газетный **подвал**)*, размер или количество *(**океан** слёз, **туча** комаров)*, степень подвижности (*чурбан, стрекоза* — о людях), характер звучания *(дождь **барабанит**, пила **визжит**, ветер **воет**)*.

функции *(брачные* ***оковы, паутина*** *лжи,* ***погасить*** *ссору)* и т. д.

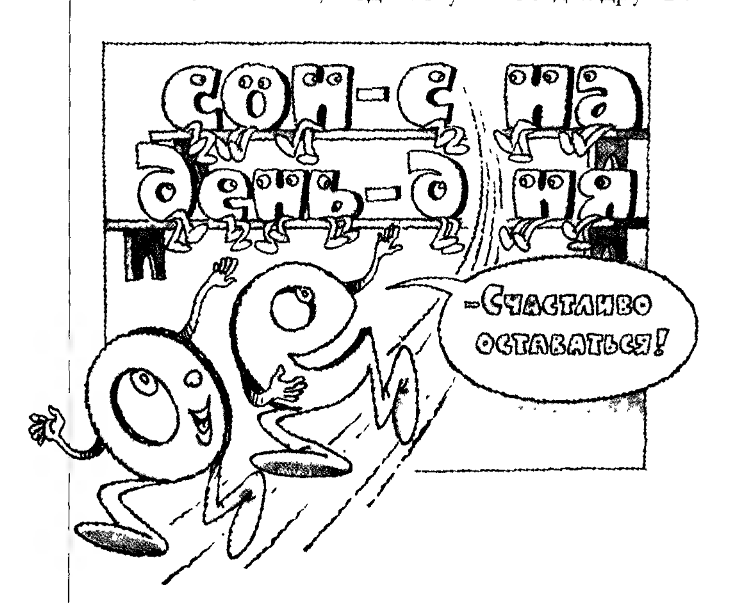
Метафорические переносы особенно активно затрагивают слова, относящиеся к важной в данный момент области жизни общества. Так, примерно с 20-х гг. XX в. источником метафор часто была военная терминология *(техническое перевооружение, фронт работ, взять рубежи, мобилизовать резервы, рабочая гвардия, битва за урожай, педагогический десант).* В 80—90-х гг. XX в. ключевое слово *перестройка* породило целый ряд метафор, основанных на сравнении общества и здания: к пушкинским *обломкам самовластья* добавились *этажи тоталитаризма, коридоры власти, подвалы экономики, казармы застоя* и др.

Острота восприятия сходства может со временем притупляться, и метафора становится стёртой. Мы не ощущаем её, когда сетуем, что *молоко опять убежало.* Но неожиданное буквальное её толкование *(«А разве самовар с ногами...»)* может «оживить» метафору, вернуть ей былую изобразительность.

Метафора быстро «тускнеет», если она оказывается удачной и быстро подхватывается обществом. В начале XIX столетия поэт Евгений Абрамович Баратынский написал стихотворение *«Дорога жизни».* В ту же эпоху Пушкин писал о *телеге жизни.* С тех пор *телегу* сменили *паровоз, локомотив, поезд,* а человек по-прежнему ползёт, мчится, летит по *дороге жизни,* его заносит в крутой вираж...

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОНЕТИКИ

Многие явления в современном языке на первый взгляд кажутся загадочными, не поддающимися объяснению. В корне слова *с**о**н* стоит беглый гласный [о]: *сна — сн**о**видение.* То же самое происходит и в слове *д**е**нь: дня — дн**е**вной.* Почему и куда гласные «убегают»? ***Ухо*** — но ***уши, нога — ножка, рука — ручка.*** Что заставляет одну согласную меняться на другую? Бывают и другие чередования: ***время — времени, имя — имени, снять — снимать, мять — мнёт, начать — начнёт.*** Здесь совсем странно: гласный меняется на согласный, а один звук — на два других.

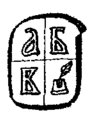


Разгадку нужно искать в истории языка. Памятники письменности свидетельствуют, например, что современные беглые гласные, — это отражения, *рефлексы* (от *лат.* reflexus — «обратное движение», «поворот») особых гласных звуков древнего языка, не сохранившихся в современном. Историю звуков языка изучает *историческая фонетика.* Попробуем с её помощью найти ответы на свои вопросы.

ГЛАСНЫЕ

В праславянском языке, предке древнерусского и современного русского, было 11 гласных фонем. Кроме общих с современным русским языком ***а, е, о, у, и, ы*** (два последних гласных в современном языке образуют одну фонему, а в праславянском и раннедревнерусском это ещё были две разные фонемы) существовали: два носовых гласных (носовые ***е*** и ***о***), два редуцированных (**ъ** «ер» и **ь** «ерь»), гласный **ѣ** «ять».

Представить себе, как произносились *носовые* гласные в праславянском языке, легко тому, кто знает французский или польский: в этих языках тоже есть носовые гласные. Они произносятся, например, во французских словах *temps* [tã] — «время», *rien* [rjẽ] — «никогда», *montre* [mõtr] — «наручные часы». Носовые гласные были и в старославянском. Кирилл, составляя славянскую азбуку, ввёл для их обозначения специальные буквы — «юсы». В кириллице было два «юса»: ѧ — «юс малый», обозначавший носовой ***е,*** и ѫ — «юс



большой», обозначавший носовой звук **ѫ**. По-старославянски писали: **мѫжь** 'муж', **сѫдии** 'судья', **пѫть** 'путь', **идѫтъ** 'идут', **несѫщи** 'несущая'; **пѧть** 'пять', **сѧдетъ** 'сядет', **ходѧтъ** 'ходят'.

Судьба носовых гласных в славянских языках складывалась по-разному. В диалектах восточных славян они исчезли очень рано — ещё до появления в XI в. первых памятников письменности. Но пропали они не бесследно: носовой ***е*** перешел в [а], смягчив предшествующий согласный, а носовой ***о*** — в [у]. Так, звук [а] в словах *грязь, мять, вянуть, жать* и многих других восходит к праславянскому носовому ***е***, а [у] в словах *мудрый, суд, внутренний, ловлю, поющий* и других восходит к праславянскому носовому ***о***.

Откуда учёные знают, когда были утрачены носовые гласные? По самым старым рукописям, написанным на Руси, видно, что книжники читали букву **ѧ** как [а], а **ѫ** как [у]: вместо **ѧ** они могли написать буквы **а**, **ꙗ** (про них точно известно, что они читались как [а]) и наоборот; а также написать вместо **ѫ** буквы ***оу, ю*** (а эти буквы читались как [у]) и наоборот. На одной и той же странице рукописи XI в. можно увидеть такие, например, написания: **вьсꙗ** и **вьсѧ** 'вся'; **сѫдъ** и **соудъ** 'суд'; **жажда** и **жѧжда** 'жажда'; **пишѫ** и **пишю** 'пишу'; **начати** и **начѧти** 'начать'; **мѫжь** и **моужь** 'муж'. Позже, в XII в., буква **ѫ** выходит из употребления.

Как образовались носовые гласные, нам рассказывают чередования в суффиксах существительных на ***-мя: время*** — *времени*, ***имя*** — *имени*. У этих слов есть суффикс ***-мя-//-мен-***, который на конце слова оканчивается на ***-я*** (окончание при этом нулевое), а если за ним идёт гласный окончания, то он оканчивается на ***-ен-***. Когда-то в праславянском языке суффикс имел единый вид: ***-мен-***. Затем начал действовать *з а к о н   о т к р ы т о г о   с л о г а*. По этому закону в языке могли быть только слоги, оканчивающиеся на гласный, но не на согласный (слоги типа *слон, так* были невозможны). Закону открытого слога противоречили и последние слоги форм **вре-мен, *и-мен* (сравните с *лат.* nomen — «имя»). Сочетание ***ен*** в этих формах слилось в один носовой гласный, и тогда все слоги стали открытыми. Позже, в раннем древнерусском языке, носовой ***е*** превратился в ***а***, и получились наши современные формы — ***время, имя***. А в формах ***имени, времени*** не было необходимости преобразовывать сочетания ***-ен-***, поскольку все слоги в них и так были открытыми. Об образовании носовых гласных из сочетаний «гласный + носовой согласный ***н, м***» в положении перед согласным говорят и чередования в корнях глаголов: *взять* — *во**зьму**, на**чать*** — *на**чну**, **жать** — **жну**, **жать** — **жму**, рас**пять*** — *рас**пну*** (***а,я*** здесь восходит к носовому ***е***).

ИЗ СЕРБСКОХОРВАТСКОГО

Приведены соответствующие друг другу слова двух родственных языков: слева — сербскохорватские, справа — русские. Некоторые слова пропущены.

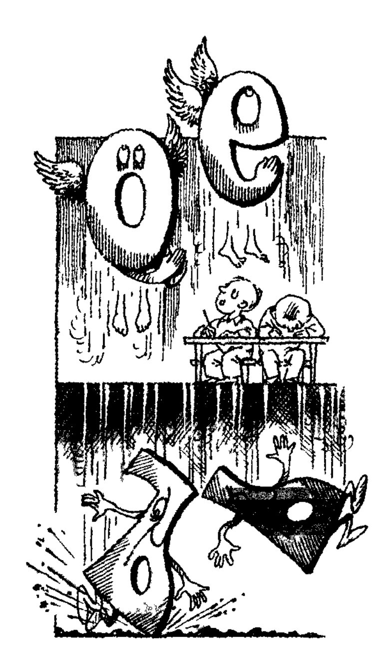
пас	пёс	*дошао*	дошёл
клен	клён	*плела*	—
мео	мёл	*жена*	жена
—	мёд	—	пчела
—	лен	*осао*	осёл
село	село (деревня)	*отац*	—
лав	лев (животное)	—	горек
полет	полёт	*во*	—
болан	—	—	бел
—	ложь	*зао*	зол (от злой)
сан	сон	*раж*	—
род	род	*го*	гол (от голый)

Заполните пропуски нужными словами и опишите подмеченные вами закономерности.

В раннедревнерусском языке (и ещё раньше — в праславянском) были два *р е д у ц и р о в а н н ы х* (от *лат.* reductio — «возвращение», «отодвигание назад»), или *с в е р х к р а т к и х* гласных. Их обозначали буквами **ъ** («ер») и **ь** («ерь»). Редуцированный гласный **ь**, видимо, произносился, как звук, средний между современными [и] и [е] (примерно как первый гласный в слове *человек*), а редуцированный **ъ** — как звук, средний между [ы] и [а] (приблизительно как первый гласный в слове *молодёжь*). Несмотря на свою краткость, редуцированные были полноценными гласными, в частности они могли образовывать слоги. Так, в древнерусском языке слова **домъ**, **пьсъ**, **конь** (сравните современные слова *дом, пёс, конь*) были двухсложными, слово **събьралъ** (сравните современное *собрал*) — четырёхсложным.

Редуцированные гласные часто встречались в словах древнерусского языка, а также старославянского и их общего предка — праславянского. Это видно по количеству букв **ъ** и **ь** в таком отрывке древнего текста: **сълѣзъшоу ісоу съ горы. сърѣте и народъ мъногъ и се мѫжь иꙁ народа. възъпи и гла оучителю. молю тѧ призьри на сіна моего** («Когда Иисус сошёл с горы, его встретило множество людей. И вот человек громко сказал ему: „Учитель! Прошу тебя, взгляни

на моего сына“») Редуцированные отличались от остальных гласных следующим· их произношение (длительность) зависело от того, что́ следовало за слогом с редуцированным Принято различать так называемые *сильные* и *слабые позиции* редуцированных. В древнерусском языке слабыми (в них редуцированные произносили с меньшей длительностью) были



позиции на конце слова (**домъ, осень, идеть**); перед слогом с любым гласным, кроме редуцированного (**бьрати** 'брать', **мъного** 'много', **начьнеть** 'начнет', **кънязь** 'князь', **съто** 'сто'), и перед слогом с редуцированным в сильной позиции (**дьньсь** 'днесь'. 'сегодня') Сильными (в них редуцированные имели бо́льшую длительность) были позиции· перед слогом с редуцированным в слабой позиции (**сънъ** 'сон', **дьнь** 'день', **възьми** 'возьми', **пьсъ** 'пёс', **мъхъ** 'мох') и в сочетании со звуками ***р*** и ***л*** между согласными (**пьрвъи** 'первый', **кърмъ** 'корм', **дългъ** 'долг', **вълкъ** 'волк').

В древнюю эпоху существования славянских языков (когда они уже выделились из праславянского) начался процесс *падения редуцированных*. В слабых позициях редуцированные исчезли, в сильной — продолжали произноситься С течением времени они совпадали в звучании с уже имеющимися в языке гласными В древнерусском гласный **ъ** в сильной позиции совпал с ***о***, а **ь** — с ***е***.

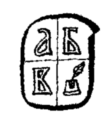
Наследие редуцированных в современном русском языке — беглые гласные. Например, в древнерусском языке форма именительного па-

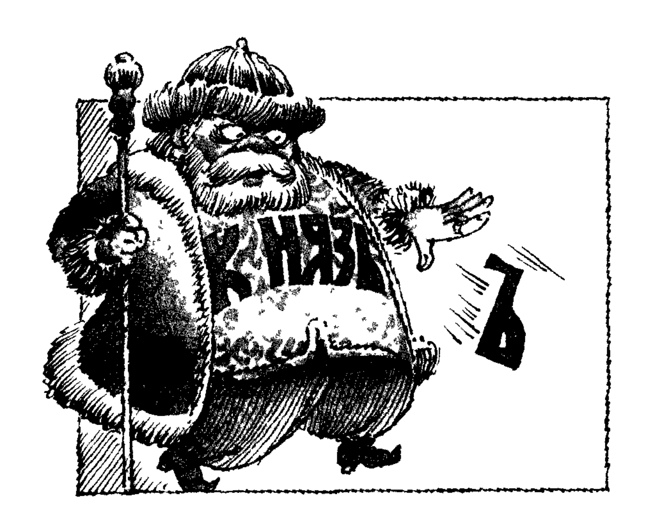
СЛАВЯНСКИЙ СТИХ

Учёные считают, что падение редуцированных звуков — «еров» — сказалось не только на языке, но и на культуре славян. Когда славяне еще были единым народом, у них уже существовал эпос, т е. песни о богатырях и их подвигах. И хотя эти песни до нас не дошли, филологи уверенно говорят, что сложены они были стихом, основанным на счёте слогов (его называют *силлабикой*): в каждом стихе, т. е. строчке, было десять слогов.

После падения редуцированных (кратких) звуков стих разрушился: в одной строке «еров» по случайности не оказалось, и она так и осталась десятисложной. А в соседней их могло быть пять, и от нее осталось только пять слогов. Вместо стихов получался хаос, который плохо запоминался: ведь поэзия была устной, и её нужно было хранить в памяти.

Дальнейшая судьба эпических песен в разных землях сложилась по-разному. Богатырские («юнацкие») песни южных славян — болгар и особенно сербов сохранили древний силлабический десятисложный стих. У восточных славян на смену силлабике пришла *то́ника* — стих, основанный на счете ударений (т. е. слов). Так сложены русские былины. Возможно, это произошло потому, что на Руси, особенно на севере, падение редуцированных шло довольно медленно, и у сказителей было время, чтобы перестроить стих. А в западнославянских землях, по-видимому, процесс развивался стремительнее. Западные славяне утратили эпический стих, а с ним и героический эпос. Только пересказы некоторых сюжетов сохранились в старинных хрониках.





дежа единственного числа слова *сон* содержала две буквы **ъ: сънъ** Конечный **ъ** находился в слабой позиции, корневой **ъ** — в сильной. После падения редуцированных получается *сън*, затем *сон.* А в форме родительного падежа этого слова *(**съна**)* корневой **ъ** стоит в слабой позиции — значит, после падения редуцированных получается *сна.* Так чередование сильного и слабого **ъ** и **ь** преобразовалось в чередование гласного *(**о, е** или **и**)* с нулем звука возникли беглые гласные.

Падение редуцированных без преувеличения можно назвать главным событием в истории славянских (в том числе и русского) языков послепраславянского времени Благодаря ему не только уменьшилось число гласных в языке и появились беглые гласные. После падения редуцированных в древнерусском языке изменилась структура слога: если до него все (или почти все) слоги были открытыми, то теперь появилось большое количество закрытых слогов Коренным образом изменилась и система согласных звуков. Это изменение наметилось ещё до падения редуцированных: твёрдые согласные стали мягкими перед гласными переднего ряда. Например, в словах **мѣрити** 'мерить', **дьнь** 'день' раньше все согласные были твёрдыми; потом твёрдые «приспособились» к стоящим за ними гласным переднего ряда ([и], [ь] и [ѣ]) и стали произноситься мягко· *м'ѣр'ит'и*, *д'ьн'ь* Однако «новые мягкие» не были ещё полноценными согласными фонемами, так как их мягкость определялась тем, что за ними шёл гласный переднего ряда. После падения конечных редуцированных мягкие согласные (те, которые уже смягчились перед конечным **ь** в словах типа **кость**, **соль**) оказались на конце слова Теперь их мягкость уже не была обусловлена

ВСЕГО ОДНА БУКВА

Процесс падения редуцированных был длительным и происходил в разное время в разных диалектах древнерусского языка. К тому же конечные редуцированные исчезли раньше, чем редуцированные в других слабых позициях. Например в древненовгородском диалекте конечные редуцированные были утрачены в конце XI в., а в других слабых позициях лишь во второй половине XII в. Такое состояние языка отразилось в новгородской берестяной грамоте начала XII в. Ученые догадались об этом по написанию одной-единственной буквы. В грамоте редуцированные гласные обозначены очень последовательно (как если бы они были в живом произношении) — и при этом нет ни одной буквы «ер» или «ерь»! Это особая орфографическая система, так называемая *б ы т о в а я с и с т е м а п и с ь м а*, по которой вместо **ъ** пишется **о**, а вместо **ь** — **є**. Бытовая орфография характерна для древнерусских деловых, юридических документов и частных писем. Вот начало грамоты: **ѿ нѣжеке ко ʒавидꙋ чемоу не восолеши чето ти есемо водала ковати**. Тот же текст в стандартной древнерусской орфографии: **(от) нѣжькѣ къ завидоу чемоу не въсълеши чьто ти есемъ въдала ковати**. («От Нежки к Завиду. Почему ты не присылаешь то, что я тебе дала выковать?»)

По правилам древнерусского спряжения должно быть написано *есмь*. В грамоте написание **єсємо** говорит о том, что согласный **м** отвердел. К тому же буква **є** перед **м** в этой форме «лишняя»: она обозначает гласный, вставленный в неудобопроизносимое конечное сочетание согласных. Значит, конечные редуцированные во время написания грамоты уже не произносили, хотя и писали по правилам орфографии.

ИЗ СЕРБСКОХОРВАТСКОГО

Можно заметить, что русскому **о** может соответствовать сербскохорватское **о** или **а**, русским **е** и **ё** — сербскохорватское **е** или **а**. Изменяя русские слова или подбирая для них однокоренные, отмечаем, что в сербскохорватском слове стоит **а**, если в соответствующем русском слове — беглый гласный **о**, **е** или **ё**, т. е. такой гласный, который чередуется с нулем звука *(сон — сна, лев — льва, пёс — пса).* Если же в русском слове **о** или **е(ё)** не беглые, тогда в сербскохорватском появляются соответственно **о** или **е** (**ё** в сербскохорватском отсутствует). Конечному русскому **л** после гласной соответствует **о** в сербскохорватском (при этом сочетание **оо** упрощается в **о**). Буква **ь** в сербскохорватском не используется (что видно, когда мы переводим с сербскохорватского слово *раж* — ***рожь***, и мы применяем это, когда выполняем перевод в обратную сторону: русское *ложь* — сербскохорватское *лаж*).

Теперь выполним контрольные переводы: ***мед*** — мед (**ё** не беглое, сравните: *меда*), ***лан*** — *лен* (сравните: *льна*), *болан* — ***болен, лаж*** — *ложь* (сравните: *лжи*), *плела* — ***плела, пчела*** — *пчела, отац* — ***отец, горак*** — *горек, во* — ***вол, бео*** — *бел, раж* — ***рожь.*** (Ответы выделены полужирным шрифтом.)

ПРОСТАВЬТЕ *е* и *ѣ*

Даны русские слова в старой орфографии: *бѣлить, грезить, дѣльный, медокъ, мѣлокъ, плеть, рѣка, свѣтлый, селить, сельскій, снѣгъ, сѣтка, темный, шека, шелка.*

Буква *ѣ* («ять») до 1918 г. писалась в некоторых словах, где по современной орфографии пишется **е.** Разницы в произношении букв **е** и *ѣ* не было, поэтому, когда учились писать, написание многих слов приходилось просто заучивать. Однако в первом приближении употребление букв *ѣ* и *е* описывается достаточно простым правилом. Конечно, из этого правила есть исключения, но примеры и контрольные слова в задаче подобраны так, чтобы среди них не было исключений и правило можно было обнаружить.

Сформулируйте это правило и напишите в старой орфографии следующие слова: *беда, верить, весна, ель, клен, клеть, лесок, плен, пчельник, резать, сера, стена, стрела.*

ГЛУХАЯ ЦЯЦЕРА

Перед вами белорусские существительные: *дзень, дзікабра́з, жані́х, жарабе́ц, жывагло́т, кале́на, ны́шік, пі́ва, пяры́на, рэ́па, цесць, цяпло́.*

1. Переведите с белорусского языка словосочетание *глуха́я цяце́ра.*

2. Переведите на белорусский язык слова *береза, дерюга, дитя, жито, порядок, река, рисунок, седок, тень, тина* и укажите правила, которыми вы при этом пользовались.

передним рядом следующего гласного (ведь гласного уже никакого не было: [кост'ъ], [сол'ъ], [осм'ъ] превратились в [кост'], [сол'], [осм']) Поэтому после падения редуцированных мягкие согласные стали самостоятельными фонемами, способными различать слова· *мя*[т] — *мя*[г'], *ме*[л] — *ме*[л']. Значит, наша современная система согласных с парами по твёрдости/мягкости сформировалась уже в конце XI в.

Количество согласных в русском языке после падения редуцированных и появления мягких согласных фонем, парных твёрдым, сильно возросло. Количество гласных, наоборот, уменьшилось, и не только потому, что из системы звуков были «вычеркнуты» редуцированные. Появление парных по твердости/мягкости согласных фонем изменило отношения гласных ***и*** и ***ы.*** Теперь они объединились в одну фонему, став «заместителями» друг друга в разных фонетических позициях: ***и*** бывает только в начале слова и после мягкого согласного, ***ы*** — только после твёрдого. Это ещё одна особенность современного русского литературного языка, сформировавшаяся после падения редуцированных гласных.

Ещё одна утрата была связана с исчезновением фонемы «ять». В старой русской орфогра-

ПЕРЕХОД *е* в *о*

С XII в. в древнерусских текстах появляются свидетельства перехода гласного ***е*** в ***о*** перед твердыми согласными. Если до него произносили [в'эл] — *вел,* [п'эс] — *пес,* [гр'эп] — *греб,* то после стали говорить так, как мы говорим сегодня: [в'ол], [п'ос], [гр'оп]. Этот переход затронул гласный ***е,*** восходящий к звукам ***е*** и ***ь,*** но не к звуку *ѣ.* На месте *ѣ* перед твердым согласным сохранялся ***е:*** [л'э́с], [м'э́сто].

В современном русском языке из правила о переходе ***е*** в ***о*** есть немало исключений. Многие из них обусловлены недавним отвердением следующего за ***е*** согласного (например, слова *женский, первый* произносились как *же*[н']*ский, пе*[р']*вый* еще долгое время после того, как закон о переходе ***е*** в ***о*** прекратил свое действие, и поэтому в них осталось ***е***).

В русском литературном языке переход ***е*** в ***о*** перед твердыми согласными бывает только в ударной позиции. А в северорусских говорах он есть и в безударной позиции ([н'осу́], [пом'орла́]).

фии была буква ѣ («ять»), обозначавшая звук [е] русского литературного языка. Буква «ять» по традиции писалась во многих русских словах, в которых она встречается и в древнейших славянских рукописях (**лѣсъ, хлѣбъ, сѣлъ, сидѣлъ, жалѣти**). Орфографическая реформа 1918 г. устранила «ять» из русского алфавита как избыточную: ведь в алфавите есть буква ***е***, которая тоже обозначает звук [е].

Между тем в древнерусском языке буква ѣ обозначала особый звук, отличный от [е]. Полагают, что «ять» в древнерусских диалектах был звуком верхне-среднего подъёма [ẹ] (как первый звук в слове *эти*) или дифтонгом (сочетанием звуков) [͡ие]. Отличие [ѣ] от [е] сохраняют до сих пор многие русские народные говоры.

Реформа, устранившая букву ѣ, очень облегчила жизнь школьников: ведь в литературном языке всего пять гласных фонем, и теперь не надо было учить наизусть список слов, в которых пишется ѣ. Зато хуже стало тем, кто произносит особую фонему ѣ: им приходится одной буквой передавать две разные фонемы (как если бы москвичам предложили такое правило графики: звуки [и], [э] передавать одной буквой ***е***).

ПОЛНОГЛАСИЕ

Сравните древнерусские и современные русские слова с их соответствиями в старославянском языке: **городъ** — *город* — **градъ**; **берегъ** — *берег* — **брѣгъ**; **голосъ** — *голос* — **гласъ**; **молоко** — *молоко* — **млѣко**. Сочетания ***-оро-, -ере-, -оло-*** между согласными — полногласие — возникли у восточных славян ещё до появления памятников письменности. В тех морфемах, где у восточных славян были полногласные сочетания, в языках южных славян появились сочетания неполногласные: **ра, ла, рѣ, лѣ**.

Полногласие и неполногласие образовались в разных славянских языках по одной и той же причине: нужно было избавиться от закрытых слогов. В праславянском языке на месте полногласия и неполногласия были сочетания ***ор, ол, ер, ел***. Это подсказывают соответствия с родственными индоевропейскими языками: сравните приведённые выше примеры с английскими *garden, milk,* немецким *Berg*. Южнославянские языки решили проблему, поменяв гласный и согласный местами, а восточнославянские — добавив после согласных ***р*** или ***л*** еще один гласный. В русском литературном языке корни и приставки с неполногласием или заимствованы из церковно-славянского (***пресечь, привлечь, чрево, огласить, бразды***), или образованы по модели церковно-славянских слов (***гласный, млекопитающее***).

СОГЛАСНЫЕ

Если число гласных в истории русского языка уменьшалось, то число согласных, наоборот, увеличивалось. Это происходило за счёт появления новых мягких согласных фонем (этот процесс начался ещё в праславянском языке).

Первоначально в праславянском был всего один мягкий согласный — ***j***. Затем, ещё на очень раннем этапе жизни праславянского, изменились законы сочетаемости звуков: заднеязычные согласные ***к, г, х*** не могли больше сочетаться с гласными переднего ряда. Поэтому во всех словах, где были сочетания типа ***ки, ги, хи,*** заднеязычные смягчились и перешли в шипящие: ***к*** в ***ч', г*** в ***ж', х*** в ***ш'***. Это изменение лингвисты называют *первым переходным смягчением заднеязычных согласных (первой палатализацией)*. Так появились три мягкие согласные фонемы. Их рефлексы мы находим в словах *широкий, жена, чистый*, а также *час, чудо, жало* (в трёх последних словах гласные непереднего ряда после шипящих образовались позже из гласных переднего ряда). После смягчения заднеязычных в языке появились *чередования* заднеязычных согласных с шипящими: *могу* – *можешь, пеку* – *печёт, рука* — *ру**ч**енька* — *ру**ч**ка, овраг* – *овра**ж**ек, су**х**ой* – *су**ш**ить*. Эти чередования пронизывают всю систему согласных современных славянских языков.

С первым переходным смягчением связаны чередования и в словах *оте**ц*** – *оте**ч**ество, огуре**ц*** — *огур**ч**ик, князь* — *кня**ж**еский*.

Спустя некоторое время после первого переходного смягчения заднеязычных согласных в праславянском языке появились новые гласные переднего ряда ѣ и ***и,*** образовавшиеся из дифтонгов. Опять возникли сочетания заднеязычных согласных с гласными переднего ряда, а язык по-прежнему стремился от них избавиться. Заднеязычные перед ѣ и ***и*** смягчились, но перешли уже не в шипящие, а в свистящие звуки: ***к*** в ***ц', г*** в ***͡дз'*** (в некоторых диалектах — в ***з'***), а ***х*** в ***с'***. Это изменение называется *вторым переходным смягчением заднеязычных согласных (второй палатализацией)*. Его результаты мы видим в словах *серый, седой, целый, цена, зеница, царь* и др. Так появились ещё три мягкие согласные фонемы.

Третье переходное смягчение заднеязычных согласных (третья палатализация) дало те же результаты в праславянских диалектах, что и второе. Однако

УДАРЕНИЕ

В современном русском литературном языке ударный слог слова произносится громче и длиннее безударных. Такой тип ударения называют *динамическим*, или *силовым*.

В праславянском и раннем древнерусском языках ударение было *музыкальным*, или *тóновым*. При таком типе ударения на протяжении ударного слога изменяется высота звука (тон), ударный слог как бы поется.

Каждой словоформе праславянского языка было свойственно определенное ударение: либо *восходящее*, при котором тон повышался (например, оно было во всех формах слов *сúла, сúльный*, в инфинитивах *ходúти, бьрáти, вязáти*), либо *нисходящее* — с понижением тона (в винительном падеже единственного числа некоторых слов женского рода: *голову, нóгу, рýку;* в формах прошедшего времени мужского, среднего рода и множественного числа некоторых глаголов: *пéредаль, зáпили, жúль, пýстиль, прóстили* и др.).

Как и в современном русском, в древнерусском и праславянском языках ударение могло стоять на любом по счету слоге слова. Такой тип ударения называют *свободным*. Но в древнерусском и праславянском языках только восходящее ударение могло стоять на любом слоге, а нисходящее всегда стояло на начальном слоге. Нисходящее ударение обладало еще одним свойством: если перед словоформой с этим ударением ставили приставку, предлог, союз или частицу, то ударение перемещалось на них. Эта особенность сохранилась у многих форм в современном русском языке: *гóлову — нá голову, нóги — нá ноги, рýки — зá руки, гóрод — зá город, дáл — прóдал, взя́ли — зáняли, прúняли.* А современное ударение форм *родился, напился́, начался́* показывает другое свойство словоформ с нисходящим ударением в праславянском и древнерусском языках — «отдавать» ударение стоящей после них частице или местоимению. Восходящее ударение за пределы словоформы не уходило.

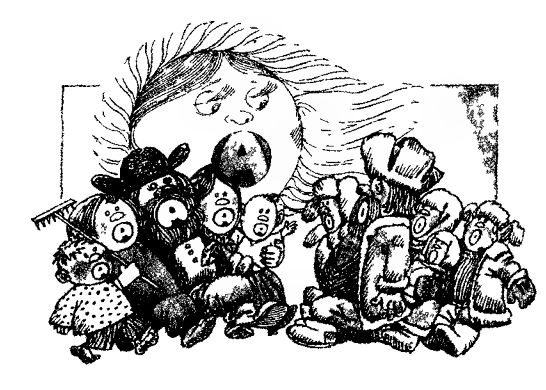
В современном русском языке одни слова имеют *неподвижное ударение* (оно не меняет места в разных формах одного слова: *вóля, вóли, вóлей; слáвить, слáвлю, слáвит*), а другие — *подвижное* (меняет место при изменении форм слова: *бородá, бóроду, бородьí, борóд; ходúть, хожý, хóдит, ходúли, хóженый).* Эти типы ударения сформировались еще в праславянском языке. Они были тесно связаны с типами музыкального ударения. Слова с неподвижным ударением и часть — с подвижным *(носúть)* имели восходящий тон ударного слога во всех своих формах. Остальные слова с подвижным ударением в одних словоформах имели восходящее ударение *(бородá, бородé, бородáми; дáть, дадúте, далá)*, а в других — нисходящее *(бóроду, бóроды; дáль, дáло, дали, дань).*

Нельзя сказать точно, когда музыкальное ударение заменилось в русском языке на динамическое. Ученые считают, что в раннедревнерусский период музыкальное ударение еще сохранялось. Во многих случаях место ударения не изменилось с праславянских времен. Однако ряд преобразований привел к тому, что в современном русском литературном языке — одна из самых сложных систем ударений в мире.

Среди следствий перехода от музыкального ударения к динамическому *аканье* — совпадение в одном звуке гласных неверхнего подъема в безударных слогах. Сильное динамическое ударение привело к ослаблению и сокращению гласных безударных слогов — эти изменения гласных называют *редукцией*. Поэтому мы говорим [хадúт']; [з'иᵉмл'á]; [п'иᵉтáк]; [мълакó].

Аканье возникло еще в древнерусскую эпоху. Позже оно распространилось с юга на север из-за массовых миграций населения. В говоре Москвы сосуществование оканья и аканья появляется в XIV в., а сегодня граница между ними отодвинулась к северу от Москвы.

Ударение в современных окающих (как и в акающих) говорах динамическое, однако в окающих оно гораздо слабее. Поэтому в них часто бывает не так просто на слух определить место ударения в слове.



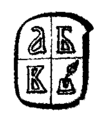
Аканье возникло в южных областях и постепенно продвигалось на север.

ГЛУХАЯ ЦЯЦЕРА

Значения белорусских слов угадать нетрудно (хотя некоторые станут окончательно ясны лишь в процессе решения задачи). В белорусском языке вместо русской буквы **и** используется **і** (обозначаемые ими звуки одинаковы). Русским мягким [т'] и [д'] в белорусском соответствуют мягкие [ц'] и [д'з']. Белорусские **ж** и **р** всегда твердые, что находит отражение на письме. Безударным русским **о** и **е** соответствует **а** (там, где белорусскому **а** предшествует мягкий согласный, на письме используется буква **я**).

1. *Глухая тетеря.*

2. *Бяроза, дзяруга, дзіця, жыта, парадак, рака, рысунак, сядок, ціень, ціна.*



ПРОСТАВЬТЕ *е* и *ѣ*

Прежде всего следует отметить, что слова с **ё** и в старой орфографии пишутся через **ё**: *тёмный, шёлка*. (Впрочем, разрешалось писать и простое **е**, как и в современной орфографии.) Если в современной орфографии в корне слова пишется **е** и при изменении этого слова или в родственных ему словах вместо **е** когда-нибудь появляется **ё**, то в старой орфографии пишется **е**, а если **ё** никогда не появляется, то пишется **ѣ**. Установив эту зависимость, можно записать в старой орфографии контрольные слова (важно только не забыть поставить **ъ** на конце существительных, оканчивающихся на твердый согласный).

Однако за пределами контрольного списка применять это простое правило трудно. Например, нужно узнать, как — через **е** или через **ѣ** — пишут слова *пень, семь, беда*. Начните перебирать другие формы этих слов и родственные им слова: *пень — пенек — пеньки — пенечек; семь — семи — седьмой — семью — семьдесят — семнадцатый — семерка — семеро — семерик —...* Среди выписанных слов нигде нет **ё**, но, может быть, такое слово все же существует? На самом деле *пень* и *семь* пишутся по старой орфографии через **е**, так как есть слова *опенки* (грибы, растущие на пне) и *сам-сем* (об урожае: «в семь раз больше того, что посеяли»). Но если бы таких слов не нашлось? Поэтому желательно найти правило, которое не было бы связано с перебором слов.

Буква	ё	е	ѣ
Под ударением перед твердым согласным	*шёлка, тёмный*	—	*сѣтка, свѣтлый, снѣгъ*
Под ударением перед мягким согласным	—	*плеть, грезить, сельскіи*	*дѣльный*
В безударной позиции	—	*шека, селить, медокъ*	*рѣка, бѣлить, мѣлокъ*

Согласно таблице, в первой группе оказываются слова с **ё** и **ѣ** и нет слов с **е**, во второй и третьей группах — слова с **е** и **ѣ**. Слов с **ё** нет.

В формах слов второй и третьей групп или в однокоренных словах, относящихся к первой группе, произносится **ё** на месте **е** и **е** на месте **ѣ**: *плетка, грёзы, сёла, шёк, мёд*, но *дел, рек, бел, мел*.

Получается правило: «Если в формах данного слова или в родственных ему словах под ударением перед твёрдым согласным произносится **ё**, то пишется **е**; если **е**, то пишется **ѣ**».

Контрольные слова в старой орфографии выглядят так: *бѣда (бед), вѣрить (вера), весна (весны), ель (ёлка), клёнь, клѣть (клетка), лѣсокъ (лес), плѣнь, пчельникъ (пчёлы), рѣзать, сѣра, стѣна (стен), стрѣла (стрел).*

Однако даже из более точного второго правила есть много исключений (*кедрь, звѣзда*) и непроверяемых случаев (*пѣсокъ, олень*), так что не стоит, решив эту задачу, считать себя умеющим писать в соответствии с нормами старой орфографии.

позиции, в которых оно происходило, были другими: заднеязычный согласный смягчался под влиянием предшествующих ему гласных переднего ряда и сочетания **-ьр-*. Результаты третьего смягчения задненёбных встречаем в русских словах *лестница, лицо, овца, отец, месяц, заяц, мерцать; польза, нельзя, князь, стезя; весь* (местоимение).

В языке Древнего Новгорода, который сформировался на основе племенных диалектов кривичей и словен, второго переходного смягчения не происходило. Эти диалекты в эпоху образования новых **ѣ** и **и** «не имели ничего против» сочетаний заднеязычных согласных с гласными переднего ряда. Поэтому в новгородских берестяных грамотах встречаются формы: **кѣлє** 'целый', **гвѣꙁдкѣ** 'звёздочки'.

В древнерусском языке уже не было запрета на сочетания типа ***ки, ги, хи***. В XIV в. в большинстве диалектов старые сочетания ***кы, гы, хы*** переходят в ***ки, ги, хи*** (*кислый, гибель, хитрый* и подобные образуются из **къıслъıи, гъıбѣль, хъıтръıи**). Это правило сочетаемости звуков сохраняется и в наши дни. В современном языке сочетания ***кы, гы, хы*** встречаются в заимствованиях типа *Кыргызстан*, а также на стыках морфем *(тон*[кы]*й, вздра*[гы]*вать)*.

Мягкие согласные образовались в позднем праславянском языке и в результате слияния твёрдых согласных с последующим ***j***. При этом появились новые мягкие фонемы <н'>, <л'>, <р'> из сочетаний **нj, *лj, *рj*: сочетания твёрдых зубных согласных с ***j*** тоже превратились в мягкие (шипящие) звуки, но все они уже были в языке и раньше. Эти фонетические изменения привели к появлению таких чередований: *вязать — вя**ж**у, писать — пи**ш**у, искать — и**щ**у, све**т** — све**ч**а, ловить — лов**л**я, вопить — воп**л**ь, плакать — пла**ч***. Слияние согласных с последующим ***j*** довершило образование мягких согласных в позднепраславянский период.

Дальнейшая история мягких согласных, возникших в праславянском языке — это история отвердения шипящих и ***ц***. Об их былой мягкости напоминают правила русской графики (***жи, ши*** пиши с буквой ***и***).

ИЗ ИСТОРИИ НОВГОРОДСКОГО ДИАЛЕКТА

[д]ꙋшн(л)а и бьлъина сто(ро)вь добрь. и товарь воχь. кьль бес пецали бꙋ́ди степан(ь)

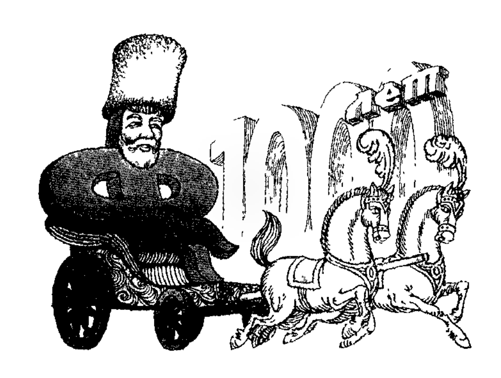
Перед нами текст берестяной грамоты, относящейся к 60-м гг. XIII в., — фрагмент письма, адресованного купцу. В этой грамоте, как и во многих других, смешиваются буквы **ь**, **є**, и **ѣ**, а также **ъ** и **о**. Такое смешение происходило после падения редуцированных звуков. Зная эти особенности, можно перевести текст: «Душила и Белына живы-здоровы, а товар весь цел, не беспокойся, Степан».

В грамоте отражены некоторые характерные черты древненовгородского диалекта. Так, слово **пецали** указывает, что вместо звука [ч'], свойственного стандартному древнерусскому языку (и современному русскому), в языке Древнего Новгорода произносили [ц']. Соответственно в словах **птица**, **чисто**, **человек** [ц'] и [ч'] совпадали в одном звуке [ц']. Эта черта называется цоканьем. Цоканье возникло ещё в праславянские времена; оно сохраняется до сих пор на обширной территории Русского Севера, когда-то заселённой новгородцами.

Слово **кьль** читалось как [кѣлє], а переводится как «цел». Здесь отражена другая важная черта диалекта: [к] в нём не перешло в [ц']. Ещё в праславянском языке заднеязычные согласные звуки ***к**, ***г**, ***х** перед ***ѣ** и ***и** изменились в свистящие: [к]→[ц'], [г]→[з'], [х]→[с'] (такое изменение называется второй палатализацией). Однако в новгородском диалекте ничего подобного не произошло. Это подтверждают примеры из других берестяных грамот (**χѣрь** 'серь', 'серое сукно', **кьркъı** 'церковь'), а также данные из современных северозападных говоров (*кедить* 'цедить', *кеп* 'цеп' и др.).

Слово **воχь** 'весь' читалось как [вьхе] (буквы в парах **ъ** и **о**, **ь** и **є** взаимозаменяемы). Изменение [х]→[с'] в древнерусском в этой форме связано с другим фонетическим процессом, так называемой третьей палатализацией. Как и вторая, она затронула большинство диалектов праславянского языка. А в новгородском диалекте слово *весь* сохранило праславянское ***х** во всех формах.

Кроме фонетических эта грамота отражает и одну морфологическую особенность новгородского диалекта. **Товарь воχь кьль** — все эти слова имеют на конце **ь**, который читался как [е]. У существительных мужского рода окончание именительного падежа **-є** — особенность новгородского диалекта (в современном русском языке здесь нулевое окончание: *товар* весь *цел*).



Есть в русском языке и одна заимствованная фонема — <ф>. Она была усвоена через многочисленные заимствованные слова, попадавшие в русский язык в течение многих веков: сначала это были заимствования из греческого, потом из латыни и новых европейских языков.

СЛОГ

В праславянском языке долгое время действовал закон открытого слога. Он стал причиной многих изменений в языке. Например, в раннем праславянском языке слова мужского рода имели окончания именительного падежа единственного числа ***-s** (так же, как в латинском языке: *domus*, *hostis*). Под действием закона открытого слога конечное **-s** отпало, и получились слова, оканчивающиеся на гласные: **до-мъ*, **го-сть*.

Старославянский и древнерусский раннего периода — это языки, в которых все (или почти все) слоги были открытыми. Вот отрывок из Остромирова Евангелия (1056 –1057 гг.), в котором все слова разделены на слоги. Все слоги здесь открытые: **Вь-сıа-къ пи-ıа-и о-тъ во-дꙑ се-ѧ. въ-жѧ-жде-ть сѧ па-кꙑ. а и-же пи-ѥ-ть о-тъ во-дꙑ ıѧ-же а-ꙁъ да-мь ѥ-моу. не и-ма-ть въ-ждѧ-да-ти сѧ въ вѣ-къ** («Всякий, кто пьёт эту воду, испытает жажду опять, а тот, который пьёт воду, которую Я дам ему, не будет испытывать жажду никогда»).

В современном русском языке слоги бывают и открытыми *(во-да)*, и закрытыми *(дом, гряз-ный)*. Закрытые слоги появились в древнерусском языке после падения редуцированных: древнерусские слова **са-дъ**, **ме-дъ-къ**, **съ-ꙁъ-ва-лъ**, **съ-шь-дъ-ши** превратились в *сад*, *ме-док*, *со-звал*, *сшед-ши*. При этом изменилось и количество слогов в словах, и структура слога в языке.

* * *

Если взять одну из рассыпанных по столу бусин, положение остальных бусин от этого не

изменится. Но если потянуть за одну из бусин ожерелья — сразу сместится каждая из составляющих его бусин. В ожерелье они связаны между собой, расположены в определённом порядке — и образуют систему. Язык — тоже система, гораздо более сложная, чем нитка бус. Поэтому изменение в любом его звене приводит в движение другие уровни языка.

ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ. РЕФОРМЫ И РЕФОРМАТОРЫ

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕФОРМА

В декабре 1919 г. Московское лингвистическое общество получило письмо из научного отдела Народного комиссариата просвещения, в котором говорилось: «В центральных учреждениях РСФСР возникла мысль о желательности введения латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию Республики.

Реформа явилась бы логическим шагом по тому пути, на который Россия уже вступила, приняв новый календарный стиль и метрическую систему мер и весов. Инициаторы видят в ней существенное средство для укрепления международных культурных связей... Задуманное преобразование было бы, во-первых, завершением азбучной реформы, в своё время выполненной Петром I, и, во-вторых, стояло бы в связи с последней орфографической реформой».

Это письмо обсуждали на заседаниях Московского лингвистического общества, членами которого были крупнейшие российские языковеды. Сначала они ответили на вопрос: можно ли вообще заменить кириллический алфавит на латинский. «Что касается принципиальной, теоретической стороны дела, — писали учёные, — то с научной точки зрения нет противопоказаний для применения с известными изменениями латинского алфавита вместо обычного русского шрифта, как не было бы возражений и против иного любого алфавита, лишь бы он был надлежащим образом приспособлен для передачи звуков русской речи».

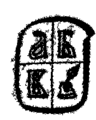
Гораздо более важным, с точки зрения лингвистов, был второй, практический вопрос: а нужна ли эта реформа? Замена алфавита привела бы к разрыву с традициями русской культуры. И тогда все книги, написанные и изданные до латинизации, навсегда захлопнулись бы для новых читателей или им пришлось бы осваивать сразу две графические системы...

Часто приходится слышать: «Этот язык звучит красиво» или «Мне не нравится, как звучит этот язык». Мелодика языка вызывает определённые ассоциации; например, для русского поэта О. Мандельштама английский язык звучал «пронзительнее свиста». Однако существует ещё и эстетика (красота) написаний, воздействующая на глаз, и она, несомненно, важная часть культуры. Для многих людей стихи Пушкина, набранные латиницей, перестанут быть стихами любимого поэта, а превратятся в стихи некоего *Pushkina*. Или *Puškina?* А знаменитые строки его стихотворения могли бы выглядеть так: *«Ja vas lúbil: lúbov' ešče, byt' možet...»* или же: *«Ja vas lûbil: lûbov' eβô, byt' možet...»*.

Графика и орфография — самые консервативные области культуры. Они никогда не умирают сами по себе, даже если очень неудобны. Чтобы их реформировать, нужны мощные внешние факторы. Культура складывается постепенно, шаг за шагом. Вместе с тем русские алфавит и орфография менялись медленно, век за веком...

АЗБУКА — НАУКА, А РЕБЯТАМ — БУКА

Есть такое выражение — азбучная истина. Так называют что-нибудь очень простое, всем известное. Действительно, что может быть проще азбуки? Однако существует целый раздел науки о языке, посвящённый азбуке (или, иначе, алфавиту), её истории и теории. Эта часть языкознания тесно связана с практикой, она развилась из необходимости совершенствовать письменность и создавать алфавиты для бесписьменных языков. Центральная единица алфавита — *буква* (точнее, *графема*), т. е. символ, которым обычно обозначается звук речи (фонема). *Алфавитом* называется список всех букв, расположенных в принятом порядке (*греч.* «alphábetos» — от названия двух первых букв греческого алфавита «альфа» и «бета», в более позднем произношении «вита»). По греческой модели из названий первых двух славянских букв составлено слово *азбука;* в Древней Руси набор букв назывался ещё «буквица».



Специальные символы (буквы, знаки препинания, цифры и т. п.) вместе с правилами обозначения звуков или других элементов смысла образуют *графическую систему* языка.

Человеку, не знакомому с графической системой языка, сложно правильно скопировать лежащий перед ним текст. Он может счесть ненужными знаки, принадлежащие графической системе (например, точку над буквой *i*), или, наоборот, принять за существенное то, что является случайным и незначимым (например, будет тщательно срисовывать кляксы). Отличить элементы начертаний от случайных штришков, завитков — одна из задач, которые решаются при дешифровке текстов.

Чтобы владеть письменностью, недостаточно знать графическую систему, надо ещё и уметь ею пользоваться. Правила употребления графических элементов определяются орфографией и пунктуацией.

Орфография (*греч.* «orthographía», от «orthós» — «правильный» и «gráphō» — «пишу») нужна только тогда, когда есть выбор написаний. Например, первый гласный звук в слове *вода* может быть обозначен как буквой ***а***, так и буквой ***о***, а выбор диктуется орфографическим правилом о безударных гласных. Правила *пунктуации* определяют, как нужно использовать знаки препинания (они помогают понять смысл предложения). Пунктуация — это сравнительно недавнее изобретение.

БРАТЬЯ ИЗ СОЛУНИ

В конце 862 г. к византийскому императору Михаилу прибыло посольство от Ростислава — князя Великой Моравии, государства западных славян. Первые миссионеры, проповедовавшие христианство в Моравии, распространяли это учение на латинском языке. Ростислав решил просить византийского императора прислать в Моравию проповедников, способных толковать Священное Писание на родном для мораван языке. С этой целью он и снарядил посольство в Константинополь. Император Михаил и патриарх Фотий направили в Моравию греков — учёного мужа Константина Философа и его старшего брата Мефодия. Родом они были из Солуни (по-гречески Салоники), где жило много славян.

Азбуки, приспособленной передавать славянскую речь, тогда ещё не существовало. Но славяне, видимо, уже пытались записывать свою речь при помощи латинских и греческих букв. Настоящая азбука была создана Константином Философом в 863 г. В работе ему помогал Мефодий, хорошо владевший славянским языком. Создав славянский алфавит, братья начали переводить с греческого на славянский главные богослужебные книги, в первую очередь Евангелие. Язык этих переводов, выполненных Константином, Мефодием, а затем их учениками, теперь называют *старославянским языком*.

Старославянский язык во многом искусственный: чтобы передавать многие книжные и христианские понятия, создатели славянской письменности придумывали слова, пользуясь как славянскими морфемами, так и заимствованиями из греческого. Этот язык, впервые донёсший до славян текст Священного Писания, на столетия стал языком славянской культуры. На Русь письменность пришла в X в. (после крещения Владимиром в 988 г.), но первые дошедшие до наших дней рукописные книги относятся к XI в.

Пользуясь старославянским языком, книжники приближали его к своим родным языкам —

Братья из Солуни Кирилл и Мефодий, славянские просветители, создатели славянской азбуки. Хромолитография 1914 г.

ПЕРВОУЧИТЕЛИ СЛАВЯН

Братья Константин и Мефодий были родом из многоязычного города Македонии — Солуни (Фессалоники, Салоники), где жили греки, армяне, арабы, евреи, персы и славяне. Старший брат Мефодий родился в 815 г. Он успешно начал военную службу и был назначен воеводой в область, населённую славянами, пробыл воеводой десять лет, а затем ушёл в монахи. Младший брат Константин (он родился в 827 г.) с юности чувствовал, что его путь — это путь учёного-книжника. После смерти отца он попал в Константинополь, где учился в знаменитой школе в Магнаурском дворце, а позже стал библиотекарем при соборе Святой Софии и фактически секретарём патриарха. Затем Константин на некоторое время поселился в одном из монастырей близ Босфора в Малой Азии, а в конце 850 или начале 851 г. вернулся в Константинополь, чтобы занять кафедру философии в университете.

Первое дипломатическое поручение Константина — участие в сарацинской миссии, т. е. в проповеди христианства сарацинам (арабам). В 860 г. братья Константин и Мефодий уже вместе участвуют в хазарской миссии, которая вернулась в Константинополь в 861 г. Узнав от императора, что ему предстоит проповедовать христианство в Великой Моравии, Константин сказал: «Хотя тело мое утомлено, хотя я болен, я рад пойти туда, только если они имеют буквы для своего языка». Услышав, что букв нет, он возразил: «Как можно на воде слова писать...». Император ответил ему: «Если ты захочешь, Бог тебе их даст». Затворившись в монастыре Полихрон, братья выполнили свою великую задачу.

В конце 863 г. миссия направилась в Великую Моравию. Там у Константина появились ученики, среди которых своими талантами выделялся некий славянин по имени Горазд. В 867 г. братья с учениками отправились в Рим, получив приглашение от Папы Николая I Великого. В конце 868 г. Константин тяжело заболел. Предчувствуя смерть, он в декабре принял схиму под именем Кирилл. Перед смертью Кирилл обратился к брату: «Вот, брат, оба мы в одной упряжке борозду пахали, я теперь падаю на гряде, свой день заканчивая». 14 февраля 869 г. он скончался. Ему было 42 года.

Вскоре после смерти брата Мефодий отправился в Паннонию (ныне территория Венгрии; в те времена там жили славяне), чтобы и там ввести богослужение на славянском языке. Однако деятельность Мефодия в Паннонии, постепенно превращавшейся в центр славянской письменности, вызвала озлобление немецкого духовенства. Баварские священники, нарушив церковные законы, без ведома Папы Римского бросили Мефодия в тюрьму, где он пробыл до 873 г. После освобождения Мефодий покинул Паннонию и до самой смерти был моравским архиепископом. Он умер 6 апреля 885 г.

Князь Святополк в 884—885 гг. присоединил к Моравии Нижнюю Паннонию. И сам князь, и знать признавали богослужение только на латинском языке. Между учениками Мефодия и немецким духовенством началась ожесточённая борьба, которая в 886 г. завершилась разгромом сторонников славянского богослужения в Моравии и Паннонии. С учениками Мефодия (имена некоторых из них дошли до нас: Ангеларий, Климент, Наум, Савва) жестоко расправились.

русскому, сербскому, болгарскому. Такой вариант старославянского теперь называют *церковно-славянским* русского, сербского и других *изводов*.

ДВЕ АЗБУКИ

Древнейшие славянские надписи и рукописи, относящиеся к X в., выполнены двумя графическими системами. Одну из них называют *кириллицей*, а другую — *глаголицей* (старославянское слово *глаголъ* означает 'речь', 'слово'). Так, надписи на стенах и керамических плитах церкви царя Самуила в Тырнове выполнены частично кириллицей, частично глаголицей. Но ведь Константин Философ перед тем, как уехать в Моравию, составил какую-то одну азбуку...

Глаголица — очень своеобразный алфавит. Глаголические буквы сравнивали практически со всеми известными графическими системами, но каждое из этих сопоставлений объясняло только часть начертаний. Поэтому наиболее вероятно, что глаголица является результатом авторского творчества, а не восходит к какому-либо древнему алфавиту.

Многие учёные считают, что Константин, в монашестве принявший имя Кирилл, создал именно глаголицу, которая была известна его последователям под названием кириллицы. Впоследствии в Болгарии один из учеников Мефодия составил другой алфавит (им мы пользуемся сейчас), на который позже перенесли название первоначальной азбуки. В «Повести временных лет» (XII в.) говорится о «преложении книг», состоявшемся, видимо, между сентябрём 893 г. и маем 894 г. Вероятно, в это время глаголица и была заменена на кириллицу. Интересно, что в Македонии против кириллического письма выступали старейшие ученики солунских братьев. Скорее всего они относились

ПРЕИМУЩЕСТВА ГЛАГОЛИЦЫ

Глаголица — изобретение более яркое и самобытное, нежели кириллица. Количество букв в глаголице почти точно соответствует количеству звуков (точнее, фонем) старославянского языка. Иными словами, создатели глаголицы основательно разобрались в славянской фонетике и благодаря этому создали для нее подходящую письменность.

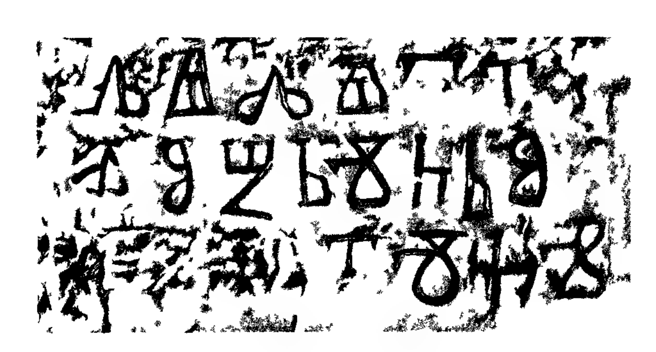
Буквы глаголицы не скопированы с другого алфавита (как кириллица с греческого), а созданы самостоятельно. Похоже, глаголицу ее творцы предназначали специально для священных книг: первая буква «аз» по форме напоминает крест. Начертания многих других букв тоже имеют в основе крест, треугольник (вероятно, символ Троицы) и круг (возможно, символизирующий вечность, бесконечность, полноту Бога).

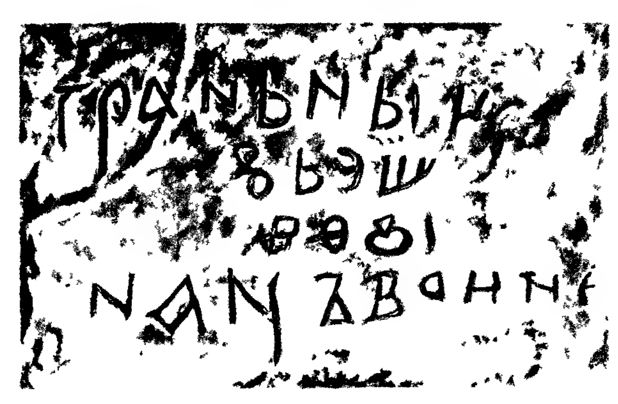
Кириллица в сущности — это греческий алфавит с дополнительными знаками для славянских звуков, которых нет в греческом языке. Потому в кириллице есть несколько ненужных для славянского языка букв вроде «кси» и «пси». Сочетания соответствующих звуков можно передавать сочетаниями других букв, например вместо «кси» использовать сочетание «како» и «слово». Вообще дублетные буквы и буквенные сочетания, которых позднее стало еще больше из-за исчезновения в языке некоторых звуков, стали постоянной проблемой для «грамотеев»: какой из двух вариантов выбрать. Отсюда многочисленные изменения в кириллице, исчезновение букв. В современном русском алфавите по сравнению с кириллицей добавились только три буквы ***й***, ***е*** и ***э***, а исчезло намного больше.

Киевские листки. Самая древняя известная славянская рукопись, написанная глаголицей. X в.

к глаголице как к священному алфавиту, составленному первоучителем.

Древнейшая дошедшая до наших дней славянская рукопись — «Киевские листки» (X в.) — написана глаголицей и, возможно, происходит





Надписи глаголицей и кириллицей на стенах собора Святой Софии в Великом Новгороде

ОСВОЙТЕ ГЛАГОЛИЦУ

Даны старославянские слова, записанные глаголицей, и русские слова, которые им соответствуют.

ⰔⰕⰑⰎⰟ	стол	ⰔⰟⰊⰐⰟ	сын
ⰎⰑⰂⰟ	лов	ⰍⰓⰑⰂⰟ	кров
ⰔⰑⰐⰟ	сон	ⰎⰡⰔⰟ	лес
ⰎⰑⰁⰟ	лоб	ⰜⰅⰐⰀ	цена
ⰔⰕⰑ	сто	ⰒⰅⰔⰟ	пес
ⰈⰎⰑ	зло	ⰄⰅⰐⰅⰍⰟ	денек

1. Каким русским словам соответствуют следующие старославянские слова:

ⰄⰅⰐⰟ, ⰔⰊⰐⰊⰜⰀ?

2. Запишите глаголицей старославянские слова, соответствующие русским словам *конь, лесок*.

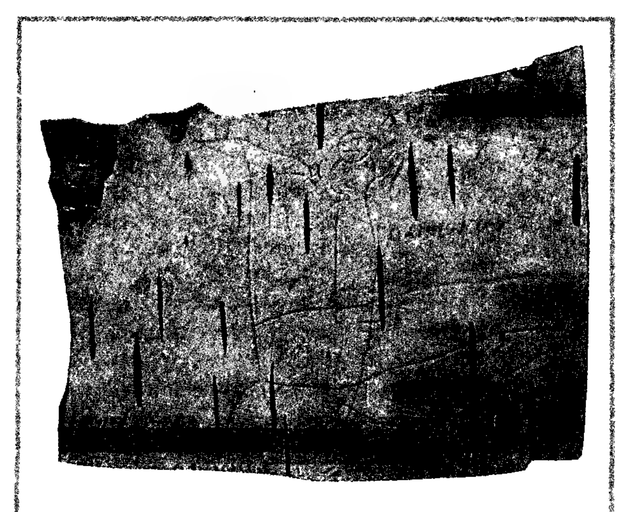
из западных земель, тех самых, где трудились Кирилл и Мефодий. Дольше всего (до конца XVIII в.) глаголицей пользовались на юге, в Хорватии. У восточных славян уже к XII столетию глаголицу вытеснила кириллица. Древнерусские книжники иногда применяли глаголические буквы для тайнописи.

ЗАГЛЯНЕМ В БУКВАРЬ

Сохранился ли в вашей домашней библиотеке букварь, по которому вы учились читать? Едва ли эта книга стоит на полке в отличном состоянии. Самые нужные книги обычно изнашиваются, зачитываются до дыр. Так и древнерусских азбук до нашего времени дошло очень мало. Самые древние относятся к XI в. От XIII в. сохранились

Страница из букваря Кариона Истомина. Буква *А*. 1694 г.

четыре азбуки. Они содержатся в берестяных грамотах, написанных мальчиком по имени Онфи́м (на них он учился писать). Грамоты Онфима были найдены археологами при раскопках в Новгороде в 1956 г. Самая полная азбука находится в «Букваре» Ивана Фёдорова, напечатанном во Львове в 1574 г. Это был первый печатный русский учебник. А первые иллюстрированные, или, как они раньше назывались, «лицевые», буквари («Малый букварь» и «Большой букварь») составил в конце XVII в. просветитель и переводчик Карион Истомин (1647—1718) для обучения царевича Петра, будущего императора Петра I.



По записям новгородского мальчика Онфима (он изобразил себя всадником на коне) можно судить, как его учили грамоте. Он упражнялся в написании букв, слогов и отдельных фраз. На протяжении долгого времени (вплоть до XX в.) грамоте обучали, заставляя заучивать слоговые сочетания, причём каждая буква называлась своим именем: «буки-аз» «ба», «веди-аз» — «ва» и т. д. Конечно, Онфим очень скучал за этими уроками. Он скрашивал часы занятий, рисуя в своих «тетрадках» то загадочного зверя, то человечков — так делали школьники во все времена.

Сначала Онфим, вероятно, переписывал алфавит и усваивал стандартный набор букв. Это было необходимо, чтобы научиться читать. Одновременно его учили письму, причём в новгородских землях существовала своя особая норма написании, которую ему и следовало освоить. Так, переписывая алфавит, Онфим учил, что существуют буквы ***о, е, ъ, ь*** (две последние передавали особые краткие гласные звуки в языке). И ему, видимо, объясняли, что следует писать, заменяя **ъ** на ***о,*** а **ь** на ***е***.

Упражняясь, Онфим пишет: **поклоно ѡ онѳима ко данилѣ**, заменяя привычное написание **поклонъ** на новгородское **поклоно**, **къ** на **ко**. Нарисовав рядом с текстом странное существо, Онфим делает разъяснительную подпись: **ꙗ звѣре** «я зверь», передав слово **звѣрь** как **звѣре**.

О ЛИШНИХ БУКВАХ И НЕЛИШНИХ ЗВУКАХ

Древнерусская азбука — кириллица — связана близким родством с латиницей. Они, хотя и появились в разное время, восходят к греческому алфавиту: латиница — к западногреческому, а кириллица — к восточному, классическому греческому. Когда алфавит, созданный для одного языка, начинает использоваться для другого, обычно возникают некоторые неудобства. Звуковой состав языков в большей или меньшей степени не совпадает, поэтому при заимствовании алфавита, во-первых, появляются лишние буквы (передающие не существующие в данном языке звуки), а, во-вторых, некоторые звуки, специфичные для данного языка, остаются «необслуженными» алфавитом.

В XI–XIV вв. в древнерусских рукописях использовалось начертание букв, которое называлось уставом. Уставные буквы пишутся прямо на строке, на одинаковом расстоянии друг от друга, без наклона — они как бы «уставлены». Буквы строго геометричны, вертикальные линии, как правило, толще горизонтальных. Пробелов (разделений) между словами нет.

В средневековой Руси с середины XIV столетия получил распространение полуустав, который был менее красив, чем устав, зато позволял писать быстрее. Появился наклон в буквах, их геометричность не так заметна; перестало выдерживаться соотношение тонких и толстых линий; текст уже делился на слова.

В XV в. полуустав начинает теснить скоропись, не стремившаяся ни к отчетливости, ни к торжественности. Рукописи, написанные «скорым обычаем», отличает связное написание соседних букв, размашистость письма. В скорописи каждая буква имела множество вариантов написания. С развитием скорости появляются признаки индивидуального почерка.

ОСВОЙТЕ ГЛАГОЛИЦУ

Легко установить взаимно-однозначное соответствие между русскими согласными и их обозначениями в глаголице:

Ⱄ	Ⱅ	Ⰾ	Ⰲ	Ⱀ	Ⰱ	Ⰸ	Ⰽ	Ⱃ	Ⰻ	Ⱂ	Ⰴ
с	***т***	***л***	***в***	***н***	***б***	***з***	***к***	***р***	***и***	***п***	***д***

Выполняя задание 1, можно получить слова *день* и *синица* и узнать соответствия для букв ***ь*** и ***и***.

Для остальных букв глаголицы получаются следующие соответствия:

— ***е***, — ***о*** когда гласный не является беглым;
— ***е***, — ***о*** когда гласный беглый;
— ***ь***, — ***ъ*** на конце слова ъ в старой орфографии.

Знак, которым обозначается беглый гласный, ставится и в тех случаях, когда гласного нет, но он может проявиться в других формах слова или в однокоренных словах (*сто — сотня, зло — зол*).

2.

Поскольку кириллица создавалась для южнославянского языка, взятый за основу греческий алфавит был видоизменён. Чтобы передать особые звуки, которые отсутствовали в греческом, в него были введены новые символы, например, ***ж, ш, ъ, ь*** (последние две буквы передавали гласные звуки, их не надо путать с современными твёрдым и мягким знаками), ***ѧ, ѫ***. Некоторые буквы оказались дублетными, т. е. использовались для записи одного и того же звука. Так, буквы *о* и *ω* передавали в греческом языке разницу между кратким [о] и долгим [о], но в славянских диалектах эти звуки не различались. Так появились избыточные буквы.

Сходные проблемы пришлось решать в восточнославянских землях. Например, в кириллице не было специальных знаков для передачи мягких согласных. Древнерусские писцы иногда использовали для этого буквы, снабжённые дополнительными значками: ***л', н'***.

В южнославянских текстах буквы ***ѧ*** и ***ꙗ*** передавали разные звуки: первая («юс малый») соответствовала особому носовому звуку [ę]//[ʼa]. У восточных славян такого звука не было, следовательно, появилась новая дублетная пара букв. В южнославянских текстах буква ***ѫ*** также соотносилась со звуком [ǫ] носовое, восточные славяне приспособили её для передачи [у], и она вступила в дублетные отношения с буквой ***оу*** (*д и г р а ф* — сочетание двух букв, передающее один звук).

ДРЕВНЕРУССКИЙ АЛФАВИТ

Начертание буквы	Название буквы	Звуковое значение буквы
а	аз	[а]
б	буки	[б]
в	веди	[в]
г	глаголь	[г]
д	добро	[д]
є	есть	[е]
ж	живете	[ж]
ѕ	зело	[з]
з	земля	[з]
и	ижеи	[и]
і	иже	[и]
к	како	[к]
л	люди	[л]
м	мыслете	[м]
н	наш	[н]
о	он	[о]
п	покои	[п]
р	рцы	[р]
с	слово	[с]
т	твердо	[т]
оу, ȣ	ук	[у]
ф	ферт	[ф]
х	хер	[х]
ѿ	от	[о] + [т], использовалась для написания приставки ***от-*** или предлога ***от***
ѡ	от, омега	[о]
ц	цы	[ц]
ч	червь	[ч’]
ш	ша	[ш]
щ	шта	[ш], т. е. [ш]

Начертание буквы	Название буквы	Звуковое значение буквы
ъ	ер	[ъ], краткий звук, близкий к [о], со временем в одних позициях утратился, в других совпал с [о]
ъı	ы, еры	[ы]
ь	ерь	[ь], краткий звук, близкий к [е], со временем в одних позициях утратился, в других совпал с [е]
ѣ	ять	особый, похожий на [и] дифтонгический звук [ие], в одних диалектах утратился, совпав с [е] или [и], в других сохранялся долго. В традиции книжного (церковного) произношения различались звуки [е] и [ие]. В XVIII в. мог произноситься под ударением. К началу XIX в. звук исчез
ѥ		[е] ([jе])
ю	ю	[jу]
ѫ	юс большой	[у]
ѧ	юс малый	[jа]
ѡ̑	о звательное	[о], междометие, использовалась для формирования особого звательного падежа
ѯ	кси	[к] + [с]
ѱ	пси	[п] + [с]
ѳ	фита	[ф]
ѵ, ѵ̈	ижица	[и] или [в]

В ранние древнерусские алфавиты книжники не включали буквы ***ѧ*** и ***ѥ***, употреблявшиеся очень широко. Буква ***я*** возникла как развитие начертании буквы ***ѧ***. Кроме того, в графическую систему входили надстрочные знаки, например ударения, придыхания, а также *титло* (҃) — знак для сокращенного написания слов, например, слово **богъ** записывалось так **бг҃ъ**. Титла удостаивались только слова, имевшие особую значимость. А вот название языческих божеств нужно было писать полностью (**богъ**, **богъı**).

Буквы использовали и для обозначения чисел, в этом случае над ними тоже ставили титло. В соответствии со своим числовым значением буква ***и*** получила название «***и*** восьмеричное», а буква ***і*** — «***и*** десятеричное».

Торжественные похороны старой орфографии. Рисунок из журнала «Бич». Июнь 1917 г.

ОТ «АЗА» ДО «ИЖИЦЫ»

Названия букв старого, дореформенного алфавита получили отражение в пословицах и поговорках. Часть из них сохранилась и в современном языке. *Стоять фертом* — уперев руки в бока, подбоченившись, наподобие буквы ***Ф***. *Столы были расставлены покоем* — т. е. в виде буквы ***П***. Устаревшее слово *херить* значило 'зачеркивать', 'перечеркивать крестом', 'хером' (т. е. буквой ***Х***); *похерить* означает 'воспрепятствовать осуществлению чего-либо'. Название этой буквы стало в русском языке неприличным, хотя сначала оно служило лишь заменой одного из непристойных слов. *Стоять глаголем* — в виде буквы ***Г***, сравните у А. И. Куприна: *«...домик, который был расположен глаголем»*. *Ставить точки над* ***и*** — значит доводить дело до конца (имеется в виду буква ***i***, входившая в дореформенный русский алфавит, или латинская буква ***i***).

Первая из букв дублета ***и/i*** называлась «***и*** восьмеричное», а буква ***i*** называлась «***и*** десятеричное». Откуда эти названия? Тысячу лет назад, заимствуя греческий алфавит, наши предки заимствовали и свойственное греческому письму обозначение чисел буквами: буква ***а*** обозначала 1, ***в*** — 2, ***г*** — 3, ***д*** — 4 и т. д.; буквы ***б*** в греческом алфавите не было, она была «придумана» для древнерусского и старославянского языков и поэтому была «ущербной» — не имела цифрового значения. Итак, буква ***и*** обозначала число 8, ***i*** — число 10, отсюда и их названия.

Буквы ф («ферт») и ѳ («фита») передавали один и тот же звук, и строгого правила их распределения по словам не было: ѳ писалась только в словах греческого происхождения, но не очень последовательно: *апоѳеоз, диѳирамб, риѳма, ариѳметика, ѳимiамъ, ѳома, ѳедоръ* (но *Филиппъ*). Трудность усвоения правила написания ѳ породило пословицы: *От фиты подвело животы* (о школьном учении); *Фита да ижица — к ленивому плеть ближится*. Фитой, по свидетельству В. И. Даля, называли грамотея, дошлого писаку.

Буква ***я*** в старом алфавите не была последней — после нее шли «фита» (ѳ) и «ижица» (ѵ). Желая подчеркнуть всеохватность, универсальность чего-либо, говорили не от ***а*** до ***я***, как сейчас, а *от* ***аза*** *до* ***ижицы***, а сказать *дошли до ижицы* значило 'окончили что-нибудь, какое-то дело'. Ещё поговорки, в которых отражено место этих букв в алфавите: *Сам ни аза в глаза, а людей ижицей тычет; Что было муки, а ни аза, ни буки; Не знать ни аза*. А вот выражение *прописать ижицу* сохранилось из школьного жаргона. Буквально оно означает 'нарисовать на теле ижицу', т. е. 'выпороть'.

Как видно из таблицы древнерусских букв, в кириллице существовало несколько рядов дублирующих друг друга букв: ***ѕ*** и ***з***; ***и, i, ѵ***; ***о, ω, ѿ***; ***оу, ж, ѹ***; со временем в этот же ряд попала буква ***у***, первоначально служившая вариантом написания «ижицы»; ***ю, ж***; ***є, є***; ***ѧ, ꙗ***; ***ф, ѳ***. Кроме того, были буквы, которые передавали сочетание звуков, например «от», «кси», «пси» Эти буквы дублировали написание звуковых сочетаний при помощи отдельных букв (***о + т***; ***к + с***; ***п + с***).

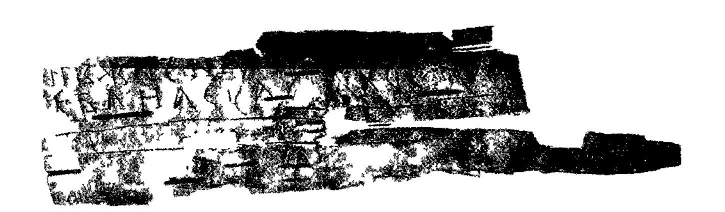
На первый взгляд может показаться, что дублетные буквы не затруднят того, кто взялся пользоваться таким перегруженным алфавитом. Ведь одну из букв можно просто не использовать, нужно только выбрать какую... Однако не стоит забывать, что в восточнославянских землях кириллица появилась вместе с христианством, т. е с текстами, передающими основы христианского учения, и была воспринята как священный алфавит. Текст и алфавит были неразделимы Восточнославянские писцы в начале XI в. переписывали южнославянские книги, стараясь как можно точнее копировать встречающиеся там написания

Второе возможное решение проблемы дублетных букв ещё проще· не ломая голову над выбором, бери наугад любую букву, которая больше нравится. Попробуйте, однако, записать любой текст, используя какие-нибудь дублетные буквы, например ***и/i***. А теперь прибавьте к ним ещё одну букву, передающую тот же звук, например ***ѵ*** («ижицу») Когда будете писать текст, помните, что эти три буквы употребляются в произвольном порядке. Предложите проделать тот же эксперимент своим друзьям Прочтите получившиеся у вас и ваших друзей тексты. Несомненно, узнавать каждое слово придётся дольше, ведь глаз ещё не привык к начертаниям. Возь-

ГРАМОТА-ГОЛОВОЛОМКА

В Новгороде была обнаружена грамота, первоначально поставившая ученых в тупик В грамоте, датированной 10—30-ми гг. XIV в., содержался следующий текст

н в ж п с н д м к з а т с ц т
е ѣ ꙗ н а е ꙋ а а а х о е н а



Прочесть ее удалось ученому-археологу Артемию Владимировичу Арциховскому Он догадался, что запись читается по вертикали, столбец за столбцом. **невѣжа писа недꙋма каза а хто се цита** . (т е «невежда писал, пустомеля (бездумный) сказал, а кто это прочитал, тот. ») Предоставляем читателю закончить эту фразу, недописанную шутником.

В XVI—XVII вв иногда использовалось обратное письмо, т. е. слова записывали, рассчитывая на чтение от конца к началу, например **ъшоргазъшꙋрг ъмадꙋмот тетчорпеисотк** («кто сие прочтет, тому дамь грушь за грошь»). Такой порядок букв применялся для тайнописи.

«Училище»
Гравюра
из «Азбуки»
Москва 1637 г

«ОМЕГА»

Один студент, читая старинную русскую рукопись, заметил, что в ней вместо буквы **о** в некоторых случаях почему-то стоит буква **ѡ** («омега») Он выписал из рукописи ряд слов. Вот эти выписки: **великомꙋ, взѧто, вѡинствѡ, горожане, добрѡ, злѡ, людскѡе, масло, мнѡгими, монастырское, начинаемѡмꙋ, писанѡ, погребенѡ, подѡбалѡ, полезно, правилѡ, пьѧнство, самолюбивое, свидетельствꙋемѡе, сꙋгꙋбо, ꙋмнѡжениѡе.**

Подумав некоторое время над этими выписками, студент воскликнул· «А! Кажется, я догадался, в чем дело с этими **о** и **ѡ**: здесь действует правило ***x!*** Но если это действительно так, то одно из слов моего списка, а именно ***y***, в отношении ***z*** в ту старинную эпоху было не таким, как в нынешнем языке».

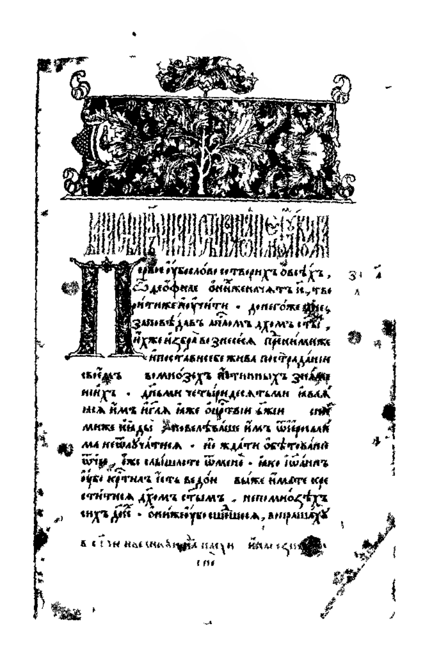
Определите, что зашифровано буквами ***x***, ***y*** и ***z*** в этих словах студента.

мем, например, слово *обезжиривание* в форме предложного падежа (предположим, кто-то захотел поговорить *об обезжиривании*) Можно передать его так. *обезж**и**р**і**ван**іи**, обезж**і**р**і**ван**іі**, обезж**ѵ**р**і**ван**ѵі*** и т д Несложно подсчитать, что существуют 81 способ записать слово (об) *обезжиривании* с учетом трех вариантов передачи <и> и 162 способа с учетом дублетов ***з/ѕ*** <з> А теперь представьте, что разговор шел не только об *обезжиривании*, но и о *диетпитании* Так что на деле правила употребления каждой буквы упрощают и ускоряют процесс письма и чтения

До XIV в буквы ***и*** и ***і*** традиционно распределялись так буква ***і*** считалась необязательной, ее использовали в конце слов и особенно в конце строки, когда не было места и требовалось «ужать» текст После XIV в они распределялись согласно правилу пиши ***і*** перед гласной, а также перед ***й***, во всех остальных случаях пиши ***и***. Это правило дожило до XX в и было отменено только после Октября 1917 г

ПСАЛОМ ПСЯМИ ПИШИ, А ПСА ПСЯМИ НЕ ПИШИ

В XIV в южнославянская письменность переживала время расцвета В Сербии при Ресавском монастыре работал книжник Константин Костнеческий, который был представителем



«Апостол» Ивана Федорова — первая русская печатная книга 1564 г.

самой авторитетной в то время Тырновской школы. После падения Второго Болгарского царства (1393 г.) книжники были вынуждены бежать от турок в Сербию. Константин создал первый систематический свод орфографических правил, книгу «О писменех» (т. е. о буквах), которая стала широко известна восточным славянам.

Сторонники Тырновской школы полагали, что весь мир — это одна огромная Книга, написанная Высшим Творцом. Константин Костнеческий сравнивал буквы с людьми Утрата вызывала у него такие же чувства, как смертı дей Он писал « троя писмена погыбшаа» «три буквы погибли»). Согласные он сравн с мужчинами, гласные — с женщинами, надсı ные знаки для него — это одеяния.

Константин Костнеческий считал, что ка› буква несёт свою смысловую нагрузку. Иска ния в написании слов он переживал как тр дию Книга, содержащая орфографические оп ки, по его словам, — это «сосуд уязвлен... аш цел, проливает» («надтреснутый сосуд — есл не разбился, всё же протекает») Смешение б не может не смешивать смысл: например, с щенный текст, в который закрались орфограс ческие ошибки, может привести не к познан божественного, а в бездну ереси

Образцом для Константина Костнеческс был греческий алфавит. Поэтому он считал, ч слова, заимствованные из греческого язы нужно писать согласно греческому написани Так была определена роль букв ѳ, ѯ, ѱ. Н пример, имя *Фома* следовало писать с ѳ («ф. той»), имя *Ксения* через ѯ («кси»), слово *псало* через ѱ («пси»). Вот как звучало правило упо ребления буквы ѱ, которое усваивало не одн поколение восточнославянских книжнико «Псалом пиши псями, а не покоем Пса пиши н псями, но покоем».

Константин Костнеческий впервые предло жил общие правила распределения на письм дублетных букв Эти правила учитывали фор му слова, позицию звука, а иногда и значени слова Так, букву ѡ стали писать в формах множественного числа, во всех других случаях писали букву **о:** ***богъ — бѡгѡвъ***.

МІРУ — МИР

В некоторых случаях выбор буквы зависел от смысла слова, поскольку правила орфографии помогали различать о м о ф о н ы (слова, звучащие одинаково). Например, слово **ıазыкъ** означало 'народ', а слово **ѧзыкъ** — 'часть тела', 'орган речи', слово **миръ** означало 'покой', слово **міръ** — 'вселенную'. В современной записи словосочетание ***война и мир*** можно понимать двояко, а в старой двусмысленности не было. В этом можно убедиться, сравнив названия романа Льва Толстого «Война и ***миръ***» и поэмы Владимира Маяковского «Война и ***міръ***». Кроме этого, была еще буква **ѵ**. Ее следовало писать в корне слова **мѵро** ('благовонная мазь').

В некотором смысле различение омонимов на письме — удобный принцип орфографии. В более позднее время, в XIX в., были его сторонники. По этому поводу лингвист Роман Брандт иронизировал, говоря, что следует писать *художникъ*, если художник хороший, и *хѫдожникъ*, если он плохой.

«ПОЧЕРНЁННЫЕ» БУКВЫ

Постепенно формировалось и критическое отношение к кириллице. В начале XVII в учёный-филолог Мелетий Смотрицкий (около 1578—1633), автор первой подробной грамматики церковно-славянского языка, пришёл к выводу, что в кириллице есть ненужные буквы. Например, **ѕ** («зело») он предложил использовать только как вспомогательный знак для обозначения цифры «6», а **ѫ** («юс большой») он поместил в алфавит лишь в силу традиции.

Мелетий Смотрицкий, критикуя русский алфавит, мог только высказывать своё мнение. Не в его власти было запретить использовать ту или иную букву. Однако чего не мог Мелетий Смотрицкий, на то замахнулся Пётр I 29 января 1710 г. Пётр I собственноручно написал на изда-

нии «Азбуки». «Сими литеры печатать исторические и мануфактурныя книги. А которыя почернены (т. е. зачёркнуты. — *Прим. ред.*), тех в вышеписанных книгах не употреблять».

Пётр I своей властью попытался исключить из алфавита буквы і («*и* десятеричное»), **з** («земля»), ѡ («омега»), о, оу («ук»), ф («ферт»), ѵ («ижица»), ѯ («кси»), ѱ («пси»), ѿ («от»), а также все надстрочные знаки. Это решение встретило сопротивление учёных-книжников, оберегавших традиции русского письма. В результате противостояния ревнителей старины и Петра I было принято компромиссное решение. Великому реформатору в области графики удалось лишь устранить буквы «от», «омега» и «пси» — в этом и состояла первая и единственная реформа русской графики. После неё были только реформы орфографии. Пётр I впервые узаконил две разновидности букв: прописные и строчные, «нелегально» уже существовавшие в русской письменности, а также отменил знаки титл (надстрочные знаки) для сокращённого написания слов.

Реформа 1708—1710 гг. разделила единый алфавит на два: один — традиционный, использовавшийся для церковных книг, а другой —

«ОМЕГА»

Очевидно, что в тех случаях, когда в современном русском языке буква **о** оказывается под ударением, в рукописи всегда стоит **ѡ**; современному безударному **о** может соответствовать как **о**, так и **ѡ**.

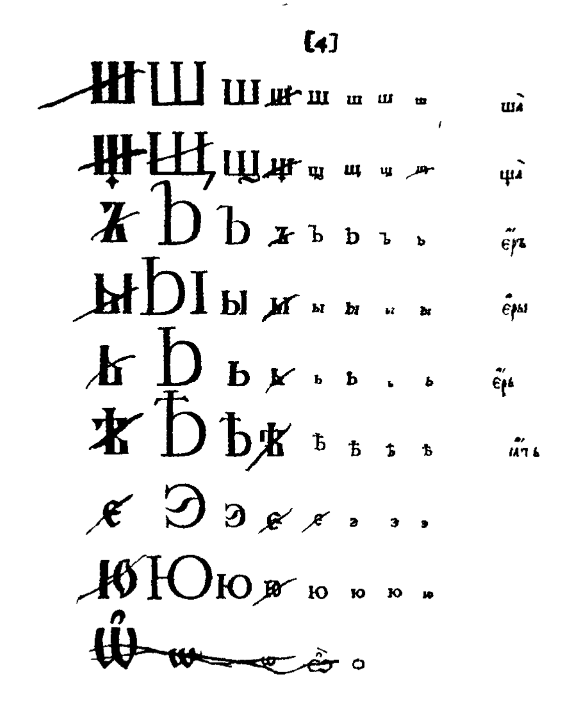
Проставив по правилам современного русского языка ударения в выписанных из рукописи словах, можно заметить, что в предударных слогах везде, кроме второго слога слова **подѡбалѡ**, встречается буква **о**.

Теперь рассмотрите заударную часть каждого слова. В первом заударном слоге современному **о** соответствует обычно **о** (исключение составляет последний слог все того же слова **подѡбалѡ**). Во втором заударном слоге встречается только **ѡ**, в третьем заударном ни **о**, ни **ѡ** не встретились. В единственном слове, в котором интересующая нас буква оказалась в четвертом заударном слоге, стоит **ѡ** (слово **свидетельствуемѡе**).

Если допустить, что прежде ударение в слове **подѡбалѡ** падало на второй слог (т. е. *y* = «**подѡбалѡ**», *z* = «ударение»), то обнаруженное студентом правило *x* можно сформулировать так. *В данной рукописи в ударных и четных заударных слогах пишется ѡ, а в предударных и нечетных заударных — о.*

На определенной стадии развития в древнерусском языке различались два типа **о** — «**о** открытое» и «**о** закрытое»; это различие было связано с тем, что в древнерусском языке было два типа ударения. Один из его типов (автономное ударение) в некоторых диалектах способствовал возникновению второстепенного ударения в четных заударных слогах.

Противопоставление двух типов **о** отражалось далеко не во всех рукописях, но в некоторых графических системах для обозначения «**о** закрытого» использовались особые знаки: «**о** узкое», «**о** широкое», греческая буква «омега» или диакритический знак — камо́ра. Эта задача опирается на материал одной из интереснейших рукописей XIV в. — Мерила Праведного. Разумеется, реальные правила употребления **о** и **ѡ** намного сложнее (упростить их можно, лишь сузив объем и разнообразие лексического материала).



Правка алфавита Петром I

ПОГОВОРКИ

Попробуйте переписать поговорки из сборника XVII в., заменяя архаичные формы написания современными:

(1) **Ощѹпал ѳролъ щукѹ серед волги на днѣ.**
(2) **Грѣлся Маѯимъ кругъ осинъ**
(3) **Пьянои Титъ ѱалмы твердитъ.**
(4) **Ѯения ждетъ воскресенїа**

«Ведомости» – первая русская газета.

РАЗГОВОРЪ

между

чужестраннымъ человѣкомъ

и

россiйскимъ

объ

ОРТОГРАФIИ

старинной и новой

и

о всемъ

что принадлежитъ къ сей матерiи.

«Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии старинной и новой»

новый, светский, гражданский. Четверть века спустя Российская Академия наук продолжила реформирование алфавита, начатое Петром. В 1735 г. она исключила из алфавита буквы «кси» и «зело», а также «ижицу», которая, однако, позже вновь была восстановлена. Тогда же была введена в алфавит буква ***й***.

«ПО ПРОИЗВОЛЕНИЮ» ИЛИ «ПО ЗВОНАМ»?

Задача орфографии — нормализовать использование букв гражданского алфавита. Её появление связано с именами Василия Евдокимовича Адодурова (1709—1780), составившего в 1738—1740 гг. первую полную грамматику русского (а не славянского, как это было раньше) языка, и Василия Кирилловича Тредиаковского (1703—1768), автора книги «Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии...» (1748 г.).

Оба автора впервые в России провозгласили фонетический принцип орфографии. Вот что писал В. Е. Адодуров в своей грамматике: «...для правильного изображения слов и речей надлежало бы иметь то, что столько особливых знаков (т. е. букв. — *Здесь и далее прим. ред.*), сколько есть в котором языке особливых голосов или звонов (т. е. звуков)». Поэтому он критиковал письмо, в котором «некоторыя гласы двумя или тремя знаками изъявляются».

Соотношение между звучащей и письменной речью представлялось следующим: один звук — одна буква. Поэтому учёные предлагали исклю-

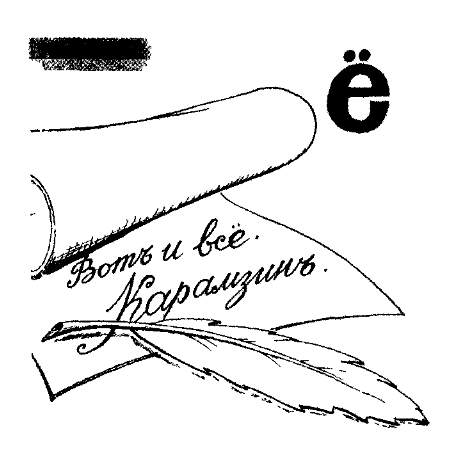
ИЮЛЬСКАЯ НОЧЬ

Перед вами стихотворение Валерия Яковлевича Брюсова «Июльская ночь» с частичным сохранением дореволюционной орфографии и авторского выделения букв:

Алый бархат вечереет,
Горделиво дремлют ели,
Жаждет зелень, и iюль
Колыбельной лаской млеет...
Нежно отзвуки пропели...
Разостлался синий тюль.

Улетели феи — холить
Царство чары шаловливой,
Шебет ѣдких эпиграмм.
Начинаетъ сны неволить,
Мѵро льет нетерпеливый
Юга ясный ѳимиам.

Определите закономерность, которой воспользовался поэт, сочиняя это стихотворение. Укажите, какие слова из текста нарушают эту закономерность.



ПОГОВОРКИ

(1) Ощупал Фрол щуку серед (посреди) Волги на дне. (2) Грелся Максим вокруг осин. (3) Пьяной (пьяный) Тит псалмы твердит. (4) Ксения ждет воскресения.

чить буквы ***з, и, ѳ,*** («земля», «иже», «фита») заменив их соответственно буквами ***ѕ, і, ф*** («зело», «*и* десятеричное», «ферт»). Выбор в пользу той или иной буквы определялся их близостью к латинскому алфавиту, который воспринимался как образец. Новая норма вырабатывалась в борьбе со старой, ориентированной на греческий алфавит.

В. К Тредиаковский и В Е. Адодуров протестовали против старого правила, обязывавшего передавать заимствованные из греческого языка слова, используя греческие буквы. «Как? — негодовал Тредиаковский. — Ежели кто россиянин захочет прямо по российски писать, тому необходимо должно знать все в свете языки..?» Если в соответствии с греческим [th] в заимствованных словах произносится [т], то и писать нужно не «фиту», а букву ***т: тема, математика*** (а не *ѳема, маѳематика*).

Обратили внимание также на сочетание звуков [jo], его предложили передавать двойным знаком (диграфом) ***io.*** В 1797 г Николай Михайлович Карамзин (1766—1826) предложил передавать этот звуковой комплекс изобретённой им буквой ***ё,*** которая осталась в русской графике, хотя и стала со временем необязательной

Что касается ***ъ*** и ***ь,*** то Адодуров их вывел из круга букв, поскольку за ними не стояло никакого звука. За буквой ***ь*** он закрепил особую задачу — передавать «отончение» согласных звуков (т. е передавать мягкость согласных). В то же время буква ***ъ*** оказалась как будто ненужной: ведь отсутствие ***ь*** уже указывает на твёрдость согласного. Однако ***ъ*** используется ещё как разделительный знак. А если оставлять эту букву в середине слова, то лучше оставить её и в конце слова (так привычнее).

Из надстрочных знаков сохранили только ударение, помогающее различить *омо́графы* (от *греч.* «homós» – «одинаковый» и «grápho» — «пишу») — слова, которые пишутся одинаково, а произносятся по-разному, например, *за́мок — замо́к, до́рог — доро́г.*

БѢДНЫЙ БѢСЬ

Переводчик Дмитрий Иванович Языков писал: «Буква ***ѣ,*** потеряв настояший свой выговор, походит на древний камень, не у места лежаший, о который все спотыкаются и не относят его в сторону затем только, что он древнии и некогда нужен был для здания».

Зазубривать слова, в которых следовало писать ***ѣ,*** было настояшеи мукой для учеников. Они даже сложили специальные стихи, в которых перечислялись слова, где полагалось писать эту букву:

Бѣлый, блѣдный, бѣдный бѣсь
Убѣжаль бѣдняга вь лѣсь,
Лѣшимь по лѣсу онь бѣгаль,
Рѣдькой съ хрѣномь пообѣдаль...

Об избавлении от буквы ***ѣ*** мечтали едва ли не так же, как об отмене крепостного права.

УДОБСТВА РАДИ

В 1755 г. вышла в свет «Российская грамматика» Михаила Васильевича Ломоносова (1711—1765). Формулируя принципы правописания в разделе «Наставление.. о чтении и правописании российском», учёный утверждал, что орфография должна, во-первых, служить «к удобному чтению каждому знающему российской грамматике», во-вторых, не отходить далеко «от главных российских диалектов, которые суть три: московский, северный, украинский»; в-третьих, не отклонять-

РОССІЙСКАЯ
ГРАММАТИКА

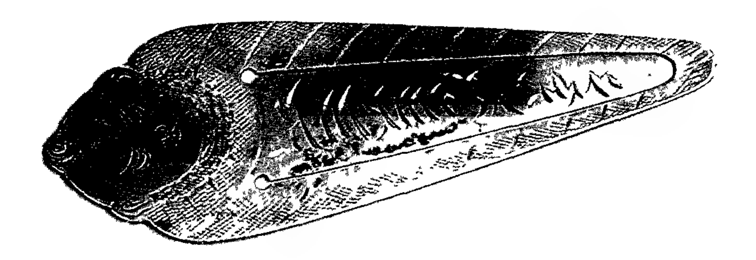
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

ПЕЧАТАНА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи Наукъ
1755 года.

«Российская грамматика» М. В. Ломоносова 1755 г.

ся сильно «от чистого выговору»; в-четвёртых, не закрывать «следы произвождения и сложения речений». Последнее требование расходилось с мнением В. К. Тредиаковского, который рассуждал так: «Что мне нужды, что произведения корень виден не будет?» — и предлагал писать *сладость*, но *слаткий*.

М. В. Ломоносов считал, что передавать словообразовательные связи необходимо, поскольку это делает чтение более удобным. Заботой об удобстве объясняет Ломоносов в своей грамматике необходимость буквы **ѣ**. «Ибо ежели без буквы **ѣ** начать писать, а особливо печатать, то 1) всем тем, которые разделять **е** от **ѣ** умеют, не только покажется странно, но и в чтение препятствовать станет; 2) малороссиянам, которые **е** от **ѣ** явственно различают, будет против свойства природного их наречия; 3) уничтожится различие речений разного знаменования, а сходного произношения, например *лечу (летѣть)* от *лѣчу (лѣчить)*...». Таким образом, впервые вводится важный принцип написание



Серебряная закладка с надписью «Я здесь заснул». XIX в.

«ИЮЛЬСКАЯ НОЧЬ»

В. Я. Брюсов постарался написать такое стихотворение, первые буквы слов которого были бы расположены в порядке современного ему русского алфавита, причём так, чтобы все буквы были использованы. Это удалось сделать до буквы ***ш*** включительно. Далее алфавит имел следующий вид: ***ъ, ы, ь, э, э, ю, я, ѳ, ѵ***.

В стихотворении слова на ***э-, э-*** «пропущены» вперёд; буквы же ***ъ, ы*** и ***ь,*** которые не могут стоять в начале слов ни в старой, ни в современной орфографии (начальное ***ы*** встречается в некоторых экзотических именах собственных, например: ***Ы****йсон* — город в Южной Корее, ***Ы****гыатта* — река в Якутии), фигурируют в последующих двух строках в конечной (*начинае****ть****, сн****ы****, невол****ь***) и срединной (*л****ь****ет, нетерплив****ы****й*) позициях.

Нарушает алфавитный порядок также слово *м****ѵ****ро*, хотя редкая буква ***ѵ*** «ижица», завершающая алфавит, могла употребляться и в начале слова. Сам Брюсов, закончивший «Июльскую ночь» словом на ***ѳ***, в дополнение к названию дал в скобках подзаголовок «Азбука от ***а*** до ***ѳ***».

Заметим, что в тексте стихотворения автором не была выделена буква ***й,*** а ***ё*** отсутствует вовсе (ср. *льет*). Дело в том, что в азбуке начала XX в. обе эти буквы еще не имели самостоятельного статуса. Русский алфавит до реформы 1918 г. выглядел так: ***а б в г д е ж з и і к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь ѣ э ю я ѳ ѵ.***

не должно ущемлять чьих-нибудь интересов (например, представителей разных диалектов), а кроме того, должно выполнять дифференцирующую (различающую) роль

Ученый недоумевал, зачем нужна буква ъ в конце слов? В 1781 г по инициативе директора Академии наук Домашнева один отдел «Академических известий» был напечатан без ъ в конце слов Однако, несмотря на этот выпад, буква ъ преспокойно вошла в XIX в и сохранилась в конце слов вплоть до 1917 г

ОРФОГРАФИЯ — БИОГРАФ СЛОВА

В начале XIX столетия на волне интереса к истории языков у многих учёных возникло желание отстоять традиционный (этимологический) принцип написания слов «Орфография слова — это его биография» Такое написание не только позволяет различать слова на письме, но и проясняет происхождение слов При традиционном принципе письма фраза *Пятьдесят разделили на пять* выглядит так· *Пѧтьдесѧтъ раздѣлили на пѧть.* Написание **пѧть** имеет преимущество перед *пять*, потому что сохраняет воспоминание о традициях употребления буквы **ѧ** («юс малый») у южных и восточных славян Но кто, кроме лингвистов, интересующихся историей фонетики и графики, может оценить это преимущество? Теорию традиционного написания изложил знаток русской письменности лингвист Яков Карлович Грот (1812—1893) в своей книге «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне» (1873 г.) Книга Я. К. Грота — первый полный свод орфографических правил. После того как все правила были собраны и сведены вместе, стало ясно, что русское письмо необходимо упорядочить и упростить.

Яков Карлович Грот — автор первого полного свода правил русской орфографии

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИГРАММА

В 20—30-х гг. XIX в. поклонники старины делали попытки вновь ввести в обращение дублетные буквы: например, Михаил Каченовский, известный историк и журналист, редактор журнала «Вестник Европы», стремился употреблять буквы *і, ѵ, ѳ* в словах, заимствованных из греческого. Поэт Евгений Баратынский осмеял его в своей «Исторической Епиграмме», буквально набитой написаниями с *і*:

Хвала, маститый нашъ Зоілъ!
Когда-то Дмітріевъ бѣсилъ
Тебя счастлівымі струнамі;
Бѣсилъ Жуковскій въ слѣдъ за нимъ,
Вотъ бѣситъ Пушкінъ: какъ любімъ
Ты дольновідными Судьбамі!
Трі поколѣнія пѣвцовъ,
Тебя, красои своіхъ вѣнцовъ
Въ негодованье приводілі;
Пекісь о здравіі своемъ,
Чтобы, подобно первымъ тремъ,
Другіе трі тебя бѣсілі.

Вопреки норме А. С. Пушкин писал имя Каченовского, издателя «Вестника Европы», так: *Міхаилъ Трофімовичъ* и смеялся, замечая, что «под холодный Вестник свои прыскал мертвою водою, прыскал ижицу живой».

БУРЯ И НАТИСК

В 1901—1902 гг Московское и Казанское педагогические общества предложили свои проекты реформы орфографии. В 1904 г была создана Орфографическая комиссия при Академии наук. Председателем её стал Филипп Федорович Фортунатов (1848—1914). Все члены комиссии были согласны, что орфография должна строиться на каком-то одном принципе. Вопрос был лишь в том, на каком именно. Так, некоторые придерживались *фонетического* принципа, другие, в том числе и Ф Ф. Фортунатов, — *морфологического*, третьи — *традиционного*. Постепенно становилось всё больше сторонников морфологического принципа (позднее на его основе возник современный

фонематический принцип: буква передаёт звуковую единицу языка — фонему).

Решался вопрос и о том, как упростить графику. Например, Ф. Ф. Фортунатов предлагал отказаться от буквы **ъ** и использовать **ь** в том числе и как разделительный знак. За каждую букву — «кандидата» на исключение — голосовали. Все единогласно проголосовали за то, что одной из букв **и** или **і** надо пожертвовать. Договориться, какой именно, так и не удалось. Было решено избавиться от **ѣ** («ять») и от **ѳ** («фита»). Предлагалось отказаться от написания **ь** после шипящих (писать *ноч, мыш*), а также упорядочить написание **о/е** после шипящих (писать **о** под ударением, а **е** в безударной позиции: *жóстко*, но *жесткá*); в написании окончаний прилагательных передавать их фонемный состав (*доброй молодец, синей кафтан*, т. е. писать после твёрдых согласных **-ой,** а после мягких — **-ей,** как в слове *молодой*).

В 1914 г. Ф. Ф. Фортунатов умер, и комиссию возглавил Алексей Александрович Шахматов. Когда предложения учёных были готовы, президент Академии наук великий князь Константин Константинович побоялся «орфографической смуты». Вплоть до 1917 г. рекомендации Орфографической комиссии оставались лишь рекомендациями. Первая редакция декрета о реформе русского правописания была опубликована в газете «Известия» от 23 декабря 1917 г После 1918 г. были «изгнаны» из алфавита буквы **ѣ**, **ѳ**, **і;** отменено написание **ъ** в конце слов после твёрдых согласных. Про букву **ѵ** («ижица») совсем забыли, она не попала в декрет, однако с этого времени фактически перестала употребляться.

Из типографий стали изымать наборные литеры. В результате наборщики вообще оказались без буквы **ъ** (революционные матросы не вникали в такие тонкости, что декрет отменил не букву **ъ** вообще, а лишь её употребление в конце слов), так что в течение нескольких лет в качестве разделительного знака приходилось использовать апострóф (').

Приставки на **з-/с-** стали писать в соответствии с признаком звонкость/глухость последующего согласного (*беззвучно*, но *бесспорно*). В родительном падеже прилагательных, местоимений и причастий надлежало писать **-ого/-его** вместо

ДВУЛИКАЯ *Г*

Что обозначает буква **г** в русском языке? Ясно, что: фонему <г>: *город, нога, луг*. Но есть случай, когда буква **г** обозначает совсем другую фонему — <в>. Речь идёт об окончании родительного падежа единственного числа мужского и среднего родов прилагательных (и местоимений): *добро<в>о синe<в>о, то<в>о, мое<в>о* и т. п. Как случилось, что в этом окончании буква **г** выполняет несвойственную ей функцию? В древнерусском языке в этом окончании была согласная фонема <г>, и, естественно, она обозначалась буквой **г.** Затем в результате ряда фонетических изменений вместо <г> в этом окончании появилась фонема <в>. А писать продолжали по традиции старую букву. И ни одна реформа орфографии (а их было немало) не изменила этого.

В написании этого окончания была ещё одна странность, которую можно обнаружить, заглянув в любое дореволюционное издание. Там можно встретить: *молодого, голубого, простого,* но *богатаго, новаго, синяго.* Откуда взялись эти **-аго** и **-яго?** Эти написания получены в наследство от древнерусских литературных памятников. Формы с окончаниями **-аго** и **-яго** были старославянскими заимствованиями и употреблялись прежде всего в книгах. В «Слове о полку Игореве» читаем: «*Почнемь же, братие, повѣсть сию оть стараго Владимера до нынѣшняго Игоря...*». В разговорном древнерусском языке было бы: *стар*[ого], *нынѣшн*[его]. Уже в XVIII в. формы на **-аго** и **-яго** считались особенностью высокого стиля. В XIX в. так уже не говорили. Традиционное написание сохранялось вплоть до Октября 1917 г., когда реформа орфографии его отменила.

Но они сохранились в написании некоторых фамилий, например Живаго и Дурново. Обе фамилии по происхождению — старые формы родительного падежа полных прилагательных. *Живаго* — фамилия книжного происхождения, она представляет собой старославянскую форму (окончание **-аго** в соответствии с исконным русским **-ого**), а *Дурново* — старая форма живого русского языка, где древнерусское **-ого** изменилось на **-ово**.

СРЕДИ ДОЛИНЫ РОВНЫЯ...

Даны поэтические строки, записанные так, как в прижизненных изданиях соответствующих авторов.

(1) *Какь слёзы первыя любви* (А. А. Блок).

(2) *И жало мудрыя змеи* (А. С. Пушкин).

(3) *Вь лѣсахь веселыя Цитеры* (А. С. Пушкин).

(4) *Во мракѣ холодномь, подь сѣнью душистыя липы* (А. Н. Майков).

(5) *Среди долины ровныя* (А. Ф. Мерзляков).

Перепишите их в соответствии с современными нормами, не стараясь обязательно соблюсти стихотворный размер.

В стихотворении Марины Ивановны Цветаевой, посвященном Александру Александровичу Блоку, есть строка *«Имя твое — пять букв»*. Однако после реформы орфографии 1918 г. в фамилии Блок осталось только четыре буквы, исчез стоявший на конце твердый знак. Поэтому для современного читателя это обращение остается загадкой. Графика и смысл оказались связаны

-аго/-его (*велик**ого***, а не *велик**аго***). Окончания именительного и винительного падежей множественного числа женского и среднего родов прилагательных, местоимений и причастий ***-ыя/-ія*** заменили на ***-ые/-ие*** (*красн**ые*** и *син**ие*** вместо *красн**ыя*** и *син**ія***). Устранялась форма ***онѣ*** для именительного падежа женского рода множественного числа местоимения *(они)*. Были изъяты написания *ея, однѣ, однѣх, однѣми (ее, одн**и**, одн**их**, одн**ими**)*.

НЕВКУСНЫЕ ОГУРЦИ

В 1929 г. начала работать новая Орфографическая комиссия. Многие лингвисты тогда были настроены решительно: они хотели последовательно использовать в русской орфографии фонемный принцип, по возможности отказавшись от всех отступлений от него. Так, например, предлагалось писать в окончаниях родительного падежа мужского и среднего родов прилагательных и местоимений ***-ово, -ево*** *(глух**ово**, то**щево**)*, поскольку в сильной позиции (перед гласной) выступает именно фонема <в>; после шипящих писать ***ь*** только для обозначения звука [j] после согласных перед гласной (*мышью*, но *мыш*), так как для шипящих не важно противопоставление по твёрдости/мягкости, под ударением после шипящих и ***ц*** писать ***о***, а без ударения ***е*** *(о ч**о́**м, ни к ч**е**му́)*, отказаться от написания ***ь*** после шипящих в неопределённой форме глаголов и др. Однако проект, подготовленный комиссией к 1930 г., не был одобрен.

С 1934 г. в Москве и Ленинграде началась новая, более скромная работа: на реформу орфографии уже никто не замахивался, учёные хотели лишь упорядочить её. Снова зазвучали предложения укрепить традиционный принцип орфографии. Но гораздо больше было сторонников фонемного принципа орфографии. Орфографический свод появился только в 1956 г. («Правила русской орфографии и пунктуации»), а споры продолжались и в 60-х гг.

В орфографическом своде 1956 г., например, был указан список слов, в которых в корне после ***ц*** полагалось писать ***ы*** *(ц**ы**ган, ц**ы**кать, ц**ы**плёнок, на ц**ы**почках, ц**ы**ц)*. Таким образом была закреплена норма, когда в окончаниях пишется ***ы***, а в корнях ***и*** (за исключением нескольких слов). Казалось очевидным, что эту непоследовательность можно преодолеть. Во время дискуссии 60-х гг. лингвисты высказали предложение писать после ***ц*** всегда ***и***. Спор шёл в основном вокруг *огурцов*. Существительные мужского рода на ***-ц*** имеют в родительном падеже окончание ***-ов***. Если писать *огурц**и***, рассуждали противники такого новшества, то появится новое соотношение окончаний ***-и/-ов*** вместо привычного ***-ы/-ов*** *(стол**ы**/стол**ов**)*. Обычно окончание ***-и*** соотносится с окончанием ***-ей*** *(нож**и**/нож**ей**)*. Следовательно, нужно принять и новое окончание множественного числа — *огурц**ей***. Сторонников новой орфограммы это нисколько не смущало. Они указывали, что существуют пары *пирог**и**/пиро**гов*** (форм от существительных на ***-г, -к, -х***). Гораздо труднее было опровергать эмоциональную реакцию: один взволнованный читатель, следивший за ходом дискуссии на страницах прессы, поклялся, что если *огурц**ы*** превратятся в *огурц**и***, то он в рот не возьмёт таких *огурц**ей**!*

Другой спор развернулся вокруг слова *заяц*, которое отличается уникальным написанием. Специалисты предложили унифицировать его по модели *молодец, холодец*. Ведь в слове *заяц* представлен тот же суффикс с беглым [е], появляющимся под ударением и исчезающим в косвенных падежах (сравните: *моло́де́ц/молодца́, молодцу́* и *заяц/зайца, зайцу*), но гласный в этом слове стоит в безударной, слабой позиции. Однако, как оказалось, знакомый *за**я**ц* устраивал всех гораздо больше, чем неведомый, страшноватый, хотя и логичный *за**е**ц*.

В 1962 г. при Институте русского языка АН СССР была организована постоянно действующая Орфографическая комиссия для подготовки нового свода орфографических правил.

НЬЮТОН ИЛИ НЕВТОН?

Соотносить русский и латинский алфавиты (т. е. устанавливать некоторые соответствия между кириллическими и латинскими буквами) необходимо очень часто: например, когда нужно передать средствами одного языка имена или названия, относящиеся к другому языковому пространству. Переложение написания, выполненного при помощи букв одного алфавита, на буквы другого алфавита называется *транслитерацией* (от *лат.* trans — «сквозь», «через» и lit(t)era — «буква»). Она не заключается в том, чтобы «переводить» написания буква в букву (тогда имя *Шекспир* записывалось бы, например, как *Схакеспеар*), она должна учитывать также сочетания букв. Под термином «транслитерация» в наши дни в первую очередь понимают правила записи национальных письменностей при помощи унифицированного для этой цели латинского алфавита.

В 50-х гг. XX в. правила транслитерации русских написаний латинскими буквами вырабатывал Институт языкознания Академии наук СССР. Современная система транслитерации латинскими буквами письменностей, не использующих латиницу, создана в 70-х гг. Международной организацией по стандартизации (МОС).

Транслитерацию «обыденную» следует отличать от практической *транскрипции*, т. е. записи иноязычных слов средствами национального алфавита и выработанными правилами чтений букв и буквосочетаний. Так, написание *Невтон* является транслитерацией по отношению к *Newton*, а *Ньютон* — транскрипцией. Транскрипция иногда приводит к тому, что появляется несколько вариантов написаний. Скажем, английская фонема [æ] передаётся в русских текстах буквами **э** или **е**. Таким образом фамилию *Stanley* можно писать и как *Стэнли*, и как *Стенли*. Одна и та же английская фамилия *Huxley* раньше передавалась как ***Гексли***, а теперь как ***Хаксли*** (Томас Генри Гексли, крупный биолог, современник Чарлза Дарвина, и его внук известный писатель Олдос Хаксли).

Сейчас используют уже устоявшиеся, подтверждённые длительной традицией написания (например, *Париж, Германия;* при установившемся теперь правиле передачи ***h*** буквой ***г*** фамилия *Хемингуэй* всё же пишется в соответствии с традицией, опиравшейся на соответствие ***h*** — ***х***). Что касается слов, осваивать которые только начинают, всё большее распространение получают именно транскрипции, а не транслитерации. Иногда возникают двойные написания, «конфликтующие» между собой, например *Ван Клиберн* и *Вэн Клайберн*.

Много для разработки правил соотнесения латинского и кириллического алфавитов сделал Николай Владимирович Юшманов (1896—1946), автор работы «Грамматика иностранных слов», опубликованной в 1933 г.

Споры 60-х гг. показали, что любая попытка изменить привычные нормы вызывает сопротивление большинства грамотных людей. Страх перед тем, что придётся переучиваться, обычно бывает сильнее сознания необходимости и важности реформы. Поэтому открытые дискуссии об орфографии, в которых принимают участие все желающие, обычно ни к чему не приводят. Вопрос должны сначала тщательно обсудить специалисты, а чтобы провести реформу, нужны веские доказательства её необходимости и волевое решение.

Никто не может оставаться равнодушным к системе письма, с которой сталкивается ежедневно. Её достоинства обычно воспринимают как нечто само собой разумеющееся, зато на недостатки часто сетуют. Русскую орфографию можно сделать значительно более логичной: сократить число букв и провести более последовательно фонемный принцип письма. Например, шагом вперёд была бы отмена ***ь*** после шипящих, ведь <ж> и <ш> всегда твёрдые, а <ч> и <щ> всегда мягкие. Роль ***ь*** в передаче грамматических значений также сомнительна – мы узнаём, что слово *тишь* женского рода не потому, что оно пишется с ***ь***, а, наоборот, оно пишется с мягким знаком согласно правилу: в словах женского рода на шипящий пиши ***ь***. Несмотря на все эти нелогичности, оценивая русскую орфографию, которая пережила множество превратностей, хулу и хвалу, произвол и волю, хочется воскликнуть вслед за М. В. Пановым, автором замечательной книги о русской орфографии: «И всё-таки она хорошая!».

СРЕДИ ДОЛИНЫ РОВНЫЯ...

Анализируя предложенные строки, устанавливаем, что **-ыя** — прежнее окончание прилагательных женского рода в родительном падеже единственного числа.

(1) *Как слезы первой любви.*

(2) *И жало мудрой змеи.*

(3) *В лесах веселой Цитеры.*

(4) *Во мраке холодном, под сенью душистой липы.*

(5) *Среди долины ровной.*

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

Перед нами текст знаменитого памятника древнерусской литературы конца XII в. «Слово о полку Игореве» и его перевод на современный русский язык:

*Не буря **соколы** **занесе** чрезъ поля **широкая** — галици **стады** бѣжать къ Дону великому...*	*Не буря соколов занесла чрез поля широкие — галки стаями слетаются к Дону великому...*
*Игорь ждетъ **мила** брата Всеволода.*	*Игорь ждёт милого брата Всеволода.*
*И **рече** ему буй туръ Всеволодъ:*	*И сказал ему буй тур Всеволод:*
*«**Одинъ** братъ, **один** свѣтъ свѣтлый — ты,*	*«Один брат, один свет светлый ты,*
***Игорю!** оба **есвѣ** **Святъславлича!** Сѣдлаи, **брате, свои** **бръзыи комони,** а мои ти готови...»*	*Игорь! оба мы — Святославичи! Седлай, брат, своих борзых коней, а мои- то готовы...»*
*Тогда **въступи** Игорь кънязь въ **златъ стремень** и **поѣха** по чистому полю. Солнце ему тъмою путь **заступаше**...*	*Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступало...*

В основном смысл древнерусского текста понятен и без перевода, почти все слова сохранились в языке. А вот многих грамматических форм в современном русском языке нет. Это не заимствования из старославянского: в конце I — начале II тысячелетия они звучали в живом народном языке Древней Руси.

Прошло тысячелетие. За это время язык сильно изменился, другим стал и его грамматический строй. Но остались «зарубки», следы прошлых состояний языка. Так в системе языка появляются непоследовательности, странности, их часто называют исключениями. Например, глаголу свойственно изменяться по лицам, но прошедшее время и сослагательное наклонение в современном русском языке не имеют лица и при этом изменяются по родам, что для глагола необычно. В сочетаниях типа *три дома* существительное стоит в единственном числе, хотя числительное указывает, что предмет не один. Слово *путь* почему-то склоняется по «женскому» склонению. Притяжательные прилагательные склоняются совсем не так, как остальные слова этой части речи...

Таких странностей в русском языке много. Они непонятны с точки зрения грамматической системы современного русского языка, зато находят объяснение в истории русской грамматики. Задача учёных — понять логику преобразований языка, установить законы, которым

«Тогда вступил Игорь князь в золотое стремя и поехал по чистому полю»

РОГА И КОПЫТА

В древнерусском языке для обозначения более чем одного предмета каждое существительное имело две разные формы. Одни существительные чаще употреблялись в одной форме, другие — в другой. В дальнейшем в качестве формы множественного числа для каждого существительного, как правило, утвердилась одна из этих двух форм. В большинстве случаев сохранилась та форма, в которой существительное употреблялось чаще. Ниже приводятся некоторые существительные современного русского языка, форма множественного числа которых восходит к «победившей» древней форме.

Существительные на **-а/-я:** *рога, копыта, бока, лица, чада, глаза, берега, поля моря, рукава.*

Существительные на **-ы/-и:** *столы, соседи, кони, языки, волосы, плечи, ногти, уши, очи, колени, овраги.*

1. Для приведённых выше слов определите, какими особенностями существительного объясняется его попадание в первую или вторую группы.

2. Каково было различие в значениях двух упомянутых форм древнерусского существительного?

подчиняется эта живая стихия. Тогда сквозь зигзаги и случайности проступает закономерное движение в некотором общем направлении.

ИСТОРИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

В древнерусском языке все существительные, как и сейчас, относились к одному из трёх родов — мужскому, женскому или среднему. Подавляющее большинство существительных было того же рода, как и в современном русском языке; большинство — но не все. Например, названия детёнышей *теля, ягня, котя, робя* и т. п. были существительными среднего рода. Это уже потом они преобразились при помощи суффикса ***-онок:*** старые названия заменились словами ***телёнок, ягнёнок, котёнок, ребёнок,*** и у них

изменился род. Единственное слово из этой группы, сохранившее своё древнее грамматическое оформление и средний род, — это *дитя,* но в прямом значении оно сейчас употребляется редко: его вытеснило слово ***ребёнок.***

Отличался от современного и признак числа в древнерусском языке. У существительных (как и у слов других изменяемых частей речи) было не два числа, как в наши дни, а три: кроме *единственного* и *множественного* было ещё *двойственное* число.

Число	Древнерусский язык	Современный язык
Единственное	*рукав**ъ**, сест**ра**, по**ле*** (один, одна, одно)	*рукав, сест**ра**, по**ле*** (один, одна, одно)
Двойственное	*рукав**а**, сест**рѣ**, по**ли*** (два, две)	—
Множественное	*рукав**и**, сест**ры**, по**ля*** (больше двух)	*рукав**а**, сёст**ры**, по**ля*** (больше одного, не один)

В предложении из «Слова о полку Игореве» *«...оба ес**вѣ** Святъславлич**я**»* даже без слова *оба* читателям всё равно было понятно, что речь идёт о двух сыновьях Святослава: об этом говорят окончания ***-вѣ*** и ***-я.*** Если бы говорилось, допустим, о трёх лицах, автор использовал бы множественное число: *ес**мъ** Святославлич**и**.*

Позже двойственное число утратилось, вместо него стали употреблять множественное число. Таким образом, изменилось значение множественного числа: раньше оно означало ‘больше двух’, теперь стало означать ‘больше, чем один’.

Однако не все древние формы двойственного числа утратились. У существительного *рукавъ* сохранилась форма именно двойственного числа, а не множественного. Ещё подобные примеры: *бок**а**, берег**а**, колен**и**, оч**и*** и т. п. Все эти слова обозначают парные предметы, которых обычно бывает по два, поэтому устойчивыми оказались старые формы двойственного числа. Конечно, в современном русском языке это уже формы множественного числа: теперь они означают ‘не один’, ‘не одно’.

Двойственное число оставило ещё один след в языке: мы постоянно пользуемся сочетаниями типа *два человек**а**, четыре стол**а**,* не задумываясь над их нелогичностью. Действительно, речь идёт явно не об одном предмете, и существительное должно стоять во множественном числе; сравните: *пять (десять, сто)*

столов. В древнерусском языке в подобных сочетаниях противоречия не было. В сочетаниях типа *дъва стола* существительное стояло в именительном падеже двойственного числа. Когда двойственное число утратилось, в сочетаниях типа *два стола* сохранившаяся форма *стола* переосмыслилась, для нас это родительный падеж единственного числа. Изменился и вид связи: вместо согласования в падеже *(дъва стола)* числительное стало управлять существительным в родительном падеже единственного числа *(два стола)*.

Постепенно такое же управление установилось во всех сочетаниях существительных с числительными *два, три, четыре*. Например, существительные в именительном падеже двойственного числа *дъвѣ избѣ (селѣ)* или существительные в именительном падеже множественного числа *три и́збы (се́ла)* сменились существительными в родительном падеже единственного числа: *две избы́, два села́, три избы́ (села́)*

Как видно, грамматические изменения очень сложны, они могут происходить под влиянием разных причин и различных законов. В истории сочетаний существительных с числительными действовали сразу два фактора: утрата двойственного числа и *закон аналогии* (по аналогии с одними сочетаниями тот же вид связи возникал в других).

В тексте «Слова...» Всеволод, обращаясь к Игорю, говорит· *«Одинъ братъ... ты, **Игорю...** сѣдлаи, **брате...** комони»*. Здесь два обращения — *Игорю* и *брате*, и выражены они особой формой, которая называется *звательной* Позже она утратилась, и при обращении стала употребляться только форма именительного падежа Однако некоторые старые формы сохранились, изменив своё значение. Восклицая· *О боже!* (или *О господи!*), мы обычно ни к кому не обращаемся. В подобных случаях *боже* и *господи* — просто междометия Но по происхождению это звательные формы. Например, в приписке к Остромирову Евангелию: *«слава тебѣ господи царю небесьныи»* — *господи* (как и *царю*) — звательная форма. Её употребляли в позднее время для стилизации: *«Приплыла к нему рыбка и спросила: „Чего тебе надобно, старче?"»* (А. С. Пушкин). Того же происхождения и форма *отче*.

РОГА И КОПЫТА

1. В обеих группах представлены существительные мужского и среднего рода. Причем в первой группе слова мужского рода обозначают парные предметы *(рога, бока, глаза, берега, рукава)*, слова же среднего рода не имеют этого значения. Во второй группе, наоборот, слова среднего рода обозначают парные предметы *(плечи, уши, очи, колени)*, а слова мужского рода не имеют значения парности.

2. Из условия задачи видно, что при образовании формы множественного числа существительные со значением парных предметов ведут себя не так, как другие существительные:

	Мужской род	**Средний род**
Существительные, обозначающие парные предметы	*-а*	*-и*
Другие существительные	*-ы/-и*	*-а/-я*

В древнерусском языке были разные формы для обозначения парности и множественности (двойственное и множественное числа). У существительных, обозначающих парные предметы, форма двойственного числа употреблялась чаще формы множественного числа и в дальнейшем вытеснила последнюю.

НОВАЯ ЗВАТЕЛЬНАЯ ФОРМА

После того как в древнерусском языке был утрачен звательный падеж, обращение стало выражаться только формой именительного падежа: *Таня, принеси книгу; Сережа, ты приготовил уроки?*

Однако живая разговорная речь создала для обращения новые формы: *Тань! Сереж!* Они возникли недавно как усеченные формы именительного падежа, которые произносятся с особой, «звательной» интонацией. Есть у них и еще одна особенность: звонкие согласные на конце этих слов не оглушаются: *Фе*[д']!

* * *

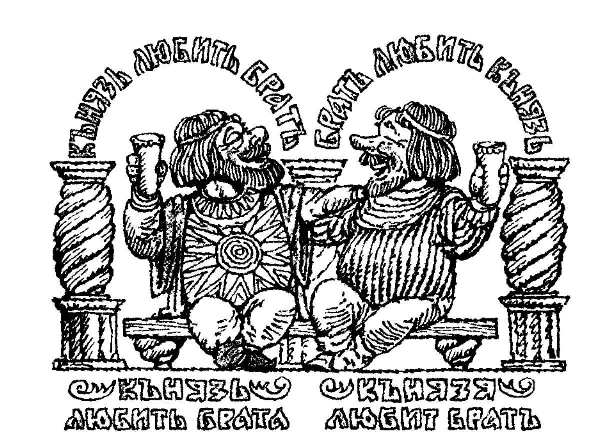
Современный русский язык различает одушевлённые и неодушевлённые существительные. Дело совсем не в том, что одни обозначают живые существа, а другие нет. Разница грамматическая: у существительных разных групп в винительном падеже разные окончания (подробнее об этом см. статью «Имя существительное»). В древнерусском языке такого противопоставления не было.

Падеж, число	Древнерусский язык	Современный язык
Вин. п. ед. ч.	*вижу брат**ъ**, город**ъ***	*вижу брат**а**, город*
Вин. п. мн. ч.	*вижу брат**ы**, гóрод**ы**, сестр**ы**, изб**ы***	*вижу брать**ев**, город**á**, сестёр, изб**ы***

Сравните в тексте «Слова о полку Игореве»: «*...не буря **соколы** занесе, сѣдлаи... **свои... комони***» (современные формы *соколов, своих коней*). Формы именительного и винительного падежей совпадали, а значит, в некоторых предложениях не различались формы подлежащего и прямого дополнения. *Кънязь любить братъ.* Где здесь подлежащее, а где дополнение? *Кънязь* — это форма и именительного падежа, и винительного, *братъ* — тоже. Так кто кого любит? В древнерусском предложении был свободный порядок слов (ещё более свободный, чем в современном языке). Поэтому предложения *Кънязь любить братъ* и *Братъ любить кънязь* могли значить одно и то же.

Чтобы отличить в подобных предложениях субъект действия от объекта, язык и стремится устранить совпадение форм именительного и винительного падежей. Винительный падеж принял окончание родительного падежа. Теперь уже сами формы существительных показывают, где подлежащее, а где дополнение. И ясно, кто кого любит: *Кънязь любить брата* (подлежащее *кънязь*); *Кънязя любить братъ* (подлежащее *братъ*).

Признак одушевлённости/неодушевлённости формировался в русском языке длительное время — в течение нескольких веков. Начавшись у существительных, обозначавших людей, процесс постепенно охватил и названия животных (они, как и люди, могут быть субъектами активного действия, а не только его объектами). И когда мы говорим *идти в гости, постричься в монахи* или даже *баллотироваться в депутаты,* то как бы возвращаемся в прошлое языка, когда ещё не до конца сформировалась одушевлённость/неодушевлённость. В этих сочетаниях по общему закону современного русского языка существительным следовало бы иметь форму винительного падежа: *гостей, монахов, депутатов.* Но вместо этого мы употребляем формы, обычные для именительного падежа, который, однако, не может сочетаться с предлогом! Даже новое слово *депутат* «помнит» о древнерусской форме винительного падежа.



След старой формы винительного падежа есть и в наречии *замуж,* которое образовалось из сочетания *за мужь* (существительное в винительном падеже). Аналогичная форма и в народной загадке: «*Кто таков? Сел на конь и поехал в огонь*» (это горшок на ухвате), и в команде из «Сказки о золотом петушке» А. С. Пушкина: «*...Люди, нá конь! Эй, живее!*».

* * *

Существительные в древнерусском языке, как и сейчас, склонялись, т. е. изменялись по падежам. Падежи мы называем так же, как в современном русском языке; есть лишь одно исключение: последний падеж — *м е с т н ы й* (одно из его зна-

чений — место действия), а не предложный, потому что в те времена он мог употребляться и без предлога: «*Изяславъ кънязь правляаше... кыевѣ*» (т. е. «правил в Киеве»).

Склонение существительных в древности во многом отличалось от современного. Тогда слова одного рода, имевшие одинаковые окончания в начальной форме, могли склоняться по-разному. Например, совсем непохоже склонялись слова *братъ* и *сынъ, конь* и *гость, село* и *слово*.

Ед. ч.		Мн. ч.	
Род. п.	**Дат. п.**	**Им. п.**	**Род. п.**
*брат**а***	*брат**у***	*брат**и***	*брат**ъ***
*сын**у***	*сынов**и***	*сынов**е***	*сынов**ъ***
*кон**я***	*кон**ю***	*кон**и***	*кон**ь***
*гост**и***	*гост**и***	*гост**ье***	*гост**ии***
*сел**а***	*сел**у***	*сел**а***	*сел**ъ***
*словес**е***	*словес**и***	*словес**а***	*словес**ъ***

Таким образом, типов склонения тогда было больше, чем сегодня. Постепенно склонение существительных одного рода, имевших одинаковые окончания в именительном падеже единственного числа, начинало сближаться.

У некоторых существительных были две основы: одна — в именительном падеже единственного числа, другая — во всех остальных падежных и числовых формах. В основе косвенных падежей добавлялось так называемое наращение: ***-ен-*** *(**камен-**)* или ***-ес-*** *(**словес-**)* и т. д. Постепенно эти наращения по аналогии с косвенными падежами могли проникать и в начальную форму: *камы* (родительный падеж — *камене*) и *цьркы* (родительный падеж — *цьркъве*) исчезают, зато появляется *камень, церковь* или *церква* (в разных диалектах с разными окончаниями). Основа выравнивается: опять действует закон грамматической аналогии.

Такое выравнивание отражено в «Слове о полку Игореве»: в древнерусском языке было слово *стремя* (именительный и винительный падежи), но в «Слове...» *стремень* — это более поздняя форма, результат выравнивания основы. Кстати, здесь изменился и род, поскольку другим стал облик слова: окончание у него теперь нулевое — значит, род мужской.

Судьба наращений сложилась по-разному. В формах *неб**а** — неб**у**, слов**а** — слов**у**, чуд**а** — чуд**у*** и т. д. окончания новые, и наращений уже нет. Однако они не исчезли бесследно, сохранившись в других формах существительных современного русского языка: *неб**еса**, чуд**еса**, слов**еса**, тел**еса***, в производных прилагательных *неб**есн**ый, слов**есн**ый, чуд**есн**ый, тел**есн**ый*. А в склонении слов *мать* и *дочь*, а также слов на ***-мя*** старые наращения остались во всех формах: *мат**ери**, доч**ери**, им**ени**, стрем**ени*** и т. д.

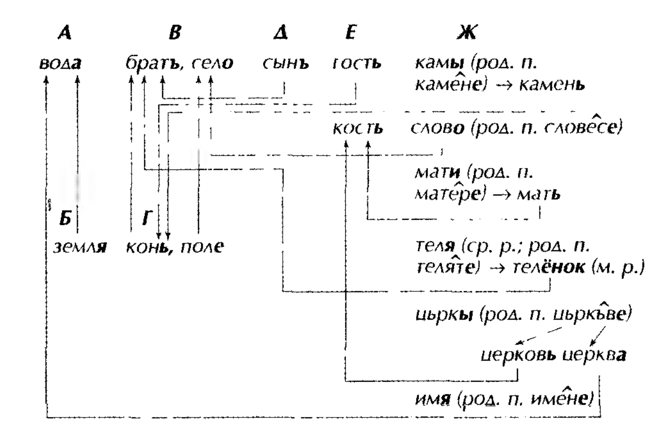
Вспомним теперь особенность названий детёнышей: единственное и множественное число у них различается не только окончаниями, но и суффиксами *(тел**ёнок** — тел**ята**, ягн**ёнок** — ягн**ята**)*. История объясняет нам, что ***-ят-*** — старое наращение, сохранившееся только во множественном числе, а в единственном эти слова получили новый суффикс. Так старый тип склонения, уходя в небытие, оставляет о себе память в языке!

Перестроившись, система древнерусского склонения значительно упростилась. Типов склонения стало меньше. Существительные распределились по ним более логично: общность рода и окончания в начальной форме определяет одинаковое склонение.

Разумеется, в этом сложном процессе не всё проходило гладко и прямолинейно. И «зарубки» в языке образовались довольно ощутимые. Вот примеры. Слово *путь* в литературном языке — белая ворона. Ему следовало бы относиться ко 2-му склонению: ведь оно по роду и начальной

ДРЕВНИЕ СКЛОНЕНИЯ

В древнерусском языке типов склонения существительных было больше, чем сейчас. На схеме они условно обозначены буквами от ***А*** до ***Ж***. Под буквами представлены образцы для каждого типа. Стрелки соединяют существительные, которые стали склоняться одинаково. Направление стрелки показывает, из какого типа в какой «переходят» существительные. Например, стрелка направлена от слова *сынь* к слову *брать*, и это означает, что существительные, склонявшиеся, как *сынь*, уподобились по склонению словам типа *брат* (а не наоборот). Старые склонения ***Д*** и ***Ж*** в конечном счёте исчезли, входившие в них слова распределились по другим склонениям.



форме аналогично словам типа *конь*. Между тем в большинстве форм это слово имеет окончания 3-го типа склонения: в родительном, дательном и предложном падежах *пути*. В древнерусском языке всё было в порядке: слово *путь* склонялось по типу, к которому принадлежали слова и мужского, и женского родов (например, *гость* и *кость*). Затем существительные мужского рода стали склоняться по типу *конь*. А слово *путь* продолжало склоняться по-старому, оказавшись таким образом в компании слов женского рода, сохраняя тем не менее свою «мужскую» сущность в творительном падеже· *путём* (*путьмь*), но *костью, мышью* и т. д.

Исчезло и особое склонение слов типа *сын*. Однако тоже не бесследно. Существительные типа *сынъ*, перейдя в современное 2-е склонение, принесли туда некоторые свои окончания. Широко распространилось в русском языке, особенно в говорах, окончание **-у** в родительном и предложном падежах единственного числа. *из городу*, *от брату, от стаду, на острову* и подобные. Да и в литературном языке это окончание привилось Так возникли варианты падежных форм: в родительном падеже *часа* и *часу* (*Час от часу не легче*), *шага и шагу* (*Ни шагу назад!*), *чая* и *чаю* (*выпить чаю*), в предложном падеже *о лесе* и *в лесу*, *на доме* и *на дому* (*работа на дому*), *в отпуске* и *в отпуску* и т. п.

* * *

В современном русском языке во множественном числе разницы между типами склонения нет Так, слова *вождь* и *мышь* во множественном числе склоняются совершенно одинаково, хотя относятся к разным склонениям. То же можно сказать о такой паре слов, как *рука* и *сапог*.

СЧАСТЛИВОЙ ПУТИ!

В одном из диалектных словарей приведены такие выражения: *ни к делу, ни к* ***путю*** (т. е. 'не вовремя', 'некстати', 'не к месту'), *счастливой* ***пути*** (пожелание удачи в пути и работе).

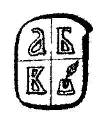
Русские говоры «навели порядок» в истории слова *путь*. В них последовательнее, чем в литературном языке, решилась судьба этого слова. В одних говорах оно стало склоняться по типу существительных мужского рода — *путю* (как *коню*). В других слово *путь*, оставаясь в «женском» склонении, превратилось в существительное женского рода, о чем говорит согласуемая форма прилагательного — *счастливой пути!*

ЧУЛОК, НОСОК ИЛИ ЧУЛКОВ, НОСКОВ?

Когда-то окончание ***-ов(-ев)*** в родительном падеже множественного числа было свойственно только небольшому числу слов мужского рода. Было: *сыновь, домовь, воловь* и еще несколько подобных форм, но затем появились: *сад**ов**, город**ов**, огурц**ов**, пальц**ев**, кра**ёв*** и много других. И только некоторые существительные мужского рода имеют сейчас в современном русском языке нулевое окончание: *пара сапог, много раз, продажа чулок* и т. п. Это старое окончание родительного падежа множественного числа, изменившееся фонетически: в окончании был редуцированный (краткий) гласный [ь], затем его перестали произносить, и окончание стало нулевым.

В говорах значительно шире используют окончание **-ов:** здесь можно услышать *раз**ов**, сапог**ов**, чул**ков;*** иногда это окончание распространяется и на существительные среднего и даже женского рода: *озер**ов**, болот**ов**, женщин**ов**, невест**ов**, изб**ов*** и т. д. Нередко можно услышать просторечные формы *дел**ов**, мест**ов***.

В просторечии нулевое окончание иногда встречается там, где литературная норма требует **-ов.** Например, нередко говорят *килограмм помидор* (норма: *помидор**ов***). Очень распространенной ошибкой является форма родительного падежа множественного числа *носок: пара носок* (под влиянием *пара чулок*), что в литературном языке не допускается, норма требует говорить *пара чулок*, но *пара носк**ов.***



РЕБЯТЫ И ЛОШАДЯ

В древнерусском языке окончание ***-а*** в именительном падеже множественного числа было только у существительных среднего рода: *сёл**а**, словес**а**, телят**а**, имен**а*** и т. п. Постепенно оно появилось и у существительных мужского рода, охватывая с каждым веком все больше слов: вместо старых *город**и**, лѣс**и**, луз**и**, домов**е**...* распространились формы *города́, леса́, луга́, дома́...* Этот процесс, длящийся уже примерно полтысячелетия, не завершился до сих пор. В начале XX в., например, литературными были формы: *учи́тел**и**, до́ктор**ы**, профе́ссор**ы***, позже их сменили формы с окончанием ***-а***. О том, что процесс не завершился, говорят и возможные варианты: *це́х**и*** и *цеха́, тра́ктор**ы*** и *трактора́, догово́р**ы*** и *договора́* и т. п. В просторечии и говорах идут ещё дальше: *выбора́, очередя́, лошадя́.*

Одновременно в русских говорах довольно широко распространено окончание ***-и(-ы)***, охватывающее и слова среднего рода. Исторически по аналогии с формами *сёстр**ы**, зе́мл**и**, сад**ы**, кон**и*** появились диалектные: *озёр**ы**, сёл**ы**, училищ**и*** и т. п. Подобные формы можно встретить в художественных произведениях XIX в., где они отражали живую московскую речь того времени: *«Помилуйте, мы с вами не **ребяты**»* (А. С. Грибоедов); *«Носили **блюды** по чинам»* (А. С. Пушкин); *«Звучит зурна и льются **вины**»* (М. Ю. Лермонтов).

Но так было не всегда. В древнерусском языке каждое склонение имело свою особую систему форм во всех числах. Со временем в языке возникла тенденция объединить все существительные во множественном числе. В трёх падежах объединение было полным. В каждом из них установилась одна общая форма: с окончаниями ***-ам*** в дательном, ***-ами*** в творительном, ***-ах*** в предложном падежах. Например, в творительном падеже множественного числа в древнерусском языке было: *сестр**ами**, брат**ы**, сел**ы*** (смотрите пример из «Слова о полку Игореве»: *«стад**ы** бѣжать»*, т. е. *стад**ами**, ста**ями***), *гость**ми*** и т. д. — окончания разные, а после объединения у всех этих слов окончание стало общим — ***-ами***. В ряде случаев, правда, старые формы сохраняются, например *люд**ьми**, дет**ьми***, но просторечие и говоры восстанавливают общую закономерность, употребляя формы *люд**ями**, дет**ями***. Есть варианты и в современном литературном языке: *лошад**ьми** (лошад**ями**), двер**ьми** (двер**ями**)*.

Однако в именительном и родительном падежах множественного числа единого окончания не установилось. В каждом из этих падежей несколько окончаний: именительный падеж множественного числа — *стол**ы**, дом**а**, кресть**яне**;* родительный падеж множественного числа — *нож**ей**, город**ов**, чулок, стен.*

ИСТОРИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В древнерусском языке, как и в современном, были полные и краткие прилагательные. Однако краткие прилагательные могли не только находиться в составе сказуемого, как сейчас, но и выполнять роль определения. Полные первоначально были только определениями. Например, в приведённом тексте из «Слова...» полные прилагательные в роли определения: *поля широкая, свѣтъ свѣтлый, брѣзыи комони, по чистому полю;* краткое прилагательное в той же функции: *въ златъ стремень, мила брата;* краткое прилагательное в именном сказуемом: *мои ти готови.*

Кроме того, прилагательные обеих групп изменялись по родам, числам и падежам, но по-разному: краткие имели те же окончания, что и существительные, а у полных была своя особая система окончаний, очень похожая на современную.

На протяжении веков произошло немало изменений. Краткие прилагательные целиком уступили роль определения полным и сохранились только как часть именного сказуемого. В результате они утратили склонение. Пока краткие прилагательные были определениями, они согласовывались с существительными и должны были вместе с ними меняться, т. е. склоняться. Но в роли сказуемого краткие прилагательные зависят только от подлежащего. А подлежащее всегда выражается формой именительного падежа. Склонение кратким прилагательным уже не нужно, они застывают в старой форме именительного падежа.

Старое склонение кратких прилагательных оставило в русском языке следы, хорошо заметные в современных притяжательных прилагательных. Некоторые из них не похожи на формы других прилагательных: *мамин, мамин**а**, мамин**у**, мамин**ы*** — здесь окончания такие же, как у существительных. Причина в том, что притяжательные прилагательные входили когда-то в группу кратких прилагательных и склонялись, как существительные. Однако их судьба оказалась особой: в отличие от других кратких прилагательных, они сохранились в роли определений, поэтому не утратили способности склоняться и в большинстве форм (но не во всех!) уподобились полным прилагательным.

	Краткие прилагательные			Полные прилагательные		
Род	**Мужской**	**Женский**	**Средний**	**Мужской**	**Женский**	**Средний**
Им. п. ед. ч.	*нов**ъ*** (сравните: *брат**ъ***)	*нов**а*** (сравните: *сестр**а***)	*нов**о*** (сравните: *сел**о***)	*нов**ый***	*нов**ая***	*нов**ое***
Дат. п. ед. ч.	*нов**у*** (сравните: *брат**у***)	*нов**ѣ*** (сравните· *сестр**ѣ***)	*нов**у*** (сравните: *сел**у***)	*нов**ому***	*нов**ои***	*нов**ому***
Им. п. мн. ч.	*нов**и*** (сравните. *брат**и***)	*нов**ы*** (сравните. *сестр**ы***)	*нов**а*** (сравните: *сел**а***)	*нов**ии***	*нов**ыѣ***	*нов**ая***

Вот и получилось у притяжательных прилагательных такое «смешанное» склонение: *мамин* (как *брат*), *мамин**ого*** (как *добр**ого***), *мамин**у*** (как *сестр**у***), *мамин**ой*** (как *добр**ой***), *мамин**ы*** (как *стол**ы**, сёстр**ы***), *мамин**ых*** (как *добр**ых***).

Старые краткие прилагательные в роли определений можно найти и в некоторых современных устойчивых выражениях *(средь бела дня, на босу ногу),* и в фольклорных постоянных эпитетах, которые используют поэты: *«Князь у синя моря ходит,/С синя моря глаз не сводит»* (А. С. Пушкин): *«Я молюсь на алы зори...»* (С. А. Есенин).

Как видно из таблицы, древнерусские прилагательные различались по роду не только в единственном числе, но и во множественном В примерах из «Слова о полку Игореве» форма *широк**ая*** — среднего рода, потому что согласуется с *поля;* форма *готов**и*** — мужского рода, так как речь идет о конях. Но в современном русском языке во множественном числе прилагательные рода не имеют Вместо трёх родовых форм во множественном числе установилась одна. Теперь уже и *дома,* и *избы,* и *здания* — одинаково *новые* или *новы.* Нет противопоставления разных родовых форм — значит, нет и самого призна-

Во множественном числе прилагательных форма женского рода вытеснила другие формы

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОЛНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В современном русском языке в склонении полных прилагательных и местоимений есть много общего; сравните: *молод**ого*** и *т**ого**, молод**ой*** и *т**ой**,* о *син**ей*** и *мо**ей**, син**ими*** и *мо**ими*** и т. п. Случайность ли это? Нет, это память о происхождении полных прилагательных.

В глубокой древности в праславянском языке — предке древнерусского — полных прилагательных не было. Признак предмета выражался краткими прилагательными. В определенных случаях они могли сочетаться с указательным местоимением *и* («тот»), которое согласовалось с прилагательными в роде, числе и падеже. Вот сочетание, где оба слова в именительном падеже единственного числа женского рода: **нова я,* а вот сочетания тех же слов, но в других формах: **нову ю* (тоже женский род, единственное число, но винительный падеж), **новы ѣ* (множественное число, мужской и женский род, винительный падеж) и т. д.

Указательное местоимение в таких сочетаниях выполняло роль, подобную роли определенного артикля в других языках: оно вносило в значение признака оттенок определенности, постоянства. Нечто похожее есть и в современных русских говорах: *изба-та, избу-ту, избы-ти* и т. п. Так говорят об определенном, известном предмете

Впоследствии сочетания кратких прилагательных с местоимением слились в одно слово. В результате этого образовались полные прилагательные: **нову ю → новую, новы ѣ → новыѣ* и т. п. Бывшее местоимение стало частью окончания. Вот почему так много общего в склонении полных прилагательных и местоимений.

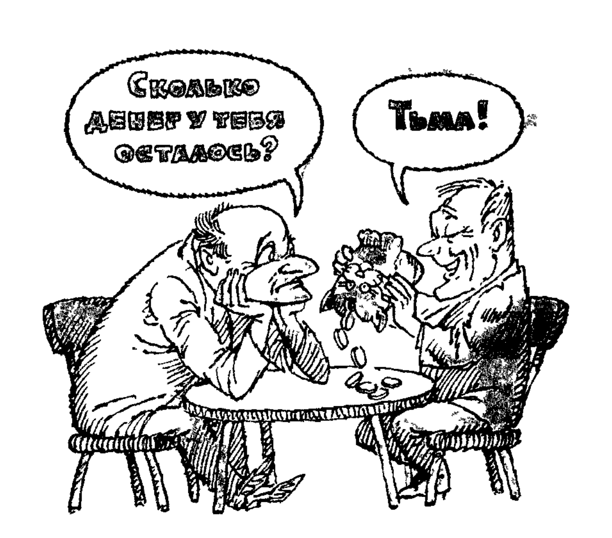
Подобным образом возникли и многие русские наречия: *съ права → справа, на вьрху → наверху, по пусту → попусту* (краткие прилагательные объединились с предлогами).

ка рода. Побеждала, вытесняя другие формы, как правило, старая форма женского рода.

Прилагательные утратили род во множественном числе из-за той же тенденции к упрощению, которая объединяла во множественном числе существительные разных типов склонения.

ИСТОРИЯ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Одна из самых интересных страниц истории русского языка, но, может быть, и самая сложная — это история *числительных* Прежде всего, такой части речи в древнерусском языке вообще не было. Это не значит, что не было счётных слов, что люди вообще не считали и в их сознании не было представления о количестве. Конечно, считали и счётные (количественные) слова в языке имелись. Правда, их было мало. В соответствии с десятичной системой счисления слова называли каждый разряд этой системы За девятью названиями единиц — *одинъ, дъва, трие, четыре, пять, шесть, семь, восмь, девять* — шли слова, соответствующие следующим разрядам: *десять, съто, тысяча*. Ещё несколько слов обозначали очень большие для человека того времени числа, например заимствованное из тюркского языка слово *тьма* (оно сохранилось в значении 'множество': *тьма народу*). Кроме этих слов использовались их сочетания. Числу «11» соответствовало сочетание трёх слов: *одинъ на десяте* (предлог ***на*** здесь означает 'сверх', 'кроме'); числу «50» — сочетание двух слов: *пять десятъ;* «200» выражалось сочетанием *дъвѣ сътѣ*.



Итак, счётные слова были, но это ещё не числительные, т. е. не слова особой части речи. Почему? Потому что у них не было общих грамматических признаков, которые, объединяя эти слова, противопоставляли бы их остальным словам в языке.

По грамматическим признакам счётные слова разделялись на две неравные группы. Одна группа включала в себя слова *одинъ, дъва, трие, четыре,* все остальные счётные слова составляли вторую группу.

Счётные слова	
Первая группа	**Вторая группа**
Согласовались с существительными в падеже: **Им. п.** *Одьн**а** изб**а**, четыр**и** ѝзб**ы*** **Дат. п.** *Одьн**ои** изб**ѣ**, четыр**ьмъ** изб**амъ*** **Тв. п.** *Одьн**ою** изб**ою**, четыр**ьми** изб**ами***	Управляли существительными, требуя формы род. п. мн. ч. *пять, съто изб**ъ*** *пяти, съту изб**ъ*** *пятью, сътъмь изб**ъ***
Изменялись по родам, согласуясь с существительными: *один**ъ** дом**ъ**, одьн**а** изб**а**, одьн**о** село* *дъв**а** дом**ы**, дъв**ѣ** изб**ѣ**, сел**ѣ*** *три**е** домов**е**, тр**и** изб**ы**, сел**а***	Относились к определённому роду (например, сочетание *пьрвая пять* указывает на принадлежность счётного слова к женскому роду)
По числам не изменялись	Изменялись по числам: **Ед. ч.** *десят**ь**, сът**о*** **Мн. ч.** *десят**е**, сът**а*** ('десятки', 'сотни')
В предложении были определениями, выражая количественный признак предмета	По значению были близки к современным счётным существительным типа *пяток, десяток, сотня*, т. е. содержали в своём значении «предметность»

По всем признакам слова первой группы — это прилагательные, а слова второй — существительные. Каждая из групп оставила нам в наследство по одному слову, которые так и не стали полноценными числительными, а сохранили следы своей родословной. Первое из них — *один* — обнаруживает явно «прилагательное» происхождение: изменяется по родам, числам и падежам, согласуясь с существительными. Второе — *тысяча* — существительное: принадлежит к женскому роду и изменяется по числам. Но это только два слова. Остальные счётные слова со временем сближались, и постепенно формировались признаки, общие для обеих групп. Ни одна из групп так и «не победила». Новые счётные слова уже не похожи ни на существительные, ни на прилагательные.

Во-первых, они приобрели более абстрактный смысл: утратили значение предметности или количественного признака предмета и обозначают теперь отвлечённые числовые понятия.

Во-вторых, у современных счётных слов нет ни рода, ни числовых форм (исключение составляют родовые формы *два, две* — это след, который оставил древнерусский язык).

Новым стало и синтаксическое поведение этих слов, совместившее в себе особенности обеих групп. Теперь каждое счётное слово и согласуется с существительным, и управляет им. Именительный падеж числительного (и винительный, если он равен именительному) управляет родительным падежом существительного: *два (три) дома, пять домов;* другие падежные формы согласуются с существительными: *двум (трём, пяти) домам, двумя (тремя, пятью) домами.*

Совокупность этих признаков и объединила счётные слова в новую часть речи, которую теперь мы называем числительным. Структура современных числительных, их склонение, орфография таят в себе много следов их прошлой жизни. Немало интересного могут рассказать

СЛОЖНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Даны сложные числительные, встречающиеся в рукописях и былинах XII—XVII вв.:

полтретьяста — 250; *полшестадесять* — 55; *полпята* — 4,5.

1. Какие количества передавались числительными *полшестаста* и *полтретьядесять*?

2. Есть ли ситуации, в которых мы используем ту же логику обозначения количества в современном русском языке?

3. Есть ли в современном русском языке слова, восходящие к сложным числительным этого типа?

сложные числительные, возникшие из древних счётных словосочетаний. Почему в словах *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят* на конце твёрдый согласный, если ясно, что в образовании слов участвует *десять,* где мягкий звук [т']? Оказывается, эти слова происходят из сочетаний, в которых *пять, шесть, семь* управляли существительным *десять* в форме родительного падежа множественного числа — *десятъ,* где был твёрдый звук [т]: *пять (шесть, семь) десятъ.* Склонение этих слов, очень необычное для русского языка (они ведь склоняются не только «концом», но и «серединой»: *пят**и**десят**и**, пят**ью**десят**ью**...*), — тоже следствие их происхождения из сочетаний двух слов.

Буква ***а*** в слове *трист**а*** пишется вопреки проверочному слову *ст**о*** тоже потому, что это слово образовалось из сочетания *три сът**а**,* где *сът**а***   форма множественного числа (как *сёл**а**, озёр**а***). А в словах типа *пятна**д**цать, два**д**цать* буква ***д***   из слова ***десять***, входившего в сочетания, от которых эти слова были образованы (например, *пять на **десяте***). После утраты гласного [е] образовалось сочетание [дс], затем превратившееся в звук [ц] (он слышен, например, в слове *людской*). Звука [д] уже не стало, но буква по традиции пишется.

ИСТОРИЯ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

В древнерусском языке личных местоимений было немного, даже меньше, чем сейчас: *язъ* или *я* (это варианты местоимения 1-го лица) и *ты* (2-е лицо). В древних памятниках нередко встречается *азъ.* Это тоже местоимение 1-го лица, но не древнерусское, а старославянское. К личным местоимениям примыкало и возврат

ное *себе:* у него были такие же грамматические особенности, как у местоимений *язъ* и *ты.* Одна из этих особенностей сыграла большую роль в истории... глагола. Речь идёт об особых вариантах форм в дательном и винительном падежах. Например, в дательном падеже единственного числа: *мънѣ* и *ми, тобѣ* и *ти, собѣ* и *си,* в винительном падеже: *мене* и *мя, тебе* и *тя, себе* и *ся.* Варианты *ми, ти, мя, тя* позже утратились, а вот *ся* и *си* слились с глаголами и превратились в возвратный аффикс: литературные — ***испугался, боялся;*** диалектные — ***испугалси, боялси.*** В прошлом это сочетание глагольной формы и возвратного местоимения.

Особый вопрос истории личных местоимений — местоимение 3-го лица. Специального местоимения 3-го лица в древнерусском языке не было. В современном русском языке это слово *он,* не похожее на другие личные местоимения. Оно изменяется по родам, окончания при склонении у него такие же, как у неличных местоимений (сравните: *его* и *моего, ей* и *моей, ими* и *моими*...). Эти особенности выдают его происхождение: в древнерусском языке это местоимение было указательным со значением 'тот' (при указании на далёкий предмет). В таком же значении выступало ещё одно указательное местоимение — *и* (буква ***и*** обозначает здесь сочетание <jь>, где <ь> — окончание, а <j> — основа). С этими местоимениями связана интересная история. В двух совершенно одинаковых местоимениях не было надобности. Обычно в таких случаях либо два синонима начинают чем-то различаться *(страна* и *сторона),* либо одно слово вытесняет другое (так слово *аэроплан* было вытеснено синонимичным *самолёт*). Но судьба слов *онъ* и *и* была решена языком очень нестандартно: два слова слились в одно. От одного местоимения осталась «голова» (формы именительного падежа), а к ней пристроился «хвост» из косвенных падежей другого местоимения:

онъ	*она*	*они*	*и* (<jь>)	*я*	*и*
оного	*оноѣ*	*онѣхъ*	*его*	*еѣ*	*ихъ*
оному...	*онои*...	*онѣмъ*..	*ему*...	*еи*...	*имъ*...

Вот оно, новое местоимение: *он, его, ему; они, их, им.* Постепенно оно приобрело значение лично-указательного. Так в русском языке появилось странное местоимение 3-го лица: изменяется по родам, что личным местоимениям не свойственно, и в разных падежных формах имеет совершенно разные основы: то ***он-,*** то ***j-.*** Понятно теперь, почему: ведь в прошлом это основы разных слов!

ИСТОРИЯ ГЛАГОЛА

Древнерусский глагол значительно отличался от современного. За тысячу лет в нём произошло много изменений. Очень сильно изменилась система прошедших времён. Тот, кто изучает в школе английский, или немецкий, или французский язык, знает, как непросто бывает справиться со множеством глагольных времён. Система времён древнерусского глагола тоже была сложной.

У древнерусского глагола было четыре прошедших времени. Они различались не только по форме, но и по значению.

А о́ р и с т (от *греч.* «aóristos») близок по значению к нашему совершенному виду, а *и м п е р ф е к т* (от *лат.* imperfectum — «незавершённое») - к несовершенному. Сравните текст из «Слова о полку Игореве» с переводом. Аористы *занесе, въступи* и *поѣха* переводятся как *занесла, вступил* и *поехал* (все эти глаголы совершенного вида), а форма имперфекта *заступаше* — глаголом несовершенного вида *заступало.* Если в летописи написано *«Игорь иде въ дань»,* это означает *«Игорь пошёл за данью».* Если бы летописец хотел описать, как он шёл, то употребил бы тот же глагол, но в форме имперфекта: *«Игорь идяше».* Аорист и имперфект очень рано утратились в живом древнерусском языке. В книжно-письменном языке эти формы ещё долго употреблялись, но с ошибками, которые говорят о том, что авторы в своей речи их не использовали.

Утратился и *п л ю с к в а м п е р ф е к т* (от *лат.* plusquamperfectum) - сложное время, которое называют иногда *д а в н о п р о ш е д ш и м.*

Оно обозначает действие, происходившее раньше другого действия, которое тоже было в прошлом, т. е. до момента речи. Например, в предложении «...*приведоша разбойники их же бѣша яли въ селѣ*» две формы прошедшего времени: аорист *приведоша (привели)* и плюсквамперфект *бѣша яли (взяли до того, как привели)*.

Итак, три времени утратились. А судьба четвёртого времени – *перфекта* (от *лат.* perfectus — «совершенный») — оказалась необычной. Перфект был сложным временем. Он состоял из двух слов: вспомогательного глагола *быти* в формах настоящего времени и причастия прошедшего времени с суффиксом ***-л-*** (его так и называют: «причастие на ***-л***») спрягаемого глагола. Вспомогательный глагол имел формы лица и числа: 1-е лицо — *есмь*, 2-е лицо — *еси*, 3-е лицо — *есть;* множественное число: 1-е лицо – *есмъ*, 2-е лицо — *есте*, 3-е лицо — *суть*, а причастие на ***-л*** изменялось по родам и числам. Например, перфект глагола *одѣти* в 1-м лице единственного числа — *есмь одѣл**ъ (-а, -о);*** в 1-м лице множественного числа — *есмъ одѣл**и (-ы, -а).***

Примеры перфекта из древних текстов: *«добро дѣло сътворилъ еси; яко же отьци суть уставили и заповѣдали»*. Значение перфекта было таким: действие в прошлом + его результат в настоящем. В «Повести временных лет» древляне спрашивают Игоря (это другой князь Игорь, не тот, что в «Слове...»), в третий раз пришедшего за данью: *«по што идеши опѣть поималъ еси всю дань и не послуша ихъ Игорь»*. («Зачем опять идёшь? Забрал уже всю дань. И не послушал их Игорь»). Здесь две глагольные формы прошедшего времени с разным значением. Если аорист *послуша* выражает действие в прошлом без указания на его результат в настоящем, то в форме *поималъ еси* важно не столько то, что в прошлом было произведено

«ДЕЛО НЕ МЕДВЕДЬ...»

В русском языке есть пословица: «*Дело не волк, в лес не убежит*». Первоначально она была другой: «*Дело не медведь, в лес не уйдéть*» (в глагольной форме на конце [éт'], т. е. пословица рифмованная!). В глаголе *уйдеть* сразу две диалектные особенности. одна — фонетическая (сохранился древнерусский звук [é], сравните в литературном языке [уjд'óт]), другая — морфологическая (окончание с мягким согласным [т']).

В таком виде эта пословица до сих пор бытует на юге России: в южнорусских говорах в окончании 3-го лица обоих чисел — мягкий звук [т']: *он спить, они спять*. Эта особенность унаследована южными говорами из древнерусского языка, где было обязательно так: *читаеть, читають, сьпить, сьпять* (поэтому и в современном украинском языке. *везуть, хвалять*). На севере мягкий [г'] заменился твердым [т] *(читает, читают, спит, спят)*. Из московского говора, по происхождению северного, формы с твердым [т] попали в литературный язык.

С историей 3-го лица связано, очевидно, преображение приведенной пословицы. Представим себе: пословица попадает в северные говоры, где в 3-м лице произносят не *уйд*[éт'], а *уй*[д'óт]. Рифма *медведь* — *уйдеть* нарушилась, и пословица стала нерифмованной. Поэтому слово *медведь* в ней уже необязательно, его можно заменить близким по значению словом *волк*, глагол *уйдет* тоже заменится другим — *убежит*. Второй вариант пословицы, конечно, северный. Об этом, кстати, говорит и слово *волк:* на юге было бы *бирюк*.

СЛОЖНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

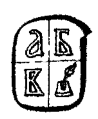
1. 550, 25.

2. Обозначения времени типа *полседьмого, четверть третьего*.

3. *Полтора* ← **полвьтора, полтораста* ← **полвьтораста*.

ЖИЛИ-БЫЛИ

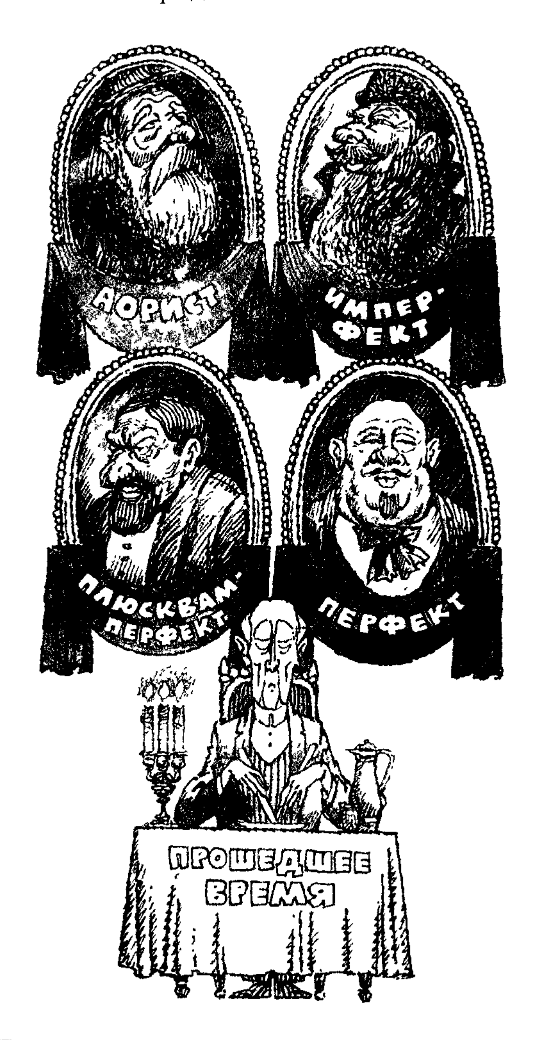
Диахронические исследования позволяют лучше понять детали строения и функционирования языковой системы, «застигнутой» на том или ином этапе развития. Многие элементы языковой системы можно объяснить, лишь обратившись к диахронии. Так, русские народные сказки обычно начинаются с традиционного зачина: *Жили-были*... Перед историком языка в этом зачине открывается остаток (реликт) древнерусской сложной временнóй формы от глагола *жить* — давнопрошедшее время (плюсквамперфект). Оно образовывалось формой прошедшего времени спрягаемого глагола и глаголом *быть*, подобно английскому *had gone*, французскому *était venu* или немецкому *war gegangen*. В древних текстах фраза, содержащая глагол в плюсквамперфекте, часто стоит в начале повествования, как, например, в одной новгородской грамоте XII в.: «*...оставили мя* (меня. — *Прим. ред.*) *были людье...*». К этой же форме восходят и русские конструкции с так называемым «прерванным» прошедшим временем: *Хотел было съесть последний кусок торта, да стыдно стало.*



действие, сколько то, что оно имело последствия в настоящий момент. Речь древлян можно было бы перевести и так: «Зачем ты опять идёшь? Ведь вся дань у тебя» (потому что ты её взял раньше).

Что же дальше произошло с перфектом? Утратился вспомогательный глагол, а причастие на *-л* остаётся. Это и есть наше прошедшее время: *одел, знал, нёс, помог* (в последних формах суффикс нулевой, так как звук [л] в сочетании с согласным на конце слова утратился). Без вспомогательного глагола оно утратило узкое перфектное значение. Его суффикс выражает только отнесённость действия к прошлому.

История прошедших времён помогает понять особенность современного прошедшего времени, отличающую его от других времён: будучи по происхождению причастием, оно, естественно, не может изменяться по лицам, но зато изменяется по родам.



ИСТОРИЯ ПРИЧАСТИЙ И ДЕЕПРИЧАСТИЙ

История русского причастия богата событиями. В древнерусском языке, как и в современном, причастие совмещало признаки глагола и прилагательного. Постепенно одни причастные формы утрачивали глагольные признаки, другие лишались признаков прилагательных. И те и другие приобретали новое значение — а значит, переходили в другие грамматические классы слов. При этом они как бы раздваивались: старая причастная форма, одновременно оставаясь причастием, переходила в другой класс. Возникли омонимы — причастие и непричастие (например, *любимый* сейчас и причастие, и прилагательное).

В некоторых случаях возникшие таким образом омонимы различались на письме. В школе проходят орфографическое правило: в причастиях типа *жаренный* (на сковороде) надо писать два ***н***, а в прилагательном типа *жареный* (картофель) — одно ***н***. Оба этих слова восходят к причастию *жарены*, которое впоследствии «раздвоилось».

Другие формы окончательно «порвали» с причастием. Причастия на ***-л*** стали глаголами прошедшего времени. Утратив глагольные признаки, действительные причастия настоящего времени с суффиксами ***-уч-, -ач-*** «покинули» причастие и стали прилагательными: *вис**яч**ий, сто**яч**ий, леж**ач**ий, мог**уч**ий* и т. п. Вместо них русский язык принял старославянские по происхождению причастия с суффиксами ***-ущ-*** и ***-ащ-***: *сто**ящ**ий, леж**ащ**ий, вис**ящ**ий, мог**ущ**ий* и т. п.

Сравните, например, слова *вис**ящ**ий* и *вис**яч**ий*. Первое из них выражает действие (состояние) как признак предмета, есть у него и значение времени (глагольный признак!): *вис**ящ**ая лампа* — это 'лампа, которая висит', в отличие от *висевшей* 'той, которая висела'. Слово *вис**яч**ий* имеет другое значение — 'предназначенный для того, чтобы висеть' (лампа, например, может и не висеть, но она не перестает быть висячей, это её постоянный признак), значение времени действия отсутствует.

Другой случай. Причастия выражают признаки предмета, а потому согласуются с существительными и имеют родовые, числовые и падежные формы. Всё это было присуще и кратким действительным причастиям настоящего и прошедшего времени: *любя* 'любящий', 'любящее'; *любячи* 'любящая'; *играя* 'играющий', 'играющее', *играючи* 'играющая'; *съдѣлавь* 'сделавший', 'сделавшее'; *съдѣлавьши* 'сделавшая'.

Во всех этих формах легко узнать современные деепричастия. Подобные причастные формы постепенно утратили признаки прилагательных. Вместо признака предмета они стали выражать признак действия. Порвались связи с существительным, бывшие причастия застыли в форме именительного падежа. Так в русском языке возник новый грамматический класс слов — деепричастие.

В современном русском языке есть два суффикса повелительного наклонения: ***-и*** (*неси* — *несите, говори* — *говорите* и т. д.) и нулевой суффикс (*читай — читайте, дерзай — дерзайте* и т. п.). В древнерусском языке нулевого суффикса не было, он возник исторически, когда в формах повелительного наклонения в положении после ударения стал утрачиваться звук [и]. Было: *чита́*[ји], *сѣдла*[ји], *би*[ји], стало: *чита*[ј], *седла*[ј], *бе*[ј]. Под ударением [и] сохранился. В русских говорах суффикс ***-и*** иногда сохранялся также в заударном положении. В таких говорах и сейчас можно услышать *вста́ни, ся́ди*. Правда, и в литературном языке есть *вы́неси, вы́вези, вы́вали,* но подобные формы существуют по аналогии с формами производящих глаголов *(неси́, вези́, вали́)*, где суффикс сохранился, так как был под ударением.

Подобное явление наблюдается и в неопределённой форме (инфинитиве). В современном русском языке на конце инфинитива в одних формах есть [и], а в других нет. Здесь проявляется разная историческая судьба звука [и], который был обязателен на конце инфинитива: под ударением он сохранился, а в заударном положении утратился. Поэтому в современном языке *нести́, плести́* (из *нести́, плести́*), но *спать, беречь* (из *съпа́ти, бере́чи*). Правда, в диалектных или просторечных формах может быть иначе: *«Так дом мой, как он есть,/Велю машинами к реке я **перевесть**»; «Беда, коль пироги начнёт **печи** сапожник,/А сапоги тачать пирожник»* (из басен И. А. Крылова).

НЕКОТОРЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СИНТАКСИСЕ

В современном русском языке составное именное сказуемое образуется при помощи глагола-связки *быть*: *Праздник **был** весёлым*. В формах настоящего времени связку опускают, она становится нулевой: *Праздник весёлый*. В древнерусском языке в роли связки в именном сказуемом выступал глагол *быти*. Но особенность древнерусской связки заключалась в том, что она употреблялась не только в будущем или прошедшем, но и в настоящем времени. В примере из «Слова о полку Игореве»: *«оба есвѣ Святъславличя»* составное сказуемое — *есвѣ Святъславличя; есвѣ* — связка в настоящем времени. В переводе связка опущена, сказуемое — *Святославичи* и нулевая связка. Древнерусское — *кто будеть виноватъ*, современное — ***будет** виноват;* древнерусское — *ты имъ будешь начальникъ*, современное — ***будешь** начальником*. Связка сохраняется. Предложению *ты еси старѣишии братъ* в современном русском соответствует *ты старший брат*. Связка утратилась. Нулевая связка была возможна, по-видимому, и в древнерусском языке (такие случаи в памятниках есть). Со временем именно этот редкий вариант стал основным.

С именным сказуемым связано ещё одно историческое изменение. В современном русском языке — *будешь начальни**ком.*** В древнерусском — *будешь начальникъ*. Неизменной остаётся связка, но зато изменяется именная часть: вместо формы именительного падежа в ней появляется форма творительного падежа.

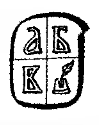
Старый именительный падеж в именном сказуемом нередко можно встретить в художественных произведениях XIX в. Например: *«В то время **был** ещё **жених** её супруг»* (А. С. Пушкин); *«Терпи казак — **атаман будешь**»* (Н. В. Гоголь); *«Он решил, что женитьба на Элен **была бы несчастье**»* (Л. Толстой). Современный человек сказал бы: *был жени**хом,** атама**ном** будешь, была бы несчасть**ем.***

* * *

В древнерусском языке по сравнению с современным было значительно больше всевозможных беспредложных конструкций, т. е. довольно часто употребляли разные падежные формы с разными значениями без предлога. Примеры из памятников: *«отбися ихъ»* (современное — *отбился от них*); *«къто Всеволоду приятель бояръ» (кто из бояр...); «Игорь же дошедъ Дуная созва дружину» (дойдя до Дуная); «посла Святослава Чернигову» (к Чернигову); «азъ оутро послю по вы» (наутро на утро).*

Формы местного падежа в значении места и времени тоже могли употребляться без предлогов: *«оженися Мьстиславъ кыевѣ» (в Киеве); «преставися князь пльсковѣ» (в Пскове); «исцѣлѣ отрокъ томь часѣ» (в том часу)*. Позже местный падеж стал невозможен без предлога, потому и стал называться предложным (впервые так его назвал М. В. Ломоносов).

Предложные конструкции стали распространяться не случайно: предлоги помогают падежным формам более чётко выражать разные значения словосочетаний. Старые беспредложные конструкции также оставили следы в русском языке. Ещё в художественных произведениях XIX столетия встречаются сочетания глагола *бежать* с беспредложным родительным: *«Её постели сон бежит»* (А. С. Пушкин); *«О ты, кого я с ужасом бежал»* (Н. А. Некрасов); *«Беги меня, дитя моё»* (Н. Г. Чернышевский).



ДВИЖЕНИЕ БЕЗ ОСТАНОВКИ

В течение веков постепенно менялся грамматический строй русского языка. Другими стали склонение и спряжение слов, изменились значения некоторых старых форм (например, множественного числа), слова из одного класса перешли в другой (например, причастия на *-л*), появились новые грамматические классы (деепричастие), новая часть речи (числительное), изменились и синтаксические связи.

Что же заставляет грамматику языка меняться? Прежде всего морфология явно стремится к упрощению: сокращается число типов склонения существительных, в разных именах формы множественного числа стремятся объединиться, упрощается система времен глагола. Важную роль в языковых изменениях играет закон грамматической аналогии (благодаря ему, например, объединялись существительные разных типов склонения и формировалось числительное как особая часть речи).

Ещё одна причина — стремление языка выработать или усилить грамматические средства для более точного и четкого выражения мыслей (поэтому, например, многие беспредложные конструкции заменились сочетаниями с предлогом).

Все уровни языка развиваются взаимосвязанно: некоторые морфологические явления могут возникать под влиянием фонетических изменений (после того как исчезли редуцированные гласные, появились нулевые окончания), морфология взаимодействует с синтаксисом (вспомните, например, развитие категории одушевлённости или утрату краткими прилагательными склонения).

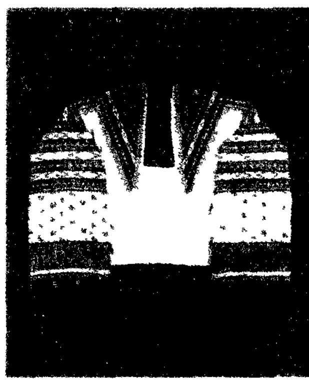
На многих примерах мы видели, какие следы оставил язык прошлых эпох. Они — в исключениях из правил, которые действуют в современном русском языке, в особенностях диалектов, в текстах литературных произведений, в речевых ошибках людей. Оглядываясь назад, мы не только совершаем увлекательное путешествие в прошлое языка, но и постигаем многое в языке своей эпохи.

Летописец. Миниатюра из русской рукописи «Жизнеописание Антония Сийского». 1648 г.

«ВЕЧОР, ТЫ ПОМНИШЬ...»

«Вечор, ты помнишь, вьюга злилась...»; «И, кажется, вечор еще бродил я в этих рощах» — поэтичное слово *вечор* встречается не только в этих строках А. С. Пушкина, но и в русских говорах. Это наречие происходит от слова *вечерь*, его значение: 'вчера' или 'вчера вечером'.

Подобные слова, обозначавшие время суток или время года, в форме винительного падежа без предлога могли обозначать время действия, например: *«осень умре... князь»* («Князь умер осенью»); *«азь утро послю по вы»* («Я утром пошлю за вами»); *«нападоша осень на ляхы»* («Осенью они напали на ляхов»); *«придоша.. вечерь»* («Они пришли вечером»).



ДИАЛЕКТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

Замечательный знаток народной речи Владимир Иванович Даль вспоминал в рассказе «Говор» о любопытном эпизоде. К автору пришли монахи просить подаяния на нужды своей обители. Даль писал: «Я их посадил, начал расспрашивать и удивился с первого слова, когда молодой сказал, что он вологжанин. Я ещё раз спросил: „Да вы давно в том краю?“ — „Давно, я всё там“. — „Да откуда ж вы родом?“ — „Я тамодий“, — пробормотал он едва внятно, кланяясь. Только что успел он произнести слово это — *тамодий*, вместо *тамошний*, как я поглядел на него с улыбкой и сказал: „А не ярославские вы, батюшка?“. Он побагровел, потом побледнел, взглянулся, забывшись, с товарищем и отвечал, растерявшись: „Не, родимый!“ — „О, да ещё и ростовский!“ — сказал я, захохотав, узнав в этом *не, родимый* необлыжного (‘настоящего’, ‘неподдельного’. — *Прим. ред.*) ростовца.

Не успел я произнести этих слов, как „вологжанин“ мне бух в ноги — не погуби!..

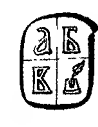
Под монашескими рясами скрывались двое бродяг...».

Как видно из этого отрывка, по особенностям речи человека можно довольно точно установить область, город или район, откуда он родом или где жил долгое время.

А вот современный случай. В отдел диалектологии Института русского языка Российской Академии наук в Москве обратился журналист, работавший над статьёй ко Дню Победы. У него были архивные материалы времён войны: плёнка с записью рассказов пятерых бойцов, уроженцев разных мест России, и список имён и адресов этих солдат. Однако журналист не знал, какой рассказ кому принадлежит. Диалектологи проанализировали языковые особенности каждого говорящего и смогли определить, откуда кто родом.

Даже жители соседних деревень порой отличаются друг от друга своим говором и отчётливо это осознают. *Гаво́рка ж у усех дирявéнь рáзныя: у их тыкáя, у нас другая* — такое высказывание записано в Смоленской области. Поэтому в народе и возникла пословица: «*Что город, то норов, что деревня, то обрядня* (обычай. — *Прим. ред.*), *что двор, то говор*».

Приехавшему из города иногда кажется, что в деревне говорят на другом языке, как-то не по-русски: *Ишшó сэ́лый щугунóк шшéй на ямки пасóдишь — и у пéщку*. Такую фразу можно услышать в речи уроженцев Курской и Орловской областей, а означает она: ‘Ещё целый чугунок щей на ухват посадишь — и в печку’. Часто самые



привычные слова в говорах имеют совсем другое значение. В Новгородской и Тверской областях говорят: *Не кидай шуму́ за порог!* При этом словом *шум* (или *шума́*) здесь называют комнатный сор, мусор. А вот пример из подмосковных говоров: *Наш фтарагóдник очинь бруха́чий* (*второгодник* — 'двугодовалый жеребёнок или телёнок', а *брухачий* — 'бодливый').

Горожанам часто кажется, будто в диалекте допустимо сказать что угодно и как угодно, что говор — это испорченный, неправильный язык. На самом деле каждый местный язык представляет собой стройную систему, элементы которой взаимосвязаны. Нарушение законов и правил говора режет слух его носителю так же, как нам — ошибки в речи иностранца. В примере о чугунке щей каждому [ч'] литературного языка в диалекте соответствует [щ'] (*печка — **пещ**ка, **ч**угунок — **щ**угунок...*), каждому [ц] соответствует в говоре [с] (***ц**елый — **с**элый*), а долгому мягкому [щ] — твёрдое [шш] (*е**щ**ё — и**шш**о, **щ**и — **шш**ы*).

Современные говоры — это результат развития древнерусских диалектов, история которых уходит корнями в глубокую древность. Да и сам литературный русский язык тоже «потомок» говоров: в его основе лежат говоры Москвы и окружавших её деревень.

ГОВОР

ДИАЛЕКТЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

В каждой школе России дети изучают русский литературный язык. *Литературный*, или *стандартный*, — это язык повседневного общения, письменности, науки, культуры, художественной литературы, официально-деловых документов, школьного образования. Его отличительная черта — *нормированность*, т. е. наличие правил, соблюдать которые обязаны все члены общества. Эти правила закреплены в словарях современного русского языка и грамматических справочниках. Однако не литературный язык является языком повседневного общения для немалой части жителей России. Таким языком для них является говор.

Говор, или *диалект*, — самая маленькая территориальная разновидность языка, на которой говорят жители нескольких близлежащих деревень или даже одной деревни. В говорах, как и в литературном языке, действуют свои законы. Каждый говорящий на диалекте знает, как можно сказать, а как нельзя. Так, жители одного подмосковного села говорят: *В на́шем силе́ ади́н го́лас* ('говор'), *а в Афся́никави друго́й, в Афся́никави нипра́вильно гаваря́т*. Однако сельскими жителями закономерности говора отчётливо не осознаются, к тому же они не имеют письменного свода правил. Русские диалекты существуют только в устной форме в отличие от литературного языка и от диалектов других языков, например немецкого.

Оценка диалекта его носителями, как правило, двойственна. Свой говор по сравнению с другими кажется хорошим, правильным, красивым, а чужой обычно воспринимается как что-то плохое, нелепое, а иногда смешное. При сопоставлении с литературным языком говор, наоборот, оценивается как плохой, неправильный, «некультурный», а литературный язык — как хороший, которому следует подражать. *Го́ворь у неё баско́й* (т. е. хороший, красивый), *видно, што городская* — это высказывание записано в одной из деревень Рыбинского района Ярославской области.

ДРАЗНИЛКИ

В диалектах существует множество частушек и присловий, высмеивающих язык соседей. *Ку́риса на у́лисе яйсо́ снесла́* — в этой дразнилке обыгрывается произношение звука [с] на месте [ц], свойственное некоторым говорам Орловской, Курской, Тамбовской, Белгородской и Брянской областей. В частушке

> *Как барановски девчонки*
> *говорят на букву «це»:*
> *«Дайте мыль**це**, полоте**нце***
> *и **цу**ло́ки на пе**це**!»*

высмеивается *цоканье* — очень яркая диалектная черта, которая характеризует многие говоры севера и юга: архангельские, вологодские, псковские, рязанские и др. При цоканье звуки [ц] и [ч'] не различаются, т. е. совпадают в одном звуке [ц] или [ц'], например *оте*[ц], *ов*[ц]*а* — [ц]*исто*, [ц]*ашка*. В других говорах эти звуки совпадают с [ч']: *оте*[ч'], *ов*[ч']*а* — [ч']*исто*, [ч']*ашка*. Такое произношение называется *чоканьем* и отражено в дразнилке: «*Бежала ов*[ч']*а мимо нашего крыль*[ч']*а, да как сту́кне*[ч'ч']*а, да переве́рни*[ч'ч']*а*».

Почтительное отношение к литературному языку понятно и оправданно: тем самым осознаётся его культурная ценность и социальная значимость. Однако отношение к говорам как к речи «некультурной», «отсталой» несправедливо. Все диалекты с лингвистической точки зрения равноценны. Именно говоры лежат в основе любого литературного языка. Если бы не Москва стала столицей Российского государства, наш литературный язык был бы иным, так как сложился бы из других говоров.

Причины пренебрежительного отношения к диалектам уходят в советское прошлое. В пору коллективизации все стороны материальной и духовной жизни старой русской деревни были объявлены пережитками прошлого. Это коснулось и языка; считалось, что говоры должны исчезнуть в достаточно короткий срок. В результате пострадали и традиционная культура крестьянства, и языковая культура в целом.

Во многих странах Западной Европы к местным говорам относятся, напротив, с уважением, бережно. В некоторых французских провинциях родной диалект преподают на факультативных занятиях в школе, а в Германии вообще принято литературно-диалектное двуязычие.

Литературный язык постоянно влияет на говоры, и они постепенно разрушаются, утрачивая многие особенности. В свою очередь и диалекты влияют на литературный язык. Примерно 100 лет назад в нём не было такого привычного и «вкусного» слова, как *бублик*. Оно пришло из южнорусских говоров, и это не единственный случай заимствования из диалектов. Особенно часто литературному языку не хватает своих слов для выражения чувств, т. е. *экспрессивной* (от *лат.* expressio — «выражение») лексики, которая быстро «тускнеет», утрачивает первоначальную выразительность. Тогда на помощь и приходят диалекты. Например, слово *кондо́вый* пришло из северных говоров, где оно означает 'крепкий', 'твёрдый' (от *конда* 'хорошая, крепкая сосна'). В литературном языке *кондовый* употребляется в переносном значении 'старинный', 'исконный', а в литературной разговорной речи оно получило более экспрессивную окраску 'твердолобый', 'упёртый'.

СУДЬБА ДИАЛЕКТОВ

Несмотря на исторические катаклизмы, всеобщую грамотность, влияние телевидения, радио, газет, журналов, книг, русские диалекты сохранились до наших дней, и не только где-то

ЛИНГВИСТЫ О ДИАЛЕКТАХ

Слова областные все любопытны для филолога, одни как материал для историко-лингвистических исследований, другие для объяснения древних памятников языка.

(И. И. Срезневский.)

* * *

Словарные запасы деревни богаче запасов города... Когда мы захотим расширить свое историческое и филологическое образование, то здесь знание народного языка окажет нам неоценимые услуги. Читая древние памятники русской словесности, изучая летописи, грамоты, акты Древней России, мы постоянно будем встречаться со словами, формами и выражениями, которые мы слышали раньше от наших неграмотных крестьян. Иногда, может быть, мы слышали эти выражения с удивлением; иногда, может быть, с усмешкой, думая: «Как странно говорят эти люди! Откуда они берут такие слова!». Знакомство с памятниками древнего русского языка убедит нас, что крестьяне берут эти слова из предания отцов и дедов, что они сотни лет хранят те слова, которые мы, образованные люди, успели уже забыть, несмотря на то что у нас кроме предания есть хранящие язык книги. Народ говорит по старой памяти, как по грамоте, а иногда и лучше грамоты.

(В. И. Чернышев.)

* * *

Те, кто говорит диалектно, стали стыдиться своей речи. И раньше, бывало, стыдились, если попадали в городскую, недиалектную среду. Сейчас и в своей семье старшие слышат от младших, что они, старшие, говорят «неправильно», «некультурно». Голос лингвистов, советующих сохранять уважение к диалекту и использовать местную речь в семье, среди односельчан (а в иных условиях пользоваться речью, которой учит школа), — этот голос не был услышан. Да и звучал он тихо, не широковещательно...

(М. В. Панов.)

* * *

Если бы литературный язык оторвался от диалектов, от «почвы», то он, подобно Антею, потерял бы всю свою силу и уподобился бы мертвому языку, каким является теперь латинский язык (Антей — в греческой мифологии великан, непобедимый, пока соприкасался с землей. — *Прим. ред.*).

(Л. В. Щерба.)

ТОЛОКА

У многих народов мира (поляков, венгров, французов и др.) существовал, да и сейчас существует замечательный обычай помогать друг другу в работе, если ее нужно выполнить срочно или если она трудоёмкая, не под силу одной семье. В русских говорах такой обычай называется чаше всего *по́мочь/по́мошь, толо́ка, толока́*, реже *помо́га, посо́бье*. *По́мочью* или *толоко́й* убирали хлеб с полей, созывая для этого родственников, соседей, порой всю деревню. Так же ставили сруб, меняли ветхую крышу, вывозили по весне навоз на поля. Управлялись за один день, работа была похожа на праздник, а по окончании хозяин угошал всех помогавших Их называли *помоча́нами* или *толоча́нами*. Иногда приглашали помогать женщин — обрабатывать лён, прясть; такая женская работа называлась *су́прядкой, попряду́шкой, помяту́шкой* (когда собирались мять лен).

Взаимопроникновение двух стихий: работы, тяжелого крестьянского труда и праздника — прослеживается во многих деревенских обычаях. Праздники часто бывают связаны с определенными этапами работы крестьян: например, *засе́вки* — 'начало сева', *зажи́нки* — 'начало жатвы', *обсе́вок* — 'завершение сева', *дожи́нки, обжи́нки, спожи́нки* — 'завершение жатвы'. Они начинаются трудом, а заканчиваются весёлым праздником с угощением, танцами, играми.

Помочь

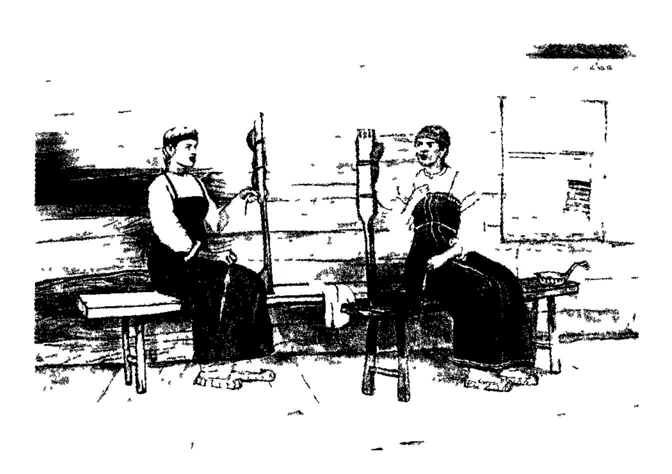
Толока

Помога

Пособье

Названия с корнем *-жин-: выжинки, дожинки, сжинки*

Супрядки



Посиделки с работой: девушки прядут

далеко, в труднодоступных местах, но и вблизи больших городов. Диалектологи исследуют говоры и там, «куда Макар телят не гонял», и в Московской, Ленинградской областях. Конечно, на диалектах говорят в основном люди старшего и среднего возраста, а также маленькие дети, если их воспитывают деревенские бабушки и дедушки. Старожилы и являются хранителями местных говоров. Молодёжь, покидающая деревни, сохраняет в своей речи лишь отдельные черты родного говора.

Возраст говоров разный: одни очень древние, другие помоложе. Говорами *первичного образования* называют те из них, которые были распространены на территории раннего расселения восточнославянских племён с VI до конца XVI в., т. е. там, где складывался язык русской нации — в центре европейской части России. На пространствах, куда после XVI в. русские люди переселялись из самых разных мест, возникли говоры *вторичного образования*. Здесь население смешивалось, а значит, смешивались и диалекты. Так рождались новые говоры в Среднем и Нижнем Поволжье, на Кубани, Урале, в Сибири и других краях.

Хотя диалекты заметно разрушаются, вряд ли они скоро исчезнут. Тем не менее необходимо как можно больше записывать и изучать русские народные говоры — неотъемлемую часть культуры России. Знакомясь с ними, мы получаем не просто сведения о названиях предметов быта, о значениях слов и понятий, не свойственных городской жизни. В говорах отражены вековые традиции ведения хозяйства, особенности семейного уклада, обряды, обычаи, народный календарь. Выразительные, яркие словесные образы и фразеологизмы (*Такая злая стала, ей слово, а она прямо ко́шки в дыбо́шки* ('рассердилась'). *Пойдёшь взамуж за него, говорит, у него земля в кармане* (о том, кто всегда живёт в достатке)) передают своеобразное восприятие жизни деревенским жителем — крестьянином. Изучая диалекты, мы познаём целый новый мир — мир народных представлений, отличных от представлений горожанина.

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

ХОЖДЕНИЕ ЗА СЛОВОМ

Каждый год, зимой и летом, люди, сделавшие своей профессией изучение говоров, отправляются в экспедиции. В отдалённые деревни приходится добираться, шагая многие километры по российскому бездорожью, по лесным тропам. Где-то подбросят на тракторе, куда-то можно долететь только на вертолёте.. Для записи народной речи исследователи используют современную аппаратуру, поэтому их рюкзаки не легче, чем у туристов-байдарочников.

Однако в конце трудного пути лингвиста ждёт радушный приём: деревенские жители очень гостеприимны, открыты и готовы бескорыстно тратить своё время, часами отвечая на самые замысловатые вопросы. К любознательным гостям они относятся добродушно и с юмором. Однажды студентам нужно было установить местную форму творительного падежа существительного *ложка*, т. е. как в этой деревне говорят: *ло́жкой, ло́жкуй* или *ло́жкэй*. Поэтому они задали вопрос: «Бабушка, а чем у вас едят?». На что получили полный иронии ответ: «Едим мы так же, как и вы, – кочергой».

Особенную радость приносят диалектологу найденные в говорах новые звуки, архаические слова или значения, меткие образные выражения. Владимир Иванович Даль начал свою грандиозную работу по сбору диалектных материалов, услышав от ямщика слово *замола́живает*, которое в некоторых говорах означает 'заволакивается тучами', 'пасмурнеет'. Вероятно, дан-

Участники диалектологической экспедиции с местными жителями

ное значение связано с другим: 'начинает бродить', т. е. 'пениться'. *замолаживает пиво, мёд* Это была его первая запись, положившая начало будущему словарю

Вот так, с собирания отдельных слов и ярких выражений, началась *диалектология* (от *греч* «diálektos» — «разговор», «говор», «наречие» и «logos» — «слово», «учение») — наука, изучающая местные говоры *(диалекты)*.

ИСТОРИЯ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Истоки диалектологических исследований (хотя в то время они ещё так не назывались) восходят к XVIII в. В сочинении «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой ..» поэт Василий Кириллович Тредиаковский (1703—1768) обратил внимание на московское а́канье и на цо́канье в некоторых говорах. Первые собственно лингвистические рассуждения о диалектах появились в работах Михаила Васильевича Ломоносова (1711—1765). Он родился в Архангельской губернии, а значит, сам был носителем одного из северных говоров и хорошо представлял, насколько неоднородна русская речь. В «Материалах к Российской грамматике» учёный приводит много областных, преимущественно северных, слов и впервые выделяет три основных «российских диалекта» — московский, северный и украинский, из которых главным считает московский диалект Ломоносов делает и ещё одно важное наблюдение. в отличие от диалектов других известных ему языков (например, немецкого) русские говоры довольно похожи, так что жители разных мест понимают друг друга «Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и селах».

Отечественная война 1812 года всколыхнула русское общество, вызвав бурный рост национального самосознания Возник интерес к жизни крестьянства: к его обычаям, верованиям, культуре, языку Интенсивно начала развиваться *этнография* (от *греч.* «éthnos» — «народ» и «grápho» — «пишу») — наука, изучающая материальную и духовную культуру народа Особенности народной речи в то время рассматривались как этнографические признаки Диалектология еще не была особой наукой, тесно примыкая к этнографии, она входила в неё всего лишь как составная часть. Поэтому исследователи собирали в основном «экзотические» слова и выражения, связанные с местными обычаями и обрядами

Диалектология долгое время исследовала только диалектные слова, связанные с местными обычаями и обрядами Свадьба

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ДАЛЬ

Современные толковые словари русского языка обычно составляет большая группа специалистов-филологов. Самый же известный словарь XIX в., который до сих пор пользуется большим авторитетом и часто цитируется, создал — в одиночку! — не филолог-языковед. Его автор — Владимир Иванович Даль (1801—1872). Он служил морским офицером, врачом, чиновником, но прежде всего был талантливым и трудолюбивым человеком, пронесшим через всю жизнь любовь к русскому слову. По происхождению Даль датчанин: его отец приехал на службу в Россию.

Свой грандиозный четырехтомный словарь, который увидел свет в 1863—1866 гг., Даль составлял почти полвека, причем всюду, в любых ситуациях не переставал записывать слова. Из многих краёв России добровольные корреспонденты присылали ему местные слова и их толкования. Словарь вобрал в себя почти 200 тыс. слов; около трети из них — слова диалектные.

Даль впервые назвал свой словарь толковым, дав объяснение в эпиграфе: «Словарь назван *толковым*, потому что он не только переводит одно слово другим, но толкует, объясняет подробности значения слов и понятий, им подчиненных». Это название сохранилось в дальнейшем за всеми подобными словарями.

Даль дает объяснения слов не только описательно, но и с помощью синонимов, которые он называет «тождесловы». Среди них есть слова литературные, просторечные и диалектные. Так, например, в статье «Картофель» приведены такие областные синонимы: «...*картофля, картохля, к(г)артопля* западное, южное *картосы, картыши, корфеты* вятское *картовка* пермское *картошка, картоха* тульское, московское *земляное* или *чертово яблоко*, в Сибири просто *яблоко* (там других яблок нет); *бараболя, барабошка* новороссское; *гулена, гульба* северное, восточное».

Словарь Даля — прекрасное собрание не только лексического, но и этнографического материала. Словарные статьи содержат самые разнообразные сведения о жизни народа: быт, способы ведения хозяйства, нравы, суеверия, приметы, мифология и т. д. В словаре множество слов и выражений, связанных с промыслами, ремеслами, играми, и другие сведения. Поэтому его называют энциклопедией народной жизни XIX в.

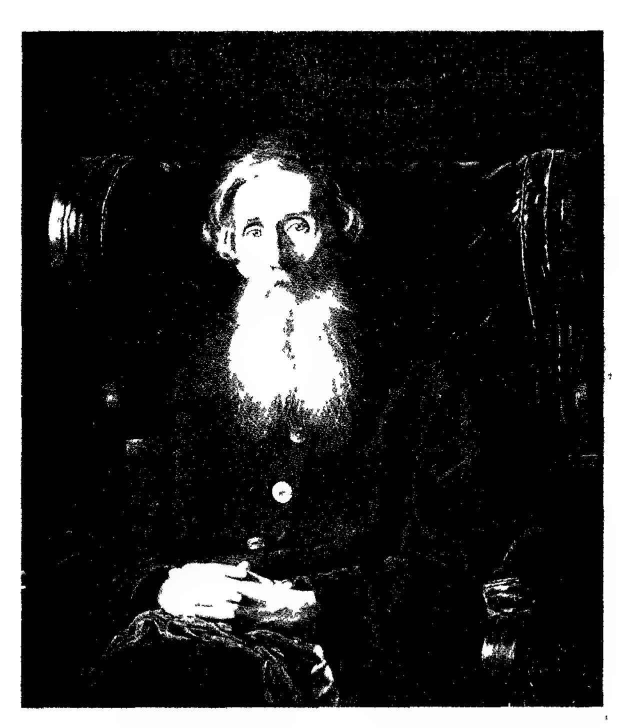
Вот фрагмент из словарной статьи «Ложка»: «*Ложка* — орудие для хлебанья, для еды жидкостей; хлебалка, шевырка, едалка <...>

Деревянная *ложка* (главный промысел Ниж.[егородской] г.[убернии] Сем.[еновского] у.[езда]) обрубается из баклуши топориком, теслится теслою, остригается ножом и режется кривым резаком, а черенок и коковка на нем точатся пилкою, от руки. *Ложка* бывает: *межеумок*, простая русская, широкая; *бутырка, бурлацкая*, такая же, но толще и грубее; *боская*, долговатая, тупоносая; *полубоская*, покруглее той; *носатая*, остроносая; *тонкая*, вообще тонкой, чистой отделки».

Даль приводит в словарных статьях много пословиц и поговорок. Примеры из той же статьи: *«В ложке Волги не переедешь»*; *«Коровушка с кошку, надоила с ложку»*; *«Нечего хлебать, так дай хоть ложку полизать»*; *«Красна ложка едоком, лошадь ездоком»*. Известны и приметы: *Ложка, забытая на столе, — к гостю*, и гадания: *Замораживают к новому году воду в ложке: пузыри, к долгой жизни; ямка сверху, к смерти*. А человек, промышляющий выделкой деревянных ложек, т. е. мастер по их изготовлению, назывался *ложечник, ложкарь*.

Конечно, этот интересный и информативный словарь не может быть использован как справочник по современному русскому языку: он отражает состояние языка XIX столетия. С тех пор значения многих слов изменились. Словарь не свободен от неточностей, связанных с лингвистическими взглядами автора. Поэтому популярные в наше время отсылки («как сказано в словаре Даля...») не всегда уместны.

И все же ценность словаря Владимира Ивановича Даля со временем не уменьшается — это неисчерпаемая сокровищница для всех, кто интересуется историей русского народа, его культурой и языком.



В. Г. Перов. Портрет Владимира Ивановича Даля. 1872 г.

Подобную работу проводило Общество любителей российской словесности, а позднее — Русское географическое общество, созданное в 1845 г. по инициативе В. И. Даля. В результате вышел в свет «Опыт областного великорусского словаря» (1852 г.), где были собраны диалектные слова из разных мест Российского государства.

Составителям словаря пришлось решить множество вопросов: как записать диалектные слова орфографически, как точнее передать их значения, какой фонетический и морфологический вариант слова вынести в заголовок словарной статьи (например, предлог *для* имеет варианты *гля, зля*, а наречие *ещё* — варианты *ашшо, аще, ишто, ища, ишшо, ищё*). Эти и другие вопросы обсуждались на специальных научных заседаниях. Важный вклад в эту работу внёс филолог и этнограф академик Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) Постепенно вырабатывались правила составления областных словарей и научные принципы словарной (лексикографической) работы. Эти принципы учитывал Даль, создавая «Толковый словарь живого великорусского языка».

В конце XIX в. стало понятно, что необходимы планомерные диалектологические обследования различных областей России. В 1903 г. при поддержке выдающегося филолога академика Алексея Александровича Шахматова (1864—1920) была организована Московская диалектологическая комиссия (позднее — Постоянная комиссия по диалектологии русского языка) В 1931 г. она была ликвидирована.

Члены комиссии сделали важный шаг, без которого ни одно направление исследований не может стать настоящей наукой: они разработали методы диалектологии и составили более совершенные программы по сбору диалектных данных. До этого записывались лишь отдельные слова, пословицы, описания обрядов, некоторые фонетические и морфологические особенности диалектов. Работая по программе, исследователи получили возможность изучать говор как систему, а не просто перечень случайных разрозненных фактов. Собранные таким образом сведения давали целостную картину, которую можно было эффективно анализировать, сравнивать данные отдельных диалектов, делать полные и всесторонние описания каждого из них

Комиссия организовывала экспедиции, в которых принимали участие знаменитые учёные, профессора университетов. Они скрупулёзно записывали речь крестьян, вели с ними долгие беседы, вникая в значения слов, улавливая мельчайшие различия между звуками.

Академик А. А. Шахматов, прекрасно знавший и любивший деревню, привлекал к собирательской деятельности самих носителей говоров — крестьян. Благодаря усилиям учёного и помогавшего ему крестьянина Ивана Степановича Гришкина, который тонко чувствовал звуковые отличия своего говора от литературного языка, появился талантливый труд «Образцы говора

УДАРЕНИЕ В ЗАОНЕЖЬЕ

В заонежском диалекте русского языка правила постановки ударения отличаются от литературной нормы; эти отличия подчиняются определённым законам. Так, в приведенных ниже фразах ударение оказывается вот какое:

(1) *Встáвай, пóра кóров вы́водить.*
(2) *Кóров ý нас по мнóгу бывáло.*
(3) *Пойдемте помогать!*
(4) *Лепешкам на молоке бéз дрожжей нé взойти.*
(5) *Хорошú ли у Мáши грúбы со сметáной?*

Поставьте ударение по заонежским правилам в следующей фразе: *А на кобыле в гости поехать не хочешь?* Обоснуйте свой ответ.

ЭКСПЕДИЦИЯ ОЛАФА БРОКА

Интересной и удивительной по тонкости наблюдений над языком является работа выдающегося норвежского слависта Олафа Брока (1867—1961), ученика академика Филиппа Федоровича Фортунатова. Брок самостоятельно обследовал и описал три различных говора: украинский и два русских — северный и южный. Он отправился в экспедицию в далекий Тотемский уезд Вологодской губернии, близ реки Сухоны. Добраться до уезда было непросто: поезда туда не ходили (железной дороги там нет и поныне).

Брок первым услышал в вологодских диалектах особый звук: закрытое [ô], которое произносится более высоко, чем обычное литературное [о]. Позже были обнаружены старинные рукописи, где различались две буквы типа ***о*****:** ***о*** и *ω* («омега»); *ω* как раз и обозначала закрытое [ô]. Это явление отражает глубокую древность — особенности праславянского ударения. В некоторых говорах это «особое» ***о*** может произноситься в виде дифтонга [$\widehat{\text{уо}}$]: *кор*[$\widehat{\text{уо}}$]*ва, сел*[$\widehat{\text{уо}}$]*, молод*[$\widehat{\text{уо}}$]*го*.

РУБЕН ИВАНОВИЧ АВАНЕСОВ

Рубен Иванович Аванесов (1902—1982) по праву считается основателем московской диалектологической школы. Эта школа сформировалась в процессе работы над «Диалектологическим атласом русского языка», теоретиком, организатором и руководителем которой был Р. И. Аванесов.

Аванесов закончил Московский университет, где его учителями были такие замечательные ученые, как Афанасий Матвеевич Селищев и Дмитрий Николаевич Ушаков. Рубен Иванович всю жизнь был благодарен своим учителям. По его словам, всем, что ему удалось сделать в науке, он обязан им.

В студенческие годы и позже во время работы в Московской диалектологической комиссии при Академии наук Р. И. Аванесов вместе с В. Н. Сидоровым много ездил в диалектологические экспедиции. В то время исследователи, как правило, ограничивались описанием особенностей говора. Сидоров и Аванесов стремились описывать говор как самостоятельную языковую систему. Теоретической основой для описания морфологической системы говоров им служило учение Филиппа Федоровича Фортунатова о грамматической форме слова. Теоретическую основу для описания фонетической системы еще предстояло создать. Эта задача стала для молодых исследователей первым импульсом к созданию теории фонем.

Вторым импульсом послужила задача усовершенствования орфографии. Нужно было оценить проект орфографической реформы, задуманной в конце 20-х гг. Аванесов и Сидоров выступили в 1930 г. со статьей, в которой доказывали, что русское письмо основано на фонемном принципе (см. главу «Русская графика и орфография»), хотя он проводится непоследовательно. Реформа должна не разрушать этот разумный принцип, а сделать его проведение более последовательным.

Так впервые заявила о себе *Московская фонологическая школа.* А в 40-х гг. Аванесов вместе с Сидоровым изложили основные положения московской фонологической теории и описали систему фонем русского литературного языка. На основе этой теории они описывали и системы фонем диалектов.

Это был большой шаг вперед в развитии диалектологии, но работа над диалектологическим атласом ставила новые задачи. Приходилось иметь дело с большим числом говоров и нужно было разработать теоретическую основу для их сопоставления. Аванесов пришел к выводу, что русские говоры можно представить в виде разных вариантов одной сложной системы. Эту сложную систему (точнее сказать, систему систем) он назвал *диалектным языком.* В диалектном языке есть постоянные элементы (они едины во всех говорах) и есть подвижные. Подвижные элементы в разных говорах представлены своими диалектными вариантами. Таковы, например, диалектные варианты суффикса деепричастий ***-вши, -мши, -лши, -тши*** *(уста**вши**, уста**мши**, уста**лши**, уста**тши**).*

Что дает теория диалектного языка для атласа? Она помогает установлению точных междиалектных соответствий. Диалектные варианты, которые противопоставляются на карте, должны представлять в разных говорах единое звено общей системы (диалектного языка).

Фонема <а>, например, под ударением между мягкими согласными *(пять мять, грязь)* в одних говорах представлена звуком [а], а в других звуком [э]. [п’ат’] — [п’эт’], [м’ат’] — [м’эт’], [гр’ас’] — [гр’эс’]. Допустим, в каком-то говоре отмечают [кр’ич’эт’] (неопределенная форма). Можно ли диалектные варианты [кр’ич’ат’] и [кр’ич’эт’] отнести к тому же явлению, как [п’ат’] и [п’эт’], вообще говоря, неизвестно. Нужно посмотреть, что получится, если изменить форму глагола. Если в прошедшем времени перед твердым согласным будет тоже звук [е]: [кр’ич’эл], а не [кр’ич’ал], значит, положение между мягкими согласными здесь ни при чем. Это не фонетический, а морфологический факт: глагол *кричать* изменяется в говоре так же, как глагол *смотреть (смотрел — смотрели).* Перед нами явления разного порядка, которые нельзя объединять на картах атласа.

Значение хорошей теории обычно шире тех задач, для которых она разрабатывалась. Теорию диалектного языка применяют, например, в исторических исследованиях.

Составление диалектологического атласа требовало от Р. И. Аванесова и его коллег не только разработки теоретических основ, но и большой организационной и методической работы. Ведь в собирании материалов для атласа участвовало множество людей: студенты, аспиранты и преподаватели разных вузов, им нужны были консультации, пособия, инструкции.

Р. И. Аванесов по своим интересам, по своему подходу к языку был прежде всего историком. Однако среди его работ большое место занимали исследования современного языка. Противоречия здесь нет. Для Аванесова история языка — не история отдельных форм и звуков, а эволюция самой системы языка, тех отношений, которые складываются между элементами языка в разные эпохи, включая и наше время. В многообразии диалектов отражаются самые разные стадии и направления исторического изменения системы русского языка.

Рубен Иванович Аванесов был прекрасным педагогом и автором учебных пособий. Многие видные языковеды считают его своим учителем.

Рубен Иванович Аванесов

ЛЬЗЯ!

Современные говоры часто сохраняют слова, уже утраченные литературным языком, но известные из старинных рукописей. Поэтому диалектные данные служат материалом для историков языка. Так, наречия *лепо* ('красиво', 'хорошо'), *льзя* ('можно') в современном литературном языке встречаются только в сочетаниях с отрицательной частицей: ***нельзя, нелепо***. Однако они сохранились в новгородских, псковских, ярославских, владимирских, ивановских и других говорах.

Вот пример из книги Василия Ивановича Белова «Бухтины вологодские»: «*Уж больно эти козы любят блудить... Лезут везде, и особо туда, куда нельзя. Куда* ***льзя,*** *туда никогда и не лезут*».

села Леки Егорьевского уезда Рязанской губернии». И. С. Гринкин заметил, например, существование в его собственной речи двух звуков [о], одного «настоящего», а другого «фальшивого», произносящегося как дифтонг (двойной звук) [у͡о]. К тому времени лингвистам уже было известно, что в некоторых современных говорах и памятниках русской письменности различаются два вида ***о:*** обычное и закрытое [ô]. Дифтонг [у͡о] в говоре села Леки произносится как раз на месте закрытого [ô].

В 10—20-х гг. XX столетия было составлено и опубликовано множество описаний говоров различных областей России. Эту большую работу выполнили учёные, учителя и просто диалектологи-любители. Современные лингвисты до сих пор обращаются к исследованиям, сделанным во времена работы комиссии, как к важному научному источнику.

ДВА «О»

В рязанском говоре звуку [о] русского литературного языка соответствует иногда [о], иногда [у͡о]. Ниже приведены некоторые слова в том виде, в каком они выступают в этом говоре:

дву͡ор, пу͡оп, сту͡ол, ну͡ож, бог, ход, воз, сор.

1. Приведите примеры таких слов, которые в рязанском говоре должны произноситься с [о], и таких, которые должны произноситься с [у͡о].

2. Известно, что дифтонг [у͡о] на месте литературного [о] отмечается во многих говорах русского языка. Следы этого дифтонга в виде начального ***во-*** можно найти и в словах современного литературного языка. Попытайтесь найти хотя бы одно такое слово. Объясните свое решение.

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Исследования говоров продолжаются и по сей день. За последние десятилетия накоплено множество новых сведений. На их основе созданы «Диалектологический атлас русского языка», «Словарь русских народных говоров», различные областные словари

Диалектология, как и всякая наука, имеет несколько направлений, по которым ведутся изыскания. *Описательная* диалектология изучает говоры современные — второй половины XX в. Их звуковой строй сейчас анализируется уже не на слух, а с помощью современной акустической аппаратуры и компьютеров.

ИСТОРИЯ ѣ

В древнерусском языке, как и в других славянских языках, существовал особый звук, который на письме обозначался буквой ѣ — «ять». Он произносился как дифтонг (двойной звук) [и͡е]. В московском говоре, который лег в основу литературного языка, этот дифтонг [и͡е] изменился в [е], т. е **ѣ** и ***е*** совпали по звучанию.

Во многих говорах русского языка судьба этого звука была другой. В новгородских, ладого-тихвинских и архангельских говорах он изменился в [и]: *л*[и]*с (лес), с*[и]*но (сено), б*[и]*дный (бедный)* и т. д. Михаил Михайлович Пришвин, путешествуя от Онежского озера к Белому морю, написал книгу «В краю непуганых птиц», в которой отразил множество особенностей местной северной речи, в том числе [и] на месте ѣ: «*Тихо стало на острове и в избе. Слышно только, как скрипит зыбка и уныло звучит монотонная песенка старушки-пестуньи:*

Баю-баю во добри́,
На соломенном коври́,
Бай, на лыченьком,
На тряпиченьком...».

В некоторых говорах ѣ сохранился как особый звук. Он произносится или как дифтонг [и͡е], или как [ê] — закрытое [е]; звучит более высоко, чем обычное литературное [е]. Это особое произношение ѣ встречается в основном в северных говорах: вологодских, костромских, архангельских.

Крестьянская изба.

УДАРЕНИЕ В ЗАОНЕЖЬЕ

Место ударения в словах заонежского диалекта связано с местом ударения в литературном языке. Если в литературном языке ударение падает на последний слог слова (имеется в виду фонетическое слово, т. е. единица фразы с одним ударением: к полнозначным словам могут примыкать не имеюшие собственного ударения предлоги, частицы и т. п.), в заонежском диалекте ударение оказывается на первом слоге: *вста́вай, по́ра, ко́ров, у́ нас, гри́бы; вы́водить, по́могать, не́ взойти, на́ молоке, без дрожжей*. Если в литературном языке ударение падает не на последний слог (в условии задачи на предпоследний слог), в заонежском диалекте место ударения сохраняется: *по мно́гу, быва́ло, пойдёмте, у Ма́ши, лепёшки; хороши́ ли, со смета́ной*.

Во фразе задания все фонетические слова имеют ударения на предпоследних слогах: *А на кобы́ле/в го́сти/пое́хать/не хо́чешь?*

Следовательно, в заонежском диалекте эта фраза будет произноситься с такими же ударениями, как и в литературном языке.

Разработаны новые программы обследования, позволяющие составлять очень полные и точные описания говоров.

Историю развития говоров, а также отдельных языковых черт (например, судьбу звука [ѣ], изменение системы склонения существительных и времён глагола и др.) изучает *историческая* диалектология.

Эта наука самым тесным образом связана с историей, археологией, этнографией, фольклором – ведь судьба диалекта неотторжима от жизни народа. Каждый исторический период – племенной строй, эпоха древнерусских княжеств до монголо-татарского нашествия, время возвышения Московского княжества в XV столетии и т. д. — оставил свой след в современных русских говорах. Границы языковых явлений нередко совпадают с древними политическими границами. Так, границы распространения слов *пету́н* ('петух') и *привязь, приузь* ('цеп — орудие ручного обмолота') довольно точно соответствуют границам Новгородской республики.

В говорах подчас сохраняются архаические черты, которые отражают особенности праславянского языка — предка всех славянских языков.

ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВАРИ

Диалектные словари бывают очень разными. В каждой статье *сводного*, многодиалектного, словаря приведено слово и те значения, которые оно имеет в различных говорах на разных территориях. Сводным словарём является «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1863—1866 гг.). В наши дни диалектологи Санкт-Петербурга создают «Словарь русских народных говоров». К концу XX в. опубликовано 30 выпусков. Больше всего составляется *региональных* словарей, включающих диалектную лексику одной области или нескольких областей.

Среди диалектных словарей есть и фразеологические — например, «Фразеологический словарь русских говоров Сибири». Вряд ли кто-то догадается, что значит выражение *Тёмный лес — никакого просвета*. Словарь поясняет: «Пренебрежительное. Глупый, тупой. *Никогда хорошо не сделает, не человек, а* ***тёмный лес, никакого просвета***». А вот другой фразеологизм с пояснением: *на бугор выходить* — 'умирать' (шутливое); *иметь грамотёшку* — 'быть грамотным' (ироническое).

Известны и такие словари, которые описывают язык одной деревни, например «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» (1969 г.).

Из этого словаря можно узнать, что жители деревни Деулино про худого, сухощавого человека или животного скажут *жилья́рый*: *«Ни аднаво́ нет харошава пырасёнка, фсе жылья́раи»*; слово *омежно́й* означает 'жадный', а слово *род* — не только 'совокупность родственников', но и 'урожай'.

Составлять подобные словари очень сложно, поэтому диалектологи подолгу живут в обследуемых деревнях, становятся для жителей почти родными, переписываются с ними, сами овладевают местным языком и начинают говорить на нём.

Уникальным опытом создания словаря говора одного человека стал «Диалектный словарь личности» В. П. Тимофеева (1971 г.). Автор записывал в течение 20 лет слова своей матери, неграмотной крестьянки — жительницы деревни Усольцевой Курганской области. В этом словаре почти 3 тыс. слов и 87 фразеологизмов. Так, слово *домить* в предложении *Маньку дома оставила —* ***доми́ть*** означает 'оставаться дома', 'хозяйничать'. В выражении *И скажу, мне не* ***в до́бры входить*** фразеологизм *в добры входить* имеет значение 'входить в доверие, добиваться уважения'. В качестве примеров часто приводятся пословицы и частушки, например:

Подруга, что нам горевать,
Слезами море уливать.
Слезами море не ульёшь,
Залётке в ***добры не войдёшь.***

(*Залѐтка* — 'возлюбленный'.)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Диалектология изучает территориальные разновидности языка — местные говоры и поэтому не может обойтись без карт. Впервые составить лингвистические карты попытались в конце XIX в. немецкие и французские учёные.

В 1876 г. в Германии лингвист Георг Венкер (1852—1911) начал специальное обследование немецких диалектов, чтобы в дальнейшем составить лингвистический атлас — сборник карт. Позднее его труд продолжил Фердинанд Вреде (1863—1934), и в 1926 г. часть карт была издана. Во Франции такую же работу вели Жюль Жильерон (1854—1926) и помогавший ему Эдмон Эдмон (1848—1926). В результате в 1902—1910 гг в Париже вышел в свет «Лингвистический атлас Франции».

В России идею лингвистического картографирования первым выдвинул выдающийся филолог Измаил Иванович Срезневский. В 50-х гг XIX в. он писал: «Первой принадлежностью... лингвистической географии должна быть... карта языков, наречий и говоров, карта, на которой место границ политических, религиозных и всяких других занимают границы лингвистического разнообразия народов».

Если мысль зарождается почти одновременно в умах разных учёных в разных странах, если идея носится в воздухе — значит, она стала насущной потребностью науки. Так в диалектологии появилось новое направление — *лингвистическая география*, наука, изучающая территориальное распространение языковых явлений, диалектов, языков. Её основным методом является картографирование — отображение на картах территорий, где встречаются те или иные языковые явления. Это делается при помощи особых условных обозначений: цветовых заливок, штриховок, знаков.

ДВА «О»

Все приведенные в условии задачи слова односложны и в русском литературном языке произносятся с одинаковым гласным [о]. Почему же в рязанском говоре они произносятся с разными гласными? В чем различие между двумя группами существительных литературного языка: *двор, поп, стол, нож,* с одной стороны, и *бог, ход, воз, сор* — с другой? Ответ на этот вопрос можно найти, если, например, просклонять эти слова. В косвенных падежах в словах этих групп различается место ударения: в первой группе ударение падает на окончание (например, в родительном падеже: *двора́, попа́, боба́, ножа́*), во второй — на основу (*бо́га, хо́да, во́за, со́ра*). Значит, в рязанском говоре в односложных словах звуку [о] русского литературного языка соответствует [о], если в литературном языке ударение всегда падает на основу (т. е. на это [о]), и [уо], если в литературном языке в косвенных падежах ударение перемещается на окончание.

1. *Гром, сок, год; вуол, куот.*

2. *Восемь, восемнадцать* (сравните: *осьминог* или у А. С. Пушкина: *«Все украшало кабинет/Философа в **осьмнадцать** лет»*), в разговорных словах *вострый, востроглазый, востроносый, навострить* (литературное *острый*).

Как читается лингвистическая карта? Рассмотрите карту «Глаголы со значением ‘возделывать землю с помощью орудий’ в восточнославянских диалектах». Чтобы правильно её понять, нужно прежде всего внимательно изучить *легенду* (от *лат.* legenda — «то, что должно быть прочитано»), т. е. перечень условных обозначений.

На приведённой карте три знака. Жёлтая заливка показывает распространение глагола *орать* (это территория украинского и белорусского языка, а также северных и северо-западных говоров русского языка); зелёная заливка — глагола *пахать* в данном значении. Из карты видно, что он распространён преимущественно в говорах русского языка.

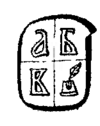
В лингвистической географии территория, где встречается определённая языковая черта, называется *ареалом* (от *лат.* area — «площадь», «пространство»), а линия, его ограничивающая, — *изоглоссой* (от *греч.* «ísos» — «равный» и «glossa» — «язык», «речь»). По размерам ареалы бывают самыми разными: одни включают говоры лишь нескольких деревень, другие занимают обширные пространства. Из карты следует, что на севере и северо-западе употребляются оба глагола *пахать* и *орать*, сосуществуя в одних и тех же диалектах Это показано совмещением знаков. Третий знак — линия с зубчиками, обращёнными в ту сторону, где известно языковое явление, сообщает о наличии у глагола *пахать* иного значения — ‘мести пол, двор, улицу’· *она веником в избе **пашет; пахай** мост* (сени).

Сопоставляя информацию, которую даёт карта, с материалами разнообразных словарей, памятниками письменности, сведениями из других славянских языков и диалектов, можно сделать выводы о древности того или иного языкового явления. Так, при сравнении лингвистической карты с исторической было обнаружено, что говоры, где слово *пахать* употребляется

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС

В 80-е гг. XX столетия был начат новый большой труд по лингвистической географии — «Лексический атлас русских народных говоров». Над ним работают многие вузы России, а руководит этим проектом Институт лингвистических исследований Российской Академии наук, находящийся в Санкт-Петербурге. Территория, которую обследуют для нового атласа, велика: от Белого моря до южных границ России, от её западных пределов до Уральских гор. Цель этой работы — сохранить для лингвистики и истории как можно больше слов, которые постепенно выходят из употребления: исчезают деревни, умирают люди, перестают использоваться в быту какие-то предметы, забываются обряды. Конечно, предполагается и показать зоны распространения этих языковых явлений на картах.

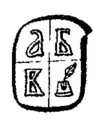
Программа по сбору материала очень велика, включает почти 24 тыс. вопросов, затрагивающих самый широкий круг тем. Так, в тему «Человек» входят разделы названий, связанных с внешностью и строением людей (борода, щеки, тело, ресницы и т. д., всего 100 вопросов), с особенностями облика (статный, красивый, худой и т. д.), семьи, семейных отношений и др. Например, следует выяснить, как называются в говоре ‘ребенок, не умеющий еще ходить’ (*ползун, поползень, кукленок, кукарач*), ‘большая семья’ (*обьедь, челедня, челядница, семейщина*), ‘умный’ (*башковитый, головатый, догадный, надумистый, дотёпистый, мозговатый, мышлявый, смыслистый, нахватный, уноровный*). А еще есть темы «Природа», «Трудовая деятельность», «Материальная культура», «Питание» и др. Каждый год организаторы проводят конференции, где участники экспедиций рассказывают о собранных материалах и обсуждают составленные карты. Атлас будет представлять собой серию выпусков.



в значении 'подметать', располагаются на территории древней Новгородской республики. Исследователи древнерусского языка приводят многочисленные примеры употребления глагола *пахать* в памятниках письменности (летописях, актах) не только в значении 'обрабатывать землю', но и 'расчищать землю от леса, кустов'. Это говорит о древности значения 'мести', 'чистить' и его связи со значением 'возделывать землю'.

Рассмотренная карта — лексико-семантическая; она показывает, где бытует то или иное слово и каково его значение. Однако бывают и другие карты: фонетические, морфологические, синтаксические. По ним можно судить о произношении звуков, о диалектных особенностях грамматических форм и многом другом.

Если лингвистические карты объединить по определённому принципу — общности территории, на которой распространены говоры, языковому уровню, родству языков — и систематизировать, получится *лингвистический атлас*. К настоящему времени в мире опубликовано более 300 различных языковых атласов. Среди них «Лингвистический атлас Европы», «Общеславянский лингвистический атлас», «Общекарпатский диалектологический атлас» и др. Многообразие русских говоров показано на картах «Диалектологического атласа русского языка», работа над которым велась более 40 лет.



«ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКОГО ЯЗЫКА» (ДАРЯ)

Самым значительным достижением русской диалектологии второй половины XX в. по праву считается «Диалектологический атлас русского языка» (ДАРЯ). Идея атласа родилась в начале XX столетия. В 1940 г. учёные создали «Вопросник для составления Диалектологического атласа русского языка», а в 1947 г. — «Программу собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка». В основу атласа легла оригинальная теория лингвистической географии, разработанная известным лингвистом Рубеном Ивановичем Аванесовым (1902—1982).

«Программа» включает 294 вопроса, касающихся всех сторон языка: фонетики, грамматики и лексики. Вот некоторые из них:

«Какой гласный звук произносится в первом предударном слоге на месте буквы *о*? *В*[о]*да́*, *в*[а]*да́*, *в*[ы]*да*, *в*[ь]*да́*? <...>

Какие падежные окончания имеют в единственном числе существительные женского рода типа *печь, грязь*?: а) в дательном и предложном падежах — *по гря́зи*, *по грязи́*, *по грязе́*; *к пе́чи*, *к печи́*, *к пече́*; *в пе́чи*, *в печи́*, *в пече́*; *на ло́шади*, *на лошади́* или *на лошаде́*; б) в винительном падеже — *провел ночь* или *но́чю*, *побелил печь* или *пе́чю*; в) в творительном падеже — ***но́чью, но́чьюй, но́чюй, но́чей*** или ***но́чею*** и др. <...>

Коллективная помощь в сельской работе (при строительстве дома, уборке урожая, при прядении и др.): *толока́, толо́ка, по́мочь*...» (см. статью «Говор»). Из ответов на все эти вопросы и составлялись описания говоров, а затем диалектологические карты.

Для обследования была выбрана территория центра европейской части России, где складывался язык русской нации.

Материалы для ДАРЯ собирались несколько десятилетий, главным образом с 1946 по 1965 г. во время многочисленных экспедиций по деревням России. Диалектологи, преподаватели университетов и педагогических институтов страны вместе с аспирантами и студентами, объехали около 5 тыс. сел и деревень. Плотность обследования, выбранная для атласа, — один населённый пункт на 225 км^2. Это означает, что деревни, где велись наблюдения, находились друг от друга на расстоянии приблизительно 15 км. Многих поселений уже давно нет, вот почему сделанные записи уникальны. Лингвисты записывали речь жителей старшего поколения, в основном женщин, которые реже покидают родные места, не служат в армии, поэтому в их речи лучше сохраняется традиционный говор.

Может показаться, будто экспедиция — занятие лёгкое, не требующее специального умения: сиди и записывай, что тебе рассказывают. Но это не так. Диалектолог должен обладать не только профессиональными знаниями, но и способностью грамотно с точки зрения психологии задавать вопросы, располагая к себе собеседника. От собирателя требовалось и умение хорошо слышать языковые особенности говоров (ведь магнитофонов в то время практически не было). Существует много тонких фонетических различий, которые могут быть незамечены неопытными собирателями, например наличие дифтонгов: [в͡уоля] — *воля*, [д͡оум] — *дом*, [сн͡иек] — *снег* или [ł] — «европейское»: [быłа] — *была*, [воłк] — *волк* и др.

Носители говора часто наделены удивительным языковым чутьем, они точно слышат, чем их говор отличается от литературного языка и соседних говоров. К работе диалектологов они относятся с пониманием: «Ну и работа у вас трудная — христарадничаете за словом!» (*христарадничать* — ‘просить подаяния ради Христа’).

Итог грандиозной работы — три альбома карт (в каждом их около 100), три тома сопроводительных текстов, содержащих кроме пояснений к картам множество дополнительных сведений. Собранные данные бесценны для историков, археологов, этнографов. Благодаря картам атласа каждый, не отправляясь в далёкое путешествие, может узнать, как говорят жители различных деревень Центральной России.

ГРАНИЦЫ ГОВОРОВ

Существуют ли четкие границы между разными говорами или группами говоров и как они проходят? Ответить на эти вопросы учёные пытались давно, ещё со времён Ломоносова. Однако только в 1915 г. Николай Николаевич Дурново́ (1876—1937), Николай Николаевич Соколов (1875—1923) и Дмитрий Николаевич Ушаков (1873—1942) в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе» (с приложением «Очерка русской диалектологии») доказали, что существуют целостные территории, объединённые общими языковыми чертами.

Перед нами упрощенная карта «Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ)

Первый вопрос «Программы» и карта, составленная по нему, раскрывают одну из самых ярких диалектных особенностей противопоставление *оканья* и *аканья* Литературному языку и южным говорам свойственно аканье, т е неразличение [о] и [а] в безударном положении *в*[а]*да*, [а]*гонь* и *м*[а]*ла*, *кр*[а]*са* А при оканье в безударном положении звуки [о] и [а] в произношении различаются *в*[о]*да*, [о]*гонь* и *м*[а]*ла*, *кр*[а]*са* Оканье свойственно всем северным говорам Многие северяне «окальщики» гордятся своим языком поскольку они «говорят, как пишут»

Оканье бывает *полным* и *неполным* При полном оканье [о] и [а] различаются во всех безударных слогах [дорогой] — [сарафан] При неполном эти звуки различаются только в первом предударном слоге, в других же слогах произносится особый звук средний между [а] и [ы], обозначаемый в русской транскрипции знаком [ъ] [дърогой] и [сърафан] Иными словами, в этом случае в первом предударном слоге действует принцип оканья (гласные различаются), а в других безударных слогах соблюдается принцип аканья (гласные не различаются)

Не только оканье но и аканье бывает разным В юго западных говорах например отмечается *диссимилятивное* (от лат dis similatio — «расподобление») аканье, при котором предударный гласный не может быть таким же, как ударный Он заменяется другим, менее сходным, как говорят лингвисты, расподобляется Если под ударением [а], то в первом предударном слоге произносится не [а] чаще всего [ъ], реже другие звуки — [въда], [тръва] но [ваде], [вадой], [траву], [травы] [травой]

Все отмеченные выше особенности говоров можно увидеть на карте

А и Б

Даны несколько фраз, записанных не по правилам орфографии, а так, как они звучат в речи жителей двух русских деревень А и Б. Выделенные полужирным шрифтом слоги произносятся так, как их прочли бы в литературном языке, если бы они были ударными.

(1) *Погляди на них* ***бли****ны* ***яд****ят,* ***смя****таной за****я****дают.*

(2) ***Ся****стра у* ***ти****бя* ***бя****довая* ***ди****тей бросила,* ***пля****сать по* ***гри****зи пошла.*

(3) *За* ***ди****ревней —* ***ся****ло, в* ***си****ле — церковь, за* ***ся****лом —* ***ля****сок, в* ***ля****су —* ***ря****ка, а в* ***ри****ке черт* ***си****дит, чай с* ***ли****моном пьет.*

(4) ***Бя****да у нас* ***стря****слась:* ***пя****тух все* ***зя****рно* ***скля****вал.*

(5) *Внуцата* ***и****дут,* ***пя****ток* ***ля****пешек цыплятам* ***ня****сут.*

(6) ***Ля****нивые бабы* ***дя****тей в сад* ***отвя****ли, а сами* ***си****дят* ***ся****бе и цай пьют.*

(7) ***Гли****ди-ка, не твой ли* ***пя****тух чужих кур* ***зади****рает?*

(8) *Ну как вам, цужакам, здесь* ***гри****бы* ***соби****рать?*

1. Какие фразы произнесены жителем деревни А, какие — Б, если известно, что фраза (1) произнесена в деревне А?

2. Запишите, как произнесли бы следующую фразу жители каждой из деревень: *Чем кричать да на себя тянуть, веслом греби да белый свет не кляни.*

НАРЕЧИЯ И ДИАЛЕКТНЫЕ ЗОНЫ

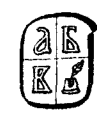
I. Наречия

- Северное наречие
- Среднерусские говоры
- Южное наречие

II. Диалектные зоны

- Северо-восточная
- Северо-западная
- Юго-восточная
- Юго-западная
- Граница западной зоны

Вот упрощенная схема деления русских говоров. На ней показаны границы наречий, а также границы некоторых *диалектных зон*. Если наречия противопоставляют север югу (на карте их разделяют горизонтальные линии), то диалектные зоны делят территорию как по горизонтали, так и по вертикали. В зоны входят диалекты, относящиеся к разным наречиям, но несмотря на это имеющие общие языковые черты. Ученые предполагают, что многие признаки, объединяющие говоры в диалектные зоны, являются очень древними.



[т] — [т'] в окончаниях глаголов 3-го лица

[т].

он несе[т], *знае*[т], *сти*[т], *люби*[т]

они несу[т], *знаю*[т], *спя*[т], *любя*[т]

[т'].

он несе[т'], *знае*[т'], *сти*[т'], *люби*[т']

они несу[т'], *знаю*[т'], *спя*[т'], *любя*[т']

Сосуществование [т] и [т']

он несе[т] и *он несе*[т']

До этого были известны лишь границы распространения отдельных диалектных явлений. Теперь стало понятно, что говоры распадаются на большие группы, которые противопоставлены друг другу по целому комплексу признаков.

Только через 50 лет появилась новая карта диалектного членения, составленная известными диалектологами Капитолиной Фёдоровной Захаровой и Варварой Георгиевной Орловой уже на основе «Диалектологического атласа русского языка» (см статью «Лингвистическая география»).

В разное время в разных научных школах взгляды на принципы диалектного членения были различными Поэтому эти две карты заметно отличаются друг от друга. На карте 1914 г. анализируется бóльшая территория, чем на карте 1964 г. от Белого до Чёрного моря, от Ужгорода до Оренбурга и Уфы. В состав русского языка в качестве отдельных наречий включены украинский и белорусский, а территория северного наречия обширнее за счёт территории среднерусских говоров.

Самыми крупными и важными диалектными объединениями являются *наречия,* в которые объединяются говоры со сходными чертами. Границы наречий русского языка делят территорию Центральной России на две большие части — северную и южную В основе деления языка на наречия лежат диалектные явления, противопоставленные попарно Они представлены в таблице

Между северным и южным наречиями расположены *среднерусские говоры,* которые

Михаил Васильевич Ломоносов, по происхождению северянин, т. е. «окальщик», писал о московском говоре: «Великая Москва в язы́ке столь нежна, что А произносить за О велит она». В данном случае ученый имел в виду московское аканье: [вада́] (вода), [аго́н'] (огонь), [горат] (город).

Поскольку в основу русского литературного языка лег именно московский диалект, нормой произношения стало аканье.

Архангелогородец (так называют уроженцев города Архангельска) Степан Григорьевич Писахов в своих удивительных сказках передает речь северян, отражая среди ее самых характерных черт и стяжение гласных.

Вот начало сказки «Северно сияние»: *«Летом у нас **круглы** сутки светло, мы и не спим. День **работам**, а ночь **гулям** да с оленями вперегонки **бегам**».*

И глухо, как от подачки,
*Когда бросят ей камень в **смех**,*
Покатились глаза собачьи
*Золотыми звездами в **снег**.*

* * *

И над миром с незримой лестницы,
*Оглашая поля и **луг**,*
Проклевавшись из сердца месяца,
*Кукарекнув, взлетит **петух**.*

Сергею Есенину, уроженцу села Константинова Рязанской губернии, как и всем жителям юга России, было свойственно произношение на месте литературного взрывного [г] другого, особого звука — щелевого [γ], который на конце слова заменяется на [х]. Поэтому Есенин и рифмовал слова *сме*[х] и *сне*[х], *лу*[х] и *пету*[х]. В литературном произношении подобная рифма будет неточной: *сме*[х] — *сне*[к], *лу*[к] — *пету*[х].

Во многих вологодских деревнях зимой можно услышать: *Все деревья нынче в оммoро́зе* (*обмороз* — 'изморозь', 'иней'). Эта же диалектная черта отражена в шутливой пословице: «*Пока баба до полу с печки летит, любого мужика семьдесят семь раз омма́нет*».

Говору Москвы были свойственны безударные окончания **-ы/-и** у существительных среднего рода в именительном и винительном падежах множественного числа: *озе**ры**, яй**цы**, вед**ры***. Такие формы еще в начале XIX столетия были литературными, допустимыми в высоком стиле, например в знаменитой пушкинской оде «Вольность»:

Увы! куда ни брошу взор —
*Везде бичи, везде **железы**,*
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы...

А вот пример из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»:

Игольничек и но́жинки, как милы!
*Жемчужинки, растертые в **белилы**!*

Много подобных примеров можно найти у Сумарокова, Державина, Фонвизина, Карамзина, Жуковского, Лермонтова.

Постепенно эти формы, за одним исключением, были вытеснены из литературного языка; они сохранились у слов на **-ко**: *ябло**ко** — ябло**ки**, гнездыш**ко** — гнездыш**ки**, окош**ко** — окош**ки*** и т. д.

Формы родительного падежа существительных женского рода, оканчивающиеся на **е**, встречаются в просторечии и часто используются для речевой характеристики литературных персонажей. Поэт-диссидент Александр Аркадьевич Галич вложил эту яркую языковую черту в уста своего героя, «образцового коммуниста» Клима Коломийцева:

*У **жене́** моей спросите, у Даши,*
*У **сестре́** ее спросите, у Клавки,*
Ну ни капельки я не был поддавши,
Разве только что маленько —
с поправки!

Признак
Фонетические
Гласные звуки [о] и [а] в безударных слогах после твёрдых согласных
Произношение [г]
Что произносится на месте сочетания звуков [бм], [б'м']
В положении между гласными в ряде форм глаголов и прилагательных звук [j]
Грамматические
У существительных среднего рода в именительном падеже множественного числа
Формы дательного и творительного падежей множественного числа существительных
В форме 3-го лица глаголов произносится
В форме родительного падежа единственного числа существительных женского рода 1-го склонения
Лексические явления
'посуда для замешивания теста'
'приспособление для доставания горшков из печи'
'орудие для ручного обмолота'
'приспособление для того, чтобы держать сковороды'
'колыбель, подвешиваемая к потолку'
'всходы зерновых культур'
'вечерние собрания молодёжи'
о собаке

Северное наречие	Южное наречие
явления	
различаются (оканье): *д*[о]*ма́, д*[а]*ва́й, м*[о]*локо́, тр*[а]*вяно́й*	не различаются (аканье): *д*[а]*ма́, д*[а]*ва́й; м*[ъ]*локо́, тр*[ъ]*вяно́й*
взрывное [г]: *но*[г]*а,* [г]*усь;* чередуется с [к]: *но*[к], *берё*[к]*ся*	щелевое [γ]: *но*[γ]*а,* [γ]*усь;* чередуется с [х]: *но*[х], *берё*[х]*ся*
произносится [м̄], [м̄']: *о*[м̄]*а́н, о*[м̄']*е́н*	произносится [бм], [б'м']: *о*[бм]*а́н, о*[б'м']*а́н*
отсутствует; гласные стягиваются: *рабо-т*[ае]*т, работ*[аа]*т, работ*[а]*т; но́в*[аа], *но́в*[а], *но́в*[ы]	присутствует: *ра-бо́т*[аjе]*т, но́в*[аjа], *но́в*[ыjи]
явления	
безударное окончание **-а:** *пятн**а**, о́кн**а***	безударное окончание **-ы:** *пятн**ы**, о́кн**ы***
совпадают: *подойти к дом**а́м**, рядом с дом**а́м***	различаются: *подойти к дом**а́м**, рядом с дом**а́ми***
твёрдый звук [т]: *но́си*[т], *но́ся*[т]	мягкий звук [т']: *носи*[т'], *но́ся*[т']
окончание **-ы:** *у сест**ры́**, без вод**ы́***	окончание **-е:** *у сестр**е́**, без вод**е́***
(распространение слов)	
квашня́, кваш́онка	*дежа́, де́жка*
ухва́т	*рога́ч*
при́уз, молоти́ло	*цеп*
сковоро́дник	*ча́пельник, ча́пля*
зы́бка	*лю́лька*
о́зимь, озимя́	*зе́лень, зеленя́*
бесе́да	*посиде́лки* и другие слова с корнем **-сид-**
ла́ять	*бреха́ть*

Предпосылки к объединению в северных говорах творительного и дательного падежей были заложены еще в древнерусской системе склонения.

В праславянском и древнерусском языках было не два, а три числа: единственное, множественное и *двойственное*. Двойственное число употреблялось, когда нужно было указать, что предметов не один или много, а два, причем числительное два можно было при этих формах опустить. Именно в двойственном числе существительные древнерусского языка в творительном и дательном падежах имели единое окончание: *рук**а́ма**, ног**а́ма**, о́ч**има**, у́ш**има***. Можно предположить, что в северных говорах формы этих падежей множественного числа по аналогии с двойственным числом перестали различаться, причем общим стало окончание дательного падежа **-ам.** Именно из северных говоров к нам пришла поговорка *«Сам с усам»*.

«Хвастать — не косить, спина не боли[т']*»; «Хорошо тому жить, кому бабушка ворожи*[т']*»* — эти пословицы возникли в южных говорах, о чем свидетельствует рифма с [т'].

Современная литературная норма произношения твёрдого [т] установилась не сразу. Еще в начале XIX в. допустимым считалось и употребление мягкого [т']. Вот отрывок из стихотворения малоизвестного современному читателю поэта-сатирика Сергея Никифоровича Марина (1776—1813), поэзия которого отразила разговорную речь его эпохи:

Нельзя иметь тебе сумненье,
*Чтоб мог иную я **любить;***
Коль сердца каждое движенье
*Тебе одной **принадлежит**.*

В этом четверостишии рифма с *любить* предполагает произношение мягкого [т'] в слове *принадлежит*.

Позднее, в конце XIX—XX вв., подобное произношение для образованного человека, владеющего литературной нормой, стало невозможным. Оно встречается теперь только в говорах. Вот как говорят в деревне Вышгород Наро-Фоминского района Московской области: *«В день Наума Граматника* (14 декабря. — *Прим. ред.*) *школу грех прагулять, в этат день пророк Наум настави*[т'] *на ум»*.

Названия вечерних собраний молодежи нередко упоминаются в частушках, на севере это *бесе́ды*, а на юге — *посиду́шки, посиде́лки*:

*На веселую **беседу***
Дроли не явилися:
Они шли через болото
Клюквой подавилися.

Дро́ля — 'милый(ая)', 'любимый(ая)'.

*Я пришел на **посиду́ху**,*
Не нашел свою засуху.

Засу́ха — 'та (тот), которая присушила, которая нравится'.

А и Б

Для удобства изложения можно назвать произношение жителей деревни А говором А, а деревни Б — говором Б.

Говоры А и Б отличаются от литературного языка произношением предударных слогов. Кроме того, в некоторых словах литературный звук [ч'] заменяется на [ц] (т. е. представлено цоканье). Видимо, говоры А и Б различаются тем, как произносятся безударные гласные; наличием/отсутствием цоканья. Во фразах (5), (6) и (8) цоканье есть *(внуцата, цай, цужакам)*. Следовательно, они относятся к одному говору. Напротив, во фразах (3) и (7) цоканья нет *(черт, чай, чужих)*, значит, это другой говор.

Во фразе (1) (из условия известно, что это говор А) предударные гласные ***е*** и ***я*** (***а*** после мягкого согласного) произносятся как [ja]. Гласная [и] произносится как [и]. Так же произносятся предударные слоги во фразах (5), (6) и (8) с цоканьем. Итак, фразы (1), (5), (6) и (8) относятся к говору А. Во фразе (2) произношение предударных гласных не совсем такое, как в говоре А, а именно: ***е*** и ***я*** произносятся как ***я*** перед твердым согласным и как ***и*** — перед мягким. Такое же произношение гласных ***е*** и ***я*** представлено во фразах (3) и (7) (без цоканья). В них встречается еще и гласная ***и***, которая во всех позициях произносится как ***и***. Можно сделать вывод, что фразы (2), (3) и (7) — это говор Б.

Нерассмотренной осталась только фраза (4). В ней в предударных слогах представлены ***е*** и ***я*** только перед твердыми согласными. Но в этой позиции в обоих говорах произношение одинаковое. Так что, видимо, произнести фразу (4) могли жители обеих деревень.

Итак, задание 1 выполнено. Теперь можно выполнить задание 2.

В деревне А говорят: *Чем **крицать** да на **сябя тянуть, вяслом гряби** да белый свет не **кляни**.*

В деревне Б говорят: *Чем **кричать** да на **сибя тянуть, вяслом гриби** да белый свет не **клини***

совмещают в себе северные и южные черты Среднерусские говоры делятся на западные и восточные. Их языковые особенности таковы: произношение взрывного [г]; в окончаниях глаголов 3-го лица единственного и множественного числа твёрдое [т]; в одних говорах оканье, в других — аканье.

В основу русского литературного языка легли именно центральные среднерусские говоры, т. е. московский говор и говоры деревень, окружавших Москву.

Наречия и среднерусские говоры делятся на более мелкие единицы — *группы говоров*. У каждой из них есть и языковые признаки, общие с наречием, к которому она относится, и свои собственные, характеризующие только данную группу.

В последнее время разработана новая классификация русских говоров. В ней удалось учесть с помощью компьютера около 4 тыс. языковых признаков из 4 тыс говоров.

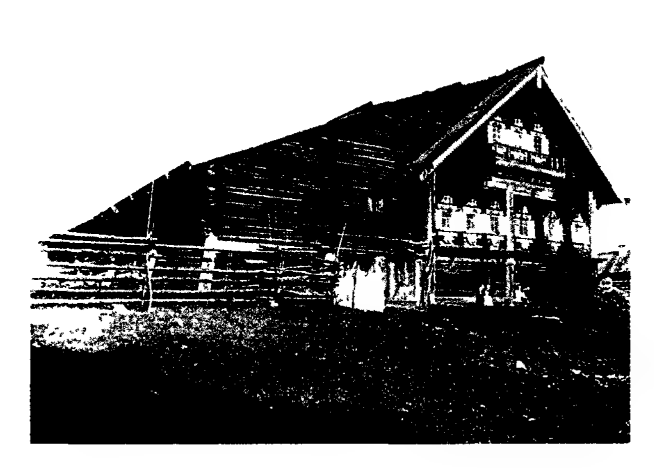
Русские говоры распространены на огромной территории, и любой из них является как бы самостоятельным языком. Все русские говоры вместе с литературным языком, жаргонами и профессиональной лексикой образуют сложное и разнообразное единство русского национального языка

ДИАЛЕКТИЗМЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

«Ах, какой это был дом! Одних только жилых помещений было четыре: *изба-зимовка, изба-летница, вышка* с резным балкончиком, *горница* боковая. А кроме них, были ещё *сени* светлые с лестницей на крыльцо, да *клеть*, да *поветь* саженей семь в длину — на неё, бывало, заезжали на паре, — да внизу, под поветью, *двор* с разными *стайками* и хлевами.

И вот, когда не было дома хозяев (а днём они всегда на работе), для меня не было большей радости, чем бродить по этому удивительному дому. Да бродить босиком, не спеша. Вразвалку Чтобы не только сердцем и разумом, подошвами ног почувствовать прошлые времена»

Это описание крестьянского дома из повести Федора Александровича Абрамова «Деревянные кони». В нём встречаются непонятные многим из нас слова, о значении которых можно только догадываться. Да и некоторые знакомые слова выступают в непривычном значении. Так, слово *изба* у Абрамова обозначает не 'крестьянский дом в целом', как указано в словарях современного литературного языка, а 'жилую комнату в доме'. Комнаты эти могут быть тёплыми



Северный дом. Архангельская область Фотография 1912 г

Южный дом Воронежская губерния Фотография 1927 г

(с печью) — *зимовки, зимницы* — или холодными (без печи) — *летницы, летние.* Оказывается, подобное значение слова *изба* известно всему Русскому Северу, встречается оно и в Сибири. А вот знакомое слово *двор* здесь обозначает 'находящуюся позади жилья нежилую часть крестьянского дома, в которой содержится скот'.

Слова, приведённые выше, называются *диалектизмами.* Это языковые особенности говоров, диалектные слова и выражения, включённые в литературную речь. Писатели часто используют их в своих произведениях, чтобы передать местный колорит, создать речевой портрет персонажей.

В нашем примере общеизвестные слова *изба* и *двор* употреблены в значении, отличающемся от литературного. Такие диалектизмы называются *семантическими* (от *греч.* «sēmantikós» — «обозначающий»). К подобному типу диалектизмов относятся слова *вышка* 'отдельная надстройка на верху здания', *стайка* 'помещение для домашнего скота', 'хлев'.

В тексте есть диалектизмы и иного рода: *поветь* — 'сеновал, располагающийся над двором'.

Севернорусские праздничные костюмы крестьянок

Южнорусские праздничные костюмы крестьянок

Это *лексический* диалектизм. Они имеют литературные синонимы: *пове́ть — сеновал; ко́чет — петух; баско́й — красивый; ба́ять, гута́рить — разговаривать.* Многие семантические и лексические диалектизмы упоминаются в толковых словарях литературного языка, так как употребляются в художественной литературе, газетах и журналах, звучат в разговорной речи, когда затрагиваются деревенские проблемы. В словарях эти слова обычно имеют помету *диал.* (диалектное) или *обл.* (областное).

Диалектные черты присущи всем уровням языка, поэтому диалектизмы бывают не только семантическими и лексическими, но и фонетическими, грамматическими, словообразовательными.

Иван Алексеевич Бунин, уроженец Орловщины, хорошо знавший говор родных мест, писал в рассказе «Сказки»: «*Этот Ваня с печи, значит,* ***слезая,*** *малахай на себя* ***надевая, кушачкём*** *подпоясывается,* ***кладе*** *за пазуху* ***краюшечкю*** *и отправляется на этот самый караул».* *Кушачкём, краюшечкю* — *фонетические* диалектизмы, передающие характерные черты произношения героев. *Слезая, надевая, кладе* вместо *слезает, надевает, кладёт* — пример *грамматического* диалектизма, отражающий особенности диалектной морфологии: отсутствие ***-т*** в окончании глаголов 3-го лица.

Вот отрывок из поэмы «Крестьянские дети» Николая Алексеевича Некрасова:

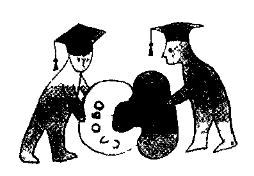
Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернёхоньки губы у всех.
Набили оскому — ***черница*** *поспела...*

Черница — словообразовательный диалектизм. Это слово образовано с помощью суффикса ***-иц-*** в отличие от литературного *черника* с суффиксом ***-ик-.***

Ещё один вид диалектизмов связан с особенностями быта, хозяйства в определённой местности. Это *этнографические* диалектизмы. К ним относятся названия предметов, кушаний, одежды, не имеющие аналогов в литературном языке. «*Бабы в клетчатых* ***панёвах*** *швыряли щепками в недогадливых или слишком усердных собак*», — писал Иван Сергеевич Тургенев в «Записках охотника». *Панёвы* — юбки, которые носят замужние крестьянки юга России, Украины и Белоруссии.

Диалектизмы обычно употребляют писатели, которые сами родом из деревни. Если же автор пользуется диалектными словами, значения которых он представляет себе лишь приблизительно, то возникают курьёзы. Вот современный пример: «*Днём он дремал, слыша сквозь забытьё, как гремели в руках старухи* ***ухваты*** *и* ***рогачи***...». Однако *ухват* и *рогач* — названия одного и того же предмета в разных говорах. *Рогачом* зовут ухват в рязанских, тульских, некоторых тамбовских, липецких, воронежских и белгородских говорах, т. е. на юге России. В большинстве же российских говоров распространено наименование *ухват.*

Особенно часто прибегают к диалектизмам писатели, стилизующие свои произведения под народную речь и использующие форму сказа: Николай Семёнович Лесков, Павел Петрович Бажов, Степан Григорьевич Писахов, Борис Викторович Шергин. В народно-разговорном языке они черпают образность и вдохновение. Недаром Б. В. Шергин в очерке «Двинская земля» писал об одном из поморских сказителей: «Я охоч был слушать Пафнутия Осиповича и складное, красовитое его слово нескладно потом пересказывал».



Языки мира

ВВЕДЕНИЕ

В языке, этом даре, объединяющем людей в пространстве и времени, решительно всё загадочно и достойно удивления. И всё-таки можно отметить одну его особенность, которая всегда бросалась в глаза и занимала разум и воображение человека с древности. Люди в разных частях Земли непохожи друг на друга, они различаются ростом, цветом глаз, волос или кожи, наконец, обычаями. Однако люди, где бы они ни жили, всё же отличаются друг от друга гораздо меньше, чем могут отличаться друг от друга языки. Вот это, пожалуй, и есть самое удивительное свойство — необыкновенное разнообразие человеческих языков

В этом разделе рассказывается, какими бывают языки, чем они различаются, как друг на друга влияют, как появляются, исчезают — ведь языки, как и люди, рождаются и умирают. А ещё они, тоже как люди, могут быть «родственниками» и даже образовывать «семьи».

Современная лингвистика — молодая наука, по-настоящему она начала развиваться лишь в последние два века. Конечно, люди всегда интересовались языком, пытались составлять грамматики и словари, чтобы им было легче изучать чужие языки или понимать, что написано в старинных книгах. Составление грамматик помогло возникнуть лингвистике, но лингвистика к этому не сводится: чтобы ухаживать за домашним попугаем, полезно знать кое-что из биологии, но ведь биология — это не наука о том, как ухаживать за попугаями Вот и лингвистика не наука о том, как изучать иностранные языки.

Мы все умеем говорить на своём языке, однако не можем объяснить, как это делаем. Любой иностранец поставит нас в тупик самыми простыми вопросами Действительно, попробуйте объяснить, какая разница между русскими словами *теперь* и *сейчас?* Первое побуждение — сказать, что никакой разницы нет. Почему же в ответ на просьбу *Иди сюда!* мы отвечаем *Сейчас!*, но никак не *Теперь!?* А в предложении *Маша долго жила в Америке, и теперь она неплохо знает английский язык,* заменить *теперь* на *сейчас*, пожалуй, нельзя. Мы не можем сказать, что в точности означают слова *теперь* и *сейчас* и почему в одном предложении уместно одно слово, а в другом — другое. Мы просто умеем их правильно употреблять, причём делаем это одинаковым или по крайней мере очень похожим образом.

Лингвисты говорят, что у каждого человека в голове есть грамматика его родного языка — механизм, который помогает человеку говорить правильно. Однако законов её он не знает. Человек пользуется ими, но не может их сформулировать. Можно ли представить себе шахматиста, который выигрывал бы партии в шахматы, но не мог при этом объяснить, как ходят фигуры? А между тем человек говорит на своём языке приблизительно так же, как этот странный шахматист. Он не осознаёт грамматики, которая спрятана у него в мозгу.

Задача лингвистики — извлечь эту грамматику на свет, сделать её из тайной явной. Это довольно трудно: природа зачем-то позаботилась очень глубоко спрятать грамматические знания. Вот почему лингвистика так долго не становилась настоящей наукой, вот почему она и сейчас не знает ответов на многие вопросы.

Например, нужно честно предупредить, что по поводу языков мира лингвистика многого пока не знает. Почему в мире так много языков? Было ли раньше на земле больше языков или меньше? Будет ли число языков уменьшаться или увеличиваться? Почему языки так сильно отличаются друг от друга?

Язык сравнивают с родственными ему языками и с самим собой — в разные моменты его

БОЛЬШЕ, ЧЕМ СРЕДСТВО

Уже давно сложилось такое мнение, что различия между языками суть досадное препятствие на пути культуры, а изучение языков — неизбежное зло всякого образования. Никому не приходит в голову, что язык — это не просто средство для понимания народа, который на нём говорит, или писателя, который на нём пишет. Отсюда — неправильная склонность оценивать важность языка в зависимости от совершенства его литературы, полное пренебрежение к языкам, литературы вовсе не имеющим...

Язык, не только язык вообще, но каждый язык в отдельности, даже самый бедный и грубый, сам по себе и для себя есть предмет, заслуживающий самого пристального осмысления. Язык — это не просто, как принято говорить, отпечаток идей народа, так как множество его знаков не позволяет обнаружить никаких существующих отдельно от него идей; язык — это объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатлённая в определённых звуках, в этом облике и через взаимосвязь своих звуков понятная всем говорящим и возбуждающая в них примерно одинаковую энергию. Человек весь не укладывается в границы своего языка; он больше того, что можно выразить в словах; но ему приходится заключать в слова свой неуловимый дух, чтобы скрепить его чем-то, и использовать слова как опору для достижения того, что выходит за их рамки. Разные языки — это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные ви́дения её; и если вещь эта не является предметом внешнего мира, каждый [говорящий] по-своему её создаёт, находя в ней ровно столько своего, сколько нужно для того, чтобы охватить и принять в себя чужую мысль. Языки — это иероглифы, в которые человек заключает мир и своё воображение; при том, что мир и воображение, постоянно создающее картину за картиной по законам подобия, остаются в целом неизменными, языки сами собой развиваются, усложняются, расширяются. Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаём в нём; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчётливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа... Если же мы проникаем в глубины их тайн, в нашу сухую рассудочность врывается свежая струя неувядающей фантазии других народов, заключающих каждое впечатление, которое юный мир дарит их еще не притупившимся чувствам, в оболочку живого и подвижного образа.

Изучение языков мира — это также всемирная история мыслей и чувств человечества. Она должна описывать людей всех стран и всех степеней культурного развития; в неё должно входить всё, что касается человека.

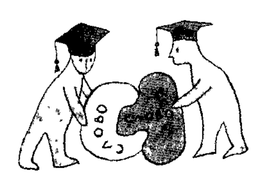
(Из статьи В. фон Гумбольдта «Об изучении языков, или План систематической энциклопедии всех языков».)

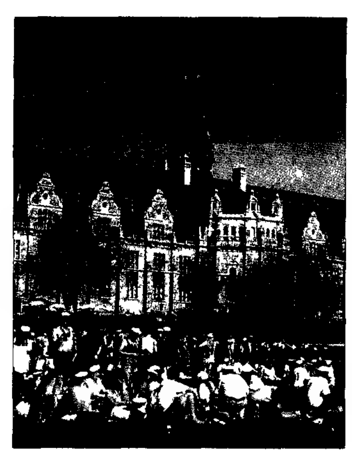
истории (например, можно сравнить древнерусский и современный русский язык). Всё это делается для того, чтобы узнать историю языка и понять, как он изменялся.

Можно сравнивать и языки, которые не родственны друг другу, у которых нет общего предка. Лингвисты сравнивают неродственные (точнее, необязательно родственные) языки уже не для того, чтобы узнать что-то, относящееся к истории; цель здесь — понять законы, по которым устроены человеческие языки вообще, независимо от их происхождения и от того, кто на них говорит. Например, необходимо знать, что в языке бывает всегда, что встречается редко, а что никогда не встретится. Зная это, легко ответить на вопросы, приходившие в голову, наверное, всем людям. Может ли существовать язык, где все слова — из одних гласных? Или язык, в котором совсем нет глаголов? Может ли слово стоять сразу в двух падежах — именительном и родительном? Обязательно ли в каждом слове есть корень?

Вот почему лингвисты стремятся изучить и описать как можно больше разных языков. Ведь в каждом новом языке может обнаружиться нечто такое, чего не было ни в одном из известных раньше! И совсем необязательно, чтобы это был язык, на котором говорят много людей или написаны знаменитые книги. На очень ценных и важных для науки языках могут говорить, например, жители лишь одной глухой деревушки, затерянной где-нибудь в горах...

Правильнее будет сказать, что для лингвистики нет «неценных» языков. Поэтому лингвисты так заботятся о сохранении «малых», исчезающих языков, снаряжают экспедиции в самые труднодоступные уголки земного шара за ещё неописанными языками, стараются спасти и сохранить всё, что ещё возможно, — ведь языки могут не только рождаться, но и умирать.





ТАКИЕ РАЗНЫЕ ЯЗЫКИ

ЯЗЫК И КАРТИНА МИРА

Рассказывая о чём-нибудь, мы с помощью слов описываем мир, точнее, пытаемся передать, что мы думаем об этом мире Но мир у всех нас один и тот же, всем людям на земле светит одно солнце, и думают все люди тоже похожим образом Иначе говорящие на разных языках никогда не смогли бы понять друг друга. Значит, смысл сказанного по-французски, по-китайски и по-болгарски должен быть одинаков? Но представьте себе, что разных людей попросили объяснить, что такое снег Ответы могут быть такими: *Снег — то, что зимой падает с неба; Снег — белое, холодное и рассыпчатое; Снег — то, что мешает видеть и ходить, но если у вас есть лыжи, то на них можно передвигаться по нему очень быстро; Снег — то, из чего можно скатать снежки, слепить снежную бабу или построить крепость; Снег — то, что тает на солнце и превращается в воду; Снег — отряды Снежной Королевы, которые она посылает, когда сердится на людей.* И ещё многое другое.

Конечно, снег один и тот же для всех, но это не мешает разным людям представлять его себе по-разному. Снег и представление о снеге не совсем одно и то же, как не одно и то же — дом и рисунок дома Один и тот же дом можно нарисовать многими способами, с разных сторон и в разных видах. И нельзя сказать, что какие-то из этих рисунков дома будут неправильными.

Разные языки тоже могут различаться, как и разные люди. В каждом из них отражено своё представление о мире — о том, что такое вода, о том, что такое быстро, о том, что такое, например, понимать.. Язык отражает общие представления всех говорящих на нём о том, как устроен мир. А эти представления будут лишь одной из возможных картин мира, и в разных языках они должны различаться — иногда очень сильно, иногда едва заметно, в зависимости от того, насколько совпадают культура, обычаи, традиции разных народов.

Получается, что язык — своего рода зеркало, которое стоит между нами и миром; оно отражает не все свойства мира, а только те, которые почему-то казались особенно важными нашим далёким предкам. Конечно, зеркало не каменная стена. Можно выучить другой язык и посмотреть на мир глазами другого народа. Даже находясь «внутри» своего языка, легко поменять свои представления. Кстати, именно это и делают учёные Ведь они придумывают прежде всего свой особый язык. Когда физик говорит о свойствах жидкостей и газов, его язык отли-

чается от нашего обычного языка гораздо больше, чем русский — от английского: то, что физик называет *молекулой* или *теплоёмкостью*, вряд ли имеет соответствия в нашем обычном языке и обычной картине мира.

Лингвисты считают, что каждый язык отражает свою собственную *картину мира*. Это не мешает людям понимать друг друга, однако создаёт очень интересные языковые отличия. Например, как разные люди воспринимают время? Говорящие на русском языке — как поток чего-то, что может двигаться с разной скоростью (*время течёт* или *бежит*, впрочем, иногда оно даже *летит*, зато иногда — *еле идёт*), но в любом случае откуда-то издали на нас. Будущее находится впереди, а прошлое — сзади

В СЛОВАХ ДРОБИТСЯ МИР ВЕЩЕЙ...

Часть ноги, составляющая ступню, по-английски называется *foot*, а часть от ступни и выше — *leg*. И футбол называется ***foot****ball*, а не ***leg****ball*: играют в мяч частью ноги, которая называется *foot*, а не *leg*. Такие несовпадения между языками в обозначении, казалось бы, самых обычных предметов и их частей — явление довольно распространённое. Причины его разнообразны и коренятся в различиях материальной, культурной и языковой жизни народов.

Иногда эти причины лежат на поверхности, они очевидны. Например, в языках некоторых северных народов существует множество названий для снега: падающий снег называется одним словом, лежащий — другим, а слежавшийся, плотный — третьим; мягкий и пушистый снег обозначается не так, как снежный наст, как тающий снег, как снег, который метет поземка и т. д. Многообразие названий легко объяснить: снег занимает в жизни северных народов большое место, его количество, состояние в разные периоды зимы, его перемещение очень важны. Например, по плотному снегу удобнее передвигаться (на собаках, оленях, пешком), чем по пушистому; в слежавшемся снегу можно делать укрытия, его легко наре́зать блоками (канадские эскимосы используют эти блоки при строительстве снежных жилищ — и́глу).

Естественно, что в языках народов, для которых снег не так важен, столь детальные обозначения не нужны. А у народов (например, африканских), которые вообще не знают, что такое снег, даже общее обозначение снега отсутствует. Если всё-таки требуется о нём сказать (хотя бы в переводах с других языков), либо прибегают к громоздким описательным выражениям вроде *белое, похожее на сахар вещество, которое падает с неба в холодное время года*, либо так и пишут: *sneg*, но без разъясняющего комментария в этом случае не обойтись.

Получается, что носители разных языков по-разному членят окружающий мир на части и фрагменты, которые получают самостоятельные названия. Такое членение часто зависит от того, насколько важны эти фрагменты для данного народа, какую роль они играют в хозяйственной, общественной, да и просто в повседневной жизни. Например, заимствование слова из другого языка может привести к тому, что близкое ему по значению исконное слово несколько видоизменяет смысл; между «чужим», иноязычным и «своим», исконным словами происходит как бы перераспределение сфер их применения.

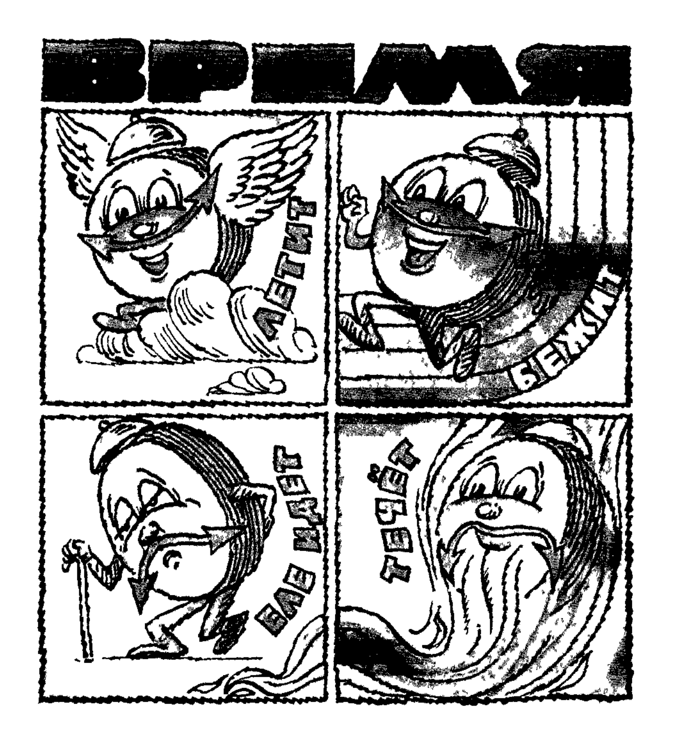
По-русски мы говорим: *берег моря (озера, реки)*, а в английском слово *shore* обозначает 'берег моря или большого озера', а для 'речного берега' существует иное наименование — *bank*. Такое различие сложилось в английском языке, по-видимому, из-за того, что слово *bank* было заимствовано из скандинавских языков (как свидетельствуют словари, в древнеанглийском языке этого слова ещё нет, а в средневековом английском оно уже существовало), и произошел раздел «сфер влияния» между исконным *shore* и заимствованным *bank*.

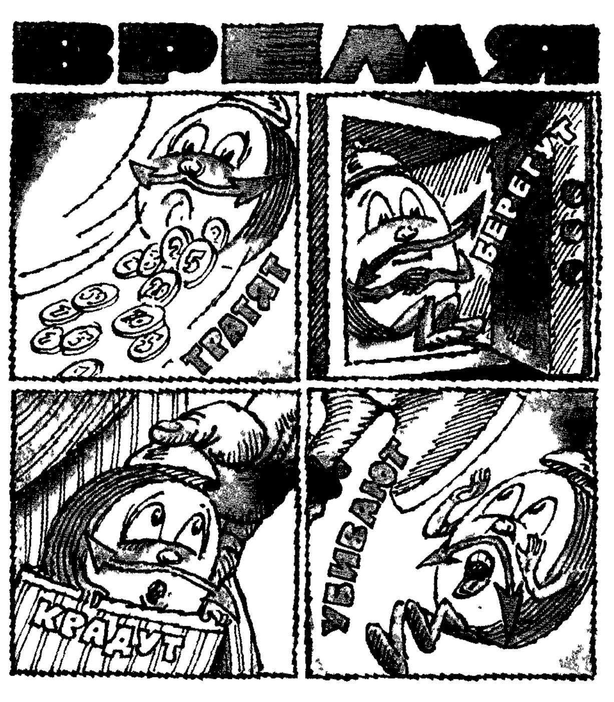
В нашем примере *нога* — *foot* едва ли можно отыскать влияние заимствования. Скорее всего *foot* и *leg* различались по смыслу изначально. В слове *foot* заложена идея низа, основы (что, кстати, отражено в одном из значений этого слова: 'основа', 'основание', 'подножие'; сравните: русские *ступня* или *стопа*). Слово же *leg* связано с идеей протяжённости: так называется не только 'часть ноги от ступни до бедра', но также 'этап', 'часть пути', 'сторона треугольника', 'отрезок ломаной линии', 'ветвь электрической цепи'.

Различаются в английском также слова *hand* 'кисть руки' и *arm* 'часть руки от кисти до плеча'. *Hand* изначально связано с идеей 'брать', 'держать', 'сжимать (рукой)', отсюда и обороты типа *to hold somebody's hand* 'держать кого-либо за руку', *to lead somebody by the hand* 'вести кого-либо за руку'. Русские фразеологические обороты *взять в свои руки, держать кого-либо в руках* (т. е. в повиновении) переводятся с помощью слова *hand*. А в слове *arm* заложена идея протяжённости в одном измерении, которая проявляется, например, в таких значениях этого слова, как 'рукав', 'спица колеса', 'стрела крана'.

Описанные примеры лишь малая толика того, в чём отражаются различия, присущие разным языкам при обозначении мира вещей. Каждый народ по-своему смотрит на окружающую действительность, и его взгляд обязательно находит воплощение в наименованиях, которые не всегда имеют точные соответствия в других языках.

Мы говорим: *У тебя всё впереди. Это было три дня назад. Теперь, когда все испытания позади, можно и отдохнуть.* Время в русском языке ещё и что-то вроде имущества или денег, не-





даром его *тратят,* а также *берегут* и *экономят,* его можно кому-то *уделить,* а можно у кого-то *отнять,* его полезно *рассчитывать.* Иногда время вдруг оказывается живым существом, чуть ли не врагом, которого почему-то надо *убить.* Всё это — образы времени в русском языке.

У европейских народов, чья культура близка к русской, время предстаёт в очень похожем виде (хотя мелкие отличия есть и здесь). Но у народов других стран обнаруживаются отличия просто поразительные. Например, время может не течь из никуда в никуда, а двигаться по кругу, всякий раз возвращаясь к началу, так же как сменяются времена года. Тогда оно будет похоже не на поток, а на круг или хоровод. Если даже оно течёт, то не с начала и до конца, а в обратном направлении — от конца к началу, и будущим в таких языках оказывается то, что находится позади нас. Время может казаться то живым существом, то неодушевлённым предметом, но при этом совсем не обязательно представлять его себе как нечто ценное — значит, в таких языках его нельзя ни *украсть,* ни *потратить,* разве что просто *скоротать* (т. е. укоротить, как верёвку) или *отрезать.*

Разные картины мира не совпадают и в том, как в языке одни слова связываются с другими по смыслу. Если в языке слово *назад* образовано от слова *спина,* а *верх* или *над* — от слова *голова,* то ясно, что этот язык ориентирует пространство вокруг человека по образцу человеческого тела. Впрочем, так поступают абсолютно все языки, только в одних языках следы этой связи более явные, чем в других. Например, в двух совершенно разных точках земного шара — в Сенегале, где говорят на западноафриканском языке воло́ф, и в Иране, где говорят на персидском, — выражение, означающее буквально 'лицо дома' значит также и '(пространство) перед домом' (кстати, в том же языке волоф *лицо* означает ещё и 'будущее').

Другой интересный случай — то, как в разных языках представляют себе *понимание.* Глагол *знать* в языках мира обычно не образуется ни от какого другого слова, «знание» — одно из основных понятий человеческой деятельности. А вот *понимание* 'приобретение знаний с помощью каких-то усилий' описывается разными языками на редкость разнообразно.

В русском языке сам глагол *понимать* почти утратил связь с другими словами, но всё же можно догадаться о его родстве с глаголом **имати** 'брать': сравните с ним такие глаголы, как *принимать, вынимать* или *отнимать.* Та же идея ещё ярче представлена в русском *схватывать.* Вообще русскому языку очень близко

ПЕРЕВЕДИТЕ С ГАВАЙСКОГО

Даны следующие фразы на гавайском языке с переводом на русский язык:

(1) *Nana i Mauna Kea, piha keia mauna i ka nani.*

«Посмотри на Мауна-Кеа, эта гора полна красоты».

(2) *Maika'i ka hale o Hina, pu'iwa 'o Liholiho i ka nui o keia hale.*

«Дом Хины хорош, Лихолихо удивляется величине этого дома».

(3) *Nana' o Hina i ka moa kane, nana kana kane i ka moa wahine.*

«Хина смотрит на петуха, ее муж смотрит на курицу».

(4) *Kakau' o Liholiho i ka leka nui i kana keiki kane.*

«Лихолихо пишет длинное письмо своему сыну».

(5) *'O lelo maika'i keia keiki i ka 'olelo Hawai'i.*

«Этот ребёнок хорошо говорит по-гавайски».

Переведите на русский язык:

(1) *Nui kana wahine nani.*

(2) *Nui kana nani wahine.*

(3) *'O lelo nani 'o Hina*

(4) *Nani ka 'olelo o Hina.*

представление о *понимании* как об удержании или ухватывании чего-то неподдающегося, но в целом это довольно распространённый образ (такие глаголы есть и в немецком, и в латинском языке с его романскими потомками). Другой образ *понимания* связан с идеей сортировки, раскладывания по полочкам: так устроено латинское *intellegere*, от которого образованы слова *интеллект, интеллектуальный* и *интеллигентный*, и русское *разбираться*. А в языках Африки и Америки *понимать* равно по смыслу *слышать*. *Я **услышал** тебя,* — скажет индеец, и это значит 'Я тебя понял'. Во многих язы-

ках Африки отдельного глагола *понимать* просто нет: его с успехом заменяет глагол *слышать*. *Этот человек не **слышит** наш язык* — так скажут в Африке об иностранце. Единственный европейский язык, который использует идею «слухового понимания», это французский, где глагол *entendre* («слышать») нередко означает как раз 'понимать' или 'подразумевать'. Если француз захочет вас спросить о том, что вы *понимаете* под тем или иным научным термином, то его вопрос будет звучать так: *Qu'est-ce que vous **entendez** sous ce terme?* (буквально «Что вы под этим слышите?»).

На то, как сильно разные языки расходятся друг с другом (а иногда — неожиданно сходятся) в изображении мира и представлений людей об этом мире, когда-то обратил внимание знаменитый немецкий учёный, философ и языковед, исследователь языков Америки и Азии, живший на рубеже XVIII и XIX вв., Вильгельм фон Гумбольдт (о нём см. статью «Человек, народ и язык. Вильгельм фон Гумбольдт»). И в XX столетии лингвисты не раз задумывались об этом свойстве языков; многие говорили даже об особой «наивной философии», которая скрыта в каждом человеческом языке.

В МИРЕ ЗВУКОВ

Тот, кто изучал иностранные языки, знает, что в них встречаются «странные» звуки. Например, тот английский звук, который записывается как ***th*** и произносится, когда язык зажат между зубами: ***the*** (определённый артикль), ***they*** 'они'. Или звук, который записывают как ***w*** и для произнесения которого надо сильно вытянуть сложенные трубочкой губы вперёд, как для русского ***у***, и при этом попробовать произнести русское ***в***: ***why*** 'почему', ***window*** 'окно'. Или, например, звук, который записывается ***ng*** и звенит, как колокольчик, в конце слов ***song*** 'песня' или ***ring*** 'кольцо'. Русские ***н*** и ***нь*** так звенеть не могут, поэтому русское ***динь-дон*** получается, пожалуй, менее музыкальным, чем его английский перевод ***ding-dong.***

Но это ещё не всё. Гласные в английском бывают долгие и краткие. В словах *sea* 'море', *tree* 'дерево' или *wood* 'лес' гласный долгий, так что если бы мы попробовали записать их произношение русскими буквами, то получилось бы что-то вроде [сии], [трии] и [вууд]. А в словах *big* 'большой' или *run* 'бежать' гласный произносится коротко: [биг], [ран]. Казалось бы, немного потянуть звук легче, чем освоить совсем новый звук. Но долгие и краткие гласные осваиваются ещё труднее, чем незнакомые согласные. Почему? Ведь по-русски можно сказать: *Мама, смотри, какой у нашей розы огромный ши-ип!* или: *Мама-а, смотри, какой у нашей розы огро-омный шип!* Звучат эти фразы немного по-разному, но смысл один. А вот английская мама ничего не поймёт, если её ребёнок в родном слове, звучащем приблизительно как *шип,* попробовал бы растянуть гласную. Потому что получится совсем другое слово: с коротким звуком оно значит 'корабль' *(ship),* а с длинным — 'овца' *(sheep).* Для английского уха долгие и краткие гласные такие же разные, как любые другие гласные, а для нас разница между долгими и краткими несущественна.

В русском языке тоже есть звуки, которых не встретишь в английских словах, — например, [щ] или мягкие согласные, как [м'] в слове ***мять.*** Даже те звуки, которые в этих двух языках кажутся похожими, всё равно произносятся по-разному. Русский [х] в слове ***хобот*** как будто хрипит, а английский [h] в слове hat 'шляпа' как будто вздыхает (этот звук иногда так и называют *придыханием*). Русский [р] как будто «рычит», а английский — картавит (словно у говорящего горячая картошка во рту).

Мы произносим звуки с помощью гортани, языка, губ. У всех людей эти органы устроены одинаково. Человек не может произнести абсолютно любой звук (например, запеть, как скрипка, или защёлкать, как соловей): природа накладывает на нас ограничения. Однако и тех звуков, которые любой человек в принципе способен произнести, для одного языка слишком много. Каждый язык выбирает из этого множества свой набор звуков и создаёт из них особый, неповторимый набор — *звуковую систему* данного языка. Именно поэтому звуки разных языков могут быть похожи, а звуковые системы — отличаться друг от друга.

ГЛАСНЫЕ И СОГЛАСНЫЕ

В звуковых системах разных языков есть общие черты — ведь на всех них говорят люди — и есть множество различий.

Прежде всего во всех языках звуки делятся на гласные и согласные. При произнесении гласных звуков воздух выходит изо рта свободно, а при произнесении согласных встречает преграду. Произнесение человеком гласного звука можно сравнить с игрой на дудочке: во время игры мы вдуваем в неё воздух, а затем закрываем пальцами разные дырочки. От этого меняется звучание. В сущности то же самое происходит, когда мы говорим: из лёгких воздух через горло попадает в полость рта (как внутрь дудочки), а потом человек меняет её форму — то вытягивает губы вперёд, то растягивает их в улыбку, то открывает рот широко, то

«ПЕРИОДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА» ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

В русском языке, как и во многих других, перед началом речи язык принимает некоторое исходное положение. Гласный, получающийся в таком состоянии, нам хорошо знаком — мы произносим его, когда «экаем», т. е. тянем неопределённый гласный, не начиная говорить. В международной транскрипции его обозначают [ə]. Такой нейтральный гласный в русском языке произносится и при сильном ослаблении *(редукции)* гласного в безударной позиции в слове *п[ə]роход* — мы как бы возвращаемся к исходному состоянию, из которого происходят все движения, создающие «полные» гласные.

Из исходного положения язык может, во-первых, смещаться в заднем направлении: на более высокую точку или на том же уровне. Обычно такое смещение сопровождается вытягиванием губ (*лабиализацией;* от *лат.* labialis — «губной»). Это дает гласные звуки *заднего ряда:* [u] и [o]. Во-вторых, он может смещаться в переднем направлении, давая гласные *переднего ряда:* [i] и [e]. Опускание языка даёт гласный [a]. Этот гласный, как и нейтральный [ə], относится к *центральному ряду.* Получившийся набор гласных условно изображают в виде треугольника:

[i], [e] ——— [u], [o]
[a], [ə]

Во многих языках треугольник гласных значительно сложнее. Во-первых, существуют языки, в которых вместо одного центрального гласного [a] есть более глубокий [a] заднего ряда и более передний [æ]. Это, например, английский язык: *bard* [a:] 'бард' — *bad* [æ] 'плохой'. В таком случае треугольник превращается в трапецию — эту фигуру фонетисты используют, когда описывают полное множество гласных, встречающихся в языках мира.

Во-вторых, вместо трёх вертикальных уровней («подъемов») могут использоваться четыре: кроме верхнего и нижнего есть ещё средне-верхний и средне-нижний, а центрального уровня нет. Такое различие мы находим, например, во французском языке: *pre* [pre] 'луг' — *pres* [prε] 'около', sol [sol] 'почва' — assaut [aso] 'атака'.

Огубление (лабиализация) может сопровождать и гласные переднего ряда: во французском языке *air* [e:] 'воздух' — *heure* [oe:] 'час' — *or* [o:] 'золото', *vie* [i] 'жизнь' — *vu* [y:] 'виденный' — *vous* [u] 'вы'; в немецком *Kien* [i:] 'сосна' — *kuhn* [y:] 'смелый' — *Kuh* [u:] 'корова', *kennen* [e] 'знать' — *konnen* [oe] 'мочь' — *konnte* [o] 'мог'. С другой стороны, в тюркских и кавказских языках встречаются задние гласные, которые не имеют лабиализации. Чаше всего это гласный верхнего подьёма [ш], который звучит как очень глубокое ***ы***.

В европейских языках произнесение гласных естественно рассматривать как результат смешения из единого центра. Однако в тюркских и некоторых кавказских языках гласные переднего и заднего рядов сильно удалены друг от друга, а гласных центрального ряда нет совсем. Такие системы великий русский фонолог Николай Сергеевич Трубецкой называл *четырёхугольными.* Примером может служить система хиналугского языка (дагестанской группы):

i y	ш u
e œ	-o
æ	a

Система гласных как бы распадается на две подсистемы без единого центра. Замечательно, что внутри слова возможны гласные либо только переднего ряда, либо только заднего. Для этого суффиксы имеют разные варианты звучания, которые выбираются по гласному корня, например: ***сшl*** 'кулак' — ***culdur, nin*** 'кошка' — ***nindir, kul*** 'куча' — ***kuldur, gyl*** 'цветок' — ***gyldyr.*** Уподобление гласных внутри слова по некоторому признаку называется *гармонией гласных.*

Так можно составить полную систему основных гласных, встречающихся в языках мира. На ее основе Международная фонетическая ассоциация — всемирная организация фонетистов разных стран — разработала единую систему транскрипции. Она позволяет не только сравнивать языки, но и записывать звуки бесписьменных языков.

не очень. В зависимости от этого получаются [у], [и], [а], [э] и все остальные гласные.

Когда мы произносим по-русски слова типа *лак,* губы у нас раскрыты больше всего, а когда произносим слова типа *люк* — меньше всего. Однако это не предел: например, имя *Luc* французы произносят с губами, вытянутыми гораздо сильнее, чем в похожем русском слове *люк;* таких, как говорят лингвисты, *узких* гласных в русском языке нет. Нет в русском языке и некоторых *широких* гласных — например, таких, как английский звук в словах *cap* 'кепка' или *rat* 'крыса': чтобы правильно произнести эти английские слова, рот нужно открыть гораздо шире, чем в русском слове 'это'. Кроме того, как мы уже знаем, в языке могут различаться *долгие* и *краткие* гласные, а еще могут быть *носовые* гласные — они произносятся как бы в

ПЕРЕВЕДИТЕ С ГАВАЙСКОГО

На первом месте в предложении стоит не имеющее специальных показателей сказуемое; на русский язык оно может переводиться формой глагола или кратким прилагательным, причём разницы в оформлении таких сказуемых в гавайском не заметно. За сказуемым следует подлежащее, за ним — дополнение. Определение следует за определяемым словом. Непосредственно перед существительным может быть показатель *ka* (при нарицательных) или *'o* (при личных именах), а также указательное местоимение keia 'этот' или притяжательное *kāna* 'его', 'её'; обладатель в притяжательной конструкции вводится предлогом *o*, дополнение — предлогом *i*. Некоторые понятия, которые имеют сходное значение и по-русски выражаются различными частями речи, по-гавайски обозначаются одним словом (сравните: nani 'красивый', 'быть красивым', 'красота'); в этих случаях грамматическая семантика в гавайском языке выражается через порядок слов и служебные слова.

(1) «Его красивая жена велика» (у гавайцев полнота служила мерилом красоты).
(2) «Её женская красота велика».
(3) «Хина говорит красиво».
(4) «Язык Хины красив».

нос; в большом количестве эти гласные есть во французском, польском, португальском, хи́нди и других языках. Главное, что объединяет все эти очень разные гласные из разных языков, — то, что проход для голоса при их произнесении остаётся у человека всё время открытым, — так же как открыто выходное отверстие дудочки. Произнесение согласных нужно сравнить уже не с игрой на дудочке, а, например, с игрой на барабане, когда звук похож на шум от резкого соприкосновения двух поверхностей – удара палочки о барабан. Характер звука меняется в зависимости от места удара, положения палочки, её формы, формы барабана и т. п. Все согласные тоже в основном «шумные» звуки: они образуются благодаря тому, что во рту мы устраиваем преграду для воздуха, соединяя губы или дотрагиваясь до нёба разными частями языка: попробуйте сказать [б], [т], [к] и посмотрите, что при этом происходит у вас во рту. Можно устроить во рту и другую преграду — сделать очень-очень узкую щель для воздуха, и тогда воздух будет выходить из неё, но не в виде голоса, а в виде свиста или шипения (скажите [с], [з], [ш]).

Некоторые преграды, которые мы устраиваем во рту, произнося согласные, позволяют звучать и голосу: получаются такие «промежуточные» согласные. Это бывает, например, когда воздух проходит через нос, как при произнесении [н] или [м], или огибает язык с разных сторон, как при произнесении [л] или [р]. Лингвисты называют такие согласные *соно́рными* (от *лат.* sonorus — «звучные»). А ещё есть согласные *свистящие, шипящие, губные, зубные, носовые* — все эти названия связаны с местом и способом образования преграды во рту. (Английское ***th***, конечно, называют *межзубным!*)

В языках мира бывают самые причудливые согласные звуки. В арабском, аварском, датском и многих других языках есть звук, который называют *гортанной смычкой:* когда он стоит в середине слова, кажется, что говорящий как бы останавливается или заикается в этом месте. Мы произносим очень похожий звук, когда вместо *нет* отвечаем *не-а*. Очень необычный (с точки зрения говорящего по-русски) звук можно найти во многих языках Южной Африки (зу́лу, бушменских и др.). Мы его произносим, когда хотим изобразить цоканье лошадиных подков, а африканцы используют его в обычных словах своего языка. Такие звуки называют *щёлкающими* — удивительно звучит речь там, где они встречаются часто.

Перечислить все способы образования согласных звуков сложно: языки в этом отношении необыкновенно изобретательны. Язык, губы, зубы, рот, данные животным прежде всего, чтобы есть и дышать, у человека необыкновенно натренированы, чтобы он мог выражать свои мысли вслух. Они превратились в настоящий, как говорят лингвисты, *речевой аппарат.*

«ПЕРИОДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА» СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Для образования согласных используют чаще всего три подвижных органа: нижнюю губу, переднюю часть («лопаточку») языка и его заднюю часть. Они участвуют в создании трех главных *рядов* согласных, представители которых есть во всех языках мира: *губных, переднеязычных* и *заднеязычных*. Однако каждый из рядов расщепляется на подряды в соответствии с тем, к какому пассивному органу примыкает данный активный орган. Губные подразделяются на *губно-губные* и *губно-зубные*. Есть языки, в которых противопоставлены, например, губно-губной [φ] и губно-зубной [f]. В английском существуют губно-губной сонорный [w] и губно-зубной шумный [v].

Особенно активно действует передняя часть языка. Во-первых, кончик языка может образовать преграду либо с зубами, либо с деснами (альвеолами; от *лат.* alveolus — «желобок», «выемка»). В английском в первом случае мы имеем *межзубные* [θ] и [ð], а во втором — *свистящие* [s] и [z]. Зубные и альвеолярные смычные [t]/[t], [d]/[d] используются для смыслоразличения редко, лишь в некоторых африканских языках.

Передняя часть языка может образовывать сужение с небом, что дает *шипящие* звуки. Наконец, кончик языка может загибаться назад; так образуются *ретрофлексные* (от *лат.* retro-flecto; flexi, flexum — «загибать назад», «проворачивать в обратную сторону») переднеязычные, которые в изобилии встречаются в языках Индии.

Задняя часть спинки языка тоже участвует в образовании звуков. Она может образовать смычку или сужение с мягким небом (велюмом, *лат.* velum), как для русских *заднеязычных* [k], [r], [x]. Преграда может возникнуть и глубже — на границе небной занавески. В этом случае при смычке маленький язычок (увула; *лат.* uvula) прижимают к задней стенке глотки. Поэтому такие звуки называют *увулярными*. Они широко распространены во многих языках мира: в семитских, кавказских языках, в языках индейцев Северной Америки.

При сближении языка с твёрдым небом (палатум; *лат.* palatum) образуются *палатальные* звуки, такие, как, например, немецкий умлаут (ich-Laut; нечто среднее между [ш] и мягким [х] русского языка). А самый употребительный звук этого ряда — хорошо знакомый нам [j].

В образовании *ларингальных* звуков участвует гортань (ларинкс; *греч.* «larynx»). При этом образуются *гортанная смычка* или *придыхание*. Гортанная смычка используется в немецком языке в начале слов на гласный: *Abend, Order*. Придыхание встречается в начале как немецких *(haben, hier)*, так и английских слов *(have, here)*. Но в немецком оно выступает в звонком варианте, а в английском — в глухом. В русском языке эти звуки используют лишь в междометиях: *Ах!* и *Ага!* Различие в буквах отражает здесь глухость/звонкость звука. Примечательно, что такое же различие мы находим в заимствованных словах: звонкое придыхание немецкого языка отражается в словах типа *гауптвахта, губица*, а глухое придыхание английского — в словах типа *хиппи, ноу-хау*.

Значительно реже используются в языках *фарингальные* (от *греч.* «farynx» — «зев») согласные. Эти звуки образуются благодаря смещению назад-вниз надгортанника. Сужение между ним и задней стенкой глотки создаёт хриплый *фрикативный* (от *лат.* fricare — «шуметь») шум. Такие звуки в большом количестве представлены в семитских языках (арабском, иврите и др.) и в языках Кавказа. Если опустить надгортанник еще ниже, то он достигнет входа в гортань и прикроет ее, как крышечка. Этот жест обычен в случае глотания воды и пищи, однако в качестве речевого звука является особой редкостью — он обнаружен лишь в одном из языков Дагестана.

Некоторые языки Кавказа имеют еще один редкий класс звуков — *шумные латералы* (от *лат.* lateralis — «боковые»). Эти звуки используют края языка. Узкая щель между ними и щеками создает фрикативный шум, а полная смычка с последующим размыканием — латеральные смычные. Некоторое представление о глухом фрикативном латерале можно получить, произнеся оглушенно конечный согласный в слове *вопль*.

ВСЁ ДЕЛО В ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИИ

Русские согласные различаются по звонкости/глухости и мягкости/твёрдости. Это значит, что два слова, которые совпадают с точностью до одной согласной, для русского уха звучат как разные. Сравните: *вяз* и *вязь, сыр* и *сир, том* и *дом, борт* и *порт*. Англичане, как мы видели, могут придумывать такие пары разных слов с долгими и краткими гласными. Эти звуки, как говорят лингвисты, противопоставлены, т. е. различаются в английском так же, как в русском языке согласные различаются по твёрдости/мягкости или глухости/звонкости.

Система противопоставлений в каждом языке своя. Англичане, например, глухость и звонкость различают (по-английски можно придумывать пары типа ***big*** 'большой' — ***pig*** 'свинья'), а мягкость и твёрдость — нет. Есть очень небольшое число языков (на них говорят в Северной и Центральной Америке, в Новой Гвинее и некоторых других местах), где не различаются даже глухие и звонкие согласные. Говорящим на таких языках (например, североамериканским индейцам племени делава́ров или тами́лам Южной Индии) трудно уловить разницу в произнесении

БОЛЬШЕ ЗВУКОВ — МЕНЬШЕ КОРНЕЙ?

Если собрать все звуки, которые используются в языках мира для противопоставления слов по смыслу, то их наберётся не менее 400. В отдельном языке смыслоразличительных звуковых единиц (фонем), конечно, значительно меньше — их число колеблется от 12—15 (языки Полинезии) до 80 (языки Кавказа). В распространённых ныне европейских языках около 30 фонем (в русском их 36), т. е. потенциальные возможности используются менее чем на одну десятую.

Казалось бы, если звуков в языке много, то морфемы (смысловые единицы, из которых строятся слова) могут быть короче. Пусть в каком-то языке имеется 50 согласных и 5 гласных. Тогда из них можно построить 12 500 корней вида СГС (согласный — гласный — согласный). Для языка, в котором всего 10 согласных и 5 гласных, такое же число разных корней получится только при структуре корня ГСГСГ. Однако связь между количеством фонем и длиной морфем не такая прямая. Во-первых, в каждом языке есть свои ограничения на сочетания фонем. Кроме того, значения можно сложить из отдельных смысловых «атомов», каждый из которых выражен отдельной морфемой, а можно использовать одну сложную по смыслу морфему. Например, смысл, который выражают в русском языке простым словом *внук*, в большинстве других языков передан сложным словом.

ЭТОТ ЗАГАДОЧНЫЙ ЗУЛУ

1. Даны некоторые зулусские слова, заимствованные из английского языка, и соответствующие им английские слова:

ipilizi — *a pill* 'таблетка'
amapilizi — *pills* 'таблетки'
isokisi — *a sock* 'носок'
amasokisi — *socks* 'носки'
ibalekisi — *a barrack* 'казарма'
amabalekisi — *barracks* 'казармы'

а. Как образуется в языке зулу множественное число существительного?

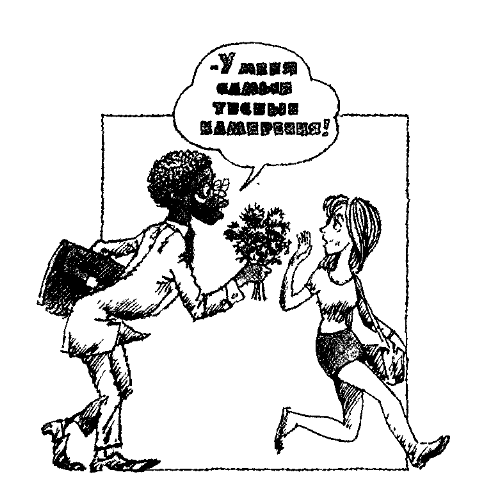
б. Определите, как было заимствовано русское слово *зулус*: непосредственно из языка зулу или через посредство английского языка, если известно, что *зулус* по-английски — *a Zulu*, а зулусы на языке зулу — *amaZulu*.

2. Даны в упрощённой записи (без грамматического показателя) зулусские слова, заимствованные из европейских языков (главным образом из английского):

pikiniki, pulezidenti, palagilafu, siginali, Tilansivali, kilasi, gilamu, pulani, asipilini, apendikisi, palafini, atilasi, balikoni.

а. Определите, что эти слова могут означать.

б. Установите, как будут выглядеть в зулусской передаче английские слова *film* 'фильм', *clinic* 'больница', *tram* 'трамвай', *box* 'коробка'.



русских ***том*** и ***дом***, так же как говорящим на английском и многих других языках — разницу между русскими *вяз* и ***вязь***. Один африканец жаловался, что никак не может понять, почему в начале совершенно одинаковых русских слов ***тесный*** и ***честный*** пишутся разные буквы. В его родном языке тоже не было мягкости, и звук [т'] он слышал как [ч'] (такой звук в его языке был).

Говорящие на многих языках Индии (хи́нди, мара́тхи, бенга́ли и др.) различают просто глухой согласный и глухой согласный, произнесённый с придыханием: например, ***p*** и ***ph***. Есть языки (в частности, финский, эстонский), где различаются слабо и сильно (напряжённо) произнесённые согласные, а в некоторых языках (их много в Тропической Африке и Новой Гвинее) обычному способу произнесения противопоставлено произнесение с лёгким носовым призвуком — получаются пары разных звуков, что-то вроде [б] и [нб]. Во многих кавказских, африканских, индейских языках обычному способу произнесения согласных противопоставлен способ произнесения с остановкой (вроде гортанной смычки), как если бы мы говорили что-то вроде *п-ар, к-урица*, при этом согласный надо сделать чуть более резким и напряжённым, так что в конце слышится даже лёгкий щелчок. Такие согласные обычно называются *абруптивными* (от *лат.* abruptio — «разрыв»).

Каждого человека его родной язык очень жёстко приучил одни различия слышать хорошо, а другие совсем не замечать.

УДАРЕНИЕ И СЛОГ

В любом языке слова делятся на слоги; каждый слог обычно состоит из гласной и одной или нескольких согласных. Слоги в слове могут про-

износиться одинаково, но бывает и так, что в слове всегда выделяют какой-то один слог (обязательно один!) и противопоставляют его всем остальным слогам. Способ выделить один из слогов – *ударение*. Обычно гласный такого слога произносится громче или дольше, чем в других слогах. Бывают языки вообще без ударения — в них никакой слог не выделяется по сравнению с остальными. Но в большинстве языков ударение всё же есть.

Итак, ударение — это специальный способ произнесения гласного в одном из слогов слова. Поэтому говорят, что ударение падает на гласный звук. В русском или английском ударение может падать на разные гласные в слове: и на начальные — *гла́сный, róbin* 'малиновка', и на конечные — *лицо́, begín* 'начинать', и в середине слова – *ударе́ние, contáiner* 'ящик'. А есть языки, где ударение в слове всегда находится на одном и том же месте: например, во французских словах оно всегда на последней гласной; в чешских, финских или венгерских — на первой; в лезгинских – обычно на второй гласной от начала; в польских – обычно на второй гласной от конца.

От места ударения очень сильно зависит облик слова. Поэтому мы с трудом узнаём на слух русские заимствования в произнесённых по-французски словах *шапка* и *спутник* – ударение у них будет обязательно на конце. А русское слово *калинка*, тоже известное во многих языках, будет звучать непривычно для нас не только во французском варианте, но и в чешском или венгерском — с ударением на первом слоге.

В таких языках, как русский, ударение может падать не только на разные слоги в разных словах — даже у форм одного и того же слова оно может быть то в начале, то в конце, то в середине, например: *голова́, го́лову, головы́, голове́, го́ловы, голо́в, голова́м.* В таком неустойчивом ударении (его ещё называют *подвижным*) есть свои плюсы: разные формы одного и того же слова становятся меньше похожи друг на друга, их легче отличить друг от друга. Особенно это важно для тех форм, которые имеют одинаковые окончания: *травы́* и *тра́вы, о́зера* и *озёра, (по) кру́гу* и *(в) кругу́.* Но тем, кому русский язык не родной, такое ударение, конечно, доставляет немало неприятностей: для каждого слова надо не только запомнить, на какой слог падает ударение, но и заучить, как оно «прыгает» внутри этого слова в разных его формах! Такое «трудное» ударение, как в русском, в языках встречается, пожалуй, редко (ещё можно назвать литовский или древнегреческий). Неудивительно поэтому, что ошибки в русском ударении — одни из самых распространённых, их делают даже те иностранцы, которые долго учили русский язык.

Ещё одна особенность русского ударения заключается в том, что в русском языке под ударением различают больше гласных, чем без ударения. Например, в русских словах никогда не бывают безударными [о] и [е]. Если ударение в слове переходит на окончание, как это происходит со словом *кот (ко́т — коты́),* то [о] в транскрипции заменяется на [а]: мы произносим *к*[а]*ты,* а не *к*[о]*ты.* Такое же явление — исчезновение некоторых гласных в безударной позиции — есть и в белорусском, и в английском, и португальском языках. В испанском, напротив, любая гласная может быть и ударной, и безударной, поэтому испанец, изучающий русский язык по книгам, долгое время будет произносить *х*[о]*рошие к*[о]*ты.* Зато русскому школьнику приходится специально учить написание безударных гласных в словах своего же родного языка: например, безударную гласную, которую мы произносим как [и], можно записать по крайней мере тремя способами – как ***и*** *(вино),* ***е*** *(венок)* или ***я*** *(вязать).* Наоборот, при изучении многих иностранных языков нам приходится старательно «забывать» о том, что гласные типа [о] без ударения произноситься не могут: ведь, скажем, по-французски *valet* (по-русски произносится [ва́л'э]) и *volet* (произносится [во́л'э]) воспринимаются как совершенно разные слова — первое означает 'слуга' (отсюда и русское слово *валет*), а второе – 'ставень', 'створка окна'.

В русском языке ударные гласные произносятся дольше и громче, чем безударные. Но в некоторых языках ударение имеет совсем особую

природу: оно тоже падает на гласный, но нужно не усиливать или удлинять этот звук, а повышать или понижать голос, как если бы каждое слово надо было бы петь на особую мелодию. Такое ударение называют *музыкальным*, или *то́новым*. В русском языке мы тоже иногда используем этот способ, но не для того, чтобы отличать одни слоги в слове от других, а для того, чтобы отличать одни предложения от других. Например, в вопросах у нас голос обязательно повышается — именно по этому признаку мы отличаем предложения-вопросы типа *Он ушёл?* от предложений-сообщений типа *Он ушёл.*

В языках с тоновым ударением тот или иной тон (высокий, низкий или «скользящий» — снизу вверх или наоборот) всегда связан с ударным слогом. Ни при каких обстоятельствах тон ударной гласной изменить нельзя, иначе получится неправильное произношение или совсем другое слово, так же как если заменить долгую гласную на краткую в английском или твёрдый согласный на мягкий в русском языке. К языкам с музыкальным ударением принадлежал древнегреческий, а из живых языков к ним относятся литовский, сербскохорватский, шведский и другие языки.

КОГДА ПЕТЬ И ГОВОРИТЬ — ОДНО

Во многих языках Юго-Восточной Азии (китайский, вьетнамский) и Африки речь состоит из слогов типа «согласный + гласный», причём каждый слог — отдельная морфема. Слоги в этих языках отличаются не только звуками, но и тонами. Например:

da (высокий ровный тон) — «сооружать»;
da (восходящий тон) — «отвечать»;
da (нисходяще-восходящий тон) — «бить»;
da (нисходящий тон) — «большой».

Чтобы представить себе тональные различия между китайскими словами, приведём примеры русской частицы *да* с разными интонациями:

*Он приехал? — **Да,** приехал* (нисходящая интонация);

*Он приехал. — **Да,** приехал?* (восходящая интонация);

***Да-а,** вспомнил!* (восходяще-нисходящая интонация);

*«**Да,** были люди в наше время»* (ровная интонация).

Однако в русском языке, меняя интонацию фразы, мы получаем ответ, вопрос, восклицание или размышление, а в китайском смысл морфемы меняется от перемены тона без изменения интонации фразы.

ЭТОТ ЗАГАДОЧНЫЙ ЗУЛУ

1а. ***ama-*** — показатель множественного, ***i-*** — единственного числа.

1б. Слово *зулус* заимствовано из английского языка. На это указывает конечное ***-с***.

2а. Зулусские слова близки по значению к исторически связанным с ними русским словам: *пикник, президент, параграф* (значение английского и зулусского слов — 'абзац'), *сигнал, Трансвааль, класс, грамм, план, аспирин, аппендикс, парафин, атлас, балкон* (***-i*** на конце последнего слова — английского, а не зулусского происхождения).

В зулу возможны только самые простые слоги «согласный + гласный». Поэтому при заимствовании слова в язык зулу сочетания согласных, первый из которых носовой, не подвергаются изменениям, а все другие разделяются вставными гласными: [u] — после губного согласного и [i] — в остальных случаях. По такому же принципу возникает дополнительный гласный в конце иноязычного слова с исходом на согласный. Русскому ***р*** соответствует зулусское ***l***.

2б. Перевод: *filimu, kiliniki, tilamu, bokisi.*

Есть и такие языки, в которых с тем или иным тоном произносят не только один ударный слог слова, а... каждый слог! Речь на этих языках напоминает пение. Так устроено большинство языков Юго-Восточной Азии (китайский, бирманский, тайский, вьетнамский), очень многие языки Тропической Африки (самые крупные из них — ха́уса и йору́ба в Нигерии) и др. Сами эти языки называют *то́новыми*, потому что в них тонируются все гласные в слове, следовательно, каждый слог в них по-своему выделен, отличен от соседних. Про такие языки можно сказать, что в них ударение на каждом слоге или... что в них нет ударения. Ведь если в языке нет ударе-

ния, следовательно, в его словах не выделяют какой-то один слог, по произношению отличающийся от остальных. А это в свою очередь значит одно из двух: либо в таком языке каждый слог выделяется как-то по-своему (случай тоновых языков), либо в нём ни один из слогов слова никак не выделяется. Так устроены, например, чукотский или грузинский языки.

ЛАБИРИНТЫ ГРАММАТИКИ

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ — ЗНАЧИТ ГРАММАТИЧЕСКОЕ

По-русски можно сказать о себе так: *Я написал письмо* (если говорит мальчик) или *Я написала письмо* (если девочка). Английские мальчик и девочка скажут одинаково: *I wrote a letter*, и это не будет выглядеть смешно, как если бы мы по-русски услышали: *Петя написáла* или *Маша написáл*. В русском языке формы некоторых слов (*написáл/написáла* — из их числа) обязательно указывают, какого рода существительное стоит рядом с ними: мужского, женского или среднего. Например, мы должны сказать *камень **упал** — скамейка **упала** — дерево **упало*** и никак иначе. А если неизвестно, кто (мужчина или женщина) писал письмо? Все равно нам никуда не деться от выбора рода. В таких случаях мы говорим: *Какой-то человек **написал** письмо; Какой-то школьник (ребёнок) **написал** письмо* (м. р.); или *Какая-то растяпа (шляпа) **написала** письмо с кучей ошибок* (ж. р.); или даже *Какое-то удивительное существо **написало** письмо странными значками* (ср. р.).

Можно сказать и совсем неопределённо: *Кто-то же написал это письмо* или *Кто-нибудь, уж конечно, написал* — и всё равно указать род (неопределённые местоимения в русском языке всегда мужского рода). Англичанину это вряд ли покажется удобным (зачем, например, указывать род для слова *кто-то*, которое явно «никакого» рода), но так устроена русская грамматика — ничего не поделаешь.

В отношении рода и пола английский язык оказался более «скрытным», чем русский. Зато в отношении времени русский будет не таким точным, как английский. Например, по-русски мы говорим *написáл* независимо от того, когда именно в прошлом произошло это событие. Нам важно только, что оно уже случилось, так как в русском языке надо обязательно указать, к прошлому, настоящему или будущему относится действие. В зависимости от этого выбирается форма времени: *написал, пишу, напишу*. В английском эти значения тоже обязательны. Но если действие относится к прошедшему времени, английский язык требует непременно указать, когда именно это случилось: давно, только что или до какого-то другого события в прошлом. Так, в русском языке в предложениях *Он только что **написал** письмо своему лондонскому другу; В прошлом году я **написал** ему письмо с поздравлениями ко дню рождения; Перед тем как лечь спать, он **написал** письмо своему дедушке в Манчестер* употребляют одну и ту же глагольную форму *написал*. Англичанин в этих случаях скажет по-разному: если *только что написал* (и даже не успел отправить), то скорее всего *has written*, если *написал в прошлом году* — *wrote*, если *написал перед тем, как уехал в Лондон*, — *had written*. И всякое английское предложение с глаголом в прошедшем времени требует обязательного уточнения, которое состоит в выборе правильной формы глагола.

Как видим, грамматические правила предписывают, что говорить и о чём молчать. Язык следит буквально за каждым нашим словом, и стоит нам умолчать о чём-нибудь с его точки зрения обязательном, как нам говорят: «Так нельзя сказать, это не по-русски (не по-английски, не по-фински и т. п.)». При этом, как мы

Язык предписывает нам, что говорить, а о чем умолчать.

убедились, в разных языках обязательным оказывается разное, и в этом состоит главная трудность изучения чужой грамматики.

У каждого языка есть *грамматика* (*греч.* «grammatikе́», от «grа́mma» — «буква», «написание»), т. е. такие особые правила, которые заставляют говорящих сообщать, что в этом языке считается обязательным — грамматическим. Если мы решим рассказать о каком-то событии помимо того, что мы сами хотим о нём рассказать, мы обязаны (просто чтобы это было правильное предложение на данном языке) сообщить о времени события, числе его участников, о том, были это люди или предметы, мужчины или женщины, наблюдал ли событие сам говорящий или ему об этом кто-то рассказал, и т. д. Что именно из этого списка мы обязаны сообщить, зависит от конкретного языка, на котором мы говорим.

Языки различаются не тем, что на одном языке о чём-то можно сказать, а на другом — нельзя; давно известно — на любом языке в принципе можно выразить любую мысль. Они различаются тем, какие сведения на них нельзя не сообщать, и тем, что на этих языках сообщать обязательно. В XX столетии эту мысль отчётливее всего сформулировал знаменитый русский лингвист Роман Осипович Якобсон. Такие обязательные сведения называют *грамматическими значениями.* И если в языке обязательно указать, например, число предметов, говорят, что в нём есть *грамматическая категория* числа.

ОДИН, ДВА, НЕСКОЛЬКО, МНОГО

Число является обязательным и в русском, и в английском, и во многих других языках. В первую очередь оно обозначает количество, т. е. сколько предметов — один или много. Много для русского или английского — это два или больше. В некоторых языках есть специальное двойственное число, совсем редко — тройственное, а в некоторых языках (например, в языках Дагестана или Полинезии) особой формой может обозначаться несколько предметов — «несколькное» число (множественное «небольшого количества»).

Из редких значений числа самое известное и изученное — двойственное. Оно было во многих древних индоевропейских языках (в санскрите, древнегреческом, старославянском), но со временем исчезло почти во всех их потомках, оставшись только в двух славянских языках: словенском и лу́жицком (язык западных сербов — лужича́н). Из других языков двойственное число сохранилось, например, в корякском, не́нецком; есть оно и в таком крупном мировом языке, как арабский.

Почему таким распространённым оказалось именно двойственное, а не тройственное или почему-то нигде не засвидетельствованное «пятерно́е», «шестерно́е», «семерно́е»? В жизни человека очень многие предметы встречаются парами, например части тела: руки, ноги, глаза, уши, губы, ладони, пятки. А значит, многие пред-

меты и части одежды также становятся парными: рукава и рукавицы, обувь, коньки и лыжи, некоторые украшения (например, серьги), две ручки у плуга, две створки дверей, ставен, ворот, два весла и т. п. Те же два уха, два глаза, два крыла, две передние и две задние лапы у животных. Да и у неодушевлённых предметов обычно две стороны — правая и левая, верх и низ, перёд и зад. И в древних представлениях о мире устанавливалась магическая парная симметрия: день и ночь, белое и чёрное, добро и зло, мужское и женское, солнце и луна, небо и земля, а в сказках злые колдуны «уравновешивались» добрыми волшебниками, ведьмы — феями.

Число — одна из самых «капризных» грамматических категорий. Ведь в реальном мире

КОРЯКСКИЙ ЯЗЫК

В корякском языке есть двойственное число, но именно при обозначении парных объектов оно как раз и не используется! Если мы говорим по-корякски *По улице идут дети* (вдвоем), число будет двойственное — детей именно двое, а не просто много. А если говорим *Мальчик спрятал руки в карманы* — то, хотя рук тоже две (и карманов — два), число будет множественное: наверное, корякский язык «решил»: и так ясно, что рук две, — и «сэкономил».

не только не всё хочется, но и не всё можно посчитать, а в языках с обязательным числом — приходится. И мы ставим в единственное и множественное число имена действий и ситуаций (*вздох — вздохи, сон — сны, работа — работы* и т. д.), веществ (*металл — металлы*), даже сами множества (*толпа — толпы, заросль — заросли*). В некоторых случаях одно из чисел вообще не употребляется: вспомните русские *ножницы, сани, грабли, листва, солома,* английские *oats* 'овёс' (только множественное), *wheat* 'пшеница' (только единственное), *advice* 'совет' (только единственное).

По-русски мы говорим *Ну и студент нынче пошёл!* в единственном числе, а имеем в виду, конечно, много студентов. Или так: *В дверь стучат. У нас гости.* Хотя стучать может только один человек, да и гость может быть только один. А, например, в турецком языке, чтобы правильно сказать *Я люблю цветы,* лучше употребить слово *цветы* в единственном числе (хотя множественное число у этого слова тоже есть). Одно дело — сколько предметов существует на самом деле (один или много), и совсем другое — как предписывает сообщать об этом грамматика языка.

ПАДЕЖ ПАДЕЖУ РОЗНЬ

Всякое предложение описывает какое-то событие, или, как говорят лингвисты, *ситуацию*. Обозначает эту ситуацию сказуемое предложения — обычно глагол. А с глаголом-сказуемым связаны разные существительные — «действующие лица», участники ситуации. В ситуации, которая обозначается в русском языке глаголом *ловить,* может быть несколько участников, например *старик, рыба, невод,* которые играют разные роли. *Старик* — самое активное действующее лицо, он единственный что-то делает в прямом смысле этого слова. *Невод* выполняет роль инструмента для *старика.* С его помощью *старик* специальным образом воздействует на совершенно пассивную *рыбу.* И все эти разные роли язык выражает с помощью различных падежей — именно для этого они и нужны. В предложении *Старик ловил неводом рыбу* самая главная, активная, роль (старика) обозначена именительным падежом; пассивная роль (рыбы) — винительным, а роль инструмента (невода) — творительным.

А совсем в другой ситуации *Африканцы едят просо руками* роли участников тем не менее точно такие же: *африканцы* — активный участник (именительный падеж), *просо* — пассивный

(винительный падеж), *руками* — «инструмент» для еды (творительный падеж).

Всё это напоминает распределение ролей в старом театре, где у каждого актёра было строго закреплённое за ним амплуа́: один был трагиком, другой — комиком, третий — злодеем, были красавицы, которых обычно похищают злодеи, герои, которые спасают красавиц и совершают подвиги, и т. д. Пьесы игрались разные, а амплуа сохранялись. Например, в сказке «Белоснежка и семь гномов» есть красавица (Белоснежка), герой (её жених) и злодейка (мачеха); в «Руслане и Людмиле» тоже есть красавица, герой и злодей, а в «Красной Шапочке» волка, конечно, играл бы актёр с амплуа злодея, а девочку — актриса с амплуа красавицы. Так и в языке: меняются пьесы — ситуации или предложения, — а амплуа, как падежи в языке, остаются постоянными. Если в театральной труппе актёров мало, может случиться, что одному и тому же актёру придётся играть в спектакле разные роли. Если в языке мало падежей, им приходится обозначать «склеенные» роли — например, один и тот же падеж может обозначать и адресата действия, и инструмент (именно такая ситуация в немецком или древнегреческом языке).

Но что, если роль совсем не похожа на привычное амплуа: например, кто возьмётся сыграть Колобка или, скажем, Винни-Пуха? Герой? Злодей? В этом случае режиссёр обычно выбирает или актера с близким амплуа, или просто самого способного, разностороннего актёра и поручает эту роль ему. Конечно, может случиться, что разные режиссёры сделают разный выбор, но в любом случае спектакль состоится. Именно так и происходит с падежами в языке. Возьмём ситуацию, которую описывает глагол *видеть.* Какова роль главного участника? Она

не похожа ни на активную роль деятеля (когда человек видит, он ничего не делает), ни на роль пассивного участника ситуации (человек видит сам, на него никто не воздействует). Это и не роль «адресата» или «получателя» действия — ведь «отправителя» нет!

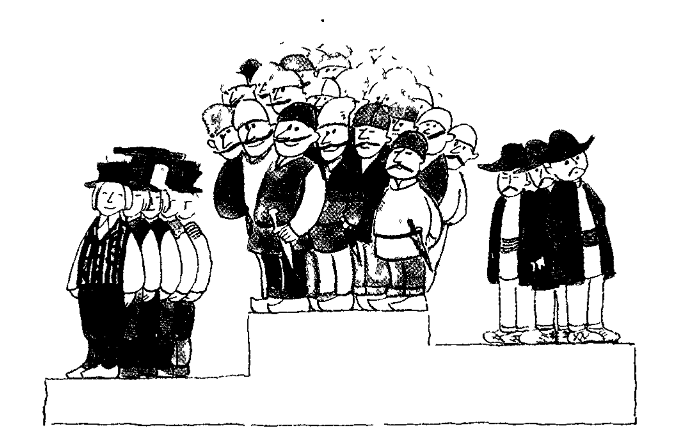
И всё-таки все языки мира (а именно они являются здесь «главными режиссёрами») решили, что если эта роль и похожа на какую-то другую, то выбирать нужно только из двух — деятеля и адресата, потому что с другими, такими, как, например, роль инструмента, или места, или времени, у неё совсем нет ничего общего. Русский язык признал её наиболее близкой роли деятеля и «поручил» именительному падежу. А такие языки, как ава́рский, лезги́нский или грузинский, «сочли», что лучше всего отдать эту роль падежу адресата (например, дательному): когда человек видит, он будто бы получает то, что видит (в этих языках, кроме того, скажут *мне боюсь, мне радуюсь, мне надеюсь, мне люблю* и т. п.). Впрочем, по-русски тоже часто говорят *Мне видно (страшно, радостно, приятно)*, а это значит, что и русскому языку бывает не чужда такая «режиссёрская» логика.

Сколько падежей бывает в разных языках? Во-первых, не меньше двух, ведь один падеж — это всё равно что падежей нет совсем: слова стоят в одной и той же форме и нет противопоставления форм. Именно так устроены английский и французский языки. Правда, местоимения в этих языках в отличие от существительных по падежам изменяются.

Таким образом, в языке с падежами существует не менее двух падежей: основной (именительный) падеж и падеж для всех остальных ролей, или, как их ещё называют, *прямой* и *косвенный*. Такая падежная система существовала, например, в старофранцузском языке. Три падежа имеются в арабском и румынском языках, четыре — в немецком, пять — в древнегреческом, шесть — в турецком и русском (хотя есть основания считать, что в русском языке падежей больше; см. статью «Имя существительное»), шесть — в латинском и т. д.

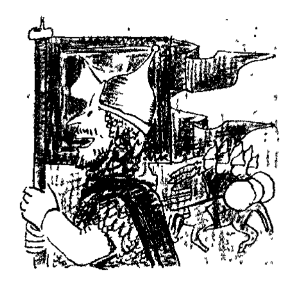
Среднее число падежей в языке — пять-шесть. Однако бывают языки, в которых есть и 20, и 30, и даже более падежей. Откуда берётся столько ролей? Во всех этих языках различные дополнительные падежи служат способом указать положение предмета в пространстве. Система падежных ролей «разбухает» всегда только из-за стремления наиболее точно указать, где находятся и куда движутся участники ситуаций. Однако никогда вместо одной роли, например инструмента или адресата, не возникают две или три.

Так происходит в финно-угорских языках (финском, эстонском, венгерском и др.) и в языках горного Дагестана. В финском языке 15 падежей, в лезгинском — 18, а в родственном ему табасара́нском языке рекордное количество падежей — 46. Некоторые лингвисты связывали детально развитую систему пространствен-



ной ориентации этих языков с горными условиями: такие дополнительные признаки, как находиться выше/ниже, находиться впереди/сзади, находиться вплотную к/не вплотную к и т. п., становятся особенно важными. Однако большое количество падежей встречается и у народов, живущих вдали от гор.

Системы падежей в языках мира отличаются не только количеством форм, но также их набо-



ром и «распределением обязанностей» между ними. Самый главный падеж, конечно, *именительный* (он же *номинатив;* от *лат.* nominatio — «(на)именование»). Во многих языках мира, и в русском в том числе, он используется для обозначения роли активного участника ситуации. Но во многих других языках номинатив обозначает роль пассивного участника, который подвергается воздействию активного (в языках типа русского он обычно выражается *винительным* падежом, или *аккузативом;* от *лат.* accusativus). В этом случае для роли активного участника используется особый падеж, который никаких других ролей больше не выражает, — *эргатив* (от *греч.* «ergátes» — «действующее лицо»). Языки с такой логикой распределения ролей называют *эргативными* языками Если переводить на разные языки два русских предложения *Коза убежала* и *Мальчик поймал козу,* при переводе первого предложения слово *коза* окажется в номинативе в любом языке (если там вообще есть падежи); при переводе второго все языки разобьются на два класса: в таких языках, как русский (лингвисты их называют *аккузативными*), в номинативе будет *мальчик,* а в эргативных языках *мальчик* окажется в эргативе, а *коза* — в номинативе.

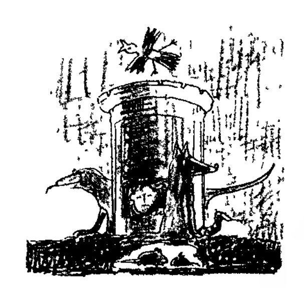
Эргативных языков на земле довольно много. К ним относится большинство языков, распространённых на Кавказе (дагестанские, грузинский, черкесский), многие австралийские языки, чукотский и корякский, хинди (один из немногих индоевропейских эргативных языков). В Западной Европе эргативный язык только один — это баскский.

По-разному используют языки и *дательный* падеж — падеж адресата действия *(дать **кому,** послать **кому,** сообщить **кому**).* Во многих языках он расширяет своё «амплуа» и обозначает получателя чувств и впечатлений. Эта особенность присуща кавказским и славянским языкам; встречается она и в немецком *(Mir ist kalt* — «Мне холодно»). Во французском, испанском, итальянском такие неноминативные конструкции используются уже гораздо реже, в английском их почти нет. Кажется, что в Европе влияние дательного падежа уменьшается с юга на север и с востока на запад.

НЕ РАБОТАЕТСЯ

Лингвисты давно обратили внимание на конструкцию с дательным падежом, составляющую яркую особенность русского языка. Сравните пары предложений: *Последнее время я совсем не работаю — Последнее время мне совсем не работается; От этих мыслей я не сплю — От этих мыслей мне не спится.* Всем говорящим по-русски понятно, что в каждой из этих пар во втором предложении человек не совершает действие (не работает или не спит) независимо от себя самого. Просто какие-то внешние обстоятельства ему мешают — совершенно неожиданно и необьяснимо для него.

Обычно для обозначения владельца в языках (в том числе и в русском) существует особый падеж — *родительный,* или *генитив* (от *лат.* genitivus), но иногда владелец обозначается дательным падежом. Сравните такую пару предложений: *Лиза испачкала Наде тетрадь — Лиза испачкала Надину тетрадь.* Понятно, в каком случае Надя больше расстроилась: конечно, в первом, ведь это ей испачкали тетрадь! А если бы просто испачкали её тетрадь, может быть, она об этом ещё не знает. В русском языке в некоторых предложениях такой дательный падеж «неравнодушного» владельца даже обязателен. Например, если мы услышим предложение *Парикмахер постриг мою бороду* (вместо *постриг мне бороду*), то решим, что это говорит иностранец. По-английски, например, так сказать можно (и даже правильно), а в русском обязательно нужен дательный падеж: не может человек не знать, что его бороду стригут! В чешском, литовском и латинском языках дательный, кроме того, обозначает даже бывшего владельца утраченной вещи, так что в этих языках говорят не ***У меня,*** а ***мне*** *(украли, взяли, похитили что-либо).*



Творительный падеж, или, как его ещё называют, *инструментальный*, обозначает в языках обычно орудие действия: *ударить палкой, перевязать верёвкой, приклеить клеем, нарисовать кисточкой.* Орудие похоже одновременно и на активного деятеля (которому «положен» номинатив), и на пассивный объект (которому «положен» аккузатив), поэтому иногда в языках (в том числе и в русском) эти падежи могут заменять друг друга, например: *Ветер открыл калитку — Ветром открыло калитку; Кто-то бросил в окно камень — Кто-то бросил в окно камнем; Этот текст правил редактор — Страной правил князь.*

Русский язык отличается от многих языков тем, что в нём творительный падеж распространился очень широко и «захватил» много чужих ролей, в том числе и таких, которые не так уж близки к роли орудия. Творительный падеж может обозначать место, где что-то происходит или по которому кто-то движется, может обозначать время действия и даже «образец для подражания»: *Он шёл* ***лесом;*** *Он мог* ***часами*** *сидеть на одном месте;* ***Местами*** *там очень грязно; Дорога вилась* ***змеёй.*** Между тем в падежных системах других языков творительный встречается не так уж часто; например, из индоевропейских языков, кроме славянских, он есть только в армянском и санскрите. Ни классический латинский, ни греческий особого творительного падежа не знали.

Существуют и более редкие падежи. Например, *каритив* (от *лат.* careo — «быть лишённым, свободным», «не иметь») и *транслатив* (от *лат.* translatio — «перенос», «перемещение», «передача») в уральских языках. Первый можно было бы назвать по-русски «лишительным» — он указывает на такого участника ситуации, без которого она происходит: если сочетание *сапожник без сапог* перевести на финский язык, то слово *сапоги* как раз будет стоять в каритиве. Название второго падежа можно было бы перевести как «превратительный»: он обозначает роль того, во что превращается участник ситуации; например, *Разобрали сарай* ***на дрова*** или *«****Шмелем*** *князь оборотился»* (а по-русски опять вездесущий творительный!).

Но всё-таки больше всего в языках мира разных *местных*, или *локативных* (от *лат.* locus — «место») падежей. В русском языке точное указание места и направления полностью поручено разным предлогам: ведь даже единственный русский местный (предложный) падеж самостоятельно (т. е. без предлогов) не употребляется. Однако в других языках разные местные значения выражаются именно падежами, причём падежей для этого нужно много (по крайней мере не меньше, чем в русском языке — разных пространственных предлогов). Так и получаются в этих языках особые «под»-падеж и «над»-падеж, «из»-падеж и «из-под»-падеж, «за»-падеж и «перед»-падеж, и даже «между»-падеж. К тому же в них различается движение по направлению *к*, по направлению *от*, а иногда ещё движение *мимо* или движение *вплотную к* и т. п. Если мы переведём на один из дагестанских языков (аварский, лезгинский, даргинский или табасаранский) следующие пять предложений: *Змея ползёт* ***к дому;*** *Змея заползала* ***под дом;*** *Змея проползает* ***под домом;*** *Змея выползла* ***из-под дома;*** *Змея ползёт* ***от дома,*** слово *дом* каждый раз будет стоять в своём особом местном падеже (зато никаких предлогов не понадобится!).

МУЙУВ

Даны слова на языке муйув и их переводы на русский язык. (Муйув — австронезийский язык, на котором говорят около 5 тыс. человек, живущих на островах Вудларк, входящих в состав государства Папуа — Новая Гвинея.)

atok	«Я стою около него»;
kuton	«Ты стоишь в стороне»;
isiw	«Он остаётся около тебя»;
kusim	«Ты остаёшься около меня»;
iw	«Он идёт к тебе».

1. Переведите на русский язык следующие слова: *asin, itom, ak.*
2. Переведите на язык муйув: *ты уходишь.*

РОД СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ. У КОГО БОЛЬШЕ?

Существительные в языках изменяются по падежам и числам, но не по родам. Род — это постоянное свойство существительного; он сопровождает его на протяжении всей жизни в языке. Принадлежащие к разным родам слова могут внешне ничем не отличаться друг от друга, как, например, русские *папа* и *мама, мышь* и *конь.* Но слова разных родов требуют, чтобы связанные с ними «соседи» принимали разные формы, а сам род потому называют *согласовательным классом.* Например, в русском языке *стул* — мужского рода, а *табуретка* — женского, поэтому по-русски мы говорим *этот стул,*

но *эта табуретка.* По-французски всё наоборот, *chaise* 'стул' — женского рода, а *tabouret* 'табуретка' — мужского, но и по-французски *этот стул* и *эта табуретка* тоже звучат по-разному: *cette chaise* и *ce tabouret.* Но в таком языке, как английский, где нет рода, слову *this* 'этот' всё равно, какое слово стоит с ним рядом — *стул, книга, табуретка* или *кенгуру;* во всех случаях оно остаётся неизменным — *this.*

Зависимость от рода существительного (лингвисты называют её *согласованием по роду*) может проявляться у прилагательных, местоимений, глаголов, артиклей и даже предлогов и наречий. И всегда это означает одно и то же: у глагола, или прилагательного, или артикля, или предлога столько форм, сколько родов существительных есть в этом языке. Например, в русских предложениях мы всегда выбираем между разными формами прилагательных *(красный, красная, красное),* местоимений *(весь, вся, всё)* или глаголов в прошедшем времени *(пакет пришёл, телеграмма пришла, письмо пришло).* Во французском и немецком языках формы глагола вообще не согласуются по роду, зато в арабском языке глагол согласуется по роду во всех временах. Артикль согласуется по роду во французском и в немецком (во французском по две формы каждого артикля, в немецком — по три); а сколько родов существительных в этих языках, теперь легко догадаться. В дагестанских языках согласование по роду настолько распространено, что говорящий, скажем, на аварском языке должен выбирать форму для наречия *домой* в зависимости от того, кто шёл домой, мужчина или женщина. В некоторых чадских языках, на которых говорят в самом сердце Тропической Африки, даже предлоги принимают разные формы в зависимости от рода связанного с ними существительного.

В языках ба́нту центральной и южной частей Африки согласование с существительным по роду распространяется и на прилагательные, и на местоимения, и на числительные, и на глаголы. Вот, например, несколько предложений на языке суахи́ли (это самый крупный и самый известный из языков банту): *Mt oto huyu mmoja ameanguka* (грамматический класс людей) — «Ребёнок этот один упал»; *Mti huu mmoja umeanguka* (класс растений) — «Дерево это одно упало»; *Chungwa hili moja limeanguka* (класс плодов) — «Апельсин этот один упал»; *Kifuko hiki kimoja kimeanguka* (класс вещей) — «Кошелёк этот один упал».

Во французском и шведском языках — два рода, в русском и немецком — три, в дагестанских и австралийских языках обычно четыре-пять согласовательных классов, и это уже довольно много, а в языках Африки (особенно в языках банту) различают иногда и 15, и 20 классов существительных. «Рекордсменом», бесспорно, является западноафриканский язык фула́ (или фульде́, фульфульде́), в некоторых диалектах которого лингвисты насчитывают 25 классов.

Как же слова в языке распределяются по разным классам? С одной стороны, никакой

ОСВОЙТЕ СУАХИЛИ

Даны фразы на языке суахили с переводом на русский язык:

(1) *Watoto wazuri wa waingereza hawa wabaya wanakijua kiswahili kigumu.*

«Красивые дети этих плохих англичан знают трудный язык суахили».

(2) *Waswahili hawa wanaujua ugumu wa kifaransa.*

«Эти суахилийцы знают трудность французского языка».

(3) *Kiarabu kinawavutia wahausa hawa.*

«Арабский язык привлекает этих хауса».

(4) *Kiswahili kinakifukuza kiingereza.*

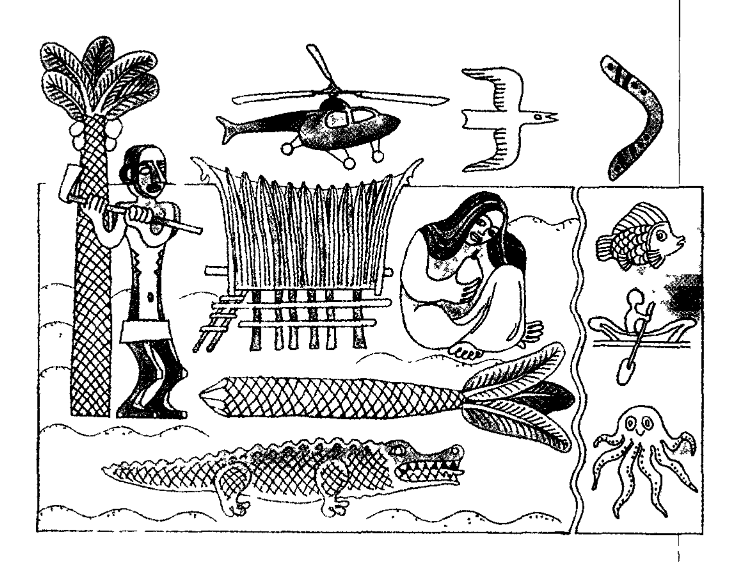
«Язык суахили вытесняет английский язык».

Переведите на суахили:

(1) *Красота языка хауса привлекает этих французов.*

(2) *Арабы знают этих детей.*

(3) *Красота вытесняет зло.*



В некоторых языках выделяются грамматические классы предметов по форме, местоположению, размеру и т. д.

БОТАНИКА ПО КИКУЙЮ

Даны слова на языке кикуйю (одном из языков банту, распространенном в Кении) и их переводы на русский язык, записанные в другом порядке:

mutathi, muthɪthi, mucarage, ɪkurue, itathi, ukuyu, uthɪthi, njarage, ndathi;

«кустарник», «плод кустарника», «лист кустарника», «пальма», «сок пальмы», «оливковое дерево», «маслина», «сок фигового дерева», «лист акации».

1. Найдите перевод для каждого слова языка кикуйю.
2. Переведите на кикуйю: *лист фигового дерева, фига, акация.*

(Обратите внимание: буква ***с*** обозначает звук, похожий на русское [ч]; ***j*** — слитно произнесённое [д͡ж].)

особенной «родово́й» разницы по смыслу между стулом и табуреткой, конечно, нет; очень часто слова, обозначающие похожие вещи, различаются по родам, причём по-разному в разных языках. Слово *письмо* в немецком языке относится к мужскому роду, во французском — к женскому, в русском — к среднему; *книга* в немецком почему-то среднего, во французском — мужского, а в русском — женского рода.

С другой стороны, язык обычно организует словоизменительные классы вокруг каких-то очень простых и понятных противопоставлений. Если в языке два рода, то это чаще всего противопоставление мужской — женский или человек – нечеловек, если три рода — то различаются мужчины, женщины и вещи (неодушевлённые предметы среднего рода). Когда родов или классов много, противопоставляться могут люди и животные, длинные, гибкие и круглые предметы (например, палки, верёвки, волосы и плоды деревьев), большие и маленькие существа и предметы (например, великан и карлик, домик и домище), вещи, сделанные человеком и сотворённые природой, жидкости, вещества и т. д

МУЙУВ

Исходя из русских переводов, в глаголах языка муйув должны выражаться два типа служебных значений: субъект и место/направление действия по отношению к участникам ситуации общения. Соответствующие морфемы легко вычленяются: ***a-*** 'я', ***ku-*** 'ты', ***i-*** 'он'; ***-m*** 'ко мне/около меня', ***-w*** 'к тебе/около тебя', ***-k*** 'к нему/около него', ***-n*** 'в сторону/в стороне (от 1-го, 2-го и 3-го лица)'.

Одновременно вычленяются и знаменательные части глаголов. Здесь обнаруживается нечто любопытное: у глаголов *стоять* и *оставаться* корни есть ***(-to-*** и ***-si-),*** а у глагола *идти* корень отсутствует. Поскольку всякое значение, присутствующее в языке, должно иметь своё выражение, лингвисты в таких случаях говорят не об отсутствии морфемы, а о наличии нулевой морфемы. Нулевые варианты часто бывают у служебных морфем (например, окончание именительного падежа единственного числа у русского слова *стол* нулевое). Как видно, знаменательные смыслы также могут выражаться нулевой морфемой. Явление это достаточно редкое, но не уникальное. Если проанализировать русское слово *вынуть*, окажется, что между приставкой ***вы-*** и суффиксом ***-ну-*** находится нулевой корень.

1. «Я остаюсь в стороне»; 2. «Он стоит около меня»; 3. «Я иду к нему».
2. *kun.*

КАТЕГОРИЯ «ГОРБАТОСТИ»

Американский лингвист Эдуард Сепир писал об уникальной словоизменительной категории в индейском языке ну́тка. В этом языке в глаголе должна обозначаться степень физического совершенства человека, названного подлежащим. Исходная форма — со значением «нормальный» и с нулевым средством выражения, далее — «слишком толстый», «слишком маленький», «косой — кривой», «горбатый», «хромой», «левша». Все эти формы образуют парадигму и имеют особые аффиксы.

МИФИЧЕСКИЕ, СТОЯЩИЕ, КРУГЛЫЕ...

В делении существительных на классы языки изобретательны и непредсказуемы. Например, в тами́льском имена делятся на два класса: высший (разумные существа — люди, боги, мифологические персонажи) и низший (немыслящие существа, неодушевлённые предметы, понятия). На острове Бугенвиль (Океания) говорят на языке насиои, в котором более 40 именных классов. А в языке асмат (малайско-полинезийский язык) противопоставляются имена для стоящих, сидящих, лежащих, плавающих и летающих объектов. В языках ба́нту (Африка) противопоставляются названия людей, животных, растений, вещей, круглых и продолговатых предметов и т. д. Во многих восточноазиатских языках предмет неотделим от его формы, поэтому есть классы кольцеобразных, шарообразных, цилиндрических, листообразных, длинных и тонких предметов.

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО

Теперь можно обратиться к глаголам и посмотреть, какие понятия в языках мира чаще всего оказываются обязательно выраженными в глаголе. Одна из самых распространённых грамматических категорий глагола — это, конечно, время. Ведь глагол обозначает событие, а всякое событие когда-то происходит. Поэтому все языки имеют средства определять время событий, и в очень многих языках (в том числе и в русском) результаты своих «измерений» говорящим приходится обязательно указывать каждый раз, когда они употребляют глагольные формы. Делается это с помощью специальных окончаний: например, в русском *узна**л**, узна**ет*** и т. д.

Однако чтобы что-то измерить, надо сравнить это «что-то» с эталоном меры. В самом деле, когда измеряют, например, длину, есть линейка, на которой отложены меры длины (скажем, сантиметры), а затем длину этого предмета сравнивают с эталоном: больше она, меньше или в точности равна ему. Время тоже измеряют с помощью эталонов, только они особые: число оборотов Земли вокруг своей оси (сутки) или вокруг Солнца (год). Но эталоны измерения времени человечество придумало не очень давно — значительно позже, чем существует язык. К тому же их используют не во всех культурах. До сих пор существуют культуры, которые не знают таких эталонов (и спокойно без них обходятся): у многих австралийских и африканских народов нет того, что мы могли бы назвать летосчислением. Но языки-то есть у всех народов, и от того, есть в данной культуре летосчисление или нет, устройство языка в общем не зависит.

В языках люди используют совершенно другой способ измерения времени — очень простой и общий для всех племён и народов: одно событие сравнивают с другим и определяют, раньше оно произошло или позже. Действительно, простой способ, и никаких приборов для этого не нужно! Но что выбрать в качестве эталона? И здесь все языки тоже сходятся: главным событием они выбирают *момент речи*, т. е. момент, в который мы говорим об этом событии. Событие может происходить раньше этого момента — тогда мы говорим о нём в *прошедшем времени;* позже момента речи — и мы относим его к *будущему времени;* наконец, одновременно — это *настоящее время.* Других возможностей просто нет, поэтому в языках обычно три времени: настоящее, прошедшее и будущее.

ОСВОЙТЕ СУАХИЛИ

Порядок слов в суахили в основном соответствует русским фразам: подлежащее + сказуемое + дополнение, однако определения располагаются после определяемых существительных. Значение русского родительного падежа передаётся с помощью элемента *wa* (сравните с английским предлогом *of*).

Сравнивая слова *waingereza* 'англичане' и *kiingereza* 'английский язык', а также *waswahili* 'суахилийцы' и *kiswahili* 'язык суахили', можно вывести значения префиксов: ***wa-*** используется для обозначения человека (в том числе представителя народа) во множественном числе; заменой ***wa-*** на ***ki-*** образуется название соответствующего языка. Получаются переводы следующих слов из задания: *французы — wafaransa, арабы — waarabu* и *язык хауса — kihausa.*

Прилагательное согласуется с существительным, приобретая одинаковый с ним начальный элемент, поэтому в слове *kigumu* 'трудный' основой является ***-gumu***, и, следовательно, ***u-*** в слове *ugumu* 'трудность' — показатель абстрактного существительного, отсюда *красота — uzuri* и *зло — ubaya.*

Грамматические показатели сказуемого располагаются следующим образом: сначала идёт тот элемент, который является начальным у подлежащего, потом ***-na-*** — показатель настоящего времени, затем начальный элемент дополнения. Иначе говоря, сказуемое согласуется и с подлежащим, и с дополнением.

Переводы:
(1) *Uzuri wa kihausa unawavutia wafaransa hawa.*
(2) *Waarabu wanawajua watoto hawa.*
(3) *Uzuri unaufukuza ubaya.*

Есть, правда, языки, которые объединяют настоящее и будущее время: в японском и финском, например, обязательно различать только прошедшее и непрошедшее время. Гораздо труднее найти в мире язык, где различались бы только будущее и небудущее время и говорящим

Точка отсчета для языкового времени — момент речи

БОТАНИКА ПО КИКУЙЮ

1. Каждое из приведённых слов языка кикуйю состоит из двух частей: префикса и корня. Эти слова удобно расположить в таблице, поместив по вертикали слова с одинаковым префиксом, а по горизонтали — с одинаковым корнем. Можно заметить, что после префикса ***n-*** начальный глухой согласный корня озвончается: ***t → d, c → j.*** Сопоставляя слова кикуйю с русскими переводами, находим все значения префиксов и корней.

	'дерево'	'лист'	'сок'	'плод'
'кустарник'	*mutathi*	*itathi*		*ndathi*
'пальма'	*muthithi*		*uthithi*	
'оливковое дерево'	*mucarage*			*njarage*
'акация'	**mukurue*	*ikurue*		
'фиговое дерево'		**ikuyu*	*ukuyu*	**nguyu*

Теперь легко установить правильный порядок переводов: «кустарник», «пальма», «оливковое дерево», «лист акации», «лист кустарника», «сок фигового дерева», «сок пальмы», «маслина», «плод кустарника».

2. Можно легко найти переводы данных русских слов на язык кикуйю (см. слова, помеченные звёздочкой).

было бы «не очень важно», сейчас или в прошлом происходит событие. Тем не менее ещё в начале XX в. знаменитый американский лингвист Эдуард Сепир (1884—1939) нашёл такой язык в одном из племён североамериканских индейцев в штате Орегон на северо-западе США и описал его. Он назывался такелма. Похожим образом устроен и нивхский язык (на нём говорят менее 2 тыс. человек, проживающих в низовьях реки Амур и на Сахалине). Языка же, в котором бы противопоставлялись настоящее и ненастоящее время (т. е. прошлое объединялось бы с будущим), наверное, не существует, по крайней мере до сих пор такого языка не найдено.

Откуда же в грамматиках многих языков берутся 5, 10, 12 и даже больше времён? Это означает, что автор грамматики одновременно со временем описывает ещё какие-то значения, например *вид* или *временну́ю дистанцию*.

Время только ориентирует событие относительно момента речи, определяя, раньше оно произошло или позже. А ведь можно задать и другой вопрос — насколько раньше или позже произошло это событие, какая временная дистанция отделяет его от момента речи? Конечно, такой вопрос может относиться лишь к глаголу в прошедшем или будущем времени, но не в настоящем.

Событие, например, может быть очень близко к моменту речи. Для прошедшего времени это значит «только что произошло», для будущего — «вот-вот произойдёт». В русском языке это всё равно прошедшее и будущее время, а, например, во французском в первом случае с глаголом нужно употребить ещё глагол *venir* («приходить»), а во втором — глагол *aller* («идти», «уходить»). Таким образом, сказанное по-французски буквально *Он пришёл от разбивания чашки* значит что-то вроде: «Смотрите под ноги, кругом осколки! Он только что разбил чашку», а *Он идёт разбить чашку* — «Держите его, сейчас он разобьёт чашку!». По-русски в похожих ситуациях мы употребляем выражения типа *Всё идёт к тому, чтобы...* или *Вышло так, что...* (хотя при этом речь не всегда идёт именно о ближайшем будущем или недавнем прошлом).

Наиболее знамениты своей способностью выражать разные временные дистанции языки банту, особенно те из них, на которых говорят в Экваториальной Африке (в Заире, Кении и других странах). В этих языках глагол имеет несколько форм прошедшего времени (прошедшее время в языках вообще оказывается важнее и значительнее будущего) в зависимости от временной

В языках банту есть особая форма глагола для событий, которые произошли только что, несколько дней назад, около месяца назад, очень давно.

дистанции. Глагольная форма может иметь различные показатели в зависимости от того, произошло ли событие только что, несколько дней назад, около месяца назад, очень давно (например, много лет назад).

ВЗГЛЯД НА СИТУАЦИЮ

Самая главная категория глагола — вид. Он выражается тем или иным способом абсолютно во всех языках, что естественно, ведь это как бы способ «видеть» ситуацию. Когда мы смотрим на какой-нибудь предмет, то не можем охватить его одним взглядом (особенно, если он большой или сложно устроенный). Поэтому мы сопоставляем его «вид спереди», «вид сзади», «вид сбоку» и т. д. Также и ситуация — обычно она не помещается полностью в предложении, поэтому мы и говорим, что употребляем не глагол, а какую-то его *видовую форму*.

Как всегда бывает, самое существенное и главное в языке (а значит, самое простое и естественное для говорящих на нём людей) одновременно оказывается самым сложным с точки зрения науки, которая этот язык описывает, т. е. лингвистики. Учёные до сих пор спорят, что представляет собой русский вид глагола и какие значения он выражает. А в разных языках значения вида, как правило, ещё и не совпадают (или совпадают не полностью) между собой.

На ситуацию можно посмотреть снаружи, издалека: наблюдая её всю сразу, целиком, можно посчитать, сколько раз она повторяется. Это значение вида глагола очень близко к значению числа. В русском языке оно тоже встречается, например, в таких довольно редких формах, как *хаживал* ‘ходил время от времени, много раз’, *сиживал* ‘сидел время от времени, много раз’ и т. п. В других славянских языках (например, в чешском) такие формы «повторяющегося» вида у глаголов распространены больше, зато в русском можно встретить видовые формы, выражающие «ослабленную» повторяемость: *позванивать, почитывать* и т. п. *Позванивать* означает не просто ‘звонить несколько раз’, а ‘звонить время от времени, но не очень часто’. А вот простая повторяемость в русском языке специального выражения не имеет.

Однако в мире существует немало языков, в которых простая повторяемость выражается особыми глагольными формами. Например, чтобы перевести на эскимосский язык русские предложения *Я купаюсь в озере* или *Я пасу оленей*, придётся уточнять: *прямо сейчас купаюсь/пасу* или *время от времени, иногда* — и выбирать специальную форму глагольного вида. Ситуация может повториться не полностью — например, одно и то же событие может происходить каждый раз с новыми участниками. Мы говорим: *Слон* ***перебил*** *всю посуду в лавке* или *Когда он вошёл, все стаканы* ***попадали*** *с полки*, как бы показывая, что одно и то же действие происходило последовательно с разными объектами: они стали падать или разбиваться один за другим. В русском языке это значение вида передают формы с приставками ***пере-*** и ***по-***, и оно очень характерно для славянских языков.

Любая ситуация (например, *плакать*) *актуальна*, если она происходит в строго определённый промежуток времени. Про такую ситуацию, естественно, можно сказать, когда именно она имела место, например: *Смотри, вот сейчас он опять* ***плачет.*** *Вчера я проходил мимо его комнаты и слышал, как он тихо* ***плакал.*** Если ситуация происходит не сейчас и не происходила вчера, а как бы вообще, эта ситуация не актуальна: *Я хорошо его знаю — он не* ***плачет*** *по таким пустякам. Когда у человека горе — он* ***плачет***. Мы не можем, услышав такие предложения, спросить: *Когда он (не) плачет?* Вот единственный ответ, который можно дать на этот странный вопрос: *Как когда? Вообще...* Когда мы говорим о чьих-то свойствах, привычках, отличительных признаках, то, как правило, используем именно неактуальные глаголы.

Интересно, что есть ситуации, которые можно понять только актуально, а есть такие, которые допускают только неактуальное понимание. Предложение *Лиза пишет диктант* означает, что она пишет диктант сейчас, в данный момент, т. е. актуально. Однако если мы скажем *Лиза пишет книгу*, то это не обязательно будет означать, что Лиза пишет книгу именно сию секунду. Скорее всего она вообще (неактуально) сочиняет книгу. А если мы скажем *Лиза пишет книги*, то актуальное осмысление станет почти невероятным.

В русском языке и в актуальной, и в неактуальной ситуациях мы используем одну и ту

же форму глагола: форму несовершенного вида настоящего времени: *пишет, читает* и др. А в английском в зависимости от актуального или неактуального понимания выбирают разные видовые формы одного и того же глагола. Предложение *He* ***is writing*** означает, что он пишет сейчас (актуально), а *He* ***writes*** — что он пишет вообще, это его свойство (может быть, он умеет писать, может быть, в течение жизни много пишет и т. п.). Значение актуальности и неактуальности есть не только в английском, но и во многих других распространённых языках мира, например в испанском или в тюркских.

До сих пор речь шла о взгляде на ситуацию в целом. Но говорящий может не отстраняться от ситуации, а смотреть на неё изнутри, чтобы выделить какую-то её часть, наиболее для него важную. Бывают *ситуации-точки*, у которых начало — это одновременно и конец, а середины нет совсем, и *ситуации-отрезки*, у которых все эти части есть. Типичная ситуация-точка: *Шар лопнул*. Такую ситуацию никак нельзя растянуть. А ситуацию-отрезок можно сжать до точки. Например, мы говорим: *Александр Македонский взял Афины*. На самом деле, конечно, такое событие (штурм и взятие целого города) не происходит мгновенно — оно может занимать многие месяцы. Но когда мы говорим *Александр взял Афины*, то сжимаем ситуацию до точки. Во многих языках глаголы требуют в таком случае форм особого вида. Этот вид так и называется — *точечный*, или *аóрист* (от *греч.* «aóristos»).

В английском, например, точечный вид передаётся так называемыми простыми формами (Indefinite Tenses). Например, предложение *Lisa sang* на русский язык можно перевести как «Лиза спела» (допела до конца песню и больше петь не будет), «Лиза попела» (т. е. пела, потом перестала, но, может быть, ещё споёт) и, наконец, «Лиза пела» (например, вчера). Представление события как точки в прошлом объединяет все эти переводы.

А в ситуациях-отрезках есть начало, середина и конец. Вид в этом случае передаёт значения длительности, законченности и начинательности. Значение *начинательности* хорошо известно говорящим на русском и других славянских языках — украинском, польском, чешском, болгарском и др. Такие формы глаголов, как *запел* (от *пел*), *замолчал* (от *молчал*), *пошёл* (от *шёл*), обозначают начало ситуации. О том, что произойдёт дальше, говорящий не сообщает; его взгляд сфокусирован только на начале, на том моменте, когда происходит переход от «события не было» к «событие есть».

Интересное значение вида, которое можно было бы назвать *продолжательностью*, есть в дагестанских языках: там особая форма вида глагола выражает смысл 'он всё ещё (работает, гуляет, поёт и т. д.)'.

Но чаще всего в языках особыми видовыми формами передаётся значение *длительности*. Оно соответствует положению говорящего как бы внутри ситуации: в тот момент, когда он о ней говорит, ситуация ещё длится; она началась раньше и закончится позже момента речи. Обычно длительность противопоставляют *завершённости* действия. В русском языке это противопоставление отразилось даже в названиях видов: несовершенный и совершенный.

Длительность выражается особым образом не только в славянских языках. В романских языках — французском, итальянском, испанском — есть особая глагольная форма *имперфект* (от *лат.* imperfectum — «незавершённое»). Это тоже длительный вид, и он имеет некоторые особенности. Например, романский имперфект возможен только в прошедшем времени, а в русском языке в будущем времени можно сказать: *Поезд* ***остановится*** (сов. в.) или *Поезд* ***будет останавливаться*** (несов. в.), но нельзя употребить совершенный вид в настоящем времени. Зато в английском языке длительность выражается в любом времени. Эти формы называются в английских грамматиках Continuous Tenses.

Английский среди других европейских языков наиболее богат видовыми формами. К точечному и длительному виду добавляются ещё формы *перфекта* (от *лат.* perfectus — «совершенный»). Perfect Tenses — это формы особого вида, который, с одной стороны, указыва-

ет, что действие завершилось в прошлом, а с другой — утверждает, что последствия этого действия дают о себе знать и в момент речи. Например, фразу *I* ***have written*** *the letter* может сказать человек, который только что написал письмо (действие совершено), но ещё не успел его отправить, поэтому результат действия в виде написанного письма сейчас налицо.

Вид считается одной из главных трудностей при изучении иностранного языка: ведь чтобы его освоить, нужно не просто выучить глагольные формы, а перенять взгляд на ситуацию, свойственный данному языку.

БЫЛО ИЛИ НЕ БЫЛО?

Язык позволяет человеку не просто описать ситуацию, но и высказать своё отношение к тому, что происходит. Например, можно сказать *Пошёл дождь* — и просто описать реальное событие. А можно: *Эх, пошёл бы дождь!* Дождя нет, но мы хотим, чтобы он был, и наше желание особым образом выражено в предложении. Категорию, которая даёт говорящему возможность это сделать, древние грамматики называли *мóдус* (*лат.* modus — «мера», «образ»). На русский язык модус перевели как *наклонение* — то, как говорящий склонен (или, как раньше говорили, «наклонен») представлять себе ситуацию, то, что он о ней думает. А что он может думать?

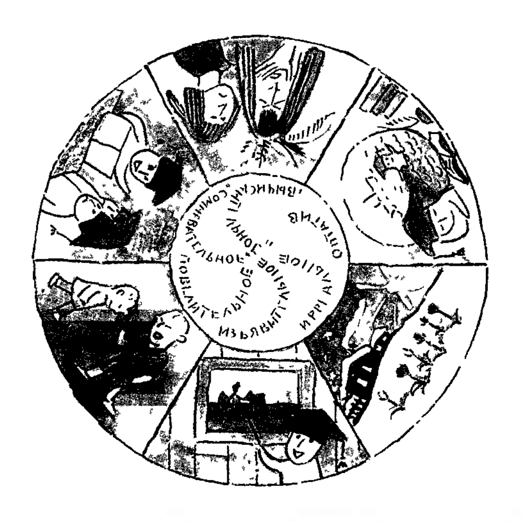
Например, ничего. Это нейтральное, «никакое», или, как его называют в грамматиках, *изъявительное наклонение*, оно просто описывает событие и всё. Может оказаться, что событие, о котором идёт речь, не имеет отношения к реальности; говорящий может только предполагать, что оно когда-нибудь произойдёт: ***Если бы*** *ночью* ***светило*** *солнце, а зимой* ***распускались*** *цветы...* Это *ирреальное наклонение*. Предположив существование какого-нибудь нереального события, можно рассуждать дальше: что произойдет при таком условии? Во многих языках для этого нам понадобится особое *условное наклонение*, как в песенке Винни-Пуха из сказки Александра Милна:

> *Если бы Кролик*
> *Был покрупнее,*
> *Если бы Тигра*
> *Был посмирнее,*
> *Глупые игры*
> *Нашего Тигры*
> *Кролика* ***бы***
> ***Не смущали*** *нисколько...*

В русском языке способ выражения ирреального и условного наклонений совпадает: это частица *бы*. Но, например, во французском языке во втором случае нужно было бы употребить форму особого условного наклонения, которое называется *кондиционáлис* (от *франц.* conditionnel).

Если сейчас событие не происходит, но говорящий хочет, чтобы оно произошло, он может хотеть пассивно: *О, если бы кто-нибудь принёс мне аленький цветочек; Ах, хорошо бы сейчас искупаться в Чёрном море!* Это тоже особое наклонение — оно называется *оптатив* (от *лат.* optātivus — «желательный»). В русском языке, правда, такого нет (используется всё та же частица *бы*). Зато полноценный оптатив имелся в древнегреческом языке и санскрите.

Другой вариант — говорящий хочет активно, т. е. не только хочет и сообщает об этом, но и пытается одновременно заставить или уговорить кого-то исполнить его желание: *«О дайте, дайте мне свободу!»; Не могли бы вы написать мне на память небольшой сонет?; Стоять смирно!* Способов довольно много, и они разнообразны. И всё же обычно в языках мира для этого используют одно главное наклонение — *повелительное*, или *императив* (от *лат.* imperātum — «приказ», «приказание», «повеление», «предписание»). Оно существует почти во всех языках, причём нередко, чтобы выразить это значение, применяют самую простую, исходную форму глагола (безо всяких суффиксов или приставок). Бывают языки (например, японский или монгольский), в которых различается сразу несколько императивов: вежливый или не очень, мягкий или категорический. Родителям, которые говорят на таком языке, не нужно произносить длинную фразу вроде *Категорически в последний*



ГРАММАТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ

Американский лингвист Эдуард Сепир писал, что у всякого языка «свой покрой». Вместе с тем наблюдения над языками дают возможность строить обобщения такого рода: «для всех или абсолютного большинства языков верно, что...». Такие обобщения называются *универсалиями*. Конечно, любая универсалия может быть названа универсалией только условно: время не вернёт нам мертвых языков, и никогда нельзя быть уверенным, что все существующие сегодня языки изучены полностью. Чтобы выявить любую универсалию, требуется огромная и тщательная работа. Но именно сведения о том, что есть во всех языках, приближают нас к пониманию общих закономерностей языка.

В 1961 г. в Нью-Йорке состоялась научная конференция по языковым универсалиям. На ней часть известных грамматических универсалий была собрана в «Меморандуме о языковых универсалиях». Вот некоторые из них.

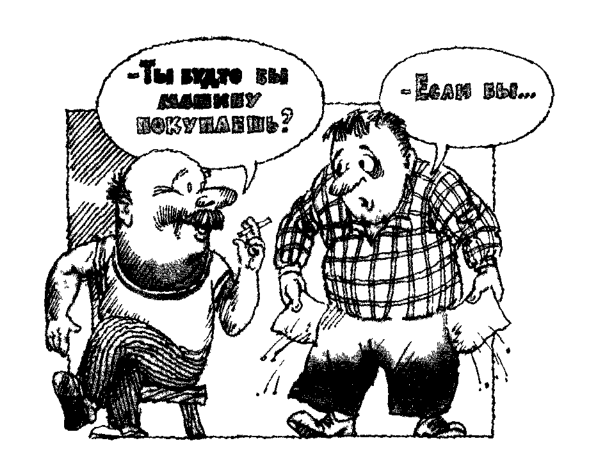
Во всех языках мира противопоставляются классы имён и глаголов.

Все языки противопоставляют предметные слова (существительные) непредметным (признаковым). Это связано с различением в предложении подлежащего (субъекта) и сказуемого (предиката). Внутри непредметных слов выделяются глаголы, прилагательные и наречия. Однако прилагательные и наречия известны далеко не всем языкам. Например, в коптском языке есть только существительные и глаголы. Коптские существительные успешно выполняют функции прилагательных и наречий. В ряде языков, например в некоторых австронезийских (океанийских), прилагательные образуют подкласс глаголов. Наречия и прилагательные не различаются в ряде языков Северной Америки и Африки.

Во всех языках есть класс слов, которые замещают в речи другие слова, — местоимения. Среди них всегда выделяются слова, обозначающие говорящего (1-е лицо) и адресата (2-е лицо).

Во всех языках есть класс слов, которые ничего не обозначают, но, входя в состав более сложных форм, различают их между собой — служебные слова, которые в некоторых языках не отделяются от формообразующих морфем (например, *коробка* **и** *спички* — это не тоже самое, что *коробка* **или** *спички* и *коробка спичек*).

Существуют и частные универсалии, описывающие зависимости между различными явлениями системы, например: «Если в языке есть двойственное число, то в нем обязательно есть и множественное число».



раз предупреждаю: немедленно без разговоров иди домой!, достаточно лишь поставить глагол *идти* в форму категорического императива

Говорящий может не знать точно, произошло событие или нет, и выражать сомнение по этому поводу с помощью специального «сомневательного» наклонения. В русском языке и здесь почти всегда используется универсальная частица *бы*: например, *Будто бы снег идёт?* или *Вам понятно? — Как будто бы понятно...*

Бывают языки, обязательно заставляющие сообщать, откуда человек знает то, о чём говорит. Если говорящий слышал о событии от других, в болгарском языке он должен использовать особое «пересказывательное» наклонение. В не́нецком языке есть «слышательное» наклонение, обозначающее, что говорящий слышал, но не видел, как нечто произошло. Наконец, в некоторых языках американских индейцев наклонение используется в ещё более необычной ситуации, обозначая событие, которое можно вычислить, логически рассуждая.

Мы видим, что языки необыкновенно разнообразны и изобретательны в этой области. Если попытаться собрать все возможные значения категории наклонения в языке, их окажется около полутора десятков. Однако в конкретном языке наклонений, как правило, не более трёх—пяти, а многие различающиеся в других языках значения «склеены» в одно. Именно так устроено русское сослагательное наклонение с частицей *бы* — оно выражает и условие, и желательность, и нереальность, и многое другое. Наряду с похожими на русский языками известны и такие языки, которые организуют систему наклонений очень дробно — языки индейцев, а также многих уральских народов, живущих на севере России (ненецкий, нганаса́нский, селysку́пский).

ЯЗЫКИ «БЕЗ ГРАММАТИКИ»

Мы познакомились только с самыми основными и распространёнными грамматическими категориями имени и глагола. В большинстве языков к ним добавляются многие другие: например, определённость/неопределённость имени (как

в английском, французском и др.) или категория лица глагола (как в очень многих языках и в русском тоже). Есть, однако, и такие языки, где отсутствуют даже число, род и время.

Если в языке нет грамматической категории времени, это не значит, что говорящие на нём не могут ответить на вопрос, когда произошло то или иное событие: до того, как о нём заговорили, или после. Говорящий просто не обязан, употребляя какой-нибудь глагол, каждый раз сообщать о времени — он может сделать это только тогда, когда действительно сочтёт такое упоминание нужным. В подобных языках больше свободы, чем у нас с вами: не хочешь — не говори.

В русском языке в формах существительных время грамматически не выражается. *Чашка, ложка* или *стол* существуют вне времени, они не связаны с моментом речи. Однако среди существительных есть и такие слова, как *приезд, встреча, задержка, раздумье.* Они так же, как и соответствующие глаголы *(приехать, встретиться, задержаться, раздумывать),* обозначают ситуации, протекающие во времени. Тем не менее грамматических средств, позволяющих выразить это время, в русском языке нет. Но разве мы не можем определить или указать время встречи, приезда и т. д.? Ведь говорят же *приезд состоится* или *состоялся, завтрашняя* или *вчерашняя встреча, старые раны, ожидаемые победы, бывший тренер команды,* и во всех этих случаях указывают не что иное, как время ситуации. И всё же указание на время будет, во-первых, не обязательным, во-вторых, время будет выражено отдельным словом, а не особым показателем в составе существительного. Примерно так же устроен и язык без категории времени.

Ещё легче представить себе язык без рода. Например, в армянском языке даже личные местоимения не имеют рода. И *он,* и *оно* в нём обозначаются одним словом *na.* То же происходит и в персидском, венгерском, тюркском языках — в них грамматический род полностью отсутствует. Попробуйте перевести на такой язык, например, название фильма «Он и она». Впрочем, с точки зрения некоторых языков, в которых 15—20 согласовательных классов, русский язык очень бедный. Ведь когда сказитель западноафриканского народа фульбе (говорящего на языке фула, или фульфульде) произносит перед своими слушателями такую, например, строку из баллады: *Он опустил её на землю, он направил её к дому* — всем всё ясно А мы из буквального русского перевода можем только догадаться, что *он* — это, наверное, герой, о котором идёт речь, но кто же *она?* Слушатели фульбе всё прекрасно понимают: в первом случае *она* — это нога,

а во втором случае — дорога! Такие слова в языке фульфульде принадлежат к разным классам, и местоимения, соотносящиеся с ними, тоже будут иметь разную форму (первое будет звучать как *ngal,* а второе — как *ngol*). Если в языке более 20 классов, то можно обойтись одними местоимениями: ведь тогда сказать *он* можно более чем 20 способами!

СЧИТАЙТЕ ПО-ЯПОНСКИ

Даны японские словосочетания и слова с переводом на русский язык.

нихики-но ину	две собаки
санкэн-но иэ	три дома
гонин-но мусумэ	пять девочек
гохон-но каса	пять зонтов
кухики-но усаги	девять зайцев
дзюто-но уси	десять коров
рокумай-но симбун	шесть газет
кухон-но сао	девять шестов
саннин-но гиси	три инженера
хатито-но кума	восемь медведей
рокува-но цубамэ	шесть ласточек
ситихон-но эмпицу	семь карандашей
нимай-но сара	две тарелки
дзюнихики-но хицудзи	двенадцать овец
симай-но тидзу	четыре карты
нихон-но юби	два пальца
ититō-но дзō	один слон

Слова: *эмпицу* 'карандаш', *хицудзи* 'овца', *ками* 'лист бумаги', *коя* 'хижина', *ракуда* 'верблюд', *нэко* 'кошка', *куда* 'труба', *тора* 'тигр', *нэдзуми* 'мышь', *тēтē* 'бабочка', *бин* 'бутылка', *киппу* 'билет', *сэнсэй* 'учитель'.

Переведите на японский язык следующие словосочетания: ***один лист бумаги, две хижины, три верблюда, четыре кошки, пять труб, шесть тигров, семь мышей, восемь бабочек, девять бутылок, десять билетов, одиннадцать учителей.***

СЧИТАЙТЕ ПО-ЯПОНСКИ

Каждое словосочетание состоит из трёх элементов, средний из которых ***-но*** присутствует во всех словосочетаниях (точный смысл его нельзя установить из условия задачи). Справа от него стоят существительные, причём из сопоставления переводов слов *эмпицу* и *хицудзи* видно, что в сочетаниях с числительными существительные в японском языке стоят в форме единственного числа (на самом деле они совсем не изменяются по числам).

Левые части сочетаний — числительные. Они состоят из двух частей, первая из которых обозначает число, а значение второй сложнее. Выделяются элементы: ***нин, хики, то, ва, хон, май, кэн.*** Можно видеть, что выбор элемента зависит от значения слова, с которым сочетаются числительные. В словосочетаниях, где говорится о людях, есть элемент ***нин*** (сравните с русским *пять человек рабочих*); там, где говорится о животных, — ***то, хики, ва*** (сравните с русским *двести голов овец*); там, где говорится о неодушевлённых предметах, — ***хон, май, кэн.*** По-видимому, выбор элемента при счете животных связан с тем, что на ***хики*** считают мелких зверей, на ***то*** — крупных, на ***ва*** — птиц (возможно, любых летающих животных). Что касается распределения ***хон, май*** и ***кэн,*** то слова, при счёте которых употребляется ***хон,*** имеют общий признак — цилиндрическую форму; слова, при счёте которых употребляется ***май,*** обозначают плоские предметы; на ***кэн,*** возможно, считают постройки. Таким образом, японские существительные делятся на классы, с которыми по-разному согласуются числительные. Эти классы можно сопоставить с русскими родами. Однако если в русском (или французском, немецком и многих других языках) деление существительных на классы не всегда можно объяснить, исходя из их значения, то в японском языке довольно чётко выделяется значение каждого класса. Эти вполне «вещественные» значения выражаются в числительных полностью грамматическими по своей роли морфемами.

В контрольных словосочетаниях есть числительное 11, которого нет в условии, японское числительное составляется по образцу числительного 12.

лист бумаги	*итимай-но ками*
две хижины	*никэн-но коя*
три верблюда	*санто-но ракуда*
четыре кошки	*сихики-но нэко*
пять труб	*гохон-но куда*
шесть тигров	*рокуто-но тора*
семь мышей	*ситихики-но нэдзуми*
восемь бабочек	*хатива-но тёте*
девять бутылок	*кухон-но бин*
десять билетов	*дзюмай-но киппу*
одиннадцать учителей	*дзюитинин-но сэнсэй*

А как языки обходятся без падежей существительных, распределяя роли в предложении? Во-первых, в действительности не так уж часто встречаются ситуации, где роли можно перепутать. Если у нас предложение с глаголом *читать* и двумя существительными — *девочка* и *книга*, довольно легко догадаться, кто кого читает. Хотя, конечно, бывают трудные случаи вроде предложения *Мать любит дочь.* Здесь и падежи не помогут: их формы совпали; угадать, кто кого любит, нельзя. «И всё-таки скорее мать, — подумаем мы, — иначе было бы сказано *Дочь любит мать*, т. е. слова в этом предложении были бы расставлены по-другому». И действительно, порядок слов является одной из основных «замен» грамматических падежей. В языках без падежей он помогает понять соотношение ролей в предложении: сначала главное действующее лицо, потом объект, на который воздействуют, затем инструмент и т. д. Изменившийся порядок слов будет означать, что изменились роли участников ситуации.

Языки без грамматической категории числа встречаются гораздо реже. Это прежде всего языки Юго-Восточной Азии: Китая, Бирмы, Таиланда, Лаоса, Вьетнама; есть они и среди языков индейцев Северной Америки. Как справляется язык без грамматического числа? Так же, как и мы, употребляя, например, слово *лук.* Говорящий по-русски скажет: *Я вижу лук*, совершенно не думая о том, ясно ли собеседнику, видит ли он одна маленькую луковицу, корзину лука или целую тонну. Если нужно уточнить количество лука (скажем, в кулинарном рецепте), это легко сделать другими средствами: *Вам понадобится лук —* ***три штуки*** (или ***три*** *небольшие* ***луковицы***). Очень похожим образом, добавляя при необходимости специальные слова, поступают китайцы, вьетнамцы или индейцы, говорящие на языках, где числа нет.

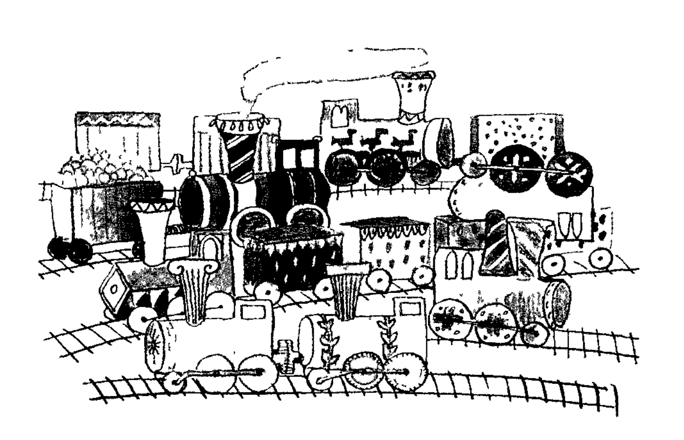
Получается, что без любой грамматической категории язык вполне может обойтись. Единственным исключением из этого правила является вид. От вида язык избавиться не может. Вид есть даже в таких языках, где нет окончаний, приставок и суффиксов, как во вьетнамском, где вид выражают специальные слова. В таком языке вместо *Поезд остановился* скажут что-нибудь вроде *Железный конь остановиться-кончиться*, вместо *Поезд останавливался — Железный*

конь остановиться-длиться, а вместо *Поезд останавливался много раз — Железный конь остановиться-возвращаться.*

Так устроены и многие западноафриканские языки (их носители живут на побережье Гвинейского залива). Наиболее известный из них — язык йору́ба в Нигерии. Это самые бедные с точки зрения грамматики языки. И, следовательно, самые демократичные — ведь они накладывают на говорящего совсем мало обязательств.

СТРОЙ ЯЗЫКОВ

У каждого народа — свои способы строить жилища. Эскимосская снеговая хижина — и́глу — не похожа на русскую деревянную избу, а турецкий глинобитный дом — на казахскую юрту из войлока. То же происходит и в разных языках: в каждом — свои способы строительства слов. В русском, как и во многих других языках мира, слова делятся на части, которые что-то значат. Такие значимые части слов лингвисты обычно называют *морфемами* (от *греч.* «mórphe» — «форма»). Слов (*лексем;* от *греч.* «léxis» — «слово», «выражение») в языке много (десятки тысяч), а морфем — немного (сотни или тысячи) Язык устроен экономно: из одних и тех же морфем можно строить разные слова, так же как, комбинируя разные вагоны, можно составлять разные поезда. Главная часть поезда, конечно, паровоз: он везёт все остальные вагоны и без него поезд — не поезд, потому что ехать он никуда не может; паровоз же способен ехать в любую сторону, прекрасно обходясь и без вагонов. И в слове тоже есть главная часть — *корень*. Он может составлять слово и один, сам по себе, а может — в сочетании с другими морфемами (*аффиксами);* зато слов без корня не бывает. Это общее свойство всех языков мира. Однако присоединяются аффиксальные морфемы к корню в разных языках по-разному.



О «ВАГОНАХ» И «БУФЕРАХ»

Как корень и другие морфемы могут располагаться друг относительно друга? Самый простой способ — паровоз, а за ним вагоны, но иногда и наоборот: сначала вагоны, а потом паровоз, который толкает их сзади. В языках мира при образовании слов используются оба способа. Правда, если один и тот же вагон поезда можно и везти, и толкать, то морфемы в языке распределены очень строго: одни могут стоять только перед корнем (*приставки,* или *префиксы),* а другие, наоборот, — за корнем (*суффиксы).* Морфемы этих двух групп никогда ни в одном языке не совпадают.

В русском языке довольно много и префиксов, и суффиксов, поэтому слово может «расти» как вперёд, так и назад: *говор,* ***раз****-говор, говор-****и-ть****,* ***под****-говар-****ива-ть****,* ***до****-говар-****ива-ть-ся****,* ***не-до****-говар-****ива-ть*** и т. д. На русский язык в этом отношении похожи венгерский и многие индоевропейские языки, такие, как немецкий, латынь, армянский. Но есть языки, где слова стремятся «расти» только в одну сторону, например вправо (тюркские языки) или влево (языки ба́нту, распространённые в Центральной и Южной Африке). В тюркских и дравидийских языках вообще нет префиксов, зато суффиксов много, и они с лёгкостью образуют длиннейшие «поезда» с «паровозом»-корнем впереди. Зато языкам банту настолько «нравятся» префиксы, что они часто употребляются вместо окончаний; даже множественное число у существительных в этих языках выражается специальным префиксом.

В языках мира встречаются и другие способы взаимного расположения корней и прочих морфем Морфема может оказаться одновременно и спереди, и сзади корня, т. е. она разрывается, как бы окружая корень. От латинских корней ***circ-*** (со значением ‘круг’, ‘кольцо’), и ***-fix*** (со значением ‘крепкий’, ‘твёрдый’, ‘прочный’) происходит название этих морфем —

СУФФИКС СО ЗНАЧЕНИЕМ «ЯЗЫК»

В русском языке есть такие значения, которые передаются только корнями, тогда как другие языки поручают их некорневым морфемам. Вот, например, само слово *язык*. Странно представить, чтобы в языке имелся, скажем, суффикс или префикс, который передавал бы именно это значение. А между тем бывает именно такой суффикс и префикс. В языке суахи́ли, одном из языков ба́нту, это префикс ***ki-***. И сочетание *язык суахили* переводится на этот язык одним словом — ***ki****swahili*, а *русский язык* — словом ***ki****rusi*. А в чешском языке для такого значения есть особый суффикс ***-ŝtina***, поэтому *русский язык* переводится на чешский как *ru****ŝtina***, а *язык суахили*, естественно, как *suahil****ŝtina***.

ПОВТОР КОРНЯ

Во многих языках для образования слов или форм слова используется повтор, удвоение корня или его части. Этот способ широко употреблялся в древних индоевропейских языках — санскрите, древнегреческом. Сейчас он распространен во многих восточных языках, например малайском: *orang* 'человек', *orang-orang* 'люди'; *mobil* 'автомобиль', *mobil-mobil* 'автомобили'; в корейском: *saram* 'человек', *saram-saram* 'каждый из людей'; в японском *yama* 'гора', *yamayama* 'горы'.

Во вьетнамском языке повтором прилагательного обозначают ослабленное качество: *lón* 'большой', *lón lón* 'довольно большой'; *otó* 'красный', *otootó* 'красноватый'.

В русском языке подобным образом выражается высокая степень признака в прилагательных и наречиях: *злой-презлой, синий-синий, белым-бело, темным-темно, крепко-накрепко, туго-натуго;* а также длительность или повторяемость действия: *ждал-ждал — не дождался, звал-звал — не дозвался.*

ц и р к у м ф и́ к с Так в русском языке образовано слово *разбежаться*, ведь ни сло́ва *бежаться*, ни слова *разбежать* в русском языке нет В других языках циркумфиксы тоже используются, однако не часто. В немецком языке с помощью циркумфикса ***ge-...-t*** образуется даже форма причастия например, *machen* по-немецки «делать», а причастие *сделанный* будет выглядеть так ***ge****-mach-****t***.

Морфема, находясь между двумя корнями, может соединять их в одно слово Такая морфема называется *и н т е р ф и́ к с* (от *лат.* inter — «между»). В русском языке есть два интерфикса — ***-о-*** и ***-е-***, а способ образования новых слов с помощью соединения корней довольно распространён· *вод-****о****-лаз, лед-****о****-ход, пыл-****е****-сос, кам-н-****е****-тёс.* Вряд ли можно считать интерфикс настоящим «вагоном» (полноценной морфемой), ведь он ничем не «нагружен», потому что интерфиксы ничего не значат Интерфикс скорее «буфер», чем «вагон»

Этот способ широко использовался в древних индоевропейских языках, особенно в древнегреческом языке и санскрите. Переводчики поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея» на русский язык постарались передать такую особенность древнегреческого языка. Вот как это получилось у Василия Андреевича Жуковского в «Одиссее»

> *Так, постоянный в бедах, Одиссей*
> *отдыхал, погружённый*
> *В сон и усталость. Афина же тою*
> *порой низлетела*
> *В* ***пышноустроенный*** *город*
> *любезных богам феакеян,*
> *Живших издавна в* ***широкополянной***
> *земле Гиперейской ..*
> *Там — Властвовал царь Алкиной,*
> ***многоумием*** *богу подобный.*

Многие гомеровские слова прижились в русском языке. Так, вслед за Гомером (и В. А Жуковским) мы привычно называем Одиссея *хитроумным*, а олимпийских богов — *небожителями*

Среди современных языков одно из первых мест по количеству сложных слов занимает немецкий язык. в нём есть несколько разных интерфиксов (***-n-***, ***-s-*** и др) Однако, если интерфиксов в языке нет, это отнюдь не значит, что в языке нет сложных слов Например, венгерский язык ненамного отстаёт от немецкого по «увлечению» сложными словами, но интерфиксами этот язык не пользуется Есть сложные сло-

САМОЕ ДЛИННОЕ НАЗВАНИЕ

Лингвист Франклин Фолсом приводит уникальный случай словосложения в валлийском языке. Это название города в Уэльсе:
Llanfairpwllgwyngyllgogerychwyrndrobwllllantysiliogogoch.

Переводится оно примерно так: «Церковь Святой Девы в долине Белого Ореха подле Бурного Водоворота и церкви Святой Цецилии». Но обычно этот город называют сокращенно: Llanfair P. G.

ва без интерфиксов и в русском: *иван-чай* или *плащ-палатка.*

Морфема может вклиниваться и внутрь корня, разрывая его, тогда она называется *и н ф и к с* (от *лат.* in — «в») Инфиксы используются в языках редко. Они были в латинском языке, где, правда, не передавали никакого самостоятельного значения, а только помогали образовывать настоящее время некоторых глаголов. Например, латинская глагольная форма ***fid**-it* означала «он расколол» (корень ***fid**-*), а форма того же глагола *fi**n**-dit* — «он раскалывает»: внутрь корня вставляется носовой инфикс ***-n-***. Это остатки древнего индоевропейского спряжения; похожие инфиксы сохранились и в литовском языке, где, например, глагол ***lip**-ti* («прилипать») образует форму настоящего времени *li**m**-pu* с инфиксом ***-m-***. Похожим образом используют инфиксы в языках Филиппинских островов. В одном из главных филиппинских языков — тага́льском — инфиксы служат для образования прошедшего и настоящего времени.

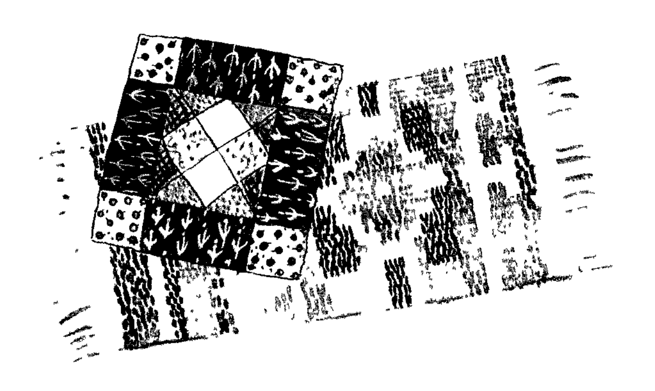
Морфема может не только разрывать корень, но и сама разрываться. Так ведут себя *т р а́ н с ф и к с ы* (от *лат.* transfixus — «пробитый», «пронзённый») Корень и трансфикс представляют собой как бы две гребёнки, вставленные друг в друга зубцами. Чрезвычайно широко используют трансфиксы все семитские языки — арабский, древнееврейский и современный иври́т, амха́рский и др. В этих языках корень может состоять только из согласных, а трансфиксы обычно содержат только гласные. Получается, что слово может существовать, только если корень и трансфикс выступают вместе. Например, арабский корень из трёх согласных, который можно записать латинскими буквами как ***fqr,*** имеет значение ‘быть бедным’, а трансфикс, образующий существительное со значением ‘тот, кто’, — это ***-a-ii-.*** Если наложить эти части слова друг на друга по определённой схеме, получится слово *faqiir* — «бедняк». Вот ещё некоторые слова с тем же корнем и другими трансфиксами: *faqura* — «он был бедным», «он нуждался»; *afqara* — «он стал бедным», «он впал в нищету»; *ufqira* — «его довели до нищеты»; *fuqr* — «бедность», «нужда»; *fuqaraa* — «бедняки», «беднота».

ВАРИТЬ ИЛИ КЛЕИТЬ?

Строение слов в языке зависит и от того, как они соединяются друг с другом внутри одной словоформы. Лингвисты говорят в таких случаях о *м о р ф е м н ы х ш в а х.* Разные языки предпочитают разные швы. В некоторых языках они *я в н ы е:* морфемы просто прикладываются друг к другу, как бы приклеиваются; они не мешают друг другу, и края их хорошо видны. Так устроены тюркские языки, индонезийский, эскимосский; близки к такому состоянию языки банту, финно-угорские, японский и многие другие.

Другие языки, наоборот, предпочитают *с к р ы т ы е* швы, когда граница между морфемами незаметна. На стыках морфем в таких случаях происходят какие-то изменения: например, одни звуки заменяются на другие, происходит *ч е р е д о в а н и е,* и в результате обе морфемы могут сильно изменить свой первоначальный облик, «сплавившись» воедино подобно металлическим деталям при сварке. Кроме того, морфемы в таких языках требовательны по отношению к соседним морфемам: далеко не все из них «соглашаются» стоять рядом.

Например, в русском языке есть такие связанные друг с другом по смыслу слова, как *рука, ручной* и *руководство.* Они имеют одну общую корневую морфему, к которой присоединяются другие, — суффиксы и корни. Но мы не можем просто так присоединить суффикс ***-н-***



В одних языках морфемы соединяются гладко, в других - сплавляются

к корню ***-рук-:*** слов *ручной* или *рукный* в русском языке не существует. Суффикс ***-н-*** «не хочет» стоять после звука ***-к-,*** ему нужно во что бы то ни стало поменять ***-к-*** на ***-ч-!*** Не потерпит этот суффикс и звука [г] (в слове *сне*[г]), и звука [х] (в слове *пу*[х]) — заставит поменяться на [ж] или [ш].

Морфема с одним и тем же значением может не только по-разному изменять соседние морфемы, но и сама по-разному изменяться в соседстве с ними. Окончание неопределённой формы глагола в русском языке может выступать по крайней мере в трёх разных видах, но и глагольному корню тоже от него «достаётся»: *несу — нести, везу — везти* (оглушается звонкий согласный корня); *плету — плести* (меняется согласный); *скребу — скрести* (тоже меняется); *пеку — печь* (вообще непонятно, где кончается корень и начинается суффикс: ***к*** сливается с ***т*** в ***ч,*** и исчезает конечное ***и***); *плыву — плыть* (конечный согласный корня здесь просто выпадает).

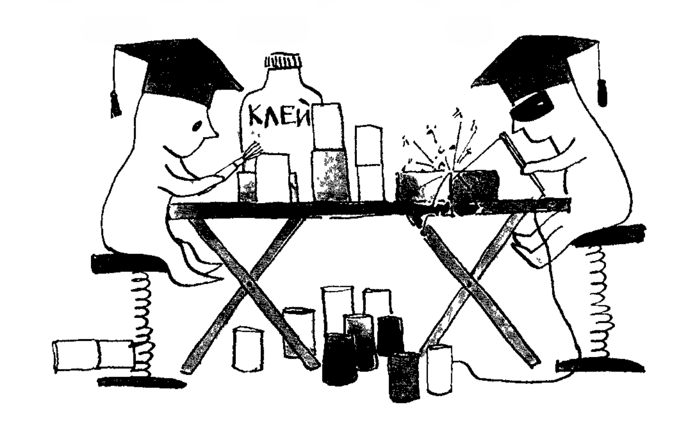
Сравним с тем, как устроен венгерский язык. Возьмём те же самые слова: *рука — kéz, ручной — kéz**i**, руководство — kéz**i**könyv.* Суффикс, образующий прилагательные от существительных, в венгерском языке всегда выглядит как ***-i-,*** к чему бы он ни присоединялся; при этом соседняя морфема остаётся такой же, как была. А слово *руководство* по-венгерски буквально переводится как «ручная книга»: просто взяли слово *könyv* «книга» и прибавили его к уже имеющейся части. Даже интерфиксов никаких не понадобилось.

А вот как склоняется венгерское слово *könyv* («книга»):

Падеж	**Единственное число**	**Множественное число**
Именительный	*könyv*	*könyv-**ek***
Винительный	*könyv-**et***	*konyv-**ek-et***
Дательный	*könyv-**nek***	*könyv-**ek-nek***

В таком языке не приходится выбирать между тремя совершенно разными окончаниями одного и того же падежа да ещё отдельно запоминать, как обозначаются падежи в единственном и во множественном числе.

Языки с «придирчивыми» морфемами, с негладкими швами, со словами-«слитками» обычно называют *фузионными* (от *лат.* fūsio — «литьё», «сплавление»), а языки с «покладистыми» морфемами, с гладкими швами, со словами-«кубиками» называют *агглютинативными* (от *лат.* ag-glutinatio — «приклеивание», «прилепливание»). Действительно, одни языки работают как бы сварочным аппаратом, а другие — клеем и кисточкой.



Понятно, в каком из двух типов языков слова будут длиннее. В агглютинативных языках так легко приставлять морфемы друг к другу, что можно делать это практически неограниченно и получать слова бесконечной длины (хотя кто захочет иметь дело с человеком, который говорит и говорит, а ни одного слова ещё не сказал!). А в фузионных языках так много приходится работать над скреплением слов, что больше четырёх-пяти морфем к корню присоединять не захочется. Зато в фузионных языках сразу ясно, где кончается одно слово и начинается другое. В агглютинативных же языках не разберёшь, где предлог — а где приставка, где суффикс — а где просто частица. Например, когда по-турецки хотят сказать *Дамы и господа!,* то вполне могут сделать это так: *Bayan ve bay* + ***-lar*** («дама и господин» + множественное число). Показатель множественного числа здесь употреблён только один раз, а относится к обоим словам! Значит, разница между словом и частью слова для турецкого языка не очень важна. Однако по-русски нам никогда не придёт в голову сказать что-то вроде *к дам- и господам,* чтобы один падежный суффикс работал сразу на два слова.

БОТАНИКА ПО-ВЕНГЕРСКИ

Даны венгерские существительные и их переводы на русский язык в перепутанном порядке: *nyírfa, körte, almák, körtefa, nyírfák, alma, almafa; береза, груша, яблоня, яблоко, березы, яблоки.*

Установите правильные переводы.

(При решении задачи обратите внимание: ***ö*** — особый гласный звук венгерского языка; знак ʹ над гласной обозначает ее долготу.)

Агглютинация и фузия — два разных принципа устройства слов в языке. А что получится, если попробовать довести оба эти принципа до предела? Могут ли, например, возникнуть языки со «сверхслитными» или «сверхнезависимыми» морфемами?

ИЗОЛИРУЮЩИЕ ЯЗЫКИ

Чем более независимы морфемы друг от друга, тем менее тесно они друг с другом связаны. Значит, предельно независимые морфемы — это те, которые вообще никак друг с другом не связаны, т. е. в языке с такими морфемами каждая (или почти каждая) морфема будет одновременно и корнем, и отдельным словом. Называют такие языки *изолирующими.*

Как в этих языках образовать новое слово? Неужели в них есть только слово *лететь* и не может быть ни слова *вылететь,* ни *прилететь,* ни *лётчик,* ни *полёт,* ни *самолёт?* Конечно, нет! Слова можно образовать из имеющихся корней: нужно лишь соединить два корня или даже просто поставить их рядом — и получится что-то среднее между сложным словом и двумя отдельными словами. В изолирующих языках очень много сложных слов — это одна из их главных особенностей. Например, мы скажем по-русски: *Он красивый,* а по-китайски придётся сказать буквально так: *Он хороший-смотреть.* Вот как изолирующий язык мог бы построить слова, которые в русском языке образуются от глагола *лететь: вылететь = лететь-выйти, прилететь = лететь-прийти, лётчик = человек-лететь, самолёт = машина-лететь* (или *железо-птица-лететь*). Ведь одну и ту же идею можно выразить и корнем, и не корнем. Разве *Рязанская земля* звучит хуже, чем *Рязанщина,* а *маленький стакан* — менее понятно, чем *стаканчик?*

Грамматические значения также можно выражать суффиксами, префиксами и корнями. Только это особые корни. Они будут означать не 'дом', 'диван', 'бежать', 'думать', 'мой', а 'прошедшее время', 'дательный падеж', 'условное наклонение'... Русское слово *бы* как раз такое. И слово *буду* в словосочетании *буду спать* выражает значение 'будущее время'. Такие специальные слова, которые используют для передачи грамматических значений, называют *служебными.*

Языки, в которых бóльшая часть грамматических значений выражается служебными словами, называются *аналитическими* (от *греч.* «análysis» — «разложение», «расчленение»). А такие языки, как русский, в противоположность им называются *синтетическими* (от *греч.* «sýnthesis» — «соединение», «составление»). Образцовыми аналитическими языками являются английский и французский. В английском предложении *The dog of my father is barking* («Собака моего отца лает») семь слов, а в русском переводе — четыре слова. Три «лишних» слова — служебные. Слово *the* обозначает определённость, слово *of* — принадлежность, слово *is* — настоящее актуальное (т. е. настоящее время длительного, или актуального, вида).

Аналитические языки есть не только в Европе. К ним относятся, например, язык хáуса (это один из самых известных языков Западной Африки, отдалённо родственный арабскому) и многие из тех языков, на которых говорят жители островов Полинезии (в центральной части Тихого океана): таúти, гавайский, мáори и др.

ИНКОРПОРИРУЮЩИЕ ЯЗЫКИ

Во что может вылиться другая крайность — максимальное объединение в одно слово? Должны получиться очень длинные слова. Длиной в роман? В повесть или хотя бы в рассказ? Как-то не верится. Может быть, размером с маленький рассказик? А ведь самый маленький рассказ —

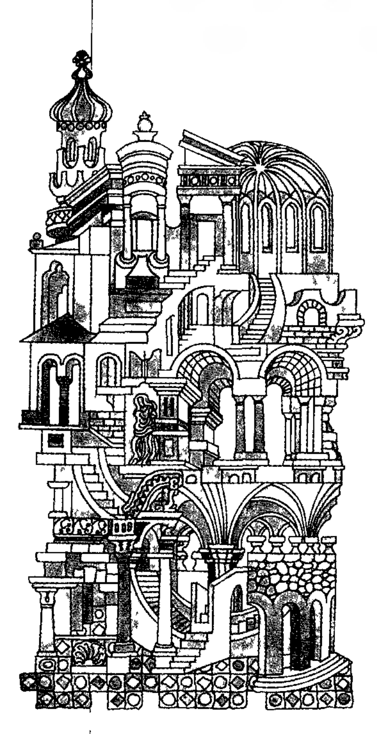
С ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО

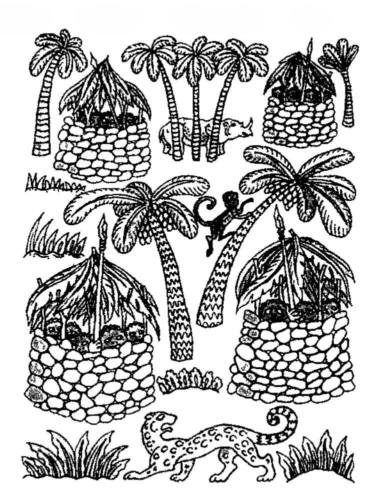
Даны фразы на русском языке и их переводы на древнекитайский язык:

(1) *Человек любит друга.*
(2) *Любовь делает друга милосердным.*
(3) *Он храбро встречает врага.*
(4) *Храбрость — душа человека.*
(5) *Он милосердно прощает врага.*
(6) *Зло — враг любви.*

1. Напишите по-древнекитайски:
(1) *Храбрость озлобляет врага.*
(2) *Прощение — друг милосердия.*

2. Переведите на русский язык всеми возможными способами:





В изолирующих языках морфемы (они же слова) никак не связаны друг с другом

В синтетических языках одна и та же форма выражает и лексическое, и грамматическое значения

В аналитических языках грамматические значения выражаются вне слов

это просто предложение. Есть языки, в которых слова, «склеиваясь» друг с другом, могут образовывать целые предложения, например вместо *Пошёл дождь* в таких языках будет сказано нечто вроде *Дождепошло,* а вместо *Сильный дождь прошёл над лесом — Лесосильнодождепрошло.* Такие языки с длинными словами-предложениями называются *инкорпорирующими* (*позднелат.* incorporatio — «включение в свой состав»; от *лат.* in — «в» и corpus — «тело», «единое целое») — одни слова в них как бы внедряются в другие.

Инкорпорирующие языки не так уж редки: к ним относится большинство индейских языков Северной и Центральной Америки (сотни!), корякский и чукотский (крайний северо-восток России), а также обширная группа эскимосско-алеутских языков (на них говорят жители Гренландии, севера Канады, Аляски, северо-востока Евразии). В них глагол (он же название ситуации) вбирает в себя всех участников ситуации — и предложение превращается в одно слово-глагол, что-то вроде *стариконеводорыболовилось.* Впрочем, от слова-глагола часто отделяется подлежащее, но зато все остальные участники ситуации «приклеиваются» к нему прочно. Получается предложение всего из двух слов: *Старик неводорыболовил.* Местоимения и прилагательные вставляются туда же: *быстроловил, большерыболовил, рыбонеловил* и т. п

Ещё одно важное свойство слов в инкорпорирующих языках — порядок морфем. Существительные в них не просто присоединяются к глаголу, а именно внедряются, вклиниваются

БОТАНИКА ПО-ВЕНГЕРСКИ

В условии задачи русских слов на одно меньше, чем венгерских, но, поскольку сказано, что даны все переводы венгерских слов, остаётся предположить, что какое-то из русских слов имеет два значения. Это слово *груша* (дерево и плод). Значит, в венгерском языке этим двум значениям соответствуют разные слова.

В венгерских словах выделяют показатели *-k* и *-fa.* Представим эти слова в виде столбиков, распределив их по корням и формальным показателям.

alma	*körte*	
almá-k		
alma-fa	*korte-fa*	*nyír-fa*
		nyír-fá-k

В русских словах выделяются значения ‘дерево’, ‘плод’, а также значения единственного/множественного числа. Это можно представить так:

яблоко	*груша* (плод)	
яблоки		
яблоня	*груша* (дерево)	*берёза*
		берёзы

Наши записи легко совместить. Значение единственного числа и плода в венгерском имеет нулевое выражение, множественное число передаётся показателем *-k* (с удлинением предшествующей гласной основы), дерева — *-fa.*

Итак, *nyírfa — берёза, körte — груша* (плод), *almák — яблоки, körtefa — груша* (дерево), *nyírfák — берёзы, alma — яблоко, almafa — яблоня.*

С ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО

В каждой древнекитайской фразе по три элемента. Сопоставляя эти элементы с русскими переводами, можно установить следующие соответствия: 人 — *человек* (1, 4); 愛 — *любит* (1), *любовь* (2, 6); 友 — *друг* (1, 2); 仁 — *делает милосердным* (2), *милосердно* (5); 勇 — *храбро* (3), *храбрость* (4); 遇 — *встречает* (3); 敵 — *враг* (3, 5, 6); 心 — *душа* (4); 請 — *прошает* (5); 惡 — зло (6).

Отсюда следует вывод, что каждый из этих элементов (иероглифов) способен выступать в разных функциях в зависимости от обшей структуры предложения и от позиции в предложении. В русских переводах представлены предложения с тремя структурами:

1. Подлежащее — сказуемое — дополнение (1, 2). В древнекитайских предложениях порядок иероглифов соответствует этой структуре.

2. *Он* — обстоятельство — сказуемое — дополнение (3, 5). Слово *он* в древнекитайском языке опускается. В остальном порядок иероглифов соответствует этой структуре.

3. Подлежашее — (именное) сказуемое — определение (4, 6). В древнекитайских предложениях порядок иероглифов соответствует этой структуре частично: определение ставится перед определяемым словом.

а) (1) 勇 惡 ('озлобляет' = 'зло') 敵

(2) 請 ('прошение' = 'прошает') 仁 ('милосердие' = 'милосердный') 友

б) Фраза может быть переведена любым из трех представленных в задаче способов:

(1) *Любовь встречает друга.*

(2) *Он любовно (с любовью) встречает друга.*

(3) *Любовь — друг встречи.*

В инкорпорируюших языках слова, сливаясь друг с другом, образуют предложение.

в глагольную словоформу, так что, например, показатели времени глагола оказываются перед существительным, а показатели вида или лица — после. Так что эскимос скажет даже не что-то вроде *вырукомылибы*, а скорее *бывылирукомы*. При этом на стыках морфем могут происходить чередования не менее сложные, чем, скажем, в русском языке, т. е. существительные не просто вклиниваются в середину глагола, но изменяются до неузнаваемости!

СВОЙСТВА СЛОВ И СВОЙСТВА ЯЗЫКОВ

Главный вывод из всего сказанного — устройство слова очень много говорит о языке в целом. Языки мира, хотя они и кажутся бесконечно разнообразными, можно разбить на группы с похожими свойствами, причём легко объяснить появление этих свойств и даже предсказать, какие типы языков ещё возможны.

Например, понятно, почему в агглютинативных языках слова довольно длинные, а в фузионных — сравнительно короткие; почему в изолирующих языках очень короткие слова (зато много сложных слов), а в аналитических языках слова тоже короткие, но сложных слов может быть гораздо меньше... Если в языке много коротких одноморфемных слов, то в нём может совсем не быть грамматики, а может и быть — если это аналитический язык. Когда слова в языке длинные, это точно значит, что в нём выражены разные грамматические значения — скорее всего есть падежи, возможно, у глагола много наклонений и т. п.

Очень важно и то, что похожие по своему устройству языки не обязательно являются близкими родственниками, и наоборот, близкородственные языки далеко не всегда похожи. Например, турецкий язык устроен очень похоже на один из крупнейших языков Южной Индии — тами́льский: оба они с гладкими морфемными швами, длинными словами и т. д. Английский язык, который является индоевропейским и германским языком, по своему устройству не похож не только на латынь, греческий и русский, но даже на ближайший родственный ему немецкий. Английский скорее ближе к африканскому языку ха́уса или к китайскому: ведь в нём (как и в этих языках) возможность образовывать из одних слов другие довольно ограниченна. Среди близкородственных славянских языков выделяется своей непохожестью болгарский язык. Он тоже напоминает язык хауса, так как из всех

УДОБНЫЕ И НЕУДОБНЫЕ ЯЗЫКИ

Можем ли мы сказать, что одни языки устроены лучше, удобнее; а другие — хуже? Современная лингвистика категорически отказывается считать, что есть языки удобные и неудобные, плохие и хорошие. Чем пристальнее мы изучаем языки, тем лучше понимаем: все языки одинаково удобны, но каждый язык — по-своему.

Язык устроен так, что в нём всегда одно удобно за счёт другого. И поскольку он всё время меняется, то и «зоны удобства» постоянно меняются местами с «зонами неудобства».

Агглютинативные языки, казалось бы, идеальная система: слова чётко делятся на части, можно выстроить слово с любым значением и по очень простым правилам. Но слова в них длинноваты и не «держатся вместе», легко рассыпаются на части, и границы между ними слабые. Зато в фузионных языках слова хорошие, «крепкие» и недлинные, да чередования замучают. И на одно значение всегда столько морфем собирается — не знаешь, какую выбрать. А вот в изолирующих языках нет ни чередований, ни длинных слов. Только корней в языке всегда намного меньше, чем разных значений, и получается, что каждый корень работает за 20: он и вместо глагольной приставки, и вместо показателя вида, и вместо суффикса какого-нибудь привычного действия — служебных морфем-то нет. Поэтому в изолирующем языке вместо того, чтобы учить грамматику, приходится учить наизусть весь словарь.

Инкорпорирующие языки удобны по-своему. Не надо делить мысль на слова, строить длинные предложения с паузами, думать о падежах и предлогах — в одном слове-предложении сразу «упакована» вся мысль. А для слушающих, конечно, такие языки не подарок, воспринимать их труднее.

славянских языков только в болгарском (и в очень похожем на него македонском) очень многие грамматические значения выражаются служебными словами и совсем нет падежей.

Именно поэтому, когда в поле зрения лингвистов попадает какой-то новый язык, они прежде всего стараются установить, как, по какому типу в нём строятся слова. Учёные говорят, что у языков с разными типами устройства слов разный *строй*. А область лингвистики, которая занимается сравнением строя языков, называется *лингвистической типологией*.

СВЯЗУЮЩИЕ НИТИ — СИНТАКСИС

ЗА ПРЕДЕЛАМИ СЛОВА

Возьмём предложение на одном языке и будем переводить его на другой – слово за словом. Пусть это будет самое простое французское предложение, безо всяких изысканных и редких оборотов, например такое: *Ce matin, j'ai pris un train pour Paris.* Если переводить его так, как мы условились — слово за словом, то получится вот что: *Это утро, я имею взятый один поезд для Париж.* Трудно даже понять, о чём идёт речь, не говоря уже о том, чтобы это была правильная или тем более красивая русская фраза. На самом деле перевести предложение надо так: *Сегодня утром я сел в парижский поезд.* Для этого надо знать, что *сегодня утром* по-французски буквально будет «это утро», что в поезда и автобусы во Франции не *садятся* — их «берут», что поезд *в* или *на* какой-то город — это по-французски поезд «для» и, наконец, что *иметь* во французском языке — вспомогательный глагол, который образует прошедшее время. Ещё нужно помнить, что слово *один* на русский язык часто просто не переводится — в тех случаях, когда говорящий не имеет в виду, что поезд только один, а других не было, а хочет сказать, что это был любой, всё равно какой поезд.

Итак, языки различаются между собой не только словами, но и тем, каким образом слова в них могут (или должны) соединяться друг с другом. Ведь человек говорит не словами, а целыми предложениями, и даже не предложениями, а текстами, и язык предназначен в конечном счёте именно для создания текстов.

ПОРЯДОК СЛОВ

Самая очевидная причина, мешающая нам переводить все слова друг за другом, — это неодинаковый порядок слов в предложениях в разных языках. Когда человек говорит, он не может произнести все слова одновременно (хотя иног-

да очень хочется). Приходится устанавливать очередь: сначала прилагательное, за ним существительное, потом — глагол. Или наоборот — как принято в данном языке.

Что касается прилагательных и существительных, то здесь есть две очевидные возможности: или прилагательное стоит перед существительным *(обыкновенный дракон),* или наоборот *(дракон обыкновенный).* В русском языке обычно прилагательное-определение ставится перед определяемым словом — это основной порядок русского языка. Но в некоторых особых случаях прилагательному предписано располагаться после существительного. Встретив в джунглях дракона, вы внимательно посмотрите на него и скажете своему спутнику: *Не бойся, Вася, это же* ***обыкновенный дракон!*** Однако в Зоологическом музее рядом с чучелом дракона будет стоять табличка с надписью: ***Дракон обыкновенный.*** *Остров Борнео. Руками не трогать!*

В обоих случаях нужен именно такой порядок слов, а не другой. Ведь говоря *обыкновенный дракон,* вы просто выражаете своё мнение о встреченном вами драконе, а *дракон обыкновенный* — это уже биологический вид, объективный научный факт. *Обыкновенный дракон* стоит в одном ряду с *необыкновенным драконом, потрясающим драконом, невиданным драконом, невзрачным и тощим драконом* и т. п. А *дракон обыкновенный* — вместе с *драконом китайским, драконом крылатым, драконом горным* и остальными видами драконов.

В других языках — другие правила. В английском языке прилагательное помещают только перед существительными *(big dragon);* так же обстоит дело в китайском, венгерском, армянском и многих других языках. В языке суахили прилагательное всегда следует за существительным; таких языков меньше, но они тоже встречаются. Во французском большинство прилагательных ставится после существительных, но самые употребительные и короткие из них (например, *grand* 'большой', *vrai* 'настоящий') могут стоять и впереди. Если изменить место прилагательного во французском языке, это может иметь довольно неожиданные последствия. *grand homme* 'великий человек', но *homme grand* 'человек высокого роста'; *vrai ours* 'настоящий медведь', 'просто медведь' (так скажут, если стул, на который вы сели, сразу сломался), но *ours vrai* 'настоящий медведь' (а не игрушечный — лучше близко не подходить!) и т. д. Всегда перед существительным во французском языке будут стоять и слова со значением 'этот', 'тот', 'мой', 'другой' (а в суахили и они помещаются после существительного).

Есть свои правила и для глаголов. В предложении глагол-сказуемое связан прежде всего с двумя типами существительных: с подлежащим (кто? что?) и дополнением (кого? что?). В тройке ПДГ (подлежащее — дополнение — глагол) возможны шесть разных порядков слов. Например, ПДГ: *Рука руку моет;* ГДП: *Моет руку рука;* ДГП: *Руку моет рука* и т. д. Какие же из этих порядков встречаются в языках мира? Оказывается, все! Более двух третей всех языков мира выбрали либо порядок ПДГ (глагол в конце: *Рука руку моет*), либо ПГД (глагол в середине: *Рука моет руку*). Третий по распространённости порядок — это ГПД (глагол в начале: *Моет рука руку*).

Чаще всего подлежащее идёт раньше дополнения. Это и понятно, ведь главным в предложении является или название действия, т. е. глагол, или название того, с кем всё это происходит, — в большинстве языков мира такой главный герой действия становится подлежащим. С него и начинают рассказ. Кроме того, надо как-то отличить подлежащее от дополнения (чтобы точно знать, например, кто кого *моет*), и если в языке нет падежей, то порядок слов становится для этого основным средством. Подлежащее должно быть первым, а дополнение — вторым, и хорошо, если между ними ещё будет стоять глагол. Именно так строится предложение в большинстве языков без падежей — от английского до китайского. А в языках с падежами глагол может либо спокойно отправляться в самый конец предложения (как в тюркских или дагестанских языках), либо гордо возглавлять его. Так устроены, например, арабский или ирландский языки.

В русском языке возможны все порядки слов (по крайней мере, три основных вида), только встречаются они в разных типах предложений. Например, когда мы начинаем рассказ и хотим сообщить лишь о том, что случилось, мы

обычно начинаем со сказуемого: ***Ехал** грека через реку, **видит** грека — в реке рак*... Есть очень много таких случаев, когда мы должны поставить сказуемое на последнее место в предложении: *Кто это **сделал?** Как тебя **зовут?** Твоё имя я так и не **вспомнил.*** А самый частый случай для русского языка — это глагол в середине: *Старуха **пряла** свою пряжу.*

Получается, что в русском языке порядок слов зависит не столько от самих слов, сколько от того, что именно хочет донести до нас говорящий: сообщить новость, задать вопрос, продолжить рассказ, уточнить сказанное... Такой порядок слов обычно называют *свободным.* А в английском предложении ни в коем случае нельзя изменять раз и навсегда заданный порядок слов — потому он называется в таких языках *жёстким.*

Однако русский язык ещё не предел словесной свободы. Один из признанных «рекордсменов» в этой области — классический латинский язык, каким он дошёл до нас в произведениях античной эпохи. Как бы мы ни переставляли в русском языке связанные друг с другом слова, мы всё же стараемся не отрывать их друг от друга. Мы можем сказать *Пришла весна* или *Весна пришла; Синее море* или *Море синее.* Гораздо реже, например, слово *море* оказывается в начале русского предложения, а связанное с ним слово *синее* — в его конце. В латинском же языке это было абсолютно нормальным явлением, имевшим свой смысл: чем дальше слово отрывалось от своих соседей, тем важнее оно было для говорящего. Вместо того чтобы сказать: *Среди римлян он считался первым поэтом,* римляне говорили: *Первым он считался среди римлян поэтом.*

Хорошо, когда в предложении только одно прилагательное. А если их несколько? В латинском языке было три рода и шесть падежей — определить, что к чему относится, можно было почти всегда. Вот и разбрасывали римские авторы, особенно поэты, свои прилагательные по всему предложению — им казалось, чем запутаннее выйдет узор из прилагательных и существительных, тем изысканнее получится текст.

А. С. Пушкин, когда писал в поэме «Цыганы» о знаменитом римском поэте Публии Овидии Назоне, сосланном императором Августом в полудикое Причерноморье, воспроизвёл эту изощрённую манеру латинских стихотворцев:

> *...И завещал он, умирая,*
> *Чтобы на юг перенесли*
> *Его тоскующие кости,*
> *И смертью — чуждой сей земли —*
> *Не успокоенные гости.*

Это значит: *гости сей чуждой земли, не успокоенные и смертью,* и сказано было так, как могло быть в латинском языке.

СЛОВА И КОНСТРУКЦИИ

Мало расположить слова в правильном порядке. Оказывается, в разных языках у слов самые разные требования к соседям — связанным с ними словам.

Больше всего таких требований у глаголов, ведь глагол обозначает ситуацию, и нам нужно как-то различать роли всех её участников: либо за каждым из них закрепить особый падеж, либо поставить рядом с ним нужный предлог (или послелог), либо, наконец, дать ему постоянное место перед глаголом или после него. За всё это отвечает глагол.

Даже если набор падежей в двух языках примерно совпадает, это ещё не гарантирует, что глаголы с одинаковым значением будут в таких языках, как говорят лингвисты, управлять одинаковыми падежами. С одной стороны, по-русски мы *поздравляем* и *благодарим* ***кого-то,*** а по-немецки и по-чешски — ***кому-то,*** зато по-русски мы *помогаем* ***кому-то,*** а на латыни — ***кого-то.*** С другой стороны, и по-русски, и по-немецки глагол *щадить* требует винительного падежа *(щадить* ***кого-то****)*, а в латинском и исландском языках правильными будут только сочетания с дательным падежом *(щадить* ***кому-то****)*. Глагол часто требует после себя какого-нибудь предлога: например, по-русски говорят *заботиться* ***о ком-то,*** по-немецки — ***для кого-то,*** а по-французски этот глагол употребляется с дополнением без предлога. По-русски правильно сказать *удивляться* ***чему-то*** (с дательным падежом без предлога), по-немецки — *удивляться* ***через что-то*** (предлог с винительным падежом), а по-французски — ***от чего-то.*** Так что, если ваш друг из Германии сказал *Благодарю вам!,* он просто поступил с русским глаголом так же, как привык поступать со своим родным немецким.

Один из самых непредсказуемых — глагол *бояться:* по-русски скажут *Он боится* ***грозы*** (с родительным падежом), по-немецки (буквально): *Он боится* ***перед грозой,*** а во многих дагестанских языках нужно сказать: *Он боится* ***от грозы*** или даже ***из-под грозы.*** В японском же языке этот глагол будет вести себя совсем загадочно — там говорят: *Он боится* ***гроза*** (со словом *гроза* без предлога и в именительном падеже).

Однако требования к соседним словам могут предъявлять не только глаголы. Возьмите, например, предлоги. По-русски мы говорим: *Это было* ***в три часа в среду*** (почему-то оба раза в винительном падеже), но *это было* ***в январе*** (здесь предлог уже требует предложного падежа); а в английском языке в этих случаях (во всех трёх!) предлоги будут разные: *It was* ***at three o'clock*** (буквально 'у трёх часов'); *It was* ***on Wednesday*** ('на среде'); *It was* ***in January*** ('в январе'). В русском языке предлоги никогда не соединяются с глаголами — только с существительными. Например, мы можем сказать *перед уходом, для работы,* но никогда не скажем *перед уйти* или *для работать.* Зато во французском языке предлоги спокойно «соглашаются» стоять рядом с глаголами: *avant de partir* буквально переводится 'перед уйти', а *pour travailler* — 'для работать'.

Свои «капризы» есть и у прилагательных. Можно ли по-русски сказать: *Эта кукла хорошая играть* или *Эта книга лёгкая читать?* Конечно нет — русские прилагательные обычно запрещают формам глагола стоять рядом с ними (выразиться нужно как-то по-другому: например, превратив глагол в существительное: *лёгкий для чтения*). А в английском такое соседство прилагательного с глаголом — вполне нормальное явление; можно сказать: *This book is easy to read.*

Требования слов к своим соседям могут распространяться не только на отдельные слова, но и на целые предложения. Например, по-русски мы иногда говорим так: *Я знаю, что ты придёшь,* хотя должны сказать: *Я хочу, чтобы ты пришла.* Несмотря на то что событие, которого ждут или хотят, явно относится к будущему времени, всё равно в предложении с глаголом *хотеть* нужно употребить форму сослагательного наклонения. По-русски нельзя сказать: *Я хочу, что ты придёшь.* Так же устроен глагол *хотеть* и подобные ему глаголы в других европейских языках, но отнюдь не во всех языках мира.

В латинском языке, а вслед за ним во французском и (под его влиянием) в английском легко можно встретить, например, такое предложение: *Царь видел её танцевать,* что означает 'Царь видел, что она танцевала'. В нём как бы «склеиваются» две структуры: *видеть* ***кого-то*** (объект выражается винительным падежом)

КУРДСКАЯ МУДРОСТЬ

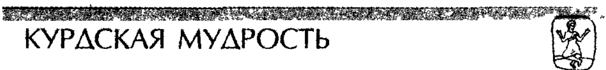
Даны пословицы на курдском языке и их переводы на русский язык.

(1) *Дәрд дәрд дьзә.*
«Нужда рождает нужду».
(2) *К' сиб дәрде к'әсиб дьхунә.*
«Бедняк понимает нужду бедняка».
(3) *Гае qәлп баре гьран нагьртә.*
«Ленивый бык не берёт тяжелую ношу».
(4) *Шер гоште шер нахwә, шер гоште га дьхwә.*
«Лев не ест мясо льва, лев ест мясо быка».
(5) *Ч'ә'век'ор саг' дьбә, дьле qәлп саг' набә.*
«Слепой глаз становится здоровым, ленивое сердце не становится здоровым».

Переведите на курдский язык:

(1) *Ленивый лев ест мясо.*
(2) *Здоровый бедняк берёт ношу.*
(3) *Бык бедняка не понимает бедняка.*

(При решении задачи обратите внимание: [г'], [к'], [ч'], [q], [w] — особые согласные звуки, а ә', ә, ь — особые гласные звуки курдского языка.)



КУРДСКАЯ МУДРОСТЬ

Сопоставляя слова в курдских пословицах, установите прежде всего порядок слов в предложениях: подлежащее (+ определение к подлежащему) + дополнение (+ определение к дополнению) + сказуемое.

Из сравнения существительных видно, что прямые и косвенные падежи в курдском языке не различаются (номера в скобках соответствуют номерам предложений): *дәрд* (1) встречается в роли как подлежащего, так и прямого дополнения; *к'әсиб* (2), а также *шер* (4) — в роли подлежащего и определения; русское слово *нужда* в винительном падеже переводится формой без **-е** в (1) и с **-е** в (2); подлежащее не имеет **-е** в (1), (2) и (4) и употреблено в форме с **-е** в (3) и (5) и т. д. Распределение форм с **-е** и без **-е** невозможно отождествить с какой-то одной известной категорией в русском языке, однако представленного материала достаточно, чтобы строго объяснить это распределение. Существительное принимает особую форму на **-е**, если при нем есть определение (в том числе и такое, которое соответствует русской форме родительного падежа). В этой задаче встречается и з а ф е т (от *араб.* «аль-идафату» — «добавление»).

Сказуемое в утвердительной форме имеет показатель ***дь-***, в отрицательной — ***на-***.

Переводы:

(1) *Шере qәлп гошт дьхwе.*

(2) *К'әсибе саг'е бар дьгьртә.*

(3) *Гае к'әсиб к'әсиб нахунә.*

и *видеть* ***что-то*** (объект — наблюдаемая ситуация — выражается неопределённой формой глагола). Это очень ёмкий и лаконичный способ выражения, в котором нет абсолютно ничего лишнего. ни союзов, ни других вспомогательных слов Недаром латинский язык славился своей сжатостью и точностью По-русски невозможно повторить этот оборот буквально — приходится быть более многословными

В общем почти у каждого слова в языке оказываются свои требования к соседям Цепочки слов, образованные в соответствии с такими требованиями, в лингвистике принято называть *к о н с т р у к ц и я м и* (от *лат.* constructio — «строение», «устройство»). *(Кто-то) видит (кого-то) что-то делать* — это особая глагольная конструкция латинского языка (глагольная потому, что «командует» выбором форм слов здесь, конечно, глагол). Латинский глагол *видеть* в такой конструкции, как говорят лингвисты, участвует, а глагол *любоваться,* например, не участвует, ему нужна другая конструкция.

Не все слова соглашаются стоять рядом в предложении

В языках бывают не только глагольные конструкции· встречаются и разнообразные предложные конструкции, и многие другие. Изучает и описывает конструкции раздел лингвистики, который занимается не словами, а их связями друг с другом, — *с и н т а к с и с* (от *греч.* «sýntaxis» — «построение», «порядок»)

В различиях между типами конструкций отражаются очень важные и глубокие различия между языками. Сравните структуру предложения,

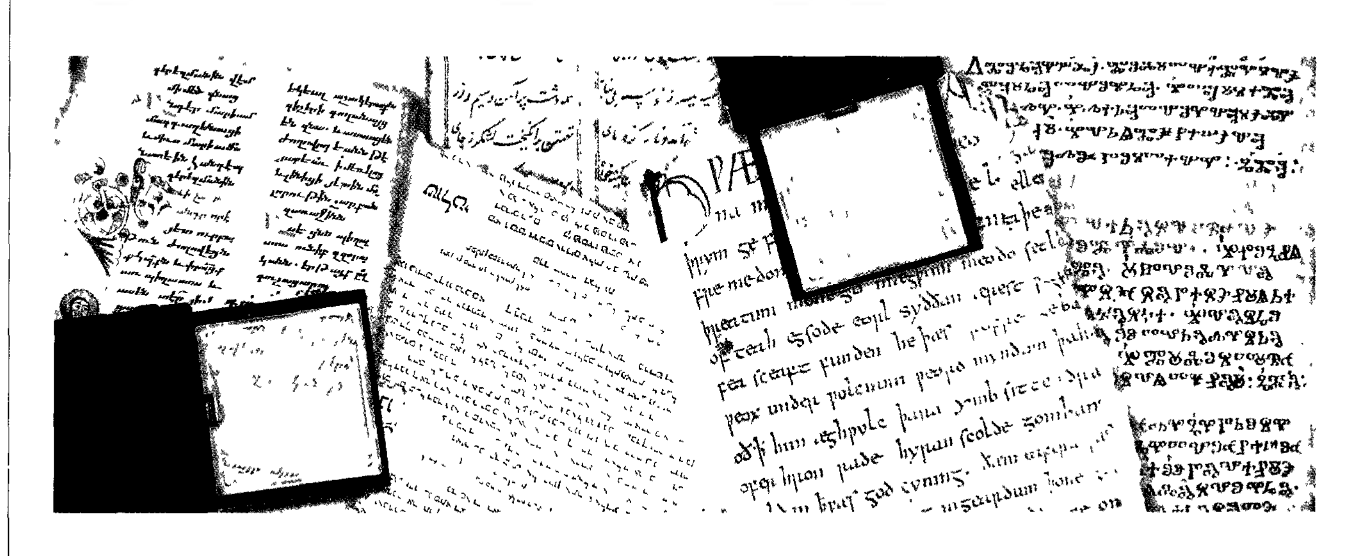
описывающего, как человек испытывает какое-то ощущение в разных языках. В русском здесь появится дательный падеж: *Мне холодно.* Похожим образом — с дательным падежом — предложение будет звучать и по-немецки: *Mir ist kalt.* Во французском языке этому будет соответствовать другая конструкция: *J'ai froid,* т. е. буквально: 'Я имею холод'. Такой переход от *мне* к *я* очень характерен для самого духа французского языка: говорящий прямо и недвусмысленно объявляет себя главным действующим лицом. Почти то же самое, с таким же переходом от *мне* к *я*, произойдёт, если перевести предложение на английский язык, только выражена эта мысль будет чуть иначе: *I'm cold,* т. е. буквально 'Я есть холодный'. Идея ощущения передаётся здесь не через идею обладания (как во французском), а через идею свойства: если я чувствую холод, это значит, что я сам изменился, стал другим («холодным», точнее, «мёрзнущим»). А во многих неевропейских языках (например, в языках Африки) о том же будет сказано совсем иначе, например буквально так: *Холод меня взял.* (Кстати, в русском языке тоже есть такие конструкции: *Его взяла досада; Его охватила злоба* — только встречаются они реже.) В этом случае человек, испытывающий какие-то ощущения, уподобляется пассивному объекту: не он чувствует нечто, а, можно сказать, «его чувствуют».

Существует ещё одно очень интересное отличие. Лингвисты давно заметили, что все языки можно разделить на «*иметь*»-языки и «*быть*»-языки. Первые языки выражают идею обладания особым глаголом типа *иметь,* т. е. приравнивают обладание к активному действию — такому же, как, например, *брать, держать* и *класть.* В этих языках (к ним опять-таки относится большинство европейских языков, в том числе английский, немецкий и французский) вам встретятся предложения, буквальный перевод которых будет выглядеть так: *Я имею кошку. Я имею брата. Я имею немного денег.*

С точки зрения русского языка (хотя в нём и существует глагол *иметь*) эти предложения выглядят очень странно. Обладание очень редко выражается по-русски глаголом *иметь* — обычно, лишь когда речь идёт о несуществующем (воображаемом, желаемом и т. п.) обладании, «обладании вообще», например: «*Не имей сто рублей, а имей сто друзей*». «*Думайте сами, решайте сами: иметь или не иметь?*» В обычной ситуации мы говорим иначе: *У меня есть кошка. У меня есть брат. У меня есть немного денег.*

Русский язык принадлежит ко второму типу языков, которые приравнивают обладание к свойству или, точнее, к местонахождению *(что-то где-то есть; что-то у кого-то есть).* В языках первого типа тот, кто имеет, рассматривается как активная личность, как «приобретатель» (хотя, например, на то, есть у вас брат или нет, вы никак повлиять не можете). В языках же второго типа тот, кто имеет, рассматривается пассивно — скорее как «хранитель» и даже как «хранилище» (есть около вас деньги или нет — всё это происходит по воле судьбы и от вас не зависит).

К «иметь»-языкам относятся не только западноевропейские, но и почти все славянские: чешский, польский, белорусский и болгарский. Только русский язык остаётся ярким представителем «быть»-языков — вместе со многими тюркскими, финно-угорскими, дагестанскими, японским и другими языками... А латынь была, пожалуй, одновременно и «быть»-, и «иметь»-языком. В классическом его варианте одинаково правильно можно было сказать и *Habeo domum* («Я имею дом»), и *Domum mihi est* («Мне есть дом»). И то, и другое значило 'У меня есть дом'. Борьба между *быть* и *иметь* в латинском языке закончилась, как известно, победой глагола *иметь* во всех его потомках. Вообще лингвисты считают, что древние индоевропейские языки выражали идею обладания с помощью глагола *быть* чаще, чем современные.



ЯЗЫКИ РАЗВИВАЮТСЯ

КАК ПРОНИКНУТЬ В ПРОШЛОЕ ЯЗЫКА

ДВЕ КООРДИНАТЫ

Многие привычные вещи обретают совершенно иной смысл, если вспомнить их историю. При встрече мужчины, здороваясь, пожимают друг другу правую руку. Этот обычай родился много столетий назад, когда мужчина отправлялся в путь только вооружённым, потому что каждый встречный мог оказаться врагом. Тогда открытая ладонь правой руки означала: «Я не держу оружия, давай мирно встретимся и мирно разойдёмся». Теперь этот смысл утрачен — осталось правило этикета. Однако человеку, которого не уважают, от которого ждут подлости, руки не подадут...

Возьмём какое-нибудь русское слово, например *искромётный*. По-видимому, ни у кого из читающих эти строки нет ни малейшего сомнения в том, что это сложное слово, в котором выделяются два корня: ***-искр-*** *(искра)* и ***-мет-*** *(метать)*, и что оно производно от словосочетания *метать искры*. Правда, если попытаться сказать, что́ именно «мечет искры», то возникнут некоторые затруднения. Например, искры могут отскакивать от полена или от горящего костра, но мало кому придёт в голову назвать полено искромётным. Скорее это прилагательное применимо к таким существительным, как *вино, юмор, смех*, т. е. его употребляют в переносном, поэтическом значении. В прямом смысле можно вспомнить разве что *искромётный метеор* из стихов Ивана Бунина. Толковые словари при слове *искромётный*, как

правило, дают пометы: «книжн.» (книжное), «поэтич.» (поэтическое) и т. п. Странное слово. В переносном значении употребляется, а в прямом — нет.

Поищем «родственников» этого слова в русских диалектах. В смоленских говорах есть слово *искромётина* 'искра, занесённая куда-либо ветром', в тверских — *искромётка* 'лучина для растопки'. Владимир Иванович Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка», приводя в пример последнее слово, комментирует его замечанием: «.. ошибочно по произношению *аскраметка*». Ошибочно ли? Усомниться в этом заставляют диалектные новгородские слова *оскремёток* 'щепка' и *оскремётки* 'куски льдин'. В псковских и тверских говорах отмечены слова *шкремётка* 'черепок', а в украинских — *шкрем́ітки* 'мелкие обрезки и обломки меди, остающиеся при выделке различных медных вещей'. Расширив круг поисков, в родственном сербскохорватском языке можно найти похожее слово *шкрамица* 'крошечка'.

Значения всех этих слов обобщаются в одно: 'осколок', 'отколовшаяся, отлетевшая частица' Все они восходят к древнему, ещё дославянскому, корню ***sker-** (в лингвистических текстах звёздочка, или астериск, перед словом или корнем означает, что они не взяты прямо из какого-нибудь языка, а восстановлены учёными-лингвистами). Этот корень означал 'резать', к нему присоединили ещё элемент ***-m-*** (когда-то он был суффиксом): ***-sker-m-.** Корень ***skerm-,** точнее ***(s)kerm-** (потому что начальное ***s-*** могло отсутствовать), есть во многих славянских и родственных им языках: русское *кромсать, кромка* 'обрезанный край', *кремень* — первоначально, очевидно, 'осколок', 'обрубок', верхнелужицкое *krjemić* — 'дробить', 'крошить', немецкое *schrammen* 'царапать', *Schramme* 'шрам', 'рубец' (русское слово *шрам* заимствовано из немецкого), греческое *kérma* 'обрезок', литовское *krãmas* 'струп', *krems* 'кремень' В конце концов, само слово *искра* когда-то, вероятно, значило 'осколок', 'отлетевшая частица'. Начальное ***и-*** в этом слове — приставочное. Такая же приставка есть и в диалектных словах *и-вер, и-верень* 'щепка', 'стружка', 'черепок', 'мусор'.

Древний корень ***(s)ker-** можно обнаружить и в латинском *carpo* 'дёргаю', 'щиплю', 'рву', литовском *kir̃pti* 'стричь', 'резать', даже в русском *черпать* — это ведь тоже 'отделение части от целого'. Замечательно, что слову *искромётка,* упоминавшемуся ранее, полностью соответствует сибирское *искроподки* 'грязь, вылетающая из-под копыт скачущей лошади', тоже 'отделённая от целого'.

История языка требует выделять в прилагательном *искромётный* корень ***-кром-*** или ***-скром-,*** а остальную часть считать суффиксальной. Что же получается? Трактовка слова *искромётный* как сложного, двукорневого неверна? Но ведь от того, что мы вспомнили историю рукопожатия, оно для нас не перестало быть вежливым приветствием, никак не связанным с мечами или копьями. Так и здесь — справедливы обе точки зрения. С позиций современного русского литературного языка *искромётный,* несомненно, сложное, двукорневое слово, образованное от словосочетания *метать искры.* С точки зрения происхождения и исторических связей это слово является простым, однокорневым и никак не связано с глаголом *метать.* Постепенно слово *оскремётка* 'осколок', 'щепка' в начальной своей части фонетически «подладилось» под слово *искра.* Часть ***-мет-*** стала ассоциироваться с корнем глагола *метать,* а всё слово в целом было переосмыслено. Это случилось не так давно, поэтому такие естественные, казалось бы, сочетания, как *искромётное полено,* просто не успели сложиться. А поэтическое, метафорическое употребление слов более подвижно, для него не нужна долгая практика.

Итак, любой языковой факт существует как бы в двух плоскостях. Во-первых, он может быть рассмотрен с позиций современного языка. Любая языковая единица (звук, фонема, морфема, слово, предложение и т. д.) существует в определённых связях с другими единицами языка,

занимает определённое место в системе языка. Это «измерение» языка великий швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр (1857—1913; см. статью «Язык, его структура. Фердинанд де Соссюр») назвал «осью одновременности», или *синхроническим аспектом* языка (от *греч.* «syn» — «с», «вместе с» и «chrónos» — «время»). С позиции синхронии язык — система устойчивая, жёсткая, что позволяет ему нормально исполнять свои обязанности: служить средством общения.

Во-вторых, языковой факт можно проанализировать с точки зрения его истории, происхождения и развития. Любой язык — результат длительной эволюции, которую хотя бы частично можно восстановить. Это «измерение» было названо Соссюром «осью времени (разновременности)», или *диахроническим аспектом* (от *греч.* «dia» — «через», «в течение», «в продолжение» и «chrónos» — «время»). Многие странности и причудливости системы языка благодаря диахронии получают объяснение, становясь более понятными.

Синхрония и диахрония — это важнейшая система координат, в которой существует язык. В соответствии с тем, на какую из этих координат направлено внимание лингвиста, в языкознании различаются синхроническое и диахроническое (или историческое) направления (см. статью «Вдоль и поперёк языка. Синхрония и диахрония»).

Лингвисты, которые специализируются в области диахронии (исторического языкознания), ставят перед собой задачу восстановить (реконструировать) прежнее состояние языка. Это очень трудная задача. Как же им удаётся заглянуть в прошлое языка?

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД: ЛИСТАЯ ДРЕВНИЕ РУКОПИСИ И СВЕЖИЕ ГАЗЕТЫ

Важный источник сведений об истории языка — памятники письменности. Прежде всего это, конечно, древние манускрипты. Однако изучать нужно и языковые изменения последних лет, так что вчерашняя газета тоже памятник письменности. Учёные сравнивают языковые факты, относящиеся к разным эпохам и засвидетельствованные в письменных текстах. Это позволяет им делать выводы о том, как изменялись те или иные единицы языка и его система в целом. Такой метод языковой реконструкции называют *филологическим.*

ЦЕННЫЕ ОШИБКИ

Иногда незаменимую помощь для восстановления звучания той или иной буквы, того или иного слова оказывают ошибки древних переписчиков, которые, как и наши не вполне грамотные современники, подчас писали, как слышится, а не так, как требовало традиционное, более архаичное написание.

Например, переписывая старославянский текст, древнерусский писец сделал ошибку: вместо правильного написания *сънь* он написал *сонь*. Это позволит сделать вывод, что **ъ** и ***о*** звучали для него одинаково (наподобие того, как в современном русском языке одинаково звучат ***о*** и ***а*** в безударной позиции: *в*[а]*дá*/*с*[а]*ды́*). Но это значит также, что в более древние времена, когда писцы не делали подобных ошибок, **ъ** и ***о*** звучали по-разному.

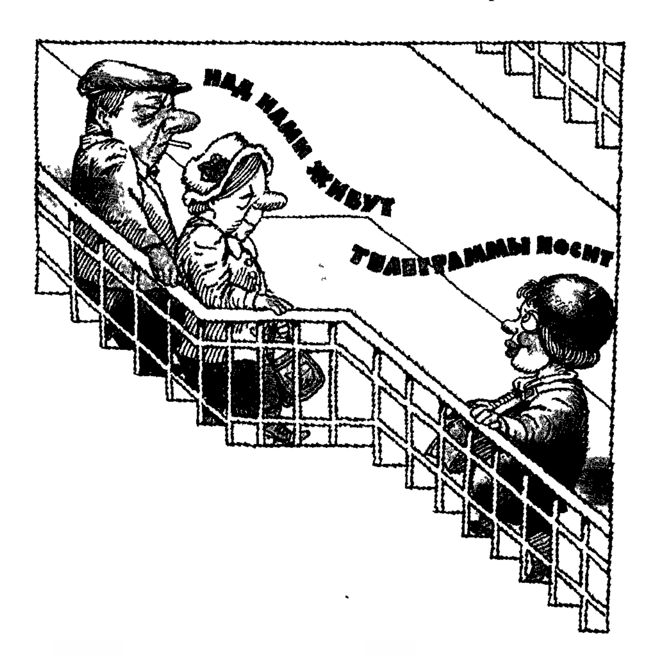
Замечательно информативными оказываются орфографические ошибки древних римлян. Не вполне грамотные носители латинского языка пишут *pake* 'мир' вместо *pace, dekembris* 'декабрь' вместо *decembris, cresquet* 'растёт' вместо *crescet*. А значит, ***c*** в это время звучало ещё как ***k***.

В современном русском языке слово *доконать* употребляется лишь в значении 'довести до крайности', 'погубить'. Это значение, если судить по памятникам русской письменности, отмечается с XVIII в. Более ранние тексты содержат другое, «положительное» значение: 'совершить', 'сделать'. Согласно одному памятнику XVII в., «*тот, которой доконает... похвалу емлет*» (т. е. «тот, кто доведёт дело до конца, достоин похвалы»). Другое старинное значение этого слова — 'принять решение', 'установить', 'доказать что-либо'.

Филологический метод исследует главным образом старинные письменные тексты. Это очень почтенный метод, но у него, к сожалению, немало недостатков. Три четверти языков мира — бесписьменные. Значит, изучать их историю по

памятникам невозможно. Языков же с древней письменностью, позволяющей заглянуть в далёкое прошлое, совсем немного. Кроме того, письменность не всегда позволяет проследить изменения в устной речи. Письменность консервативна. Например, нормы очень архаичной английской или французской орфографии не менялись столетиями и изменения в произношении на письме не отражались.

Наконец, письменность ориентируется на литературную норму и отгораживается от стихии устной (разговорной) речи. Устная речь имеет многочисленные отличия от письменной, но они фиксируются очень редко (например, у писателей, создающих речевой портрет своих героев). Наше языковое сознание, воспитанное на уважении к книжному слову, склонно относить особенности устной речи к ошибкам, нарушениям правил. Однако непредвзятое исследование разговорной речи показывает, что за этими мнимыми ошибками стоит собственная система В письменной речи совершенно невозможны названия лиц вроде *над нами живут, молоко носит;* для разговорной речи подобные образования обычны: *Над нами живут в Киев уезжают слышала; Молоко носит не приходила?* Исследования показали, что это не сокращения конструкций типа *те, которые над нами живут.* Наоборот, книжные (полные) конструкции возникли на основе разговорных (неполных). В устной речи эту синтаксическую незаконченность восполняет интонация; на письме интонация не передаётся, и



письменный язык нуждается в каком-то добавочном прояснении синтаксических связей. Всё это затрудняет исследования по истории языка. Если учесть, что многие иероглифические системы письма, например китайская, вообще не передают звучание слов, то становится понятной вся трудность реконструкции языков прошлого.

В современном русском языке существует не менее 15 тыс. слов, восходящих к праславянской эпохе, возраст которых больше тысячи лет. Однако из них в памятниках древнерусского языка встречается приблизительно 8—9 тыс. слов. Да и те, которым «посчастливилось», могут впервые отмечаться весьма поздно. Например, такие слова, как *гибкий, гриб, долото, журавль, кашлять, клин, клоп, кусок, линять, липа, манить, мякина, ножка,* впервые фиксируются с XVI в., а слова *бабушка, брызгать, гнёт, груз, зевать, лиса, малина, ноша, нырять, плутать* — только с XVII в. Значит ли это, что приведённые слова ранее не употреблялись? Вовсе нет. Это очень старые слова, некоторые из них существовали, правда в иной фонетической форме, ещё в дославянскую эпоху. Они отсутствуют в ранних памятниках из-за узкого состава жанров письменной речи, тематической ограниченности древних текстов. В самом деле, могли ли слова *зевать, клоп* или *кутать* оказаться в летописи, в дипломатическом документе, в древнерусском переводе Евангелия или в духовном поучении? На судьбе письменного слова сказываются и просто случайности. Так, например, впервые слово *доконать* встречается в памятниках XV столетия, тогда как производный глагол *доконатися* отмечен в тексте, датированном 1388 г.

МЕТОД ВНУТРЕННЕЙ РЕКОНСТРУКЦИИ: ОСТАВАЯСЬ В ПРЕДЕЛАХ ОДНОГО ЯЗЫКА

Восстановить историю языка хотя бы в отдельных фрагментах можно, сравнивая между собой факты современного языка. Это *метод внутренней реконструкции* (называется он так, поскольку не выходит за пределы одного языка). Внутренняя реконструкция возможна благодаря тому, что в языке застывают результаты исторических процессов, происходивших в разное время; старое и новое в нём сосуществуют.

Вот простейший пример из области фонетики. В современном русском языке существует закономерность — звонкие и глухие согласные в определённых позициях чередуются:

пло[т] — *пло*[д]*ов*,
стро[к] — *стро*[г]*ий*,
ро[ш]*ь* — *ро*[ж]*ью*,
ла[ф]*ка* — *ла*[в]*очка*,
тру[п] — *тру*[б]*ы*.

В каждой из перечисленных пар слов один и тот же корень. Он выступает в двух вариантах, но какой из них — с глухим или со звонким согласным на конце корня — старше? Какой исторический процесс отражён в этом чередовании — оглушение звонкого или озвончение глухого? Предположим, что старше был вариант с глухим согласным, а перед гласным, как видно из примеров, он озвончался. Но тогда в языке вообще не было бы глухих согласных перед гласными. А они есть:

пло[т] — *пло*[т]*ы*,
ла[п] — *ла*[п]*ы*,
стро[к] — *стро*[к]*и*,
тру[п] — *тру*[п]*ы*.

Значит, происходил обратный процесс: звонкие согласные оглушались в конце слова или перед глухим согласным.

Прибегая к внутреннему сравнению, можно показать, что один и тот же звук в разных словах может восходить к разным звукам древнего языка. Корневой гласный [о́] в словах *посол$_1$* (чрезвычайный и полномочный) и *посол$_2$* (пряный) имеет разное происхождение Как это доказать, опираясь на материал только современного языка? Вот ряды корней:

1) [со́л(')] *(посол, посольство)* — [сы́л] *(посылка)* — [сыл] *(посылать)* — [сл] *(послать)*;

2) [со́л(')] *(засол, соль)* — [са́л(')] *(пересаливать)* — [сал(')] *(солонка, солить)* — [съл] *(солонина)*.

Ряды чередующихся звуков для этих корней различны и совпадают лишь в единственном случае:

1) [о́] — [ы́] — [ы] — [∅] (в последнем случае звук нулевой);

2) [о́] — [а́] — [а] — [ъ].

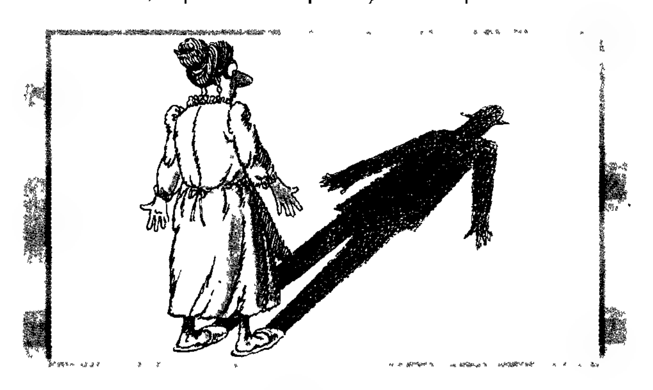
Очень существенно, что подобные расхождения не единичны. Точно такие же ряды чередований обнаруживаются, например, и у корней ***-мок-$_1$*** и ***-мок-$_2$*:**

1) *замо́к — смы́чка — замыка́ть — замкну́ть*;

2) *мо́крый — обма́кивать — непромока́емый — вымокнуть*.

ЭТОТ МРАЧНЫЙ ТЕНЬ

В современном русском языке слово *тень* женского рода, как *лень, ступень, дребедень*. Но как выглядит уменьшительное от *тень? Тенёк!* То есть подобно словам *денек, пенек, перстенёк*, образованным от *день, пень, перстень*, слов несомненно мужского рода. Значит, можно предположить, что в древности слово *тень* тоже было мужского рода. Эту догадку, к которой мы пришли, сопоставляя факты одного языка, т. е. пользуясь методом внутренней реконструкции, подтверждают данные других славянских языков: польское *cień* ‘тень’, нижнелужицкое *šěń* ‘тень’, ‘мрак’ — как раз мужского рода.



УТРАЧЕННЫЙ ЗВУК

У некоторых глаголов с суффиксом ***-ну-*** корень оканчивался в древности на согласный звук, впоследствии утраченный. Например, вместо *двинуть* и *кинуть* было *двигнути* и *киднути*.

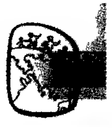
1. Постарайтесь догадаться, какой согласный пропущен в каждом из следующих глаголов:

тро...нуть, вя...нуть, то...нуть, тя...нуть, сги...нуть, гля...нуть, опроки...нуть.

2. Выполните то же задание для глагола *кануть* (сравните: *как в воду канул*).

Подобные несовпадения можно объяснить только различным происхождением корневых гласных. И действительно, корневой звук [о́] в словах *мо́крый* и *посо́л$_2$* восходит к праславянскому ***о**, а в словах *замо́к* и *посо́л$_1$* — к праславянскому ***ъ**. Однако, чтобы установить это, метода внутренней реконструкции недостаточно, используются иные методы, о которых речь пойдёт дальше.

На многих языковых единицах родимыми пятнами лежат следы их происхождения. Эти приметы прежнего состояния языка «отмене-



ДВУЖИЛЬНЫЙ

Метод внутренней реконструкции широко используется в этимологии, чтобы выявить древние значения слов. Всем хорошо знакомо слово *двужильный*. Оно означает 'очень сильный', 'выносливый' и объясняется как сложное прилагательное, производное от слов *два* и *жила* 'кровеносный сосуд', 'сухожилие'. Значение этого слова явно переносное, метафорическое. В народных представлениях такое осмысление слова отчетливо обнаруживается в утверждениях, что у особо сильных, выносливых, двужильных лошадей кровь течет по двум жилам вместо одной, что якобы видно по особому вздутию на холке.

Однако исторически устройство слова иное. У восточных славян было поверье: если умирает двужильный человек или околевает двужильная лошадь, которые обычно живут очень долго, то они увлекают за собой на тот свет ещё двоих людей из той же семьи или 12 лошадей из той же деревни. Чтобы этого избежать, павшую двужильную лошадь не вывозят за пределы двора, её зарывают, как правило, в подворотне. Двужильные существа, по старым народным поверьям, — это упыри, которые удлиняют свой век, сокращая срок жизни других тварей; именно поэтому их смерть влечёт такие последствия. Они живут двумя жизнями — своей и чужой: «заедают» чужой век.

Можно предположить, что связь слова *двужильный* с существительным *жила* 'сосуд', 'сухожилие' — это результат вторичного переосмысления, а этимологически слово производно либо непосредственно от глагола *жить*, либо от слов *жило, жила* 'век', 'срок жизни'. Формальные параллели этому образованию есть в русских диалектах: севернорусское *дву(х)жильный* 'двухэтажный', ивановское *двужилый* 'пригодный для проживания двух человек или двух семей' (о доме). Но решающим для нашей этимологии примером является архангельское выражение *кощей семижильный* 'скряга', 'скупец', аналогичное словосочетанию *Кощей Бессмертный*: семь жизней — это в самом деле почти бессмертие. Так сопоставление фактов, сосуществующих в одном языке, даёт возможность восстановить древнейшее значение слова.

ны» языковой эволюцией, они не играют никакой роли для современной «работы» данной единицы. Тем не менее, нарушая стройность языковых форм, они дают о себе знать и позволяют историку языка предположить, какими были соотношения между формами в прошлом.

Метод внутренней реконструкции исключительно важен при исследовании истории генетически изолированных языков, т. е. языков, у которых нет выявленных родственников (например, баскского, носители которого живут в Испании и Франции, или айнского, распространённого на севере Японии), когда использовать другие методы невозможно.

КОМПАРАТИВНЫЙ МЕТОД: СРАВНИВАЯ РОДСТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ

Мы убедились, что основным приёмом в историческом языкознании является сравнение. Но сравнивать можно не только факты, относящиеся к одному языку. Выйдя за пределы одного языка, исследователи прежде всего сопоставляют факты языков, состоящих в близком родстве. На внешнем сравнении основан созданный в XIX в. *сравнительно-исторический*, или *компаративный метод* (от *лат.* comparatio — «сравнение», «сопоставление»).

В школе изучают иностранные языки: чаще всего английский, реже немецкий, французский, иногда латынь или древнегреческий. Каждый замечал, что некоторые слова этих языков очень похожи на русские. Английское *mother*, немецкое *Mutter*, латинское *mater*, греческое *meter*, несколько меньше французское *mère* напоминают русское слово *мать*, а ещё больше формы косвенных падежей — *матери*, *матерью*. Русские слова *три* и *вдова* похожи на слова других языков с тем же значением: английские *three* и *widow*, немецкие *drei* и *Witwe*, французские *trois* и *veuve*, латинские *tres* и *vidua*. При переводе русское слово *ночь* передаётся английским *night*, немецким *Nacht*, французским *nuit*, латинским *nox*, греческим *nyks*. Нетрудно догадаться, что значат литовские слова *naktìs, trỹs, mótė*, албанские *tre, nate*, санскритские *tri, vidhāva*, *nakta, matar*... Сходство этих слов не случайно — языки состоят в родстве друг с другом.

Бывают, конечно, и совпадения. Например, бирманское слово *нами* 'имя' очень похоже на немецкое *Name*, означающее то же самое. Китайское *эр* 'два' напоминает армянское *эрку* —

тоже 'два'. В III—II тысячелетиях до н. э южнее Армянского нагорья жили хурриты – народ, говоривший на языке с невыясненными родственными связями. По-хурритски *царь* — *zarra*. Не правда ли, почти совсем как в русском? Если мы будем настойчивы и продолжим поиск по словарям, то, может быть, найдём ещё одно-два совпадения между немецкими и бирманскими, армянскими и китайскими, хурритскими и русскими словами. Однако скорее всего этим дело и ограничится: сходство слов здесь случайное.

Вот другая группа похожих слов. Русские, выражая досаду, говорят: *тьфу*, таджики — *туфу*, якуты — *тпу*, арабы — *туф-фа*. Греческое слово *chachazo* 'хохотать' татарин переведёт глаголом *хахылдарга*. Слова эти звукоподражательные, и поскольку плюются и хохочут все люди одинаково (по крайней мере очень похоже), то и обозначения этих действий также оказываются сходными.

Ещё одной причиной подобия между словами разных языков может быть заимствование. Английское и гавайское *radio*, русское и монгольское *радио*, литовское *radijas*, турецкое *radyo* — все эти слова распространились в конечном счёте из одного источника путём заимствования. Радио изобретено в самом конце XIX в.; до этого времени его названия не могло быть нигде. Слово мигрировало вместе с гениальным изобретением по всему миру. В результате межъязыковых контактов могут заимствоваться не только слова, но и отдельные морфемы (в русском языке, например, суффиксы: ***-изм-***, ***-(о)метр-***; префиксы: ***анти-***, ***ультра-***), даже фонемы (например, фонема <ф> не является исконной для русского языка, она появилась вместе со множеством заимствованных из греческого слов: ***ф****арисей*, ***ф****евраль*, ***ф****ини****ф****ть*...).

Наконец, последняя и самая интересная причина: общее происхождение самих языков. Что это значит? В IX в. норвежские викинги начали колонизацию Исландии. Язык на разных берегах Норвежского моря стал развиваться в различных условиях. Несколько столетий независимой языковой эволюции привели к тому, что исландцы перестали понимать норвежцев. Образовались два разных языка.

Ещё в XIII в. предки современных восточных славян — белорусов, украинцев и русских — говорили на едином древнерусском языке. Письменные памятники, относящиеся к древнерусскому периоду, считаются общими для всех трёх восточнославянских народов. Исторические события разделяли древнерусские племена; диалекты, на которых они говорили, превращались в самостоятельные языки.

УТРАЧЕННЫЙ ЗВУК

1. Нужно подобрать однокоренные слова, где искомый звук сохранился: [г] *(трогать)*, [д] *(увядать)*, [п] *(топить)*, [г] *(вытягивать)*, [б] *(погибнуть)*, [д] *(глядеть)*, [д] *(опрокидывать)*.

2. [п] *(капать, капнуть)*.

Ещё недавно, до второй половины XIX в., болгарский язык считался единым. Сейчас многие учёные говорят о двух языках — собственно болгарском и македонском. Они очень похожи друг на друга, но стали государственными языками разных стран. Со временем их различия скорее всего усилятся.

Родственными называются языки, которые имеют общего предка, или, как говорят лингвисты, восходят к общему праязыку. Как правило, чем больше прошло времени с момента обособления родственных языков, тем значительнее расхождения между ними, тем труднее установить родство между языками. Самый надёжный путь — выявить сходство в образовании грамматических форм. Дело в том, что словоизменительные элементы не заимствуются из других языков (в отличие от лексики и словообразовательных элементов), и если языки обнаруживают закономерное сходство в окончаниях, то это важный довод в пользу того, что они родственники. Посмотрим, как спрягается глагол 'быть' в нескольких, уже мёртвых, языках: древ-

ТРИ ЯЗЫКА

Даны слова с одинаковым значением на языках *A*, *B* и *C*. Известно, что два языка имеют общее происхождение, а третий им не родствен.

A	*B*	*C*	*Перевод*
dakīka	*dakıka*	*daka*	*минута*
ra's	*kichwa*	*roš*	*голова*
daftar	*daftari*	*maxberet*	*тетрадь*
šams	*jua*	*šemeš*	*солнце*
nafs	*moyo*	*nefeš*	*душа*
ḫabar	*habari*	*xadaša*	*известие*
riǧl	*mguu*	*regel*	*нога*
wizāra	*wizara*	*misrad*	*министерство*

Определите, какие два языка из трёх имеют общее происхождение.

ИЗ РОССИИ В ПОЛЬШУ И ОБРАТНО

Ниже приведены парами русские и польские слова. Там, где значения не совпадают, при польском слове дан перевод.

Русский	**Польский**	**Русский**	**Польский**
безголовый	*bezgłowy*	*хлопец*	*chłopiec*
горошек	*groszek*	*поросли*	*porośle* 'заросли'
грозный	*groźny*	*пророк*	*prorok*
здоровый	*zdrowy*	*просо*	*proso*
коромысло	*koromysło*	*склонный*	*skłonny*
огромный	*ogromny*	*слово*	*słowo*
молот	*młot*	*сковорода*	*skowroda*
морозный	*mroźny*	*солонина*	*słonina* 'свиное сало'
плот	*płot*	*столовый*	*stołowy*
пологий	*połogi*	*холоп*	*chłop* 'крестьянин', 'мужик'

Члены каждой пары произошли от одного и того же общеславянского слова. Исключение составляют две пары: в одной из них русское слово заимствовано из польского, в другой — наоборот.

Найдите эти пары и укажите направление заимствования. Объясните свое решение.

(Примерные фонетические значения некоторых польских букв. ***y* — ы, *c* — ц, *ch* — х, *sz* — ш, *ł* — л, *l* — ль, *ś* — сь, *ź* — зь.**)

нерусском (слова древнерусского языка будем передавать современными буквами), санскрите, греческом, латыни и готском (один из германских языков).

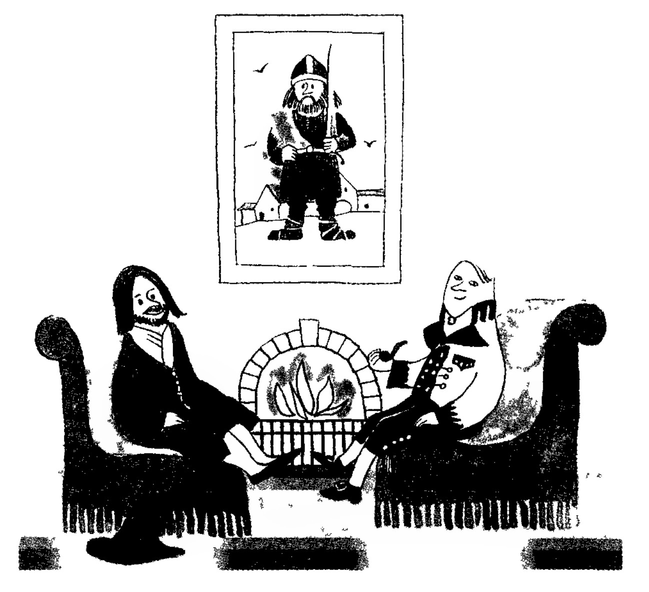
	Древне-русский	**Санскрит**	**Греческий**	**Латинский**	**Готский**
'я есть'	*есмь*	*asmi*	*eimi*	*sum*	*im*
'ты есть'	*еси*	*asi*	*essi*	*es*	*is*
'он есть'	*есть*	*asti*	*esti*	*est*	*ist*

Нет никаких сомнений: это родственные языки

Сравнивая звуки, их сочетания, корни, суффиксы, окончания, целые слова, лексические значения, грамматические формы слов и структурные схемы словосочетаний, лингвисты пытаются восстановить особенности праязыка, к которому восходят изучаемые родственные языки. Это сравнение называется *внешним*, а восстановление с его помощью черт древнего праязыка — *внешней реконструкцией.*

Русское слово ***брат*** по-древнегречески (или по-гречески) — ***ph****rater*, на санскрите — ***bh****ratā*. Слова сходны, но у них различаются начальные согласные. Может быть, это сходство случайно? Вряд ли. Слишком много языков, в которых слово *брат* звучит похоже: английское *brother*, немецкое *Bruder*, латинское *frater*, ирландское *brāthir*, литовское *brolẽrẽlis* 'братец' и даже французское *frère* (вспомните: *mère* 'мать'). Ограничимся только тремя языками — русским, греческим и санскритом — и поищем другие совпадения. На русское слово *не****б****о* похоже древнеиндийское *na****bh****as*, в греческом есть близкое по звуковому составу слово, но с несколько иным значением: *né****ph****os* 'облако' Соотношение русское ***б*** — древнеиндийское ***bh*** — греческое ***ph*** повторилось. Это очень важное обстоятельство.

Пойдём дальше. В санскрите глагол *bharāmi* означает 'несу'. С тем же значением в греческом есть форма *phero* Что же в русском? Может быть, *беру?* На этот раз по смыслу точно совпали греческое и санскритское слова, а русское немного отличается. Однако значения *беру* и *несу* всё же близкие, смежные По-видимому, в таких поисках мы не всегда столкнёмся с полным смысловым тождеством фонетически сходных слов. Но замечательно то, что соотношение звуков [б] — [bh] — [ph] вновь повторилось! Неужели и



Родственными называются языки, которые имеют общего предка

ТРИ ЯЗЫКА

В праязыке не было, конечно, культурной лексики, связанной с современным образом жизни, не было слов *телевизор, министерство, тетрадь* и т. д. В родственных языках эти понятия, как правило, появляются независимо друг от друга и часто являются различными, если они не заимствованы из общего источника. В родственных языках к общим словам относятся обычно только те, которые составляют так называемый основной словарный запас: *солнце, луна, бежать, говорить, слышать, видеть* и т. п.

В условии задачи у языков *А* и *С* общий основной словарный запас: *голова, солнце, душа, нога.* Культурные слова различны. Значит, языки *А* и *С* родственны. У языков *А* и *В* общие культурные слова *минута, тетрадь, известие, министерство.* Значит, это заимствования из одного из них.

Какие же языки скрываются за обозначениями *А, В* и *С? А* — арабский, относяшийся к семитской группе; язык *В* — суахи́ли группы ба́нту в Африке, претерпевший сильное воздействие арабского языка, но не родственный ему; язык *С* — иври́т (еврейский), относяшийся, как и арабский, к семитской группе, но не испытавший его влияния.

это случайность? Ищем дальше. Возьмём слово ***зуб.*** После тщательных поисков в санскритском словаре обнаружим слово *jám**bh**a-* 'зуб', 'пасть', во множественном числе 'челюсти'). В греческом найти нужное слово не так легко, но вот встречается слово *góm**ph**os* 'колышек', 'гвоздь'. Снова повторение: [б] — [bh] — [ph]!

Проверим, правильно ли подобраны слова в последней тройке *(**зуб**, **jám**bha-, **góm**phos),* т. е. один ли перед нами корень. Для этого нужно убедиться, что ряды русское ***з*** — греческое ***g*** — древнеиндийское ***j*** и русское ***у*** — греческое ***om*** — древнеиндийское ***am*** тоже не случайны и встречаются регулярно. Возьмём глагол *зна(ть).* В санскрите есть слово *jña* 'знать', а в греческом *gno(sis)* 'знание'. Чтобы исключить случайность, мало одного примера, поэтому сопоставление нужно продолжить. Греческому слову *geras* 'старость' на древнеиндийском языке соответствует *járas* 'дряхлость'. С ходу трудно подыскать пример для русского языка. Однако мы уже установили: значения не всегда должны совпадать. Если предположить, что корни в найденных словах ***gēr*** и ***jār,*** то русское ***зр**елость* вполне годится в качестве соответствия. Точно так же подтверждается и следующее соотношение: [у] — [am] — [om]. В севернорусских диалектах есть слово *бубарка* 'букашка', в древнеиндийском языке — ***bamb**-hara-* 'пчела', а в греческом — ***bomb**ylios* 'шмель'.

Итак, родственные слова в разных (но родственных) языках могут иметь фонетические расхождения, но эти расхождения повторяются и носят закономерный характер. Случаи, подобные рассмотренным только что (русское [б] — древнеиндийское [bh] — греческое [ph]; русское [з] — древнеиндийское [j] — греческое [g]), называются *регулярными фонети-*

ЧТО ТАКОЕ «РУКА»?

Внешнее сравнение используется не только для восстановления древнейших форм. Нередко лишь оно способно пролить свет на первичное значение того или иного слова. Например, существительное *рука* нельзя объяснить, опираясь лишь на данные славянских языков. Сопоставление с польским *ręką* (читается как [ро́нка]) или с болгарским *ръка* даёт лишь информацию о том, что корневой гласный в этом слове происходит из носового (праславянская форма — **rǫka*). Но как оно образовано и что означало первоначально?

Объяснение можно найти, только обратившись к родственному литовскому языку. В нем есть слово *ranká* 'рука', которое не только подтверждает нашу догадку о древнем носовом гласном в славянском корне, но и связано с глаголом *riñkti* 'собирать'. Следовательно, первоначально древнее слово обозначало 'то, чем собирают'. Поиск подобных же смысловых связей в других языках наталкивает нас на греческую словесную пару *agostós* 'ладонь', 'кисть руки' — *ageíro* 'собирать'. Наше объяснение подтверждается полной семантической аналогией.

ческими соответствиями. Если звуки в родственных словах разных языков совпадают, как, скажем, в русском *нога* и польском *noga*, то это тоже фонетическое соответствие, его частный случай

Звук, однако, может находиться в разных условиях: в середине слова или на его «окраинах», по соседству с различными звуками, а гласные — в ударном или безударном слоге. Соответствия для одного и того же звука могут быть разными в зависимости от условий. Формулируя фонетическое соответствие, необходимо указывать, в каких позициях оно выявляется

Кроме того, языки изменяются во времени. Так, уже упоминалось соответствие русского [у] и древнеиндийского [am]. Однако в праславянском языке, потомком которого является русский язык, на месте [у] был носовой гласный *ǫ [*o^n]. Следовательно, это же соответствие для материала древнеиндийского и праславянского языков будет выглядеть по-другому. Поэтому лингвисты стараются сравнивать между собой языки близких эпох, лучше древние: они ещё не разошлись слишком далеко. Удобнее сравнивать старославянский (или древнерусский) с латынью, санскрит с готским, чем украинский с французским, а бенгальский со шведским

Сравнивая известные языковые формы, можно реконструировать их более древнее состояние. Вот простой пример: в латинском языке звук [f] в начале слова может происходить в одних случаях из древнего ***bh** (вспомним слово *frater* 'брат' и его древнеиндийское соответствие ***bhrāta***), в других — из ***dh.** Каково его происхождение в слове *fumus* 'дым'? Латинскому слову соответствует русское *дым* или древнеиндийское ***dhuma-*** 'дым'. Значит, латинское [f] в слове *fumus* происходит из ***dh.**

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МАШИНА ВРЕМЕНИ

Реконструкция древних языков — занятие очень увлекательное, но требующее математической точности и стройности всех выкладок. Вот реальный пример.

Языковеды-историки установили, что таджикское слово *га**рм*** закономерно соответствует древнеиндийскому *gha**rm**a-*, армянскому *дже**рм**,* греческому *the**rm**ós*, латинскому *fo**rm**us*, немецкому *wa**rm*** (все они в переводе означают «теплый»). Более древнюю форму, из которой развились эти слова, можно восстановить только предположительно: никто из людей, живших в последние четыре тысячелетия, ее не слышал. И всё же попытаемся. Во всех приведенных формах есть общие элементы: это соседние согласные ***r(р)*** и ***m(м)*** в середине слова. В армянском языке слово начинается со сложного звука [дж]. История многих языков показывает, что этот звук при определённых условиях (при каких именно — чуть позже) развивается из более раннего ***g.** Подобные звуки, [g] и [gh], имеются в таджикском и древнеиндийском словах. Предположим, что в древнейшей форме был один из них.

Соседние звуки, как известно, оказывают друг на друга влияние. Гласные переднего ряда, такие, как [i] и [e], в самых разных языках часто превращают заднеязычные ([k], [g] и подобные) в другие звуки: [c] и [dž], [č] и [dz]. Сложный звук в начале армянского слова ***дж**арм* указывает, что на его месте ранее был заднеязычный [g] или [gh]. Вместе с тем это говорит о том, что исконный заднеязычный звук находился в позиции перед гласной переднего ряда, которая и заставила его измениться. Гласный первого слога скорее всего звучал как [e], которое есть в греческом слове.

Древнеиндийское [gh] заставляет предположить, что начальный согласный в древней форме был придыхательным, т. е. ***gh-.** В греческом и латинском языках мы находим фрикативные, или щелевые, согласные звуки [th] и [f]. Их придыхательный характер подтверждает гипотезу о начальном ***gh-.** Греческое [th] — результат видоизменения древнего ***gh-** перед ***e.** В латинском и немецком языках в начале слова есть и звуки, произносимые с участием губ, — [f] и [w]. Это показывает, что у начального звука в древней форме, которую мы восстанавливаем, была дополнительная губная артикуляция (ее принято обозначать маленькой выносной латинской буквой «дубль ве» — ***w***). Следовательно, мы вправе восстановить древний начальный согласный в виде ***gh^w**,* а весь корень — как ***gh^{w}er-**.

Древняя форма оканчивалась на ***-s.** Сравним предшествующие ему гласные ***a*** (в древнеиндийском), ***o*** (в греческом) и ***u*** (в латинском). Лабиализованный (произносимый с участием губ) звук [u] в латинском окончании ***-us*** вряд ли мог возникнуть из гласного ***a.*** Гораздо правдоподобнее предположить, что он соответствует лабиализованному [o] (как в греческом). Таким образом, сравнительный анализ можно завершить выведением древней формы **gh^{w}ermos*. Только она может непротиворечиво объяснить все различия, которые имеются в слове '*теплый*' в поздних языках. Часть ***-m-*** в этом слове — суффикс, а корень ***gh^{w}er-*** отражается еще и в русском слове *жар*.

Сложно? Сложновато, конечно. Однако кто сказал, что сравнительно-историческое языкознание — легкая наука?

ИЗ РОССИИ В ПОЛЬШУ И ОБРАТНО

При анализе условия задачи обнаруживаются следующие фонетические соответствия. Русским ***ло, ро*** (после согласной) в польском соответствует ***ło, ro,*** например *плот — płot.* Русским ***оло, оро*** в польском внутри корня соответствуют ***ło, ro,*** например *здоровый — zdrowy.* Однако в тех случаях, когда внутри ***оло, оро*** проходит граница между корнем и суффиксом или приставкой и корнем, в польском стоят ***oło, oro:*** *по-лог-ий — połogi, стол-ов-ый — stołowy, поросл-и — porośle, про-рок — prorok.* Эти соотношения нарушены только в паре *коромысло — koromysło* (в польском ожидалось бы **kromysło*). Очевидно, *koromysło* и есть то польское слово, которое было заимствовано из русского (т. е. перешло в польский язык в русском звучании).

Поиски противоположного заимствования приводят к парам *холоп — chłop* и *хлопец — chłopiec.* Корень польских слов явно один и тот же, сравните значения: *chłop* 'крестьянин', 'мужик', *chłopiec* 'хлопец', т. е. 'крестьянский мальчик', 'юноша'. Поскольку корень одинаков, в русском следует ожидать в обоих случаях либо ***ло,*** либо ***оло.*** Однако в действительности в русском языке существуют и *холоп,* и *хлопец.* Очевидно, одно из этих слов не исконное, а заимствованное. Таким словом может быть только *хлопец,* поскольку оно звучит так же, как в польском (тогда как *холоп* отличается от *chłop*).

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЧАСЫ

Что за история без дат? Известно, что Рим основан в 753 г. до н. э., что эпоха Возрождения в Европе длилась с XIV по XVI столетие и что крепостное право отменено в России реформой 1861 г. Языковая история не исключение. Здесь время тоже может измеряться веками и годами. Такое датирование в языкознании называют *абсолютным* Древнерусский язык как общий язык восточных славян, язык древнерусской народности существовал с X по XIV в.; в польском языке ударение во всех словах закрепилось на предпоследнем слоге в XVI в.; во французском языке слово *liberté* 'свобода' известно с конца XII столетия, а слово *Coca-Cola* заимствовано французским из американского варианта английского языка в 1948 г. В январе 1994 г. ведущими российского телевидения было изобретено прилагательное *новостно́й* (*новостная* передача), которое, к сожалению, существует и до сих пор

Иной раз можно с абсолютной точностью датировать исчезновение какого-либо языка. Например, далматинский язык, родственный итальянскому и существовавший на берегах и островах Адриатики, исчез 10 июля 1898 г.: в этот день при взрыве на дорожных работах погиб последний носитель вельотского диалекта далматинского языка Антонио Удина; в апреле 1983 г. со смертью «бабушки Розы» окончательно исчез язык ягана — язык индейского племени на острове Наварино в архипелаге Огненная Земля (Чили).

Однако такое датирование не главное для исторической лингвистики. Гораздо важнее для лингвиста-историка *относительное датирование* — так называют датировку события не годами или веками, а понятиями «до» — «после», «раньше» — «позже». Историческое развитие языка представляет собой цепь непрерывных взаимосвязанных изменений (далеко не всегда заметных глазу). Нередко одно из них приводит к значительной перестройке языковой системы, и важно понять, что является причиной, а что — следствием, какие события происходили друг за другом, а какие — параллельно.

Пример из истории латинского языка. В архаической латыни известно изменение, которое лингвисты называют *ротацизмом* (от *греч.* «rho» — название буквы «ρ»), — переход звука [s], находившегося между гласными, в звук [r]. Если перед этим [r] оказывался краткий [i], то он превращался в краткий [e]. Например, **siso* 'сею' превратилось в *sero.* Однако если звук [r] между гласными был исконным, а не возникшим по закону ротацизма, то [i] в [e] не пере-

ходило; например *viri* — множественное число от *vir* 'муж'. Значит, это изменение завершилось до того, как новое [r] (из [s]) окончательно совпало со старым [r], с явлением ротацизма не связанным.

Хотя относительная датировка для языкознания гораздо важнее абсолютной, точные даты языковых изменений знать всё же хочется. Один из способов получать такие даты — *глоттохронология* (от *греч.* «glōtta» — «язык») — был предложен американским лингвистом Моррисом Сводешем (1909—1967) в начале 50-х гг. XX в.

Суть этого метода состоит в следующем. В каждом языке можно выделить так называемый *базовый словарь*. Его образуют исконные, незаимствованные слова, которые обозначают универсальные, общечеловеческие понятия, не связанные с природными условиями или

ФОРМУЛА СВОДЕША

Для знатоков математики приведем формулу, по которой определяется время дивергенции в глоттохронологии:

$$C(A, B) = r^t, \text{ откуда}$$
$$t(A, B) = \log C(A, B) : \log r,$$

где t — время в тысячелетиях, возраст дивергенции между языками A и B; C — доля общих для языков A и B слов из 100-словного списка Сводеша (от 0 до 1); r — индекс сохранности базового словаря за одно тысячелетие (для 100-словного списка $r = 0{,}86$, $\log r = -0{,}0655$).

Можно подсчитать, что если, например, не совпадают всего семь слов из базовых 100, языки разделились примерно 500 лет назад; если 26 — то разделение произошло примерно 2 тыс. лет назад, а если совпадают лишь 22 слова из 100, то 10 тыс. лет назад, и т. д.

ИСТОРИЯ ПОЛАБСКОГО ЯЗЫКА

Немало языков умерло, не оставив никаких текстов. Однако иногда скудные свидетельства об исчезнувших языках все-таки сохраняются.

Потомки славянского племени древян, жившие на западном берегу реки Лабы (в Нижней Саксонии она называется Эльба), говорили вплоть до XVIII в. на своем родном полабском языке. Земли, на которых когда-то обосновались древяне, к XII в. были завоеваны германцами. В немецких говорах сохранились некоторые славянские заимствования, например названия таких городов, как *Лейпциг* (от *Липск*, т. е. 'липовый') и *Любек* (от названия племени *любичи*). Славянское население оставалось довольно многочисленным до Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.), когда территория Северной Германии была опустошена и стала заселяться немцами из других районов. Маленький островок земли под Гамбургом, как предполагают историки, из-за малоплодородности не привлекал внимания колонистов.

Полабский язык был бесписьменным. Во второй половине XVII в. власти запретили говорить на нём в общественных местах и в церкви. В 1756 г. умерла последняя женщина, хорошо говорившая по-полабски. Полабский язык был зафиксирован только в словарях и небольших по объему текстах. Один словарь был составлен на немецком языке грамотным крестьянином-полабянином, которого звали Ян Парум Шульце (1677—1740). В 40 лет он начал вести летопись своей жизни. Шульце поведал, что его отец и дед, как и многие другие старики, говорили наполовину по-немецки, наполовину по-полабски. «Мне 47 лет, — писал Шульце. — Когда я и еще три человека в нашем селе умрут, вероятно, уже никто не будет знать, как по-вендски (от *нем.* Wendland — „страна вендов"; так немцы называли полабян. — *Прим. ред.*) называлась собака». Шульце записал и этим спас от забвения две-три сотни полабских слов. Благодаря словарику Шульце мы все же знаем, как по-полабски *собака:* в его записи латинскими буквами есть слово *pijahss,* что соответствует русскому *пес.*

Ян Парум Шульце жил в городке Люхов. В конце 70-х гг. XVII в. в деревню Вустров, расположенную неподалеку от Люхова, прибыл пастор Кристиан Хенниг (1649—1719). Он заинтересовался славянами, их языком и стал записывать не только обряды, но и слова и фразы. «В настоящее время, — писал Хенниг, — здесь говорят по-вендски немногие старики; с молодежью они уже не говорят на этом языке, так как над этим стали бы смеяться. Молодежь же чувствует такое отвращение к родному языку, что не хочет не только учиться ему, но даже не хочет и слышать его звуки». Записи Хеннига сгорели в 1691 г. во время пожара. Но он был упорным человеком. При помощи одного крестьянина он составил большой словарь на 5 тыс. слов.

В наши дни этот словарь — основной источник знаний о полабском языке. Немецкий языковед Август Шлейхер (1821—1868), пользуясь словарём Кристиана Хеннига, составил грамматику полабского языка. Одно из своих писем он даже начал по-полабски. Благодаря Хеннигу, Шлейхеру и ряду других исследователей мы знаем теперь, что в полабском языке различались твёрдые и мягкие согласные; под ударением гласные были долгими, а в безударной позиции — краткими; ударение было свободным; система склонения частично утратилась, но сохранялись архаичные прошедшие времена.

типом культуры. Это значит, что в словаре не будет слов вроде *берёза* или *галстук*, поскольку в Африке или Австралии берёзы не растут, а галстук носят мужчины далеко не всех национальностей. Сводеш выработал базовый список из 100 понятий, в который входят:

— некоторые личные и указательные местоимения *(я, ты, мы, тот, весь...)*;

— числительные *один, два* (числительные, обозначающие бо́льшие количества, могут отсутствовать в некоторых языках или быть заимствованными);

— некоторые названия частей тела человека и животных *(голова, рука, нога, глаз, ухо, сердце, волос, кость, печень, хвост...)*;

— названия элементарных действий *(есть, пить, видеть, слышать, идти, лететь, стоять, спать, умереть...)*;

— названия свойств *(сухой, тёплый, холодный, новый...)*, в том числе цветовые обозначения *(белый, жёлтый, зелёный, красный, чёрный)* и размерные прилагательные *(длинный, маленький, большой)*;

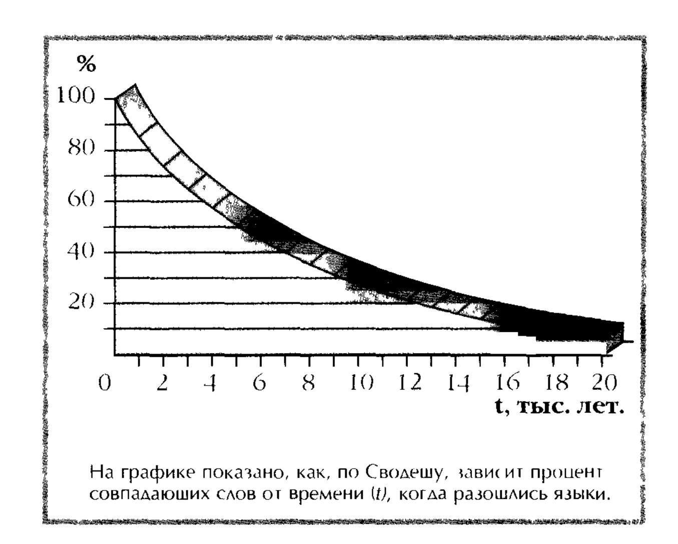
— обозначения универсальных понятий, связанных с внешним миром, таких, как *солнце, луна, вода, земля, камень, огонь, дым, гора, дорога, яйцо* и др.;

— социальное понятие *имя*.

Лексика любого языка всё время обновляется, но понятия и их словесные обозначения, входящие в базовый словарь Сводеша, отличаются особенной устойчивостью. Тем не менее и он подвержен разрушению. Сводеш вычислил, что за тысячелетие из 100 слов, образующих базовый словарь, исчезают и заменяются другими примерно 14 слов. Кроме того, он предположил, что скорость изменения базового словаря во все периоды остаётся постоянной. Зная эти обстоятельства и определив общее количество слов из этого списка, сохранённых двумя родственными языками, можно приблизительно вычислить, сколько лет назад они разошлись друг с другом, образовав самостоятельные языки; процесс расхождения языков лингвисты называют *дивергéнцией* (от *лат.* divergo — «отклоняюсь», «отхожу»).

Лингвисты вычислили, что русский и украинский языки разошлись (дивергировали) в интервале между 1311 и 1581 гг. (приблизительно в середине XV в.); русский и польский — между 935 и 1289 гг.; русский и литовский — во второй половине I тысячелетия до н. э.; русский и английский — более 5, 5 тыс. лет назад; русский и греческий — более 7 тыс. лет назад...

Конечно, в таком представлении результатов глоттохронологии есть некоторая неточность и условность. Речь должна идти не о времени разделения русского и польского языков, а скорее о дивергенции правосточнославянского языка (предка русского, украинского и белорусского) и пралехитского (предка современного польского и некоторых других западнославянских языков), о расхождении не русского и английского, а их предков — праславянского и прагерманского.



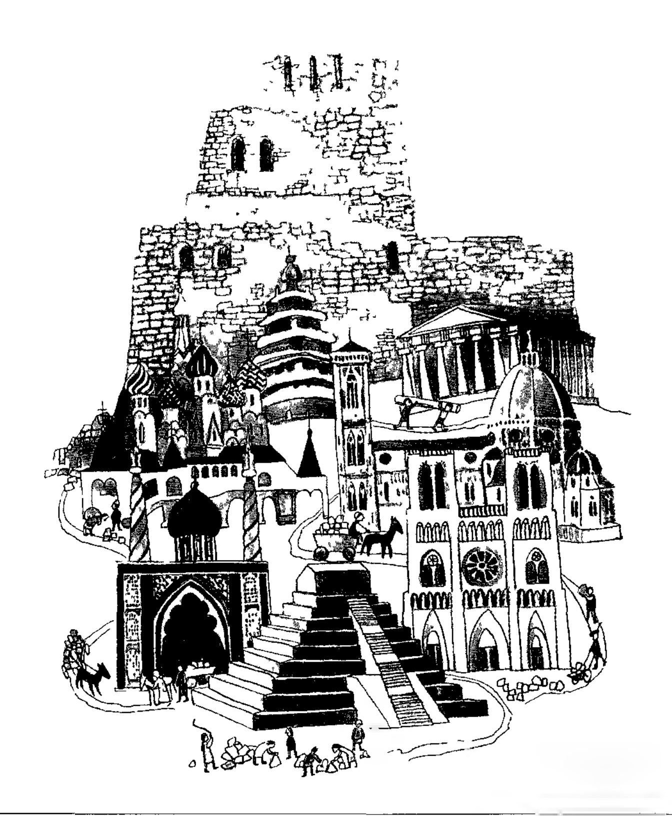
На графике показано, как, по Сводешу, зависит процент совпадающих слов от времени (*t*), когда разошлись языки.

Немало лингвистов полагают, что метод глоттохронологии является надёжными «часами» в руках языковеда. Однако большинство специалистов в этом сомневается. Для сомнений, безусловно, есть серьёзные причины. Во-первых, «испытательный полигон» глоттохронологии слишком мал. Когда подсчёты делают с опорой на 100 слов (точнее, смыслов), есть опасность грубых погрешностей: ошибка в одном-двух словах может сместить оценки возраста тех или иных языков на целые столетия. Даже имея дело с такими хорошо изученными языками, как русский и украинский, в некоторых случаях трудно бывает решить, с расхождением мы имеем дело или с совпадением. Например, смысл «человек» (он включён в список Сводеша) в русском языке передаётся словом *человек*, а в украинском — словом *людина*. Налицо лексическое расхождение. Но украинский не потерял праславянского слова **čelověkъ*. *Чоловік* в переводе с украинского — «мужчина», «муж». Смысл 'большой' в украинском передаётся словом *великий*. Опять расхождение! Но ведь этот же смысл присутствует и в русском слове *великий* (сравните: *невелик; велика Федора, да дура*), и в его производных *(величина)*. А корень русского слова *большой* мы видим в форме сравнительной степени для

украинского *великий: більш*. Как быть с подобными фактами (относить их при глоттохронологических подсчётах к сходствам или различиям между языками), лингвисты так и не решили. Язык всегда сложнее простых схем. Любое решение будет условным, а значит ненадёжным.

Во-вторых, постулат Морриса Сводеша о том, что базовый словарь распадается с постоянной скоростью, так и не доказан, а лишь это допущение оправдывает применение метода.

В-третьих, и это, возможно, самое главное, - сторонники глоттохронологии исходят из гипотезы, что праязык, лежащий в основе группы родственных языков, являлся монолитом, т. е. не был расчленён на диалекты. То, что известно о живых языках, скорее говорит об обратном· трудно назвать язык вполне однородный, не имеющий диалектов. С верой в монолитность праязыка связано представление о том, что исторические отношения между языками складываются лишь на пути неуклонного разделения — дивергенции Однако языки не только расходятся друг с другом, но и переживают процессы взаимного сближения — *конвергенции* (от *лат.* convergere — «приближаться», «сходиться»). Высокая степень близости между какими-либо двумя языками может объясняться не только их сравнительно недавним разделением, но и вторичным сближением языков, которые разошлись в более ранние времена. Глоттохронология М. Сводеша нацелена лишь на то, чтобы выявить время, когда язык распался, и бессильна отделить дивергенцию от конвергенции. Поэтому результаты глоттохронологических измерений часто оказываются недостоверными.



Примером могут послужить серболужицкие языки — верхнелужицкий и нижнелужицкий. Это языки небольшого славянского народа — лужицких сербов (лужичан), которые живут в Восточной Германии (Лужица), недалеко от границ с Польшей и Чехией. Лужицкие языки очень близки. Глоттохронологические подсчёты показывают, что они разделились в 1716—1858 гг., по историческим меркам совсем недавно. Однако данные, полученные иными путями, настойчиво подталкивают языковедов к мысли о том, что не было никакого «прасерболужицкого» языка. Многие черты сближают верхнелужицкий с чешским, нижнелужицкий — с польским, а большое сходство двух лужицких языков между собой носит вторичный характер и объясняется их позднейшим сближением.

Свои слабости глоттохронологический метод обнаружил почти сразу, как только был изобретён. Пользоваться им так же надёжно, как определять время по солнечным часам ночью, освещая их горящей спичкой. Специалисты давно уже пытаются усовершенствовать его, сделать результаты измерений более надёжными. Однако методом, способным достаточно точно датировать распад праязыка, глоттохронология так и не стала. Её используют, чтобы выяснить степень генетической близости языков, относящихся к малоизученным семьям, когда обычные процедуры классического сравнительно-исторического исследования трудноприменимы. Появятся ли у лингвистов-историков более надёжные «часы» — покажет будущее.

* * *

Суждения о прошлом языка, уходящем далеко в глубь веков, всегда предположительны. По определённым фрагментам учёные-лингвисты восстанавливают целый мир, давно затерявшийся в прошлом. Настоящие открытия в историческом языкознании совершаются, когда удаётся соединить кропотливый поиск фактов и смелость мышления, рождающую яркие, захватывающие гипотезы.

ВСЁ ТЕЧЁТ, ВСЁ МЕНЯЕТСЯ

КУДА ТЕЧЁТ РЕКА ВРЕМЕНИ?

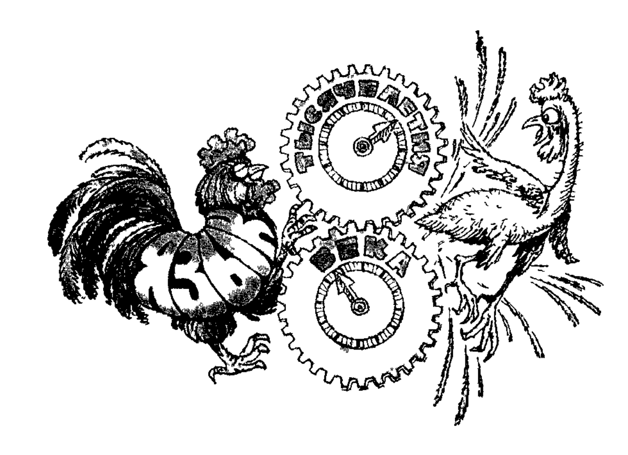
Изменчивость языка люди осознали совсем недавно — лишь на исходе Средних веков. Тогда в Европе на пьедестал были возведены древние языки — латинский и греческий, которые воспринимались как совершенные. Перенося исторические события (распад великой античной цивилизации) на язык, европейцы полагали, что новые языки (прежде всего европейские) появились в результате «порчи» древних.

На рубеже XVIII—XIX вв. возникло новое идейное и художественное направление — романтизм. Романтики интересовались эволюцией языков, связывая её с развитием «духа народа». Ход этой эволюции они надеялись вывести, сравнивая языки. Немецкие романтики (братья Фридрих и Август Вильгельм Шлегели, Вильгельм фон Гумбольдт) создали основы *типологической классификации* языков — классификации языков в зависимости от их внутреннего устройства. Гумбольдт пришёл к выводу о восходящем развитии языков. Он писал: «Языки — это иероглифы, в которые человек заключает свой мир и своё воображение. При том, что мир и воображение... остаются в целом неизменными, языки сами собой развиваются, усложняются, расширяются».

Другой вывод сделал его последователь — Август Шлейхер. Он полагал, что языки, как и люди, меняясь со временем, проходят путь от младенчества к расцвету и старости. Обратившись к типологии языков, Шлейхер доказывал, что каждый тип языков можно соотнести с тем или иным периодом эволюции. Так, архаическими являются языки, в которых основная единица грамматики — корень (например, китайский язык) или корень в сочетании со служебным словом (например, бирманский) На следующем этапе «взросления» появляется возможность соединять корень с различными суффиксами (например, тюркские языки), префиксами (например, языки ба́нту) или использовать префиксацию и суффиксацию вместе со служебными словами (например, тибетский язык). Расцветом языка Шлейхер называл появление развитой системы словоизменения, которое сопровождается чередованиями (семитские или индоевропейские языки, в особенности древние). Наконец, языки, в которых наряду с флексиями (окончаниями) используются служебные слова (например, романские языки, английский язык), переживают период «упадка». В конечном итоге языки деградируют: утрачивают богатство форм. Шлейхер сформулировал мнение, ставшее на какое-то время общепринятым: «История — враг языка».

Внимание к истории языков было связано с интересом к истории народов

XIX столетие было временем расцвета разнообразных схем эволюции языков. Естественной реакцией стала характерная для XX в. «аллергия» на все попытки такого рода. Возникло даже мнение, что изменения в языке загадочны и не поддаются рациональному объяснению



Долгое время считалось,
что любые изменения в языке — это его порча

Можно ли, например, понять логику моды: почему в одном сезоне носят жакет с тремя пуговицами, а в следующем — с двумя?

В XX столетии, однако, появились новые гипотезы, основанные уже не на философских воззрениях авторов, а на положениях, которые можно проверить. Один из подходов сопоставляет данные языковой эволюции с процессом становления речи у детей. Некоторые формы (конструкции) ребёнок усваивает сразу, другие — намного позже. Язык же развивается обратным образом: те черты, которыми ребёнок овладевает во вторую очередь, постепенно заменяются на те, которые возникают у него в речи раньше. Иными словами, эволюция языка состоит в его движении назад — от сложного к простому. Так, дети осваивают сложноподчинённые предложения раньше, чем причастные (и деепричастные) конструкции; следовательно, язык, развиваясь, отказывается от причастных конструкций в пользу придаточных предложений. Для современного английского языка нормальна фраза с придаточными предложениями: *The Greeks attacked Troy because Paris had run off with Helen while Menelaus was away* («Греки напали на Трою, потому что Парис похитил Елену, пока Минелай отсутствовал»), тогда как использование причастных или деепричастных конструкций, типичных для древних языков, делает её хотя и возможной, но странной: *Menelaus being away, Paris having run off with Helen, the Greeks attacked Troy* («Менелай, будучи в отсутствии, Парис, похитивши Елену, греки напали на Трою»).

Благодаря нескольким векам исследований перед лингвистами открылась пёстрая и совершенно необъятная картина того, что можно назвать историей языков. Попробуем с высоты птичьего полёта окинуть взглядом эту уходящую в бесконечность панораму.

САЛ, БЕР, ЙОН, РОШ

Желание представить развитие языков как некий единый процесс дало о себе знать и в XX столетии. В 20—30-х гг. советский языковед Николай Яковлевич Марр (1864 или 1865—1934) предложил *стадиальную теорию* развития языков. Он считал, что сначала люди общались на языке жестов, а затем перешли к «первичным» звуковым комплексам, которые вбирали в себя всё многообразие смыслов. Таких комплексов было, по его мнению, четыре: *сал, бер, йон, рош.* Из них-то и развились благодаря заложенной в человеке способности к словотворчеству лексические системы отдельных языков. Чтобы доказать это положение, Н. Я. Марр произвольно «ломал» любой корень. Например, в слове ***красный*** отсекались части ***к-*** и ***-н,*** часть ***-рас-*** возводилась к элементу *рош* и соотносилась со словами *русый, рыжий,* французским *rouge* 'красный', немецким *rot* 'красный'. В соответствии с этой теорией китайский язык оказывается архаическим, потому что в нем одно и то же слово может передавать значения 'вода', 'дождь' и 'рыба', тогда как в других языках произошла дифференциация смыслов (т. е. за каждым понятием закрепился свой звуковой комплекс).

Что касается грамматики, то Н. Я. Марр также считал наиболее архаичными языки без грамматического изменения слов, близкие по типу к китайскому, а наиболее совершенными — индоевропейские языки с развитыми системами склонения и спряжения. Отсутствие склонения, например, в романских языках Марр объяснял не периодом их упадка (как думал Август Шлейхер), а тем, что они ещё недостаточно ушли от древней нормы в отличие от латинского языка, который якобы проделал более длинный путь от первоначального состояния.

Ученики Н. Я. Марра полагали, что части речи и грамматические категории формируются постепенно: на определённой стадии развития языка появляется имя, затем местоимение, после чего наступает очередь глагола и т. д. Определённые этапы в развитии языка они связывали с социальной эволюцией. Степени сравнения сформировались, например, с появлением сословий (превосходная степень — высший социальный слой, сравнительная — средний, положительная — низший).

Отказавшись от теории генетического родства (т. е. происхождения некоторых языков от одного общего языка-основы), Марр объяснял сходство и различия общим языкотворческим процессом (одинаковой стадией развития) и «скрещиванием» языков. Так, в окающих и акающих русских диалектах он видел результат «скрещивания» более древних языков, один из которых акал, а другой окал.

Последователи Н. Я. Марра соотнесли стадии развития языков с учением о социальных формациях, поставив на низшую ступень (первобытный коммунизм) языки такого типа, как китайский, а на высшую (бесклассовое общество) — международный язык, который должен возникнуть в будущем как итог революционного созидания.

Теория Н. Я. Марра основывалась в основном на рассуждениях о доисторической эпохе, т. е. относилась к принципиально непроверяемым гипотезам. То, что в ней можно было проверить, было несовместимо с достижениями многих областей лингвистики, например её сравнительно-исторического направления.

ЗАКОН ЕСТЬ ЗАКОН

Из-за силы тяготения брошенное тело падает на землю — это закон природы. Если товар кто-то хочет купить, найдётся тот, кто станет его производить и продавать, — это закон экономики. А если установлено, что по каким-то причинам какой-то звук появился, перешёл в другой или в определённой фонетической позиции утратился, то налицо законы фонетические. Звуковые изменения изучает историческая фонетика.

Во многих языках действует закон упрощения групп согласных на конце слова. Так, индоевропейское **peds* 'нога' выступает в санскрите как *pad*, в латыни как *pes*.

В старославянском языке действовал так называемый *закон открытого слога:* все слоги строились по принципу восходящей звучности. Наименее звучные звуки — глухие фрикативные (щелевые) согласные [ф, с, с', ш', х]. Затем по мере нарастания звучности идут звонкие фрикативные согласные [в, з, з', j, ж'], глухие смычные [п, т, ц', ч', к, шт'], звонкие смычные [б, г, д, д'з', ж'д'], сонорные носовые [м, н, н'], сонорные плавные [р, р', л, л']. Самые звучные — гласные звуки, которыми всегда оканчивался слог.

Закон есть закон. Он не знает исключений. Если в язык попадали слова-«чужаки» (заимствования), то и они были вынуждены подчиняться этому закону. Так, в греческом слове *psalmos* 'псалом' в обоих сочетаниях согласных [ps] и [lm] более звучный согласный предшествует менее звучному. Такое положение было «нетерпимо» для языка. В обоих сочетаниях появилось по гласному ***ъ:*** стали произносить *пъсалъмъ*.

Иногда звуковые изменения приводят к перестройке всей системы фонем. Например, в общем для всех скандинавских народов праязыке были долгие и краткие гласные. Позже краткие безударные гласные были утрачены, а все долгие безударные сократились. Таким образом произошло укорочение слов. Например, ещё в V в. слово *дочь* произносили *dohtrir* — с долгим [o] и кратким [i]. Затем краткий безударный [i] перестали произносить, и в древнеисландском это слово звучало уже как *dotr*.

При этом больше всего пострадали окончания, поскольку они всегда были безударными. А гласный окончания повлиял на гласный корня, потребовав от этого звука частичного уподобления себе. Явление уподобления звуков называется *ассимиляцией* (от *лат.* assimilatio — «уподобление»). В древнескандинавском языке слово *дитя* звучало **barna*, а *дети* — **barnu*. Звук [a] в этих словах звучал немного по-разному. В слове **barnu* он продвигался назад под влиянием звука [u], становясь немного похожим на [o]. В том и другом случае была одна фонема, но в разных вариантах (прислушайтесь: ведь и в русском языке гласные корня в формах ***де****да* и *о* ***де****де* звучат немного по-другому). Краткое окончание ***-u*** отпало, а гласные корня остались разными: появляются две разные фонемы, различие между которыми передаётся на письме. В древнеисландском языке уже есть формы *born* и *barn*.

Историческая фонетика тесно связана с *исторической морфологией,* изучающей историю словоизменения. В древних германских языках существовали формы *fot* 'нога' и *foti* 'ноги'. Долгое [o] в древней форме *foti* 'ноги' под воздействием окончания ****-i*** передвинулось вперёд: вместо [o] стали произносить [ö] (звук, похожий на первый гласный в русском слове ***тё****тя*). Таким же образом слово *tothi* 'зубы' превратилось в *tothi* и т. д. Позже конечное ****-i*** утратилось. Вместе с ним исчезла особая позиция для звука [o], и он перешёл в [e]. Возникла пара *fot* — *fet* (к которой восходит в современном английском *foot* — *feet*): изменился способ образования множественного числа.

Звуки небезразличны к соседству. Так же «оглядываться» друг на друга могут и формы слов. Те из них, которые образуются нерегулярно (не так, как все), стараются уподобиться большинству. Например, в древнерусском языке большинство слов среднего рода образовывало падежные формы по модели *село* — *села́* (ед. ч. род. п.) — *сёла* (мн. ч. им. п.). Но было немного существительных среднего рода, основы которых имели некоторые приращения (по происхождению — особые индоевропейские суффиксы), например ***-ес-*** (индоевроп. ***-es-***); они склонялись по-другому: *слово* — *слов****ес****е* (ед. ч. род. п.) — *слов****ес****а* (мн. ч. им. п.). В словах такого типа были две основы: без приращения в именительном и винительном падежах и с приращением во всех остальных случаях. Нечто по-

добное можно видеть в современных словах *мать — матери* (ед. ч. род. п.) — *матери* (мн. ч. им. п.). Эта нерегулярность постепенно выравнивалась. Вместо соотношения *слово — словесе — словеса* появилось соотношение *слово — сло́ва — слова́* (по типу *село — села́ — сёла*). Новые формы образовались по аналогии с формами других слов. Действие *грамматической аналогии* — один из важнейших механизмов изменения языков.

Действие грамматической аналогии — один из важнейших механизмов изменения языков.

БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Даны пары соответствующих друг другу слов из двух языков, которые развились из общего языка-предка — литовского и латышского (литовский дан в нетрадиционной орфографии).

Литовский	Латышский	Русский
augti	*augt*	*расти*
augi	*audz*	*растёшь*
auga	*aug*	*растёт*
augau	*augu*	*я рос*
augai	*augi*	*ты рос*
gani	*dzen*	*гонишь*
gena	*dzen*	*гонит*
ginei	*dzini*	*он гнал*
veiki	*veic*	*выполняешь*
veikei	*veici*	*ты выполнял*
regēti	*redzēt*	*видеть*
regejau	*redzēju*	*я видел*
akis	*acs*	*глаз*
aki	*aci*	*глаз* (вин. п.)
akis	*acis*	*глаза́*
akise	*acis*	*в глазах*
laikas	*laiks*	*время*
laikai	*laiki*	*времена*
laiku	*laiku*	*времён*
upe	*upe*	*река*
upes	*upes*	*ре́ки*
upese	*upes*	*в реках*
kiltis	*cilts*	*племя*
givas	*dzivs*	*живой*

1. Определите, какой из этих языков более архаичен (более близок в фонетическом отношении к обшему языку-предку).

2. Установите, какие фонетические изменения и в какой исторической последовательности произошли в менее архаичном из этих двух языков.

(При решении задачи обратите внимание: чёрточка над гласной означает ее долготу, ***c*** — произносится как русское [ц], ***dz*** — звонкое [ц], т. е. слитно произносимое [дз].)

ВЫ НЕ БЫЛИ НА ТАИТИ?

Некогда существовал народ, говоривший на едином праполинезийском языке, предке всех современных полинезийских языков. (На полинезийских языках говорит коренное население островов юго-восточной части Тихого океана.) Со временем часть народа отделилась. Это были предки нынешнего народа то́нга. Позже от оставшихся отделилась ещё одна группа. Это были предки нынешнего народа само́а. Еще позже от оставшихся отделились предки нынешних ма́ори и гавайцев.

Ниже приведены некоторые родственные слова из пяти языков: праполинезийского, тонга, самоа, маори и гавайского; при этом не указано, какой столбец какому языку соответствует.

	I	*II*	*III*	*IV*	*V*
'день'	*ao*	*'aho*	*ao*	*ao*	*'aho*
'ошибка'	*?*	*sala*	*sala*	*hala*	*hala*
'сзади'	*muri*	*muri*	*muli*	*muli*	*mui*
'нос'	*ihu*	*isu*	*isu*	*ihu*	*ihu*
'два'	*rua*	*rua*	*lua*	*lua*	*ua*
'девять'	*iwa*	*hiva*	*iva*	*iwa*	*hiva*
'дорога'	*ara*	*?*	*ala*	*?*	*hala*
'нога'	*wae*	*va'e*	*vae*	*wae*	*va'e*
'вниз'	*iho*	*?*	*?*	*?*	*hifo*
'волосы'	*huru*	*fulu*	*fulu*	*hulu*	*fulu*
'просыпаться'	*ara*	*?*	*?*	*?*	*aa*
'грести'	*?*	*fohe*	*?*	*?*	*?*
'жар'	*?*	*rara*	*?*	*?*	*?*

1. Заполните пропуски и установите, какому из столбцов соответствует праполинезийский язык.

2. Попытайтесь ответить на более трудные вопросы. Какой из столбцов вероятнее всего относится к языку тонга, а какой — к самоа? Почему вы так думаете? Можете ли вы, опираясь на какие-либо данные, имеющиеся в задаче, предположить, какой из двух оставшихся столбцов относится к языку маори, а какой — к гавайскому?

(При решении задачи обратите внимание: ' — особый согласный звук.)

В современном языке наряду с формами множественного числа — *слова, тела* — существуют и формы *слов**еса**, тел**еса***, которые употребляются обычно иронически. Есть в русском языке и слова среднего рода, когда-то входившие в тот же тип склонения, что и *слово*, основы которых выравнивались иначе. Так, у слова *небо* не появилось форм множественного числа без приращения: это существительное не нуждалось в форме, обозначающей множество. А вот слово *коло* обычно использовалось именно во множественном числе — *кол**ёса***, поэтому результат оказался другим: основа с приращением вытеснила основу *коло*, появилась форма *колесо*. Но и у этих слов окончания всё же выровнялись по типу *село*.

ОРЁЛ И КОЗЁЛ

Время может «затемнить» внутреннюю структуру слова, поэтому когда-то «прозрачное» с точки зрения словообразования слово перестаёт делиться на морфемы. Этот процесс называется *опрóщением*. В слове ***орёл*** исторически представлен точно такой же суффикс ***-ёл***, как и в слове ***козёл;*** сравните этот же корень без суффикса: в немецком *Aar*, в хеттском *haraś* (оба слова означают ‘орёл’). Об этом современному носителю языка догадаться трудно.

Опрощение часто сопровождает заимствования. Морфемы, живые в языке-источнике, не осознаются как самостоятельные в языке, куда заимствуется слово. Так, в русском языке слово *свитер* не делится на корень и суффикс (английское *sweat**er*** буквально означает ‘пот-ник’), как и *пуло́вер* (английское *pull**over*** ‘с-тягивать’). Не ощущается и арабский префикс ***ма-*** в словах ***ма**газин*, ***ма**трас*, ***ма**зут.*

БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Можно отметить звуковые соответствия между литовским и латышским (помимо прямых совпадений): 1) согласным ***k*** и ***g,*** стоящим в литовском перед ***i, ī, e, ē,*** в латышском соответствуют ***c*** и ***dz;*** 2) гласным ***a, i, e*** (не в составе дифтонгов), стоящим в литовском в конечном слоге, в латышском соответствует нуль, 3) в конечном слоге литовским ***ī, ei, ai*** соответствует латышское ***i; ū, au — u; ē — e.***

Поскольку разным литовским звукам или даже формам слов (сравните *gena* и *geni*) в латышском языке часто соответствует одно и то же (сравните *dzen* в обоих случаях), следует заключить, что литовский архаичнее. То есть в языке-предке эти единицы различались, как и в литовском, а не совпадали, как в латышском. В самом деле, если две единицы были в древности одинаковыми, то они останутся одинаковыми после любых фонетических изменений (фонетические изменения обязательны для всех слов языка). Между тем разное вполне может стать одинаковым под влиянием фонетических изменений, например если отпадают конечные части слов.

В латышском [k] в [c] и [g] в [dz] перешли раньше, чем отпали гласные конечного слога, потому что в противном случае, например, из литовских *augi* и *augu* получилось бы одно и то же *aug* (а не *audz* и *aug*, которые фактически представлены в латышском).

Таким образом, в латышском языке произошли следующие фонетические изменения:

1) вначале [k] и [g] перешли в [c] и [dz] перед ***i, ī, e, ē;***

2) позднее в конечном слоге краткие гласные выпали, долгие гласные сократились, дифтонги ***ai*** и ***ei*** дали ***i,*** дифтонг ***au*** дал ***u.***

Часто люди приписывают основе заимствованных слов совершенно новый смысл. Например, слово *гамак* испанцы заимствовали из одного туземно-американского языка в зоне Карибского моря. В большинстве европейских языков оно было освоено как немотивированное. Но вот в нидерландском, а также в некоторых других германских языках его начали соотносить с глаголом *hang* ‘висеть’. В результате возникли сложные образования: в нидерландском — *hangmat,* в немецком — *Hängmatte,* в шведском — *hängmatta* (буквально означает ‘висящий коврик’, ‘мат’).

Другим распространённым изменением структуры слова является сдвиг «морфемного шва». В конце XIX в. лингвист Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ открыл, что границы между морфемами внутри одного слова могут пере-

мещаться. Изучая историю индоевропейского склонения, он сформулировал закон сокращения основ в пользу окончаний. Например, в славянских языках основы имен на гласные «отдали» эти гласные окончаниям — вместо *жена-ми* получилось *жен-ами;* вместо *жена-х — жен-ах.* Граница между морфемами сдвинулась влево. Такой процесс получил название *переразложения.*

В русском языке яркий пример переразложения — образование существительных от прилагательных с основой на ***-н*** при помощи суффикса лица ***-ик:*** умный человек — *умник,* глазной врач — *глазник.* Отрезок ***-ник*** стал восприниматься как целостный суффикс, присоединяющийся к основе существительных ***ум-, глаз-.***

ВЫ НЕ БЫЛИ НА ТАИТИ?

Между согласными звуками отдельных языков можно выявить следующие соответствия (0 обозначает отсутствие согласного):

I	*II*	*III*	*IV*	*V*
0	'	0	0	'
0	***h***	0	0	***h***
h	***s***	***s***	***h***	***h***
h	***f***	***f***	***h***	***f***
r	***r***	***l***	***l***	0
r	***l***	***l***	***l***	***l***
w	***v***	***v***	***w***	***v***

Компаративистика подразумевает, что все звуковые изменения происходят закономерно.

Случаи, когда одному и тому же звуку одного языка в другом языке соответствуют разные звуки, могут иметь различное происхождение. Это может означать, что в первом языке совпали прежде различавшиеся звуки или что один и тот же звук во втором языке превратился в разные в зависимости от соседних звуков (например, он сохранился в начале слова или перед каким-то определенным гласным, а в остальных позициях изменился). Точно так же двоякое происхождение могут иметь соответствия типа «согласный/отсутствие согласного». Согласный может закономерным образом выпадать — или всегда, или в каких-то особых позициях (например, в начале слова или перед определенным гласным); кроме того, некий согласный может появиться в какой-то особой позиции (например, в начале слова или перед определенным гласным).

Если проанализировать условие задачи, то очевидно, что во всех случаях имеет место либо совпадение прежде различавшихся согласных, либо регулярное выпадение согласного. Праязык — это тот, из которого можно вывести все остальные языки. В задаче это язык *II* (например, в нем нет нулевых соответствий другим языкам).

Языки, дольше сохранявшие свое единство, должны иметь между собой больше общих черт. Язык *V* — тонга: только в нем выпал праполинезийский [r] и сохранились ['] и [h] (при этом праполинезийский [s] также превратился в [h]); в остальных языках праполинезийские ['] и [h] выпали, а [r] и [l] совпали (это скорее всего происходило не в каждом языке отдельно, а в их обшем языке-предке).

Языки *I* и *IV* отличаются от языка *III* рядом общих особенностей: в них совпали [s] и [f] (они дали [h]), звук [v] перешел в [w] (между ними есть и различие: звуку [r] в языке *I* соответствует [l] в языке *IV*). По-видимому, *III* — это самоа, а *I* и *IV* — гавайский и маори. Звуки [r] и [l], различавшиеся в праполинезийском, после отделения языка тонга совпали; при этом и в самоа, и в гавайском они представлены в виде [l], а в маори — в виде [r]. Это и помогает определить, какой язык — маори, а какой — гавайский. Звук [r] имеется и в самом названии языка маори; вероятно, это язык *I*.

Теперь можно заполнить пропуски, назвав языки их реальными именами (найденные слова набраны полужирными буквами).

	Маори	**Праполинезийский**	**Самоа**	**Гавайский**	**Тонга**
'ошибка'	***hara***	*sala*	*sala*	*hala*	*hala*
'дорога'	*ara*	***hala***	*ala*	***ala***	*hala*
'вниз'	*'iho*	***hifo***	***ifo***	***iho***	*hifo*
'просыпаться'	*ara*	***ara***	***ala***	***ala***	*aa*
'грести'	***hoe***	*fohe*	***foe***	***hoe***	***fohe***
'жар'	***rara***	*rara*	***lala***	***lala***	***aa***

С БЕРЕГОВ ТЕМЗЫ

Какие русские слова заимствованы от следующих английских слов: *a boot* 'ботинок', *a rail* 'рельс', *a clip* 'серьга'? Что показалось бы необычным в этих русских словах англичанину? Какие особенности их значений делают возможным подобное оформление слова при заимствовании?

ЗЛОБОДНЕВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Изменения в фонетике или грамматике трудно заметить на протяжении жизни одного поколения, зато изменения в словарном составе происходят буквально на глазах Когда картина мира расширяется благодаря появлению нового понятия, языку проще всего заимствовать вместе с новым понятием готовое слово из другого языка Но есть иной путь использовать собственные ресурсы для передачи нового понятия. Каждый язык обладает своим «порогом чувствительности» к заимствованиям, т е. допускает их в разной степени В полинезийском языке ниуэ значение 'электричество' передается словом *hila*, произведённым от *uhila* — 'молния', 'яркий свет'; значение 'фотоаппарат' выводится из 'ловить' + 'отражение' *(poki-ata);* название четверга означает 'день, стоящий посередине недели' *(Abotu-loto)*. Этот музыкальный язык избегает чужеродных заимствований и пополняет свой словарь при помощи внутренних языковых запасов.

Отказ от заимствований «мобилизует» собственные словообразовательные возможности языка Но бывает и так, что новое понятие требует свежих, более выразительных средств, чем те, которые уже привычны языку. В современном английском языке очень распространен суффикс ***-er*** со значением 'деятель' Однако примерно в 30-е гг XX в. в английский язык проник уже знакомый нам славянский суффикс ***-nik*** (*do-good**nik*** 'человек, делающий добро', *no-good**nik*** 'никудышний человек') Самое знаменитое слово с этим суффиксом — *beat**nik*** (*битник*, от *Beat Generation* 'усталое поколение'), которое символизировало молодежную культуру 50-х гг. Для этого слова-символа невозможно было использовать суффикс ***-er***, поскольку место было занято уже существовал технический термин *beat**er*** 'колотильщик' А суффикс ***-nik***, который пришёл в американский вариант английского из славянских языков через идиш, несомненно, был более выразительным, чем примелькавшийся ***-er***. Впоследствии суффикс ***-nik*** стали активно использовать там, где его конкурент уже занят (*job**ber*** 'человек, работающий сдельно', *job**nik*** 'писарь в армии'), или там, где он вообще не использовался (например, при образовании имён от именных основ *lun**nik*** 'аппарат для изучения Луны').

ПОЧЕМУ НЕ ГОВОРЯТ?

На народной этимологии построена одна шутливая игра. Вот как она описана в рассказе русской писательницы Надежды Александровны Тэффи (1872—1952) «Взамен политики»:

«В комнату влетел краснощекий третьеклассник-гимназист, чмокнул на ходу щеку матери и громко закричал:

— Скажите: отчего *гимн-азия*, а не *гимн-африка?*

— Господи помилуй! С ума сошел! Где тебя носит! Чего к обеду опаздываешь? Вон и суп холодный.

— Не хочу супу. Отчего не *гимн-африка?*

— Ну давай тарелку, я тебе котлету положу.

— Отчего *кот-лета*, а не *кошка-зима?* — деловито спросил гимназист и показал тарелку.

— Его, верно, сегодня выпороли, — догадался отец.

— Отчего *вы-пороли*, а не *мы-пороли?*».

Постепенно игра захватила всех членов семьи. Дольше всех державшийся отец семейства ночью разбудил своего жильца, чтобы задать вопрос: «Я придумал: отчего *чер-нила*, а не *чер-какой-нибудь другой реки?*».

Заметим, что последний вариант неточен, ведь слова *чер* в русском языке нет. Есть и более сложный и интересный вариант этой игры: не «Почему мы говорим?», а «Почему мы не говорим?». Здесь нужно определить загаданное кем-либо слово по его частям, зашифрованным синонимами или антонимами. Например: почему мы не говорим *грабитель севера?* Потому что мы говорим *вор-юга*.

* * *

Теперь несколько примеров отгадайте сами и загадайте своим друзьям. Почему не говорят *тот изменяет, колов рай, кабак да оттенок, шайке амплуа, карлы есть?*

Словарная база языка пополняется также благодаря развитию у слов новых значений. Один и тот же корень, восходящий к праязыку, в отдельных языках-потомках порой полностью меняет своё значение. Так, русское слово *гора* восходит к праславянскому **gora*. Оно в свою очередь может быть связано с индоевропейским корнем ***ger-***, означавшим 'то, что поглощает'; к этому же корню восходят русские слова *горло* и *жерло*. Видимо, слово *гора* обозначало некий объект природы, содержащий в себе и извергающий воду. Предположение о первоначальной связи слов *гора* и *вода* подтверждается, например, древними представлениями болгар о том, что из треснувшей горы вырываются воды и это приводит к наводнениям.

Однако болгарин и русский, договорившись о походе в горы, будут готовить совершенно

ИЗМЕНЧИВАЯ ЛЕКСИКА

Самые заметные, самые быстрые перемены происходят в области лексики. «...Панталоны, фрак, жилет — всех этих слов на русском нет», — писал Пушкин, вводя в обиход слова, неизвестные предыдущим поколениям. «Косуха, чопер и бандан — нет этих слов у россиян», — развивал мысль великого поэта наш безымянный современник, «переводя» «Евгения Онегина» на жаргон школьников конца XX в.

Слово *голова* звучало в классической латыни как *caput*, позже в народной латыни её заменило слово *testa* 'горшок', 'черепок' (т. е. слово *голова* осмысливалось как 'глиняная черепушка'); первоначальный шутливый и даже вульгарный оттенок вскоре перестал ощущаться, и новое латинское слово заняло достойное место в языке и даже перешло в некоторые новые романские языки (так, французское слово *tête* означает 'голова').

Нечто подобное произошло и с современным русским словом *глаз*. Рабочие на петровских стекольных заводах, где большинство мастеров были немцами, дразнясь, стали называть очи глазами, стекляшками (*нем.* Glas — «стекло»). Затем смешной, «низкий» характер слова утратился, и слово глаз стало нейтральным, а слово *око* перешло в «высокий», архаико-поэтический слой лексики.

ГОРА

Даны болгарские слова и словосочетания и переводы на русский язык некоторых из них в перепутанном порядке:

борова гора, иглолистно дьрво, горска ягода, горски пояс, борова смола, градина, планинска верига, *иглолистна гора, горолом, градинска ягода, ледена планина;*

сад, горная цепь, сосновый бор, бурелом, клубника, земляника, лесополоса, айсберг.

Установите русские переводы всех болгарских слов и словосочетаний.

ЭТИМОЛОГИЯ

Наука *этимология* (от *греч.* «étymon» — «истина» и «lógos» — «слово», «учение») занимается происхождением слов, в частности выясняет, по какому признаку названы предмет, явление, действие. Относительно просто на основе достижений сравнительно-исторического языкознания проследить историю звукового и морфологического состава слова. Что касается смысловой эволюции, то её часто бывает очень трудно объяснить.

Учёные установили, что русское слово *река* связано с древним корнем, передававшим идею движения (оно родственно словам *рой, реять, ринуться;* сравните: латинское *rivus* 'река', 'течение', древнеирландское *riathor* 'водопад', *ra-ya-h* 'поток', 'бег'). А вот слово *море* восходит к корню, обозначавшему неподвижность (стоячую воду). Недаром в других языках словами с этим же корнем называется болото (осетинское *mal* 'глубокая стоячая вода', армянское *mawr* 'болото'). В древнерусском языке было слово *сланьник* 'морской рыболов', оно соотносится с названием моря по признаку 'солёный' (латинское *salum* 'море').

Признак, который лёг в основу названия, постепенно утрачивает свою образность, «затемняется». Никто уже не помнит, что слово *лебедь* скрывает в себе представление о белизне (этот же древний корень представлен в латинском *albus* 'белый') и что слово *голубь* с исторической точки зрения родственно слову *жёлтый*.

Этимология — сложная наука. Хорошим этимологом стать трудно. Но и люди, далёкие от науки, любят искать истоки слова, правда, обычно их интересуют связи семантические, смысловые. Под воздействием такой *народной этимологии* нередко сближаются далёкие друг от друга слова. Например, в названии венецианской больницы *Santa Maria di Nazaret* под влиянием итальянского слова *lazzaro* 'нищий' название города *Nazaret* поменяло первый согласный на ***l;*** отсюда русское слово *лазарет* 'больница'. Учёные знают, что предок слова *оплеуха* — глагол *плевать* (когда-то бойцы перед кулачным боем имели привычку плевать на руки). А может показаться, что оно связано со словом *ухо*. Такое толкование — народная этимология.

Народная этимология может пересилить реальную историю слова. Так, слово *свидетель* мы связываем с *видеть*, понимая его в значении 'очевидец' (тот, кто видел своими глазами). Первоначально же оно было образовано от глагола *ведети* 'знать' (сравните: украинское слово *сведка* или белорусское *сведок* в том же значении).

ПОЧЕМУ НЕ ГОВОРЯТ?

Потому что говорят *та-верна, пар-ад, бар-и-тон, банде-роль, клар-нет* (кстати, все эти загадки придумали дети — участники одной из летних лингвистических школ).

разное снаряжение. В балтийских и некоторых славянских языках (южнославянских и словацком) этот корень развил значение 'лес' (болгарское *гора* 'лес', сербскохорватское *gòra* 'лес', *gora* 'побеги, идущие на корм скоту', македонское *гора* 'лес', словенское *gora* 'горный лес', словацкое *hora* 'лес', 'гора, поросшая лесом', чешское диалектное *hora* 'лес', прусское *garian* 'дерево', литовское *girià* 'лес', латышское *dzira* 'лес'). Возможно, носители диалектов, в которых наблюдается этот сдвиг в значении, стали называть этим словом *деревья (лес)*, потому что в их сознании *горы* были тесно связаны с представлением о растущих на них деревьях. Значение изменялось таким образом: 'гора' → 'гора, поросшая лесом' → 'горный лес' → 'лес'. Историей значений слова занимается *историческая семантика*.

С БЕРЕГОВ ТЕМЗЫ

Слова *бутсы, рельсы, клипсы* были заимствованы из английского языка в форме множественного числа, так как они обозначают парные предметы и обычно употребляются в этой форме. Однако в русском языке форма, оканчивающаяся на ***-с***, осмысляется как единственное число, для образования же множественного числа стало использоваться обычное окончание ***-ы***. Англичанина, конечно, удивило бы использование показателя множественного числа в форме со значением единственного числа типа *рельс* и «двойное» обозначение множественного числа в формах типа *рельсы*.

ПОЧЕМУ И ЗАЧЕМ?

Историческая (диахроническая) лингвистика ставит перед собой задачу по возможности полно описать развитие языка. Однако для этого мало знать, что и как изменяется в языке. Следует разгадать ещё, почему и зачем это происходит. Многие изменения, происходящие в языке, вызываются принципом экономии речевых усилий. Этот принцип Евгений Дмитриевич Поливанов выразительно назвал «принципом лени». Человек инстинктивно заботится о том, чтобы экономить усилия. «Например, — писал Поливанов, — в процессе письма от руки пишущие, естественно... упрощают начертания отдельных букв, сокращают число черт, а в связи с этим и число мускульных движений руки, нужных для данных словонаписаний, но всё это делается лишь в позволительных пределах, т. е. постольку, поскольку почерк остаётся всё-таки читаемым. То же самое и с устной речью...»

Ограничитель лени один — понятность. Ведь язык во всех своих проявлениях должен прежде всего обеспечивать общение между людьми. Человек, старательно выговаривающий все звуки в слове *здравствуйте*, напрасно тратит время и речевые усилия. Функция этого слова формальна. Для его понимания вполне достаточно произнести *здрас(с)ти!* или даже *зсс!*

Примеров влияния «принципа лени» на язык очень много. Так, с точки зрения артикуляции произносить картавый язычковый звук [r] проще, чем [r] переднеязычный. В истории французского языка картавый (грассирующий) [r] по-

ГОРА

Переводы: *сосновый лес, хвойное дерево, земляника, лесополоса, сосновая смола, сад* (сравните с русским словом *огород*), *горная цепь, хвойный лес, бурелом, клубника, айсберг.*

явился в XVII в. Первоначально он был свойствен лишь Парижу, а потом распространился в севернофранцузских городах. Во многих языках в силу того же упрощения артикуляции взрывной звук [g] превратился в требующий меньших усилий фрикативный [γ], который иногда ещё больше ослабляется и превращается в придыхание [h]. Праславянский язык знал только взрывной [g], однако затем в некоторых славянских языках (в том числе и в южновеликорусских говорах) он перешёл в [γ], а в белорусском, например, представлен звук [h]. Замещение [g] звуком [γ] произошло и в истории греческого языка, в голландском языке на месте общегерманского [g] мы тоже находим [γ].

Благодаря тому же «принципу лени» в языках сокращается число неправильных глаголов: ведь гораздо легче спрягать все глаголы по единому образцу, чем запоминать исключения. Как память о прошлом остаются «осколки» прежнего состояния, занявшие уже новое место в изменившейся системе языка.

Однако язык — это система, все элементы которой в той или иной степени связаны между собой, поэтому утрата одного элемента обязательно приводит к появлению нового, который должен компенсировать потерю. Например, на месте исчезнувших падежных форм развиваются специальные конструкции с предлогами (как это произошло во многих индоевропейских языках). Так, во французском языке старые падежные значения передаются при помощи системы служебных слов, а также порядком слов в предложении.

Вместе с потребностью в экономии усилий в языках существует и противоположная потребность в достаточном количестве различительных элементов. Так, древние индоевропейские гласные звуки [e] и [o] в древнеиндийском и иранских языках превратились в [a]. Это сильно упростило систему гласных, но одновременно сузило её различительные возможности. Поэтому позже в древнеиндийском появились новые гласные [e] и [o], образовавшиеся из дифтонгов.

Так, в силу фонетических причин в украинском языке должны были совпасть *бити* и *бути*. Но этого не произошло: неопределённая форма глагола *быть* образована в этом языке от основы *буд-у — бути.*

Некоторые изменения в языке объясняются стремлением к гармонии, стройности. В тюркских языках, например, древняя система числительных не отличалась логичностью. Отдельные числительные содержали в себе элемент ***-миш*** (*йет**миш*** 'семьдесят'), который должен был, видимо, значить 'десять', но по происхождению не был связан с названием десятка. А такие числительные, как *кырк* 'сорок', *отыз* — 'тридцать', не имели в своей структуре никаких обозначений для десятка. Позднее в некоторых тюркских языках образовалась новая система названий для десятков. Эти названия включают единицу первого десятка и слово *он* 'десять' (в шорском языке: *алт-**он*** 'шестьдесят', *четт-**он*** 'семьдесят', *сегиз-**он*** 'восемьдесят', *тогуз-**он*** 'девяносто'; в тувинском: *уч-**он*** 'тридцать', *турт-**он*** 'сорок').

Сдвиги в языке происходят постоянно — язык не может быть «законсервирован». Вместе с тем языку присуща устойчивость, он сопротивляется изменениям, стремясь сегодня сохранить своё вчерашнее состояние. Слишком быстрые и внезапные сдвиги гибельны для языка: ведь тогда люди разных поколений перестанут понимать друг друга. Поэтому язык, который за тысячелетия может измениться настолько, что древние тексты уже непонятны без перевода, всё-таки остаётся тем же самым языком, который никогда не прерывался.

ЕДИНОЕ В МНОГООБРАЗНОМ. УНИВЕРСАЛИИ

Все языки изменяются, «дрейфуют», по образному выражению американского лингвиста Эдуарда Сепира (1884—1939). Вопрос состоит в том, есть ли в развитии языков нечто всеобщее (универсальное)? Теория диахронических (исторических) универсалий стала активно формироваться с 70-х гг. XX в., хотя, конечно, лингвисты и раньше задумывались над тем, что есть общего в истории разных языков.

Многие явления, общие для современных языков, становятся яснее, если к ним подойти как к результату исторических изменений. Ведь почти любое явление в языке возникает в силу того или иного исторического процесса. Например, языковая метафора — это результат сдвига в значении слова, который из разового, единичного случая превратился в элемент системы языка. Анализируя развитие различных языков, лингвисты заметили, что часто оно идёт в одном

ИДИШ

Даны слова на и́диш, немецком и русском языках. Некоторые слова пропущены.

Идиш	Немецкий	Русский
באנקא	*Buchse*	*банка*
באַרסוק	*Dachs*	*барсук*
קונסט	*Kunst*	*искусство*
ברודער	...	*брат*
לאָכוך	*Klette*	*лопух*
לאנד	*Land*	*земля*
געבורט	*Geburt*	*рождение*
סערכ	*Sichel*	...
כראָגול	*Arbeitsäumnis*	...
...	*Teleskop*	*телескоп*

Заполните пропуски. (Обратите внимание: знания немецкого языка для решения данной задачи не требуется.)

направлении. Например, значение 'тяжёлый по весу' почти во всех языках приобрело новое значение 'трудный'; 'горький по вкусу' — 'скорбный'; 'сладкий по вкусу' — 'приятный'; 'пустой', 'полый' — 'бессодержательный'; 'большой по размеру' — 'важный'. Обнаружено и множество других *диахронических универсалий*, не только лексических. Общая причина движения языка — необходимость совершенствовать механизм общения между людьми. При этом в первую очередь изменяются явления, наиболее важные для коммуникации.

ВПЕРЕДИ НЕОБЪЯТНАЯ РАБОТА

Итак, беспристрастно изучив необъятное море фактов, лингвистика отказалась делить все языки на совершенные и несовершенные, развитые и неразвитые, сложные и простые. Эти понятия, занимавшие учёных XIX столетия, очень субъективны. Они подразумевают, что есть некий эталон языка или по крайней мере некоторые объективные критерии, по которым можно сопоставлять уровень языков. Однако «самой правильной» структуры естественного языка не существует. Каждый язык по-своему совершенствует свои функции — прежде всего способность служить средством общения и выражения мысли. Точно так же нет и «ущербных» языков: нет ни одного языка, устройство которого обрекало бы его на застой, вело бы к тупиковому состоянию.

А кроме того, как писал известный французский лингвист Эмиль Бенвенист (1902—1976): «Изучение наиболее древних засвидетельствованных языков показывает, что они в такой же мере совершенны и не менее сложны, чем языки современные». В древнейших языках не могло быть таких черт, которые не представлены в современных языках; это утверждение стало аксиомой сравнительно-исторической лингвистики. Все эти языки создал один и тот же вид — Homo sapiens, все они принадлежали к тому же типу коммуникационных систем, что и современные языки.

В конечном итоге лингвистика пришла к парадоксу: с одной стороны, язык не мог возникнуть сразу во всём разнообразии и сложности. С другой — не видно никакого глобального направления языковой эволюции, никакого движения от простого к сложному. Возможно, скачок в развитии языка произошёл 50—80 тыс. лет назад, при появлении людей современного типа — кроманьонцев. Чтобы проникнуть в столь незапамятные времена, нужны совершенно новые идеи, методы. Пока же до создания общей теории развития языков очень далеко. Всё, что есть, — это множество отдельных идей и теорий, часто противоречащих друг другу. Такое положение, впрочем, не говорит о слабости языкознания. Наука по своей сути — многоголосие, причём голоса нередко звучат вразнобой и даже не слышат друг друга. Но именно из этого хора вырабатывается научная мысль, которая становится всеобщим достоянием.

ЯЗЫК — ОКНО В ПРОШЛОЕ

Лингвистика располагает мощными методами, с помощью которых можно приоткрыть завесу над тем, как говорили люди, жившие несколько тысячелетий назад и не оставившие никаких письменных памятников. С помощью регулярных фонетических соответствий учёные по звукам и морфемам восстанавливают слова праязыка. Полученные сведения оказываются ценными не только для лингвистов: язык распахивает перед нами окно в прошлое. Ведь если в пра-

индоевропейском языке существовали слова, называющие те или иные предметы, орудия, продукты, растения и т. п., значит, они были знакомы нашим далёким предкам. Давно истлели вещи, ушли в землю поселения, смешались народы, а лингвистические реконструкции позволяют нам представить себе животный и растительный мир, окружавший древних людей, вещи, которыми они пользовались, узнать об их мифах, обычаях и ритуалах. Заглянуть в прошлое с помощью сравнительно-исторических методов лингвистики попытались учёные Тамаз Валерьевич Гамкрелидзе (родился в 1929 г.) и Вячеслав Всеволодович Иванов (родился в 1929 г.).

НАША ДАЛЁКАЯ РОДИНА

Слова праиндоевропейского языка рассказывают нам о природе, которая окружала древних индоевропейцев. Видимо, наши предки жили в области с горным ландшафтом. их окружали высокие горы, возвышенности — реконструируется корень ***Hek'r-/*Hk'e-*** или ***Hk'r-*** с этим значением. (Записи фонетических реконструкций здесь и далее несколько упрощены.) С гор стекали потоки (корень ***Hap-*** 'быстротекущая река', 'поток'). Заметим, что ***Hap-*** относится именно к стремительному потоку. Вода, лишённая признака стремительности, называлась совсем по-другому: **uet'-/*uot'ort*. Восстанавливается и словосочетание 'текущий поток' — **Hap-os *tek-*. В этом словосочетании глагол **tek* первоначально обозначал «быстрое, стремительное течение».

В этой гористой местности росли деревья: **berHk'* 'берёза', **baHk'o* 'бук', **(s)k'robo* 'граб', **Hos* 'ясень', **ei/oi* 'тис' (откуда русское слово «ива»), **peuk-/uk* 'пихта', 'ель', 'сосна', а также **perku* 'дуб', 'горный дуб'. С ним тесно связаны имена богов неба, грома и дождя в различных индоевропейских языках: общеславянский *Perunu* (Перун), литовский *Perkunas* (Перкунас), латышский *Pérkons* (Перконс), древнеиндийский *Parjánya* (Парджа́нья), албанский *Perën-di* (Перен-ди), к которым обращались в песнях с просьбой послать на землю дождь.

Можно ли с помощью этих сведений определить место, где жили индоевропейцы? Выдающийся биолог Николай Иванович Вавилов, путешествуя по Восточному Афганистану, так описал растения нуристанских перевалов: «Дуб... здесь гибнет естественной смертью, от бурь; по дороге огромные пни, сожжённые стволы...». В высокогорных районах Закавказья, Ирана, Афганистана дуб появился на несколько тысячелетий раньше, чем в Европе. Постепенно он распространялся всё дальше на север. Гигантские дубы, из которых в основном и состоят высокогорные леса в Передней Азии, часто гибнут во время гроз от ударов молнии. Возможно, в воображении древних людей слились воедино образ огромного и прочного дерева — дуба — и его божественного победителя — грозы. Благодаря этому и сам всемогущий победитель дуба — бог грома — получил имя по названию горного дуба.

Берёза росла по всей умеренной и северной зоне Евразии. Она была также распространена и южнее. в горах Кавказа, отрогах Гималаев и горных районах Южной Европы.

Отдельно следует остановиться на так называемом аргументе бука. Бук был распространён в Европе, между Вислой и Дунаем, именно поэтому многие учёные помещали индоевропейскую прародину в Европе. Однако данные палеоботаники свидетельствуют, что в очень древнюю эпоху некоторые разновидности бука росли не только на западе Европы, но и в Передней Азии — от северных областей Малой Азии до Закавказья и Северного Ирана. Лишь в IV—I тысячелетиях до н. э. зона произрастания бука сместилась на запад и север.

Тис растёт там же, где и бук: на Кавказе, в Малой Азии, некоторых регионах Балкан и в Европе. Ещё великий римский полководец Гай Юлий Цезарь в трактате «Записки о галльской войне» писал о «тисе, которого великое множество в Галлии и Германии».

Таким образом, по реконструкциям названий культурных и диких растений, а также земледельческих орудий становится возможным

делать предположения о том, где проживали древние индоевропейцы до того, как началось Великое переселение народов. Если это Европа, то не Северная — там не растут дубы; это и не Восточная Европа, включая Северное Причерноморье, — там нет больших горных массивов, и тем более не Центральная, равнинная ее часть. Если это Азия, то прародина могла быть в Средиземноморье, вместе с Балканами и северной частью Ближнего Востока: Малой Азией и горными районами Верхней Месопотамии

О южном расположении индоевропейской прародины говорят и реконструированные общеиндоевропейские названия животных. наряду с волком *(*ulk)*, медведем *(*Hrtk)*, тетеревом *(*tet(e)r)* встречался и краб *(*karkar)*. Сходный список животных реконструируется и для другого древнего праязыка — общесемитского. Но если имена одних и тех же животных «обитали» в двух разных праязыках, значит, и сами животные — обладатели этих имён — были хорошо известны и древним индоевропейцам, и носителям древнего общесемитского языка. Логично предположить, что оба народа были соседями.

Есть ещё один серьёзный довод в пользу того, что индоевропейцы проживали на территории от Балкан, включая Ближний Восток и Закавказье, до Южной Туркмении, соседствуя в течение продолжительного времени с народами Передней Азии Это многочисленные заимствования в индоевропейских языках из древних языков Передней Азии, прежде всего прасемитского и пракартвельского.

КУЗНЕЦЫ И ВОЛКИ

Как жили индоевропейцы на своей гористой лесистой родине? Они строили поселения *(*ueik)*, которые состояли из группы домов *(*t'om-)*, обнесённых оградой *(*gerd)*. В каждом таком доме жила большая семья патриархального типа, что видно из разветвленной системы терминов родства. Помимо отца *(*pHter-)* и матери *(*maHter-)*, сына *(*suHnu-)* и дочери *(*dugHter-)* у индоевропейцев были специальные названия для брата отца, брата матери, сына брата, сына сестры, сестры мужа, жены брата мужа и многих других родственников.

Индоевропейцы умели обрабатывать металл — **Haie/os* (определить точнее значение этого слова не удается в разных языках слова, послужившие исходным материалом для реконструкции, имеют значения ‘бронза’, ‘медь’ и ряд других). Реконструированные названия для серебра *(*Hark'-)* и золота *(*Hau-s-/*Hu-os-)* свидетельствуют о том, что древние индоевропейцы были знакомы и с этими металлами. Общее слово для железа в индоевропейском языке не восстанавливается. Названия для железа появились позже в отдельных индоевропейских диалектах. Это означает, что во время проживания индоевропейцев в одной местности железо им ещё не было известно Только после XIII в до н. э. появились первые технологии его выплавления. Эта дата хорошо соотносится с датой распада индоевропейского языка на диалектные группы.

Обработка металлов в древности была очень сложной. Для неё требовались специальные умения и навыки, которые мастера-кузнецы держали в секрете. Люди воспринимали их как носителей особого, тайного знания. Поэтому неслучайно в индоевропейской традиции возникла фигура божественного кузнеца — бога огня и кузнечного дела, живущего, как правило, в подземном царстве Это и хеттский Хасамили, и древнеиндийский Вишвакарман, и древне-

ИДИШ

Обратите внимание на сходное написание первой пары слов. Это наталкивает на мысль о том, что они заимствованы из русского языка, причем слова в письменности идиш пишутся справа налево *(а-к-н-а-б* и *к-у-с-р-а-б)*. Тогда третье слово читается как *т-с-н-у-к*, т. е. является заимствованием из немецкого языка. Аналогично можно прочитать остальные слова: *лопух* — заимствовано из русского, *ланд* и *гебурт* — из немецкого.

Пропущенные слова: *Bruder, серп, прогул,* טעלעסקאָפּ.

греческий Гефест, и древнеримский Вулкан, и древнеисландский Волу́ндр — мифологический кузнец. Имена богов-кузнецов в различных исторически засвидетельствованных древних языках не совпадают, но зато описания их облика очень схожи. Повторяются в разных языках и в разных фольклорно-мифологических системах сюжеты, в которых участвует бог-кузнец. Он, как правило, хром, маленького роста, карлик-гном (например, в германской традиции), умеет становиться невидимым или придавать невидимость выкованным им предметам: такими были, например, сети, которые выковал Гефест, чтобы поймать на месте преступления Афродиту и бога войны Ареса. Кузнец может выковать не только вещь в прямом смысле слова, но и песню, и свадьбу, и новый язык для волка, чтобы он обманул бедных семерых козлят.

С волком у кузнеца особые отношения. Волк *(*ulk-)* в индоевропейской традиции часто оказывается символом единства, всеведения и воинской доблести, а также символом божественного разбойника. Так, хеттский царь Хаттусили I призывает своих воинов объединиться «как волчий род». В Древней Индии особый статус жениха в брачном обряде похищения невесты обозначался словами: «Он есть волк»; в древнеисландской умиротворительной присяге совершивший убийство «будет называться волком». Кузнец, как и волк, мудр и обладает тайными знаниями и умениями, в том числе необходимыми воину и вору — волку.

Индоевропейцы были хорошими наездниками. Коня *(*ekuos)* они запрягали в колёсные повозки *(*kel-)*. Восстановлено уже много слов для обозначения упряжи и её частей: **dur* 'упряжь', 'запрягать', **His* 'дышло', **Haks* 'ось' (на которую насажены колеса), **iuk'om* 'ярмо' и др.

Жизнь индоевропейцев состояла не только из мирных занятий. Они знали оружие: боевой топор **peleku-* и меч **nsi;* восстанавливается глагол со значением 'убивать', 'уничтожать', 'преследовать добычу' — **gen* и глагол со значением 'защищаться', 'спасаться', 'обороняться' — **uer-*. Для понятия «добыча», «награбленное добро» реконструируются даже два слова: **se/oru-* и **lau-*. Слово **laHuo-* обозначало 'войско', 'поход', 'народ'.

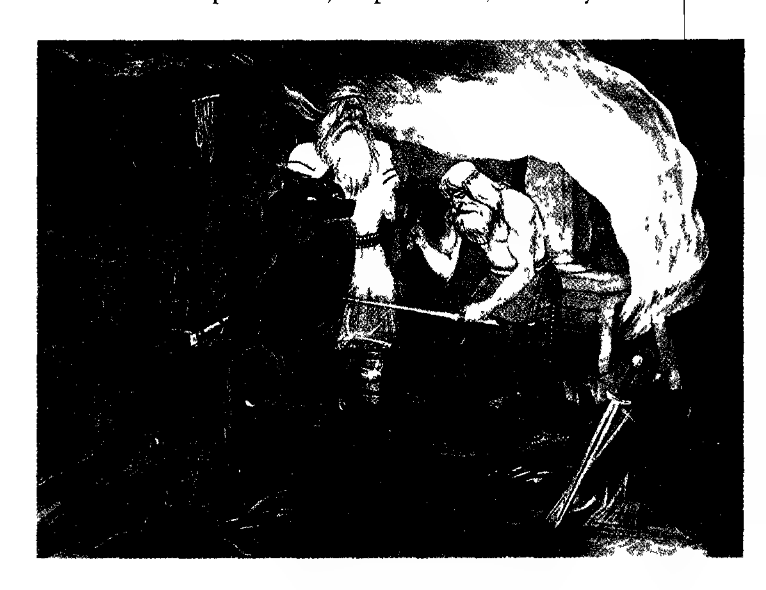
Общество уже тогда было разнородным. В то время как одни индоевропейцы обладали 'имуществом', 'добром', 'богатством' **Hop-r/n*, другие были 'обездоленными', 'лишёнными имущества' **orbo-*, иногда им приходилось 'воровать' **(s)taHi-*. Надо всеми стоял **rek-* 'царь'. Образ священного царя символизировал единство и благополучие всего сообщества.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И ПОВАРА

У индоевропейцев было развито земледелие. Они умели «обрабатывать землю», «пахать» — **Har-*, «сеять» — **seH(i)-* (от этого же корня, по-видимому, образовано слово с суффиксом ****-men: *semen*** 'семя'. Они знали орудие для уборки урожая, **serp-* 'серп'. Что касается плуга и сохи, то для греко-германо-балто-италийского диалектного ареала хорошо восстанавливаются формы **uogni-* 'лемех', 'сошник' и **kak-* 'соха', 'плуг'. Известно, что первые свидетельства плуга были обнаружены в Шумере (они датируются V—IV тысячелетиями до н. э.). В Европе плуг появился не ранее середины II тысячелетия до н. э. Это позволяет думать, что народы, принадлежавшие к греко-романо-балтийской диалектной общности, находились в длительных культурных контактах с народами, населявшими Переднюю Азию.

Одна из самых распространённых и древнейших зерновых культур — ячмень *(*ieuo-)*. В Передней Азии его выращивали начиная с X тысячелетия до н. э. Археологи находят там древние зернотёрки и ручные мельницы. В Европе ячмень появился лишь в конце неолита. Кроме ячменя были известны **pur-* 'пшеница' и **lino-* 'лён'.

Индоевропейцы, земледельцы и скотоводы, знали толк в еде. Пища делилась на варёную — «нестрашную», и сырую — «страшную». В качестве общего слова для сырого мяса реконструируется форма **kreuH-/kruH-*, к которой восходят древнеиндийское *kravih* 'сырая плоть', 'сырое мясо', *krura-* 'кровавый', 'страшный'; авестийское *xrura-* 'кровавый', 'страшный', *xru-* 'кусок



кровавого сырого мяса', греческое *kréas* 'сырое мясо'; латинское *cruor* 'кровь, текущая из раны'; древнеирландское *cru* 'кровь'; древнеисландское *hrar* 'сырой', 'несваренный'; литовское *kraujas* 'кровь'; старославянское *кръвь* 'кровь'. Мясо вообще, т. е. продукт, употребляемый в пищу, 'нестрашное' мясо, называлось иначе: **mems-o*. Этот корень есть во всех основных индоевропейских диалектах: в тохарском Б — *misa;* в древнеиндийском — *mamsam;* в албанском — *mish;* в готском — *mimz,* в прусском — *mensa,* в латышском — *miesa,* в старославянском — мѧсо; все эти слова обозначают 'мясо'.

Общее слово, означавшее обработку пищи на огне, реконструируется как **pek-*. Пекли, а также жарили *(*brek'/bruk')* в очаге, на огне *(*pHhur)*. Поддержание огня в очаге и приготовление горячей пищи было для индоевропейцев ритуальным действом. Это выражалось в особом почитании тех, кто её готовил. У древних хеттов «люди огня» (повара) составляли особую касту. В их обязанности входило приготовлять церемониальную пищу во время религиозных обрядов. К ним обращены наставления: «В очаге огонь будете раздувать», «Огонь чрезмерно охраняйте». В одной из дарственных надписей упоминаются повара, получающие земельные наделы за свои труды. В Древнем Риме существовали специальные коллегии (профессиональные объединения) поваров. Из одной надписи известно, что они преподносили дары высшим богам — Юпитеру, Юноне и Минерве. В Риме общественный культ огня воплощала богиня Веста. Ей был посвящён круглый очаг в отличие от четырёхугольных, которые посвящались другим богам.

Помимо обычной еды *(*et'-)* существовала и ритуальная. Корень ****taHp-*** имел значение 'поедать ритуальную пищу', приносимую божеству. Так, в латыни *daps* означает 'пиршественные яства, посвящённые богам и изобилующие мясом и вином', в древнеисландском *tafn* — 'жертвенное животное', 'жертвенная пища'; слова, восходящие к той же индоевропейской основе, в армянском языке имеют значение 'празднество', в хеттском —'должностное лицо, связанное с придворной кухней'. В древних обществах, ещё задолго до Библии, возникла идея взаимного договора с богами. Люди и боги должны постоянно обмениваться жертвоприношениями и дарами. Язык донёс до нас важнейшее изменение в религиозной практике индоевропейцев: «кровавая», «страшная», часто человеческая жертва постепенно сменилась жертвой «некровавой» — пищей. Еда приносится в жертву богам, и в обмен боги посылают её изобилие людям. Такой обмен нельзя приостанавливать, иначе это грозит голодом не только людям, но и богам.

КОГДА НЕБО БЫЛО БЛИЗКО

Многие древние тексты доносят до нас представления о взаимной зависимости богов и людей и о жертвенной пище как предмете своеобразного обмена между смертными и бессмертными. Например, в хеттских «Молитвах Мурсили II во время чумы» высказаны опасения по поводу возможной гибели богов от голода, поскольку умирающие от чумы люди перестанут приносить им в жертву хлеб и питьё. Причиной «перебоев» могли быть не только бедствия (эпидемии, суровые холода и войны), но и «развращённость» людей, которые, пренебрегая своими обязательствами перед богами, забывали путь к жертвенникам.

Подобные опасения за судьбу богов, не получающих жертв, часто встречаются и в античной мифологии. Древнегреческий миф о богине плодородия и земледелия Деметре рассказывает, как Аид, властитель подземного царства теней умерших, похитил её дочь Персефону. Деметра, поглощённая печалью, покинула Олимп, и заброшенная ею земля перестала плодоносить. Наступил голод, отчаявшиеся люди всё реже и реже приносили жертвы богам, и те, испугавшись, что не вкусят больше жертвенного дыма, обратились к Зевсу. Верховный бог своей властью заставил Аида отпустить Персефону к матери.

ЛЮДИ И БОГИ

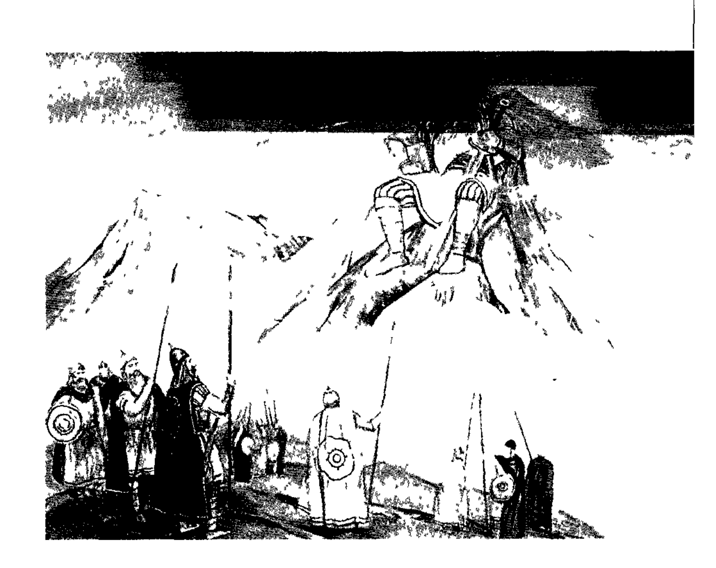
Реконструированные слова проливают свет на дела не только земные, но и божественные. Учёные восстанавливают имя верховного божества индоевропейцев. Это **tieu(s)-pHter-*

'бог-отец': древнеиндийский *Dyaus pitar* 'бог-отец', 'небо-отец'; греческий *Zeu pater* — Зевс (слово стоит в специальном звательном падеже, служившем для обращения: «О Зевс-отец!»); древнеримский *Iupiter* — Юпитер; лувийское *tiuaz tatis* 'бог-отец'... Первая часть сложного имени бога *(*tieu(s)-)* реконструируется как общее название бога и, в частности, бога Солнца, бога Неба: хеттский *šius* (родительный падеж *Šiunas*) 'бог', 'бог Солнца'; древнеиндийский *Dyaus* 'небо', *deva-h* 'бог'; авестийский *daeva* 'демон'; греческий бог неба *Zeus* (Зевс); старолатинский *Dious* — Юпитер, *deus* 'бог', *diuus* 'божественный'; древнеирландский *dia* 'бог'; древнеисландские *tivar* 'боги'; литовский *dievas* 'бог'.

Индоевропейское имя верховного бога связано с корнем ***tei-*** 'блестеть', 'светить'. Производные от этого корня образуют слово в значении 'день', **tiu-*: латинское *dies* 'день', древнеирландское *die* 'день', древнеиндийское *diva* 'днём'... В индоевропейских традициях подобные имена действительно носили верховные боги. В анатолийском имя верховного бога — **Tiu-* (Тиу), в древнехеттском тексте царя Анитты бог *Šiu* (Сиу) выступал как верховный бог племени, его именовали «нашим богом Солнца» и воздвигли ему храм; в ранней древнеиндийской традиции *Dyaus pitar* 'бог-отец', согласно Ригведе, выступает как прародитель всех небесных богов. Зевс — бог ясного неба — занимал верховное положение в пространстве (на вершине Олимпа) и в иерархии божеств (глава и царь всего пантеона). В италийском пантеоне параллелью Зевса (богом — царём богов) был грозный Юпитер

Помимо верховного божества в древнеиндоевропейском реконструируется и «бог грома и боевой дружины», «покровитель походов» — **per(k)u-no*. Этот грозный и сильный бог восседает на скале, вершина которой скрывается в тёмных грозовых небесах, и низвергает оттуда молнии и громы на головы прогневавших его людей и богов. Хотя бог неба и бог грома представляли собой противоборствующие природные силы — Солнце и грозу, они находились рядом в пространстве («высоко вверху») и оба были могущественны Возможно, поэтому в образе некоторых «небесных» богов (например, древнегреческого Зевса и древнеримского Юпитера) проявились черты и «грозового бога»: они владеют громами и молниями, обитают на вершине высокой горы...

Индоевропейцы общались со своими богами, об этом говорят восстановленные корни слов. ***aru-*** 'молиться', ***or-*** 'молить', 'просить богов', ***muk-*** 'произносить молитвенные слова', ***meld-***



'молиться, совершая жертву', ***sak-*** 'гадать', 'по приметам узнавать волю богов'.

Люди смертны — **mrt-o*. В отличие от людей боги бессмертны — **n-mrt-o-*, но не потому, что вообще неподвластны року, а благодаря особому напитку **Hnek-trH-* («смерть преодолевающему»). Именно напиток бессмертия — нектар — избавляет того, кто его пьёт, от смерти.

После смерти человеческие души переселялись в загробный мир, представлявшийся индоевропейцам как пастбище. На этом пастбище паслись души умерших людей и принесённых в жертву животных. Само индоевропейское слово **uel-* 'пастбище', 'луг' имело второе значение 'обиталище мёртвых'.

Пастбище мёртвых, где пребывают души умерших, отделено от мира живых водой. Согласно упанишадам, заключительной части вед, умерший сначала пересекал озеро, потом реку. В древнегреческой мифологической традиции, где вода воспринимается как стихия, связанная со смертью, царство Аида располагается за непреодолимыми для человека водными преградами.

Со временем количество и сложность этих преград возрастает. У Гомера волшебница Цирцея раскрывает Одиссею секрет того, как преодолеть огромную реку Океан, омывающую землю живых. Царства мёртвых, за ней расположенного, «никто из смертных на чёрном корабле пока не достиг». Позже встречаются упоминания рек Кокит, Стикс, Стигийских болот, Ахерусийского озера, в которое впадает огненный Флегетон, реки забвения Леты... Интересно, что индоевропейский корень ***nau-s*** 'корабль', 'судно, на котором души переправлялись в потусторонний мир', в языках — потомках индоевропейского —

СТАДО И ПАСТУХИ

Представления о мире мёртвых как о пастбище, «тучном луге» содержатся во многих древнейших текстах. Вот молитва из хеттского погребального обряда, которую произносит жрица:

О бог Солнца! Сделай ему
пастбище на право и на благо!
Пусть никто у него не отнимает,
не оспаривает.
И пусть ему на этом
пастбище быков, овец,
лошадей и мулов пасут!

В индоиранской традиции загробный мир также видится пастбищем, на котором пасется скот. В «Похоронном гимне Яме» из Ригведы мир умерших — это «пастбище для крупного рогатого скота»:

Яма первым нашел наш путь,
Это пастбище
назад не отобрать!
Где некогда прошли наши отцы,
Там вновь рожденные найдут
свой путь!

Повелитель царства мертвых часто рассматривается как пастух, пасущий души умерших людей и животных. Так, в иранской мифологии Йиму (он соответствует древнеиндийскому Яме; это первый человек, узнавший смерть и ставший владыкой загробного мира) именуют «обладателем прекрасных пастбищ». В гимне-молитве «Душа Скота» содержится обращение к небожителям:

К вам обращается со стоном
Душа Скота!..
Нет у меня другого пастуха,
кроме вас!

Боги вняли Душе Скота и послали мудрого покровителя — Ахура-Мазду (верховное божество), который защитил скот от зла и его приверженцев — дэвов (дэвы — злые духи, порождение злой мысли и лжи). Но опустошавшие пастбища дэвы всё же убили пастуха, и Душа Скота вновь взывает к небожителям о защитнике.

Отзвуки этого индоевропейского мифа о борьбе за стадо можно найти в балтийской (Перкунас и Велняс) и славянской (Перун и Велес) традициях. В позднейших белорусских версиях встречается сюжет о пастухе, который переходит вместе со своими стадами от бога-громовержца к змею или чёрту, а потом возвращается. Пастух с его стадом постоянно рассматривается как ключевая фигура в борьбе добрых и злых богов. Сам индоевропейский корень ***uel-*** означает 'луг — подземное царство мёртвых' (сравните: *Элизиум, Елисейские* Поля) и входит в имя противника божественного громовержца (сравните: древнерусское *Велес,* литовское *Велняс,* латышское *Велс,* древнеиндийское *Вала).* Заметим, что борьба между «небесным» и «подземным» происходит за *владение, власть* (всё тот же корень ***uel-***) над стадом.

Неслучайны в этом контексте библейские фигуры пастухов-царей: Авраама — владельца стад и пастыря своего народа, Давида — пастуха овец и царя. С той же традицией связан и более поздний евангельский образ Христа Пастыря: «...истинно, истинно говорю вам, что Я дверь овцам... Я есмь дверь: кто войдёт Мною, тот спасется... Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (Ин. 10.7—10). В построениях многих веков слышится отзвук все той же древней хеттской молитвы: «О бог Солнца небесный, господин мой, человечества пастух!».

выступает то в значении 'корабль' (латинское *navis*), то в значении 'смерть', 'труп' (древнерусское *навь*).

Во многих исторических индоевропейских языках сохранились не только отдельные корни и слова, но и фразеологические сочетания, восходящие к языку-предку. Учёным удаётся восстановить не только слова, но и целые фрагменты древних индоевропейских текстов. Тексты эти никогда не были записаны и существовали лишь в устной поэтической и мифологической традициях. Иногда реконструируются даже целые сюжеты древних преданий, а также основные образы, эпитеты, метафоры.

* * *

Лингвистические реконструкции открывают перед нами заманчивую возможность заглянуть в самые отдалённые времена. Языковая «машина времени» позволяет проверить и существенно дополнить данные историков и археологов. И всё же, несмотря на усилия многих поколений индоевропеистов, вопрос о языке и родине наших далёких предков ещё не решён. Версия двух российских учёных — Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова — лишь одна из целого ряда. Сколько же кропотливой работы требуется, какой гигантский Монблан фактов нужно обработать, чтобы наука продвинулась на небольшой шаг вперёд!

ВАВИЛОНСКОЕ СМЕШЕНИЕ

СКОЛЬКО ЯЗЫКОВ В МИРЕ?

Однажды Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) опубликовала имеющиеся в её распоряжении данные. в мире существует 2796 языков. Лингвист, увидев эту цифру, скорее всего улыбнётся. Нет-нет, подсчитано наверняка всё очень пунктуально. Но что именно считали?

Учёные предпочитают называть числа покруглее: одни говорят, что языков 2,5 тыс., другие — около 3 тыс., третьи рискуют указать 4 тыс. языков. И, пожалуй, такая осторожность правомерна. Пересчитать языки, как коров в деревенском стаде, нельзя. Или корова есть, или её нет... Вот это уже не корова, а овца. Это тоже не корова, а просто куст у дороги. Коровой мы называем экземпляр вполне определённого животного. С языками посложнее.

На географической карте изображены моря: Северное, Норвежское, Гренландское... Где, в каком точно месте кончается одно и начинается другое, а другое переходит в третье? Граница между морями определяется весьма условно, миля-другая здесь, как правило, не столь важна.

То же часто бывает и с языками. Можно, например, ехать на машине из Москвы на запад, в Минск или Полоцк, останавливаясь в каждой деревне и прислушиваясь к речи местных жителей, чтобы уловить момент, когда русский язык сменится белорусским. Однако только заехав довольно глубоко в Витебскую область, мы догадаемся, что вокруг говорят на диалекте белорусского языка. Граница между русским и белорусским в этих краях размыта, она останется для нас неуловимой. Мы так и не сможем сказать: вот в этой деревне говорят по-белорусски, а там, где мы останавливались в прошлый раз, говорили ещё по-русски. Слишком похожи друг на друга западные смоленские и восточные витебские говоры. Поэтому границу между русским и белорусским языками приходится проводить достаточно условно. Учитываются при этом не только собственно языковые признаки, но и внеязыковые обстоятельства: в какое государство входит территория и как называет себя население — русскими или белорусами и т. п. В старых работах по диалектологии, создававшихся, когда государственной границы между Белоруссией и Великороссией не существовало, восточная граница белорусского наречия (так тогда называли белорусский язык) определялась как проходящая восточнее по сравнению с теперешней, неподалёку от Вязьмы, примерно на полпути между Москвой и Смоленском.

ЯЗЫКИ МИРА

НОСТРАТИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ
- 1 Славянские
- 2 Балтийские
- 3 Германские
- 4 Кельтские
- 5 Романские
- 6 Греческий
- 7 Албанский
- 8 Иранские
- 9 Индоарийские
- 10 Армянский

УРАЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ
- 11 Финно-угорские
- 12 Самодийские

13 ЮКАГИРСКИЙ ЯЗЫК

АЛТАЙСКИЕ ЯЗЫКИ
- 14 Тюркские
- 15 Монгольские
- 16 Тунгусо-маньчжурские
- 17 Корейский
- 18 Японский

- 19 **ДРАВИДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ**
- 20 **КАРТВЕЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ**

АФРАЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ
- 21 Семитские
- 22 Кушитские
- 23 Берберские
- 24 Чадские

- 25 **ЭСКИМОССКО-АЛЕУТСКИЕ ЯЗЫКИ**
- 26 **ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКИЕ ЯЗЫКИ**

СИНО-КАВКАЗСКИЕ ЯЗЫКИ
- 27 БАСКСКИЙ ЯЗЫК
- 28 **СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ЯЗЫКИ**
- 29 КЕТСКИЙ ЯЗЫК
- 30 ЯЗЫК БУРУШАСКИ
- 31 **СИНО-ТИБЕТСКИЕ ЯЗЫКИ**
- 32 ЯЗЫКИ НА-ДЕНЕ

- 33 НИВХСКИЙ ЯЗЫК
- 34 АЙНСКИЙ ЯЗЫК

(Аустрические языки)
- 35 АВСТРОАЗИАТСКИЕ ЯЗЫКИ
- 36 ТАИ-КАДАЙСКИЕ ЯЗЫКИ

(Австро-тайские языки)
- 37 АВСТРОНЕЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ
- 38 ЯЗЫКИ МЯО-ЯО

- 39 **АНДАМАНСКИЕ ЯЗЫКИ**
- 40 (Америндские языки)
- 41 (Койсанские языки)

(Нило-сахарские языки)
- 42 **ЯЗЫКИ СОНГАЙ**
- 43 САХАРСКИЕ ЯЗЫКИ
- 44 **НИЛОТСКИЕ И ДРУГИЕ ШАРИ-НИЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ**

(Конго-кордофанские языки)
- 45 КОРДОФАНСКИЕ ЯЗЫКИ

(Нигеро-конголезские языки)
- 46 **ЗАПАДНОАТЛАНТИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ**
- 47 **ЯЗЫКИ МАНДЕ**
- 48 **ЯЗЫКИ ГУР**
- 49 **ЯЗЫКИ КВА (включая кру и иджо)**
- 50 АДАМАУА-ВОСТОЧНЫЕ ЯЗЫКИ
- 51 **БАНТУ И ДРУГИЕ БЕНУЭ-КОНГОЛЕЗСКИЕ ЯЗЫКИ**

- 52 (Австралийские языки)
- 53 Папуасские макросемьи языков
- 54 Территории, не имеющие постоянного населения

Названия надежно обоснованных макросемей выделены полужирным шрифтом, а составляющие их группы заключены в жирную рамку. Макросемьи заключены в тонкую рамку (пунктир или точки указывают на невысокую обоснованность языков в макросемье). Названия недостоверных макросемей даны в скобках.

Примеров подобной *лингвистической непрерывности* множество. Нет сколько-нибудь отчётливой границы между нижненемецкими (северными) диалектами и нидерландским языком — настолько они близки между собой. Более того, нидерландский язык и нижненемецкие диалекты в сущности представляют собой один тип немецкой речи, который значительно отличается от верхненемецких (южных) диалектов. Трудно ощутить границу между французским и провансальским (окситанским) языками, между провансальским и итальянским...

Как установить границу между языками? Нередко предлагают использовать критерий взаимопонимания: если носители двух различающихся типов речи понимают друг друга, то это разновидности (диалекты) одного и того же языка, если же не понимают – разные языки. Однако не всё так просто.

Житель Калуги и житель Полтавы вполне смогут общаться, хотя говорят на разных языках. Но нельзя поручиться, что легко поймут друг друга две собеседницы, говорящие по-русски, если судьба сведёт старуху, никогда не выбиравшуюся из своей архангельской деревни, и казачку с Дона. Легко ли понять, например, такую фразу, сказанную «по-архангельски»: *Рыба в тех пролубя́х клюёт, мы роспеша́ем поголоменне́ – не попадёт ли вофициальную внаспо́лну?*

Прекрасно поймут друг друга представители разных тюркоязычных народов: татарин и башкир, азербайджанец и турок, так как тюркские языки очень близки. В худшем положении окажутся два закоренелых итальянских провинциала — один из городка на юге Сицилии, а другой из окрестностей Венеции: их диалекты отстоят друг от друга дальше, чем пограничные говоры соседних итальянского и провансальского языков. Речь шанхайца и пекинца различается ещё сильнее. Согласно критерию взаимопонимания, мы должны усомниться, принадлежат ли они одному и тому же народу. Сами китайцы в этом не сомневаются.

В чём же разница между языком и диалектом? Языковед ответит так: с собственно лингвистической точки зрения такой разницы нет. Как же тогда подсчитать языки?

Но и это ещё не всё. Мы живём в мире, где, казалось бы, всё уже открыто и нанесено на карту. Однако время от времени из газет или телепередач становится известно, что где-нибудь в джунглях Амазонской низменности или Новой Гвинеи современным путешественникам удалось обнаружить крохотное затерянное племя, чуждающееся контактов с другими людьми

и говорящее на языке, не известном никому из специалистов.

И наконец, языки могут умирать. В России, например, буквально на глазах вымерли керекский язык на Камчатке, югский (сымский) на Енисее; исчезают языки таких народов, как ительмены, юкагиры, негидальцы, нганасаны, тофалары. Это крохотные народы, всего в несколько сотен человек каждый, многие из которых, в особенности молодёжь, своего языка уже не знают... Только в XX столетии с лица земли исчезли десятки языков.

Так что установить точное количество языков в мире совершенно невозможно.

ЯЗЫК И ЭТНОС

Как правило, каждому этносу (нации, народности, племени) присущ свой особый язык. Само понятие народа, этноса подразумевает общность языка. Русские — это те, кто говорит по-русски, армяне – по-армянски, португальцы – по-португальски. Конечно, этнос — это и территория проживания, и общие исторические судьбы людей, и особенности культуры, и даже определённая схожесть психики (итальянцы и грузины, например, гораздо темпераментнее и разговорчивее финнов или исландцев). Однако языку в определении этноса придаётся особая значимость.

Тем не менее обязательного однозначного соответствия между языком и этносом нет. На одном и том же языке могут говорить разные народы: англичане, живущие в Британии, и американцы, населяющие США. Пусть существуют

различия между британской и североамериканской разновидностями английского, но оба народа воспринимают его как один язык. Английский — национальный язык не только англичан и американцев, но и канадцев, австралийцев, новозеландцев, а также ирландцев. Он же — один из официальных языков Индии и 15 государств Африки; общаются по-английски и в других странах. Не принадлежит одному народу и французский язык: как средство бытового общения он используется в Канаде, Люксембурге, Монако, Бельгии и Швейцарии. Во многих других государствах, прежде всего в бывших французских колониях, он является официальным языком. Немецкий язык является родным для немцев, австрийцев, лихтенштейнцев, части люксембуржцев и швейцарцев. На арабском языке говорят около двух десятков народов Ближнего Востока и Северной Африки. Сербскохорватский язык объединяет несколько народов бывшей Югославии: сербов, хорватов, черногорцев, боснийцев...

Встречается и обратная ситуация: один народ пользуется двумя, а то и тремя языками. Почти все эльзасцы, населяющие историческую провинцию Эльзас на востоке Франции, двуязычны: говорят по-немецки (на алеманском диалекте немецкого языка) и по-французски. Серболужичане, славянский народ на востоке Германии, кроме своего лужицкого языка прекрасно говорят на немецком, а в официальных ситуациях используют только его. Русский язык называют вторым родным многие нерусские жители Российской Федерации и бывших союзных республик. Это случаи *мультилингвизма*, или многоязычия (от *лат.* multus — «многий», «многочисленный» и lingua — «язык»); *билингвизм*, или двуязычие (от *лат.* bi — «двойной», «двоякий»), — его частный, наиболее распространённый тип.

Часто встречается и так называемая *диглоссúя*. Буквально это греческое слово означает то же самое, что и термин «билингвизм», сконструированный из латинских морфем, — «двуязычие». Однако лингвисты вкладывают в термин «диглоссия» несколько иное содержание. При обычном двуязычии в каком-либо обществе сосуществуют два равноправных и эквивалентных языка, которые просто дублируют друг друга. Ситуация эта неустойчивая, переходная, один из языков со временем вытесняет другой. При диглоссии же между двумя языками существует чёткое распределение функций, благодаря чему ситуация гораздо более устойчива.

Например, в Киевской, а позже в Московской Руси существовала русско-церковнославянская диглоссия. В быту говорили на русском языке, а в торжественных случаях, в письменности и церкви использовали церковно-славянский. Употреблять один из них там, где должен был использоваться другой, было недопустимо. Поэтому никому не приходило в голову переводить с одного языка на другой. При этом церковнославянский язык (в основе которого старославянский, или древнеболгарский) не воспринимался как другой, иностранный. Для жителя Киевской Руси он был правильным русским языком, а русский — простым, непрестижным.

Диглоссия была очень распространена в Средние века (роль нормативного языка в разных регионах играли латынь или арабский). Но нередка она и в современном мире. Во многих африканских странах местные языки (а их очень много в каждой из этих стран) употребительны лишь в быту. Пишут же и читают на языках бывших колонизаторов.

Проблема «язык — этнос» не проста, и далеко не всегда каждому этносу присущ свой особый язык. История перемешивала народы и языки, перекраивала страны и границы. Карта языков мира похожа не на чётко расчерченную сетку, а на сложнопереплетённую ткань, и вряд ли она станет проще в будущем.

СООБЩЕСТВА ЯЗЫКОВ

РАЗЛОЖИТЬ ЯЗЫКИ ПО ПОЛОЧКАМ

Учёных, как известно, хлебом не корми, дай только придумать какую-нибудь классификацию. Лингвисты классифицируют языки, причём по самым разным признакам.

Например, можно делить языки по числу людей, говорящих на них. Тогда в одну группу попадут арабский, индонезийский и португальский (на каждом из них говорят более 100 млн человек), в другую — кхмерский в Камбодже, датский, албанский и грузинский (более 3 млн человек, что составляет население большого

города), в третью — языки табасаранский в Дагестане, бурушаски в Индии, оджибве в Канаде и США (менее 100 тыс. человек — население маленького городка).

Можно предложить классификацию языков по их общественной функции: используется ли язык в качестве государственного, официального, или нет. По этому признаку будут различаться, например, английский и индейские языки в США, французский и бретонский во Франции. Такие классификации нужны в первую очередь социолингвистам.

Другим учёным важно деление языков, учитывающее их внутренние, собственно языковые особенности: например, на консонантные и вокалические (в зависимости от того, каких фонем больше — согласных или гласных). В первую группу, несомненно, будет зачислен убыхский язык, ещё недавно существовавший на территории Турции и родственный абхазскому, — в нём было 80 согласных фонем и всего две гласные; во вторую группу — датский язык, в котором на 19 согласных фонем приходится 37 гласных.

Можно разделить языки на имеющие падежи и не имеющие их. В первой группе окажутся русский, латынь, финский, грузинский, татарский, нивхский языки, во второй — китайский, гавайский, таджикский, абхазский, болгарский, французский, английский. В некоторых языках преобладают суффиксы (русский, латынь), в других — префиксы (кхмерский, многие африканские).

Одни языки «предпочитают» строить предложения по схеме «подлежащее — сказуемое — дополнение» (русский, французский, финский, китайский), другие по схеме «подлежащее — дополнение — сказуемое» (хинди, армянский, татарский, баскский), третьи — «сказуемое — подлежащее — дополнение» (ирландский, индонезийский, арабский, гавайский).

Подобные классификации относятся к области лингвистической типологии. Цель типологических исследований — выявить наиболее общие и важные свойства языков.

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

Пожалуй, чаще всего лингвисты говорят о классификации *генетической*, или *генеалогической*. Она опирается на понятие языкового родства, т. е. общего происхождения языков. В ближайшем родстве находятся русский и украинский, чешский и словацкий, испанский и португальский, татарский и башкирский, финский и карельский. Говорящие на них вполне понимают друг друга.

Немного труднее увидеть родственное сходство русского и латышского. Однако, полистав русско-латышский или латышско-русский словарь, можно найти такие пары слов: *берёза* — *bērzs*, *быть* — *but*, *верёвка* — *virve*, *верх* — *virsa*, *вечер* — *vakars*, *вина* — *vaina*, *ворона* — *varna*, *голова* — *galva*, *девятый* — *devitais*, *друг* — *draugs*, *забота* — *beda* (сравните: *беда*), *земля* — *zeme*, *лёд* — *ledus*, *мёд* — *medus*, *озеро* — *ezers*, *семья* — *saime*, *снег* — *sniegs*, *юный* — *jauns*... Ну а некоторые производные слова «сделаны» чуть ли не под копирку: *бездымный* — *bezdumu*, *дружба* — *draudzība*, *иссякнуть* — *izsikt*, *неполный* — *nepilns*, *перекраситься* — *pārkrasoties*...

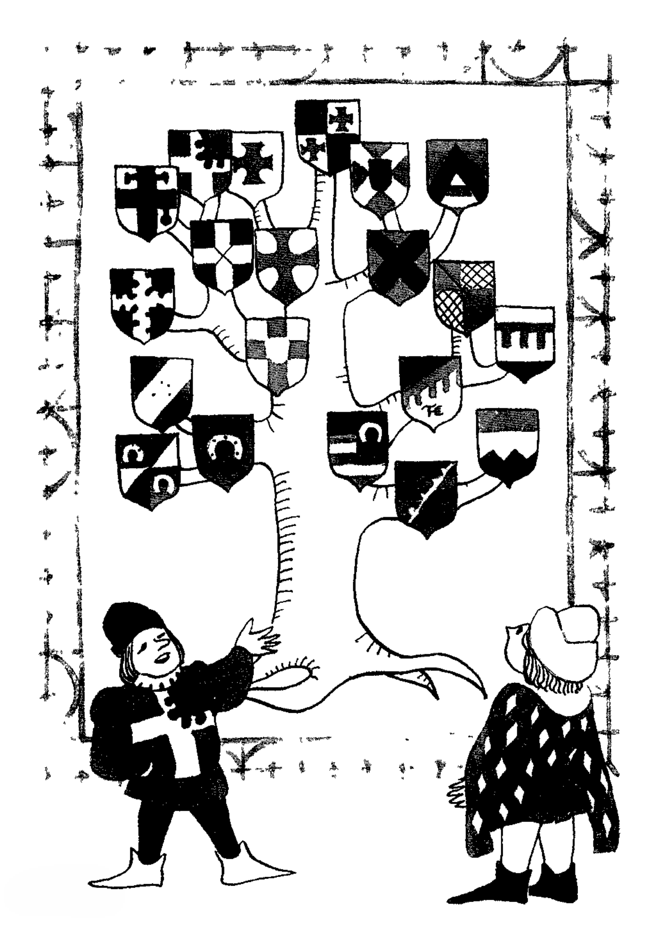
С ЛАТЫШСКОГО НА РУССКИЙ

Переведите без словаря на русский язык латышские слова *izteka*, *nebutiba*, *sadraudziba*.

Гораздо удивительнее, что в родстве между собой состоят столь разные языки, как русский и туркменский, грузинский и финский, хауса (в Северной Нигерии и других странах Западной Африки) и ненецкий (в низовьях Оби), английский и нанайский, венгерский и тамильский (на юге и юго-востоке Индии и в Шри-Ланке), арабский и японский. Все перечисленные языки являются родственниками, правда, очень и очень далёкими. Поэтому обнаружить и с помощью фонетических соответствий достаточно строго доказать родство этих языков лингвистам удалось лишь совсем недавно, в 60-х гг. XX столетия (см. статью «Как проникнуть в прошлое языка»).

Родственные языки называются так потому, что имеют общего предка, т. е. являются историческими продолжениями некоего праязыка, который однажды по каким-то причинам разделился на несколько самостоятельных ветвей. Они могли соседствовать, интенсивно контактировать, сходно развиваться. Однако могло быть и по-другому: носители обособившегося языка оторвались от основного массива «родственников», мигрировали в другие края, тесно общались с носителями неродственных языков, воспринимая от них новые звуки, слова и синтаксические конструкции и забывая многое из прежнего наследия. Каждый новый язык мог делиться дальше, и тогда всё повторялось: миграции, удаления, сближения, утраты, бурный расцвет или, напротив, медленное угасание. Поэтому родственные языки могут быть похожи друг на друга в очень разной степени.

Лингвисты выработали целую серию специальных терминов для описания соотношения языков. Самые мелкие единицы в лингвистической иерархии — отдельные территориальные *говоры*, которые могут быть распространены на небольшой площади, иной раз охватывая всего лишь несколько небольших населённых пунктов, а то и одно село. Мелкие говоры объединяются в *диалекты*, а далее в *диалектные группы*. В русской диалектологической традиции крупные группы диалектов принято называть *наречиями* (например, северновеликорусское и южновеликорусское), но к другим языкам этот термин применяется редко. Впрочем, термин «диалект» довольно размыт, так называют и отдельный говор, и крупное наречие.



Родственными называются языки, произошедшие от общего праязыка

Следующая ступень в иерархии — *язык*. Эта важнейшая единица лингвистики также не имеет чёткого определения. Случается, что разные языки отличаются друг от друга меньше, чем диалекты одного языка. Родственные языки объединяются в языковую *семью*, причём семья может состоять из более или менее обособленных языковых *ветвей* и *групп*. Объединения более крупные, чем семья, называют *макросемьями* (от *греч.* «makrós» — «большой», «крупный»), но этот термин ещё не устоялся и используется сравнительно редко.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

Наш родной русский язык принадлежит к славянской группе языков индоевропейской семьи. С этой группы и начинается наше путешествие по языковой карте мира

Славянские языки могут считаться самой молодой языковой группой среди индоевропейских языков. Их общий предок, который лингвисты называют праславянским языком, начал терять своё единство очень поздно, лишь в середине I тысячелетия н. э. До того предки славян были одним народом, пользовались очень близкими говорами и проживали где-то в Центральной или Восточной Европе.

Специалисты — лингвисты и историки — до сих пор спорят, где же всё-таки находилась прародина славян, т. е. территория, на которой они жили как единый народ и откуда разошлись, образовав отдельные народы и языки. Одни учёные помещают её между Вислой и средним течением Днепра, другие — между Вислой на востоке и Одером на западе. Сейчас многие специалисты считают, что прародина славян находилась в Паннонии, на Среднем Дунае, откуда они переместились на север и восток. Как одно из доказательств того, что славяне были

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Готский
Норвежский
Датский
Исландский
Фарерский
Английский
Африкаанс
Немецкий
Идиш
Бретонский
Валлийский
Корнский
Готский
Гэльские
Словацкий
Чешский
Литовский
Прусский
Сербско-хорватский
Новогреческий
Древнегреческий
Фракийский
Фригийский
Курдский
Скифские
Персидский
Авестийский
Панджаби
Хиндустани
Хинди
Урду
Ассамский
Тохарский А
Тохарский Б
Хеттский
Карийский
Лидийский
Лувийский
Ликийский
Сардинский
Итальянский
Провансальский
Португальский
Каталанский
Латынь
Румынский
Молдавский
Оскский
Умбрский
Италийская ветвь
Кельтская ветвь
Романская ветвь

Зеленые листочки означают живые языки желтые — вымершие голубые — литературные и религиозные языки которые не являлись средством живого языкового общения

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

Среди славянских языков русский ближе всего к белорусскому и украинскому. Втроём они образуют *восточнославянскую* подгруппу. Русский язык относится к крупнейшим языкам мира: по числу говорящих он занимает пятое место, уступая только китайскому, английскому, хиндустани и испанскому. Украинский в этой иерархии входит в первую «двадцатку», т. е. тоже принадлежит к очень крупным языкам.

Кроме восточнославянской подгруппы традиционно выделяются *западнославянская* и *южнославянская*. Однако если восточнославянские языки восходят к общему для них предку — древнерусскому («правосточнославянскому») языку, то этого нельзя сказать о двух других группах. В их истоках не было каких-то особых празападно- и праюжнославянского языков. Хотя языки каждой из этих подгрупп обладают целым рядом особенностей, сами подгруппы некоторые лингвисты склонны рассматривать не как генетические, а прежде всего как географические единства. Когда западнославянская и южнославянская подгруппы формировались, наряду с процессами расхождения языков (как говорят лингвисты, *дивергенции*) большую роль играли процессы их сближения (*конвергенции*).

КЕЛЬТСКИЕ ЯЗЫКИ

Кельтские языки — бретонский, ирландский, гэльский (шотландский), валлийский, — некогда звучавшие по всей Европе (от Пиренейского полуострова до Карпат и от Британских островов до Малой Азии), — сейчас угасают. Потомки древних кельтов, прекрасных воинов и ремесленников, художников и поэтов, оставивших следы великолепной культуры, сейчас сохранились в основном на северо-западной окраине Европы (кстати, само слово *Британия* восходит к названию *бриттов* — одного из кельтских племён). Почти все современные кельты двуязычны: бретонцы говорят на родном языке и на французском, а носители кельтских языков на Британских островах кроме родного знают английский.

Лингвистам известны древнейшие письменные памятники кельтской речи, которые позволяют говорить по меньшей мере о пяти мёртвых (т. е. исчезнувших) кельтских языках (в частности, галльском на территории Франции, кельтиберском на северо-востоке современной Испании и корнском в Великобритании).

МЁРТВЫЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Лингвисты-историки знают о том, что в прошлом существовало по крайней мере несколько мёртвых, т. е. ныне вышедших из употребления, индоевропейских языков и групп. От одних мёртвых языков осталась богатая письменность, от других — всего несколько слов в древних надписях на могильных камнях или кольцах, в географических названиях или в глоссах (цитировании слов) у античных авторов, о третьих, исчезнувших бесследно, можно лишь догадываться...

На полуострове Малая Азия во II—I тысячелетиях до н. э. процветала мощная группа *хетто-лувийских* (анатолийских) языков. Названия всем языкам, входящим в эту группу, дали учёные. Анатолийская письменность дошла до нас в клинописном и иероглифическом вариантах. В 1915 г. расшифровал хеттские клинописные письмена и доказал их индоевропейский характер чешский учёный Бедржих Грозный. Памятники хеттского языка датируются XVIII—XIII вв. до н. э.: это одна из древнейших записей индоевропейской речи.

Хетто-лувийская ветвь отделилась от индоевропейского ствола раньше других. Некоторые специалисты по сравнительно-историческому языкознанию полагают, что хетто-лувийские и остальные индоевропейские языки можно рассматривать как две равноправные семьи, а вместе они составляют *индо-хеттскую макросемью*. Несмотря на столь значительный разрыв между хеттским и, скажем, славянскими языками, некоторые слова у них удивительным образом совпадают: например, у праславянского слова **dьlgostь* 'длина', 'продолжительность' (корень ***dьlg-***) существует точное соответствие в хеттском **dalugašti* 'длина'.

Далеко на востоке, в Китайском Туркестане (Синьцзян), севернее пустыни Такла-Макан, где, казалось бы, не могло быть никаких индоевропейцев, в конце XIX — начале XX в. обнаружили загадочные рукописи V—XIII вв. н. э. Они представляют собой написанные северноиндийским письмом переводы буддийских текстов на незнакомый исследователям язык. Индоевропейский характер этого языка или, точнее, двух близкородственных языков был убедительно доказан, однако они не относились ни к одной из известных индоевропейских групп. Выяснилось, что обнаруженные языки составляют самостоятельную группу, получившую условное и неточное название *тохарской* («настоящие» тохары — это совсем другой народ).

Значительно меньше известно о таких древних языках, как *фракийский* (северо-восток Балканского полуострова и северо-запад Малой Азии), *фригийский* (северо-западная часть Малой Азии), ещё меньше изучены *венетский* (Северо-Восточная Италия и прилегающие к ней области Югославии и Австрии), *пеласгский* (на территории Древней Греции до прихода туда греков). Некоторые из них составляют самостоятельные группы в границах индоевропейской семьи, о групповой принадлежности других ничего определенного сказать нельзя.

МУДРЫЕ БРАТЬЯ

Выписано несколько польских слов с переводом на русский язык:

uczennica	*ученица*
bystry	*быстрый*
ciocia	*тётя*
byłem	*я был*
kłaść	*класть*
brzęknąć	*брякнуть*
stępać	*ступать*
mąż	*муж*
pięć	*пять*

Дан также следующий текст, в котором выписанные слова не встречаются:

MĄDRZY BRACIA

Szeroko rospościerała się po ziemi sława kalifa z Bagdadu, sława jego sprawiedliwości i mądrości. Wybrali się też trzej bracia, aby mu cześć oddać.

W drodze powiedział pierwszy:

— Tutaj szedł wielbłąd ślepy na jedno oko.

Drugi dodał:

— Nie miał z przodu dwóch zębow.

A trzeci zakończył:

— Objuczony był z jednej strony miodem, z drugiej ziarnem.

I szli dalej. Potem słyszą: ktoś biegnie za nimi. Oglądają się, to jakiś człowiek.

— Nie widzieliście, — pyta, — wielbłąda, ktorego kupiłem?

Człowiek prosił braci, by mu wskazali, dokąd uciekł nieposłuszny wielbłąd.

Переведите этот текст.

Со своей прародины славяне разошлись, образовав отдельные народы и языки.

С ЛАТЫШСКОГО НА РУССКИЙ

Исток, небытие, содружество.

в Центральной Европе, приводят, например, лексическое сходство между славянскими языками и языками Западной Европы. Сравните латинские и русские слова *hostis* — «гость», *struere* — «строить», *fornus* — «горн», *paludes* — «половодье». Проблема прародины славян весьма сложна, и её решение зависит от усилий учёных разных специальностей — историков, археологов, лингвистов, этнографов, фольклористов, антропологов. Языкознанию в этих поисках принадлежит особая роль.

В современном мире насчитывают от 10 до 13 живых славянских языков в зависимости от того, какой статус приписывается нескольким из них: самостоятельного языка или диалекта. Так, официальная болгаристика македонский язык самостоятельным не признаёт, рассматривая его как диалект болгарского.

Среди славянских языков есть и мёртвые, на которых уже никто не говорит. Таким был первый литературный язык славян. Русские называют его старославянским, а болгары — староболгарским. В его основе лежат южнославянские говоры старой Македонии. Именно на этот язык в IX в. переводили священные тексты греческие монахи — братья Кирилл и Мефодий, создавшие славянский алфавит. Их миссия по созданию литературного языка для всех славян стала возможна благодаря тому, что в те времена славянская речь была ещё относительно единой. Старославянский язык не существовал в виде живой народной речи, он всегда оставался языком Церкви, культуры и письменности.

Однако это не единственный мёртвый славянский язык. В западнославянской зоне, на севере современной Германии, некогда жили многочисленные и могущественные славянские племена. Впоследствии они были почти полностью поглощены германским этносом. Их непосредственными родственниками, вероятно, являются нынешние лужичане и кашубы. Исчезнувшие племена не знали письменности. Лишь один из диалектов — полабский (название образовано по имени реки Эльбы, по-славянски Лаба) — дошёл до нас в небольших словариках и записях текстов, сделанных в конце XVII — начале XVIII столетия. Это ценный, хотя и довольно скудный источник знаний о славянских языках прошлого.

БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Наиболее близки к славянским по своему грамматическому строю и лексике языки балтийской группы. Это сходство ученые объясняют по-разному. Наиболее распространена гипотеза балто-славянского праязыка: от древнего праиндоевропейского языка отграничился относительно цельный язык, который потом разделился на балтийскую и славянскую ветви. По другой версии, прабалтийский и праславянский диалекты выделились из индоевропейского языка независимо друг от друга, а их особенная близость объясняется длительным соседством. Эта теория позволяет объяснить заметные расхождения между ними, особенно в важнейшей лексике. Удивительны и некоторые различия между самими балтийскими языками даже в чрезвычайно устойчивой лексике, например в терминах родства: литовский и прусский сохранили индоевропейские названия: *сын* — соответственно *sūnùs* и *soūns, дочь* — *dukte* и *duckti,* тогда как в латышском эти слова заменены другими — *dęls* и *meita.*

Ранее группа балтийских языков была значительно шире по составу. В неё входил вымерший прусский (древнепрусский) язык. Его носители проживали в Юго-Восточной Прибалтике, к востоку от Вислы. К XVIII в. они полностью смешались с германцами и стали говорить на немецком языке. Кроме того, существовали и другие балтоязычные племена (например, голядь, ятвяги), пользовавшиеся своими диалектами.

Когда-то балтийские языки звучали на гораздо большей территории, чем сейчас Кроме Прибалтики балты населяли почти всю территорию современной Белоруссии, на юге доходя до нынешних Киевской, Житомирской, Ровенской областей Украины (здесь они оставили следы в виде географических названий, главным образом рек). На востоке освоенные балтами земли простирались до нынешнего Подмосковья. Достаточно сказать, что такие географические названия, как *Ока, Истра, Таруса, Серпухов,* московские *Яуза, Пресня, Неглинка, Лубянка,* а скорее всего и *Москва* (первоначально только река, город получил своё наименование по реке, на которой он стоит), — балтийского происхождения.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Двигаясь дальше на запад, мы встречаемся с германской группой индоевропейских языков, которая насчитывает сейчас 11 живых языков.

В *западногерманскую* подгруппу входят английский, немецкий, фризский, нидерландский (голландский) языки, африкаанс и идиш. Фризский язык распространён в провинции Фрисландии (Нидерланды), а также в некоторых районах Северной Германии. Вариант нидерландского языка, распространённый в Бельгии (во Фландрии), иногда называют фламандским. Африкаанс — язык части белого населения Южно-Африканской Республики и

Древнеанглийский, или англосаксонский (тексты с VII в), древневерхненемецкий (тексты с VIII в), древнесаксонский (тексты с IX в) языки принадлежат в отличие от северных (скандинавские языки) и восточногерманских (готский язык) к западногерманским языкам К ранним поэтическим текстам на древних западногерманских языках относятся древнеанглийская эпическая поэма «Беовульф» (около 700 г), древневерхненемецкая «Песнь о Нибелунгах» (около 1200 г) и др Потомки этих языков — английский, немецкий, фламандский и голландский

МУДРЫЕ БРАТЬЯ

Изучая польские и русские слова, данные в условии, можно отметить ряд буквенных соответствий, например: **cz — ч; c — ц; ł — л; ż — ж; y — ы; ć, ś** и **rz** — мягкие **т, с** и **р** соответственно. Кроме того, замечаем глагольное окончание 1-го лица единственного числа — **-em.**

С помощью этих соответствий опознаем большую часть слов польского текста и выявляем некоторые дополнительные соответствия. В частности, **sz — ш, ch — х, l** — мягкое **л; ą** и **ę** после твёрдого согласного — **у; ą** и **ę** после мягкого — **а;** по данным условия и текста можно также предположить, что буква **i** перед гласной — знак мягкости предшествующего согласного, при этом польское мягкое **с** соответствует русскому мягкому **т.** Заметим, что русские соответствия польских букв не всегда отражают их чтение. Так, в действительности польское **ą** — это **о** носовое, **ę** — **э** носовое, **cz** — твердое **ч, rz** — твердое **ж, ć** — среднее между мягкими **т** и **ц,** а **ś** — между мягкими **с** и **т.**

Приводим перевод отрывка на русский язык.

МУДРЫЕ БРАТЬЯ

Широко распространилась по земле слава халифа из Багдада, слава (о) его справедливости и мудрости. Выбрались также три брата, чтобы ему честь воздать.

В дороге поведал первый:

— Тут шел верблюд, слепой на один глаз.

Другой добавил.

— (Он) не имел спереди двух зубов.

А третий закончил:

— Навьюченный был с одной стороны медом, с другой — зерном.

И шли дальше. Потом слышат: кто-то бежит за ними. Оглядываются: это какой-то человек.

Намибии, в основе его лежат южноголландские диалекты На идише говорит еврейское население Германии, России и ряда стран Восточной Европы, он сложился на основе верхненемецких диалектов В 1984 г один из диалектов немецкого языка, распространенный в Люксембурге (люксембургский, или летцебургский), получил статус официального языка этого государства.

Северная, или *скандинавская,* подгруппа складывается из датского, шведского, норвежского, исландского и фарерского. Норвежский язык известен в двух вариантах *букмол* («книжная речь»), близкий по строению к датскому, и *нюнорск* («новонорвежский»), более напоминающий шведский На шведском языке кроме населения Швеции говорит значительная часть жителей Финляндии Фарерский — самый небольшой по числу носителей германский язык, на котором говорит население Фарерских островов (Дания), расположенных в Атлантике (примерно на равном расстоянии от Исландии, северных берегов Великобритании и западных берегов Норвегии). На древнеисландском языке была создана богатая эпическая литература Исландцы до сих пор хорошо помнят свои саги — сказания и легенды, повествующие о героическом прошлом и сохраняющие многое из древнегерманской мифологии. Исландцы всегда были высококультурным народом, с древности поголовно грамотным.

В прошлом существовала особая подгруппа — *восточногерманская,* но сейчас от нее ничего не осталось. В неё входил прежде всего готский язык. Воинственные племена готов первоначально обитали в низовьях Вислы, но затем обошли почти всю Европу В середине I тысячелетия н э. готы основали свои варварские королевства в Северной Италии и на

Древнеисландский язык скандинавский язык, зафиксированный в мифологических и героических песнях Старшей Эдды Этот рукописный сборник составлен в Исландии в XII в но восходит он к гораздо более раннему времени На древнеисландском языке написано много прозаических и поэтических произведений Поэзия скальдов (норвежских и исландских поэтов IX—XIII вв , сочинявших хвалебные песни саги, баллады и др) к которой часто обращались поэты-романтики XIX в , также существовала на древнеисландском языке Его родственники — норвежский исландский, шведский и датский языки

Пиренейском полуострове, однако довольно быстро растворились среди местного населения. Дольше всего готы оставались в Северном Причерноморье, в том числе в Крыму. Здесь готский язык помнили ещё в XVI в. Данные этого языка, имевшего письменность с IV в., как и древнеисландского, очень важны для реконструкции прагерманского и праиндоевропейского языков.

В древности славянские языки тесно контактировали с германскими. Доказательством этих древних встреч между ними служат довольно многочисленные лексические заимствования из германских языков в тогда ещё единый праславянский: *князь, шлем, котёл, блюдо, тын, стекло, изба, хлев* и даже *хлеб* (конечно, у славян было и своё название хлеба, но германское слово использовалось только в значении ‘кислый, дрожжевой хлеб’), предполагается, что германцы заимствовали славянское слово *скот* (*нем. Schatz* — «сокровище»), ведь скот в древности служил для расчётов вместо денег.

Среди германских языков самая блестящая историческая судьба была уготована английскому. В наши дни это наиболее распространённый в мире язык, второй по числу говорящих после китайского. Он родной более чем для 400 млн человек, что в два с половиной раза больше, чем количество говорящих на прочих германских языках. Английский не знает себе равных как язык международного общения. Более половины всей мировой научной литературы издаётся именно на английском.

К германской группе в известной мере примыкают языки, которые развились на базе английского из скрещения его с языками многочисленных бывших английских колоний. Такие первоначально очень примитивные языки (на английский слух они звучат примерно так, как для нас фраза иностранца, очень плохо знающего русский, вроде *Моя твоя не понимай*) носят специальное название пи́джин-языков. Наиболее развитые из них и даже признанные на некоторых территориях официальными называют *креольскими*. Примером последних может служить ямайский язык.

ИТАЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Повернув на юг, обнаружим следующую группу индоевропейских языков — *италийскую*. Величайший из них — латинский язык. Ему родственны некоторые давно мёртвые языки, на которых говорило древнее население Апеннинского полуострова: оскский, умбрский и др.

Латынь — мертвый язык, язык древнего племени латинов, населявших область Лации в средней части Италии. В VIII в. до н. э. центром Лации стал город Рим, будущая столица величайшей империи. С IV—III вв. до н. э. латинский язык начал распространяться за пределы Рима и вытеснять другие языки Древней Италии. К I в. до н. э. латинизация Апеннинского полуострова в основном завершилась. Во времена Римской империи на латыни заговорили покоренные римлянами народы. Современные романские языки — потомки древнего латинского языка. Это языки стран, бывших провинциями Римской империи, — Испании, Франции, Италии, Португалии, Румынии.

Вся история развития романских языков — письменная история, отраженная в огромном количестве текстов самого разного содержания: в исторических, политических и юридических документах, в богословских, философских и литературных произведениях. Существует даже письменное свидетельство того, когда именно носители романских языков начали осознавать их как отдельные языки, отличающиеся и от латыни, и от соседних языков, например германских. В 813 г. Турский собор рекомендовал священникам произносить проповеди не на латыни, а «in rustica romana lingua» («на деревенском романском языке»).

С латинским языком связана великая культура Древнего Рима. На нем создана блестящая литература, влияние латыни испытали и продолжают испытывать все европейские языки.

Латинский язык дал мощное потомство — семью романских языков. Однако их предок — не та латынь, на которой написаны стихи Катулла и Горация, проза Цицерона и Апулея. Язык, который несли с собой римские завоеватели, подчинившие себе пол-Европы, сильно отличался от классической латыни. Это был разговорный язык, который учёные называют народной, или вульгарной, латынью. Осевшая на Пиренеях, в Галлии и на Балканах и потерявшая непосредственные связи с метрополией, а с распадом Римской империи развивавшаяся вполне независимо, эта латынь, впитывая слова и звуки языков, на которых говорили покорённые

ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК

Некоторые языки, распространённые на юге нынешней Европы и восточнее, образуют отдельные, самостоятельные группы. Таков греческий язык. Древнегреческий язык принадлежит к наиболее ранним, зафиксированным с помощью письменности индоевропейским языкам. Его древнейшие памятники относятся к XV—XI вв. до н. э., т. е. ко времени, отстоящему от нас более чем на три тысячелетия. Эти памятники, написанные слоговым письмом, связаны с великой Крито-Микенской цивилизацией, задолго до античности колонизовавшей полуостров Пелопоннес и острова Эгейского моря. Первые дошедшие до наших дней памятники древнегреческого языка, созданные с помощью буквенного письма, датируются VIII—VII вв. до н. э. Благодаря столь древним памятникам письменности и удивительному богатству непрерывной письменной традиции данные греческого языка играют первостепенную роль в реконструкции индоевропейского праязыка.

Как и латынь, древнегреческий язык оказал сильное влияние на религиозную, философскую, научную и культурную лексику всех языков Европы, в том числе русского. Знание древнегреческого языка во многих европейских странах до сих пор считается признаком образованности. Средневековый греческий иначе называют византийским. Население современной Греции говорит на новогреческом. Литературный новогреческий язык существует в двух вариантах: книжном, более архаичном — *кафаре́вуса* (буквально означает «очищенный») и разговорном — *димо́тика* («народный»).

Сегодня трудно поверить, что такие привычные русские слова, как *кровать, скамья, известь, тетрадь, лента, свёкла, оладьи,* греческого происхождения.

народы, преобразовалась в нынешние романские языки. Четыре из них относятся к крупнейшим языкам мира: испанский, португальский, французский и итальянский (по числу говорящих они занимают соответственно четвёртое, девятое, двенадцатое и четырнадцатое места в мировой «табели о рангах»). Говорящих на всех романских языках больше, чём говорящих на германских, из индоевропейских они уступают лишь индийским языкам.

Романские языки делятся на пять подгрупп: *иберо-романскую* на Пиренейском полуострове и в Латинской Америке (испанский, галисийский, каталанский и португальский языки; сюда же входит ладино, или сефардский, — язык евреев Южной Европы, сложившийся на основе испанского); *галло-романскую* (французский и провансальский, или окситанский, распространённый на юге Франции); *итало-романскую* (итальянский, сардский, или сардинский, мёртвый далматинский); *ретороманскую* (несколько небольших языков в Швейцарии и на северо-востоке Италии) и *балкано-романскую* (румынский и его вариант молдавский, отличающийся от румынского в сущности лишь использованием ки-

АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК

К одиноким языкам, составляющим в границах индоевропейской семьи самостоятельные группы, относится албанский. Учёные предполагают, что язык албанцев — это наследник иллирийского языка, в древности звучавшего на Балканах. Однако в структуре албанского языка прослеживаются и черты, сближающие его с более северными соседями, в частности балтийскими и славянскими языками.

АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК

Обособленное место в индоевропейской семье занимает армянский язык, носители которого живут не только в Армении, но и в Иране, Сирии, Ливане и других странах. Его оригинальная письменность возникла в начале V в. Древнеармянский литературный язык, известный более полутора тысячелетий, до сих пор сохраняется как культовый. Под сильным влиянием соседних неиндоевропейских древних языков значительно изменились фонетика, грамматическая система и лексика армянского языка. Однако его данные существенно помогают учёным решать некоторые важные проблемы индоевропеистики.

риллической графики, а также остатки нескольких малых языков в Греции, Албании и на полуострове Истрия).

Условно к романской группе можно отнести некоторые креольские языки, образовавшиеся в результате скрещения романского с языками нероманского населения в бывших колониях Франции, Испании и Португалии. Самый большой из франко-креольских языков, впрочем официально не признанный, — маврикийский на острове Маврикий в Индийском океане.

ИНДОИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Повернув на восток, мы вступим в области, занятые индоиранскими языками. Эту обширную ветвь индоевропейского языкового древа делят обычно на иранскую и индийскую (индоарийскую) группы. По числу говорящих (850 млн человек) индоиранская — самая большая языковая общность внутри индоевропейской семьи.

Современные индийские (новоиндийские) языки распространены в Центральной и Северной Индии, а кроме того, в Пакистане, Бангладеш, Непале, Шри-Ланке и на Мальдивских островах. Языковая ситуация в индоязычных странах исключительно сложна. На юге Индии множество индоарийских языков соседствует с языками дравидийской семьи. К новоиндийским относятся хинди, язык индуистского населения, и его вариант урду, на котором говорят мусульмане городов Пакистана и некоторых индийских штатов (хинди использует особое индийское письмо деванáгари, урдý — арабскую письменность). Различия между этими двумя разновидностями литературного языка невелики и выявляются главным образом в письменной форме, разговорный же язык, называемый хиндустани, почти одинаков у индуистов и мусульман. Далее индоарийская группа включает языки гуджарáти, бхили, маратхи, панджаби, ассамский (в Индии), бенгали (в Бангладеш), сингальский (в Шри-Ланке), непали (конечно же, в Непале) и др. К новоиндийским языкам относится и цыганский язык, распространённый далеко за пределами основной области индоарийской речи, в том числе и в России.

Индийские литературные языки имеют славную историю. Древнейшим письменно зафиксированным индийским языком является ведийский, т. е. язык вед — собраний религиозных гимнов, заклинаний, песнопений (слово *véda* — «знание» — родственно нашему *ведать*). Особенно известен сборник Ригведа (веда гимнов), сложившийся ещё в конце II тысячелетия до н. э. Ве-

Древнеиндийский язык — язык древних ариев, пришедших на территорию Северо-Западной Индии в середине II тысячелетия до н. э. и распространившихся по северной и центральной части полуострова Индостан. Он впервые был зафиксирован в Ригведе, первом известном памятнике индийской литературы. Ригведа была записана индийским слоговым письмом в X в. до н. э., но составлена значительно раньше (как предполагают, во II тысячелетии до н. э.). В древнеиндийском языке различают два разных языка — ведийский язык и санскрит. На архаическом ведийском языке, который представляет собой раннюю форму древнеиндийского, составлена не только Ригведа, но и Атхарваведа. Более поздняя форма литературного древнеиндийского языка — это санскрит.

дийский язык сменил санскри́т (от *санскр.* «saṃskṛta» — «обработанный»), который известен в двух сменивших одна другую формах — эпической, на которой сложены две знаменитые и огромные по размерам поэмы «Махабхáрата» и «Рамáяна», и классической. Литература, созданная на классическом санскрите, велика по объёму, разнообразна по жанрам и блистательна по исполнению. Ведийский и санскрит в совокупности называют древнеиндийским. Грамматика санскрита («Восьмикнижие»), созданная Панини в IV в. до н. э., до сих пор служит образцом лингвистического описания. Между древнеиндийским и новоиндийскими языками во времени лежат многочисленные среднеиндийские языки — *пракри́ты* (*санскр.* «естественный», «обычный»).

В конце XVIII в. именно удивление европейских учёных красотой и строгостью санскрита, обнаружившего много общего с языками Европы, стало импульсом к созданию сравнительно-исторического направления в языкознании.

Иранская группа — самая большая в индоевропейской семье по числу входящих в неё

Авестийский язык — один из древних иранских языков. Это язык богослужения в зороастрийских общинах Индии и Ирана, зафиксированный в гимнах «Авесты». «Авеста» («Уложение») — среднеперсидское название свода священных религиозных текстов древних зороастрийцев. Ее тексты датируются IV—VI вв., но составлены они были во II—I тысячелетиях до н. э.

языков. Иранская речь звучит в современных Иране, Афганистане, Ираке, Турции, Пакистане, Индии, Средней Азии и на Кавказе. Помимо живых языков в иранскую группу входит большое количество мёртвых языков — как письменных, так и не знавших письма, но реконструируемых на основе косвенных свидетельств. Среди первых прежде всего достоин упоминания литературный язык, на котором записана «Авеста» — свод священных текстов древней религии огнепоклонников — зороастрийцев. Он так и называется: авестийский. Среди бесписьменных интересен скифский язык, распространённый в Северном Причерноморье, на территории современной Южной Украины и Северного Кавказа и прекративший своё существование полтора тысячелетия назад. Лингвисты полагают, что языковыми наследниками скифов являются современные осетины.

Древние иранцы (скифы, сарматы и др.) были непосредственными соседями славян. Контакты с иранцами привели к появлению в русском языке множества заимствований. Удивительно, но такими заимствованиями являются столь привычные слова, как *хата, штаны, сапог, топор;* к следам пребывания иранцев в Причерноморье относятся многочисленные иранские по происхождению названия рек, в том числе *Дон, Днепр, Днестр, Дунай.*

ШИРЕ КРУГ: МАКРОСЕМЬЯ

Такие далёкие языки, как английский и нанайский, грузинский и японский, могут, как выяснилось в XX в., оказаться родственниками. В Старом Свете, Европе, Азии и Северной Африке существует по меньшей мере шесть языковых семей, которые находятся по отношению друг к другу в далёком родстве и вместе образуют гигантскую макросемью: *картвельская, афразийская, уральская, алтайская, дравидийская* и уже рассмотренная *индоевропейская.* О родственных связях некоторых из этих семей лингвисты подозревали и раньше, но весомые доказательства были представлены лишь в середине 60-х гг. XX столетия в работах нашего соотечественника Владислава Марковича Иллич-Свитыча, трагически погибшего в 1966 г. в возрасте 32 лет. Гениальный лингвист сумел проследить регулярные фонетические соответствия, связывающие эти семьи, выявить родственные корневые и аффиксальные морфемы. Работы В. М. Иллич-Свитыча дали толчок поискам генетических связей между другими семьями языков мира.

С индоевропейской семьёй мы уже познакомились, обратимся теперь к другим языковым семьям. В Закавказье локализуется небольшая и по числу языков, и по количеству их носителей картвельская семья. Один из картвельских языков — грузинский. Есть ещё три: мегрельский, лазский (чанский) и сванский.

На юге Индии, а также в сопредельных государствах (Пакистане, Шри Ланке, на востоке Ирана, на юге Афганистана) распространены языки дравидийской семьи — исконные языки этих территорий (индоарийцы пришли в эти земли с севера). Наибольшим числом говорящих отличаются языки телугу, тамильский, каннада и малаялам.

Перечисленные шесть больших языковых семей, включая индоевропейскую, и образуют гигантскую макросемью, названную *ностратической* (от *лат.* noster — «наш»; как бы «нашенская» семья).

Однако в последнее время начинает преобладать точка зрения, согласно которой афразийские языки — не ностратические и должны быть выделены в отдельную макросемью.

Вообще границы ностратической семьи с достаточной точностью не очерчены. Существуют гипотезы, по которым в родстве с ностратическими могут находиться эскимосско-алеутские языки на Аляске, Чукотке и островах, расположенных в этом северном районе Тихого океана. Возможно, к ним нужно присоединить

Тунгусо-маньчжурский
Монгольский
Тюркский
Дравидский
Эламский
Египетский
Кушитский и омотский
Чадский
Финно-угорский
Самодийский
Семитский
Берберский
Японский
Юкагирский
Уральский
Эламско-дравидский
Индоевропейский
Картвельский
Афразийский
Корейский
Алтайский
СХЕМА НОСТРАТИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ
Восточноностратический
Западноностратический
Ностратический

АЛТАЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Весьма велика алтайская семья (макросемья) языков.

Языки тюркской семьи распространены от Турции и Болгарии на западе до Китая и Монголии на востоке (турецкий, азербайджанский, туркменский, татарский, башкирский, киргизский, казахский, узбекский, якутский, чувашский, алтайский и многие другие языки). Классификация этой семьи затрудняется значительной близостью языков и сложным характером исторического взаимодействия тюркских народов. Поэтому существует несколько различных классификаций тюркских языков.

В монгольскую семью кроме обозначенных на древе входят некоторые языки Афганистана и Китая, а в тунгусо-маньчжурскую — языки, распространенные в Сибири, на Дальнем Востоке, в Приамурье, а также в Китае и Монголии.

На правах самостоятельных ветвей алтайской языковой семьи рассматриваются *корейский* и *японский*. Впрочем, их родство с алтайскими языками ученые нередко оспаривают.

АФРАЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Афразийская, или афроазиатская, семья (макросемья) огромна. Весьма затруднительно назвать число входящих в нее языков. Границы между группами небольших языков, отдельными языками и диалектами ясны даже далеко не каждому специалисту в этой области. Языки семитской семьи — иврит (древнееврейский), арабский, аккадский, а также эфиопский. Первые два из них сыграли большую роль в истории европейской цивилизации. Некогда могущественный древнеегипетский язык теперь сохранился лишь в своем потомке — коптском языке, численность носителей которого невелика.

УРАЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

Уральские языки разбросаны почти по всей территории Евразии: финский, эстонский, карельский и венгерский в Восточной Европе имеют далеких родственников на Урале и Поволжье — ненецкий, удмуртский, марийский и другие языки.

и некоторые языки Сибири и Дальнего Востока — чукотско-камчатские (чукотский, корякский, керекский, алюторский, ительменский), юкагирский (в Якутии и Магаданской области), нивхский (в низовьях Амура и на Сахалине), айнский (на севере Японии, юге Сахалина, на Камчатке); генетические связи трёх последних языков не выяснены.

Кроме ностратических языков выделяют ещё *сино-кавказскую* макросемью (она объединяет китайско-тибетские — китайский, тайские, тибето-бирманские языки; кавказские — нахско-дагестанские, абхазско-адыгские, картвельские, хуррито-урартские, хаттский, а также, вероятно, енисейские языки) и *америндскую* макросемью (языки коренного населения Америки). Вполне возможно, что между этими тремя макросемьями существует еще более древнее родство. Однако пока это всего лишь предположение...

ЯЗЫКИ, НАРОДЫ, ГОСУДАРСТВА

Языки не существуют сами по себе, на них говорят люди, а люди живут в обществе. Язык может как объединять, так и разъединять людей, становиться источником конфликтов и войн Прежде всего по владению языком люди определяют, «наш» или «не наш» человек, а это иногда очень острый вопрос.

ЧТО НУЖНО ГОВОРЯЩЕМУ

Язык, который человек усваивает в раннем детстве, называют *материнским*, или *родным*. Обычно бывает лишь один родной язык. Но есть люди, у которых родных языков два или даже больше. У известного востоковеда и лингвиста Николая Марра (1864 или 1865—1934) отец был шотландцем, говорившим по-английски, а мать — грузинкой; каждый из родителей говорил на своём языке, и будущий академик имел два родных языка: материнский и отцовский. В многоязычном городе ребёнок на одном языке может говорить с родителями, на другом — с товарищами по играм Владимир Набоков, воспитанный иностранцами-гувернёрами, с раннего детства одинаково хорошо владел русским, английским и французским языками, благодаря чему в разные периоды жизни смог стать и русским, и американским писателем.

Родной язык осваивается лишь в раннем детстве, не позже, чем в четыре года. Только в этом возрасте в овладении языком участвуют оба полушария мозга. Позже освоить язык значительно труднее, потому что в обучении участвует лишь левое полушарие. Оно отвечает за фонетику и грамматику, поэтому научиться говорить на чужом языке без акцента и грамматических ошибок можно в любом возрасте. Но языковыми значениями ведает прежде всего правое полушарие. Поэтому поздно выученный язык будет обеднён

ШИБОЛЕТ

У Пушкина в «Евгении Онегине» есть такие строчки:

Авось, о шиболет народный,
Тебе б я оду посвятил...

Непонятное слово *шиболет* в переводе с древнееврейского означает «колос» (евреи иногда произносят «шабелес»). В европейские языки оно вошло со значением ‘отличительная черта какого-либо народа’. Странный сдвиг значения объясняется одним эпизодом из Ветхого Завета. Его вспоминает писатель Виктор Борисович Шкловский в «Сентиментальном путешествии»:

«Библия... повторяется.

Однажды разбили евреи филистимлян. Те бежали, бежали по двое, по трое, спасаясь, через реку.

Евреи поставили у брода патрули.

Филистимлянина от еврея тогда было отличить трудно...

Патруль спрашивал пробегавших: „Скажи слово *шабелес*“.

Но филистимляне не умели говорить ***ш***, они говорили *сабелес*.

Тогда их убивали.

На Украине видал я раз мальчика — еврея. Он не мог без дрожи смотреть на кукурузу.

Рассказал мне:

„Когда на Украине убивали, то часто нужно было проверить, еврей ли убиваемый.

Ему говорили: „Скажи — *кукуруза*“.

Еврей говорил *кукуружа*.

Его убивали“».

(Здесь допущена неточность: имеются в виду не филистимляне, а ефремляне. — *Прим. ред.*)

с точки зрения богатства значений Если даже человеку придётся в дальнейшем пользоваться лишь неродным языком, влияние родного все равно будет сказываться Тот же Марр, окончив в Кутаиси гимназию, уехал учиться в Петербург, стал русским учёным, говорил и писал по-русски Однако до конца жизни в его речи ощущался сильный акцент, а своеобразный стиль его работ выдаёт, что русский язык ему неродной

Говорить всегда и везде на материнском языке — естественная потребность человека, её можно назвать *потребностью идентичности.* Причины её очевидны Неродные языки всегда выучиваются с бо́льшим трудом, чем родные, а это создаёт неравенство Для многих людей родной язык является и языком своего народа Поэтому необходимость учить чужой язык часто ущемляет национальные чувства, вызывает ощущение социальной неполноценности Одновременно чужой язык может считаться более престижным или открывать путь к карьере.

Вторая естественная потребность человека — *потребность взаимопонимания.* Людям важно найти общий язык и в переносном, и в прямом смысле Если его нет, то возможны очень тяжелые последствия Участники Великой Отечественной войны помнят случаи, когда новобранцы из Средней Азии, не знавшие русского языка, погибали из-за несогласованности действий с товарищами. Недаром люди издавна мечтали о едином всемирном языке и не раз пытались его создать

Потребность идентичности не нарушалась, пока люди жили сельскими общинами, а появление «чужого» было чрезвычайным событием. Но при переходе к индустриальному обществу, когда в государстве начали складываться единый рынок, единая административная система, армия, система образования, главной стала потребность взаимопонимания

ЧУЖОЙ РОДНОЙ ЯЗЫК

Что такое родной язык, вроде бы ясно всем. Разве каждый человек не определяет для себя безо всяких колебаний, какой язык для него родной? Проблем нет, когда родной язык совпадает с этнической (национальной) принадлежностью. Обычно так и бывает, но не всегда. Вспомним свидетельство Вильгельма Кюхельбекера, «однокашника» и друга Пушкина: «Я по отцу и матери немец, но не по языку: до шести лет я не знал ни слова по-немецки; природный мой язык — русский».

В наше время — время национальных суверенитетов и этнических перемешений — нередко встречается весьма небрежное употребление термина «родной язык» Вот несколько примеров газетных сообщений. «Молодежь требует... объявления родным языком румынского, а также повышения стипендии» (из сообщения о студенческих волнениях в столице Молдавии Кишиневе); «Значительная часть казахов... или совсем не владеет родным языком, или владеет плохо»; «С российских немцев при устройстве на работу будут строже спрашивать знание родного языка» (имеется в виду казахский и немецкий языки, реальным же родным языком, очевидно, является русский).

Во всех этих случаях родной, материнский язык смешивается с этническим. Под влиянием политических эмоций люди забывают, что никакой язык невозможно произвольно объявить родным (можно объявить государственным, официальным) и что никак нельзя назвать родным языком человека тот язык, которым он не владеет или владеет плохо.

ПИКТО

Один молодой человек написал девушке письмо, пользуясь письменностью *пикто* (от *лат.* pictus — «нарисованный»), изобретенной голландским профессором Карелом Янсеном в 1956 г. Пикто представляет собой рисуночное понятийное письмо, которое, по мнению автора, могут понимать все люди независимо от языковой принадлежности.

Вот текст письма:

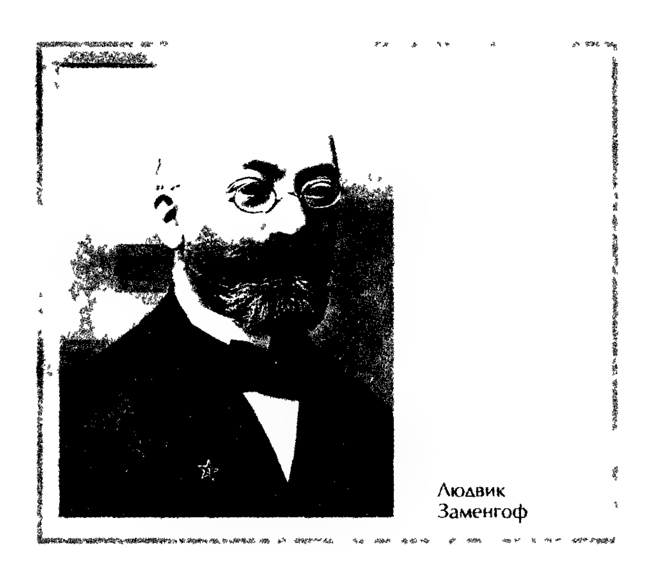
```
  I  |♡  ][
• I  •|⊂⊃ ][ ⊡ ⌒
  ][ •|— •□ ⌂ ⊡ ♀
  ][ |+  ⌂ □ ⌒
 •I  |Λ• → ][
  ][ |—• ⊡ ⌂
  I  |⊂⊃• ][
  I  |♡•  ][ ...
```

Помогите девушке написать на пикто ответ: *Сегодня я иду в город. Я увижу тебя. Ты придешь ко мне. Завтра он будет дома. Я буду за городом.*

ЭСПЕРАНТО

Разноязычие всегда мешало народам общаться друг с другом, поэтому с древнейших времен люди мечтали о языке, понятном для всех. Проблемой международного языка занимались такие ученые и философы, как Платон, Р. Декарт, И. Ньютон, Г В. Лейбниц.

Различных проектов искусственных международных языков более 2 тыс. Для общения между людьми (разговор, переписка, издание литературы) реально использовались не более десяти. И лишь один искусственно созданный язык стал по-настоящему живым, полноценным средством общения, не уступающим национальным языкам по богатству, красоте, гибкости и выразительности. Это — язык эсперанто, созданный врачом из Варшавы Людвиком Заменгофом (1859—1917)


Людвик Заменгоф

Л. Заменгоф родился в Белостоке, на территории нынешней Польши, в то время входившей в состав Российской империи. Город населяли русские, белорусы, поляки, евреи, немцы Люди разных национальностей нередко относились друг к другу с подозрением и даже враждебно Заменгоф с ранней юности мечтал дать людям общий, всем понятный язык, чтобы преодолеть отчуждение между народами. Этой идее он посвятил всю жизнь. Изучая языки в гимназии, он понял, что в любом национальном языке слишком много сложностеи и исключений, затрудняющих его освоение. Кроме того, использование в качестве общего языка какого-то одного народа дало бы неоправданные преимущества этому народу, ущемляя интересы остальных.

Над своим проектом Заменгоф работал более десяти лет. В 1878 г. друзья-гимназисты уже увлеченно пели на новом языке: «Пусть падет вражда народов, уже пришло время!». Но отец Заменгофа, работавший цензором, сжег работу сына, заподозрив что-то неблагонадежное. Пришлось начинать все сначала .

И вот 26 июля 1887 г. в Варшаве появилась небольшая брошюра на русском языке «Международный язык. Предисловие и полный учебник» Автор укрылся за псевдонимом д-р Эсперанто, что в переводе с нового языка означало «надеющиися». Скоро это слово стало названием языка.

Заменгоф сразу отказался от авторских прав на свое изобретение, разрешив вносить в язык усовершенствования. Однако его разработка была весьма удачной, принципиальных изменений практически не понадобилось. Вскоре была создана Академия эсперанто с целью поддержания единства языка, утверждения новых слов и решения спорных вопросов, а в 1905 г. состоялся 1-й Всемирный конгресс эсперанто.

История эсперанто полна драматических событий. Две мировые войны нанесли удар по движению эспе-

ВЛАДЕЙТЕ ЭСПЕРАНТО

Даны фразы на языке эсперанто и их переводы на русский язык:

Mi vidis mian maljunan najbaron.
«Я видел моего старого соседа».
Ni vidas niajn najbarinojn.
«Мы видим наших соседок».
Mia patro kaj najbaro alportos kokon.
«Мой отец и сосед принесут петуха».
Li manĝigas sian filon.
«Он кормит своего сына».
Mi aĉetas novan robon.
«*Я покупаю новое платье*».
Mia fratino estas juna.
«Моя сестра молодая».
Ni aĉetis karan ĉapon.
«Мы купили дорогую шапку».
Ni produktas malkarajn balailojn.
«Мы делаем дешевые веники».

1. Переведите на русский язык:
   Lia patrino alportis mian kokinon.
2. Переведите на эсперанто:
   (1) *Мой брат увидит нашу дочь.*
   (2) *Я куплю старые платья.*
   (3) *Его сын делал дорогие веники.*

(При решении обратите внимание. буква **ĉ** читается как русское **ч, ĝ** — как слитно произнесенное **дж.**)

рантистов, их жестоко преследовали Гитлер и Сталин. Но все-таки стремление людей к свободному международному общению оказалось сильнее, и движение эсперанто снова возродилось.

Количество эсперантистов в мире достигает 20 млн человек. Ежегодно проводятся всемирные конгрессы, собирающие до 6 тыс участников. На эсперанто издается свыше 150 газет и журналов, регулярно ведут передачи более десяти радиостанций. В сети Интернет вторым по распространенности языком после английского является именно эсперанто. Число изданных книг приближается к 100 тыс. названий· переводы всего лучшего, созданного на национальных языках, и оригинальные произведения — проза и поэзия, сказки и комиксы, литература на любой вкус. Спектакли, фильмы, множество прекрасных песен — это тоже неотъемлемая часть культуры эсперанто.

Грамматика эсперанто состоит из 16 правил, которые можно уместить на небольшой открытке; правила не имеют ни одного исключения. Каждый изучающий найдет в эсперанто что-то близкое своему родному языку. Француз или итальянец найдет знакомые корни слов, немец или китаец — способ образования сложных понятий простым присоединением слов, венгр или узбек — способ словообразования «приклеиванием» морфем, поляк — привычные ударения на предпоследнем слоге, русский — свободный порядок слов в предложении.

Алфавит эсперанто построен на основе латинского, причем каждая буква читается всегда одинаково независимо от места в слове и сочетаний с другими буквами. Таким образом, даже впервые увидев слово, вы не ошибетесь в произношении.

Отсутствуют грамматический род, разные типы склонений и спряжений, неправильные глаголы и т. п. Падежей только два — именительный и винительный, а значения остальных передаются с помощью предлогов. Все существительные имеют окончание ***-o***, прилагательные — ***-a***; к ним присоединяются показатели множественного числа ***-j*** и винительного падежа ***-n***. Все это делает грамматику эсперанто предельно простой и упорядоченной.

Первый учебник эсперанто содержал всего 900 корневых слов, однако из них как из элементов можно по несложным правилам составлять новые слова с любым оттенком смысла. Появляются и новые корни, их число составляет сейчас около 20 тыс., так что общее число слов в эсперанто в принципе неограниченно. Изучение эсперанто включено в обязательную программу многих школ в Венгрии, Литве, Китае. Появились такие школы и в некоторых городах России, в том числе в Москве и Подмосковье.

Книги на эсперанто

VELO

Прочитайте следующее стихотворение на эсперанто. Переведите его на русский язык.

VELO
Blankadas velo unusola
en la nebula mara blu'.
Ĝi kion lasis, kion volas
en fremdaj vastoj serĉi plu?

La ondoj ludas, vento spiras,
fleksante l' maston kun fervor';
ve, ne feliĉon vel' aspiras,
nek de l' feliĉo kuras for!

Ĝin kronas ora bril' ĉiela,
sub ĝi lazuras l' onda spac',
sed ŝtormon serĉas ĝi, ribela,
kvazau en ŝtormoj estas pac'!

(В поэзии допускается отбрасывать окончание ***-o***, заменяя апострофом, и сокращать артикль ***la*** до ***l'***, при этом место ударения не меняется)

ВЛАДЕЙТЕ ЭСПЕРАНТО

Язык эсперанто был создан в 1887 г. как язык международного общения, доступный всем. Поэтому он имеет предельно простую, без исключений и сложных правил, грамматику. Вот основы этой грамматики. Личные местоимения оканчиваются на ***-i:*** *mi* 'я', *ni* 'мы', *li* 'он'. Все прилагательные оканчиваются на ***-a;*** следовательно, притяжательные местоимения имеют форму: *mia* 'мой', *nia* 'наш', *lia* 'его', *sia* 'свой'. Существительные оканчиваются на ***-o,*** личные формы глаголов — на ***-s,*** перед этим ***-s -i-*** означает прошедшее время, ***-a-*** — настояшее, ***-o-*** — будущее. Показатель множественного числа — ***-j-,*** винительного падежа — ***-n*** (для единственного числа и именительного падежа нет специальных показателей).

Антонимы образуются с помощью префикса ***mal-.*** Следует отметить, что в эсперанто различаются значения 'старый' о человеке и о веши: соответственно *maljuna* и *malnova* (сравните: *немолодой* и *неновый*). (Такое бывает в ряде естественных языков. Наоборот, в некоторых языках 'новый' и 'молодой' не различаются, как, например, в древнегреческом или латышском.)

Названия лиц женского пола образуются от соответствуюших названии лиц мужского пола с помощью суффикса ***-in-.*** Прилагательное согласуется с существительным в числе.

Лексика языка эсперанто набрана из наиболее распространенных европейских языков. Основы местоимений взяты из романских языков (сравните с французскими *moi, nous, lui, soi*); союз *kaj* 'и' — из древнегреческого. В качестве многих основ взяты общеиндоевропейские корни: *esti* 'быть' (сравните с латинским *est,* французским *est,* немецким *ist,* русским *есть*), *vidi* 'видеть' (сравните с латинским *videre,* русским *видеть*), *juna* 'молодой' (сравните с латинским *juvenis,* французским *jeune,* английским *young,* немецким *jung,* русским *юный*), *nova* 'новый' (сравните с латинским *novus,* французским *nouveau, neuf,* английским *new,* немецким *neu,* русским *новый*). Некоторые корни взяты из латыни: *patro* 'отец', *filo* 'сын', *frato* 'брат', *kara* 'дорогой', *produkti* 'делать'. Часть слов взята из германских языков: *najbaro* 'сосед' (сравните с немецким *Nachbar,* английским *neighbour*). Много слов из французского: *porti* 'нести', *alporti* 'приносить', *koko* 'петух', *manĝi* 'есть', *manĝigi* 'кормить', *aĉeti* 'покупать', *robo* 'платье', *ĉapo* 'шапка', *balailo* 'веник'.

Переводы:

1. *Его мать принесла мою курицу.*
2. (1) *Mia frato vidos nian filinon.*
   (2) *Mi aĉetos malnovajn robojn.*
   (3) *Lia filo produktis karajn balailojn.*

ПИКТО

Почти все фразы начинаются со знаков I или II. По-видимому: I — 'я', 1-е лицо, II — 'ты', 2-е лицо.

Следующий знак каждой фразы начинается вертикальной чертой; возможно, это — признак сказуемого, смысл которого помогают восстановить знаки-рисунки: ♡ — 'люблю', 👁 — 'вижу' или 'смотрю', Λ — 'иду', 👄 — 'говорю'. Встречаются рисунки и после сказуемого, скорее всего это существительные: ⌂ — очевидно, 'дом', ♀ — 'дерево', ō — непонятный знак. Подсказку находим в тексте ответного послания — 'город': рисунок передает очертания города у дороги или реки. Несколько знаков квадрата с разным положением точки (внутри квадрата, перед ним и под ним), вероятно, предлоги, указываюшие на положение предмета в пространстве: ⊡ — 'в', ·□ — 'перед', □̣ — 'под'.

Стрелка после знака 'иду' и перед знаком 'ты', очевидно, указывает направление: 'иду к тебе'. В положении при сказуемом различаются: точка слева от сказуемого, справа и ее отсутствие. Вероятно, точка указывает на время действия: прошедшее (слева), будушее (справа), настояшее (нет точки). В начале и в конце фраз встречаются многоточия с одной жирной точкой. Жирная точка слева, по-видимому, 'вчера', справа — 'завтра', три жирные точки — 'вчера, сегодня, завтра', т. е. 'всегда'.

Смысл знаков «+» и «–» восстанавливается из контекста: 'Ты I+ дом в городе'; 'Ты I– в доме'; ('Ты ·I– перед домом под деревом'). «+» означает 'иметь', «–» означает 'быть'.

Текст письма восстанавливается следующим образом: *Я люблю тебя. Вчера я видел тебя в городе. Ты была перед домом под деревом. У тебя дом в городе. Завтра я приду к тебе. Ты будешь дома. Я скажу тебе: я буду любить тебя всегда.*

Теперь нетрудно написать ответ:

· I |Λ – ō
I |👁· II
II |Λ· – I
· III |–· ⊡ ⌂
I |–· □· ō

Для ответа потребовались новые знаки, которые легко определить:

· — 'сегодня', III — 'он', □· — 'за'.

VELO

Это перевод стихотворения Михаила Юрьевича Лермонтова «Парус».

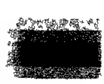
ПОЙМИ МЕНЯ

Что происходит, когда встречаются носители разных языков? Возможны различные стратегии общения.

Нулевой вариант — отказ от общения. Это нередко происходит в традиционных обществах, где община может проигнорировать «немца» (т. е. неумеющего говорить, как все). В современном мире так поступают чаще всего те, кто попал за границу взрослым и не по своей воле. Многие русские эмигранты 20—30-х гг. XX в. во Франции, Латвии, Китае и других странах принципиально не учили языки этих стран, надеясь скоро вернуться на родину (в наши дни в Латвии ситуация повторяется). Писателю Александру Ивановичу Куприну, который два десятилетия прожил во Франции, но так и не выучил французского, один эмигрантский журнал приписал фразу: «Эх, испортили французы русский язык: бок у них рюмка, кот — берег, ваш — корова, а шваль — лошадь» (имеются в виду французские слова *bock, côte, vache, cheval;* первое из них на самом деле значит ‘пивная кружка’). В современном обществе такая позиция загоняет человека в угол; может быть, из-за этого Куприн и вернулся в конце концов в СССР. Человек просто не может «вписаться» в общество, в которое попадает. Дети и внуки таких людей, как правило, осваивают чужой язык, нередко теряя свой.

При встрече носителей разных языков возможны различные стратегии общения.

ЛЮДИ И ЖЕСТЫ



Жестовые знаки разных культур могут совпадать по форме, но различаться по содержанию.

В Древнем Риме, решая судьбу побеждённого гладиатора, зрители выражали свою волю жестами. Большой палец, опущенный вниз, означал смерть побеждённому, а поднятый вверх — пощаду.

Этот жест — палец вверх — сохранился во многих культурах, и в нашей в том числе, но значит он другое — отлично!

Кивок головой вместо ответа на вопрос используется разными народами, в том числе близкими по языку болгарами и русскими. Когда русский человек кивает, это означает «да», когда покачивает головой — «нет». У болгар всё наоборот: они слегка откидывают голову назад в знак отрицания, а покачивают головой, когда соглашаются. Представьте себе, что к вам в гости приехал болгарин, прекрасно говоряший по-русски, но не владеющий русской жестовой системой. Вы спрашиваете у него: «Хочешь чаю?». Тот в ответ мотает головой. «Ну ладно», — говорите вы и продолжаете разговор, а ваш друг почему-то обижается.

В отличие от звукового языка язык жестов содержит в себе общечеловеческие, универсальные моменты. Но всё же бóльшая часть жестовых знаков существует в рамках той или иной культуры.

Можно общаться «на пальцах», не зная языка друг друга. Если верить уже упомянутому Н. Я. Марру, его отец так и не научился говорить по-грузински, а мать — по-английски, тем не менее в быту они понимали друг друга. На советской космической выставке в Японии в 1973 г. русские и японские рабочие вместе собирали весьма сложные экспонаты, не зная языка друг друга и общаясь «на пальцах». Ясно, что такое общение неполноценно и не всегда даёт результаты.

Собеседники могут говорить каждый на своём родном языке и частично понимать друг друга, если языки похожи. В славянских странах русского скорее всего как-то поймут, но в соседней Венгрии — уже нет: венгерский язык совершенно не похож на русский.

Часто бывает и так, что двум собеседникам помогает понять друг друга третий — переводчик. Но, во-первых, на перевод уходит лишнее время, во-вторых, он не всегда возможен: несложно обеспечить переводчиками официальные делегации, но в воинской части или на заводе переводчика к каждому не приставишь.

Нередко собеседники переходят на третий язык, неродной для них обоих. В современном мире это может быть абсолютно «ничей» язык эсперанто или латынь, но чаще говорят на языке, который для кого-то в мире родной. Обычно этот язык обладает бóльшим авторитетом,

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ЮАР

Население Южно-Африканской Республики делится на африканское большинство и белое меньшинство. Африканцы говорят на разных, часто далёких друг от друга языках; белые — на языке африкаанс, который произошел из голландского, и по-английски. До недавнего времени господствовавшее белое меньшинство проводило политику апартеида — жёсткого разделения белых и африканцев во всех сферах жизни, в том числе и языковой. Африканцам преподавали в школах лишь родной язык, что отделяло их и от белых, и от других африканских народов. Движение против апартеида, за права большинства, шло под лозунгами распространения английского языка. Если африканские языки разъединяли народы, а африкаанс ассоциировался с колониальными временами, то английский язык устраивал всех.

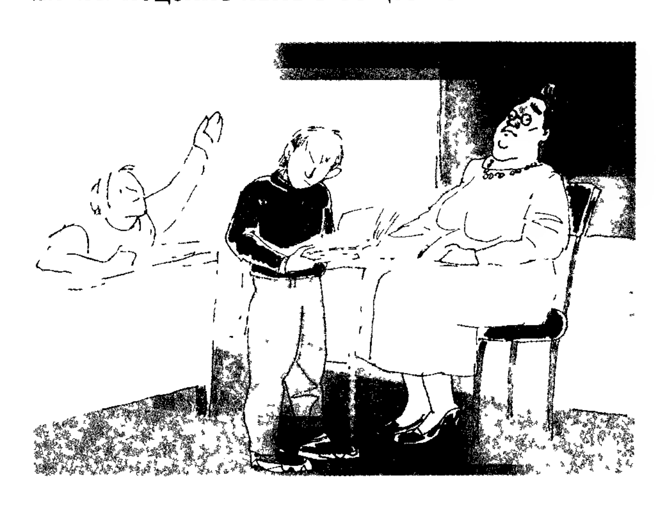
чем родные языки собеседников. Им может быть просто какой-нибудь распространённый язык (если нет переводчика, голландец с венгром будут общаться скорее всего по-английски или по-немецки) Для людей из разных национальных меньшинств одной страны общим будет язык большинства: татарин с осетином почти наверняка будут говорить по-русски Национальные чувства ущемлены, но это компенсируется равенством собеседников. В Индии, где языков очень много, люди разных национальностей предпочитают говорить между собой по-английски Использование языка бывших колонизаторов кажется более нейтральным, чем языка чужого индийского народа.

Последний, самый частый случай — общение на языке одного из собеседников (например, русского с татарином по-русски). При этом легче всего добиться взаимопонимания, но собеседники не равны, больше всего страдает национальное чувство, потребность идентичности одного из них Один двуязычен, другой может быть одноязычен, один говорит на родном, другой — на чужом языке Это неравенство легко ведет к конфликтам.

ОДНОЯЗЫЧИЕ И ДВУЯЗЫЧИЕ

Население Земли можно условно разделить на одноязычное и многоязычное Однако дело не в простом знании языков люди, добровольно овладевшие иностранными языками, могут считаться одноязычными Строго говоря, люди многоязычны, если их знание чужого языка вынужденно, продиктовано социальными причинами.

Конечно, добровольность — вещь довольно относительная. Нельзя сказать, что дети учат в школе иностранные языки по доброй воле этот предмет входит в обязательную школьную программу. Иногда человеку трудно даётся иностранный язык (около 10 % людей почти неспособны усваивать чужие языки, причем этот недостаток никак не влияет на другие умственные способности) Тогда возможны неприятные ситуации вроде провала на экзамене, будет закрыт доступ к некоторым профессиям (например, переводчика или дипломата), но, не зная ни одного иностранного языка, можно всё же полноценно жить в обществе



Однако для сотен миллионов людей двуязычие именно вынужденное Русско-английское двуязычие добровольно, пока носитель русского языка, освоивший английский, живёт в России. Если же ему вздумается переехать на постоянное жительство в США, его двуязычие уже окажется вынужденным В этой стране нельзя жить сколько-нибудь полноценно, плохо зная английский язык.

Вынужденное двуязычие касается не только переселенцев, но и большинства национальных меньшинств Всем ясно, как важно в нашей стране человеку любой национальности свободно владеть русским языком Так было и в царской России, и в бывшем СССР, но ничего не изменилось и в современной России Какой бы ни была государственная политика, сама жизнь требует учить русский язык. Ситуация может стать другой, лишь если изменятся государственные границы сейчас в Литве, Латвии и Эстонии нерусские дети уже не говорят по-русски — необходимость в этом исчезла

СЛУЧАЙ НА ОЛИМПИАДЕ

На ежегодно проходящих в Москве лингвистических олимпиадах для школьников дается такое задание: написать некоторый текст на любом известном участнику языке. Однажды нашелся ученик, написавший по-татарски. Оказалось, что его работу некому проверить .. Обратились к студенткам филологического факультета МГУ, татаркам по национальности. Выяснилось, что и они не могут проверить текст, хотя татарский язык был для них родным. Говоря на нем в семье, девушки читали и писали по-русски (хотя книг на татарском языке издается довольно много). Поэтому татарской литературной нормы они просто не знали.

Из случаев многоязычия чаще встречается двуязычие, хотя есть целые народы, которым приходилось или приходится знать более двух языков. В бывшем СССР это происходило с национальными меньшинствами вне Российской Федерации. Абхазы должны были знать совершенно не похожие друг на друга абхазский, грузинский и русский языки, гагаузы — гагаузский, молдавский и русский и т д. Конечно, таким народам в языковом отношении тяжелее всего.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

Положение дел с языками в том или ином государстве учёные называют *языковой ситуацией*. В это понятие входят соотношение двуязычия и одноязычия, роль тех или иных языков в разных сферах жизни и культуры.

Одноязычны лишь наиболее отсталые народы, живущие обособленно и не имеющие связей с внешним миром Строго одноязычных стран в мире нет Почти одноязычна Исландия, близка к этому Япония, где из 125 млн населения неяпонцы составляют менее 1 млн человек. В большинстве же стран существуют иерархия языков и связанная с ней иерархия людей. На вершине находятся одноязычные носители господствующего языка, в середине — двуязычные граждане, внизу — одноязычные носители языков меньшинств.

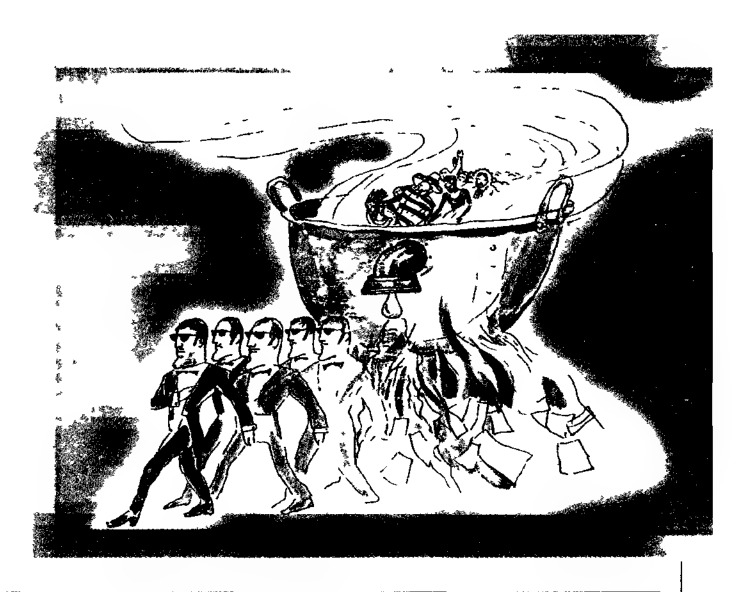
Одноязычие тех, кто занимает низшее место в общественной иерархии, иногда вынужденное Чаще всего это женщины. Например, среди живущих в США выходцев с острова Пуэрто-Рико до сих пор испанское одноязычие считается нормой для женщин. По мнению пуэрториканцев, родной язык — это язык для дома, а английский — язык для улицы. Если женщина знает язык для улицы — значит, она плохо исполняет свои домашние обязанности. Для мужчин в этой общине нормой считается двуязычие

Языковая иерархия не вполне совпадает с социальной, однако связь, безусловно, есть Среди

«ПЛАВИЛЬНЫЙ КОТЕЛ»

Англоязычное большинство в США неоднородно по происхождению. В этой стране, заселявшейся выходцами из разных стран, до последнего времени господствовала идеология «плавильного котла». Считалось, что американцем может стать любой человек независимо от происхождения, но при одном жестком условии. он должен полностью овладеть единой американской культурой, в том числе английским языком. До сих пор средний американец считает, что в США можно преуспеть, только хорошо зная английский язык, а люди, полностью не перешедшие на английский, недостаточно культурны.

В 50-х гг XX столетия в американских школах учеников наказывали за речь не на английском языке, да и теперь в школах для вновь прибывших в страну за фразу на родном языке штрафуют. Большинство детей и почти все внуки переселенцев (за исключением испаноязычных латиноамериканцев) в США не владеют языками предков. Даже добровольное двуязычие распространено реже, чем в других развитых странах: американцы привыкли, что в любой стране они могут обращаться к собеседнику по-английски прямо или через переводчика. Грубые административные меры навязывания английского языка в США никогда не были популярны (официально существование в этой стране государственного языка не зафиксировано), но идеология «плавильного котла» их эффективно заменила. Однако сейчас эта идеология начинает уступать место представлению о равноценности всех культур и языков, о необходимости их сохранить.



ЯЗЫК РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

С волной эмиграции, вызванной революцией 1917 г. и Гражданской войной, связано такое явление европейской культуры XX в., как русское зарубежье. Представители первой волны не стремились стать «настоящими французами» или «настоящими немцами». Пребывание в чужой стране они считали лишь временным испытанием. Свою миссию эмигранты видели в том, чтобы сберечь ценности и традиции русской культуры, сохранить великий русский язык, оставленный в наследство XIX столетием.

В 20—30-х гг. они ужасаются «порче» русского языка в Советской России, возмущаются фразами *он упорно не хочет; он определенно не знает*. Особенно неприятны «гнусный паразит» *обязательно*, «уродливое» *подвезло*, «ужаснейшее» *извиняюсь*. Зачем слово *пресса*, когда есть *печать*? Зачем *детальный*, когда есть *подробный*? Зачем *аргумент, депрессия, монумент, эксперимент*, когда есть *довод, подавленность, памятник, опыт*?

Эмигранты стремились, чтобы их дети не забывали Россию и русский язык. Писательница Н. А. Тэффи в рассказе «Гурон» так описывает переживания 11-летнего русского мальчика, который ходил во французский лицей. «Серго учился старательно. Скоро отделался от русского акцента и всей душой окунулся в славную историю Хлодвигов и Шарлеманей — гордую зарю Франции. Серго любил свою школу и как-то угостил заглянувшего к нему дядюшку свежевызубренной длинной тирадой из учебника. Но дядюшка восторга не выказал и даже приуныл.

— Как они все скоро забывают! — сказал он... — Совсем офранцузились.. Нельзя же так.

Серго растерялся. Ему было больно, что его не хвалили, а он ведь старался. В школе долго бились с его акцентом и говорили, что хорошо, что он теперь выговаривает, как француз, а вот выходит, что это-то и нехорошо. В чем-то он, как будто, вышел виноват.

Через несколько дней дядя привез три книги.

— Вот тебе русская литература. Я в твоем возрасте увлекался этими книгами. Читай в свободные минуты. Нельзя забывать родину».

Вплоть до Второй мировой войны язык зарубежья и язык Советской России представлялся эмигрантам единым русским языком. К середине 40-х — началу 50-х гг. XX в. у эмигрантов нарастает ощущение того, что за рубежом по-русски говорят иначе, чем в России, они пишут о существовании двух языковых ветвей — языков «эмигрантского» и «советского». Последний плох всем, в нем уродливо переосмыслены «старые русские слова»: *проработать* стало обозначать ‘изучить’, ‘обсудить’, *освоить* — ‘усвоить’, ‘овладеть’, *домохозяйка* — ‘домашняя хозяйка’, а не ‘домовладелица’.

Французские слависты, учившиеся в Париже в 60-х гг., рассказывают, что преподаватели русского языка, эмигранты, предостерегали их от употребления таких слов, как *гардероб, нюанс, шик, модерн, меню* (надо было говорить *прейскурант*), *лакуны* (надо *пробелы*).

Каждый век уносит в глубины истории десятки малых языков

одноязычных носителей господствующего языка могут быть богатые и бедные, образованные и необразованные. Но одноязычные носители языков меньшинств всегда оказываются внизу. Что же касается двуязычных граждан, то они могут ощущать свое языковое неравенство с теми, кто с раннего детства говорит на господствующем языке. Выводы из этого люди делают разные.

Для одних стремление подняться вверх важнее, чем национальные чувства. Им надо прежде всего освоить господствующий язык, а свой можно и забыть. И уж во всяком случае надо обеспечить знание господствующего языка детям. Внуки переселенцев в Соединённые Штаты обычно знают только английский язык. В СССР, после того как в 1958 г. родителям предоставили право выбирать школу для своих детей, резко увеличилось число детей в русских школах, а многие национальные школы закрылись из-за отсутствия учеников. Знание английского языка в США или русского в бывшем СССР и России необходимо для полноценной жизни. Обратная сторона этого — забвение малых языков. Уже в XX столетии исчезли мэнский язык в Великобритании, айнский в Японии, убыхский в Турции (носители этого языка переселились туда в XIX в. с Кавказа), камасинский язык в России (на Енисее), десятки индейских языков в США и Канаде, десятки языков аборигенов в Австралии.

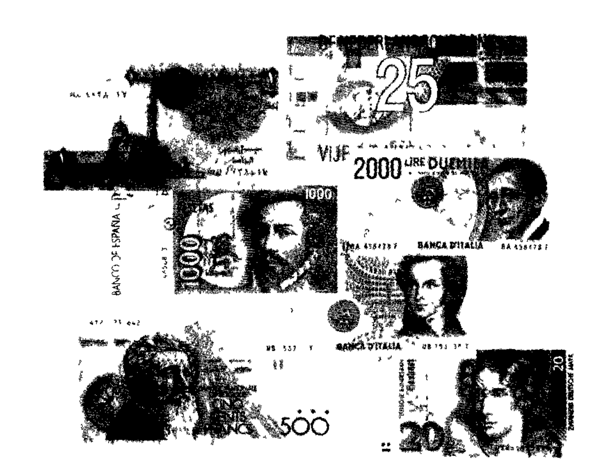
Другой возможный вариант — пользуясь господствующим языком, одновременно сохранять исконный язык в качестве национального символа. Так поступают некоторые малые народы Европы вроде валлийцев (жителей Уэльса) в Великобритании. Они учат национальный язык

в школе так, как обычно учат иностранный язык, общаются и поют на нём на праздниках, устраивают конкурсы на знание валлийского языка. Но говорят, в том числе в быту, валлийцы обычно по-английски.

И третий вариант: ставится задача сломать иерархию. Обычно так поступают народы, которые борются за национальную независимость. В первой половине XIX в. чешский язык считался деревенским и использовался только в быту. В городах чехи переходили на немецкий язык. Чешскому языку предсказывали скорое исчезновение. Но получилось иначе. Началась борьба за национальное возрождение — прежде всего в культурной сфере. Появились художественная литература, потом газеты и журналы на чешском языке. Многие образованные люди, для которых чешский язык иногда даже не был материнским, сознательно стали говорить на нём Затем национальное движение пошло дальше, и в 1918 г., когда рухнула Австро-Венгерская империя, чешский язык получил все права в Чехословакии, а теперь в Чехии. И такой путь прошли многие языки.

Описанная выше иерархическая структура из трёх уровней — самая распространённая, но не единственная. Иное положение во многих бывших колониях, например в Индии или Нигерии. Здесь среди местных языков ни один не может господствовать над другими, сказывается также их недостаточное развитие. Роль высшего языка в Нигерии играет английский, хотя практически ни для кого он не может считаться родным. В Сенегале такую роль играет французский, в Анголе — португальский и т д В этих странах не три уровня иерархии, а два. Привилегированное положение занимают двуязычные люди, знающие европейский язык. Обычно они составляют не более нескольких процентов населения, но играют ведущую роль в культуре и во властных структурах.

В очень немногих странах господствующего языка нет, а в разных частях государства говорят на разных языках. Исторически такая ситуация сложилась в Швейцарии. Страна делится на 22 административные области (кантоны): 16 немецких, четыре французских, один итальянский и один, разделённый на две половины (в одной говорят по-немецки, в другой — по-французски). В стране нет двуязычия, по крайней мере принудительного. Например, житель немецкой части имеет полное право не знать французского языка, а житель французской — немецкого. Если швейцарец обращается в центральные учреждения страны, каждый чиновник обязан отвечать на том языке, на котором его спрашивают. Швейцарская ситуация часто считается образцовой для многоязычной страны. В XX в. в двух странах — Бельгии и Канаде — её сознательно взяли за эталон. Однако эта ситуация всё-таки редка Обеспечить равные права для всех языков можно, когда их два-три, а как быть, если языков десятки?



Денежные купюры с надписями на разных языках

ЯЗЫК И ДИАЛЕКТ

Язык не может быть совершенно единым. Люди разных поколений говорят неодинаково. Старики, слушая молодых, удивляются, насколько испорчен их язык. Молодёжи, наоборот, речь стариков кажется старомодной. Тем не менее различия обычно невелики, и их можно игнорировать.

Самые большие различия внутри того или иного языка, как правило, связаны с фактором пространства. Разные территориальные варианты языка называются *диалектами*. Диалекты сложились в давнее время, когда люди жили всю жизнь на одном месте и почти не путешествовали, если не считать эпохи войн и переселений. Язык всегда, пусть медленно, но изменяется, причём по-разному в различных местах. Со временем диалекты могли настолько разойтись, что нарушалось взаимопонимание, появлялись разные языки

Вопрос о различии языка и диалекта весьма сложен. Нередко разные языки ближе друг другу, чем диалекты одного языка между собой. Многие тюркские языки очень мало отличаются друг от друга. В то же время носители северных и южных китайских диалектов абсолютно не понимают друг друга Многолетний руководитель

Китая Мао Цзэдун почти не выступал публично, потому что он был родом с юга и с трудом говорил так, как принято в столичном Пекине. В Японии жители деревень, удалённых на 30 км, часто не могут понять друг друга.

Таким образом, на основе лишь лингвистических данных различить диалект и язык невозможно. Важно сознание этнической общности. Языковые различия внутри одного народа воспринимаются как диалектные; языковые различия между разными народами (пусть даже не столь большие) оцениваются как различия языков. Другой фактор — наличие письменности и литературной нормы. Если для двух языковых образований имеется общая литературная норма, то их признают диалектами. Тот же Мао Цзэдун владел письменной нормой, и все грамотные китайцы его понимали. Если же такой нормы нет вообще, как в случае с бесписьменными языками, то отграничить язык от диалекта очень трудно.

Диалекты бывают не только территориальные, но и социальные. Во многих обществах по-разному говорят люди, принадлежащие к различным социальным слоям, а иногда даже к разным профессиям. Такие различия могут устанавливаться специально. В позднефеодальной Японии XVII—XIX вв. строго предписывалось, как должны говорить воины-самураи, крестьяне, ремесленники, торговцы; по-особому говорили также представители обособленных социальных групп: гейши, борцы сумо, гангстеры-якудза и т. д. В современных обществах такого рода языковые различия обычно сглаживаются, тогда как территориальные диалекты оказываются намного устойчивее.

МУЖСКОЙ И ЖЕНСКИЙ ЯЗЫКИ

В Японии разновидности языка, на которых говорят мужчины и женщины, сильно отличаются друг от друга. В качестве местоимения 1-го лица мужчины употребляют слово *боку,* невозможное для женщин, японки же называют себя *ватаси*. Весь набор междометий и восклицательных частиц у мужчин и женщин совершенно различен. Японские женщины для большей элегантности речи прибавляют чуть ли не к каждому существительному вежливую приставку ***о-;*** мужчины так делают только в строго определенных случаях, предписанных этикетом.

Например, *тэгами* («письмо») с приставкой ***о-*** мужчины употребляют, если речь идет о письме какого-нибудь уважаемого человека, но женщины о любом письме, даже о письме детей, скажут *о-тэгами.* В Японии, как и у нас, в детском саду и первых классах школы дети имеют дело обычно с женщинами (зато почти все учителя старших классов мужчины). Поэтому мальчики непроизвольно перенимают женскую разновидность языка, и их приходится потом переучивать.

ЯПОНСКАЯ БЕСЕДА

Перед вами разговор японских школьников и его перевод на русский язык. И в японском, и в русском текстах есть пропуски, которые обозначены многоточием.

К и м у р а. *Кино боку-ва тонари-но курой нэко-о мита. Ямада-сан, кими-ва коно нэко-о мита ка?*

«Я вчера видел чёрную кошку соседа. Ямада, ты видела эту кошку?»

Я м а д а. *Иизэ, ватаси-ва коно нэко-о минакатта. Кимура-сан-то Мацуо-сан-ва коно курой нэко-о мита. Такэда-сан, аната-ва мита ка?*

«Нет, я не видела эту кошку. Кимура и Мацуо видели эту чёрную кошку. Такэда, ты видел?»

Т а к э д а. *Иизэ, боку-ва минакатта. Кимура-кун-то Мацуо-сан-ва мита. Кимура-кун, кими-ва бирума-но киттэ-о катта ка?*

«Нет, я не видел. Кимура и Мацуо видели. Кимура, ты купил бирманскую марку?»

К и м у р а. *Хай, боку-то Сасаки-кун-ва катта. Коно киттэ-ва уцукусий киттэ да. Мацуо-сан, кими-ва коно киттэ-о мита ка?*

«Да, я и Сасаки купили. Эта марка — красивая марка».

....

М а ц у о. *Иизэ, ...-ва коно уцукусий киттэ-о ... . Сасаки-..., кино аната-ва коно киттэ-о катта ка?*

....

....

С а с а к и. *Хай, кино Кимура-...-то Такэда-...-но тонари-то ...-ва киттэ-о ... . Ямада-..., ...-ва киттэ-о мита ка?*

....

....

1. Заполните пропуски.
2. Переведите на русский язык подпись под фотографией в японском альбоме: *Боку-ва бирума-но нэко да.*

ЧТО ТАКОЕ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК?

На ранних этапах развития языки существуют только в форме диалектов. Есть, впрочем, языки, не распадающиеся на диалекты Обычно они распространены на очень ограниченной территории. Например, в Дагестане до сих пор существуют языки, на которых говорят только в одном ауле

На основе нескольких диалектов мог складываться язык фольклора, эпических сказаний вроде русских былин. Сказители обращались к носителям разных диалектов, и язык их произведений часто имел, как говорят лингвисты, наддиалектный характер Торговля также заставляла носителей далеких друг от друга диалектов понимать друг друга. Появлялись особые языковые образования, в которых одни элементы заимствовались из одного диалекта, другие — из другого, третьи вообще из какого-то иного языка

Новый этап начинается с выделения особого языка культуры У многих народов он связан с появлением письменности, но не всегда. у индийцев величайшие памятники, в том числе и лингвистические, создавались и передавались последующим поколениям устно. Помимо письменности важны ещё два процесса· начало сознательного нормирования языка и превращение его в межэтнический. Почти любая цивилизация объединяет несколько народов, говорящих на диалектах разных языков. Одно из средств объединения — единый язык культуры. Этому языку надо было специально учиться. Для кого-то он мог не очень отличаться от бытового: например, язык Корана вначале мало отличался от арабских диалектов. Однако персы, тюрки и другие принявшие мусульманскую культуру народы должны были учиться классическому арабскому языку

Норма языка культуры предполагала его вечность и неизменность (хотя реально малозаметные изменения всё же происходили и в нём). Диалекты менялись значительно быстрее. Практически везде со временем язык культуры стал сильно отличаться от любого диалекта — а значит, ему надо было специально учиться. Среди образованной части населения господствовала *диглоссúя:* люди владели как языком бытового общения, так и языком культуры. Эта ситуация существовала в течение многих столетий. Для Западной Европы языком культуры была латынь, для Восточного Средиземноморья — древнегреческий, для иудейского мира — библейский древнееврейский, для мусульманского мира — классический арабский, для брахманской и индуистской Индии — санскрит, для буддийских стран Юго-Восточной Азии — пáли, для многих народов Дальнего Востока — классический китайский (вэньянь). Для России языком культуры, общим с другими православными славянскими народами, был церковно-славянский. Реже язык культуры объединял только один народ: классический японский язык (бунго) существовал лишь в Японии

Ученики изучают Коран Оман

В древности и Средневековье существовал культурный разрыв между образованным меньшинством, которое всегда было двуязычным, и остальным населением, в большинстве одноязычным и не владевшим грамотой Такое положение стало меняться, когда начали складываться централизованные национальные государства с едиными рынками. Языки культуры постепенно сменялись литературными (стандартными) языками Этот процесс происходил в разных странах в разное время. В Западной Европе он начался в эпоху Возрождения (XV—XVI вв.) и окончательно завершился в XVII—XVIII вв. В России он начался в Петровское время и закончился в первой половине XIX в. В Балканских странах этот процесс происходил в XIX в., в Японии — во второй половине XIX в., в Китае — в течение XX в. В ряде арабских стран формирование литературного языка не закончилось и сейчас

Языки культуры не соответствовали новым условиям по многим причинам. Прежде всего они были слишком далеки от родных, их надо было долго изучать. Жизнь требовала разрушить сословные перегородки, индустриальное общество должно было стать более мобильным и демократичным. Всё это побуждало перейти к общему для всех языку на разговорной основе. Кроме того, языки культуры ассоциировались

с традиционными сферами жизни, часто с религией. Говорить на таком языке о морском деле или торговле было бы странно.

Необходимо было создавать то, что в большинстве европейских стран называют «стандартным языком». В России традиционно принят термин «литературный язык», поскольку в нашей стране (и не только в нашей) такой язык прежде всего сложился в сфере художественной литературы.

Литературный язык — это обычно язык национальный. Он всегда основывается на какой-то из ранее существовавших форм языка. Если язык существовал только в виде диалектов, то обычно выбирают самый престижный из них. Когда в 20-х гг. XX в. пытались создать узбекский литературный язык на основе деревенских говоров, против этого резко выступил языковед Евгений Дмитриевич Поливанов: «Язык деревни никогда не сможет победить язык города». И действительно, современный узбекский литературный язык основывается на диалекте Ташкента, столицы Узбекистана. Если помимо диалектов существует более престижное наддиалектное образование, литературный язык складывается на его основе. Это может быть, например, язык королевского двора (так было во Франции). В России одним из источников литературного языка стал московский приказной язык, на котором писали официальные документы.

Литературный язык отличается от диалектов, во-первых, степенью распространённости: он становится достоянием всего народа; во-вторых, имеет строго определённую и записанную норму, которой учат в школе; в-третьих, его используют не только в бытовой, но в первую очередь в культурной сфере. Здесь литературный язык принимает эстафету от древнего языка культуры и всегда что-то у него перенимает. Русский литературный язык многим обязан церковнославянскому, а западноевропейские — латыни.

Литературный язык в любой стране распространялся благодаря школе, где детей учили читать, писать и говорить в соответствии с лите-

ЯПОНСКАЯ БЕСЕДА

Переводы многих слов легко установить, сопоставив повторяющиеся японские слова и их переводы в разных фразах. Например, есть только три глагольные формы — *мита* 'видел', 'видела', *катта* 'купил', 'купила' и *минакатта* 'не видел', 'не видела'. Глагол-сказуемое стоит в конце предложения; после него может быть лишь элемент ***ка,*** всегда появляющийся там, где есть вопрос. Также видно, что отрицание выражается помимо особой формы глагола словом *иизэ* 'нет', *хай* соответственно означает 'да'. Оба слова находятся в начале предложения, как и обращение. После них идёт обстоятельство времени, потом подлежашее, потом прямое дополнение и сказуемое. Определение стоит перед определяемым словом. Прилагательные *(курой, уцукусий)* кончаются на ***-й.*** Подлежащее обозначается показателем ***-ва*** (по условию данной задачи; в японском языке есть и другие способы обозначения подлежащего), прямое дополнение — показателем ***-о,*** определение-существительное — ***-но.*** Если подлежащее состоит из нескольких однородных членов, лишь последний из них имеет показатель ***-ва,*** а другие имеют показатель ***-то.*** Всего один раз в условии встречается слово *да* в конце предложения, можно предположить, что это связка, которая в настоящем времени на русский язык не переводится.

Наиболее трудное место задачи то, как распределяются личные местоимения и те элементы, которые находятся после фамилий. В русском и в некоторых западноевропейских языках есть всего одно местоимение 1-го лица единственного числа, а в японском их два: *боку* и *ватаси.* Также имеются два местоимения 2-го лица единственного числа: *кими* и *аната,* а после фамилий имеются два показателя: ***-кун*** и ***-сан.*** Можно заметить, что разные местоимения употребляют разные люди: Кимура и Такэда говорят *боку* и *кими,* Ямада — *ватаси* и *аната,* Мацуо также говорит *аната.* Из русских переводов видно, что Кимура и Такэда — мальчики, Ямада — девочка. Можно предположить, что *боку* и *кими* — мужские местоимения, а *ватаси* и *аната* — женские. Тогда Мацуо тоже девочка. Что касается показателей после фамилий, то ***-кун*** употребляют только мальчики о мальчиках, в других случаях используется ***-сан.*** Следовательно, Сасаки — мальчик.

1. Теперь можно восстановить пропуски:

«Мацуо, ты видела эту марку?»

Иизэ, ватаси-ва коно уцукусий киттэ-о минакатта.

Сасаки-сан, кино аната-ва коно киттэ-о катта ка?

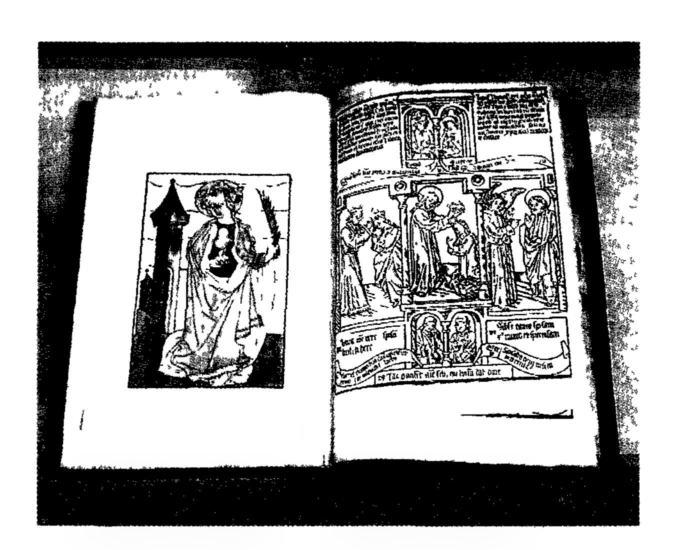
«Нет, я не видела эту красивую марку».

«Сасаки, ты вчера купил эту марку?»

Хай, кино Кимура-кун-то Такэда-кун-но тонари-то боку-ва киттэ-о катта. Ямада-сан, кими-ва киттэ-о мита ка?

«Да, вчера сосед Кимуры и Такэды и я купили марку. Ямада, ты видела марку?»

Фраза в задании 2, если исходить из условий задачи, должна была бы переводиться как «Я — бирманская кошка». Однако здесь употреблено мужское местоимение 1-го лица. Поэтому можно предположить, что правильным будет перевод: «Я — бирманский кот».



В развитии национальных литературных языков Европы важную роль сыграло издание Библии на этих языках
«Библия для бедных» Нидерланды 1470 г

ратурной нормой. В некоторых странах важную роль сыграли Церковь (как лютеранская в Германии) или даже театр. Так, в России в XIX в. образцовой считалась речь актёров Малого театра в Москве. В XX в. литературная норма стала распространяться новыми способами, не менее важными, чем школа, — это радио и особенно телевидение. Если раньше авторитетами в области правильного языка считались учёные и писатели, теперь это место заняли дикторы телевидения.

На ранних этапах существования литературные языки могли считаться «языками господ», как это было в России в XIX столетии. В наши дни всё больше людей пользуются литературным языком в повседневной жизни. Во многих странах, в том числе и в России, люди, говорящие на диалектах, считаются недостаточно культурными. Но есть государства, в которых диалекты очень устойчивы даже при всеобщности литературного языка. Такова Япония, а также все страны, где распространён немецкий язык. Здесь и по сей день господствует особый тип диглоссии: люди пишут и читают, говорят в официальных ситуациях, разговаривают с «чужими» на литературном языке. Однако в семье, со знакомыми и соседями общаются на диалекте, и это никак не свидетельствует о низком уровне культуры. Роль родного языка здесь по-прежнему играет диалект, но дети быстро овладевают литературным языком, когда смотрят телевизор, а позже благодаря школе. Для японцев же очень важно иметь разные способы общения со «своими» и с «чужими».

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Государственная власть, как правило, стремится контролировать языковую ситуацию в стране. Она всегда, пусть с разной степенью активности, поощряет существующую ситуацию или изменяет её, поддерживает одни языки и сдерживает роль других. Это называется *языковой политикой* государства

В индустриальном обществе приоритетна потребность взаимопонимания, и именно её обычно стремится удовлетворить языковая политика. Самый эффективный путь — распространить единый для всего государства язык. Такой язык имеет привилегированное положение, часто закреплённое законодательно; он называется *государственным языком.*

Обычно государственный язык — это язык национального большинства в его литературной форме: английский в Великобритании, французский во Франции, японский в Японии, русский в России и т. д. В таких случаях для большинства населения как потребность взаимопонимания, так и потребность идентичности удовлетворены, однако национальные меньшинства вынужденно двуязычны.

Есть страны, где ни один язык не может считаться языком большинства. В таких случаях языковая политика бывает различной. Один возможный путь указала Швейцария, где ни один язык не может считаться господствующим и каждый гражданин имеет полное право быть одноязычным. Выдержать этот принцип довольно сложно. Например, швейцарский принцип был взят за основу в бывшей Чехословакии. В 50-х гг. там даже при трансляции футбольных матчей репортаж попеременно вели чешский и словацкий комментаторы. Однако полного равенства языков не было: Чехия была более развита экономически, в Чехии была столица и самих чехов больше, чем словаков. Поэтому процент словаков, знавших чешский язык, был намного выше, чем процент чехов, говоривших по-словацки, и чехи со словаками общались в основном по-чешски. В этой стране жили и другие народы (венгры, немцы и украинцы) — права их языков никак не гарантировались.

Второй вариант — использование как государственного «ничьего» языка, часто языка бывших колонизаторов. Иногда это единственный официальный язык, как в большинстве стран Тропической Африки. Иногда же выстраиваются как бы два этажа государственных языков. В Индии государственных языков 16, но все они, кроме английского и санскрита (языка религии), — официальные языки разных штатов,

а на общегосударственном уровне преобладает английский

Наконец, третий вариант — использование одного из языков меньшинств Это может быть язык политически господствующего меньшинства, как в ЮАР в годы апартеида Возможны и другие случаи В Индонезии после установления независимости общегосударственным языком стал малайский, теперь именуемый индонезийским Малайцы не только не составляли большинства, но даже не были самым многочисленным народом Индонезии Но малайский как язык торговли был известен во всей стране, другие языки, даже с бо́льшим числом носителей, были распространены на небольшой территории. Сходная ситуация сложилась и в странах Восточной Африки Танзании и Кении Язык суахили в этих странах не был языком большинства, но как торговый язык он был известен и многим людям других национальностей Сейчас в Танзании суахили господствует во всех сферах, а в Кении делит свои функции с английским.

ИВРИТ

Иври́т — древний и современный язык евреев. Само слово *иврит* означает «еврейская» (существительное *язык* на иврите женского рода). Почему же этот язык не называют просто еврейским, как говорят, например, английский, а не инглиш?

Дело в том, что в Средние века, когда иврит был мертвым языком и использовался только в литературе и богослужении, у евреев разных стран возникло более десяти новых разговорных языков: идиш, ладино и др. Чтобы отличать от них древний язык Библии, его называли древнееврейским. Однако в XX в., когда иврит вновь стал живым языком, приставка ***древне-*** в его названии стала выглядеть несколько странно. Поэтому сейчас принят термин иврит, которым называют свой язык сами израильтяне.

Иврит принадлежит к семитской группе языков. Кроме иврита в эту группу входят арабский, ряд древних языков (аккадский — он же ассиро-вавилонский, финикийский, арамейский) и некоторые другие.

Алфавит, который используется в иврите, возник и распространился среди семитских народов Сирии и Палестины к середине II тысячелетия до н. э. Это самый первый на земле алфавит. Состоит он из 22 букв, обозначающих согласные звуки. Например, русское слово *дом,* записанное по принципу древнесемитского письма, выглядело бы так: *дм.* И точно теми же двумя буквами пришлось бы записать форму множественного числа *дома,* а также слова *дам, дума* и т. д. Только греки, заимствовавшие этот алфавит у финикийцев, ввели в алфавит специальные буквы для обозначения гласных звуков. Что же касается еврейского письма, то здесь гласные стали изображать гораздо позже с помощью специальных надстрочных и подстрочных значков. Надо сказать, эти значки и в наше время используются только в библейских текстах, учебниках, словарях и книгах для детей.

* * *

История иврита насчитывает более 3 тыс. лет. За это время иврит, конечно, сильно изменился.

БИБЛЕЙСКИЙ ИВРИТ

Уже в древности в результате войн и насильственных переселений евреи оказались рассеянными во многих странах за пределами Палестины. Там они переходили с иврита на другие языки (арамейский, греческий), сохраняя его только в религиозном обиходе.

Еврейская Библия, или Ветхий Завет, — это сборник текстов, принадлежащих к разным жанрам и созданных в течение очень долгого времени (с XIII по II в. до н. э.). Язык их неоднороден: каждый жанр имеет свои языковые особенности.

Евреи диаспоры (рассеяния), говорившие по-гречески, называли священный канон просто ταβίβλια, т. е. «книги», отсюда и русское название — «Библия».

Кроме Библии сохранилось некоторое количество надписей на иврите библейского периода. Древнейшая из них относится к X в. до н. э.

ПОСЛЕБИБЛЕЙСКИЙ ИВРИТ

Иврит последних веков до новой эры — начала новой эры лексически и грамматически отличается от библейского. На послебиблейском иврите написана наиболее ранняя часть Талмуда — Мишна́ (собрание религиозных установлении иудаизма), а также мидра́ши (своего рода комментарии к Библии, точнее, «вариации на тему», часто основанные на замысловатой игре слов и неожиданных сопоставлениях двух библейских текстов).

В ту эпоху разговорным языком евреев Палестины постепенно становится арамейский (язык, на котором говорили в то время почти во всей Передней Азии). По-арамейски написаны уже некоторые главы двух поздних библейских книг Эзры и Даниила. Между тем в диаспоре евреи давно говорили на языках местного населения — арамейском, греческом и др. Так на много веков иврит вышел из устного употребления.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ИВРИТ

В Средние века иврит продолжал существовать в качестве культового и литературного языка (т. е. выполнял у евреев ту же функцию, которую у христианских народов Запада выполняла латынь). В это время на иврите создаются прежде всего религиозные тексты: коммен-

Для большинства развитых стран в XIX — первой половине XX в была характерна очень жесткая языковая политика Во время Великой Французской революции в 1794 г был принят закон, запрещавший всякое официальное использование на территории страны любых языков и диалектов, кроме литературного французского, закон отменили только в 1951 г За эти полтора века языки французских меньшинств — баскский, бретонский, провансальский, итальянский на Корсике и некоторые другие — почти исчезли Такой же жесткой была политика и в Великобритании, где ирландских, шотландских и валлийских школьников учителя били за то, что они в школе, пусть случайно, говорили на родном языке Поэтому даже в независимой Ирландии уже не смогли возродить национальный язык. В Японии единственный исконный язык меньшинства — айнский — исчез менее чем за столетие во второй половине XIX в айны знали только свой язык, а к середине XX в для всех родным языком стал японский Принципиально иной

тарии к Библии и Талмуду, молитвы и т. д. Но в определенные периоды и в отдельных странах существовали и светские жанры. Например, в Испании при арабском владычестве процветают светская поэзия и философия (больше всего известен испано-еврейский поэт X—XI вв. Иегуда́ Галеви́). Существовала и научная литература: лингвистическая, математическая, медицинская.

В Средние века на основе языков окружающего населения возникают разговорные еврейские языки у евреев Северной Франции, Германии и славянских стран (ашкеназов) — близкий к немецкому *и́диш*, у выходцев из Испании и Португалии, расселившихся по всему Средиземноморью (сефардов) — близкий к испанскому *ладино́* и т. д. Из-за особенностей разговорного языка в разбросанных по всему миру еврейских общинах сложились разные традиции чтения священных текстов. В европейских университетах со времен немецкого филолога Иоганна Ре́йхлина (1455—1522), положившего начало систематическому изучению библейского иврита в христианском мире, принято основанное на сефардской традиции произношение звуков иврита (Рейхлиново чтение)

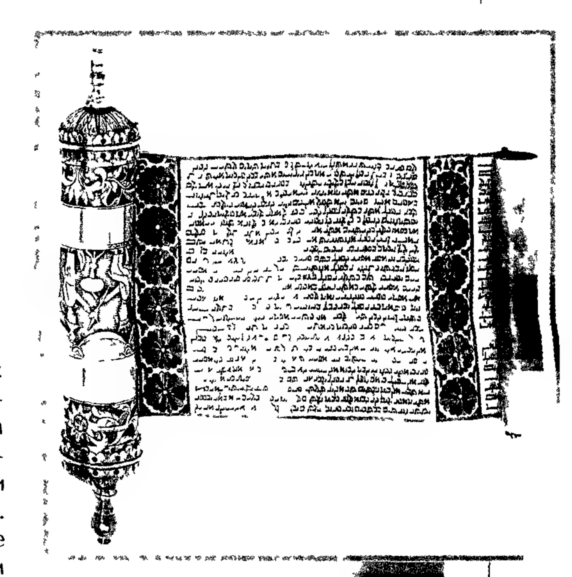
СОВРЕМЕННЫЙ ИВРИТ

В XVIII—XIX вв. в Европе поднялось движение Гаскала (буквально «просвещение») за приобщение евреев к культуре Появляется новая художественная литература на иврите Современный литературный иврит возникает как сплав библейского, послебиблейского и средневекового литературных языков.

В первой половине XX в. произошло удивительное, небывалое в истории событие: язык, на котором никто не говорил уже почти 2 тыс. лет, вновь стал живым. У истоков возрождения разговорного иврита стоит фигура Элиэ́зера Бен-Иегуды́ (1858—1922) Приехав в Палестину (1881 г.), Бен-Иегуда принялся за активную пропаганду иврита: преподавал в школе, издавал газету, составлял словари Дома он и его жена говорили только на иврите, и их старший сын Бенцион стал первым современным человеком, родной язык которого — иврит.

Бен-Иегуде и его сподвижникам пришлось решать целый ряд сложных вопросов. Прежде всего — какое выбрать произношение? Выбор пал на Рейхлиново произношение, которое было принято в европейских университетах при изучении библейского иврита и ассоциировалось у Бен-Иегуды со славной древностью. Нужно было и основательно поработать над словарем возрожденного иврита. Многие слова (например, сельскохозяйственные или медицинские термины) в библейских или талмудических текстах отсутствовали, но их удавалось найти в каком-нибудь забытом средневековом трактате. Но для таких понятий, как «самолет» или «кино», слов, разумеется, не было. Приходилось создавать огромное количество неологизмов. При этом использовались уже существовавшие в языке корни и словообразовательные модели, заимствования из других языков старались свести к минимуму. Для разрешения связанных с языком вопросов в 1890 г. Бен-Иегуда создал Комитет языка иврит, позднее преобразованный в Академию языка иврит (она продолжает действовать и сейчас).

В наши дни иврит живет полнокровной жизнью настоящего живого языка. Как и во всяком живом языке, в нем идут процессы, не управляемые волей человека. Постепенно меняется вопреки ворчанию поборников старины произношение. Рождаются в просторечии, в молодежном сленге и затем входят в литературный язык новые слова; понемногу изменяется грамматика.



Свиток Торы XIX в

была политика лишь в Швейцарии и отчасти в многонациональной Австро-Венгрии, где при господстве немецкого языка национальным меньшинствам предоставлялась культурная автономия, в том числе и в языковой области.

Достаточно жёсткой была и языковая политика царской России. В противоположность этому после 1917 г. была поставлена задача дать возможность каждому гражданину пользоваться во всех сферах жизни родным языком. Для этого нужно было перевести на языки меньшинств всю деловую переписку, судопроизводство, армию, всё школьное, а в дальнейшем и высшее образование и др. Поскольку многие языки народов СССР не были готовы к такой роли, развернулась активная деятельность по созданию литературных языков, письменностей, терминологических систем, получившая название языкового строительства. В нём приняли участие лучшие лингвисты тех лет: Е. Д. Поливанов, Н. Ф. Яковлев и др. (см. статью «Почему языки изменяются? Евгений Дмитриевич Поливанов»). Сделано было немало. Однако эта политика, ставящая во главу угла потребность идентичности, не учитывала, что главной в едином централизованном государстве была потребность взаимопонимания.

Во второй половине 30-х гг. языковая политика в СССР, внешне сохранив прежние лозунги, полностью изменилась: главным стало распространение русского языка. Новая политика велась нередко жестокими методами, но в целом была похожа на политику большинства индустриальных государств. Возвратиться к дореволюционному состоянию было уже невозможно: такие языки, как азербайджанский, узбекский, киргизский и другие, в 20—30-х гг. успели значительно развиться, и этот процесс уже нельзя было остановить. Сложилась своеобразная пирамида языков: на её вершине находился русский язык, ниже шли 14 языков союзных республик, пользовавшиеся достаточно большими правами, но лишь в пределах своих территорий, затем — языки автономных республик и округов и, наконец, языки, права которых никак не гарантировались, вроде немецкого (после 1941 г.) или талышского на юге Азербайджана. Эта пирамида рухнула в 1991 г. В России языковая ситуация и политика принципиально не изменились, в других же новых государствах — где быстрее, где медленнее — идёт общий целенаправленный процесс развития языков, ставших государственными, и вытеснения русского языка. Это вызывает протесты многочисленного русскоязычного населения этих стран.

Без языковых конфликтов не обошлась история ни одной страны. Они могут приводить к кровавым столкновениям, как это было, например, в 60-х гг. в Индии, когда пытались придать языку хинди статус общегосударственного. В Южной Индии, где господствуют дравидийские языки, совершенно непохожие на хинди, начались массовые демонстрации народа, не желавшего учить чужой язык; в результате погибли десятки людей. От повсеместного внедрения хинди пришлось отказаться.

Если в государстве имеется несколько государственных или официально признанных языков, то это часто приводит к политической неустойчивости — спокойная Швейцария здесь исключение. Лишь за последние годы распались многоязычные СССР, Чехословакия, Югославия. На грани распада Канада: франкоязычный штат Квебек хочет отделиться от остальной страны,

ИРЛАНДСКИЙ ЯЗЫК

Родной язык — обычно язык своего народа. Бывают, правда, исключения. Например, ирландцы — люди с развитым национальным самосознанием — в прошлом долго боролись за независимость от Великобритании. Теперь у них есть своё государство, однако лишь для 3 % ирландского населения родной язык ирландский, остальные говорят по-английски. Ирландский язык играет прежде всего роль национального символа, его используют в особо торжественных случаях: по-ирландски поют гимн, только на этом языке ведётся католическое богослужение (ирландцы — католики, а английский язык ассоциируется с протестантизмом). Но около 70 % жителей страны вообще не знают ирландского, остальные пытаются его учить в зрелом возрасте, но обычно не могут на нем свободно говорить и тем более читать и писать.

Празднование дня Святого Патрика в Москве. Карнавальное шествие на Арбате

Демонстрация во время подготовки к референдуму об отделении Квебека Канада. Октябрь 1995 г

где господствует английский язык; референдум 1995 г. дал лишь незначительный перевес сторонникам единого государства. В Афганистане, где до недавнего времени было два государственных языка — дари́ и пушту́, после ухода войск СССР разгорелась гражданская война, в которой национально-языковой вопрос играет первостепенную роль. Языковые проблемы в таких случаях тесно переплетаются со многими другими.

Современная постиндустриальная эпоха связана не только с языковыми конфликтами и войнами. Во многих странах, прежде всего развитых, от жёсткой политики переходят к более мягкой. Открываются школы на языках меньшинств, допускается использование этих языков в местном самоуправлении, на этих языках разрешают голосовать. Государство в развитых странах идёт по пути, который преждевременно пытались проложить в СССР в 20—30-х гг. Осознаётся ценность не только языков, но и диалектов. Японских школьников даже учат правильно говорить на диалекте, а записи хорошей диалектной речи хранят как национальное достояние вместе с записями голосов знаменитых людей

В современном мире повышается внимание к многообразию языков. Одновременно усиливается роль немногих привилегированных языков, особенно английского. Резко увеличились международные связи, и очень часто общение через переводчика оказывается недостаточным, нужен международный язык, а им чаще всего бывает английский. Многим людям, особенно коммерсантам и учёным, теперь приходится независимо от их желаний учить этот язык. Бурное, взрывное развитие телекоммуникаций и Интернета ещё больше усиливает роль английского языка

Всё это естественно, поскольку обеспечивает потребность взаимопонимания в новых, более сложных условиях. Но у этого процесса есть и обратная сторона· появляется элемент принудительности, оказываются задеты национальные чувства многих людей. В некоторых странах, особенно во Франции, государство принимает меры, чтобы поддержать роль своего языка и защитить его от англоамериканского наступления. В последнее время начинают говорить о необходимости таких мер и в России. В этих болезненных вопросах лучшая стратегия — учитывать все противоречивые потребности людей, стремиться к максимально безболезненному компромиссу.

КАК ОТНОСЯТСЯ ФРАНЦУЗЫ К СВОЕМУ ЯЗЫКУ

Французы восхваляют, защищают и «обрабатывают» свой родной язык очень давно. Еще в 1635 г. была создана Французская академия, которая поставила себе цель составить словарь, грамматику, риторику и поэтику французского языка.

Современные граждане Франции просто влюблены в родной язык, живо им интересуются, охотно обсуждают между собой различные языковые явления, имеют дома толковые словари французского языка. В самых крупных газетах, в самых влиятельных журналах и телепередачах есть постоянные рубрики, посвящённые французскому языку. Проблемами языка нередко занимаются и на правительственном уровне...

Во Франции издают огромное количество книг о языке: грамматики, учебники, разнообразные словари (энциклопедии французского языка, словари новых, редких, трудных слов и выражений, жаргонных, просторечных слов и т. д.), которые предназначены не только для специалистов, но и для широкого круга читателей, а также для изучающих французский язык иностранцев.

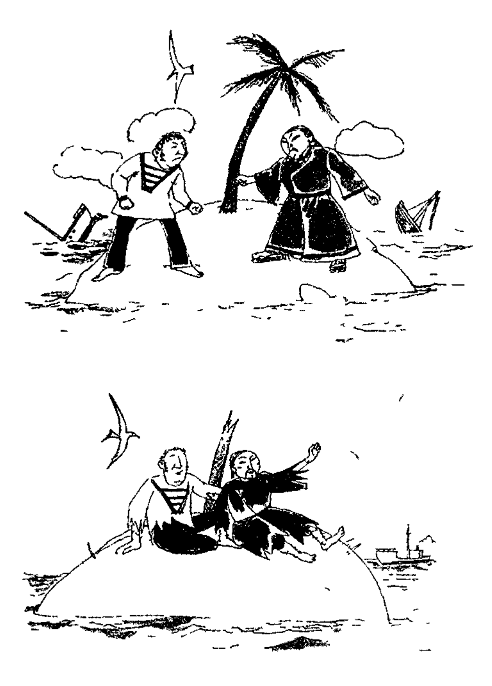
Французы очень внимательны к тому, насколько популярен их язык в мире, и делают всё возможное для того, чтобы как можно больше людей изучали его в разных странах. Так, обучаться французскому языку можно в более чем 1250 отделениях «Альянс Франсэз» (эта организация существует еще с 1883 г.).

Коренные жители Франции не очень любят учить чужие языки, зато сами они очень ценят, когда иностранцы объясняются с ними именно по-французски, а, например, не по-английски.

ЯЗЫКИ ВЗАИМОДЕЙСТВУЮТ

Языки подвержены постоянным изменениям Однако лишь часть их происходит под влиянием внутренних закономерностей, без воздействия извне Причина многих изменений — взаимодействие языков друг с другом

Миллионы раз за историю человечества носители разных языков встречались друг с другом При всем разнообразии обстоятельств встреч (война, угнетение, торговля, сотрудничество) наладить полноценное взаимопонимание возможно только по одному из трех сценариев Либо кому-то из собеседников приходилось в доступной ему мере осваивать язык другого, либо



оба собеседника учили языки друг друга, либо они разрабатывали некий третий, специальный язык для общения Во всех случаях как минимум один из контактёров становился двуязычным Здесь-то все и начиналось языковые системы не могут существовать в сознании человека совершенно изолированно, они неизбежно влияют друг на друга, а следовательно, изменяются Если встречи редки, эти изменения останутся индивидуальной особенностью речи контактеров и умрут вместе с ними Если же однотипные изменения происходят в речи многих людей, они со временем могут закрепиться в писаной или неписаной норме Это и означает, что язык становится другим

С КЕМ ПОВЕДЁШЬСЯ...

Языковые контакты могут быть как тесными, так и эпизодическими. Один полюс составляют случаи, когда носители разных языков не очень стремятся изучить языки друг друга Их цель — лишь получить из другого языка минимальную необходимую информацию, например, о том, как называется нечто, с чем они столкнулись В результате язык пополняется несколькими новыми словами Поскольку взаимопонимание неполно, значение новых слов может сильно отличаться по сравнению с языком источника Характерен рассказ о происхождении названия реки *Енисей*. В XVI в. русские землепроходцы, продвигаясь по просторам Сибири, спросили, используя, видимо, язык жестов, у местных жителей (эвенков), что они встретят дальше на своем пути Те, показывая рукой на восток, сказали *Ионасе* («большая вода») Русские, подойдя к большой реке, поняли это *ионасе* как ее назва-

ние. Так, изменив своё звучание и значение, слово вошло в русский язык (а через него и в другие языки мира). Особенно легко новые слова получаются из фраз со значением 'не понимаю'. Некоторые учёные считают, что таково происхождение слова *кенгуру*. Первые английские поселенцы, пытаясь узнать у австралийских аборигенов, как называется невиданное животное, приняли такого рода фразу за его название. Отсюда же, как обычно считается, и название полуострова Юкатан (Мексика).

На другом полюсе оказываются случаи, когда человек владеет двумя языками почти одинаково хорошо, не смешивая их друг с другом. Это чаще бывает, если он осваивает разные языки уже в раннем детстве, общаясь с их носителями. Так, в русских дворянских семьях было принято, чтобы детей воспитывали одновременно русские няни и иностранные гувернёры, не знавшие или очень плохо знавшие русский язык. В таких случаях разные языковые системы хранятся в мозгу более или менее независимо друг от друга. Но и здесь со временем они вступают во взаимодействие. Двуязычный человек может столкнуться с тем, что в одном языке что-то выразить оказывается труднее, чем в другом, и прибегает к средствам иной системы. Пушкин, воспитанный на таком двуязычии (русско-французском), неоднократно использовал иностранные слова, записанные латинскими буквами, что показывает представление о них как о нерусских, не входящих в систему русского языка: только в первой главе «Евгения Онегина» французские *entrechat* 'прыжок', *Madame*, английские *dandy*, *beefsteak* 'бифштекс'(эти английские слова без перевода использовались и во французском языке). В то время соответствующие сферы дворянской жизни ещё не обслуживались русским языком. Но постепенно все эти и многие другие слова вошли в русский язык, перестав быть достоянием лишь двуязычных людей.

Самые существенные изменения происходят в случаях, промежуточных между крайними полюсами: человек свободно владеет одним языком (освоенным обычно в раннем детстве) и до какой-то степени другим. Первый язык при этом всегда оказывает влияние на второй. Русские школьники, изучающие английский или французский, часто пропускают глагол-связку настоящего времени, потому что по-русски такой пропуск — норма (мы говорим *Я голоден*, англичане: *I* ***am*** *hungry*, французы: *J'****ai*** *faim*). Изучающим испанский, наоборот, трудно смириться с принятым в этих языках пропуском личного местоимения (русскому *я пою* соответствует испанское ***canto;*** лицо выражено только окончанием).

Есть и обратное воздействие: при частом пользовании вторым языком он тоже может влиять на первый. Когда, например, сотрудник российского посольства за рубежом говорит, что он распространяет среди местного населения *памфлеты* о своей родине, то очевидно, что он перенёс в русский язык английское ***pamphlet*** 'брошюра', хотя в русском языке слово *памфлет*, заимствованное из французского, означает 'обличительная публицистическая статья'.

«Наложение» системы одного языка на систему другого называется в языкознании *интерференцией* (термин взят из оптики, где он обозначает наложение одной световой волны на другую). В редких случаях человек даже может не владеть до конца ни одним из языков, при этом каждая из систем накладывается на другую; такой случай называют *полуязычием*.

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ФОНЕТИКЕ

Интерференция может проявляться на разных уровнях. В области фонетики влияние первого языка приводит к явлениям, которые обычно называют *акцéнтом*. Осваивая чуждую для себя фонетику, человек бессознательно подставляет на место непривычных звуков сходные с ними звуки своего языка. Соответствующего звука может не быть в его родном языке. Например, английские межзубные согласные, такие, как в словах ***think*** и ***other***, отсутствуют в русском языке. Поэтому носитель русского языка может подставлять на их место наиболее близкие к ним свои звуки, например [с] или [з]. Англичанину или американцу такая замена может казаться очень странной, но для русского она естественна.

Если даже все звуки одного языка имеют аналоги в другом, это ещё не гарантия от ошибок.

ТОШИБА

В японском языке существует пара тесно связанных между собой звуков. Один из этих звуков и русский, и англичанин однозначно воспринимает как [с]. Английский [s], русский твёрдый [с] и японский твёрдый [с] настолько похожи друг на друга, что никаких трудностей при их восприятии ни у кого не возникает. Но второй японский звук не похож ни на один русский и ни на один английский. Произнося его, язык надо сдвинуть назад, получается нечто среднее между мягким [с] и мягким [ш].

В русском языке есть мягкий звук [с], но нет мягкого [ш]. Поэтому русский воспринимает японский звук как «шепелявый» мягкий [с]. А в английском языке есть твёрдый звук [ш], но нет мягких согласных. Поэтому его носитель воспринимает японский звук как что-то близкое к его *sh*.

В русском письме этот звук передаётся как *сь*, а слоги, в которые он входит, — как *си*, *ся*, *сю*, *сё*, в английском — как *sh*. Отсюда известный многим разнобой, происходящий при передаче японских названий. Одна японская фирма именуется по-русски то как *Тосиба* (заимствование прямо из японского), то как *Тошиба* (заимствование через английский).

ДОРАМА И РЭНИНГУРААДО

Интерференция в фонетике может проявляться самым неожиданным образом. Когда лингвист Евгений Дмитриевич Поливанов был в Японии, его спросил изучавший русский язык японец: «Как сказать по-русски: *дорама* или *дзурама?*». Все попытки Поливанова разъяснить, что надо говорить *драма*, оказались безуспешными. Японец слушал, как тот произносит слово, и в конце концов произнёс: «Я понял: надо говорить *дорама*». Дело в том, что в японском языке невозможны почти все стечения согласных. Слушая русскую речь, японец должен между согласными «обнаружить» какой-то, пусть едва заметный, гласный звук; к тому же в этом языке звук [д] в позиции перед **у** автоматически заменяется на [д͡з].

Очень сильной бывает интерференция в области ударения и интонации. Русское силовое и японское музыкальное ударения, например, совершенно непохожи друг на друга. Носитель каждого из этих языков, осваивая другой, как правило, не слышит чужого ударения и подставляет вместо него своё. Русское ухо японского ударения вообще не воспринимает, поэтому ударение в русских заимствованиях из японского обычно не соотносится с исходным. Названия японских городов, подвергшихся американской атомной бомбардировке, *Хиросима* и *Нагасаки* по-русски имеют одинаковое ударение, хотя в японском языке оно разное. А японцы, не замечая русского силового ударения, улавливают соответствующую ему долготу. Для японского уха именно она важна, так как долгота/краткость гласных играет смыслоразличительную роль. Это проявляется в японских заимствованиях из русского языка: *Рэнингураадо* означает просто «Ленинград».

Может быть различным их соотношение друг с другом. В первом языке два звука могут представлять собой варианты одной и той же единицы (одной фонемы), и их различие поэтому не ощущается говорящим. В другом языке те же звуки могут различать смысл, и разница между ними должна осознаваться говорящим. Так, в русском языке есть два звука — открытый и закрытый [е], которые замещают друг друга в разных позициях: открытый [е] бывает перед твёрдыми согласными *(метро)*, а закрытый [е] — перед мягкими *(метель)*. Носитель русского языка автоматически, не замечая разницы звуков, использует то один, то другой звук, когда это требуется. Во французском языке эти же звуки противопоставлены друг другу и различают смысл: *est* (открытое [е]) — форма глагола *быть* 2-го и 3-го лица единственного числа настоящего времени, а *et* (закрытое [е]) — союз ***и***. В подобных случаях избежать интерференции труднее всего. Непохожесть на привычные звуки английских межзубных или японского «шепелявого» мягкого [с'] заметить и воспроизвести в общем несложно. А вот научиться различать два французских звука [е] куда сложнее.

Если языковые контакты становятся достаточно массовыми, а двуязычие широко распространённым, изменения в языках могут стать очень существенными. Так, германским и романским языкам в отличие от большинства славянских не свойственно противопоставление твёрдых и мягких согласных. И даже заимствование английским или французским языком некоторых слов из славянских языков не привело к его появлению. А вот находившийся в очень тесных контактах со славянскими румынский язык, единственный из романских, развил это противопоставление: *lup* с твёрдым [р] («волк») — *lup'* с мягким [р'] (орфографически *lupi;* «волки»).

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ГРАММАТИКЕ

В области грамматики также происходит значительная интерференция. Трудно освоить грамматические явления чужого языка, которые отсутствуют в родном. Для русских серьёзной проблемой становятся артикли в западноевропейских языках, а для носителей последних — употребление русских видов. Там, где есть выбор, отдаётся предпочтение тому, что более сходно с родным языком. Например, носитель русского языка, изучая французский, легко освоит конструкции типа *Je vois qu'il vient* («Я вижу, что он идёт»); здесь каждому русскому слову соответствует французское и слова идут в одина-

ковом порядке Но по-французски то же значение может быть выражено и иначе: *Je le vois venir* («Я вижу его идущим», дословный перевод: «Я его вижу идти»). Такая конструкция не имеет русских параллелей и осваивается с трудом: русские, даже свободно владеющие французским языком, обычно избегают таких конструкций в своей речи, этим её обедняя.

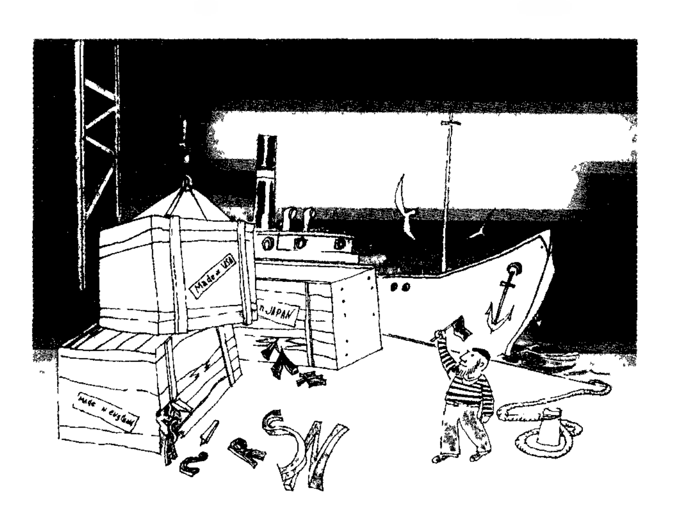
Хотя грамматическая интерференция обычна, она редко приводит к изменениям в грамматике языков. Морфология родного языка обычно осваивается в раннем детстве, взрослый человек использует её автоматически, а автоматизм навыка преодолеть очень трудно. Морфология языка почти непроницаема для контактных изменений. Изменения в ней происходят, лишь если язык до начала контактов уже обладал соответствующими возможностями. Например, некоторые африканские языки исконно имели способы обозначения множественности, но они использовались нерегулярно, в сильной зависимости от контекста Под влиянием европейских языков, в которых есть категория числа, произошла перестройка системы, и показатели множественности стали регулярно обозначать множественное число.

Несколько легче происходят контактные изменения в сфере синтаксиса. Синтаксические конструкции многообразны и сложны, они в полном объёме осваиваются человеком значительно позднее морфологии. Ещё сравнительно недавно Корней Иванович Чуковский высмеивал в русском языке конструкции типа *Она с её тонким носом, со своей смуглой кожей, с грустным выражением лица,* считая их буквальным воспроизведением конструкций западных языков. Сейчас такие обороты «прижились» и стали вполне «своими».

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ЛЕКСИКЕ

Больше всего изменений, связанных с контактами, происходит, безусловно, в сфере лексики Языков без лексических заимствований не бывает, хотя их доля в словаре того или иного языка может быть различной. Например, в японском языке заимствования, особенно из китайского и английского, составляют более половины всех слов. А в соседнем китайском заимствований значительно меньше. Причины здесь могут быть как внеязыковые, прежде всего культурные, так и собственно языковые.

Японская культура длительное время развивалась под иностранным влиянием, тогда как Китай считал себя Срединной империей, цент-



Ни один язык не обходится без заимствования лексики из других языков

ром мира. В то же время заимствования в китайский язык затруднены из-за его строя. В этом языке корень равен слогу и пишется тем или иным иероглифом. «Переварить» многосложное слово другого языка китайскому очень трудно. Если заимствование всё же необходимо (например, имён собственных), слово усекается иногда до одного слога, а подбираемый в соответствии со звучанием иероглиф придаёт заимствованию некоторое дополнительное значение. Например, слово *England* — «Англия» — при заимствовании в китайский язык сократилось до одного слога *ин,* а из множества иероглифов, читающихся *ин,* был взят иероглиф со значением 'выдающийся', 'героический'. В японском языке никаких ограничений на длину корня нет, поэтому ничто не мешает заимствовать слово любой длины; к тому же в Японии в отличие от Китая помимо иероглифов используется слоговая азбука, которой и стали писать заимствования из западных языков.

Впрочем, и китайская лексика испытала влияние других языков. За последнее столетие Срединной империи пришлось осваивать самые разнообразные достижения мировой цивилизации, начиная от кино и кончая парламентом. И всё это надо было назвать. Однако в отличие от многих других языков в китайском предпочитают обходиться своими средствами, создавая сложные слова из своих корней или давая уже существующим словам новые значения. На этом пути нередко приходится прибегать к калькам.

Калька — это образование нового слова или нового значения слова путём буквального перевода соответствующей иноязычной

единицы. Например, на основе латинского слова *peninsula*, составленного из *pen* — «половина» и *insula* — «остров», появились немецкое *Halbinsel* и русское *полуостров* с тем же значением и той же структурой; во французском же языке появилось слово *presqu'île* (дословно «почти остров»), это тоже калька, но менее точная. Русское *трогать* получило новое значение 'вызывать сочувствие' под влиянием французского *toucher* с той же многозначностью.

Новые слова появляются обычно при заимствовании каких-либо понятий. Они могут прямо заимствоваться, калькироваться или создаваться независимо от другого языка. Одни языки предпочитают одно, иные — другое. Может играть роль и система, в которую входит слово, область его значений. В русском языке в неорганической химии со времён М. В. Ломоносова господствуют кальки вроде *кислород, водород, кислота*. Но в органической химии, которую отличает очень строгая международная система терминов на основе греческих корней (от термина по строгим правилам можно перейти к его химической формуле, и наоборот), оказалось гораздо более выгодным просто заимствовать всю греческую систему. Любопытно, что точно так же поступили и японцы: у них в неорганической химии тоже господствуют кальки, а в органической заимствована (через английский) греческая терминология. Могут играть роль и исторические обстоятельства. Например, в XVIII — первой половине XIX столетия для обогащения русского языка использовали кальки (тогда были созданы слова *совесть, подлежащее, насекомое* и многие другие). В наши дни преобладает более простой способ прямых заимствований из других языков.

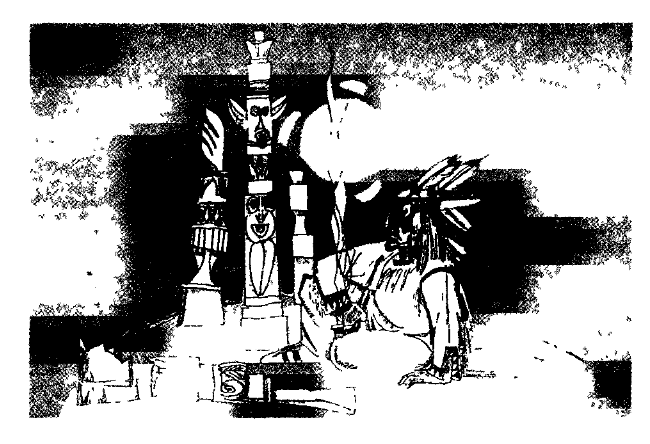
СОЮЗ ИЛИ ВРАЖДА?

До сих пор речь шла об изменениях в первом, материнском языке говорящих под влиянием контактов с другими языками. Но могут измениться и оба языка, постоянно контактирующие друг с другом. Искажённая речь иностранцев может, например, стать престижной, и носители языка начинают ей подражать. Иногда народы стихийно вырабатывают особый, более простой вариант своего языка для общения на нём с иноплеменниками. Со временем именно этот вариант может стать главным и даже вытеснить исконный язык. В результате целая группа географически близких и тесно контактирующих языков иногда приобретает общие свойства. В таких случаях говорят о *языковом союзе*, этот термин ввёл в науку один из крупнейших языковедов XX столетия Николай Сергеевич Трубецкой. Существует, например, балканский языковой союз, куда входят румынский, болгарский, македонский, сербскохорватский, албанский, новогреческий — языки, принадлежащие к разным семьям. Упомянутое выше появление мягких согласных в румынском языке — проявление этого союза.

Один из интенсивно контактирующих языков может вытеснить другой За обозримый период истории человечества исчезли тысячи языков. В большинстве случаев гибель языка не означает кончины всех его носителей. Просто по тем или иным причинам всем носителям языка пришлось вынужденно его сменить. Выживание языка не зависит от его свойств По словам французского лингвиста Андре́ Мартине́ (родился в 1908 г.), «язык одолевает своих соперников не в силу каких-то своих внутренних качеств, а потому, что носители его являются более воинственными, фанатичными, культурными, предприимчивыми».

Но язык не может погибнуть мгновенно Всегда существует промежуточная ступень двуязычия, обычно длящаяся несколько поколений. И осваивая первоначально чужой язык, люди не могут избежать интерференции. Поэтому при смене языка отдельные черты языка, на котором говорили раньше, сохраняются. Особенно часто это происходит, когда языки бесписьменны и лишены строгой нормы, а людей, сменивших язык, численно больше, чем навязавших эту смену и сохранивших свой язык. Такое нередко происходило в древности, когда народы были вынуждены переходить на язык завоевателей, но не могли его усвоить полностью.

Сейчас уже точно установлено, что японский язык вместе с тюркскими, монгольскими, тунгу-



Бесписьменные языки всегда находятся под угрозой исчезновения

ТАРЫ-БАРЫ

Русский, живущий в Астрахани, произнес фразу: *Поедем на такси-макси*. Откуда такое выражение, которое вряд ли можно услышать в речи, скажем москвича или питерца?

Повторять слово, заменяя первый звук, не свойственно русскому языку, но зато характерно для тюркских. Второе слово при этом обычно сходно по смыслу с первым: в казахском *жылкы* — «лошадь», а *жылкы-мылкы* — «лошади и другой скот». Того же рода русские заимствования из тюркских языков вроде *шурум-бурум, тары-бары*. В Астрахани помимо русских живет много татар. Все они говорят по-русски, для некоторых из них русский язык — родной. Но, осваивая русский язык, они сохранили свой способ образования новых слов. Из речи татар соответствующие слова попадают в речь контактирующих с ними русских.

со-маньчжурскими и корейским относится к алтайской семье. Но фонетика японского языка (например, невозможность стечений согласных и музыкальное ударение) — совсем не алтайская, она сходна с географически близкими языками австронезийской семьи, куда входит большинство языков Филиппин, Индонезии и Океании. Согласно наиболее достоверной гипотезе, примерно 2 тыс. лет назад в Японию, заселённую австронезийцами, пришли с материка воинственные алтайские племена. Они растворились в численно преобладавшем австронезийском населении, передав ему многие элементы культуры (например, возделывание риса) и язык. Более или менее освоив алтайскую грамматику и лексику, аборигены Японии не смогли перенять слишком сложную для них фонетику. Здесь завоевателям пришлось уступить, алтайский в своей основе язык пополнился рядом австронезийских признаков. В подобных случаях язык исчезает не полностью, какие-то его черты сохраняются, казалось бы, в совершенно других языках. От австронезийского языка аборигенов Японии не осталось ни одного текста, но, исходя из данных японского языка, кое-что о нём все-таки можно сказать.

МОЯ ТВОЯ ПОНИМАЙ

Иногда случается и так, что в результате контактов возникает принципиально новый язык, совсем не похожий на исконные языки людей, вступающих в общение.

ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

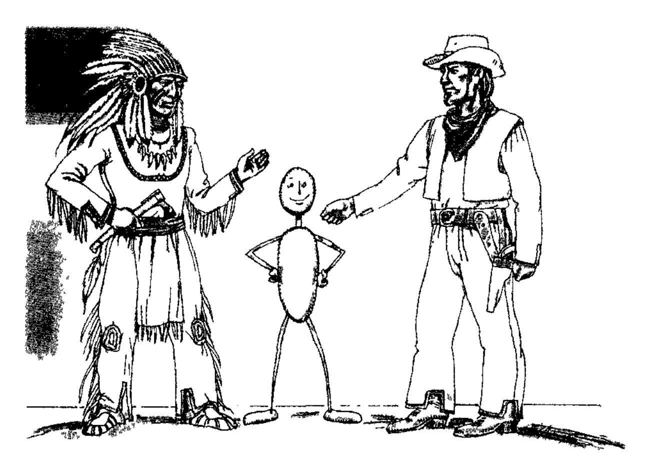
Издавна на Британских островах проживали кельты. В V—VI вв. вторгшиеся германские племена — англы, саксы, юты и фризы — принесли в Британию свои диалекты. В результате кельтские языки сохранились лишь в Ирландии, Уэльсе, на полуострове Корнуолл и в Северной Шотландии (в наше время они и там потеснены английским, а в Корнуолле кельтский язык вымер в XVIII в.). На остальной части Британии сформировался древнеанглийский язык, относящийся к германским; его письменную разновидность иногда называют англосаксонским языком.

В 1066 г. Англию завоевали вторгшиеся из-за Ла-Манша норманды во главе с Вильгельмом I Завоевателем. Они говорили на старофранцузском. На целых три века языком двора и администрации стал старофранцузский. Основным языком культуры и языком Церкви продолжал оставаться латинский, а по-английски в то время говорил только простой народ и почти совсем не писали. Постепенно Англия все более отдалялась от Франции, а в XIV в. между Англией и Францией началась Столетняя война. Затеявший эту войну английский король Эдуард III объявил языком администрации английский, к началу XV в. на нем стали говорить и при дворе. В эти десятилетия на основе лондонского диалекта появилась англоязычная литература, первым крупным писателем стал Джефри Чо́сер (около 1340—1400). Язык того времени, именуемый среднеанглийским, значительно отличался от англосаксонского. В нем появилось много слов французского происхождения, а грамматическая система значительно изменилась: исчезли падежные окончания, проще стало спряжение. Вероятно, среднеанглийский язык быстро упрощался из-за тесных контактов с французским. Слов, заимствованных из французского, стало так много, что иногда английский рассматривают даже как смешанный романо-германский язык, однако это некоторое преувеличение.

В XV в. в Англии появилось книгопечатание и сложилась орфографическая норма. Уже тогда орфография ориентировалась на язык более раннего времени и существовал разрыв между написанием и произношением. Этот разрыв увеличился в XVI в., когда в английском языке произошли значительные изменения, прежде всего в фонетике. Грамматика упростилась еще больше, а орфография не изменилась. К концу XVI в. сложился новоанглийский язык, на котором уже писал Уильям Шекспир. С тех пор фонетика и грамматика английского языка существенно не менялись, хотя, конечно, изменилась лексика. Современные англичане почти все понимают, смотря пьесы Шекспира или читая его произведения.

Такой язык создаётся чаще всего тогда, когда нужно договориться, а чужой язык непривычен по своему строю или серьёзно учить его нет необходимости. Что, например, нужно человеку, желающему торговать в чужой стране? Выучить несколько стандартных фраз типа *Сколько стоит?* и названия тех или иных товаров; не помешают и какие-нибудь слова, необходимые, чтобы установить или поддержать контакт, вроде *послушай* или *спасибо*, но не более того. Его не интересует грамматика языка, который он осваивает, не может он выделить в выученных словах корень и окончание, не может их просклонять. Что касается фонетики, то интерференция здесь максимальна: человек просто исходит из навыков своего языка и подставляет привычные звуки на место иностранных. Его собеседник идёт ему навстречу, специально упрощая речь. Обедняя свою лексику, упрощая грамматику, он говорит теперь назывными предложениями или даже специально отбрасывает грамматические показатели. Так возникает *контактный язык.*

Крайне ограниченные по тематике контактные языки бесконечно возникают и исчезают. Языки эти нестабильны, ненормированы, часто собеседники не вполне понимают друг друга. Однако если ситуации общения часто повторяются, а собеседников — носителей одних и тех же языков — достаточно много, то контактный язык может устояться. Собеседники уже не приспосабливаются каждый раз к речи друг друга, а постоянно пользуются определёнными правилами. Такой устоявшийся, массово используемый контактный язык называется *пи́джином.* Каждый человек, пользующийся пиджином, двуязычен: он сохраняет свой язык, а на пиджине общается с чужими.



Главная черта пиджина - упрощение всех уровней языка.

ЧИНУКСКИЙ ПИДЖИН

Примером торгового пи́джина может служить так называемый чинукский пиджин, на котором общались между собой носители разных индейских языков Северо-Западной Америки от Аляски до Калифорнии; позже на нём иногда говорили и белые. Например, в первой половине XX в. канадские рыбаки вели на нём радиопереговоры, чтобы их не поняли японские конкуренты: английский язык был слишком известен.

Вот начало молитвы «Отче наш» на этом языке: «*Nesika Papa klakata mitlite kopa Saghalie, kloshe mika nem kopa konoway-kah*». («Наш отец который живёт на верх хорошее твоё имя над где угодно».)

По-русски эта молитва звучит так: «Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя твое». Здесь легко можно опознать *Papa* — «отец», а также *nem* — «имя» из английского *name* с тем же значением. Другие слова — индейские.

Большинство пиджинов связано с торговлей. Таков был англо-китайский пиджин на лексической основе английского, из названия которого возник сам термин «пиджин»: считается, что слово произошло от китайского восприятия английского слова *business*. Торговым по происхождению был и древнейший из известных пиджинов, ныне не существующий, — *лингва франка*, пиджин на романской основе, на котором в Средние века европейцы общались с арабами и затем с турками. В колониальных империях появилось немало пиджинов иного рода: на них колонизаторы говорили с местными жителями. Особенно широко пиджины использовались в работорговле и на плантациях, где работали рабы. А поскольку на плантации свозили рабов, говоривших на разных языках, то пиджин становился и средством общения между самими рабами.

Возникающие на основе самых разнообразных по строю языков, пиджины в конечном итоге оказываются очень сходными по многим признакам. Главная их черта — упрощение. Упрощается фонетика: не усваиваются сложные звуки, сложные комбинации звуков. Как правило, упрощается грамматика, особенно морфология. Если языки грамматически различны, то независимо от степени сложности морфологии исходных языков пиджин оказывается лишённым всякой морфологии (т. е. изолирующим по своему строю). Упрощается и семантика. Например, во многих пиджинах исчезают различия в значении типа *смотреть — видеть*

или *говорить — сказать — разговаривать*. Более регулярно и тем самым просто выражаются некоторые значения. Например, в самых разных пиджинах антонимы образуются с помощью отрицания. нельзя сказать *плохой, тупой*, можно только *нехороший, неострый* (так обычно выражаются значения и в креольских языках, о которых будет рассказано далее).

Большинство пиджинов формируется на лексической базе какого-то одного языка, обычно более престижного Однако за словами одного языка часто скрывается семантика другого Например, пиджины Новой Гвинеи, где все слова английские, в некоторых отношениях оказываются похожи не на английский, а на новогвинейские Здесь, например, *grus* имеет не только значение 'трава', но и значение 'волосы', а значение 'счастливый', как и в окружающих языках, выражается с помощью идиомы *хороший живот*, хотя это выглядит как *bel gut* из английского *belly* + *good*.

Бывают и иного рода пиджины, в которых два языка выступают более или менее равноправно. Таким пиджином был русско-норвежский, применявшийся в XIX — начале XX в русскими и норвежскими торговцами, рыбаками и моряками (сейчас он уже не существует) В нем было зафиксировано примерно 400 слов, из них около половины восходит к норвежскому и около трети к русскому Нередко существовали пары синонимов, взятые из разных языков в русско-норвежском в значении 'мужчина' можно было сказать *musik* и *men*, в значении 'ты' — *tvoja* и *ju* и т д Русские могли воспринимать такой пиджин как норвежский язык, а норвежцы — как русский

Вот отрывок из диалога между русским и норвежским моряками:

— *Tvoja fisk kopom?* («Ты купишь рыбу?»)

- *Da.* («Да»)

— *Kak pris?* («Какая твоя цена?»)

— *En voga mokka, sa to voga treska.* («Один вес муки за два веса трески».)

— *Eta mala.* («Это мало».)

Нетрудно опознать русские слова *ты, купить, да, какой, треска, этот, мало*, несколько сложнее — *мука* Здесь же и норвежские слова, сходные с английскими или немецкими. *fisk* — «рыба», *pris* — «цена», *voga* — «вес», *en* — «один», *to* — «два» *Sa* похоже на русское *за*, но этот предлог взят из норвежского

Из фрагмента видно, как упрощается морфология, отпадают окончания, исчезают формы косвенных падежей. А личное и притяжательное местоимения 2-го лица приобретают единую неизменную форму — *tvoja*.

ИЗ ДВУХ ОДИН

Пиджины могут быть более или менее развитыми, но они всегда используются наряду с другими языками, и родители не обучают им своих малолетних детей. Иная ситуация была, например, на плантациях Носители самых разных языков постоянно общались только на пиджине, и дети воспринимали его с самого начала как первый, а то и единственный язык Так пиджин превращается в **креольский язык**. Это уже вполне полноценный язык, но имеющий особое происхождение

Судьба креольских языков может быть разной. В ряде стран они начинают сближаться с языками, послужившими для них лексической основой Так, негры США прошли после насильственного переселения из Африки стадию одноязычия на их родном африканском языке, стадию двуязычия на этом же языке и пиджине и стадию креольского одноязычия. Когда в США было отменено рабство и среди негров стало распространяться школьное образование, креольский язык подвергся влиянию стандартного английского Одни афро-американцы полностью перешли на английский, в речи других сохранилось много креольских черт. В таких случаях говорят уже не о креольском языке, а о негритянском диалекте английского языка. Сейчас многие афро-американцы уже не стесняются своего диалекта, а считают его национальным достоянием и даже ставят вопрос об

использовании диалекта в школах, в средствах массовой информации и т. д.

Диалект американских негров, однако, весьма близок к обычному английскому языку. А в ряде других стран креольские языки, сохраняя многие черты, в частности изолирующий характер грамматики, всё более превращаются в полноценные языки, имеющие письменность и используемые в различных сферах общения. Конечно, при этом сами языки изменяются. Прежде всего должна быть значительно пополнена лексика, для чего могут использоваться как заимствования, так и словообразовательные возможности самого креольского языка.

Не только пиджины, но и вполне развитые креольские языки многие люди, особенно носители европейских языков, до сих пор рассматривают как «испорченный» английский, «испорченный» французский и т. д. Однако это вполне самостоятельные языки, в некоторых странах играющие ведущую роль в общении и даже приобретающие статус государственных. Так происходит в странах Карибского бассейна (на Гаити, Ямайке, в Суринаме и др.), некоторых странах Африки (в Кабо-Верде, Сьерра-Леоне), Папуа-Новой Гвинее, на Маврикии и др. В некоторых из них креольские языки сосуществуют с более престижными языками бывших колонизаторов, которыми, однако, владеют очень немногие. В других странах именно креольский становится основным государственным языком, как это произошло с креольским языком ток-писи́н (на английской основе) в Папуа-Новой Гвинее. Уже в 1977 г. премьер-министр этой страны Сомаре во время визита в Японию использовал на переговорах ток-писин с последующим двойным переводом (с ток-писина на английский и с английского на японский). Этот политик довольно хорошо владел английским языком, но заявил, что на ток-писине ему удобнее выражать свои мысли.

Итак, в результате языковых контактов могут сформироваться новые языки. Хотя их происхождение весьма отлично от обычного происхождения языков путём распада языковой семьи или группы, они тем не менее могут стать вполне нормальными языками, способными выразить любое содержание.

Таким образом, контакты между языками естественны и неизбежны. Однако результат этих контактов в зависимости от конкретной ситуации бывает самым различным. Языки могут остаться теми же, что были, немного пополнив свой словарный запас. Они могут значительно измениться, расширить или сузить свои функции и даже умереть. Наконец, в результате контактов может появиться новый, ранее не существовавший креольский язык.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Перевод существует с незапамятных времён. Когда два народа живут по соседству, они между собой или воюют, или торгуют. В обоих случаях возникает нужда в переводчике, толмаче — словом, в человеке, который владеет (хотя бы немного) языками обоих народов и переводит некоторый смысл из одной языковой формы в другую.

Что значит переводить? На первый взгляд всё просто. То, о чём говорилось в исходном тексте, нужно изложить словами другого языка, построив при этом правильные предложения. Но есть старый анекдот о семинаристе, которому надо было перевести с латыни предложение «*Spiritus quidem promptus est, caro autem infirma*». Это евангельское изречение «*Дух бодр, плоть же немощна*» семинарист перевёл: «Спирт хорош, а мясо протухло». И перевод этот правильный в том смысле, что каждое из слов можно так перевести, и предложение получилось нормальное. Только смысла исходного текста оно, конечно, не передаёт.

А вот противоположный случай. В африканских джунглях затеряно селение. Туда приходят путешественник-европеец и его проводник знающий местное наречие. Путешественник спрашивает: *Интересно, можно ли здесь закупить продовольствие?* Проводник переводит: *Он просит продать ему еды.* Перевод вполне верен, хотя вроде бы и слова не те, и в оригинале был вопрос, а не просьба. Каков бы ни был результат переговоров, а переводчик своё дело сделал хорошо.

Чем сложнее, многограннее смысл исходного текста, тем труднее он для перевода. Но и самая простая на первый взгляд фраза может содержать подводные камни. Допустим, нужно перевести на английский язык *Мама мыла раму*. Несложно придумать добрый десяток абсолютно правильных переводов этой фразы: русскому

прошедшему времени здесь могут соответствовать по крайней мере три английские глагольные формы. Если это самостоятельное действие: *Было утро. Мы с братом играли в шахматы. Мама мыла раму,* переводом будет *washed.* Если одно действие связано с другим (*Поглядев в окно, я увидел, что мама мыла раму),* нужна форма *was washing.* Если же нужно указать, что рама уже вымыта, понадобится перфект *has washed.* Слово *мама* переводится «домашним» словом *Mummy* (если рассказ ведётся от первого лица) или нейтральным *mother.* В последнем случае нужно указать, чья это была мама (моя, его, её, их). То есть, чтобы перевести предложение, придётся воссоздавать всю ситуацию.

Этого мало. Для любого русского человека такое предложение — не столько описание бытовой сцены, сколько цитата из букваря. Например, контекст был такой: *Этот ребёнок способен читать «Илиаду», а его заставляют разбирать по складам: «Мама мыла раму»!* В этом случае в переводе вообще не будет ни мамы, ни рамы — нам понадобится фраза, по которой учатся читать английские школьники.

Значит, чтобы перевести предложение, нужно превратить его в *высказывание,* т. е. понять, в какой ситуации и с какой целью оно было сказано или написано. Не обязательно, чтобы высказывание-перевод дословно совпадало с оригиналом. Главное требование: оно должно значить для носителей языка перевода то же самое, что значило исходное высказывание для носителей своего языка.

ВОЗМОЖЕН ЛИ ПЕРЕВОД?

Вопрос кажется странным — ведь перевод существует! Однако вот что писал великий немецкий лингвист Вильгельм фон Гумбольдт: «Всякий перевод представляется мне безусловно попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо подлинника за счёт вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счёт подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только трудно достижимо, но и просто невозможно». Его взгляды разделяют многие учёные. Доводы их примерно таковы: во-первых, говорят они, слова, которые мы принимаем за эквиваленты, на самом деле вызывают разные представления у носителей разных языков. Так, в каждом языке есть слово со значением ‘дом’, ‘жилище’. Но представление о его внешнем виде и внутреннем убранстве у русского, англичанина, узбека и негра из Южной Африки будет сильно различаться: слова разных языков вызывают разные ассоциации.

В систему языка слова могут быть встроены по-разному: они происходят от корней с различным смыслом, имеют разный грамматический род, по-иному связаны со своими синонимами. Для русского *брынза* — это разновидность сыра, для болгарина, наоборот, *си́рене* ‘брынза’ — родовое понятие, а *кашкава́л* ‘сыр’ — его разновидность. В том же болгарском языке *печень* и *лёгкое* называются одним и тем же словом *дроб,* только *печень* — *черен дроб,* а *лёгкое* — *бял дроб;* в русском же сознании эти понятия не соседствуют. По-русски *корабль* — мужского рода, а англичане заменяют *ship* местоимением женского рода: для них корабль — «она», «женщина», и это во многом определяет чувства, которые испытывает английский моряк к своему судну. Поэтому точно передать значения даже тех слов, для которых вроде бы есть соответствия в другом языке, невозможно.

Как, например, сказать по-английски *взбутетенивать?* Как передать разницу между *умереть, сыграть в ящик, почить в бозе, сдохнуть, окочуриться?* Как перевести *лапти, щи, изба, бублик, тальянка?* Или как будет по-якутски *абсолютный, молекула, фонема?* У разных языков — разный словарный запас, и некоторые понятия, выраженные в одном языке, в другом могут просто отсутствовать.

Но разница не только в словах — один язык выделяет десяток времён, другой обходится двумя, в одном всегда нужно указывать число предметов, в другом — не обязательно. Языки по-разному «видят» мир, по-разному формируют сознание своих носителей. Разве ви́дение мира можно перевести?

Наконец, обратимся к практике. Существуют десятки разных переводов одного и того же

стихотворения. Не свидетельствует ли это, что перевод — лишь попытка добиться невозможного? Переведите обратно с английского любой перевод русского текста, а потом сравните с оригиналом: хорошо, если текст будет узнаваем. Не значит ли это, что возможность перевода мнимая?

С этими доводами трудно спорить: видимо, смысловые потери в переводе неизбежны. Но вспомните пример с путешественником: отступления от оригинала не помешали переводчику передать просьбу. Этот неточный перевод был равноценным, эквивалентным (от *лат.* aequus — «равный» и valens — «имеющий значение»), т. е. выполнил свою задачу. Такого перевода вполне достаточно в быту (когда нужно узнать время, спросить дорогу, осведомиться о цене, договориться о встрече). Приблизительно так же оценивается технический перевод: переводчик инструкции к телевизору должен заботиться о том, чтобы в нужных случаях читатель русского текста нажимал те же кнопки, что и читатель оригинала, — остальным можно пренебречь. Требования к переводу деловых и политических документов, для которых очень важна точность, более высокие. Но здесь выручает множество стандартных формулировок, их значение в разных языках почти одинаково, и это позволяет избегать недоразумений.

Самое сложное — переводить философские, религиозные и особенно художественные тексты. Каждое слово в них бывает так «нагружено» смыслом, что переводчику приходится не столько воспроизводить текст на другом языке, сколько создавать его заново.

При переводе официальных текстов помогают общепринятые устоичивые формулировки

ФИАЛКИ В ТИГЛЕ

Когда речь идёт о художественной литературе, доводы тех, кто настаивает на невозможности перевода, приобретают особую силу. Перси Биш Шелли, английский поэт-романтик, сказал: «Стремиться передать создания поэта с одного языка на другой — это то же самое, как если бы мы бросили в тигель фиалку с целью открыть основной принцип её красок и запаха».

К художественному переводу предъявляют множество противоречивых требований. Их суммировал американский филолог Т. Сейвори в книге «Искусство перевода».

А. Перевод должен передавать слова оригинала.

В. Перевод должен передавать мысли оригинала.

А. Перевод должен читаться как перевод.

В. Перевод должен читаться как оригинал (т. е. у читателя не должно быть ощущения, что перед ним перевод).

А. Перевод должен отражать стиль оригинала.

В. Перевод должен отражать стиль переводчика.

А. Перевод должен читаться как текст, современный оригиналу.

В. Перевод должен читаться как текст, современный переводчику.

А. Переводчик не вправе ничего прибавлять или убавлять.

В. Переводчик вправе прибавить нечто к оригиналу или убавить от него.

А. Стихи следует переводить прозой.

В. Стихи следует переводить стихами.

Одни считают важным соответствие духу родного языка и привычкам отечественного читателя, другие настаивают, что важнее приучить читателя воспринимать иное мышление, иную культуру — и для этого идти даже на насилие над родным языком. Выполнение первого требования (смотрите тезисы *В*) ведёт к вольному переводу, выполнение второго (тезисы *А*) — к переводу дословному, буквальному.

В истории культуры два типа переводов сменяют друг друга. Первым переводом, глубоко изменившим европейскую культуру, был перевод Библии (Ветхого Завета, Новый ещё не существовал) на греческий язык.

Понятно, что вольный перевод для священного текста неприемлем: что-то добавлять или выбрасывать из оригинала было бы кощунством. Поэтому переводчики старались переводить слово в слово, сохраняя даже некоторые специфические конструкции древнееврейского языка. Тогда в греческом появился особый библейский стиль, а оттуда он перешёл в латынь и другие языки Европы. И теперь ещё по некоторым признакам (повторяющийся союз *и* в начале предложений, положение сказуемого перед подлежащим) мы легко распознаём библейскую фразу или подражание ей: «***И*** *пошёл Авраам...* ***и*** *сказал Господь Аврааму...*».

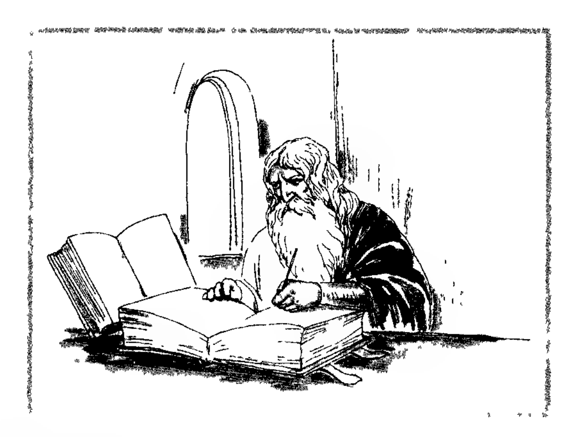
Когда спустя тысячелетие святые Кирилл и Мефодий переводили Библию с греческого на славянский, они поступили так же: их перевод можно записать под греческим текстом слово за словом.

Почти одновременно с появлением первого перевода Библии римляне начали осваивать греческую культуру, и осваивали они её с помощью переводов. Но переводили они совсем по-иному. Переводчики Библии точно передавали священный текст и не очень заботились о впечатлении, которое их стиль произведёт на читателя, как будто зная, что сама судьба Библии сделает этот стиль высоким и торжественным. Римских

ПЕРЕВОД «СЕМИДЕСЯТИ ТОЛКОВНИКОВ»

В III в. до Рождества Христова в столице Египта Александрии царствовал Птолемей Филадельф. Согласно легенде, к нему обратился хранитель Александрийской библиотеки, крупнейшего собрания книг в древности. Он сообщил, что евреи, жившие в Египте, в спорах с греческими философами постоянно ссылаются на своё Писание, каждое слово которого якобы вдохновлено Богом. Но проверить их высказывания невозможно, потому что текстов этих на греческом нет.

Птолемей обратился к иудейскому первосвященнику, и тот прислал к нему 70 лучших знатоков Писания. Царь велел поселить их в разных домах и дал каждому переводить Писание, чтобы потом можно было сравнить результаты. Когда через 70 дней (что, конечно, невероятно, если учесть обьем текста) перевод был закончен, оказалось, что все 70 рукописей совпадают слово в слово: Бог явил чудо. С него и начался путь Писания по миру, проложивший дорогу христианству. Этот перевод Ветхого Завета принято называть переводом «семидесяти толковников» (Септуагинта; от *лат.* septuaginta — «семьдесят»).



ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

Французский переводчик пушкинского «Бахчисарайского фонтана» Жан Мари Шопен озаглавил свой перевод «Фонтан слез». Шопен даже не осмелился назвать прославленный Пушкиным фонтан его настоящим именем, опасаясь, «как бы татарское слово не оскорбило привыкшего к благозвучию слуха некоторых французов».

Но всех превзошел Дидро, который, по собственному признанию, даже не глядел в переводимую книгу, а «прочитал ее два раза, проникся ее духом, потом закрыл и стал переводить».

Правда, книга была философская, но французы точно таким же манером поступали и с литературой художественной. От них это самоуправное отношение к переводимому подлиннику перешло и в Россию. Молодой Жуковский, переводя «Дон-Кихота», повторяет мнение Флориана, что рабская верность оригиналу есть порок...

«Есть недостатки в Серванте, — говорит... Жуковский в предисловии к своему переводу. — Некоторые шутки часто повторяются, иные слишком растянуты; есть неприятные картины. Сервант не везде имел очищенный вкус... Я осмелился переменить иное, ослабил некоторые слишком сильные выражения; переделал многие стихи; выбросил повторения... Люди не слишком строгие, которые не лишают переводчиков смысла и вкуса, могут поверить моей любви к Серванту, что я выбросил из него только то, что не могло быть его достойно в переводе»...

Метод художественного перевода целиком вытекает из мировоззрения данной эпохи. Новая литературная школа неизменно влечет за собой новый подход к переводческой практике.

(По книге К. И. Чуковского «Высокое искусство».)

ПЯТЬ ПЕРИОДОВ

В истории русского стихотворного перевода сменилось пять периодов. XVIII в. был эпохой вольного перевода, «склонявшего на русские нравы» и содержание, и форму подлинников. Романтизм был эпохой точного перевода, приучавшего читателя к новым, дотоле непривычным образам и формам: таков Жуковский. Реализм XIX в. опять стал эпохой вольного, приспособительного перевода — такого, как в курочкинском Беранже. Модернизм начала XX в. вернулся к программе точного перевода: не обеднять подлинник применительно к привычкам читателя, а обогащать привычки читателя применительно к подлиннику: таков не только Брюсов, но и все его современники от Бальмонта до Лозинского. Наконец, советское время — это реакция на буквализм, спрос на ясность, легкость и традиционные ценности русской культуры, эпоха Маршака.

Легко увидеть: это близко соответствует пяти периодам истории всей русской культуры, пяти этапам распространения образованности в России. В этом процессе чередуются периоды распространения культуры вширь и вглубь. Вширь — это значит: культура захватывает новый слой общества быстро, но поверхностно, в упрощенных формах, как общее знакомство, а не внутреннее усвоение, как заученная норма, а не творческое преобразование. Вглубь — это значит: круг носителей культуры заметно не меняется, но знакомство с культурой становится более глубоким, усвоение ее более творческим, проявления ее более сложными. В XVIII в. шло распространение культуры вширь — в массу невежественного дворянства. В начале XIX в. было достигнуто насыщение, культура пошла вглубь и дала Жуковского, Пушкина и Лермонтова. Середина XIX в. — новое движение культуры вширь: в массу невежественного разночинства. В начале XX в. и здесь достигнуто насыщение, культура идет вглубь и дает расцвет серебряного века. После революции культура вновь идет вширь, в массу невежественных рабочих и крестьян. Движение это еще не закончилось, потребителями культуры являются очень разные слои общества, и они нуждаются в разных переводах.

Мы можем сказать: цивилизация с цивилизацией знакомится так же, как человек с человеком. Чтобы знакомство состоялось, они должны увидеть друг в друге что-то общее: чтобы знакомство продолжалось (а не наскучило с первых же дней), они должны увидеть друг в друге что-то необщее. На первых порах знакомства перевод отбирает для читателя те черты французского, латинского или китайского духовного мира, которые имеются и в его собственном характере. А затем постепенно он раскрывает читателю нового знакомца уже во всей широте и предоставляет читателю самому приспосабливаться к непривычным (а то и неприятным) чертам его духовного склада, будь то чужая вера или чужое стихосложение, — если, конечно, читатель намерен поддерживать это общение.

(М. Л. Гаспаров.)

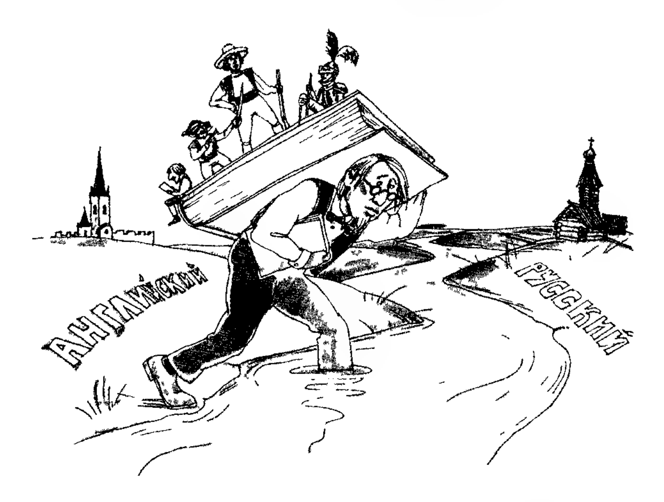
же переводчиков точность не очень заботила — им было важно, чтобы неподготовленная римская публика поняла, где нужно смеяться, а где — ужасаться. Поэтому они усиливали в трагедии трагическое, а в комедии комическое· упрощали характеры, огрубляли юмор, могли вставить в перевод одной пьесы сцену из другой.. Получались не переводы, а подражания или переложения, но это всех устраивало

Приблизительно так же переводили в эпоху классицизма, в том числе в России XVIII в Переводчик Шекспира, например, старался, чтобы перевод соответствовал его собственным (а не шекспировским) представлениям о трагедии. В угоду этим представлениям он мог поменять стихотворный размер, выбросить некоторые реплики или целые сцены, даже изменить сюжет — всё это было в порядке вещей

В разные эпохи и в разных культурах побеждают то одни, то другие представления о переводах Поэтому переводов «на все времена» очень мало (хотя чудеса бывают· таков, например, перевод «Илиады», выполненный русским поэтом Николаем Ивановичем Гнедичем) Обычно каждое новое обращение к Гомеру, Вергилию, Данте, Шекспиру приносит новые переводы Насколько они бывают разными, легко увидеть· вот одно и то же четверостишие французского поэта Поля Верлена, переведённое тремя знаменитыми русскими поэтами:

Небо над городом плачет,
Плачет и сердце моё.
Чтó оно, чтó оно значит,
Это унынье моё?

Перевод В Я Брюсова



Тяжелый труд переводчика

УЧТИВАЯ ЛОЖЬ

Известный английский поэт и критик Роберт Грейвс (Graves), автор многих исторических романов, переведенных на другие языки, и сам неутомимый переводчик, подытожил свой большой переводческий опыт такими словами:

«В конце концов нужно признать, что всякий перевод есть ложь, очень учтивая, но все-таки ложь».

Писатель приводит простейший пример. «*Кусочек хлеба,* — говорит он, — для англичанина *morsel of bread,* для немца *ein Stuckchen,* для француза *morceau du pain,* для испанца *un trosito de pan* — звуки этих слов так несхожи, что каждое из них вызывает в уме говорящих и слушающих совершенно различное представление о кусочке хлеба, о его форме, цвете, весе, величине и вкусе».

Американский поэт Роберт Фрост, как-то заговорив о поэзии, сказал:

— Поэзия — это то, что непереводимо на другой язык.

Слова, отнимающие у переводчиков всякую надежду и даже право на существование.

Английский поэт XVII века Джеймс Хауэлл (Howell) высказал в одном стихотворении такую же безотрадную мысль. Он сравнил поэтический подлинник с роскошным турецким ковром. Глядя на серую изнанку ковра, никак не догадаешься о тех причудливых и ярких узорах, которые украшают его на лицевой стороне. Перевод это именно изнанка ковра, не дающая никакого представления о самом ковре, то есть о подлиннике.

Порой кажется, что для такого пессимизма есть все основания.

Но вспомнишь «Кубок» и «Иванову ночь» в переводах Жуковского, вспомнишь «Будрыса», переведенного Пушкиным, «Горные вершины» в переводе Лермонтова, «Коринфскую невесту» в переводе Алексея Толстого, а также десятки шедевров современных мастеров перевода — и все эти горькие мысли рушатся сами собой.

К такому же оптимизму — правда, на других основаниях — пришел в конце концов и Борис Пастернак.

«Переводы мыслимы, — пишет он, — потому что в идеале и они должны быть художественными произведениями и, при общности текста, становиться вровень с оригиналами своей собственной неповторимостью. Переводы мыслимы потому, что до нас веками переводили друг друга целые литературы, и переводы — не способ ознакомления с отдельными произведениями, а средство векового общенья культур и народов».

(По книге К. И. Чуковского «Высокое искусство».)

На́ сердце слёзы упали,
Словно на улице дождик.
Что́ это, что́ за печали
В сердце глубоко упали?

Перевод Ф К Сологуба

И в сердце растрава,
И дождик с утра ..
Откуда бы, право,
Такая хандра?

Перевод Б Л Пастернака

В оригинале же сказано приблизительно так: «*В моём сердце — плач,/Как над городом — дождь;/ /Что ж это за печаль/Пронзила мне сердце?*».

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ПЕРЕВОДЧИКА

Говорят, на одной конференции по проблемам перевода докладчик начал свою речь так. «Искусство — тяжёлая проблема вообще А искусство перевода вообще тяжёлая проблема». Так оно и есть· трудности, стоящие перед переводчиком, неисчислимы. И первая из них — понимание оригинала. Если переводчику не удалось передать мощь, разнообразие или гармонию подлинника — это не позор. О чуде можно мечтать, но требовать его нельзя. Ошибка же, вызванная непониманием текста, — серьёзный удар по репутации переводчика

Во многих ошибках повинны так называемые *ложные друзья переводчика* — слова одного языка, похожие по звучанию на слова другого, но имеющие иное значение. Так, английское *paragraph* означает не *параграф,* а ‘абзац’; болгарское *ди́ня* — не *дыню,* а ‘арбуз’; чешское *zapomѐti* — не *запомнить,* а ‘забыть’.

Вторая причина многочисленных ошибок — непонимание идиом, фразеологических оборотов Нельзя переводить французское *mettre la main à la pâte* буквально («опустить руки в тесто») — это выражение значит ‘вмешаться’. Английское *to catch cold* переводится не *поймать холод,* а ‘простудиться’

Множество ошибок вызвано и тем, что переводчик не знает культуры той страны, с языка которой он переводит. В переводах с английского сейчас можно встретить *Джона Баптиста* (*John the Baptist* — это Иоанн Креститель) и *Святую Вирджинию* (а это Святая Дева, *Saint Virgin*) В художественных текстах часто встречаются цитаты из Библии и Шекспира, из детских прибауток и из стихов, которые учат наизусть в школе. Если

Ложные друзья переводчика

приходится приглушать Недаром фольклорные, диалектные и жаргонные элементы языка многие признают совершенно непереводимыми.

Особые трудности появляются, когда языки оригинала и перевода принадлежат к разным культурам Например, произведения арабских авторов изобилуют цитатами из Корана и намёками на его сюжеты Арабский читатель распознаёт их так же легко, как образованный евро-

переводчик не опознает цитату, может получиться ляпсус вроде *Спирт хорош, а мясо протухло* (а не *В здоровом теле здоровый дух*).

Поскольку в результате перевода художественного текста и перевод должен получиться художественным, важно уметь писать на родном языке. Не случайно лучшими переводчиками часто бывают хорошие поэты и писатели, даже если они не знают языка оригинала в совершенстве Во многих случаях переводчику нужны не только знания, но и особое мастерство. Писатель часто играет словами, и эту игру бывает непросто воссоздать Вот английская шутка, построенная на каламбуре. Человек приходит на похороны и спрашивает: *I'm late?* и в ответ слышит: *Not you, sir. She is* Английское слово *late* значит и 'поздний', и 'покойный'. Герой спрашивает: *Я опоздал?* А ему отвечают: *Нет, покойник не вы, сэр, а она.* Как быть? По-русски игра не получается. Но переводчик вышел из положения: *Всё кончилось? — Не для вас, сэр. Для неё.*

Такие ловушки подстерегают переводчика на каждом шагу. Особенно трудно передать речевой облик персонажей. Хорошо, когда говорит старомодный джентльмен или взбалмошная девица — легко представить, как они говорили бы по-русски. Гораздо сложнее передать речь ирландского крестьянина по-русски (ведь не будет он говорить на рязанском диалекте!) или одесский жаргон по-английски. Здесь потери неизбежны, и яркую речевую окраску поневоле

Разница культур создает при переводе множество сложностей

ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА

Затруднения особого рода возникают, когда люди говорят на родственных и достаточно похожих языках, например русском и польском. Так, польское слово *zapomniec* звучит почти как русское *запомнить* а означает совершенно противоположное — 'забыть'. Увидев польский журнал под названием «Uroda» (читается [урода]), русский читатель удивляется. Название же объясняется просто: по-польски *uroda* означает 'красота'.

Очень часто в такие ловушки попадаются переводчики. Увидев знакомую форму слова (такую же, как в родном языке), переводчик может приписать ей «родное» содержание.

Такие совпадающие по форме знаки из разных языков назвали ложными друзьями переводчика. Чтобы предотвратить эти частые ошибки, используют специальные справочники.

Русскому слову *позорище* соответствует (родственно) сербскохорватское *позориште.* Общий элемент значения — 'зрелище' Но если русское слово *позорище* в современном языке означает 'постыдное зрелище', то сербскохорватское — совсем наоборот, оно значит 'театр'.

Сербскохорватское слово *право* может привести к недоразумению на улице. Если вам, объясняя дорогу, говорят по-сербскохорватски: «Идите право», совсем не нужно поворачивать направо, *право* значит 'прямо'. А русское *направо* переводится словом *десно.*

Сербскохорватское *олово* на русский переводится как *свинец.* Однажды, в 60-х гг., когда в Югославии было открыто новое месторождение свинца, московский журналист, не вполне владеющий сербскохорватским языком, дал информацию в Москву об открытии месторождения олова. Эта языковая ошибка привела к серьезному скандалу.

А вот еще целый ряд ложных друзей переводчика:

Сербскохорватский язык	Русский язык
реч	*слово*
слово	*буква*
буква	*бук*

ЖИЗНЬ БАНАНОВ — ВВЕРХ ДНОМ

Если собрать те ошибки, которые попались мне при чтении английских книг, переведённых на русский язык, получится приблизительно такая таблица:

Broad axe — не «широкий топор», но плотничий топор.

Night — не только «ночь», но и вечер, и это чаще всего.

China — не только «Китай», но и фарфор.

Highwayman — не столько «высокий путник», сколько разбойник.

Old George — не столько «старый Джордж», сколько дьявол.

Tower of Babel — не «башня Бабеля», а Вавилонская башня. В одном переводе романа Голсуорси читаем: «„О, башня Бабеля!“ — вскричала она».

Compositor — не «композитор», но типографский наборщик. В приключениях Шерлока Холмса, изданных «Красной газетой», знаменитый сыщик, увидев у кого-то выпачканные типографскою краскою руки, сразу догадывается, что этот человек... композитор!..

Chair — не только «кресло», но и кафедра. Когда, во время какого-нибудь митинга, англичане обращаются к председателю, они кричат ему: *chair! chair!*, и тогда это слово нужно переводить как «председатель». Переводчик... передал это восклицание: *кресло! кресло! кресло!* И, должно быть, сам удивился, почему его герой кричит бессмыслицу.

Public house (буквально «публичный дом») у англичан отнюдь не притон для распутства, а всего лишь скромная пивная.

Complexion — не «комплекция», но цвет лица...

Novel — не «новелла», а роман.

Gross — не великий, но грубый, постыдный, отталкивающий.

Переводчик избранных рассказов Р. Киплинга, вышедших под редакцией Ивана Бунина, не понял этого слова и переводил его то «большой», то «колоссальный». (Не верится, что эти книги редактировал Иван Бунин.)

Переводчик «Домби и сына», не догадываясь, что *sweetheart* есть просто ласковое слово («милый», «милая»), перевёл: «общая (!) услада нашего сердца».

Переводчики с французского не отстают от переводчиков с английского. Оказывается, не все из них знают, что:

...*La poudre* — не «пудра», но пыль. Между тем, по словам М. Горького, один переводчик напечатал о старике пролетарии: «Покрытый пудрой и мрачный». Можно подумать, что каждый безработный во Франции употребляет парфюмерию Коти́.

Les grains de beauté — не «проблески красоты», но родинки.

Le trousseau de clefs — не «целое приданое ключей», как выразился один переводчик Золя, а всего только связка ключей.

L'adress de singe — не «обезьяний адрес», а ловкость обезьяны.

Точно так же *peler des régimes de bananes* отнюдь не значит «перевернуть вверх дном обычную жизнь бананов», а «снимать кожуру с бананов».

Le plongeur à l'hôtel — не «пловец в гостинице», но судомойка.

(По книге К. И. Чуковского «Высокое искусство».)

пеец — отсылки к Библии или античным мифам. В переводе же эти цитаты остаются для европейского читателя непонятными. Различаются и литературные традиции: европейцу сравнение красивой женщины с верблюдицей кажется нелепым, а в арабской поэзии оно довольно распространено. А сказку «Снегурочка», в основе которой лежат славянские языческие образы, на языки жаркой Африки вообще непонятно, как переводить. Разные культуры создают едва ли не больше сложностей, чем разные языки.

Однако стремление людей понять друг друга заставляет переводчиков снова и снова пытаться совершить чудо. И иногда оно получается.

ДВЕРИ В БОЛЬШОЙ МИР. ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Путешествия и общение с чужестранцами когда-то были уделом немногих: путешественников, купцов, завоевателей или скитальцев, не имевших своего угла. Почти все появлялись на свет, жили и умирали, не покидая родной деревни или городка. Целые государства столетиями обходились без контактов с остальным человечеством.

Этот мир остался в прошлом. Сегодня тысячи аэролиний, километры телефонных проводов, вездесущие радиоволны спутников быстро превращают нашу планету в одну очень большую деревню. А жить в деревне, не найдя общего языка с односельчанами, непросто.

Изменился мир, изменилось и наше отношение к языкам других народов. Теперь знание

иностранного языка — не просто часть хорошего образования, а насущная потребность. Каждый может поехать в другую страну жить и работать или просто путешествовать, любое предприятие стремится иметь зарубежных партнёров, всё больше возможностей сулят неизмеримые глубины Интернета... Поэтому сегодня без графы «иностранный язык» невозможно представить себе ни школьное расписание, ни анкету поступающего на работу.

ЗНАТЬ ИЛИ ВЛАДЕТЬ?

Студенты-филологи изучают латынь. Они читают древнеримских классиков, знают, сколько в этом языке падежей и склонений, помнят все сложные времена глагола. Но вряд ли они смогут поболтать на латыни о погоде. Студенты-медики тоже изучают латынь, они должны уметь обсудить на этом языке с коллегами болезнь, помнить все медицинские термины. Но если они не знают, что латынь относится к романским языкам и что значит *Dura lex sed lex* («Закон суров, но это закон») — не беда. Референт фирмы, много лет ведущий деловую переписку на немецком языке, возможно, не сумеет прочесть в подлиннике стихотворение Гёте. Азартно и виртуозно торгующийся на восточном базаре покупатель, может быть, не справится даже с простейшей запиской на арабском языке. Завсегдатай преимущественно англоязычного Интернета не может без перевода смотреть фильмы на том же языке — к звучанию речи он совершенно не привык.

Знают ли все эти люди иностранный язык? Да, в той мере и в той форме, в какой им это нужно. Владеют ли они иностранным языком так же, как владеют своим родным? Конечно нет. Недаром в английском языке, например, существуют разные термины: *acquisition* 'приобретение' (это «схватывание» языка, его естественное усвоение) и *learning* 'сознательное изучение', а также *knowledge* 'знание языка' и *proficiency* 'владение языком'. Владеть языком означает не просто его знать. Главное здесь — быть способным активно применять своё знание языка для решения всех необходимых задач в самых разных ситуациях общения. Для того чтобы по-настоящему владеть несколькими языками, нужно или жить в раннем детстве в многоязычном окружении (о явлении билингвизма см. статью «Языки, народы, государства»), или посвятить изучению иностранного языка очень много времени и сил, обязательно погружаясь на длительное время в языковую среду, общаясь на языке. Знать иностранный язык в совершенстве — это такая степень владения языком, когда человек переходит с родного языка на иностранный без напряжения, а носители этого языка даже не заподозрят по его речи, что он иностранец. Этого достигают только некоторые специалисты-переводчики, дипломаты и, конечно, шпионы.

Большинству же людей язык нужен для вполне определённых целей: уметь объясниться по-итальянски во время путешествия в Италию, писать деловые письма на японском языке или читать немецких философов в оригинале. Чем точнее человек определяет свою цель, тем больше у него шансов её добиться. Ведь поставив перед собой задачу знать язык вообще, легко отчаяться от того, как медленно продвигается дело, и забросить его совсем.

Трудно даже представить себе, насколько сложной системой является язык, какой колоссальный объём знаний нужен человеку для того, чтобы свободно владеть родным языком. И это, наверное, хорошо, иначе мы стали бы похожи на сороконожку, которая легко управлялась со своими ногами, пока не задумалась, как это у неё получается. Язык практически неисчерпаем, и даже для частичного овладения неизвестным языком нужны время и терпение. А главное — нужно знать не только чему научиться, но и как этому учиться.

СОСТАВЛЯЮЩИЕ УСПЕХА

Что значит изучить язык? Выучить тысячу слов достаточно? А десять тысяч? А если ещё вызубрить грамматику? Освоить произношение? Каждому изучавшему иностранный язык знакомо

чувство отчаяния. все слова известны, структура предложения ясна, правильно произнести могу А речь все равно не понимаю, выразить свою мысль не получается... Выходит, и языка не знаю..

Вопрос о том, что это такое — знать язык, до сих пор окончательно не решён. Нет никакой чёткой границы, до которой не знаешь, а после нее — узнал. Но понятно, что нужны и словарный запас, и грамматика, и орфография, и произношение, и ещё что-то, что приходит только со временем, только путём «вживания» в чужой язык.

Незнакомые, непонятные слова — первое и самое явное свойство чужого языка. Некоторые счастливцы запоминают их легко и прочно. Для других людей запомнить название нужного лекарства — проблема, если оно иностранное. Кто-то предпочитает читать слова вслух, кто-то — записывать их; каждый человек интуитивно выбирает тот способ запоминания, который ему больше подходит Но в любом случае слово быстро забудется, если его не употреблять в речи Нужно добиться того, чтобы оно не просто хранилось в памяти в составе какого-то списка, а всегда было наготове, легко и быстро занимало своё место во фразе. Поэтому введение новых слов при обучении иностранному языку всегда сопровождается текстами· диалогами или рассказами.

Сколько слов нужно знать? По оценке специалистов, для простого общения на бытовые темы достаточно 3 тыс. Но вот английское слово *to go* («идти») в словаре занимает не одну страницу В какой степени его нужно знать? Кроме того, слова в языках имеют свои причуды. с одними они не желают стоять рядом, а с другими, наоборот, сливаются так тесно, что знание каждого отдельного слова не позволит понять их сочетание (иностранец, знающий значения слов *водить* и *нос*, не поймёт, кого и зачем нужно *водить за нос*). Твёрдо можно сказать только одно. слов никогда нельзя знать достаточно Просто чем лучше человек знает иностранный язык, тем... более толстый словарь он держит на полке.

Грамматика языка в отличие от словаря вполне обозрима. При всех тонкостях и исключениях она помещается в одной книге. Выучить её можно. Однако, чтобы уметь водить машину, недостаточно знать правила дорожного движения. Так же и с грамматикой· правила должны воплотиться в действие, в речь, применяться естественно, автоматически.

Человек может спокойно жить, не зная ни одного правила родного языка, но это не мешает ему прекрасно на нём говорить. Иностранному языку тоже можно научиться, не занимаясь специально грамматикой, если просто погрузиться в языковую среду и постоянно слышать речь на изучаемом языке Так овладевают языком иммигранты (переселенцы из-за границы), особенно дети и молодёжь Впрочем, и в этом случае правила очень полезны, они обращают внимание на трудности и особенности данного

ВАШ СЛОВАРИК

Старый и очень полезный способ лучше запоминать иностранные слова — это завести свой словарик, чтобы записывать в него новые слова и выражения или слова, которые нужно восстановить в памяти. Записывать лучше так, чтобы было понятно, каким образом это слово или выражение может «встраиваться» во фразу. Например, русский глагол *верить* по-разному управляет другими словами: мы говорим не только *верить кому-то* и *чему-то,* но и *верить в кого-то* или *во что-то, верить на слово*... Поэтому, записав в свой словарик просто глагол *верить* с переводом, изучающий русский язык иностранец не сможет его правильно употреблять. Иногда в словарь стоит записать пример нового употребления уже знакомого слова или только отдельную конструкцию, в которой знакомое слово встретилось.

Вообще легче заучить и сохранить в памяти не отдельные слова, а целые языковые фрагменты, поскольку они имеют бо́льшую смысловую нагрузку, дают больше «зацепок» памяти. По той же причине легче запомнить на иностранном языке пару слов *светлый — темный,* чем учить каждое из этих слов по отдельности. Похожие слова и конструкции, которые легко спутать, тоже лучше запоминать в сравнении и сопоставлении.

языка. Это позволяет освоить язык более осознанно, быстро и эффективно.

Правила грамматики часто кажутся сложными и запутанными. Чем больше отличается грамматический строй изучаемого языка от родного, тем труднее понять логику грамматики. Но, как ни парадоксально, есть и обратная связь: чем лучше человек осознаёт принципы устройства своего языка, чем глубже изучил его грамматические правила, тем легче ему разобраться в чужой грамматике. Что такое падеж, гораздо легче понять на примере родного языка, а потом по аналогии разобраться с изменением существительных в иностранном, даже если падежи там другие или вообще отсутствуют. Поэтому в последнее время в школах всё чаще стараются построить программы так, чтобы темы уроков родного и иностранного языков перекликались. Перед тем как изучать грамматику незнакомого языка, всегда стоит пролистать книги по русской грамматике.

Правильное произношение — умение, которое с большим трудом даётся почти всем, кроме людей с особенно хорошим фонетическим слухом. Навык артикуляции (произношения звуков) гораздо труднее контролировать сознанием, чем построение фраз, хотя бы потому, что звуки в потоке речи сменяют друг друга гораздо быстрее, чем слова и предложения. Человеку сложно заставить себя произносить непривычные звуки Вместо них он обычно подставляет наиболее близкие, сходные звуки родного языка, произнося, например, английское *the* как [зэ]. Это явление называется *акцентом* (см. статью «Языки взаимодействуют»). Любопытно, что акцент родного языка может сохраняться в языке иностранном даже в том случае, когда человек живёт в чужой стране не одно десятилетие. Изжить акцент очень непросто; это требует специальной работы над произношением. Впрочем, если носители языка произнесённое понимают — произношение приемлемо, и в большинстве случаев люди этим довольствуются. Если же человек хочет иметь хорошее произношение, ему предстоит научиться произносить звуки иностранного языка так же, как это делают его носители.

Сложность изучения письменности очень различна: всё зависит от выбранного языка. Испанская орфография заставит вас позавидовать испанским школьникам, английская вызовет прилив нежности к русской, которая раньше казалась ужасно головоломной. А если вы взялись за китайский язык... всё равно получится, только нужно ещё больше терпения.

Кроме слов, грамматики и правил чтения необходимы определённые знания в области национальной культуры, истории, литературы, искусства, науки. Как читать китайские тексты, не зная, что такое пáгода, или английские, не представляя, как выглядит кэб и много это или мало — пенни? Эти знания, однако, из учебников не получишь. Нужно читать прежде всего художественную литературу, расширять кругозор.

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ?

Путь от знания элементов языка и правил их использования к его реальному освоению долог. Нужно выработать многочисленные навыки, многократно повторять все действия, доведя, наконец, их до автоматизма.

Каждый начинающий, прежде чем сказать фразу на иностранном языке, мысленно составляет её на родном. Лишь затем он её переводит, на ходу исправляя ошибки. И наоборот: чтобы понять иностранную фразу, человек переводит все слова на родной язык и уясняет грамматические связи между ними. И только вслед за этим составляет осмысленную фразу на своём языке, которая и воспринимается вместо иностранной. Так происходит раз, другой, тысячный. Но вот наступает момент, обычно не осознаваемый самим человеком, когда его мысль напрямую оформляется в слова другого языка, когда иностранную фразу он сначала понимает, а уже потом особым усилием переводит (если нужно) на родной язык.

Выученное должно перейти в освоенное, и пока не состоялся этот переход, о владении языком говорить рано. Можно годами зубрить глаголы-исключения или заучивать тексты, но если не пытаться думать и общаться на иностранном языке, его не выучить (часто именно это и происходит со школьниками).

Лучший способ приблизиться к освоению языка — погрузиться в языковую среду, общаться с его носителями. Есть даже специальные туристические поездки для изучения языка: человек живёт в семье, общается на языке и постепенно осваивается, обживается в нём.

Что делать, если нет возможности общаться с носителями языка? Общение можно имитировать, сыграть в него. Например, чтобы приобрести навык говорения, надо ежедневно читать и пересказывать тексты вслух. При этом вырабатываются навыки артикуляции звуков, осваивается интонация. Чтение вслух помогает закрепить выученные слова и выражения: их звучание, зрительный облик и значение увязываются в одно целое. Лучше брать интересный текст, он запоминается легче.

Развить способность понимать иностранную речь помогут радио, телевидение, магнитофонные записи и фильмы. Немало молодых людей в 70—90-х гг. выучили английский язык, слушая рок-музыку. Снова и снова возвращаясь к любимым записям, повторяя вместе с певцами слова и фразы, они существенно дополнили свои скудные знания, почерпнутые на школьных уроках. Вообще повторять за диктором или актёром слова, отрывки фраз и целые фразы очень полезно. Важно слушать разные голоса, разный темп речи. Очень эффективны лингафонные курсы со звуковым ключом (правильным вариантом, произнесённым после паузы), с которым можно сверить то, что говоришь сам, скорректировать свою речь.

КОГДА ВРЕМЕНИ МНОГО

Существует способ изучать иностранные языки с помощью одного лишь чтения. Берут книгу на неизвестном языке и читают со словарем. О грамматических правилах и формах слов нужно просто догадываться. Если язык книги достаточно близок к родному по грамматическому строю, это вполне возможно. Правила чтения букв в словаре тоже обычно есть. Конечно, этот способ помимо незаурядной языковой интуиции требует ещё и усидчивости. Не случайно к нему прибегали люди (например, узники тюрем), у которых было много свободного времени, но отсутствовали другие возможности изучать язык.

Не выучить язык и без чтения, причём читать нужно много и регулярно. Начинать лучше с простого, но интересного. Чем больше вы будете читать, тем легче и интереснее станут иностранные книги, тем быстрее вы освоите этот язык. Текст книги — это не искусственно сконструированный пример грамматики или упражнения, это живое воплощение языка. Поэтому многие правила и закономерности языка осваиваются в процессе чтения как бы сами собой, незаметно. Кроме того, именно тексты позволяют погрузиться в жизнь народа, язык которого изучается, понять её изнутри.

Читая, обязательно заглядывайте в словарь — не только если встретится незнакомое слово или выражение, но и в том случае, если слово вроде бы знакомо, но точное значение не вспоминается. Есть «упрямые» слова (например, эквиваленты русским *тоже*, *иногда*), которые никак не запоминаются и их приходится искать в словаре снова и снова. Попробуйте понять, почему это слово так сопротивляется, ускользает

из памяти, напишите его несколько раз, подумайте, на что похоже его звучание — чем более яркий и подробный «портрет» слова вы создадите, тем лучше оно запомнится.

Не стоит бояться большого количества новых слов на первых страницах каждой новой книги и бросать чтение. Через 20—30 страниц читать станет легче, поскольку вы уже будете знать многие используемые писателем языковые единицы — у каждого пишущего есть свой собственный словарь, т. е. те слова и выражения, которые он предпочитает другим и с помощью которых выражает свои мысли.

* * *

Однако книги и лингафонные курсы никому ещё не помогли избежать чувства немоты и беспомощности при первой встрече с «живым» носителем языка. Как заставить свои знания работать, как заговорить на языке? Выход один: чтобы заговорить, надо... говорить! Не теряться из-за грамматических ошибок или недостатка слов, не стесняться неуклюжего произношения — разве сами вы не были бы в такой ситуации снисходительны к иностранцу? Помогайте себе жестами, употребляйте описания вместо неизвестных слов, используйте готовые формулы-клише из учебных диалогов. Общий принцип такой: надо говорить не то, что хочешь, а то, что можешь сказать. Не получается точно выразить мысль, постарайтесь выразить главное. Не вполне понятны слова собеседника? Исходите из предположения, что он говорит что-то прямо связанное с ситуацией, используйте догадку, интуицию. Главное — вы начали говорить на иностранном языке! Через некоторое время речь станет более плавной, слова будут легче выплывать из памяти, а содержание беседы будет занимать вас больше, чем окончание формы 3-го лица единственного числа.

При разговоре на иностранном языке помогайте себе жестами, используйте догадку и интуицию.

КАЖДЫЙ НА СВОЁМ

Иногда о людях, которые не могут или не хотят понять друг друга говорят: «Они словно на разных языках разговаривают». Между тем нередко именно такой способ общения оказывается самым эффективным. Когда встречаются люди, не очень хорошо знающие язык друг друга, лучше всего каждому медленно говорить на своём языке. Понимать речь на малоизвестном языке всё же значительно легче, чем говорить на нём самому. Получается своеобразный двуязычный диалог, участники которого очень неплохо понимают друг друга. Если языки достаточно близки, как, например, русский и украинский, испанский и португальский, подобная стратегия общения позволяет говоряшим почти не чувствовать ограничений в выражении своих мыслей.

Почему заговорить так трудно? Правила языка обозримы и достаточно просто формулируются. А правила и закономерности речи гораздо сложнее. Лингвистика ещё только начинает их изучать (см. главу «Многообразие речи»). Ряд современных методик изучения иностранного языка предлагают начинать именно с устной речи. Однако вслед за этим необходимо изучать язык в обычном смысле слова. Иначе знание языка сведётся к набору, пусть и большому, выученных фраз...

* * *

Стоит иметь в виду, что кавалерийским наскоком язык не выучить. 15 минут работы каждый день принесут больше пользы, чем всё воскресенье, проведённое за книгами. Ведь язык осваивается не только во время самих занятий — наше сознание и между ними продолжает привыкать, «притираться» к новому языку. Именно ежедневные занятия создают эффект «погружения» в язык. Даже очень хорошо усвоенный навык стирается без употребления.

Только погружение в язык поможет обрести то нечто, без которого ни запас слов, ни правила, ни безупречное произношение не приводят к знанию языка. Это нечто — языковая интуиция, непосредственное постижение свойств языка, которые не отражены в правилах, а часто и не могут быть отражены. Интуиция возникает лишь на определённом, сравнительно продвинутом этапе изучения языка как качественный скачок в его усвоении (поэтому говорят, что интуиция «нарабатывается»). Именно

она позволяет использовать множество подсказок, которые даёт сам язык. В нём нередко встречаются слова, похожие на уже известные, составленные из знакомых частей.

Есть и межъязыковые подсказки — ими служат заимствования из одного языка в другой. Особенно же интересны внеязыковые, или экстралингвистические, подсказки. Они основаны на том, что язык создаёт образ мира, представляет предметы, события, свойства, а закономерности этого мира позволяют предположить, предсказать события в этом мире. А понимая связь событий, можно догадаться, какими словами эти события названы. Поэтому часто можно понять фразу, зная лишь некоторые из составляющих её слов. Например, иностранец, начавший лишь недавно изучать русский язык, во фразе *Кошка поймала мышь* обязательно догадается о значении глагола, если знает слова *кошка* и *мышь*, поскольку основной «функцией» кошки везде является ловля мышей... В этом случае говорят, что понимание усиливается благодаря интуиции.

«ЛЁГКИЕ» И «ТРУДНЫЕ»

Человек, родной язык которого русский, назовёт белорусский язык более лёгким для изучения, чем испанский. А итальянец с ним, пожалуй, не согласится. Овладевая иностранным языком, мы невольно смотрим на него сквозь призму своего родного языка. Если явления в двух языках сходны, это помогает, если различаются, мешает. Русские, говоря по-французски, очень часто употребляют сочетание слов *Vous savez?; Tu sais?* («Знаете?»; «Знаешь?») — так же, как делают это в родном языке. Но во французском эти выражения не приняты (они более характерны для бельгийцев, тоже говорящих по-французски) и воспринимаются как своеобразный акцент.

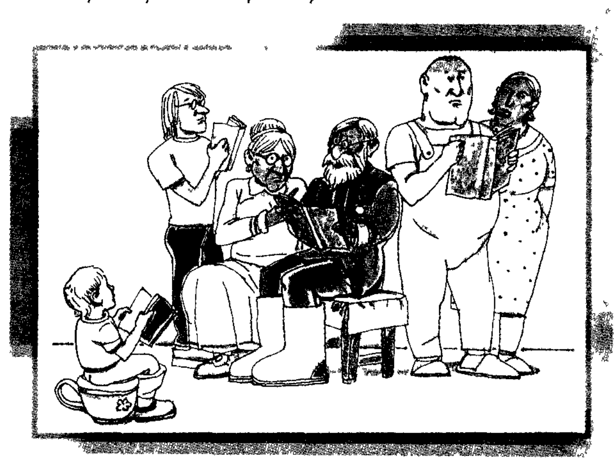
Большинство учебников иностранных языков учитывают сходство и различие языков. Так, в российских учебниках отражены многие типичные трудности и ошибки говорящих по-русски при изучении английского, французского, немецкого и других языков, а во французских учебниках иностранных языков — те трудности и ошибки, которые при изучении иностранных языков свойственны французам, и т. д.

Чем лучше человек овладевает иностранным языком, тем меньше будет проявляться влияние родного языка. Овладевая вторым иностранным языком, он будет испытывать влияние ранее изученного иностранного языка, особенно если тот усвоен недостаточно хорошо. Психологи полагают, что люди, плохо знающие первый иностранный язык и начавшие изучать второй, невольно сводят оба языка вместе под маркой иностранного вообще.

НИКОГДА НЕ ПОЗДНО

В каком возрасте лучше всего учить иностранный язык? Есть свои преимущества в каждом возрасте. Дети младшего возраста легко усваивают правильное произношение, подростки — синтаксис и морфологию, а взрослые лучше понимают тонкости значения, быстрее пополняют свой словарь. В последнее время стараются обучать детей языку как можно раньше, чтобы приблизиться к естественному овладению языком. Иногда против этого возражают, считая, что чужой язык может сбить ребенка с толку, помешать освоению родного. Такие опасения скорее всего напрасны: известно, например, что в городах, где живут люди разных национальностей, маленькие дети могут знать по три-четыре языка и не путать их. Но изучение иностранного языка в раннем возрасте будет эффективным, только если занятия регулярны и увлекательны: ведь ребёнку непонятно, зачем ему запоминать слова и повторять фразы.

Многие исследователи называют оптимальным возрастом для изучения иностранного языка 11 лет: ешё не утрачена детская цепкость памяти и уже возможно сознательное усилие по овладению другим языком. Впрочем, все согласны, что иностранный язык можно учить в любом возрасте, было бы желание. Многие люди, в зрелом возрасте начавшие изучать иностранный язык, говорят, что получают от занятий гораздо больше удовольствия, чем в школьные годы, потому что воспринимают язык более целостно, чувствуют его красоту.



Изучать иностранный язык можно в любом возрасте.

Основная трудность при изучении японского языка — сложные правила этикета.

Кроме особенностей родного языка необходимо ещё учитывать индивидуальные особенности каждого человека. Тот, кому «медведь на ухо наступил», имеет мало шансов хорошо овладеть вьетнамским языком с его музыкальным ударением, а человек с плохой зрительной памятью замучается с китайскими иероглифами.

Любой язык таит свои подводные камни. Русский ввергает в отчаяние подвижным ударением, английский — коварной орфографией, дагестанский — трудными звуками, японский — сложными правилами речевого этикета. А того, кто долго и старательно изучал чешский язык, по приезде в Чехию ждёт потрясение, потому что все вокруг говорят на каком-то совсем другом, неизвестном ему языке: чешский литературный язык (который зафиксирован в грамматиках, учебниках и романах) значительно отличается от разговорного.

Чем больше разница между нормативным (литературным) и ненормативным (разговорным) вариантами языка, тем труднее в полной мере овладеть им, ведь изучают обычно язык нормативный, а не разговорный. Иностранец, начавший изучать русский язык, будет озадачен «проглоченными» в разговорной речи гласными и согласными, так что слово *говорит* превращается в [гр'ит], *здравствуйте* в [здрас'т'и], *действительно* в [д'с'ит'на]. В родном языке речь с нарушениями, например речь детей или диалектная, восстанавливается с помощью речевого опыта и поэтому вполне понятна.

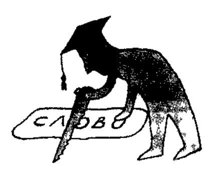
Разговорным тонкостям иностранного языка нужно специально учиться. Здесь особенно полезны художественные фильмы: кино позволяет понять и усвоить те особенности разговорного языка, которые отличают его от письменного языка («проглатывание» отдельных звуков и звуковых фрагментов, изменение форм слов). Лучше всего записать фильм на видеомагнитофон и посмотреть его несколько раз. Только тем, кто свободно владеет языком и хорошо ориентируется в ситуации, можно позволить себе употреблять ненормативные элементы языка — жаргонные, диалектные, просторечные слова. Иначе (т. е. если вы не вполне владеете иностранным языком, но употребляете, например, жаргонные слова) носителям языка это покажется смешным. Получается, что их нужно знать, но нельзя использовать!

* * *

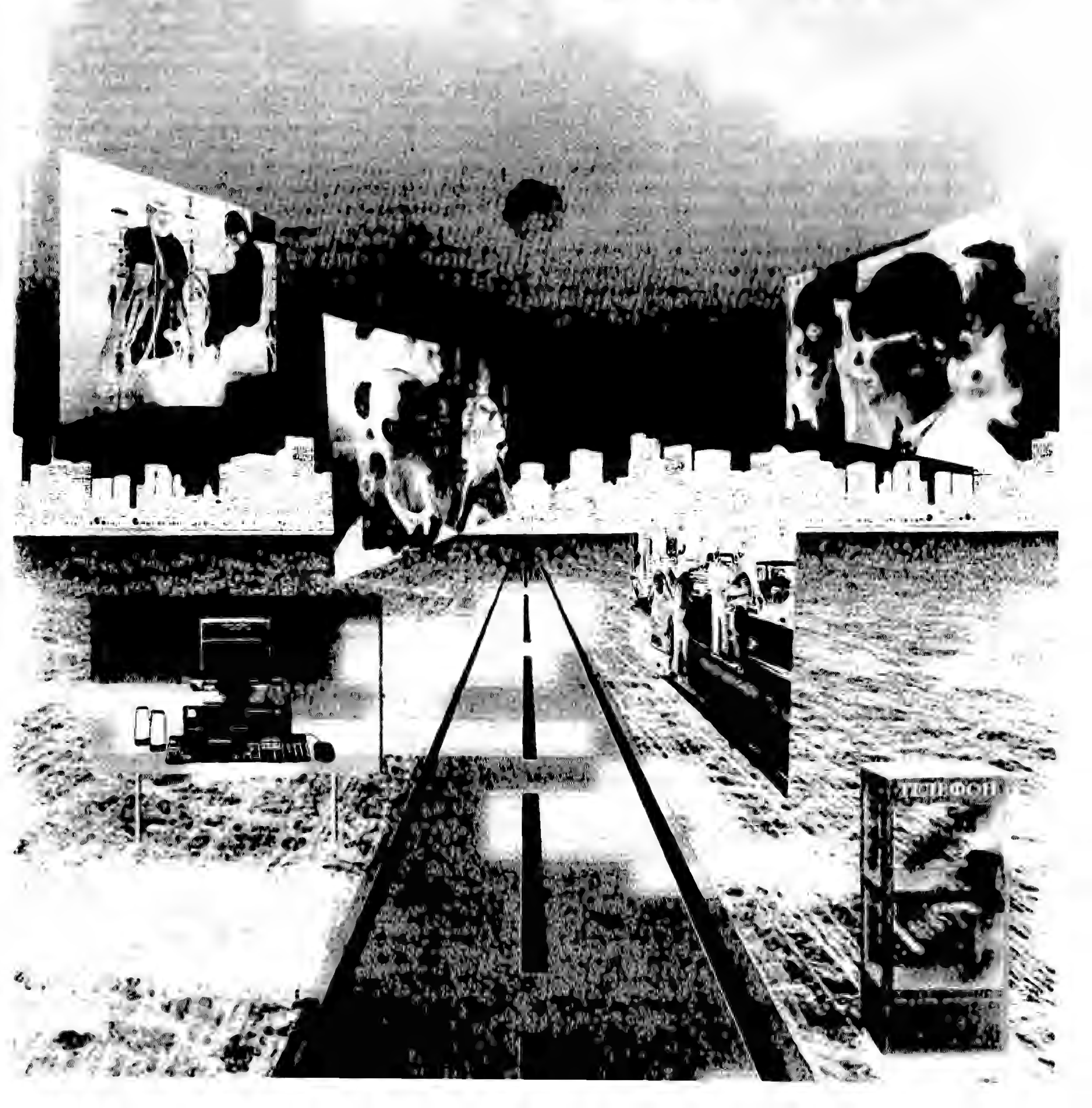
Страны и континенты становятся всё ближе друг к другу. Свой вклад в единство человечества делает каждый, кто готов открыться навстречу другому ви́дению мира, другому языку. Чем больше людей знают языки других народов, тем меньше у каждого шансов оказаться в ужасном положении героя повести В. Г. Короленко «Без языка»: одинокого, отчаявшегося, потерянного в чужой стране.

А если применять знание иностранного языка всё-таки негде? Нет возможности путешествовать, встречаться с иностранцами? Нужно ли его учить? Обязательно нужно: изучая другой язык, вы получите уникальную возможность выйти за границы своего языкового видения мира, посмотреть на свой собственный язык как бы со стороны и лучше понять его. Великий немецкий поэт и просветитель Гёте заметил: «Кто не знает ни одного чужого языка, не знает и своего собственного».

Чем больше языков человек знает и чем лучше ими владеет, тем богаче его внутренний мир. Ведь каждая культура, каждый язык содержит что-то своё, уникальное. Многие понятия и смыслы так и останутся навсегда неизвестными, если не откроются через другой язык. Древнеримский историк и писатель Квинт Энний Тацит говорил, что у него три сердца, или три души, потому что он умеет говорить по-гречески, по-оскски и по-латыни. А известное латинское изречение звучит ещё категоричнее: *Quo linguis quis calet, tot homines valet* — «Сколько языков знаешь, стольких человек стоишь».



Язык в действии



ЯЗЫК В ОБЩЕНИИ

Язык — прежде всего средство общения. Общение наше, однако, происходит в разных местах, в разное время и с разными собеседниками. Легко заметить, что в зависимости от ситуации мы используем по-разному возможности языка. Одна из важнейших задач лингвистики — выяснить, как люди применяют язык в процессе общения, или, по выражению учёных, в процессе *коммуникации.* Языковед Григорий Осипович Винокур замечал, что кроме «анатомии» языка существует его «физиология», и изучать надо не только устройство языка, но и его употребление.

Использование языка зависит главным образом от *ситуации общения,* от его конкретных условий. Даже речь про себя тоже общение. Человек как бы одновременно исполняет две роли: партнёра, который говорит, и партнёра, который отвечает.

Особенно важна цель коммуникации, т. е. то, для чего мы собираемся общаться: чтобы сообщить что-то, попросить о чём-нибудь или просто провести время. За некоторыми целями общения в языке закреплены особые формы выражения. Например, приказы, распоряжения, просьбы обычно выражают с помощью повелительного наклонения: *Закрой дверь; Дайте, пожалуйста, килограмм муки.* Если цель — узнать у собеседника что-либо, то скорее всего используют вопрос: *Как пройти к кинотеатру? Ты не знаешь, где Серёжа?* Цель коммуникации определяет и подбор слов, и интонацию. Чтобы утешить маленького ребёнка, мы постараемся говорить тихим, мягким голосом, используя уменьшительно-ласкательные обращения: *«Тише, Танечка, не плачь/ Не утонет в речке мяч».*

Мы можем разговаривать друг с другом, а можем обмениваться письмами. Это две формы коммуникации (общения) — письменная и устная. Учёные заметили, что устная речь очень отличается от письменной. В разговоре многие слова мы можем опустить, заменить их жестами, выразить свои мысли и чувства с помощью интонации. В ситуации непосредственного устного общения можно сказать собеседнику: *Буду там* и указать кивком головы, где именно (например, во дворе). Но в записке придётся написать полностью: *Я буду во дворе.* И наоборот, речь человека, который вместо *Завтра в семь на Таганке* скажет в разговоре: *Я напоминаю тебе, что завтра в семь часов вечера я буду ждать тебя на станции метро «Таганская»,* покажется нам очень странной. Многие учёные даже считают, что существуют письменный и устный языки и что их системы очень сильно различаются.

Наша речь во многом зависит от того, с кем мы общаемся, каковы отношения между собеседниками: дружеские, родственные, нейтральные, официальные. Вряд ли к незнакомому человеку старше нас по возрасту мы обратимся на «ты» или скажем ему: *Здорово! Привет!* Такое поведение не соответствует условиям общения, оно нарушает принятые нормы речевого этикета. Это ещё один очень важный параметр ситуации — характер отношений между партнёрами коммуникации.

Имеют значения также время и место коммуникации. Жизнь человека распадается на будни и праздники, на работу и отдых: «Делу — время, потехе — час». Каждый из этих временны́х отрезков тесно связан с определёнными событиями и возможными типами бесед. О чём, например, будут говорить школьные приятели за праздничным столом в день рождения одного из них? О разном, конечно. Но вряд ли разговор зайдёт об уроках, которые заданы на завтра, в подобной обстановке он неуместен. Про человека, который всё-таки заведёт о них речь, скажут: «Зануда». Однако эта же тема вполне естественна на занятиях в школе. Вспомните известное выражение: «Не время и не место говорить об этом». Значит, каждый из носителей языка интуитивно ощущает, как зависят тема и характер общения от времени и места, в которых оно происходит.

Конечно, речь во многом зависит от темы общения. Серьёзный разговор на важную для собеседников тему вряд ли будет вестись с шутливыми интонациями. И наоборот, во время непринуждённой беседы на легкомысленные темы вполне уместны раскованное речевое поведение, шутка и игра.

Таким образом, ситуация общения влияет на то, ка́к мы говорим. Если даже один из параметров ситуации (партнёры, цель, форма общения — письменная или устная, время и место общения) изменится, речевые средства будут использоваться по-другому.

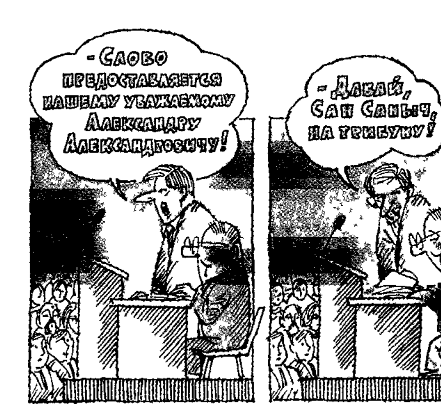
Знаменитый гоголевский герой Павел Иванович Чичиков, отличаясь удивительным умением подстраиваться под собеседника, букваль-

но очаровал всех губернских чиновников и их жён. Даже угрюмый Собакевич сказал о нём: «Преприятный человек». Эта способность Чичикова очень ярко проявляется в его речевом поведении. С сентиментальным Маниловым и его женой он чрезвычайно обходителен и велеречив. *«Сударыня! здесь, — сказал Чичиков, — здесь, вот где, — тут он положил руку на сердце, — да, здесь пребудет приятность времени, проведённого с вами!»* С «дубинноголовой» Коробочкой он не церемонится: *«Да не найдёшь слов с вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворняжка, что лежит на сене: и сама не ест, и другим не даёт»*. Торгуясь с Собакевичем, Чичиков расчётлив и осторожен: *«Моя цена! Мы, верно, как-нибудь ошиблись или не понимаем друг друга, позабыли, в чём состоит предмет. Я полагаю с своей стороны, положа руку на сердце: по восьми гривен за душу, это самая красная цена!»*. В этих случаях решающее влияние на речь Чичикова оказывает партнёр по коммуникации, тот, с кем он в данный момент разговаривает.

Совершенно особый тип коммуникации — публичная коммуникация. Публичная речь имеет свои особенности: она более строгая, официальная. Во время выступления человек более аккуратен в выражениях, произношение его более отчётливо. В непринуждённой обстановке, общаясь со знакомыми людьми, мы вполне можем обратиться к ним: *Марь Васильна! Сан Саныч!* Но объявляя имена выступающих на собрании (т. е. в более официальной, публичной обстановке), мы произнесём их иначе: *А сейчас перед вами выступит Мария Васильевна Иванова* или *Слово предоставляется Александру Александровичу Петрову*

Итак, речь человека меняется в зависимости от условий общения. Значит, наш язык как средство общения неоднороден, он функционально ориентирован. Лингвисты выделяют три основные функционально-речевые разновидности современного русского языка: *книжно-письменный язык*, *разговорный язык* (или *разговорная речь*) и *язык художественной литературы*.

Книжно-письменная речь — название условное. Она может существовать не только в пись-



менной, но и в устной форме. Именно на нормы книжно-письменного языка ориентировано любое устное официальное публичное выступление. Даже если разговаривают только два человека, но в официальной обстановке, разговор скорее всего будет происходить на книжно-письменном языке.

В непринуждённой (дружеской, домашней) обстановке обычно переходят на разговорную речь. Представьте, что вы слушаете по радио прогноз погоды. Диктор сообщает: *В последующие сутки ожидается переменная облачность. Возможны кратковременные осадки, температура от пяти до десяти градусов выше нуля.* Потом кто-то из друзей или домашних просит вас пересказать этот прогноз. Диалог будет примерно следующим:

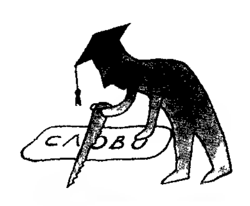
— *Ты погоду не слышал на завтра?*

— *Слышал. Ну, сказали, погода не очень. Дождик обещали. Правда, не на целый день.*

* * *

Письменный язык изучили гораздо лучше, чем разговорный. Разговорную речь лингвисты начали изучать сравнительно недавно. Живая речь оказалась и богаче, чем предполагали, и дальше от речи письменной. Многие её черты были совершенно неожиданными для учёных и породили новые вопросы.

Язык предоставляет нам все возможности, чтобы в любой ситуации полно и точно выразить свои мысли. Нужно только уметь этими возможностями пользоваться.

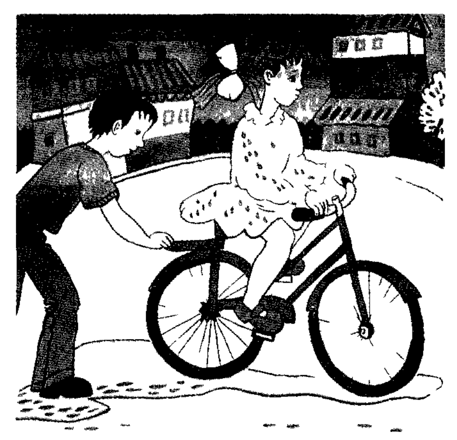


ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

ОБЩЕНИЕ И ЯЗЫК

«ДОБРОЕ СЛОВО И КОШКЕ ПРИЯТНО»

Часто говорят, что язык — средство общения, подразумевая под этим передачу сообщений. Но общение шире, чем просто обмен информацией. Вы помахали приятелю рукой — и он ответил тем же, погладили котенка — и он трется о ваши ноги. В обоих случаях состоялось общение, но что вы сообщили друг другу? Буквально ничего, разве что действиями дали понять о своем дружелюбном расположении. По мнению американского психолога Эрика Берна, взаимные «поглаживания» — необходимый элемент общения, равно как само общение — необходимый элемент человеческого (и не только человеческого) существования непро



Общение — это обмен действиями, поступками, жестами, словами

ста говорят, что «доброе слово и кошке приятно».

Общение — это обмен действиями: поступками (преподнесение подарка, угощение, подзатыльник или шлепок), жестами, словами. Слово значительно расширяет возможности общения. Оно позволяет не только удовлетворять любопытство, но и выражать отношение к собеседнику и к происходящему, высказывать свою волю, добиваясь её исполнения другим, т. е. осуществлять *речевое воздействие*. Язык даёт возможность выразить намерение или мысль более чётко, ясно и определённо, чем мимика или жест. Речевое общение — это типично человеческая деятельность.

В самом слове *общение* видна связь со словом *общий*. Действительно, в общении человек делится знаниями, мнениями, чувствами, желаниями — то, что было *моим*, делается *общим* для нас. Как говорил Альберт Эйнштейн, если у нас есть по яблоку и мы обменяемся ими, то у каждого останется по яблоку; если же мы обменяемся идеями, то у каждого станет по две идеи. В общении достигается определённая цель, некоторый общий результат. Общение не просто взаимодействие, но совместная деятельность — *кооперация* (от *лат.* cooperatio — «сотрудничество») для получения результата, которого трудно, а иногда и невозможно добиться в одиночку. В этом его смысл.

Усилиями собеседников всегда создаётся нечто новое: изменяется ситуация (допустим, вы попросили купить мороженое — и получили его), изменяются объём знаний или точка зрения (если общение было направлено на получение информации), делается новый шаг в развитии отношений (создаётся или укрепляется атмосфера доверия и взаимопонимания или же, напротив, отношения проясняются не в лучшую сторону). В первых двух случаях общение является лишь средством для другой деятельности, без него можно обойтись: мороженое нетрудно купить самому, получить необходимую информацию можно из книг. Только в последнем случае результат не может быть достигнут вне самого общения; такое общение ценно само по себе как самостоятельная деятельность.

Общение отнюдь не всегда обмен любезностями, взаимными «поглаживаниями», эмоциональная поддержка. Это могут быть и сухие «передачи»: вопрос — ответ, и пикировка — обмен «уколами», и словесное давление, агрессия. Всё зависит от целей собеседников, их взаимоотношений, ситуации общения.

Общение успешно, когда усилия собеседников направлены к одной цели. Обычно её задаёт тот, кто начинает разговор. Его собеседник может действовать в соответствии с целью инициатора, подчиняясь его воздействию, что хорошо видно в примерах из книги Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес»: Королева *«обернулась к Алисе и спросила:*

— Как тебя зовут, дитя?

— Меня зовут Алисой, с позволения Вашего Высочества, — ответила Алиса учтиво».

Но собеседник может использовать и стратегию противодействия:

«— А это кто такие? — спросила Королева, указывая на повалившихся вокруг куста садовников...

— Откуда мне знать, — ответила Алиса, удивляясь своей смелости. — Меня это не касается.

Королева побагровела от ярости...».

Стратегия противодействия — отказ подчиниться воздействию, срыв навязанного плана. В результате общение оказывается неуспешным для инициатора.

Принцип кооперации — содействие общению — не следует смешивать с вежливостью или благожелательностью. Если стратегическая цель начинающего разговор — добиться ссоры, высказывая агрессию, то успешным общение будет, если и другой собеседник настроен агрессивно: такая позиция содействует общению (хотя в итоге может привести к разрыву отношений). Отказ реагировать на провокацию — в данном случае лучшая стратегия противодействия. Вежливость здесь — средство, нарушающее нежелательную кооперацию, а не поддерживающее её.

Основная цель общения — речевое воздействие на собеседника. Это воздействие может быть явным и весомым (когда отдаётся приказ или задаётся вопрос), но оно происходит и в случае, когда реплика содержит просто сообщение: без ответной реакции она как бы повисает в воздухе,

Добиться ссоры тоже может быть целью общения

создавая напряжённость, разрядить которую может слово.

За речевым действием — *акцией* всегда следует *реакция.* Последовательность акции и реакции образует *акт речевого взаимодействия,* элементарный диалог. Если цель инициатора общения не достигается в этом акте, продолжается обмен речевыми действиями. При этом инициатива может переходить от одного собеседника к другому, так что реакция в одном акте общения может оказаться акцией в следующем — так создаётся цепочка согласованных действий собеседников, диалог, текст. Диалог завершается, когда, по мнению обоих собеседников, его цель достигнута. Развитие диалога иллюстрирует пример из сказки «Алиса в Стране Чудес». Алиса должна найти дорогу в Стране Чудес. Она спрашивает у Чеширского Кота:

«— Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?

— А куда ты хочешь попасть? — ответил Кот.

— Мне всё равно... — сказала Алиса.

— Тогда всё равно, куда и идти, — заметил Кот.

— ...Только бы попасть куда-нибудь, — пояснила Алиса.

— Куда-нибудь ты обязательно попадёшь, — сказал Кот. — Нужно только достаточно долго идти».

Алиса, рассчитывавшая на более конкретный совет, вынуждена сменить тактику:

«— А что за люди здесь живут? — спросила она».

Получив информацию, она на её основе принимает решение. При этом Коту удаётся на время завладеть разговором. Общение завершается, когда оба — и Алиса, и Кот — удовлетворяются достигнутым результатом.

В общении собеседники обмениваются действиями. Может показаться странным отнесение высказываний к действиям. В самом деле, высказывание вроде бы пустой звук, сотрясение воздуха. Неспроста слово противопостав-

НЕВЕЖЛИВАЯ ГУСЕНИЦА

Кроме принципов кооперации в общении должен соблюдаться и принцип вежливости: не навязывать своего мнения собеседнику; оставлять возможность выбора; не хулить других; отстранять от себя похвалы; избегать возражений; выказывать благожелательность к собеседнику и прочее. Требования вежливости не строги, но следование им позволяет избежать конфликтов. В то же время, если слишком скрупулёзно их выполнять, это может приводить к нелепым ситуациям, когда каждый готов перещеголять другого в вежливости (вспомните Чичикова с Маниловым в дверях дома).

Принципы кооперации и вежливости позволяют говорящему выразить коммуникативное намерение косвенным образом, не оказывая слишком явного давления на собеседника. Предполагается, что тот в состоянии уловить истинный смысл высказывания. В диалоге: *Хорошо бы выпить чаю. — Буфет на втором этаже ещё не закрылся,* ответная реплика может быть не только напоминанием или советом. В определённой ситуации (в ответ на скрытую просьбу об угощении) она может быть вежливым отказом.

Все эти условности общения делают возможным двоякое толкование высказываний (буквальное или глубинное), хотя говорящий обычно рассчитывает на глубинное понимание. Буквальное толкование при этом оказывается недостаточно вежливым и порождает так называемые коммуникативные неудачи.

Двусмысленные ситуации общения остроумно обыгрывает Л. Кэрролл в сказке «Алиса в Стране Чудес». Алиса, которую учили правилам вежливого общения, порой сталкивается с собеседниками, понимающими всё буквально.

Так, фразы с *видите ли* обычно предваряют объяснение, оправдание и рассчитаны на сочувственное внимание. Однако их внешняя вопросительная форма может вызвать формальный отрицательный ответ.

«— Что это ты выдумываешь? — строго спросила Гусеница. — Да ты в своём уме?

— Не знаю, — отвечала Алиса. — Должно быть, в чужом. Видите ли...

— Не вижу, — сказала Гусеница».

Словом *знаете* часто начинают признания. Алиса, ожидая участия, признаётся Гусенице:

«— ...знаете, так неприятно все время меняться...

— Не знаю, — отрезала Гусеница».

Условные формы выражения определённых скрытых смыслов закрепляются в нормах речевого взаимодействия, которые могут различаться в разных языковых сообществах. Так, в английском языке утверждения, начинающиеся со слова *please* («пожалуйста»), нормально трактуются как просьбы. Например, фраза *Please, it's cold in here* (буквально «Пожалуйста, в доме холодно») может в определенной ситуации означать просьбу закрыть окно. Утверждения, начинающиеся со слова *here* («вот», «здесь»), имеют смысл просьбы или предложения, например в диалоге:

— Here, I need a stick («Эй, мне нужна палка»).

— Here, that's no way to take down the cat from the tree («Послушай, таким способом не снять кошку с дерева»), т. е. предлагается помощь. Другой возможный ответ: *Here you are* («Вот, пожалуйста»; буквально «Вот ты здесь»). Без слов *please, here* эти фразы были бы двусмысленны. Значение обращения к собеседнику имеет сочетание *I say!* (буквально «Я говорю», т. е. «Послушай!») в начале любого высказывания.

ляется делу, как безделье — труду: «*Много говорит, да мало делает*»; «*Языком и лаптя не сплетёшь*»; «*Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается*». Однако есть и другие истины: «*Язык царствами ворочает*»; «*Язык — стяг, дружину водит*»; «*Мал язык — горами качает*». В них отмечена действенная сила, заключённая в слове. На самом деле, как реально осуществляется любое управление, любая власть? Сила — скорее условие, обеспечивающее власть, чем каждодневный способ её осуществления. А обычный способ — это речь, слово, царский (президентский) указ, командирский приказ, отцовский наказ...

Не только в императивах проявляется действенная сила слова. Даже простое приветствие — социально значимое действие: не поздороваться со знакомым — значит нанести ему обиду. Напротив, приветствие создаёт благожелательную атмосферу. Существует целый класс подобных высказываний, «творящих ситуацию», в отличие от других, «описывающих ситуацию». Исследованием высказываний в этом аспекте занималась теория речевых актов, разработанная в английской лингвистической философии в 60-х гг. XX в.

В отечественной науке разработка теории высказывания связана с именем выдающегося мыслителя Михаила Михайловича Бахтина. Его положения были развиты в современной лингвистике текста, исследующей те свойства высказывания, которые делают его текстом определённого жанра, — смысловую цельность, воплощающую его замысел, структурную связность и завершённость.

ТЕОРИЯ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

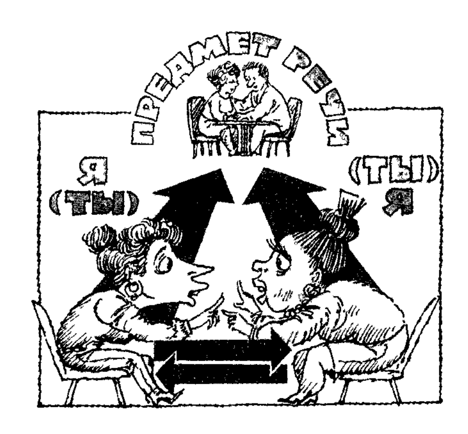
Изучение речевой деятельности в отечественной лингвистике привело к созданию в 70-х гг. XX в. *теории речевой коммуникации*. На место акта речи она поставила более широкое понятие акта коммуникации, учитывающее как достижения психологии, так и теории информации.

В лингвистике наиболее известна схема речевого акта, предложенная Р. О. Якобсоном. Она включает следующие основные компоненты:

Контекст
Сообщение
Говорящий ⟹ Слушающий
Контакт
Код

Под контекстом понимается обстановка, в которой производится высказывание (допустим, официальное собрание, дружеская встреча, семейный обед); контакт предполагает возможность не только устной, но и письменной коммуникации; код подразумевает язык (или речевую разновидность), на котором производится высказывание.

Теория речевой коммуникации учитывает прежде всего то, что коммуникация — это не передача информации, а обмен информацией между собеседниками. В процессе коммуникации они поочерёдно меняются ролями (*я* — говорящий, *ты* — слушающий), высказываясь об общем предмете разговора. Это можно представить примерно так:



Стрелочками обозначены элементарные действия: речевое воздействие на собеседника и собственно сообщение. Оба они, как правило, содержатся в высказываниях, одно определяет конкретную цель сообщения, другое воплощает его стратегическую цель, заставляя собеседника реагировать, а инициатора — признать себя удовлетворённым общением. Так получаются элементарные диалоги, акты речевого взаимодействия — те «кирпичики», из которых строится общение.

Иногда в высказывании на первый план может выступать не воздействие или сообщение, а самовыражение говорящего, его способ речевого поведения (допустим: выказать себя остряком или молчуном, спонтанно выразить свои чувства — возмущение, радость, досаду).

В составе высказывания выделяются компоненты, соответствующие этим трём составляющим (речевому воздействию, сообщению, самовыражению); так, для речевого воздействия используются особые метатекстовые конструкции типа обращений, вставочных элементов *(знаешь, понимаешь)*, грамматических

Социальное воздействие.

Волеизъявление.

Информирующее воздействие

Оценочное воздействие

конструкций (повелительное наклонение), интонаций, характеризующих тип воздействия.

Вот пример диалога из сказки Кира Булычёва о другой Алисе (которой тоже довелось уменьшаться и увеличиваться, как её английской тёзке). Бабушка спрашивает:

«— Алиса, девочка! Почему так долго?

— Бабушка, — сказала Алиса самым нежным из голосов, которыми владела, — миленькая, мне придётся на часок задержаться. Я полечу следующим рейсом!

— Этого ещё не хватало! — возмутилась бабушка. — А что я скажу твоим родителям?

— Ты ничего не успеешь сказать, как я уже приду домой».

Бабушка тревожится, она хочет заставить Алису вернуться; Алиса в свою очередь хочет успокоить бабушку, но возвращаться не хочет. Её цель — убедить бабушку с этим согласиться. В арсенале бабушки речевые воздействия — вопросы, она требует объяснений; Алиса в ответ сообщает о своих намерениях, но её сообщения имеют характер уверений, обещаний. Способ воздействия не прямой, но всем известный: Алиса подлизывается (используя и паралингвистические средства — «самый нежный из голосов»). Бабушка возмущается, реплика *«Этого ещё не хватало!»* — спонтанное выражение её эмоций, но это тоже косвенный способ воздействия на Алису.

Речевые действия различаются по характеру своего воздействия на собеседника

Социальные воздействия — это такие принятые в обществе речевые действия, как приветствия, прощания, благодарности, поручительства, обязательства, клятвы, присяги, посвящения, постановления, завещания, помолвки, молитвы, заклинания и др. В них не происходит передачи информации. Волеизъявления — просьбы, приказы, советы, вопросы, разрешения, отказы, предложения — побуждают собеседника действовать в соответствии с волей и желанием говорящего. Информирующие речевые действия — это сообщение, предупреждение, доклад, рассказ, объяснение и др. Действия этого типа не обладают большой силой, но могут быть использованы для косвенного выражения других видов воздействий. Например, *Я бы выпил чаю* — косвенная просьба в отличие от прямого волеизъявления *Дайте мне чаю.* К оценочным воздействиям относятся похвала, одобрение, оправдание, порицание, осуждение, упрёк, обвинение. Они направлены в основном на чувства собеседников.

Речевые воздействия описывают диалогическое общение наиболее полно (возможен беспредметный диалог. *Привет! — Привет!;* не всегда важен и способ самовыражения, но без речевого воздействия диалог невозможен, он рассыпается).

НА ПУТИ К ЕДИНОЙ ТЕОРИИ

Описание речевого общения имеет и другую широкую перспективу: создание единой теории коммуникации. Такая задача намечена, в частности, в работах Романа Якобсона и французского исследователя Жака Дюрана. Общая теория коммуникации должна объединить опыт различных наук: семиотики, лингвистики, социологии, психологии, экономики, информатики.

Областью исследования должны стать различные формы коммуникации: языковые и паралингвистические (мимика, жесты) системы межличностного общения, язык животных, формы коммуникации в области культуры (литература и искусство), средства массовой коммуникации, телекоммуникация (двусторонняя связь на расстоянии). Интересны и гипотетические коммуникации: телепатия (прямая коммуникация между двумя сознаниями), диалог с животными или

растениями, связь с представителями внеземных цивилизаций или потусторонней жизни.

Задачами исследования могут быть описание различных кодов, коммуникативных эффектов, целей и средств разных форм коммуникации; проблемы изучения коммуникативных сетей, разработка количественных и качественных методов анализа сообщений; проблемы кодирования и декодирования, сохранения информации.

Разработка общей теории коммуникации — перспективная задача XXI столетия.

ВЫСКАЗЫВАНИЕ И ДИАЛОГ

ТОЧНО В ЦЕЛЬ

В сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» есть любопытный эпизод.

«*— Этой ужасной минуты я не забуду никогда в жизни! — сказал Король.*

— Забудешь,— заметила Королева, — если не запишешь в записную книжку».

Король хочет поделиться сильными переживаниями по поводу того, что с ним произошло, а Королева понимает его высказывание как обязательство не забывать происшедшее и даёт совет, как лучше выполнить это обещание. Хотя Король, похоже, предпочёл бы как раз поскорее всё забыть.

Всякое действие имеет какую-то цель. Когда человек говорит — это тоже действие (речевое) и у него есть своя цель: что-то сообщить *(На улице холодно)*, о чём-то спросить *(Какой сегодня день недели?)*, предложить *(Давайте пойдём в кино!)*, приказать *(Иди сюда!)*, посоветовать *(Ты бы отдохнул)*, восхититься *(Как красиво!)* и т. д.

Цель, ради которой совершается речевое действие, называют *коммуникативным намерением*. Чтобы добиться цели, т. е. реализовать своё коммуникативное намерение, говорящий строит *высказывание*. Для построения высказывания в языке существует специальная единица — предложение. Но, во-первых, высказывание не всегда бывает оформлено в виде предложения (высказаться можно, например, жестом), а во-вторых, смысл высказывания шире смысла предложения, ведь он включает коммуникативное намерение. Поэтому в одном и том же предложении могут совпадать разные по цели высказывания, т. е. разные *речевые акты*. Так, предложение *Ружьё заряжено* может выражать и предупреждение 'Будь осторожен, обращаясь с ним', и угрозу 'Моё ружьё заряжено, и я могу выстрелить'.

И наоборот: одно и то же (или почти одно и то же) намерение может быть выражено разными предложениями. Можно попросить о помощи не только словами *Помоги(те) мне, пожалуйста!*, но и множеством других: *Я хотел бы, чтобы ты мне помог; Будет хорошо, если ты мне поможешь!; Ты мне поможешь?; Не могли бы вы мне помочь?; Не можешь ли ты мне помочь?; Почему бы тебе мне не помочь!; Что ты скажешь, если я попрошу тебя мне помочь?; Можно попросить тебя мне помочь?* и т. д.

Уже в античных грамматиках выделялись три типа предложений по цели высказывания (правильнее — три грамматических класса высказываний): *утвердительные* высказывания, или сообщения, получающиеся из предложений с изъявительным (реальным) наклонением глагола; *вопросительные* — из предложений с вопросительными словами и частицами (в русском языке вопрос может быть выражен только особой вопросительной интонацией: *Ваня уже пришёл?*) и *побудительные*, в которых есть глагол в повелительном наклонении. Конечно, возможных целей высказывания, как мы уже видели, гораздо больше, но не все они имеют собственные, закреплённые за ними способы выражения.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ВЫСКАЗЫВАНИЕ

Известный филолог Михаил Михайлович Бахтин писал: «Только высказывание имеет непосредственное отношение к действительности и к живому говорящему человеку. В языке только потенциальные возможности (схемы) этих отношений... Только высказывание может быть верным (или неверным), истинным, правдивым (ложным), прекрасным, справедливым... Предложение как единица языка, подобно слову, не имеет автора. Оно ничьё, как и слово, и, только функционируя как целое высказывание, оно становится выражением позиции индивидуального говорящего в конкретной ситуации языкового общения».

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ

Предложения *Каспарова обыграла машина* и *Машина обыграла Каспарова* различаются не только порядком слов и интонацией, но и по смыслу В первом случае речь идет о Каспарове, а во втором — о машине, хотя в обоих случаях *машина* — подлежащее, а *Каспаров* — дополнение. Дело в том, что кроме грамматического членения — на подлежащее и сказуемое — в предложении есть еще так называемое *актуальное членение*. Части, которые получаются при актуальном членении, называют иногда логическим (или психологическим) субъектом и предикатом, но сейчас их чаще называют темой и ремой.

Некоторые лингвисты считают, что актуальное членение, так же как и коммуникативное намерение, есть только у высказывания. Но как тогда быть с предложением? Ведь нельзя же сказать, что наши два примера — это одно и то же предложение! Не может быть предложения без всякого порядка слов, и интонационные различия могут давать разные предложения; например, *Ваня уже пришел?* и *Ваня уже пришел*. Видимо, актуальное членение есть и на уровне предложения. Конечно, в контексте речевого акта, в конкретной речевой ситуации, оно может уточняться и корректироваться.

Смысловые различия, которые могут передаваться актуальным членением, довольно разнообразны. Предложение *В Австрии говорят на немецком языке* описывает истинный факт, а вариант с другим актуальным членением *На немецком языке говорят в Австрии* вводит нас в заблуждение, поскольку заставляет предположить, что на немецком языке говорят только в Австрии

Еше пример: в предложении *Он вырос в деревне* обстоятельство *в деревне* указывает на место, а в предложении *В деревне он вырос* — скорее на время, имеется в виду, что он вырос за то время, пока был в деревне И слово *вырос* понимается по-разному в первом случае оно значит «стал взрослым», а во втором — «подрос, стал выше ростом»

ВИЛЕМ МАТЕЗИУС

Вилем Матезиус (1882—1945), чешский лингвист, в 1926 г основал Пражский лингвистический кружок и возглавлял его до фашистской оккупации Чехословакии в 1939 г. Кружок объединял молодых чешских филологов, в основном его учеников. В него входили также эмигранты из России — Роман Осипович Якобсон, живший тогда в Чехословакии, и Николай Сергеевич Трубецкой, живший в Австрии в Вене. Вилем Матезиус и другие члены кружка, испытав влияние идей Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ и Фердинанда де Соссюра, разрабатывали так называемый *функциональный подход* к языку. Они утверждали, что необходимо изучать целевую направленность языка, то, для чего язык используется. Среди функций языка пражцы выделяли социальную функцию, связанную с общением людей, функцию выражения эмоций, поэтическую функцию, для которой существенно не то, что выражено, а то, как выражено одно или другое значение В. Матезиус занимался и сопоставительным изучением славянских языков между собой, выявляя типичные свойства каждого из них. Он является также основателем так называемой *теории актуального членения предложения* (сам термин принадлежит ему), в соответствии с которой предложение можно изучать с точки зрения соотношения новой для собеседника информации и информации, уже ему известной.

Вилем Матезиус

СКАЗАНО — СДЕЛАНО

Совсем недавно был открыт очень интересный тип предложений, который, впрочем, существует столько, сколько существует сам человеческий язык. Как правило, произнося предложение (допустим, *Я пишу*), говорящий лишь описывает соответствующее действие, сообщает о нем, а не осуществляет его. Между тем сказать *Я прошу* уже значит осуществить действие — просьбу. Такие высказывания-действия английский философ Джон Остин назвал *перформативами* (от лат. performare — «осуществлять»). Высказывание *Обещаю тебе прийти ровно в семь* уже обещание; *Советую вам обратиться к врачу* — это совет. *Объявляю перерыв, Благодарю за внимание, Поздравляю с Новым годом, Желаю вам счастливого пути, Прошу прощения* — все это перформативы

Для образования таких высказываний служат особые — перформативные — глаголы Их довольно много в любом языке (в английском насчитывается около 300 и в русском, наверное, примерно столько же). Все эти глаголы обозначают то или иное речевое действие, однако не всякий глагол со значением речевого действия — перформативный Например, высказывание *Я намекаю тебе, чтобы ты мне помог* вряд ли можно считать намеком, и оскорбить кого-то с помощью высказывания *Я тебя оскорбляю* тоже нельзя. Интересно, что из двух глаголов, близких по значению, один может быть перформативным, а другой — нет. Например, *обвинять, осуждать* — перформативы, а *упрекать, критиковать* — нет; *умолять* — перформатив, а *упрашивать* — нет; *уверять* — перформатив, а *убеждать* — нет.

Чтобы предложение с перформативным глаголом могло служить для осуществления соответствующего действия, глагол должен быть в 1-м лице настоящего времени: произнеся предложение *Мама попросила меня ей помочь*, нельзя, конечно, выразить просьбу. Вот что пишет об этом французский лингвист Эмиль Бенвенист: «Высказывание *Я клянусь* есть сам акт принятия на себя обязательства, а не описание выполняемого мною акта... Различие окажется заметным, если заменить *Я клянусь* на *Он клянется*. В то время как *Я клянусь* является обязательством, *Он клянется* — всего лишь описание того же рода, что и *Он бежит*, *Он курит*».

Значения перформативных глаголов очень разнообразны: это может быть оценка *(характеризовать, понимать как, интерпретировать)*, проявление власти *(назначать, голосовать, приказывать, советовать)*, обязательство *(приглашать, обещать, предлагать* (руку и сердце), *гарантировать, клясться)*, социальное действие *(извиняться, поздравлять, приветствовать, протестовать)*, реакция на другое высказывание *(отвечать, допускать, отрицать, спрашивать, соглашаться)*.

Не всегда высказыванию-действию соответствует определенный перформативный глагол. Например, есть такое речевое действие — угроза: *Ты еще за это поплатишься!* Угроза похожа на обещание и отличается от него только наличием у говорящего злой воли. Но глагол *угрожать* в отличие от *обещать* неспособен к перформативному употреблению. Нельзя сказать *Я угрожаю тебе* и этим пригрозить — глагол *угрожать* может быть использован только при пересказе разговора *(Он угрожал мне)*. Не существует и перформативного глагола, который соответствовал бы действию 'восхищение' (высказывания типа *Какой у нее голос!*).

Дело в том, что у перформативных высказываний есть интересная особенность. Обычное высказывание, утвердительное по форме (не вопросительное и не повелительное), может быть истинным или ложным. Например, человек может сказать кому-то по телефону, что читает научную книгу, когда на самом деле решает кроссворд. Бывает (к сожалению) и так, что человек говорит *Я огорчен*, хотя на самом деле втайне рад неудаче ближнего, или *Я восхищен*, хотя в действительности совершенно равнодушен. Если я говорю про кого-то *Он жулик*, истинность или ложность этого высказывания требует проверки. Но высказывание *Я утверждаю, что он жулик* истинно просто потому, что оно имело место (имеется в виду не тот факт, что он является жуликом, а то, что я это утверждаю). Если человек говорит *Обещаю тебе прийти в семь*, а сам понимает, что не успеет раньше, чем к девяти, он не лжет — он действительно пообещал, обещание состоялось. Он просто говорит неискренне. Перформативное высказывание не может быть истинным или ложным, оно может быть только искренним или неискренним.

Произнося высказывание со словом *обещаю*, говорящий связывает себя обязательством в большей степени, чем если бы он выразил ту же идею, не употребив перформативного глагола. Эту разницу использует ребенок в следующем диалоге:

— Почему ты не убрал игрушки, ты же обещал?

— Я сказал, что уберу, но я не обещал.

Итак, отношения между высказыванием и выражающим его предложением довольно сложны. Как же нам удаётся определить цель высказывания, если по форме предложения этого не сделаешь? Не можем же мы «заглянуть» в сознание говорящего и «увидеть» там его коммуникативное намерение? Оказывается, цель говорящего можно определить по ожидаемой реакции собеседника на его слова. Правильной реакцией на вопрос (просьбу предоставить информацию) будет ответ (предоставление информации), ожидаемая реакция на побуждение — действие (а не продолжение разговора), наконец, на сообщение — подтверждение, что оно принято к сведению. В общении люди легко и точно определяют коммуникативные намерения своих собеседников, даже если цель высказывания не выражена прямо формой предложения, и реагируют в соответствии с ними. Всем ясно, что вопрос обычно требует ответа; однако на вопрос *Вы не могли бы передать мне соль?* нельзя ответить *Мог бы* — говорящий ожидает от своего адресата действия, а не слов. Ошибиться в определении коммуникативного намерения может разве что ребёнок, ещё не полностью овладевший правилами общения. Например, мальчик звонит на работу матери:

— Позовите, пожалуйста, Анну Ивановну!
— Она вышла, перезвоните попозже.
— Ладно.

Ребёнок отреагировал на высказывание *Позвоните попозже* как на просьбу; между тем ситуация требовала ответить не *Ладно!* (согласие выполнить просьбу), а *Спасибо!* (за совет).

Неправильное понимание коммуникативного намерения часто обыгрывается в анекдотах:

В три часа ночи стук в окно:
— Хозяева, дрова нужны?
— Нет, не нужны, какие дрова, ночь на дворе!
Утром встали — все дрова из сарая исчезли.

В этой истории хозяева поняли вопрос как предложение, а их собеседник (вряд ли по ошибке) истолковал отказ от предложения как ответ на вопрос.

В другом анекдоте говорящий облекает просьбу сначала в форму вопроса, потом — сообщения, но собеседник понимает его высказывания буквально, и только просьба, выраженная в форме повелительного предложения, достигает цели.

Диалог в автобусе:

— Вы сейчас выходите?
— Это не ваше дело.
— Но я выхожу!
— Это ваше дело.
— Так пропустите же меня!
— Это другое дело, так бы и сказали.

БЫВАЮТ И НЕУДАЧИ

Чтобы высказывание достигло своей цели, должны быть соблюдены некоторые условия. Например, у вопроса как речевого акта есть четыре так называемых *условия успешности:* предполагается, что говорящий не знает ответа; хочет знать ответ; адресат речи знает ответ; готов этим знанием поделиться.

Если какое-то условие успешности речевого акта нарушено, говорящего постигнет *коммуникативная неудача.* Например, он не получит ответа на свой вопрос. Так, в диалоге из кинофильма «Берегись автомобиля» адресат косвенным образом даёт понять, что не знает ответа (нарушено третье условие успешности речевого акта вопроса):

«— Почему он привязался именно к вашей машине?
— Вы меня спрашиваете?».

Гоголевский Чичиков пытается узнать у Собакевича, где живёт Плюшкин, но его ждёт коммуникативная неудача, так как не соблюдено четвёртое условие, т. е. адресат не хочет сообщать нужную информацию:

«— Но если выехать из ваших ворот, это будет направо или налево?
— Я вам даже не советую и дороги знать к этой собаке!».

Пример из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»:

«Фамусов. *Что за история?*
Софья. *Вам рассказать?*».

Фамусов задаёт вопрос — значит, хочет знать ответ (второе условие). Софья своим вопросом подвергает это сомнению.

Вопросы, в которых нарушено первое условие («говорящий не знает ответа»), называются *экзаменационными.*

Речевой акт побуждения будет успешным при условии, что адресат способен выполнить действие, к которому его побуждают. Ещё в одном диалоге из сказки Л. Кэрролла Алиса сообщает, что никак не может выполнить пожелание Мартовского Зайца:

«— Выпей ещё чаю, — сказал Мартовский Заяц, наклоняясь к Алисе.
— Ещё? — переспросила Алиса с обидой. — Я пока ничего не пила».

Свои условия успешности есть и у речевого акта утверждения. Пример, который их демонстрирует, известен в науке под названием «парадокс Мура» (Джордж Эдуард Мур — английский лингвист; 1873—1958). Можно сказать: *Она красива, но Джон так не считает;* но нельзя *Она красива, но я так не считаю.* Возникает

противоречие, потому что высказывание *Она красива* само по себе содержит смысл 'Я так считаю'.

Коммуникативная неудача может постигнуть говорящего из-за того, что он и слушатель вкладывают разный смысл в одни и те же слова. Вновь обратимся к «Алисе в Стране Чудес»:

«— Сними свою шляпу, — сказал Король Болванщику.

— Она не моя, — ответил Болванщик».

В результате Болванщик всё последующее время продолжает сидеть в шляпе — Короля постигла коммуникативная неудача.

ПОСТУЛАТЫ КОММУНИКАЦИИ

Как правило, участники речевой коммуникации имеют общую цель — достичь взаимопонимания. Это один из основных принципов общения, который получил название *принципа кооперации*. Из этого принципа американским логиком П. Грайсом были выведены универсальные постулаты коммуникации, своего рода правила эффективного общения.

Постулаты делятся на четыре группы: постулаты информативности («твоё высказывание должно быть достаточно информативным»); постулаты истинности («не говори того, что ты считаешь ложным»; «не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований»); постулат релевантности («говори то, что в данный момент имеет отношение к делу»), постулаты ясности выражения («избегай неоднозначности»; «будь краток»).

Коммуникативные постулаты, своеобразные правила игры, позволяют говорящему вкладывать, а слушающему извлекать из высказывания большее содержание, чем в нём непосредственно выражается. Заключения, которые делает слушающий, исходя из того, что говорящий соблюдает принцип кооперации, называются *импликатурами* (от *лат.* implicatio — «сплетение», «переплетение»).

В фильме «Берегись автомобиля» милиционер спрашивает у водителя, выехавшего утром на немытой машине. «*Скажите, вы сами по утрам умываетесь?*». Фактически он предъявляет водителю обвинение: «У вас немытая машина», и это коммуникативное намерение адресат легко вычисляет именно с помощью постулатов общения. Постулаты общения позволяют понять в соответствующей ситуации высказывание *Здесь душно* как просьбу открыть окно, и крик *Машина!* как предупреждение: «Осторожно, тебя может сбить машина!».

Говорящий может сознательно использовать какой-либо коммуникативный постулат, чтобы передать смысл в завуалированной форме и заставить слушающего вывести её в качестве импликатуры.

Так, например, если профессор в рекомендации своему ученику, претендующему на место на кафедре философии, ограничивается упоминанием, что тот хорошо владеет английским языком и регулярно посещал семинары, адресат этой рекомендации без труда сделает заключение (выведет импликатуру): профессор о студенте невысокого мнения, однако говорить открыто об этом не хочет. Этот вывод основан на нарушении постулата информативности и постулата релевантности.

Многие подобные примеры используются в различных фигурах речи (см. статью «Язык создаёт красоту»). Так, в тавтологических высказываниях типа *Закон есть закон, Женщина есть женщина* тоже нарушен постулат информативности (при буквальном понимании они бессмысленны). Это заставляет слушающего искать какой-то другой способ их осмысления, и он находит его в дополнительных неявных компонентах, входящих в значение слов. Для слова *закон* это будет что-то вроде 'его надо выполнять', для слова *женщина* — 'ветреное, легкомысленное, слабое существо'.

Ирония, метафора, гипербола, литота — все эти приёмы переосмысления порождают ситуацию, когда очевидная ложность прямого смысла высказывания, т. е. нарушение постулата

истинности, заставляет слушающего искать в высказывании скрытый смысл Например, в каламбуре говорящий эксплуатирует постулат ясности («будь однозначен»), намеренно создавая неоднозначное высказывание. Высказывание, допускающее одновременно несколько осмыслений, является аномальным; назначение такого высказывания не в том, чтобы выразить какой-либо из его смыслов, а в том, чтобы создать эффект языковой игры.

ДИАЛОГ

Наиболее полно язык обнаруживает своё назначение как средства коммуникации в *диалоге* (от *греч.* «dialogos») — разговоре двух или нескольких лиц.

Говорящий и слушающий в диалоге то и дело меняются ролями. Реплики в нём связаны между собой: за вопросом должен следовать ответ; на побуждение можно ответить согласием или несогласием совершить действие; на приветствие — также приветствовать, для этикетных высказываний (благодарностей, извинений, поздравлений и т. п.) тоже предусмотрены определённые ответные реакции.

Нередко более удобным способом выразить коммуникативное намерение является *косвенный речевой акт*, т. е. такой речевой акт, в котором цель высказывания не совпадает с формой предложения. Особенно часто косвенным речевым актом выражают побуждение, прежде всего вежливое. Попросить что-либо можно с помощью вопросительного предложения: *Нет ли у вас спичек?; Не найдётся ли у вас спичек?* Высказывания с косвенно выраженным коммуникативным намерением часто получаются из предложений со словами *зачем* и *почему: Зачем ты открыл форточку? Простудишься!* или *Почему ты так со мной разговариваешь?* Это не вопросы, а выражения протеста, несогласия.

Косвенный речевой акт часто используется, чтобы выразить возражение или отказ выполнить просьбу. Например, в диалоге из пьесы Оскара Уайльда «Идеальный муж»:

«Леди Чилтерн. *Роберт неспособен на опрометчивый поступок.* <...>

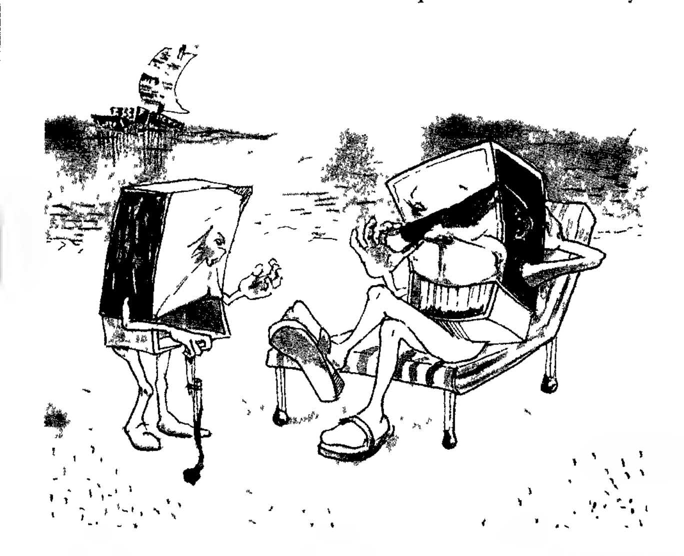
Лорд Горинг. *Всякий способен на опрометчивый поступок*».

Ответная реплика воспринимается как возражение: если всякий способен, значит, и Роберт способен.

В «Моцарте и Сальери» А. С. Пушкина Сальери, тоже прямо не возражая, подвергает сомнению утверждение Моцарта косвенно:

«Моцарт. *А гений и злодейство — две вещи несовместные.* <...>

Сальери. *Ты думаешь?* (Бросает яд в бокал Моцарта)».



НЕКОТОРЫЙ

Слово *некоторый* в русском языке служит почти общепринятой условностью для выражения намека на участников диалога или близких к ним лиц:

«— Да, однако же, нашлись ***некоторые*** *дамы, которые были неравнодушны к нему.*

— Я, Анна Григорьевна? Вот уж никогда вы не можете сказать этого, никогда, никогда!» (Н. В. Гоголь. «Мёртвые души»).

ПРОСЯТ ИЛИ ПРЕДЛАГАЮТ?

Непрямые средства выражения коммуникативного намерения в разных языках различны. В английском языке вопрос *Have you got a match?* выражает побуждение. А в русском фраза *У вас есть спички?* имеет два смысла — либо говорящий хочет попросить спички, либо предложить вам, и только предложение с отрицанием *У вас нет спичек?,* произнесённое с вопросительной интонацией и ударением на *нет,* однозначно понимается как просьба.

В недавнюю эпоху всеобщего дефицита одной хозяйке задали по телефону вопрос: *У тебя есть дрожжи?* Женщина оказалась в затруднении, поскольку было неясно, должна ли она реагировать на это высказывание как на предложение (взять дрожжи) или как на просьбу (дать их).

Ответная реплика диалога *Тит, иди молотить! - Брюхо болит* выражает отказ выполнить побуждение в косвенной форме, хотя упоминается лишь причина отказа Косвенным образом выражен отказ от ответа и в диалоге из кинофильма «Берегись автомобиля»: *«Куда ты идешь? — Мама, мне уже тридцать шесть!»*.

В связном диалоге смысл предложения взаимодействует не только со смыслом предыдущего предложения, но и с коммуникативным намерением предыдущего высказывания, в частности с условиями его успешности: *Что они делают? — Переставляют книги. — Зачем? — Я* ***тоже*** *этого не знаю.* Слово *тоже* — реакция говорящего на условие успешности вопроса («спрашивающий не знает ответа»)

В классических образцах несвязного диалога нарушено в том числе согласование коммуникативных намерений: *Здорово, кума! — На рынке была. — Али ты глуха? — Купила петуха* (сообщение вместо ответного действия)

Диалог представляет собой своего рода совместную деятельность участников, имеющих некоторую общую цель. Нормальный диалог предполагает соблюдение *принципа кооперации:* каждый из участников хочет понять коммуникативное намерение другого При этом несоблюдение какого-либо из постулатов общения ещё не означает провала коммуникации как мы видели, часто непрямой способ выразить свою мысль или коммуникативное намерение является более удобным или даже общепринятым (например, при выражении отрицательного мнения, побуждения или отказа) «Кооперативный» слушатель должен распознать это намерение и правильно отреагировать Если он этого сделать не может или, чаще, не хочет, говорящий терпит коммуникативную неудачу В известном анекдоте заблудившиеся воздухоплаватели на свой вопрос: «Где мы находимся?» получают ответ «На воздушном шаре» Вообще, как выясняется, без соблюдения принципа кооперации язык практически не способен служить средством общения. Построить высказывание, которое можно было бы понять только единственным образом, почти невозможно Поэтому вычислять намерения приходится слушателю.

* * *

Один из крупнейших исследователей диалога филолог и философ Михаил Михайлович Бахтин писал о диалогичности, неотъемлемо присущей человеческому миру· «Всё — средство, диалог — цель. Два голоса — минимум жизни, минимум бытия»

ВАЖНО НЕ ПЕРЕСТАРАТЬСЯ

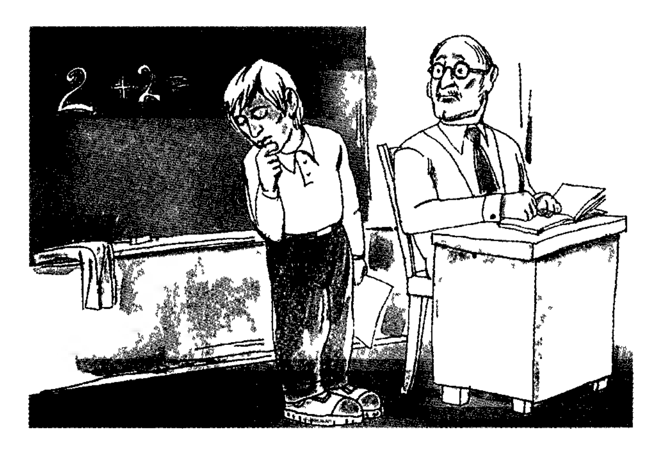
Человеческое общение в значительной степени опирается на принцип кооперации и коммуникативные постулаты. Так, нормальным ответом на вопрос *Вы не знаете, который час?* должно быть указание времени. Ответ *Знаю* грамматически безупречен, но некооперативен: коммуникативное намерение спрашивающего — узнать время, и это намерение легко вычислить.

Однако слишком большая изощренность в вычислениях косвенного коммуникативного намерения тоже может привести к коммуникативной неудаче. Ваш собеседник может ошибиться потому, что действует по слишком стандартному сценарию. Скажем, на вопрос *Где здесь мебельный магазин?* вы рискуете получить ответ *Мебельный магазин закрыт* — в ситуации, когда мебельный магазин был нужен вам лишь как географический ориентир.

Довольно часто вопрос задают так, что его принимают за осуждение: *Почему ты его не позвал? — Если хочешь, позови сама. — Я не хочу, я спрашиваю.*

Удивление может быть принято за выражение недоверия: *Неужели так много? — Вы мне не доверяете?*

Импликатуры отличаются от сказанного явно тем, что говорящий в принципе всегда может от них отречься. В романе А. Лурие «Любовь и дружба» герой на просьбу женщины никому не рассказывать о некотором происшедшем событии отвечает: *«Джентльмен не рассказывает о таких вещах»*. Потом, когда выясняется, что он все-таки рассказал, оправдывается: *«Я никогда не говорил, что я джентльмен»*. Однако в таком случае его следует обвинить в неумении вести связный диалог: если он отрекается от этой импликатуры, его реплика в первом диалоге была бессвязна по отношению к просьбе женщины.



Если собеседник не может правильно отреагировать на намерение говорящего, говорящий терпит коммуникативную неудачу

В МИРЕ ТЕКСТОВ

ТЕКСТ И НЕТЕКСТ

Сравните два примера:

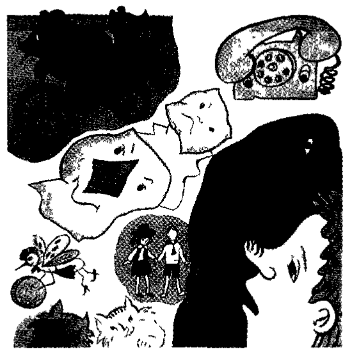
Дженни туфлю потеряла,
Долго плакала, искала.
Мельник туфельку нашёл
И на мельнице смолол.

Ехали медведи. Одеяло убежало, улетела простыня, и подушка, как лягушка, ускакала от меня. Муха, Муха-Цокотуха, позолоченное брюхо! Как у нашего Мирона на носу сидит ворона. У меня зазвонил телефон. Маленькие дети! Замяукали котята: «Надоело нам мяукать!».

Можно ли сказать, что в первом примере приведён текст? Вы скорее всего ответите — да. Почему? Потому, что он похож на другие тексты. Потому, что в нём есть законченная мысль. Потому, что предложения связаны друг с другом. Более того, это не просто текст, а стихотворение, в котором есть рифма. Можно вспомнить и имя автора стихотворения — Корней Иванович Чуковский. Итак, перед нами безусловно текст.

А второй пример? Вероятнее всего, вы решите, что это не текст и даже не отрывок из него. Почему? Каждое предложение здесь совершенно автономно: между ними нет связи, во всех говорится о разном. Хотя автор тот же — Чуковский. Но только он автор не текста, а каждого входящего в этот пример предложения. Ими начинаются семь произведений из книги «Чудо-дерево». Второй пример — нетекст.

Таким образом, даже не обладая специальными знаниями, любой человек довольно просто отличает текст от нетекста.



ЧТО ТАКОЕ ТЕКСТ

В современные европейские языки слово *текст* пришло из латыни. У латинского *textus* несколько значений: 'сплетение'; 'строение', 'структура'; 'ткань' и, наконец, 'связь', 'связное изложение'.

Последнее, четвёртое, значение и помогло нам отличить текст от нетекста. Именно связность люди обычно интуитивно считают основным свойством текста.

Важно и второе значение слова *textus* — 'строение', 'структура'. Тексты действительно имеют структуру: например, письмо непременно должно начинаться с обращения, а заканчиваться приветами, добрыми пожеланиями и подписью.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля даётся такое определение текста: «подлинник, подлинная буквальная речь писателя». А если не подлинник, а подделка? Или если это «речь» не писателя, а дворника, который в служебной записке сообщает начальнику ДЭЗа, что он не может убирать снег, так как у него сломалась лопата (черенок был гнилой)?

В другом, более позднем словаре — «Толковом словаре русского языка» Сергея Ивановича Ожегова, читаем, что текст — это «всякая записанная речь (литературное произведение, сочинение, документ, а также часть, отрывок из них)». Но если мы имеем дело не с письменным текстом, а с устным? Неужели речи Цицерона не были текстами?

Реплика же Фамусова из комедии А. С. Грибоедова «*Уж коли зло пресечь/Забрать все книги бы, да сжечь*» скорее всё-таки именно отрывок из текста, а не текст.

Существуют и другие толкования понятия «текст». Оказывается, точно сформулировать определение текста довольно трудно. Подобное часто происходит с основными, ключевыми понятиями. Что такое слово? Что такое предложение? К этим вечным вопросам лингвистики можно добавить и наш: что такое текст?

КАКИЕ БЫВАЮТ ТЕКСТЫ

В своё время выдающийся лингвист Фердинад де Соссюр сравнил людей со словарями. Можно провести сходную аналогию между людьми и текстами. Людей очень много. А если принять во внимание всех, кто жил до нас и кто будет

жить после, то очень-очень много. Каждый человек, безусловно, неповторим и уникален, но... Среди людей есть мужчины и женщины, дети и взрослые, брюнеты и блондины, врачи и строители. Так же и с текстами. Каждый из них (существующих и возможных) неповторим, но среди текстов есть короткие и длинные, цельные и отрывочные, письменные и устные...

Самый, пожалуй, знаменитый из коротких текстов родился в Древней Греции. Учёный Архимед, окунувшись в ванну и случайно выплеснув из неё воду, воскликнул: *«Эврика!»* (в переводе с греческого «heureka» означает «я нашёл»). Теперь школьник в любом уголке мира знает, что именно нашёл Архимед: он открыл закон, по которому выталкивающая сила определяется весом воды, вытесняемой этим телом.

А одним из самых длинных текстов можно считать памятник средневековой арабской литературы «Тысяча и одна ночь».

В большинстве текстов предложения и отдельные части связаны между собой. Но бывают и «бессвязные тексты». Нередко, например, человек, рассказывающий какую-нибудь историю, вдруг начинает путаться, переставлять события, добавлять ненужные детали. Так произошло с Болванщиком, героем сказки «Алиса в Стране Чудес», когда тот давал свои «показания» на знаменитом суде по поводу украденных кренделей: *«Я человек маленький... и не успел я напиться чаю... прошла всего неделя, как я начал... хлеба с маслом у меня почти не осталось... а я всё думал про филина над нами, который, как поднос над небесами... <...> а только после этого у меня всё перед глазами замигало... только вдруг Мартовский Заяц и говорит... тогда я отрезал себе ещё хлеба и намазал его маслом... я человек маленький... И я всё думал о филине».*

Одни тексты выражают законченную мысль, другие — нет. Вот, например, одна из английских детских песенок:

Я по берегу гоняться
За телёнком принялся,
А телёнок — ну бодаться!
Вот и песня вся.

В этом тексте есть определённое указание на окончание: *«Вот и песня вся».*

Конец имеет большинство историй. Герой может уехать или умереть. Например, «Ромео и Джульетта» У. Шекспира заканчивается смертью обоих главных героев. Могут закончиться события, которые развиваются вокруг героев. Так, сказка «Конёк-Горбунок» П. П. Ершова завершается свадьбой Иванушки и Царь-девицы.

Но есть и «бесконечные» тексты. Например, известное стихотворение «У попа была собака»:

У попа была собака.
Он её любил.
Она съела кусок мяса.
Он её убил.
Убил. В землю закопал.
И надпись написал:
«У попа была собака...».

Текст может быть не только написан или произнесён, но и нарисован, и начерчен, и станцован. Это тексты, существующие в других знаковых системах.

Знаки дорожного движения — тоже тексты. «Кирпич» (белый прямоугольник на красном фоне) предупреждает: проезд закрыт. У этого текста есть, между прочим, «собрат» — наскальный рисунок, который нашли в американском штате Нью-Мексико возле крутой горной тропинки. Его значение понять легко: по скалистой тропе

АЛГЕБРОЙ ГАРМОНИЮ ПРОВЕРИЛ

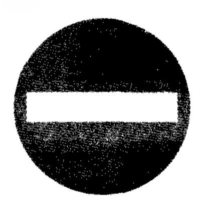
Мой дядя 89
6000, — 70 имел,
держа 5999,
11 хранил в уме.

130—219,
500—413,
17 (71)
+200 (901).

Друзья! 16 и 12,
13, 40, 50 —
и суммой в 250,
12, 218.

4 х 4 — я
16, как и вы, друзья!

Что это? Конечно, не Пушкин. Но, безусловно, текст, причем очень точно воспроизводящий «онегинскую строфу». Эту оригинальную пародию на «Евгения Онегина» придумал Александр Кондратов. В данном тексте слов меньше, чем цифр, однако в нём есть связность, цельность и даже законченность.



может вскарабкаться только горная коза, лошадь же с всадником свалится.

Есть очень древние тексты — тексты-«долгожители», и совсем новые — тексты-«юнцы». Как правило, долгожителями становятся тексты, обладающие большой культурной ценностью: например, священные тексты, повествующие о деяниях богов, передающие людям божественные заповеди, а также классические литературные произведения. Некоторые тексты живут так долго, что никто уже не может точно сказать, когда они родились. Никто не знает достоверно, в каком веке были созданы «Одиссея» и «Илиада», был ли автором этих поэм великий Гомер, да и существовал ли он вообще. Однако текст живёт и по-прежнему интересен людям. Но и не столь значительные по содержанию тексты могут существовать очень долго. Кто знает, сколько лет детской песенке-потешке «Ладушки»?

Мир текстов удивительно разнообразен, велик, подчас загадочен. А изучать тексты, пытаться понять, о чём они говорят, как устроены — одно из самых увлекательных занятий на свете.

ТЕКСТ — ПОСРЕДНИК

Какими бы ни были определения текста, все они сходятся в одном: текст возникает и существует только в процессе общения людей, т. е. в процессе *коммуникации*. Её можно разделить на отдельные единицы, которые называют *коммуникативными актами*.

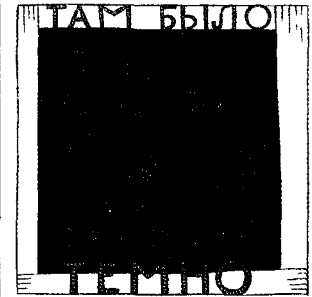
Например, учитель на уроке астрономии рассказал о том, что Земля круглая и имеет спутник — Луну. Его рассказ — отдельный коммуникативный акт. Ученик возразил учителю: Земля плоская и стоит на трёх слонах. Это утверждение тоже отдельный коммуникативный акт. И если учитель после всего поставит ученику двойку, его поступок также будет коммуникативным актом.

В процессе коммуникативного акта человек порождает *текст*. Текст — та речевая единица, которая становится воплощением коммуникативного акта. В этом качестве могут выступать самые разнообразные тексты: письменные и устные, законченные и отрывочные, связные и нет. Они даже могут быть глупыми Но если какой-то текст стал посредником в коммуникации, то он совершенно точно может быть назван текстом

МЕЖФРАЗОВЫЕ СВЯЗИ И ОТНОШЕНИЯ

С детства каждый человек знает, что бессвязный текст — это отклонение от нормы. Но какими средствами достигается связность? Все виды связи между предложениями — *межфразовые связи* — можно поделить на две большие группы: связи, устроенные по типу *зацепления*, и связи, устроенные по типу *повтора*. При зацеплении какой-либо элемент одного предложения указывает на элемент другого предложения, «зацепляется» за него: так происходит передача смысла от одного предложения к другому.

Одно из самых распространённых средств зацепления — *субститут* (от *лат.* substitutio — «ставлю взамен», «назначаю взамен»). Это слово, заменяющее какое-либо другое. Обычно это личные местоимения: *Маша вышла погулять. В руках* ***она*** *несла морковку.* Существуют и так называемые *отсылочные слова*. Чаще всего это указательные местоимения: *Мы заглянули в колодец.* ***Там*** *было темно.*



Бывает, что никакого слова, осуществляющего зацепление, нет, а связь всё же есть. Например: *Я пойду гулять сейчас. А ты — вечером.* Во втором предложении пропущено *пойдёшь гулять.* Такой пропуск называется *эллипсисом*. В данном примере эллипсис, указывая на словосочетание *пойду гулять* (это словосочетание можно при желании восстановить), является средством зацепления.

Наконец, зацепление может происходить за счёт *синтаксической перестройки*. В предложении *Человек смеётся* говорится о *человеке* — это *тéма* (от *греч.* «thema») пред-

ложения; о нём сообщается, что он *смеётся*, — это *ре́ма* (от *греч.* «rhema» — «слово», «изречение», «буквально сказанное»). Если рядом поставить два предложения, то переход, например, ремы одного предложения в тему другого будет указывать на связь этих предложений: *Человек смеётся. Смеётся весело и громко.*

Все перечисленные выше виды зацепления можно считать *грамматическими*, поскольку в них используются те или иные грамматические свойства слов.

Но есть зацепления, которые строятся на особенностях лексических значений слов. Их называют *лексическими*. Если сказано: ***Во-первых,*** *ты должен сделать уроки,* то непременно должно быть какое-то ***во-вторых...*** Такие элементы, как *во-первых, во-вторых* и т. д., — знак того, что дальше последует продолжение, развитие мысли. В общем, «если сказал ***а,*** то надо сказать и ***б***».

В тексте можно встретить слова, отсылающие читателя к той или иной его части: ***В первой главе*** *«Евгения Онегина» Пушкин писал...* Они тоже осуществляют связь, но уже не между фразами, а между целыми частями. Такие слова называют *адресными отсылками.*

Личное местоимение почти всегда связано с одним словом: ***Собака*** *бежала по полю.* ***Она*** *пыталась догнать бабочку.* А отсылки могут быть привязаны к части или даже ко всему предыдущему тексту, как, например, слова *так же* в басне И. А. Крылова «Лев и Лисица»:

Лиса, не видя сроду Льва,
С ним встретясь, со страстей осталась
чуть жива.
Вот, несколько спустя, опять ей Лев
попался,
Но уж не так ей страшен показался.
А третий раз потом
Лиса и в разговор пустилася со Львом.
. . . .
Иного ***так же*** *мы боимся,*
Поколь к нему не приглядимся.

Большинство басен заканчивается моралью (частью, в которой сформулирована основная идея басни), и мораль начинается именно с отсылки, связывающей её со всей басней.

Повторы — второй тип межфразовых связей. Они могут быть лексическими, грамматическими, синтаксическими или семантическими.

Примеры лексических, синтаксических и грамматических повторов можно найти в начале повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель»: «***Кто не проклинал*** *станционных смотрителей,* ***кто*** *с ними* ***не бранивался? Кто*** *в минуту гнева* ***не требовал*** *от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность?* ***Кто*** *не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим, или по крайней мере муромским разбойникам?*».

Из предложения в предложение повторяются те или иные слова или словосочетания; в данном случае четырежды повторяется местоимение *кто* — это лексический повтор. В первых двух предложениях есть грамматический повтор: повторяются прошедшее время глагола, единственное число и несовершенный вид *(не проклинал, не требовал, не бранивался).* Во всех трёх предложениях повторяется и отрицание. А синтаксический повтор в этом примере выражается в том, что все три предложения — вопросительные (вопросительная конструкция с местоимением *кто*).

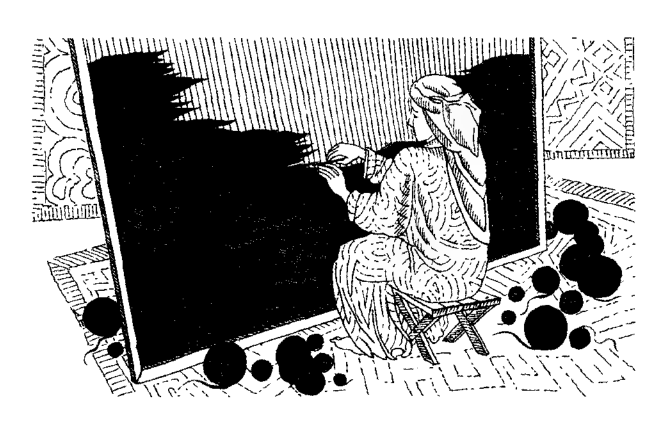
Семантический (смысловой) повтор устроен значительно сложнее других видов повторов. Часто, чтобы его понять, нужно знать ассоциации, связанные с тем или иным понятием. Например: *Футбольный матч подходил к концу. Спортсмены еле-еле передвигали ноги.* Чтобы правильно понять второе предложение, нужно знать, что футболисты являются *спортсменами,* а не рабочими, например. Что футбольный матч длится 90 минут и всё это время футболисты должны много бегать. Только тогда становится понятным, почему они *еле-еле передвигали ноги.*

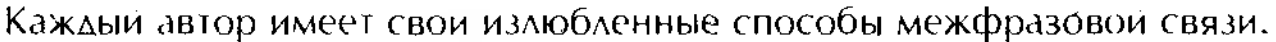
Конечно, в реальных текстах используют обычно сразу несколько видов межфразовой связи. Однако у каждого автора есть свои излюбленные средства: одни чаще обращаются к грамматическому зацеплению, другие больше любят семантический повтор. В одних текстах связь явная, легко определимая, в других она неоднозначна или скрыта.

Существуют не только межфразовые связи:

Робин-Бобин Барабек
Скушал сорок человек...
А теперь и говорит:
«У меня живот болит».

Можно ли ответить на вопрос, почему у Робина-Бобина болит живот? Конечно. Он же обжора, съел 40 человек. В данном случае второе предложение — следствие первого, и отношения между ними причинно-следственные. Таким образом, между предложениями существуют не только межфразовые связи, но и логические отношения. Они называются *межфразовыми отношениями.*





Каждый автор имеет свои излюбленные способы межфразовой связи.

Для каждого типа текста (повествования, описания и рассуждения) существуют свои способы устанавливать межфразовые отношения. Это могут быть отношения последовательности, основания или вывода, причины или следствия, уточнения и т. п.

ТЕКСТ КАК ЦЕЛОЕ

«Муми-тролль стоял на крыльце смотрел как зима пеленает землю в свой белый саван и думал спокойно вечером мы погрузимся в спячку ведь все муми-тролли делают так в ноябре и по правде сказать это очень разумно если кто не любит холода и темноты он закрыл дверь неслышным шагом подошёл к маме и сказал идёт снег знаю ответила мама я уже приготовила для нас самые тёплые одеяла...»

Вряд ли вы разобрались в этом наборе слов. И уж совершенно точно не получили никакого удовольствия от чтения. А ведь это начало прекрасной повести-сказки шведской писательницы Туве Янссон «Шляпа волшебника». Попробуем теперь прочесть текст в его нормальном виде:

«Муми-тролль стоял на крыльце, смотрел, как зима пеленает землю в свой белый саван, и думал спокойно: „Вечером мы погрузимся в спячку". Ведь все муми-тролли делают так в ноябре (и, по правде сказать, это очень разумно, если кто не любит холода и темноты). Он закрыл дверь, неслышным шагом подошёл к маме и сказал:

— Идёт снег.

— Знаю, — ответила мама. — Я уже приготовила для нас самые тёплые одеяла...».

Почему нам стал понятен текст? Потому что хорошо видно, что хотел сказать автор. А видно это из того, как расставлены знаки препинания, как одно предложение отделено от другого, как предложения соединяются в *сверхфразовые единства* (т. е. совокупность предложений, объединённых общей темой). Сверхфразовые единства подобно матрёшкам вставляются друг в друга. Так создаётся *внутренняя структура текста.* Она обычно совпадает с внешней, *явленной структурой* — абзацами, разделами, главами, частями, томами.

Даже автору не всегда просто воссоздать явленную структуру текста, потому что порой трудно установить, где кончается одна тема и начинается другая. Как говорил один из героев поэта Давида Самойлова: «Вот я и думаю. Где кончается голова и начинается хвост».

Итак, любой текст дан нам вместе со своей явленной структурой, и создатель этой структуры — автор текста.

Но кто написал былину об Илье Муромце? Неизвестно. И если мы слышим эту былину в исполнении сказителя, то автором явленной структуры текста (интонации, пауз) становится именно сказитель. Если мы читаем эту былину, то автором явленной структуры письменного текста (запятых, точек, абзацев и т. п.) становится тот, кто представил её именно в таком, а не ином виде.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ТЕКСТАМИ

Учёные давно заметили, что между текстами, написанными порой в разное время или даже в разных странах, много общего. Иногда один и тот же сюжет переходит из произведения в произведение. Например, знакомые всем с детства волшебные сказки, оказывается, у разных народов во многом похожи.

Русский учёный Владимир Яковлевич Пропп предложил способ, с помощью которого можно

ГИПЕРТЕКСТ

В сердце каждого читателя живет автор. Слушая у первобытного костра историю о том, как был пойман Самый Большой Мамонт, наши предки перебивали друг друга, вставляли реплики, уточняли рассказ, комментировали его. На полях средневековых рукописей человек оставлял комментарии, писал между строк, заменял некоторые, на его взгляд, неудачные абзацы в чужих трудах своими (конечно, удачными). Так появились комментарии и комментарии к комментариям и т. д. В те далекие времена с «соавторством» боролись: «неправильные» версии сжигались (иногда вместе с их авторами), потому что люди верили, что есть абсолютная истина.

В XX в. человечество пришло к выводу: одной окончательной и абсолютной истины нет, мысли и мнение читателя не менее важны, чем сам текст. Информации оказалось так много, что ее стало трудно искать по старинке в библиотеках и энциклопедиях. Компьютер создал новые возможности чтения и написания текста — гипертекст.

Понятие *гипертекст* впервые предложил американский ученый Тед Нельсон в своих работах 1965 г. Он мечтал создать такую систему, которая включала бы в себя идеи и факты самых разных типов, связанные между собой без жесткой структуры и заранее определенной последовательности. По его мысли, этот массив информации мог бы взаимодействовать с читателем. Эти идеи долгое время оставались на бумаге, поскольку еще не было достаточно развитых компьютерных технологий, чтобы воплотить их в жизнь. В 80-х гг. XX в. такие технологии появились.

Для читателя (или лучше сказать, пользователя) гипертекста информация представлена в окне компьютера, где некоторые элементы (слова, фразы) выделены особым шрифтом или цветом. Если нажать с помощью «мыши» на такой элемент (он называется гиперссылкой), то откроется другое окно, где тоже будут выделенные элементы; можно нажать на один из них, и опять откроется новое окно и т. д.

Согласно формальному определению, гипертекст — это система, позволяющая распоряжаться набором информации так, чтобы к ней можно было получить доступ в любой последовательности. Система состоит из сети узлов (это могут быть целые тексты, отдельные параграфы, фразы, слова, рисунки, звуки) и логических связей между ними.

Один из признаков гипертекста — гранулярность (от *лат.* granulum — «зернышко»); это свойство объекта состоять из отдельных частей, которые связаны друг с другом, но никогда не сливаются полностью. Текст также состоит из составных частей: предложений, предложения — из слов, слова — из букв. Однако в отличие от гипертекста эти составные части накрепко спаяны, отделить их друг от друга можно, только разрушив целое — текст. А составные части гипертекста существуют сами по себе, объединить их в простую последовательность текста сложно и часто бесполезно. В этом случае объединение разрушает целое — гипертекст.

Следующее свойство гипертекста — нелинейность. В обычной книге одна глава или параграф сменяются другими в определенной последовательности, и нельзя (во всяком случае, не стоит) читать сначала конец, а потом начало. В гипертексте связи между узлами нелинейные, т. е. можно условно сказать, что здесь начало, а здесь конец. Документы связаны не иерархично: нет более и менее важных документов и нет правил, по которым следовало бы читать именно этот документ после того, а не наоборот. Пользователь сам выбирает, что он посмотрит сначала, что потом, а чего-то не станет читать совсем.

С нелинейностью связано другое свойство гипертекста — интерактивность; это возможность изменять гипертекст, как-то взаимодействовать с ним. Можно не только выбрать собственный «путь» чтения, но и добавить свои документы, создать новые связи.

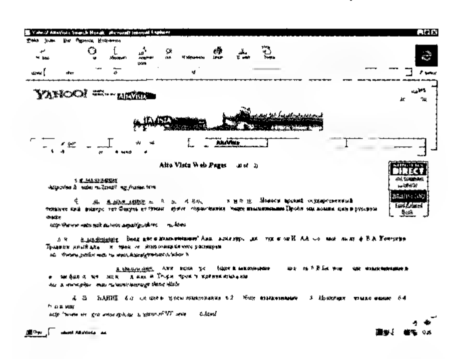
Существуют гипертексты разных типов. Литературные гипертексты — это новый способ создания литературных произведений. В гиперроманах, например, нет одной, единственно возможной линии сюжета, читатель сам выбирает из нескольких предложенных вариантов тот поворот сюжета, который ему больше нравится. В некоторых литературных гипертекстах можно выбрать героя, от лица которого пойдет рассказ, придумать собственные варианты развития событий, дописать за автора какие-либо эпизоды.

Структурные гипертекстовые системы обычно применяются в научных исследованиях. Они позволяют распределять нужные тексты любым удобным способом. И наоборот, можно, например, ввести в компьютер какой-либо сюжет и узнать, в каких произведениях, в какую эпоху, какие авторы его использовали. Возможности структурных гипертекстов очень велики, но составление их — дело кропотливое и сложное.

Поисковые гипертекстовые системы предназначены для поиска термина, названия, фамилии. Репрезентативные гипертексты помогают представить электронным способом большой объем информации. Обычно они применяются для выпуска энциклопедий, словарей, справочников.

Компьютерная сеть Интернет (ее можно считать гигантским гипертекстом, автор которого — человечество) включает в себя все виды гипертекстов сразу.

Умение создавать гипертексты необходимо в эпоху информации. Например, американские студенты делают гипертексты, чтобы лучше подготовиться к занятиям. Основой такого гипертекста может быть конспект лекции, а по мере чтения дополнительной литературы и консультаций в Интернете добавляются все новые и новые гиперссылки.



ЖИЗНЬ БУРАТИНО

По-видимому, одной из самых первых наук, которая заинтересовалась текстом, была *риторика*. Возникновению этой науки мы обязаны древним грекам. Появилась риторика потому, что греки очень любили судиться. А чтобы убедить суд в своей правоте и выиграть дело, нужно было обладать завидным красноречием.

Как бы то ни было, греки первыми задумались над тем, как правильно выстроить свою речь, сделать ее убедительной, красивой. Учебник риторики существовал уже в V в. до н. э. (правда, до наших дней он не дошел) Однако расцвет ее наступил позднее, к III—II вв. до н. э., когда риторикой занялись Аристотель, Дионисий Галикарнасский, Исократ Это были величайшие риторы — теоретики риторики. Тех же, кто использовал риторические приемы на практике, называли ораторами. Вслед за греками риторикой всерьез стали заниматься и римляне. Самыми известными из них были Марк Туллий Цицерон и Марк Фабий Квинтилиан.

Изучая правила построения текстов, античная риторика выделяла пять элементов, из которых складывались пять основных разделов: inventio — «изобретение», dispositio — «расположение», elocutio — «словесное выражение», memoria — «запоминание» и pronuntiatio — «произнесение».

Как применять правила риторики, можно показать на самом простом примере — школьном сочинении «Мой любимый литературный герой». (У каждого, конечно, он свой). Поэтому выберем наугад. Пусть это будет Буратино.

Прежде чем начать писать сочинение, нужно составить план. Такое требование придумали не современные учителя литературы, а древние греки: это одно из обязательных риторических правил построения любого текста.

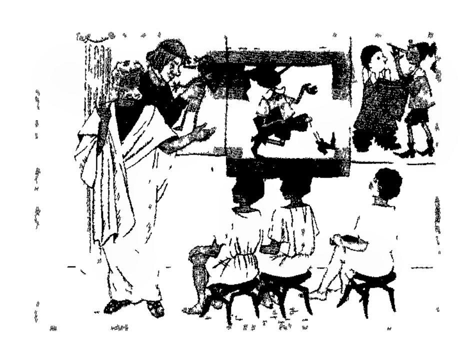
Был такой замечательный герой австралийского мультфильма «Вокруг света за 80 дней» — мистер Фикс. На вопрос· «Есть ли у вас план, мистер Фикс?» он неизменно отвечал: «У меня всегда есть план». Это означало· он всегда знал (или думал, что знал), что ему делать в той или иной ситуации. Так и школьник должен знать, о чем он хочет написать, прежде чем начнет составлять план сочинения. Это знание и есть inventio («изобретение»). Существует много способов рассказать о человеке или любимом герое. Еще во II в. в школьных учебниках по риторике помещались специальные перечни того, о чем следует говорить, описывая человека. Так, например, Гермоген, один из авторов учебников риторики, считал, что в описание следует включать такие элементы: чудесные события при рождении, воспитание, образование, природу души, свойства тела и т. п. Подобные элементы в риторике принято называть *то́посами*, или *риторическими местами*.

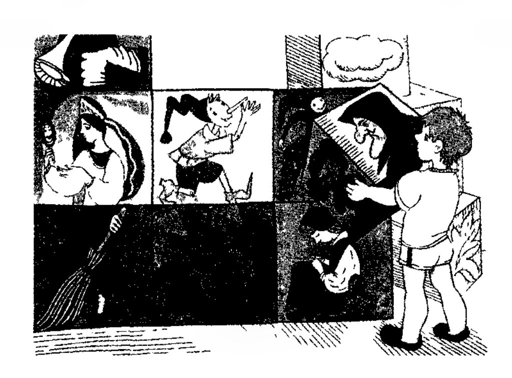
Для описания Буратино можно предложить следующий набор топосов: *чудесные события при рождении* (папа Карло находит говорящее бревно и делает из него человечка, которого называет Буратино); *воспитание* (кроме папы Карло воспитанием Буратино занимаются Сверчок и черепаха Тортила), *образование* (Буратино получает букварь, но в школу так и не попадает); *чудесные приключения* (встреча с куклами из театра Карабаса Барабаса, путешествие на Поле Чудес в Стране Дураков, поиск золотого ключика и волшебной дверцы); *друзья и враги, приобретенные во время этих приключений* (друзья — Артемон, Мальвина, Пьеро и другие, враги — Карабас Барабас, Дуремар, лиса Алиса и кот Базилио); *счастливое окончание приключений* (разгадка тайны нарисованной двери и золотого ключика); *качества, за которые я люблю Буратино* (доброта, дружелюбие, доверчивость, смекалка, веселость). Первые три топоса позаимствованы у Гермогена, остальные предложены нами. Вы можете составить и другой набор топосов

Но это ещё не план сочинения о Буратино. Нужно решить вопрос о том, в какой последовательности излагать эти топосы. Например, можно начать с конца. Обычно при таком построении акцент делается на то, почему, собственно, события закончились именно так. Можно расположить топосы в хронологическом порядке, так, чтобы они соответствовали порядку событий в жизни героя. Расстановка топосов в том или ином порядке — это вторая часть риторики, dispositio («расположение»).

После того как мы изобрели и расположили пункты нашего плана, стоит подумать о «словесном воплощении» сочинения. Нам надо выбрать слова, которыми будет написано сочинение. Все усилия по выбору и сочетанию слов относятся к третьему разделу риторики — elocutio («словесному выражению»). В значительной степени проблемы, связанные с этим разделом, переходят из риторики в другую науку — *стилистику*.

Остались нерассмотренными два раздела· memoria («запоминание») и pronunciatio («произнесение»). Они нужны, когда используют уже существующие тексты, например читают наизусть стихотворение, пересказывают историю... В таких случаях важно удерживать текст в памяти и знать правила произнесения: артикуляцию, интонацию, мимику, жесты. Помните, как наставлял своего слугу Петрушку Фамусов в «Горе от ума» А. С. Грибоедова: *«Читай не так, как пономарь,/А с чувством, с толком, с расстановкой»?*





описывать структуру сказок разных народов. В своей знаменитой книге «Морфология сказки» он доказал, что все волшебные сказки «однотипны по своему строению». В их построении участвуют всего 32 элемента, которые он назвал *функциями:* рождение героя, нарушение запрета, уход из дома, появление волшебного помощника, получение даров и т. д. Из этих событий, как из кубиков, складываются истории о Мальчике с Пальчик и Спящей Красавице, об Иване-царевиче и Синдбаде-мореходе. В значительной степени это же можно отнести и ко всем вообще романам, детективам, комедиям и любым другим жанрам художественных произведений.

ГДЕ НАХОДИТСЯ ТЕКСТ?

Языкознание XX в. убедилось в коренном различии между двумя понятиями, предложенными в начале XX в. Фердинандом де Соссюром, — языком и речью. Перед лингвистами встал вопрос: является ли текст явлением языка или речи? Где его место?

Французский учёный Эмиль Бенвенист (1902—1976) в статье «Уровни лингвистического анализа» показал, как один уровень языка взаимодействует с другим. На самом нижнем уровне языка находятся фонемы. Они могут соединяться между собой. Например, три фонемы <д>, <о> и <м>, объединившись, дают не новую фонему, а корневую морфему ***-дом-.*** Произошёл переход на более высокий уровень языка — морфемный. Дальше начинают объединяться морфемы. Например, корень ***-дом-*** и суффикс ***-ик*** превращаются в слово *домик.* Это следующий уровень языка — лексемный.

Далее друг с другом объединяются слова. К слову *домик* (существительному) можно прибавить *маленький* (прилагательное), *стоял* (глагол) и *там* (местоимение) — получится предложение: *Там стоял маленький домик.* Теперь мы поднялись ещё на один уровень языка — синтаксический.

На этом уровне, по утверждению Бенвениста, заканчиваются собственно языковые явления. Дальше начинается область речи, в которой уже не существует столь определённых отношений между элементами, как не существует и уровней.

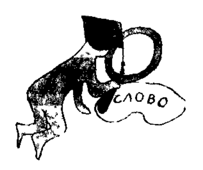
Попробуем сделать ещё один шаг и подняться выше. Что происходит, когда предложения объединяются между собой?

Как ни странно, сначала предложения, объединившись, опять дают... предложения. Принцип, предложенный Бенвенистом (объединение элементов одного уровня должно давать элемент другого уровня), при этом не нарушается. Всё дело в том, что предложения языка объединяются в предложения несколько иного свойства — *текстовые предложения.* Один из самых распространённых видов текстовых предложений в школе называют сложносочинёнными предложениями: *«С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем».* В этом сложносочинённом предложении заключено три языковых предложения. И. С. Тургенев, а именно он автор этой фразы, своей волей, волей автора, объединил три простых предложения в одно. (Кстати, это был его излюбленный приём.)

В принципе нет ничего невозможного в том, чтобы разделить это сложносочинённое предложение на три простых. Никакой языковой ошибки не будет. Но будет нарушен тот текстовый смысл, который хотел передать Тургенев.

Таким образом, текстовые предложения качественно отличаются от языковых. Это и означает переход на следующий уровень. Можно сказать, что мы подошли к границам языка. Что находится за этими границами? За ними — речь. Именно там, в речи, находится текст.

Собственно говоря, текст и есть порождение речи, точнее сказать речевой деятельности людей. Ведь общаемся — говорим и пишем — мы не фонемами, морфемами, лексемами или отдельными предложениями, а текстами.



МНОГООБРАЗИЕ РЕЧИ

КНИЖНО-ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ

Человеку, владеющему русским языком с детства, не нужно специально учиться вести бытовую беседу, писать письма друзьям. Нормы, которым при этом необходимо следовать, — лишь основные нормы общения, правила вежливости, хорошего тона. А для того чтобы написать официальное заявление, научную статью, очерк в газету, простым знанием русского языка не обойдёшься. Ведь при создании письменного текста принято ориентироваться на существующие нормы, образцы, соблюдать некоторые особые правила. Речь, которую используют в какой-либо специализированной сфере, например в официально-деловой или научной, называют *книжно-специальной речью,* а каждую её разновидность — *функциональным стилем.*

Конечно, строгих норм иногда придерживаются и в таких устных выступлениях, как научные доклады на конференциях, отчёты о проделанной работе, предвыборные речи политиков. Но это, как правило, заранее подготовленные (или даже предварительно написанные) выступления, которые ориентированы на нормы соответствующих письменных текстов. Именно из-за разного отношения к норме письменную монологическую (книжную) речь противопоставляют речи диалогической (разговорной). Именно книжно-специальную речь имеют в виду, когда говорят о *литературном языке* (от *лат.* litera — «буква»), т. е. о языке письменности.

Часто смешивают понятия *литературный язык* и *язык художественной литературы.* Литературный язык подчиняется нормам книжно-специальной речи. А для языка художественной литературы никаких особых норм или языковых правил нет, так же как нет — по крайней мере в современном русском языке — специальных художественных языковых средств. Судить о том, насколько уместно то или иное выражение в художественном произведении, мы можем лишь на основании эстетических (красиво ли это?), а не языковых (правильно ли это?) критериев. Поэтому язык художественной литературы не относится к числу функциональных стилей книжно-специальной речи.

Среди функциональных стилей особенно чётко выделяются *официально-деловой* (или *канцелярский*), *научный* и *публицистический* (или *ораторский*) *стили.* Все они обладают особенностями, связанными с их назначением и функцией. Эти стили используют в первую очередь для создания *письменных монологических текстов:* офици-

Среди функциональных стилей особенно четко выделяются официально-деловой научный и публицистический

ально-деловой стиль — для официальных бумаг, научный — для научных работ, профессионально-технический — для инструкций по применению различных технических приспособлений, газетно-публицистический — для статей и очерков, в которых журналисты стремятся повлиять на точку зрения читателя.

КАК ПИШУТ ОФИЦИАЛЬНЫЕ БУМАГИ

Представьте, что учитель написал директору школы такое заявление об очередном отпуске:

Дорогая Ангелина Петровна!

Намаялся я на работе, устал как собака. Пора и в отпуск, хоть отдохну немного. Дайте, пожалуйста, отпуск на два месяца, ведь положено по закону. Отдохну — и снова за работу. с новыми силами.

Ваш Иван Иванович.

Согласитесь, это официальное заявление выглядит странно. Автор использовал в нём языковые средства, уместные только в непринуждённой устной беседе. Между тем в официальных бумагах характер используемых языковых средств почти однозначно задан. Необходимо соблюдать достаточно жёсткие правила, чтобы написанное могло быть принято в качестве официального документа и подшито к делу. Например, если мы пишем заявление, в правом верхнем углу нужно указать, кому оно адресовано, а чуть ниже, немного отступив, — чьё это заявление. Затем, отступив четыре-пять сантиметров от левого края страницы, указывают тип официального документа — пишут слово *заявление*. После этого идёт текст, в котором кратко излагают суть заявления. Как правило, этот текст начинается с глагола в форме 1-го лица (в заявлениях первое слово чаще всего *прошу*). Внизу слева ставят дату написания заявления, а справа — подпись.

Вот какой текст заявления об отпуске мог бы получиться, если написать его, соблюдая указанные правила.

Директору школы № 9999
Ивановой А. П. от преподавателя
информатики Петрова И. И.

Заявление

Прошу предоставить мне очередной отпуск с 30 июня по 22 августа 1998 г в соответствии с графиком отпусков.

16 июня 1998 г. *(Подпись)*

Особенности языка официальных бумаг не случайны, они определяются их назначением. Официальный документ должен быть написан так, чтобы в нём легко было найти нужную информацию. Как узнать, кому адресовано заявление? Для этого не надо читать весь документ с начала до конца, достаточно посмотреть в правый верхний угол. А чтобы выяснить, в чём состоит существо просьбы, надо просмотреть текст заявления непосредственно после слова *прошу*. Благодаря стандартизованной форме нужную бумагу легче найти среди множества прочих документов. Можно даже вести поиск нужных сведений автоматически — с помощью компьютера, создав базу данных.

Главная черта официальной бумаги — её предельно стандартная форма. Значительную часть текста таких бумаг повторяют во всех документах данного типа. Поэтому для многих типов официальных бумаг — анкет, справок, договоров и т. д. — существуют бланки, на которых «постоянный» текст уже напечатан. Чтобы получился документ, необходимо только заполнить бланк — вписать или впечатать «переменный» текст. Нетрудно представить себе стандартный бланк, например, заявления об отпуске.

(кому)
(от кого)

Заявление

Прошу предоставить мне ________ *отпуск с* _____ *по* ______ *19* ___ *г. в соответствии с* __________________

___________ *(дата)* *(Подпись)*

В официальных документах часто используют языковые штампы и стереотипы, так называемые *к л и ш е́* (*франц.* cliché), но это ни в коей мере не является недостатком. От документа не ждут, чтобы в нём проявилась яркая индивидуальность его автора, — наоборот, чем более клиширован документ, тем удобнее им пользоваться. Но, разумеется, те же самые средства в разговоре на бытовую тему или в дружеском письме не употребляют — это неуместно и может вызвать только насмешки. Писатели часто используют любовь к клише в разговорной речи для характеристики героев. Вот пример из одного газетного фельетона: *«Дорогая Любаня! Вот уже и весна скоро, и в скверике, где мы с тобой познакомились, зазеленеют листочки. А я люблю тебя по-прежнему, даже больше. Когда же наконец наша свадьба, когда мы будем вместе? Напиши, жду с нетерпением. Твой Вася».*

«Уважаемый Василий! Действительно, территория сквера, где мы познакомились, в ближайшее время зазеленеет. После этого можно будет приступить к решению вопроса о бракосочетании, так как время года весна является порой любви. Л. Буравкина».

Неуместное включение канцелярских штампов в обиходную речь Корней Иванович Чуковский расценивал как своего рода болезнь языка, которую он назвал *к а н ц е л я р и т о м.*

Для официально-делового стиля характерны сухость, отсутствие эмоционально окрашен-

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Во всех основных разделах современной научной работы <...> встречаются традиционные, общеупотребительные выражения. Ниже мы раскрываем их тайный смысл (в скобках).

ВВЕДЕНИЕ

Хорошо известно, что... («Я не удосужился найти ссылку на работу, в которой об этом было сказано первый раз».)

Имеет огромное теоретическое и практическое значение. («Мне лично это кажется интересным».)

Поскольку не удалось ответить сразу на все эти вопросы... («Эксперимент провалился, но печатную работу я все же сделаю».)

Был развит новый подход... («Бенджамен Ф. Мейсснер использовал этот подход по меньшей мере 30 лет тому назад».)

Сначала изложим теорию... («Все выкладки, которые я успел сделать вчера вечером».)

Очевидно... («Я этого не проверял, но...») <...>

ОПИСАНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕТОДИКИ

При создании этой установки мы рассчитывали получить следующие характеристики... («Такие характеристики получились случайно, когда нам удалось наконец заставить установку начать работать».) <...>

Был выбран сплав висмута со свинцом, поскольку именно для него ожидаемый эффект должен был проявиться наиболее отчетливо. («Другого сплава у нас вообще не было».)

Прямым методом... («С помощью грубой силы».)

Для детального исследования мы выбрали три образца. («Результаты, полученные на остальных двадцати образцах, не лезли ни в какие ворота».)

ИЗЛОЖЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Типичные результаты приведены на... («Приведены лучшие результаты».)

Хотя при репродуцировании детали были искажены, на исходной микрофотографии ясно видно... («На исходной микрофотографии видно то же самое».)

Ясно, что потребуется большая дополнительная работа, прежде чем мы поймем... («Я этого не понимаю».)

Согласие теоретической кривой с экспериментом:

Блестящее... («Разумное...»)

Хорошее... («Плохое...»)

Удовлетворительное... («Сомнительное...»)

Разумное... («Вымышленное...»)

Удовлетворительное, если принять во внимание приближения, сделанные при анализе... («Согласие вообще отсутствует».)

Эти результаты будут опубликованы позднее... («Либо будут, либо нет».)

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

На этот счет существует единодушное мнение... («Я знаю еще двух ребят, которые придерживаются того же мнения».)

Можно поспорить с тем, что... («Я сам придумал это возражение, потому что на него у меня есть хороший ответ».) <...>

Можно надеяться, что эта работа стимулирует дальнейший прогресс в рассматриваемой области... («Эта работа ничего особенного собой не представляет, но то же самое можно сказать и обо всех остальных работах, написанных на эту жалкую тему».)

(По сборнику «Физики шутят».)

ных средств выражения. В нём нередко употребляют юридические термины и официальные наименования явлений действительности: *очередной отпуск, жительство, местопребывание, регистрация, уведомление.* Вместо «обычных» глаголов часто используют сочетания неполнозначного глагола, не называющего само действие, с отглагольным именем, уточняющим, о чём идёт речь: вместо *помочь* пишут *оказать помощь*, вместо *осмотреть — совершить осмотр* и т. д. Это не случайно — ведь именно отглагольные существительные в языке служат клишированными, терминологическими обозначениями соответствующих действий.

Итак, все особенности официально-делового стиля подчёркивают его главную черту — стандартизованность, для которой так важны многочисленные клише и речевые штампы.

ДВА СТИЛЯ

Может показаться, что официально-деловой и научный стили чрезвычайно похожи. И тот и другой отличаются сухостью, используют специальные термины; и там и там глаголы часто заменяют отглагольными существительными. Однако на самом деле между официально-деловым и научным стилями существуют глубокие различия. Вспомним школьную классификацию предложений по цели высказывания. Каждой цели высказывания — передать информацию или получить её, попросить о чём-то собеседника или спросить его — в языке соответствует особый тип предложения. *Вопросительные* предложения в первую очередь предназначены для выражения вопросов, *побудительные* — для побуждений, просьб, *повествовательные* — для сообщений. При этом в речи вопросительные предложения могут использоваться и для побуждения: *Вы не могли бы передать мне соль?*, и для сообщения: *Слыхал, что Маша вышла замуж?* Побудительные предложения могут выражать и вопрос: *Назови самую высокую горную вершину нашей страны*, и сообщение: *Знай, что я тебя презираю.*

Оказывается, в каждом функциональном стиле есть свои правила соотношения типа предложения и цели высказывания.

В текстах официально-делового стиля сообщения, вопросы и побуждения передают, как правило, с помощью повествовательных предложений. Никто никогда не напишет в приказе: *Сделайте то-то и то-то.* Обычно приказ включает в себя формулу: *Приказываю сделать то-то и то-то, т. е.* повествовательное предложение, выражающее побуждение. В заявлении обычно содержится какая-то просьба (в старину такие деловые бумаги называли прошениями), но всё равно нельзя написать: *Примите меня, пожалуйста, на работу.* Нужно употребить повествовательное предложение, начинающееся словом *прошу: Прошу принять меня на работу.* И в доверенности на получение зарплаты никто не напишет: *Пусть такому-то отдадут мою зарплату.* Правильно так: *Я, нижеподписавшийся, доверяю получить причитающуюся мне зарплату за такой-то месяц такому-то.* Повествовательное предложение со словом *доверяю* в этом тексте выражает не сообщение, что написавший кому-то её «доверяет», а побуждение, адресованное работникам бухгалтерии, выдать деньги конкретному человеку.

Вопросы в официально-деловых текстах также выражаются повествовательными предложениями: *Прошу (просим) сообшить...* Повествовательные предложения в побудительной или вопросительной функции — настолько характерная черта официально-делового стиля, что *Просьба не шуметь!* вместо *Не шумите, пожалуйста!* воспринимается как канцеляризм.

Научный стиль устроен совершенно по-другому. Поскольку основная цель научной речи — довести до сведения адресата информацию, научные тексты содержат сообщения и не предполагают вопросов или побуждений. Однако вопросительные и побудительные предложения в научных текстах не так уж редки.

С помощью побудительных предложений *Смотрите...* и *Сравните...* оформляют ссылки на литературу. Эти обороты встречаются в научной речи так часто, что на письме их обозначают общепринятыми сокращениями *см.* и *ср.* (само наличие таких сокращений — яркая примета научного стиля). Подлинного побуждения эти предложения, конечно, не выражают, а лишь передают информацию о том, какие работы или примеры использовал автор.

В научных текстах вопросительные предложения часто применяют в роли *риторических вопросов* (от *греч.* «rhetorikе́» — «ораторское искусство»), не требующих ответа, т. е. они выражают не вопросы, а сообщения. Если в тексте научной статьи говорится: *Какие причины обусловливают это явление?*, мы понимаем, что автор не ждёт от читателей ответа, а наоборот, сам расскажет дальше о причинах рассматриваемого явления.

Таким образом, официально-деловой и научный стили выражают свои цели высказывания противоположным образом. Официально-деловой стиль с помощью одного повествовательного предложения выражает все возможные типы высказываний: и сообщения, и вопросы, и побуждения. Научный стиль, напротив, использует все типы предложений (повествовательные, вопросительные и побудительные), чтобы выразить один и тот же тип высказывания — сообщение.

КАК ПИШУТ НАУЧНЫЕ РАБОТЫ

Основная функция научного стиля — информировать читателей-коллег о новом научном результате, полученном автором работы. Однако текст при этом обычно строится не как голая передача информации, а как приглашение читателя к совместному рассуждению. Поэтому в научных текстах часто встречаются формы 1-го лица множественного числа: *рассмотрим, перейдём, обратим внимание.*

Часто говорят об отстранённости или даже сухости научного изложения. Это ощущение возникает из-за того, что в научных текстах почти не бывает эмоционально окрашенных выражений, в них отсутствуют намёки, подтекст, нет (или почти нет) восклицательных предложений, прямой речи, диалогов.

Яркая черта научного стиля — большое количество специальных терминов. Это также связано с его информативностью: значение научного термина всегда определено более строго и узко, чем значение обычного слова, что обеспечивает точность понимания. Например, разговорному слову *простуда* в медицинской терминологии соответствует целый «букет» на-

ЯЗЫК СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Современный человек живёт в потоке информации. Средства массовой коммуникации — газеты, телевидение, радио — призваны рассказывать нам обо всём, что происходит в мире.

Какую именно информацию передают средства массовой коммуникации? Представьте себе, что диктор сообщает с экрана телевизора: «Сегодня ученик 7„Б" Вася Морковкин принёс в класс кошку!». «Ерунда какая-то!» — скажете вы. Однако представим ситуацию: планету Земля постигло экологическое бедствие, и повсюду исчезли любимые нами животные. В этом случае сообщение диктора станет сенсацией, новой, значимой для всего общества информацией.

Итак, одна цель речевого общения — сообщать, узнавать о новых фактах и событиях. Но телевидение, радио и газеты созданы не только для этого. Другая их цель — влиять на деятельность людей, изменять наши поступки и отношение к миру.

Искусством воздействия на собеседника в совершенстве владели многие исторические деятели. Например, искусно сочинял указы Борис Годунов. А. О. Ишимова в книге «История России в рассказах для детей» пишет: «Всякий раз, когда надобно было объявить кому-нибудь прощение и милость царя, в указе писали: „Государь прощает для ближнего своего приятеля, слуги и конюшего боярина Бориса Феодоровича". Если же кого осуждали на казнь, то в указе не было имени Годунова, но писали: „Приговорили бояре, князь Феодор Иванович Мстиславский с товарищами". По этой хитрости можно судить и о всех, какие употреблял Борис Годунов, чтобы вкрасться в любовь ко всем русским».

И сегодня в средствах массовой коммуникации часто используют этот прием, когда с именем одного политика связывают хорошее или плохое действие (например, начало перестройки и распад СССР — с политикой Михаила Сергеевича Горбачёва). Конечно же, причины таких сложных процессов гораздо более глубоки.

Значит ли это, что журналисты искажают факты? Сравните две информации об антиправительственном выступлении: *В демонстрации приняли участие четверть миллиона человек — В демонстрации приняли участие 250 тыс. человек.*

Журналист — сторонник оппозиции — говорит примерно о *миллионе* участников (стараясь приумножить их число), другой журналист — сторонник правительства — только о *250 тысячах* (стараясь приуменьшить их число). Фактически цифры равны, однако математическое равенство отступает перед особенностями восприятия чисел.

Такой способ подачи фактов называют *косвенным речевым воздействием*. Он позволяет, не искажая фактов, формировать у читателя определённое отношение к ним. Косвенное речевое воздействие оказывается наиболее действенным, так как позиция пишущего скрыта и информация выглядит объективной.

Для прессы советского периода обычным было *прямое речевое воздействие*: *Даёшь Кузбасс!; Советские геологи! Быстрее открывайте несметные богатства нашей Родины!* и т. д. В современной газете такие обороты можно употребить только в шутку.

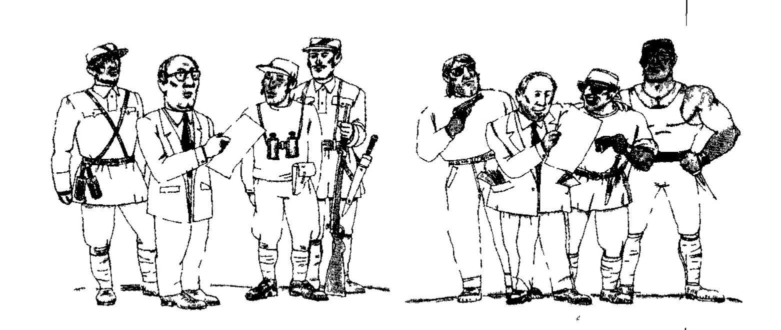
Язык средств массовой коммуникации не может обходиться без *стереотипов* — устойчивых слов и выражений, известных всем носителям языка: *политическая система, экономический уклад, свободный рынок.* Из таких слов и выражений, словно из кирпичиков, строится новый текст. Однако нужны они не только для удобства журналистов. Такие выражения, знакомые каждому из нас, облегчают восприятие текста, помогают быстрее извлечь из него нужную информацию. Следовательно, средства массовой информации оказывают на нас ещё одно воздействие — они формируют наше представление о том, каким должен быть литературный язык. И не во всём это воздействие можно считать положительным.

званий: *острое респираторное заболевание, катар верхних дыхательных путей, аденовирусная инфекция* и т. п.

Другая характерная черта научного стиля — обилие так называемых *метатекстовых оборотов* (от *греч.* «meta» — «после», «за», «между» и *лат.* textum — «связь», «соединение»), когда автор сообщает не о непосредственном предмете исследования, а о том, как он организовал свой собственный текст: *в следующем параграфе мы рассмотрим; обратимся теперь; перейдём к рассмотрению вопроса о; как отмечалось выше* и т. д.

КАК ПИШУТ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Главная черта публицистического стиля — эмоционально-оценочные выражения с бо́льшим или меньшим эмоциональным зарядом. В зависимости от положительной или отрицательной оценки того, о чём идёт речь, публицист может использовать наименования *партизаны* или *бандиты; собрание* или *сборище; соглашение, договор* или *сговор, сделка.* Можно написать: *Опытный политик заключил соглашение с руководителями партизанских отрядов.* Но при отрицательной оценке соглашения то же самое событие опишут по-другому — например,



так: *Матёрый политикан вступил в сговор с главарями бандитских шаек.*

Обилие эмоционально-оценочных выражений в произведениях публицистического стиля прямо связано с его основной функцией — воздействием на адресата. Авторы статей, очерков и репортажей не просто информируют читателя, но и пытаются внушить ему ту или иную оценку описываемых событий.

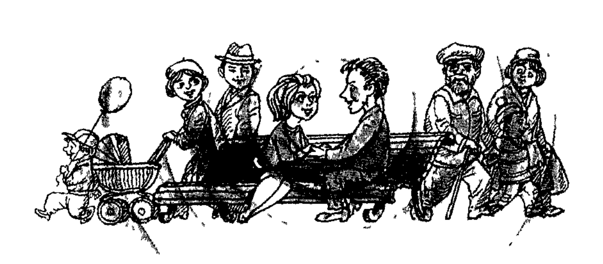
* * *

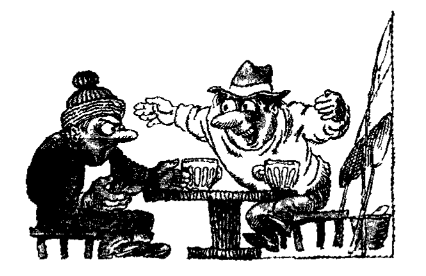
Язык обеспечивает нам все необходимые средства для общения в любой ситуации, языковые особенности функционального стиля также соответствуют его назначению. И богатство языка нужно уметь использовать, хотя это потребует специальных знаний и усилий. Как отмечал А. С. Пушкин, «писать единственно языком разговорным — значит не знать языка».

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ

В неофициальной обстановке, общаясь с близкими, друзьями, знакомыми, мы обычно пользуемся *разговорной речью.* Владеют ею все, но заметили и осознали, как она устроена, лишь после того, как перевели эту речь из устной формы в письменную (с магнитофона на бумагу). Прочли и остановились в недоумении...

А. *Когда там в ТЮЗе детский спектакль/ мне нравится// Потому что там так/ тишина// Чё-то происходит на эт... на сцене/ потом так/* (говорящий делает громкий резкий





Разговорная речь — это речь в неофициальной обстановке

выдох, изображая, как реагируют зрители) *Полный зал/ представляете! Вот как у одного дыхание/ шестьсот человек/ жутко/ вы знаете*

В. *Угу//*

А. *Так удивляешься/ смотришь/ думаешь/ неужели так можно!*

Приглядитесь внимательнее: знаков препинания нет. Да и как их поставить, если разделить текст на предложения невозможно — даже неясно, можно ли здесь употребить сам термин «предложение»? Исследователи стали членить тексты, слушая интонацию· одна косая черта (/) — интонация вверх, две косые черты (//) — интонация вниз

Возник вопрос: на какие синтаксические единицы делится поток разговорной речи? У лингвистов нет на него общего ответа. Дело осложняется ещё и тем, что в диалоге границы речи каждого говорящего прямо не соотносятся с синтаксическими границами. Вот муж и жена приглашают знакомого в гости.

А. *Приезжайте к нам*

В. *Завтра*

А. *Ужинать//.*

Одно предложение — двое говорящих — три реплики! Бывает, что в речи одного говорящего две синтаксические единицы — как бы части сложного предложения — сливаются интонационно, если на стыке стоит слово, которое входит и в первую, и во вторую его части: *Осенью начинаются **такие бури** бывают там на море//; Тебя я пришла **записывать** я тебя жду//.* Как разделить эти высказывания? Интонационной границы нет, выделенный синтаксический член — общий для обеих частей.

СТРАННЫЕ ЧЛЕНЫ СТРАННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Оказалось, что синтаксис разговорной речи совсем не похож на книжный. И эти отличия не ошибки, не нарушения норм; здесь действуют свои нормы, иные, чем в книжной речи.

Вам не мешает/ ***моя дочь играет?*** (подчёркнуто подлежащее);

Фамилия конечно/ ***смеются все//*** (сказуемое, сравните: *смешная*);

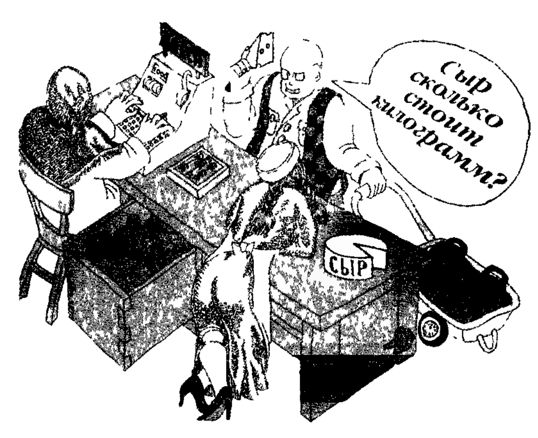
Посмотри ***там гриб растёт//*** (дополнение, сравните: *на гриб*);

А где мой кошелёк/ ***тут лежал?*** (определение).

Во всех этих случаях зависимая часть высказывания занимает синтаксическую позицию внутри главной. Нет грамматических показателей связи между частями, сравните· *Вам не мешает* ***то, что*** *моя дочь играет?* и *А где мой кошелёк,* ***который*** *тут лежал?* В книжной речи они обязательны. Значит, в разговорной речи существует особая система синтаксических связей.

Только в синтаксисе разговорной речи встречаются двойные падежи существительного и двойные формы глагола. Мы слышим от продавца в магазине: *А какой* ***цвет*** *Вам* ***сеточку?*** (хотя возможно: *Вам сеточку какого цвета?*) Можно сказать не только: *Килограмм сыру сколько стоит?*, но и· ***Он*** *сколько стоит* ***килограмм?***, т. е. употребить две одинаковые падежные формы. В сказуемом возможны двойные глаголы: *Я* ***сижу роюсь*** *в книгах//; Он* ***бегал ворчал//****; Как же так можно* ***жить всё терять?***

По особым правилам употребляют в разговорной речи именительный падеж существительного и инфинитив глагола. *Вы за сапогами? —* ***Сапоги*** *отдельная* ***очередь//*** и *Каждый день* ***бегать*** *только* ***надоедать//*** (именительный падеж и инфинитив одновременно в подлежащем и сказуемом). *Я наверное кофе буду пить// —* ***Кофе/*** *надо банку новую откры-*



ЭКОНОМНАЯ РЕЧЬ

Естественная речь... по природе своей эллиптична, мы всегда не договариваем своих мыслей, опуская из речи все, что дано обстановкой или предыдущим опытом разговаривающих. Так, за столом мы спрашиваем: *Вы кофе или чай?;* встретив знакомого, спрашиваем: *Ты куда?;* услышав надоевшую музыку, говорим: *Опять!;* предлагая воду, скажем: *Кипяченая, не беспокойтесь!;* видя, что перо у собеседника не пишет, скажем: *А вы карандашом!* и т. д. Такие случаи, когда подающий воду говорит: *Это кипяченая* ***вода*** или следящий за письмом говорит: *А вы* ***пишите*** *карандашом,* принадлежат, несомненно, к более редким. Язык по природе экономен в средствах. Нетрудно видеть, что эта экономия возможна только при двух уже указанных выше условиях: 1) общности обстановки (обеденный стол, вода, письмо) и 2) общности предыдущего опыта (музыка). Каждая из вышеприведенных фраз сама по себе совершенно непонятна и может иметь огромное количество значений в зависимости от этих двух факторов. Карандашом можно не только писать, им можно заткнуть отверстие, подрисовать брови, растолочь обратной стороной кристалл и т. д. Фраза *А вы карандашом!* может иметь соответственно этому множество значений. Точно так же вопрос *Вы кофе или чай?* имеет в устах хозяйки одно значение, в устах встретившихся в магазине знакомых, делающих закупки, — другое, в устах лекторов по технологии, распределяющих между собой лекции о культурных растениях, — третье и т. д. И все это мгновенно и без малейшего усилия понимается благодаря общей обстановке и общему опыту. Даже и наиболее недоговоренное из предыдущих примеров восклицание *Опять!,* могущее иметь уже поистине бесконечное количество значений, на практике всегда будет понято наиболее точным образом.

Можно даже сказать, что точность и легкость понимания растут по мере уменьшения словесного состава фразы и увеличения ее бессловесной подпочвы. Чем меньше слов, тем меньше поводов для недоразумений. Это прямо приводит нас к причинам «непонятности» литературной речи. Чем литературнее речь, тем меньшую роль играет в ней обстановка и общий предыдущий опыт говорящих. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить два полюса этой стороны речи: разговор крестьянина с женой об их хозяйстве и речь оратора на столичном митинге. Первые говорят только о том, что или перед их глазами, или переживается ими сообща в течение всей жизни ежедневно; второй говорит обо всем, кроме этого. Обстановка в его речи совершенно отсутствует.

(А. М. Пешковский.)

вать// и Очень хочется погулять// — Ну ***гулять/*** *погода прекрасная//* (именительный падеж и инфинитив вынесены в отдельный сегмент). *Нет* ***Сологуб/ это*** *другой вечер//* и ***Поколоть орехи/*** *он уж* ***это*** *любит//* (и именительный падеж, и инфинитив интонационно выделены и замещаются местоимением *это*). *Сами разберутся/ взрослые дети//* (в значении 'так как') и *Он на кухне отбивал котлеты/ жарить//* (в значении 'чтобы': именительный падеж причины и инфинитив цели примыкают к предложению).

Из этих примеров видно, что в разговорной речи много позиций (здесь названы не все), в которых даётся обозначение предмета или действия именем или глаголом, но не указывается их грамматическая связь с другими словами. В таких случаях и употребляют именительный падеж и инфинитив. *А Павловск с какого вокзала? — Павловск* ***Витебский//;*** *А из чего она сделана? —* ***Искусственный мех//*** — в этих диалогах именительный падеж замещает позиции других падежей

Итак, противопоставление именительного падежа всем другим имеет в разговорной речи особый характер, так как именительный падеж в определённых условиях можно использовать вместо других падежей.

Инфинитив в разговорной речи может занимать позиции, свойственные существительному. Он может быть подлежащим: *Мне* ***поспать*** *помогает// А где* ***сушить?*** (грибы, которые предстоит сушить); дополнением: *Щас я притащу* ***пообедать//*** или определением: *Это полотенце* ***вытираться//.***

Разговорная речь резко отличается от книжной правилами расположения слов и частей предложения. Часто наиболее важное по смыслу слово ставится в начало высказывания и поэтому оказывается отделено от тех слов, с которыми оно связано синтаксически: ***Вода*** *я чувствую* ***что тёплая//; Ольга Павловна*** *я думаю* ***что уехала//.*** Бывает, что члены главного и придаточного предложений переплетены друг с другом: *Ты* ***доктор*** *видел* ***когда приезжал?;*** *Тебе* ***собака*** *нравится* ***когда в доме?*** Союз может находиться в конце придаточного предложения: *Все устали// было жарко* ***потому что//*** или в середине: *Все устали жарко* ***потому что*** *было//.*

Слова одного словосочетания в разговорной речи могут быть разделены другими словами. *Курицу на* ***большую*** *положи* ***тарелку*** — определение отделено от существительного глаголом так же, как и во фразе *Надо сегодня* ***молока*** *купить* ***топлёного.***

ВРЕМЕНА И ПАДЕЖИ

Морфология разговорной речи — склонение имён, спряжение глаголов — тоже имеет свои особенности. Многие из них связаны с синтаксисом. Так, в разговорной речи нет причастий и деепричастий, которые обозначали бы добавочное действие (мы не говорим: *Ребёнок,* ***уставший от ожидания,*** *заснул*), нет форм страдательного залога (в разговорной речи невозможно предложение *Работа* ***была выполнена специалистами*** *за месяц*). Эти формы в ней употребляются по-другому: *Я была уставшая; Она у тебя мятая; А что у неё на ногах надето?* (нет значения страдательного залога, а есть только значение состояния, результата какого-то действия). Особые правила действуют и при употреблении кратких форм прилагательных. Мы говорим: *Посмотри, какие розовые облака!* и никогда: *Как розовы облака!*

В разговорной речи часто как бы сливаются словосочетания, выражающие смысловое целое, смысловое единство: *У меня сегодня* ***два день рождения;*** *Ему не хватило* ***пять рублей*** (по книжным нормам: *два дня рождения, пяти рублей*).

В разговорной морфологии есть даже особые формы и особые части речи. Это звательные формы: *Тань!, Федь!* (без оглушения согласной); *Кать-а-Кать!* А к какой части речи можно отнести слова *да* и *нет?* Вероятно, особую часть речи составляют и неизменяемые слова в сказуемых: *Он* ***раз-раз*** *и на улицу//; Погода* ***не очень//;*** *Я сегодня* ***того//*** (т. е. устал, замучен)

«ЗЕЛЁНЫЙ ЧЕХОВ»

Как называют предметы, признаки, действия в разговорной речи? У неё и здесь особые правила. Чаще всего происходит замена словосочетания одним словом: *Ты* ***шариком*** *не любишь? Не пишешь?* (вместо *шариковой ручкой*); *Сахар у вас есть? — Только* ***песок//*** (вместо *сахарный песок*); *Скажите/ а* ***от головы*** *только анальгин?* (вместо *от головной боли*); *Надя в этом году* ***оканчивает/ и поступает//*** (вместо *оканчивает школу и поступает в институт*). Словосочетание «стягивается» в слово, равное ему по значению в разговорной речи.

Но есть и противоположная возможность. Лица и предметы называются расчленённо, не одним словом: ***Товар принимает/*** *сейчас в отпуске/ да?; Поставь* ***из чего пить//;*** *Дай* ***чем вытереться//.*** В книжной речи такие обороты, конечно же, невозможны.

В разговорной речи часты метонимические обозначения: *У тебя* ***зелёный Чехов/*** *да?;* ***В толстом Достоевском*** *«Бесы» есть?; А* ***Рязань*** (делегация из Рязани) *в какой гостинице у вас?; А что в Доме кино? — Там* ***итальянцы//*** (итальянские кинокартины); *Дай мне* ***понедельник/*** *а я тебе* ***среду*** *отдам//* (театральные билеты на определённый день). Есть и метафоры (перенос значения по сходству): *Он такой* ***медведь//;*** *Какая ты* ***юла!*** Или: *Я совсем* ***расклеилась//;*** *Мы там два часа* ***загорали/*** *ждали пока Иван Петрович освободится//.*

Ситуация общения может влиять на противопоставление слов. Мы говорим: *Нет/ это* ***нарядная*** *очень/ а мне надо* ***простую/*** *на каждый день//* (о блузке); *Вот смотри/* ***шёлковых*** *платьев сколько хочешь/ а* ***простых*** *ни одного//.* Здесь *нарядный, шёлковый* — слова, выра-

кающие конкретные признаки, — противопоставлены слову *простой*. Всё значение этого слова сводится к отрицанию конкретного признака. Такими «всезначащими» при противопоставлении могут быть в разговорной речи и слова *прямой, нормальный, пустой*.

МЕРЗЛОТКА И АРБУЗНИК

Как в разговорной речи образуются слова? Словосочетания из двух и более слов — сворачиваются в одно производное слово не *сгущённое молоко*, а *сгущёнка;* не *канатно-кресельная дорога*, а *канатка;* не *Институт мерзлотоведения* (в городе Якутске), а *Мерзлотка*. Слова в разговорной речи короткие и часто многозначные Кто такой *арбузник?* И любитель арбузов, и торговец арбузами

Вот еще примеры, когда производящей основой служит не только слово, но и целое словосочетание. Сравните· *мамин* и *тетикатин*

РЕЧЬ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Современный город — это огромный организм, живущий бурной и многообразной жизнью. Столь же многолика, разнородна и подчас противоречива жизнь его речи.

Устная речь города — его уникальная «звуковая застройка». Не случайно большие художники слова были особенно чутки к языку улицы, умели ценить своеобразие и красоту народного говора. «Мне отрадно и весело шататься по городским улицам, особливо в базарный день, когда они кипят народом... Мне мил этот общий говор толпы; он ласкает мой слух пуше лучшей итальянской арии», — признавался М. Е. Салтыков-Шедрин.

Приглядимся к людскому потоку на улице. Вот куда-то спешат две московские школьницы, весело болтают, смеются. Сразу видно: подружки, и разговор у них, наверное, непринужденный. Обсуждают одноклассника: *Ой! Наш Сидоров/это сплошной улет//Все девчонки от него ташатся//Ага/как начнет что-нибудь рассказывать/вообше прикол!* Перед нами разговорная речь с элементами школьного жаргона.

Изменение ситуации приводит к изменению речевого поведения говорящих. И те же школьницы, заблудившись в городе, спросят дорогу у прохожего примерно так:

— *Извините/не скажете/как пройти к музею Пушкина?*

— *Прямо по Волхонке/слева увидите//*

— *Спасибо//*

А вот две пожилые женщины идут вместе по улице, видимо в магазин за углом.

— *Кирилна/за угол пойдём/аль нет?*

— *А чего там у их есть-то?*

— *А чего тебе надо-то?*

— *Да мне б кочаник капустки беленькай/*

— *А мне сосиськи//Ну пойдем что ли//.*

Это не испорченный литературный язык, как можно подумать. Ученые называют эту разновидность устной речи *городским просторечием*. Просторечие старше литературного языка и уже хотя бы по этой причине заслуживает внимания. Наш литературный язык образовался на основе московского народного говора (московской разновидности просторечия). Ещё в конце XVIII — начале XIX в. речь людей из высшего общества мало чем отличалась от языка простого народа. Широко распространены были, например, такие формы, как *вчерась, нонича, ужасть* и т. п. Знаменитая московская барыня Марья Ивановна Римская-Корсакова в январе 1913 г. писала сыну: *«Милай другъ, Гриша Голубчик мой, ни одно письмо твое мне не зделала такой радости — как ета — я ево получила вчерась с Князь Сергиемь Оболенски. Никак не ожидала, мой родной, знать о тебе — К. Наталья мне ево привезла. Я еio расцеловала и от радости плакала, читавши твое письмо...»*. По мере того как закреплялись и развивались произносительные, грамматические, орфографические, пунктуационные нормы, литературный язык расходился с просторечием.

Современное просторечие отличается от литературного языка составом носителей. На нем говорят коренные городские жители, не вполне владеющие литературным языком (именно коренные!). Если человек приехал в город совсем недавно, он может быть носителем какого-нибудь диалекта. Просторечие и диалект — это отличные друг от друга разновидности языка. Городское просторечие по сравнению с разговорной речью более тесно связано с местными говорами. Если разговорный литературный язык во всех городах России должен быть одинаковым (ведь норма для всех одна!), то просторечие в разных регионах имеет местные особенности. Рязанское просторечие, например, отличается от вологодского или владимирского.

(от *тёти Кати*), *татьяньсаннин* (от имени *Татьяна Александровна*, произнесённого по законам разговорной фонетики, усечённо, — *Татьяньсанна*).

Заимствованные слова, аббревиатуры, междометия, включаясь в слово, преобразуются в основы в соответствии с законами русского словообразования: *киношник, гаишник, хэбэшное платье, хиханьки да хаханьки, Я уже тьфутьфукал.*

Разговорная речь — это чаще всего диалог. Поэтому словообразовательные отношения могут связывать реплики: *Я их **кремом** намазала// — Надо и мне **накремить**//; Я люблю **капусту**// — Да уж/ ты у нас **капустница**//.*

Особые формы могут служить для контакта собеседников. Уменьшительно-ласкательные суффиксы, присоединённые к словам разных частей речи, часто передают только отношение к участнику разговора. Сравните: *Аиньки?* (ласково переспросили); *Спатиньки пора!* (нежно уговаривают ребёнка); *Ничегошеньки не хочу//* (эмоциональное усиление).

НАСТОКА И ВАПШЕ

Разговорная фонетика живёт по своим особым законам. Например, по нормам книжной речи в безударном положении после мягких согласных

РАЗНОВИДНОСТИ МОСКОВСКОЙ РЕЧИ

Исторически сложилось так, что именно московский народный говор лег в основу русского литературного языка, языка Пушкина, Толстого, Достоевского, языка русской национальной культуры. Пушкин когда-то был очарован плавностью и красотой московской речи и призывал учиться русскому языку у московских просвирен. Просвирнями называли женщин, которые работали в специальных пекарнях при московских храмах, выпекали просвиры (про́сфоры — круглые хлебцы из пшеничной муки, употребляемые в православии для причащения). Их речь, судя по воспоминаниям современников, действительно была необыкновенно яркой, сочной и отличалась специфическими московскими чертами. Некоторые из подобных черт до сих пор сохраняются в литературном произношении как старая московская норма, другие остались в просторечии.

Речь, звучащая на улицах Москвы, напоминает лоскутное одеяло. Здесь можно услышать и типично московскую речь, и областные говоры, и русский язык с иностранным акцентом. Москва всегда представляла собой «языковой котел», так как бо́льшую часть её населения составлял пришлый люд. Она привечает всех, а сами москвичи с давних пор славятся гостеприимством.

Москва издавна была торговым и культурным, а со второй половины XIX в. — и промышленным центром России. Московские рабочие в отличие от петербургских очень долго сохраняли связь с деревней. Ткацкие фабрики даже закрывались на время летних сельскохозяйственных работ, так как все работники возвращались домой в деревню на покос, жатву и т. п. Не удивительно поэтому, что в речи многих жителей Москвы долго сохранялись диалектные черты. Однако исконный московский говор выдержал «диалектный натиск» и сберёг свои главные особенности.

Вот лишь некоторые из них. Это прежде всего сильная растяжка предударного [а]. Не случайно в прежние времена бытовала дразнилка, придуманная жителями других областей России: *Мы с Ма-асквы, с па-асаду, с ка-алашного ряду.* На месте сочетания [чн] в Москве произносили [шн]: *було*[шн]*ая, моло*[шн]*ая, кори*[шн]*евый, лото*[шн]*ик, гре*[шн]*евая* (каша). По-московски звучали слова *четьверьг, перьвый, грыбы, кажный, паска, чоринький* (т. е. *черненький*), *суда* (вместо сюда) и др. Для московского народного говора характерны были слова-обращения *мамаша, папаша,* а также слова типа *давеча, страшать, страмить, склизко, пужать* и многие другие.

Речь коренных москвичей также не была единой. Так, в начале XX столетия образованные москвичи говорили на литературном языке. Образцовую московскую речь, сохранявшую черты старого московского произношения, можно было услышать в 30—50-х гг. XX в. от актеров старшего поколения Малого театра. По воспоминаниям старых москвичей, многие из них ходили в Малый учиться правильному литературному произношению. Сохранились рассказы о том, как замечательно говорили актёры-«старики»: В. Н. Рыжова, Е. Д. Турчанинова, Е. М. и П. М. Садовские. Московским говором известного режиссера восхищается герой повести И. Грековой «Кафедра»: *«Физическим наслаждением было слушать* его *речь — плавную, звучную, со старомосковским (ныне редким) произношением. Он, например, говорил: „тьвердо", „сьмерть". .».* Если вы хотите услышать старомосковское литературное произношение, поставьте пластинку с записью голоса Бориса Леонидовича Пастернака, и зазвучит плавная, напевная, мягкая московская речь: *«Во всем мне хочется дойти до самой сути...».*

В Малом театре можно было услышать и другую разновидность исконной московской речи — просторечие, московский народный говор. Этот говор звучал в пьесах А. Н. Островского о быте и нравах купцов Замоскворечья. Некоторые черты московского просторечия и сейчас встречаются в речи старшего поколения москвичей.

Подобно тому как Москва-река вбирает в себя мелкие ручьи и речки, оставаясь при этом полноводной Москвой-рекой, так и московская речь, вобрав в себя многие речевые потоки, сохранила неповторимый, самобытный облик.

произносят звук, близкий к [и]: *д*[и]*ревья* (фонема <е>), *т*[и]*жёлый* (фонема <а>), *черным-ч*[и]*рно* (фонема <о>). Только фонема <у> даже в этой позиции остаётся сама собой: [т'у]*рбан* Оказывается, разговорная речь и её не щадит. Строчка из стихов К. И. Чуковского «Федорино горе» читается так: «*Сковородка на бегу/ закричала ут*[и]*гу*». В тетрадях школьников встречаются такие написания: *челести* (вместо *че**лю**сти*), *вычерный* или *выч**и**рный* (вместо *выч**у**рный*). Говорят: *ч*[и]*довище, т*[и]*льпанчик, ощ*[и]*щение.*

Группа гласных стягивается в один звук: [ванш'е́] — *вообще*, [къп'ират'и́ф] — *кооператив*. Согласные исчезают: [т'и́э] — *тебе*, [с'иэ] — *себе*, [в'и́ит] — *видит*, [д'еу́шкъ] — *девушка*, [хо́ит] — *ходит*. Группы согласных упрощаются, или один из них утрачивается: *когда* — [када́], *сколько* — [ско́ка], *настолько* — [насто́ка], *разве* — [ра́зъ]; или между ними вставляется гласный: [ру́бъл'] — *рубль*, [т'а́тър] — *театр*.

Из-за выпавших звуков слова меняют слоговой состав: *он говорит* — [он гът]; *наверно* — [наэрнъ], [нърнъ], [нэнъ]; *конечно* — [къэш], [кыш]. Происходят и фонетические «слияния» слов, так как они теряют конечные слоги и звуки: *Профес(сор) стал беспокоиться* (произносят *професстал*); *Лош(ади) шарахаются от него.*

Господин Журден, герой комедии Жана Батиста Мольера «Мещанин во дворянстве», очень удивился, узнав, что он всю жизнь говорил прозой. Исследования разговорной речи показали, что на самом деле мы нередко говорим... почти стихами! Фонетический поток разговорной речи ритмически организован, например: *Ты́ Тань по́мнишь? Ты́-то по́мнишь? Ты́* [кыш] (конечно) *по́мнишь?* Эти высказывания строятся, как хоре́й в стихе: ударный — безударный слог, ударный — безударный. А может быть и так: *Ну Та́ня спо́й! Коне́чно спо́й! А ты́ придёшь?* Здесь другой ритм — ямб. Слова укладываются в нём по-другому.

Ритмичность часто достигается изменением порядка слов, использованием служебных частей речи *(ты-то)*. В вводных словах варьируется слоговой состав слова: [канешнъ], [кышнъ], [кыш] — *конечно*, а вместе с тем и произношение звуков. Всё это подчинено организации речевого ритма.

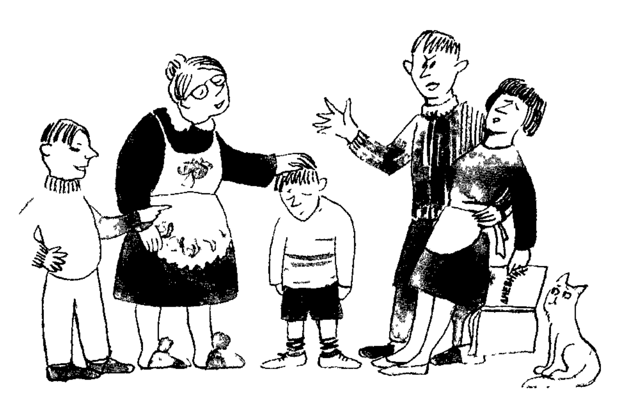
КНИЖНЫЙ ЯЗЫК И РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫК

Есть ли общие законы, которые отличали бы разговорную речь от книжной? Лингвисты уже открыли некоторые из них.

И в разговорной, и в книжной речи можно встретить словосочетание *оставить **на** ужин*. Но только в разговорной речи возможно: *оставить **на** потом* (*на* + наречие), ***на** после обеда* (*на* + существительное с предлогом), ***на** когда вам захочется* (*на* + придаточное предложение). Предлог *на* с временным значением, таким образом, сочетается не только с существительными, но и с другими словами и даже с целыми синтаксическими конструкциями, указывающими на отрезок времени. Смысловая общность наречия, предложно-падежной группы, придаточного предложения здесь важнее их грамматических различий. Иными словами, в разговорной речи семантический (смысловой) принцип организации предложения преобладает над формально-грамматическим. В книжной речи действует именно формально-грамматическое правило: предлоги могут сочетаться только с существительными.

Ещё один случай. Сравнительная форма образуется в книжном языке только от прилагательных и наречий, а в разговорной речи — ещё и от существительных, имеющих значение качества, которое может быть представлено в разной степени: *А она ещё **дылдее** меня* (говорит немного иронически одна высокая женщина, увидев ещё более высокую). Можно услышать: *хам — хамее, ханжа — ханжее* и т. д.

Второе важное отличие разговорной речи состоит в том, что в ней существуют специальные конструкции, выражающие *актуальное членение* высказывания. Что такое актуальное членение? Возьмём фразу: *Петя прилетает завтра.* Прочитать её можно по-разному в зависимости от того, какой смысл в ней хотят выразить: ***Пе́тя*** (а не Коля) *прилетает завтра. Петя прилетает **за́втра*** (а не сегодня). *Петя завтра **прилета́ет*** (а не приедет поездом). Необходимо выделить ударением, а иногда



Мимика и жесты вместе с разговорной речью образуют единую систему общения.

и порядком слов слово, обозначающее новую информацию, которую мы хотим сообщить. Остальная часть предложения обозначает известное, исходное, данное. Такое деление высказывания и называют актуальным членением.

Каких только конструкций вы не встретите в разговорной речи: *Петя/ он завтра прилетает? — Петя/ вот кто завтра прилетает//.* Этих конструкций нет в книжной речи. Данное и новое в них распределены по-разному.

Лишь в разговорной речи возможно такое преобразование вопросительных высказываний: *Кто? Петя прилетает завтра?; Петя что? прилетает завтра?; Петя когда? завтра приезжает?* Вопрос внутри вопросительного высказывания выделяет актуальную информацию.

Итак, открытие разговорной речи стало событием в лингвистике XX в. Оказалось, что русский язык состоит из двух систем (книжной и разговорной), что разговорная система во многом непохожа на ту, которая описана в учебниках и грамматических справочниках. Она в своём воплощении тесно связана с опытом говорящего и ситуацией общения. Мимика и жесты берут на себя значительную часть работы по передаче информации. Вместе с ними разговорный язык образует единую систему общения.

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШАЯ РЕЧЬ?

Несложно сформулировать, что такое плохая речь — она нарушает те или иные нормы. Хорошая речь поддаётся определению не всегда: зная, чего в ней быть не должно, гораздо труднее сказать, что для неё необходимо. Особенно это относится к речи талантливой, когда она приближается к художественному произведению. Как никакая наука не может доказать, что стихи Пушкина гениальны, так нельзя доказать, что один человек — прекрасный рассказчик, а шутки другого остроумны.

Однако чаще всего под хорошей речью мы подразумеваем просто речь правильную, богатую и гибкую. Здесь уже наука вступает в свои права: эти качества поддаются описанию. Правильная речь — это речь, которая соблюдает нормы литературного языка. Они описаны в грамматиках и словарях, с их помощью можно доказать правильность или неправильность слова или выражения. Богатая речь — это большой словарный запас и разнообразие синтаксиса; и то и другое вполне поддаётся точному учёту. Гибкость оценить значительно труднее: она предполагает, что человек умеет пользоваться языковыми средствами, употребляет их уместно. Уместность эту мы чувствуем, но определить и сформулировать её нелегко.

Грамотность — элементарное, предварительное условие хорошей речи. Если человек говорит *звóнит* вместо *звони́т* или *благодаря его* вместо *благодаря ему* — речь его нельзя считать хорошей. Казалось бы, какая разница! Всё равно понятно, о чём идёт речь. Однако это не так. Во-первых, понятно не всегда: синтаксические и грамматические ошибки часто порождают двусмысленности. Во-вторых, любая неправильность заставляет слушающего делать над собой усилие: понимать такую речь сложнее. Так же раздражает слишком быстрая или невнятная речь: невежливо заставлять собеседника напрягаться по пустякам.

Первое условие того, что человек умеет говорить, — стилистическая чуткость. Это значит: он говорит так, как следует в данной обстановке. Язык как одежда: человек в резиновых сапогах на концерте в филармонии одет плохо, но плохо одет и человек в костюме и при галстуке у костра на рыбалке

Второе условие. Чувство такта (а иногда и чувство самосохранения) требует принять в расчёт и собеседника (разговаривать с директором школы так же, как с одноклассником, небезопасно). Изысканные аристократические обороты уместны, если слушатель думает: «Это человек

нашего круга» или «Видно, что юноша из хорошей семьи», и неуместны, если собеседник злится: «И чего он выпендривается?».

Третье (и, пожалуй, главное) условие Чтобы хорошо говорить, нужно владеть речью, как скульптор — резцом или фехтовальщик — шпагой Анна Андреевна Ахматова говорила· «Воспитанный человек никого не обижает случайно Он обижает только намеренно». Это касается и слов. они могут быть двусмысленны, обидны, нелепы, но только умышленно и никогда случайно.

Владение речью предполагает прежде всего богатый словарный запас. Если человеку нечем выразить восхищение, кроме междометий или восклицания *Ну даёт! Круто!*, его речь вряд ли найдёт слушателей Человек с богатым словарным запасом ощущает разницу между близкими по значению словами и выражениями — разницу и смысловую, и стилистическую. Умение выдержать стиль необходимо, чтобы речь была точной и не резала ухо

Не менее важно и богатство интонаций. Опытный рассказчик, например, чувствует, когда

НЕ ВОЗНИКАЙ!

Жаргон — это своего рода язык в языке. Строго говоря, *ж а р г о н* — это разновидность речи какой-либо группы людей, объединённых единой профессией (жаргон летчиков, шахтеров, моряков), занятием (жаргон спортсменов, коллекционеров) и т. п. Молодежный жаргон часто называют *сл е́ н г о м* (от *англ.* slang) или *а р г о́* (от *франц.* argot).

В молодёжной среде жаргон бытовал издавна (жаргон семинаристов, гимназистов). Главное в этом языковом явлении — отход от обыденности, игра, ирония, маска. Раскованный, непринужденный молодежный жаргон стремится уйти от скучного мира взрослых, родителей и учителей. Они говорят: *Хорошо!* А мы: *Клево! Классно! Прикол!* Они: *Вот незадача!* Мы: *Ну и облом!* Они: *Это слишком сложно!* Мы: *Не грузи меня!* Они *восхищаются,* мы *торчи́м* или *та́шимся.*

Молодежный жаргон подобен его носителям — он резкии, громкий, дерзкий. Он — результат своеобразного желания переиначить мир на иной манер, а также знак «я свой». Язык здесь отражает внутренние устремления молодых ярче и сильнее, чем одежда, прически, образ жизни. Школьники называют оценки — *тройбан, параша.* Студенты обычно переиначивают на свой лад названия академических предметов: не *коллоидная химия,* а *колда́;* не *линейная алгебра,* а *линейка;* не *строение молекул,* а *строймол;* не *математический анализ,* а *матан. Академический отпуск* называют *академкой* (или *академ*).

Молодежныи жаргон легко вбирает в себя слова из разных языков (из английского — *шузы, бэг, мэн, хаер;* из немецкого — *копф* 'голова'), из разных диалектов (*берлять* 'пить', *ухайдокать* 'утомить'), из уголовного языка — *круто, шмон, беспредел.*

Поколения молодых сменяются через пять—семь лет, а с ними меняется и жаргон. Никто сейчас уже не помнит оценок *Потрясно!, Железно!* 'хорошо' или оценок типа *Пшено!* 'плохо', так широко распространенных в 60—70-х гг. XX в. Новый или старый, жаргон остается с молодежью как непременное условие непременной игры, как островок естественности и свободы в строго регламентированном мире взрослых, как *фенечка* на руке или *хайратник* на голове.

О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

Рассказывают, что один дворник, считавший себя до́кой не только по части метлы и лопаты, изъяснялся с начальством фразами типа *На вверенной мне территории какие-либо нежелательные скопления отходов и вторсырья не имеют места.* Недовольный отплатой своего труда, он заявил: *Вследствие отсутствия ежемесячных поощрений в виде премиальных дотаций не считаю себя обязанным пролонгировать трудовой договор с вашим учреждением.*

Речь его правильна, ошибок нет, да не на месте эта правильность у бытового разговора (даже с начальством) свои законы, а у канцелярской бумаги — свои.

Речь человека — зеркало его общей культуры. Если человек жует жвачку из одних и тех же слов и оборотов, без разбора вставляя их и в бытовую беседу, и в официальное письмо, это говорит о его низкой речевой культуре.

Какую же речь мы признаем *культурной?* Прежде всего она должна быть правильной, т. е. находиться в полном согласии с нормами литературного языка. В среде носителей русского литературного языка, например, надо говорить [вада́], а не [вода] (т. е. акать, а не окать); [го́ды], а не [ү́оды] (такой особый, фрикативный звук произносят жители южнорусских областей на месте буквы **г**); *идет,* а не *иде*[т']; *класть* и *положить,* а не *покла́сть и ложить;* нельзя употреблять наречие *обратно* во временно́м смысле, например: *Я* ***обратно*** *хочу есть* (вместо *снова*).

Это не значит, что люди, которые говорят не на литературном языке, а, например, на местном диалекте, говорят некультурно. История устного народного творчества знает сказителей и сказительниц, чья речь была выразительна, богата, красочна и отличалась высоким уровнем культуры, но культуры иной — диалектной, народной. Да и в наши дни немало деревенских стариков и старух говорят так, что заслушаешься, — ярко, образно. Чем же это не культура речи, речи народной, еще не освоенной литературным языком?

Следовательно, в каждой социальной среде — свои требования к культуре речи. Но лишь в среде носителей литературного языка они формулируются в виде более или менее явных правил, а не подразумеваются, как в диалектной речи. Поэтому, когда лингвисты говорят о культуре речи, чаще всего они имеют в виду речь литературную, нормированную.

Правильность — лишь первое условие подлинной речевой культуры. Можно говорить (или писать) правильно, без ошибок, но однообразно, бесцветно, тускло. Выразительность — особое мастерство. Достигается она умелым и гибким употреблением лексики разных стилей, разнообразием синтаксических конструкций; в устной речи особенно ценно богатство интонаций. Языковые средства — слова, обороты, синтаксические конструкции — также должны соответствовать целям и условиям общения, т. е. речь должна быть уместной.

Владение выразительными средствами языка и умение использовать их в зависимости от ситуации общения, в частности умение выбрать нужный речевой стиль, — второе условие культурной речи.

В бытовой речи неуместны слова *идентичный* вместо *одинаковый; таковой* вместо *этот, такой; ибо* вместо *потому что, нежели* вместо *чем.* То, что хорошо в судебном иске или справке из домоуправления, режет слух в обычной беседе. Особенно неприятен канцелярит — неуместное употребление бюрократических слов и оборотов. *Ввиду повышенной разъяренности животного я был вынужден спасаться на дереве* — это уже не охотничий рассказ, а пародия.

Точно так же в научном сочинении или в деловом документе не нужны стилистически сниженные, разговорные слова и обороты: *аж, даже, сперва, докопаться, остолбенеть, дошлый, как бы не так* и т. п.

Культурная речь не всегда самая эффективная. Бывают ситуации (например, паника, массовый психоз и т. п.), когда восстановить порядок можно только с помощью резких, иногда весьма «некультурных» слов и выражений, а речь, построенная по всем канонам литературной стилистики, не даст никакого эффекта.

Не стоит украшать свою речь цветистыми выражениями: их избыток свидетельствует скорее об отсутствии языкового вкуса, чем о подлинной речевой культуре. А вкус — это главное мерило подлинной речевой культуры.

ДЕМАГОГИЯ

Слово *демагог* (*греч.* «demagogós») переводится буквально как «народоводитель», «предводитель народа». Слово это появилось во времена афинской демократии. Политика этого города вершилась гласно — в народном собрании. Поэтому политик (демагог) в Афинах всегда был человеком, владеющим искусством публичной речи. Когда в Афинах наступали тяжелые времена, многие краснобаи пользовались ими, чтобы выдвинуться. Они вносили предложения, которые могли прийтись по вкусу взвинченной, истеричной толпе, даже если видели, что государству это могло принести только вред. С их подачи, например, афиняне не раз изгоняли или казнили своих выдающихся мыслителей (Протагора, Сократа), государственных деятелей и полководцев (Перикла Младшего) — как раз тех, кто мог бы вывести город из кризиса. Людей, использовавших искусство красноречия на пользу себе и во вред государству, стали презрительно называть демагогами.

Слово «демагог», изначально высокое (демагогом именовали, например, Перикла — величайшего из афинских правителей), приобрело значение ‘беспринципный политик’, ‘карьерист’. А демагогией стали называть дурное многословие.

Демагогия — это когда человек говорит вроде бы правильные вещи, но неуместные в данный момент (спартанцы одного такого оратора перебили словами: «Ты говоришь дело, но не к делу»). Демагогия — когда оратор, чтобы избежать разумного обсуждения вопроса, разогревает эмоции слушателей (чаще дурные — страх или ненависть), лишая их способности рассуждать. Демагогия — пышнословие на пустом месте, с целью затемнить суть дела. Это один из самых старых и распространенных способов манипулировать людьми, играя на их предрассудках или невежестве.

КАНЦЕЛЯРИТ

Считается несолидным в газетной статье или очерке написать, к примеру: *Мы решили больше не пытаться...* Нет, непременно напишут: *Мы приняли решение прекратить попытки.* Или о работе экипажа космической станции: *Проводился забор* (!) *проб выдыхаемого воздуха.* Этот *забор* не залетел бы в космос, если бы не стеснялись сказать попросту: *Космонавты брали пробы.* Но нет, несолидно!

И вот громоздятся друг на друга существительные в косвенных падежах, да все больше отглагольные: *Процесс развития движения за укрепление сотрудничества, Повышение уровня компетенции приводит к неустойчивости; Столь же типовым явлением является мотив мнимой матери; Блуждание в... четвертом измерении .. окончательное поражение, когда подвергаешь сомнению свое. . существование!; С полным ошеломления удивлением участвовал он мгновение назад в том, что произошло..* Это не придумано! Это напечатано тиражом 300 тыс. экземпляров.

Слышишь, видишь, читаешь такое — и хочется снова и снова бить в набат, взывать, умолять, уговаривать «Берегись канцелярита!».

Это — самая распространенная, самая злокачественная болезнь нашей речи. Много лет назад один из самых образованных и разносторонних людей XX в., редкостный знаток русского языка и чудодеи слова Корней Иванович Чуковский заклеймил ее точным, убийственным названием Статья его так и называлась «Канцелярит», и прозвучала она поистине как SOS <...>

Так что же он такое, канцелярит?.

Это — вытеснение глагола, т. е. движения, действия, причастием, деепричастием, существительным (особенно отглагольным!), а значит — застойность, неподвижность. И из всех глагольных форм пристрастие к инфинитиву.

Это — нагромождение существительных в косвенных падежах, чаще всего — длинные цепи существительных в одном и том же падеже — родительном, так что уже нельзя понять, что к чему относится и о чём идет речь.

Это — обилие иностранных слов там, где их вполне можно заменить словами русскими.

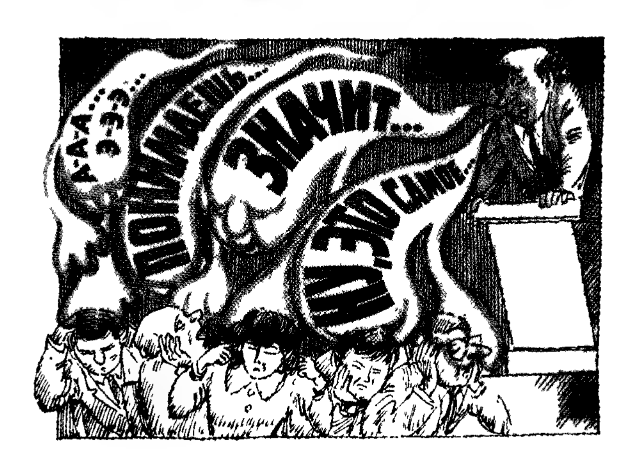
Это — вытеснение активных оборотов пассивными, почти всегда более тяжелыми, громоздкими.

Это — тяжелый, путаный строй фразы, невразумительность Несчетные придаточные предложения, вдвойне тяжеловесные и неестественные в разговорной речи.

Это — серость, однообразие, стертость, штамп. Убогий, скудный словарь: и автор, и герои говорят одним и тем же сухим, казенным языком. Всегда, без всякой причины и нужды, предпочитают длинное слово — короткому, официальное или книжное — разговорному, сложное — простому, штамп — живому образу.

Короче говоря, канцелярит — это мертвечина.

(По книге Н. Д. Галь «Слово живое и мертвое».)



нужно сделать эффектную паузу, а когда — понизить голос. Он умеет лёгким движением тона выделить чужую речь или произнести чеканную формулировку так, чтобы она врéзалась в память.

Есть, конечно, вещи, которых делать нельзя. Верный признак дурной речи — привязчивые словечки, слова-паразиты вроде *значит, ну, это самое.* Они допустимы только как пародия, когда рассказчик говорит от лица косноязычного персонажа. Но пародия тоже должна быть уместной. Портят речь и шаблонные словосочетания (если они не обыгрываются специально): *процесс духовного возрождения, люди в белых халатах, рост благосостояния.*

Грубость речи — приём неумелых. Его используют лишь те, кто не умеет иначе убедить слушателя или уничтожить противника. *«Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав»* — это понимает любой слушающий.

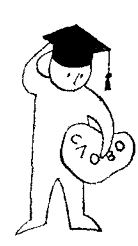
Всегда плохо и нарушение чувства меры. Если человек всё время пытается острить или сыпать парадоксами, он выглядит навязчивым. Если он говорит слишком возвышенно, кажется неискренним. Если же просто говорит слишком много — быстро наскучит слушателям. «Ничего слишком» — это древнее правило касается и речи.

Хорошо, когда культуру речи вы усвоили в семье, — а если нет? Как исправить свою речь? Для этого необходимо прислушаться к тому, как говорите вы сами и как говорят другие: легче всего учиться, подражая тому, кто говорит свободно и чисто. Другое средство — больше читать, особенно писателей-классиков: их язык, конечно, не во всём совпадает с современным, но по-прежнему во многом остаётся эталоном. Наконец, есть специальные книги, описывающие самые частые ошибки. Они подскажут, на что нужно обратить особое внимание.

Умение говорить ценилось во все века и у всех народов. Но только в Древней Греции, а затем в Древнем Риме убедительной речи стали учить (см. статью «Язык создаёт красоту»). Учили, конечно, главным образом публичному красноречию: риторов (ораторов) специально нанимали, чтобы подготовить речь в суде или в народном собрании. Но и обычной, бытовой речи тоже учили. Мы до сих пор называем греческим словом *лакóнизм* (от *греч.* «lakōnismós») умение говорить точно, кратко и выразительно. Так говорили воинственные спартанцы (Спарта находилась в Лакóнике, области на юго-востоке Пелопоннесского полуострова): каждую фразу они строили как донесение или приказ.

Были эпохи, когда особенно ценилось умение рассказывать и вести разговор. Во Франции XVII—XVIII вв. и в России конца XVIII — начала XIX в. сложилась целая культура светской салонной беседы. Человек, в совершенстве овладевший этим искусством, мог занять положение в обществе, не обладая ни титулом, ни состоянием. Прославленных говорунов и остроcловов стремились заполучить в гости, их специально приходили послушать.

В те века родился афоризм: «Стиль — это весь человек». Времена изменились, но по-прежнему умению говорить придают большое значение. Владение хорошей речью остаётся важным не только для политика и адвоката, журналиста и учителя. Наше впечатление о человеке во многом зависит от его манеры говорить. А то, как мы говорим, определяет, будем ли мы услышаны и правильно поняты.



НЕ ТОЛЬКО ИНФОРМАЦИЯ

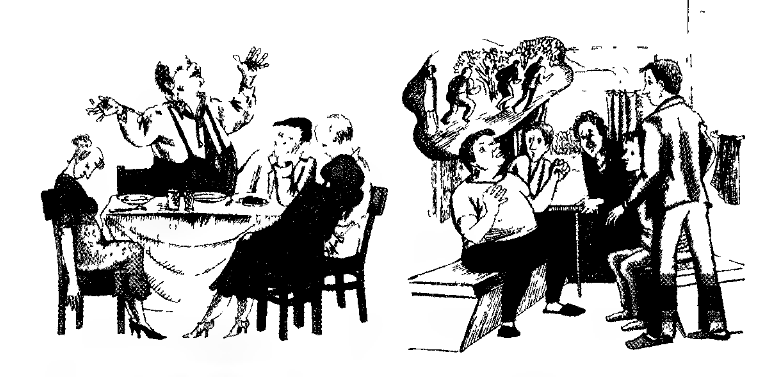
ЯЗЫК СОЗДАЁТ КРАСОТУ

ИНФОРМАЦИЯ ИНФОРМАЦИИ РОЗНЬ

Собеседники бывают интересными и скучными Один по пустяковому поводу обронит фразу — и её хочется запомнить и повторить. Другой говорит о самых важных вещах — а слушать скучно. Почему так происходит? Ведь главное назначение языка — передавать информацию Казалось бы, чем больше информации содержится в речи и чем информация важнее, тем больший интерес представляет речь.

Но вот в поезде вы с интересом слушаете историю из жизни случайного попутчика. Чем она вас привлекает? Информацией, которая в ней содержится? Да, информация в ней есть, но сама по себе она для вас совершенно бесполезна. Ваше любопытство ничуть не уменьшится, если история приукрашена или вовсе выдумана — хотя в этом случае её информационная ценность равна нулю. Чтобы история была интересной, рассказчик должен вызвать в вас те чувства, на которые он рассчитывает· умилить, напугать, рассмешить Тогда главным содержанием окажутся какие-то забавные свойства человеческой натуры, или мысли о том, как нелепо и несправедливо устроен наш мир, или что-нибудь подобное.

И так бывает довольно часто. Когда вас поздравляют с днём рождения, то не сообщают ничего нового, поздравление удаётся, если вы верите, что этот человек в самом деле хорошо, искренне к вам относится. Когда вы выслушиваете выговор за дурное поведение, в нём не содержится ни одной животрепещущей новости; выговор удачен, если вам стало стыдно. И когда лермонтовский полковник перед сражением, сверкнув очами, обратился к солдатам: «*Ребята, не Москва ль за нами?*», он не сообщил им ничего нового. Но если после его слов



у них прибавилось решимости идти на смерть, он хорошо сказал.

Значит, не всё сводится к информации?

МЕЖДУ ИСКУССТВОМ И БЫТОМ

Когда говорящему удаётся сообщить не только информацию, но и чувства, когда важно не только что сказано, но и как это сказано — значит, он владеет искусством слова. В обычной речи слова прозрачны — так взгляд видит не оконное стекло, а то, что за ним. Художественная речь как витраж: мы любуемся именно ею.

Такая речь хорошо запоминается, потому что на ней сосредоточено внимание. Поэтому до распространения письменности, когда важную информацию можно было хранить лишь в памяти, её излагали именно такой, не совсем обычной речью. А что было особенно важным? Сведения о прошлом — то, что сейчас назвали бы мифами и историческими преданиями; они объясняли устройство мира, давали образцы правильного и неправильного поведения. Законы — чтобы разрешать споры между людьми: советы — на каждый день, т. е. пословицы; молитвы и заклинания, определявшие отношения людей с высшими силами. Изменишь заклинание — оно не подействует; заменишь одно слово в законе — его смысл станет другим. Поэтому веками люди вырабатывали для таких случаев особую речь: сжатую (чтобы легко было запоминать) и отличающуюся от обычной речи. Библия о ней говорит так: «Слова мудрых — как иглы и как вбитые гвозди...» (Еккл. 12.12). Постепенно складывались особые приёмы, делавшие речь выразительной, ими пользовались с глубокой древности все народы. Но изучать эти приёмы первыми стали греки, для чего у них были особые условия.

НЕМНОГО О РИТОРИКЕ

Уникальная судьба древнегреческой культуры во многом определялась двумя обстоятельствами. Во-первых, Греция в отличие от стран Древнего Востока была не единым государством, а совокупностью небольших общин. Во-вторых, именно в таких общинах важные решения можно было принимать сообща. Так появилась греческая демократия, при которой высшая власть была в руках народного собрания. Судьи тоже были выборные, а не назначенные царём, и судили не в одиночку, а все вместе. Чтобы принять решение, его надо обсудить; чтобы оно было таким, каким нужно, остальных надо убедить. И в какой-то момент греки обнаружили, что умение убедительно говорить — не дар богов, ему можно научиться. Появилась наука об ораторском искусстве — *риторика* (*греч.* «rhētorikē»). «Поэтами рождаются, ораторами становятся» — так говорили древние.

Пользу ораторской науки скоро оценили и поэты, хотя они прекрасно знали, что поэзия к ней не сводится. До XVIII в. риторика оставалась обязательным предметом при изучении словесности. Только во времена романтизма главной ценностью стали считать искренность, а не правильность и сделали слово *риторика* ругательным. Но все названия словесных украшений, которые используют до сих пор, взяты из учебников и трактатов по риторике.

Риторика осталась не только в названиях. Писатели XIX и XX вв. отказались от многих риторических правил, которые казались незыбле-

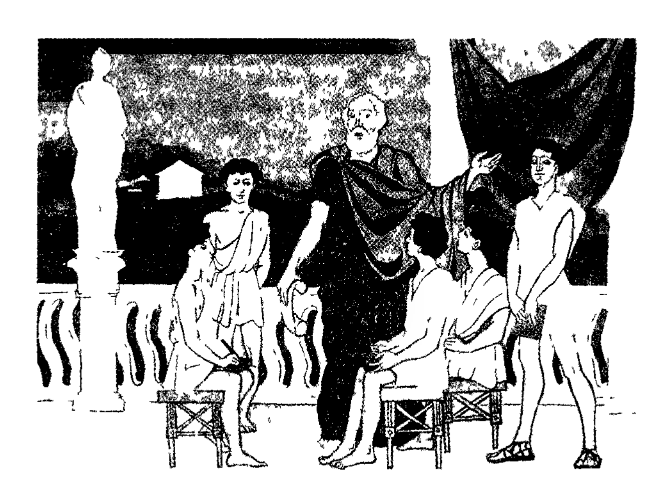
ОБ ИСКУССТВЕ РЕЧИ

В речи не должно быть столкновения гласных, потому что тогда речь будет спотыкающейся, и нельзя одно слово кончать, а другое, следующее за ним, начинать одним и тем же слогом. Точно так же не надо ставить близко одно от другого одинаковые слова. Употреблять слова надо подходящие для метафор не тяжеловесных, или же красивые, или наименее искусственные, или самые общеизвестные. Проза не должна быть прозой вполне: иначе она будет суха; но не должна быть она и всецело метричной, так как это слишком бросается в глаза. Но пусть перемешаны будут в ней разные ритмы, в особенности же ямбические и трохеические. Излагать дело надо так, чтобы за первым фактом следовал второй и т. д. по порядку, и не переходить к следующему, не закончив первого.

(Исократ.)

Скажем о том, как надо поступать, чтобы говорить изящно и делать речь пространной, когда это кому-нибудь бывает желательно. Говорить изящно — значит говорить высказывая мысль наполовину, но так, что другая ее половина была слушателям и без того понятна. Следует также вводить в речь изречения. Мысли необходимо всячески разнообразить, меняя выражения и никогда не давая повторения сходных мыслей одинаковыми словами. Тогда речь будет выглядеть изящной.

(Анаксимен. «Риторика».)



мыми, но не смогли отказаться от риторики вообще. ведь литература — всегда оформленное и неслучайное слово. Законами такого оформления и ведает риторика.

СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА...

Искусство стремится показать мир таким, каким мы его видеть не привыкли Виктор Борисович Шкловский (1893—1984), замечательный русский писатель и литературовед, назвал это свойство искусства *остранением.* Художник показывает мир странным, заставляя нас посмотреть на него со стороны Искусство слова остраняет прежде всего язык.

Каждый владеющий тем или иным языком чувствует, что для данного языка естественно, а что — нет. Чтобы привлечь внимание, речь должна нарушить эту естественность и привычность. Для этого используют разные приёмы ритм, подбор звуков и рифма делают звучание необычным; редкие слова, необычные значения слов и неожиданные словосочетания, особый порядок слов и строение предложений тоже могут привлекать внимание Эти «странности» вспыхивают, как блёстки, на фоне будничной речи. Необычные сочетания слов принято называть *фигурами речи* (от *лат.* figura — первоначально «поза»), а слова в иных, часто переносных значениях — *тро́пами* (от *греч.* «tro̍pos» — «поворот», «оборот», «оборот речи»)

Одна из самых древних фигур — *повтор;* его используют и в бытовой речи, чтобы привлечь внимание. «***Никогда, никогда*** *от тебя нет покоя!*» — кричит кто-то младшему братишке, вовсе не думая при этом о риторике. Русский поэт Владислав Фелицианович Ходасевич описывает, как к нему приходят стихи.

И ***музыка, музыка, музыка***
Вплетается в пенье моё,
И ***узкое, узкое, узкое***
Пронзает меня лезвиё...

Конечно, начальные строки не означают, что вплетается одна, другая, третья музыка — повтор указывает не на количество, а на важность. Ясно, что это не просто музыка (например, в соседней комнате заиграл рояль), — это что-то другое, может быть, вдохновение. Повтор не только усиливает значение слова, он его изменяет

Повтор начала строки (строфы, предложения) называется *ана́форой* (от *греч.* «anaphora̍» — «вынесение вверх»):

Пляшет *перед звёздами звезда,*
Пляшет *колокольчиком вода,*
Пляшет *шмель и в дудочку дудит,*
Пляшет *перед скинией Давид.*

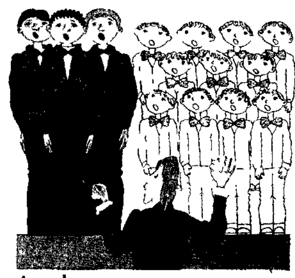
А А Тарковский

Повтор последних слов называется *эпи́форой* (от *греч.* «epi» — «после» и «phoros» — «несущий»):

Зачем, златое время, ***летишь?***
Как всадник, ногу в стремя, ***летишь?***

М А. Кузмин

Конец фразы, стиха или строфы может быть подхвачен началом следующей — это *стык:*



Анафора

Эпифора

Стык

Охват

Я мечтою ловил ***уходящие тени,***
Уходящие тени *погасавшего дня,*
Я на башню всходил, ***и дрожали ступени,***
И дрожали ступени *под ногой у меня.*

К. Д. Бальмонт

Если же повтор окаймляет отрезок текста — такая фигура называется *охватом.*

Пью горечь *вечеров, ночей и людных сборищ,*
Рыдающей строфы сырую ***горечь пью.***

Б. Л. Пастернак

Разные формы повторов могут сплетаться в довольно сложные узоры, как, например, у Марины Цветаевой:

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ

Сочинение стихов требует таланта, вдохновения и... уединения в лунной ночи. Но стихосложение также может стать весёлой, увлекательной и даже азартной игрой.

РИФМЫ

Наиболее распространённая поэтическая игра — *рифмы.* Берётся любое слово, и игроки должны по очереди назвать свою рифму. Кто не может — выбывает из игры.

Даже к самому мудрёному слову можно подобрать рифмы. Возьмём, например, слово *ажиотаж.* Посмотрите, сколько у него рифм: *абордаж, арбитраж, багаж, блажь, блиндаж, вираж, гараж, гуашь, гуляш, дренаж, ералаш, камуфляж, карандаш, кураж, массаж, метраж, метранпаж, мираж, монтаж, муляж, паж, палаш, пейзаж, персонаж, плюмаж, пляж, репортаж, саквояж, стаж, стеллаж, страж, тираж, торгаш, трикотаж, фураж, фюзеляж, чуваш, шантаж, шпионаж, экипаж, этаж, ягдташ.*

И это только существительные в единственном числе и именительном падеже! Если же играть без такого ограничения, то рифм наберётся ещё больше: *наш, краж, дашь, намажь* и т. д.

БУРИМЕ

На подборе рифм строится игра *буриме́* (от *франц.* bouts rimés — «рифмованные концы»). Стихи, чаще шуточного характера, сочиняют на заданные рифмы, причём, как правило, не связанные по смыслу. Игра была популярным салонным развлечением в XVII—XVIII вв. Сейчас в этом жанре выступают немало блестящих мастеров эстрады. Юрию Горному, человеку-феномену, который соперничал с компьютером, показывая на своих моноспектаклях чудеса памяти, как-то предложили четыре пары замысловатых рифм: *воздух — отдых, недуг — досуг, игра — топора, земля — рубля.* И он мгновенно прочитал стихотворение из восьми строк:

Избу не возвести без друга —
топора,
И труд иной порою просто
отдых,
Работа — радость мне:
весёлая ***игра,***
Когда в лицо — удачи
свежий ***воздух.***
Болезни я отверг,
мне незнаком ***недуг.***
Не трачу на лекарства ни ***рубля.***
Дорогой под ноги мне
стелится ***земля:***
Природа для меня —
лекарство и ***досуг.***

Может быть, кто-то скажет: «Не шедевр», но попробуйте за две секунды придумать что-нибудь получше.

БЕСКОНЕЧНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Можно сочинять бесконечные стихотворения, которые продолжаются вечно, как само время. У них кольцевая структура: они напоминают змею, кусающую собственный хвост. Кто не знает историю жестокосердного попа, убившего свою собаку за кусок мяса и сделавшего на её могиле надпись: *У попа была собака...* Или злоключения *вороны,* которая то *сохнет на мосту,* то *мокнет под мостом* — до тех пор, пока у повторяющего этот поэтический шедевр хватит терпения.

Попробуйте создать «бесконечный шедевр». При удаче вас ждёт награда, о которой мечтает любой поэт, — бессмертие вашего стиха. Он будет вечно жить в народе, как драма о безвинно убиенной поповской собаке.

ШАРАДЫ

Это одна из самых любимых поэтических игр. Шарада — стихотворная загадка, в которой иносказательно описывается задуманное слово, причём каждый слог по отдельности:

Начало слова — зверь морской,
В лесу растёт конец шарады,
Отгадку в швейной мастерской
Сошьёт портной вам, если надо.

(Ответ: *китель = кит + ель.*)

Шарады придумывали ещё в Древнем Риме. В новые времена их авторами становились многие знаменитые поэты — от Пушкина до Высоцкого.

АКРОСТИХ

Ещё одна стихотворная игра-загадка — *акро́стих* (*греч.* «akrostichís» от «akros» — «крайний» и «stichós» — «ряд»). Разгадка её — слово или фраза, образованные из первых букв всех строк стиха; чаще

__А может, лучшая__ победа
Над временем и тяготеньем —
__Пройти, чтоб не оставить__ следа,
__Пройти, чтоб не оставить__ тени

__На__ стенах...
__Может быть__ — отказом
__Взять?__ Вычеркнуться __из__ зеркал?
__Так:__ Лермонтовым по Кавказу
__Прокрасться, не встревожив__ скал.

__А может – лучшая__ потеха
Перстом Себастиана Баха
Органного не тронуть эха?
Распасться, __не оставив__ праха

__На__ урну...
__Может быть__ — обманом
__Взять?__ Выписаться __из__ широт?
__Так:__ Временем как океаном
__Прокрасться, не встревожив__ вод...

всего это имя человека, которому он посвящается. Акростих развился из магических текстов и был популярен в поэзии Средневековья.

Вот акростих Н. Гумилёва:

__А__нгел лёг у края небосклона,
__Н__аклоняясь, удивлялся безднам.
__Н__овый мир был тёмным
и беззвёздным.

__А__д молчал. Не слышалось
ни стона.
__А__лой крови робкое биенье,
__Х__рупких рук испуг
и содроганье,
__М__иру снов досталось
в обладанье
__А__нгела святое отраженье.
__Т__есно в мире! Пусть живёт,
мечтая
__О__ любви, о грусти и о тени,
__В__ сумраке предвечном открывая
__А__збуку своих же откровений.

ЦЕНТОН

Центон (от *лат.* cento — «одежда или одеяло из разноцветных лоскутков») — стихотворение, сложенное из «заготовок», заимствованных из разных стихов одного или даже нескольких авторов. Его сочиняют так, чтобы получился неожиданный и смешной текст.

Вот пример новой басни, составленной из девяти разных басен И. А. Крылова. Может быть, вы вспомните, из каких? Великий баснописец, возможно, улыбнулся бы, прочитав этот шедевр!

В июле, в самый зной,
в полуденную пору,
Сыпучими песками в гору,
Из дальних странствий
возвратясь,
По улицам слона водили,
Как видно, напоказ —
Известно, что слоны
в диковинку у нас, —
Так за слоном толпы зевак
ходили...
Какой-то повар грамотей
С пожарни убежал своей,
Со всех дворов собак
сбежалося с полсотни.
Как вдруг из подворотни
Проказница мартышка,
Осёл, козёл,
да косолапый мишка
Затеяли сыграть квартет.
Когда в товарищах
согласья нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из того не дело —
мука.
Однажды лебедь, рак да щука,
Собака, лев да волк с лисой,
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе все в него впряглись,
Из кожи лезут вон,
а возу всё нет ходу,
Поклажа бы для них казалась
и легка,
Да лебедь рвётся в облака,
Рак пятится назад,
а щука тянет в воду...

ТАВТОГРАММЫ

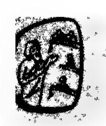
Стихотворение, все слова которого (или почти все) начинаются с одной и той же буквы, называется *тавтограммой* (от *греч.* «tautó» — «то же самое» и «gramma» — «буква»). Вот пример из «Толкового словаря...» В. И. Даля:

***П**ётр **П**етрович **п**ошёл*
***п**огулять.*
***П**оймал **п**опугая — **п**онёс*
***п**родавать.*
***П**росил **п**олтину — **п**олучил*
***п**оловину.*

В этой тавтограмме используется буква ***п***. Интересно, что в 17-томном «Словаре современного литературного языка» слова на эту букву занимают почти три тома, т. е. составляют примерно 20 % всех русских слов.

Увлекались тавтограммами и такие известные поэты, как, например, В. Я. Брюсов:

***М**ой **м**илый **м**аг, **м**оя*
***М**ария, —*
***М**ечтам **м**ерцающий **м**аяк.*
***М**ятежны **м**арева **м**орские,*
***М**ой **м**илый **м**аг, **м**оя **М**ария,*
***М**олчаньем **м**анит **м**утный*
***м**рак...*
***М**не **м**етит **м**ели **м**ировые*
***М**ой **м**илый **м**аг, **м**оя **М**ария,*
***М**ечтам **м**ерцающий **м**аяк!*



ПАРАЛЛЕЛЬНО И НАКРЕСТ

Повтор слова влечёт за собой и повторы грамматических конструкций, как в стихотворении Марины Цветаевой:

Вычеркнуться ***из*** *зеркал?*
1 2
Выписаться ***из*** *широт?*
1 2

Такая фигура называется *параллелизмом.* На параллелизмах построены многие библейские тексты, например, Псалом 2:

Зачем мятутся народы
и племена замышляют тщетное?
Восстают цари земли
и князья совещаются вместе
против Господа
и против Помазанника Его.

Параллелизм не обязательно содержит именно две строки: он может быть более развёрнутым, а может уложиться и в один стих, как у Пушкина:

Мчатся тучи, вьются тучи...
1 2 1 2

А вот другие пушкинские строки: *«Звезда печальная, вечерняя звезда».* Такая фигура получила название *хиазм* (от греческой буквы «Χ» — «хи») — слова расположены в ней как бы накрест:

Звезда печальная,
1 2
вечерняя звезда.
2 1

Параллелизм часто служит для сравнения в народных песнях и близких им по духу произведениях: сначала даётся картинка из мира природы, потом — из мира людей:

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит —
То моё сердечко стонет,
Как осенний лист дрожжит.

С. И. Стромилов.

Можно сделать и наоборот: второй член параллелизма подобрать не по сходству, а по контрасту, тогда получается *антитеза* (от *греч.* «antíthesis» — «противоположение»):

Ты ***богат,*** *я* ***очень беден;***
Ты ***прозаик,*** *я* ***поэт...***

А. С. Пушкин

Многие фигуры речи основываются на контрасте.

А если контрастные черты отнести не к разным предметам, а к одному, возникает *оксю́морон* (от *греч.* «oxýmōron» — «остроумно-глупое»):

Мой ***верный друг!*** *мой* ***враг коварный!***
Мой ***царь!*** *мой* ***раб!*** *родной язык!*

В. Я. Брюсов

Оксюморон может и не быть похожим на параллелизм, сжавшись до словосочетания. Таковы названия произведений И. С. Тургенева «Живые мощи» и Л. Толстого «Живой труп». Если оксюморон развернуть до предложения, получится *парадо́кс* (от *греч.* «parádoxos» — «неожиданный»): *«У каждого человека есть убеж-*

Параллелизм

Хиазм

дения, но иногда они так тверды, что он их не замечает» (Г. К Честертон).

УБАВИТЬ И ПЕРЕСТАВИТЬ

Ещё одна фигура — *эллипсис* (от *греч.* «élleipsis» — «опущение», «недостаток», «изъян»); это пропуск слова, которое можно восстановить из контекста. Эллипсис очень часто встречается в небрежной разговорной речи: *Вон в мохнатой шапке — со мной учится* (пропущено что-нибудь вроде *парень, молодой человек*); *Я тебя жду, а ты!..* (опущено сказуемое — *ходишь где-то* или *даже не торопишься*). В поэзии он часто создаёт особо напряжённую интонацию. Так, Иосиф Александрович Бродский в самом знаменитом своём стихотворении «Ниоткуда с любовью...» опускает слово *Господь,* то ли не решаясь, то ли не имея сил его произнести: «*...я любил тебя больше, чем ангелов и самого,/и поэтому дальше теперь от тебя, чем от них обоих...*».

Инве́рсия (от *лат.* «inversio» — «переворачивание», «перестановка») — это фигура нарушения обычного порядка слов: «*Преданья* ***старины глубокой***» (А. С. Пушкин).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ДА НЕПРОСТОЕ

Слово *определение* значит 'полагание предела'. В предложении *На нём была* ***джинсовая*** *куртка* слово *джинсовая* выделяет данную куртку из всех остальных — меховых, кожаных, стёганых. Определение как раз говорит, что именно такая куртка, а не иная. А во фразе *У тебя очень* ***уютная*** *куртка* прилагательное *уютная,* строго говоря, ничего не определяет. *Уютная* — не столько свойство самой куртки, сколько результат нашего впечатления. Это не просто определение, это *эпитет* (от *греч.* «epítheton» — «приложение»). Когда Николай Степанович Гумилёв пишет: «*Прекрасно в нас* ***влюблённое*** *вино/И* ***добрый*** *хлеб, что в печь для нас садится...*», он не противопоставляет *влюблённое* вино *равнодушному,* а *добрый* хлеб — *злому.* И снова очевидно: фигура (а эпитет тоже фигура) не украшает готовый смысл, а порождает новый. «*...В нас влюблённое вино*» значит приблизительно вот что: 'Мир существует ради нас, он подарен нам Богом и поэтому служит нам с радостью'. Неожиданные соединения заставляют слова значить больше, чем им «положено». Иногда эпитет так «сдвигает» значение слова, что оно превращается в троп, например, у Осипа Мандельштама: «*И римской ржавчиной окрасилась долина*».

ОТКУДА БЕРУТСЯ ТРОПЫ?

Ну что ты тащишься, как сонная муха! Он смотрел на английское предложение, как баран на новые ворота. Голос у него мягкий, как перина. Фигура, которая роднит эти три фразы, в представлении не нуждается — это *сравнение.* Первые два сравнения общеупотребительны, третье — нет. Почему?

Чтобы получилось сравнение, необходимы три элемента. Во-первых, явление реального мира (например, некто, плохо знающий английский язык). Во-вторых, предмет, с которым его сравнивают (в данном случае баран). И в-третьих, общий для них признак (видимо, тупое недоумение) — основание сравнения. Так вот, сонные мухи действительно шевелятся очень медленно, а бараны глядят на новые ворота тупо и недоуменно — по крайней мере так утверждает молва. А голос называют *мягким* в другом смысле, нежели перину. Основание найти труднее, и сравнение получается более оригинальное.

Сравнение занимает в нашей речи особое место, ибо из него рождается *образ.* Что значит это слово, объяснить непросто: слишком много у него значений. Выделим лишь одно из них: образ возникает, когда некоторое понятие в речи соседствует или замещается другим так, что их можно представить себе одновременно. Сквозь представление о нерадивом ученике «просвечивает» картинка с бараном и воротами — и мы словно видим выражение лица этого ученика, а не просто узнаём, что он тупой и ленивый.

ИГРЫ СО СЛОВАМИ

Игры со словами любят многие. Кто не увлекался кроссвордами, ребусами, шарадами, не «выбирал слова», не играл в «балду»?

Словесные игры расширяют кругозор, развивают речь, приучают работать со словарями, они важны для развития логики и мышления. Это прекрасная тренировка памяти, с их помощью можно лучше понять, как устроен язык.

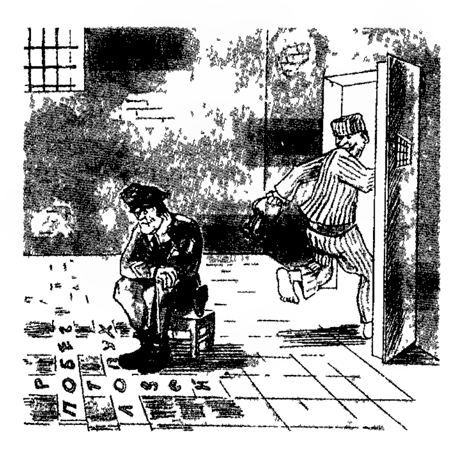
Обычно разрешается придумывать только имена существительные нарицательные в именительном падеже единственного числа (и никаких уменьшительно-ласкательных). Впрочем, бывают и исключения; например, в кроссвордах допускаются имена собственные. Во избежание споров лучше заранее договориться, в каких именно словарях можно искать слова.

КОЕ-ЧТО О КРОССВОРДАХ

Составителем первого кроссворда, опубликованного в газете «Нью-Йорк геральд» 21 декабря 1913 г., был английский журналист А. Уинн, эмигрировавший в Америку. Читателям эксперимент понравился, и головоломки Уинна стали печатать в самых разных изданиях. Конечно, их создатель не мог даже предположить, насколько популярны во всем мире станут кроссворды.

Между прочим, в Южно-Африканской Республике первый кроссворд был составлен в тюрьме. Житель Кейптауна В. Орвил, став виновником автокатастрофы, угодил за решётку на три года. Чтобы скоротать дни в камере, он придумывал слова и вписывал их в квадратные плитки, которыми был вымошен пол. Затем переносил слова на бумагу, зашифровывал их и посылал в местную газету. Читатели завалили редакцию просьбами продолжить необычную игру. Неизвестно, правда, выпустили изобретателя на свободу раньше положенного срока или нет...

Европу «кроссвордная эпидемия» настигла в 20-х гг. XX столетия. С появлением компьютеров создание кроссвордов было поставлено на конвейер. Составляют их и энтузиасты-одиночки, и специальные фирмы, в которых работают десятки человек: одни проверяют даты, инициалы, местоположение географических объектов, другие выписывают из книг и словарей оригинальные значения слов, третьи ведут перспективные разработки.



«НАБОРЩИК»

Берется любое слово, желательно подлиннее, и из его букв составляются, «набираются» другие слова. Выигрывает тот, у кого их окажется больше. Иногда учитывают оригинальность слов и количество букв в них. Если играют четверо, то слово, найденное одним игроком, оценивается в три очка, двумя игроками — в два очка, тремя — в одно, а если оно придумано всеми, то просто вычёркивается (ноль очков).

Чтобы хорошо играть в «наборщика», нужно быть эрудированным человеком, иметь большой словарный запас, обладать комбинаторными способностями (ведь приходится перебирать немало букв и слов). Например, из слова *лекарство* умелые «наборщики» составляют до 200 коротких слов.

АНАГРАММЫ

Новое слово, составленное из всех букв данного, называется его *анаграммой* (от греч. «ana» — «пере-» и «grámma» — «буква»): *колба — бокал; приказ — каприз; карта — карат — катар; клоун — колун — уклон — кулон; монета — немота — отмена.*

Однажды поиск анаграмм провели на компьютере; для этого в память машины ввели четырехтомный «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова. «Перелистав» его, машина нашла около тысячи анаграмм и среди них такие длинные, как *апельсин — спаниель; стационар — соратница; дозревание — раздвоение* и даже *старорежимность — нерасторжимость*. Это рекорд для русского языка.

Анаграммы, открытые еще в III в. до н. э. древнегреческим грамматиком и поэтом Ликофроном, до сих пор привлекают внимание языковедов, поэтов и просто любителей словесных головоломок. Существуют коллекции, насчитывающие сотни анаграмм.

Забавны короткие фразы из анаграмм. Вот находки крупного мастера словесных игр и развлечений Д. Асатиани: *вижу зверей — живу резвей; увидимся — удивимся; отспоримся — опростимся; слепо топчут — после почтут; не дурак — не краду; он ее любил, но ее блюли; Пушкина слово — волос, пушинка; жил не давил — лжи не видал.*

Псевдонимы писателей, а также имена литературных героев часто образуются с помощью анаграмм; напри-

мер, великий баснописец Иван (Андреевич) Крылов придумал себе псевдоним-анаграмму Нави Волырк.

ПАЛИНДРОМЫ

Палиндром (от *греч.* «palindromos» — «бегущий обратно», «возвращающийся»), или *перевертыш*, — это слово, фраза, стихотворная строка, любой текст, который одинаково читается в обе стороны — слева направо и справа налево: *мим, дед, наган, заказ, шалаш, ротатор.* Вероятно, семь букв — рекорд для слова-палиндрома на русском языке. А самый короткий палиндром состоит из одной буквы: *О!*

Малыш, например, мог бы обрадоваться: *Я вижу маму — жив я!* А вот двустишие Д. Авалиани, написанное безупречным гомеровским гекзаметром (обе строки — палиндромы):

Море могуче. В тон ему, шумен, отвечу Гомером:
Море, веру буди — ярок, скор, я иду буревером...

Палиндромы придумывали многие знаменитые поэты. Автором известного многим перевертыша «*А роза упала на лапу Азора?*» считается русский поэт А. А. Фет. Другой классик, Г. Р. Державин, однажды воскликнул: «*Я иду с мечем, судия!*».

Давно стали классическими такие палиндромы: *Аргентина манит негра; Торт с кофе не фокстрот; Кит на море романтик; Не гни папин ген; Леша на полке клопа нашел.*

Любители словесных игр составляют не только предложения, но и маленькие рассказы и стихи, которые одинаково читаются с обеих сторон.

На язык палиндромов перекладывают даже библейские сюжеты. Палиндромом *Madam I'm Adam* могли бы завязать знакомство Адам и Ева, если бы, конечно, владели английским языком. Легендарный Ной на борту своего ковчега мог воскликнуть языком палиндрома:

Дед!
А
Тут
Потоп!

Многие газеты и журналы проводят конкурсы на лучший палиндром, и в них участвуют сотни людей, охваченных этой необычной болезнью, — «палиндроманией».

МАГИЧЕСКИЙ КВАДРАТ

Древнейший из сохранившихся палиндромов написан по-латыни и датируется IV в. н. э. Это фраза *Sator Arepo tenet opera rotas,* что переводится как «Сеятель Арепо с трудом держит колеса». Обычно ее записывают в форме квадрата:

S A T O R
A R E P O
T E N E T
O P E R A
R O T A S

В таком виде палиндром читается четырьмя способами: по горизонтальным и вертикальным рядам — слева направо, сверху вниз и наоборот.

Благодаря необычным свойствам этого квадрата в древности ему приписывали некую магическую силу. Некоторые люди до сих пор верят, что эти загадочные слова спасают от болезней и защищают от злых духов. Недаром квадраты с «сеятелем Арепо» высекались на стенах храмов и дворцов, а в Средневековье появлялись и на фасадах христианских церквей.

МЕТАГРАММЫ

Большая изобретательность требуется в игре «цепочки слов»; основой ее служат метаграммы. Новое слово, которое получается при замене одной буквы в данном слове, называется его *метаграммой* (от *греч.* «metá» — «между», «после», «через» и «grámma» — «буква»).

Придумал эту игру Льюис Кэрролл, автор всеми любимой «Алисы в Стране Чудес». Игроки строят цепочки метаграмм между двумя словами. Выигрывает тот, чья цепочка короче.

Вот простейшая цепочка существительных, которую легко составит и первоклассник: *мама — лама — лапа — папа.* В игре часто встречаются различные четырехбуквенные «звери», которые превращаются друг в друга: *коза, волк, слон, пони, лиса, барс, конь, гусь, аист, тигр, лось* и т. д. Посмотрите, как *коза* становится волком, лисой или барсом: ***коза** — поза — пола — полк — **волк; коза** — лоза — луза — лупа — липа — **лиса; коза** — кора — кара — фара — фарс — **барс.*** Одна из увлекательных задач — сделать из *мухи слона.* Известна 16-ходовая цепочка, но, вполне возможно, рекорд будет побит. *Ночь* сменяет *день* за пять ходов, *река* впадает в *море* — за восемь, а если есть *тесто,* то через десять ходов будет готова *булка.* Попробуйте улучшить эти рекорды.

Занятны и многократные превращения. Например, сначала *миг* дает нам *час,* потом *час* переходит в *год,* затем возникает *век,* и в конце концов наступает новая *эра.* Это удивительное путешествие во времени занимает 17 ходов: ***миг** — маг — май — чай — **час** — чад — гад — **год** — гид — вид — вис — вес — **век** — бек — бок — боа — бра — **эра.***

ГОГОЛЕВСКИЕ СРАВНЕНИЯ

В «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголь обыгрывает фигуру сравнения. Для создания комического эффекта он нарушает правило «сравнивай по общему основанию».

«Лучше всего можно узнать характеры их из сравнения. Иван Иванович имеет необыкновенный дар говорить чрезвычайно приятно. Господи, как он говорит! Это ощущение можно сравнить только с тем, когда у вас ищут в голове или потихоньку проводят пальцем по вашей пятке. Слушаешь, слушаешь — и голову повесишь. Приятно! чрезвычайно приятно! как сон после купанья. Иван Никифорович, напротив, больше молчит, но зато если влепит словцо, то держись только: отбреет лучше всякой бритвы. Иван Иванович худощав и высокого роста; Иван Никифорович немного ниже, но зато распространяется в толщину. Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича на редьку хвостом вверх. <...>

Иван Иванович бреет бороду в неделю два раза; Иван Никифорович один раз. Иван Иванович чрезвычайно любопытен. Боже сохрани, если что-нибудь начнёшь ему рассказывать, да не доскажешь! Если ж чем бывает недоволен, то тотчас даёт заметить это. По виду Ивана Никифоровича чрезвычайно трудно узнать, доволен ли он, или сердит; хоть и обрадуется чему-нибудь, то не покажет. Иван Иванович несколько боязливого характера. У Ивана Никифоровича, напротив того, шаровары в таких широких складах, что если бы раздуть их, то в них можно бы поместить весь двор с амбарами и строением. У Ивана Ивановича большие выразительные глаза табачного цвета и рот несколько похож на букву *ижицу;* у Ивана Никифоровича глаза маленькие, желтоватые, совершенно пропадающие между густых бровей и пухлых щёк, и нос в виде спелой сливы».

ПОНАРОШКУ

Синтаксические конструкции, сами по себе вполне обычные, также превращаются в фигуры, если употреблены «понарошку».

Общеизвестно выражение *риторический вопрос*, т. е. вопрос, на который не ждут ответа: *«Доколе, Катилина, будешь ты злоупотреблять нашим терпением?»* (Цицерон). Восклицание Цицерона *«О времена! О нравы!»* и обращение А. С. Пушкина *«Мой друг, отчизне посвятим/Души прекрасные порывы!»* тоже фигуры, поскольку они не преследуют цель окликнуть собеседника (как в случае *Вась, а Вась!*) и не выражают непосредственные эмоции (вроде *Чёрт бы побрал эту погоду!*).

Хотя был жуткий ливень, я всё же успел вовремя — обычная уступительная конструкция. А в строке А. А. Блока *«Пусть светит месяц — ночь темна»* риторическая фигура *уступки*.

ИГРА «СРАВНЕНИЯ»

Выбирают слово, называющее предмет, явление или действие. Затем играющие по кругу сравнивают его с чем-либо, указывая при этом основание для сравнения. Например, со словом *река* возможны варианты: *Она похожа на ленту, такая же длинная и блестящая. Она похожа на время, ее тоже невозможно остановить.* Повторяться запрещено. Тот, кто не сумел ответить, выходит из игры. Побеждает ответивший последним. Особенно интересно (хотя и сложно) играть со словами с абстрактным значением.

ИГРА «ВЕНОК»

Играют две команды. Игрок одной подходит к соперникам, и те называют ему слово, которое должна отгадать его команда. Он предлагает ей варианты, с которыми можно сравнить загаданный предмет, явление, действие. Например, для слова *дождь: Это может быть как водопад. Это может быть как колыбельная песня. Это как душ.* Когда слово угадано, команды меняются ролями. Усложняют игру слова с абстрактным значением (например, *преобладание*) — их трудно сравнивать — или, напротив, очень конкретные (вроде *отвертки* или *застежки-молнии*) — их сложно угадать.

Вслушавшись в самую обычную повседневную речь, можно заметить, как много в ней образных выражений. Часы *идут,* как живые существа; листва *шепчет,* время *летит* или *течёт.* Мы читаем не стихи, а самого *Пушкина,* характер бывает *твёрдым* или *мягким,* а дни — *лёгкими* или *тяжёлыми.* Тропа́, которую так соблазнительно упомянуть рядом с тропом, *бежит* и *извивается,* несмотря на свою неподвижность. Во всех этих случаях речь идёт о переносных значениях слов. О многих вещах и нельзя говорить иначе: время почти всегда видится нам как движение или пространство *(даль времён);* чувства *трогают,* или *задевают,* или даже *жгут.* Когда-то, очень давно, эти обороты создали люди с богатой фантазией. Но теперь их не создают, а берут уже готовыми. Говоря *Солнце зашло за тучу,* никто не представляет его живым и способным куда-то ходить.

Переносное значение — это образ, стёршийся от долгого употребления, как стираются монеты. Чтобы привлечь внимание читателя,

ОКНО И ОКО

Не только обороты, но и многие слова прячут в себе смелые образы. Например, слово *облако* родственно словам *облачать* и *обволакивать*. *Время* происходит от того же корня, что и *вертеть*. *Окно* не случайно схоже с *оком*: это «глаз» дома; недаром *окна* могут *смотреть* (на юг).

поэт оживляет образ. Вот что можно сделать из привычного *время течёт:*

> ***Река времён*** *в своём стремленьи*
> ***Уносит*** *все дела людей*
> *И* ***топит*** *в пропасти забвенья*
> *Народы, царства и царей*

Г Р Державин

СХОДСТВО И ПРИЧАСТНОСТЬ

Фигур риторика знает очень много — были названы лишь основные. *Тропов* гораздо меньше, и среди них выделяют два важнейших: *мета́фора* (от *греч.* «metaforá» — «перенос») и *метони́мия* (от *греч.* «metonymia» — «переименование»). Метафора представляет собой перенос по сходству, иначе говоря, это свёрнутое сравнение Три наших сравнения без труда превращаются в метафоры: *Скорее, муха ты дохлая! Этот баран тупо уставился в учебник; Моё внимание нежилось и засыпало на перине его голоса.* И наоборот, любую метафору можно развернуть в сравнение:

> *Я русский, я люблю молчанье дали мразной,*
> ***Под пологом снегов*** *как смерть однообразной...*
> ***Леса под шапками*** *иль в* ***инее седом,***
> *Да речку звонкую под тёмно-синим льдом.*

А А Фет

Полог снегов значит: снег скрывает землю, как полог — лежащего в постели Тот же снег затем назван *шапками* (и он действительно бывает похож на белые шапки), а иней — белым, как седина. Эти *как* и *похож* — признаки метафоры: её всегда можно пересказать с помощью сравнения.

Метонимия — перенос не по сходству, а по смежности. Вот двустишие из «Евгения Онегина» А. С Пушкина:

> *Театр уж полон;* ***ложи блещут;***
> ***Партер и кресла, всё кипит...***

Ясно, что *блещут* не сами *ложи*, а наряды сидящей там публики. *Кипят* тоже не сами *кресла* и *партер*, а опять-таки предвкушающая представление публика. Это метонимия. вместилище названо вместо содержимого. А вот *кипит* — опять метафора· беспрестанное движение людей похоже на бурление кипящей жидкости.

Метафоры и метонимии многочисленны и в обычном языке· *Годы идут, ветер поёт, листья шепчутся, каменное сердце* — всё это метафоры;

ИГРА «БАЛДА»

В этой самой распространенной словесной игре часто обходятся без карандаша и бумаги — играют, как говорят шахматисты, вслепую. Первый игрок называет букву, второй добавляет к ней свою букву слева или справа, имея в виду какое-то слово. Следующий игрок присоединяет одну букву с любой стороны, намечая свое слово, и т. д. Тот, кто очередным ходом вынужден закончить слово или не догадывается, как продлить «полуфабрикат», проигрывает кон и в наказание получает букву ***б***. При новом проигрыше ***б*** превращается в ***ба,*** и так до тех пор, пока кто-то из игроков не станет «балдой».

Умелые игроки выкручиваются из самых трудных ситуаций. Вместо того чтобы закончить слово, намеченное партнёром, они делают неожиданный «маневр»: присоединяют приставку или суффикс — и слово меняет свое «направление». Очень важно знать, какие сочетания букв выигрывают. Скажем, вы начали с ***б,*** а ваш партнер мгновенно ответил ***бш.*** Вы мучительно думаете, что делать дальше, а он необходимое слово, притом заканчивающееся на вас, знает заранее — *обшивка*.

Известные математики Г. Шилов и В. Берман увлеклись игрой и написали о «балде» целое исследование. Они ввели понятие *разрешимого двухбуквенного сочетания* — пары букв, которую можно дополнить хотя бы до одного слова. Вот партия, которая длится всего два хода. Первый игрок: ***г;*** второй: ***гз*** (имея в виду *зигзаг*); первый игрок сдался, не найдя продолжения.

Этот пример показывает, что, играя в «балду», полезно владеть набором таких заготовок. Из 33 букв алфавита можно составить $33^2 = 1089$ пар букв, но многие из них нельзя превратить в слово: ***гй, оь, жы*** и др. Шилов и Берман обнаружили 801 решение, а также составили список сочетаний, для которых подходящих слов пока не найдено. Проблема разрешимых сочетаний имеет скорее теоретический интерес. Ведь если пара букв может превратиться в слово, это еще не значит, что это слово вам выгодно.

Существует интересная гипотеза: если в «балду» играют двое, второй игрок всегда выигрывает. Для многих букв алфавита (больше половины) уже доказано: можно так подобрать вторую букву, что полученная пара превращается только в слово из нечетного количества букв. Это значит, что, подобрав необходимый ответ в дебюте, второй игрок обеспечит себе победу.

Пусть ваш партнер начал с буквы ***в*** (или ***ъ***) — вы отвечаете ***въ,*** и слова *въезд* ему не избежать. На первый ход ***г*** (или ***к***) ответ ***кг*** решает игру. Эта пара букв продолжается до слова *пакгауз* из семи букв, а других слов не видно.

«ЭНТИМОЛОГИЧЕСКИЙ» СЛОВАРЬ

Игру эту по праву можно назвать любимым развлечением лингвистов. Название как нельзя более точно выражает суть игры: предлагать неверные, но правдоподобные толкования слов, отталкиваясь от их внешней формы. Например, *едкий* — 'пригодный в пищу', *нелепица* — 'некачественный пластилин'. Чем правдоподобнее и неожиданнее «энтимологическое» толкование, тем смешнее получается.

Вот некоторые из «энтимологических» находок, которые приводит в своей книге «Язык — знакомый незнакомец» известный современный лингвист Борис Норман:

Антипод *(грамм.) — над.*

Астрология *— раздел ботаники: разведение астр.*

Баллистика *— раздел педагогики: оценка знаний учащихся.*

Баранка *— овца.*

Батисфера *— сфера вмешательства отца в семейные дела.*

Бездарь *— человек, которому ничего не подарили на день рождения.*

Богема *(спец.) — единица измерения религиозности.*

Бодяга *— корова.*

Болтовня *— гайка.*

Брешь *(вульг.) — ложь.*

Брюква *(единичн.) — штанина.*

Вертопрах *(старосл.) — пылесос.*

Весельчак *— гребец.*

Волнушка *— мелодрама.*

Главбух *— командир батареи.*

Головотяп *— палач.*

Готовальня *— столовая.*

Грабли *— воровской инструмент.*

Графин *— муж графини.*

Дача *— взятка.*

Джинсы *— чета джиннов.*

Днище *— день за Полярным кругом.*

Драп *— бегство.*

Дурман *— глупый человек.*

Жаргон *— аспирин.*

Жатва *— обмен рукопожатиями.*

Жрец *— чревоугодник, гурман, см.* ***Полиглот.***

Заголовок *— затылок.*

Зазубрина *— правило.*

Заморыш *— вернувшийся из кругосветного путешествия.*

Застенок *— сосед.*

Изверг *— действующий вулкан.*

Каналья *— система оросительных сооружений.*

Капелла *— пипетка, ср.* ***Бульдозер.***

Коварство *— кузнечное ремесло.*

Кокошник *— курятник.*

Крахмал *— небольшое поражение, неудача.*

Курятник *(общеизв.) — комната для курения.*

Латынь *— заплата.*

Лестница *— подлиза.*

Лукоморье *— неурожай лука.*

Малярия *— побелочно-покрасочные работы.*

Междуречье *— перерыв в заседании.*

Мим *— прохожий.*

Мокрица *(ленинградск.) — октябрьская погода.*

Наличие *— маска.*

Невралгия *— правдивость, честность.*

Неон *— ошибка в следственном делопроизводстве.*

Ножны *— обувь.*

Проигрывают на первом ходу ***п, с, э***, так как пары ***пэ*** и ***сэ*** превращаются только в слова *пэр* и *сэр*. На ход ***т*** (или ***ц***) — ответ ***цт***, и неизбежно слово *ацтек*.

Для 13 букв алфавита ***(а, е, ё, ж, з, и, м, н, у, ф, ы, ь, ю)*** выигрывающие ответы пока не найдены. Если вам удастся подобрать подходящие пары с этими буквами, то высказанная гипотеза превратится в теорему, и вы станете непобедимым игроком в «балду»!

Иногда в «балду» играют, приписывая буквы не только слева и справа, но сверху, снизу и по диагонали. Один из таких вариантов называется «королевской балдой».

В квадрате 5 × 5 по средней горизонтали записывается произвольное слово из пяти букв. Затем игроки по очереди вписывают по одной букве в пустую клетку квадрата, соседнюю с одной или несколькими уже заполненными. Эта буква вместе с соседями должна образовать новое слово, которое читается как серия ходов шахматного короля по доске — отсюда и название игры. При этом запрещено дважды ступать на одну клетку. Игроку начисляется столько очков, сколько букв в новом слове. После составления 20 слов (число свободных клеток доски) игра заканчивается: у кого очков больше, тот и выиграл.

Играть в «королевскую балду» можно вдвоем, вчетвером или впятером: число 20 делится на 2, 4 и 5, и у участников будет поровну слов. Можно взять побольше — 6 × 6, а исходное слово — из шести букв.

В отличие от обычной «балды» в «королевскую» интересно играть и одному. Цель заключается в том, чтобы, приписывая букву за буквой, набрать как можно больше очков. Рекордная партия показана на рисунке. Исходное слово — ***ересь***, номера ходов указаны прямо на полях квадрата. Вот те 20 слов, которые появляются в процессе игры (выделены буквы, добавленные при их образовании): *севе**р**, ве**ст**ь, **о**тсев, верн**о**сть, **с**оверен, **м**ерность, време**нн**ость, совре**м**енность, **у**веренность, **с**уверенность, **б**ренность, бе**р**еменность, **св**оевременность, **до**веренность, то**с**тер, **д**остоверность, **уд**остоверенность, осовремен**ен**ность, мер**т**венность, устрем**л**енность.*

В итоге получается 210 очков. Можно ли побить этот рекорд?

Л$_{20}$	Е$_{12}$	Н$_{18}$	Н$_{7}$	С$_{8}$
Б$_{11}$	М$_{6}$	Н$_{4}$	О$_{3}$	Т$_{2}$
Е	Р	Е	С	Ь
Т$_{19}$	Б$_{1}$	О$_{5}$	Т$_{15}$	О$_{16}$
У$_{9}$	С$_{10}$	В$_{13}$	Д$_{14}$	У$_{17}$

Обескровленный — *лишившийся крыши над головой.*

Облучок *(фамильярн.)* — *рентгеновский аппарат.*

Отрасль — *борода.*

Отсебятина — *дверь, открывающаяся наружу.*

Папье-маше *(франц.)* — *родители.*

Пломбир — *стоматолог, ср. (разг.)* ***Зубило*** *или (руг.)* ***Дерюга.***

Попадья — *результативная баскетболистка.*

Потоп — *пеший туризм.*

Пригубить — *не совсем погубить.*

Проигрыватель — *игрок-неудачник.*

Простынь *(просторечн.)* — *насморк.*

Противень *(неодобр.)* — *мерзавец, гадкий тип.*

Радист *(филос.)* — *оптимист.*

Ранец — *контуженный, ср.* ***Померанец.***

Репутация — *приживление, противоп.* ***Ампутация.***

Речка *(канцелярск.)* — *краткое выступление, ср.* ***Спичка.***

Рукоприкладство *(устар.)* — *целование ручек у дам.*

Ручаться — *здороваться за руку.*

Саженец — *рецидивист, см.* ***Сиделка*** — *колония.*

Самовар — *холостяк.*

Сбыт — *мечта, ставшая реальностью.*

Свинец *(общеизв.)* — *самец свиньи.*

Сократ *(нариц.)* — *человек, уволенный по сокращению штатов.*

Сомнение — *мнение коллектива.*

Соперник *(лит.)* — *соавтор.*

Сопеть *(муз.)* — *подпевать, участвовать в хоре.*

Соска — *радиограмма о помощи.*

Стенография *(нехор.)* — *надписи на стенах.*

Столбовой *(мифол.)* — *стоглавый, то же (груб.)* ***Сторожевой.***

Стриж — *парикмахер.*

Судопроизводство — *кораблестроение.*

Терпкий — *выносливый.*

Тостер *(иностр.)* — *тамада.*

Трансагентство — *учреждение, доводящее клиентов до транса, ср.* ***Страхагенство.***

Трепанация *(общеизв.)* — *болтовня.*

Тропики *(лит.-вед.)* — *небольшие образные выражения, художественные приемчики.*

Тысячелистник — *толстый роман.*

Тычинка *(женск.)* — *указательный палец.*

Утопия — *кораблекрушение.*

Фаталистка — *невеста.*

Фаустпатрон *(лит.)* — *Мефистофель.*

Химера *(сокр.)* — *эра химии.*

Хлопоты — *аплодисменты, ср.* ***Выхлоп.***

Цоколь *(лош.)* — *копыто.*

Челобитие — *соревнование по боксу.*

Чернослив — *промышленные отходы.*

Чертёж *(собир.)* — *преисподняя.*

Четвертовать *(школьн.)* — *выставить оценки за четверть.*

Шашни — *первенство по шашкам.*

Экстаз *(общеизв.)* — *таз, бывший в употреблении.*

Этажерка — *соседка по лестничной клетке.*

Язычник *(проф.)* — *лингвист.*

читаю Пушкина, стакан пенится, смелость города берёт — метонимии. Видимо, так устроено человеческое мышление: связь между понятиями мы осмысливаем либо по сходству, либо по смежности. Поэтому переносные значения слов образуются метафорически и метонимически. Но переносное значение ещё не троп, хотя разница между ними — только в привычности. Троп создаётся, а переносное значение уже существует в языке.

Все остальные тропы могут быть сведены либо к метафоре, либо к метонимии. Самая распространённая разновидность метонимии — *синéкдоха* (*греч.* «synekdoche»), перенос названия части на целое:

— Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром,
***Французу** отдана?*

М. Ю. Лермонтов

Под *французом* здесь подразумевается французская армия — перед нами синекдоха.

Другой троп, родственный синекдохе и метонимии, — *эмфáза* (от *греч.* «émphasis» — «выразительность»), т. е. сужение значения. Фраза *В нём душа ребёнка* может означать и 'Он чист душой', и 'Он незрел, труслив и безответствен'. Понятие сводится к отдельным признакам: *Он поступил как настоящий человек* (т. е. герой); *Здесь нужен герой, а он только человек* (т. е. трус).

Связана с метонимией и *перифрáза* (от *греч.* «peri» — «вокруг» и «phraso» — «говорю») — замена одного слова несколькими:

***Хочу** у зеркала, где муть*
И сон туманящий,
*Я **выпытать,** куда Вам путь*
И где пристанище...

М. И. Цветаева

Хочу выпытать (у зеркала) мы понимаем как 'гадаю' (с помощью зеркала). Когда А. С. Пушкин пишет: *«Друзья Людмилы и Руслана!»*, это тоже перифраза, и означает она «Дорогие читатели!».

Напротив, *гипéрбола* (от *греч.* «hyperbolé» — «переход», «перевес», «преувеличение»), т. е. преувеличение, усиление значения, ближе к метафоре, чем к метонимии. Элемент преувеличения есть почти во всякой метафоре: гоголевская *тройка* едет, конечно, не так быстро, как летит *птица.*

Я знаю —
гвоздь у меня в сапоге
кошмарней, чем фантазия у Гете!

В. В. Маяковский

Троп, обратный гиперболе (не преувеличение, а преуменьшение), называется *мейóсисом* (от *греч.* «meiosis» — «уменьшение», «убывание»). *В больших рукавицах, а сам — **с ноготок*** (Н. А. Некрасов). Здесь малость явно «преувеличена».

А метафоре обратна *ирóния* (*греч.* «eironea»), когда качества переносятся не по сходству, а по противоположности. Когда А. С. Пушкин язвительно отзывается о своих литературных противниках: *«Если г. Каченовский, не написав ни одной книги, достойной некоторого внимания <...> снискал, однако ж, себе бессмертную славу, то чего же дóлжно нам ожидать от него, когда наконец он примется за дело не на шутку?»* или *«Сей великий писатель* (Фаддей Булгарин — *Прим. ред.*), *равно почтенный и дарованием, и характером»*, понимать его следует наоборот. Это значит, что у Каченовского нет бессмертной славы, а у Булгарина — таланта.

Наконец, последний, восьмой троп до сих пор не имеет общепринятого названия. Его называют «концепт», «антиэмфаза», «символ» Такой разнобой в терминах произошёл от того, что античная риторика его не знала: он появился в литературе не больше полутора веков назад.

После концерта меломаны обсуждают двух скрипачей. Один говорит: *У первого звук бархатный, а у второго — серебристый.* Это метафоры: *бархатный* — 'мягкий', *серебристый* — 'похожий на звук серебряного колокольчика'. Второй старается определить тоньше: *Нет, у первого тон матовый, а у второго — яркий, спóлохами.* Он пытается передать слуховые впечатления через зрительные, но это трудно, если не совсем невозможно. Слова как бы расширяют значения: *матовый* начинает означать 'приятный и ровный', но не только это, а что-то ещё. Когда Осип Эмильевич Мандельштам начинает «Стихи о неизвестном солдате» словами: *«Этот воздух пусть будет свидетелем,/**Дальнобойное сердце** его»*, то выражение *дальнобойное сердце* воздуха можно понять только приблизительно. С символом всегда так: он опирается не на языковые, обязательные для всех ассоциации, а на индивидуальные, разнообразие которых ничем не ограничено. Свести этот троп к чёткой схеме не удаётся.

«ОБ ОДНОМ ПРОШУ... НЕ ГОВОРИ КРАСИВО!»

Эти слова Базарова, героя романа И С. Тургенева «Отцы и дети», часто бывают справедливы. Не нужно думать, что речь тем красивее и лучше, чем больше в ней тропов и фигур. Пышность отнюдь не всегда уместна. Краткость, чёткость, простота нужны гораздо чаще. Даже когда говорят о чувствах, чрезмерно эмоциональная речь иногда ощущается как недостаток: возникает подозрение, что человеку важно не само чувство, а его речь об этом чувстве.

Не следует забывать, что риторические фигуры совсем не привилегия одной лишь «высокой» речи. Вот цитата из знаменитой «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремёсел» (1751—1780 гг.), составленной французскими просветителями во главе с Дени Дидро: « .Риторические фигуры всего обычнее в речи рыночных торговок. Попробуем соединить их в речи простолюдина и, чтобы оживить его, предположим, что он ругает свою жену: „Скажу я. "Да", она говорит: "Нет"; утром и вечером, ночью и днём она ворчит (антитеза). Никогда, никогда с ней нет покоя (повтор). Это ведьма, это сатана! (гипербола). Но, несчастная, скажика ты мне (обращения): что я тебе сделал (вопрос)? Что за глупость была жениться на тебе (восклицание)!"». Искусство берёт то, что уже есть в языке, и только использует в своих целях. Хорошо говорит (и пишет) не тот, кто часто употребляет фигуры, а тот, кто ими пользуется умело и к месту.

ЯЗЫК ВЕЛИКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОТ ЯЗЫКА К ЛИТЕРАТУРЕ И ОБРАТНО

Родной язык и литература, язык литературы, литературный язык, язык художественной литературы — сочетания этих слов можно встретить в расписании уроков и выступлении государственного деятеля, в статье учёного и названии отдела книжного магазина, услышать в речи телевизионного ведущего и разговоре родителей, переживающих за детей-абитуриентов.

Очень похожие сочетания — *язык литературы* и *литературный язык* — обозначают разные понятия. Когда мы говорим о *языке литературы*, то имеем в виду использование языка в совершенно особых условиях — в ситуации общения людей через посредничество текста, а литературу понимаем как всё множество существующих текстов. *Литературный язык* — это обработанная, «цивилизованная» разновидность национального языка со строгими нормами, которые подробно описаны в учебниках, грамматиках, словарях, научных исследованиях. Литературный язык противопоставлен просторечию, диалектам и жаргону.

Очевидное родство названий «литературный язык» и «язык литературы» не случайно. Литература возникла тогда, когда появилась письменность. А назначение письма — сохранять информацию от забвения. Это мог быть хозяйственный отчёт, или закон, или молитва, или заклинание, или рассказ о военном походе. В этих случаях важен не только общий смысл, но и точная языковая форма: изменишь одно слово — неизвестно, каковы будут последствия. Поэтому постепенно отбирались и приобретали особый смысл слова и выражения, вырабатывались устойчивые схемы предложений, т. е. создавалась особая, специально обработанная разновидность языка. Этот процесс начался ещё до появления письменности, а с появлением записанных текстов он обрёл силу и обязательность закона. Письменность помогла закрепить и

распространить норму, а через посредничество литературы норма возвращалась в устную речь. Такова упрощённая схема сложной и неразрывной связи между языком литературы и литературным языком.

БЕСПОЛЕЗНАЯ И НЕОБХОДИМАЯ

Итак, появление письменности вызвало к жизни литературу, точнее — несколько видов литератур: сакральную (священную), деловую, юридическую. Одной из самых поздних по времени возникновения и самой удивительной стала *художественная литература.* По отношению к ней и её языку всё, что представлялось уже ясным, решённым, становится загадочным и непонятным. И прежде всего — вопрос о цели. Зачем вообще нужна художественная литература? Практическая польза неясна, информационная ценность сомнительна. Что за удивительная сила позволяет ей преодолевать время и равнодушие человека? Сила эта — искусство слова.

Рождение художественной литературы — это принципиально новый этап в развитии языка. И содержание, и язык художественного текста неизмеримо сложнее любого другого. Сложность содержательной стороны словесного искусства (как и искусства вообще) в том, что человек с его помощью жаждет разгадать самую непостижимую загадку — самого себя.

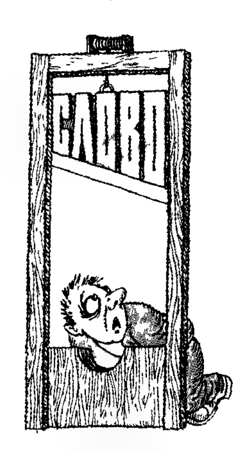
В каждом произведении искусства, будь то стихотворение или гравюра, роман или симфония, создаётся совершенно особый мир. А создавать такие миры позволяет *образ.* Образ — это способ и средство воссоздания реальности в искусстве, это наиболее важный элемент художественной модели мира. Он позволяет соединить несоединимое: абстрактное с конкретным, общее с индивидуальным, привычное с неожиданным, типичное с уникальным. Образ адресован одновременно и чувству, и разуму, ибо порождается он одновременно чувством и разумом.

Именно потому, что образ воспринимается чувствами, он связан с особенностями материала, в котором то или иное искусство воплощает свою модель мира. Материалом художественной литературы является язык. Возникает вопрос: как претворяется язык в материю словесного искусства? Может быть, попадая в художественный текст, язык обнаруживает какие-то особые, тайные свойства, не проявляющиеся в других типах текстов? Нет, в языке художественных текстов нет ничего такого, чего не было бы в других разновидностях языка. Но всё, что в обычной ситуации общения разведено по разным сферам употребления и сталкивается лишь случайно, в рамках художественной литературы сосуществует.

Значит, дело не в особых свойствах языка, а в особом отношении к нему. Человек, создающий художественный текст, и человек, его читающий, вспоминают о творческой сути языка. Ведь язык не просто передаёт мысли; он создаёт очеловеченный, одухотворённый вариант мира, а не механическое его отражение.

Художник своим произведением выражает собственное «я». Эта мысль привычна и общепринята. Гораздо труднее понять, почему и для читателя художественная литература не только источник информации, но и способ познания самого себя.

Во-первых, склонность человека к литературе, несмотря на полную возможность обойтись без неё в повседневной жизни, является актом самовыражения. Самовыражение читателя — в его сопереживании, сочувствии, сотворчестве. В художественном тексте не только писатель, но и читатель должен ощущать себя творцом,



впервые воплощающим мир в слове. Это личностное проживание творческой природы языка и составляет основу словесного образа. Звучит речь, наполняются смыслом слова, прорастают друг в друга значения слов — всё это читатель ощущает как событие, как открытие... В лингвистике XX столетия это пересоздание языка в материал словесного искусства было названо *актуализацией.*

В обычных ситуациях при свободном владении языком человек не задумывается над словесной формой выражения своей мысли — она выстраивается как бы сама собой, автоматически. Совсем не так с речью художественной. Она

ОПОЯЗ

Общество изучения поэтического языка (ОПОЯЗ) — одно из самых блестящих учёных сообществ в истории филологической науки. Идеи и понятия, введённые ОПОЯЗом, удостоились высшей чести — они почти утратили память о своих авторах, войдя в общее употребление.

Ядро ОПОЯЗа составляли три литературоведа: Виктор Борисович Шкловский, Юрий Николаевич Тынянов и Борис Михайлович Эйхенбаум. К ним присоединились языковеды Евгений Дмитриевич Поливанов и Лев Петрович Якубинский, а также стиховеды Самуил Борисович Бернштейн (он занимался и лингвистикой) и Осип Максимович Брик.

Опоязовцы стремились приблизить литературоведение к точным наукам, избавив его от высокопарных восторгов и бездоказательных рассуждений. Существует деление текстов на художественные и нехудожественные, причём литературоведение занимается только первыми, рассуждали опоязовцы. Значит, наука о литературе должна сосредоточиться на том, что́ делает текст художественным произведением. Главным героем теории словесности должен стать *приём,* с помощью которого писатель превращает свой материал в произведение искусства. Это превращение называется *остранением* — искусство делает мир странным, заставляя нас увидеть его как бы впервые. Следовательно, нужно сосредоточиться на изучении формы — в том числе языковой. Здесь литературоведение смыкается с лингвистикой.

Так зародился *формальный метод* в литературоведении, влияние которого чувствовалось и в работах других учёных. Сотрудничая и полемизируя с опоязовцами, этот метод развивали, в частности, и такие крупные языковеды, как Виктор Владимирович Виноградов, Григорий Осипович Винокур, Роман Осипович Якобсон и Николай Сергеевич Трубецкой. Лингвистические и литературоведческие открытия шли рука об руку: внимание к звукам поэтической речи влекло за собой интерес к фонетике, фонологии и интонации. Внимание к смысловым оттенкам и к взаимным переходам авторской и неавторской речи требовало исследований по стилистике и семантике.

Опоязовцы меньше всего походили на оторванных от жизни кабинетных учёных. Например, Шкловский отличился на полях сражений Первой мировой войны — сначала на Западном фронте, потом в Персии. Во время Гражданской войны в Киеве он вывел из строя гетманские броневики (об этом можно прочитать в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия», где Шкловский выведен под именем Шполянского). В 1920 г. прятался от чекистов по петербуржским знакомым, а потом бежал по льду Финского залива в Финляндию.

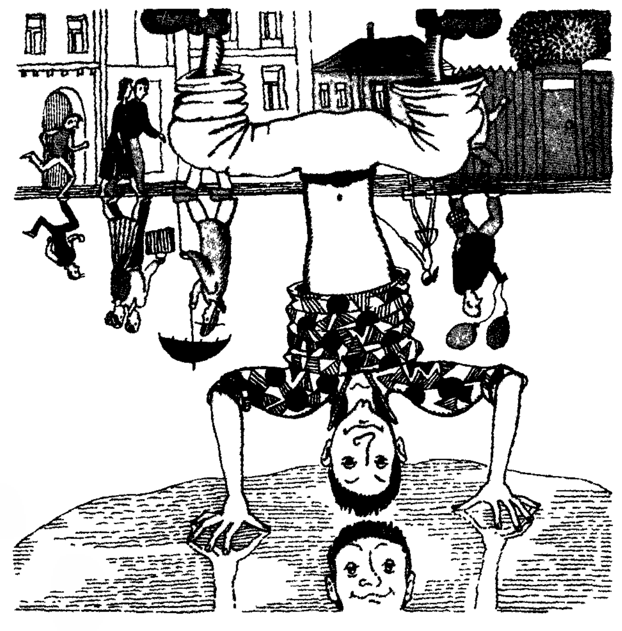
Научной деятельностью общества двигала не только одна любознательность. ОПОЯЗ был боевой группой, активно участвовавшей в литературной борьбе. Здесь опоязовцы были союзниками футуристов: новаторство Маяковского, Хлебникова, Пастернака нашло в них защитников и истолкователей. Шкловский и Тынянов сами были крупными писателями: без их книг («Сентиментальное путешествие» и «Zoo, или Письма не о любви» В. Б. Шкловского, «Кюхля» и «Смерть Вазир-Мухтара» Ю. Н. Тынянова) нельзя представить русскую прозу XX столетия. Однако и научные труды опоязовцев написаны с артистическим блеском и читаются с неменьшим интересом, чем роман.

Участие в жарких литературных схватках помогло опоязовцам по-новому увидеть классическую литературу: не как мирную преемственность — от Державина к Пушкину, от Пушкина к Лермонтову и т. д., — а как яростную борьбу, где новое восстаёт против старого, торжествует над ним, а затем устаревает и свергается новейшим. Так классики освобождались от хрестоматийного глянца, представали не как благовоспитанные первые ученики, а как дерзкие разрушители старых норм и создатели новых.

«Устоявшееся — мёртво, — учил ОПОЯЗ. — Привычный приём перестаёт восприниматься — он автоматизируется. Тогда старое отбрасывается и сменяется новым, ибо только новое ощутимо». Таково было восприятие революционной эпохи, когда разрушалось всё привычное и устоявшееся. Когда же развитие революции оборвалось и началось укрепление нового режима, идеи ОПОЯЗа стали подозрительными. Формализм был объявлен грехом, он не соответствовал требованиям идейности и партийности. Свободное развитие науки прервалось, деятельность ОПОЯЗа была прекращена. Только в 60-х гг. отечественная наука вновь обратилась к опыту формальной школы.

ЧЕРЕЗ ПЕРЕЖИВАНИЕ К ЗНАНИЮ

Хотя художественные тексты создаются не для того, чтобы передавать информацию, они умеют делать и это, причем иногда даже лучше, чем, скажем, научные. Значительная часть наших знаний о прошлом собственной страны, о природе, истории, быте и нравах чужих стран родом как раз из художественной литературы. Более того, наука считает, что, поскольку художественное произведение стремится не информировать, а вызывать сопереживание, оно особым образом расширяет интеллектуальный и эмоциональный опыт человека, открывая перед ним небывалую возможность прожить не одну, а множество жизней.



Художественное творчество основывается на остранении новом, необычном взгляде на мир

для нас не столько носитель информации, сколько сама информация. Подбор слов, грамматических форм и конструкций, даже звуков не менее важен, чем тема разговора. В литературе мы ищем не столько содержания речи, сколько саму речь.

Всё это совсем не означает, что писатель, создавая произведение, думает: «Дай-ка я обыграю значение этого слова» или «Попробую выстроить подряд пять глаголов несовершенного вида прошедшего времени, а последним поставлю глагол совершенного вида и посмотрю, какой художественный эффект получится». Художника ведёт не расчёт, а чутьё. Он напряжённо ищет такие созвучия, слова, предложения, которые точно выразят именно то, что он думает и чувствует. Он пробует одно, другое, третье, ищет не только в общеупотребительном, привычном, но и в тех запасах языка, которые в обычном общении редко используются. В зависимости от характера, таланта, образованности писатель в разной степени осознаёт необходимость актуализации языка. Иногда это происходит чисто интуитивно, иногда выливается в целую научную теорию. Тогда художественное творчество становится экспериментом, призванным подтвердить или опровергнуть её.

В художественном тексте основное творческое усилие переносится с того, что́ сказано, на то, ка́к сказано, и то, ка́к сказано, придаёт тому, что́ сказано, глубину, неповторимость и силу. Что представляет собой любовная лирика всех времён и народов как не сочетание и взаимодействие в разных вариантах четырех смысловых компонентов: ***Я люблю тебя; Я счастлив(а),*** *что ты меня тоже любишь* или ***Я несчастлив(а),*** *потому что ты меня не любишь;* ***Весь мир вместе с нами радуется*** *нашей любви* или ***Весь мир ополчился против*** *нашей любви: Сама* ***смерть не победит любовь*** или ***Даже любовь побеждается смертью.*** Но то, ка́к это каждый раз воплощается в слове, создаёт не только неповторимый индивидуальный стиль поэта, но и картину всей эпохи и целого народа.

МАГИЯ ЗВУКОВ

Выбор того, ка́к сказать, в конечном счёте определяет всё устройство художественной литературы, её деление на роды и жанры, направления и школы.

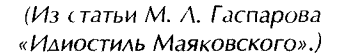
Одним из самых древних родов художественной литературы является поэзия. Её художественная природа настолько очевидна, что выражение «поэтический взгляд на мир» применяется и к художнику, и к драматургу, и к кинорежиссёру.

Поэтический текст более любого другого связан с самовыражением автора, это всегда монолог. Монолог противоречив по своей сути. С одной стороны, раз человек заговорил, значит, он рассчитывает на общение. С другой — монолог абсолютно не приспособлен к непосредственному общению, он предполагает, что слушающий только слушает, но не отвечает. В этом смысле любой художественный текст (не только поэтический) всегда близок

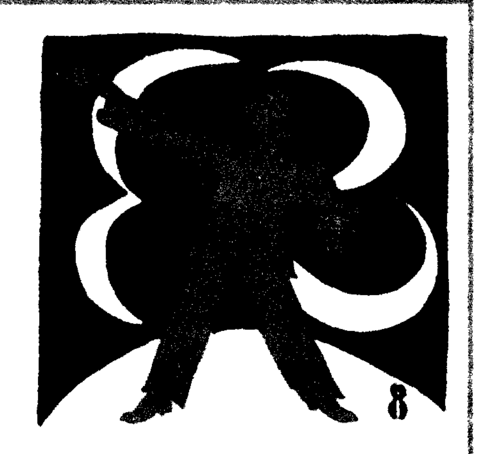
ПОЭТ-ОРАТОР

Языковой образ говорящего в стихах Маяковского строится как образ площадного митингового оратора. Маяковский сам декларировал это с навязчивой настоичивостью — от проповедника улицы, «крикогубого Заратустры» в первои его поэме до «агитатора, горлана-главаря» в последнеи. Маяковский в реальном поведении старался вписываться в этот образ — отсюда его страсть к публичным выступлениям, свойский тон и зычный голос перед публикой, многократно описанные мемуаристами.

Из этого образа могут быть выведены все черты поэтики Маяковского. Стих без метра, на одних ударениях, — потому что площадной крик только и напирает на ударения. Расшатанные рифмы — потому что за этим напором безударные слоги стушевываются и неточность их созвучий не слышна. Нарочито грубый язык — потому что на площадях иначе не говорят. Нововыдуманные слова, перекошенные склонения и спряжения, рваные фразы — как крушат старый мир, так взламывают и язык старого мира. Гиперболические, вещественно-зримые, плакатно-яркие образы — чтобы врезаться в сознание ошалелой толпы мгновенно и прочно.



(Из статьи М. Л. Гаспарова «Идиостиль Маяковского».)



к монологу, ибо его основная задача — дать высказаться автору. А главная формула поэзии: «Я не могу не высказаться». Очень часто поэтическая речь вообще не подразумевает наличия собеседника, это особая форма общения человека с самим собой.

В поэзии огромное место занимает лирика, в которой описывается не внешнее, а внутреннее: не вещи и события, а чувства. Неповторимый облик поэтическому тексту придают две странности, два парадокса. Во-первых, хотя лирика говорит о непосредственных чувствах, тексты её менее всего непосредственны Они не просто тщательно выстроены, но изощрённо упорядочены. Стопы, строки, строфы выстраиваются в сложном, строгом порядке.

Во-вторых, в поэзии внимание автора и читателя обращено на звуковую сторону языка, о которой в обычном общении человек не задумывается Звук — единственная речевая единица, не имеющая (вне художественных текстов) собственного значения. Поэтому в обычной речи мы иногда подыскиваем более точное слово, а на звучание внимания обычно не обращаем. Поэт, напротив, занят отбором нужных звуков и слогов. Вспомним, как читают стихи сами поэты В исполнении автора прежде всего проступает ритмико-интонационная сторона текста, ритм оказывается важнее, чем синтаксис или движение мысли.

«Расковав» звук, поэт «раскрепощает» слово. Если вообще язык литературы — поле битвы между формой и смыслом, то в поэзии форма подчиняет себе смысл. Однако в этой битве побеждённый выигрывает: смысл тоже сбрасывает оковы привычного и общепринятого. В поэзии художник раскованнее и неожиданнее в выборе слова, чем в любом другом роде художественной литературы. В поэтическом языке чаще используются тропы. Наиболее оригинальные неологизмы и фантастические сочетания слов встречаются именно в стихах. Даже самое обычное слово, вовлечённое в этот поток пронизанных смыслом звучаний и озвученных смыслов, оборачивается новой стороной.

В фрагменте из стихотворения Ф. И. Тютчева

*Есть в осени **первоначальной***
*Короткая, но **дивная** пора --*
*Весь день стоит как бы **хрустальный,***
*И **лучезарны** вечера...*

длинные сложные слова *первоначальной* и *лучезарны* задают спокойную, вдумчивую,

ПОЭЗИЯ — ЭТО ДЫХАНИЕ

Дыхание свободно в каждой гласной,
В согласных — прерывается на миг.
И только тот гармонии достиг,
Кому чередованье их подвластно.
Звучат в согласных серебро и медь.
А гласные даны тебе для пенья
И счастлив будь, коль можешь ты пропеть
Иль даже продышать стихотворенье.

размышляюще-повествовательную интонацию Этому служит и накопление плавных [р] и [л], способных не только длить своё собственное звучание, но и придавать дополнительную напевность гласным *(хрустальный, лучезарны)*. А чтобы этот поток музыкальности не был слишком навязчивым и громким, он умеряется соседством глухих [п], [ч], [х].

Звуковая волна, пронизывая текст, подчёркивает три важнейших в смысловом отношении слова: осень — *первоначальная*, день — *хрустальный*, вечера — *лучезарны*. Первоначальная осень короткая, прекрасная и удивительная *(дивная)*. День — пространство, мир, полный света, но света уже осеннего, холодновато-хрустального. Вечер и закат слились воедино; на фоне обычных ассоциаций вечер — сумерки — полутьма остро и неожиданно воспринимается значение традиционно-поэтического *лучезарны*, т е вечера, озаряющие своим светом, полные сияния и блеска

Дальше в стихотворении Тютчева развиваются эти смыслы, темы света, покоя и пустоты пронизывают весь текст, и картина природы превращается в разговор о человеческой судьбе

АДРЕСАТ

Всякая речь обращена к кому-нибудь и содержит нечто, относящееся как к говорящему, так и к слушающему, причем последнему говорящий приписывает свойства, находящиеся в нем самом. Человеческая личность способна на бесконечное дробление. Наши слова являются выражением лишь части нас, одного из наших ликов. О своей любви мы можем рассказать любимой женщине, другу, на суде, в пьяной компании, цветам, Богу. Ясно, что каждый раз наш рассказ будет иным, так как мы меняемся в зависимости от обстановки.

(Из статьи Н. С. Гумилева «Анатомия стихотворения».)

Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ ВАМ

В отличие от поэзии проза лишена яркой языковой формы. Но, как это нередко бывает в искусстве, невидный, скромный, привычный материал оказывается равным, а часто и превосходит по художественным возможностям своих более блистательных собратьев

Главная формула прозы: «Я хочу рассказать вам» «Я» может быть расшифровано примерно так: «Я и только я могу вам об этом рассказать, потому что я вижу та́к и понимаю то́, чего не видит и не понимает, кроме меня, никто другой, и потому я не могу не рассказать вам об этом» А «Я не могу не рассказать» — это идея самовыражения, совершенно необходимого в любом искусстве.

В художественной прозе формула «я не могу не рассказать» внутренне противоречива, потому что, с одной стороны, она подчёркивает «я» и необходимость самовыражения, а с другой — подчёркивает такую же явную направленность текста к каким-то другим «вам». Таким образом, в художественной прозе изначально заложено противоречие — вечная борьба между «я» и «вы»

СОЗДАТЕЛИ И НАРУШИТЕЛИ НОРМ

История языка русской художественной литературы неразрывно связана с историей русского литературного языка. И не только потому, что у русской художественной литературы и русского литературного языка общие истоки Актуализация, создающая язык художественной литературы, — это преодоление автоматизма. Автоматизм же возникает, когда существует нечто устойчивое, нормативное. Литературный язык — это образец нормативного, тот идеальный язык, который позволяет писателю осуществить актуализацию, а читателю — уловить её

Актуализировать творческий потенциал языка можно двумя способами: в основе одно-

го — нарушение норм литературного языка, отталкивание от них как от лишённого выразительности стандарта; в основе другого — убеждение в том, что норма есть проявление самого сущностного, органичного в языке, обладающего безграничными запасами выразительности.

Нарушение нормы создаёт контраст между обычным и художественным и поэтому присуще каждому художественному тексту. Важно, делает ли автор подобный способ актуализации постоянным и господствующим элементом своего языка или использует как единичный приём. Почти у любого писателя можно найти смешение стилей, но невероятная чересполосица деловых, политических и просторечных элементов, которая встречается в известном рассказе «Бочка», характерна именно для М. М. Зощенко.

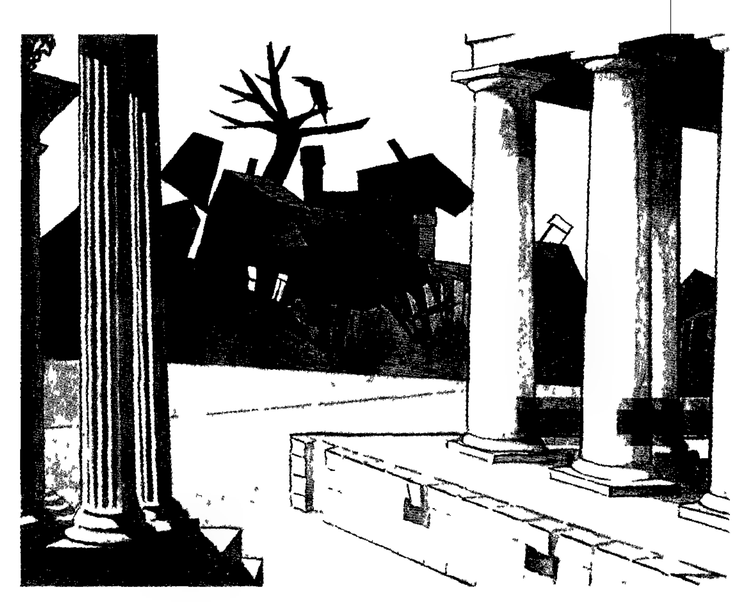
Во многих художественных текстах имеются слова, изобретённые автором, или слова редкие, обычно не употребляющиеся. И уж совсем не бывает прозаического или поэтического произведения без необычных словосочетаний и значений слов. Постоянным признаком они стали для языка Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевского, А. А. Фета.

Нормы литературного языка развиваются и совершенствуются именно в художественной литературе. На всём протяжении существования русской художественной литературы были авторы, создавшие блистательные образцы чистого и совершенного литературного языка. А. С. Пушкин и И. С. Тургенев, А. П. Чехов и А. А. Ахматова, И. А. Бунин и М. А. Булгаков — в творчестве этих мастеров средством актуализации становилась сама норма, доведённая до уровня искусства.

ОТ ЛОМОНОСОВА ДО ПУШКИНА

Художественные системы, ориентированные на нормы литературного языка, всегда создавались сознательно. Это особенно заметно в переломные моменты развития языка художественной литературы.

В языке литературы Петровской эпохи смешались, слились в единое целое старое и новое, своё и чужое, живое и мёртвое, традиционное и новаторское. Всё, что в спокойные периоды развития языка сложно, но закономерно взаимодействует, во время потрясений Петровской эпохи «срывалось» со своих обычных мест: крестьянские диалекты, иностранные языки, византийское благочестие и архаика речи бояр, профессиональные жаргоны — ремесленные, солдатские, матросские...



Одни художники актуализируют творческий потенциал языка, создавая нормы, а другие — нарушая их

Русский классицизм (В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, М. М. Херасков, Я. Б. Княжнин) стал началом новой русской литературы. К этому моменту норма как общепринятый стандарт ещё не сложилась. Литература должна была не отталкиваться от нормы, а создавать её, это само по себе становилось способом актуализации.

Ломоносовская реформа (см. статью «Исторический путь русского языка») в соответствии с новыми историческими условиями и новым пониманием литературы упорядочила языковой хаос, доставшийся в наследство от Петровской эпохи. Разделение, чёткие границы, жёсткие противопоставления — вот суть формулы творчества классицистов.

Высокое и низкое, прекрасное и безобразное, благородное и подлое воплотилось в языке художественной литературы этой эпохи. Среднее, посредственное, как говорил Ломоносов (не вкладывая в это слово того неодобрительного смысла, который вкладываем мы), существовало в теории, но осталось нереализованным в творчестве. Никому из классицистов не удалось создать произведений, принадлежащих «посредственному штилю», которые по художественному уровню были бы равны их одам, трагедиям, басням и комедиям. Основой «среднего» стиля предстояло стать общеязыковым, общелитературным средствам, которые ещё

СЛОВО ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕЕ И СЛОВО НАЗЫВАЮЩЕЕ

Сравните два фрагмента: один из них взят из исторической повести Н. М. Карамзина «Марфа-посадница, или Покорение Новагорода» (1803 г.), другой — из незаконченного исторического романа А. С. Пушкина «Арап Петра Великого» (1827 г.).

I. *«Вдруг колеблются толпы народные, и громко раздаются восклицания: „Марфа! Марфа!". Она восходит на железные ступени, тихо и величаво; взирает на бесчисленное собрание граждан и безмолвствует... Важность и скорбь видны на бледном лице её... Но скоро осенённый горестию взор блеснул огнём вдохновения, бледное лицо покрылось румянцем, и Марфа вешала:*

„Вадим, Вадим! Здесь лилась священная кровь твоя, здесь призываю небо и тебя во свидетели, что сердце моё любит славу отечества и благо сограждан, что скажу истину народу новгородскому и готова запечатлеть её моею кровию. Жена дерзает говорить на вече, но предки мои были друзья Вадимовы, я родилась в стане воинском под звуком оружия, отец, супруг мой погибли, сражаясь за Новгород. Вот право моё быть защитницею вольности! Оно куплено ценою моего счастия..."».

II. *«В числе молодых людей, отправленных Петром Великим в чужие края, для приобретения сведений, необходимых государству преобразованному, находился его крестник, арап Ибрагим. Он обучался в парижском военном училище, выпущен был капитаном артиллерии, отличился в Испанской войне и, тяжело раненный, возвратился в Париж. Император посреди обширных своих трудов не преставал осведомляться о своём любимце и всегда получал лестные отзывы насчёт его успехов и поведения. Пётр был очень им доволен и неоднократно звал его в Россию, но Ибрагим не торопился. Он отговаривался различными предлогами, то раною, то желанием усовершенствовать свои познания, то недостатком в деньгах, и Пётр снисходительствовал его просьбам, просил его заботиться о своём здоровии, благодарил за ревность к учению и, крайне бережливый в собственных своих расходах, не жалел для него своей казны, присовокупляя к червонцам отеческие советы и предостерегательные наставления».*

Оба текста — из исторической прозы, оба представляют великолепные образцы литературного языка своего времени. Наконец, в обоих случаях это первое явление главного героя.

Возвышенная риторика карамзинского текста и жестковатая деловитость пушкинского — это не только разница между сентиментализмом Карамзина и реализмом Пушкина. Здесь есть и сходство. Для Пушкина строгая деловитость повествования — такой же знак Петровской эпохи, как для Карамзина возвышенная риторика с элементами старославянизмов — знак Древней Руси. В обоих случаях язык выражает авторское «я», воспринимающее действительность именно под таким углом зрения. И хотя на самом деле в Новгороде XV в. и в Петербурге конца XVII — начала XVIII в. звучала совсем другая речь, читатель почувствует несходство этих эпох, воплошённое в языковом материале.

Но пушкинский рассказчик в отличие от карамзинского тщательно скрыт; кажется, что читатель получает совершенно обьективную информацию. Другое дело — Карамзин: как бы отдав дань исторической обьективности, рассказчик совершенно открыто демонстрирует своё отношение к персонажу.

У Пушкина в отрывке преобладает слово называющее, у Карамзина — слово характеризующее. Называние всегда более обьективно, характеристика — субьективна; называние универсально, за ним труднее разглядеть того, кто им пользуется; характеристика индивидуальна, она характеризует того, кто её даёт.

Н. М. Карамзин использует слова и обороты с возвышенной торжественной окраской: *взирает, граждан, взор, безмолвствует, вешала, жена* (в значении

не устоялись. «Крайние» зоны языкового запаса освоить было значительно легче.

Классицистическая реформа удалась в двух планах: во-первых, новая литература и её язык ушли от хаоса Петровской эпохи. Во-вторых, упорядоченная стройность художественной речи действительно воспринималась как произведение искусства на фоне фантастической смеси живого обиходного языка.

Однако уже в творчестве самих классицистов утверждение нормы переросло в её отрицание. Категоричность новой нормы, отсутствие «среднего» стиля — всё это обедняло картину мира, делало её чёрно-белой, неживой. Выход стали искать в смешении того, что так долго и упорно разводили: «высоких» и «низких» элементов языка. Это смешение не только оживило контрасты, но и позволило почувствовать великую силу среднего, общего — того, без чего нет полноценного разграничения полюсов.

В 1757 г., когда большинство од, принёсших Ломоносову славу основоположника русской литературы, было уже создано, он написал четырёхстрочное шуточное стихотворение:

Мышь некогда, любя святыню,
Оставила прелестный мир,
Ушла в глубокую пустыню,
Засевшись вся в голландский сыр.

Лаконичность, простота, естественность и изящная ирония этой миниатюры уже совсем из другой литературной эпохи, которая наступит лишь лет через 40—50 и будет утверждать себя в отчаянной борьбе с классицизмом.

'женщина'), *дерзает; огонь вдохновения, священная кровь, слава отечества, благо сограждан* Он широко употребляет слова, называющие качества. *громко, тихо, величаво, важность, скорбь, горесть, бесчисленный, бледный, священный.* Называние качества близко к характеристике, всегда субъективно. то, что для одного человека *тихо* и *величаво,* для другого — *медленно* и *вяло;* одно и то же лицо можно назвать и *бледным,* и *бесцветным,* сочувствующий и восхищенный рассказчик видит на лице героини *важность* и *скорбь,* а негодующий и враждебный — *высокомерие* и *скуку.*

В интонационной и синтаксической выстроенности текста значительную роль играют восклицания, паузы, отмеченные авторскими знаками препинания (*«Она восходит на железные ступени, тихо и величаво, взирает на бесчисленное собрание граждан и безмолвствует . Важность и скорбь видны на бледном лице ее...»).* Яркая субъективность Карамзина проявляется также в том, что и рассказчик, и его героиня говорят совершенно однотипно, и если бы не указание на переход к прямой речи (*« .. и Марфа вешала...»),* читателю было бы очень трудно определить, где кончается речь автора, а где начинается речь персонажа.

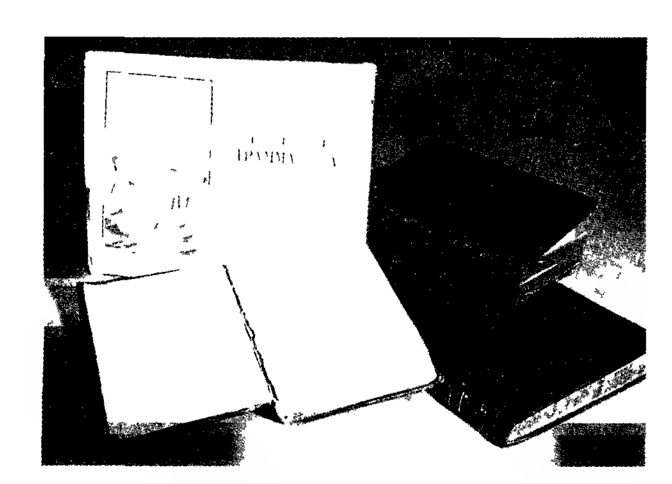
Преобладание слова называющего в пушкинском отрывке заметно прежде всего в отсутствии лексики с явно выраженной эмоциональной окраской. Подавляющее большинство слов и словосочетаний в этом фрагменте — названия предметов и действий: *молодой человек, чужие края, сведения, крестник, арап, парижское военное училище, Испанская война, Петр Великий, Россия, Ибрагим, находился, обучался, отличился, возвратился* и т. п Слов именующих качество, очень мало.

Текст предельно насыщен информацией и чрезвычайно лаконичен, в нем нет ни одного элемента, который не был бы крепко связан с предшествующим и последующим А в карамзинском тексте такое встречается, например· *«Она восходит на* ***железные*** *ступени, тихо и величаво. .».* Прилагательное *железные* никак не подготовлено и в дальнейшем не получает никакого развития. Возникает даже некоторая неловкость — трудно представить, как можно *тихо* взойти на железные ступени, если только не красться. Но для Карамзина было не столь важно сочетание смыслов, к тому же в данном случае *тихо* означает не столько звуковой признак, сколько неторопливость, несуетливость движения. Зачем же понадобилось слово *железные?* Во-первых, автор искал фразу определенной звуковой структуры. Попробуйте прочитать ее вслух без прилагательного *железные.* Вы почувствуете, как неудобно, некрасиво прозвучат оказавшиеся рядом ***восходит*** и ***ступени,*** как слишком быстро вы приблизитесь к обособлению, и у вас не хватит дыхания, чтобы выделить интонацией авторскую запятую. Во-вторых, будучи историком, Карамзин всегда стремился к точности исторической детали, и если к вечевому помосту, по его сведениям, вели именно железные ступени, он считал своим долгом это отметить.

В пушкинском тексте господствуют четкие логические связи, все заданные мотивы получают последовательное развитие. Смысловой элемент *арап Ибрагим — крестник Петра* сразу же задает двухчастность фрагмента: первая часть — о самом Ибрагиме, вторая — о том, как относился к нему Петр.

Пушкинское называющее слово позволило вместить в авторское «я» свободное пространство живого, а не заданного мира. Этот мир обретает силу гармонии, глубину и естественность. Даже если он чужд читателю, его не навязывают ему, ибо он открыт; имени возвращены вся его смысловая полнота и мощь. Мера же восприятия этой полноты — дело самого читателя. Насыщенность и стройность смысловых рядов не сковывают, а заражают чувством совершенства, ощущением того, что слову подвластно все.

Позднее серебряный век русской литературы на место слова называющего или характеризующего пытался поставить слово внушающее



Русские классицисты проделали огромную работу по установлению нормы литературного языка

Дальнейшая история языка русской художественной литературы еще более удивительна Представители сентиментализма и романтизма тщательно пересмотрели унаследованную от классицизма систему языковых средств, от многого отказались, многое переосмыслили, сделали немало нововведений Но сам принцип создания нормы оставался неизменным она задавала единственно возможную «правильную» точку зрения на мир Что считать поэтичным, а что нет, какие слова пригодны для описания любви (или печали, или смерти), а какие нет — это, казалось, было решено навсегда

Только Пушкину удалось создать литературный язык, устроенный по-иному Он сумел возвратить слову всю совокупность принадлежащих ему смыслов. Слово перестало быть «однобоким», повернутым лишь к тем сторонам

действительности, которые считались подходящими для «правильного» воплощения в искусстве. Теперь и значение слова, и его эмоциональная окраска задавались контекстом. Например, слово *гений* у Пушкина могло сохранять традиционную возвышенность и поэтичность (*«как* ***гений*** *чистой красоты»*), а могло утрачивать их, превращаясь в знак нелепой претенциозности, упадка и запустения:

На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых ***гениев,*** *растрёпанных харит*
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колеблясь и шумя...

Значения слов у Пушкина не заданы заранее, они творятся здесь и сейчас, поэтому норма «открыта». Она свободно охватывает любую действительность, подчиняясь воле пишущего.

Каждый элемент языка хранит всё, что накоплено литературной традицией, и обнаруживает новое, ей совершенно неизвестное. Даже один и тот же элемент системы не равен самому себе, потому что каждое новое его появление в тексте рождено именно данной ситуацией. А изменение контекста всегда меняет смысл и эмоциональную окраску.

Вся дальнейшая история языка русской художественной литературы связана с постоянным обращением к опыту Пушкина. Открытый Пушкиным закон (в языке художественной литературы уместно всё, что обусловлено художественной задачей) оказался намного шире любых конкретных норм. Он определил отношение к «языку обыкновенному» как равноправному с другими источнику, из которого художник может черпать необходимые для творчества средства.

СТАРОСЛАВЯНИЗМЫ

Среди языковых элементов, унаследованных Пушкиным от предшественников, были слова, ведущие происхождение от старой книжной культуры (старославянского, а иногда и древнерусского происхождения). В научной литературе их объединяют общим названием *стилистические старославянизмы.* Эти слова отличаются от современных аналогов «внешним видом» (сравните: *длань — рука, позор — зрелище, врата — ворота*), очевидной книжностью и возвышенной, торжественной эмоциональной окраской.

Несмотря на архаичность, а скорее всего именно благодаря ей стилистические старославянизмы очень широко использовались и в зарождающейся новой литературе. К ним с разными целями обращались и классицисты, и романтики, и сентименталисты.

Такая энергичная эксплуатация всегда приводит к «усталости» языкового средства, оно становится штампом. Однако в системе пушкинских текстов эти единицы заново «вспоминают» все свои старые «роли» и овладевают целым рядом новых.

Старославянизм у Пушкина может быть знаком христианской идеи:

Владыко дней моих! *дух* ***праздности*** *унылой,*
Любоначалия, *змеи сокрытой сей,*
И ***празднословия*** *не дай душе моей.*
Но дай мне ***зреть*** *мои,* ***о Боже,*** *прегрешенья...,*

знаком обращения к русской истории:

Блеснул кровавый меч ***в неукротимой длани***
Коварством, ***дерзостью венчанного*** *царя;*
Восстал *вселенной бич — и вскоре новой* ***брани***
Зарделась грозная заря...

или к древности вообще:

...Но в начале ***трапезы,*** *о други,*
Должно творить возлиянья,
вещать благовещие *речи...*

«Подражание древним»

Старославянизм может нести возвышенную гражданскую риторику:

Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде ***Невежества*** *убийственный Позор.*

А вот пример совершенно нетрадиционного обращения к стилистическим старославянизмам. В 1824 г. Пушкин знакомится с французским переводом Корана — священной книги мусульман. Даже в отраженном виде (в переводе на язык, по происхождению, структуре, характеру образности абсолютно чуждый языку оригинала) памятник поразил воображение поэта суровой, воинственной силой, безоглядной энергией самоутверждения. Александр Сергеевич Пушкин пишет цикл стихотворений, названный «Подражания Корану». В этих стихах стилистические старославянизмы — едва ли не главное средство воплощения всевластной силы и надменной воли Творца.

С тобою ***древле,*** *о всесильный,*
Могучий состязаться ***мнил,***
Безумной ***гордостью обильный;***
Но ты, господь, его смирил.
Ты ***рек:*** *я миру жизнь дарую,*
Я смертью землю наказую,
На все ***подъята длань*** *моя.*
Я также, рек он, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
С тобою, ***боже,*** *равен я.*
Но смолкла похвальба ***порока***
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его!

ОСЕНЬ

Пушкин свел и заставил служить друг другу две великие силы эстетического воздействия: традиционные формулы, уже окруженные поэтическим ореолом (от них Пушкин не отказывался никогда), и непредвидимые прозаизмы, бесконечной чередой поступающие из запаса самой действительности.

В «Осени» русская природа, уединенная сельская жизнь, слитая с этой природой, управляемая ее законами, являются величайшими ценностями; в частности потому, что они предстают нам здесь как условие поэтического вдохновения, творческого акта, о котором, собственно, и написано стихотворение «Осень».

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривою, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол и трескается лед.
Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит — то яркий свет лиет,
То тлеет медленно — а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей питаю.

Здесь отчетливо видно, как сфера значительного и прекрасного втягивает в себя, пронизывает собой и тем самым преображает обыденные вещи.

Промерзлый, трескается — эти слова не были бы допущены в классическую элегию; *копыто* — скорее принадлежало к басенному словарю. Но в «Осени» Пушкина все эти предметные слова в то же время проводники идеи вольной сельской жизни, русской природы, вдохновенного труда. Поэтому они так же прекрасны — и закономерно друг с другом сочетаемы, — как камелек, в котором то горит, то тлеет огонь, как думы поэта.

(Из статьи Л. Я. Гинзбург «Поэзия действительности».)

А С Пушкин Автопортрет в бурке 1829 г

В ПОИСКАХ НОВОГО СЛОВА

Говоря о создании особого мира в искусстве, часто пользуются понятием «картина мира» Картина мира — это то, как человек воспринимает и понимает вечный и бесконечный мир и свое место в нём; как его разум, чувства и фантазия справляются с двумя совершенно нечеловеческими смыслами — вечное и бесконечное

В русской художественной литературе личность всегда была центром картины мира. Это соответствует сущности языка, который по природе своей *антропоцентричен* (от *греч.* «antropos» — «человек») — выстроен вокруг человека, его проблем, его потребности в общении

Рубеж XIX и XX столетий стал переломным в истории духовного развития человека Открытие законов макромира (космоса) и микромира (атома), новое понимание пространства и времени потрясли разум и душу человечества Это был не только великий прорыв мысли, новый этап научного познания, но и гигантский выброс чувств, который породил новое искусство Кардинально изменилась картина мира: человек утратил в ней центральное место.

Язык классического искусства исчерпан, как исчерпана идея антропоцентризма Эта мысль часто и в разных вариантах возникает в прозе и поэзии начала XX в, в годы, названные

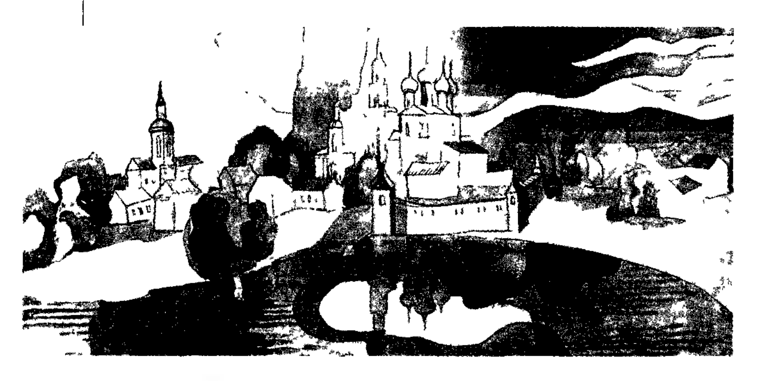
В В Маяковский Автопортрет

серебряным веком русского искусства. Наиболее жёстко выражена она в стихотворении Николая Гумилёва «Слово»:

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангельи от Иоанна
Сказано, что слово это Бог.

Мы ему ***поставили пределом***
Скудные пределы естества,
И, как пчёлы в улье опустелом,
Дурно пахнут мёртвые слова.

Язык, на котором два века говорила русская литература, стал лишь кладбищем «дурно пахнущих мёртвых слов» Начинается поиск нового слова и нового языка. Наиболее ярко это проявилось в стихах поэтов-символистов. В языковой структуре их текстов особую роль обретал *повтор* — один из древнейших риторических и литературных приёмов. Повтор становился способом указать на то, что неназываемо, неуловимо, не поддаётся описанию, но может быть внушено колдовским плетением словесной ткани. Сочетание и взаимодействие повторов разного типа порождает повышенную музыкальность стиха, а повторы на уровне значений



Повтор — один из основных приемов в поэзии символистов

создают неопределённость, загадочность смыслов, дают ощущение их глубины, бездонности. На тончайшей сети повторов держится всё это беспрестанно меняющееся смысловое пространство.

Вот чрезвычайно характерное стихотворение Александра Блока:

Придут незаметные ***белые ночи.***
И душу вытравят ***белым*** *светом.*
И бессонные птицы выклюют очи.
И буду ждать я — с ***лицом воздетым,***
Я ***буду мёртвый*** *— с* ***лицом подъятым.***
Придёт, *кто больше на свете любит:*
В мёртвые губы меня поцелует,
Закроет *меня благовонным платом.*

Придут *другие, разрыхлят глыбы,*
Зароют, *— уйдут беспокойно прочь:*
Они обо мне помолиться могли бы,
Да вот — помешала ***белая ночь!***

Повтор ***белые*** *ночи — вытравят* ***белым*** *светом* заставляет ощутить связь между ирреальным, неживым светом белой ночи и таящимся в ней непонятным страхом: *белые ночи придут* ***незаметно,*** *(они)* ***вытравят*** *душу;* прилагательное *белый* в этом контексте приобретает значение 'мертвенный и голый', *ночь* и *свет* соединены общим определением и сходством/различием смыслов. *Белый свет* (мертвенный) вызывает *бессонных птиц,* которые *выклюют очи* (смерть). Повтор с поверхности ушёл в смысловую глубину текста и всплыл через строку с иным смысловым акцентом и в ином облике· *Я буду мёртвый — с лицом подъятым = с лицом воздетым.*

Тревога, возникающая в первых двух строках, почти выраженная словесно в *бессонных птицах* и напряжённом *буду ждать я с лицом подъятым,* прямо названа лишь в последней строфе: *уйдут беспокойно прочь,* которая опять возвращает к неизбывной муке белой ночи: *помешала белая ночь* даже последней молитве. Нить повтора, соединив явные и скрытые смыслы, обозначила связь двух образов: мучительной тревоги, вносимой в душу человека белой ночью, и смерти, приход которой никого не успокоит в этом вытравленном белым светом пространстве.

В творчестве символистов основой языка, его первичной единицей оставалось слово. Но в начале XX в. жил и творил поэт, проникший глубже, к первичным формам языковой материи — звукам, созвучиям и морфемам. Его имя — Велимир Хлебников.

Поэт использует обычные русские морфемы в совершенно необычном сочетании.

Крылышкуя золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.

Что означает невероятное деепричастие *крылышкуя,* образованное не от глагола, а вроде бы от имени существительного *крылышки?* Махая крылышками, расправляя крылышки, блистая

крылышками и мало ли что ещё... *Золотописьмо* близко к *златокованный, златошвейный*, но это имя существительное. К тому же оно на целый слог больше *(зо-ло-то...)*, отчего первая часть сложного слова замедляется и становится наивно-важной. Рядом с этим словом его источник — сочетание *золотое письмо* — звучит совсем бесцветно, одномерно.

Меняется и восприятие словосочетаний, даже если это «нормальные» слова: *«Кузнечик в кузов пуза уложил...»*. Если бы не фантастические *крылышкуя* и *золотописьмо*, подчёркнутая перекличка *к*[уза]*в* — *п*[уза] показалась бы слишком очевидной с точки зрения звучания и нелепой с точки зрения смысла. Всё-таки *кузов* (это слово здесь значит 'корзинка') и *пузо* очень далеки друг от друга в обычном языке. Здесь соединение «далековатых идей» (выражение, удивительно верно передающее сущность поэзии серебряного века, придумано... за два столетия до него М. В. Ломоносовым) поражает неожиданной точностью ви́дения: *кузов* — (большое, толстое) *пузо*. А у кузнечика, несмотря на всю его миниатюрность, действительно *пузо* (туловище) — самая большая часть тела. К тому же [з] в окружении гласных очень похоже на «звучание» кузнечика в траве.

Другой путь поэтического освоения элементарных частиц языка художественной литературы — это изобретение «чистых» созвучий, в которых нет и намёка на сходство со словом или его частью. Непривычные для естественного русского языка звукосочетания именно этой невероятностью будят языковую фантазию.

Вэо-вэя — зелень дерева,
Нижеоты — тёмный ствол,
Мам-эами — это небо,
Пучь и чапи — чёрный грач.
Мам и эмо — это облако.

Третий путь — придание смысла отдельному звуку. В основе текста — случайный, совершенно непредсказуемый, а потому доступный любого рода ассоциациям, набор русских слов, содержащих этот звук. Например, для звука [л] Хлебников выводит такое значение: «*Л* — это движение точки, остановленное плоскостью», а затем посвящает этому звуку большое стихотворение «Слово о Эль». Вот отрывок из него:

Когда широкое копыто
*В бо**л**отной топи держит **л**ося,*
*Мы говори**л**и — это **л**апа.*
И про широкие рога
*Мы говори**л**и — **л**ось и **л**ань.*

ИГРА «НАМЁКИ»

Участники игры загадывают слово. Затем называют его первую букву и другое слово, каким-либо образом связанное с первым. По этому намеку нужно угадать задуманное слово. Связь между словом и намеком может быть самой разной, важно только, чтобы она ощущалась всеми: если большинство играющих ее не почувствует, задание признается некорректным. Можно играть командами, при этом очко получает и команда, разгадавшая задуманное слово с помощью слова-намёка, и команда, предложившая корректное задание.

Игра показывает, что связи между словами в языке гораздо сложнее и многообразнее, чем мы себе представляем, — ими пронизан весь язык и культура народа. Чтобы понять намек, данный в слове, нужно знать мифы, исторические события, произведения художественной литературы, пословицы, афоризмы и многое другое.

НАМЁКИ ДЛЯ ДОБРЫХ МОЛОДЦЕВ

Попробуйте разгадать слова по первым буквам и словам-намекам:

1) **К** — *сумка;*
2) **Б** — *нос;*
3) **Т** — *летать;*
4) **М** — *лягушонок;*
5) **Д** — *мышь;*
6) **С** — *300;*
7) **Ш** — *1001;*
8) **О** — *лень;*
9) **М** — *очки;*
10) **К** — *Ура!*
11) **Т** — *мир;*
12) **М** — *колено;*
14) **Р** — *зеркало;*
15) **А** — *40;*
16) **К** — *крыша;*
17) **З** — *солнце;*
18) **В** — *1;*
19) **К** — *самолёт;*
20) **С** — *муха;*
21) **С** — *Моцарт;*
22) **Е** — *яблоко.*

13) **Р** — *Ма*

Через осипший пароход
*Я увида**л** кривую **л**опасть:*
*Она то**л**ка**л**а тяжесть вод,*
*И **л**уч воды забы**л**, где пропасть.*

Поэты серебряного века использовали для построения поэтического образа элементарные частицы языка.

НАМЁКИ ДЛЯ ДОБРЫХ МОЛОДЦЕВ

1) *Кенгуру;* 2) *Буратино;* 3) летающая *тарелка;* 4) *Маугли;* 5) *джойстик;* 6) *спартанцы,* имеется в виду сражение при Фермопилах; 7) *Шахерезада* («Тысяча и одна ночь»); 8) *олень;* 9) *мартышка;* 10) *каникулы;* 11) *трубка мира;* 12) *море* («Море по колено»); 13) *ребус;* 14) *рожа* («Неча на зеркало пенять, коли рожа крива»); 15) *Али-Баба* (и 40 разбойников); 16) *Карлсон или кот;* 17) (солнечный) *зайчик;* 18) *воин* («Один в поле не воин»); 19) *ковёр;* 20) *слон* («Делать из мухи слона»); 21) *Сальери;* 22) *Ева или Елена Троянская.*

Однако и в эту эпоху грандиозных перемен закон актуализации языковой формы сохраняет свою универсальность. Сам факт «отречения» от естественного языка требовал безошибочного знания и точнейшего ощущения того, от чего и во имя чего отрекаются. Не случайно именно серебряный век дал непревзойдённые и сегодня образцы содружества искусства слова и науки о слове.

Стремительность исторического времени, грозные социальные катаклизмы многократно потрясали основы искусства XX в. Трагическая судьба выпала и искусству слова. Но Анна Ахматова, великий поэт и мудрая женщина, плоть от плоти серебряного века, преодолев почти две трети столь немилостивого к ней столетия, уже на склоне лет заново открыла закон возвращения Человека к самому себе, к своему Языку, а значит — и к вечному искусству Слова:

Ржавеет золото, и истлевает сталь,
Крошится мрамор — к смерти всё готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней — царственное Слово.

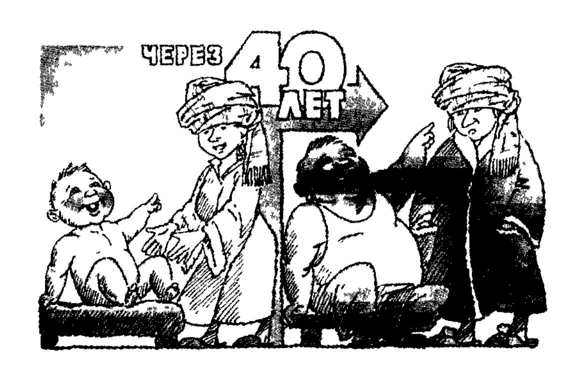
ЯЗЫК И ЮМОР

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО?

Кто только не пытался дать определение юмору! О нём размышлял Аристотель и, возможно, у него были неизвестные нам предшественники. О природе юмора писали крупнейшие мыслители: И. Кант, Г. Гегель, А. Шопенгауэр, З. Фрейд, М. М. Бахтин. Но многие тайны смеха и по сей день остаются тайнами.

Первая из них: чему мы смеёмся? Трёхнедельный крошка, глядя в потолок и размахивая ручками, время от времени начинает смеяться чему-то своему... Чему? Это великая тайна природы. Через несколько месяцев он будет смеяться над мамой, которая замотала голову полотенцем, и над папой, меняющим перегоревшую лампочку. Они ведут себя необычно — значит, смешно! Пройдёт ещё несколько лет, и малыш будет хохотать до упаду над простенькими шутками: *А собачка и говорит: «Кукареку!»* или *У нашего Пети девять ножек и три ушка, а носик потерялся.* Путаницы и перевёртыши вроде фольклорного *Ехал Федя на медведе, а Фома на курице,* стихов К. И. Чуковского и С. Я. Маршака, имеют успех у всех маленьких детей: нелепо — смешно. Десять лет спустя подросток прочтёт у И. Ильфа и Е. Петрова бессмертное: *«Ваше политическое кредо? — Всегда!»,* у Марка Твена: *«Слухи о моей смерти оказались сильно преувеличены»,* у Ярослава Гашека: *«Я не майор, я свинья!».* Это сказано так необычно, так неожиданно — очень смешно!

Итак, чтобы было смешно, должно происходить что-то необычное, а значит, должно существовать представление о нормальном, обычном положении вещей. Смешон ли приговорённый к пожизненному заключению узник, ковыряющий стену ложкой, чтобы сбежать из темницы? Вряд ли. А если его посадили на 15 суток, а стена толщиной в три метра? Человек поскользнулся на льду и упал — его спутники скорее бросятся ему помочь, чем станут смеяться. А если он перед этим полчаса объяснял им, как нужно ходить в гололёд, чтобы не упасть? Нам смешно не действие или событие само по себе, а его несоответствие заданной ситуации, распределённым ролям. Взрослые улыбаются,



ИГРЫ С ТЕКСТОМ

ГОЛОВОЛОМКА

Отрывок стихотворения (не слишком известного) из 4—12 строк разрезают на отдельные слова. Нужно, опираясь на смысл, стихотворный размер и рифму, восстановить текст стихотворения, сложив слова в нужном порядке. Побеждает тот, кто сделает это правильно и быстрее всех.

ЗАГОЛОВКИ

Вам понадобятся большой лист бумаги, ножницы, клей и как можно больше старых газет и журналов. На этом листе нужно сделать свою газету, используя только вырезки из газет и журналов. Писать и рисовать самим запрещается. Слова могут составляться из отдельных вырезанных букв, фразы — из слов, тексты — из разных отрывков, к рисункам подбираются подписи. Эта игра требует изобретательности, чувства юмора, умения работать вместе и может стать хорошим началом любого праздника.

СВЯЗАТЬ СЛОВА

Игра начинается с того, что совершенно произвольно выбираются два слова: можно наугад открыть книгу или пусть это будут первые пришедшие в голову слова, например *летчик* и *чернильница.* Задача игроков — придумать контекст, связывающий их (одну-две фразы). Например, так. *Будущий* ***лётчик,*** *курсант училища, сдает экзамен, а его бабушка держит «на счастье» палец в* ***чернильнице.*** Или так: *Когда я писал слово* ***лётчик,*** *я задумался. что писать после* ***ч?*** *И думал так долго, что в* ***чернильнице*** *высохли чернила и я уже ничего не написал.* Еще вариант: ***Лётчик*** *любовался тучами: с одной стороны они переливались всеми цветами заката, а с другой — словно опрокинулась огромная* ***чернильница*** *— были совершенно фиолетовыми.* Или даже так: *Вот я сижу сейчас и думаю: что общего между* ***лётчиком*** *и* ***чернильницей?***

Но такая шутка, конечно, хороша лишь однажды. Игру можно усложнить, задавая не два слова, а больше.

РАССКАЗ ПО КРУГУ

Все садятся в круг. Первый играющий начинает рассказ любой фразой, например: *Однажды темным зимним вечером вся семья сидела за столом.* Второй подхватывает, придумав продолжение, и т. д. В зависимости от количества играющих можно пройти один или несколько кругов так, чтобы набралось хотя бы десять фраз. Особенно интересно своей фразой придать сюжету новый поворот, придумать что-нибудь необычное и поставить следующего игрока в сложное положение. Долго раздумывать нельзя: считайте, например, до трех, пока игрок думает. Если он не найдет варианта, то выходит из игры. Условия можно изменять и усложнять: например, заранее задать жанр рассказа (детектив, репортаж или мелодрама).

В другом варианте игроки выбирают себе ключевые слова или выражения, которые употребляют всякий раз, когда очередь дойдет до них. Каждый старается подготовить своему соседу такой сюжет, чтобы тому пришлось поломать голову. В качестве ключевых элементов можно использовать рекламные штампы, литературные образы, поговорки, даже языковедческие термины. Попробуйте сочинить поэму, выбрав ритм попроще и парную рифму. Еще один вариант: сочинять с конца. Первый говорит: *И на этом все разошлись,* второй: *Он объяснил им, как было дело, и заверил, что опасности больше нет* и т. д. — к началу рассказа. Интересно пародировать манеру некоторых людей совершенно некстати рассказывать что-нибудь «кстати». Для этого каждый игрок кроме фразы, продолжающей рассказ, должен сообщить что-нибудь «кстати», зацепившись за любое слово в своей фразе. Например: *И они в ужасе побежали прочь.* ***Кстати,*** *бег очень полезен для здоровья и помогает предотвратить инфаркт.* Следить за связностью рассказа при таких условиях трудно, но зато сам рассказ получается очень смешным.

РАССКАЗ НА ОДНУ БУКВУ

Задача — придумать связный рассказ, в котором все слова, в том числе и служебные, начинались бы на одну и ту же букву. (Подсказка: легче всего сочинять на букву ***п,*** потому что на нее начинается много предлогов.)

Вот один такой рассказ: *Письмо поутру принес почтальон. Папино письмо! Петя подпрыгнул под потолок, пробежал по паркетному полу, прихватив по пути печенья. Принялся перелистывать письмо. После первого прочтения Петя прокричал: «Полундра! Папа приезжает под праздник!».*

Папа писал: «Петруша, по просьбе Полины посылаю портрет — пусть поставит перед полками. Полно проблем, почти полный провал — пароход простоял полмесяца под погрузкой, потом пошел. По понедельникам, пятницам порт перегружен. Плохо получилось.

Петруша, Полина! Проблемы потихоньку преодолеваются. По плану проект принимают под праздник. Просто по-страшному переживаю. После принятия — путь! Привезу подарки! Пока. Папа».

Петя перечитал письмо, положил под подушку, потом позвал пса Пирата прогуляться по парку. Петя прогуливался под пихтами, представляя порт, папин пароход, причудливые пейзажи. Пират, поднимая пыль, прыгал, пытаясь поймать Петин палец. Петя пропел: «При папе праздник получится преотличный!».

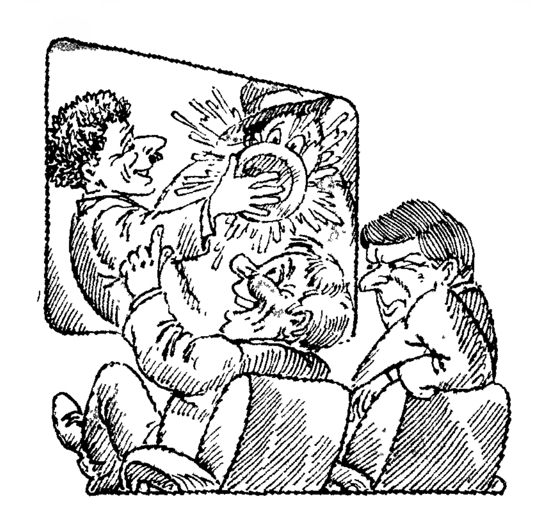
РАССКАЗ ПО АЛФАВИТУ

Это непростая игра. Нужно сочинить связный текст, в котором каждое следующее слово, в том числе и служебное, начиналось бы со следующей буквы алфавита. Можно пропустить буквы **ё** и ***й.*** Вот один из таких текстов, вариация на тему Моцарта и Сальери: *Аист был великолепным гармонистом. Даже еноты жалобно завывали и кивали любопытными мордочками, наслаждаясь очаровательными песнями. Роковым стало то умение, фатальным. Хмурая цапля честолюбиво швырнула щуплому эгоистичному юнцу яд.*

когда малыш говорит: *Вот что меня беспокоит в последнее время — у машинки колесо сломалось.* Смешно, когда участникам ситуации их роли видятся по-разному: как в «Ревизоре» Гоголя или в фильме «Иван Васильевич меняет профессию». Смешно звучит речь, стиль которой не соответствует теме и предмету разговора: «„*Волчица ты, — продолжал Лоханкин в том же тягучем тоне. — Тебя я презираю. К любовнику уходишь от меня. К Птибурдукову от меня уходишь. К ничтожному Птибурдукову нынче ты, мерзкая, уходишь от меня. Так вот к кому ты от меня уходишь! Волчица старая и мерзкая притом!*" *Упиваясь своим горем, Лоханкин даже не замечал, что говорит пятистопным ямбом*». Смешно, когда ситуация вдруг приобретает совсем иной смысл, как в анекдоте: *Скальпель... пинцет... зажим... спирт... огурец...* Наконец, может неожиданно меняться значение самих слов: *Штирлиц сидел у окна, из окна дуло. Штирлиц закрыл окно, дуло исчезло* или знаменитое армейское *Здесь вам не тут!*

Смех возникает только там, где есть заданные правила игры и эти правила нарушаются. Чувство юмора можно назвать одним из проявлений системного мышления, и потому это чувство присуще только людям (улыбаться могут и собаки — от радости, но не шутить). Способность чувствовать смешное связана с интеллектом — об этом говорит и само слово *остроумный*. Невозможно представить себе, чтобы человек с развитым чувством юмора был глуп (хотя он может разыгрывать из себя круглого дурака). Но если интеллектуальный уровень научились исследовать и даже измерять с помощью тестов, то чувство юмора пока науке неподвластно: мы просто говорим, что оно есть или его нет; что оно тонкое, или необычное, или примитивное.

Чувство юмора — это особое, личное ви́дение мира. Каждый видит мир по-своему — и смеётся тоже по-своему. Можно хохотать над героем фильма, который падает, поскользнувшись на арбузной корке, или бросает в противника торт со взбитыми сливками. Кого-то очень забавляет неприличное слово, громко сказанное в автобусе. Есть люди, которые находят комическое даже в самых ужасных, с точки зрения всех остальных, ситуациях: во время катастрофы, перед лицом неминуемой гибели. Это вызывает уважение, а вот человека, смеющегося над чужим горем, мы назовём циником, его чувство юмора нам неприятно. Психологи утверждают, что один из критериев, по которым люди выбирают близких друзей, — нам смешно одно и то же.



СОЗДАНЫ ДРУГ ДЛЯ ДРУГА

Итак, юмор существует постольку, поскольку за людьми, событиями, словами закреплены определённые значения. Смещение значений позволяет увидеть скрытые от поверхностного взгляда противоречия и вызывает смех. Оно может возникнуть само собой (человек падает или оговаривается), а может быть создано специально. Пошутить можно поступком (некоторым кажется ужасно смешным насыпать соли в чай соседу), жестом (например, сложив пальцы «по-новорусски») и словом. Последнее даже пояснять не нужно: именно язык как самая развитая и гибкая знаковая система идеально приспособлен к «игре в смыслы», создающей смешное.

Язык и юмор так тесно связаны, словно созданы друг для друга. Поэтому невозможно изучать юмор, не обращаясь к теории языка, а языковой юмор в свою очередь может дать больше ценных сведений об устройстве языка, чем иные серьёзные исследования

В основе многих юмористических ситуаций лежит эффект обманутого ожидания. Без неожиданности шутка не удастся: если последние слова анекдота заранее ясны — это верный признак того, что анекдот плоский.

Ожидания у разных людей не совпадают: ошибка в формуле может быть уморительно смешна для математика, в то время как историк не поймёт причины его бурной весёлости. Шутки над произношением Л. И. Брежнева понятны тем, кто помнит его бесконечные речи по радио и телевидению, а люди помоложе в лучшем случае улыбнутся из вежливости.

Вот, например, анекдот, популярный среди изучающих английский: *Встречаются двое*

в Лондоне. Один спрашивает: «How much time?» — «Time five». — «Such much?» — «Whom how». — «Ты что, тоже в МГУ учился?». Эта шутка рассчитана на тех, кто знает: по-английски так сказать невозможно, это типичная ошибка русского двоечника. Тот, кто английского не знает, или не говорящий по-русски англичанин останется в недоумении: что здесь смешного?

Неожиданность может создаваться по-разному — язык предоставляет нам богатейший набор средств для создания смешного. Один из вариантов — нарушение логики. *Эй вы, трое, оба ко мне! Как фамилия? — Иванов! — Петров! — Сидоров! — Братья, что ли? — Однофамильцы, товарищ генерал!* Предельный случай таких логических нарушений — популярные некогда «абстрактные» анекдоты: *Летят два крокодила, один нарисованный, а другой — на восток.*

Очень часто в шутках обыгрывается то, что современная лингвистика называет *пресуппозициями* (см. статью «Лингвистика сегодня и завтра»). В каждой фразе кроме высказанного смысла есть подразумеваемый. Если у собеседников эти подразумеваемые смыслы расходятся, диалог звучит комично: *Как-то за обедом Екатерина II предложила тост за здоровье честных людей. Все подняли бокалы, лишь граф Разумовский не дотронулся до своего. Екатерина заметила это и спросила его, почему он не хочет пожелать здоровья честным людям.*

— Боюсь, мор будет, государыня, — ответил Разумовский.

Любое общество (даже общество жуликов) между собой всегда играет в игру «мы с вами честные люди». Это подразумевалось и в тосте императрицы. Разумовский, поставив это невысказанное утверждение под сомнение, выявил фальшь ситуации и сделал её комичной. На обыгрывании пресуппозиции строится и шутка из романа Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», когда в трактире, где все боятся сказать лишнее слово из-за агентов тайной полиции, происходит такой диалог: *«„Вчера у нас было двое похорон“, — переводил разговор на другое церковный сторож. — „Видать, помер кто-нибудь!“ — заметил другой посетитель»*

Но, конечно, самое главное «юмористическое богатство» языка — это многозначность слов и выражений. Намеренное использование многозначности для создания игры смыслов называют *каламбуром* (*франц.* calembour). Каламбур — один из самых известных видов языковой игры.

На этом построено множество анекдотов и шуток, например двустишие И. А. Крылова:

Ест Федька с водкой редьку,
Ест водка с редькой Федьку.

или такой исторический анекдот *Как-то Николай II решил подшутить над генералом Драгомировым:*

— Михаил Иванович, отчего нос у вас подозрительно красный?

При всей свите Драгомиров гордо ответил:

— А это потому, Ваше Величество, что на старости лет мне от всяких глупых щенков приходится получать щелчки по носу.

Генерал применил приём разрушения идиомы, «разобрав» его на отдельные слова и вернувшись к их обычному смыслу. Похоже построены и распространенные шутки типа *Кто обжёгся на молоке, дует водку.*

АФОРИЗМЫ

Порой остроумное высказывание рождается не от избытка чувства юмора, а скорее от умения точно и кратко выразить свою мысль:

Однажды император Николай II, встретившись с Гречем на улице, спросил его:

— Скажи, пожалуйста, Греч: к чему служит в русской азбуке буква «ять»?

— Она служит, Ваше Величество, как знак отличия грамотных от неграмотных, — отвечал Греч не задумавшись.

Греч в нескольких словах уместил и мысль о том, что буква «ять» не нужна, и свое отношение к возможной реформе орфографии. Высказывания такого рода называют *афоризмами* (от *греч.* aphorismós — «определение»). Они часто строятся на каламбурах, антитезах, парадоксах, как у американского поэта Карла Сэндберга: *«Поэзия — это исповедь водного животного, которое живет на суше, а хотело бы в воздухе».*

ШУТКА И КОНТЕКСТ

Известно, что почти каждое слово может менять своё значение в зависимости от контекста. Шутка может строиться на искусном создании контекста, который позволяет слову приобрести нужное значение:

Журналиста привлекли к суду за то, что он назвал влиятельную в городе даму, баронессу, свиньёй. Судья приговорил его к штрафу и предупредил, что, если оскорбление повторится, приговор будет более суровым. Журналист спрашивает: «Значит ли это, господин судья, что я не могу больше называть баронессу свиньёй?» — «Не можете». — «А могу ли я назвать свинью баронессой?» Судья задумывается, потом отвечает, что это странно, но ничего незаконного в этом нет. Тогда журналист поворачивается к баронессе и говорит: «Привет, баронесса!». Вошли в историю шутки этого типа, принадлежашие Гёте и Марку Твену. *Гёте, прогуливаясь в парке, встретился на дорожке со своим знакомым. «Я никогда не уступаю дороги идиотам!» — заявил тот. «А я — всегда», — ответил Гёте и отступил в сторону. Марк Твен получил анонимное письмо, состоящее из одного слова «Свинья!». На следующий день он опубликовал это письмо в газете с таким комментарием: «Я много раз получал письма без подписи, но впервые — подпись без письма».*

Многие дети знают каламбуры поэта Якова Козловского:

Сев в такси, спросила такса:
«За проезд какая такса?».
А водитель: «Денег с такс
Не берём совсем. Вот так-с!».

Обыгрываться может и созвучие слов. *Девочка приходит из детского сада в слезах: «Воспитательница страшная, нас пугает, всё время говорит: „Съест КПСС, съест КПСС!“».* Каламбурит и кот Матроскин, когда вместо того, чтобы сказать «Фиг вам!», рисует вигвам. Каламбуры часто возникают в речи спонтанно: *Ну как твой новый приятель, лётчик? — Улётный!* Или: *Как ананас? — Не она нас, а мы его! И с аппетитом!*

Другой вид каламбура — «склеивание» слова из кусочков: *грезидиум* (из *грезить* + *президиум*), *выдвиженщина* (из *выдвиженец* + *женщина*, да ещё на заднем плане *деревенщина*) (И. Ильф). Шутки такого рода требуют не только чувства юмора, но и чувства языка.

Есть и шутки, прямо связанные с теми или иными языковыми явлениями. Например, такой анекдот: *Как отличить зайца от зайчихи? — Пустить на землю: если* ***побежал*** *— значит, заяц, если* ***побежала*** *— значит, зайчиха.* Шутка из телевизионной передачи: *Худые — это хорошо. Их можно в больнице по четыре штуки на одну койку ложить. — Наверное, всё-таки класть? — В больницу, милочка, не кладутся, а ложатся.* Обыгрывать можно синтаксис: *Шёл дождь и два студента; один — в галошах, а другой — в университет.*

Можно сказать, что нет в языке ничего, что не могло быть в нужный момент обыграно и использовано для шутки.

УСМЕШКА И НАСМЕШКА

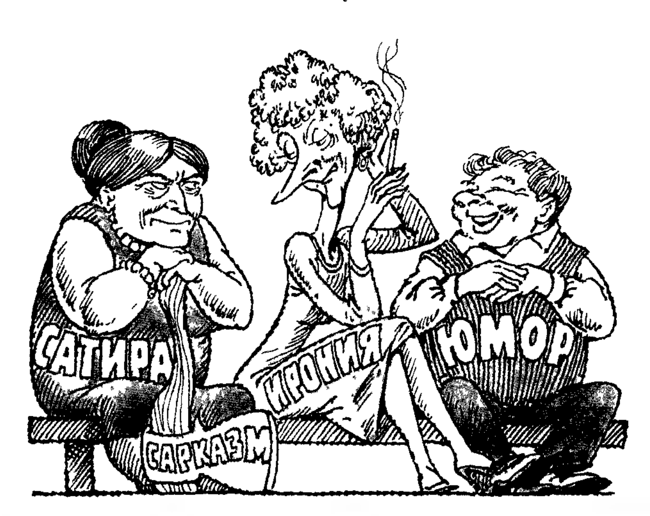
Над одной шуткой хохочут во всё горло, другая вызывает лишь тонкую усмешку. Это не значит, что первая лучше второй. Смех бывает очень разным, и за ним могут стоять самые различные чувства — от веселья до презрения.

Бывает, что речь пронизана юмором, но вызывает он именно улыбку, а не хохот: *«Крис посмотрел на меня с видом верблюда, забывшего дорогу к ближайшему колодцу»* (Дж. Дарелл).

Иронией (*греч.* «eironeia» — «притворство») называют приём, когда смешное скрывается под маской серьёзного: *«По обычаю своего времени, Святополк начал с убийства братьев, чтобы заслужить уважение народа»* («Всеобщая история, обработанная „Сатириконом“»).

Если ирония сочетает насмешку с презрением и гневом, она превращается в *сарказм* (*греч.* «sarkasmos» от «sarkazo» — «рву мясо»). Саркастична эпиграмма Дениса Давыдова «Генералам, танцующим на бале при отъезде моём на войну 1826 года»:

Мы несём едино бремя,
Только жребий наш иной:
Вы оставлены на племя,
Я назначен на убой.



ГОТОВИМСЯ К ЭКЗАМЕНУ

Пародировать можно все. Поэт Андрей Кнышев сумел написать пародию даже на экзаменационные тесты.

ВМЕСТО ШКОЛЬНЫХ БИЛЕТОВ — КОМПЛЕКСНОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ НА ЭВМ.

Укажите правильный вариант ответа.
Образ Базарова:
- а) *положительный;*
- б) *отрицательный;*
- в) *равен нулю;*
- г) *с усами.*

В романе А. А. Фадеева «Разгром» следующие действующие лица:
- а) *Метелица;*
- б) *Морозко;*
- в) *Снегурочка;*
- г) *дед Мороз.*

Закончите правильно следующие цитаты:
«Выхожу один я...»
- а) *на дорогу;*
- б) *на работу;*
- в) *на медведя.*

«Мой дядя самых честных...»
- а) *правил;*
- б) *увольнял;*
- в) *заставил;*
- г) *выдумать не мог.*

«Восстал он против мнений света один, как прежде, и — ...»
- а) *убит;*
- б) *ранен;*
- в) *пропал без вести;*
- г) *умер своей смертью.*

«Быть или не быть — вот в чем...»
- а) *мать родила;*
- б) *вопрос;*
- в) *ответ;*
- г) *ответа нету;*
- д) *гони монету.*

Маяковский написал поэму «..!»
- а) *хорошо;*
- б) *удовлетворительно;*
- в) *отлично, Константин;*
- г) *нормально, Григорий.*

«Редкая... долетит до середины Днепра!»
- а) сволочь
- б) но меткая
- в) старушка-процентщица
- г) птица — тройка

«Глупый пингвин робко прячет... в утесах»
- а) *тело жирное;*
- б) *постную грудинку;*
- в) *заначку;*
- г) *акваланг, оружие и документы.*

Ирония может быть вполне добродушной (как в «Старосветских помещиках» Н. В. Гоголя), сарказм же всегда оружие *сатиры*. Юмор смеётся, сатира высмеивает.

С иронией связан и пародирующий, «передразнивающий» юмор. Он часто выбирает своим объектом то, что навязло в зубах: банальные истины, образы официальной пропаганды. Не случайно целые серии анекдотов связаны с образами Василия Ивановича Чапаева — одного из самых «раскрученных» советских героев, — и мальчика Вовочки, напоминающего о детских рассказах из цикла «Когда был Ленин маленьким». Особенно часто пародируются герои популярных фильмов, поручик Ржевский, контрастирующий с романтическим образом гусара, или склонный к глубоким размышлениям советский разведчик Штирлиц: *Штирлиц посмотрел на окно явочной квартиры. Там стояло 78 утюгов. «Явка провалена», — догадался Штирлиц.*

Социально значимый, политический юмор тоже близок к сатире. Вот один из ярких анекдотов «эпохи застоя». *Русский говорит американцу: «Ну чем у вас жизнь лучше?». Американец отвечает: «Я могу, например, подойти к Белому дому и крикнуть: „Президент США — старый идиот!" — и мне ничего не будет. Русский говорит: «Подумаешь! Я тоже могу выйти на Красную площадь и крикнуть: „Президент США — старый идиот!" — и мне ничего не будет».*

Впрочем, любой юмор, прямо не санкционированный властью, так или иначе работал

ЖИЗНЬ КОРОТКА, ИСКУССТВО ВЕЧНО...

Политический юмор стареет, если то, что он высмеивает, уходит из жизни. Но многие черты общества очень устойчивы, и нам сегодня вполне близки политические шутки полуторавековой и вековой давности.

В России дышит все военным ремеслом,
И ангел делает на караул крестом.

(«Александровская колонна».
Неизвестный автор. Первая половина XIX в.)

У нас чужая голова,
А убежденья сердца хрупки...
Мы — европейские слова
И азиатские поступки.

(«Мы». Н. Ф. Щербина. Середина XIX в.)

В России две напасти:
Внизу — власть тьмы,
А наверху — тьма власти.

(В. А. Гиляровский. Конец XIX в.)

Сквозь железные решетки
С неба в окна смотрят звезды...
Ах! В России даже звезды
Смотрят с неба сквозь решетки...

(М. Горький. Начало XX в.)

АЗ БУКИ ВЕДИ

...Вдоль берега шумного моря шел солдат Аз Буки Веди. У него была основная руководящая мысль про орехи. Он шел и шептал песню. Был вечер. Солдат Аз Буки Веди, подходя к жалкому, не освещенному рыбаками, живущими в нем, рыбачьему домику, в котором жили рыбаки, в том случае, когда они не находились в плавании в шумном, черном, каспийском, по существу даже средиземном или, что то же самое, адриатическом море, а находились на берегу, то тогда они жили в нем. Их рыбаков было пять человек. Они пристально ели суп с рыбой. Их звали: Андрей, Бандрей, Бендрей, Гандрей и Кудедрей. У них у всех были дочери. Их звали: Ляля, Таля, Баля, Кяля и Саля. Они все вышли замуж. Был вечер. Солдат Аз Буки Веди не зашел в дом к этим огородникам. Он не постучал к ним в дом. Он шел, погруженный в свою мысль, основную им руководяшую мысль об орехах. <...> Был еше вечер. Аз Буки Веди шел, почти бежал и говорил ореховую песню. Представим себе, то есть мысленно услышим эту песню. Следует ли из того, что песня названа ореховой, что в ней и должны рисоваться орехи. Да, в данном случае следует. Далеко не всегда это бывает так, но в данном случае следует. <...>

Тут, как бы в ответ на эту песню, вспыхнуло освещенное свечой, ранее не освещенное, окно потухшего совсем, навсегда рыбацкого домика. Рыбак Андрей, Бандрей, Бендрей и Гандрей постучал в окно и крикнул солдату Аз Буки Веди: — Ротный командир, любишь ли этот мир? А рыбак Курдедрей самостоятельно варил и продолжал есть свой рыбацкий суп. Был вечер, хотя и надвигалась ночь. Но что мог ответить Аз Буки Веди, <когда> он не слышал вопроса. Он был уже очень далеко от них.

(А. И. Введенский.)

против неё (даже абстрактный): он как бы создавал пространство, свободное от идеологии (повсеместной в те времена):

По реке плывёт корова,
Та корова в пиджаке...
А кому какое дело,
Чей пиджак она надела?

Расцвет абстрактного юмора часто бывает связан с особым периодом в жизни общества, когда смещаются все ценности, меняется смысл слов, нормой становятся ложь и языковое манипулирование (см. статью «Язык и власть») В таком «перевёрнутом» мире абсурд, как ни странно, — заповедник здравого смысла, способ обрести почву под ногами. В 30-х гг в Советской России существовало общество ОБЕРИУТов. В него входили поэты-мастера абсурдного юмора. Н. М Олейников, Д И Хармс, А. И Введенский. И хотя сами они были уверены, что занимаются только литературным экспериментированием, бдительный НКВД считал иначе...

Ещё одно порождение периодов абсурда в жизни общества — «чёрный юмор», прежде всего популярные среди школьников «страшилки»:

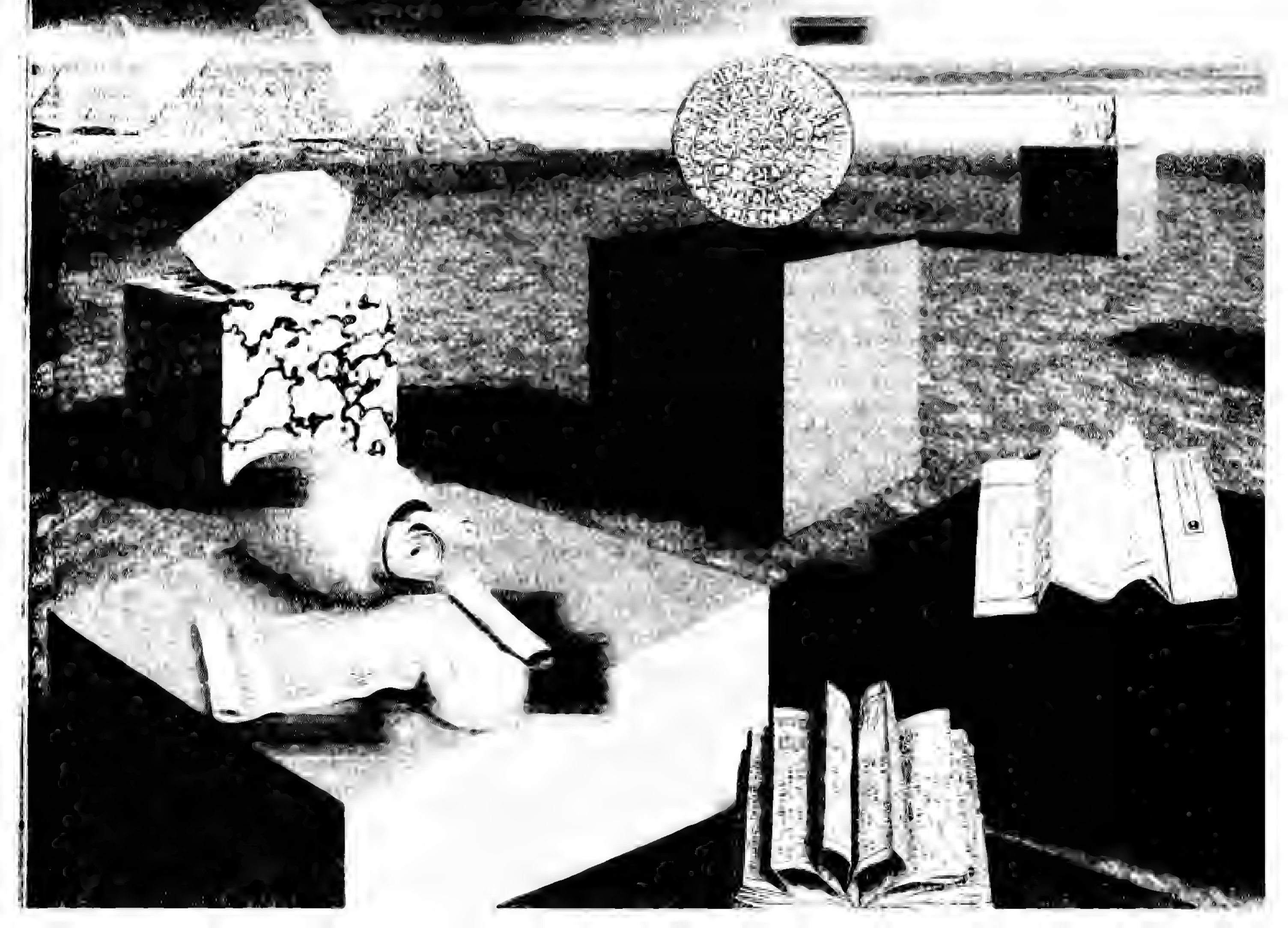
Нету картины печальней на свете:
Слева пол-Пети и справа пол-Пети.

В них человеческая жизнь ничего не стоит, взрослые губят детей советами, а дети весело взрывают целые школы и уничтожают деревни. При этом лучшие из «страшилок» действительно очень смешны. Юмор этого типа изучен мало, и учёным ещё предстоит ответить на вопрос, почему такой юмор нужен детям, что в мире взрослых людей кажется им так прочно связанным с образом смерти

* * *

Способность мыслить, которая отличает людей от животных, неразрывно связана с даром слова и даром юмора: язык позволяет облекать мысль в форму и передавать другим, а юмор даёт возможность посмотреть на ситуацию и самого себя со стороны Не случайно одно из определений человека — «животное, которое смеётся» Плиний Младший говорил «Когда же я смеюсь, веселюсь, играю, я — человек».

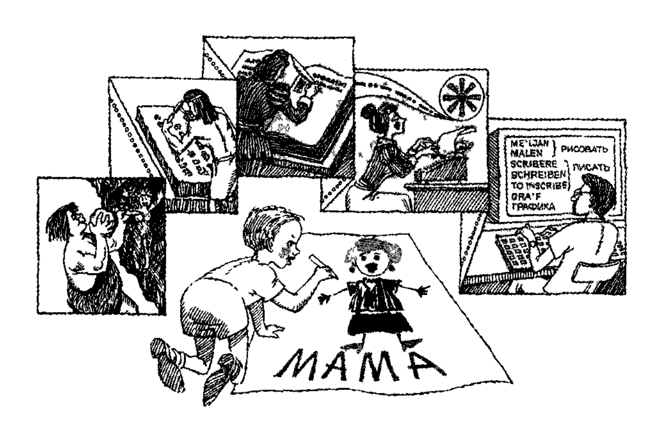
Письменность



ПИСЬМЕННОСТЬ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Мы знаем, кто придумал электродвигатель и антибиотики, конституцию и компьютер. Но эти изобретения, изменившие жизнь человечества, никогда не состоялись бы, если бы в древности кто-то, чьего имени мы никогда не узнаем, не изобрёл земледелие, обработку металлов и письменность. Современные дети, выводящие свои первые буквы-каракули, не думают в это время о своих далёких предках. Они пришли в мир, который невозможно представить без письменности, без огромного множества самых разнообразных текстов. Чтобы жить в этом мире, нужно уметь читать и писать, иначе окажешься на обочине. И всё же судьба одного человека, не знай он письменности, изменилась бы не столь разительно, как судьба всего человечества.

Почти миллион лет поколения людей были связаны между собой только нитями мифов и ритуалов, а разные племена — только причудливыми слухами. В тот момент, когда впервые было высечено, нацарапано, начертано имя вождя, или бога, или племени — мы никогда не узнаем точно, — началась история. Времена, когда не существовало письменности, так и называют — доисторическими. Прежде для человека существовали две реальности: обыденная, сиюминутная, события в которой происходили постольку, поскольку их можно видеть, слышать или помнить, и неизменная реальность мифов, которая царила над временем. Мифы и ритуалы тогда были единственной копилкой всех человеческих достижений. Теперь появилась третья реальность — историческая. Человек оказался включён в поток истории, он теперь знает о событиях, которых никогда не видел, может сообщить о себе потомкам, с которыми никогда не поговорит. Прежде только божественные явления были неподвластны времени, теперь испытание временем выдерживают и дела человеческие. То, что делает человек сегодня, будут помнить и оценивать не только его современники, но и далёкие потомки. Итак, первое, чем обязано человечество письму, — история, а с ней — новая значимость всех событий и поступков.

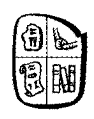


* * *

Мифы всех цивилизаций рассказывают о божественном происхождении письменности — её ценность люди понимали всегда. И сама возможность писать и читать долгое время существовала лишь для избранных, прежде всего жрецов и государственных чиновников. Иначе и быть не могло, ведь чтобы овладеть грамотой, требовалось запомнить и научиться изображать тысячи сложных знаков — иероглифов. Когда финикийцы, а за ними греки создали звуко-буквенное письмо с алфавитом из нескольких десятков простых значков, которым способен овладеть каждый за несколько недель, произошла, может быть, самая тихая и самая великая революция за всю историю человечества.

Древние вавилоняне знали очень многое о движении небесных тел. Все необходимые наблюдения не могли быть сделаны одним, пусть даже гениальным человеком. Вавилонская астрономия складывалась веками, данные накапливались, уточнялись, передавались из поколения в поколение. Сведения вавилонян позволили грекам построить первую научную картину мира, заложить основы естествознания. Всё это не могло состояться без письменности. Наука — это прежде всего диалог, чтобы сделать свой шаг, учёный должен оттолкнуться от того, что сделали предшественники, подвергнуть критическому переосмыслению всё, в чём, казалось бы, нельзя сомневаться. Поэтому письменность — это возможность науки, а значит, и технологического прогресса.

В дописьменные времена сохранить веру предков можно было только одним способом — дословно, из уст в уста передавать мифы и ритуалы, не меняя ни звука, не вдумываясь, не подвергая ничего сомнениям. Записанный текст предания уже может подлежать критике. Он



рукотворен — а значит, может содержать ошибки, которые нужно найти и исправить. Появился повод вдумываться в тексты, анализировать их смысл и принципы построения. Право религии единолично, монопольно решать вопросы о смысле жизни, сущности человека, принципах нравственности осталось в прошлом. Письменность — это шаг к свободе мысли.

Одно из самых значительных событий в истории человечества — Реформация — было вызвано стремлением людей читать религиозные тексты на родном языке, думать над ними, сомневаться и принимать решения. Но это стало возможно только потому, что тексты были записаны и с изобретением книгопечатания стали доступны каждому. Сегодня любой грамотный человек может читать языческие сказания, Тору, Евангелие, Коран, веды, предания о Будде и Лао-цзы, принимать в них что-то или отвергать. Можно сказать, что письменность — это реальная возможность свободы совести.

.. Правитель договорился с жителями города о размере дани; дань уплачена, а он снова шлёт солдат, хочет больше. Человек взял в долг шесть баранов, а возвращает двух и уверяет, что двух и брал. Нет записи, нет документа — остаётся решать спор силой. Представим себе, что в современном мире исчез документ — не только бумаги с печатями, а само понятие документально зафиксированной договорённости. Цивилизация мгновенно рассыпалась бы, как карточный домик: экономика, политика, законы — всё потеряло бы смысл.

Причина не только в нечестности: человеческая память ненадёжна и ограничена, хорошо, если имеешь дело с двумя-тремя партнёрами, а как работать муниципалитетам, банкам, предприятиям, больницам? Надёжность и достоверность информации и как следствие развитая экономика и правовая система — это тоже плоды письменности.

Давно прошли времена, когда можно было принять важные для всего сообщества решения, просто собравшись на площади, — слишком большим было бы собрание. Хочется верить, что проходят и времена, когда люди согласны решений не принимать, а беспрекословно подчиняться воле вождя, царя или диктатора. Важнейшие решения должны приниматься всеобщим голосованием, которое сегодня невозможно представить без письменности. Решения менее важные можно принимать и на площади, если туда соберутся уважаемые, заслужившие доверие люди (сегодня такую площадь снабдят удобными креслами и микрофонами и назовут парламентом). Но и этот вариант имеет смысл только в том случае, когда все остальные, на площадь не попавшие, знают, какие решения принимаются, чтобы иметь возможность влиять на них — иначе парламент станет тем же диктатором, только коллективным. Здесь не обойтись без доступной для всех письменности, прежде всего свободной прессы. Возможность граждан влиять на решения, которые их касаются, т. е. демократия, — тоже плод письменности.

Конечно, это не всё, что дала человечеству письменность. Можно вспомнить о великой литературе, о письмах, связывающих людей, разделённых тысячами километров, о множестве жизней, спасённых благодаря записке в бутылке. Но у всех разнообразных даров письменности есть нечто общее. Это — свобода. Свобода от времени и расстояния, от невежества и обмана, свобода принимать решения, общаться, верить, творить. И сам путь развития письменности — путь свободы. Совсем недавно по историческим меркам письмо было тайным знанием избранных, а книги — недоступным сокровищем. Сегодня мир стоит на пороге всеобщей грамотности. Миллионы книг, богатства Интернета — всё в распоряжении человека, готового принять бесценный дар предков — письменность.

ДОЛГИЙ ПУТЬ ПИСЬМЕННОСТИ

Древнегреческий историк Геродот (V в. н. э.) рассказывал, что когда могущественный и непобедимый персидский царь Дарий I вёл против кочевников скифов войну, которая «затягивалась и конца ей не было видно», скифские цари отправили к Дарию вестника с дарами. Это были птица, мышь, лягушка и пять стрел. Персы спросили посланца, что означают эти подношения, но тот ответил, что ему приказано только вручить дары и как можно скорее возвращаться. Персам предстояло самим понять значение этих даров...

Персы собрали совет. Дарий полагал, что скифы отдают себя в его власть и потому принесли ему в знак покорности землю и воду, ибо мышь живёт в земле, лягушка обитает в воде, птица,

«МИР ВЕЛИК, КАК БАОБАБ!»

У некоторых народов Африки существовало *предметное письмо* в виде ожерелий из разноцветных бусинок, раковин, зерен. С их помощью составляли послания — объяснения в любви, предупреждения об опасности, приглашения. У нигерийского народа йору́ба о вынесении смертного приговора извещало своеобразное послание — яйцо попугая, подобно пяти апельсиновым зернышкам из одноименного рассказа Артура Конан Дойла.

Интересным примером пиктографического письма является пословичное письмо народа эве, живущего на территории Нигерии и Ганы. Стандартные картинки использовали для записей (вернее, напоминания) «слов стариков», т. е. народной мудрости. Условные значки и картинки вырезали на сосудах из тыквы — калеба́сах. Вот примеры записи некоторых пословиц эве:

«Куда иголка, туда и нитка» (сыновья следуют по стопам отца).

«Мир велик, как баобаб!» (человек пытается, стоя между деревьями, обхватить их разом).

В Африке издавна существуют и более совершенные формы письма, причем не заимствованные, а исконные. Так, жители Сахары туаре́ги пользуются консонантным письмом тифина́г, восходящим к древнему ливийскому письму, до сих пор не дешифрованному. Народ ва́и, живущий в Либерии и Сьерра-Леоне, пишет слоговым письмом, которое создал в 1833 г. Момолу Дуалу Букеле на основе древнего, несохранившегося рисуночного письма нсибиди.

быстрая как конь, — знак бегства, а стрелы означают, что скифы отказываются от сопротивления. Один из мудрых мужей, сопровождавших царя, с ним не согласился. Он истолковал послание скифов совершенно иначе: «Если вы, персы, как птицы, не улетите в небо, или, как мыши, не зароетесь в землю, или, как лягушки, не поскачете в болото, то не вернётесь назад, поражённые этими стрелами». Дальнейшие события показали, что прав был именно этот мудрец: самоуверенный царь Дарий потерпел поражение от скифов.

Рассказ Геродота доносит до нас сведения не только об одном из исторических событий, но и о древнейшем предке письменности. Дары скифов были своеобразным способом передачи информации, который учёные называют *предметным письмом* Когда-то, по крайней мере 10 тыс. лет назад, с него и началась история письменности.

Однако можно ли считать послание скифских царей письмом? И где вообще проходит граница между настоящей письменностью и её далёкими предками?

ПИСЬМО И НЕПИСЬМО

Вот русское письмо — **ЯЗЫК**, вот английское — **LANGUAGE**, арабское — **لغة**, корейское — **언어**, деванагари (один из видов индийского письма) — **भाषा**, армянское — **Լեզու**. Точнее — письменные тексты, а само письмо — способ или средство, с помощью которого эти тексты создаются. Увидев их, никто не усомнится, что имеет дело с письмом. А как быть с детскими каракулями, рисунком — объяснением дороги, дорожными знаками, географической картой? Наверное, все согласятся, что детские каракули письмом не являются. Они, как правило, не содержат никакого сообщения. Это рисунок просто так, для удовольствия (во всяком случае, так думают взрослые). А письмо должно передавать информацию.

Географические карты, дорожные знаки и многие другие способы сообщения информацию передают, но это тоже не письмо. Нельзя сказать, что они позволят записать конкретные высказывания А письмо — это запись именно речи. Но будет ли письмом запись речи на магнитную ленту? Нет, письмо — только то, что можно увидеть глазами; это обязательно речь, запечатлённая на какой-либо поверхности. Попытка выразить рисунком или символическими знаками какую-нибудь мысль тоже не будет письмом; письмо предполагает систему, т. е. ис-

КАК СОЗДАЛИ ПИСЬМЕННОСТЬ

Ниже приводится отрывок из произведения американского писателя Генри Уодсуорта Лонгфелло (1807–1882) «Песнь о Гайавате», которое было создано на основе индейских сказаний.

«При свиданье — с глазу на глаз
Мы ведем свои беседы;
Но, расставшись, мы вверяем
Наши тайны тем, которых
Посылаем мы друг к другу;
А посланники нередко
Искажают наши вести
Иль другим их открывают».

Так сказал себе однажды
Гайавата, размышляя
О родном своем народе
И бродя в лесу пустынном.

Из мешка он вынул краски,
Всех цветов он вынул краски
И на гладкой на бересте
Много сделал тайных знаков,
Дивных и фигур и знаков;
Все они изображали
Наши мысли, наши речи.
Гитчи Манито могучий
Как яйцо был нарисован;
Выдаюшиеся точки
На яйце — обозначали
Все четыре ветра неба.
«Вездесущ Владыка Жизни» —
Вот что значил этот символ.

Митчи Манито могучий,
Властелин всех Духов Злобы,
Был представлен на рисунке,
Как великий змей, Кинэбик.
«Пресмыкается Дух Злобы,
Но лукав и изворотлив» —
Вот что значил этот символ.

Белый круг был знаком жизни,
Чёрный круг был знаком смерти;
Дальше шли изображенья
Неба, звезд, луны и солнца,
Вод, лесов и горных высей,
И всего, что населяет
Землю вместе с человеком.
Для земли нарисовал он
Краской линию прямую,
Для небес — дугу над нею,
Для восхода — точку слева,
Для заката — точку справа,
А для полдня — на вершине.
Всё пространство под дугою
Белый день обозначало,
Звезды в центре — время ночи,
А волнистые полоски —
Тучи, дождь и непогоду.

След, направленный к вигваму,
Был эмблемой приглашенья,
Знаком дружеского пира;
Окровавленные руки,
Грозно поднятые кверху, —
Знаком гнева и угрозы...

Так, в своих заботах мудрых
О народе, Гайавата
Научил его искусству
И письма и рисованья
На бересте глянцевитой,
На оленьей белой коже
И на столбиках могильных.

пользование только заранее определённых знаков по определённым правилам.

Современное буквенное письмо кажется довольно простым и удобным. На самом деле оно вобрало огромное множество правил, условных соглашений и замечательных открытий. Корни письменности уходят в глубокую древность. Примерно с IX по II тыс. до н. э. люди начали использовать фигурки животных или просто предметы (палочки, камни) для «записи» и учёта скота, т. е. открыли предметное письмо. Неясно, это предок современного письма или его родственник по боковой линии? Древние изобретения человечества, похожие на письмо (но письмом не являющиеся), называют *предписьменностями*. На основе некоторых предписьменностей возникло письмо. Другие так и остались тупиковыми путями человеческой мысли, из которых не развилось ничего нового, хотя своим целям — учитывать скот или передавать простые сообщения — они служили хорошо.

Не стали источником письменности, например, палочки с зарубками. С их помощью когда-то указывали количество предметов — проданных, взятых в долг и т. д. Иногда такие палочки раскалывали вдоль на две части, кредитор и должник получали половинки с одинаковым числом зарубок. Получалась «документальная запись» договора, подлинность которой можно было проверить, соединив эти половинки. Предметным письмом считаются и такие древние способы передачи информации, как вампумы и кипу.

Вáмпумы — это шнуры с нанизанными на них раковинами разного цвета или пояса́, сплетённые из таких шнуров. Североамериканские индейцы (ирокезы и некоторые другие народы)

Вампум – предписьменность североамериканских индейцев.

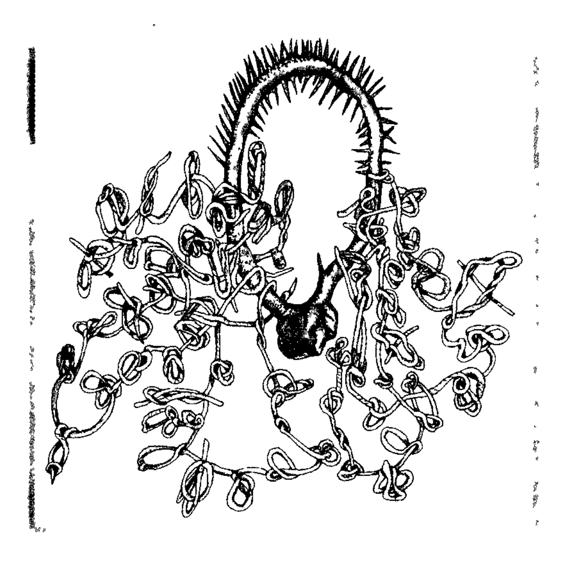
КИПУ — УЗЕЛКОВОЕ ПИСЬМО ИНКОВ

Учёные до сих пор не пришли к однозначному выводу, была ли письменность у инков — индейского народа, жившего на территории современной Республики Перу в XII—XVI вв. Ни одно государство не может существовать без письменности: необходимо вести постоянный учёт, передавать сообщения о событиях в стране, распоряжения. Создатели громадного государства — крупнейшего в доколумбовой Америке — должны были иметь письмо. Однако его так и не обнаружили.

Похоже, что письмо инков (точнее, предписьменность) просто имело слишком необычный вид. Ки́пу (на языке индейцев кечуа — «узел») — оригинальное порождение инкской культуры; это шерстяные или хлопчатобумажные верёвки, к которым привязывали ряды шнурков. Число шнурков на одной верёвке доходило до сотни, и на них завязывали узлы различной формы. Количество и форма узлов обозначали числа. Наиболее удаленные от веревок узлы соответствовали единицам, чуть ближе располагались десятки, ещё ближе — сотни, тысячи...

С помощью этих узелков, напоминающих костяшки счётов, выражалось любое число, а цвет шнура обозначал тот или иной предмет. Бурый цвет символизировал картофель, жёлтый — золото, красный — воинов и т. д. Кипу позволяло чиновникам передавать различную информацию о налогах, числе воинов в той или иной провинции, обозначать людей, ушедших на войну, количество погибших, родившихся или умерших и многое другое.

Расшифровывали информацию специальные толкователи кипу — кипу-камайокуна. Главным среди них был «личный секретарь» Верховного правителя инков — Великого Инки, подававший ему сводную информацию. Испанцы, столкнувшиеся с кипу, были потрясены той быстротой и точностью, с которой им выдавались самые разные сведения. Взяв в руки кипу, кипу-камайокуна сразу же начинал «читать» по шнурам и узлам. Голос чтеца едва успевал за его взглядом и движениями рук.



использовали вампумы, чтобы передавать информацию. Количество, цвет и взаиморасположение раковин были значимы (например, белый цвет означал мир, фиолетовый — войну), так что с помощью большого числа раковин составляли довольно сложные сообщения.

Ки́пу (узелковое письмо) — это палочка или толстая верёвка с привязанными к ней разноцветными шнурами различной длины. Для записи информации использовались не раковины, а узелки на шнурах. Значимыми являются цвет и длина шнура, а также количество узелков.

ПИКТОГРАФИЯ: ОТ РИСУНКА К ЗНАКУ

Предписьменностью была и *пиктография*. Слово это заимствовано из греческого языка и в переводе означает «рисуночное письмо», т. е. такое, при котором сообщение передаётся с помощью рисунков. К пиктографии, по-видимому, относятся и древние наскальные рисунки.

Пиктография используется и в современном мире. Так, рисунок вилки и ножа на дорожном знаке, означающий, что поблизости находится ресторан, — это самая настоящая пиктограмма. Другой пример — бегущие, плывущие, боксирующие человеческие фигурки. Подобными пиктограммами на олимпиадах и других крупных международных спортивных состязаниях обозначают различные виды спорта. Пиктограммы удобны, поскольку не связаны с конкретным языком и всем понятны. Но именно поэтому они непригодны для записи речи и собственно письмом не являются.

Пиктография — внеязыковая знаковая система, поскольку она напрямую выражает мысли, а не слова и предложения. И тем не менее именно из неё произошло древнейшее словесное письмо. Многие народы, создав пиктографию или другие предписьменности, так и не сумели самостоятельно изобрести письмо. Про некоторые явления трудно сказать, что перед нами: предписьменность или уже письмо. Например, учёные до сих пор спорят о табличках с острова Пасхи, об ацтекском письме и других предписьменностях.

Настоящее письмо возникает только тогда, когда изображение становится не рисунком, а знаком, абстракцией. Об этом превращении говорит возможность употреблять такой знак в переносном значении, передавать и другие слова, которые так же или похоже звучат. Подобным образом записывают и современные ребусы.

Индейские племена отправили обращение президенту США. Понимается эта пиктограмма так: «Племена Журавля, Трех Куниц, Медведя, Морского Человека и Морского Кота поручили в едином порыве сердец (это изображено линиями, соединяющими все фигуры. — *Прим. ред.*) главе племени Журавля обратиться с просьбой к президенту о разрешении им переселиться в область озер»

КАРТИНОПИСЬ АЦТЕКОВ

В 1521 г. испанские войска во главе с Эрнаном Кортесом вторглись в Теночтитлан, столицу могущественной империи ацтеков. Великолепный город, который был богаче и грандиознее любой европейской столицы того времени, оказался разрушен. На его месте стоит теперь столица Мексики Мехико. Но память о древней цивилизации не исчезла бесследно. Кроме многочисленных археологических находок, обнаруженных при раскопках, до наших дней сохранились красочные книги ацтеков, называемые кодексами.

Обычно записи производили на специально обработанной коже или на «бумаге» из коры дикой смоковницы, предварительно выделанной и загрунтованной. Древняя книга — тлакуйла — представляла собой длинную полоску такой бумаги, для удобства сложенную «гармошкой». Писцов и толкователей записей также называли тлакуилами.

Письмо ацтеков можно было бы назвать картинописью: все книги — это серии цветных картинок. Историкам не всегда легко их прочесть: рисунки, которые изображали предметы и события, еще не приобрели устойчивого значения. Письменность ацтеков делала лишь первые шаги на пути превращения в иероглифическую.

Понятие «взятие города» передавали рисунком горящего храма, а «путешествие» — цепочкой следов человеческих ног. Большое значение имел и цвет, в который окрашивали то или иное изображение. Человеческая фигура желтого цвета означала непременно женщину, раскрашенная фиолетовым — Верховного правителя.

Все же ацтекские тлакуилы — это не просто картинки, а переходная к письму форма пиктографии. В них используются отдельные словесные знаки — конкретные или символические изображения для определенных понятий: знаки для ночи, дома, камня, воды, знаки для чисел. Воду ацтеки изображали как поток, сливающийся из нескольких ручейков, в начале каждого ручейка — круглая капля или раковина улитки. Встречаются и ребусные знаки: ими пользовались, чтобы передать звучание географических названий или имен. Так, имя *Ицкоатль* означало «Змей со стрелой»: можно было нарисовать змею *(коатль)* и над ней стрелу *(ицтли)*.

Вода

Дом

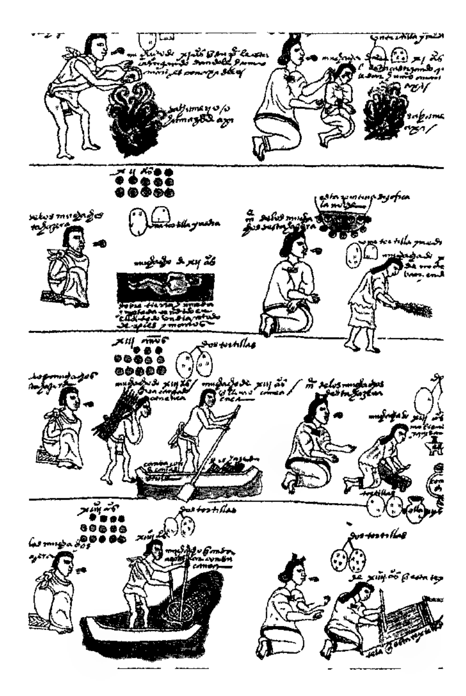
Камень

Ястреб

С помощью своего письма ацтеки записывали размеры дани, получаемой с покоренных племен, вели календарь, отмечали религиозные и памятные даты, а также составляли исторические хроники.

Развитие ацтекского письма было прервано испанским завоеванием. Однако в течение XVI столетия ацтеки иногда использовали свое письмо. Ацтекская письменность помогла сохранить, передавая из поколения в поколение, литературные тексты древнего народа — торжественные песнопения и лирические поэмы, легенды и мифы. Традиция коллективного пения, поддерживаемая правителями и воспитываемая в школах, способствовала сохранению древних текстов в неизменном виде.

Огромная часть ацтекских книг была сожжена испанцами, многие из оставшихся разграблены. Сейчас в коллекциях музеев Европы и США содержится их гораздо больше, чем в самом Мехико...



Из книги-тлакуилы о воспитании детей

Аналогично было устроено и древнее письмо. Ребусный принцип эпизодически встречался и в предписьменностях. В знаковой системе, используемой африканским народом йоруба, шесть раковин означают 'привлекательный' (а шнур с шестью раковинами — что-то вроде любовного послания). Этот знак появился потому, что слова *шесть* и *привлекательный* звучат на языке йоруба одинаково — [efa]. Так возникает знаковая связь между звучащей речью и начертанием — основа любой письменности.

ИЕРОГЛИФЫ: ОТ СМЫСЛА К ЗВУКУ

Родина письма — Древний Восток. Наиболее древней считается письменность шумеров (народа, жившего в Междуречье в Передней Азии). Шумерское письмо возникло более 5 тыс. лет назад. Среди древнейших оригинальных письменностей были системы письма в Эламе (государство в Передней Азии), в Египте, долине Инда, в Китае, Малой Азии у хеттов, а также на Крите. В Центральной Америке у индейцев майя в I тыс. н. э. появилась самая молодая из древних письменностей Из всех этих систем письма до наших дней сохранилась только китайская.

Существует гипотеза, что из шумерского письма происходят все остальные письменности (кроме письма майя). Шумерское письмо хорошо изучено, известна его многовековая эволюция от пиктограмм к словесным знакам и затем к словесно-слоговым. Однако ни подтвердить, ни опровергнуть эту гипотезу учёным не удаётся: слишком мало известно о столь далёкой истории.

Клинописная табличка из Шумера, на которой перечислены размеры полей и урожаи Около 2900 г до н э.

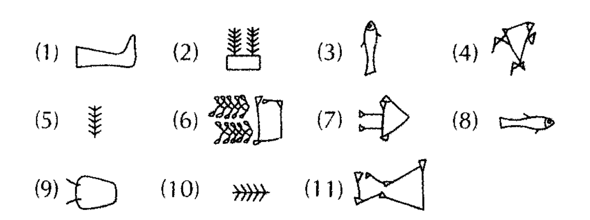
Наиболее ранние образцы шумерской письменности — это бирки (обычно из глины) с печатью и пометкой о количестве, которые привязывали к предметам или животным. Затем появились более сложные учётные таблицы. Выдающимся достижением шумеров было то, что количество они обозначали отдельным знаком. Например, пяти коровам соответствовали пять кружочков и рисунок коровы, а не пять рисунков коровы, как в различных предписьменностях. Постепенно система усложнялась. Появились стандартные знаки — *иероглифы*, с помощью которых легче всего было изображать конкретные вещи: солнце, корову, птицу и т. д. Знаки-рисунки начали использовать и для близких по смыслу слов: например, знак солнца стал означать 'яркий', 'свет', 'день'. Для некоторых понятий использовались комбинации знаков. Так, слово *рабыня* обозначали двумя рисунками — женщины и горы, — поскольку рабынь в Шумер привозили обычно с гор. Постепенно значки всё менее походили на рисунки. У шумеров появились стандартные условные знаки, состоявшие из клинообразных чёрточек, очень отдалённо напоминавшие прежние рисунки. Возможно, внешний вид шумерского письма связан с тем, что знаки выцарапывали на мокрой глине. По форме клинообразных чёрточек шумерское письмо и его наследники в Междуречье называются *клинописью.*

Труднее всего было изображать абстрактные понятия, имена собственные, а также различные служебные слова и морфемы. В этом помогал ребусный принцип. Например, в шумерском письме знак стрелы использовали не только для слова *стрела*, но и для слова *жизнь*, которое звучало так же — [ti]. Постоянно применяя ребусный принцип, шумеры закрепили за некоторыми знаками уже не конкретное значение, а звуковое чтение. В результате возникли слоговые знаки, которые могли обозначать некоторую короткую последовательность звуков, чаще всего слог (отсюда и название).

Таким образом, именно в Шумере впервые сформировалась связь между звучащей речью и написанными знаками, без которой невозможна настоящая письменность. Использование знаков для обозначения звуковой оболочки слов называется *фонетизацией.* Она характерна для всех словесно-слоговых письменностей. В них появляются знаки трёх типов:

СТАДИИ КЛИНОПИСИ

Ниже приведены в перепутанном порядке знаки для слов 'бык', 'ходить', 'трава', 'колос', 'рыба' древнейшей письменности Междуречья на трех последовательных стадиях ее развития. Для некоторых слов знаки приведены не во всех трёх вариантах.



1. Для каждого знака установите его значение и определите, к какой стадии развития письменности он относится. Укажите, какую стадию вы считаете самой древней, а какую — самой поздней и почему.

2. Укажите, как выглядели неприведенные варианты знаков.

словесные, слоговые и вспомогательные — *детерминативы.* Слоговые знаки использовались как самостоятельно, так и для сопровождения словесных знаков, чтобы уточнить их произношение. Знаки-детерминативы обозначали общие понятия и всегда присоединялись к другим знакам, поясняя их смысл. С собственным именем *Ашшур* связывались детерминативы *город, страна* или *божество,* чтобы было понятно, о каком именно Ашшуре идёт речь — боге, городе или стране.

В словесно-слоговых системах письменности очень много различных знаков. Это довольно неудобно: ведь все их надо запомнить, кроме того, не для каждого языка такая система подходит. В китайском языке слова не изменяются по падежам, числам, временам и другим грамматическим категориям. Поэтому иероглиф (т. е. словесный знак) всегда читается однозначно. Например, в русском языке (если бы мы пользовались подобной письменностью) к знаку СТОЛ всякий раз пришлось бы приписывать фонетические знаки для окончаний: СТОЛ-***а***, СТОЛ-***ом*** и т. д. Поэтому китайская письменность, попав в своё время в Корею и Японию, прижилась там не очень хорошо: в корейском и японском языках развита система словоизменения.

Однако у словесных знаков есть и определённые преимущества. Понять такой текст можно и не зная его произношения. В Китае люди, говорящие на разных диалектах, не понимают друг друга, настолько по-разному они произносят слова. А вот написанный текст понятен всем. Если же переписать его буквами в соответствии

ЧЕГО НЕ МОЖЕТ ИЕРОГЛИФ

Все знают слово *певец.* А у Маяковского — неологизм *певун.*

Представим себе, что у нас иероглифическая письменность... Для слова *певец* есть иероглиф (может быть, знак «петь», а перед ним — определитель, детерминатив; он указывает, что речь идет о человеке).

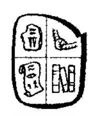
Но нам нужно передать не общеизвестное слово *певец,* а новое, созданное поэтом: *певун.* Как быть? Иероглифа для слова *певун* нет. Подождать, пока оно войдет в язык, станет обычным, и тогда для него «приготовят» иероглиф? А оно никогда не войдет в язык, т. е. не станет общеупотребительным. Не для того оно придумано Маяковским. Оно — навсегда новое слово, т. е. навсегда удивительное, необычное, праздничное, а не будничное.

Не ждать, пока появится для этого неологизма иероглиф, а самим его придумать? Мы-то придумаем, да никто его знать не будет. Не бегать же по всем знакомым и незнакомым, разъясняя: «Вот — видите? Этот иероглиф обозначает 'певун'»...

Один из героев И. С. Тургенева говорил *принсипы* вместо *принципы.* У А. Н. Островского лакей произносит *сумлеваюсь.* Герой современного фельетона, невежда с притязанием на образованность, употребляет слово *аксепт* вместо *аспект.* Все это нужно писателям для характеристики героев. Как это передать на письме? Буквами легко, а иероглифами — трудно или нельзя.

Выходит, с помощью букв мы можем передать все богатство языка: и необычные слова, и стилистические особенности произношения, и всякие языковые новшества — на это иероглифов не напасешься. А буква легко берет самые неожиданные, нетрадиционные, необычные слова.

(По книге М. В. Панова «Занимательная орфография»)



с произношением, то он превратится во множество разных текстов (для каждого диалекта свой). Именно иероглифическая письменность сохраняет китайский язык как единое целое

СЛОГИ: ЕЩЁ ОДИН ШАГ

На основе слоговых знаков древних словесно-слоговых письменностей возникли чисто слоговые системы письма Среди наиболее известных слоговых письменностей клинописные (древнеперсидская, аккадская и другие наследники шумерского письма), западносемитские (наследники древнеегипетской иероглифики) и две японские слоговые системы (наследницы китайского письма)

К особому типу относятся западносемитские письменности (финикийская, арамейская, древнееврейская, арабская и др) Обычно в слоговом письме знаки обозначают не один звук, а несколько — как правило, слоги, т е сочетания гласного и одного или нескольких согласных. В западносемитских письменностях были только знаки для согласных звуков, которые в тексте могли обозначать или отдельный согласный звук, или сочетание этого согласного с любым гласным Такой тип письма называют *консона́нтным* (от *лат* consonans (consonantis) — «согласный звук»)

Именно письменность объединяет множество разных диалектов китайского языка

ТАЙНАЯ СИЛА БУКВ

В древности существовало представление о том, что буквы — основные «стихии» (начала) мира. Согласно легенде, в III в. римские солдаты заживо сожгли иудейского книжника вместе со святыней его жизни — священным свитком. Во время казни ученики спросили умирающего учителя: «Что ты видишь?». И тот ответил: «Свиток сгорает, но буквы улетают прочь».

Особо почитаются буквы в исламской культуре. Мусульманские богословы и специалисты по юриспруденции веками обсуждали вопрос, позволительно ли наступать на те части ковра, где вытканы буквы. Однажды после битвы мусульман с крестоносцами шел обмен пленными. Крестоносцы были поражены, узнав, что мусульмане обменивали не военачальников, а ученого и каллиграфа. Так высоко ценилось знание письма!

С точки зрения ученых-хуруфистов (от *араб.* «хуру́ф» — «буква»), каждая буква арабского алфавита имеет глубокое символическое значение. Ей соответствуют определенный цвет, стихия, планета, знак Зодиака, цифра. Философы утверждали, что если познать истинную, глубинную сущность букв, то можно управлять миром. Так же считали и приверженцы мистического течения в иудаизме — кабба́лы.

Взгляд на букву как на первичный «кирпичик» мира встречался и в более близкие к нам времена. В начале XX столетия в России об этом говорил поэт Велимир Хлебников. Он хотел построить новый язык, который должен был объединить людей и «магией смыслов» переделать существующий мир. «Словотворчество учит, — писал В. Хлебников, — что все разнообразие слова исходит от основных звуков азбуки, заменяющих семена слова. Из этих исходных точек строится слово, и новый сеятель языков может просто наполнить ладонь двадцатью восемью звуками азбуки, зернами языка». Для поэта буквы были не просто единством начертания и звукового значения: каждой букве алфавита он приписывал особый смысл. Велимир Хлебников назвал буквы «воинами азбуки» и отправил их в бой в поэме «Зангези», опубликованной в 1922 г. Вот, например, буква ***Х***, значение которой — «защитная черта»:

*А рощи — **Х**а весенних дел,*
*Дубровы — **Х**а богов желанья,*
*А брови — **Х**а весенних взоров,*
*И косы — **Х**а полночных лиц.*

СТАДИИ КЛИНОПИСИ

Часть знаков имеет рисуночный характер, часть — сильно стилизованный, при этом стилизованный знак строится из стандартных элементов — «клиньев». На рисунках (3) и (8) явно изображена рыба, но на рисунке (8) она расположена горизонтально, а на рисунке (3) — вертикально. Логично предположить, что на рисунках (5) и (10) изображены одиночные растения, на рисунке (2) — сразу два растения, на рисунке (9) — повернутая набок рогатая голова. Такие рисунки хорошо соотносятся со значениями 'колос', 'трава', 'бык'. Остается один рисованный знак — (1), изображающий ногу или какую-то обувь; можно предположить, что он имеет значение 'ходить'. Между рисованными и клинописными знаками имеются сходные пары: (1)—(11), (2)—(6), (7)—(9). Сходство знака (4) с рисованными знаками менее очевидно; из рисованных знаков ему «сродни» изображения колоса и рыбы. Однако клинописный знак колоса должен быть похож на одну из клинописных травинок на знаке (6), так что (4), по-видимому, 'рыба'.

Вероятно, с клинописной стадией хронологически соседствует та из рисуночных, где ориентация знаков соответствует клинописной (см. таблицу).

Теперь несложно восстановить отсутствующие знаки. На стадии *A* это 'бык' и 'ходить', на стадии *B* это 'трава', на стадии *C* — 'колос'. Становится ясным, что две рисуночные стадии письменности Междуречья отличаются не горизонтальным/вертикальным расположением знаков, а естественным и повернутым. Разумно предположить, что самая наглядная стадия *A* является древнейшей, а стилизованная клинописная — позднейшей.

В чем причина изменений знаков этой письменности? Оказывается, в материале, использовавшемся для письма

Стадия	**Значение**				
	'бык'	'ходить'	'трава'	'колос'	'рыба'
A					
B					
C					

древними жителями Междуречья. Они писали на неуспевших затвердеть глиняных табличках при помощи тростниковой палочки. Первоначально знаки письменности располагались в столбик сверху вниз, сами столбцы могли идти и справа налево, и слева направо. При этом легко можно было задеть знак в уже написанном столбце и смазать его.

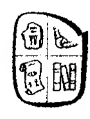
Позднее писать стали построчно и готовые верхние строки уже нельзя было смазать. При этом все знаки были повёрнуты на 90° (а если развернуть саму табличку, то читать можно было по-старому). То, что от рисунка перешли к клинописи, тоже легко объяснить. На мягкой глине довольно трудно проводить кривые линии. Кроме того, если пытаться делать на ней бороздки, часть материала выдавливается и может исказить соседние знаки. Если же на глину просто надавливать, искажений не будет. А инструмент для письма — тростниковую палочку — заостряли таким образом, что при однократном надавливании им как раз и получался клин.

Западносемитскому письму, а именно финикийскому, суждено было сыграть в истории человечества огромную роль. Ведь именно из него произошло большинство современных письменностей, например греческое письмо, которое дало современному миру латиницу и кириллицу. А из латинского письма в свою очередь произошли английское, французское, немецкое, испанское, итальянское, польское, чешское и т. д., из кириллического — русское, болгарское, сербское, монгольское письмо и многие письменности языков бывшего Советского Союза.

К западносемитскому письму восходит и арамейское письмо, а через него — современные арабское и еврейское. От арамейского письма происходят и многочисленные индийские письменности (кхарóштхи, деванáгари и др.), а также армянское и грузинское письмо. Таким образом, из распространённых в современном мире письменностей только китайская, японская и корейская не связаны с финикийским письмом.

АЛФАВИТНОЕ ПИСЬМО — ВЕНЕЦ ГРАФИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Консонантное письмо хорошо подходит для семитских языков, где согласные звуки играют особую роль: корень слова состоит из согласных (обычно трех). Сочетающиеся с ними гласные служат для словообразования и словоизменения. Это похоже на один из способов образования множественного числа в германских языках, например в английском: *man* — *men* ('человек' — 'люди'), *goose* — *geese* ('гусь' — 'гуси'). Но в английском таких слов немного, а в семитских языках это единственный и регулярный способ словоизменения. Текст на этих языках, записанный только согласными буквами, достаточно понятен (как если бы в русском языке записывали только основы слов, например: *Девочк ид в школ за рук с мам*). Общий смысл очевиден, хотя неясно, об одной девочке сказано или о нескольких.



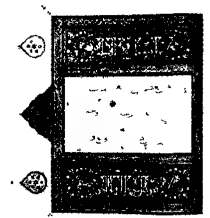
КАЛЛИГРАФИЯ И СТЕНОГРАФИЯ

С тех пор как люди изобрели письмо, они стремились усовершенствовать его в двух направлениях: научиться писать, во-первых, красивее и, во-вторых, быстрее. Так возникли *каллигра́фия* (от *греч.* «kalligráphia» — «красивый почерк») — искусство красивого письма, и *скоропись* — мастерство быстрого письма.

Каллиграфия приближает письмо к искусству. Выдающиеся писцы годами вырабатывали особые почерки, на основании которых постепенно сложились известные шрифты: латинские унциал, полуунциал, курсив, готическое письмо, славянские устав, полуустав, вязь и др. Непревзойденными мастерами в искусстве каллиграфии считаются народы Востока, особенно арабы. Коран запрещал художникам изображать живые существа (ведь изображение сродни созданию, которое должно быть наделено душой, а вдохнуть в него душу может один Аллах), поэтому им оставалось только совершенствоваться в орнаментах и каллиграфии.

Для китайцев, японцев и корейцев иероглиф был не только письменным знаком, но одновременно и произведением искусства. Текст, написанный некрасиво, не мог считаться совершенным по содержанию.

Не изменявшаяся в течение тысячелетий древнеегипетская иероглифика, бесспорно, самая красивая система письма в Древнем мире. Четкие формы египетских иероглифов, как бы застывшие в камне, достигли идеала завершенности.



Египтяне совершенствовали свое письмо и в другом направлении. Наряду с монументальной иероглификой они изобрели и системы скорописи: сначала *иера́тику* (от *греч.* «hieratikós» — «священный»), письмо жрецов, потом *демо́тику* (от *греч.* «demotikós» — «народный»), народное письмо. Ведь скорость — необходимое качество хорошего писца. Об этом гласит и шумерская поговорка: *«Только тот настоящий писец, чья рука не отстает от уст».*

В скорописи вырабатывались приемы упрощенного написания знаков, их соединение в *лигату́ры* (от *лат.* ligatura — «связь»), т. е. слитные написания; допускались определенные сокращения слов и словосочетаний. Отсюда и произошла система сокращенной записи речи — *стеногра́фия* (от *греч.* «stenós» — «узкий», «тесный» и «grápho» — «пишу»).

Такая система использовалась в IV в. до н. э. в Афинах: историк Ксенофонт записал ею воспоминания о Сократе. Она не была единственной. В Риме в 63 г. до н. э. Марк Туллий Тирон изобрел собственную систему стенографии. Ее знаки имели форму рисунков, упрощенных начертаний букв и могли заменять целые слова. Число таких знаков достигало 5 тыс. Системой Тирона, со временем дополненной, пользовались в Европе более тысячи лет. Лишь в XI в., когда в ней вдруг усмотрели связь с колдовством, она постепенно вышла из употребления.

Были системы сокращенной записи и на Руси: с их помощью в XV в. записывали «протоколы» новгородского и псковского вечей. Широко употребляли ти́тло (҃ или ʼ): **о҃ць** — «отец», **н҃н** — «ныне», **м҃ць** — «месяц» (с подсказкой — маленьким **с** сверху).

Первая собственно алфавитная система стенографии была изобретена в Англии Джоном Уиллисом, издавшим в 1602 г. книгу «Искусство скорописи, или Стенография». С тех пор появился и термин «стенография». В дальнейшем возникло множество различных систем стенографии для записи речей в судах, дебатов в парламенте. Они увеличивали скорость в несколько раз, но и овладеть ими было труднее, чем выучить несколько иностранных языков. Рекорд в скорости стенографической записи, отмеченный в «Книге рекордов Гиннесса», был установлен в Нью-Йорке в 1922 г. и составил 350 слов в минуту — быстрее говорить, наверное, просто невозможно.

Современные системы стенографии основаны на фонографическом принципе, т. е. на записи звуков речи, поэтому их легко приспособить к различным языкам. Так, систему Питмана, изобретенную им в 1837 г., можно использовать для 20 языков, включая японский; ею по сей день записывают отчеты о заседаниях английского парламента.

Помощью секретарей-стенографисток (или стенографистов, но не стенографов! — этим словом называют род жуков) пользовались и русские писатели Ф. М. Достоевский, Л. Толстой. В РСФСР в 1933 г. была принята разработанная доктором физико-математических наук Николаем Николаевичем Соколовым Единая государственная система стенографии, которая с некоторыми усовершенствованиями используется до сих пор.

ПОПРОБУЕМ СТЕНОГРАФИРОВАТЬ

Ниже записано несколько русских слов:

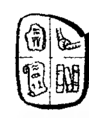
(1) *бобрик* (2) *храм*

(3) *враг,* (4) *маховик,*

(5) *виброграф,* (6) *миф,*

(7) *график,* (8) *мох.*

Застенографируйте слова: *микроб, комок, химик, крабик, гриф.*



АЗБУКА ДЛЯ СЛЕПЫХ

Свое замечательное изобретение — алфавит для слепых — француз Луи Брайль (1809—1852), сын шорника, сделал, когда ему было 15 лет. Ослепнув в три года в результате несчастного случая, мальчик овладел алфавитом с помощью палочек, из которых складывал буквы. В десять лет его послали в школу для слепых в Париже, где он научился читать с помощью пальцев тексты, напечатанные тиснеными буквами. Буквы делались большими, чтобы их можно было распознать на ощупь, и тексты получались очень громоздкими. В школе Браиль узнал об остроумном способе передачи сообщений в ночное время, придуманном артиллерийским офицером Шарлем Барбье. Он предложил «писать» с помощью дыр в картоне. Приспособление было довольно примитивным, но именно оно натолкнуло Брайля на мысль использовать систему отверстий для кодирования букв.

В 1824 г. Браиль создал экономную систему письменности, взяв за основу ячейку из шести точек — по три в два столбика:

●●
●●
●●

Каждая из шести позиций могла быть проколотой. Это давало набор в $2^6 - 1 = 63$ знака, различающихся расположением отверстий (вариант с шестью непроколотыми точками исключался). Такого количества хватало не только на все буквы французского алфавита, но и на часто употребляемые служебные слова — предлоги, союзы, артикли, математические символы, обозначения химических элементов и даже ноты.

С помощью алфавита Брайля слепые получили возможность не только читать, но и писать, выдавливая точки на бумаге специальной палочкой. Скорость чтения может достигать 150 слов в минуту — это всего в два раза медленнее, чем у зрячих.

Изобретение Луи Брайля получило официальное признание на родине лишь после его смерти, в 50-х гг. XIX в., хотя первую книгу он напечатал во Франции благодаря помощи друзей еше в 1837 г. В России первая книга для слепых по системе Брайля вышла в 1885 г.

Позднее и для слепоглухонемых была придумана особая система касаний и постукиваний ладони собеседника, которая заменяет речь. Сегодня люди, лишенные зрения и слуха, могут владеть языком: читать и общаться.

Алфавит Брайля:

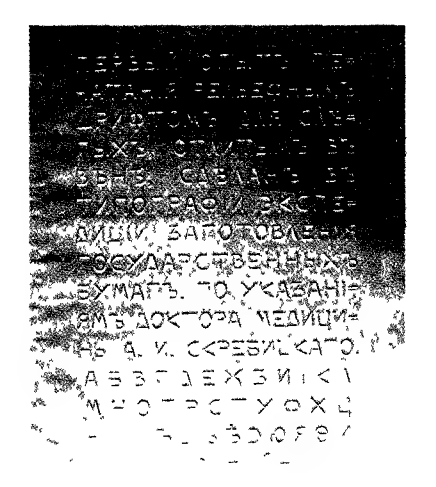
A B C D E F

G H I J K

L M N O P

Q R S T U

V W X Y Z



АЗБУКА МОРЗЕ

В азбуке, разработанной Сэмюэлом Финли Бризом Мо́рзе в 1838 г., каждая буква кодируется последовательностью точек (коротких посылок электрического тока) и тире (посылок утроенной продолжительности). Чтобы легче было запомнить код буквы, некоторые пользуются искусственным приемом: запоминают такое слово или словосочетание, которое начинается на эту букву, по которому легко восстанавливается код.

Даны некоторые русские буквы, их код, а также слово или словосочетание, используемое для восстановления кода:

А	· –	*арбуз;*	***Л***	· – · ·	*лаборантка;*
В	· – –	*Вавилон;*	***Н***	– ·	*нива;*
Ж	· · · –	*жатва злаков;*	***О***	– – –	*олово;*
З	– – · ·	*звон булата;*	***Р***	· – ·	*радуга.*

1. Обьясните, каким образом по слову восстанавливается код буквы.

2. Предложите слова для следующих букв, которые приводятся вместе с их кодом:

Г – – ·
К – · –
М – –
П · – – ·
С · · ·

3. Какие буквы нельзя запоминать таким способом?

АРАБСКАЯ ЗАДАЧА

Даны арабские слова в традиционной арабскои письменности и в русскои транскрипции, с переводом на русскии язык

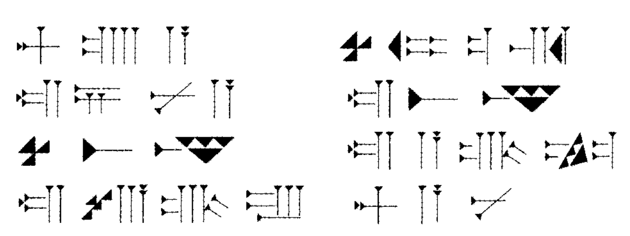
(1) تبن [тибн] ‘солома’
(2) تبت [табит] твердый’
(3) لعب [ла‘иб] ‘веселыи
(4) شعث [ша ис] всклоченный’
(5) شعب [ши‘б] ‘ущелье’
(6) بشت [бишт] ‘плаш’

1 Запишите в русскои транскрипции
شبل ‘львенок’, نتن ‘зловонный

2 Запишите в арабскои письменности [бинт] дочь’, [та‘иб] ‘усталый (‘ и **с** — особые согласные звуки арабского языка)

АККАДСКАЯ КЛИНОПИСЬ

Даны два имени богов, названия стран и городов *Anu, Assur, Karkamıs, Nınua, Ea, Mısrı* (Египет), *Akade*, записанные аккадской клинописью в перепутанном порядке



1 Установите соответствия

2 Запишите клинописью название древнего города *Ани*, современного города *Римини*

ДЕВАНАГАРИ

Даны санскритские слова или основы слов, записанные в письме деванагари При каждом слове русскими буквами указано его произношение и перевод

वच [вач] ‘говорить’ दम [дама] ‘дом’
वद [вэда] ‘знание’ यद् [яд] ‘потому что
चुद [чуд] ‘побуждать नम् [нам] ‘чтить’
मन [мэнэ] подумал’

1 Опишите правила обозначения гласных и согласных

2 Запишите произношение следующих слов

मन ‘думать’ मुद ‘радость’
यम ‘держать’ दव ‘бог’

3 Подчеркните в выписанных ниже русских словах те буквы, с помощью которых записывается не отдельный звук, а слог «согласный + гласный» *явление, мою, Юля, подьем, досье*

НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ

Ниже даны грузинские названия месяцев в грузин скои графике, расположенные в перепутанном порядке

თებერვალი, აპრილი, ივლისი, დეკემბერი, სექტემბერი, აგვისტო, იანვარი, ივნისი, მაისი, მარტი, ნოემბერი, ოქტომბერი

Переведите на русскии язык грузинские названия месяцев и укажите их примерное произношение

Следует иметь в виду что грузинские названия могут быть лишь частично схожими с соответствующими русскими Сравните например русское *январь* с английским словом *January* немецким *Januar* или французским Janvier

Морская сигнализация В морскои сигнализации каждая комбинация флажков соответствует определенному слову На рисунке показан знаменитыи сигнал адмирала Горация Нельсона посланныи им во время Трафальгарскои битвы с испанским флотом (1805 г) Англия надеется что каждыи исполнит свои долг Слова *долг* однако не было в кодовои книге британского адмиралтеиства поэтому его пришлось выкрикивать

В семитских языках у гласных и согласных разные грамматические задачи. Семитское письмо развивалось по пути огласовки консонантного текста. Это означает, что в текст вводятся надстрочные и подстрочные *(диакритические)* значки, обозначающие гласные. Над или под соответствующим согласным (в виде точек или особых значков) отмечается его огласовка, т. е. сопровождающий его гласный звук. Тексты, записанные семитским письмом, делятся на тексты с огласовкой (более понятные) и без огласовки (менее понятные, но всё же читаемые).

Путь к равноправному обозначению согласных и гласных был долгим. Уже в западносемитских системах письма для обозначения гласных иногда использовали так называемые *matres lectionis* (буквально «матери чтения») — знаки, помогающие чтению. Это несколько знаков для согласных, которыми обозначали похожие на них гласные. Речь идёт о четырёх согласных звуках — [w], [j], ['] и [h] (последние два — особые звуки семитских языков). Звуки [w], [j] были близки к гласным [u], [i], а согласные ['] и [h] походили на гласный [a]. Когда финикийским письмом начали пользоваться греки, обозначение гласных стало обязательным. Сначала использовались «матери чтения», позднее знаки для гласных стали отличаться от знаков для согласных. Так, в латинском письме изначально был один только знак «V», который перед гласной всегда читался как согласный [w], а между согласными — как гласный звук [u]. Потом этот знак как бы раздвоился на «V» и «U» (поэтому они похожи графически). В современном греческом письме буквы, обозначающие гласные, равноправны с буквами, обозначающими согласные (все буквы стоят в строке вместе).

А в русском языке произошёл обратный процесс: буква для согласного ***й*** возникла из буквы для гласного ***и*** (пришлось лишь добавить к ней надстрочный значок).

Так появилось звуко-буквенное письмо, в котором письменный знак обозначает не слово, не морфему, а звук. Письменность больше не пыталась напрямую передавать смысл, как пиктография или иероглифика, она просто фиксировала звуковой поток, и этот путь оказался самым эффективным.

Звуко-буквенное, или *алфавитное*, письмо стало венцом графической эволюции. Оно наиболее экономно (звуков в языке меньше, чем слогов, а слогов меньше, чем слов) и подходит для языков всех типов, чего нельзя сказать о других видах письма. Письменность, состоящая только из словесных знаков, неудобна, например, для языков с богатым словоизменением (как обозначать отдельные морфемы?). Слоговые письменности не очень подходят для языков с большим скоплением согласных.

Письменность как бы ушла на задний план, предоставив людям полную свободу выражения своих мыслей, сведя помехи в общении и взаимопонимании к минимуму.

СМЕШЕНИЕ ВРЕМЁН

В жизни и языке всегда присутствуют как достижения прошлого, так и зачатки будущего. Когда количество изменений (их регулярность, обязательность и т. д.) переходит в новое качество? Когда рисунок становится иероглифом?

АЗБУКА МОРЗЕ

1. Слог с буквой ***а*** указывает на точку, прочие слоги (в приведённых примерах с гласными ***и, о*** или ***у***) — на тире.

2. Примеры слов для каждой буквы:
Г — *горилла, голова;*
К — *командир, кораблик, кипарис;*
М — *минус, мундир;*
П — *партитура, паутина, паломница;*
С — *сарафан, салака, сатана.*

3. Способ не подходит для букв, которые не встречаются в начале слова (***ь, ы*** и др.), а также для гласных (кроме ***А***), если их код начинается с точки, например ***У*** (код • • –), ***И*** (код • •).

ПОПРОБУЕМ СТЕНОГРАФИРОВАТЬ

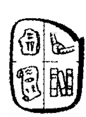
Сравнив написание слов *миф, мох* и *маховик*, можно предположить, что элементарные знаки (на основе наклонной палочки) обозначают согласные буквы, а гласные после них определяются по позиции следующей согласной: ***а*** в строке, ***и*** — на полстроки выше, ***о*** — на полстроки ниже.

В словах встречаются сочетания согласных: ***бр, вр, хр, гр.*** Сравнивая их написания с написаниями отдельных согласных ***б, в, х, г,*** замечаем, что знаки для сочетаний отличаются только по высоте — они начинаются на полстроки ниже (независимо от гласной).

Теперь можно выполнить задание:

микроб, комок, химик,

крабик, гриф.



АККАДСКАЯ КЛИНОПИСЬ

Запишем условие задачи, заменив клинописные знаки числами:

(1) 1 — 2 — 3
(2) 4 — 5 — 6 — 3
(3) 7 — 8 — 9
(4) 4 — 10 — 11 — 12
(5) 7 — 13 — 14 — 15
(6) 4 — 8 — 9
(7) 4 — 3 — 11 — 16
(8) 1 — 3 — 6

Названий в условии меньше, чем надписей. Значит, одному названию соответствуют две надписи: например, совпадают названия города и страны или имя бога и название города. Тогда они должны различаться пояснительными знаками — *детерминативами*. Надписи (3) и (6) различаются знаками 4 и 7 — по-видимому, это детерминативы. Если принять гипотезу о детерминативах, то количество знаков в надписях равно числу слогов.

Определим направление письма. Предположив, что надписи читаются справа налево, можно найти слог ***nu*** по совпадению вторых знаков одного двусложного и одного трехсложного слов. Такого совпадения не обнаруживается. Значит, надписи следует читать слева направо, причем первый знак — детерминатив.

Из сопоставления трехсложных слов (4) и (7) получается значение знака 11 — ***kà***. Знаки 10 и 12 не повторяются: очевидно, 10 — ***kar***, 12 — ***miŝ***, тогда в (7) 3 — ***a***, 16 — ***de***. Тогда последнее из трехсложных слов (5) — *mi-iṣ-ri*, *Miṣri*, или Египет, а 7 — детерминатив страны. Теперь легко восстановить:

(1) 1 (Д) — 2 — a = *Èa;*
(8) 1 (Д) — a — 6 = *Anu;*
(2) 4 (Д) — 5 — *nu* — a = *Ninua;*
(3) и (6) — *Aššur,*

причем (3) — страна. Поскольку богов по условию два, ясно, что 1 — детерминатив имени бога, а 4 — детерминатив города. Тогда можно записать: 4 — 3 — 5 = *Ани,* 4 — 15 — 13 — 5 = *Римини* (*Ninua* — обозначение Ниневии, *Aššur* — Ассирии).

АРАБСКАЯ ЗАДАЧА

Сопоставляя арабское написание и русскую транскрипцию, можно выявить, что арабы пишут справа налево, гласных на письме не обозначают, а обозначения согласных варьируют в зависимости от позиции в слове (в конце они как бы расширяются). Следовательно, слова в задании 1 буквально читаются как [ш-б-л] и [н-т-н]. Чтобы прочесть гласные, нужно обратиться к смыслу слов: в прилагательных стоят гласные ***a***, ***u***, а в существительных — ***u***.

1. 'львенок' — [шибл],
   'зловонный' — [нитн].
2. [бнт] بنت
   [т'б] تعب

ДЕВАНАГАРИ

1. В письме деванагари есть два вида знаков: основные (они пишутся более крупно, в строку и как бы крепятся внизу к горизонтальной черте) и дополнительные (более мелкие, располагающиеся вне строки: сверху, снизу или сбоку). Каждый основной знак, если при нем нет дополнительных, обозначает слог «согласный + гласный [а]».

Тот же знак, сопровождаемый дополнительным ◌े или ◌ु, обозначает сочетание того же согласного с гласным [э] или [у] соответственно.

Таким образом, дополнительные знаки как бы заменяют в основном знаке гласный [а] на [э] или [у]. Чтобы записать некоторый конечный согласный С, нужно взять основной знак, обозначающий слог «С + гласный [а]», и снабдить его знаком ◌्, этот знак как бы вычитает гласный [а] из слогового знака.

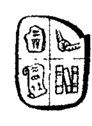
2. Произношение слов.

[ман] 'думать'; [муд] 'радость'; [ям] 'держать'; [дэва] 'бог'.

3. ***Явление***, *мою*, ***Юля***, *подъём*, *досье*. С помощью букв ***я***, ***ю***, ***е***, ***ё*** записываются слоги «согласный [й] + гласный [а], [у], [э], [о]» — если они следуют не после буквы, обозначающей согласный, т. е. после буквы, обозначающей гласный, ***ъ***, ***ь***, или стоят в начале слова.

НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ

Решение можно начать с группировки названий *сент-**ябрь***, *окт-**ябрь***, *но-**ябрь***, *дек-**абрь***, сравните: დეკე**მბერი**, სექტე**მბერი**, ნოე**მბერი**, ოქტო**მბერი**. Аналогично группируем *июнь*, *июль* (ივლისი, ივნისი), *март*, *май* и т. д. Точно установить произношение грузинских названий месяцев не удается. Наиболее близкий к правильному ответ: იანვარი — *январь* (иანвари), თებერვალი — *февраль* (фебервали), მარტი — *март* (марти), აპრილი — *апрель* (априли), მაისი — *май* (маиси), ივნისი — *июнь* (ивниси), ივლისი — *июль* (ивлиси), აგვისტო — *август* (агвисто), სექტემბერი — *сентябрь* (сектембери), ოქტომბერი — *октябрь* (октомбери), ნოემბერი — *ноябрь* (ноембери), დეკემბერი — *декабрь* (децембери). В действительности пары **თ/ტ**, **ქ/კ** передают соответственно придыхательные и смычногортанные согласные (≈ русские ***т*** и ***к***).



Когда слоговый знак превращается в букву? На эти и многие другие вопросы нет и не может быть окончательных ответов. Вот вроде бы очевидный вопрос: пользуемся ли мы (при нашем алфавитном письме) иероглифами или, точнее говоря, словесными знаками? Большинство решительно скажут: «Нет!».

Оказывается, пользуемся, и очень часто. Иероглифами являются, в частности, математические, физические и прочие условные знаки «+», «=», «%», а также цифры и соответствующие обозначения чисел. Мы прочитываем записи типа *2 + 2 = 4* или *100 %* словами, следовательно, это словесные знаки, т. е. они соотносятся с целым словом. А как быть с такими текстами, как *От реки до дома 100 м? 100* — это иероглиф, а что такое *м?* Если читать как «сто метров», буква превращается в иероглиф. Но ведь некоторые люди (особенно школьники) читают как «сто „эм"», и тогда это всё же буква, хотя и с особыми правилами чтения.

ПИСЬМО И ЯЗЫК

Письменность развивается, эволюционирует, но тем не менее сравнивать и оценивать, какое письмо лучше, не стоит. Во-первых, как мы видели, различные типы письма могут по-разному подходить к тому или иному языковому строю. Словесные письменности удобнее для языков с незначительным словоизменением. Слоговые подходят для языков с простой структурой слога (тогда и слогов, и письменных знаков оказывается немного). Очень часто изменения письма начинались, когда письмо «пересаживали» на почву нового, «неподходящего» языка, как это было с финикийским письмом, заимствованным греками.

Во-вторых, за системой письма стоят не просто звуки языка, а история и культура. Именно поэтому с таким трудом проходят небольшие реформы графики и орфографии. Конечно, их проводят для удобства пишущих и читающих, но страдают от этого прежде всего образованные носители языка, привыкшие к определённой графике и орфографии. Многие русские писатели не приняли реформы письма 1917—1918 гг. и в эмиграции продолжали издавать книги в старой орфографии (на этом настаивал, в частности, Иван Алексеевич Бунин).

Так что едва ли стоит ожидать в ближайшем будущем повального перехода всех языков на алфавитное письмо (например, на латиницу). Чтобы сохранить традицию и культуру, многие народы готовы терпеть некоторые неудобства.

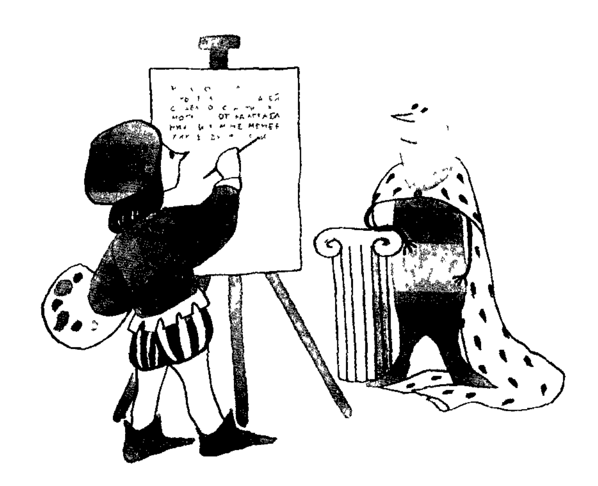
ОПАСНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

Создание алфавита для бесписьменных языков открывает новые возможности для развития культуры. Однако преобразование графической системы, пустившей глубокие корни, грозит поистине катастрофическими разрушениями. Так, например, с 1930 по 1940 г. таджикам и узбекам пришлось дважды менять письменность: сначала перейти от арабского алфавита к латинскому, а затем, во времена политики русификации, — от латиницы к кириллице. После этих реформ народ остался практически без книг, утратил свою письменную культуру.

После распада СССР в некоторых новых суверенных государствах пытаются вернуться к старой письменности. Однако это может в одночасье сделать неграмотными сотни тысяч людей. Ошибки истории трудно исправлять, не наделав новых.

Практически не допускают никаких графических реформ англичане, именно поэтому их некогда алфавитное письмо может считаться алфавитным только с большой натяжкой. Действительно, как соотносятся буквы и звуки в английском слове *knight* — [nait]? Но не считать же английское письмо иероглифическим!

Все эти вопросы так или иначе учитывает теория письма, которая состоит из двух частей. Связь между письменными знаками и единицами языка изучает *грамматология* (в 1952 г. этот термин ввёл американский лингвист Игнас Джей Гельб, который и определил эту область как отдельную науку). Самим же начертанием знаков занимаются *палеография* и *эпиграфика* (если речь идёт о надписях, высеченных на твёрдом материале). Так, например, грамматологические познания могут помочь,



если нужно создать письменность для бесписьменного народа, а сведения о клинообразной форме знаков, их происхождении и способе нанесения относятся к палеографии. Некоторые культуры придают форме знаков особое значение. В Китае каллиграфия (умение красиво писать) считается искусством: иероглифов много, они сложны, и небрежный почерк сделает текст нечитаемым. Напротив, тот, кто некрасиво пишет по-русски, едва ли будет от этого особенно страдать: написанное буквами почти всегда можно разобрать

КТО ЖЕ АВТОР?

Некоторые письменности были изобретены, а другие — и таких большинство — появились в результате постепенной и долгой эволюции. Среди изобретённых, так называемых авторских письменностей, — славянское письмо (см. статью «Графика и орфография. Реформы и реформаторы»), армянское, грузинское...

Армянское письмо было создано, как и некоторые другие письменности, чтобы переводить богослужение и Священное Писание на родной язык. Оно появилось в начале V столетия, в период борьбы армян за политическую и духов-

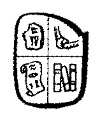
ЧТО ЗНАЧИТ *ПИСАТЬ?*

В русском языке есть два разных слова *письмо.* Эти слова — омонимы: их внешняя форма совпадает (пишутся и произносятся они одинаково), а значения разные. Если перевести их на другие языки, омонимия нередко исчезает. Английское *letter,* французское *lettre* или немецкое *Brief* — это почтовое письмо, а слова *writing, ecriture* и *Schrift* в тех же языках — это письменность.

Что вообше значит слово *писать?* История слов со значением 'писать' в разных языках показывает, как люди понимали это действие раньше, с чем его сравнивали, к чему возводили.

Выразить это значение в языках можно разными по происхождению глаголами, но их «биографии» часто оказываются похожими. Так, русский глагол *писать* первоначально связан с цветом и рисованием кистью (эта идея сохранилась в однокоренном слове *живопись)* и является родственником латинского *pingere* 'рисовать кистью'. По происхождению он связан с другим русским словом *пёстрый* 'цветной', 'многоцветный'. То же самое можно сказать о его родственниках в славянских языках; в литовском этот же корень связан не просто с цветом, а с цветом сажи, т. е. с чёрным (соответствующий глагол означает 'рисовать', 'чертить углем'). Готский глагол *me:ljan* 'писать' изначально имел такое же значение (его близкий родственник — немецкое *male* 'рисовать'). Латинское *scribere* 'писать' и родственные ему немецкое *schreiben,* английское *to inscribe* с тем же значением первоначально значили 'вырезать' (отсюда, кстати, и русское слово *манускрипт,* заимствованное из латыни, где оно означало 'рукопись'). Более распространённый в английском языке глагол *to write* 'писать' соответствует древнескандинавскому *ri:ta* 'вырезать (руны)' и современному немецкому *ritzen* 'царапать'. Древнегреческое *grapho* 'пишу' (отсюда русские слова *графика, орфография)* — означало также 'высекаю' (его родственник — немецкий глагол *kerben* 'делать зарубки').

Итак, глаголы со значением 'писать', как правило, восходят к корням либо со значением 'вырезать', либо со значением 'красить', 'делать пестрым'. И действительно, письменные знаки обычно чертят (рисуют), либо вырезают (выцарапывают). Конечно, в наши дни пишушие машинки, а затем компьютеры изменили процесс письма. Однако письмо всё равно связано с какой-либо поверхностью и выделенными на ней знаками.



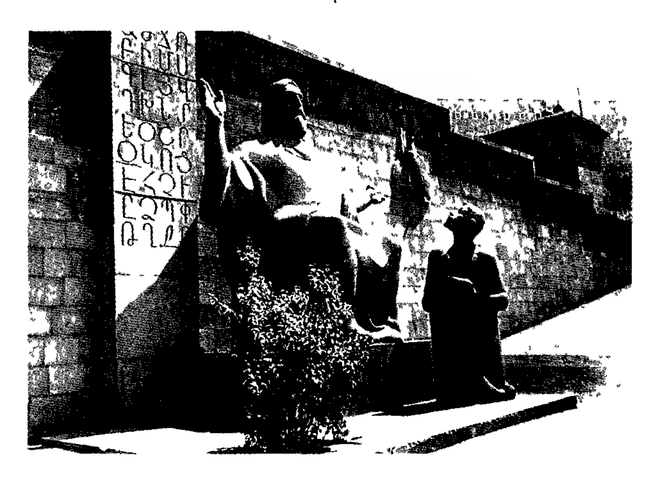
ЧИТАЙТЕ ПО-АРМЯНСКИ!

Даны армянские названия месяцев в армянской графике, расположенные в перепутанном порядке:

օգոստոս, փետրվար, հուլիս, հունիս, դեկտեմբեր, մայիս, հունվար, նոյեմբեր, ապրիլ, հոկտեմբեր, մարտ, սեպտեմբեր.

Переведите на русский язык армянские названия месяцев и укажите их примерное произношение.

(При решении задачи имейте в виду, что армянские названия могут быть лишь частично сходны с соответствующими русскими. Сравните, например, русское *январь* с английским *January*, немецким *Januar* или французским *Janvier*.)



Памятник Месропу Маштоцу в Ереване

ную независимость от Персии и Византии. Армянский алфавит разработал армянский просветитель епископ Месроп Маштоц (361—440). Его жизни и истории создания армянской письменности посвящено «Житие Маштоца», написанное Корюном — одним из его учеников.

Однако история письма ещё не закончена. И в современном мире люди изобретают письмо. Так, в первой половине XIX в. индеец племени чероки Секвойя, будучи неграмотным (он не умел ни читать, ни писать по-английски, но, конечно, знал о существовании книг), придумал письмо для своего народа. Сначала он создал словесное письмо, но затем пришёл к идее слогового письма, заимствовав при этом форму (только форму!) английских букв.

Секвойя — изобретатель письма племени чероки

СМАЙЛИКИ

Компьютерный диалект сети ФИДО используется в основном для неформального общения ее членов, поэтому возникла необходимость передачи эмоций и даже мимики пишущего. В обычном тексте сделать это достаточно сложно, из-за чего и появились специфические знаки препинания (так называемые *смайлики*). Для их чтения лучше всего немного наклонить голову влево: тогда можно увидеть стилизованный портрет компьютерщика.

Смайлик обычно располагается сразу после высказывания, к которому он относится, либо в конце фразы. Большинство смайликов используется в сокращенной форме — без серединной черточки — «носа». <...>

Основные смайлики:

:-) Улыбка. Хорошее настроение или смешная фраза.
:-(Грустно.
:-< Очень грустно.
:-> Сарказм, насмешка.
>:-> Резкая или злая насмешка, на грани оскорбления.
:-E Огрызнуться, показать зубы.
;-) Подмигивающая улыбка. («Не обижайся, это шутка».)
:-I Озадаченность или нерешительность.
:-\ Нерешительность или сильное удивление.
:-P Показать язык.
:-* Поцелуй.
:-O Открыть рот от удивления.
8-) Вытаращить глаза. Чаще употребляется в варианте 8-O.
:*) Пишущий пьян.
%-) После 16 часов сидения за компьютером.

Слово, набранное заглавными буквами (если это не заголовок), воспринимается как **КРИК.** Ударение в слове (если это необходимо) может выделяться загл**А**вной буквой.

(Uncle Charles. «Лайт-грамматика совковой фидо-хэкериз для чайников». Бета-релиз; Н. Зыков. «Краткий справочник-словарь русского компьютерного диалекта сети ФИДОНЕТ для начинающих пользователей». Пробный выпуск.)

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Знаки препинания... Что хорошего может сказать о них современный школьник? Наверное, каждому приходилось долго ломать голову над собственной фразой: нужна ли запятая? поставить тире или двоеточие? Кстати, *препинание* как раз и означает 'остановка', 'запинка', 'препятствие' (два последних слова с тем же корнем произошли от древнерусского глагола **пяти, пьнѫ** — 'натягивать', 'растягивать'; сравните: *пнуть, пинать, распять*). *Знаки препинания* и отмечают чаще всего остановки в речи или разделяют письменный текст на части по смыслу.

Древнейшими знаками препинания были знаки словораздела. Их использовали, в частности, в клинописи, в иероглифическом хеттском (слова тогда не разделялись пробелами). Сначала не разбивали текст на слова и древние греки. Лишь в послеантичный период стали отделять слова пробелами, а в начале фраз использовать прописные буквы.

Альдо Мануций Старший.

В 194 г. до н. э. древнегреческий учёный Аристофан Византийский ввел трехступенчатое разделение текста на части по смыслу. Самые мелкие части отделялись друг от друга точкой внизу строки (она называлась *комма*); более крупные — точкой посередине строки (*колон*); а самое крупное деление отмечала точка вверху строки (*период*). Такая система использовалась в манускриптах в течение тысячи лет.

С появлением в Европе книгопечатания правила постановки знаков препинания были унифицированы. Большинство знаков препинания в их современном виде и значении ввели в XV—XVI вв. венецианские книгопечатники Альдо Мануции (дед и внук носили одно имя, а изданные ими книги назывались альдинами).

Многие восточные системы письма (китайская и японская иероглифика, арабское письмо, индийское письмо деванáгари и др.) предпочитают свои традиционные разделительные знаки и очень ограниченно вводят знаки препинания из европейских языков. Несколько отличаются от европейской греческая и армянская традиции пунктуации. Славянские книжники сначала приняли греческую традицию, но впоследствии (в XVII—XVIII вв.) её вытеснила латинская (мануциевая).

В используемой нами системе есть знаки выделяющие и знаки разделяющие. Первые позволяют вычленить в предложении какую-то часть: вводное слово, придаточное предложение и т. п. Они обычно парные — скобки, кавычки, запятые с двух сторон, тире с двух сторон. Знаки разделения разграничивают однородные члены, части сложного предложения, части текста. Это одиночные знаки. Точка, вопросительный знак, восклицательный знак, многоточие разделяют предложения; запятая, точка с запятой, двоеточие, тире — его части. Существуют и особые знаки: звездочка * указывает на ссылку; три звездочки * * * разделяют части текста; знак параграфа § обозначает разделы в учебных, научных, законодательных текстах.

Знак *точки* по-разному называется в различных языках: по-немецки — *Punkt*, по-английски *full stop* (буквально «полная остановка»), но в Америке говорят *period*. Русское название происходит от глагола *тыкать, ткнуть;* как и латинское название точки — *punctum* (от глагола *pungo* — «колю»). Новгородцы в XII столетии в своих письмах на бересте разделяли фразы точкой в середине строки, двоеточием или вертикальной чертой.

Русское название *запятая* происходит от глагола *запяти* 'воспрепятствовать', 'задержать', родственного современным *запинаться, препинание*. Появилась запятая в XIV в. из знака косой черты, которой обозначали короткую паузу. В дальнейшем косую черту стали изображать с хвостиком, и постепенно она превратилась в хвостик внизу строки.

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

Диакритические знаки, или *диакритики* (от *греч.* «diakritikós» — «служащий для разграничения»), — надстрочные, подстрочные и даже внутристрочные добавочные знаки. Их издавна используют в алфавитных и слоговых системах для уточнения произношения.

Заимствуя латинский алфавит, многие народы добавляли к его буквам диакритические знаки: ˇ (*хачек*, изобретенный Яном Гусом для шипящих ***š, č***), ¸ (*цедиллу* — буквально «маленькое ***z***» для ***ç***), ¨ (диерезу над гласными — ***ü, ö***) и др. В алфавитах на основе латиницы (их около 70) от 24 исходных букв образовано более полутора сотен новых букв, главным образом за счет добавления диакритик. В алфавитах, составленных на основе кириллицы (казахском, татарском, якутском и др.), к 33 буквам русского алфавита благодаря диакритикам добавилось около 60 знаков.

Диакритическими знаками отмечают также ударение и тон. Знаки для ударения: *акýт* ´ (от *лат.* acútus — «острый»), *грáвис* ` (от *лат.* grávis — «тяжелый», «тупой») и *циркумфлéкс* ^, (от *лат.* circumfléxus — «опоясывающий», «изогнутый») — первоначально обозначали движение тона в древнегреческом языке. Их изобрел Аристофан Византийский, хранитель знаменитой Александрийской библиотеки в III в. до н. э.

В средневековых латинских манускриптах пропуск букв обозначала *тúльда* ~ (от *исп.* tilde — «знак вверху»): *año* вместо *anno* — «год». Впоследствии в испанском и португальском языках тильдой стали отмечать носовые звуки.

Знак *двоеточие* присутствует в славянской грамматике Лаврентия Зизания (1596 г.). Он соответствует знаку колон в системе Аристофана. Это название сохранилось в английском и немецком.

В первой русской грамматике Василия Евдокимовича Адодурова (1738 г.) *точка с запятой* называлась «запятая точка». В греческой традиции этот знак по сей день используется как знак вопроса. Так же он использовался и славянскими книжниками, пока не победила латинская пунктуация.

Вопросительный знак произошел из латинского обозначения вопроса словом *Quaestio* после вопросительной фразы. В дальнейшем это слово стало записываться сокращенно, сначала в виде **Qo**, потом **Q** и, наконец, ?. В русской грамматике В. Е. Адодурова этот знак называется «точка вопросительная» или «вопросная».

Восклицательный знак произошел от латинского междометия **Io**, выражающего радость. После фразы его писали в виде **!**, пока постепенно оно не преобразилось в **!** В грамматике В. Е. Адодурова этот знак называется «точка удивления» или «удивительная», «удивная».

Вопросительный и восклицательный знаки используются в китайской и японской современной письменности. В армянском письме в этой роли выступают специальные надстрочные знаки.

Тире по-английски *dash* (буквально «стремительное движение»), по-немецки *Gedankenstrich* (буквально «черточка для мысли»), по-французски *tiret* (буквально «черточка», от *tirer* — «тянуть»). Из французского в XIX в. заимствовано и русское название. Впервые тире появилось в конце XVII в. для обозначения внезапной паузы. С помощью тире принято также обозначать пропуск слов. В русской пунктуации тире разделяет еще и реплики диалога, а в английской пунктуации для этого используются кавычки.

Кавычки по-немецки *Anführungszeichen* (буквально «знак для ссылки»), по-французски *guillemets* (возможно, это слово произошло от имени изобретателя этого написания, которого звали Гийом). Кавычки впервые стали использовать во французских манускриптах в начале Средних веков в форме < >. В настоящее время этот знак употребляется в различных формах: < >, « », „ “, “ ”, « «, ‘ ’. Русское название (первоначально *ковычька* — ‘крюковой знак’) происходит от *ковыка* ‘помеха’, ‘заминка’ (сравните: *заковыка*).

Звездочка — знак ссылки, сноски — имеет общепринятое название *астериск*, происходящее от греческого *aster* — «звезда». Этот знак ввел Аристофан Византийский для обозначения неясностей. В лингвистических текстах после звездочки пишут гипотетически восстанавливаемые слова и формы слов.

Дефис, или черточка, — знак для переноса и объединения частей сложного слова. Название пришло в русский из немецкого *Divis*, происшедшего от латинского *divisio* — «разделение». Первоначально этот знак имел форму маленькой дужки под буквами. В древнерусских грамотах для переноса использовали две наклонные черточки. В первых славянских грамматиках этот знак переноса назывался «точка съединительная».

Скобки — довольно новый знак. Английское название *parentheses* пришло из греческого через латынь и обозначает «место внутри». В XVII в. этим словом называли кавычки. Скобки использовали для введения любой дополнительной или случайной информации к тексту. Скобки могут быть разными: круглые **( )**, квадратные **[ ]**, фигурные **{ }**.

Параграф (*греч.* «paragraphe» — «запись на стороне») — один из первых знаков пунктуации. Он появился в IV в. до н. э. в иной графической форме — в виде короткой горизонтальной линии внизу перед строкой. Считается, что его изобрел Аристотель для того, чтобы отмечать смену темы. В своем современном виде знак **§** появился в начале XVIII в. для обозначения номера раздела.

* * *

Итак, у знаков препинания непростая история. В западноевропейских языках пунктуация более вольная, чем в современном русском, в котором правила расстановки знаков препинания весьма строги. Но главное свое назначение — облегчать понимание текста, помогать избегать двусмысленностей — они выполняют во всех языках.

Один из самых распространенных диакритических знаков — точка над ***i***. Он воспринимается уже не как диакритика, а как необходимый элемент буквы. Но первоначально, когда римляне переняли эту букву у греков, они записывали ее в виде палочки без точки. До XI в. прописная и заглавная буквы различались только размером, затем к маленькой букве стали добавлять черточку сверху, похожую на знак ударения, чтобы не путать ее с частями других букв (в русской скорописи мы тоже иногда ставим черточки над ***т*** и под ***ш***, чтобы легче читалось: *пишет, читаешь*). Наконец, эта черточка сократилась до точки. Точки над ***i*** ставились в последнюю очередь, потому и пошло выражение *поставить точки над «и»*, т. е. завершить дело, довести его до логического конца.

Расстановка точек — важный момент в семитских системах письма: арабской, еврейской. В этих письменностях буквами записывают, как правило, согласные, а почти все гласные не обозначают. Если же обозначить их необходимо, прибегают к диакритикам. В старинных рукописях Корана точки отмечались красной краской: точка над согласной обозначала гласный [а], под согласной — [и], внутри согласной — [у]. В современном арабском расстановка точек сложнее.

В отличие от многих восточных и западных систем письма русский текст практически лишен диакритических знаков. Лишь изредка встречаются апостроф (**’**), ударение, точки над **ё**. Регулярно проставляется только дужка над ***й***, но она воспринимается как элемент буквы, а не как дополнительный диакритический знак.

В конце XIX столетия в Камеруне (Западная Африка) правитель государства Бамум Нджойя изобрёл письмо для языка бамум — изначально также словесное, но затем слоговое с элементами буквенного. На территории России словесное письмо изобрёл чукотский пастух Теневиль, но им пользовались только его родственники и знакомые. В бывшем Советском Союзе для многих языков были созданы письменности на базе русского алфавита. Над ними работал коллектив учёных-лингвистов.

Изобретение новой письменности — это великий акт творчества, часто определяющий культурное и политическое развитие народа (конечно, в том случае, если эта письменность распространилась и сохранилась). Создателей письменностей почитают, причисляют к лику святых... Иногда честь создания алфавита приписывают великим правителям, хотя они редко создают что-либо сами

Про большинство письменностей нельзя сказать, что их кто-то изобрел Например, греческое или китайское письмо никто не придумал; оно создавалось и совершенствовалось в течение долгих веков многими людьми Да и у письма в целом, насколько можно судить, единственного создателя не было, как у колеса и многих других важных для человечества изобретений.

РЕФОРМЫ ОРФОГРАФИИ

Как бы ни жаловались современные школьники на коварство русской орфографии, им все же приходится легче, чем их прабабушкам и прадедушкам, заучивавшим наизусть списки исключений с буквой **ѣ**. Несколько реформ русской орфографии значительно ее упростили. Гораздо труднее английским школьникам. Существенной перестройке английская орфография подверглась только однажды — в XI в., после нормандского завоевания. Расхождения в произношении и написании отмечаются в XV столетии, когда появились первые печатные английские книги. В наши дни эта разница настолько велика, что про английскую орфографию шутят: «Пишется Манчестер, читается Ливерпуль». Известна и другая шутка, принадлежащая Бернарду Шоу: абсурдность английского правописания такова, что слово *fish* («рыба») могло бы выглядеть и как *ghoti* так как звук [f] можно записать буквами ***gh***, как в *enou**gh***, звук [i] — ***o***, как в *w**o**men*, звук [ʃ] — ***ti***, как в *na**ti**on*.

Хорошо известна легенда о том, почему французская орфография так громоздка. Средневековые грамотеи подрабатывали на рынках тем, что составляли письма на заказ и брали плату за каждую строку. Якобы поэтому, чтобы удлинить текст, они нередко добавляли к словам лишние нечитаемые буквы.

Бернард Шоу содействовал упрощению английской орфографии весьма оригинальным способом: он оставил по завещанию премию в 10 тыс. фунтов стерлингов тому, кто предложит новую орфографию для английского языка.

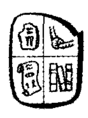
В 1959 г. в Англии разработали алфавит для начинающих читать, включавший 44 знака на основе английских букв. Его автор — Джеймс Питман, внук изобретателя одной из распространенных систем стенографии. Этот алфавит как вспомогательный при обучении чтению ввели в порядке эксперимента в некоторых начальных школах Англии. Вот как выглядит вывеска одной из таких школ: *Rokseth Priemery Skwl* («Roxeth Primary School»). Результаты эксперимента оказались неоднозначными. Одни учителя положительно оценили новшество, другие же посчитали, что это лишь заморочит детям голову.

Идею вспомогательного алфавита использовали и в Китае, где проблема орфографии стоит особенно остро. В китайском письме около 50 тыс. иероглифов, из которых активно употребляются 5—7 тыс. С XVII в. предпринимались попытки введения алфавита. В 1958 г. был принят единый китайский алфавит на латинской основе из 26 букв. Его применяют на почте, телеграфе, в рекламе, учебных текстах. Однако всеобщий переход с иероглифики на новый алфавит пока что невозможен. Китайский язык объединяет множество диалектов, настолько различающихся, что жители севера не понимают жителей юга, а иероглифическое письмо понятно всем грамотным китайцам! Переход на новый алфавит станет возможным, только если повсюду в Китае утвердится единый литературный язык. Проблема ещё и в том, что отказ от традиционной системы письма потребует перевода на новую систему всей многовековой литературы этого народа.

И все же переход к алфавитному письму для китайцев — неотложная задача. Ведь из-за того что овладеть китайской письменностью очень трудно, образование по-прежнему доступно немногим. Необходимо сделать письмо демократичным, а для этого нужна реформа. Такие реформы были проведены во Вьетнаме (1918 г.), в Северной Корее (1947 г.), в Южной Корее (1973 г.). Ранее в этих странах пользовались китайской иероглификой. Теперь же вьетнамцы пишут латиницей, а в Корее ввели собственное слоговое письмо.

Эффективную реформу письма, ограничившую употребление иероглифов, провели и в Японии в 1946 г. Здесь были разработаны правила смешанной записи слов — иероглификой и звуковым письмом. В результате старый книжно-письменный язык сменился более демократичным, современным.

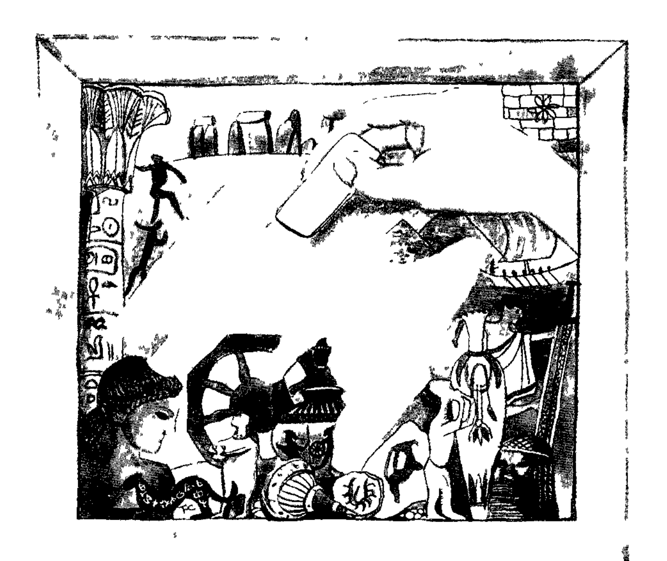
Пушкин когда-то назвал орфографию «геральдикой» письма. Чем изощреннее, причудливее написания, тем аристократичнее письмо. Постичь его правила нелегко, это доступно только элите, которая оберегает таины от непосвященных. И напротив, демократичное письмо требует простоты, ясности. Такое письмо доступно каждому и делает знания достоянием всех.



ЗАГАДОЧНЫЕ ПИСЬМЕНА

СЛЕДЫ ИСЧЕЗНУВШИХ КУЛЬТУР

Время стирает с лица земли города, страны, целые народы, так что даже память о них часто исчезает. Шумеры, хетты, минойцы. . Однако среди обломков разрушенных цивилизаций сохранились загадочные письмена. Если постичь их тайну, зазвучат замолкшие голоса и языки, которые расскажут о жизни исчезнувших народов.

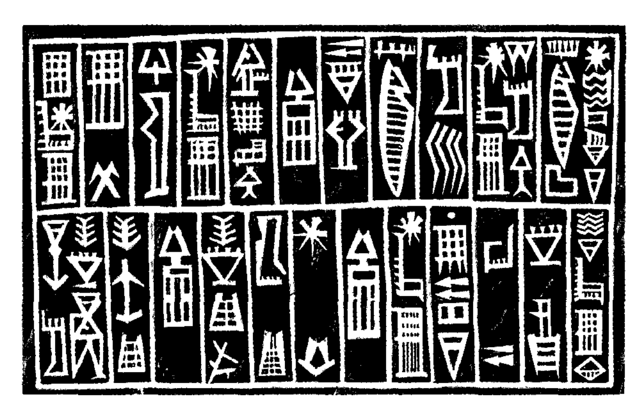


Первыми изобрели письмо шумеры: вначале это было не звуковое, а смысловое письмо — пиктография. Постепенно рисунки становились знаками слов, появились ребусные написания: словесный знак стали использовать для того, чтобы обозначить другое слово со сходным звучанием, но иное по значению. Связь между формой знака и смыслом слова ослабевала; письмо приближалось к записи звучащей речи Изображения знаков все больше схематизировались и превращались в угловатые гвоздеобразные начертания — клинопись.

Шумерскую клинопись переняли аккадцы — семитский народ, населивший Междуречье к началу II тысячелетия до н. э, а потом и другие народы. Шумеры рассеялись среди семитского населения. Их разговорный язык вышел из употребления, сменившись аккадским, но письменный сохранился — его изучали в школе, на нём составляли документы, художественные тексты, вели официальную переписку Шумерский язык использовался 3 тыс. лет и был своего рода латынью Древнего Востока. Звучание этого языка известно современным людям благодаря сохранившимся школьным словарикам, где шумерское произношение передавалось с помощью знаков аккадского языка.

Основные понятия шумеры обозначали словами простыми и короткими: *а* —‘вода’, *э* — ‘дом’, *ама* — ‘мать’, *лу* — ‘человек’, *ан* — ‘небо’, *ки* — ‘земля’. *гал* — ‘большой’, ‘великий’... А из них строились другие. *ан-ки* — ‘вселенная’ (‘небо’ + ‘земля’), *лу-гал* — ‘правитель’, ‘царь’ (‘человек’ + ‘большой’), *э-гал* — ‘дворец’ (‘дом’ + ‘большой’), *э-дуба* — ‘школа’ (‘дом табличек’). Шумерские существительные склоняются, глаголы спрягаются. Тем не менее шумерский язык не похож ни на один из известных языков — хотя бы настолько, чтобы найти ему родственный Он был восстановлен после того, как ученые смогли прочитать аккадскую клинопись, что в свою очередь оказалось возможным после дешифровки древнеперсидской клинописи. Клинопись была широко распространена на Древнем Востоке и использовалась во многих языках Но в начале новой эры она вышла из употребления и понимать её перестали. Прочесть её вновь сумели лишь в XIX столетии, когда начались раскопки в Междуречье и были открыты дворцы и храмы, школы и библиотеки — хранилища глиняных табличек.

Современному человеку порой кажется, что тысячелетия истории — это непреодолимая пропасть, несоизмеримая с нашей жизнью, а человек Древнего мира убог и примитивен. Но это лишь иллюзия. Труд археологов и дешифровщиков открыл для нас человека древнего Междуречья. И в те далёкие времена ему, как мы узнаем



Староаккадская надпись царя Шаркалишари

из «Сказания о Гильгамеше», так же были ведомы страсть к приключениям и жажда познания, страх смерти и мечта о бессмертии:

Разве навеки мы строим дома?
Разве навеки мы ставим печати?
Разве навеки делятся братья?
Разве навеки ненависть в людях?

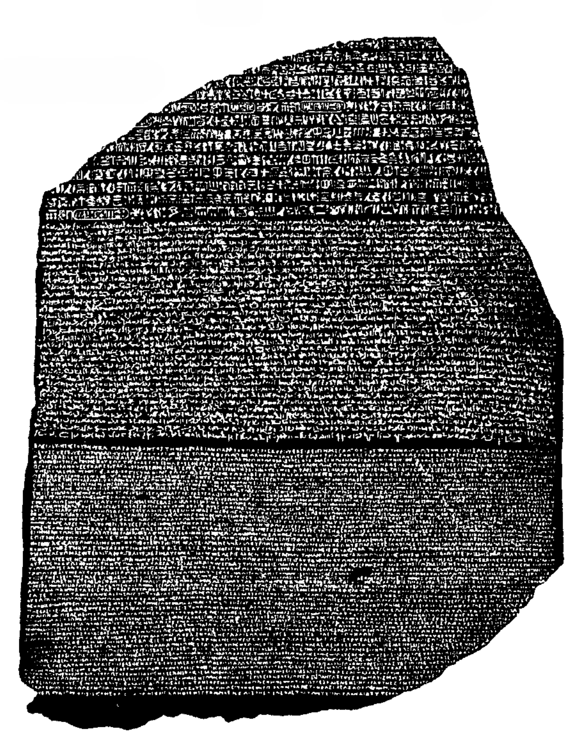
Шумеры обрабатывали землю, слагали поэмы и строили города. В этих городах возвышались величественные дворцы и зиккураты — ступенчатые храмы-пирамиды, сиявшие на солнце белой, алой, золотой и серебряной эмалью. Этот мир был ярок и богат, его люди — красивы, трудолюбивы и изобретательны. Они пережили Всемирный потоп, многие завоевания и ушли, оставив миру своё великое изобретение — письмо.

Из древнего Междуречья, от шумеров и ассирийцев, через дедов к внукам дошли до нас и счёт времени, основанный на их магических числах — 7, 12, 60, 360, и праздник Нового года, и извечные премудрости· «Лучше с учёным таскать камни, чем с глупыми пить вино»; «За добро воздастся добром, за зло воздастся злом»; «Роющий яму другому сам в неё и провалится» (это из ассирийской «Повести об Ахикаре Премудром»; предположительно VII в. до н. э.).

Шумерская и аккадская письменность была забыта, потому что создавшие её народы исчезли с лица земли. В других случаях народы прошли через века, но утратили связь со своей древней культурой и письменностью. Так было с египтянами, индейцами майя и жителями острова Пасхи. С приходом завоевателей начинался упадок культуры, новая религия распространялась, уничтожая священные памятники местной письменности. Последние жители острова Пасхи, понимавшие знаки письма ронго-ронго, умерли, по-видимому, задолго до конца XIX в.

Памятники древнеегипетской письменности — величественные стелы с надписями, иероглифы, сопровождающие изображения на стенах дворцов, древние папирусы — издавна тревожили воображение путешественников и учёных, пытавшихся проникнуть в тайну, которую охраняли горделивые фигуры загадочных ибисов и львов, змей и сов. Рисуночная форма знаков наводила на мысль об их чисто смысловом, а не звуковом значении. Греческий учёный Гораполлон, живший в IV в., пытался дать им аллегорические толкования. Знаку коршуна он приписывал значение 'мать' — считалось, что среди коршунов бывают только самки; изображению гуся — значение 'сын', утверждая, что гусь любит своих детей больше, чем остальные животные, изображение свиньи толковал как обозначение грязного человека. Мнение Гораполлона оставалось неоспоримым в течение тысячи лет. И даже проницательный иезуит, учёный и изобретатель Афанасий Кирхер, друг великого немецкого мыслителя Готфрида Вильгельма Лейбница, занимавшийся египетскими иероглифами в XVII в, разделял и развивал идеи Гораполлона. Однако А. Кирхер сделал важный шаг к дешифровке египетского письма. он предположил, что язык коптов (немногочисленных египетских христиан) — потомок языка древних египтян, и издал коптскую грамматику и словарь. Французский учёный Жан Франсуа Шампольон (1790—1832), дешифровавший впоследствии древнеегипетские иероглифы, использовал коптский язык как ключ к древнеегипетскому

Египетские древности особенно завладели умами ученых на рубеже XVIII—XIX вв, когда во время египетского похода Наполеона в 1799 г. близ города Розетта (ныне город Рашид в Египте) был найден так называемый Розеттский камень — чёрная базальтовая плита с тремя надписями, выполненными знаками трёх письменностей. Одну сразу сумели прочесть образованные французские офицеры: она была составлена на древнегреческом языке в 196 г. до н. э В ней жрецы города Мемфиса восхваляли египетского царя Птолемея Эпифана, говорилось также, что текст записан «священными, туземными и эллинскими буквами». Так был найден долгожданный ключ к дешифровке — *билингва* (от *лат.* bi – «двойной» и lingua — «язык»), памятник письменности, в котором один и тот же текст дан на двух языках (точнее, здесь речь идёт о *трилингве* — ведь надписей было три).



Розеттский камень. II в до н. э.

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ. ПОДГОТОВКА К ДЕШИФРОВКЕ

Потребность раскрывать тайны заложена в природе человека... Большинству вполне хватает детективных романов и кроссвордов, и лишь немногие находят своё призвание в разгадывании шифров.

Дж. Чедвик

Многие забытые системы письма на протяжении XIX—XX вв. были разгаданы дешифровщиками, и в каждом случае перед ними стояла особая задача — в зависимости от имевшегося в их распоряжении материала. Кажется, трудно найти единые принципы и методы или хотя бы опорные моменты для дешифровки. Однако они существуют.

Возможны три варианта. Первый: известен язык и неизвестна письменность. Это собственно *дешифровка* (от *франц.* dé chiffrer — «расшифровывать») — подобную задачу решал Шерлок Холмс, читая послание, составленное из изображений пляшущих человечков. Вариант второй: язык неизвестен, письмо известно. В этом случае говорят об *интерпретации*, т. е. толковании, разъяснении смысла написанного. Если русский человек будет пытаться понять текст, написанный, например, на узбекском языке, он окажется в положении интерпретатора: письменность (кириллица) ему известна, а язык — нет. И наконец, третий, самый сложный вариант: неизвестны ни письменность, ни язык.

Впрочем, дешифровщик не всегда знает, с каким именно случаем он имеет дело. Так, неизвестный язык может оказаться известным: при дешифровке Майклом Вентрисом линейного письма Б, использовавшегося на острове Крит, неизвестный язык оказался греческим. Для неизвестного языка могут быть известны близкородственные языки, что облегчит задачу дешифровки.

Особо сложной бывает расшифровка *криптограммы* (от *греч.* «kryptos» — «тайный», «скрытый» и «gramma» — «письменный знак»). Специфика криптограмм заключается в том, что это — тайнопись, цель её — скрыть информацию от непосвящённых, хотя вообще цель письменности — распространять информацию. Поэтому криптограмма специально усложняется, в то время как письменность в общем стремится к простоте, её сложность ненамеренная. В криптограммах используются шифры, с помощью которых кодируются тексты на известном языке. В древности часто зашифровывались священные

Представьте себе, что вы нашли билингву: один текст вам понятен, другой записан неизвестными знаками. Как вы будете действовать? По-видимому, если в известном тексте есть имена собственные, попытаетесь найти их соответствия в неизвестном тексте. Так же действовали и первые дешифровщики Розеттского камня — французские офицеры. Первые попытки прочесть неизвестные знаки были сделаны... с помощью циркуля и линейки. В греческом тексте упоминались имена царей, их и попытались найти в «туземной» надписи (она лучше сохранилась), перенеся пропорционально их позицию из греческого в «туземный» текст. Благодаря повторам кое-что удалось угадать верно. Этим же приёмом впоследствии воспользовались и учёные, однако дальше звуковых значений некоторых знаков дело не пошло. Преградой оказалось то, что далеко не все знаки были звуковыми, а как угадаешь значение иероглифа? Значительно продвинулся в дешифровке английский физик Томас Юнг, на досуге занимавшийся разгадыванием египетской письменности. Однако он считал её несовершенной и не увидел в ней упорядоченной логической системы. Успеха добился лишь Жан Франсуа Шампольон — лингвистический гений XIX столетия, как назвали его современники.

ХЕТТЫ — ПЕРВЫЕ ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ

В начале XIX столетия швейцарский путешественник и исследователь Востока Иоганн Буркхардт в сирийском городе Хама увидел на базаре камень, покрытый причудливыми рисунками, которые были похожи на иероглифы, но отличались от египетских. Буркхардт еще не знал, что это хеттские иероглифы. В то время о хеттах было известно крайне мало — только по скудным упоминаниям в Библии. Лишь спустя 60 лет, в 1872 г., этот и другие хаматские камни удалось перевезти в Стамбул, преодолев отчаянное сопротивление местного населения, почитавшего их как священные реликвии. Оттуда оттиски надписей попали в Британский музей и стали достоянием ученых всего мира.

Вскоре хеттские материалы пополнились надписями и статуями, обнаруженными при раскопках древнего Каркемыша — центрального города хеттов в Северной Сирии. Изображения хеттских царей и воинов отличались от египетских или ассирийских: безбородые лица, обувь с загнутыми кверху носами, своеобразные одежда, головные уборы, вооружение. Английский востоковед и путешественник Арчибалд Генри Сеис (1845 или 1846—1933), сопоставив находки с высеченными в скалах скульптурами и надписями, которые он встречал во многих районах Малой Азии, подтвердил высказанное ранее предположение, что они принадлежат хеттам. Он пришел к выводу, что хетты были могущественным народом, а их держава занимала обширные территории Малой Азии. Сенсационное заявление Сеиса вызвало недоверие в ученом мире, и сам он получил прозвище Изобретателя Хеттов.

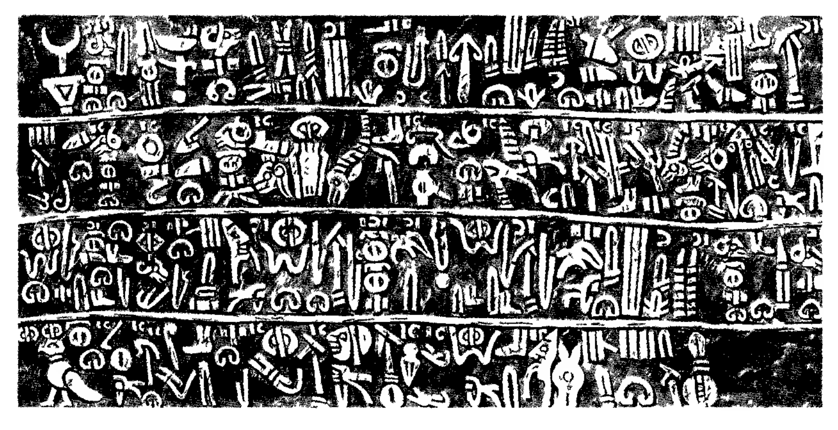
Другим письменным свидетельством того, что хеттская цивилизация действительно существовала, стали для Сейса древние печати с параллельными иероглифическими и клинописными текстами. Клинопись могла послужить ключом к дешифровке, но она скрывала неизвестный язык. Единственным указанием были аккадские гетерограммы, означавшие 'царь', 'страна'. Благодаря им Сейсу удалось определить значения соответствующих иероглифических знаков. Он предположил, что клинопись и иероглифы на печатях представляют один язык, причем не семитский.

Толчком к новым открытиям послужили раскопки в районе турецкой деревни Богазкей, стоявшей на месте древней столицы хеттов Хаттушаш. В 1905—1912 гг. удалось обнаружить архив Хеттского царства на табличках, исписанных клинописью — частью по-аккадски, частью на нечитаемом клинописном хеттском.

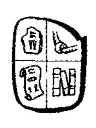
Перед самым началом Первой мировой войны, в 1914 г., в Стамбул для работы над новыми текстами отправился молодой чешский семитолог Бедржих Грозный (1879—1952), известный своими работами о культуре и хозяйстве древних вавилонян. Анализируя клинописные таблички, он обратил внимание на фрагмент, содержавший шумеро-вавилонскую идеограмму 'хлеб'. Слоговые знаки в аккадских звуковых значениях складывались в узнаваемые слова: *nu* «хлеб»-*an ezzateni wadar-ma ekuteni*.

В самом деле, если ***-an*** — окончание дополнения, то *ezzateni* можно сопоставить с древневерхненемецким *ezzen*, с современным немецким *essen* и русским *есть*, *wadar* сопоставимо с древненижненемецким *watar* 'вода' (сравните с английским *water*). Фраза, восстанавливаемая шаг за шагом, поражала простотой структуры и законченностью мысли: *«Ныне ешьте хлеб ваш и воду вашу пейте»* — так перевел ее Б. Грозный. Используя методы этимологии, т. е. устанавливая соответствия хеттским словам и грамматическим формам в других индоевропейских языках, ученый смог понять хеттскую клинопись. Так был открыт хеттский язык — древнейший письменно зафиксированный индоевропейский язык. Заодно подтвердилось предположение великого швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра о том, что в праиндоевропейском языке существовал особый звук, не засвидетельствованный ни в одном известном индоевропейском языке, — этот звук был обнаружен в хеттском.

Дешифровка открыла мир хеттов — народа с высокоразвитой культурой, основавшего в XVIII в. до н. э. мощную державу, которая просуществовала около семи веков. Хетты были воинственным народом, их государство соперничало с Египтом за влияние в Передней Азии. Оно держалось на строгой дисцип-



Хеттское письмо



лине и коллективном управлении, которое осуществлял совет знатных воинов. Царь был лишь одним из них, принятые законы являлись обязательными для всех, в том числе и для него. Могущество и процветание хеттов обеспечивались благодаря производству железа и коневодству.

Прочтение хеттской клинописи привело еще к одному неожиданному открытию, которое сделал швейцарский языковед Эмиль Форрер. В богазкейских табличках за хеттской клинописью скрывался еще один язык, не индоевропейский: фрагменты текста на этом языке предварялись словом *хаттили*, т. е. «по-хаттски», на языке страны Хатти Получалось, что неизвестные до сих пор хатты и были коренными жителями этой страны, а хетты-индоевропейцы не настоящие хетты, а пришельцы, завоеватели, усвоившие культуру хаттов. О самих хаттах и их языке до сих пор известно крайне мало. Предполагается, что хаттский язык родствен западнокавказским (абхазско-адыгским) языкам.

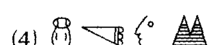
Хетты заимствовали клинопись у аккадцев приблизительно в XIX—XVIII вв. до н. э., приспособив ее к своему языку. Кроме этого они изобрели и свою письменность — иероглифическую. Трудами многих ученых — И. Гельба, П. Мериджи, Э. Форрера, Х. Боссерта, Б. Грозного — хеттская иероглифика была дешифрована. Правильность дешифровки была подтверждена находкой в Каратепе́ (Черной Горе), в Турции, хеттско-финикийской билингвы. Ее посчастливилось обнаружить немецкому исследователю Хельмуту Боссерту в 1947 г. Как выяснилось впоследствии, иероглифическое письмо представляло лувийский язык, близкий к хеттскому. Однако по установившейся традиции это письмо называется иероглифическим хеттским.

Дешифровка иероглифического хеттского письма, продолжавшаяся около 80 лет, осложнялась скудостью материала. Хетты писали иероглифами на деревянных дощечках, которые не дошли до наших дней. Сохранились лишь немногие тексты, в основном на камне, глине и металле. Но и по ним можно видеть, что хетты были изобретательным, жизнерадостным и общительным народом.

ХЕТТСКИЕ ИМЕНА

Ключом к дешифровке хеттской письменности послужило предположение, что в текстах могут встречаться названия некоторых стран и городов, расположенных на той же территории, где были найдены сами памятники. В частности, были известны названия стран (или областей): *Хамату* и *Палаа*, названия городов: *Куркума*, *Туванава* и имена двух царей, по-видимому правивших в той стране, где были созданы исследуемые тексты: *Варпалава*, *Таркумува*.

1. Решите задачу, которая (хотя и в гораздо более трудной форме) стояла и перед дешифровщиками: определите, какая из приведенных ниже записей соответствует каждому из перечисленных выше имен собственных:



2. Запишите в данной письменности: *Парта* (имя царя, также правившего в то время в Передней Азии), а также *Артур* (имя короля) и современные географические названия *Тарту*, *Тува* и *Нарва*.

ЧИТАЙТЕ ПО-АРМЯНСКИ

Решение можно начать с группировки названий *сент-**ябрь**, окт-**ябрь**, но-**ябрь**, дек-**абрь***, сравните: **դեկտեմբեր, նոյեմբեր, հոկտեմբեր, սեպտեմբեր.** Группируются также *июнь*, *июль* (հունիս, հուլիս), *март*, *май*... Следует иметь в виду: точно установить по данным задачи произношение армянских названий месяцев нельзя. Наиболее близкий к правильному ответ: հունվար — *январь* [июнвар], փետրվար — *февраль* [фетрвар], մարտ — *март* [март], ապրիլ — *апрель* [апре^{и}л], մայիս — *май* [майе^{и}с], հունիս — *июнь* [июне^{и}с], հուլիս *июль* [июле^{и}с], օգոստոս — *август* [а^{о}гостос]: сравните սեպտեմբեր — *сентябрь* [септембер], հոկտեմբեր — *октябрь* [иоктембер], նոյեմբեր — *ноябрь* [нойембер], դեկտեմբեր — *декабрь* [дектембер].

Привлекая к анализу английские, немецкие, французские и другие иностранные названия, можно предложить и другие варианты чтения некоторых букв. Например, **հ** может читаться как **дж** в английском или **ж** во французском (в действительности это звук, подобный английскому и немецкому [h]. Соответственно армянское **ու** = **у**, **ի** = **и**, **օ** = **о** в начальной позиции).

ХЕТТСКИЕ ИМЕНА

1. Легко устанавливается слоговой характер письма: в каждом слове число слогов равно числу знаков минус единица.

Обратите внимание на надпись (2): в ней повторяются подряд два очень похожих значка. Предположим, что это *Куркула*. Тогда черточка означает, что слог кончается на **р.** Отсюда (5) — *Таркумува*, (1) — *Варпалава*, (4) — *Палаа*, (3) — *Туванава*, (6) – *Хамату*.

Знаки 𒀀, 𒀀 и 𒀀 не читаются и присоединяются соответственно к именам царей, названиям стран и названиям городов. Знак 'страна' похож при этом на удвоенный знак 'город'. Эти знаки являются иероглифами.

2. [знаки] — *Парта;* [знаки] — *Артур;* [знаки] — *Тарту;* [знаки] — *Тува;* [знаки] — *Нарва.*

ИМЯ ЦЕЗАРЯ

Криптографию (от *греч.* «kryptos» — «тайный», «скрытый» и «grápho» — «пишу»), или тайнопись, широко использовали в Древнем мире. Петербургский специалист по дешифровке Елена Савенкова, ссылаясь на свидетельство римского историка Светония (около 70 — около 140), приводит криптограмму, которой Гай Юлий Цезарь записывал свое имя:

kdmzx mzomzx tdhxdu

1. Расшифруйте имена великого римского поэта *(iodtfzx lrudymzx)* и древнегреческого ученого *(xhayzx hpsmumfzx)*, записанные тем же шифром.

2. Восстановите латинский алфавит эпохи Юлия Цезаря.

3. Запишите этим же шифром имя римского императора Августа

ПОРОСЯЧЬЯ ЛАТЫНЬ

В начале XX столетия английские школьники придумали тайнопись, названную «Hog Latin» («поросячья латынь»).

Попробуйте расшифровать английский текст, записанный «поросячьей латынью».

Atthay atfay anmay atsay onay ymay athay.
Eshay anay adbay anmay. Atsthay anay actfay.

магические тексты. Полагают, что одной из систем тайнописи были древнегерманские руны.

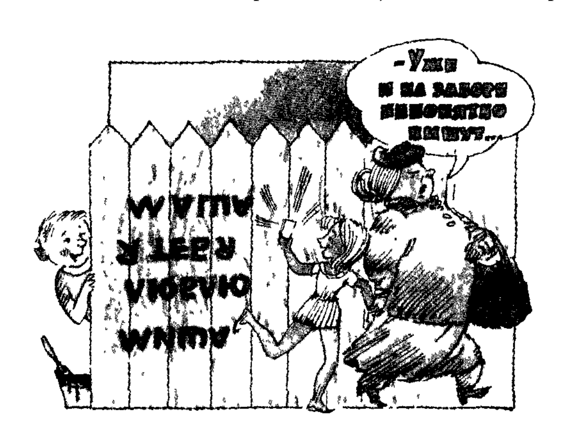
В наши дни криптограммы создают и расшифровывают секретные спецслужбы. Но не только. Часто секретные коды изобретают отдельные группы людей, которым надо сохранить от остальных общую тайну, — заговорщики, воры. Это могут быть и особые письменные языки, использующие шрифты для замены письменных знаков — букв, и особые устные языки, использующие замены слов.

Дешифровке неизвестной письменности предшествует этап палеографического или эпиграфического анализа (*палеография* изучает рукописи, *эпиграфика* — все остальные тексты, например нацарапанные на камне). Сначала выделяют письменные знаки — *графемы*, затем устанавливают варианты их написания — *аллóграфы* (от *греч.* «allos» — «другой», «иной» и «graphe — «начертание»), в результате определяют используемый набор знаков.

Задача не так проста, как представляется на первый взгляд. Порой варианты одного знака могут различаться между собой больше, чем разные знаки. Так, для русского письма ***Д, д, g*** — варианты (аллографы) одной буквы, а ***ш, т*** или ***и, п, н,*** часто с трудом различимые в рукописном тексте, представляют разные буквы. Для русского письма ***р, р, р*** — варианты написания одной буквы, а для армянского — три буквы, обозначающие звуки [р], [и], [тх]. При этом знак может выглядеть по-разному в различные исторические эпохи или в различных местностях. Итак, похожие написания могут оказаться разными знаками, и наоборот. Нужно использовать более надёжные критерии, чем сходство начертания: сочетаемость знаков, частоту их употребления, позицию в слове и т. д.

Палеографический анализ помогает также установить время появления надписей и текстов, что позволяет связать их с конкретными историческими событиями и персонажами. Известные из истории имена царей, названия стран и городов могут стать первой зацепкой для дешифровки.

Одна и та же письменность может иметь несколько форм, разных по назначению. Так, обычно официальное письмо отличается от скорописи. В Древнем Египте использовали *монументальное* — официальное иероглифическое письмо, *иератическое* (от *греч.* «hieratikos» — «жреческий») — письмо жре-



цов, *демотическое* (от *греч* «demotikos» — «народный») — народное письмо, причём две последние формы внешне сильно отличались от первой.

Следующая задача дешифровки неизвестной письменности — установить характер письма. Может оказаться, что перед нами в принципе нечитаемое письмо — пиктографическое. Знаки (а точнее, рисунки) такого письма не связаны с языком и напрямую выражают мысль.

На пиктограммы могут быть очень похожи (поскольку происходят от них) словесные знаки — *логограммы* (от *греч* «logos» — «слово»). Да и более поздние слоговые знаки — *силла́бемы* (от *греч.* «sillabe» — «слог»), которые произошли из словесных, нередко сохраняют их форму, хотя уже давно изменили значение и служат не для обозначения смысла слов, а для записи их звучания. Поэтому определить тип письменности бывает очень непросто.

Сходство со знаками известных письменностей может оказаться случайным, хотя заимствование системы письма у другого народа — достаточно распространённое явление. Так, большое количество (около 100) общих или сходных по форме рисуночных знаков, изображающих человека, животных, растения, было обнаружено в письменности острова Пасхи и в протоиндийской письменности. Эти системы письма разделяет несколько тысячелетий истории и несколько тысяч километров в пространстве, поэтому вряд ли речь может идти о заимствовании. Просто разные народы похоже изображали звезду, человека, рыбу и т. п. Совпадение нерисуночных, условных знаков в разных письменностях тоже может привести к ложным выводам (сравните, например, русские и латинские ***р, п, т, в*** и др.). Знак «О» встречается во многих письменностях: в русском он произносится как [о], в нумидийском как [р], в индийском письме брахми как [тха], в корейском как [н], в бирманском — [ва], в ликийском — [у] и т. д. Знак «+» в кипрском — слог [ло], в брахми — [ка], в англосаксонских рунах — [дж], в древнегрузинском алфавите — [к]. Попробуйте сами изобрести алфавит: вы обнаружите, что довольно трудно отказаться от привычных знаков, не использовать простые геометрические формы.

Ещё очень важно при дешифровке неизвестной письменности определить направления письма. Разные письменности используют различные способы написания: пишут не только слева направо, но и справа налево (арабская, и́диш, иври́т), а иногда ещё и сверху вниз (китайская, японская) или слева направо, но столбиками сверху вниз (корейская). В древних

ПИСЬМЕННОСТИ ИСПОЛЬЗУЮТ РАЗНЫЕ СПОСОБЫ

ЫБОСОПС ЕЫНЗАР ТЮУЗЬЛОПСИ ИТСОННЕМЬСИП

П И Р
И С А
С П З
Ь О Н
М Л Ы
Е Ь Е
Н З С
Н У П
О Ю О
С Т С
Т   О
И   Б
    Ы

ПИСЬМЕН
СИИТСОН
ПОЛЬЗУЮТ
ОПСЕЫНЗАР
СОБЫ

О Р П Н П
С А О О И
О З Л С С
Б Н Ь Т Ь
Ы Ы З И М
  Е У И Е
  С Ю С Н
  П Т

СПОСОБЫ РАЗНЫЕ ИСПОЛЬЗУЮТ ПИСЬМЕННОСТИ

письменностях случалось, что на одном языке писали разными способами например, древнеегипетские надписи обычно помещали в столбик, но иногда и в строчку; нередко это зависело от характера памятника, от расположения изображений, которые сопровождались надписями. При этом знаки письма группировались по два-три в квадраты, внутри которых могли помещаться друг под другом или друг за другом, создавая уравновешенную композицию. Хетты же не слишком стремились упорядочить расположение иероглифических знаков: у них знаки как бы плавают между строк, линейная последовательность нарушается, и часто неясно, в каком порядке их читать.

Во многих системах письма использовался *бустрофедо́н* (от *греч.* «bus» — «бык» и «strépho» — «поворачиваю») — такое расположение знаков, при котором направление письма менялось от строки к строке, подобно движению

ЖАН ФРАНСУА ШАМПОЛЬОН

«Только вдохновение — вот истинная жизнь» — эти слова были девизом Жана Франсуа Шампольона. Он родился в 1790 г. на юге Франции в городе Фижаке в тревожное время революций и войн. Незадолго до рождения Шампольона его родителям было предсказано, что их сын принесет славу Франции.

Свою жизнь, полную неустанного труда и необыкновенных приключений, Шампольон подчинил одной идее, одной цели — постичь тайну египетских иероглифов. Впервые он увидел египетские древности 11-летним мальчиком в коллекции знаменитого французского математика Жана Батиста Франсуа Фурье, к которому его привел старший брат историк Жак Жозеф. С той поры Жан Франсуа проникся страстной мечтой разгадать тайну древнего письма и убеждением, что он сумеет это сделать.

В 16 лет Шампольон выступил с докладом о своем труде «Египет при фараонах» в Гренобльской академии, после чего был избран ее членом. Вскоре он отправился в Париж, где познакомился с текстом Розеттского камня, одного из трофеев Наполеона (с 1812 г он хранится в Британском музее), и занялся восточными языками, в первую очередь коптским. «Я говорю по-коптски с самим собой», — писал Шампольон. Он был уверен, что коптский язык поможет понять древнеегипетский. Это мнение разделяли и другие ученые. Впервые применил коптский ключ к чтению надписей на Розеттском камне шведский археолог Юхан Давид Окерблад. Он попробовал найти звуковые чтения знаков, передававших имена собственные в «туземной», или демотической (т. е. народной), письменности, и на их основе сумел прочесть некоторые слова, известные ему из коптского языка, а также определить показатель 3-го лица — демотический знак ϥ, соответствующий коптской букве ϥ с чтением [ф] и со значением 'он', 'его'. Дальше Окерблад продвинуться не сумел, да и авторитетные ученые-филологи того времени его не поддержали.

В 18 лет Шампольон вернулся в Гренобль профессором истории и уже через год сделал доклад в Гренобльской академии о своей теории египетской письменности. Тщательно изучив египетские папирусы, он выяснил, что египтяне использовали три разновидности письменности, а не две, как считалось раньше. В дальнейшем он установил, в какой последовательности возникли эти разновидности: самая древняя — иероглифическая, из нее при письме на папирусе развилась упрощенная иератическая (т. е. жреческая), как ее назвал Шампольон, а затем демотическая (народная) разновидность египетского письма.

Вскоре Шампольон сделал открытие в области иероглифики. Из анализа текста Розеттского камня он сумел установить тождество уже знакомого нам демотического знака ϥ, читающегося как [ф], с иероглифическим знаком рогатой змеи 𓆑. Так он получил первое звуковое чтение иероглифа.

Дальнейшие исследования прервала война. Воодушевленный возвращением Наполеона с острова Эльба, Шампольон примкнул к восстанию против Бурбонов в Гренобле. После разгрома восстания Шампольон был вынужден бежать, скитаться в горах. Через некоторое время ему с братом удалось снова обосноваться в Гренобле. Лишенный политических прав и поддержки авторитетных ученых (многие из них оказались роялистами, т. е. приверженцами королевской власти), с подорванным здоровьем, зарабатывая на жизнь преподаванием в местной школе, Шампольон вновь обратился к работе над египетской письменностью. Он сопоставлял иероглифические, иератические и демотические знаки, собирал новые тексты и снова возвращался к Розеттскому камню. Сосчитав знаки в его иероглифической надписи, Шампольон обнаружил, что их в три раза больше, чем соответствующих греческих слов. Это ясно доказывало, что далеко не все иероглифы соответствуют словам и что многие из них обозначают части слов — слоги, а возможно, и отдельные звуки.

Шампольон разгадал смысл добавочных знаков на конце слова. он обнаружил знак звездочки после названий звезд и понял, что подобные знаки использовали для уточнения смысла слов, которые писались одинаково. Он назвал такие знаки *детерминативами* (от *лат.* determinare — «определять»), т. е. определителями, пояснительными знаками.

Когда в 1822 г. в руки Шампольона попали новые иероглифические надписи с греческими переводами,

Жан Франсуа Шампольон

он обнаружил в них имя царицы Клеопатры, которое сам восстановил с помощью иероглифов точно в таком же виде. Теперь у него было еще одно подтверждение того, что иероглифы могли иметь звуковые чтения и что эти чтения он определил правильно.

Сделать следующий шаг ему мешало убеждение, что древние египтяне могли использовать иероглифы в звуковом значении лишь на позднем этапе развития своего письма, чтобы передавать имена иноземных царей. Но однажды в копиях новых надписей он натолкнулся на необычные царские имена:

(1) (2)

Значение последнего знака имен было известно Шампольону из имени Птолемея на Розеттском камне — Птолмис (в египетской передаче). Первое имя начиналось со знака Солнца, которое по-коптски звучало [ре]. Но тогда скорее всего это имя знаменитого фараона — Рамсес [ре-м-с-с]! (Египтяне не писали гласных.) И неизвестный знак должен иметь чтение [м]. Второе имя начиналось со знака ибиса — священной птицы, олицетворявшей бога Тота. Если этот иероглиф и читался так же, то второе имя [тот-м-с] — имя фараона Тотмоса, или Тутмоса. Оба фараона правили в середине II тысячелетия до н. э. Теперь Шампольон имел неоспоримое доказательство того, что египтяне использовали иероглифы как звуковые знаки не только в поздний период своей истории, но и гораздо раньше. Потрясение от собственного открытия было столь велико, что едва переступив порог рабочего кабинета брата со словами «Я добился!», Шампольон потерял сознание...

20 лет понадобилось Шампольону, чтобы разгадать загадку египетских иероглифов. Когда через несколько лет во главе научной экспедиции ученый посетил Египет, он был первым, кто спустя тысячелетия читал надписи на обелисках и стенах гробниц страны пирамид.

Известие об открытии Шампольона вызвало бурную реакцию в Париже. По воспоминаниям современников, египетскими иероглифами стали писать даже любовные послания... В научном мире открытие Шампольона встретило признание лучших умов того времени и нападки недоброжелателей. Одни оспаривали лавры победителя, другие обрушивали критику на уязвимые места его теории.

Шампольон открыл консонантный алфавит древних египтян, которые обозначали на письме согласные, опуская гласные, но в этом алфавите было по нескольку знаков для одного согласного! Древнеегипетская письменность была скорее ребусной, чем буквенной. Слово *лютня*, например, обозначалось знаком и читалось [н-ф-р]. Тот же состав согласных имело и слово *прекрасный*. Используя для обозначения знак лютни (как в ребусе), писцы нередко добавляли к нему звуковые знаки-подсказки, дублирующие обозначение второго и третьего (или только третьего) согласного. Этим они указывали, что знак используется в звуковом, а не в смысловом значении. Таким образом, слово *прекрасный* могло записываться [н-ф-р], [н-ф-р-р] или [н-ф-р-ф-р] (чаще всего). Встречая написание, которое в алфавите означало только [н], Шампольон считал его сокращенным и интуитивно (также по ребусному принципу) восстанавливал правильное прочтение. Впоследствии уточнить эти особенности древнеегипетского письма удалось ученику Шампольона Карлу Рихарду Лепсиусу (1810—1884).

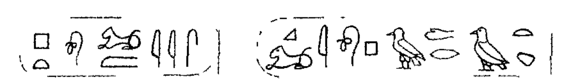
Оказаться в мире египетских иероглифов вам поможет задача, составленная на материале, с которым работал Жан Франсуа Шампольон.

ЕГИПЕТСКИЕ КАРТУШИ

В 1822 г. Жан Франсуа Шампольон сумел прочесть заключенные в овалы (царские картуши) имена Птолемея и Клеопатры. Это открытие позволило ему установить чтение некоторых древнеегипетских иероглифов.

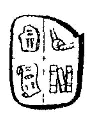
Вот эти картуши. Над ними указаны их чтения.

(p t o l m i s) *(k l e o p a t r a t + Det)*



Ниже даны в перепутанном порядке. титул *автократор*, имена *Траян, Александр, Тиберий, Германик.*

Установите соответствия. Попытайтесь записать египетскими иероглифами имя царицы Береники — *Брникат* в египетской передаче.



ЕГИПЕТСКИЕ КАРТУШИ

Установить звуковые соответствия египетских иероглифов не трудно. Можно отметить, что при написании знаки группируются и читаются в группах сверху вниз и в строке слева направо. Для согласного **т** в имени Клеопатра используются два разных знака: и . Гласные передавали знаками для согласных. Так, знак коршуна использовался для передачи звука [а]. Знаком для согласного звука [j] обозначали и звук [е], двумя такими знаками — звук [и]. Тогда надписи (1) и (4) восстанавливаются следующим образом:

(1) *а — л — ... — с — е — ... — т — р — ... Александр;*

(4) *а — ... — т — к — р — т — р автократор;*

Отсюда можно определить знаки — еще одно **к** и — **н.** Этих соответствии вполне достаточно, чтобы прочитать:

(2) *т — р — и — н — .. Траян;*

(3) *к — р — м — н — и — .. Германик;*

(5) *т — ... — л — и — с... Тиберий.*

Для того чтобы написать имя царицы Береники — *Брникат,* необходимо определить знак для **б,** что легко сделать из имени *Тиберий.* Для **к** можно использовать один из двух вариантов. Конец имени **-ат** с детерминативом, по-видимому, совпадает в именах Береники и Клеопатры.

Вариант имени Береники можно записать так:

На самом деле для первого звука этого слова использовали знак корзины с цветами , что более приличествовало имени царицы. Таким образом, в одном значении могли использоваться разные знаки. В действительности они соответствовали разным вариантам звуков, например [k] и [q].

быка при пахоте. Так писали хетты, критяне, этруски, жители острова Пасхи и вначале древние греки На знаменитом Фестском диске надпись расположена по спирали: причём учёные не сразу установили, что её надо читать от края к центру, а не наоборот. На направление письма могут указывать области сжатия текста (в конце строки, чтобы его вместить) и незаполненные места в строке. Рисуночные знаки (например, изображение головы в профиль) обычно повёрнуты к началу строки — это особенность самых разных письменностей.

Облегчает дешифровку разделение текста на слова. Обычно, если нет пробела между словами, используется знак словораздела, который надо уметь определить. Однако древние писцы часто не проставляли его или делали это нерегулярно. В наши дни разработаны алгоритмы разделения непрерывного текста на устойчивые блоки, соответствующие словам и даже частям слова — корню, суффиксу и другим, так что отсутствие словораздела уже не помеха для дешифровщика.

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ. СОБСТВЕННО ДЕШИФРОВКА

Определить используемые знаки, систему письма, направления письма, выделить словоразделы — всё это необходимо сделать перед дешифровкой Следующий этап — собственно дешифровка. И здесь успех во многом зависит от исходных обстоятельств — наличия билингвы, а также объёма текстов исследуемой письменности. Большинство удачных дешифровок прошлого опиралось на билингву либо подтверждалось её находкой. Так, правильность дешифровки Шампольоном древнеегипетского письма, отталкивавшейся от трёхъязычного текста Розеттского камня, была подтверждена многие годы спустя находкой новой билингвы — Канопского декрета.

Обычно в билингвах прежде всего стремятся обнаружить имена собственные — они дают ключ к прочтению знаков неизвестного письма. Если нет подлинной билингвы, изобретательные дешифровщики нередко применяют метод *искусственной билингвы.* Он основан на том, что во многих текстах используются готовые формулы, которые могут быть известны из более поздних текстов на языке, сохраняющем культурную традицию народа. Чаще всего это титулы царей, формулы обращения и приветствия, проклятия посягнувшим на святыни, фразы типа «я победил», «я ниспроверг», «я уничтожил», наконец, правильно угаданные имена царей, названия стран и городов. Этот метод применил немецкий лингвист Георг Фридрих Гротефенд (1775—1853), сопоставивший структуру неизвестного древнеперсидского текста с традиционной структурой более поздних царских надписей и определивший возможные имена царей. Этот же метод использовал англичанин Майкл Вентрис при дешифровке критского линейного письма Б, найдя таким образом звуковые соответствия греческим названиям критских городов. Аналогично действовал Аркадий Анатольевич Молчанов в своей версии дешифровки Фестского диска. Наконец, *квазибилингва* (от *лат.* quasi — «как будто», «будто бы») — не точный перевод, а пересказ текста на известном языке — также может служить опорой для дешифровки, хотя и менее надёжной, чем настоящая билингва.

ИМЯ ЦЕЗАРЯ

Если сопоставить имя и криптограмму, то получаются некоторые предположительные соответствия:

Г А Й ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ
k d m z x m z o m z x f d hxd u
g/h a j … … j u l j … … c/z a … a r

Шифр *d m z o u*
Имя *a j u l r*

Никакого содержательного принципа замены одних букв другими здесь не наблюдается. Можно предположить, что этот принцип замены чисто формальный, числовой — например, какое-то соответствие между порядковыми номерами букв в алфавите. В самом деле, $N_ш = N_и + 3$, где N — порядковый номер буквы в алфавите, *ш* — шифр, *и* — имя (за основу пока можно взять современный английский, или немецкий, или французский алфавит, сознавая, что он не будет полностью совпадать с искомым). Полученное соотношение верно для пар: ***d — a, m — j, o — l, y — r,*** но неверно для пары ***z — u,*** для которой, если ориентироваться на английский алфавит, получается: $N_ш = N_и + 5$. Значит, из четырёх букв — ***v, w, x, y*** — две лишние, их не было в первоначальном латинском алфавите. Нельзя исключить ***x,*** она встречается в шифре имени Цезаря, ***y*** встречается в задании. Исключаем ***v*** и ***w.*** По найденной формуле можно установить неизвестные значения.

Шифр k x f h
Имя h s c e

Для имени Цезаря восстанавливается следующая латинская форма: *hajus juljus caesar.*

Если восстановить имена из задания, получится:
iodffzx lrudymzu
flaccus ioratjus

Но имя римского поэта — Гораций. Вряд ли ***i*** — подходящая буква. Скорее здесь может стоять соседняя ***h.*** Значит, из двух букв — ***i*** и ***j*** — одной не было в латинском алфавите. Поскольку в шифре дано ***i,*** исключаем ***j.*** В результате изменяется и запись имени Цезаря, так как теперь ***m = i, k = j:*** *Gaius Iulius Caesar.*

Вот второе имя: *xh ayzx hpsmumizx*
se(x)tus empiricus

Подстановка ***x*** вместо ***a*** даёт имя древнегреческого учёного — Секст Эмпирик. Это доказывает, что ***z*** — последняя буква латинского алфавита, после которой не было никаких дополнительных букв.

В латинском алфавите эпохи Цезаря было 23 буквы: ***a, b, c, d, e, f, g, h, i, k, l, m, n, o, p, q, r, s, t, u, x, y, z.***

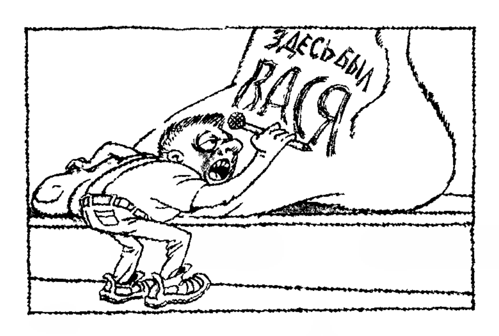
Последнее задание выполняется легко. Можно передать русское ***в*** через ***u,*** как в английском языке. Единственное затруднение — окончание ***-us,*** которое присутствует во всех формах имён, кроме формы *Caesar.*

Получаем: *d z k z x y (zx)*
a u g u s t (us)

(В латинском алфавите вместо ***u*** и ***v*** употреблялась одна буква.)

Билингва позволяет понять содержание текста и путём сопоставления собственных имён предположить, какие звуки обозначают графемы (хотя пользоваться этим методом нужно с осторожностью, так как произношение одних и тех же имён в разных языках может заметно различаться). Достоверность полученных фонетических значений может быть подкреплена перекрёстным чтением, если предположительное фонетическое значение некоторой графемы в слове подтверждается чтением в другом слове. Достоверное прочтение слова даёт в руки исследователю ряд установленных знаков, которые в свою очередь помогают прочесть новые слова и по цепной реакции определить новые знаки.

Однако не все знаки могут иметь фонетическую интерпретацию. Нередко приходится сталкиваться с нефонетическими знаками — *детерминативами* (от *лат.* determinare — «определять»), указывающими на класс понятий, к которому относится сопровождаемое ими слово (например, «страны», «города», «цари», «профессии», «растения», «деревянные предметы» и др.). Встречаются и знаки, заимствованные из других систем письма, — *гетерограммы* (от *греч.* «heteros» — «другой»). Например, гетерограммами в русском письме являются арабские цифры, а также общепонятные латинские словосочетания типа *et cetera* — «и так далее»; есть в нём и своеобразные детерминативы — заглавные буквы при именах собственных. Их нужно распознать, отличить от обычных графем. Разнородность знаков в одних случаях затрудняет чтение текстов, в других, напротив, помогает интерпретации их смысла: идеограммы, известные из других языков, служат



Дешифровку облегчают готовые формулы, встречающиеся в текстах.

ЗАГАДОЧНЫЕ РУНЫ

Руны, письмена древних германцев, использовались долгое время — со II—III вв. до Позднего Средневековья, когда их вытеснило распространившееся в Европе латинское письмо. Слово *руна* (rūna) в переводе с языка готов означает «тайна». Рунические надписи — на оружии, камнях, дереве — находят в разных концах Европы: в Германии, Шотландии, Скандинавии, Дании, Франции.

Необычна форма рунических знаков: их заострённые очертания мало похожи на буквы известных алфавитов. Однако это тоже алфавит, вернее группа алфавитов: старшие руны, младшие руны, англосаксонские руны. Их форма объясняется тем, что вначале руны вырезали на дереве и вертикальные линии легко ложились вдоль волокон. Необычен и порядок следования букв в алфавите: ***f, u, t^h, a, r, k***; а сам алфавит называется *футарк* — по первым шести буквам.

Начертания и порядок следования букв в алфавите указывают на его особое происхождение, не связанное с греческим или латинским письмом. В IV в. готский епископ Ульфила изобрёл для готского языка алфавит на греческой основе и перевёл на него Библию. Однако германские народы ещё много веков использовали руны как тайнопись. В наше время пытались возродить руны; фашистские идеологи объявили их германским изобретением, свидетельствующим о превосходстве германской расы над остальными. Однако в настоящее время учёные склонны считать, что для рун был использован один из вариантов этрусского письма, который переняли жившие в Альпах германские племена.

Возродившийся интерес к рунам нашёл отклик в современной литературе. Так, английский писатель Джон Роналд Рейел Толкиен, автор сказочной трилогии «Властелин колец», для мира Средиземья изобрёл языки и письменности — руны эльфов и гномов. Руны гномов очень напоминают германские руны.

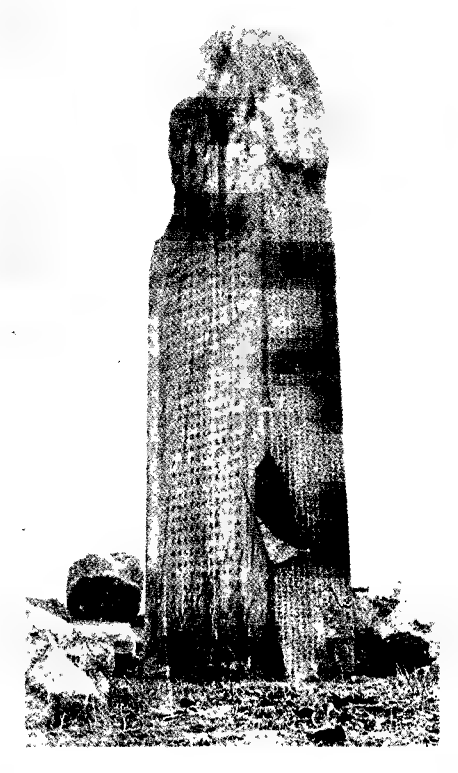
Камень с рунами. X в.

Долгое время сохранялось и другое таинственное письмо, использовавшееся на территории Англии в первые века новой эры, — *огамическое*. В качестве знаков служили горизонтальные и наклонные чёрточки разной длины и их комбинации. Надписи на древнеирландском и пиктском языках высечены этим письмом. Пикты — неиндоевропейский народ, населявший Шотландию и близлежащие Британские острова до кельтов. Хотя пиктские надписи и поддаются чтению, но исследователи до конца их не дешифровали.

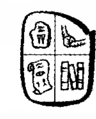
Неожиданное сходство с германскими рунами учёные обнаружили у памятников *орхоно-енисейской письменности* VIII в. Они были открыты в 1889 г. русским путешественником Н. М. Ядринцевым в долине реки Орхон южнее озера Байкал (на территории современной Монголии). Надписи на надгробных памятниках были выполнены неизвестным руническим письмом и китайскими иероглифами. Похожие надписи нашли также в долине Енисея в Сибири. Исследователи имели сокращённый китайский вариант текста — квазибилингву, что позволило им довольно быстро дешифровать орхоно-енисейские надписи. Как оказалось, они скрывали древнетюркский язык. К решению орхонской задачи очень близко подошёл российский лингвист Василий Васильевич Радлов (1837—1918), однако его опередил датский исследователь Вильгельм Людвиг Томсен (1842—1927). Радлов сумел осуществить первый полный перевод текстов на основе дешифровки Томсена.

Древнетюркские руны не имеют ничего общего по внутренней структуре письма с германскими рунами: это особая система, самостоятельно развивавшаяся независимо от европейской.

Совершенно удивительное сходство (не только по форме, но и по структуре), В. Томсен обнаружил между древнетюркским руническим письмом VIII в. и древневенгерским руническим письмом XVI в. Самое загадочное в этой истории то, что памятников письма за период с VIII по XVI в. не найдено. Это ещё одна пока нераскрытая тайна рун.



Стела с тюркскими руническими письменами.



опорными пунктами дешифровки. Такие моменты возникали при дешифровке многих клинописных систем письма, использующих шумерские и аккадские идеограммы. Арамейские гетерограммы помогли российскому востоковеду Игорю Михайловичу Дьяконову дешифровать парфянские тексты.

Если за дешифрованной письменностью стоит уже известный язык, задача собственно дешифровки на этом завершается. Дальнейшую интерпретацию текста даёт филолог. Если известный язык оказывается значительно отдалён по времени от дешифрованного варианта, то нужно установить, какие старые слова соответствуют более поздним, и объяснить фонетические изменения. В этом состоит суть этимологического метода. Именно эти задачи — установление соответствий между архаической и более поздней формами одного языка — пришлось решать Джорджу Смиту при дешифровке кипрского письма и 100 лет спустя Майклу Вентрису при дешифровке критского линейного письма Б. В обоих случаях были восстановлены архаические формы греческого языка.

Этимологический метод может использоваться и на начальном этапе дешифровки, когда исследователь выдвигает гипотезу о родственных связях неизвестного языка. Его применили

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ РУНЫ

Даны древнетюркские слова в письменности орхоно-енисейских памятников (расположенных в основном на территории современной Монголии в долине реки Орхон, в бассейне реки Енисей и в Восточном Туркестане; датируются VIII—X вв.) с транскрипцией и русским переводом.

йагы	‘враг’		таг	‘гора’
кылын	‘делаться’		йер	‘земля’
билге	‘мудрый’		ыд	‘посылать’
адак	‘нога’		барс	‘тигр’
еки	‘два’		исиг	‘труд’
кара	‘чёрный’		келти	‘пришли’
балбал	‘статуя’		есир	‘покорённый’
ингек	‘корова’			

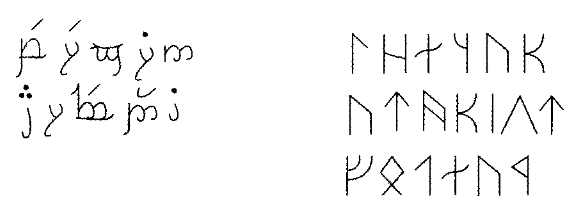
1. Запишите в этой письменности следующие слова: алт ‘вести’, барк ‘дом’, кан ‘кровь’, аб ‘охота’, алты ‘шесть’, бес ‘пять’, бирле ‘вместе’, калын ‘толстый’, билиг ‘знание’, йаблак ‘плохой’.

2. Определите, как прочесть слово [illegible] и сколькими способами это можно сделать.

РУНЫ ЭЛЬФОВ И ГНОМОВ

Даны имена героев сказочной трилогии английского писателя Джона Рональда Рейела Толкиена «Властелин колец», записанные рунами эльфов (левая колонка) и гномов (правая колонка):

Напишите соответствия для:



ПОРОСЯЧЬЯ ЛАТЫНЬ

Одинаковые концовки слов ***-ay*** наводят на мысль, что они не несут никакого значения. Следовательно, их можно убрать без потери смысла. Получаем:

*A**th** a**tf** a**nm** a**ts** on y**m** a**th**. E**sh** an a**db** a**nm**. A**tsth** an a**ctf**.*

Это пока мало похоже на английский текст. Все слова начинаются с гласной, и почти все оканчиваются нагромождением согласных. Нужны минимальные познания в английском языке, чтобы восстановить нормальный вид слов, перенеся последние согласные из конца слова в начало, не разбивая буквосочетание ***th*** там, где оно соответствует одному звуку. Далее остаётся вернуть правильную форму неопределённому артиклю перед согласной, проставить апострофы. Восстановленный стих имеет вид:

That fat man
Sat on my hat.
He’s a bad man.
That’s a fact.

Шампольон, предположивший родство древнеегипетского и коптского языков, Гротефенд, предположивший родство древнеперсидского и более позднего авестийского языков, и Бауэр, отождествивший язык угаритской клинописи с семитским. Блестящей иллюстрацией возможностей этимологического метода стало открытие чешским учёным Бедржихом Грозным индоевропейского хеттского языка.

Если дешифрованная письменность представляет неизвестный язык, не имеющий близкородственных известных языков, то задача его интерпретации становится значительно сложнее. Этимологические сближения допустимы между словами, сходными по значению, но именно значение обычно неизвестно. Рискованные попытки этимологических сближений в подобных случаях могут приводить к фантастическим результатам, которыми богата, например, история этрускологии.

Обычно удачные дешифровки сочетают этимологический метод с комбинаторным; последний основан на анализе различных комбинаций, в которые входит одно и то же слово. Текст при этом изучается не только «изнутри», в своей языковой структуре, но и «извне» — в сопоставлении с другими текстами, с обстоятельствами его находки, с назначением предмета, на котором он написан, с содержанием сопровождающих рисунков и т. д. Используя комбинаторный метод, можно подтвердить правильность дешифровки. Так, пишет Джон Чедвик, если с помощью комбинаторного метода слово отнесено к разряду профессий, а при фонетическом чтении оказывается, что оно значит 'пастух', это служит доводом в пользу достоверности дешифровки.

При акценте на анализ текста «изнутри» говорят о структурно-комбинаторном методе. Иллюстрацией возможностей этимологического и структурно-комбинаторного методов может

РУНЫ ЭЛЬФОВ И ГНОМОВ

Довольно легко установить некоторые соотношения между знаками ᴛ – ᚾ, ɣ – ᚴ и далее:

m – ᛏ	ϖ – ᛘ	ɱ – ᛄ
p – ᚴ b – ᛚ	q – ᚴ d – ᛋ	p – ᚹ b – ᛩ
pm – ᚱ	qq – ᛉ	pm – ᚱ bm – ᛡ

(Красным показаны знаки из задания, для которых пока нет соответствий, так как они не встречаются в условии.) Для групп знаков в рамках видны простые закономерности: штрих вниз у эльфов соответствует знаку, направленному вправо у гномов; штрих вверх — знаку, направленному влево, двойной крючок — дополнительному штриху у гномов; если знак эльфов целиком лежит в строке, то знак гномов — симметричный.

Вот другая группа соответствий:

Всегда	ǰ ᛝ	ȷ̂ ᛞ	ȷ́ ᚻ		ȷ̈ ᚺ
В начале слова или после ȷ	ǔ ᛟ	̂ɩ ᚣ	́ɩ H	ɩ |	ȷ̈
После знаков ᴛ, ɣ и знаков в рамках	ˇ	ˆ Λ	´ H	· |	∴ ᚢ

Здесь правила тоже ясны: «двойным» знакам гномов соответствует длинный крючок эльфов, а «одинарным» — значок над предыдущим знаком. Если его некуда поставить (в начале слова или если у предыдущего знака уже есть надстрочный значок), добавляют короткий крючок.

Теперь легко восстановить недостающие знаки d – ᛋ, p – ᚹ, ˇ над знаком – ᛟ, ɩ – ᚢ и выполнить задание.

ṕ ẏ q ẏ m	ᚹ ᚺ ᚴ ᚺ ᚹ ᚴ ᛁ ᛏ
ȷ̈ ɣ b̃m pm ɩ	ᚺ ᚴ ᛡ ᚺ ᚱ ᛟ ᛁ
ṕ ᴛ ď ɣ	ᚴ ᚺ ᚾ ᛋ ᚢ ᚴ
ȷ̂ m ȷ̈ ẏ ɩ m	ᚢ ᛏ ᚺ ᚴ ᛁ Λ ᛏ
q̆ b ᴛ̈ b	ᚹ ᛟ ᛚ ᚾ ᚢ ᛩ

Перед вами произношение всех этих знаков.

ᴛ – ᚾ – l   ɣ – ᚴ – r

m – ᛏ – n	ϖ – ᛘ – ng	ɱ – ᛄ – m
p – ᚴ – t	q – ᚴ – k	p – ᚹ – p
pm – ᚱ – d	d – ᛋ – h	b – ᛩ – f
b – ᛚ – th	qq – ᛉ – g	pm – ᚱ – b
		bm – ᛡ – y

ǔ – ᛟ – u   ̂ɩ – Λ – o   ́ɩ – H – e   ɩ – \| – i   ȷ̂ – ᚢ – a

ǰ – ᛝ – ū   ȷ̂ – ᛞ – ō   ȷ́ – ᚻ – ē   ȷ̈ – ᚺ – ā

Чёрточка над гласной обозначает её долготу, ***th*** и ***ng*** произносятся как в английском слове *thing*. Можете ли вы найти какие-нибудь закономерности?

ПИСЬМЕНА ДОЛИНЫ ИНДА

Поселение Хара́ппа в штате Пенджаб (Пакистан) у истоков реки Инд издавна славилось удивительными находками — каменными печатями с изображениями животных и иероглифами. Когда в 1856 г. там началось строительство железной дороги, были обнаружены остатки древнего города середины III — первой половины II тыс. до н. э. Плановые раскопки его были начаты лишь в 1921 г., а годом позже при раскопках расположенного в нижнем течении Инда буддийского храма первых веков новой эры под ним также были обнаружены руины древнего поселения, которое назвали Мохе́нджо-Даро (Город Мертвых) (III—II тыс. до н. э.).

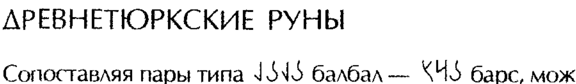
Ученые пришли к выводу, что оба поселения — часть древнего могущественного государства. Его города очень хорошо спланированы: в центре расположены цитадели, зернохранилища, большие бани — бассейны для ритуальных омовений; от центра расходились прямые улицы с одно- и двухэтажными домами, снабженными водопроводом и ваннами; в ремесленных кварталах изготовляли расписную посуду, металлические изделия — топоры, ножи, рыболовные крючки, а также украшения из камней — бусы, браслеты. Самыми интересными для исследователей оказались печати из стеатита с отверстиями — амулеты или товарные бирки. Их было обнаружено несколько тысяч. Еще в 1875 г. первые сведения о подобных находках из Хараппы вызвали сенсацию среди ученых. Теперь исследователи начали дешифровку письма долины Инда.

Самым главным препятствием для дешифровки долго служила краткость надписей — обычно по нескольку знаков. Однако из предположения об однотипном характере надписей ученым удалось сделать некоторые заключения. На печатях могли писать название товара, его предназначение, имена владельцев. Отсюда — повторяющиеся знаки для разных падежей: «товар кого-то для чего-то (кого-то)». Так была установлена вероятная структура надписей. Был определен и тип письма — словесно-слоговое. Однако продвинуться дальше долго не удавалось. Помог метод позиционной статистики, разработанный советским лингвистом Юрием Валентиновичем Кнорозовым, с использованием ЭВМ.

Вначале текст разбили на блоки — постоянные (устойчивые) и переменные (словоизменительные); были обнаружены и полупеременные блоки (возможно, словообразовательные). Затем грамматическая структура слова и предложения была сопоставлена со структурами предполагаемых «родственников» неизвестного языка. шумерского, хеттского, аккадского, хурритского и др. Ближе всего к неизвестному языку оказались дравидийские языки, на которых и сейчас говорят на юге Индии.

Подкрепила этот вывод трактовка знака рыбы: слова *рыба* и *звезда* в дравидийских языках звучат одинаково — *mīn*. Это делало понятным использование знака рыбы в текстах, содержащих, по-видимому, знаки Зодиака: сочетания «две звезды» (созвездие Близнецов) и «шесть звезд» (созвездие Плеяд) — *aru mīn*. К тому же выводу независимо от советских исследователей пришли и финские лингвисты под руководством Аско Парполы. Эти исследования, проведенные в 60—70-х гг. XX в., пролили свет на загадку древней цивилизации, существовавшей в долине Инда до прихода туда арийских племен.

Оттиски печатей со знаками протоиндийской письменности Мохенджо-Даро III—II тысячелетие до н э



ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ РУНЫ

Сопоставляя пары типа 𐰉𐰞𐰉𐰞 балбал — 𐰉𐰺𐰽 барс, можно заметить, что древнетюркские слова пишутся справа налево. При этом в разных словах одни и те же согласные записываются двояко. В зависимости от способа обозначения согласных все слова нужно разделить на две группы: 1) йагы, кылын, адак, кара, балбал, таг, ыд, барс; 2) билге, еки, ингек, иер, исиг, келти, есир. В первой группе встречаются гласные **а, ы,** во второй — **е, и.** Можно предположить, что в древнетюркском языке по-разному обозначались твердые и мягкие согласные. Парные гласные **(ы/и, а/е),** напротив, обозначались одинаково. 𐰀 **а/е** (сравните: билге, кара), 𐰃 **ы/и** (йагы, еки). При этом **а/е** обозначались только в конце слова, а **ы/и** — в любой позиции, но только один раз.

1. 𐰞𐱃 — алт, 𐰉𐰺𐰴 — барк, 𐰴𐰣 — кан, 𐰉 — аб, 𐰞𐱃𐰃 — алты, 𐰋𐰃𐰼𐰠𐰀 — бирле, 𐰋𐰾 — бес, 𐰴𐰞𐰃𐰣 — калын, 𐰋𐰃𐰠𐰏 — билиг, 𐰖𐰉𐰞𐰴 — йаблак.

2. Согласно сформулированным выше правилам, данное слово можно представить в виде формулы (а)сыг(а/ы/∅)т, которая даёт следующие варианты прочтения: сыгт, сыгыт, сыгат, асыгт, асыгыт, асыгат.

ЛЮДИ И КЛИНОПИСЬ

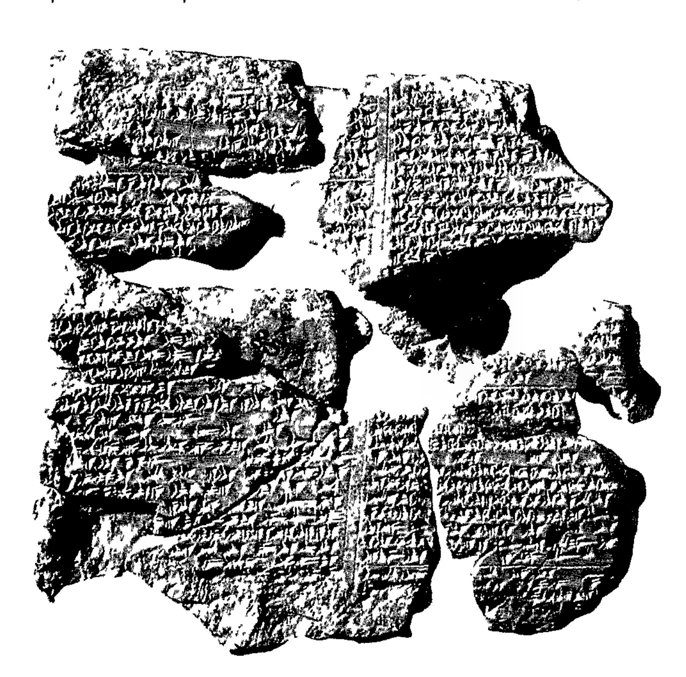
Говорит Дарий царь
«Ты который в будущие дни
Увидишь эту надпись,
Которую я приказал выбить в скале,
Или эти изображения —
Не разрушай их!
Но оберегай, пока можешь»

Бехистунская надпись

История дешифровки — это увлекательный детектив. В ней есть и тайна за семью печатями, и остроумный дерзкий первооткрыватель. Один из наиболее занимательных случаев связан с дешифровкой древнеперсидской клинописи.

...Как-то в шумной компании друзей никому не известный молодой учитель гимназии Гротефенд заключил пари, что прочтет клинопись, над расшифровкой которой уже долгие годы бились знаменитые ученые-востоковеды. И действительно, в короткий срок ему удалось это сделать. Гротефенд не случайно пришел к своему открытию: ему тогда было 27 лет, и в жизни он руководствовался девизом «Снизу вверх!».

Георг Фридрих Гротефенд родился в 1775 г. в семье сапожника в маленьком немецком городке Мюндене. После окончания педагогического училища он отправился в знаменитый Геттингенский университет, где изучал философию, богословие, классическую филологию. Еще студентом Гротефенд начал преподавать в геттингенской гимназии, а в свободные часы разгадывал ребусы, шарады и даже составлял проект универсального международного письма.



Вавилонская клинописная табличка с текстом эпоса о Гильгамеше

Однажды на глаза ему попались опубликованные немецким путешественником и математиком Карстеном Нибуром (1733—1815) клинописные тексты, которые тот скопировал в развалинах царского дворца в древнем персидском городе Парсакарта (по-гречески Персеполь). Нибур был единственным выжившим участником датской экспедиции 1761 г., обнаружившей эти надписи. Изучив арабский язык, в 1765 г. он вторично уже в одиночку отправился в Персеполь и скопировал тексты. Нибуру тогда удалось установить, что тексты записаны тремя видами письма и что в самом простом из них всего несколько десятков знаков. Другим исследователям удалось доказать, что за тремя системами письма скрываются три разных языка, один из которых — древнеперсидский.

Гротефенд проанализировал две короткие древнеперсидские надписи, сопоставив их с родословной персидских царей, известной из сочинений древнегреческого историка Геродота, и сумел правильно определить и прочесть содержащиеся в них имена и титулы царей. Небольшое сообщение об открытии Гротефенда, опубликованное в «Ученых записках» Геттингенского университета за 1802—1803 гг., к сожалению, не получило должной оценки в научных кругах. Годы спустя ученые обратились к результатам его исследования, а полностью статья была опубликована лишь в 1893 г.

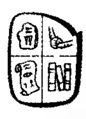
* * *

Георг Фридрих Гротефенд в 1802 г. положил начало дешифровке клинописи. Заслуга ее завершения принадлежит нескольким ученым, и первый среди них — Генри Кресвик Роулинсон (1810—1895), прозванный соотечественниками «отцом ассириологии».

Кому абсолютно не подходит определение «кабинетный ученый», так это Роулинсону. Избрав в юности карьеру военного, он храбро сражался в Индии, Афганистане, потом стал тайным агентом Ее Величества английской королевы, был военным советником брата шаха в Иране, политическим агентом Великобритании в Багдаде.

Страстный интерес к Востоку, особенно к персидскому языку и литературе, сложившийся еще в молодости, определил выбор Роулинсоном места службы. Во время многочисленных поездок по Ирану он не раз сталкивался с памятниками древней культуры — высеченными в скалах надписями и изображениями. Генри Роулинсон неустанно и тщательно копировал их. А копирование надписей на отвесной Бехистунской скале чуть не стоило ему жизни. Надписи были расположены на высоте около 100 м, а лестница, которой Роулинсон пользовался, чтобы перебираться с одного уступа на другой, развалилась, и он чудом уцелел.

Добытые с таким трудом надписи вознаградили его упорство. Это были тексты, составленные царем Дарием I и записанные на трех языках. Они содержали множество соб-



ственных имен — гораздо больше, чем было в распоряжении Гротефенда. Это позволило Роулинсону через год, в 1838 г., представить свою работу по дешифровке древнеперсидского текста Бехистунской надписи Королевскому Азиатскому обществу в Лондоне, где ее по достоинству оценили ученые.

* * *

Древнеперсидская клинопись оказалась слоговой системой письма с небольшим числом знаков. Изобретена она была довольно поздно — в VI в. до н. э. Ее изобретение даже приписывают Дарию. Кроме формы знаков, древнеперсидская клинопись ничего общего не имела с той системой письма, которую издавна использовали в Месопотамии, — ассиро-вавилонской, складывавшейся на протяжении тысячелетий. Чтобы прочесть ассиро-вавилонскую клинопись, потребовались усилия многих исследователей — эта письменность оказалась «крепким орешком».

Первая трудность заключалась в определении характера письма. Сопоставив вавилонский и древнеперсидский варианты надписей, переведенных Гротефендом, лингвистам удалось установить, что ряду слов — *сын, царь* — соответствуют отдельные знаки, но для записи имен использовали несколько знаков, по числу слогов. Отсюда следовал вывод: письменность словесно-слоговая. Вначале исследователи были склонны считать, что слоговые знаки передают только согласные. Тогда, однако, получалось, что один согласный мог передаваться несколькими способами. Английский пастор Эдуард Хинкс (1792—1866) сумел установить, что знаки для согласных на самом деле передают разные типы слогов. Так, семь знаков для ***r*** соответствовали слогам ***ar, ir, er, ur, ra, ri, ru.***

Затем Хинкс выяснил, что один и тот же знак может употребляться и как слоговой знак, и как словесный знак-иероглиф, и как детерминатив. Роулинсону удалось установить, что знаки иногда имеют несколько разных слоговых чтений (для некоторых слогов в настоящее время насчитывают больше 20 чтений!). Все это совсем запутало общую картину. Прояснить ее помогли успехи археологов, обнаруживших царские дворцы в древних ассирийских городах, — Ниневии, Калахе близ Нимруда, Дур-Шаррукине (ныне Хорсабад). Французский консул в Мосуле, врач и дипломат из Турина Поль Эмиль (Паоло Эмилио) Ботта, раскопавший дворец Саргона II в Хорсабаде, предположил, что многие надписи, покрывающие стены дворца, имеют одинаковое содержание — они различались немногими знаками. Сопоставив различия, он сумел установить, как некоторые словесные знаки могли иначе записываться слоговыми и как они могли читаться.

Однако слоговые чтения, которые получили исследователи, никак не «подставлялись» в слова — получалась бессмыслица. И тогда на помощь пришла еще одна находка, раскопанная Ботта в Ниневии, — школьные словарики, в которых были указаны звуковые соответствия между старыми (шумерскими) и новыми (ассиро-вавилонскими) чтениями.

Находка словариков значительно продвинула дешифровку. Однако ученый мир не счел достижения исследователей достаточно убедительными. И вот в 1857 г. впервые в истории дешифровки был проведен своеобразный эксперимент, чтобы проверить правильность понимания клинописи. Четырем ученым предложили самостоятельно перевести вновь найденный текст. Этими учеными были Роулинсон, Хинкс, француз Жюль Опперт (1825—1905), учитель гимназии и востоковед, и англичанин Уильям Генри Фокс Тальбот (1800—1877), известный физик, химик и изобретатель фотографии. Когда Королевское Азиатское общество сравнило полученные переводы, оказалось, что они совпадали во всех существенных пунктах. Так была доказана достоверность полученных результатов, положивших начало науке ассириологии.

В дальнейшем было установлено, что ассирийцы, как и другие народы Месопотамии, использовали для своего языка чужую письменность, изобретенную шумерами. Поэтому в ней и оказалось столько сложностей.

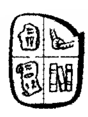
* * *

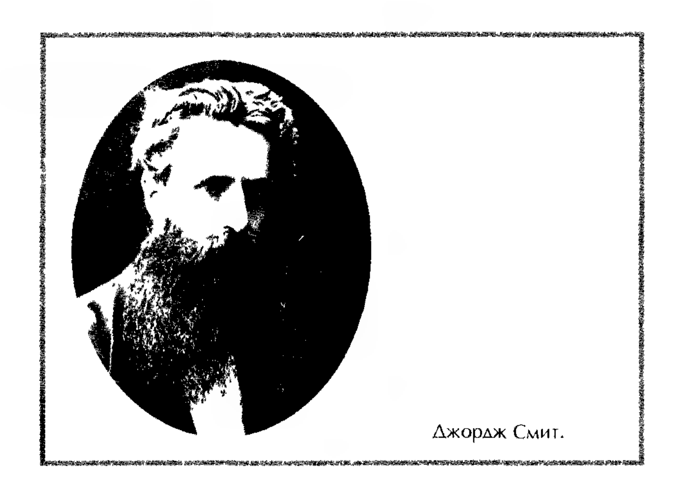
Одна из самых замечательных личностей в ассириологии — Джордж Смит (1840—1876). Он был способным гравировщиком, и поэтому Роулинсон поручил ему гравировать таблицы для своего труда об ассирийской клинописи. Очень скоро Смит научился читать тексты табличек с легкостью, которой завидовали многие. В 21 год он стал реставратором Британского музея.

Однажды Джорджу Смиту попала в руки табличка, на которой была записана история, удивительно напоминавшая библейский рассказ о Всемирном потопе, только персонажи ее имели другие имена. Конца истории на табличке не было. Когда Смит доложил о своем открытии Обществу библейской археологии, было решено снарядить экспедицию к развалинам Нимруда на поиски окончания текста. На это газета «Дейли телеграф» выделила значительные средства. Лишь Джордж Смит мог отыскать отсутствующие таблички. И он нашел их! Это событие произошло в мае 1873 г. Среди множества табличек с хозяйственными текстами Смит обнаружил и фрагменты неизвестного поэтического сказания древних шумеров. Это был эпос о царе-полубоге Гильгамеше, который пустился в далекое странствие в поисках бессмертия.

Впоследствии Смит два раза отправлялся в экспедиции в Сирию. Из последней он не вернулся; заболев в знойной аравийской пустыне, он умер, оставив в дневнике запись: «Вся моя работа посвящена науке... Твердо выполнял свой долг...».

Имя Смита вошло в историю дешифровки благодаря еще одному замечательному открытию — дешифровке кипрского письма, за которым скрывался архаический греческий язык. Эту работу Джордж Смит осуществил в 1872 г., опираясь на текст финикийско-кипрской билингвы и помощь знатока древнегреческого языка Самюэля Берча, хранителя Британского музея.





Джордж Смит.

служить дешифровка Гансом Бауэром угаритской клинописи.

Для успеха дешифровки очень важен объём текста. Если в распоряжении исследователя лишь короткая надпись, состоящая из нескольких знаков, то шансы прочесть её достоверным образом невелики. Чем больше объём текста, тем выше вероятность правильного решения. Количественно эту зависимость определил создатель теории информации американский инженер и математик Клод Ше́ннон.

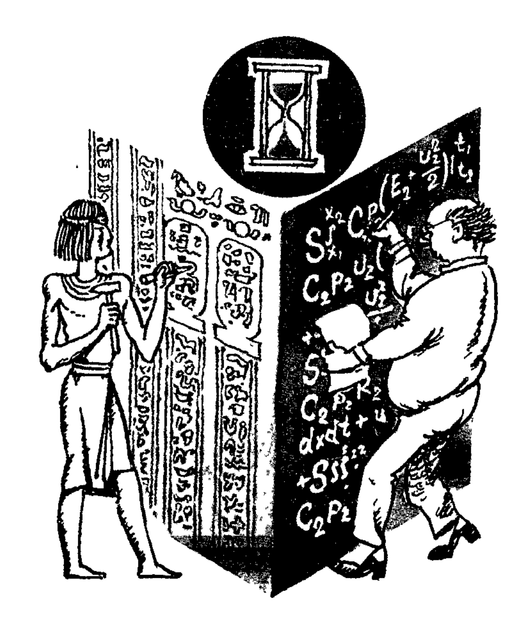
Минимальный объём текста, для которого существует единственное правильное прочтение (все остальные оказываются бессмысленными), называется *расстоянием единственности*. Эта величина зависит от трёх показателей. Во-первых, важно общее число графем в языке. Например, гавайский алфавит содержит 19 букв, русский — 33, армянский — 38. Второй показатель — число звуков, которые могут обозначаться одной и той же графемой. Так, каждая согласная буква в русском тексте может иметь по крайней мере два звуковых значения — твёрдого и мягкого согласного. Чем больше соответствий у одной графемы, тем больше будет расстояние единственности и тем труднее дешифровать текст. Третий фактор — *степень избыточности* языка, которая зависит от количества знаков, дублирующих смысл друг друга. Например, для русского словосочетания *маленькая девочка* окончание прилагательного ***-ая*** дублирует грамматические значения рода, числа и падежа, которые уже выражены существительным *девочка*. Чем выше избыточность языка, тем проще дешифровка. Избыточность языков, использующих буквенное письмо, составляет приблизительно 70—80 %.

После учёта всех этих факторов получается, что расстояние единственности для гавайского языка — 20 знаков, для русского — 70, для армянского — 80 знаков. Это значит, что однозначно может быть прочитан русский текст, содержащий не менее 70 знаков. Расстояние единственности было определено и для других типов письма. Для словесного письма (типа китайского) с огромным количеством графем и избыточностью около 50 % это расстояние составляет примерно 1 млн знаков! Для слогового письма (степень избыточности примерно 60 %) в зависимости от количества графем расстояние единственности от 300 до 5—8 тыс. знаков.

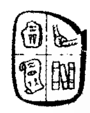
Таким образом, при достаточном объёме текста задача дешифровки в принципе разрешима. Если же объём текста хотя бы немного меньше расстояния единственности, дешифровка является только версией, более или менее достоверной. Версией можно считать предложенную Аркадием Анатольевичем Молчановым дешифровку Фестского диска, содержащего 241 знак и имеющего расстояние единственности 300 знаков.

НОВЫЕ МЕТОДЫ ДЕШИФРОВКИ

Итак, при достаточном объёме текста ключ к дешифровке исследователю даёт билингва. Значит ли это, что без такого ключа путь к дешифровке закрыт? Нет. Методы *структурно-комбинаторного анализа* позволяют дешифровать текст, исходя из внутренних закономерностей его структуры.



Современная дешифровка невозможна без математических методов



ЗАДАЧА ГРОТЕФЕНДА

В 1802 г. молодой учитель гимназии из немецкого города Геттингена Георг Фридрих Гротефенд (1775—1853) сделал замечательное открытие, положившее начало расшифровке клинописных текстов древней Месопотамии. Он сравнил два древнеперсидских клинописных текста:

Текст 1:

Текст 2:

Гротефенд знал: 1) Эти тексты относятся к эпохе династии древнеперсидских царей Ахеменидов (558—330 гг. до н. э.).

2) Об этой династии Геродот и другие древнегреческие историки рассказывают так. Вначале Персия была подвластна Мидии. Кир II Великий (*греч.* [кюрос]), сын персидского вельможи Камбиза (*греч.* [камбюсес]) из рода Ахеменидов, сверг мидийского царя и в 550 г. до н. э. сам стал царем Персии и Мидии. Завоевав почти всю Переднюю Азию, он создал великую персидскую державу. После Кира царствовал его сын Камбиз. Потом царем стал Дарий I Великий (*греч.* [дарейос]), сын вельможи Гистаспа (*греч.* [hюстаспес]), дальнего родственника Кира. Затем царствовал сын Дария Ксеркс I (*греч.* [ксерксес]), далее сын Ксеркса Артаксеркс I (*греч.* [артаксерксес]).

3) Персидские цари династии Сасанидов, правившей в 224—651 гг. н. э., когда язык и письменность уже были другими, титуловали себя так: «*Х, великий царь, царь царей, сын У-а, великого царя*».

Гротефенд предположил, во-первых, что эти тексты — титулы каких-то царей из династии Ахеменидов, и во-вторых, что их титулы по своему строению одинаковы или очень сходны с сасанидскими. На основании этих гипотез ученому удалось открыть, каким именно царям принадлежат эти титулы.

1. Попытайтесь повторить открытие Гротефенда.

2. Гротефенд смог указать на предположительное фонетическое значение нескольких клинописных знаков. Попытайтесь повторить и это его достижение.

(При решении задачи обратите внимание: Геродот дает имена персидских царей так, как их произносили греки, причем конечные ***-ос, -ес*** — это греческие окончания именительного падежа; ***h*** соответствует английскому или немецкому звуку ***h***.)

УГАРИТСКАЯ КЛИНОПИСЬ

Начало этой удивительной истории напоминает арабскую сказку из «Тысячи и одной ночи». Однажды сирийский крестьянин, возделывая поле, наткнулся на подземный склеп. В нем оказались осколки микенских и кипрских ваз XIII—XII вв. до н. э. После этой находки в 1929 г. археологи начали раскопки Рас-Шамры, поселка близ сирийского города Латакия. На его месте обнаружили древний финикийский город Угарит, в богатой культуре которого переплелись влияния разных народов — египтян, хеттов, эгейцев и вавилонян. Там нашли глиняные таблички XIV—XIII вв. до н. э., покрытые не поддающейся чтению клинописью.

В апреле 1930 г. изданные тексты табличек попали в руки известного немецкого востоковеда Ганса Бауэра (1878—1936). Не имея билингвы, он в течение нескольких дней в основном дешифровал неизвестную клинопись.

Предположив, что эта клинопись скрывает один из западносемитских языков, Бауэр выделил в грамматике этих языков типичные однобуквенные служебные слова, приставки и окончания. Эти элементы он попытался найти в угаритских текстах, ориентируясь на их высокую частоту и на знак словораздела, указывавший начала и концы слов. В результате Бауэр сумел определить грамматические значения и прочтение некоторых знаков. Помогло ему и сопоставление текстов начала писем с короткими надписями на топорах, содержашими одно и то же слово, которое он интерпретировал как *rabbi* 'раввин', 'верховный жрец' (а надписи на топорах — как 'топор верховного жреца'). Осложнило дешифровку то, что древний писец не проставлял знак словораздела перед одним определенным словом, которое Бауэр принял за суффикс. Ошибку устранил французский востоковед Эдуард Поль Дорм (1881—1966), который и помог завершить дешифровку.

Угаритская письменность в корне отличалась от известных ученым клинописных систем. Она включала 30 знаков, 22 из которых соответствовали по звуковым значениям финикийскому письму и обозначали сочетание согласного с необозначенным гласным. На одной из табличек был выписан угаритский «алфавит». Порядок следования знаков в нем совпадал с традиционным финикийским («алеф», «бет», «гимел», «далет» и т. д.). Это наводит на мысль о том, что существовала связь угаритской клинописи с финикийским письмом. Может быть, именно угаритская клинопись — один из его источников и прародительница алфавита. Кроме него на эту роль претендуют древнеегипетская иероглифика и письмо древнего ливийского города Библа (ныне Джубейль).

КРИТСКОЕ ЛИНЕЙНОЕ ПИСЬМО Б

Легендарный остров Крит, колыбель греческой цивилизации, прославленный мифами о царе Миносе и его сыне Минотавре, Тесее и Ариадне, Дедале и Икаре, стал ареной археологических раскопок с 70-х гг. XIX в. Знаменитый немецкий археолог Генрих Шлиман (1822—1890), в конце XIX в. открывший сокровища Трои, начал предварительные раскопки на Крите. Но обнаружить остатки Кносского дворца, который строили с XX по XVI в. до н. э., посчастливилось выдающемуся английскому археологу сэру Артуру Эвансу (1851—1941). Великолепный дворец с тронным залом, бассейнами, водопроводом и красочными фресками, покрывавшими стены, был резиденцией критских царей во II тыс. до н. э. Видимо, стихийное бедствие вынудило обитателей дворца покинуть его. Некоторые ученые даже склонны считать, что цивилизация Крита — это и есть затонувшая Атлантида. Прояснить вопрос могли бы письменные источники, но все известные до того времени греческие тексты были на 1000 лет моложе...

Табличка с линейным письмом А из Кносса

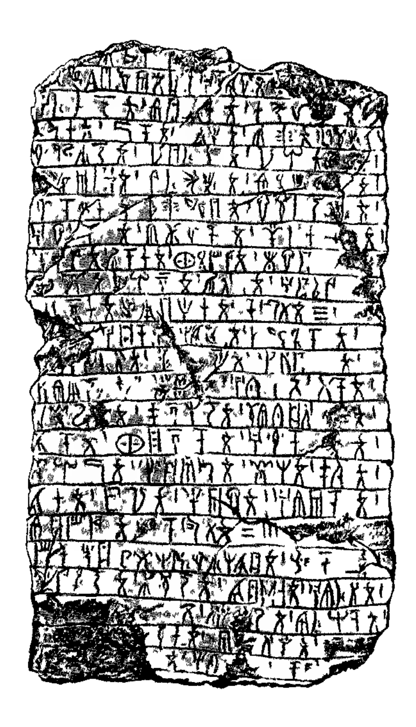
На Крите археологи нашли древнейшие письменные памятники, относящиеся ко времени процветания Кносса. Они были двух видов: во-первых, овальные сердоликовые печати и амулеты с выгравированными рисуночными знаками — причудливыми изображениями зверей, птиц, предметов домашней утвари; во-вторых, глиняные таблички с нацарапанными на них надписями, более похожими на современное письмо. Такие таблички впоследствии были обнаружены и при раскопках городов материковой Греции — Микен, Пилоса и др.

Эванс собрал огромную коллекцию письменных памятников Крита. Он выделил три вида письма: рисуночное иероглифическое письмо печатей и амулетов, архаическое линейное (т. е. в строчку) письмо А и более позднее линейное письмо Б. Глиняных табличек с письмом Б было больше всего — несколько тысяч, за них и взялся Эванс. Сэр Артур понял, что они содержат в основном сведения хозяйственного характера, дешифрировал систему обозначений чисел, сумел верно определить систему письма, содержащего знаки для слогов типа «согласный + гласный» и слогов из одного гласного.

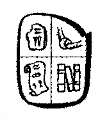
Прочесть таблички Эванс не смог — ему мешало твердое убеждение, что этот язык не мог быть греческим (остров был заселен неизвестным народом еще до греческого вторжения). Авторитетное мнение Эванса, равно как и недостаток материала, долго не позволяли ученым продвинуться вперед. Эванс опубликовал лишь небольшую часть надписей, в основном иероглифических, надеясь собственноручно дешифрировать линейное письмо Б; основной массив текстов был опубликован только через 11 лет после его смерти, в 1952 г.

* * *

Человек, которому удалось прочесть надписи линейного письма Б, так же как в свое время французский египтолог Жан Франсуа Шампольон, еще школьником проникся стремлением разгадать тайну неизвестных знаков. В 14 лет Майкл Вентрис (1922—1956) слушал лекцию сэра Артура Эванса об открытой им цивилизации Крита. В эти годы Вентрис был уже весьма сведущ в древних и современных языках (в семь лет он изучил книгу о египетских иероглифах, написанную на немецком языке). В 18 лет Майкл опубликовал в научном журнале статью, в которой заключалась мысль о том, что язык критского письма — этрусский. Красивая этрусская гипотеза увлекла молодого исследователя, и он не раз возвращался к ней в последующие годы: и будучи студентом архитектурного института, и когда был штурманом авиации в британских войсках во время Второй мировой войны. После ее окончания Вентрис возвратился в институт и вскоре стал архитектором, разработал интересные



Табличка с линейным письмом Б из Кносса



проекты, приобрел известность. Но самое замечательное архитектурное сооружение, которое принесло ему мировую славу, он сумел построить на фундаменте координатной сетки, идею которой ему подсказали исследования математика из США Алисы Кобер.

Надо отметить, что Вентрис в противоположность Эвансу не старался добиться победы в одиночку. Он рассылал свои «Рабочие заметки» специалистам и любителям, интересовавшимся критским письмом, приглашая их к сотрудничеству. Построив наиболее полный вариант сетки, Вентрис применял разные ключи, начиная с этрусского. Однако ни один ключ не подходил. Неожиданным образом подходящим оказался греческий ключ: но он восстанавливал необычные грамматические формы и искаженные греческие слова. Правда, искажения были последовательны: *л* всегда заменялось на *р,* опускались конечные согласные, в определенных случаях на стыках согласных вставлялись гласные и т. д.

Доказать, что язык линейного письма Б действительно является греческим, Вентрису помог его соотечественник, один из лучших знатоков древнейших греческих диалектов, Джон Чедвик. Он показал, что полученные грамматические формы соответствуют архаическим греческим, засвидетельствованным у Гомера, и что критский вариант представляет собой архаический греческий диалект. Но похоже, что письмо не очень подходило для греческого языка и было заимствованным. О результатах своих исследовании Вентрис рассказал по радио, а Чедвик написал книгу, которая по занимательности может соперничать с детективным романом. Вся Англия приветствовала Вентриса как национального героя. Он и Чедвик положили начало микенологии (микенской было принято тогда именовать письменность Крита — по названию города Микены в материковой Греции, где были найдены таблички того же письма), как в свое время Шампольон — египтологии.

Однако в микенологии оставалось еще много проблем. Исследования линейного письма А, имеющего много общих знаков с линейным письмом Б и исторически предшествовавшего ему, показало, что язык письма А — не греческий. Минойский язык, как его назвали по имени царя Миноса, по-видимому, обладал простой слоговой структурой, для которой было удобно использовать знаки типа «согласный + гласныи» и «гласный». Он был распространен в древней Эгеиде (т. е. в бассеине Эгейского моря), возможно даже, что существовала семья эгейских языков, куда он входил. Над этими проблемами продолжают работать современные ученые. Но среди них нет Майкла Вентриса: он погиб в автомобильной катастрофе в 1956 г. вскоре после своего открытия; ему было тогда всего 34 года...

КУБОК И ЧАША

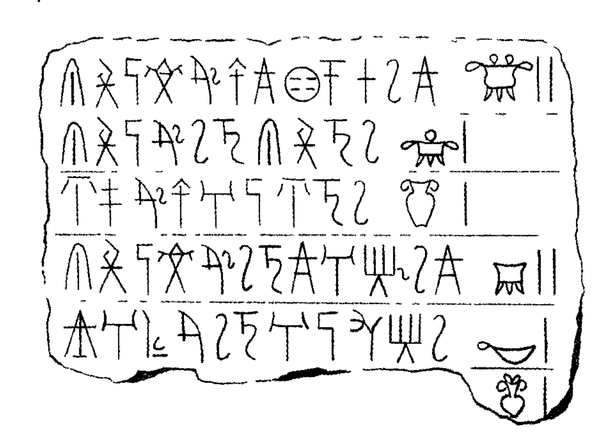
В 1952 г. английский архитектор Майкл Вентрис дешифрировал загадку века — линейное письмо Б. В соответствии с дешифровкой Вентриса линейное письмо Б читалось по-гречески, однако с определенными систематическими отклонениями от классического греческого языка. Поскольку в письме были использованы слоговые знаки структуры «согласныи + гласный» или «гласный», на стыке согласных в греческих словах вставлялись гласные, опускались согласные в конце слов и носовые *m, n* перед согласным, не обозначалась долгота гласных. Все это сильно искажало греческии язык и вызывало недоверие к дешифровке.

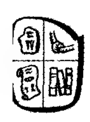
В том же 1952 г. при раскопках города Пилоса американский археолог Карл Блеген обнаружил среди других любопытную табличку, исписанную линейным письмом Б. Вот ее фрагмент.

Пользуясь слоговыми значениями знаков, установленными Вентрисом, Блеген начал читать текст: *ti — ri — po — de — me — zo — e — qe — to — ro — we — ...*

Блеген сразу узнал слова 𐀇𐀞 *dipa* 'кубок' и 𐀠𐀊𐀨 *piara* 'чаша'. Прочитав всю табличку, археолог (и впоследствии другие ученые) убедились в правильности дешифровки Вентриса.

Восстановите утраченную строку, прочтите и переведите текст.





Основные принципы структурно-комбинаторного анализа языка были предложены американскими лингвистами в первой половине XX столетия для того, чтобы описывать малоизученные индейские языки (это направление исследований получило название *дескриптивной*, т. е описательной, лингвистики).

В основе анализа лежит убеждение в том, что основную информацию о языке можно получить непосредственно из текста (как письменного, так и устного), если изучить все встречающиеся в нём сочетания единиц. В тексте могут быть найдены единицы, которые никогда не встречаются в одних и тех же позициях. Применительно к звукам это означает, что перед нами — варианты одной и той же единицы. Так, никогда не встречаются в одной и той же позиции русские гласные [о] и [ъ]: [о] возможна только в ударном слоге, [ъ] — в безударном. Значит, это варианты одной единицы — фонемы <о> Такая процедура позволяет свести воедино представителей одной и той же единицы язы-

КООРДИНАТНАЯ СЕТКА АЛИСЫ КОБЕР

Идея Алисы Кобер в общих чертах заключается в том, чтобы, словно рентгеновским лучом, просветить структуру слоговых знаков неизвестного письма, отделив согласные от гласных.

Анализируя критские глиняные таблички, Алиса Кобер обнаружила, что в них записаны изменяемые слова. На это указывали общие знаки основы и разные окончания. Многие из слов могли быть существительными — при них стояли числа (знаки для чисел дешифровал еще Эванс). Изменяемые слова можно было собрать в парадигмы — вроде наших склонений. Только у критских существительных в текстах выделялись всего три падежные формы. Если сопоставить с русскими словами, это могло выглядеть, допустим, так:

раб-а — *дом-а*
раб-ами — *дом-ами*
раб-у — *дом-у*

В критском письме эти слова записывались бы слоговыми знаками:

x_1-y_1 — x_2-y_2
ра-ба — *до-ма*
x_1-y_1-*а* — x_2-y_2-*а*
ра-ба-ми — *до-ма-ми*
x_1-z_1 — x_2-z_2
ра-бу — *до-му.*

Здесь *х* — графическая основа слов, *у*, *уа*, *z* — разные падежные окончания.

Фреска Санторин. Около 1500 г. до н э.

Исследуя изменяющиеся слова, Вентрис заметил, что в роли *у* используются не любые знаки, а лишь немногие. Из этого он заключил, что в разных *у* имеется один и тот же гласный $Г_1$, характерный для данного падежного окончания, и разные согласные ($С_1$, $С_2$...), относящиеся к разным корням. Тогда для каждой тройки тот же конечный согласный корня ($С_1$, $С_2$...) должен иметься и в *z* в паре с другим гласным $Г_2$, соответствующим третьему падежному окончанию.

Этот вывод можно представить в виде таблицы:

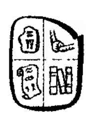
Согласный	Гласный	
	$Г_1$	$Г_2$
$С_1$	y_1 *(ба)*	z_1 *(бу)*
$С_2$	y_2 *(ма)*	z_2 *(му)*

Эта таблица и есть зародыш координатной сетки, открывающей два измерения критских слоговых знаков — «согласное» и «гласное».

Отыскивая новые «существительные», продолжим ряд С (допустим, *стол-**а*** — $С_3$ = *л*, *жук-**а*** — $С_4$ = ***к***). Отыскивая новые типы изменений слов, можно продолжить ряд гласных. Если учесть все типы слов (допустим, могут быть изменения типа грамматического рода прилагательных — *хорош-**ая**, хорош-**ий**, хорош-**ее***), то в виде подобной таблицы, но с гораздо большим числом ячеек можно представить всю грамматику языка (систему изменений слов), по крайней мере используемую в текстах.

Пока, однако, в таблице — координатной сетке — еще нет ни одного звукового значения, которое могло бы связать полученную грамматику с конкретным языком (наши русские подстановки не в счет). Вот эти конкретные звуковые значения и надо получить методом подстановки, пробуя грамматические окончания разных языков. Правильно найденный язык, оказавшись «ключом», сразу откроет звуковые значения многих знаков, из которых сложатся слова известного языка.

Алисе Кобер не довелось найти ни одного звукового значения слоговых знаков линейного письма Б: она скончалась в 1950 г. в возрасте 43 лет. Однако А. Кобер указала путь, по которому в процессе систематических и кропотливых поисков можно прийти к верному результату. Пройти этот путь до конца сумел Майкл Вентрис.



ка и понять действующие в языке позиционные закономерности: что на что меняется и при каких условиях. При этом знать сам язык и понимать значение слов совсем не обязательно.

Применительно к задачам дешифровки древних письменностей структурно-комбинаторный метод детально разработал Юрий Валентинович Кнорóзов (родился в 1922 г.) при дешифровке иероглифической письменности индейцев майя. Этот метод получил название *позиционно-статистического*. На основе анализа сочетаемости знаков ему удалось выявить грамматику языка майя. Впоследствии этот метод был применён при исследовании протоиндийских надписей Мохенджо-Даро и Хараппы, письма жителей острова Пасхи и ряда других письменностей. Методы структурно-комбинаторного анализа применялись в дешифровке и ранее, однако это были скорее удачные находки отдельных исследователей при решении частных задач. Такой предстаёт дешифровка угаритской клинописи Г. Бауэром.

КУБОК И ЧАША

Предложенное чтение даёт почти все звуковые значения знаков. Можно переписать текст таблички в звуковом варианте, обозначив неизвестные знаки: — *X*, — *Y*, — *Z*.

(1) *ti-ri-po-de-me-zo-e-qe-to-ro-we-e* ||

(2) *ti-ri-po-me-we-X-ti-ri-X-we* |

(3) *di-pa-me-zo-a-po-di-X-we* |

(4) *ti-ri-po-de-me-we-X-e-a-Y-we-e* ||

(5) *pi-a-ra-me-we-X-a-po-Z-Y-we* |

(6) . . . . |

Содержание текста помогают понять изображения в конце каждой строки: по-видимому, это перечень сосудов разного рода. Первое слово, судя по (3) и (5), название сосуда: кубок, чаша и что-то еще.

Первую границу между словами задают известные слова: *dipa* и *piara*. Следующие за ними слова начинаются с ***me***. Это позволяет выделить в (1) слово *tiripode*. Из сравнения (2) и (4) можно предположить, что *tiripo* и *tiripode* — формы одного слова, возможно единственного и множественного числа. Одна или две палочки после изображения сосуда подкрепляют эту догадку: ***-de*** — окончание множественного числа существительного.

Окончание строк (1) и (4) также одинаково: ***we-e***, в то время как строки (2), (3) и (5) оканчиваются на ***we***. Возможно, ***-e*** — окончание множественного числа определения. Судя по длине надписей, они содержат несколько определений: знак ***-e*** находится в середине строк (1) и (4); после него можно провести словесную границу. Формы множественного числа *mezoe* и *meweXe* позволяют определить соответствующие формы единственного числа в (2), (3) и (5). Сопоставив изображение крупного сосуда в (1) с изображениями мелких в (2) и (4) того же названия, можно предположить, что слова *mezo* и *meweX* обозначают размер сосуда — 'большой' и 'малый' соответственно.

Сосуды с названием *tiripo* отличаются от остальных тем, что имеют по три ножки. Сосуд (2) имеет к тому же три ручки. Сравнив слова *tiripo* и *tiriXwe*, можно заключить, что *tiri* означает 'три', *po* 'ножка', *Xwe* 'ручка'. Вот ряд, который получится, если сопоставить все сосуды по числу ручек:

a — Y — we	'без ручек', 'безрукий';
a — po — Z — Y — we	'одна ручка', 'однорукий';
a — po — di — X — we	'две ручки', 'двурукий';
ti — ri — X — we	'три ручки', 'трёхрукий';
qe — to — ro — we	'четыре ручки', 'четырёхрукий'.

В определениях для сосудов с одной и двумя ручками можно выделить сочетание ***a—po***. Значение ***po*** — 'ножка', однако речь здесь идёт о сосудах без ножек (3) и (5). Получается, что элемент ***a*** означает 'без', а ***di*** — 'два'.

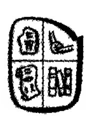
В названии сосуда с четырьмя ручками все звуки известны, следовательно, можно найти значения *X* и *Y*. Поскольку *X* не может совпадать с ***-ro-***, остаётся предположить, что *X* и *Y* — знаки, содержащие [o]. Морфемная граница в слове *qetorowe* должна проходить внутри слога ***ro*** — *r/o*, либо *ro/o*, — так как долгота гласных не обозначалась). Тогда *X* = ***o-*** и *owe* должно переводиться как 'ручка' (на самом деле прямой перевод *owe* — «ушко» от *греч.* «ovs»). Но тогда элемент 'без' имеет два варианта: ***a-*** перед согласным *(a-po)* и ***aC-*** перед гласным корня (*aC-owe*, где *C* — неизвестный согласный). Из условия известно, что перед согласным опускается носовой звук, значит, неизвестный согласный — это ***m*** или ***n***. Сочетание ***ZY-*** (или ***ZC-***) со значением 'один' подсказывает, что это ***mono-***. Выделение ***mono-*** указывает на стяжение: *mono + owe = mo — no — we, qetoro + owe = qe — to — ro — we*. Теперь можно записать перевод текста таблички:

(1) *Треножники большие с четырьмя ручками — два.*
(2) *Треножник малый с тремя ручками — один.*
(3) *Кубок большой без ножек с двумя ручками — один.*
(4) *Треножники малые без ручек — два.*
(5) *Чаша малая без ножек с одной ручкой — одна.*
Строка (6) восстанавливается так:
(6) *Кубок малый без ножек* с четырьмя ручками — один

di-pa me-we-o a-po qe-to-ro-we

|

(В действительности текст задачи слегка упрощен. Слово *малый* в пилосской табличке записано как *me-wi-jo*. Однако знаки ***jo*** и ***o*** нередко заменяют друг друга, и в той же табличке встретилось: *ti-ri-o-we* и *ti-ri-jo-we*. Знак на самом деле ***jo-***.)



Карийская надпись из Кавна

Сходный красивый метод лежит в основе дешифровки древнетюркских рун В Томсеном.

Новый этап в дешифровке связан с использованием ЭВМ. Развитие принципов структурно-комбинаторного анализа, с одной стороны, и использование ЭВМ для статистической обработки текстов — с другой, открыли путь для общей теории дешифровки, разрабатывающей универсальные подходы к распознаванию разнообразных лингвистических явлений.

Один из наиболее интересных дешифровочных алгоритмов был разработан российскими лингвистами Борисом Викторовичем Сухотиным и Виталием Викторовичем Шеворошкиным. Его применили при дешифровке письма древнего индоевропейского народа в Малой Азии — карийцев, которые прослáвились как отважные мореплаватели и пираты Средиземноморья. Это алгоритм отделения гласных от согласных в неизвестном буквенном письме. В основе алгоритма Сухотина — Шеворошкина лежит простая идея о том, что в потоке речи стечения согласных или гласных встречаются реже, чем сочетания согласного и гласного.

Эту идею специалисты распространили на грамматику. Оказалось, что грамматические морфемы (например, окончания слов, предлоги, союзы в русском языке) и лексические морфемы (корни) распределяются в тексте подобно гласным и согласным. Грамматических морфем в целом немного, но они встречаются часто и

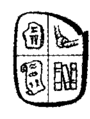
ФЕСТСКИЙ ДИСК

В 1908 г. при раскопках города Фест на Крите был найден загадочный глиняный диск. С обеих сторон он был покрыт отштампованными рисуночными знаками. Среди них выделялась мужская голова в своеобразном головном уборе или с особой причёской, напоминающей петушиный гребень (нечто подобное носят современные панки). Надпись была отнесена к середине II тысячелетия до н. э.

Всего на диске 241 знак, из них 45 разных. Этого недостаточно для достоверной дешифровки. За 90 лет не было обнаружено больше ни одного образца подобного письма, если не считать бронзовой секиры, на которой нацарапаны три слова похожими знаками. Всякая попытка дешифровки при таких исходных данных — не более чем версия. Таких попыток было много: здесь прочитывали и военный гимн, и отчёт о военных действиях, и сельскохозяйственный календарь, и ритуальный священный текст, и даже рассказ о гибели Атлантиды...

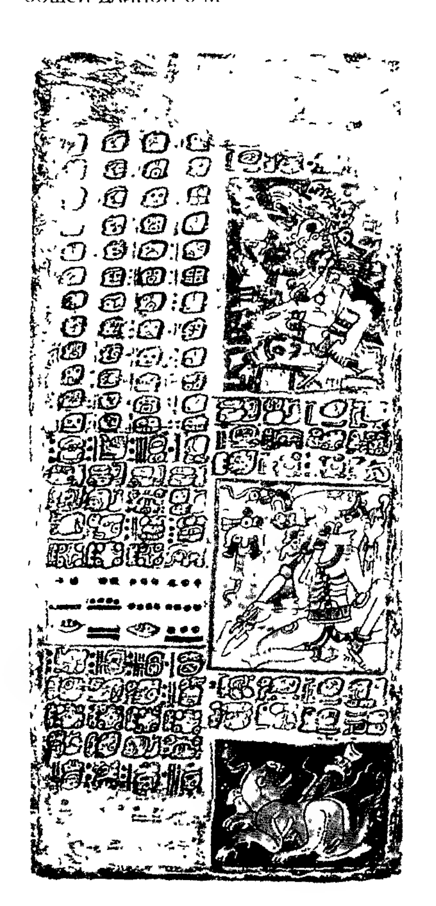
Современному историку Аркадию Анатольевичу Молчанову принадлежит одна из последних версий. Он прочёл Фестский диск как документ о спортивных состязаниях, предположив, что текст написан на минойском языке — языке древней Эгеиды и критского линейного письма А. В качестве опорных моментов Молчанов использовал искусственную билингву: минойские названия городов, которые могли принять участие в состязаниях (они были известны из линейного письма Б), и толкование знака головы с петушиным убором. Учёный предложил считать его детерминативом личного имени, восходящим к распространённому на древнем Крите культу Солнца, священным символом которого был петух. По сообщению древнегреческого историка Павсания (II в.), изображение петуха было эмблемой критских царей, возводивших свой род к богу солнца Гелиосу. Предположение Молчанова кажется весьма убедительным, но всё же это только гипотеза.

Фестский диск.



СЕКРЕТЫ ИЕРОГЛИФОВ МАЙЯ

В XVI в. под ударами испанских завоевателей погибла древняя цивилизация майя, существовавшая на полуострове Юкатан в Южной Мексике с начала новой эры. Были разрушены города и храмы, разграблены сокровища, сожжены рукописные книги. Спустя три века исследователи стали находить в джунглях Америки в руинах индейских городов надписи, высеченные на камне, но ключ к их пониманию был утерян. До наших дней дошли лишь четыре рукописные книги майя, написанные разноцветными чернилами на сложенной в гармошку бумаге, сделанной из луба фикуса. Самая длинная рукопись содержит текст на 56 страницах общей длиной 6 м.



Письмена индейцев майя

Дешифровать письмо майя стали пытаться чуть ли не сразу после того, как его уничтожили. Испанский миссионер Диего де Ланда (1524—1579), сам участвовавший в сожжении книг, составил подробное «Сообщение о делах в Юкатане», в котором предложил версию «алфавита» майя. Эту рукопись три века спустя случайно обнаружил в Мадридской академической библиотеке французский аббат Брассер де Бурбур. С тех пор многие исследователи пытались прочесть книги майя с помощью «алфавита Ланда», но безуспешно. «Алфавит Ланда» никак не соотносился с языком майя, к тому же Ланда отметил звуковые значения 30 знаков, а ученые насчитали их в текстах примерно 800. Исследование письма майя зашло в тупик: письмо признали полностью идеографическим, т. е. в принципе не читаемым, а следовательно — не дешифруемым...

Однако в 1950 г. ленинградскому исследователю Юрию Валентиновичу Кноро́зову (родился в 1922 г.) удалось прочесть тексты рукописей майя. Отождествив варианты знаков и распознав сложные знаки (иногда знаки как бы вписывались один в другой), Кнорозов выделил всего около 270 знаков. Он доказал, что письмо майя устроено так же, как и большинство древних иероглифических систем письма (древнеегипетское, шумерское и др.). В нем преобладали фонетические знаки для звуков, слогов и значимых частей слова, но были и словесные (идеографические) знаки для слов и ключевые знаки для понятий (детерминативы). Один и тот же знак мог использоваться по-разному — как фонетический, словесный или ключевой. Попутно Кнорозов открыл загадку «алфавита Ланда». Его знаки соответствовали не произношению, а названиям букв испанского алфавита: Ланда диктовал слова индейцу, называя их по буквам, а буквы — по их алфавитным названиям. Так, слово *le* 'силок' Ланда диктовал: *ele-e-le*, а индеец записывал *elel* 'жечь'.

Применив метод позиционной статистики, Ю. В. Кнорозов определил грамматическую структуру предложении. Этот метод заключается в анализе сочетаемости знаков. Знаки, как правило, объединялись по два-три (иногда до пяти) в одном иероглифе. В этой группе обычно одни знаки были устойчивыми, повторяющимися, а другие — переменными, чередующимися. Отсюда напрашивался вывод, что устойчивая часть иероглифа соответствует корневой морфеме, а переменная — грамматическим показателям. Выявив, как сочетаются устойчивые и переменные знаки, а также иероглифы внутри фраз, Кнорозов установил основные типы грамматической структуры фраз. Сказуемое, обычно глагольное, всегда стояло в начале предложения.

Тексты майя состоят из стилизованных рисуночных знаков, большинство которых заключено в овалы. В знаках иногда можно узнать очертания человеческого лица, ладони, след ноги, изогнутые листья агавы, оборванные стебли травы, початок кукурузы:

Группы знаков сопровождаются красочными рисунками индейцев и их богов. Вот они ловят рыбу, достают мед из улья, добывают огонь, работают на ткацком станке, рубят деревья, сеют кукурузу, плетут циновки, охотятся, приносят жертвы богам, изготовляют скульптуры, рисуют, танцуют, играют на флейте и барабане, даже курят...

Индейцы майя были создателями единственной фонетической системы письма в доколумбовой Америке. По рукописям и другим памятникам культуры воссоздается образ жизни этого изобретательного, гордого и трудолюбивого народа, умевшего рассчитывать движение планет и строить многоступенчатые пирамиды. Майя строили стадионы для игры в мяч *пок-та-пок* (вроде нашего баскетбола) и театры для представления драм и комедий (до нас дошли некоторые названия: «Прихлебатель», «Продавец кувшинов», «Белый попугай»). Их боги требовали не только жертвоприношений, но и веселых праздников с музыкой и танцами, а свадебные церемонии отмечались ритуалом *камаан никтеиль* («получение цветка»).

сочетаются с большим числом разных лексических морфем. Лексических морфем, напротив, много, и каждая из них встречается с небольшим числом грамматических морфем. Это даёт возможность исследовать грамматику неизвестного языка.

Многие идеи и методы, примененные при конкретных дешифровках, становятся частью общей теории дешифровки, стремящейся охватить широкий класс языков и опирающейся на универсальные свойства их структуры. И всё же поиск универсальных закономерностей языка и письма, использование компьютерной техники не обесценивают задачу дешифровки. Каждый конкретный случай выдвигает новые проблемы, каждая конкретная загадка уникальна и требует своего оригинального подхода к решению. Там, где бессилен компьютер, учёный находит новое решение. Интуиция, проницательность и упорство исследователя оказываются в конечном итоге решающими факторами в деле дешифровки. «Дешифровка письма — это вызов воображению ученого, а также его терпению и настойчивости», — пишет польская исследовательница М. Стен.

При дешифровке могут помочь сведения из истории культуры

Общая теория дешифровки ставит и перспективные задачи. В поисках контакта с внеземными цивилизациями может возникнуть необ-

ЗАДАЧА ГРОТЕФЕНДА

По виду клинописных текстов (прежде всего их нижних строк) можно предположить, что направление письма — слева направо, а строки следуют от верхней к нижней. Большой наклонный клин, вероятно, разделяет слова.

Исходя из этих предположений, можно переписать тексты, заменяя одинаковые знаки одинаковыми цифрами, и обозначить некоторые последовательности знаков (целые слова или части слов) латинскими буквами.

Текст № 1: 1 — 2 — 3 — 4 — 5 — 6 — 7 (*A* — *m*, где *A* — это первые пять знаков); 8 — 7 — 2 — 4 — 9 — 10 — 4 (*B*); 5 — 11 — 3 — 12 (*C*); *B*; *B* — 2 — 13 — 2 — 14 (*B* — *n*); 15 — 10 — 7 — 16 — 2 — 17 — 18 — 19 — 4 — 2 (*D* — *p*, где *D* — это первые семь знаков); 18 — 6 — 20 (*E*).

Текст № 2: 8 — 7 — 4 — 2 — 3 — 7 — 2 (*F*); *B*; *C*; *B*; *B* — *n*; *A* — 19 — 6 — 7 (*A* — *q*); *B* — *p*; *E*.

То же можно представить теперь так:

№ 1: *A* — *m* — *B* *C* *B* *B* — *n* *D* — *p* *E*;
№ 2: *F* *B* *C* *B* *B* — *n* *A* — *q* *B* — *p* *E*.

Если сравнить эти формулы с сасанидским титулом, получатся возможные значения основ: *A*, *F*, *D* — имена собственные, *B* — 'царь', *C* — 'великий', *E* — 'сын'. По-видимому, в ахеменидских титулах порядок слов был: 'царь великий' (а не 'великий царь') и 'У-а сын' (а не 'сын У-а') и в наименовании отца не ставилось 'великий'. Части ***m***, ***n***, ***p***, ***q*** — это какие-то окончания (вероятно, ***m*** — окончание им. п. ед. ч., ***p*** и ***q*** — род. п. ед. ч., ***n*** — род. п. мн. ч.). Таким образом, предположительные переводы таковы:

№ 1: «*A*, царь великий, царь царей, D сын».

№ 2: «*F*, царь великий, царь царей, A царя сын».

Кто же эти *A*, *F* и *D*? Из текста № 1 видно, что *D* не был царем (иначе он, конечно, был бы назван со словом *царь*). Цари, чьи отцы не были царями, — это только Кир и Дарий. Другого Кира и другого Дария среди царей не было; следовательно, *A* в тексте № 2 не тезка лица *A* из текста № 1, а то же самое лицо. Тогда *F*, сын *A*, — это Камбиз, сын Кира, или Ксеркс, сын Дария. Но Камбиз отпадает, поскольку отца Кира тоже звали Камбизом, а в текстах *D* = *F*. Таким образом, единственное решение: *A* — Дарий, *F* — Ксеркс, *D* — Гистасп.

Чтобы узнать приблизительное фонетическое значение хотя бы некоторых клинописных знаков, можно сравнить греческие имена этих трех лиц с их именами в текстах (вертикальными чертами показаны соответствия, встретившиеся более одного раза).

1 2 3 4 5 6 7 4 2 3 7 2 8 9 7 10 2 11 12
д а р е й к с е р к с h ю с т а с п

Значит, вероятны следующие приблизительные чтения клинописных знаков: *2* — ***а***, 3 — ***р***, 4 — **е**, 7 — ***с***. Менее надежны прочие (неповторяющиеся) соответствия; 1 — ***д***, 5 — ***й***, 6 — ***к***, 8 — ***h***, 9 — ***ю***, 10 — ***т***, 11 — звук типа [с] (но отличный от того, который передается знаком 7), 12 — ***п***.

К таким же чтениям пришел и Гротефенд. Впоследствии бо́льшая часть из них подтвердилась.

ходимость дешифровать язык качественно иной структуры, чем известные земные языки. Подобная задача, возможно, станет делом будущего поколения лингвистов.

* * *

Дешифровка — это одна из редких наук, в которых решающие достижения принадлежат не только учёным-профессионалам, но и любителям. Рядом с выдающимися востоковедами Жаном Франсуа Шампольоном, Арчибалдом Генри Сейсом, Бедржихом Грозным, Гансом Бауэром и другими мы видим открывателей клинописи — школьных учителей Георга Фридриха Гротефенда, Жюля Опперта; пастора Эдуарда Хинкса; доблестного офицера и политического агента Британии в Афганистане и Иране Генри Роулинсона; математика и изобретателя фотографии Вильяма Тальбота; врача и дипломата Поля Эмиля Ботта, прославившегося прежде всего тем, что раскопал дворец ассирийского царя Саргона II в Хорсабаде; погибшего в Аравийской экспедиции простого гравировщика Джорджа Смита, который нашёл и первым прочитал глиняные таблички эпоса о Гильгамеше; дешифровавших критское линейное письмо Б архитектора Майкла Вентриса и математика Алису Кобер; занимавшегося письменностью жителей острова Пасхи школьника Бориса Кудрявцева и многих других.

Вторая половина XX столетия открыла в истории дешифровки плеяду новых имён российских исследователей. Среди них — И. М. Дьяконов, мировую известность которому принесла дешифровка парфянских текстов города Нисы (в современной Туркмении), резиденции парфянских царей Аршакидов; Ю. В. Кноро́зов, дешифровавший письмо индейцев майя и письменность долины Инда; А. М. Кондратов, разрабатывавший вероятностно-статистические методы анализа древних систем письма; В. В. Шеворошкин, разгадавший карийскую письменность; И. А. Харсекин, успешно разрабатывавший комбинаторный метод в исследовании этрусских текстов; Г. А. Климов, дешифровавший письмо кавказских агван. Вклад этих исследователей в значительной степени опирался на достижения ленинградских, московских и новосибирских научно-исследовательских коллективов, занимавшихся компьютерным анализом и обработкой древних письменных текстов.

Загадочные древние письмена продолжают приковывать внимание самых разных людей. Ведь это и нить, протянутая из прошлого, и вызов интеллекту современного человека.

ТАЙНА ЯЗЫКА ЭТРУСКОВ

Этруски были учителями римлян, народом высокоразвитой культуры. Они основали Рим, были искушены в государственном управлении и политике (цари Рима Тарквинии были этрусками), в искусстве и литературе (из рода этрусских царей происходил Гай Цильний Меценат — покровитель литературы и искусства), а также в военном деле и мореплавании (Тирренское море назвали в честь этрусков; тирренами их называли греки). Этрусское письмо послужило основой латинского алфавита. На этрусском языке писали до начала новой эры, но потом он был полностью вытеснен латынью и забыт. Некоторые этрусские слова стали «своими» во многих языках — *персона, церемония*...

Кем же были этруски, на каком языке они говорили? Учёные всего мира старались проникнуть в загадку этрусского языка, стремясь найти звуковое сходство со словами известных языков: от финского и коптского до баскского и японского. Пытались доказать даже, что этруски — это восточные славяне. Однако убедительных результатов добиться не удавалось. Мешало отсутствие билингвы и однообразие текстов (из 11 тыс. текстов четыре пятых — короткие надгробные надписи, состоявшие в основном из имён собственных). Но среди них попадались и замечательные находки: длинный текст на льняных полосах, в которые была завёрнута мумия этруски из Египта, бронзовая табличка с текстом для гадания, игральные ко́сти с буквенной записью чисел. В 1964 г. при раскопках древнего храма в Пирги (недалеко от Рима) была найдена долгожданная билингва — золотые пластинки с финикийским и этрусским текстами. Однако оказалось, что это скорее квазибилингва: торжественные формулы посвящения на финикийском и этрусском языках различались.

Затем этрусские тексты исследовали комбинаторным методом. Исследователь при этом не исходит из гипотезы о родстве с определённым языком, а опирается на анализ структуры текста, привлекая внешние данные для уточнения его характера. «Так, встречая в дарственной надписи слово *turuce*, помещённое между именами дарителя и одаряемого божества, нетрудно догадаться о его значении ‘дал’, ‘даровал’, в чём окончательно убеждаемся после анализа других аналогичных формул», — пишет один из ведущих этрускологов И. А. Харсекин.

Важным шагом вперёд стало использование ЭВМ для статистической обработки этрусских текстов. Впервые компьютер применили в 1965 г. американские исследователи М. Фаулер и Р. Вольф, чтобы составить прямой, обратный и частотный этрусские словари. На их основе петербургский исследователь Елена Савенкова в 1987 г. создала алгоритм отделения грамматических морфем от лексических. Он позволяет проводить этимологические исследования, сопоставляя не отдельные слова, а грамматические показатели (слова часто заимствуются, грамматические показатели — крайне редко).

Тайна происхождения этрусского языка окончательно не разгадана, однако благодаря новым данным известный московский лингвист Сергей Анатольевич Старостин (родился в 1953 г.) в 1987 г. смог обосновать гипотезу о родстве этрусского языка с некоторыми северокавказскими.

АЛГОРИТМ ШЕВОРОШКИНА — СУХОТИНА

Вот как работает алгоритм отделения гласных от согласных. Возьмем фразу из статьи «Загадочные письмена» «Один из...» и представим себе, что перед нами текст на неизвестном языке. Где здесь гласные, а где согласные? Запишем текст без пробелов между словами, но оставляя знаки препинания — они как бы разрывают звуковую цепь. Для каждой буквы выпишем всех ее непосредственных левых и правых соседей внутри звуковой цепи. Для первой буквы **о** это будут сочетания: *од, бол, ров, воч, гор, мов, бот, хот, вор, рош, ров, ког, гоп* (удобнее записывать их в столбик). Теперь выделим повторяющиеся пары (независимо от того, какая буква является левым, а какая правым соседом). Для первых четырех букв ***о, д, и, н*** получим:

Для **о**	Для **д**	Для **и**	Для **н**
о : в (5 раз)	**д : и** (2 раза)	**и : н** (5 раз)	**н : и** (5 раз)
о : р (5 раз)	**д : е** (2 раза)	**и : р** (4 раза)	**н : ы** (4 раза)
о : г (3 раза)		**и : ш** (3 раза)	**н : е** (3 раза)
о : б (2 раза)		**и : д** (2 раза)	**н : а** (2 раза)
о : т (2 раза)		**и : т** (2 раза)	**н : с** (2 раза)
		и : ф (2 раза)	
		и : м (2 раза)	

Из первого и третьего можно предположить, что **о** и **и** относятся к одному классу, так как у них общие соседи ***р*** и ***т;*** тогда ***в, р, г, б, т, н, д, ш, ф, м*** относятся к другому классу. Но из четвертого следует, что ***н*** в свою очередь противопоставлено ***и, ы, е, а, с,*** которые должны принадлежать к первому классу.

Таким образом, мы получаем разбиение: первый класс — ***о, и, ы, е, а, с;*** второй класс — ***в, р, г, б, т, н, д, ш, ф, м.*** Данные второго пункта подтверждают его.

Как решить, какой из выделенных классов составляют гласные, а какой — согласные? Обычно в звуковой системе языка разных гласных меньше, чем разных согласных; соответственно и в алфавите гласных букв должно быть меньше. Очевидно, первый класс — гласные, второй — согласные.

Вы видите, что в одном случае алгоритм дал ошибку: ***с*** попала в класс гласных. Однако если взять более длинный текст для анализа, скорее всего ошибка исчезнет.

Выводы сделаны на очень небольшом материале, и тем не менее мы получили верное распределение для 15 букв из 16. Алгоритм Шеворошкина — Сухотина проверяли на материале русского, английского, немецкого, французского и испанского языков в текстах по 10 тыс. знаков. На материале немецкого языка алгоритм дал три ошибки (за счет однозвучных буквосочетаний), на английском, русском и французском материале — по одной ошибке, на испанском — ни одной.

Этот метод использовал Георгий Андреевич Климов (1928—1997) при дешифровке агванского письма — письма Агвании, или древней Кавказской Албании.

ФИНИКИЙСКАЯ НАДПИСЬ

Дан фрагмент надписи на финикийском языке (одном из мертвых языков Средиземноморья, близкородственном арабскому) и его перевод на русский язык:

(«Я, Табнит, жрец Аштарты, царь сидонян, сын Эшмуназара, жреца Аштарты, царя сидонян».)

Известно также, что по-арабски жрец царя звучит как *кахину ламалики.*

Определите звучание как можно большего числа знаков финикийского письма.

ПЛЯШУЩИЕ ЧЕРЕПАШКИ

Опираясь на дешифровку И. К. Федоровой, приводимый ниже текст можно прочитать на языке рапануи XVI в. следующим образом:

мау-кихи-нуа-кихи-тонга-хону//тонга-мау-кихи-нуа-кихи-мау-кихи-ханга-о-хону

Основные значимые элементы:

(1) — кихи — название одного из сортов сахарного тростника;

(2) — о — показатель родительного падежа;

(3) — мау — 'взять'; 'держать' ('взял', 'держал');

(4) — ко — артикль, показатель начала абзаца;

(5) — нуа — 'большой', 'много',

(6) — тонга — 'собрать' ('собрал');

(7) — ханга — 'бухта',

(8) — хону — 'черепаха', 'вождь'.

Определите варианты основных знаков, лигатур и знаконосцев и попытайтесь перевести текст в соответствии с предложенным чтением.

ЗАБЫТАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ РАПАНУИ

Загадки острова Пасхи привлекали многих путешественников и исследователей, в их числе были Джеймс Кук, Николай Николаевич Миклухо-Маклай, Тур Хейердал. Считалось, что загадки острова разгадает тот, кто прочтет тексты, записанные на священных дощечках кохау ронго-ронго. К концу XIX в из-за междуусобных войн, налетов перуанских работорговцев и эпидемий его население было почти полностью уничтожено, утерян был и секрет древней письменности. Загадочные дощечки также были практически уничтожены: удалось обнаружить чуть больше двух десятков экземпляров. Два из них приобрел русский путешественник и этнограф Н. Н Миклухо-Маклай и передал их в дар санкт-петербургской Кунсткамере.

Долгое время полагали, что тексты на дощечках рассказывают об истории острова, его заселении, о богах и героях его народа. Возможно, так оно и было. Но тексты, которые дошли до нас, совсем другого характера, считает сотрудник Кунсткамеры Ирина Константиновна Федорова. Это ритуальные песнопения, сопровождавшие, по-видимому, древние сельскохозяйственные обряды. Их пели, называя — с многократными повторами — каждое растение, чтобы обеспечить им хороший урожай. Островитяне оберегали дощечки как священные предметы вместе со статуэтками домашних духов аку-аку и предков.

Одна из первых попыток разобрать надписи кохау ронго-ронго была предпринята епископом острова Таити Тепано Жоссаном. Ему удалось отыскать на Таити старого рапануйца Меторо Тау а Уре, который в молодости прошел курс обучения у знатоков письма и прочел ему дощечки Воспроизведенный Меторо текст оказался, однако, совершенно бессвязным. Островитянин, по-видимому, и сам не понимал смысла прочитанного Вместо текста получился перечень названий предметов и существ, запечатленных в знаках, нередко с пропусками и ошибочными чтениями.

Словарик, который составил Жоссан на основании чтений Меторо, долго сбивал с толку исследователей рапануйского письма. Выдвигались смелые догадки, рискованные гипотезы Например, на основании внешнего сходства знаков предполагалось существование связи между цивилизациями Мохенджо-Даро и острова Пасхи. Однако внешнее сходство части знаков не может служить решающим аргументом родства.

Дощечка с письменами острова Пасхи вырезанными зубом акулы

Важный вклад в дешифровку внес ленинградский школьник Борис Кудрявцев, определивший, что две дощечки из Кунсткамеры содержат параллельные тексты, сопоставимые с текстом дощечки из Сантьяго. Б. Кудрявцеву не удалось продолжить исследования: он погиб в 1943 г.

В 1954 г. немецкий исследователь Томас Бартель предположил, что рапануйское письмо представляет собой упрощенную систему передачи речи, лишенную грамматических показателей, — наподобие конспекта или набора ключевых слов для напоминания устного текста

В 60-е гг. рапануйские тексты были обработаны с помощью ЭВМ по методике Юрия Валентиновича Кнорозова. Тексты пытались разбить на постоянные и переменные блоки, соответствующие корневым и служебным элементам, однако положительного результата этот анализ не дал

Оставалось надеяться лишь на ручную обработку текстов. 40 лет упорного труда посвятила этой работе И К. Федорова И в конце концов ей, по-видимому, удалось раскрыть секреты рапануйского письма. Один из них — использование слитных написаний — лигатур, которые могли быть образованы из любых сочетаний знаков, что, в частности, затрудняло автоматический анализ текстов. Другим секретом оказалось то, что в лигатурах использовались своего рода пустые знаки, названные И. К Федоровой «знаконосцами». Так, знак, изображавший человека, часто не читался, а служил лишь опорой для «пристроившегося» к нему основного смыслового знака, который графически представлял собой лишь деталь целого — поворот руки, положение ног, предмет в руке, при этом голова оказывалась самой незначащей деталью. Поэтому в письме было по нескольку внешне различавшихся знаков, передававших одно и то же значение.

Тщательный анализ лигатур позволил сократить набор знаков примерно до 200 (по сравнению с 800 у Т. Бартеля). В итоге И. К. Федоровой удалось показать, что рапануйское письмо представляет собой полноценное иероглифическое звуковое письмо. Она выделила в нем три основных класса знаков, присущих иероглифическому типу письма: идеограммы, омографы (ребусные слоговые написания) и детерминативы; с помощью омографов можно было передавать и грамматические показатели.

АЛГОРИТМ ХЭРРИСА

Выдающийся представитель американской дескриптивной лингвистики Зеллиг Хэррис (1909—1992) разработал алгоритм деления высказывания на морфемы на незнакомом языке. Обычно, когда требуется разобрать слово по составу, мы ищем однокоренные слова, т. е. слова, сходные не только по звучанию, но и по значению. Алгоритм Хэрриса хорош тем, что он не требует обращения к значению, ведь он задуман для работы с неизвестным языком. Однако информацию об исследуемом языке алгоритм, конечно, получает — в виде исходного текста большого объема, из которого выбирают высказывание для анализа. Текст обрабатывают не вручную, а на компьютере.

Идея, лежащая в основе алгоритма, проста и знакома многим по игре в «балду». Играющие по очереди составляют слово из букв. Первая буква может быть любой, с каждой следующей возможность выбора значительно уменьшается, а для последней обычно остается только один вариант. Примерно так же строится и связный текст. Неопределенность выбора буквы (количество вариантов) постепенно падает от начала к концу слова и резко возрастает на границах слов.

Итак, в исходном тексте (где слова могут быть записаны без пробелов, а у Хэрриса еще и в фонетической транскрипции — ведь он работал с бесписьменными индейскими языками) выбирают для анализа некоторое высказывание. Его можно рассматривать как цепочку букв или знаков транскрипции между точками или паузами. На первом шаге берут первую букву высказывания и выписывают из текста все ее сочетания с другими буквами. Например, такое высказывание: *На выходе получим новое разбиение*. Проверив весь текст, выясняют, что ***н*** встречается в сочетаниях: ***на, но, ни, не, ны, ну, нн, нт, нс, нч,*** т. е. за ***н*** в тексте следуют всего десять разных «преемников».

На втором шаге исследуют буквосочетание ***на.*** У него во всем тексте встречаются следующие продолжения: ***в, д, с, м, х, я, ш, з, р, ч, б, г;*** всего 12 «преемников». На третьем шаге исследуем буквосочетание ***нав.*** Для него обнаружились всего четыре «преемника»: ***ы, о, и, с.*** Эту процедуру повторяют до конца высказывания, добавляя на каждом шаге по одной букве к проверяемому буквосочетанию. Результаты — число «преемников» — заносят в таблицу:

н	***на***	***нав***	***навы***	..
10	*12*	*4*	*2*	...

Если верна исходная гипотеза, что разнообразие букв больше на границах слов (морфем), чем внутри слова (морфемы), то бóльшие числа должны указывать на такие границы — пики неопределенности. В данном примере наибольшее число 12, после него и проводят морфемную границу.

Чтобы уточнить результаты деления на морфемы, эту же процедуру проделывают от конца высказывания, вычисляя число «предшественников» сначала последней буквы, затем двух последних и т. д. Отделив часть слова от границы, можно начать процедуру анализа со следующей исходной точки, в данном случае со слова *выходе.*

Надежность результата зависит от объема текста. Алгоритм Хэрриса проверили на 100 предложениях английского текста, в 85 % случаев морфемы оказались выделены правильно. Правда, тексты пришлось взять в транскрипции: английская орфография заметно отстала от развития самого языка.

ПЛЯШУЩИЕ ЧЕРЕПАШКИ

В тексте можно выделить всего десять знаков, из которых *III, IV, VIII, IX, X* соответствуют элементам 6, 8, 7, 2, 8. Очевидно, что *I* знак текста — лигатура, из элементов 4, 3 и 1. Элемент 3 изображает руку; в тексте в его роли использована рука человечка, соответствующего элементу 4 (в данном случае нечитаемому), который указывает, по-видимому, начало абзаца текста. В руке у человечка — растение *кихи,* сахарный тростник. В данной лигатуре элемент 4 можно считать знаконосцем. Возможный перевод: «взял кихи».

II и *VI* знаки тоже лигатуры из элементов 5 и 1. Перевод: «много кихи или большой кихи».

III и *IV* знаки можно перевести: «собрал вождь» (вряд ли черепаха). Двойная черта в чтении, по-видимому, означает более долгую паузу.

V знаку соответствует чтение «тонга-мау-кихи». Сочетание *мау-кихи* можно обнаружить в изображении руки с растением у сидящего существа, другая рука повторяет очертания элемента 6 — *тонга;* само же существо с повернутой головой — пустой элемент, «знаконосец». Возможный перевод: «собрал, взял кихи».

VII знак скорее всего аналог первого знака в середине абзаца; существо с повернутой головой — знаконосец, значимы рука и растение — элементы 3 и 1. Наиболее вероятный перевод: *взял кихи.*

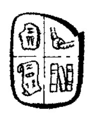
VIII, IX и *X* знаки по элементам могут быть переведены как «бухта Черепахи (или Вождя)». Возможен по смыслу предложный падеж: «в бухте Черепахи (Вождя)».

Полный перевод: «Взял кихи, много кихи собрал вождь; собрал, взял кихи, много кихи, взял кихи в бухте Черепахи». (Одна из бухт на острове Пасхи действительно называется бухтой Черепахи.)

Варианты основных элементов:

(1) *кихи* ⸸, ⸸, ⸸, (3) *мау* ~, (6) *тонга* ~

Они встречаются в знаках-лигатурах: *I, II, V, VI* и *VII*. Знаконосцы — фигуры человечков.



ГЕТЕРОГРАММЫ — ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ, СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ

Помимо знаков для записи звуков и знаков пунктуации в системах письма используют обозначения чисел, мер, дат. Первоначально в каждой письменности применяли собственную систему символов для этих целей.

Впоследствии во всём мире утвердились универсальные системы цифр: арабская и римская. Знаки этих систем понятны в любом языке, хотя каждый народ читает их по-своему. Такие знаки называются *гетерограммами* (от *греч.* «hе́teros» — «иной», «другой» и «grа́mma» — «рисунок», «знак», «буква»). Гетерограммы и в самом деле «иностранцы», чужие среди своих, и в то же время свои в тексте, написанном на любом незнакомом языке. Так, гетерограммами для русского и латинского письма являются арабские цифры (строго говоря, они произошли из индийской нумерации). А римские цифры для латинского письма — не гетерограммы, а свои собственные словесные знаки.

Кроме цифр гетерограммами для русского письма являются и некоторые другие обозначения. Одно из них — латинское сокращение **etc.** (от *лат.* et cetera), которое по-русски обычно читают «и так далее», а по-английски — «and so on». К гетерограммам относится и знак & — амперсанд. Встречается он в названиях коммерческих фирм: «*Иванов* **& C°**» (читается: «Иванов и Компания»: **C°** тоже гетерограмма и происходит от английского *company*). Особенно важен знак **&** для математической логики, он обозначает объединение, коньюнкцию (от *лат.* conjunctio — «союз», «связь»).

Честь изобретения этого знака принадлежит, однако, не математику, как можно было бы подумать, а рабу знаменитого оратора Цицерона — Марку Туллию Тирону. В 63 г. до н. э. он изобрёл одну из первых систем стенографии, так называемые тироновы знаки, или тироновы ноты, для записи речей Цицерона, секретарем которого стал.

Знак & представляет собой слитное написание латинского слова *et* — «и». В этом значении его широко использовали писцы в средневековой Европе.

Название «амперсанд» появилось позднее из английского беглого произнесения *and per se* (буквально значит «**и** сам по себе»; причем *and* — английское слово, а *per se* — латинское). Так называли этот знак дети в XVIII столетии, заучивая скороговоркой английскую азбуку.

Латынь, которая несколько столетий была общеевропейским языком культуры, стала источником множества гетерограмм. Англичане, французы, немцы одинаково пишут **i. e.** (от *лат.* id est — «то есть»), **e. g.** (от *лат.* exempli gratia — «например»), **ib.** (от *лат.* ibidem — «там же»). Произносят же они эти гетерограммы либо по-латыни (причем англичанин прочитает **etc.** [этсэ́тэра], а француз — [этсэтэра́]), либо переводят на свой язык. Англичанин прочитает **e. g.** как *for example*, а француз — как *par example*. В русских текстах можно встретить гетерограмму **NB!** (от *лат.* nota bene — «обратите внимание»). Широко известен постскриптум — **P. S.** (от *лат.* post scriptum — «после написанного»), который означает приписку к уже законченному письму.

Гетерограммы удобны, они помогают быстрее писать. И сейчас студенты нередко используют для краткости знаки и символы иных систем (математики, химии, других языков). Например, пишут *в* ∀ *языке* вместо *в любом языке* («∀ — квантор (знак) всеобщности в логике»); *запасы* H_2O вместо *запасы воды;* **Def** вместо *по определению* (от *лат.* definitio — «определение»).

ФИНИКИЙСКАЯ НАДПИСЬ

Текст включает повторяющиеся блоки — *жрец(а) Астарты, царь(я) сидонян* — в середине и в конце. В финикийском варианте, если читать его слева направо, одинаковые блоки встречаются в начале и в конце текста, что не соответствует порядку слов в переводе. Если же читать справа налево, то повторяющиеся блоки находятся в нужных местах. Тогда первые семь знаков первой строки должны соответствовать сочетанию *я, Табнит.* Если считать, что последний из них 𐤕 — ***т,*** то имя царя записывается четырьмя знаками: 𐤕𐤍𐤁𐤕. Можно предположить, что знаки соответствуют четырём согласным имени: 𐤁 — ***б,*** 𐤍 — ***н*** (они похожи на Б и N, но иначе ориентированы в пространстве). Три следующих знака должны соответствовать слову *жрец* — *кахину,* если оно звучит, как в современном арабском. Последний знак известен: 𐤍 — ***н.*** Значит, 𐤊 — ***к,*** 𐤇 — ***х.***

Следующее слово — *Аштарта.* По известному 𐤕 ***т*** определяем остальные знаки: 𐤏 — ***а,*** 𐤔 — ***ш,*** 𐤓 — ***р*** (они напоминают Ш и Р по очертаниям).

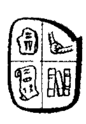
Распутать дальнейший текст можно с конца имени — *Эшмуназар* — с последней буквы перед началом повторяющегося блока: это 𐤓 — ***р.*** Тогда 𐤍𐤁 [б-н] — *сын* (вспомните: *Ибн-Хоттаб, бен-Дауд* — восточные сказочные имена).

Остаётся *царь сидонян.* Исходя из арабской формы *лмалики (царя)* и текста, где 𐤊 ***к*** — третий знак, восстанавливаем форму 𐤊𐤋𐤌 м-л-к — *царь.* Тогда 𐤌𐤍𐤃𐤑 — *сидонян.* Поскольку это производное от названия города Сидон, естественно считать, что 𐤃 — ***д,*** 𐤑 — ***с.***

Фонетические значения финикийских знаков:

𐤀 — ***э;***	𐤇 — ***х;***	𐤌 — ***м;***
𐤍 — ***н;***	𐤏 — ***а;***	𐤋 — ***л;***
𐤊 — ***к;***	𐤔 — ***ш;***	𐤑 — ***с;***
𐤕 — ***т;***	𐤓 — ***р;***	𐤃 — ***д.***
𐤁 — ***б;***	𐤆 — ***з;***	

(Гласные писали обычно в начале слова, а знаками согласных обозначали слоги типа «согласный + любой гласный».)



ПАЛЕОГРАФИЯ. НАД СТРАНИЦАМИ ДРЕВНИХ РУКОПИСЕЙ

У кого не вызовет трепета старинная рукопись, написанная на пергамене или желтоватой бумаге с каплями воска, в толстом кожаном переплёте с медными застёжками по краям! Странной, почти магической властью обладают над нами слова, написанные столетия назад. Может быть, их магия в том, что они позволяют проникнуть в далёкое прошлое, ощутить дух, разум и гений наших предков?

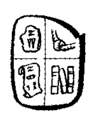
Однако сначала важно узнать «биографию» рукописи, выяснить, когда, где, кем и при каких обстоятельствах она была написана. Иногда ответы на эти вопросы даны в самой рукописи; например, в знаменитом Остромировом Евангелии есть запись: «**Слава тебѣ Господи, царю небесьнꙑи, ꙗко съподоби мѧ написати Еуангелие се. Почахъ же е писати въ лѣто ҂s҃. ф҃. ѯ҃. д҃.** (что в переводе с буквенной цифири означает 6564 г. от сотворения мира или 1056-й — от Рождества Христова. — *Здесь и далее прим. ред.*), **а оконьчахъ е въ лѣто ҂s҃. ф҃. ѯ҃. е҃.** (1057 г.) **Написахъ же Еуангелие се рабу Божию нареченоу сѫщоу въ крещении Иосифъ, а мирьскꙑ Остромиръ... Азъ Григории диꙗконъ написахъ Еуангелие е... почахъ же писати мѣсѧца октѧбрѧ .ка҃.** (21-го) **на памѧть Иларїона. А оконьчахъ мѣсѧца маиꙗ въ .вı҃** (12-е) **на памѧть Епифана...».** В рукописи могут быть различные приписки, дающие представление о писце. Например, на полях одной псковской богослужебной рукописи 1344 г. писец жалуется на сонливость: «**о г҃и помози. дремота непримѣньнаꙗѧ и въ семь рѧдке помѣшахсѧ**» («О Господи, помоги: дремота неодолимая — и в этой строке ошибся»). Спустя несколько листов он ругает плохое перо: «**погꙑбель перꙗ сего**», а позднее делится перспективой ужина: «**сѣсти ужинать клюкованиꙗ съ саломь съ рꙑбьимъ**». Но, к сожалению, гораздо чаще рукописи не содержат никаких записей и приписок и молчат о своём создателе. Как в этом случае узнать, где и когда они были написаны?

Примечание писца на страницах Остромирова Евангелия. 1057 г

РОЖДЕНИЕ ПАЛЕОГРАФИИ: ОТСТАИВАЯ ПРАВДУ

В эпоху Раннего Возрождения учёные и писатели были буквально одержимы страстью поиска древних исчезнувших старинных рукописей — *манускриптов* (от *лат.* manus — «рука» и scribere — «писать»). Одних (например, Франческо Петрарку, Джованни Боккаччо, Колуччо Салутати) интересовали забытые произведения античных авторов, других — истоки христианской культуры, проблемы подлинности Священного Писания. Об этих поисках можно рассказать не одну занимательную повесть.

Разбирая древние письмена, учёные сравнивали различные манускрипты и искали закономерности в их оформлении и почерке, чтобы научиться оценивать возраст и иные данные любых рукописей. Так возникла область зна-



ний, называемая *палеографией* (от *греч.* «palaiós» — «древний» и «grápho» — «пишу»). Учёные-палеографы изучают, откуда происходят, как изменяются письменные знаки и всё, что с ними связано: материал, на котором писали, способ письма и т. п.

Однако первые попытки описания и классификации типов почерков были вызваны причинами практическими и далёкими от науки. Так, латинская палеография обязана своим появлением имущественным спорам между католическими орденами иезуитов и бенедиктинцев. Иезуиты объявили поддельными грамоты, удостоверявшие права бенедиктинского ордена на монастырь Сен-Дени во Франции. В 1681 г. учёный-бенедиктинец Жан Мабильон в капитальном труде «Трактат о дипломатике» сумел разными способами доказать подлинность древних документов монастыря. Одна из глав этой книги была посвящена анализу почерков латинских рукописей и сравнению письма спорных грамот с письмом других, бесспорных рукописей. Мабильон привёл образцы различных почерков, разделив их на типы письма: готское, лангобардское, франко-галльское, саксонское и романское. Стало ясно, что по типу почерка рукопись можно отнести к той или иной группе и доказать её подлинность.

В России в 1717 г. к палеографическому анализу обратились старообрядцы, чтобы доказать поддельность двух якобы древних рукописей, на которые ссылались в споре с ними сторонники церковной реформы патриарха Никона. Одна из рукописей называлась «Соборное деяние на еретика... Мартина» и выдавалась за написанную в XII в., другая была представлена как «Требник митрополита Феогноста», будто бы исправленный Феогностом по приказанию Ивана Калиты в 1329 г. Обе рукописи были выставлены на Печатном дворе для убеждения верующих. Написанные на заплесневелом и изъеденном жучками пергамене, на неискушённого читателя они действительно производили впечатление древних. Однако не таковы были образованные книжники, отстаивавшие старую веру. Андрей Денисов и его ученики и сподвижники Леонтий Федосеев и Мануил Петров написали большое исследование, которое всесторонне опровергло подлинность «Соборного деяния...» и «Требника...». Помимо логических, хронологических и фактических ошибок они указали на несообразности в палеографических данных, заметив, в частности, что цвет чернил, которыми написаны эти рукописи, отличается от цвета чернил на древнем пергамене, а старые начертания букв были совсем другими.

СОБИРАТЕЛИ РУКОПИСЕЙ

Знаменитый итальянский писатель Джованни Боккаччо был не менее выдающимся собирателем древних рукописей. Однажды поиски манускриптов привели его в древний монастырь Монте-Кассино между Римом и Неаполем.

«Желая увидеть собрание, — писал его ученик Бенвенуто да Имола, — которое, как он предполагал, должно было быть превосходным... Боккаччо учтиво попросил монаха... открыть для него в качестве большой любезности библиотеку. Монах сурово ответил, указывая на крутую лестницу: „Взойдите, она открыта". Обрадованный Боккаччо поспешил наверх; там он обнаружил, что место, хранящее столь великие сокровища, не имеет ни ключа, ни дверей. Он вошёл и увидел траву, выбивавшуюся из щелей в подоконнике, книги и лавки, покрытые толстым слоем пыли. С удивлением он начал открывать и переворачивать страницы... и обнаружил много разных томов древних и иноземных произведений. В некоторых из них не хватало нескольких листов; другие были сплошь изрезаны и изуродованы. Наконец он с грустью вышел из библиотеки. Вернувшись в монастырь, он спросил встретившегося ему монаха, почему эти ценнейшие книги так безжалостно изуродованы. Тот ответил, что монахи, желая заработать несколько сольди, взяли в обычай отрывать несколько листов и делать из них Псалтири, которые они потом продавали и мальчишкам». «...О муж науки, иди и ломай себе голову; создавай книги, которые, быть может, окончат свой век точно так же!» — этими словами Бенвенуто да Имола заканчивает повествование.

Описывая плачевное состояние книг в монастырских библиотеках, искатели древностей, возможно, сгущали краски. Часто книголюбы становились обладателями ценных манускриптов не совсем законным путем, поэтому они придумали себе оправдание, что героически спасают культурные сокровища. Любители старины даже взяли на вооружение лозунг «Si jus violandum est, librorum grātia violandum est», что в переводе с латыни означает: «Если закон должен быть нарушен, пусть он будет нарушен ради спасения книг».

Впрочем, монахов обвиняли в невежественности не без оснований. Известен рассказ, как в XIX в. русский учёный и собиратель рукописей Евфимий Алексеевич Болховитинов (митрополит Евгений), подъезжая к одному из новгородских монастырей, встретил телегу, нагруженную ветхими книгами, которые монах вёз, чтобы потопить в реке. Монастырское начальство, зная о внимании митрополита к древностям, хотело таким образом избежать упрёков в дурном обращении с рукописями. Среди этого «хлама» Болховитинов обнаружил фрагменты рукописи XI в.

КАИРСКАЯ ГЕНИЗА

К числу хранилищ, знаменитых богатством древних рукописей, относится каирская гениза (это древнееврейское слово в переводе означает «сокровищница»). Гениза — место, где хранились истрепавшиеся священные книги и свитки. Выбрасывать их было нельзя, так как считалось, что они могли подвергнуться осквернению. Когда гениза переполнялась, рукописи хоронили, подобно людям, со всеми необходимыми церемониями. Однако в генизу поступали не только ветхие книги, но и те, которые были объявлены еретическими и изъяты из обращения. У греков такие книги назывались апокрифами, т. е. «тайными», «сокровенными», что близко по значению к слову «гениза». Кроме того, в генизу стали складывать все документы, нуждавшиеся в длительном хранении: юридические контракты, договоры об аренде, брачные соглашения, судебные решения и т. п.

Каирская гениза находилась в одной из старейших синагог, расположенной к югу от Каира. Здание, которое первоначально занимала христианская церковь, в 882 г. перешло к иудеям. Тогда же в генизу попали первые тексты. По какой-то случайности огромная масса складывавшихся в ней документов осталась непогребенной и благодаря сухому египетскому климату хорошо сохранилась. В XIX в. о хранилище проведали охотники за рукописями. Им местные каирские торговцы в течение нескольких лет тайно сбывали содержимое генизы, которое затем попадало в крупные библиотеки Запада. Конец этому положил в 1896 г. выдающийся гебраист (так называют специалистов по древнееврейской культуре) Соломон Шехтер (1847, 1849 или 1850—1915). Он был первым, кто по дошедшим до него фрагментам древних рукописей определил, что они происходят из каирской генизы, и сумел оценить их уникальность.

Оказавшись в Каире и получив доступ в генизу, Шехтер отобрал самые древние и ценные из хранившихся там рукописей, документов и старопечатных книг. Забираться в кладовую приходилось через отверстие в стене по грубо сколоченной лестнице и работать в помешении, лишенном света, задыхаясь от пыли.

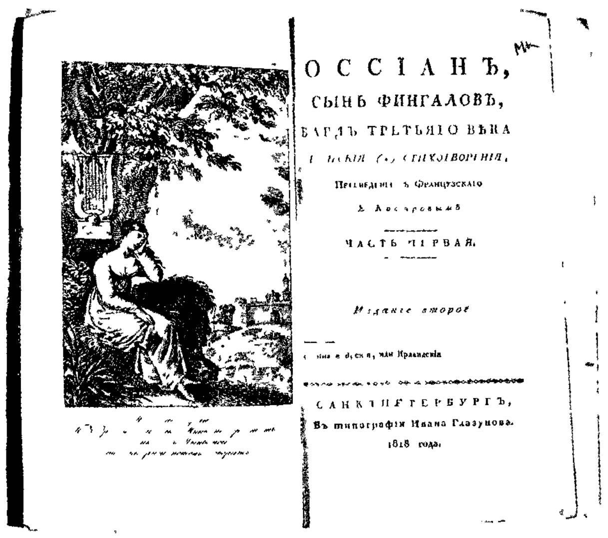
Находки Шехтера, отправленные им из Каира в Англию, составили 30 мешков, и они действительно были сенсационными. Среди них обнаружился почти полный древнееврейский текст «Экклесиастика», или «Премудрости Иисуса, сына Сирахова», — библейской книги, ранее известной только по греческому переводу; листок из перевода Ветхого Завета на греческий язык, выполненного во II в. родственником императора Адриана Аквилой (185—254) и впоследствии забытого и утерянного; фрагмент знаменитой «Гексаплы» — многоязычной Библии, содержавшей шесть разных версий одного текста в параллельных колонках, которая была составлена в III в. христианским философом Оригеном и, как полагали, погибла в 638 г. при взятии Кесарии арабами. Среди древних рукописей было немало литургических поэтических текстов, фрагментов Талмуда, частных писем и многое другое.

МИСТИФИКАЦИИ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ

Рукописные подделки иногда становились участниками исторических событий. В первой половине XIX столетии в европейских странах, боровшихся за национальное возрождение, появились якобы старинные записи фольклорных произведений, призванные доказать древность их национальной культуры. Так, чешский филолог Вацлав Ганка (1791—1861) объявил в 1817 г., что обнаружил пергаменную рукопись чешских народных песен (так называемую Краледворскую рукопись), которая по внешним признакам была похожа на манускрипт XIII—XIV вв. Вскоре поэт Йозеф Линда сообщил о такой же чудесной находке «Песни под Вышеградом», или «Любовной песни короля Вацлава I», а служащий замка одного чешского магната Йозеф Коварж передал в Национальный музей в Праге чудом попавшую в его руки так называемую Зеленогорскую рукопись, или «Либушин суд», — памятник письменности IX –X вв. Поддельность этих рукописей была доказана только в первой половине XX в.

Предшественником Ганки и Линды в жанре литературной фальсификации был шотландский писатель Джеймс Ма́кферсон, издавший в 1765 г. свои обработки кельтских преданий и легенд, выдав их за песни легендарного кельтского барда (певца) Оссиана «Сочинения Оссиана, сына Фингала» («The works of Ossian, the son of Fingal»), жившего, по преданиям, в III в. Эти песни оказали сильное влияние на формирование идей романтизма в мировой литературе. Они вдохновляли молодого Джорджа Байрона, ими увлекались Рене де Шатобриан и Иоганн Вольфганг Гёте, их переводили, принимая за подлинники, Дмитрий Владимирович Веневитинов, Николай Михайлович Карамзин, Александр Сергеевич Пушкин и др.

В XX столетии подобные мистификации удавались уже хуже. Например, не обрела успеха затея с «Велесовой книгой». Авторы, русские эмигранты, озабоченные поиском заработка, пытались представить её как текст языческой поры — историю Руси с IX в. до н. э. до IX в. н. э., — написанный будто бы на дощечках. В 50-х гг. текст «Велесовой книги» опубликовал русский эмигрантский альманах «Жар-птица» в Сан-Франциско. При этом, как водится, была рассказана история о том, что дощечки, хранившиеся более тысячи лет, именно к моменту опубликования исчезли и сделанные с них фотоснимки тоже потерялись среди бумаг издателя. В жур-



ОССІАНЪ,
СЫНЪ ФИНГАЛОВЪ,
БАРДЪ ТРЕТЬЯГО ВѢКА
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
Изданіе второе
САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Въ типографіи Ивана Глазунова.
1818 года.

Джеймс Макферсон и его книга.

нале напечатали всего один снимок десяти строк «Велесовой книги», но и его было достаточно палеографу Лидии Петровне Жуковской, чтобы определить: снимок сделан с текста, написанного не на дощечке, а на бумаге. Нечего и говорить о том, что текст книги, нарочно тёмный по смыслу и нелепый по языку (всё древнее должно быть для убедительности непонятным!), не выдерживает элементарной критики с точки зрения палеографии, истории, археологии и грамматики славянских языков.

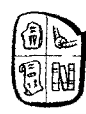
Как и всякий обман, подделки оскорбительны для читателя, в особенности для историка. И в то же время нужно признать, что появление подделок всегда было дополнительным стимулом для научной критики текста и развития палеографии Чтобы доказать подлинность или поддельность того или иного документа, исследователям приходилось изобретать новые, более тонкие методы.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД ПАЛЕОГРАФИИ

Настоящую революцию в палеографии произвело открытие остатков Веронской библиотеки итальянским маркизом Сципио Маффеи. В 1713 г., составляя путеводитель по Вероне, он обнаружил в одной из пристроек собора, в верхнем отделении шкафа с архивными документами, целую кипу древних манускриптов. Особенных редкостей среди них не оказалось, но зато было много книг, написанных на латинском языке начиная с эпохи правления в Вероне короля остготов Теодориха (493—526 гг.). Образцы латинского письма ясно свидетельствовали о том, что его различные типы не были изобретены порознь и не существовали независимо друг от друга Просто один тип письма, незаметно изменяясь, постепенно превращался в другой.

Так был открыт эволюционный механизм развития любой системы письма. Каждая эпоха, получая в наследство от предшествующей определённые виды буквенных начертаний, более или менее видоизменяет их и вырабатывает свои особенности Этот принцип универсален, он действует во всех буквенных системах. Поэтому независимо от того, какую письменность исследуют учёные-палеографы — латинскую, греческую, армянскую, грузинскую, китайскую, арабскую или славянскую, — метод будет один. Сначала выявляют датированные и локализованные рукописи, т. е такие, в которых имеются прямые указания на время и место написания. Эти рукописи выстраивают в хронологической последовательности, тщательно описывают их палеографические особенности: внешний вид, материал, разлиновку, чернила, орудия письма, художественное оформление, переплёт и т. п., и по ним устанавливают, как изменялись соответствующие палеографические признаки. Полученные данные применяют для исследования недатированных рукописей, которых обычно бывает неизмеримо больше. Можно сказать, что задача палеографии заключается в том, чтобы при помощи датированных рукописей определять время и место создания недатированных.

В центре внимания палеографов — буквенные начертания. В каждой системе письменности, в каждом алфавите и в каждой стране складывались свои типы письма. Например, в греческой письменности эпохи Византийской империи палеография различает строгое *унциальное письмо*, или *унциал*, в котором каждая буква тщательно выписана и все буквы



ЛЮДИ И РУКОПИСИ

История Краледворской рукописи началась в 1817 г., когда в одной из башен костела в городе Двур Кралове ее обнаружил молодой чешский филолог и поэт Вацлав Га́нка (1791—1861). Легко представить себе ликование счастливца, когда среди церковной утвари он нашел пергаменные листки с древнечешскими народными песнями. Находку он сразу же отнес своему учителю — профессору Йозефу Добровскому (1753—1829), который сделал ее первое описание. Добровский датировал рукопись 1290—1310 гг., предположив, что сами песни относятся к более древнему времени. В 1819 г. Краледворская рукопись была издана в Праге, а оригинал Вацлав Ганка подарил Национальному музею в Праге.

Вскоре в музей поступил еще один ценный экспонат — два листа пергамена, исписанные древним уставом. Листы датировались рубежом IX—X вв. Даритель рукописи рассказал, что получил ее по почте вместе с анонимным посланием, в котором рассказывалось, что пергаменные листы пролежали много веков в домашнем архиве. Лишь позже, в 1859 г., стало известно, как была найдена рукопись. Ее обнаружил в замке Зеле́на Гора человек по имени Йозеф Коварж. Он не сумел прочесть рукопись, однако понял, что речь идет о глубокой старине, поэтому счел за лучшее переправить ее в музей. По месту находки пергаменные листы получили название Зеленогорской рукописи. Она была издана в 1820 г.

Йозеф Добровский провел над Зеленогорской рукописью много часов, но так и не сумел одолеть текст. Тогда свою помощь предложили его ученики — Вацлав Ганка и Йозеф Юнгман (1773—1847). Каково же было изумление профессора, когда молодые исследователи очень быстро разобрались в тексте! Поразмыслив над этим странным фактом, Добровский нашел ему единственное объяснение: рукопись поддельная Авторами подделки он назвал Ганку, Юнгмана и их общего друга — Йозефа Линду, поэта и прозаика, автора повествований об истории чешского народа. До последних своих дней Добровский был уверен, что Зеленогорская рукопись — подделка, и называл Йозефа Линду не иначе как «чешским Макферсоном» (в 1765 г. шотландский писатель Джеймс Макферсон опубликовал поэмы «древнего» певца Оссиана, якобы собранные им во время странствий по горной Шотландии; на поверку «Сочинения Оссиана, сына Фингала» оказались его собственным творением).

В 1819 г. в переплете старой книги скриптор (переписчик) университетской библиотеки обнаружил лист с «Песнью под Вышеградом», или «Любовной песнью короля Вацлава I», которую он счел произведением чешской поэзии XII в. И вновь Добровский не поверил в подлинность рукописи. Счастливый обладатель находки к тому же был близким другом Йозефа Линды. Странно звучал рассказ о том, что листов было больше, но скриптор вынул их из переплета и, так как для этого пришлось их предварительно увлажнить, положил на окно просушиться, но налетевший сильный ветер унес все листки, кроме одного...

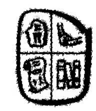
На обороте уцелевшего листа было записано стихотворение «Олень», которое входило и в Краледворскую рукопись. Тем самым косвенно подтверждалась ее древность. Самым веским аргументом в пользу подлинности Краледворской рукописи стали результаты химической экспертизы. Она подтвердила древность состава чернил. С этого момента всякий намек на подложность рукописи воспринимался чуть ли не как оскорбление национальной гордости, предательство.

Однако с 1856 г. тучи опять начали сгущаться над удивительными находками. Была создана особая комиссия для подробного изучения «Любовной песни короля Вацлава». Оказалось, что текст песни написан поверх стертого слоя, датируемого XV в. Палеографии хорошо известны случаи, когда один текст писали поверх другого, затертого. Такие рукописи называются палимпсестами. Однако в них новый текст всегда моложе старого. Если первоначальная рукопись была написана в XV в., то верхний слой никак не может быть отнесен к XII или XIII вв.

В 1858 г. был назван главный фальсификатор — Вацлав Ганка. Друзья Ганки начали процесс против главного редактора пражской газеты «Богемский вестник», в которой было опубликовано это обвинение. Нашелся свидетель, подтвердивший, что видел Краледворскую рукопись в костеле за много лет до того, как ее обнаружил Ганка. Тот не был открыто оправдан, но свидетельство

«О ВОЗДУШНОМ ЛЕТАНИИ...»

В XIX в. известный библиофил и фальсификатор древних рукописей Александр Иванович Сулакадзев, живший в Петербурге, представил научному миру принадлежавшие ему две рукописи Одна из них была озаглавлена А. И. Сулакадзевым «О воздушном летании в России с 906 лета по Р. Х.». На ее последнем листе было написано: «**ї ѵї года** (т. е. в 1731 г. — *Прим. ред.*) **въ Рꙗзанѣ при воеводѣ подьꙗчий нерехтець Крꙗкутной фурвинъ съдѣлалъ какъ мꙗчь большой, надулъ дымомъ поганымъ и вонючимъ...**». Далее рассказывалось, что нечистая сила подняла этого человека выше березы и после ударила его о колокольню, но он уцепился за веревку, которой звонят. Для достоверности Сулакадзев приписал к этому пассажу в рукописи заголовок: «**Нерехтецъ**» (т. е. уроженец Нерехты, ныне город в Костромской области). Если учесть, что французские изобретатели воздушного шара братья Жозеф Мишель и Жак Этьен Монгольфье провели первые опыты лишь в 1783 г., легко понять, какой восторг вызвало это сообщение у патриотически настроенных историков российского воздухоплавания. В 1910 г. фотокопия рукописи экспонировалась на выставке в Мюн-



спасло репутацию рукописи Тем не менее Ганка пережил очень тяжелые дни. Вскоре после процесса он скончался.

Впоследствии выяснилось, что Ганка, с 1818 г работавший в Национальном музее, приложил руку к большинству хранившихся там рукописей В одних он обводил буквы новыми чернилами, в другие вписывал отдельные слова и фразы, третьи дополнял приписками на старочешском языке. .

Споры вокруг рукописей вспыхнули с новой силой в 70—80-х гг XIX в Следующей жертвой этих споров стал профессор гимназии А. Вашек После того как он осмелился критиковать Краледворскую рукопись, его обвинили в предательстве Не выдержав травли, Вашек умер Стало казаться, что попадать в эпицентр споров опасно для жизни В 1886 г началась новая химическая экспертиза рукописи Ее результаты поразили скептиков. письмо оказалось плотно связано с пергаменом, как это бывает в подлинных древних рукописях.

Новое исследование рукописи было предпринято Чешской академией наук Начатое в 1913 г , оно завершилось лишь после Первой мировой войны Главный вывод гласил. рукопись не может быть подделкой, поскольку ни сам Ганка, ни другие люди из его окружения не обладали в начале XIX в. столь совершенными химическими знаниями, чтобы осуществить подобную мистификацию. Однако так ли было на самом деле? Учёные всерьез стали изучать окружение Вацлава Ганки. Вскоре всплыло имя художника Франтишека Горчичка, иллюстратора печатного издания Краледворской рукописи. Много лет он изучал полотна старых мастеров, посещал лекции по химии, пытался сам создавать краски. Но если Горчичка и совершил химическое «чудо», в чём-то он должен был ошибиться. Найти эту ошибку взялись опытные эксперты — специалисты из Пражского института криминалистики, за которыми было последнее слово.

Эксперты сначала обратились к «Любовной песни короля Вацлава I», поддельность которой в общем была уже доказана. Они восстановили весь процесс изготовления подделки Фальсификаторы взяли подлинную средневековую латинскую рукопись, текст которой был записан в три столбца. Затем они отрезали первый и третий столбцы так, чтобы от них остались узкие полоски со следами букв, которые невозможно прочесть. Это создавало впечатление остатков когда-то большой рукописи. Во втором столбце текст затерли, а новый нанесли двумя слоями: сначала буквы писали краской, а затем их покрывали специальным раствором, в который входила медь, чтобы чернила казались более древними (средневековые чернила часто имеют позеленевший вид). Чтобы у подлинных латинских букв (фрагменты первого и третьего столбцов) была та же окраска, что и у букв во втором столбце, их тоже обвели раствором.

Однако хитрость и подвела мистификаторов. Они перестарались. Если бы они вообще уничтожили первый и третий столбцы, доказать подделку было бы труднее. При анализе во втором столбце проступал нижний (затертый) слой, тогда как ни справа, ни слева не обнаруживалось следов двойного письма. Если бы произведение было подлинным, писец равномерно затёр бы старый текст во всех трех столбцах. Кроме того, подлинные старые чернила иначе реагировали на нанесённую поверх медную суспензию, чем чернила во втором столбце.

Затем эксперты перешли к Зеленогорской рукописи. Оказалось, что фальсификаторы извлекли листы из рукописи XIII в., написанной готическими буквами. Сам текст был уничтожен, однако авторы подделки оставили несколько подлинных заглавных букв, стараясь вместить в пространство между ними новый текст так, чтобы эти заглавные буквы оказались на месте. Для этого, правда, им приходилось то ужимать, то растягивать записи.

Одновременно специалисты проводили анализ текста Краледворской рукописи. Выяснилось, что в ней есть дословные совпадения с произведениями Йозефа Линды. Создатели рукописи шли уже проторенным путём. Они взяли подлинную рукопись, уничтожили старый текст, оставив лишь пару заглавных букв, и нанесли новое произведение. Привлеченные к экспертизе палеографы уточнили, что древние писцы никогда не стремились бесследно уничтожать старый текст, они лишь счищали его настолько, чтобы можно было написать новый. Тщательность соскабливания в этом случае — весомая улика. Были найдены и другие промахи Вацлава Ганки. Однако нельзя не восхититься его мастерством. Ведь на разоблачение подделки ушло больше 100 лет!

хенском техническом музее. Имя подьячего Крякутного попало на страницы Большой советской энциклопедии и даже в учебники, в 70-х гг. XX в. в Нерехте был установлен памятник в его честь.

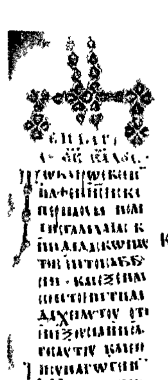
Между тем никакого Крякутного не было. Опытный палеограф Вера Федоровна Покровская еще в 1957 г обратила внимание на исправления в рукописи Сулакадзева. При фотосъемке текста в инфракрасных лучах и печати с увеличением на фотографии ясно вырисовывались буквы, написанные позднее на фоне значительно более бледных штрихов первоначального начертания слов. Оказалось, что слова **нерехтецъ Крякутной** исправлены Сулакадзевым из слов **немецъ крщеной** (т. е. крешеный), а загадочный **фурвин** появился на месте фамилии немца **Фурцель**. Возможно, что и история самого полета была полностью фальсифицирована А. И Сулакадзевым.

Фрагмент одной из фальсификаций А И Сулакадзева. Строки, написанные более мелким шрифтом, добавлены им в рукопись XV в

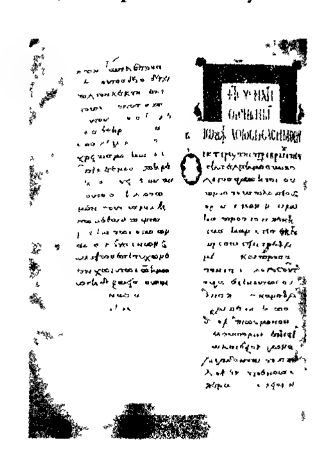
стоят отдельно друг от друга; более простое и свободное наклонное письмо — *курсив* и сложившийся на его основе *минускул* (от *лат.* minusculus — «очень маленький») — письмо, использующее только строчные буквы.

Под влиянием греческого унциала сформировался славянский кириллический *устав*, которым написаны славянские рукописи XI—XIV вв. В свою очередь греческий минускул оказал влияние на славянский *полуустав* (XV—XVII вв.). Устав и полуустав — это письмо, которое принято называть кириллицей в честь первоучителя славян Кирилла (хотя сегодня любые славянские буквы называют кириллицей, когда противопоставляют их латинским, или латинице). Параллельно с полууставом широко распространилась в XV—XVII вв. *скоропись*, которая благодаря слитным написаниям, развитой системе сокращений и упрощённым буквенным знакам существенно ускорила письмо, что было важно для делопроизводства.

Если выписать характерные начертания всех букв из датированных рукописей, написанных уставом, начиная с таких древнейших книг, как Остромирово Евангелие 1057 г., Изборник Святослава 1073 г. и «Архангельское Евангелие» 1092 г., и кончая многочисленными рукописями XIV в., то получится большая палеографическая таблица. По этой таблице можно проследить, как от века к веку менялись начертания отдельных букв. Некоторые буквы — такие, как **г, л, о, п, р, с, т, ц, ш, щ**, — изменились незначительно, а другие, наоборот, претерпели существенную эволюцию. Например, буква «ять» в XI в. полностью умещалась по высоте в строке, но уже в XII в. её мачта «выросла» над строкой, а поперечная линия («коромысло») поднялась до верхней границы строки. У буквы



Образец унциального письма из византийской рукописи X в.



Образец минускульного письма из византийской рукописи XI в.

Устав, полуустав, вязь, скоропись.

ѡ («омега») в XI в. середина находилась на высоте строки и боковые дужки были сведены, а с XII в. середина опустилась и дужки слегка раскрылись. Главной особенностью устава XIII—XIV вв. является высокая «сигнальная линия»: середина таких букв, как **б, в, ж, н, к, н, ꙗ, ѩ**, поднялась. При этом почерки XIV в. отличаются от почерков XIII в. большей чёткостью, строгостью и красотой.

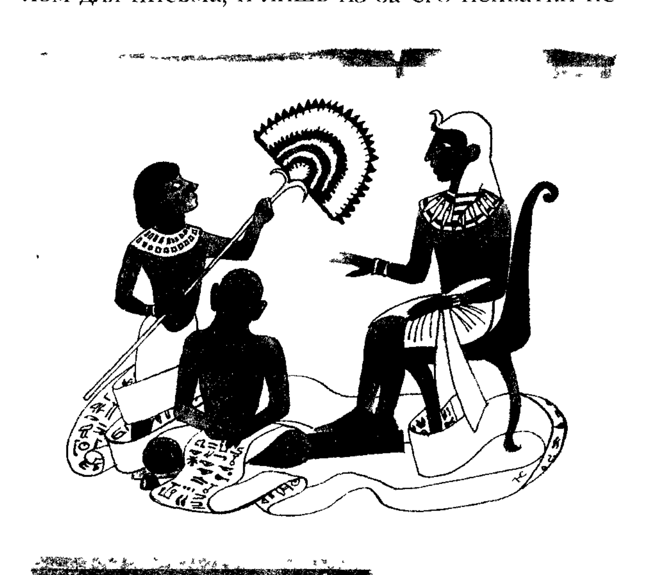
Опираясь на эти палеографические приметы, можно установить приблизительное время создания недатированных пергаменных рукописей, написанных кириллицей. Сейчас уже достаточно твёрдо известно, что Кирилл изобрёл не кириллицу, а другую азбуку — *глаголицу* (см. статью «Графика и орфография. Реформы и реформаторы»). И эта азбука, просуществовавшая сравнительно недолго, также не была неизменной. Различают глаголицу более древнюю — с характерными круглыми элементами (ею написано большинство дошедших до нас старославянских рукописей X—XI вв.) и более позднюю — угловатую. Особенно характерной угловатостью отличается глаголица, которой на протяжении XIII—XVI вв. (дольше всех славян) пользовались хорваты.

НА ЧЁМ ПИСАЛИ?

Наиболее древним материалом для письма был *папирус*. Так называется похожее на тростник растение, которое произрастает в Тропической Африке, Сирии, на берегах реки Иордан, на острове Сицилия и в некоторых других местах. Для древних египтян папирус был универсальным материалом: его употребляли в пищу, использовали в постройках, из него делали одежду, обувь, циновки, лекарства и многое другое.

Сырьём, из которого изготовляли папирусные листки для письма, служила нарезанная длинными узкими лентами сердцевина папирусных стеблей. Ленты раскладывали на плоской поверхности в два слоя наподобие решётки: верхний слой укладывали поперёк нижнего. Слои спрессовывали, высушивали, разглаживали и отбеливали, после чего на них можно было писать. Отдельные листки склеивали в свитки, достигавшие иногда огромной длины: известны некоторые экземпляры длиной до 40 м. Древние греки быстро оценили достоинства папируса и широко использовали его для письма. Они называли его «byblos» от греческого названия финикийского порта Библа, руины которого находятся в районе современного города Джубейля (Ливия), откуда, видимо, папирус впервые был привезён в Грецию. От названия папируса, кстати, произошло наименование «книги книг» — Библии.

Папирус стал у греков основным материалом для письма, и лишь из-за его нехватки использовали иногда пергамен, который считался «варварским». Отдельные листки папируса греки называли «chartes» — отсюда *charta* — латинское наименование папируса, давшее начало европейским словам, с папирусом не связанным, например *карта, картон, картина, хартия*. У римлян были и собственные слова, обозначавшие книгу, — *codex* и *liber*. Первое в переводе означает «обработанное дерево», «древесина» — дощечки, на которых писали, предварительно натерев воском. Что касается слова *liber*, то оно первоначально означало «кора», «луб», «лыко». Как материал для письма кора использовалась почти повсюду, книги из коры (в основном берёзовой) были распространены в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. На бересте писали и славяне, и североамериканские индейцы.

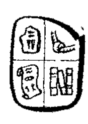


Отдельные листки папируса склеивали в свитки, которые достигали огромной длины

Свитки папируса

В период раннего христианства папирус уступил место *пергáмену*, а свитки — рукописным книгам современной формы. В рукописях, более удобных в обращении, стало легче искать нужные цитаты и ссылки. Первые церковно-славянские рукописи были пергаменные. Слово *пергамен* происходит от Pérgamos (Пергам) — названия греческого города в Малой Азии, где во II в. до н. э. широко применялся этот писчий материал. В русский язык слово попало через польское *pergamin* из древневерхненемецкого *pergamin* и латинского *pergamena*.

Пергамен выделывали из кожи животных, и его изготовление обходилось недёшево. Поэтому и в Западной Европе, и в Греции, и у славян иногда встречаются рукописи, которые писали по смытому или соскобленному более раннему

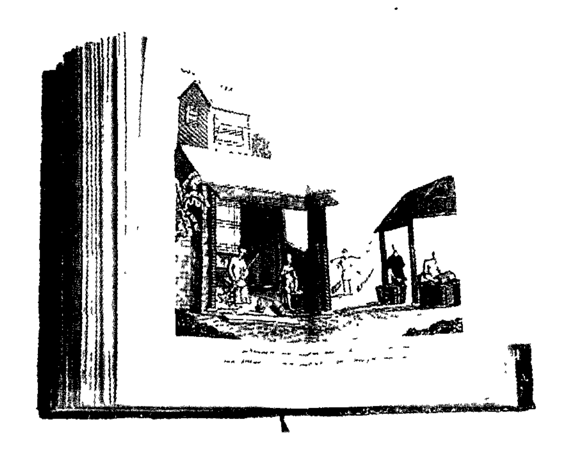


тексту. Такие рукописи называются *палимпсе́стами* (от *греч.* «pálin» — «опять» и «psáio» — «скоблю»). Используя специальную аппаратуру и высвечивая листы рукописи инфракрасными или ультрафиолетовыми лучами, учёные сейчас могут прочесть под записями XIV—XV вв. уничтоженный текст, относящийся, например, к XI в.

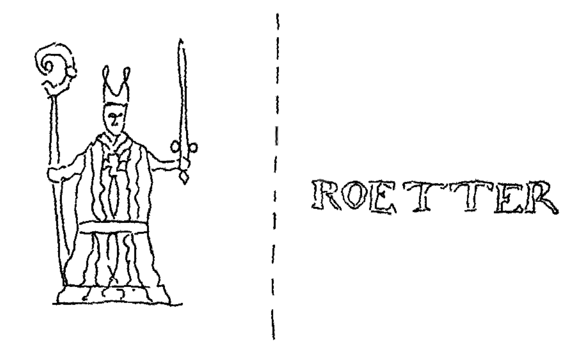
Бумага была изобретена во II столетии в Китае. В Европе она появилась в X в., в Византии известна с конца XI в., но лишь с XIII—XIV вв. проникла к славянам. Для изготовления бумаги используется измельчённое и перемешанное с водой растительное сырьё, которое при высыхании и соответствующей обработке превращается в тонкий лист. Бумага оказалась гораздо дешевле пергамена, и поэтому в Европе она довольно быстро — в течение одного века — вытеснила пергамен из употребления. Поэтому, если славянская рукопись написана на бумаге, можно утверждать, что она скорее всего не старше XV в. И наоборот, если она написана на пергамене, то, вероятно, относится к периоду до XV столетия, хотя, разумеется, могут быть исключения.

БУМАЖНЫЕ ВОДЯНЫЕ ЗНАКИ

Бумага дала в руки палеографов мощное средство датировки, какого они не имели при работе с пергаменными рукописями. Это водяные знаки, или *филиграни* (*франц.* filigrane от *лат.* filum — «нить» и granum — «зерно»). Бумагу изготовляли так: черпали из чана жидкую бумажную массу при помощи прямоугольной проволочной сетки. Вода стекала, но при высыхании проволочная сетка отпечатывалась на бумаге. На



Гравюра из французской книги начала XIX в., на которой изображен один из этапов изготовления бумаги из бамбука в Китае

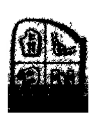


Прориси из альбома филиграней

просвет на такой бумаге хорошо видны тонкие продольные и жирные поперечные линии. С XIV—XV вв. производители бумаги стали выкладывать на сетке тонкие проволочные фабричные эмблемы в виде головы быка, виноградной ветви, кувшина, вепря (кабана), короны, перчатки, разных букв и др. Непрочные проволочные нити под давлением бумажной массы перемещались, и рисунок искажался. Его поправляли, но оставались отклонения от первоначальных форм. В конце концов знак ветшал, его обновляли, но новый неизбежно отличался от своего прообраза. Используя рукописи, в которых содержатся даты их написания, исследователи создают большие альбомы филиграней, в которых знаки систематизированы по изображениям и расположены в хронологическом порядке.

Представим, что перед нами бумажная рукопись без даты написания. Найдя на её листах водяной знак, например изображение головы быка с крестом и змеёй, можно отыскать аналогичные знаки в альбоме филиграней и выяснить, что все они представлены в рукописях с датами 1485—1487 гг. Можно предположить, что она на несколько лет старше или моложе этой даты. Но и тогда это неплохой результат по сравнению с датировкой пергаменных рукописей. Анализ водяных знаков помогает и в других случаях: например, когда нужно выяснить, относится ли данный лист ко времени написания всей рукописи или вклеен в неё позднее.

Рассматривая водяные знаки и корешок рукописи, исследователь также должен проверить, какие листы парные, образуют тетради, а какие одинарные. Если они одинарные, это, как правило, указывает на позднейшую переделку рукописи. Кстати, слово *тетрадь* (от *греч.* «tetra» — «четыре»; по числу сложенных пополам листов) было заимствовано древнеславянским из греческого языка очень давно, скорее всего вместе с первыми рукописями.



ХИМИЧЕСКИЕ РЕАКТИВЫ

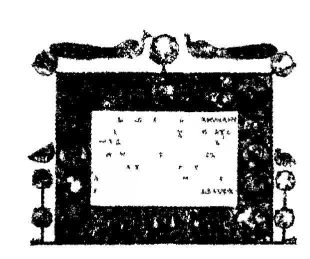
В XIX в. учёные, стремясь прочесть места в рукописях, где чернила подскоблены или осыпались, возлагали большие надежды на различные химические вещества. Они наивно полагали, что этим спасают текст рукописи. На короткое время полустёртые буквы, смоченные химическим реактивом, действительно становились более яркими, но потом исчезали, на этот раз уже безвозвратно. Если в древних рукописях встречаются тёмно-бурые пятна, на которых почти не видно букв, — это, вероятнее всего, последствия такого «просвещённого» спасения текста.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ РУКОПИСЕЙ

Важным источником сведений о рукописи является её художественное оформление· рисованные заглавные буквы укрупнённого размера — инициалы (буквицы), орнаментальные композиции, украшающие начало какого-либо раздела книги, — заставки, а также цветные рисунки, сделанные от руки, — миниатюры.

В средневековом русском орнаменте и инициалах выделяется несколько стилей Древнейший из них — торжественный *старовизантийский*, характерный для рукописей XI—XIII вв. Он отличается обилием золотой краски, а также геометрической правильностью линий и естественностью в изображении растений, животных и людей. Для него типичны круги с листвой внутри, мелкие цветы и стебли. На смену ему пришёл *тератологический*, или чудовищный, стиль (от *греч.* «teras» — «чудовище»). Особенность этого стиля, который господствовал у славян в XIV в., — затейливое переплетение ремнями и ветками разных фантастических животных и птиц. Этот стиль, зародившийся на Западе и развившийся у южных славян, был особенно популярен в Новгороде, где он многое заимствовал из языческой культуры. В начале XV столетия тератологический стиль уступил место подчёркнуто парадному *нововизантийскому*. Вновь, как и в домонгольские времена, в моду вошло золотописание, но только в более изящных формах. Одновременно с нововизантийским получил распространение *балканский* стиль, отличающийся строгой геометричностью. Для него характерны правильные окружности, квадраты и ромбы, чередующиеся с восьмёрками, состоящими из широких петель.

Типография Иоганна Гутенберга



Старовизантийский стиль

Тератологический стиль

Нововизантийский стиль

Балканский стиль

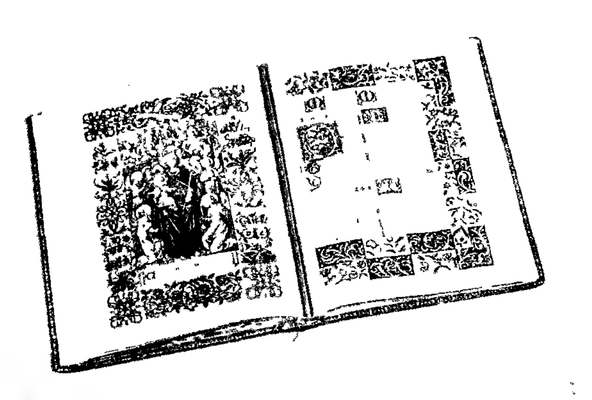
НЕ ТОЛЬКО РУКОПИСИ...

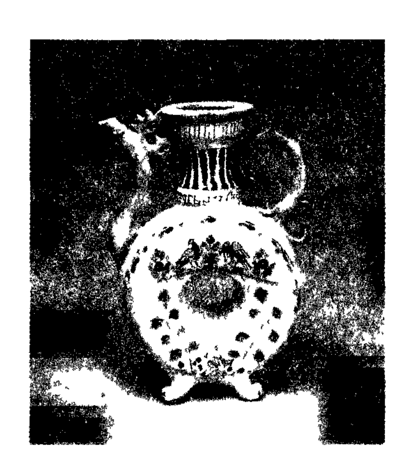
Палеография занимается рукописями и книгами. Но писали не только книги. Всевозможные надписи встречаются на досках икон, на штукатурке стен храмов, на дереве, кости, перламутре, камне, металле, из которых сделаны кресты, образа, чаши, блюда, шлемы и т п Они бывают вытеснены на разных печатях — восковых, свинцовых, золотых; выдавлены на глине — кирпичах, церковных голосниках (пустотах в стенах для улучшения акустики), черепицах; вылиты из металла — в иконах, колоколах; бывают чеканные на монетах; шитые шёлком, серебром, золотом на одеждах, покровах и т. п. В широком смысле всем этим ведает палеография.

Реально же из палеографии выделились четыре самостоятельные дисциплины *эпигра́фика* (от *греч.* «epi» — «над» и «gráphō» — «пишу»), предметом которой являются исключительно надписи, высеченные на камне, металле, дереве и других материалах; *сфраги́стика*, изучающая печати (от *греч* «sphragis» — «печать»); *нумизма́тика* (от *лат.* numisma — «монета»), изучающая монеты и надписи на них, и *дипломатика*, которая особое внимание уделяет форме и содержанию актовых, или юридических, документов.

Особенности материала определяют для каждой из этих дисциплин свою методику И в то же время эти дисциплины имеют так много общего, что границу между ними провести непросто, да и не всегда нужно Например, берестяные грамоты — это вроде бы рукописи, но техника письма сближает их с *гра́ффити* (от *итал.* graffiti — «нацарапанные») — надписями бытового содержания, нацарапанными острым предметом на стенах жилищ, домашней утвари и т. п., изучением которых занимается эпиграфика. При письме острым предметом — писалом — требуются гораздо большие усилия, и скругление линий получается плохо. Отсюда специфический угловатый характер «царапающего» письма.

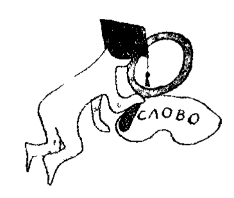
Общность техники письма берестяных грамот и граффити делает сходными их палеографические проблемы: неразборчивые буквы с трудом удаётся идентифицировать. Соответственно близкими или одинаковыми оказываются методы решения этих проблем. Сначала надпись фотографируют при боковом освещении, которое усиливает тени от падения рельефа поверхности. Потом из снимка при помощи контрастной фотопечати и ретуширования получают так называемую *про́рись*, которую читать легче, чем оригинал, и можно воспроизвести в издании.





* * *

Палеография чем-то похожа на криминалистику Она не существует сама для себя Призвание палеографии — как можно больше узнать о рукописи и этим облегчить работу историкам, языковедам, литературоведам, искусствоведам и другим учёным

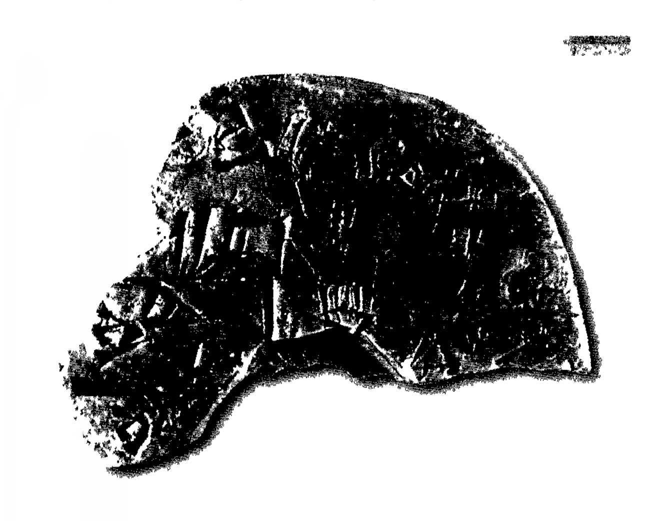


История
лингвистических
открытий

НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА

Обычно люди не задумываются о том, на каком языке они говорят. Ребёнок учится языку совершенно бессознательно. Потом человек говорит, столь же бессознательно подбирая нужные слова и составляя из них предложения. Лишь изредка приходится обращать внимание на язык. Во-первых, при обучении грамоте: письменный язык в отличие от устного можно освоить только осознанно. Во-вторых, при тех или иных трудностях в использовании языка, когда человек не может найти подходящих слов для выражения мысли или не знает сло́ва, которое слышит. И самое главное — он может оказаться среди людей, с которыми у него в буквальном смысле не окажется общего языка. В таких случаях приходится задумываться над тем, каким языком владеешь.

Автоматическое пользование языком приводит к тому, что он не воспринимается как предмет изучения. Многие великие цивилизации древности обходились без изучения языков, хотя у них существовала письменность. Самые первые свидетельства изучения языка — вавилонские клинописные таблички II тыс. до н. э. Среди них есть прописи людей, учившихся писать. Наиболее интересны таблички, в которых то или иное слово записано в разных грамматических формах (вроде наших таблиц склонения и спряжения). Значит, уже тогда у жителей Вавилона было чёткое представление о слове, формах слова и его изменении. С этих глиняных табличек начинается наука о языке.



Глиняная табличка с упражнениями ученика. Вавилон. Не позднее 2600 г. до н. э

ВЕЛИКАЯ ГРАММАТИКА ПАНИНИ

Развитая наука о языке появилась примерно в середине I тыс. до н. э. в Древней Индии. К тому времени там уже существовала богатая культура, были созданы и записаны великие поэтические произведения, прежде всего веды, и, что самое важное, сформировался особый язык культуры — санскрит. На санскрите говорили только в торжественных случаях: во время религиозных обрядов и официальных церемоний. Язык этот был в основном устным. Письменность не играла в индийской культуре большой роли: считалось, что истинное знание передаётся только изустно — от учителя к ученику. Очень важно было правильно говорить на санскрите, а чтобы научиться этому, требовалось знать, как он устроен.

Вскоре после возникновения индийской науки о языке появился труд, ставший её вершиной. Это знаменитая грамматика санскрита — «Аштадхьяи» («Восьмикнижие»), — составленная Па́нини. Об этом человеке мы не знаем ничего, кроме имени. Точно даже не известно, когда он жил: датировки учёных расходятся на несколько веков. Скорее всего Панини создал свой труд примерно в V или IV в. до н. э. Ничего не известно и о его жизни. Единственное, что учёные предполагают с достаточно большой достоверностью, — это то, что великий языковед не знал грамоты. Панини сочинил свою грамматику в устной форме, и она передавалась из поколения в поколение, заучиваемая наизусть. Правда, через несколько веков грамматику записали, но и теперь в Индии можно встретить знатоков, хранящих в памяти весь её текст.

Устный характер грамматики обусловил её строение. Стихи запоминаются легче, чем проза. Поэтому грамматика Панини состоит из коротких стихотворных кусочков — сутр, в которых спрессован гигантский объём информации. В сутре содержится одно или несколько правил типа «возьми то-то, сделай над ним такую-то операцию и получишь то-то». Такой подход более привычен в математике, чем в грамматике.

ПАНИНИ И ЕГО ГРАММАТИКА

Всемирно известная грамматика Па́нини состоит из восьми книг и называется «AṢṬADHYAAYI», т. е. «Восьмикнижие». Она содержит около 4 тыс. правил-сутр. Грамматику заучивали наизусть и передавали из уст в уста как ценнейшее руководство по пользованию священным языком — санскритом.

Согласно легенде, Панини молил богов открыть ему принцип систематизации и описания труднейшего языка. Бог Шива услышал молитву. Он явился Панини и даровал ему систему Шива-сутр (названных по имени дарителя).

Шива-сутры — это 14 классов звуков санскрита. Каждый класс содержит определенные звуки и показатель конца класса — anubandha (буква в скобках) При перечне звуков этот показатель конца класса не учитывается. Порядок расположения звуков в сутрах и порядок самих сутр в таблице нельзя изменять. Принцип устройства таблицы можно понять из следующего сравнения: когда мы хотим назвать группы 1, 2, 3, 4, 5, мы говорим. «С 1 по 5 включительно». Слово «включительно» имеет значение показателя конца класса — anubandha в нашей таблице.

1.	a	i	u						(N)
2.	ṛ	ḷ							(K)
3.	e	o							(N)
4	ai	au							(C)
5.	h	y	v	r					(Ṭ)
6.	l								(N)
7.	n	m	ṅ	ṇ					(M)
8.	jh	bh							(Ň)
9.	gh	dh	dh						(Ṣ)
10.	j	b	g	ḍ	d				(Ś)
11	kh	ph	ch	ṭh	th	c	ṭ	t	(V)
12.	k	p							(Y)
13	ś	ṣ	s						(R)
14.	h								(L)

Эта таблица — ключ к грамматике Панини. Попробуем разобраться, как ею пользуются при описании языка.

Во-первых, звуки в Шива-сутрах объединены согласно их фонетической природе и поведением в структуре языка. Например, фонетический класс сутры 4 содержит двойные звуки (дифтонги), а сутры 7 — носовые согласные.

Во-вторых, таблица позволяет кратко сформулировать правила. Как уже было сказано, текст грамматики заучивали наизусть, поэтому максимальная краткость изложения являлась основным принципом древнеиндийских грамматик. «Грамматист рад сокращению на полморы, как рождению сына», — писал индийский ученый Нагеша в XVIII в. Панини разработал особый прием краткого описания языка — технику пратьяхар (в буквальном переводе — «стяжение», «сжатие»), которая давала возможность кратко формулировать языковые законы. Согласно Панини, пратьяхара — это «начало вместе с концом, который есть показатель», т. е начало и конец фонетического класса.

Например, пратьяхара (aC) обозначает все гласные санскрита (находим в таблице звук [a], расположенный в сутре 1, и конечный показатель [C], расположенный в конце сутры 4; все звуки, расположенные между ними: a, i, u, r, l, e, o, ai, au (C), символизируются пратьяхарой (aC)). А пратьяхара (haL) символизирует все согласные звуки: находим в таблице звук [h] в сутре 5 и конечный показатель (L) в конце класса 14. Все звуки между ними есть согласные.

Крупнейшим достижением индийской традиции по праву считается фонетическое исследование звуков речи и их классификация. Звуки характеризуются по месту и способу образования, по характеру резонатора, причем гласные и согласные описаны в одной системе признаков.

Другим бесспорным достижением индийской традиции является открытие морфемы В европейских грамматиках язык описывали, начиная с изложения общих грамматических категорий (например, частей речи), затем рассматривали словоизменительные категории частей речи (например, число и падеж существительных), т. е. описывали язык от высшего уровня к низшему Панини, наоборот, начал с фонетики: взяв за исходную точку отсчета звук, он строил морфему, затем — слово. Согласно Панини, слово — это «то, что кончается либо на именные аффиксы, либо на глагольные».

Панини старался доказывать принадлежность слова к какой-либо части речи, исходя из его морфологического состава. Рассматривая язык как стройную систему, Панини заметил, что цепочка морфем может быть неполной, и ввел понятие «нулевой морфемы» (lopa — «исчезновение»). Европейская лингвистика заговорила о нулевой морфеме лишь в XIX столетии. «Восьмикнижие» Панини до сих пор считается непревзойденным образцом описания языка. Как отмечал известный американский лингвист Леонард Блумфилд, «грамматика Панини является одним из величайших памятников человеческого разума»

Древнегреческие философы классического периода заложили основы современной науки о языке.

«На входе» имеется набор исходных единиц — корней; если в определённом, жёстко заданном порядке применить те или иные правила, из корней получаются слова, из слов — словосочетания и предложения. «На выходе» оказывается правильно построенный текст. Приложением к основной части грамматики служат сутры с описанием санскритской фонетики.

Панини создал почти исчерпывающее описание грамматики и фонетики санскрита. По точности и математической строгости его труд не имел себе равных не только в Индии, но и во всём мире по крайней мере до XX столетия, а в некоторых отношениях не превзойдён и до сих пор. Сам способ описания языка через правила построения (или, как говорят в современной науке, порождения) текстов не применялся в науке о языке до самого последнего времени. Панини описывал язык как бы с точки зрения говорящего; в европейской традиции действовали совсем иначе. И лишь в середине XX в. этот способ снова открыли независимо от Панини.

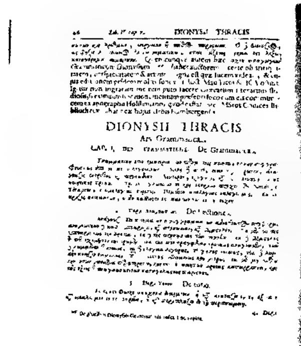
В дальнейшем индийская традиция развивалась по нисходящей: сочиняли комментарии к Панини, затем комментарии к комментариям и т. д. Постепенно индийская наука о языке оказалась в застое. Сейчас в Индии сосуществуют традиционная и европейская наука.

АЛЕКСАНДРИЯ И РИМ

Следующей по времени появления стала античная, или греко-римская, традиция, на основе которой сложилась современная мировая наука о языке. Великие греческие философы классического периода — Гераклит, Демокрит, Платон, Аристотель и другие — оставили после себя высказывания и даже целые тексты, посвящённые проблемам языка. Однако систематической науки о языке тогда ещё не было. Лишь у Аристотеля (IV в. до н. э.), последнего из классических философов, отдельные фрагменты сочинений посвящены грамматическому описанию, например определению имени и глагола.

Окончательно сформировалось античное языкознание уже после распада империи Александра Македонского, когда греческая культура и греческий язык распространились по всему Восточному Средиземноморью. Первым крупным центром античной науки о языке стала Александрия в Египте — столица царства Птолемеев. В Александрии звучало много разных языков, но господствовал греческий — язык двора, религии и культуры. Уже к III—II вв. до н. э. античная традиция языкознания вполне сложилась, хотя её ранние сочинения до нас не дошли. Сохранились две важные работы: «О синтаксисе» Аполлония Ди́скола (II в. н. э.) и «Грамматика» Дионисия Фракийца, датировка которой, как и грамматики Панини, вызывает большие споры: со II в. до н. э. по III—IV вв. н. э. Александрийская школа языковедов существовала до арабского завоевания Египта в VII в.

В Александрии язык изучали не так, как в Индии. В отличие от Индии у греков язык священнослужения очень мало отличался от разговорного. Однако жителям Александрии и других египетских городов греческий язык надо было учить, поэтому греческая наука о языке создавалась в основном в учебных целях. Задача построения правильных текстов стала вторичной по отношению к задаче изучения языка. Языком занималась грамматика, а построением текстов



DIONYSII THRACIS

DIONYSII THRACIS

Ars Grammatica

ARS GRAMMATICA

Дионисий Фракиец. «Грамматика». Разворот.

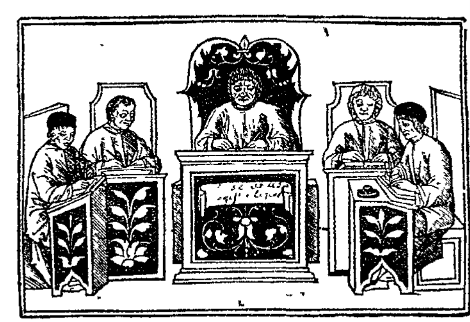
того или иного предназначения — особая наука *риторика;* риторические правила были менее жёсткими, чем грамматические. А грамматика исходила из позиции не говорящего, а слушающего: чтобы правильно понимать тексты, надо было уметь делить их на единицы, классифицировать эти единицы и т. д. Говоря по-научному, индийцы занимались *синтезом* текстов (созданием целого из элементов), а греки — их *анализом* (членением целого на элементы). Сначала выделяли и классифицировали звуки и слова, затем описывали, как слова изменяются (для этого строили таблицы склонения и спряжения, выявляли грамматические категории: падеж, наклонение, время и др.), и, наконец, описывали предложения (синтаксис). Такой подход хорошо знаком по школьным учебникам русского языка, сохраняется он и в большинстве научных грамматик. Аналитический подход господствовал в мировой науке о языке до 60-х гг. XX в., широко распространён он и сейчас.

Вскоре научные идеи и методы Восточного Средиземноморья стали известны и в Древнем Риме. Римляне активно осваивали греческую культуру, особенно после завоевания Римом Греции и всего Средиземноморья во II—I вв. до н. э. Римляне говорили на латинском языке, родственном греческому (оба относятся к индоевропейской семье) и, главное, очень похожем на греческий по своему строю. Можно было просто перевести греческую грамматику на латинский язык, заменив примеры (требовались небольшие изменения — например, в латыни на один падеж больше). Уже в I в. до н. э. вполне сложилась римская наука о языке. Тогда жил её первый крупный представитель Марк Теренций Варрон — учёный, писавший многотомные труды чуть ли не по всем существовавшим областям знания (до нас дошли его работы по сельскому хозяйству и грамматике). Сочинения Варрона даже древнее тех александрийских грамматик, которые сохранились до наших дней. Итогом развития латинской грамматики стал гигантский труд Присциана «Грамматические наставления в 18 книгах», появившийся уже в Раннем Средневековье в начале VI в. В течение многих веков она считалась образцовой.

Греческие и латинские грамматики по уровню уступали грамматике Панини: явления языка описаны в них гораздо менее подробно и чётко. Однако именно из них выросла современная лингвистика. Большинство знакомых нам терминов — гласный и согласный звуки, имя, глагол, наречие, падеж, наклонение, залог, предложение, синоним, омоним и т. д. — восходят к античным грамматикам. Как правило, они были получены путём перевода (в том числе по частям) греческих и латинских терминов.

Многоязычная Алекс андрия

В Средние века европейская традиция окончательно разделилась на греческую, господствовавшую в Византии, и латинскую, охватывавшую страны Западной Европы, где латынь долго оставалась основным языком культуры. Учёные Запада несколько веков ограничивались тем, что комментировали грамматику Присциана, но в XIII—XIV вв. наука о языке вновь начала



PRISCIANVS

Habes candide lector in hoc opere prisciani uolumé maiuscum expositione elegantissima clarissimi philosophi Ioannis de Aingre.
Habes insuper eiusdem uolume minus: & de duodecim carminibus: ac ét ac accénbus: cũ expositione Viri eloquẽtissimi Danielis Caietani: nũc primũ edita. Habes p̃terea de numeris. pōderibus. & mesuris. de p̃exercitamétis rhetoricæ. De uersibus comicis de d? clinatiõibus. necnon de situ orbis.
Oĩa qppe accuratissime emendata.

Прис циан. «Грамматические наставления в 18 книгах»

ИЗ АНТИЧНЫХ КНИГ

Одно и то же есть мысль и то, о чем она мыслит:
Без сущего мысль не найти — она изрекается
в сущем.
Иного не будет и нет: ему же положено роком —
Быть неподвижным и целым. Все прочее
только названья.
Смертные их сочинили, истиной их почитая.
«Быть» и вместе «не быть», «рождаться»
и вместе «кончаться»,
Цвет, окраску менять и двигаться с места
на место.

(Парменид.)

Протагор первый разделил речь на четыре (вида) — просьба, вопрос, ответ, приказание, и назвал их разветвлениями речей.

(Из сочинения Диогена Лаэртия «Жизнь философов».)

Протагор разделил роды имен (на имена) — мужские, женские и утварь.

(Из сочинения Аристотеля «Риторика».)

Высказывание есть соединение слов, выражающее законченную мысль.

(Дионисий Фракиец.)

Предложение — взаимосогласованное сочетание слов, доводящее мысль до завершения.

(Комментарий к Дионисию Фракийцу.)

Настоящим временем называется, собственно говоря, то, часть которого прошла, а часть будет. Так как время катится, подобно реке, неостанавливающимся течением, оно способно содержать в настоящем едва-едва одну точку. Наибольшая часть его поэтому или прошла, или будет, за исключением глагола есмь, который греки называют υπαρκτικον (присущным), а мы можем именовать substantivum (сущностным); он всегда наисовершеннейший из всех и ни в чем не имеет недостатка... Другие же глаголы настоящего времени, как мы сказали, — между прошедшим и будущим; например, я начну писать стих; тогда я буду говорить: «Я пишу стих», пока я еще не дошел до конца, и часть его уже написана, а часть еще должна быть написана. Поэтому мы называем это время настоящим, так как оно содержит и сопрягает как бы в некоей точке соединения прошедшего с будущим без всякого разрыва.

(Присциан.)

Грамматика есть искусство, относящееся к тому, что говорится у поэтов и прозаиков.

(Асклепиад из Мирлеи.)

Высшая грамматика есть основанное на искусстве умение разбираться точнейшим образом в том, что у эллинов говорится и мыслится, кроме вопросов, подлежащих ведению других искусств.

(Харет.)

активно развиваться. Языковеды продолжали изучать синтаксис и, самое главное, создали новый тип грамматики — философскую грамматику. Автор самой знаменитой грамматики — немецкий учёный Томас Эрфуртский (начало XIV в.). Авторы таких сочинений, в основном исходя из латинского языка в том виде, в каком он зафиксирован у Присциана, старались не просто описать язык, а объяснить сущность всего, что в нём содержится. Вначале толкования были довольно наивными — например, род неодушевлённых существительных объясняли, исходя из природы предметов, которые этим существительным обозначаются. Но сама попытка создать объяснительную грамматику имела огромное значение для развития науки. Если индийская наука о языке очень рано остановилась в своём развитии, то европейское языкознание, сначала значительно уступавшее индийскому, продолжало двигаться вперёд.

ИЕРОГЛИФИЧЕСКАЯ НАУКА

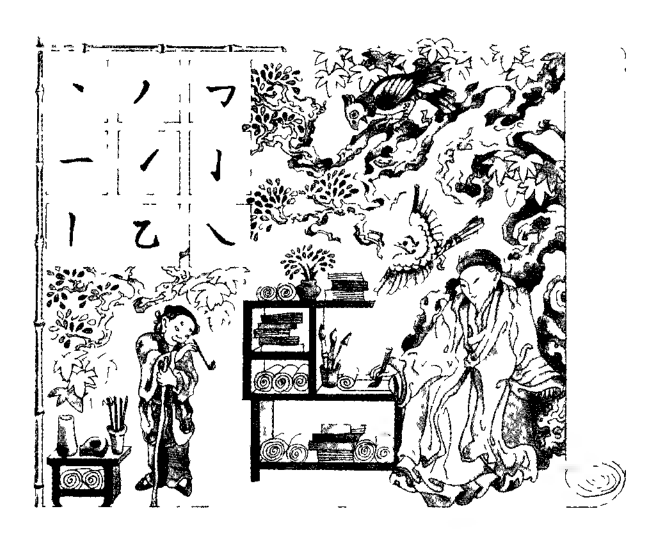
Следующей по времени становления оказалась китайская традиция. Древнейшие иероглифические словари, не дошедшие до наших дней, появились почти одновременно с первыми александрийскими грамматиками в III—II вв. до н. э. Первый полный словарь «Шо вэнь цзе цзы» («Об элементах и сложных знаках»), содержавший также и классификацию иероглифов, создал китайский языковед Сюй Шэнь в начале II в. н. э. Это был первый в мире большой толковый словарь.

Китайская культура была (и во многом остаётся до сих пор) прежде всего письменной. Именно иероглифика объединяла китайцев, говорящих на разных диалектах, в один народ. Сложная иероглифическая письменность, требовавшая длительного обучения, вызывала к себе глубо-

кое почтение. Истинным считалось лишь то, что записано. Напротив, индийцы презирали письменные знаки, а греки и римляне писали свои сочинения, почти не обращая внимания на сами письменные знаки (в европейской традиции буква рассматривалась, по выражению русского языковеда и поэта XVIII в. Василия Кирилловича Тредиаковского, как «тень звука»).

Только для постороннего наблюдателя каждый иероглиф представляется цельной «картинкой», на самом деле иероглифы (кроме самых простых) состоят из отдельных «блоков» и имеют свою структуру, а «блоки» — из множества повторяющихся элементов-черт, которых всего семь. Как выделяются черты, можно видеть из задачи. Все эти «блоки» и черты были выделены Сюй Шэнем. Такой анализ дал возможность разработать порядок расположения иероглифов в словаре. Если в европейских словарях принят алфавитный порядок, то в китайских иероглифы со времен Сюй Шэня помещаются в зависимости от выделяемых в их составе компонентов.

Например, в иероглифах 池 'пруд', 汗 'пот', 汏 'болото', 河 'река' и многих других выделяется общая часть 氵 со значением 'вода', все иероглифы такого типа сгруппированы в словаре вместе и упорядочены по степени сложности. Многие иероглифы делятся на две части, одна из которых указывает на значение. Таких общих для группы иероглифов элементов — ключей — выделено 213. Большинство из них имеет некоторое значение и все имеют номер (например, элемент 'вода' имеет номер 85). Запомнив все 213 ключей и их номера, можно найти в словаре любой иероглиф.



Китайская традиция изучения языка была тесно связана с иероглифической письменностью

КИТАЙСКИЕ ИЕРОГЛИФЫ

Даны китайские иероглифы, которыми изображаются односложные слова, и для каждого иероглифа указаны произношение и значение соответствующего слова. Вообще говоря, по китайским иероглифам почти никогда невозможно полностью установить произношение и значение слов. Однако для некоторых иероглифов, к числу которых относятся и приведенные ниже, можно установить определенные закономерности связи значения и произношения с написанием.

饭 *фань* — 'рис', 'пища',
词 *цы* — 'слово',
饱 *бао* — 'насытиться',
浅 *цянь* — 'мелководье',
话 *хуа* — 'речь', 'язык',
钢 *ган* — 'сталь',
说 *шо* — 'говорить',
铁 *те* — 'железо';
饲 *сы* — 'кормить', 'выкармливать';
河 *хэ* — 'река',
钱 *цянь* — 'деньги',
板 *бань* — 'деревянная доска',
饯 *цзянь* — 'цукаты' (засахаренные фрукты'),
钣 *бань* — 'золото в слитках',
泡 *пао* — 'пузыри на воде'
诃 *хэ* — 'бранить', 'выговаривать', 'поносить'

1. Какие части можно выделить в приведенных иероглифах? Что они показывают?

2. Приведены китайские слова в транскрипции с переводами на русский язык: *ян* — 'океан'; *э* — 'голодать', 'голод'; *дэн* — 'лампа'; *су* — 'сообщать'; *пао* — 'жарить', 'жечь на огне'; *ян* — 'вид', 'форма'.

Эти слова записываются следующими иероглифами (стоящими в другом порядке):

诉 饿 炮 洋 样 灯

Определите, каким иероглифом какое слово записывается.

(При решении задачи обратите внимание: все приводимые слова действительно односложны; ***-ао-***, ***-уа-*** являются в китайском языке дифтонгами, произносящимися как один слог.

Совпадение слов по звучанию — довольно частая вещь в китайском языке, на письме такие слова обычно различаются. Некоторые совпадения в задаче возникли из-за упрощенной записи произношения, что здесь несущественно.)

Китайский язык значительно отличается по своему строю от санскрита, греческого или латыни. В нём нет склонения, спряжения — а значит, нет нужды формулировать сложные грамматические правила. Поэтому жанр грамматики в Китае так и не сложился (первая грамматика китайского языка появилась лишь в конце XIX столетия под европейским влиянием). Зато в Китае очень важным государственным делом стало составление словарей. В Индии словари играли вспомогательную роль по сравнению с грамматиками, а в Европе вплоть до XVI–XVII вв. были только толковые словари непонятных слов из старинных текстов. В Китае же требовались словари, включавшие в себя многие десятки тысяч иероглифов. Грамматические элементы китайского языка (сходные с нашими предлогами или частицами) именовали «пустыми словами» и также описывали в словарях. Существовали даже специальные словари «пустых слов».

Новый этап развития китайской традиции начался во II—III вв. Чтобы слагать стихи, нужно было знать, как рифмовать. Иероглиф соответствует слогу, рифмовались слоги, содержавшие одинаковый гласный и одинаковую конечную часть после гласного (если она имелась): *гэ — цзэ, кан — ман, гуань — юань* и т. д.

КИТАЙСКИЕ ИЕРОГЛИФЫ

Левая часть иероглифа связана с его значением:

饣 — 'пища'; 木 — 'дерево'; 讠 — 'речь'; 钅 — 'металл'; 氵 — 'вода'.

Правая часть иероглифа связана с его произношением (конечной частью слога и качеством согласного):

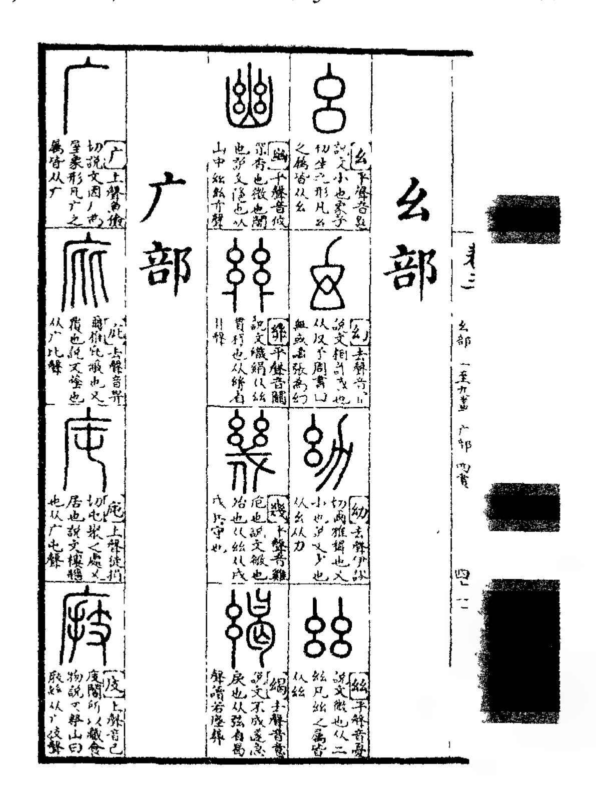
司 — *сы, цы*; 反 — *бань, фань*; 戋 — *цзянь, цянь*; 包 — *бао, пао*; 可 — *хэ*.

Теперь можно дать ответ на задание 2.

ян 'океан' — 洋
ян 'вид', 'форма' — 样
| два иероглифа с одинаковым звучанием, но один из них имеет отношение к воде

э 'голодать', 'голод' — (в левой части — 'пища');
су 'сообщать' — (в левой части — 'речь');

пао 'жарить', 'жечь на огне' — 炮
дэн 'лампа' — 灯
| два иероглифа, связанных по смыслу с огнём; один из них похож по звучанию на данные в условии *бао, пао*.



Древнейший словарь китайского языка «Шо вэнь цзе цзы». II в.

Чтобы составить словарь рифм, слог надо было разделить на две части. Позже, в VIII—X вв., появились таблицы, где иероглиф как бы разрезался: по горизонтали группировались иероглифы с одинаковой начальной частью, а по вертикали — с одинаковой конечной. Именно благодаря этим таблицам позже удалось восстановить фонетику древнего китайского языка.

Китайская традиция была не столь консервативна, как индийская, но развивалась гораздо медленнее европейской. Составлялись всё новые и новые словари и таблицы, но ничего принципиально нового в Китае после X в. не было создано вплоть до знакомства с европейским языкознанием в XIX столетии.

АРАБСКИЕ ГРАММАТИКИ

В VII в. на карте мира появилось новое государство — Арабский халифат. К концу века почти весь Ближний и Средний Восток оказался под арабским владычеством. Вместе с исламом

на территории халифата распространялся и арабский язык — язык священной книги мусульман, Корана Как и в Египте времён Птолемеев, язык религии и культуры в халифате почти не отличался от разговорного языка завоевателей, но покорённые народы говорили на совершенно других языках и арабскому должны были учиться. Важно было уметь читать Коран и правильно произносить священные тексты. Если индийская традиция была устной, а китайская — письменной, то арабская традиция с самого начала ставила задачу обучить и письменному, и устному языку.

Для решения этой задачи очень быстро сложилась арабская наука о языке. Уже в VII в появились первые сочинения, а столетие спустя, во второй половине VIII в, была написана самая замечательная арабская грамматика, автором которой был Сибавейхи (настоящее имя Абу Бишр Амр ибн Усманибн Канбар; около 753 — около 796) Он был не арабом, а персом, и жил в Басре (ныне Ирак), на границе арабского и персидского мира. Сибавейхи создал классическую грамматику арабского языка под названием «Книга», которая охватывала и фонетику, и морфологию, и синтаксис. По своему типу она была сходна с античными грамматиками. В ней также содержался анализ текстов, прежде всего текста Корана. Однако уровень грамматики Сибавейхи и других похожих на нее арабских грамматик превосходил античные: явления классического языка были описаны в них точнее и детальнее

Арабская традиция активно развивалась в течение семи восьми веков в разных частях мусульманского мира: от Басры и Багдада до Испании, принадлежавшей тогда арабам. Кроме грамматик учёные составляли и словари. Последние значительные труды арабских языковедов были написаны в XIII—XV вв., затем арабская традиция, как за полтора тысячелетия до неё индийская, перестала развиваться Однако и сейчас в мусульманских школах и университетах арабский язык продолжают учить по старым канонам.

ЯПОНСКИЕ ГРАММАТИСТЫ

Японская традиция возникла очень поздно и достигла расцвета совсем недавно, в XVIII — середине XIX в. Японская культура в течение долгого времени находилась под большим влиянием китайской. Долгое время это относилось и к изучению языка. Японцы к VII—VIII вв. завершили освоение китайской письменности и применили её к своему языку; вскоре были составлены первые иероглифические словари.

Однако национальная наука о языке появилась в Японии почти на тысячелетие позже. В первой половине XVII в. Япония стала закрытой страной: иностранцев, за редким исключением, не допускали в страну, а японцы не имели права её покидать. Ограничения распространились и на Китай. Именно тогда в противовес традиционной науке китайского типа появилась школа «национальных учёных», по-японски «кокугакуся». Они изучали исконные, не связанные с Китаем стороны японской культуры. А помимо древней религии — синтоизма — это был только японский язык (китайский и японский языки относятся к разным семьям и по строю не похожи друг на друга). Кокугакуся уже с XVII столетия стали изучать древние тексты VIII—X вв., написанные на классическом японском языке — бунго. В отличие от китайского языка японский обладает достаточно сложной морфологией, и описывать его только с помощью словарей неудобно. Поэтому кокугакуся независимо от каких-либо образцов сами создали грамматику. Первые сочинения по грамматике бунго появились во второй половине XVIII в., а наиболее подробные и разработанные сочинения — в первой половине XIX в. К середине XIX в. японская традиция не успела исследовать весь язык, например, ещё не был изучен синтаксис.

В 50-х гг. XIX в. Япония перестала быть закрытой страной и стала с нарастающей скоростью

Первые сочинения японских грамматистов появились во второй половине XVIII в

европеизироваться. Если индийская и арабская традиции, уже достигшие совершенства, не могли перенять идеи и методы, идущие с Запада, то японская традиция вобрала европейские и американские лингвистические концепции, не утеряв национальных особенностей. До сих пор японские языковеды сохраняют непривычные для нас представления о звуках и словах.

ПОЧЕМУ ИЗУЧАЛИ ЯЗЫК?

Ни одна лингвистическая традиция не выросла лишь из человеческой любознательности. Вплоть до Возрождения и философских грамматик исследования языка диктовались практическими соображениями.

Прежде всего необходимо было учить язык культуры, а этот язык часто отличался от разговорного. Иногда это более древний вариант того же языка: санскрит в Индии, бунго в Японии, классический китайский (вэньянь) в Китае, латынь для средневековых итальянцев. Иногда язык родственного народа, как старославянский на Руси. Иногда просто другой язык: греческий для жителей Александрии, арабский для персов и тюрков, латынь для средневековых немцев или англичан. Но никогда этот язык не воспринимался как чужой. Наоборот, он казался самым «высоким» и престижным вариантом своего языка, хотя между бытовым и возвышенным языком было мало общего. Этому языку надо было специально учиться, а следовательно, требовалось знать, как он устроен.

Обучение имело разные цели. В Индии, например, очень ценилось умение правильно создавать ритуальные тексты, отсюда особенности грамматики Панини. У других народов главным было понимать и толковать те или иные существующие тексты: Коран, Библию, классическую поэзию и прозу. Поэтому составлялись грамматики и словари, основанные на анализе этих текстов.

Ещё одна проблема, важная для многих народов, — «как делать стихи». Уже упоминались китайские словари рифм. А в Японии существовал такой поэтический жанр: первую половину стихотворения сочинял один автор, другой ему отвечал во второй половине. А чтобы вторая половина стихотворения соответствовала первой, поэт должен был изучить особые правила глагольного согласования. Античное стихосложение основывалось на чередовании слогов с краткими и долгими гласными. Для этого необходимо было изучать долготу гласных, а попутно и ударение.

ЯЗЫК ИЛИ ЯЗЫКИ?

Каждый народ на определённом этапе развития считает свой язык единственным «настоящим», а чужие языки — как бы и не языками. Отсюда происхождение слов *немцы* («немые») и

ПЕРВЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Ранее царствования Псамметиха (египетский фараон в 663—610 гг. до н. э. — *Прим. ред.*) египтяне считали себя первым по происхождению народом. Когда царём сделался Псамметих, он пожелал узнать, какой народ древнее всех прочих, и с того времени египтяне считают фригийцев древнее себя, а себя древнее всех остальных. Так как Псамметих в своих разысканиях о том, кто были первые люди, решительно не мог напасть на верную дорогу, то придумал наконец следующее: двух новорождённых мальчиков простого звания передал он пастуху на воспитание при стадах, причём сделал распоряжение, чтобы никто в присутствии детей не говорил ни одного слова, дабы они были предоставлены самим себе в уединённой хижине, и чтобы только пастух в определённые часы пригонял к младенцам коз, кормил бы их козьим молоком и делал всё прочее, что понадобится. Всё это было сделано и приказано Псамметихом из желания услышать, какое первое слово прорвётся у детей после бессвязного младенческого лепета.

Так и было сделано. Когда после двух лет такого воспитания пастух открыл дверь и вошёл в хижину, оба младенца припали к нему и, протягивая ручонки, говорили: *бекос*. Первое время пастух слушал эти звуки равнодушно; но так как ему часто приходилось слышать их, всякий раз когда он приходил к детям и ухаживал за ними, то наконец сообщил об этом своему господину и, по его приказанию, привёл к нему детей. Услышал то же слово и сам Псамметих; тогда он стал разыскивать, какой народ и что называет словом *бекос*, и узнал, что так фригийцы называют хлеб. Только тогда, на основании такого свидетельства египтяне допустили, чтобы фригийцы считались древнее их. Такой рассказ я слышал от жрецов Гефеста, что в Мемфисе.

(Из сочинения Геродота «История».)

* * *

К этой древней истории остается добавить только одно: было бы странно, если несчастные дети, единственными собеседниками которых были козы, сказали бы что-нибудь другое...

варвары («бормочущие»). Если же этот народ культурно превосходил соседей, то такое представление могло только усилиться. Для древних греков и в течение многих веков для китайцев вообще существовал один язык, а «бормотание» варваров приравнивалось к лаю или мычанию. Однако этот взгляд никогда не распространялся на языковые различия между «своими». Греки игнорировали языки других народов, но обращали внимание на то, что греки разных провинций говорили по-разному Такие разновидности внутри одного языка получили название *диалектов*, этот греческий термин дожил до наших дней.

И в Индии, и в Китае, и в Древней Греции считалось, что есть один язык, дарованный людям высшими силами. Он может иметь высокий и низкий варианты, а также территориальные (т е диалекты), но никаких других языков быть не должно. Не случайно самые разные народы считали, что каждый предмет и каждый человек имеют «настоящее» имя, тем или иным образом отражающее его свойства. У древнегреческого философа Платона есть диалог, где ведётся спор «за» или «против» такого мнения, а у китайцев была целая система «исправления имён»: например, если правление какого-то императора оказывалось несчастливым – значит, неправильным был девиз его правления, и тогда девиз менялся. Все эти идеи были бы невозможны, если бы люди представляли, что языков много.

ИЗМЕНЯЕТСЯ ЛИ ЯЗЫК?

Однако если есть единственный язык, содержащий истинные имена всех явлений, то ясно, что развиваться он не может и не должен — его можно только забывать и портить. Языковед Александр Матвеевич Пешковский (1878—1933) отмечал, что из всех идеалов языковой идеал — единственный, который лежит всегда позади. В древности и Средневековье считалось, что задача языковеда — восстановить истину, т. е. древнее состояние языка.

Сейчас область языкознания, изучающая происхождение слов, называется *этимологией*. Этимология сложилась ещё в античности; сходные области знаний были и у других народов, например у арабов и японцев. В то время она считалась наукой не о древних, а о «настоящих» значениях слов, которые существовали и будут существовать всегда, но оказались забытыми людьми.

Как определить идеальный язык, каждая традиция решала по-своему. Иногда за образец брали самые древние памятники. Например, японские учёные (кокугакуся) много десятилетий занимались реконструкцией японского языка эпохи создания древнейших поэтических памятников (VIII—X вв.), пытаясь изгнать из бунго всё, что появилось в нём позже. В других случаях авторитетным становился священный текст (как Коран у арабов, латинский перевод Библии у европейцев) или признанный шедевр литературы (латынь Цицерона и Вергилия, аттический диалект Платона).

ЧТО ТАКОЕ НОРМА?

Если язык культуры неизменен и ему надо специально учиться, то неизбежно встаёт задача установить языковую норму, предохраняющую его от порчи и искажений. Конечно, представление о норме есть у всех. когда деревенский житель передразнивает «неправильно» говорящего жителя другой деревни, он отстаивает норму так же, как школьный учитель, снижающий ученику оценку за ошибки в речи Однако на

СТАРЫЙ НАДЁЖНЫЙ СПОСОБ

Сербы до сих пор решают проблему языково́й нормы примерно так же, как средневековые арабские языковеды. За норму принят диалект одного из районов (сербские диалекты различаются очень сильно). В сербском языке четыре разных ударения, и когда в язык входит новое слово (скажем, *джинсы*), лингвисты едут в какое-нибудь село этого района и спрашивают у старожилов, с каким ударением следует произносить данное слово.

Арабские грамматисты решали проблему нормы по-разному. одни изучали диалект кочевников-бедуинов другие исследовали собственную речь.

бытовом уровне норма поддерживается стихийно и бессознательно, а язык культуры может распространяться лишь при условии сознательного подхода к норме.

Грамматика Панини и другие древнеиндийские грамматики сами становились источником нормы: то, что построено по их правилам, соответствует норме. Если же традиция ориентировалась на уже существующие тексты, как было во всех традициях, кроме индийской, то требовалось определить, что служит источником нормы хотя бы потому, что разные тексты могли противоречить друг другу: в одном, например, слово склоняется так, а в другом — иначе.

Многое зависело от того, были ли нормативные тексты священными. Религиозный характер Корана для арабов или латинской Библии для средневековой Европы снимал проблему отбора образцовых текстов: всё, что там есть, — правильно. Но со священными текстами возникала трудность: в них могло чего-то не хватать Арабские учёные решали проблему по-разному. Одни считали, что самый «чистый» язык у кочевников-бедуинов, которые мало соприкасались с другими народами и диалект которых не испытал ни персидского, ни греческого влияния Авторы грамматик и словарей ехали к бедуинам, слушали их диалект и дополняли норму Учёные другой школы никуда не ездили. Эти грамматисты исследовали свою собственную речь. Они сами восстанавливали недостающие формы, обычно по аналогии. Все эти методы работали, поскольку тогда язык Корана ещё не очень отличался от бытового. Те же методы дополнения нормы и те же споры характерны и для античности: язык культуры там тоже мало отличался от разговорного. Поэтому источником нормы могли быть не только тексты, но и реальный обиход, и интуиция самого грамматиста. В связи с этим возник спор так называемых *аналогистов* и *аномалистов*. Аналогисты считали, что всё в языке закономерно, поэтому грамматист может сочинять те или иные слова и формы по аналогии с уже известными. Аномалисты в ответ заявляли, что в языках исключений больше, чем правил, общих законов нет, а потому норму можно извлекать только из реального обихода. В средневековой Европе, где латынь уже никто не мог считать родным языком, усвоенным в раннем детстве, оба способа дополнения нормы стали непригодны. Однако можно было использовать многотомную грамматику Присциана, из которой брали всё, чего не было в переводе Библии.

ЗВУКИ И СЛОГИ

Все традиции так или иначе описывали звуковой строй языка. Однако представления о звуках у разных народов отличались. Очень часто

в различных традициях — от античной до китайской — смешивали звуки и письменные знаки; одним термином называли и звуковую, и соответствующую письменную единицу, как в китайском «цзы» и греческом «грамма» (отсюда термин *грамматика*, вначале означавший «обучение письму»). Разный характер письменностей в той или иной степени обусловил представления соответствующего народа о звуках своего языка.

Нам кажется естественным и единственно возможным то представление, которое отражено в письменности родного языка и закреплено школьным обучением. Первичная единица — звук (или, точнее, фонема). Звуку в общем соответствует буква алфавита. Звуки группируются в слоги. Границы слогов не всегда ясны в отличие от границ звуков. Звуков всего несколько десятков, и их можно сосчитать. Слогов много, а количество слогов, например, в современном русском языке вряд ли может кто-либо точно назвать. Отметим, что в европейской традиции, начиная с античных руководств по стихосложению, выделяется ещё одна единица, именуемая *мóрой*, — промежуточная между звуком и слогом. Слог с простым кратким гласным равен море; если в нём долгий гласный или дифтонг (двойной гласный, вроде английского [o͡u] в слове hope), в нём две моры. Для русского языка, где нет долгих гласных и дифтонгов, выделение моры мало что даёт, но оно содержательно для латыни или немецкого.

Представление о слоге как о единице, производной по отношению к звуку, вполне годится для русского языка, латыни или санскрита. В этих языках сочетаемость звуков между собой довольно свободна, а структура слога может быть очень сложной. Например, в русском языке вполне нормально сочетание четырёх согласных подряд: ***встреча, всхлип***. Слово может состоять из любого количества слогов и звуков. Поэтому и индийская, и европейская традиции исходят из первичности звука.

Несколько по-иному рассуждают арабы. В арабском языке есть особенность, непривычная для нас. Арабский корень обычно состоит из трёх (изредка двух) согласных, разделённых гласными. Эти гласные изменяют грамматическое значение слова, выполняя ту же роль, что и окончания в русском языке. Таким образом, гласные передают грамматическое, а согласные — лексическое значение слова. Отсюда особенности арабской письменности и арабской традиции. Там тоже исходная единица — звук, но в качестве звуков рассматривают лишь согласные (а также долгие гласные, которые по-

ЯПОНСКАЯ АЗБУКА ХИРАГАНА

Даны японские слова, записанные национальной азбукой хирáгана (известна с X в.), их русская транскрипция и перевод.

(1)	あらそう	[арасоу]	‘соперничать’,
(2)	きつて	[киттэ]	‘марка’,
(3)	いそがしい	[исогасий]	‘занятой’,
(4)	あしげ	[асигэ]	‘пегий’,
(5)	つづき	[цудзуки]	‘продолжение’,
(6)	こうぢ	[кодза]	‘трибуна’,
(7)	しよつけん	[сёккэн]	‘компетенция’,
(8)	ていそう	[тэйсо]	‘отправка’,
(9)	かつぐ	[кацугу]	‘носить на плечах’,
(10)	あつする	[ассуру]	‘давить’.

1. Напишите транскрипцию следующих слов: き こう ‘погода’, つらい ‘горький’, けつして ‘решительно’.

2. Запишите хираганой слова: [дэнси] ‘электрон’, [иккагэцу] ‘в течение месяца’, [цуго] ‘удобство’, [кёсо̄] ‘соревнование’.

3. Опишите, как записываются слова хираганой.

(При решении задачи обратите внимание: чёрточка над гласной в русской транскрипции обозначает долготу, сочетание букв **дз** — единый звук [д͡з], похожий на звонкий [ц].)

стоянно входят в состав корня), эти звуки обозначают буквами. Краткие гласные, напротив, рассматривают не как отдельные сущности, а как характеристику, присущую слогу или же слову в целом (примерно так же мы воспринимаем ударение). В арабском языке от согласного переходят прямо к слогу, а гласный отдельно не выделяют. На письме краткие гласные не обозначают вообще.

Ещё более непривычен японский подход. Вот, например, рассуждения видного японского учёного Синкити Хасимото, работавшего в 30-х гг. XX в. и знакомого с европейским понятием фонемы. Он утверждал, что слова *яма* («гора») и *мацури* («праздник») любой человек легко разделит на «звуки»: *я-**ма**, **ма**-цу-ри,* при этом ***-ма*** в *яма* и ***ма-*** в *мацури* легко отождествляются. Можно идти дальше и выделить фонемы: *й-а-м-а, м-а-ц-у-р-и,* но это членение уже трудно провести без специальной подготовки. Для нас эти рассуждения звучат странно, однако для японской традиции они вполне естественны. Первичная звуковая единица в этом языке, строго говоря, соответствует не слогу, а море:

ЯПОНСКАЯ АЗБУКА ХИРАГАНА

Очевидно, слова, записанные в условии задачи, читаются слева направо (вообще японцы обычно пишут сверху вниз, но иногда употребляют и способ письма слева направо). Если подсчитать число знаков хираганы и сравнить его с русской транскрипцией, это может навести на мысль, что в данной письменности передаются слоги, а не отдельные звуки. Например, последний знак слова (5) и первый знак слова (2) одинаковые (из транскрипции видно, что знак здесь соответствует слогу), последний знак слова (2) и первый знак слова (8) также совпадают. Однако это соответствие знака слогу есть не везде.

Для того чтобы передать долготу гласных и согласных, имеются особые знаки っ и う. Они могут иметь и самостоятельное значение: первый из них изображает также слог ***цу,*** а второй — ***у.***

Знак い после гласных обозначает ***й,*** в других случаях — ***и.*** Звук [н] в конце слога передается особым знаком ん. Слог с мягким согласным передают два знака: знак слога для соответствующего согласного с [и] плюс особый знак ょ. Можно также заметить, что знаки для слогов со звонкими парными согласными образованы из знаков для соответствующих слогов с глухими согласными с добавлением значка.

1. [кикō] или [кикоу] 'погода', [цурай] или [ррай] 'горький', [кэсситэ] или [кэцу-ситэ] 'решительно' (для японского языка верны первые варианты).

2. でんし 'электрон';
いつかげつ 'в течение месяца';
つごう 'удобство';
きよいそう 'соревнование'.

скажем, слово *хогэн* («диалект», ***о*** в этом слове долгое) принято членить так *хо-о-гэ-н;* соответствующим образом это слово и пишется. Японская поэзия, как и древнегреческая, основывалась на счете мор, а не слогов Однако если греки помимо мор выделяли звуки, то японцы не членили моры на части Понятие звука в нашем смысле появилось в Японии лишь после знакомства с европейской лингвистикой и латинским письмом, но и сейчас японцы считают латинскую письменность трудной, поскольку европейцы членят «звуки» на трудно воспринимаемые части Дело в языковой интуиции японцев В японском языке почти нет закрытых слогов и сочетаний согласных, мор ненамного больше, чем фонем Поэтому воспринимаются не единичные звуки, а их устойчивые сочетания — моры

Наконец, в Китае первичной единицей считался целый слог, которому соответствовал иероглиф. Термин «цзы» означал и то и другое Количество слогов, конечно, больше количества фонем, но исчисляется сотнями и еще в древности было подсчитано Для китайского языкового сознания слог особенно важен и потому, что он, за редким исключением, имеет значение Вначале китайская наука вообще не членила слоги, а в VIII—X вв, как уже говорилось, появились фонетические таблицы Здесь слог делился на начальную нерифмующуюся — *инициаль*, и конечную рифмующуюся — *финаль* Эти единицы больше сходны с нашими звуками (фонемами), но слог никогда не рассматривался как сочетание инициали с финалью (так могли рассуждать лишь европейцы) Наоборот, слог, объединенный общим тоном, был первичен, а инициаль и финаль, выделявшиеся лишь «разрезанием» иероглифа, считались его частями Но если инициаль обычно равняется одному согласному, то финаль очень часто имеет сложную структуру, например, слог ***-юань-*** делится на инициаль ***й-*** и финаль ***-уань.*** Однако вплоть до знакомства с европейской наукой и европейскими письменностями финаль в Китае никак не членили

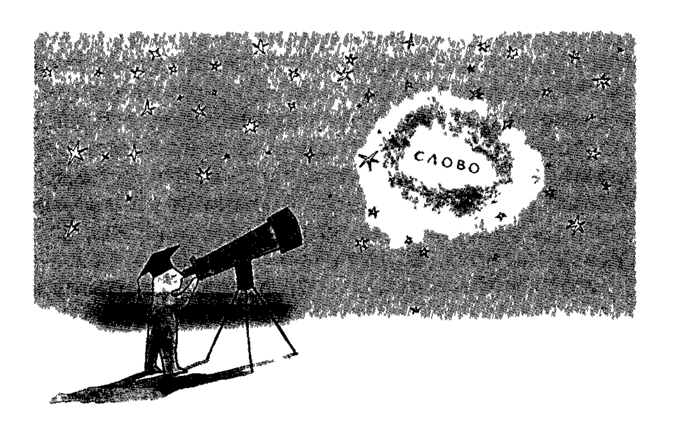
Китаиский словарь рифм составленныи в 1704 г

ЧТО ТАКОЕ СЛОВО?

Во всех традициях каким-либо образом выделялась первичная единица грамматики, одновременно выступавшая и как первичная единица словарного состава языка (в Китае, где грамматика не выделялась, такая единица выступала только как словарная). Если грамматика строилась аналитическим путем, то эти

единицы задавались заранее и грамматика сводилась к описанию этих единиц, их классификации и правил сочетания. Словари представляли собой списки этих единиц с толкованиями и прочими пояснениями. В синтетических индийских грамматиках эти единицы получались по определённым правилам. Нетрудно догадаться, что речь идёт о словах.

Наука о языке привыкла оперировать понятием «слово». Однако швейцарский языковед первой половины XX в. Шарль Балли (1865—1947) справедливо писал: «Понятие слова обычно считается ясным; на деле же это одно из наиболее двусмысленных понятий, которые встречаются в языкознании». Попытки дать строгое определение слова в науке последнего столетия наталкивались на очень большие препятствия. Любое более или менее чёткое определение слова в чём-то расходилось с традицией или языковой интуицией носителей языка. Некоторые лингвисты, особенно в США, пытались обойтись вообще без понятия «слово», но этот подход ещё больше противоречит нашей интуиции. Любой носитель языка, даже неграмотный, имеет некоторое осознанное или неосознанное представление о слове. Такие представления отразились и в лингвистических традициях.



При этом в разных традициях представление о слове не вполне одинаково. В европейской традиции отражено представление о слове как о достаточно сложной структуре. Наука последних трёх-четырёх веков выработала представление о том, что слово членится на значимые части: корни, приставки, суффиксы, окончания. Однако античная традиция эти части не выделяла, слово (кроме составного вроде *благоговение*) считалось нечленимой единицей (за исключением членения на звуки, моры и слоги). Например, склонение слова по падежам воспринималось не как смена окончаний, а как видоизменение слова в целом.

ЧТО ТАКОЕ СЛОВО

Слово — мельчайший членораздельный звук, неделимый на части, особо высказанный и особо подуманный, проводимый под одним ударением и придыханием.

(Комментарий к Дионисию Фракийцу.)

Слово — мельчайшая часть построенного, т. е. расположенного в порядке, предложения: часть — в той мере, в какой она служит к пониманию целого... это сказано для того, чтобы кто-либо не пытался разделить слово *vires* (силы) на две части *vi* (силой) и *res* (вещи) и т. п. Ибо это разделение не служит пониманию целого.

Односложные слова могут некоторым образом быть и слогами, однако не в полном смысле, так как слог никогда не может сам по себе что-либо обозначать: это свойственно слову.

(Присциан.)

У арабов и индийцев слово также выступало как сложная единица. Однако жёсткая структура арабского корня требовала выделить корень как особую единицу, отличную от слова: слово состоит из корня, его огласовки (подобной словоизменению у греков) и «добавок» — прежде всего суффиксов. Поэтому в арабской традиции выделялись две главные единицы: слово и корень. Особо выделялся корень и у индийцев. Иногда даже считают, что понятия «корень», «суффикс» и т. д. пришли в европейскую науку в XVI—XVII вв. с Востока.

Иначе представляли себе слово в дальневосточных традициях. Несколько упрощая, можно считать, что в японском языке окончания (суффиксы словоизменения) не отграничиваются от служебных слов. В качестве знаменательного слова понимается то, что в русском языке называется основой слова (корень или корень вместе с суффиксами). Если бы по-японски описывался русский язык, то считалось бы, что в последовательности *на столиках* слов не два, а три: *на, столик, ах*. Но член предложения здесь всего один. С точки зрения японцев, предложение состоит не из слов, а из более сложных единиц.

Наконец, в Китае «цзы» — это не только иероглиф и слог, но и слово. Именно «цзы» заносилось в словари. Конечно, «цзы» как словарная

единица обладала значением. В вэньяне слог, корень и слово почти всегда совпадали. В современном языке помимо значительно большего количества многосложных заимствований есть и сложные слова, состоящие из нескольких корней. Однако, как показывают психологические опыты, для языкового сознания даже современного китайца эти сложные слова скорее воспринимаются как нечто вроде русских фразеологизмов *(железная дорога, детский сад)*. Чисто грамматические элементы трактуются как служебные («пустые») слова, поэтому в китайской традиции не было необходимости различать слово и корень.

Итак, во всех традициях было понятие «слово», но свойства этой единицы могли не совпадать. Вероятно, и сходства, и различия традиций здесь отражают некоторую объективную реальность, которую невозможно прямо наблюдать. Понятие «слово» по своей природе психологично. В мозгу человека хранятся готовые «блоки», из которых по определённым правилам строится речь. Эти «блоки» не должны быть ни слишком краткими (тогда бы усложнились правила построения речи), ни слишком длинными (иначе перегружалась бы память). Можно предположить, что оптимальная «средняя» единица хранения — слово.

Помимо нашей интуиции и анализа традиций на это заключение наталкивает и анализ речевых расстройств, в частности вызванных травмами, связанными с повреждениями отдельных участков мозга. Во время Великой Отечественной войны такие травмы изучал выдающийся психолог Александр Романович Лурия (1902—1977). Вот попытка одного из раненых передать содержание фильма: «Одесса! Жулик! Туда... учиться... море... во... во-до-лаз! Армена... па-роход... пошло... ох! Батуми! Барышня... Эх! Ми-ли-ци-о-нер... Эх!.. Знаю!.. Кас-са! Денег. Эх!.. Папиросы». Очевидно, у этого человека не повреждён участок мозга, где хранятся слова, но нарушен механизм построения предложения. Лурия описал и другое расстройство речи, при котором, наоборот, предложения строятся правильно, но повреждён участок мозга, связанный с хранением слов, из-за чего словарь очень обеднён, слова заменяются междометиями или словами с самым общим значением. Таким образом, разные элементы языка существуют в мозгу раздельно. Поэтому реальная речь неизмеримо сложнее, чем просто комбинация слов.

Итак, слово — это прежде всего единица, хранящаяся в памяти человека. Собственно лингвистические свойства слова могут быть и не во всём одинаковыми, что отражается в разных традициях. Любая традиция так или иначе опиралась на интуицию говорящих и слушающих, а значит, на свойства того языка, для которого традиция создавалась.

ОТ ЯЗЫКА К ЯЗЫКАМ

Европейская традиция очень долго была не самой развитой; грамматики уступали тому, что создали Панини и Сибавейхи, не существовало развитой традиции составления словарей, фонетика описывалась очень неточно. Но тем не менее именно эта традиция оказалась самой перспективной и не прекратила своего развития.

Первым шагом вперёд стали появившиеся в XIII—XIV вв. философские грамматики. Следующим шагом стали грамматики эпохи Возрождения (XV—XVI вв.), которые описывали разговорные языки Европы: испанский, итальянский, немного позже французский, английский и др. К тому времени латынь уже уступала место новым литературным языкам на разговорной основе, на которых писали такие замечательные писатели, как Данте Алигьери, Франческо Петрарка, Джефри Чосер. Но ни один из них не мог заменить латынь как язык общеевропейской культуры: ни одно из вновь складывавшихся европейских государств не имело политического, экономического и культурного господства над другими. И при этом ни одно государство, даже островная Великобритания, не стало закрытой страной (как это немного позже произошло с Японией). Активно развивались торговые и дипломатические связи. Чтобы их поддерживать, уже было недостаточно знать латынь, надо было учить языки друг друга. К тому же эти языки принадлежали к одной семье — индоевропейской (за редким исключением вроде венгерского) — и были похожи друг на друга.

Всё это способствовало освоению иностранных, но не «варварских» языков и наталкивало учёных на новую для той эпохи идею: языков много, и при этом все они — варианты единого человеческого языка. Перед наукой о языке встали новые задачи: описать иностранные языки и, главное, сравнить их. Уже в XVI в. появились грамматики не только разных европейских языков, но и первые грамматики китайского, турецкого и других языков, которые обычно сочиняли католические миссионеры. Все традиции изучения языка были закрытыми, и только европейская стала открытой, что и обусловило её дальнейшее развитие.

ЧЕМ ЯЗЫКИ ПОХОЖИ И ЧЕМ РАЗЛИЧАЮТСЯ. «ГРАММАТИКА ПОР-РОЯЛЯ»

В 1660 г в Париже появилась книга, на обложке которой не были указаны фамилии авторов, а длинное название начиналось словами «Общая рациональная грамматика...». Однако современники хорошо знали, что её авторами были известный специалист по логике Антуан Арно и учитель иностранных языков Клод Лансло — оба из кружка передовых учёных при монастыре Пор-Рояль в окрестностях Парижа. В историю науки труд вошёл под названием «Грамматика Пор-Рояля». Он быстро стал широко известен, часто переиздавался и служил образцом для других грамматик. Потом популярность книги упала, долгие годы её бранили не читая и только в 60-х гг. XX в. открыли заново и сейчас снова издают на многих языках. «Грамматика...», написанная так давно, оказалась в чём-то очень современной.

Монастырь Пор Рояль в Полях XVII в

К середине XVII столетия европейская наука о языке окончательно разделилась на национальные школы и традиции. Например, французский язык был описан не хуже, чем латинский или греческий. Антуана Арно и Клода Лансло волновала более общая проблема: что в языках сходно, а что различно

К тому времени уже не приходилось доказывать, что языков много и что некоторые из них в одинаковой степени развиты и способны передавать самые тонкие оттенки мыслей. Авторитет латыни был ещё велик, но с уважением стали относиться и к другим языкам (как к древним культурным, так и к современным).

ПОР-РОЯЛЬ В ПОЛЯХ

Недалеко от Парижа располагался довольно известный женский монастырь Пор-Рояль в Полях (Port-Royal des Champs), основанный в 1204 г. Ко второй половине XVII — начале XVIII в. Пор-Рояль стал одним из крупнейших центров просвещения во Франции. Он славился двумя прекрасными школами — мужской и женской. В них кроме церковного (теологического) образования можно было получить и светское — преподавались философия, литература и иностранные языки. Пор-Рояль был известен не только как учебный, но и как передовой научный центр. Сюда стекались лучшие умы Франции. В стенах монастыря создавали философские трактаты, труды по физике, математике и логике, ставшие впоследствии знаменитыми.

В XVII столетии Пор-Рояль стал прибежищем для последователей янсенизма (одного из течений в католицизме, принципы которого выдвинул голландский богослов Корнелий Янсений). Пор-Рояль долго оставался центром борьбы янсенистов против иезуитов. Иезуиты оказались более влиятельными и победили в борьбе. Из-за этого монастырь попал в опалу и в конечном счете был закрыт.

С историей Пор-Рояля связаны имена двух великих французских учёных Рене Декарта и Блеза Паскаля. Почти всю жизнь поддерживал тесную связь с аббатством классик французской драматургии Жорж Расин. Маленьким мальчиком, после смерти родителей, он стал воспитанником монастыря, где одна из его тетушек была монахиней. Здесь в мужской школе Расин получил очень хорошее образование, учился, в частности, у одного из авторов «Грамматики Пор-Рояля» — Антуана Арно.

В конце жизни Жорж Расин, служивший тогда придворным историографом Людовика XIV и пользовавшийся расположением могущественного монарха, не побоялся открыто выразить свою приверженность аббатству и выступить в поддержку борьбы против иезуитов. Однако закат Пор-Рояля был уже близок. Сначала (в 1660 г.) закрыли мужскую школу. Полвека спустя та же участь постигла женскую школу. В 1712 г. Людовик XIV повелел разрушить монастырь...

Авторы «Грамматики Пор-Рояля» (а Клод Лансло был полиглотом) использовали материал трёх классических языков — латинского, греческого и древнееврейского, и трёх новых языков — родного французского, испанского и итальянского. Иногда упоминаются «северные» языки (т. е. германские) и «восточные» языки (не вполне ясно, какие). Как мы понимаем сейчас, чтобы выяснить общие свойства человеческих языков, указанных языков мало; к тому же все они, кроме древнееврейского и неведомых «восточных», относятся к одной и той же индоевропейской семье и довольно похожи между собой. Однако по сравнению с философскими грамматиками, в которых пытались любые свойства латыни представить как общие свойства языка, это был важный шаг вперёд.

Как сказано в предисловии к книге, её авторы встали на «путь поиска разумных объяснений многих явлений, либо общих для всех языков, либо присущих лишь некоторым из них». Для Арно и Лансло было важно не столько описать рассматриваемые языки (их в основном описали раньше), сколько объяснить их сходство и различия.

Авторы «Грамматики Пор-Рояля» одними из первых чётко сформулировали идею о существовании общей «логической» основы всех языков, соответствующей структуре мысли. Такую идею выдвинули ещё в XIII—XIV вв. авторы философских грамматик, но они исходили из того, что структура мысли жёстко соответствует структуре «единственно правильного» латинского языка. А. Арно и К. Лансло рассуждали иначе. Общая для всех языков логическая структура не могла полностью соответствовать структуре ни латинского, ни французского, ни какого-либо иного языка. Каждый язык отражает эту структуру, но имеет и свои особенности. Выражаясь языком современной лингвистики, языки имеют общую *глубинную структуру*, но их *поверхностные структуры* различаются.

Но как выяснить, что есть в глубинной структуре, а чего там нет? В XVII в. вряд ли можно было найти строгие научные критерии для ответа на этот вопрос, нет их и в современной науке о языке. Авторы «Грамматики Пор-Рояля» могли лишь сопоставлять известные им языки, чаще всего французский с латинским, и решать, какой из этих языков «более логичен».

Иногда предпочтение отдавалось латыни. Например, в латинском и греческом языках есть падежи, в других известных А. Арно и К. Лансло языках падежей не было. Учёные сочли, что латинская система из шести падежей соответствует структуре мысли, только выражается эта система по-разному. Например, во французском языке звательный падеж выражен опущением артикля, родительный и дательный — предлогами и т. д. А в греческом языке, где всего пять падежей, их «глубинно» тоже шесть, но два из них всегда совпадают.

В других случаях за эталон брали французский язык — например, когда речь шла об артикле А. Арно и К. Лансло писали: «В латинском языке артиклей нет, что подтолкнуло Юлия Цезаря Скалигера заявить, будто частицы эти бесполезны. В действительности они приносят очень большую пользу, позволяя строить речь более чётко и избегать многих недоразумений». Сравнивая употребление артикля во французском и итальянском языках, они сочли, что в итальянском «обиход не согласуется с разумом», а у французов такое согласие в отношении артиклей есть. Похожим образом они рассматривали и порядок слов в предложении, признавая «естественным» тот, который принят во французском языке.

Наконец, в ряде случаев авторы «Грамматики Пор-Рояля» исходили из собственных представлений о простоте и логичности. И в наше время часто цитируется их разбор французской фразы *Dieu invisible a creé le monde visible* («Неви-

АВТОРЫ «ОБЩЕЙ РАЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ...»

Антуан Арно (1612—1694) родился в Париже в семье известного адвоката. Его кругозор был очень широк, он написал много трудов по самым разным областям знаний. Кроме знаменитой «Общей рациональной грамматики Пор-Рояля», созданной в соавторстве с Клодом Лансло, ему принадлежит довольно известный учебник логики. В конце XVIII в. в Лозанне издали полное собрание сочинений Арно, которое составило 44 тома.

Клод Лансло (1616—1695) также родился и вырос в Париже. Он, как и его соавтор, всю жизнь боролся с иезуитами. После смерти кардинала Ришельё, с которым Лансло довольно продолжительное время враждовал, он создал в аббатстве Пор-Рояль школу и стал её первым руководителем и преподавателем. Лансло был известен как прекрасный знаток классических (латыни и греческого) и новых (испанского и итальянского) языков. Ученики школы изучали языки по работам Лансло, которые сам автор называл «методиками». Практика преподавания и привела его к мысли создать новую грамматику.

Авторы «Общей рациональной грамматики...» прожили долгую, но, как это часто бывает, очень непростую жизнь. Оба умерли вдали от своей родины, в изгнании. Теперь Антуан Арно и Клод Лансло составляют гордость Франции, благодаря им аббатство Пор-Рояль вошло в историю.

димый Бог создал видимый мир»). Русский перевод вполне адекватно передаёт её строение: «В моём сознании осуществляются три суждения, заключённые в приведённом предложении. Ибо, во-первых, я выстраиваю суждение, что Бог невидим; во-вторых, что Он создал мир, и, в-третьих, что мир — видим. Из этих трёх предложений главное — второе· именно оно содержит самое существенное, а первое и третье всего лишь привходящи, т. е. являются частями главного». Итак, в сознании любого человека имеются суждения, которым на поверхностном уровне соответствуют предложения. В любом языке три указанных суждения можно выразить тремя предложениями, однако во французском и многих других языках можно передать мысль более компактно и объединить три суждения в одном предложении.

Итак, логическая структура мысли, общая для всех языков, не равна структуре ни одного из реальных языков. Где-то она соответствует латинской, где-то французской, где-то даже «восточной». Важно, что структура мысли, общая для всех языков, и многообразная структура языковых выражений теперь разграничиваются.

В XIX и особенно в XX вв количество известных науке языков резко увеличилось. Описание всех языков по образцу европейских (с выделением в каждом из них шести падежей, тех же времён, как и в европейских языках, и т. д.) явно искажало природу этих языков. Поэтому учёные в XIX — первой половине XX в. отвергли идеи о какой-то универсальной структуре, лежащей в основе всех языков. Возобладало убеждение, что каждый язык устроен по-своему. Труды в духе «Грамматики Пор-Рояля» (их писали до конца XIX в.) стали считать «ребяческими», по выражению выдающегося языковеда Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ. Сама грамматика А. Арно и К. Лансло долгое время считалась безнадёжно устаревшей. И только во второй половине XX в., когда уже был накоплен значительный материал о языках самого разного строя, вновь стало возможным выдвинуть вопрос об общей основе всех языков мира. Сделал это американский учёный Ноам Хомский (см статью «Сходство и различие языков. Человек и язык. Ноам Хомский»).

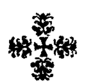
GRAMMAIRE
GENERALE
ET RAISONNÉE.
CONTENANT

Les fondemens de l'art de parler; expliquez d'vne maniere claire & naturelle.

Les raisons de ce qui est commun à toutes les langues, & des principales differences qui s'y rencontrent.

Et plusieurs remarques nouvelles sur la Langue Françoise.

Seconde Edition reveuë & augmentée de nouveau.



A PARIS,
Chez PIERRE LE PETIT, Imprimeur & Libraire ordinaire du Roy, rue S. Iacques a la Croix d'Or.
M, DC. LXIV.
Avec Privilege de sa Majesté.

«Обшая рациональная грамматика Пор-Рояля». Второе издание Титул 1664 г

ЧЕЛОВЕК, НАРОД И ЯЗЫК. ВИЛЬГЕЛЬМ ФОН ГУМБОЛЬДТ

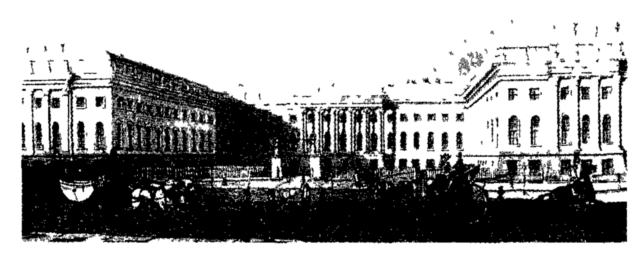
Три переворота в европейских представлениях о языке положили начало языкознанию как науке в полном смысле этого слова. Первый был связан с философскими грамматиками: помимо чисто практических описаний появились сочинения, где пытались объяснять, почему язык устроен так, а не иначе. Второй переворот произошёл в XVII в. благодаря идее сравнения языков и появлению сопоставительных грамматик (см. статью «Чем языки похожи и чем различаются. „Грамматика Пор-Рояля“»). Наконец, третий переворот относится уже к XVIII в. и связан с идеей историзма в языке и с возникновением исторических грамматик.

XVIII столетие явилось для европейцев веком истории. Необычайно усилился интерес к

Вильгельм фон Гумбольдт

прошлому, сложилась историческая наука, появились историческое законоведение, историческое искусствоведение и другие новые дисциплины Всё это сказалось и на изучении языка. Если раньше он рассматривался как нечто по сути своей неизменное, то теперь возобладало представление о языке как живом, постоянно меняющемся явлении. XVIII столетие не дало лингвистике выдающихся теоретических работ, но именно тогда был поставлен вопрос о том, как языки возникли и достигли современного уровня развития. Большинство гипотез о происхождении и развитии языка было сформулировано именно в ту эпоху. Письменные памятники стали исследовать не как источник сведений о «правильном» языке, а как материал о путях развития и изменения языка. На рубеже XVIII—XIX вв. окончательно сформировалась идея о языковом родстве и языковых семьях. В XVIII в. значительно расширились познания о ранее неизвестных языках. Эти факты и идеи дали возможность на новом уровне разработать теорию языка.

Особенно серьёзно этим вопросом занимались учёные Германии, которая в XIX в. стала центром мирового языкознания (как и многих других наук). Первым и, вероятно, самым замечательным теоретиком науки о языке своего времени был великий немецкий учёный Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835). В историю он вошёл также как видный государственный деятель и дипломат Прусского королевства. Ему довелось играть одну из первых ролей на Венском конгрессе 1814—1815 гг., определившем устройство Европы после разгрома Наполеона. Вместе с братом, великим естествоиспытателем и географом Александром фон Гумбольдтом, он в 1809 г. основал Берлинский университет, ныне носящий их имя. Лишь последние 15 лет жизни, после выхода в отставку, Гумбольдт посвятил лингвистическим занятиям, а большинство трудов было опубликовано уже после его смерти



Берлинский университет Гравюра 1834 г

КАК РАЗВИВАЮТСЯ ЯЗЫКИ

Вильгельм фон Гумбольдт занимался многими языками, в том числе экзотическими. Но славу ему принесли не исследования по конкретным языкам, а общетеоретические рассуждения — философия языка. Из самого большого его лингвистического труда «О языке кави на острове Ява» (1836 г.) известность получило лишь теоретическое введение, озаглавленное «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода».

Гумбольдт жил в эпоху расцвета немецкой классической философии. Великие мыслители Иммануил Кант и Георг Гегель подняли теоретическое мышление на качественно новый уровень. Их идеи Гумбольдт распространил на сферу языка. В чем-то он возрождал традиции философских грамматик, но его рассуждения по масштабу и доказательности были несопоставимы со всей предыдущей традицией. Один из поставленных им вопросов связан с закономерностями эволюции языков мира Как и другие учёные того времени, Гумбольдт понимал языкознание прежде всего как историческую науку. Он впервые высказал идею о единстве путей развития всех языков мира. Согласно Гумбольдту, языки проходят одни и те же этапы развития, хотя и с разной скоростью.

За первым этапом возникновения языков следует второй, когда формируется их структура, прежде всего грамматика и фонетика. Пройдя определённый путь до «предела законченности организации», языки принципиально уже не меняются. Третий этап — период устойчивого состояния языков, когда их структура лишь частично изменяется и совершенствуется. Например, индоевропейские языки достигли «предела законченности организации», когда сложились «классические» языки с самой сложной морфологией. древнегреческий (его Гумбольдт считал самым совершенным), латынь, санскрит; далее вплоть до современности существенного развития уже не происходило.

Пока языки не достигли стабилизации, их строй постоянно меняется, причём в одном и том же направлении в сторону усложнения морфологии. На основе этих идей Вильгельм фон Гумбольдт вместе со своими современниками братьями Августом и Фридрихом Шлегелями создал новую лингвистическую дисциплину

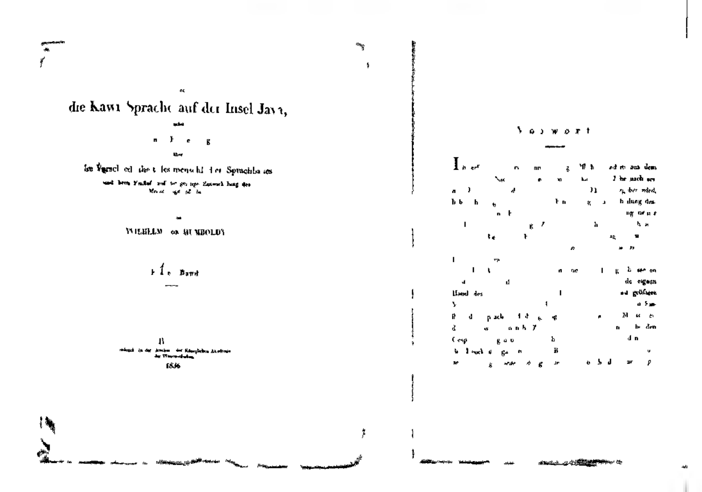
(позднее ее назвали *типологией*) — науку о принципах сравнения языков вне зависимости от того, родственны они или нет Были введены понятия *изолирующий* (по Гумбольдту — *аморфный*, т е безморфемный) язык, *агглютинативный* язык, *флективный* язык, которые понимались как стадии развития языков Через изолирующую стадию, самую «примитивную», проходят все языки, а некоторые, как, например, китайский, на ней застыли в них так и не развилась морфология, изменение слов Дальше идет агглютинативная стадия, на которой стабилизировались языки типа турецкого там есть аффиксы, но они еще прочно не срослись с основами слов Самая «совершенная», флективная стадия была достигнута такими языками, как греческий и латинский, где существуют сложное склонение и спряжение.

Идеи стадий легли в основу первой в науке концепции, позволяющей сравнивать языки по единым основаниям Понятия, введенные учеными, отражали существенные свойства языкового строя и, хотя многократно подвергались критике, остались в науке до сих пор Вопрос же об общих закономерностях перехода языков от одного строя к другому, безусловно важный, решался во времена Гумбольдта еще слишком упрощенно и прямолинейно Под давлением новых фактов к концу XIX столетия от идеи «стадий» отказались

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

Если представления Вильгельма фон Гумбольдта о путях развития языков уже в основном принадлежат истории, то другая его идея — о связи между языком и духовной природой человека — намного опередила свое время Современная наука только пытается подступиться к ее разработке Конечно, Гумбольдт писал свои труды более полутора столетий назад, когда ещё не предъявляли строгих требований к научной точности Многие его мысли изложены очень нестрого и имеют характер скорее гениальных догадок, чем последовательной научной теории И всё-таки его идеи до сих пор остаются актуальными и привлекают внимание специалистов

До Гумбольдта, а часто и после него, считалось, что язык представляет собой лишь внешнюю оболочку для мысли Например, по мнению авторов «Грамматики Пор-Рояля», единая мыслительная основа существует для всех языков, которые имеют лишь частные различия Гумбольдт же высказал иную идею. «Мышление не просто зависит от языка вообще, до из-



die Kawi Sprache auf der Insel Java,

WILHELM von HUMBOLDT

1836

Vorwort

Книга В фон Гумбольдта «О языке кави на острове Ява» Первое издание Титул (слева) и предисловие 1836 г

вестной степени оно определяется каждым отдельным языком» Он не отрицал универсальность человеческого мышления, но считал, что представления человека о мире зависят от того, на каком языке он мыслит

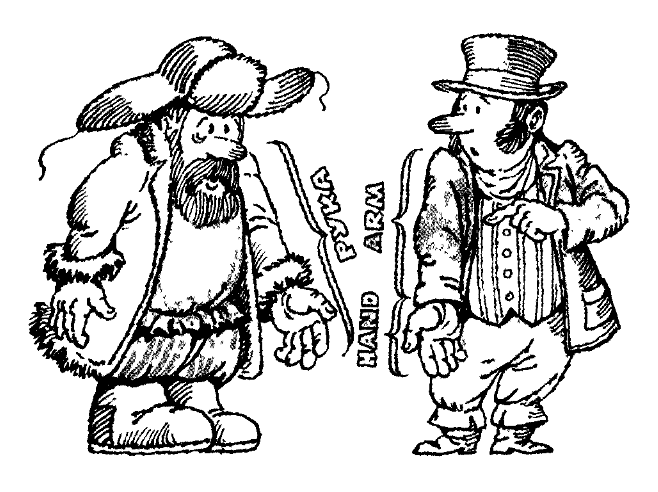
Гумбольдт первым увидел, что язык не сводится ни к логическому мышлению, ни к копированию мира, и выдвинул множество аргументов в пользу новой точки зрения Мир, как отмечал Гумбольдт, по-разному членится в различных языках Даже при сравнении, например, русского языка с английским видны различия

ОДИНАКОВО ЛИ ВИДЯТ МИР ЛЮДИ?

В английском языке есть слово *wool,* которое обычно переводится на русский как *шерсть*, но это не всякая шерсть, а только овечья. По-русски овечью шерсть можно назвать словом *руно,* но оно слишком специальное или же поэтическое. Напротив, животное, дающее шерсть, по-русски может быть названо (часто независимо от пола) и *бараном,* и *овцой*. Разница между этими двумя словами проявляется и в сочетаемости слов: *шерсть* всегда *овечья,* а мясо — только *баранье,* и в связанных со словами ассоциациях: *баран* — символ упрямства, *овца* — символ покорности. В английском языке, конечно, есть и пастушьи, и зоотехнические термины, но в обиходе и *барану,* и *овце* соответствует одно слово — *sheep.*

По-русски есть одно слово *вода,* а по-японски ему соответствуют два. вода комнатной температуры или близкая к замерзанию называется *мидзу,* а горячая вода — *ю.* Таким образом, языки отображают мир очень по-разному. Но лингвисты и философы до сих пор не могут точно ответить на вопрос, поставленный Гумбольдтом: можно ли говорить о единой для всех картине мира или каждый народ видит мир по-своему.

такого рода. Русскому слову *рука* в английском соответствуют два слова: *hand* («кисть руки») и *arm* («рука от кисти до предплечья»). Конечно, можно считать, что слову *hand* соответствует *кисть*, но это слово явно более специальное, а *hand* часто можно перевести только как *рука*. Слову *arm* в русском языке вообще нет однословного соответствия. Напротив, английскому глаголу *wash* соответствуют и *мыть*, и *стирать* Ещё больше различий в членении мира выявляется, например, если сравнить русский язык с японским или арабским.



Гумбольдт утверждал, что язык помогает человеку познавать мир, но и само познание зависимо от языка: «Как отдельный звук встаёт между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей... Человек... живёт с предметами так, как их преподносит ему язык...». Поскольку же языки несходны, разным будет и восприятие мира людьми разных культур: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка». Если человек хорошо освоил чужой язык, то такое освоение «можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира». Однако чаще всего «мы в большей или меньшей степени переносим на иностранный язык своё собственное миропонимание и, больше того, своё собственное представление о языке». Можно добавить, что такой перенос будет менее заметен, если изучать язык со сходной картиной мира, например, когда англичанин учит французский. А вот в языке далёкой культуры всегда гораздо легче освоить фонетику и грамматику, чем чужую картину мира, необходимую для подлинного владения языком

Проблема, связанная с языковыми картинами мира, с влиянием языка на мышление и поведение человека, в течение полутора веков оказывалась за пределами внимания большинства учёных, хотя бывали и исключения — замечательные американские лингвисты первой половины XX в. Эдуард Сепир и Бенджамин Уорф Сейчас лингвистика имеет множество фактов такого рода, но при этом не было и до сих пор нет сколько-нибудь разработанных методов для изучения этих проблем. По крайней мере нет ничего, что можно было бы поставить в один ряд с достаточно строгими методами описания фонетики и грамматики языков или сравнения родственных языков. Только в последнее время лингвисты начали нащупывать подходы к данным вопросам.

МАТЕРИЯ И ФОРМА ЯЗЫКА

Что же такое язык согласно Вильгельму фон Гумбольдту? В нём два начала: материя и форма Материя состоит, с одной стороны, из нерасчленённого множества звуков, с другой — из такого же смутного и нерасчленённого множества чувственных впечатлений и представлений человека. Главное в языке — форма, которая и делает его языком Форма — это как бы сетка, которая накладывается на материю, членит её и создаёт структуру. По словам учёного, форма «представляет собой сугубо индивидуальный порыв, посредством которого тот или иной народ воплощает в языке свои мысли и чувства» Гумбольдт первым говорил не только о внешней, звуковой форме языка, но и о форме внутренней. Именно внутренняя форма членит мир, воспринимаемый человеком, упорядочивает мысли и чувства и создаёт языковые картины мира. Она проявляется как в лексическом членении мира, так и в системе грамматических категорий. Гумбольдт приводит такой пример: система наклонений в древнегреческом и санскрите различна, и это объясняется тем, что в древнегреческом понятие «наклонение» получило «подлинное развитие», тогда как в санскрите оно «осталось явно недоразвитым».

Внутреннюю форму языка нельзя познать в целом, её дано наблюдать лишь в конкретных проявлениях. В нём всегда есть «подводная часть», недоступная исследованию. Поэтому любое представление о языке всегда неполно. Для лингвиста важно, чтобы это представление

было достаточно богатым и способным передать важные для исследования черты языка. По выражению Гумбольдта, «язык можно сравнить с огромной тканью, все нити которой более или менее заметно связаны между собой, и каждая — со всей тканью в целом». Идея, что язык представляет собой целостную систему, получила своё развитие лишь веком позже.

Материя языка едина для всего человечества, а форма у каждого языка своя, могут совпадать лишь самые общие черты. Авторы «Грамматики Пор-Рояля» обращали особое внимание на единые основы всех языков, а Гумбольдт — на своеобразие формы каждого языка.

В языке как бы накапливаются опыт, достижения и, может быть, даже разочарования и неудачи народа — его носителя: «Язык... принадлежит всегда целому народу: позднейшие поколения получают его от поколений минувших». Для немецкого учёного важнейшую роль играло понятие «духа народа», с которым неразрывно связан язык. «Язык развивается только в обществе, и человек понимает себя только тогда, когда на опыте убедится, что его слова понятны также и другим людям». Коллективный характер языка не исключает роли человеческой личности: «Ясно, до чего ничтожна сила одиночки перед могущественной силой языка... И всё-таки каждый со своей стороны в одиночку, но непрерывно воздействует на язык, и потому каждое поколение, несмотря ни на что, вызывает в языке какой-то сдвиг, который, однако, часто ускользает от наблюдения».

Человек не выбирает свой язык, он навязывается другими людьми. Но это, по Гумбольдту, не противоречит творческой природе языка: «В языке следует видеть не какой-то материал, который можно обозреть в его совокупности или передать часть за частью, а вечно порождающий себя организм, в котором законы порождения определённы, но объём и в известной мере также способ порождения остаются совершенно произвольными. Усвоение языка детьми — это не ознакомление со словами, не простая закладка их в памяти и не подражательное лепечущее повторение их, а рост языковой способности с годами и упражнением».

Творческий характер языка несовместим с традиционным представлением о языке как множестве слов, записанных в словарях, и множестве правил, заключённых в грамматиках. Гумбольдт писал: «Расчленение языка на слова и правила — это лишь мёртвый продукт научного анализа». В противовес этому он дал знаменитое определение языка: «Язык есть не продукт деятельности, а деятельность... Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать звук пригодным для выражения мысли». Эти идеи для европейской науки были совершенно новыми,

ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

...Отправляясь от любого языка, можно делать заключение о национальном характере. Языки нецивилизованных и мало развившихся народов тоже несут в себе эти следы, что позволяет нередко наблюдать такую интеллектуальную самобытность, какой на этой докультурной ступени, казалось бы, нельзя было ожидать. Языки американских аборигенов богаты примерами такого рода — смелыми метафорами, верными, но неожиданными сближениями понятий, случаями, когда неодушевленные предметы благодаря глубокомысленному пониманию их существа, переработанного воображением, переводятся в разряд одушевленных, и т. д. Грамматика этих языков различает не род, а неодушевленность и одушевленность предметов, понимая ее в самом широком смысле, и из применения этой грамматической категории можно уяснить себе взгляды народов на такие предметы. Например, они помещают небесные тела в один грамматический класс с людьми и животными, явно видя в небесных светилах самодвижущиеся существа, наделённые личностным началом и, возможно, управляющие со своей высоты человеческими судьбами.

Изучение словарей наречий таких народов доставляет особенное удовольствие и наводит на самые разнообразные размышления; а если к тому же вспомнить, что тщательный анализ форм подобных языков позволяет разглядеть духовный организм, из которого возникает их строение, то языковедческое исследование навсегда перестанет казаться чем-то сухим и прозаическим. В каждой своей части оно приводит нас к внутреннему духовному складу, который на протяжении всех эпох человечества остается носителем глубочайших прозрений, высшего идейного богатства и благороднейших чувств.

(Вильгельм фон Гумбольдт.)

хотя именно благодаря пониманию языка как деятельности индиец Па́нини когда-то создал свою грамматику. Позднее, в XIX — первой половине XX в., учёные по-прежнему рассматривали язык как застывший продукт человеческой деятельности. До крайности такое понимание было доведено в структурной лингвистике первой половины XX в., хотя она могла описывать этот продукт очень точно и строго. И лишь Ноам Хомский (см статью «Сходство и различие языков Человек и язык. Ноам Хомский») уже во второй половине XX столетия вновь обратился к идеям Гумбольдта.

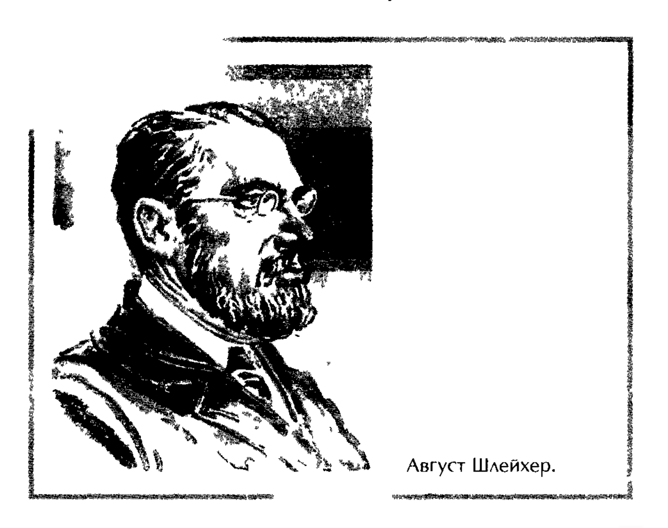
* * *

Вильгельм фон Гумбольдт первым указал на многие проблемы, важные для науки о языке. Он писал о системности языка, соотношении языковой формы и материи, о характере и причинах изменений в языке и многом другом. Даже лингвисты, совершенно чуждые подходу Гумбольдта, как, например, Фердинанд де Соссюр, испытали влияние его идей. Своё время Гумбольдт опередил, по крайней мере, на два века. Современные языковеды заново оценивают значение многих гениальных догадок великого немецкого учёного.

ПРОБЛЕМА ПРАЯЗЫКА. АВГУСТ ШЛЕЙХЕР

Европейцы давно заметили, что многие языки очень схожи. Уже в XVI—XVII вв. сходство немецкого и голландского, испанского и португальского, французского и итальянского языков объясняли тем, что они произошли от общего предка. Тогда уже были известны семьи похожих друг на друга языков за пределами европейского мира — семитская и тюркская. Но всё это были лишь предположения Доказывать родство языков ни в XVI, ни в XVII вв. ещё не умели.

Толчком, который положил начало сравнительно-историческому методу в языкознании, стало открытие европейцами древнего языка индийской культуры — санскрита. К концу XVIII в. Индия была завоёвана англичанами. Индийцы казались европейцам совершенно на них не похожим и очень отсталым народом. К совершенно иному выводу пришёл Уильям Джонс (1746—1794), английский путешественник, который прожил долгое время в Индии, учился у наставников, знавших наизусть классические индийские тексты, в том числе и грамматику Панини. В 1786 г. в Королевском научном обществе в Калькутте он сделал доклад, перевернувший представления того времени об особом развитии европейских языков.



Август Шлейхер.

Оказалось, что культура индийцев древняя и очень богатая. У индийской мифологии нашлось много общего с древнейшей мифологией европейских народов, а главное — санскрит, древнеиндийский язык, оказался очень похожим на европейские языки Человек, знающий только свой родной европейский язык, легко догадывается о значении большого числа санскритских слов. Особенно поражает сходство санскрита с древними языками европейской культуры — древнегреческим и латинским, в то время хорошо известными каждому образованному европейцу Человеку, знающему эти языки, понятна бо́льшая часть слов санскрита.

Доклад пришёлся кстати: к тому времени исторический подход стал ведущим методом во многих науках. Идея исторического развития овладела умами учёных. Сходство индийских языков с европейскими сразу было осознано как свидетельство общего происхождения народов — их носителей. Перед лингвистами предстала единая индоевропейская семья языков, куда входят санскрит, греческий, латинский, древнегерманский, древнеславянский и их современные языки-потомки.

Всего через четверть века после открытия санскрита появилась первая книга, посвящённая сравнительному изучению индоевропейских языков Ее написал выдающийся немецкий языковед Франц Бопп (1791—1867). Другим за-

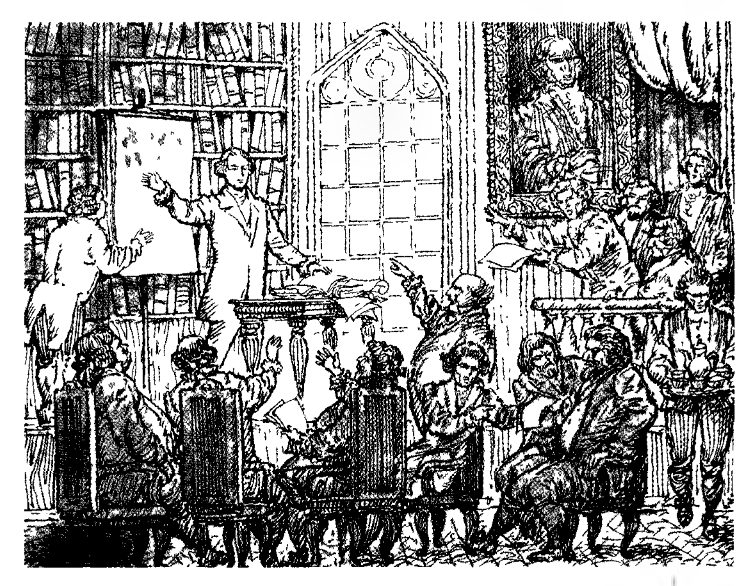
мечательным учёным того времени и основателем германского языкознания был Якоб Гримм (1785—1863), имя которого всем известно с детства, потому что он не только изучал языки, но вместе с братом Вильгельмом (тоже языковедом; 1786—1859) собирал и издавал немецкие народные сказки.

Франц Бопп, Якоб Гримм и многие другие языковеды, среди которых первый русский учёный в этой области — Александр Христофорович Востоков (1781—1864), накопили значительный языковой материал. Они многое выяснили в истории различных индоевропейских языков. Например, в старославянских и древнерусских памятниках письменности существовали две особые буквы: «юс большой» и «юс малый». Какие звуки они обозначали в древности, никто не знал. А. Х. Востоков, сопоставив между собой разные славянские и другие индоевропейские языки, установил, что этими буквами обозначались когда-то существовавшие носовые гласные. Учёные первого поколения индоевропеистов открыли, что между звуками разных индоевропейских языков имеются регулярные соответствия. Звуковые сходства или различия между словами всех этих языков не случайны, а подчиняются строгим правилам. Однако языковедам мешали некоторые предположения, оказавшиеся ошибочными. Например, древность санскрита (известны памятники I тыс. до н. э.) подвела языковедов XIX столетия к неверной гипотезе о том, что это древнейший язык, на котором выражалась «первоначальная мудрость» индоевропейских народов, и что все другие языки данной семьи происходят от него.

ЖИЗНЬ ЯЗЫКОВ

Новый этап развития сравнительно-исторического метода связан с именем крупнейшего немецкого учёного Августа Шлейхера (1821—1868). В юности Шлейхер долго колебался в выборе профессии: занимался ботаникой, потом богословием, но параллельно учил много самых разных языков от санскрита до китайского и арабского. Любовь к языкам в конце концов победила, но всю жизнь Шлейхер не бросал и ботанику. Его увлечением было готовить препараты из растений для изучения их под микроскопом.

За два десятилетия лингвистической деятельности учёный сделал многое: разработал сравнительную грамматику индоевропейских языков, написал «Индоевропейскую хрестоматию», труды по отдельным ветвям индоевропейской семьи языков, прежде всего по германским и



Доклад Уильяма Джонса Королевскому научному обществу в Калькутте. 1786 г

славянским. Шлейхер работал несколько лет в Праге и стал лучшим в Германии знатоком славянских языков. За их изучение он был избран иностранным членом Российской академии наук. Учёный первым начал систематически изучать литовский язык, показав, что этот язык очень важен для индоевропеистики, поскольку сохранил много древних явлений. Писал он и труды теоретического характера, в которых чувствуется влияние Вильгельма фон Гумбольдта.

Ко всему немецкий учёный подходил как экспериментатор, что в конце концов стоило ему жизни. Закаляя зимой своё здоровье, он простудился, решил испытать на себе новый метод лечения и умер от этого на 47-м году жизни, не закончив «Сравнительную грамматику славянских языков».

Шлейхер интересовался и конкретными фактами, и общими законами развития языков. В его время самой активно развивавшейся наукой была биология, особенно большую популярность получила появившаяся в 50-х гг. XIX в. теория эволюции Чарлза Дарвина. Шлейхер стал своего рода «дарвинистом» в языкознании, ему представлялось, что языки — это те же организмы (возможно, здесь сказалось его увлечение ботаникой). Они рождаются, растут, стареют и умирают, ведут между собой борьбу за существование и подчиняются законам естественного отбора. Такой подход, конечно, был слишком упрощённым и прямолинейным, но на его основе удалось выяснить многие закономерности развития языков.

Некоторые утверждения Шлейхера были опровергнуты последующей наукой. Так, он сохранял романтические представления о древних индоевропейских языках (санскрите, древнегреческом, латинском) как самых совершенных и связанных с «мудростью древних». Доказательством совершенства служила сложность морфологии этих языков. Вслед за Гумбольдтом он выделял два этапа в развитии языков; доисторический этап он тоже понимал как развитие языков от простого к сложному. Но последующий исторический этап языка Шлейхер считал регрессом, «распадом языка в отношении звуков и форм». Так, английский и французский языки, морфология которых упростилась, регрессировали, согласно его взглядам, очень сильно; немецкий несколько меньше Современная наука отказалась от такого рода оценок. Выяснилось, что путь развития от сложной морфологии к более простой не яв-

ЯКОБ И ВИЛЬГЕЛЬМ ГРИММЫ

Братья Гримм, известные детям всего мира как сказочники, были выдающимися учёными-филологами. Судьба этих людей — пример научного подвижничества, кропотливой многолетней работы, увенчавшейся мировой славой.

Якоб (1785—1863) и Вильгельм (1786—1859) Гриммы родились в небольшом городке Ханау, близ Франкфурта-на-Майне. Они рано лишились отца и поэтому должны были сами заботиться о своём будущем. Наиболее верным способом обеспечить себе существование им представлялась юридическая карьера.

Братья были очень привязаны друг к другу и почти никогда не расставались. Сначала Якоб, а вслед за ним и Вильгельм поступили в Марбургский университет. Занятия правом не помешали молодым людям увлечься немецкой литературой. В библиотеке своего профессора они впервые столкнулись «со стихами на странном, наполовину непонятном немецком языке». Якоб Гримм писал, что чтение этих полузабытых книг наполнило его «странным предчувствием» и в нём окрепло «страстное желание правильно читать и понимать... старых поэтов». Научному изучению языка и литературы братья посвятили всю жизнь.

Начиналась эпоха наполеоновских войн, время неустроенности, беспокойства и неуверенности в завтрашнем дне. «Происходящие в мире события и потребность обрести покой, уйдя в науку, несомненно способствовали пробуждению интереса к давно забытой литературе, однако мы искали не только утешения в прошлом: была надежда, конечно, что это направление могло бы способствовать возвращению лучших времён», — писали они позднее. Братья издавали народные песни, легенды и сказки, причём не только немецкие. Вильгельм Гримм называл это «приятной побочной деятельностью». Но именно она принесла братьям мировую славу. Одновременно Якоб Гримм собирал материал для книги по грамматике немецкого языка. В 1819 г. в Гёттингене вышел первый том его знаменитой «Немецкой грамматики». Работа над этим трудом продолжалась два десятилетия, пока в 1837 г. не вышли все четыре тома. Этой грамматикой были заложены основы сравнительно-исторического изучения германских языков.

В 1830 г. братьев пригласили в Гёттингенский университет, где они получили возможность продолжать свои научные занятия. Вильгельм Гримм разыскивал и издавал средневековые сочинения, Якоб Гримм работал над описанием немецкого языка.

В 1837 г. братья Гримм вместе с шестью профессорами выступили с протестом против отмены королём Эрнстом Августом II конституции Ганновера, после чего были уволены из университета.

Перебравшись в Кассель, учёные приступили к работе над составлением словаря немецкого языка. Первый том этого словаря вышел в свет в 1854 г. После смерти Вильгельма Якоб продолжил работу над словарём. Знаменательно, что словарная статья, которую готовил Якоб Гримм перед своей смертью, относилась к слову «плод» (словарь действительно был плодом многолетней самоотверженной работы). Словарь, задуманный и начатый братьями Гримм, окончательно был завершён только через 100 лет после смерти Якоба.

Якоб и Вильгельм Гриммы.

АЛЕКСАНДР ХРИСТОФОРОВИЧ ВОСТОКОВ

Основатель славянской филологии Александр Христофорович Востоков (настоящая фамилия Остенек; 1781—1864) родился в городе Аренсбурге (ныне Курессааре в Эстонской Республике). В детстве он был отдан в Петербургский шляхетский корпус, а с 13 лет учился в Академии художеств.

Перу Востокова принадлежит знаменитое «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к Грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам» (1820 г.). Он собрал в этой работе огромный фактический материал и первый в России применил сравнительно-исторический метод. Учёный доказал генетическое родство славянских языков, установил звуковые соответствия между этими языками.

До Востокова не было известно, как именно произносили звуки, которые обозначались буквами ъ, ь, ѫ («юс большой») и ѧ («юс малый»). Установив соответствия между старославянскими, русскими и польскими словами, учёный доказал, что ъ и ь соответствовали редуцированным (кратким) гласным звукам, а ѫ и ѧ — носовым гласным [о] и [е].

Страстный любитель и прекрасный знаток памятников древнерусской письменности, Востоков с 1815 г. служил в Императорской публичной библиотеке сначала старшим помощником, а потом и главным хранителем отдела рукописей.

Александр Христофорович принимал участие в деятельности Румянцевского кружка; главой и основателем его был граф Николай Петрович Румянцев (1754—1826). Видный государственный деятель, он во второй половине своей жизни, после отставки, стал организатором многих научных исследований, большую часть которых финансировал из собственных средств. В Румянцевский кружок входили замечательные учёные и исследователи: мореплаватели и географы Иван Федорович Крузенштерн и Юрий Федорович Лисянский, историк Михаил Петрович Погодин и многие другие. Именно по поручению Румянцева Востоков подготовил к изданию один из самых древних памятников славяно-русской письменности — Изборник Святослава 1073 г.

В 1831 г. вышла работа А. Х. Востокова «Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях», выдержавшая 15 переизданий. Вводный раздел этой грамматики был посвящён общим вопросам языкознания, в остальных четырёх описывались: части речи, «словосочинение» (согласование, управление), правила «составления периодов», в том числе и вопрос о сложном предложении, правила правописания, «словоударения» и, наконец, «стопосложение», т. е. сочинение стихов.

В том же 1831 г. увидела свет ещё одна книга А. Х. Востокова — «Русская грамматика по начертанию сокращенной грамматики, полнее изложенная». В ней учёный осуществил, как и задумывал, «перебор всего русского языка», т. е. полное описание грамматики. Книга переиздавалась 11 раз.

Александр Христофорович Востоков.

ляется обязательным для эволюции языков в исторический период и многие языки развиваются совершенно не так, как индоевропейские. Поэтому от понятий «зрелости» или «старости» языков современные лингвисты отказались.

В то же время выдвинутая Августом Шлейхером схема развития языковых семей выдержала проверку временем и сохранилась до сих пор. Эта схема иногда называется концепцией *родословного древа* языков. Согласно ей, языковая семья образуется в результате распада некогда единого праязыка. В силу исторических условий (одни народы мигрируют, другие остаются на месте и т. д.) праязык распадается на части. Постепенно его ветви, развиваясь независимо друг от друга, превращаются в отдельные языки. Такой процесс дробления языков может происходить многократно, но обратный процесс сближения невозможен. Если языки ведут «борьбу за существование», то один в конечном итоге побеждает, а побеждённый язык погибает (часто обогащая при этом «победителя» своей лексикой). Однако какой-то третий язык на основе «скрещивания» двух родственных или неродственных языков появиться не может. Если изобразить такую схему развития графически, то она действительно напоминает генеалогическое древо какого-нибудь рода, происходящего от общего прародителя, либо схему развития животного или растительного мира в биологической систематике.

Шлейхер первым разработал и родословное древо индоевропейских языков, предложив гипотезу о том, что существовавший некогда индоевропейский праязык постепенно распадался на более мелкие группы.

САНСКРИТ И РУССКИЙ

Санскрит, литературный древнеиндийский язык, родствен русскому. Ниже приведено несколько пар соответствующих друг другу по происхождению санскритских и русских словоформ. (Конечные элементы, не тождественные по происхождению, заключены в скобки.) Если словоформы расходятся по значению, при санскритской словоформе в кавычках дан перевод.

Санскрит	**Русский**
vāhas	воз (им. п.)
vāhe «в возе»	возе
plavikas «паромщик»	пловец
plavik(am) «паромщика»	пловц(а) (вин. п.)
bhagas «податель благ»	бог
bhaga «о, податель благ!»	боже!
grīvā «шея»	грива
grīvām «шею»	гриву
panth(ās)	путь
panktis «пятёрка»	пять
çvāntas «процветающий»	свят(ой)
rudh (iras) «красный»	рд(яный)
teṣu «в тех»	тех (предл. п.)
nūn(am) «сейчас, теперь»	нын(е)
lopayati «нарушает, ранит»	лупит
mucyat(e) «освобождается»	мчит(ся)
bhayat(e)	боит(ся)

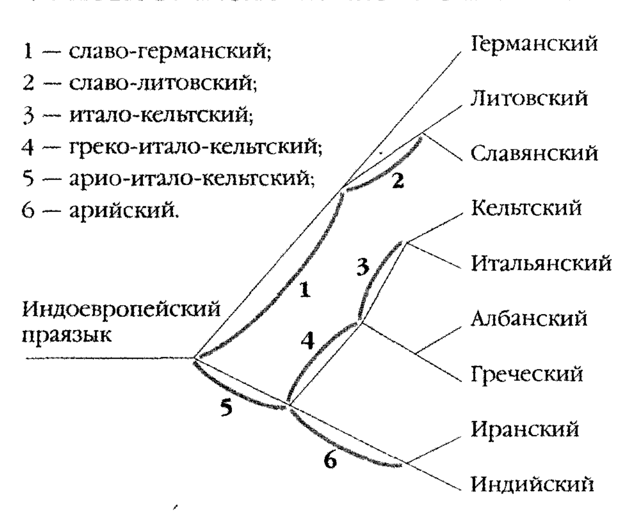
Переведите с санскрита следующий текст:

Dame vidhavā jīvati. Damas navas asti. Dame agnis asti: vidhavā damam tāpayati. Catvāras sūnavas na santi dame, avikās pāsanti prastāre. Navā snuṣā na budhyate: supyate. Vidhava etām snuṣām bodhayati: «Paca mānsam!» iti. Snuṣā havate: «Devaras, bharata avikām!» iti. «Kataram?» iti. «Tam tanukām, devaras» iti. Trayas devaras jīvām avikām bharanti. Avikā ravati. Devaras etām avikām mārayanti. Snuṣā meṣam darati, mānsam pacati, dhūme vartayati. Vidhavā sūnum havate: «Vaha madhu!» iti nodayati. Sūnus ravati: «Nūnam, mātar!» iti. Sunus madhu vahati. Vidhavā sūnum sadayati, snuṣā devaram payayati. Nūnam catvāras adakās sīdanti, mansam adanti, madhu giranti. «Madhu-pītis jīvayati, mātar!» iti ravanti.

(При решении задачи обратите внимание: в записи санскритских слов ***c*** означает ***ч***, ***j*** — слитное ***дж***, ***ṣ* — *ш***, ***ç* — *щ***, ***y* — *й***; ***bh***, ***dh***, ***th*** — единые согласные; черта над гласной означает долготу. Слово *iti* не переводится; оно указывает на конец прямой речи. Слова на ***-te*** переводите так, как если бы они кончались на ***-ti***.)

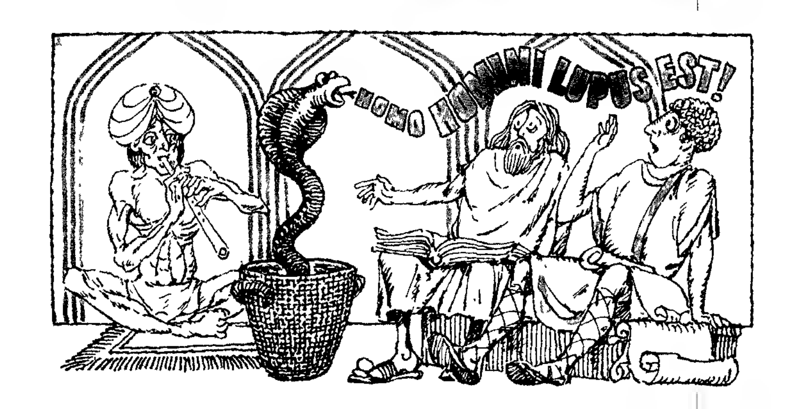
Конкретные схемы А. Шлейхера быстро устарели и сейчас имеют лишь исторический интерес. Однако общая концепция развития семей, неоднократно подвергаясь суровой критике, с некоторыми уточнениями дожила до наших дней. Предложенная им лингвистическая систематика стала одновременно и способом удобной, научно обоснованной классификации языков по семьям, и средством объяснения процессов их исторического развития. И сейчас наиболее обычные классификации языков — это генетические, т. е. по семьям (см. статью «Сообщества языков»).

СХЕМА РОДОСЛОВНОГО ДРЕВА ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ ПО ШЛЕЙХЕРУ



Языки развиваются от единого праязыка ко множеству языков (их количество не увеличивается беспредельно лишь потому, что некоторые из них вымирают). Языковед идёт в обратном направлении: от множества известных языков к реконструкции всё меньшего числа языков-предков и, наконец, древнейшего праязыка (языка-основы). Шлейхер писал: «Если два или несколько языков употребляют для выражения значения и отношения настолько близкие звуки, что мысль о случайном совпадении становится совершенно неправомерной, и если, далее, совпадения проходят через весь язык и обладают таким характером, что их нельзя объяснить заимствованием слов, то подобного рода тождественные языки, несомненно, происходят из общего языка-основы, они являются родственными». Этот же подход принят и в современном сравнительно-историческом языкознании.

В ТУМАННОЙ ДАЛИ ПРОШЛОГО



Август Шлейхер первым показал, что санскрит — не индоевропейский праязык: он сформировался уже после того, как восточные индоевропейские языки (индийские и иранские) отделились от остальных. Имея достаточное количество данных по нескольким ветвям индоевропейской семьи (впрочем, как позже выяснилось, не по всем), учёный впервые взялся за реконструкцию индоевропейского языка. Он сопоставлял санскрит, древнегреческий, латинский языки, которые можно было рассматривать как праязыки промежуточного уровня, а также находящиеся на том же уровне реконструированные праязыки вроде праславянского или прагерманского. Как часто бывает, первые успехи на пути решения некоторой проблемы приводят к иллюзорным представлениям о том, что проблема решена полностью. В статье о теории Дарвина Шлейхер назвал индоевропейский праязык «нам совершенно известным», а вскоре в печати появилась знаменитая басня «Овца и кони» — уникальный опыт сочинения на этом языке.

Писать на праиндоевропейском языке, безусловно, было очень интересно. Однако следующее поколение индоевропеистов отказалось от такого рода творчества. Стало ясно, что нельзя утверждать, будто реконструированный язык басни — это праиндоевропейский язык, хотя все басенные корни и окончания действительно имеют параллели в известных индоевропейских языках. Почему?

Во-первых, Август Шлейхер владел ещё не всем материалом. Например, спустя почти полвека после его смерти учёный из Чехии Бедржих Грозный (1879—1952) расшифровал тексты II тыс. до н. э., написанные в Малой Азии на хеттском языке. Оказалось, что этот язык тоже индоевропейский, принадлежавший к особой, сейчас уже полностью вымершей ветви. Позднее расшифровали тексты и на других языках той же ветви. Материал этих языков заставил пересмотреть многие представления индоевропеистов.

Во-вторых, праиндоевропейский язык не был абсолютно един; он состоял из диалектов. Некоторые реконструкции дают информацию об одном диалекте, другие — о другом. Свести всё воедино очень трудно.

В-третьих, не всегда ясно, какую временную глубину имеют те или иные реконструкции. Индоевропейский праязык существовал длительное время, затем также не одно столетие шёл процесс его распада. В тех же самых словах можно восстановить корни такими, какими они выглядели в период единого праязыка, в других случаях — корни времён, когда праязык уже начал распадаться, в третьих — корни ещё более позднего времени. Иногда даже в одном корне реконструированные звуки (фонемы) могут относиться к разным временным пластам. Поэтому в шлейхеровской басне могли сосуществовать элементы, относившиеся к разному времени и различным диалектам.

В-четвёртых, и это, пожалуй, самое главное: даже использовав весь существующий материал и разделив разные диалекты и временные пласты, всё равно не удалось бы восстановить праязык целиком. Восстановить можно лишь то, что оставило след в реально известных языках. Но многое исчезло бесследно. Это хорошо видно в тех случаях, когда праязык дошёл до нас. Например, латынь с оговорками можно рассматривать как романский праязык. Её удобно использовать для проверки эффективности метода реконструкций: в распоряжении исследователей есть и множество языков-потомков (французский, испанский, румынский и т. д.), и большое количество текстов на латыни. В целом метод работает, но насколько реальная латынь богаче всех своих реконструкций! Например, из двух существовавших в латыни форм пассива (страдательного залога) одну реконструировать невозможно, так как она не сохранилась ни в одном из языков-потомков. Ещё с большей вероятностью можно предполагать множество бесследно исчезнувших слов и грамматических форм в праиндоевропейском языке.

Современные индоевропеисты не сомневаются в том, что индоевропейский праязык существовал. Сейчас о нём известно намного больше, чем во времена Августа Шлейхера. Но текстов на праязыке никто не пишет. Восстановить этот язык до такого уровня, чтобы на нём можно было писать тексты, как на латыни и древнегреческом, невозможно.

«ОВЦА И КОНИ»

Перед нами знаменитая индоевропейская басня Августа Шлейхера: «Avis, jasmin varna na a ast, dadarka akvams, tam, vagham garum vaghantam, tam, bharam magham, tam, manum aku bharantam. Avis akvabhjams a vavakat: kard aghnutai mai vidanti manum akvams agantam». Akvasas a vavakant: krudhi avai, kara aghnutai vividvantsvas: manus patis varnam avisams karnanti svabhjam gharman vastram avibhjams ka varna na asti. Tat kukruvants avis agram a bhudat.

Вот русский перевод басни: «Овца, [на] которой не было шерсти, увидела коней, везущих тяжелую повозку [с] большим грузом, быстро несущих человека. Овца сказала коням: „Сердце теснится [во] мне, видя коней, несущих человека“. Кони сказали: „Послушай, овца, сердце теснится [от] увиденного: человек — господин — делает шерсть теплой одеждой [для] себя, и [у] овец нет шерсти“. Услышав это, овца повернула [в] поле» (в скобки заключены слова, у которых нет прямых соответствий в индоевропейском тексте).

Некоторые корни слов можно опознать, даже не будучи лингвистом. В *vidanti* («видя») узнается русский корень **-вид-**, а в *manum* («человек») нетрудно увидеть английское *man* или немецкое *Mann*. Слово *avis* («овца») имеет корень **-av-**, сопоставимый с **ов-** в ***овца*** (**-ц-** — старый уменьшительный суффикс, имеющийся в словах типа *оконце;* сравните слово *овен,* где его нет). А в словах *na* и *ast* можно узнать русские *не* и *есть*. Иногда соответствующее слово в русском языке редкое: мало кто сейчас помнит слово *волна* в значении 'овечья шерсть', хотя оно есть еще у Л. Толстого (сравните *varna* («шерсть») с тем же значением; английское *wool* (тоже «шерсть»), образованное от того же корня). Некоторые корни в русском языке не сохранились, хотя могли вернуться как заимствования из других индоевропейских языков. Видя у Шлейхера *kard* («сердце»), легко вспомнить слова *кардиология, кардиограмма* и др. Действительно, они происходят от греческого слова со значением 'сердце', которое похоже на *kard*. Человек, знающий греческий и латинский языки, опознает в басне немало других корней (например, **-akv-** («конь») соответствует латинскому *equ(us))* и ряд окончаний: можно заметить, что слова в винительном падеже единственного числа оканчиваются в басне на **-um** или **-am,** такие окончания есть и в древних языках.

Басня помогает сформулировать ряд принципов сравнительно-исторического анализа. Например, сравнивать надо не целые слова, а их составные части: корни, окончания; причем корень должен быть взят не в современном, а в более древнем виде: не **-овц-,** а **-ов-.** Глядя на перевод, нетрудно заметить, что Август Шлейхер специально подбирал слова для текста. В нем немного корней, но зато одни и те же слова представлены в разных грамматических формах (в частности, существительные в разных падежах), что дает возможность показать всю индоевропейскую систему склонения и спряжения.

* * *

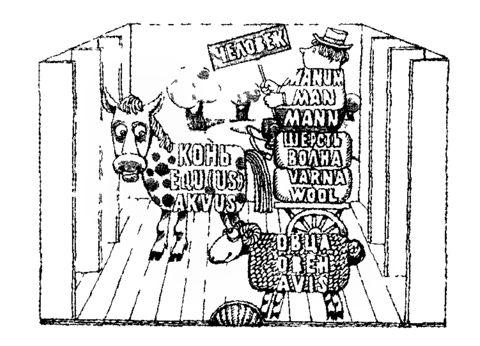
Проследим процесс восстановления некоторых слов в басне Шлейхера. Каким образом ученому удалось восстановить для индоевропейского языка слово **avis* («овца»)? (Звездочка перед словом означает, что этого слова нет ни в одном из известных языков, оно восстановлено лингвистом; этот знак, придуманный Шлейхером, стал общепринятым.) Шлейхер мог уверенно опираться на формы засвидетельствованных языков:

Язык	**Слово *овца***
Санскрит	**avis*
Литовский	*avis*
Латинский	*ovis*
Греческий	*οισ*
Старославянский	***овь-ца***
Древневерхненемецкий	*au*

В четырех первых словах находим на конце ***s*** — показатель именительного падежа, отсутствующий в славянском и древневерхненемецком, но обычный для древнего готского языка. По-видимому, такой же показатель именительного падежа существовал и в праязыке.

В тех же четырех языках конечному ***s*** предшествует знак ***i***, в славянском этому ***i*** регулярно соответствует ***ь*** (сравните санскрит *agnis,* латинское *ignis,* литовское *ugnis,* старославянское *огнь* — «огонь»). Вероятно, ***i*** был и в праязыке. Во всех указанных языках вторым звуком в слове является губной [v] или [u]. Он отсутствует лишь в греческом, но отсутствует закономерно, регулярно (сравните санскрит *návas,* латинское *novus,* готское *niujis,* литовское *naujas,* старославянское *новь* («новый»), но греческое *νεος* без губного). Восстанавливаем губной согласный и для праязыка (Шлейхер восстанавливает его в виде ***v,*** позднее немецкий лингвист Герман Хирт — с бо́льшим основанием в виде ***w***).

Наибольшие трудности возникают при анализе первого гласного: в трёх языках этот гласный звучит как ***a,*** а в трех — как ***o.*** Что же было в праязыке? В данном вопросе Шлейхер ошибся. Он полагал, что система гласных в санскрите меньше всего отличается от положения дел в праязыке. По его мнению, древний индоевропейский гласный ***a*** сохранился в санскрите и расщепился (по неизвестным причинам) на разные звуки в других индоевропейских языках. Поэтому во многих спорных случаях он переносил в праязык звуки санскрита. Так и в данном случае Шлейхер восстанавливает *avis*. Позднейшие исследования показали, что, наоборот, первоначально различавшиеся индоевропейские ***e, o, a*** сохранились как разные звуки в греческом и латинском и совпали в одном звуке ***a*** в санскрите. Поэтому Хирт для слова *овца* восстанавливает *owis* в соответствии с греческим и латынью.



САНСКРИТ И РУССКИЙ

В приведённом исходном материале обнаруживаются следуюшие соответствия между санскритом и русским.

Гласные: санскритское *ī* — русское ***и; ū — ы; i — е*** (беглое) или нуль (на орфографическом уровне может быть ***ь***); ***u*** — нуль; ***o — у; е — е; а — о*** или ***е; ā — а*** или ***о***. Иначе ведут себя ***а*** и ***ā*** в некоторых сочетаниях: ***an, ān, am — у*** или ***я***; конечное ***as*** — нуль; ***ayati*** и ***yati — ит***.

Согласные: ***v — в; h — з; р — п; l — л; k — ц*** (но в *panktis* — нуль); ***bh — б; g — г*** или ***ж; r — р; t, th — т; ṣ — х; n — н, m — м; c — ч***.

Элементы склонения. Склонение слов на ***as: -as*** — им. п. ед. ч.; ***-am*** — вин. п. ед. ч.; ***-а*** — звательный п. ед. ч.; ***-е*** — местный п. ед. ч. («в чём»). Склонение слов на ***ā: -ā*** — им. п. ед. ч.; ***-ām*** — вин. п. ед. ч. Склонение слов на ***is: -is*** — им. п. ед. ч.

Элементы спряжения: ***-ti*** (или, может быть, ***-ati***) — у глаголов 3-го л. ед. ч. наст. вр.

Перевод санскритского текста дан без стилистической правки — русские слова взяты по возможности в том виде, который получается при прямом фонетическом пересчёте с санскрита:

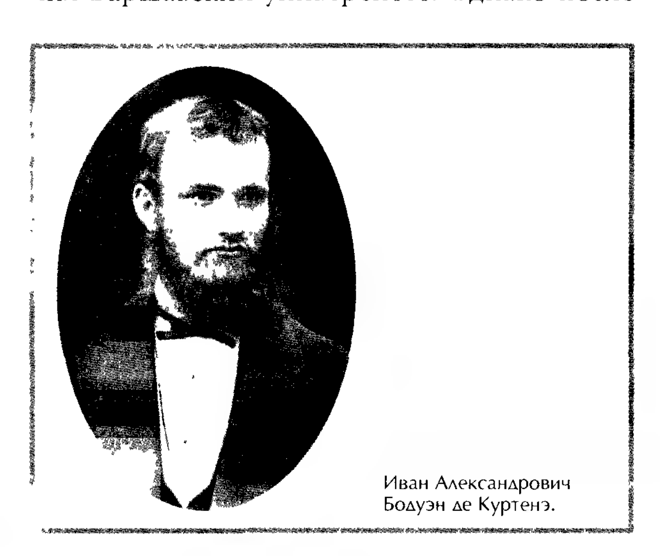
В доме вдова живет. Дом новый (есть). В доме огонь (есть): вдова дом топит. Четверо сыновей не (суть) в доме, овец пасут на просторе. Новая сноха не бодрствует (буквально *не бдит*)*: спит. Вдова эту сноху будит: «Пеки мясо!». Сноха зовёт: «Девери, берите овцу!». — «Которую?» — «Ту тонкую, девери». Трое деверей живую овцу берут. Овца ревёт. Девери эту овцу убивают* (буквально *морят*)*. Сноха мех дерёт, мясо печёт, в дыму вертит. Вдова сына зовёт: «Вези мёд» — понуждает* (буквально *нудит*)*. Сын ревёт: «Сейчас* (буквально *ныне*)*, мать!». Сын мёд везёт. Вдова сына сажает* (буквально *садит*)*, сноха деверя поит. Теперь четверо едоков сидят, мясо едят, мёд жрут. «Медопитие живит, мать!» — ревут.*

ЧТО ТАКОЕ ЗВУК И СЛОВО? ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ

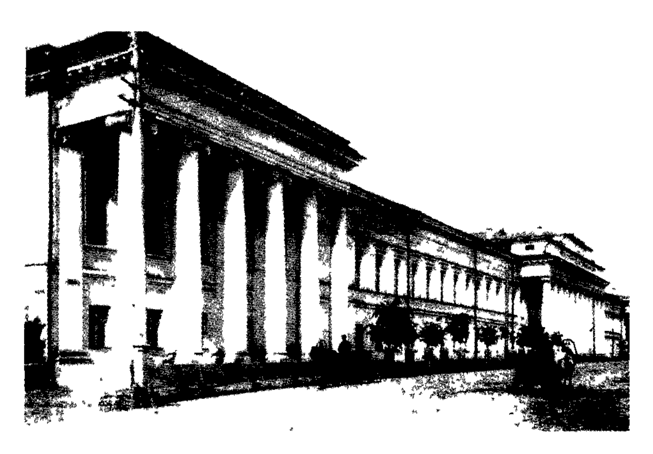
Во второй половине XIX в. наука о языке в основном продолжала традиции, начало которым положил немецкий учёный Август Шлейхер (см. статью «Проблема праязыка. Август Шлейхер»). Главной задачей науки считалось изучение родственных связей языков, прежде всего индоевропейских, и составление сравнительных исторических грамматик и словарей. Учёные того времени значительно усовершенствовали сравнительно-исторический метод, преодолев ряд ошибочных представлений А. Шлейхера. Однако вместе с тем учёные вообще отказались от постановки каких-либо широких проблем лингвистики, целиком сосредоточившись лишь на частных вопросах истории конкретных языков. Изучение современных языков по-прежнему считалось занятием, недостойным учёного.

Но были лингвисты, которые пытались выйти за столь узкие рамки. Пожалуй, самым выдающимся среди них был Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845—1929). Он прожил долгую и в целом счастливую жизнь, хотя были в ней и вынужденная разлука с родным краем, и даже тюремное заключение.

Необычная фамилия учёного восходит к древнему французскому роду де Куртенэ, а предки его (среди них был один по имени Бодуэн [Балдуин]) правили в Латинской империи, государстве, основанном крестоносцами в Константинополе. Позже одна ветвь рода переселилась в Польшу, а сам Иван Александрович (Ян Игнацы Нечислав) принадлежал к польским дворянам. Он родился в Радзымине близ Варшавы, в части Польши, которая входила в состав России; окончил Варшавский университет. Однако после



Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ.



Казанский Императорский университет Фотография До 1916 г

поражения Польского восстания 1863—1864 гг. царское правительство не разрешало польским интеллигентам работать в Привислинском крае, как называлась тогда Русская Польша. Завершив обучение за границей и защитив в 29 лет докторскую диссертацию, Бодуэн де Куртенэ уехал преподавать в Казанский университет. Именно в Казани он нашёл себя как учёный: там сложилась его научная концепция, там же он создал школу языковедов. Позже учёный работал в Юрьеве (ныне Тарту в Эстонии), затем в польском Кракове, тогда принадлежавшем Австро-Венгрии, и, наконец, в Петербурге, где у него также появилось много учеников.

Бодуэн де Куртенэ писал и издавал свои работы на трёх языках: русском, польском и немецком. Он активно участвовал в политической жизни, выступая за права языков малых народов России. За это в 1913 г его арестовали, а затем несколько лет, вплоть до Февральской революции, не допускали к работе в Петроградском университете. В 1918 г. Польша стала независимым государством и Иван Александрович вернулся на родину, где пользовался большим уважением. В двух странах — России и Польше — он по праву считается отечественным языковедом.

ОТКРЫТИЕ ФОНЕМЫ

Научная деятельность И. А. Бодуэна де Куртенэ была многообразной. Он занимался русским, польским, словенским и другими славянскими языками, индоевропеистикой и тюркологией. Бодуэн де Куртенэ коренным образом переработал словарь Владимира Ивановича Даля, сделав его более упорядоченным. При активном участии учёного была подготовлена реформа русской орфографии, осуществлённая в 1917—1918 гг. Первым из профессиональных лингвистов он обратил серьёзное внимание на создававшиеся в то время искусственные международные языки (эсперанто и др.). Он же впервые сделал объектом научного исследования воровской жаргон русского языка («блатную музыку»), посвятив ему статью. Бодуэн де Куртенэ стремился разработать принципы справедливой языковой политики в России. И всегда учёный обращал внимание на общелингвистические проблемы, связывая самые, казалось бы, частные вопросы с общей теорией языка.

Начиная с ранних работ, Бодуэн де Куртенэ, как несколько позже и Ф. де Соссюр (см. статью «Язык и его структура. Фердинанд де Соссюр»), подчёркивал, что научное языкознание не сводится только к изучению языковой истории и родственных связей языков. Он указывал, что необходим «всесторонний разбор положительно данных, уже сложившихся языков», среди которых главное место занимают «живые языки народов во всём их разнообразии». Для того времени подобный подход был новаторским.

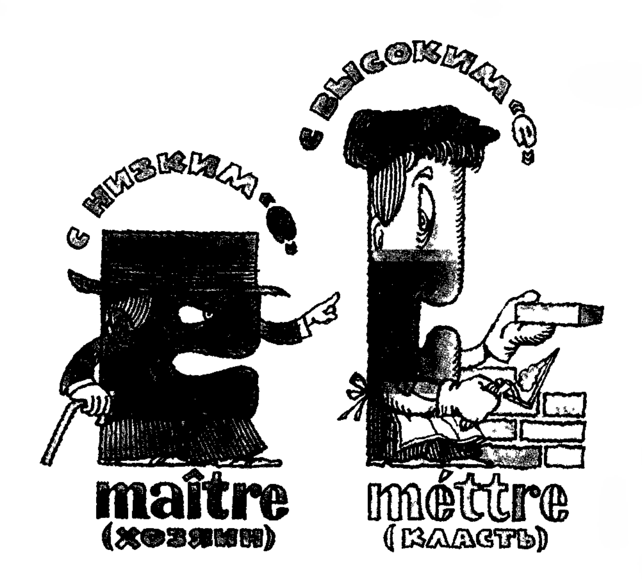
Очень резко Бодуэн де Куртенэ выступил против биологических идей А. Шлейхера: «Причислять язык к „организмам", языковедение же к естественным наукам есть пустая фраза, без фактической подкладки... Сущность человеческого языка исключительно психическая. Существование и развитие языка обусловлено чисто психическими законами... Так как язык возможен только в человеческом обществе, то кроме психической стороны мы должны отмечать в нём всегда сторону социальную. Основанием языковедения должна служить не только индивидуальная психология, но и социология».

Психологический подход к языку определял для И. А. Бодуэна де Куртенэ принципы изучения фонетики и грамматики. Фонетика в европейских странах вплоть до второй половины XIX столетия была развита недостаточно. Описания звуков по своей точности и разработанности значительно уступали индийским и арабским. Новый этап развития фонетики начался, когда во второй половине XIX в. родилась *экспериментальная* фонетика. Впервые появилась возможность с помощью приборов изучать акустические свойства звуков и деятельность голосового аппарата человека. Однако успехи акустики и физиологии требовали лингвистического осмысления. Выяснилось, что в руках исследователей появился инструмент, даже слишком мощный для нужд науки о языке. Уже самые простые технические средства давали возможность выделять значительно боль-

ше признаков, чем это нужно для описания языка. Выяснилось, что многие фиксируемые приборами звуковые нюансы речи не осознаются человеком и не служат в языке для различения смысла. Нужны были критерии, позволяющие отделять лингвистически значимые различия от незначимых.

В связи с этим Бодуэн де Куртенэ разграничил две разные дисциплины, изучающие звуки речи. Одна из них — это акустико-физиологическая фонетика, исследующая объективные свойства звуков с помощью приборов. Другой он дал название «психофонетика», однако позже для неё установился термин *фонология*. Первая дисциплина изучает звуки реальной речи, создаёт базу для второй, но только косвенно относится к языкознанию. Вторая дисциплина — прямо лингвистическая, она исследует звуки как представления человеческой психики, которые служат в языке для выражения смысла.

И. А. Бодуэн де Куртенэ впервые выделил главную единицу фонологии — *фонему* (от *греч.* «phōnēma» — «звук»). Этот термин существовал и раньше, но Бодуэн де Куртенэ придал ему новый смысл. Он так определял фонемы: «Это единые, непреходящие представления звуков языка». В отличие от звуков с их зависимостью от индивидуальности говорящего, от обстановки речи фонема существует вполне объективно, одинаковым образом для всех. Как мельчайшая единица языка, она принадлежит сознанию человека, а не потоку звуковой речи. В фонему объединяются звуки, которые для носителя языка не различаются между собой. Например, в русском языке [э] в слове ***этот*** (перед твёрдым согласным звуком) и в слове ***эти*** (перед мягким согласным) произносится по-разному: во втором случае язык поднимается выше, чем в первом; на слух эти звуки тоже различаются. Однако носитель русского языка не ощущает этого различия, для него это один звук. А во французском языке два примерно таких же звука воспринимаются как разные и обычно различаются на письме (сравните *maître* 'хозяин', 'господин' с более низким ***e*** и *méttre* 'класть' с более высоким). Но, как писал И. А. Бодуэн де Куртенэ, «фонемы неделимы психически». Таким образом, учёный при выделении фонемы прямо опирался на «языковое чутьё» носителей языка. Безусловно, психологическое восприятие фонемы отражается в буквенных письменностях. Все создатели алфавитов были «стихийными фонологами» И не случайно именно фонологи, в том числе ученики И. А. Бодуэна де Куртенэ, активно участвовали в разработке новых алфавитов для языков народов бывшего СССР.



Позднее психологическое понимание фонемы подверглось критике. Оно совершенно правильно по существу, но, обращаясь к психологии и «языковому чутью», нельзя проверить те или иные фонологические описания. Учёные следующего поколения (прежде всего Николай Феофанович Яковлев и Николай Сергеевич Трубецкой) предложили более строгие критерии выделения фонем. Фонемы стали понимать как единицы, которые позволяют различать слова в языке. Однако само понятие «фонема» и разграничение фонетики и психофонетики (фонологии) сохранились.

МОРФЕМА И СЛОВО

Другой единицей языка, впервые выделенной И. А. Бодуэном де Куртенэ, была *морфема* (от *греч.* «morphe» — «форма»). До него существовали такие термины, как *корень* и *аффикс*, но обобщающего понятия для минимальной значимой единицы языка не было. Понятие морфемы учёный также связывал с человеческой психикой: «Морфема —любая часть слова, обладающая самостоятельной психической жизнью и далее неделимая с этой точки зрения». Существование морфем в сознании людей подтверждается речевыми ошибками и обмолвками вроде *брыками ногает, вертом хвостит* вместо *ногами брыкает, хвостом вертит.* Понятие морфемы, как и фонемы, прочно вошло в мировую науку о языке.

Одним из первых в мировой науке И. А. Бодуэн де Куртенэ поставил вопрос о том, что такое слово. Традиционно эта единица была

центральной, но она как бы задавалась заранее, принималась как данность. Однако лингвист может так поступать, только изучая родной язык, опираясь на свою интуицию. С языком иного строя невозможно действовать так же: в этом случае чужой язык будет описываться под сильным влиянием родного, что неизбежно приведёт к искажениям. Бодуэн де Куртенэ попытался разобраться в том, каковы реальные свойства этой единицы.

И. А. Бодуэн де Куртенэ писал: «Разве только слова произносятся? Слова являются обыкновенно частями фактически произносимого». Реально произносятся не слова, а высказывания. Высказывания можно членить на части двояко: «с точки зрения фонетической» и «с точки зрения морфологической». Фонетически высказывание делится на «фонетические фразы», фонетическая фраза — на «фонетические слова», фонетическое слово — на слоги и фонемы. Фонетическое слово объединяется общим ударением. Поэтому оно не всегда равно слову: не имеющие собственного ударения предлоги и частицы сливаются в одно фонетическое слово с соседними словами. Морфологически высказывание членится на «сложные синтаксические единицы» (предложения или их части), те в свою очередь — на «простые синтаксические единицы» (члены предложения), из которых выделяются морфемы. Простая синтаксическая единица, минимальный член предложения более или менее соответствуют слову, но не всегда. Высказывание *На то щука в море, чтоб карась не дремал* делится на «сложные синтаксические единицы» — *на то щука в море* и *чтоб карась не дремал*, а «простые синтаксические единицы» И. А. Бодуэн де Куртенэ выделяет так: *на то, щука, в море, чтоб карась, не дремал.*

Таким образом, оказывается, что слово можно определять по-разному, а различные его свойства требуют выделения разных единиц, которые могут не совпадать друг с другом и с тем, что обычно называют словом. *Чтоб* в приведённом примере фонетически объединяется с *карась,* а синтаксически — с *не дремал.* Слово в традиционном смысле — это прежде всего психическая единица, которая хранится в глубинах сознания человека.

* * *

Все перечисленные проблемы И. А. Бодуэн де Куртенэ рассматривал на материале современных языков, не обращаясь к языковой истории. Впервые со времён «Грамматики Пор-Рояля» объектом исследования стала языковая

система безотносительно к её развитию во времени. Бодуэн де Куртенэ занимался и вопросами исторического развития языков. Но и здесь его подход был новаторским: учёного интересовало не только, как конкретно изменялся тот или иной звук в каком-либо языке, но и поиск общих закономерностей языковых изменений. Он старался выявить причины таких изменений, указывая, например, что люди бессознательно стремятся к тому, чтобы им было более удобно произносить звуки, а позднее столь же бессознательно забывают и не воспринимают прежнюю структуру слова. Позже этими проблемами занялся его ученик Е. Д. Поливанов (см. статью «Почему языки изменяются? Евгений Дмитриевич Поливанов»).

То, что в своих исторических исследованиях И. А Бодуэн де Куртенэ всегда стремился выявить общее направление развития языков, позволило ему понять одну из важнейших закономерностей в истории русского языка. Изучив памятники письменности, он обнаружил, что многие внешне различные фонологические изменения отражают одну и ту же тенденцию. Роль гласных в различении слов неуклонно ослаблялась, а роль согласных, напротив, усиливалась. Учёный считал, что лингвистика должна уметь не только объяснять факты прошлого, но и предсказывать развитие языков в будущем. Он предположил, что и в дальнейшем эта тенденция сохранится в русском языке. Современный фонолог Михаил Викторович Панов, проверив через столетие прогноз Бодуэна де Куртенэ, показал, что учёный был прав: и в XX столетии русская фонология развивалась именно в указанном направлении.

Оправдался и ещё один прогноз, относившийся совсем к другой области. В опубликованной в 1901 г. статье И. А. Бодуэн де Куртенэ подвёл итог достижениям науки о языке XIX в. и попытался предсказать пути её развития в следующем столетии. И очень многое он предугадал правильно. Действительно, языкознание XX в. обращало наибольшее внимание на «живые языки, доступные для наблюдения»; возросло значение эксперимента; языкознание всё более сближалось с психологией и социологией, психолингвистика и социолингвистика сложились как особые дисциплины. Наконец, как и предсказывал Бодуэн де Куртенэ, лингвистика превратилась в «более точную науку», в которой теперь всё чаще применяется «количественное, математическое мышление».

Однако непосредственной преемницей сравнительно-исторического языкознания XVIII—XIX вв. стала лингвистика не психологическая, а системная, структурная, основателем которой был Фердинанд де Соссюр.

ЯЗЫК И ЕГО СТРУКТУРА. ФЕРДИНАНД ДЕ СОССЮР

ПОСМЕРТНАЯ СЛАВА НЕУДАЧНИКА

Жизнь швейцарского учёного Фердинанда де Соссюра (1857—1913), внешне небогатая событиями, была полна внутреннего драматизма. К концу жизни все, включая самого учёного, считали его неудачником, ярко начавшим карьеру, но не оправдавшим надежд. Через несколько лет после смерти к Ф. де Соссюру пришла всемирная слава благодаря книге, которую он не писал и не собирался писать.

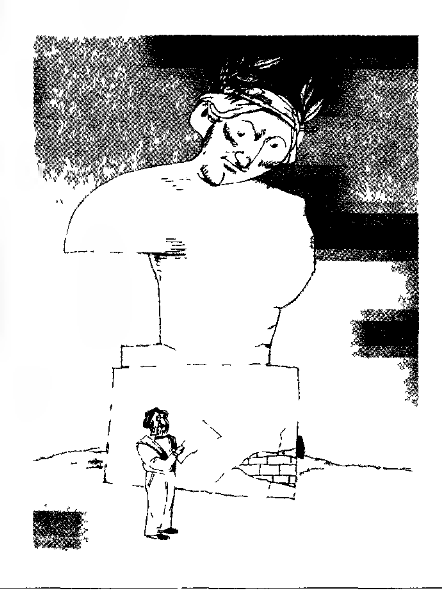
Фердинанд де Соссюр родился во франкоязычной части Швейцарии недалеко от Женевы в семье, давшей миру выдающихся учёных, главным образом геологов и биологов. Интерес юноши к языку и его законам определил выбор университета. В 70-х гг. XIX в. главной областью занятий языковеда считалась индоевропеистика, а все лучшие учёные работали в Лейпциге. И юноша поехал учиться туда. Он очень быстро овладел всеми премудростями индоевропейского языкознания и в 20 лет (случай небывалый в мировой лингвистике) написал большую по объёму и важную по значению книгу «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках», которая была издана в 1879 г. В ней молодой учёный предложил совершенно новые, опережавшие время идеи. Исходя лишь из соображений системности языка, он выдвинул гипотезу о существовании в праиндоевропейском языке особых фонем, которые не сохранились ни в одном известном языке, но повлияли на произношение соседних гласных. Он назвал эти фонемы *ларингалами* (от *греч.* «larynx» — «глотка»). Уже после смерти Ф. де Соссюра оказалось, что во вновь открытом хеттском языке, одном из древнейших известных нам индоевропейских, ещё сохранялся один из ларингалов. Гипотеза подтвердилась! Кстати, именно из этой книги Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ взял термин «фонема», придав ему новый смысл.

Однако книга принесла начинающему учёному не только известность, но и много неприятностей. Ведущие учёные Германии не приняли идей Ф. де Соссюра, сочтя их слишком смелыми. К тому же незадолго до выхода книги в свет вспыхнула франко-прусская война (1870—1871 гг.), которая закончилась разгромом французской армии. Ф. де Соссюр был швейцарцем, но говорил по-французски и не мог быть для немецких учёных «своим». Его труд подвергли уничтожающей критике. Защитив диссертацию, Ф. де Соссюр покинул негостеприимную Германию и переехал в Париж, где работал более десяти лет, а затем вернулся в родную Женеву и до конца жизни преподавал в Женевском университете. Он написал немного,

Фердинанд де Соссюр

опубликовал ещё меньше. Юношеский труд остался единственной изданной при жизни книгой. Ранняя известность была забыта. Умер учёный сравнительно рано. А в 1916 г., через три года после его кончины, появился «Курс общей лингвистики», обессмертивший его имя.
История «Курса...» такова. Фердинанд де Соссюр крайне резко относился к языкознанию своего времени, которое интересовалось только историей языка и исследовало изолированные явления (вроде перехода одного звука в другой) безо всяких попыток выяснить, как эти явления связаны между собой. Однако он ничего по этому поводу не писал, говоря друзьям, что о книге «нельзя и помышлять», пока его идеи не приобретут «завершённые формы». Лишь под конец жизни Ф. де Соссюр стал вести курс общей лингвистики. Он трижды прочёл этот курс, импровизируя перед студентами и часто придумывая что-то новое на ходу. Например, на одной лекции он сказал студентам: «Давайте зачеркнём термины „понятие" и „акустический знак" и заменим их на „означаемое" и „означающее"». Сегодня без двух последних терминов невозможно представить лингвистику. Когда Фердинанд де Соссюр умер, двое его коллег по университету, — крупные лингвисты Шарль Балли (1865–1947) и Альбер Сеше (1870—1946) — решили в память о нём издать этот курс. Они собрали у студентов конспекты, свели на их основе трижды прочитанный курс в один, кое-что добавили от себя и издали труд под именем старшего коллеги, хотя авторов на самом деле было трое.

«Курс общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра очень скоро стал известен во всём мире и был переведён на многие языки. Часто его называют важнейшим лингвистическим трудом XX столетия. Самое большое впечатление произвели три идеи швейцарского учёного: о разграничении языка и речи, языке как системе знаков и различии синхронии и диахронии.



Во времена Соссюра достойными внимания учёных-лингвистов считались только древние языки.

ЧТО ТАКОЕ ЯЗЫК?

Лингвистика XIX столетия создала сколько-нибудь разработанное учение лишь в области сравнения родственных языков и реконструкции праязыков. Всё остальное не слишком занимало научное сообщество. Интереса к теории не было. Один из самых именитых немецких лингвистов тех лет утверждал, что настоящий исследователь языка может ужиться с любой теорией. Исключением был великий Гумбольдт (см. статью «Человек, народ и язык. Вильгельм фон Гумбольдт»), но его идеи были скорее гениальными догадками, чем разработанными теориями. Фердинанд де Соссюр был единственным, кто задался целью создать общую теорию языка. Однако прежде всего надо было ответить на вопрос: что такое язык?

Все явления, связанные с процессами говорения и слушания, Соссюр обозначил общим термином *речевая деятельность*. Она исключительно многообразна, но лингвисту надо уметь видеть в этом многообразии главное — язык. «Язык, — отмечал Соссюр, — только определённая часть, правда важнейшая часть, речевой деятельности». По определению Соссюра, язык — лишь сумма необходимых условностей, принятых обществом. Но именно она делает возможной речевую деятельность. Все компоненты речевой деятельности, не относящиеся к языку, учёный назвал общим термином *речь*.

Как же соотносятся язык и речь? Возьмём небольшой фрагмент речевой деятельности — высказывание *Иди домой*. Его можно произнести высоким или низким, нормальным или охрипшим голосом, быстро или медленно, в соответствии с нормами литературного языка или с акцентом. Его интонация может выражать дополнительные оттенки смысла: насмешку, угрозу, сочувствие и т. д. Всё это имеет отношение к речевой деятельности, но не к языку. Согласно Соссюру, это элементы речи.

И в то же время данное высказывание представляет собой некоторое формальное и смысловое единство, которое принято называть *предложением*. Оно состоит из двух компонентов — слов и синтаксической связи между ними. Каждое из слов — *иди* и *домой* — со-

стоит из двух компонентов, называемых *морфемами* ***(ид-, -и, дом-, -ой).*** Первое слово относится к классу глаголов, второе — к классу наречий. Это высказывание членится на восемь минимальных звуковых элементов [ид'и дамоj]. Часть из них (например, [а] и [о], [д'] и [д]) представляет собой варианты одной и той же единицы — фонемы. Предложение в целом имеет определённое значение: говорящий предлагает собеседнику двигаться из точки, где он находится, туда, где он живёт. Это значение распределяется по словам и морфемам, передаётся интонацией предложения. Всё перечисленное, согласно Соссюру, относится к языку.

Таким образом, языку принадлежит далеко не всё, что есть в речевой деятельности. Например, первый и третий звуки слова ***иди*** в речи не тождественны друг другу (гласные под ударением и без ударения всегда произносятся неодинаково), но с точки зрения языка имеет значение лишь то общее, что у них есть. Интонация высказывания *Иди домой* может быть самой разной, но в ней обязательно выражается повеление; и с точки зрения языка существен только этот повелительный компонент интонации.

Нетрудно видеть, что всё индивидуальное, всё связанное с творческим характером языка (что было столь важным для Гумбольдта) у Соссюра отнесено к речи. Язык, по Соссюру, — это социальное, коллективное явление, общее достояние всех говорящих на нём, тогда как речь всегда индивидуальна. Если Гумбольдт подчёркивал, что язык — не застывший продукт человеческой деятельности, а сама эта деятельность, то Соссюр утверждал прямо противоположное: «Язык не деятельность говорящего. Язык — это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим...».

Конечно, учёный во многом лишь уточнил тот объект, которым преимущественно и занимались языковеды, начиная с таблиц склонения и спряжения древнего Вавилона. Но раньше лингвисты не отделяли проблемы языка от прочих вопросов. Теперь же круг проблем, которыми лингвистика должна заниматься в первую очередь, был очерчен. Ф. де Соссюр разграничил «внутреннюю лингвистику», занимающуюся языком, и «внешнюю лингвистику», изучающую то, «что чуждо его организму, его системе». Во внешнюю лингвистику попали, в частности, проблемы географического распространения языков, все проблемы, связывающие языки с историей, культурой, политикой, а также акустика, физиология и психология речи. Учёный, разумеется, не отрицал важности изучения внешнелингвистических вопросов, но для него они стояли вне основной проблематики языкознания. Дважды в программе своего курса он обещал

ЯЗЫК И ШАХМАТЫ

...Язык есть система, подчиняющаяся своему собственному порядку. Уяснению этого поможет сравнение с игрой в шахматы, в отношении которой сравнительно легко отличить, что внешнее и что внутреннее. Тот факт, что эта игра пришла в Европу из Персии, — внешнего порядка; напротив, внутренним является все то, что касается системы и правил игры. Если я деревянные фигуры заменю фигурами из слоновой кости, такая замена безразлична для системы, но если я уменьшу или увеличу количество фигур, такая перемена глубоко затронет «грамматику» игры. Такого рода различение требует известной степени внимательности, поэтому в каждом случае нужно ставить вопрос о природе явления и при решении его придерживаться следующего правила: внутренним является все то, что в какой-либо степени видоизменяет систему.

(По книге Ф. де Соссюра «Курс обшей лингвистики».)

его заключительную часть посвятить «лингвистике речи» и оба раза этого не сделал.

Ф. де Соссюр сузил проблематику науки о языке, однако это помогло впервые уточнить и чётко определить первоочередные лингвистические задачи. После Фердинанда де Соссюра лингвисты в течение полувека сосредоточились на изучении языка, прежде всего звукового строя и морфологии, уже в новом, соссюровском смысле. И достигли они многого. Если раньше лингвистика была точной наукой лишь в очень узкой области — в реконструкции праязыков, то в XX в. увеличилась точность многих лингвистических методов, появилась разработанная методика языкового анализа.

ЯЗЫК — СИСТЕМА ЗНАКОВ

«Язык есть система знаков, выражающих понятия, а следовательно, его можно сравнить с письменностью, азбукой для глухонемых, символическими обрядами, формами учтивости, военными сигналами... Он только наиважнейшая из этих систем», — писал Фердинанд де Соссюр. Что общего между языковой единицей (например, словом или предложением), военным сигналом и формой учтивости, скажем поклоном? В каждом случае некоторое действие — человеческая речь, звучание барабана или трубы, определённое телодвижение — само по себе не имеет особого значения. Важно то, какую информацию о чём-то другом, непосредственно не связанным со звуком или движением, оно несёт. В этом и есть сущность знака: он всегда информирует о чём-то другом. В частности, в звуках содержится информация о каких-то событиях, чувствах говорящего, о его отношении к собеседнику. Ф. де Соссюр считал лингвистику лишь частью ещё не созданной общей науки о знаках — *семиологии* (от *греч.* «sēmeion» — «знак» и «logos» — «учение»), её также называют *семиотикой.*

Знак имеет, согласно Соссюру, две стороны, которые неотделимы друг от друга так же, как две стороны листа бумаги. Сначала он дал им названия «понятие» и «акустический образ», а затем переименовал соответственно в «означаемое» и «означающее». *Означаемое* — то, что знак значит, информация о чём-то. *Означающее* — то, что человек воспринимает органами чувств и что указывает на эту информацию. Сочетание трёх звуков: б + ы + к — означающее, а человеческое представление о соответствующем животном — означаемое.

Означающее может быть звуковым — так чаще всего бывает в языке, но это необязательно. Учёный не раз сравнивал язык с шахматами. Для шахмат важны правила игры, а материал, из которого сделаны фигуры, несуществен; форма фигур сама по себе тоже не важна, необходимо лишь, чтобы фигуры различались. Для лингвиста не так уж важно, звуковой перед ним знак или письменный. Знак может быть выражен как угодно (например, в виде телеграфного кода), видимо, поэтому Соссюр и отказался от термина «акустический образ». Важно лишь, что в человеческом сознании то или иное означаемое постоянно связано с тем или иным означающим. Эта постоянная связь и есть знак. Множество знаков образует язык.

Главное свойство знака, по Соссюру, — произвольность. Означающее и означаемое связаны между собой лишь обычаем, а не какой-нибудь естественной связью. Русское слово *собака,* английское *dog,* французское *chien,* немецкое *Hund* и японское *ину* обозначают одно и то же домашнее животное, но ни одно из этих совер-

О СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Самым фундаментальным законом языка является положение о том, что один член никогда сам по себе ничего не значит (это прямое следствие того, что языковые символы не связаны с тем, что они должны обозначать); следовательно, ***a*** не в состоянии что-либо обозначать без помощи ***b,*** а ***b*** ничего не может обозначать без помощи ***a.*** Таким образом, оба члена имеют ценность только в силу своих отличий друг от друга; иначе говоря, ни один член, даже ни одна его часть... не могут иметь ценности без подобного переплетения вечно отрицательных различий.

(По книге Ф. де Соссюра «Заметки по общей лингвистике».)

шенно разных по звучанию слов не отражает свойств этого животного. Исключение составляют лишь немногие звукоподражательные слова типа русских *кап-кап, хрю-хрю,* но они занимают в языке второстепенное место.

СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ

Ещё одно знаменитое противопоставление Фердинанда де Соссюра — это противопоставление синхронии и диахронии. С самых древних времён и до XVIII в. язык в европейской науке считался неизменным и не подверженным времени. Ещё в «Грамматике Пор-Рояля» (см. статью «Чем языки похожи и чем различаются. „Грамматика Пор-Рояля“») латинский и французский языки рассматривались в одном ряду: для авторов грамматики было неважно, что французский произошёл от латинского. В XIX столетии господствующей стала другая крайность: научным языкознанием стали считать только историческое и в первую очередь сравнительно-историческое. Изучали древние языки, а описание современных языков казалось задачей, недостойной настоящего учёного. К живым диалектам обращались лишь для того, чтобы найти там следы языка древних эпох. Современными языками занимались люди, далёкие от науки: языками культурных народов — педагоги, авторы учебников, а языками «экзотических» народов — миссионеры, военные и чиновники колониальной администрации.

Представители этих подходов рассматривали язык каждый в своей плоскости. Соссюр же сумел совместить их в единой объёмной картине. Он предложил различать две оси координат: ось одновременности и ось последовательности. Возвращаясь к параллели с шахматами, можно сказать, что есть две совершенно отдельные темы: история игры и её правила. Чтобы играть в шахматы сегодня, совершенно необязательно знать, что игра родилась в Индии и что первым чемпионом мира был Вильгельм Стейниц. Более того, чтобы оценить позицию на доске в данный момент, как правило, не нужно знать, какими были предшествующие ходы. Достижения шахматной теории могут излагаться отдельно от истории шахмат. В науке о языке эти две оси связаны с разными подходами.

С осью одновременности связана *синхроническая* (от *греч.* «syn» — «вместе» и «chronos» — «время») лингвистика — описание языка в какой-то момент. Можно исследовать русский язык 90-х гг. XX в. вне какой-либо связи с его историей; это будет синхроническое описание. Возможно и синхроническое описание, скажем, древнерусского языка 80-х гг. XII в. на основе «Слова о полку Игореве» и других памятников того времени. При этом запечатлённый в них язык никак не сопоставляется с языком XI или XVI в., современным русским языком. Если же провести исследование другого типа (например, выяснить, как изменилась система падежей в русском языке или какие звуки праславянского языка не сохранились в древнерусском), это будет работа по *диахронической* (от *греч.* «dia» — «через», «сквозь» и «chronos» — «время») лингвистике, включающей историческую и сравнительно-историческую.

КОГДА НАЧИНАЮТ ИЗУЧАТЬ РЕЧЬ

...Из понятия языка мы устраняем все, что чуждо его организму, его системе, одним словом, все, что известно под названием «внешней лингвистики», хотя эта лингвистика занимается очень важными предметами и о ней главным образом думают, когда приступают к изучению речевой деятельности.

Прежде всего сюда относятся все те... связи, которые могут существовать между историей языка и историей нации, расы или цивилизации. Эти две истории переплетаются и взаимно влияют друг на друга... Обычаи нации отражаются на ее языке, а с другой стороны, в значительной мере именно язык формирует нацию.

Далее следует упомянуть об отношениях между языком и политической историей. Великие исторические события вроде римского завоевания имели неисчислимые последствия для целого ряда лингвистических фактов...

Это приводит нас к... отношению между языком и такими установлениями, как Церковь, школа и прочее... Лингвист должен также рассматривать взаимоотношения книжного языка и обиходного языка, ибо развитие всякого литературного языка, продукта культуры, приводит к размежеванию его сферы со сферой разговорного языка.

Наконец, к внешней лингвистике относится и все связанное с географическим распространением языков и их диалектным дроблением.

Утверждали, что нет абсолютно никакой возможности отделить все эти вопросы от изучения языка в собственном смысле... Подобно тому как в организме растения происходят изменения от действия внешних факторов - почвы, климата и т. д., подобно этому разве не зависит сплошь и рядом грамматический организм от внешних факторов языкового изменения?

Мы считаем весьма плодотворным изучение внешних лингвистических явлений, но ошибочно утверждать, будто, минуя их, нельзя познать внутренний организм языка... Во всяком случае разделение обеих точек зрения неизбежно, и чем строже оно соблюдается, тем лучше.

(По книге Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики».)

До Соссюра существовало немало и синхронических, и диахронических исследований. Но эти два способа описания часто смешивались. Приведём лишь один пример — описание заимствований. В грамматиках и словарях современного русского языка можно прочесть, что слово *кровать* пришло из греческого языка, *хлеб* — из германских языков, а *товар* — из тюркских. Однако для носителя современного русского языка это никакого значения не имеет: данные слова ничем не отличаются от исконно русских. А вот в словах типа *мэр, сэр, боа, какаду* и сейчас ощущается иноязычность, поскольку они имеют особые свойства, например несклоняемость, произношение твёрдых согласных перед звуком [е] (в орфографии буква *э*) и т. д.

Ещё важнее другое. «Уравнивание» синхронической лингвистики с диахронической как бы реабилитировало первую, превращало её из «недостойного» объекта в серьёзное поле деятельности. Ф. де Соссюр писал: «Лингвистика уделяла слишком большое место истории; теперь ей предстоит вернуться к статической точке зрения традиционной грамматики, но уже понятой в новом духе, обогащённой новыми приёмами и обновлённой историческим методом».

Многие современники Ф. де Соссюра не хотели отказываться от представления о том, что солидное научное исследование языка обязательно должно включать исторический анализ. Из всех идей Соссюра идея о разграничении синхронии и диахронии вызвала наибольшие споры. Однако учёные более молодого поколения подхватили и это разграничение. Пришло время разрабатывать новые, более точные методы изучения языка, а лучший «полигон» для таких методов — современные языки, которые можно изучать максимально полно, используя экспериментальные методы. После Соссюра, конечно, исторические и сравнительно-исторические исследования не прекратились, но центр внима-

ЛУИ ЕЛЬМСЛЕВ

Датский лингвист Луи Ельмслев (1899—1965) был основателем и руководителем знаменитого Копенгагенского лингвистического кружка (создан в 1931 г.). Под впечатлением идей Фердинанда де Соссюра Ельмслев предложил рассматривать язык по образцу систем, изучаемых в математике. Традиционной, нестрогой науке о языке, которая, по его словам, «бывает ближе к поэзии, чем к чистой науке», он противопоставил науку, полностью отвлеченную от всякой конкретики (от частных особенностей языков, связей языка с действительностью), основанную лишь на последовательном применении нескольких общенаучных принципов. Языковое описание, согласно Ельмслеву, должно быть непротиворечивым, исчерпывающим и настолько простым, насколько это возможно. Лингвистическая теория должна строиться произвольно (в работах Л. Ельмслева встречается уподобление лингвистики игре); и лишь после того, как теория создана, можно рассматривать вопрос, пригодна ли она для описания того или иного языка.

Наиболее известная его книга «Основы лингвистической теории» впервые вышла в 1943 г. на датском языке. В 1953 г. появился переработанный английский вариант под названием «Пролегомены к теории языка» (пролегомены — вводные, предварительные принципы научной теории). Идеи Л. Ельмслева получили в 40—60-х гг. широкую известность. Как писал американский лингвист Пол Гарвин, «когда постигнешь „Пролегомены“, получаешь эстетическое удовольствие. Но, с другой стороны, полезность этой работы для конкретного лингвистического анализа не представляется очевидной». Теория доводила идеи Соссюра до крайности. Она была слишком абстрактной и не могла стать основой для работы с конкретными языками. В то же время принципы непротиворечивости, полноты и простоты описания, сформулированные Луи Ельмслевом, позволили лингвистике стать наукой более точной, использующей методы логики и математики.

Луи Ельмслев.

ния переместился на синхроническую лингвистику, прежде всего на работу с современными языками. Именно в этой области в XX в. были достигнуты наиболее значительные результаты.

* * *

«Курс общей лингвистики» заканчивается знаменитыми словами, которые не записаны ни в одном из студенческих конспектов и, видимо, были добавлены составителями книги Ш. Балли и А. Сеше: «..единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя». Согласно Соссюру, язык должен изучаться независимо от человека, как бы с позиции стороннего наблюдателя, примерно тем же образом, каким изучает свои объекты физика или зоология. За бортом оставались многие очень важные для лингвистики вопросы: язык и человек, язык и общество, звуковой характер речи. Разграничение синхронии и диахронии давало возможность отвлечься также от истории языка и причин языковых изменений.

Всё это, конечно, сужало предмет языкознания, который тот же Вильгельм фон Гумбольдт понимал гораздо шире и глубже. Время показало, что наука о языке будет очень неполной, если не станет изучать все эти вопросы. Но установленные Соссюром жёсткие рамки «внутренней» синхронической лингвистики для своего времени оказались очень полезны. На смену эпохе гипотез пришло время разработки строгих методов. Лингвисты сосредоточили внимание на более или менее ясном и понятном объекте, что дало возможность науке о языке сделать рывок вперёд. Лингвистика, развивавшаяся на основе идей Фердинанда де Соссюра, стала по-настоящему точной наукой. Её стали называть *структурной* лингвистикой, поскольку она стала изучать структуру языка.

ПОЧЕМУ ЯЗЫКИ ИЗМЕНЯЮТСЯ? ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ ПОЛИВАНОВ

Не только среди российских, но и среди лингвистов всего мира трудно найти столь яркого и необычного человека, каким был Евгений Дмитриевич Поливанов (1891—1938). Он погиб в подвалах Лубянки, не дожив до 47 лет, однако успел оставить о себе память как об учёном большого масштаба и разносторонне одарённой личности. Революционер, организатор партизанского отряда красных китайцев во время Гражданской войны; дипломат, автор первоначального варианта Брестского мира; просветитель, один из основателей первого в Средней Азии университета; создатель алфавитов для бесписьменных народов; полиглот, который знал десятки языков (он переводил Гёте с немецкого на узбекский и разъяснил японским учёным сущность ударения в их языке), — многое было в жизни этого удивительного человека. О Поливанове ходили разнообразные легенды, нередко созданные им самим. Говорили, что он мог всего лишь за несколько часов написать целый научный труд, что он поднимался на занятия со студентами по водосточной трубе, что во время его скитаний по Средней Азии на него напали бандиты: одного он убил, а других обратил в бегство, хотя у него с юности не было кисти левой руки... Друг Поливанова писатель и литературовед Виктор Борисович Шкловский писал спустя почти полвека после его гибели: «Поливанов был обычным гениальным человеком. Самым обычным гениальным человеком».

Судьба учёного была трагической. Дворянин по происхождению, он всем сердцем принял Октябрь 1917 г., но с начала 30-х гг. оказался в изоляции. Его работы не публиковали в Москве

Евгений Дмитриевич Поливанов

и Ленинграде; он потерял работу и смог найти её лишь в Киргизии, а в августе 1937 г. был арестован и в январе 1938 г. расстрелян за «измену родине». Огромное количество его научных работ не было напечатано и пропало при аресте или ещё раньше. Один только список ненайденных работ Е. Д. Поливанова, опубликованный в 1988 г., занимает 13 страниц мелким шрифтом. Но и меньшая часть его наследия, которая дошла до наших дней (более двух десятков книг и сотни статей), позволяет назвать Поливанова выдающимся учёным.

Поливанов окончил Петербургский университет и был учеником И. А. Бодуэна де Куртенэ (см. статью «Что такое звук и слово? Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ»). От учителя он воспринял многие идеи, в частности психологический подход к фонологии. Одну из идей своего учителя — идею о равноправии всех языков — он в советское время активно пытался осуществить на практике. Одновременно Е. Д. Поливанов окончил ещё одно учебное заведение — Восточную практическую академию по японскому разряду — и начал свою лингвистическую деятельность как японист.

ЛЕНЬ — ДВИГАТЕЛЬ ПРОГРЕССА

В каждой работе, даже посвящённой частному вопросу, учёный решал общие теоретические проблемы. Изучая самые разные языки, Евгений Дмитриевич Поливанов прежде всего имел в виду человеческий язык вообще. До него учёные решали фундаментальные вопросы языкознания в основном на ограниченном материале нескольких наиболее известных языков индоевропейской семьи, круг которых со времён «Грамматики Пор-Рояля» не очень расширился. Поливанов стремился построить теорию языка, используя как можно больше материала. Этот подход отразился в его книге «Введение в языкознание для востоковедных вузов» (1928 г.), совместившей в себе учебник и теоретический труд. К сожалению, сохранилась лишь её первая часть — о фонологии; типографский набор второй части, посвящённой грамматике, был рассыпан, а сама рукопись пропала.

Е. Д. Поливанов никогда не соглашался ни с ограничением лингвистики проблемами «языка в самом себе и для себя», ни с отказом от исследований истории языка. Он не только активно занимался историей языков, но и пытался решить вопрос, который оказался не под силу языкознанию XIX столетия: почему происходят изменения в языке?

Поливанов вслед за Соссюром (см. статью «Язык и его структура. Фердинанд де Соссюр») отмечал объективное противоречие в развитии языка. С одной стороны, язык должен быть стабилен: «...ибо в противном случае новому поколению грозила бы утрата возможности пользоваться языком как средством коммуникации со старшим поколением». С другой стороны, «...изменения — это неизбежный спутник языковой истории». Обычно этот процесс проходит медленно, и значительные изменения в языке «мыслимы лишь как сумма из многих небольших сдвигов, накопившихся за несколько веков или даже тысячелетий...».

Почему происходят такие сдвиги? Главную причину Евгений Дмитриевич Поливанов определял так: «„Лень человеческая" или — что то же — стремление к экономии трудовой энергии». В результате слово «изнашивается» в произношении, а младшее поколение «усваивает... уже „изношенный" в звуковом отношении скороговорочный дублет слова и само уже начинает сокращать („изнашивать") его далее». В этом легко убедиться: вслушайтесь, как обычно произносится, например, слово *здравствуйте*. Слово *пожалуйста*, которое произошло от двух слов — *пожалуй, старый*, — в современной речи сократилось ещё больше. «Изношенность» может быть очень большой: латинское название месяца августа — *augustus* (семь фонем, если считать одной фонемой дифтонг [a͡u]) — превратилось во французское *août*, в реальном произношении состоящее из одного звука [u], близкого к русскому [у]. Помимо звуковых упрощений происходит упрощение грамматики, нерегулярные формы заменяются регулярными, сокращается число падежей или личных форм глагола, а в некоторых языках исчезают склонение и спряжение.

Однако «лень человеческая» ограничивается потребностями слушающего: при слишком боль-

шой экономии речь может стать невнятной и непонятной. Если говорящему выгодно упрощать речь, то слушающему, наоборот, выгодно, когда речь обладает большим количеством различителей. Развитие языка — это и есть неустойчивое равновесие между бессознательными потребностями говорящего и слушающего.

Кроме того, на развитие языка могут влиять внешние факторы. Здесь Е. Д. Поливанову приходилось спорить с некоторыми советскими языковедами, которые доказывали прямое влияние экономических и политических причин на изменения в структуре языка. Он указывал, что такое влияние может быть лишь косвенным: по экономическим или политическим причинам возникают или прекращаются контакты между носителями тех или иных языков, распадаются языковые коллективы. По этим же причинам носители одного языка или диалекта могут подражать носителям другого, более престижного.

В спокойные исторические периоды развитие языка целиком эволюционно и определяется внутренними причинами вроде экономии произносительных усилий. В периоды войн, революций и переселения народов меняется «контингент носителей» языка — вплоть до того, что целый народ может изменить свой язык. При этом всегда сохраняется что-то от прежнего языка, а вновь осваиваемый язык сильно изменяется. Так в языке происходят, по выражению Поливанова, «сдвиги мутационного и революционного характера».

Однако мутации языка (термин был взят Е. Д. Поливановым из генетики для обозначения структурных изменений в языке) происходят и без какого-либо влияния внешних причин. Например, небольшие изменения в произношении звуков, обусловленные «ленью», накапливаются постепенно. Для носителей языка они незаметны. Но система фонем конечна, иными словами, каждый звук осознаётся говорящим как принадлежащий либо к одной, либо к другой фонеме. Поэтому в какой-то момент непрерывные изменения в произношении могут привести к перестройке системы фонем; количество переходит в качество.

Так, мы можем произносить <е> и широкое (как в английском *cat*), и узкое, почти как <и>, но только почти, лишь до тех пор, пока мы узнаём в нём <е>, иначе эти две фонемы сольются. Во многих языках так и случилось. Конечно, реально такая перестройка длится годы и десятилетия: например, если две фонемы слились в одну, то одни носители языка, особенно люди старшего поколения, какое-то время ещё ощущают фонемное различие, а другие, особенно более молодые, — нет. Лишь со сменой поколений скачок заканчивается и система фонем становится другой. Но никаких промежуточных ступеней между старым и новым состоянием, когда звук не принадлежит ни к одной фонеме или относится к двум сразу, быть не может.

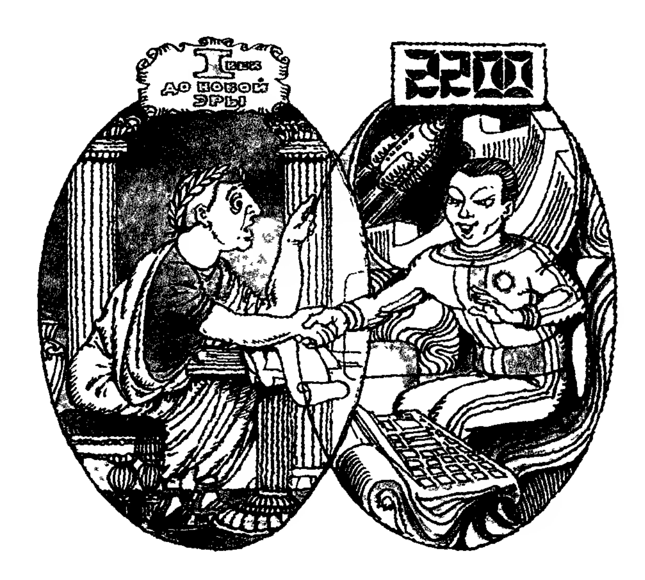
На примере фонологии Е. Д. Поливанов изучил общие процессы системных изменений в языке. Могут быть изменения, затрагивающие количество элементов в системе: две фонемы могут сливаться в одну, а одна фонема может расщепляться на две. Оба процесса могут быть связаны между собой и обусловливать друг друга. Так происходил процесс исчезновения редуцированных (кратких) гласных <ъ>, <ь> в истории русского языка. До того как исчезли редуцированные, всякий слог мог заканчиваться только гласным звуком. Именно гласные тогда обеспечивали различение слов: ***конъ* — *конь***. Согласные, конечно, произносились твёрдо перед **ъ** и более мягко перед ***ь***, но это отличие было несущественным, так как не оно различало слова. Твёрдые и мягкие согласные были вариантами одной фонемы. В одних позициях редуцированные гласные совпали с <о> и <е>, в других – исчезли. В результате появились позиции (например, конец слова), в которых слова могли различаться только твёрдостью/мягкостью согласных: ***кон* — *конь***. Согласные расщепились на твёрдые и мягкие фонемы. Так исчезновение двух гласных фонем привело к тому, что в русском языке появилось более десятка согласных фонем.

Е. Д. Поливанов стремился создать общую теорию языкового развития, которая объясняла бы, почему те или иные языки развивались именно таким образом. Эту теорию он называл лингвистической историологией. Однако создать её учёный не успел. Нет такой теории и в современной науке о языке.

ИНЖЕНЕРИЯ БУДУЩЕГО

Евгений Дмитриевич Поливанов поставил ещё один вопрос, связанный с развитием языков, на который не дала ответа даже современная наука. Вслед за Бодуэном де Куртенэ он писал о том, что языкознание изучает либо прошлое, либо настоящее языков, но необходимо исследовать ещё и языковое будущее. Он подчёркивал, что лингвист должен, пусть и в определённых рамках, владеть «прогнозом языкового будущего». Выявляя в истории языков закономерности

развития, надо уметь предсказывать их дальнейшее действие. Однажды молодой лингвист спросил Поливанова о том, какой характер имело ударение в классической латыни. Учёный ответил, что оно было очень похожим на ударение, которое будет в японском литературном языке примерно через два столетия.



В вопросе о сознательных, целенаправленных изменениях в языке Е. Д. Поливанов придерживался взглядов, близких Бодуэну де Куртенэ, но резко противостоящих концепции Фердинанда де Соссюра, который считал такие изменения невозможными. Подобно Соссюру, Поливанов отмечал как общее правило «бессознательный, помимовольный характер внесения языковых новшеств», которые «незаметны для тех, кто фактически осуществляет их». Есть и исключения вроде «потайных жаргонов» у «людей тёмных профессий», которые сознательно изменяют язык, делая его непонятным для непосвящённых, но это исключение, а не правило. Он высмеивал распространённые в его время идеи о том, что фонетику и морфологию языка можно изменять административным путём: «...родной язык выучивается (в основных своих элементах) в том возрасте, для которого не существует декретов и циркуляров».

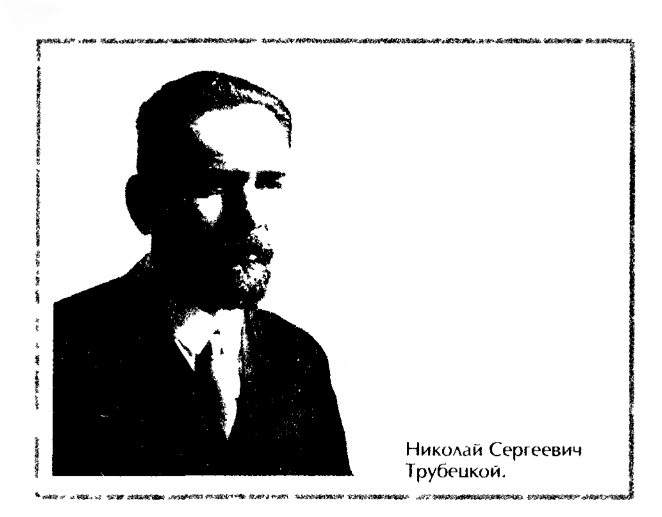
Одновременно Е. Д. Поливанов отмечал, что в ряде случаев вмешательство в развитие языка возможно и необходимо. Самый очевидный пример — графика и орфография: письму человек обучается специально, чаще всего в школе, изменения системы письма и орфографии, как правило, целенаправленны. Возможны сознательные изменения в лексике, в частности — создание терминологии в какой-либо научной или культурной области. Вполне сознательный процесс — формирование литературной нормы. В области фонетики и грамматики при этом не вводится «никаких специфических новшеств» (они происходят бессознательно), но один из диалектов данного языка выбирается в качестве литературного вполне осознанно. Все эти процессы входят в языковую политику. Евгений Дмитриевич Поливанов был одним из основателей *социолингвистики*, которую рассматривал как основу для «социальной инженерии» — построения общества будущего. Приверженность этой идее во многом определила его жизнь и её трагическое завершение.

СТРУКТУРА ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВЫЕ СОЮЗЫ. НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ

Одним из самых видных лингвистов XX в. был Николай Сергеевич Трубецкой (1890—1938), проживший недолгую, но насыщенную активной научной деятельностью жизнь.

Н. С. Трубецкой родился в Москве. Он принадлежал к старинному княжескому роду, его отец и дядя были известными учёными. Исключительные способности Николая Трубецкого проявились ещё в детстве: 13-летним он посещал заседания этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, а в 15 лет опубликовал свою первую научную работу. Окончив Московский университет, Николай Сергеевич Трубецкой преподавал в нём, но недолго: во время Гражданской войны ему пришлось эмигрировать за рубеж.

В Вене учёный стал профессором университета и написал большинство своих научных трудов. В 1938 г. Австрия была захвачена фашистской Германией, на квартире Трубецкого произвели обыск. У учёного, тяжело переживавшего эти события, обострилась болезнь сердца, и вскоре он умер.



Николай Сергеевич Трубецкой.

СТРУКТУРА ЯЗЫКА

Н. С. Трубецкой внёс вклад во многие гуманитарные науки, ему принадлежат работы по философии, истории, этнографии, фольклору, народной музыке и др. Однако главным объектом его исследований был язык. И в лингвистике Трубецкой был энциклопедистом. Он изучал индоевропейские и чукотско-камчатские, кавказские и финно-угорские языки; писал о реконструкции праязыков и сопоставлении русского языка с мордовским, об истории славянских языков и принципах транскрипции, о поэтическом языке и искусственных международных языках. Его самая известная книга — «Основы фонологии», — вышедшая через год после смерти автора, содержит цельную научную теорию, основанную на материале десятков языков мира. В понимании фонологии Трубецкой во многом отошёл от идей Бодуэна де Куртенэ (см. статью «Что такое звук и слово? Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ»). Сохранив от концепции своего предшественника разграничение между фонетикой и фонологией и понятие фонемы, Н. С. Трубецкой отказался от понимания фонемы как явления психологического. Он развил и уточнил идеи, высказанные в 1923 г. его студенческим другом выдающимся фонологом и создателем письменностей для многих языков народов бывшего СССР Николаем Феофановичем Яковлевым (1892—1974), который продолжал работать на родине. Яковлев и Трубецкой отмечали, что фонема может выделяться объективно, без обращения к человеческой психологии, на основе её смыслоразличительной роли.

Возьмём ряд русских слов ***д**ом* — ***т**ом* — ***к**ом* — ***л**ом* — ***р**ом* — ***с**ом*. Все они отличаются только первыми звуками (в остальной части если и есть различия, то их заметит только прибор, но не человек). Следовательно, звуки [д], [т], [к], [л], [р], [с] играют смыслоразличительную роль (все соответствующие слова различаются по смыслу) и представляют разные фонемы. Для того чтобы выделить фонемные различия, достаточно одной пары такого рода слов *(бара**н** — бара**к**)*.

Звуки, входящие в одну фонему, какими бы разными они ни были, не играют смыслоразличительной роли. В статье об И. А. Бодуэне де Куртенэ упоминалось, что звук [э] в словах ***э**тот* и ***э**ти* произносится по-разному. В каком-то случае произносят один звук вместо другого: например, так может сделать иностранец, не вполне владеющий русским языком. Подобная речь может показаться странной. Акцент проявляется как раз в том, что вместо одного варианта фонемы иностранец использует другой, более для него привычный. Однако на смыслоразличительную функцию это не влияет и такую речь поймут.

Смыслоразличение — главная, но не единственная функция фонемы. Фонема может сигнализировать, например, о начале или конце слова или морфемы. Например, в английском языке <h> встречается только в начале слова, а в японском языке есть фонема, которая употребляется только в начале морфем (кроме недавних заимствований).

Важное значение для лингвистики имело понятие *оппозиции*, введённое Трубецким в «Основах фонологии». Различные пары (иногда тройки, четвёрки и т. д.) фонем противопоставлены друг другу по тем или иным признакам: например, <б> и <п>, <г> и <к>, <д> и <т> — по звонкости/глухости. Фонемы могут быть противопоставлены и более чем по одному признаку: например, <д> и <т'> по двум — твёрдости/мягкости и звонкости/глухости. Такого рода

Пражская фонологическая конференция Фотография 1930 г

противопоставления Н. С. Трубецкой назвал оппозициями и разработал их классификацию.

Оба члена оппозиции могут быть противопоставлены во всех ситуациях· например, в русском языке <л> никогда не смешивается с <р>. Такую оппозицию знаков Трубецкой назвал *равноправной*. Но в некоторых позициях может выступать только один из членов. Так, в русском языке парные звонкие и глухие не противопоставлены на конце слова, здесь могут быть только глухие. Это *неравноправная* оппозиция. В таких случаях Н. С. Трубецкой говорит о *нейтрализации* противопоставления: два знака сливаются в одном Член, появляющийся лишь в позиции противопоставления, назван маркиро́ванным, т. е. отмеченным (в данном случае звонкий). Другой член оппозиции, выступающий и в позиции противопоставления, и в позиции нейтрализации, назван немаркиро́ванным, т. е. неотмеченным (в данном случае глухой)

Понятия оппозиции, маркированного и немаркированного членов и нейтрализации нашли широкое применение не только в фонологии, но в грамматике и семантике. Уже после смерти Н. С. Трубецкого его близкий друг, также эмигрант из России, Роман Осипович Якобсон (1896—1982) развил дальше данную фонологическую концепцию, предложив теорию дифференциальных (различительных) признаков фонем. Согласно этой теории, каждая фонема может быть представлена как пучок (набор) дифференциальных признаков, характеризующих её произношение. Все эти признаки объединены в пары типа гласный — негласный, твёрдый — мягкий, звонкий — глухой. Около полутора десятков признаков позволяют описать любую фонему любого языка мира.

Многие идеи и положения, выдвинутые в разные годы Н. С. Трубецким, стали основой для развития целых научных направлений. В отличие от многих других лингвистов, работавших после Соссюра, Трубецкой и Якобсон не ограничивали свои исследования «языком в себе и для себя». Обоих учёных всегда интересовали проблемы взаимодействия языка и культуры народов, языка и общества.

Николай Сергеевич Трубецкой и его единомышленники считали, что нельзя ограничиваться изучением языковой структуры вне связи с вопросом о том, для чего язык употребляется человеком. В «Тезисах Пражского лингвистического кружка» (1929 г.), написанных при участии Трубецкого и Якобсона, говорится: «...к лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения язык есть система средств выражения, служащая какой-то определённой цели». Итак, главная функция речевой деятельности — обеспечивать общение людей. Кроме того, речевая деятельность выражает те или иные эмоции говорящего и вызывает те или иные эмоции у слушателя. Ещё одна функция — поэтическая (как сказано в «Тезисах...», она связана не с передаваемой с помощью языкового знака информацией, а с самим знаком, т. е. в поэзии важно прежде всего не то, о чём говорится, а то, ка́к говорится). Все указанные функции, согласно Трубецкому и его соавторам, должна изучать лингвистика.

СОЮЗЫ ЯЗЫКОВ

Одна из многих проблем, которые интересовали Николая Сергеевича Трубецкого, — проблема языковых контактов. Он первым выдвинул концепцию *языковых союзов* — объединений языков, сходных не по происхождению, а по свойствам, приобретённым благодаря длительным контактам.

До Трубецкого специалисты выделяли два типа сходства языков: генетическое, связанное с принадлежностью языков к одной семье, и типологическое, когда сходство строя языков не обусловлено какими-либо историческими отношениями между ними. Учёный выделил третью возможную причину, контакты. При этом общие черты могут приобретать и неродственные, и ранее разошедшиеся родственные языки; в последнем случае говорят о вторичном схождении языков.

Несколько языков, находящихся в контакте, могут приобрести сходство не только в лекси-

ке, но — что важнее — в фонетике и грамматике. Именно в таких случаях Н. С. Трубецкой говорил о языковом союзе: «Соседние языки, даже не будучи родственны друг с другом, как бы „заражают друг друга“ и в результате получают ряд общих особенностей в звуковой и грамматической структуре. Количество таких общих черт зависит от продолжительности географического соприкосновения данных языков».

Языки, образующие союз, могут иметь немало общего, но это сходство отличается от сходства, обусловленного родством. В языках, входящих в союз, особенно много общего в лексике, связанной с культурой в широком смысле этого слова, включая бытовую и хозяйственную У контактирующих между собой народов часто похожи жилища, одежда, домашняя утварь, сельское хозяйство и ремёсла, а также предания, песни и танцы. А благодаря этому появляется много общих слов, обозначающих всё связанное с этими сферами жизни. В то же время есть пласт лексики, который язык сохраняет неизменным; это так называемая базовая лексика: названия частей тела, числительные первого десятка, местоимения и др. Базовая лексика устойчива к заимствованиям. У языков,

РОМАН ОСИПОВИЧ ЯКОБСОН

Роман Осипович Якобсон (1896—1982) — одна из самых ярких фигур в лингвистике XX в. Интерес к языку проявился в нем очень рано: уже во время учебы в гимназии он собирал пословицы, поговорки, загадки, песни — словом, тот богатый городской фольклор, который можно было услышать на московских улицах в 10-х гг. XX в.

В 1914 г. Якобсон поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Московского университета. Его учителями были замечательные отечественные ученые — Дмитрий Николаевич Ушаков и Николай Николаевич Дурново́. Большое влияние на тогдашнюю университетскую молодежь, как и на лингвистов старшего поколения, оказывали постулаты научной школы Филиппа Федоровича Фортунатова. Р. О. Якобсона привлекали строгость и точность научного мышления, которые отличали фортунатовскую школу.

Роман Осипович Якобсон

С университетских времен проявился исключительный талант Якобсона создавать и организовывать деятельность самых разнообразных научных сообществ. До эмиграции в Чехословакию в 1920 г. ученый активно участвовал в работе всех значительных научных обществ Москвы и Петербурга. Сначала это был диалектологический кружок под руководством Дмитрия Николаевича Ушакова. Затем члены этого кружка, в том числе и будущие известные ученые Николай Феофанович Яковлев (1872—1974) и Пётр Георгиевич Богатырев (1893—1971), вошли в состав Московского лингвистического кружка (1915—1924 гг.). Первым его председателем стал Якобсон. Членами этого научного общества были не только филологи, но и начинающие поэты — Борис Пастернак, Осип Мандельштам, Владимир Маяковский. Главными темами заседаний были вопросы фольклора, поэтики и метрики.

В 1916 г. Якобсон, не прекращая своей деятельности в Московском лингвистическом кружке, начинает работать и в другом научном объединении — знаменитом ОПОЯЗе (Обществе по изучению поэтического языка). Основу общества составляли Юрий Николаевич Тынянов, Виктор Борисович Шкловский, Борис Михайлович Эйхенбаум. Именно в ОПОЯЗе вышла одна из первых крупных работ Р. О. Якобсона — книга «О чешском стихе».

Якобсон дружил со многими замечательными людьми своего времени: художниками Казимиром Малевичем и Павлом Филоновым, поэтом Велимиром Хлебниковым, гениальность которого он разглядел одним из первых. Уже в эмиграции Роман Осипович был дружен и даже вел совместный семинар с великим физиком Нильсом Бором.

После отъезда из России, в вынужденной последующей разлуке с близкими по духу людьми, Якобсон все же не потерял интереса к коллективной научной деятельности. Он был активным участником Пражского лингвистического кружка (1926 — начало 50-х гг.) и многих других научных обществ.

Фонология, морфология, теория языковых союзов, психолингвистика, поэтика, метрика — вот далеко не полный перечень научных интересов Р. О. Якобсона. Его работы оказали большое влияние на лингвистику.

Начиная с 1956 г. Якобсон неоднократно приезжал в СССР. Каждый его визит становился важным событием для отечественных лингвистов. Для них это была одна из немногих возможностей наладить связи с учёными Запада. За 60 лет, которые ученый провёл за границей, сначала в Европе, а затем в Америке, он очень многое сделал для восстановления связей между мировым лингвистическим сообществом и отечественной наукой.

входящих в союз, она либо совсем различна, если языки не родственны, либо сходна лишь частично, если они отдалённо родственны и сошлись вторично.

Н. С. Трубецкой выделил несколько языковых союзов. Один из них — балканский, в который входят румынский, болгарский, албанский и современный греческий языки (но не древнегреческий, который был живым языком, когда балканского союза ещё не было). Учёный отмечал, что болгарский язык можно одновременно рассматривать как славянский с точки зрения вхождения в семью родственных языков и как балканский с точки зрения вхождения в союз. Все перечисленные языки балканского союза индоевропейские и отдалённо родственны между собой. Однако соответствующие группы — романская (например, румынский язык), славянская (болгарский), иллирийская (албанский) и греческая — разошлись между собой очень давно. Начиная с I тыс. н. э. эти народы находились в длительном контакте. Как следствие образовался союз, и в языках появились черты, которых нет в других языках соответствующих групп, например в русском или французском. Одна из ярких черт балканского союза — определённый артикль, образовавшийся из указательных местоимений. В отличие от артикля в германских и других романских языках он стоит всегда после существительного (в орфографии его принято писать слитно), а неопределённого артикля нет. У болгарского революционера Димитра Благоева было прозвище *Дядото* (Дедушка), в артикле ***-то*** легко опознать единицу языка, по происхождению соответствующую русским местоимениям *тот, та, то.*

Другой, более обширный и одновременно менее ясный по своим признакам союз, выделенный Н. С. Трубецким, — евразийский. Он включает восточнославянские языки, с одной стороны, и алтайские и финно-угорские — с другой. Восточные славяне, в первую очередь русские, в отличие от других славянских народов тесно общались с тюрками, монголами, некоторыми финскими народами, что отразилось и на языке. По мнению Трубецкого, языки народов, проживающих на обширных степных и лесостепных территориях от Карпат до Тихого океана, имеют много общего, поскольку культуры этих народов взаимосвязаны. Одна из таких черт — оформление грамматических конструкций со значением обладания. В большинстве европейских языков они образуются с помощью глагола со значением ‘иметь’: *to have* в английском, *haben* в немецком, *avoir* во французском и т. д. По-русски можно сказать *Я имею книгу,* но это слишком искусственно. Обычно пользуются глаголом со значением ‘быть’: *У меня есть книга.* Но оказывается, что такая конструкция свойственна многим языкам Северной Евразии, от русского до японского, где соответствующая фраза дословно будет выглядеть так: *Мне книга есть.* Вопрос о существовании евразийского союза всё же остаётся спорным. Сходство многих языков этого ареала может быть связано и с общим происхождением (гипотезу о существовании алтайской семьи языков уже можно считать почти доказанной). Однако несомненное сходство русского языка с алтайскими всё-таки не настолько велико, чтобы можно было с уверенностью говорить о союзе.

ЦЕПИ ЯЗЫКОВ

Если языковые семьи строго замкнуты, то к союзам это не относится: один язык может входить в несколько союзов. Например, алтайские языки, как указывал Н. С. Трубецкой, сходны и с языками крайнего северо-востока Азии: чукотско-камчатскими и нивхским, относящимся к другим семьям. Чукотско-камчатские языки в свою очередь сходны с неродственными (или очень отдалённо родственными), но соседними эскимосскими языками. У алтайских языков есть ещё одна зона контактов. Н. С. Трубецкой указывал на их большое сходство с японским и корейским. Его сейчас объясняют общим происхождением. Но японский язык в отличие от других алтайских имеет много общего в фонетике и общей древней культурной лексике с австронезийскими языками. Причина здесь опять же в языковых контактах. Наконец, восточные алтайские языки (японский, в меньшей степени корейский и тунгусо-маньчжурские) входят в четвёртую контактную зону, более позднюю по времени образования, не упомянутую Н. С. Трубецким. У них есть ряд черт, общих с китайским языком. Итак, можно выделить, по определению Н. С. Трубецкого, «целые цепи» языков и в Европе, и в Азии, и в Африке.

Типологическое сходство языков не связано с общностью культур, а генетическое сходство иногда восходит ко времени, от которого культурная общность соответствующих народов почти не сохранилась. Вхождение же в языковой союз всегда основано на сходстве культур. И если их носители потеряли связь друг с другом, языковой союз перестаёт существовать, чего не может случиться с языковой семьёй.

Трудно перечислить все лингвистические проблемы, которыми занимался Николай Сергеевич Трубецкой. Живя за границей, публикуя свои труды в основном на немецком и французском языках, учёный всегда относил себя к русской науке. Благодаря Трубецкому и Якобсону многие идеи и концепции отечественных учёных дореволюционного и советского времени вошли в мировую науку.

КАК ОПИСЫВАТЬ ЯЗЫКИ. ЛЕОНАРД БЛУМФИЛД И ЗЕЛЛИГ ХЭРРИС

В начале XX столетия американская наука, до того мало известная в Европе, начала определять пути развития лингвистики. Одним из первых американских языковедов мирового уровня стал Леонард Блумфилд (1887—1949). Его знаменитая книга «Язык» вышла в свет в 1933 г.

Лингвистика США отчасти под влиянием идей Фердинанда де Соссюра (см. статью «Язык и его структура. Фердинанд де Соссюр») сосредоточилась на фонологии и морфологии современных языков. Научные позиции Соссюра и Блумфилда во многом схожи — обоих принято относить к направлению, именуемому структурализмом. Однако у Блумфилда было немало особенностей, связанных с проблемой изучения языков индейцев.

Европейская лингвистика вплоть до XX в. занималась в основном языками так называемых культурных народов. Эти языки, разумеется, имеют различия между собой, но всё-таки очень похожи. И это сходство проявляется не только в грамматике, но и в картинах мира (см. статью «Человек, народ и язык. Вильгельм фон Гумбольдт»). Изучая индоевропейские языки, исследователь мог опираться на собственную языковую интуицию. Наконец, большое количество письменных памятников на этих языках толкало учёных на путь исторических изысканий. В индейских языках всё было не так: они «не имели истории», у них не было письменных памятников, и до конца XIX — начала XX в. эти языки никто не описывал. Поэтому сам материал требовал синхронических исследований. К тому же исследователь не мог обращаться к своей интуиции — эти языки слишком далеки от европейских по своему строю. Пока изучали европейские языки, было ясно, например, как делить текст на слова: лингвист, будучи носителем того же или хотя бы близкого по строю языка, интуитивно это знал. Но как выделять слова в индейских языках, было совсем непонятно.

Леонард Блумфилд

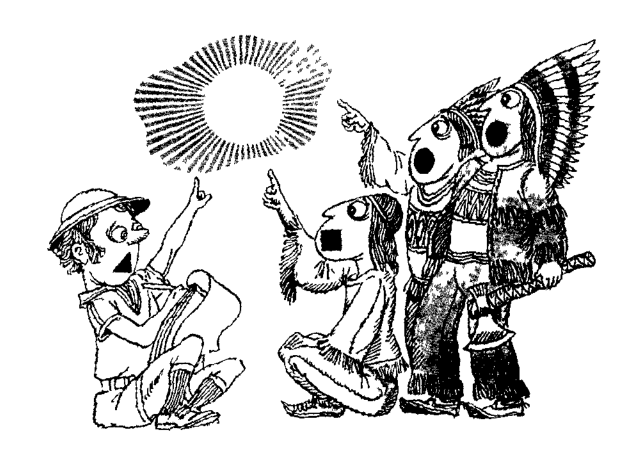
Ещё больше проблем создавали языковые значения. Совершенно иная картина мира у индейцев проявлялась в области как лексических, так и грамматических значений. Сначала исследователи пытались найти в каждом вновь изучаемом языке привычные грамматические категории: род, число, время, наклонение и т. д. Но нередко оказывалось, что грамматические категории индейских языков значат что-то совсем другое, а что именно — понять было очень трудно. Так же трудно оказалось определить значение слов. Например, в языке дако́та (индейского народа группы сиу) одно и то же слово в разных ситуациях переводится на английский как «кусать», «связывать в пучки», «толочь». Разные с европейской точки зрения значения оказывались едиными для носителей этого индейского языка. Могло быть и наоборот: например, в эскимосском языке есть несколько несинонимичных слов, обозначающих разные виды снега.

При столь большом различии языков и культур англоязычный исследователь не мог полноценно освоить изучаемый язык. Поэтому важнейшая роль отводилась носителю языка, хотя бы немного владевшему английским. Такого рода человека (его обычно называют *информантом*) можно смело считать полноценным соавтором лингвиста. Лингвист задаёт информанту вопросы на общем для них языке о свойствах языка, которым владеет лишь информант. Он спрашивает, что значит тот или иной фрагмент текста, как передать в языке то или иное значение слова, как правильно сказать в какой-либо ситуации и т. п.

Методика работы с информантом подняла уровень описания индейских и других экзотических языков. Однако разделение труда между лингвистом и информантом имело далеко идущие последствия. Если традиционно лингвист изучал язык как бы изнутри, опираясь на собственную интуицию, на чутьё языка, то при работе с информантом он смотрит на изучаемый объект извне, с позиции стороннего наблюдателя. Таким же образом работают в естественных науках. Стремление к объективному строгому исследованию, лишённому какой-либо произвольности, которое было важным для Соссюра, для Блумфилда и его последователей стало главным требованием к учёному.

Леонард Блумфилд и его коллеги исходили из того, что исследователь слышит звуковую речь, замечает в ней регулярно повторяемые части, а затем обращается к информанту, который помогает ему понять сущность этих регулярностей. Для того чтобы выделить звук, слово и другие единицы языка, были выработаны определённые процедуры, дающие непротиворечивые результаты. В статье «Ряд постулатов для науки о языке» и в книге «Язык» Л. Блумфилд попытался представить основные понятия лингвистики по образцу математики, в виде набора аксиом, из которых по строгим правилам выводится всё остальное.

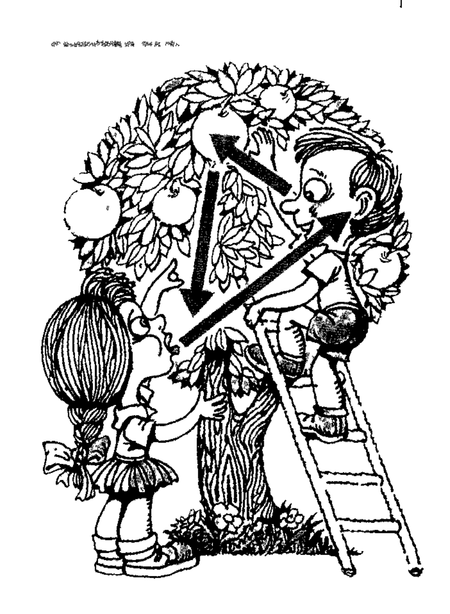
Конечно, Л. Блумфилд не мог считать, что индейские языки и, скажем, английский язык должны описываться по-разному. Его методика была предназначена для любого языка. Однако для европейских языков учёный сделал исключение, уступив традиции. Например, Леонард Блумфилд предложил определение слова, основанное на том, что это минимальная единица, которая может быть высказыванием (сравните с однословными высказываниями типа *Иди! Пожар!*). В отличие от традиционных определений слова, которые лишь описывают свойства уже выделенных на основе интуитивных психологических представлений единиц, определение Л. Блумфилда действительно работает. На его основе можно выделять некоторые единицы в любом языке, включая те же индейские, где интуиция



ДЖЕК И ДЖИЛЛ

Свой метод изучения языков Леонард Блумфилд иллюстрировал английской детской песенкой про Джека и Джилл. Джилл, увидев яблоко, хочет его съесть, но сама не может до него дотянуться. Поэтому она «издает звук, в образовании которого участвуют гортань, язык и губы». Джон, услышав этот звук, срывает для Джилл яблоко, она его ест. Все события Л. Блумфилд описывает как чередование стимулов и реакций: стимул Джилл — желание есть, реакция — речь; стимул Джона — услышанная речь Джилл, реакция — он достает для неё яблоко. Акты речи служат посредником между практическим стимулом и практической реакцией. Нельзя видеть, как превращается практический стимул в речь и речь в практическую реакцию, зато речевые сигналы можно непосредственно наблюдать. Согласно Блумфилду, лингвистика должна изучать только наблюдаемые речевые сигналы, остальным должны заниматься другие науки, прежде всего психология.

Свою концепцию Леонард Блумфилд называл материалистической. Материалистическая теория, как он ее понимал, оценивала человеческую деятельность по тем же законам, по которым подходит к своему объекту физика или химия. Разница лишь в том, что, по выражению Блумфилда, человеческое тело — это очень сложная система. Интуиция носителя языка и тем более гумбольдтовский «дух народа» из науки решительно изгонялись.



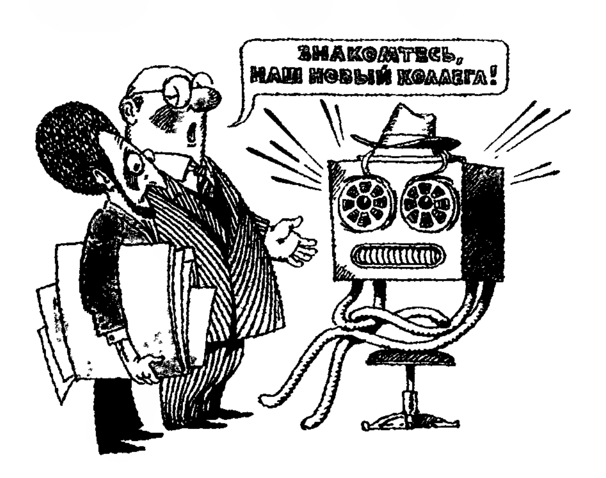
носителя английского языка не могла помочь. Однако для европейских языков такое определение расходится с традицией: артикли и по крайней мере основные предлоги с этой точки зрения — не слова (попробуйте составить высказывание из одного предлога *в* или *с*). И в тех местах своей книги, где речь шла об английском языке, Блумфилд вопреки своему же определению сохранил привычное деление на слова, закреплённое в орфографии.

Именно в рамках школы, созданной Л. Блумфилдом, для изучения языка стали применять математические методы Такой подход больше всего давал для изучения фонологии, где были получены чёткие критерии для выделения систем фонем в самых разных языках. Многое было сделано и в области морфологии. Однако для изучения синтаксиса математические методы не очень подходили, и совсем незначительные результаты были получены в области семантики Языковые значения совершенно не поддавались формальному подходу американской лингвистической школы. В итоге многие последователи Блумфилда пришли к выводу, что без семантики вообще можно обойтись.

* * *

Идеи Л. Блумфилда довёл до крайности американский учёный следующего поколения Зеллиг Хэррис (1909—1992), уроженец России. Главная его книга — «Метод в структуральной лингвистике» — появилась в 1948 г. и потом много раз переиздавалась. Согласно Хэррису, ни функционирование языка в обществе, ни его связь с психикой человека, ни даже значения речевых высказываний не должны интересовать лингвиста; для их изучения имеются другие науки. Языковед выступает лишь в роли фиксатора наблюдаемой им речи, которую он даже не обязан понимать (а если понимает, то ему лучше от этого отвлечься). Наблюдая чужую речь, он замечает, что в ней есть определённые закономерности: одни речевые фрагменты встречаются чаще других, некоторые появляются рядом с высокой вероятностью, а некоторые вообще не соседствуют и т. д. Главный объект изучения лингвистики — «повторяемость тождественных частей» в тех или иных высказываниях, которую американские лингвисты назвали *дистрибуцией* (от *лат.* distributio — «распределение», «размещение»).

Среди видов дистрибуции Хэррис и близкие к нему учёные выделяли *дополнительную*, при которой две разные для наблюдателя единицы никогда не встречаются в одном и том же окружении. В этом случае их можно считать вариантами некоторой единой сущности. Например, в дополнительной дистрибуции находятся русские звуки [и] и [ы]: [ы] встречается только после твёрдых согласных, [и] — после мягких согласных и в начале слова. В одном и том же окружении они не встречаются. Отсюда следует, что это варианты одной фонемы. Точно так же можно рассуждать и применительно к морфологии. Например, если в русском языке последовательности звуков [ом], [oj] и [jу] (орфографически ***-ью***)



Языковед выступает лишь в роли фиксатора речи, которую он даже не обязан понимать.

всегда встречаются в разных окружениях *(столом, рукой, ночью)*, то они представляют собой варианты одного грамматического элемента — морфемы. Если же окружения бывают теми же самыми, то перед нами разные единицы: звуки *(дом — **том** — **сом** — **ком** — **лом** — **ром**)* или морфемы *(стол-**а**, стол-**у**, стол-**ом**)*.

Идеальная процедура лингвистического описания, по Хэррису, проходит так. Лингвист, наблюдая высказывания носителя языка, выделяет в них повторяющиеся элементы. Затем для каждого элемента определяет его окружение, т. е. набор элементов, которые могут быть перед ним и после него. Это и есть дистрибуция элемента. На основании дистрибуции некоторые элементы признаются тождественными и сводятся в классы. Сначала такая процедура производится с минимальными элементами, которые удаётся выделить, — это *фонологический анализ;* затем она повторяется с более крупными единицами — это *морфологический анализ*. Выделять языковые значения и понимать высказывания при этом не нужно. Как писал Хэррис, если два фрагмента высказывания различаются по значению, то они обязательно различаются и по дистрибуции, поэтому учитывать значения излишне.

Однако ни одному учёному не удалось выдержать описанную идеальную процедуру. Сам Хэррис был вынужден признать, что реальная дистрибуция любого элемента слишком обширна. Её можно учесть для фонемы, поскольку в языке лишь несколько десятков фонем, но для морфемы или слова пересчитать все окружения практически невозможно. Единственный выход — обратиться к информанту, который мог из множества окружений выбрать зна́чимые. Например, в приводившемся выше примере с окончаниями ***-ом, -ой, -ью*** лингвисту нужно долго разбираться в том, что для них значимо окружение слева, но не значимо окружение справа: следующее слово может быть каким угодно. Однако любой носитель русского языка интуитивно всё это и так знает и может ответить на соответствующий вопрос. Важнее другое: допустим, после элементов ***стол-, волк-*** идут ***-ом, -ов,*** а после ***рук-, ног-*** их не бывает; наоборот, после ***рук-, ног-*** бывает ***-ой,*** которого нет после ***стол-, волк-,*** а, скажем, ***-у*** может быть и там и там. Однако можно ли, не обращаясь к значению, установить, что ***-ом*** и ***-ой*** — одно и то же окончание, и, наоборот, различить ***-у*** после ***стол-*** и ***-у*** после ***рук-?*** Информант интуитивно ощущает, что такое один падеж и разные падежи (при этом неважно, может он это объяснить или нет — у лингвистов есть способы разобраться в его словах).

Таким образом, интуиция лингвиста на деле заменялась интуицией информанта. Изгнанное из исследования значение возвращалось в него окольным путём, через ответы информанта. З. Хэррис считал такое положение дел временным — проблема лишь в том, что лингвисты пока не могут быстро пересчитать все комбинации элементов. Но в действительности то, что считалось «сокращением времени», оказалось самой важной частью лингвистического исследования. Без учёта значения элементов языка и интуиции его носителя стопроцентно описать язык со стороны невозможно. Даже само понятие слова — центральное в лингвистике — не удаётся, как мы видели выше, определить формальными методами (хотя ему, несомненно, соответствует что-то реальное в нашей интуиции).

Подход Леонарда Блумфилда и особенно Зеллига Хэрриса сужал задачи лингвистики до таких узких пределов, в которых реально уже нельзя было работать. Учёным приходилось неявно отказываться от установленных ими же ограничений. И тем не менее этот подход много дал науке. Сужение задач исследования позволяло разработать строгие процедуры лингвистического описания. Значительно продвинулись вперёд фонология и морфология. Лингвисты именно этой школы сумели впервые описать большое количество ранее неизвестных языков. Правда, на важнейшие общетеоретические вопросы они не могли и даже не пытались ответить. Проблемы, которые поставил ещё Вильгельм фон Гумбольдт (взаимосвязь между языком и мышлением, языком и картинами мира и др.), с конца 50-х — начала 60-х гг. XX столетия вновь оказались в центре внимания науки о языке.

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ЯЗЫКОВ. ЧЕЛОВЕК И ЯЗЫК. НОАМ ХОМСКИЙ

После Второй мировой войны центром науки о языке стали Соединённые Штаты Америки. Лишь в некоторых странах (во Франции, в бывшем СССР и Японии) лингвистика продолжала развиваться независимо от американского влияния, однако в целом именно американская наука стала определять развитие языкознания.

В конце 50-х — начале 60-х гг. XX столетия в американской науке о языке произошли значительные изменения. Десятилетиями господствовавшая структурная лингвистика, основанная на идеях Леонарда Блумфилда и Зеллига Хэрриса, в течение всего нескольких лет уступила место новому направлению. Произошёл научный переворот, который в истории лингвистики известен под названием «хомскианская революция». Это событие в значительной степени изменила не только американскую, но и всю мировую науку о языке.

Человеком, объявившим о научном перевороте, стал Но́ам Хомский (родился в 1928 г.; более правильное произношение Чомски), профессор Гарвардского университета. Как и многие видные лингвисты до него (В. фон Гумбольдт, Н. С. Трубецкой, Е. Д. Поливанов и др.), он не ограничивал свои интересы только лингвистикой и стал известен как социолог и политолог левых взглядов. Хомский учился у Хэрриса и начинал как его последователь, но затем выступил с собственной концепцией языка. Его книги «Синтаксические структуры» (1957 г.), «Аспекты теории синтаксиса» (1965 г.) и «Язык и мышление» (1968 г.) стали знаменитыми. Учёный до сих пор продолжает активно работать, постоянно изменяя свою теорию.

Ноам Хомский.

Предшественники Ноама Хомского стремились к объективности и строгости получаемых результатов, их независимости от языковой интуиции исследователей. Они сосредоточились на строгих процедурах описания конкретных языков, не интересуясь лингвистической теорией и общими свойствами человеческого языка. Проблематика лингвистики оказалась резко суженной — такова была плата за точность методов. Н. Хомский, не отказываясь от разработанных в 50-х гг. XX в. строгих, математических методов изучения языка, вернулся к проблемам, которых избегала не только американская, но и вся мировая лингвистика после Фердинанда де Соссюра. Ему удалось найти новые методы, позволившие серьёзно обсуждать вопросы, о которых шла речь в «Грамматике Пор-Рояля» и в работах Вильгельма фон Гумбольдта — о связи языка и мышления, о глубинной общности всех языков и творческом характере языка.

ГРАММАТИКА ГОВОРЯЩЕГО

Уже в первой своей книге Ноам Хомский поставил вопрос, каким образом носитель языка может произносить, «порождать» бесчисленное множество предложений, которые он никогда до того не слышал и не произносил? Своей новизной вопрос производил очень сильное впечатление. Как это часто бывает в науке, важный прорыв был связан скорее с вопросом, поставленным по-новому, неожиданно, чем с точным и обоснованным ответом.

До Хомского лингвисты знали один путь изучения языка — анализ результатов речевой деятельности. На основе этого анализа описывали структуру языка. Хомский же предложил лингвистам сделать шаг вглубь: рассматривать язык не только как структуру, которую можно выявить из речи, но и как структуру, порождающую речь. Ответ на вопрос Хомского звучит примерно так: человек может создавать бесчисленное множество совершенно новых предложений, только если грамматика каждого языка — своего рода механизм, производящий правильные предложения. И если грамматики разных языков равно доступны для изучения, значит, все они —

варианты единой грамматики единого языка. И именно её должна изучать лингвистика.

Хомский обратил внимание, что язык — это бесконечная система: «Грамматика отражает способность носителя языка, который на базе своего конечного случайного языкового опыта в состоянии произвести и понять бесконечное число новых предложений». На основе своей интуиции человек может отличить правильно построенное предложение от неправильного. Предшественники Хомского, прежде всего Блумфилд и Хэррис, пытались изгнать интуицию из методов лингвистики. На деле они лишь заменяли собственную интуицию интуицией информанта — носителя изучаемого языка. Н. Хомский же реабилитировал это фундаментальное человеческое свойство, поставив совершенно новую задачу его учёта и моделирования.

В двух книгах, написанных в 60-х гг., учёный значительно развил свою теорию. Как полвека назад Фердинанд де Соссюр, Ноам Хомский понимал, что научный метод требует установить некоторые рамки, ограничивающие предмет исследований. Однако эти рамки оказываются шире, чем рамки языка в смысле Соссюра. «Лингвистическая теория имеет дело в первую очередь с идеальным говорящим-слушающим... который знает свой язык в совершенстве и не зависит от таких грамматически несущественных условий, как ограничения памяти, рассеянность, перемена внимания и интереса, ошибки (случайные или закономерные) в применении своего знания языка при его реальном употреблении». *Употреблению* (реальному использованию языка в конкретных ситуациях, которое достаточно случайно) противопоставлена *компетенция* (знание своего языка). Задача лингвистики — изучать лишь компетенцию.

Такое ограничение оставляет за пределами лингвистического анализа многое: помимо действительно «несущественных условий» исключается и весь социальный контекст того или иного высказывания. За пределами лингвистики оказывается вся социолингвистика, наука об использовании языка в обществе. Но хотя различие компетенции и употребления несколько напоминает противопоставление языка и речи у Соссюра, всё же компетенция шире, чем язык в соссюровском смысле. У Соссюра язык — множество единиц и отношений между ними. Компетенция кроме этого — ещё и система способов порождения речи. Соссюр рассматривает язык отвлечённо от человека и от его психики, а теория Ноама Хомского, по его словам, «занимается обнаружением психической реальности, лежащей в основе языкового поведения». Он считал, что именно этим традиционная наука о языке занималась и раньше, но занималась несистематично и неполно.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

В книге «Язык и мышление» Хомский прямо определяет лингвистику как «особую ветвь психологии познания», вновь выдвигая на первый план долго игнорировавшиеся проблемы. Идеи специалистов по сравнительно-историческому языкознанию XIX в. и структуралистов XX в. названы им «убогой и совершенно неадекватной концепцией языка». Зато он высоко оценил «действительно значительную общую теорию» «Грамматики Пор-Рояля» и работы Вильгельма фон Гумбольдта. В частности, у последнего Хомский особо выделил идею о творческом характере языка, о том, что говорящие «используют бесконечным образом конечные средства». А у авторов «Грамматики Пор-Рояля» он отметил прежде всего представление о единой мыслительной основе всех языков мира. Эту основу Н. Хомский назвал глубинной структурой, противопоставив ей поверхностные структуры, наблюдаемые в конкретных языках. По мнению Хомского, его непосредственные предшественники изучали лишь поверхностные структуры, а проблему глубинных структур игнорировали. Возвращаясь к фразе *«Невидимый Бог создал видимый мир»* из «Грамматики Пор-Рояля» (см. статью «Чем языки похожи и чем различаются. „Грамматика Пор-Рояля“»), Н. Хомский говорит, что три заключённых в ней суждения, которые выделяли авторы «Грамматики...» *(«Бог невидим»; «Он создал мир»; «Мир видим»)*, — и есть глубинные мыслительные

структуры, которые на поверхностном уровне сливаются в единое предложение.

По Ноаму Хомскому, при порождении высказываний глубинная структура преобразуется в поверхностную посредством некоторых мыслительных операций. Поэтому и грамматика языка должна содержать систему правил перехода от глубинных структур к поверхностным. Глубинные структуры связаны со значением, а поверхностные — со звучанием, и именно в этом смысле «каждый язык может рассматриваться как определённое отношение между звуком и значением».

Реальная система правил, по которым человек превращает значение в звук, пока недоступна прямому наблюдению. В наше время «относительно природы языка, его использования и овладения им могут быть высказаны лишь самые предварительные и приблизительные гипотезы». Но, по мнению Хомского, лишь описание языка, которое предлагает некоторую гипотезу такого рода, можно назвать грамматикой языка. За конкретной грамматикой того или иного языка проступает универсальная грамматика для «языка вообще». На практике между конкретной и универсальной грамматиками нет непроходимой грани: «...Лингвист всегда занят исследованием как универсальной, так и конкретной грамматики. Когда он строит описательную, конкретную грамматику... он руководствуется, сознательно или нет, определёнными допущениями относительно формы грамматики, и эти допущения принадлежат теории универсальной грамматики. И наоборот, формулирование им принципов универсальной грамматики должно быть обосновано изучением их следствий, когда они применяются в конкретных грамматиках». Придумать универсальную грамматику нельзя, но к ней можно подойти, изучая устройство того или иного языка. Сам Хомский занимался и продолжает заниматься исключительно построением универсальных грамматик, используя в качестве материала прежде всего английский язык. Это позволяет критикам его теории указывать, что она слишком ориентирована на особенности этого языка, которые далеко не всегда можно считать действительно универсальными.

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

После работ Ноама Хомского 50—60-х гг. и он сам, и многие другие лингвисты занялись построением формальных процедур, позволяющих получать множество грамматически правильных

БЕСЦВЕТНЫЕ ЗЕЛЁНЫЕ МЫСЛИ

Грамматики Хомского и его сторонников строятся как набор последовательно применяемых правил и напоминают в этом отношении древнеиндийскую грамматику Панини. Только, естественно, эти правила строятся на основе современных математических средств. Как и у Панини, правила имеют вид: «Замени *A* на *B* в таком-то контексте». На «входе», например, имеется символ *S*, т. е. символ предложения. Затем по определённому правилу этот символ заменяется на два других, соответствующих двум главным частям предложения — группе подлежащего и группе сказуемого. Далее вводятся правила, порождающие символы, соответствующие тем или иным синтаксическим конструкциям. На последних этапах символы по особым правилам заменяются конкретными словами или другими единицами конкретного (в данном случае английского) языка. «На выходе» грамматики должно, по замыслу Хомского, получаться всё множество грамматически правильных предложений языка.

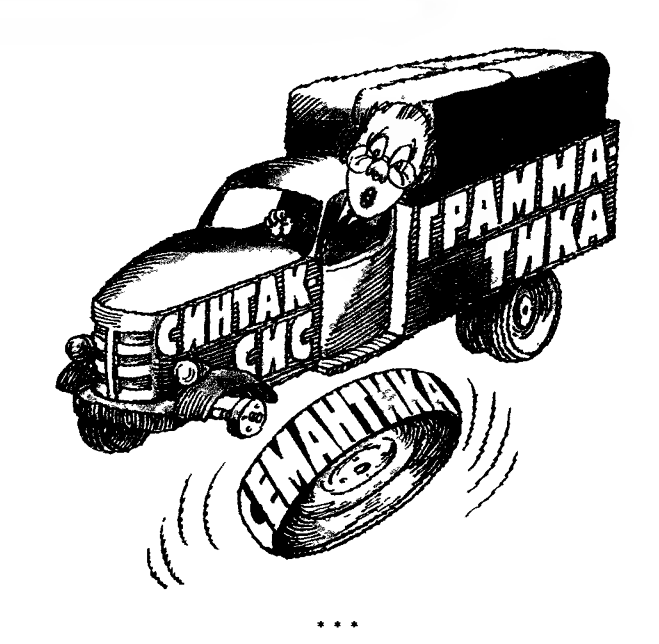
Грамматическую правильность, как указывает Хомский, не надо смешивать с осмысленностью. Стал классическим пример учёного — *Colorless green ideas sleep furiously*. Это предложение, как и его русский аналог *Бесцветные зелёные мысли яростно спят*, грамматически правильно и не содержит ни синтаксических, ни морфологических погрешностей, хотя трудно из него извлечь какой-либо смысл (впрочем, в поэтическом тексте это, вероятно, можно сделать). Вопрос об «отсеивании» такого рода предложений, согласно Хомскому, выходит за пределы изучения языковой компетенции. Но если в этом предложении изменить порядок слов: *Furiously sleep ideas green colorless*, то получится грамматически неправильная последовательность, которая в норме не порождается (в русском языке грамматически неправильную фразу обычно нельзя получить из правильной только изменением порядка слов, нужно изменить формы слов: *яростно спать, бесцветный зелёный мысли*).

предложений в том или ином языке. Существует уже немало порождающих грамматик конкретных языков. Если вся наука о языке до «хомскианской революции» ориентировалась на анализ текстов, т. е. на моделирование деятельности слушающего, то у Хомского и его последователей — впервые после древних индийцев — была поставлена задача синтеза, задача моделирования деятельности говорящего.

Однако в действительности эту задачу, как и многие другие, связанные с введением в лингвистику «человеческого фактора», Хомский лишь поставил, но не решил. Отчасти американский учёный оказался в плену у разработанного им математического метода: в центре внимания хомскианцев оказались, как и у раскритикованных ими последователей Блумфилда, опять-таки формальные процедуры.

Отчасти дело и в том, что Н. Хомский выдвинул проблему, пока не поддающуюся решению. Чтобы воспроизводить переход от глубинных структур к поверхностным, надо не только построить формальные правила, но и представлять себе, из чего состоит сама глубинная структура. Авторы «Грамматики Пор-Рояля» включали в единую для всех языков логическую (глубинную, по Хомскому) структуру различные конкретные явления латинского и французского языков. Разумеется, Хомский и хомскианцы исходят из более широкого представления о языках мира. Однако, изучая конкретные языки, они спорят между собой по вопросу о том, какие особенности этих языков считать глубинными, а какие — поверхностными. Такие споры на нынешнем уровне развития науки могут длиться бесконечно. Реально порождающие правила Н. Хомского не столько моделируют деятельность говорящего, сколько просто переводят грамматическое описание языка в единообразный и формализованный вид.

Наконец, Ноам Хомский, провозгласив целью лингвистической теории изучение творческого характера языка, описание «человеческого фактора» в языке, на практике сильно сузил проблематику лингвистики, понимая язык как множество правильных предложений. Критики теории Н. Хомского отмечают, что он занимается только тем, как строится предложение (проблема, которую изучали и до него, хотя и без использования сложного математического аппарата), оставляя в стороне вопрос о том, каким целям служит это предложение. Поставив вопрос, как функционирует язык, Хомский, переходя затем к конкретным исследованиям, подобно своим предшественникам, сосредоточился на вопросе, как устроен язык.



* * *

Главным итогом «хомскианской революции» стали не конкретные исследовательские результаты, а то, что американский учёный вывел науку о языке за пределы узких рамок, в которых она замкнулась после Соссюра На некоторое время такое ограничение оказалось полезным, однако необходимо было идти дальше. Связь языка и мышления, психологическая основа языковых явлений, роль интуиции носителя языка, творческий характер языковой деятельности — все эти вопросы Хомский вернул в лингвистику. Он подчеркнул, что исследование языка важно для изучения всех умственных процессов человека и что поэтому необходимо объединить усилия лингвистов и специалистов по другим наукам о человеке. Впервые после индийской традиции зашла речь о синтетическом подходе к языку.

В результате «хомскианской революции» наука о языке переросла те рамки, за которые не вышел сам Н. Хомский Если учёный в основном изучал и продолжает изучать синтаксис, то многие его последователи основное внимание сосредоточили на исследовании семантики (языковых значений). Именно после «хомскианской революции» эти вопросы стали впервые полноценно изучать. Многие лингвисты нового поколения вышли за рамки изучения только языковой компетенции Они занялись процессами языкового общения людей, функционирования языка в обществе и др Таким образом, хотя Ноам Хомский скорее провозгласил новый подход к языку, чем показал его реально, после его книг лингвистика уже не могла оставаться такой, какой она была раньше.

ЛИНГВИСТИКА СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Развитие лингвистики никогда не было плавным и постепенным. Революции сменялись периодами затишья, когда учёные лишь накапливали материал и совершенствовали научные методы. Менялись и приоритетные проблемы. Нередко вопросы, которые в одну эпоху считались «ненаучными» или «нелингвистическими», в другую оказывались в центре внимания. Но ни одна существенная проблема не уходит из науки насовсем, даже если она надолго выпадает из поля зрения лингвистов. Европейская наука занималась синхронным анализом языка начиная с античности и кончая трудами типа «Грамматики Пор-Рояля», но в XIX в. такой анализ перестали считать научной проблемой, и исследователи переключились на вопросы истории языков. Однако с начала XX в. ученые вновь стали отдавать предпочтение исследованию современных языков. Проблема «язык и мышление» активно обсуждалась с античных времён до конца XIX в., но структурная лингвистика XX в. сняла её с повестки дня, а затем Ноам Хомский снова к ней обратился. Вопрос о том, в какой степени язык определяет картину мира, впервые поставленный Вильгельмом фон Гумбольдтом, затем оказался на обочине лингвистики, а сейчас он, как и прежде, занимает учёных.

При этом лингвистика, безусловно, продолжает идти вперёд. Обращаясь к оставленным на время вопросам, она изучает их на новом, более высоком уровне. Так что развитие лингвистики, как и других наук, — это не колебания маятника, а движение вперёд, хотя и не по прямой, а как бы по спирали.

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ

Есть вечные вопросы лингвистики, на которые наука пытается ответить с древности и до наших дней. Что такое язык? Как он устроен? Как функционирует? Как изменяется и развивается? Несмотря на многовековое развитие лингвистики, их нельзя считать решёнными. Сегодня эти вопросы представляются ещё более неизученными, чем это казалось, например, в начале XX столетия.

В XIX—XX вв. лингвисты достигли значительных успехов, но лишь в отдельных областях. В XIX в. был разработан сравнительно-исторический метод, позволивший реконструировать праязыки, от которых не осталось никаких текстов Открытия, подтверждающие достоверность построений лингвистов, совершаются до сих пор. В XX в. лингвисты сосредоточились на совсем иной проблеме: они разрабатывали строгие процедуры формального изучения фонологии и грамматики, вернувшись на более высоком уровне к вопросам, которыми занимались ещё в древней Александрии. Правильность метода получила убедительное подтверждение: были созданы системы автоматического перевода — например, с французского или японского языка на русский (правда, удаётся переводить лишь узкоспециальные тексты, да и перевод нуждается в дополнительном редактировании). Если бы не существовало строгого описания языка, это было бы невозможно — ведь человек, работая с текстом, опирается на свою интуицию, а машине доступен лишь формальный анализ.

Однако и реконструкция праязыков, и описание фонологии и грамматики — лишь небольшая часть проблем, связанных с человеческим языком Очень многого наука о языке ещё не знает и не умеет На каждый из четырёх «вечных вопросов лингвистики» у науки есть ответы, но все они неполны.

Фердинанд де Соссюр дал первый строгий ответ на вопрос, что такое язык. В голове каждого говорящего существует некоторый механизм, позволяющий людям говорить, слушать, писать, читать. Этот механизм можно описать с помощью некоторого количества правил, и структурная лингвистика сосредоточилась на том, чтобы выяснить их Но теперь ясно, что подобного представления о языке недостаточно. Гораздо более глубокое (и одновременно менее строгое) понимание языка как человеческой

деятельности ещё раньше предложил Вильгельм фон Гумбольдт. Оно требовало учитывать многое из того, что лингвистика никогда всерьёз не изучала или только начинает изучать.

Казалось бы, дальше всего наука продвинулась в изучении вопроса, как устроен язык. Если сравнить изучение языка и изучение человеческого организма, то эта часть лингвистики соответствует анатомии. «Анатомия» языка распадается на две части: фонологические, грамматические и семантические правила (это язык в смысле Соссюра) и механизмы производства и восприятия речи у человека. Что касается правил, то довольно хорошо известно, как устроены фонологические системы языков. Уже про морфологию можно сказать далеко не всё, серьёзных успехов в теоретическом синтаксисе удалось добиться лишь в 60-х гг. XX в., а теоретическая семантика (наука о значениях) во второй половине XX в. сделала только первые шаги. Если говорить о механизмах, то устройство голосовых органов человека вполне выяснено, но о механизмах мозга учёные знают пока очень мало.

Весь XIX в. европейская наука изучала вопрос, как развивается язык. В XX в. он отошёл на второй план, но многие учёные продолжали и продолжают им заниматься. В этой области сделано уже немало. Накоплено очень много фактов (либо реально засвидетельствованных, либо реконструированных), выдвинуты гипотезы о причинах изменений в языке. Но не существует теории, которая могла бы обосновать, почему те или иные языки развивались именно так, а не иначе.

Самый сложный вопрос, к решению которого наука только приступает, — как функционирует язык? Это как бы физиология науки о языке. Как человек пользуется заложенным в нём механизмом? Как говорит и как воспринимает речь других людей?

И наконец, всё ещё неясен, строго говоря, и сам предмет языкознания. Лингвистика изучает единый человеческий язык, предстающий в виде множества конкретных языков. Каждый из них имеет свои особенности, но у всех языков есть и нечто общее.

Большинство лингвистов, и это естественно, всегда занимались и занимаются изучением конкретных языков, а не языка. Лишь немногие учёные — В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр, Н. Хомский и некоторые другие — осознанно ставили перед собой задачу выделить свойства «языка вообще». Если о языках известно уже достаточно много, то о языке и его свойствах — намного меньше. Итак, нерешённых задач в лингвистике гораздо больше, чем решённых.

ЧТО МЫ ЕЩЁ НЕ ЗНАЕМ О ЯЗЫКАХ?

Многие языки ещё неизвестны науке. Особенно плохо изучены языки аборигенов Австралии, Новой Гвинеи и Южной Америки, где до сих пор есть племена, никогда не видевшие белого человека. В Китае и Юго-Восточной Азии есть абсолютно неизвестные науке языки, имеющие более миллиона носителей. Многие языки исчезают, поэтому успеть описать их очень важно. Бывает так, что материал всего лишь одного языка заставляет пересматривать общелингвистическую теорию. Так произошло около четверти века назад, в 70-х гг. XX в., когда был описан язык дирбал. Тогда на этом языке говорили всего несколько человек, проживавших в Северо-Восточной Австралии, а сейчас он считается мёртвым. Именно дирбал заставил учёных пересмотреть общую теорию синтаксиса. А сколько языков пропали бесследно!

И всё-таки в наши дни случаи, подобные открытию дирбала, редки. Гораздо больше важных фактов кроется в языках уже известных. Ведь многие языки описаны очень неквалифицированно, поскольку их изучали непрофессионалы: путешественники, миссионеры, военные, колониальные чиновники. Они подгоняли совершенно разные по своему строю языки под стандартную европейскую схему, взятую, например, из учебников, по которым сами когда-то учились. Руководствовались они при этом собственной языковой интуицией носителя европейского языка. В таких сочинениях звуки «экзотическо-

го» языка подгоняются под систему фонем родного языка автора, выделяются «школьные» части речи, привычные грамматические категории вроде числа, времени и залога, хотя на деле всё может быть не так. Иногда такой плохо описанный язык уже не существует или доступ к его носителям затруднён. Поэтому учёным приходится тратить много сил для того, чтобы правильно оценить неточно изложенные факты.

Впрочем, от чрезмерной европеизации несвободны не только сочинения дилетантов, но и исследования многих лингвистов. Ещё совсем недавно большинство учёных считали, что в каждом языке есть подлежащее, глаголы изменяются по временам, имеются действительный и страдательный залоги, особый класс слов составляют прилагательные и т. д. Теперь наука знает, что эти черты присущи только некоторым языкам, в том числе большинству европейских. А в «экзотических» языках может быть много такого, что для европейца непривычно.

КАК УСТРОЕНЫ ЯЗЫКИ?

Более всего лингвистика продвинулась в фонологии. Имеется универсальная теория дифференциальных признаков (см. статью «Структура языка и языковые союзы. Николай Сергеевич Трубецкой»), позволяющая единообразно описывать системы фонем любых языков. Но это не значит, что в фонологии все проблемы уже решены. Стало ясно, что нельзя ограничиться лишь изучением звуковых противопоставлений, различающих смысл. Речь иностранца может быть вполне понятной, но воспринимается как неестественная из-за каких-то других, «не тех» признаков. Система фонем у жителей соседних деревень может быть одинаковой, но выговор друг друга они ощущают как чужой. Анализ такого рода явлений лишь начинается.

СТАЛИН И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Товарищ Сталин, вы большой учёный,
В языкознанье знаете вы толк...
А я — простой советский заключённый,
Товарищ мне — тамбовский волк.

Благодаря этой песне Юза Алешковского многие люди знают о причастности Сталина к науке о языке. Сразу начинает действовать стереотип мышления: уж если «вождь и учитель» вмешался в эту науку, то наверняка совершил что-то преступное. Так распространилось мнение о том, что известный языковед Николай Яковлевич Марр — великий учёный, «ошельмованный» Сталиным. Однако это далеко от истины. В начале 30-х гг. XX в. в советском языкознании свирепствовала своя «лысенковщина» — «новое учение о языке» академика Марра. Сам он, умерший в 1934 г., не успел разрушить лингвистическую науку своими идеологическими заклинаниями.

Как это ни парадоксально, вмешательство Сталина в языкознание, завершившее так называемую свободную дискуссию, развернувшуюся в 1950 г. на страницах газеты «Правда», принесло этой науке больше пользы, чем вреда. Оно нанесло сокрушительный удар по марризму и тому, что «великий вождь» назвал «аракчеевским режимом в языкознании». Сделано это было тем же методом, каким насаждался сам режим, так что Сталина впору изобразить этаким Тарасом Бульбой, говорящим «аракчеевскому режиму»: «Я тебя породил, я тебя и убью!».

«Гениальные труды» Сталина не содержали, разумеется, ничего гениального, однако там были вполне здравые мысли, в частности разоблачалось абсурдное положение о языке как надстройке над экономикой. Было «реабилитировано» сравнительно-историческое языкознание, и многие крупные учёные, подвергавшиеся нападкам за то, что не признавали нового учения о языке, вздохнули свободно. Среди них были академик В. В. Виноградов, член-корреспондент Р. И. Аванесов, профессор А. А. Реформатский.

История эта почти неизвестна нелингвистам. Поэтому стала действовать простая схема: если Сталин ниспроверг Марра, значит, Марр — великий учёный, которого надо «реабилитировать».

Подобно тому как чёрный квадрат на картине Казимира Малевича не может стать ещё чернее, никакие новые факты не смогут сделать фигуру Сталина еще мрачнее. Не станет облик Сталина и светлее, если разоблачить в его пользу некоторые мифы. Историю любой науки надо видеть такой, какой она была в действительности.

Мало изучены ударение, интонация, тон; здесь даже в хорошо известных языках делаются неожиданные открытия.

Очень хотелось бы иметь универсальную систему, которая позволила бы описывать морфологические системы языков. Такой системой могла бы стать универсальная система грамматических категорий. В неё должны войти и привычные нам категории (падеж, число, время), и более «экзотические», выражающие, например, такие грамматические значения: совершается ли данное действие в первый раз или нет, вежливость или невежливость по отношению к собеседнику. Главная трудность заключается даже не в том, что отсутствуют описания многих языков, а в том, что недостаточно изучено само понятие грамматического значения. Часто, описывая какой-нибудь «экзотический» язык, исследователь видит: перед ним несомненно грамматическая форма, но неясно, что она значит.

Попытки втиснуть всё в рамки привычных категорий приводят к неверным выводам. В японском языке одну из грамматических форм долго описывали как форму совершенного вида, как в русском. На самом деле она означает, что данное действие совершают как подготовительное для какого-то другого, более важного. Например, фраза *Он отчеркнул текст красным карандашом* с глаголом *отчеркнуть* в этой форме значит, что он это сделал не для того, чтобы, допустим, поупражняться в пользовании карандашом, а для того, чтобы потом прочесть отчёркнутое ученикам. Если подобная грамматическая категория существует хотя бы в одном языке, значит, её нужно ввести в лингвистическую теорию, предусмотреть при составлении каталога грамматических категорий в языках мира.

Для этих целей очень важны недавно появившиеся исследования грамматики не от формы к смыслу, как обычно, а от смысла к форме (такие исследования иногда называют *функциональными грамматиками*). Описывая язык, обычно сначала выделяют по формальным признакам грамматические формы, а потом выясняют, что они значат. Но бывает полезно действовать наоборот: основываясь на уже изученных языках, выделяют возможные значения (временны́е, видовые и т. д.), а затем выясняют, как они в том или ином языке передаются. При этом отмечаются не только грамматические, но и лексические способы выражения таких значений (например, значение прошедшего времени в русском языке выражается не только глагольными формами, но и такими словами, как *вчера*). Исследования по функциональным грамматикам лишь начинаются.

Даже в современном мире существуют абсолютно неизвестные науке языки.

Ещё больше «тёмных мест» в синтаксисе. Например, лишь недавно стало ясно, что привычный строй предложения не универсален. В русском языке в предложениях *Петя спит* и *Петя бьёт Васю* слово *Петя* оформлено одинаково, хотя в одном случае он совершает активное действие *(бьёт)*, а в другом — неактивное *(спит)*. Однако во многих языках мира тот, кто совершает неактивное действие *(спит)*, будет оформлен так же, как и пассивный участник события *(Вася)*. Получается что-то вроде *Петю спит*. А есть языки, где активный деятель, неактивный деятель и пассивный участник события будут оформлены по-разному. Получается, что для многих языков нормальны предложения, в которых есть производитель действия, но нет подлежащего в привычном нам понимании.

В области синтаксиса также необходимо выделить универсальную конструкцию предложения и описать её конкретные варианты в языках мира. Однако сделать это ещё сложнее, чем в морфологии.

Ещё меньше сделано в семантике. В 1940 г. крупный российский языковед профессор Михаил Николаевич Петерсон (1885—1962) писал о научном парадоксе: лингвистика изучает экзотические заимствования, звукоподражания, табу́, но почти ничего не может сказать о самых простых и понятных словах. До недавнего времени о значениях слов вроде *дом, человек, голова, ходить, говорить, даже, кроме* учёные почти ничего не могли сказать. Были известны их история, происхождение, но не значение в современном языке. Положение в семантике стало меняться лишь после «хомскианской революции» (хотя сам Ноам Хомский почти не занимался этими вопросами). Стало ясно, что

значение многих слов нельзя изучать отвлечённо от целых высказываний, от намерений говорящего. Поэтому формальный подход к значениям слов и тем более предложений мало что даёт. Лишь изучая речь человека, можно должным образом описать значения.

ПРОБЛЕМА ИСТОРИИ ЯЗЫКОВ

К началу XX в. была достаточно изучена лишь одна индоевропейская языковая семья, сейчас уже реконструировано развитие значительного числа языковых семей разных континентов. В то же время для многих языков и языковых семей Америки (особенно Южной), Австралии, Новой Гвинеи, Африки пока нет сколько-нибудь достоверных сравнительно-исторических исследований. Даже в хорошо изученных в языковом отношении регионов ещё есть языки загадочного происхождения вроде баскского или айнского, родственные связи которых по-прежнему неизвестны.

Успехи сравнительно-исторического изучения многих семей дали учёным возможность пойти дальше и поставить вопрос о более древней истории языков, о так называемых макросемьях. В России с конца 50-х гг. активно развивается гипотеза, именуемая *ностратической* (от *лат.* noster — «наш»), об очень древних родственных связях между индоевропейскими, уральскими, алтайскими, афразийскими и, возможно, некоторыми другими языками. Позже к ней добавилась *сино-кавказская* гипотеза об отдалённом родстве между китайско-тибетскими, енисейскими, западно- и восточнокавказскими языками. Пока обе гипотезы окончательно не доказаны, но в их пользу собрано много достоверного материала.

КАК УЧАТСЯ НА ЛИНГВИСТА

Наука о языке родилась из филологии — науки о текстах. В древности именно изучение священных или просто очень важных текстов и необходимость толковать их, комментировать, переводить заставляли людей задумываться об устройстве языка, его истории, сравнивать особенности разных языков. И в наши дни в большинстве учебных заведений лингвистов готовят на филологических факультетах — вместе со специалистами по литературе. Хотя надо сказать, что сегодня лингвистика и литературоведение совсем разные науки и даже способностей они требуют от человека различных. Поэтому обычно уже на первом курсе студенты-филологи выбирают специализацию, решают, чем они будут заниматься более углублённо: языком или литературой.

Филологические вузы и факультеты разнообразны. Изучать можно родной язык или иностранный (это разные специальности). Образование может быть теоретическим (готовить к научной деятельности), педагогическим (для будущих учителей) и прикладным (например, для переводчиков). В зависимости от того, какой вид деятельности привлекает человека, можно выбрать университет, педагогический вуз или институт иностранных языков.

Филологическое образование требует от человека большой работоспособности — студентам приходится прочитывать сотни томов специальной и художественной литературы. Библиотека становится для студентов буквально вторым домом. Зато никакая другая специальность не позволяет, читая, например, роман Вальтера Скотта или Александра Дюма, готовиться тем самым к экзаменам. Особенно интересно студентам-филологам на практике, например на фольклорно-диалектологической: они ездят по маленьким деревням в поисках сохранившихся в памяти и языке их жителей ценных для науки данных.

Несколько десятков лет назад, когда стремительное развитие лингвистики показало, что наука эта гораздо более точная, чем думали прежде, родилась идея собственно лингвистического образования. В Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова в 1960 г. появилось отделение структурной и прикладной лингвистики (ныне — теоретической и прикладной), которое готовит специалистов по проблемам теории языка, а также по машинной лингвистике. У студентов этого отделения была особая программа — мало литературы и истории, много теоретических лингвистических дисциплин, математики и работы с компьютером, несколько иностранных языков — и даже особые вступительные экзамены. Именно это отделение закончили многие ведущие современные российские лингвисты. Несколько лет назад Российский государственный гуманитарный университет открыл факультет теоретической и прикладной лингвистики.

К учёбе всегда лучше готовиться заранее. Для школьников, увлечённых лингвистикой, в Москве с 1965 г. проводятся олимпиады по решению лингвистических задач (кстати, большинство помещенных в этом томе задач — олимпиадные). В Подмосковье ежегодно проводится Летняя лингвистическая школа. Школьники разного возраста могут слушать лекции ведущих лингвистов, общаться и соревноваться между собой и даже играть в футбол с настоящими учеными!

Как узнать, есть ли у вас способности к лингвистике? Если вы любите читать, с удовольствием занимаетесь иностранными языками, подмечаете в речи людей любопытные особенности, часто читаете разные словари — скорее всего есть. Если вы, кроме того, любите математику, хорошо решаете лингвистические задачи и с интересом прочли этот том, то стоит подумать серьезно: быть может, ваше призвание — наука о языке.

Если изучение макросемей окажется успешным, неминуемо встанет следующая проблема, которая сейчас кажется фантастичной: существовал ли единый праязык человечества, и если существовал, то каким он был. Такого рода исследования, вероятно, позволят что-то сказать и о происхождении языка. Эта проблема, которая волновала и ещё будет волновать многие умы, пока не поддаётся решению из-за полного отсутствия фактов, пусть даже реконструированных.

Может быть, XXI столетие решит в конце концов задачу, поставленную Евгением Дмитриевичем Поливановым, и общая теория развития языка будет создана.

КАК УСТРОЕН МЕХАНИЗМ ЯЗЫКА?

Трудности в этой области связаны с изучением процессов, происходящих в мозгу человека. Не всякую деятельность мозга можно исследовать напрямую, и информацию получают, наблюдая за речью детей, а также людей, страдающих речевыми расстройствами (афазиями). У ребёнка речевой механизм формируется постепенно, на глазах наблюдателя, а у больного с повреждёнными участками мозга этот механизм частично выходит из строя. В том и другом случае видно, что речевой механизм неоднороден и состоит из различных «блоков», находящихся в разных местах мозга. У ребёнка эти «блоки» начинают функционировать в разное время, а у больного иногда выходит из строя один «блок» при нормальной работе других. Такие исследования на стыке лингвистики, психологии и физиологии ведутся уже несколько десятилетий, в том числе и в нашей стране. Начал их в 40-х гг. известный психолог Александр Романович Лурия.

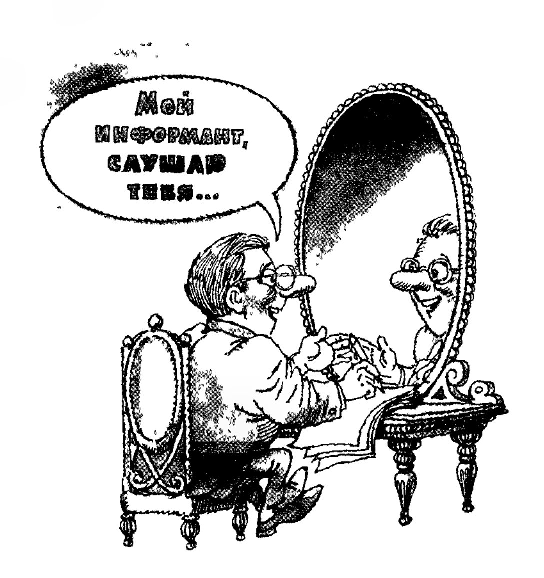
До недавнего времени в лингвистике была принята так называемая концепция «чёрного ящика»: не важно, что происходит у человека в мозгу, задача учёного — изучать то, что человек говорит. Как разобраться в речевой деятельности человека, если прямой доступ к мозгу невозможен? Один из способов — наблюдение над самим собой. Такое наблюдение называется *интроспекцией* (от *лат.* introspectare — «смотреть внутрь»). Каждый лингвист — одновременно и носитель некоторого конкретного языка, и носитель языка вообще. Он сверяет результаты исследований с тем, что хранится в его мозгу. Всегда какие-то решения, даже логически безукоризненные, отбраковываются как интуитивно неприемлемые. Структурная лингвистика, особенно в американском варианте, пыталась ради строгости описания полностью исключить интуицию и интроспекцию из научного оборота. Однако реально опыт лингвиста заменялся опытом другого человека — носителя изучаемого языка. В наше время стало окончательно ясно, что обойтись без самонаблюдения и учёта языковой интуиции нельзя.

Более того, языковая интуиция сама становится предметом изучения. Для того чтобы общаться с помощью языка, недостаточно владеть запасом слов и грамматическими правилами. Общение будет успешным, если строить высказывания так, чтобы слушающий понял их; сокращать их ровно настолько, насколько это возможно; выражать целую гамму оттенков смысла одновременно, привлекая для этого и внеязыковые средства, и многое другое. Лингвисты до сих пор не объяснили, как всем нам удаётся решать задачи такого рода.

НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Новые проблемы легли в основу новых лингвистических дисциплин. Одна из них — *теория речевых актов*. Она изучает говорение как действие — те случаи, когда слово становится делом. Фразы *Я объявляю собрание открытым; Я обещаю выполнить работу к маю; Я лишаю сына наследства* сами по себе являются действиями. Говорящий совершает действие, произнося определённые слова, и в этом состоит содержание его высказывания (подробнее см. статью «Высказывание и диалог»). Поразительно, что лингвистика до недавнего времени не замечала этих высказываний. Между тем они могут многое дать при изучении языка и вооб-

Речевой механизм мозга невозможно наблюдать напрямую.



ще человеческого поведения. Лингвистика здесь смыкается с психологией и социологией.

Ещё одна новая дисциплина — лингвистика пресуппозиций. Как писал один из крупнейших российских языковедов Владимир Андреевич Звегинцев (1910—1988), лингвистика помимо науки о том, как человек говорит, становится также и «наукой о том, как (и почему) человек молчит» (или, точнее, умалчивает). Изучаемые в большинстве традиционных грамматик полные предложения очень часто выглядят неестественно. Они встречаются лишь в учебниках языка да в некоторых особых стилях языка — например, в деловых бумагах, где важно однозначное понимание. Обычно люди говорят совсем не так. Несколько преувеличенно естественная речь передана в старом английском анекдоте, состоящем из трёх разговоров врача с пациенткой:

— *Ожог? — Ушиб. — Компресс.*

— *Лучше? — Хуже. — Ещё компресс.*

— *Лучше? — Здорова. Сколько? — Ничего. Такой немногословной пациентки я ещё не видел.*

Ясно, что обычный лингвистический анализ мало поможет в исследовании подобного диалога. Тем не менее любой носитель русского языка всё прекрасно поймёт. Можно каждое неполное предложение «развернуть» в полное. Например, слово *компресс* в данной ситуации соответствует предложению *Вы должны положить компресс на ушибленное место*, а *сколько* — предложению *Сколько я должна вам заплатить за лечение?* Оба участника диалога обладают некоторой общей суммой знаний, которую отнюдь не нужно выражать словесно. Такие невыражаемые, однако существенные для говорящих и слушающих знания называются в лингвистике *пресуппозициями* (от *лат.* prae — «впереди», «перед» и suppositio —

ГДЕ РАБОТАЮТ ЛИНГВИСТЫ

Лингвистика за несколько последних десятилетий превратилась из далёкой от жизни науки в одну из самых перспективных областей знания. Человечество входит в новую эпоху — эпоху информации. Поэтому нужны люди, знающие принципы устройства знаковых систем, умеющие собирать, систематизировать и обрабатывать информацию. Появилось много новых прикладных лингвистических специальностей: составление баз данных, машинный перевод.

В то же время в современном демократическом обществе не приняты силовые методы воздействия на людей, а значит, всё большую роль играют слово, убеждение. Умелое использование лингвистических знаний сегодня может приносить деньги (благодаря точной рекламе) и власть (путём воздействия словом на избирателей). Это ставит лингвистов перед серьёзными этическими вопросами. Власть слова над человеком может быть использована во зло, а может — во благо. Новые направления науки на стыке лингвистики и психологии помогают людям избавиться от страхов и противостоять стрессам и депрессиям, найти выход из сложной жизненной ситуации.

Большинство людей с филологическим образованием заняты в прикладных областях — обучают детей, составляют словари, издают книги, переводят с иностранных языков, работают в музеях и архивах и т. п. После того как рухнул «железный занавес» и связи с другими странами начали стремительно развиваться, в России стало цениться хорошее знание иностранных языков. Издательский бум последних лет привлёк множество филологов в издательства и редакции газет.

Лингвисты изучают и описывают малоизвестные языки, сохраняют для истории сведения об исчезающих диалектах, составляют полные и точные грамматические справочники и словари, а также языковые компьютерные базы данных, разрабатывают письменности для бесписьменных народов, новые методики обучения родному и иностранному языкам, шифруют тексты и даже пишут послания инопланетянам — вот далеко не полный список задач современной лингвистики. Они находятся на стыке прикладного и теоретического языкознания.

Лишь немногие учёные занимаются сегодня «чистой» лингвистикой, работая в научно-исследовательских институтах или университетах. Это естественно: много теоретиков просто не нужно. Однако именно на находках и открытиях теоретического языкознания основано в конечном итоге всё множество практических возможностей, которые предоставляет лингвистика человечеству.

ИВАНА ПРОСТИЛИ

Сравните близкие по значению предложения (1), (2) и (3):

(1) *Думаю, что Ивана простили.*
(2) *Боюсь, что Ивана простили.*
(3) *Надеюсь, что Ивана простили.*

Все они выражают некоторую долю уверенности говорящего в событии *Ивана простили*, но, кроме того, во (2) и в (3) выражено отношение говорящего к этому событию: отрицательное во (2) и положительное в (3). Смысловые различия между (1), (2) и (3) очевидным образом связаны со словами *думать, бояться* и *надеяться*. В отличие от *думать* слова *бояться* и *надеяться* заключают в своём значении оценочную пресуппозицию говорящего: *X боится, что P* — 'я считаю, что *P* плохо'; *X надеется, что P* — 'я считаю, что *P* хорошо'.

Слов, находящихся в таких же смысловых отношениях, как *думать — бояться — надеяться*, в русском языке не так уж мало. Ниже приводится таблица, устроенная следующим образом: слова или словосочетания, стоящие в одной строке в первых трёх столбцах, должны различаться по значению только оценочными пресуппозициями: нейтральное отношение — отрицательная оценка — положительная оценка события, выраженного подчинённой им фразой (предложением или словосочетанием). Пример такой фразы содержится в четвёртом столбце таблицы.

Отношение к событию *P* не выражено	Отношение к событию *P* отрицательное	Отношение к событию *P* положительное	Пример фразы, выражающей событие *P*
довелось	███		*видеть это*
		подвигнуть на	*такой поступок*
дойти до			*такого положения в обществе*
███		*к счастью*	*он не понимал по-русски*
произошло		███	*нечто неожиданное*
		пожертвовал	*привычкой читать лёжа*

Заполните пустые (незатемнённые) клетки таблицы. У некоторых клеток может быть несколько вариантов заполнения. В этом случае постарайтесь привести как можно больше вариантов.

(Обратите внимание: примеры в четвёртом столбце таблицы приводятся в такой форме, чтобы они сочетались со словами, данными в первых трёх столбцах. Слова или словосочетания, предлагаемые вами для заполнения клеток в первых трёх столбцах, могут требовать и несколько другой формы отдельных слов при описании события *P*, например другого падежа существительного *привычка* в последней строке.)

«предположение»). Роль пресуппозиций исключительно велика в бытовой речи, что даёт возможность значительно сокращать произносимое. Она гораздо меньше при интеллектуальном общении (например, когда учёный излагает научную концепцию или учитель объясняет новый материал). Но и здесь какая-то общность пресуппозиций необходима, иначе люди не поймут друг друга.

Пресуппозиции могут скрываться в значениях слов. В этом случае значение делится на две части: утверждаемую (*ассерцию*) и пресуппозиционную. Так, в значении слова *холостяк* компонент 'не состоящий в браке' относится к утверждаемой части, а компоненты 'лицо мужского пола' и 'достигший брачного возраста' — к пресуппозиционной. Различие между этими частями проявляется при отрицании, которое воздействует на утверждаемую часть, не затрагивая пресуппозиции. Так, говоря *Валя не холостяк*, мы не отрицаем того, что Валя — взрослый мужчина.

Пресуппозиции заключаются не только в опускаемых словах. В предложении *Я приду к тебе* ничего прямо не опущено, но в зависимости от ситуации оно может содержать в себе простое сообщение, обещание, угрозу или ещё что-то. Изучая пресуппозиции, необходимо выйти за рамки языкового материала и учесть все условия, в которых говорящий и слушающий общаются с помощью языка, а также их психологию.

Лингвист уже не может ограничиться анализом изолированных предложений, он должен уметь изучать целый текст. Одно из перспективных направлений современной науки о языке — *лингвистика текста*. Она изучает правила, по которым строится связный текст: способы связи (прежде всего семантической) между предложениями, средства, позволяющие начать текст, сменить его тему или, наконец, завершить его, и т. д.

ЛИНГВИСТИКА И ЖИЗНЬ

Теория речевых актов, лингвистика пресуппозиций, лингвистика текста — все эти новые области науки о языке имеют несомненное прикладное значение. Один из примеров — реклама, столь агрессивно вторгающаяся в жизнь современных людей. Чтобы реклама была действенной, нужно уметь её правильно делать. И сейчас рекламные агентства активно используют услуги лингвистов. Рекламу можно рассматривать как частный случай речевого воздействия на чело-

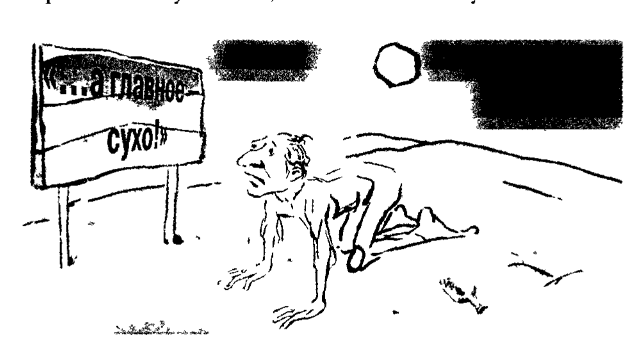
Одна из актуальных задач лингвистики — разработка языка общения человека и машины

века. Таковы же политическая агитация и пропаганда тех или иных норм поведения, например призыв мыть руки перед едой или не переходить улицу на красный свет. Существует специальная область лингвистики, тесно связанная с психологией, — *теория речевого воздействия.* Любые хорошие идеи можно скомпрометировать неумелой их пропагандой и, наоборот, откровенная демагогия может быть очень красиво «упакована» Теория речевого воздействия изучает именно правила «упаковки» независимо от передаваемого содержания.

Вплоть до начала XX столетия казалось, что лингвистика — оторванная от жизни наука. Теперь она всё больше служит практическим потребностям. Её заслуги — и рациональные методы преподавания иностранных языков, и разработка машинного перевода, и подготовка орфографических реформ, и выработка языковой политики. Пожалуй, самое главное сейчас — общение человека с машиной. В 40—50-х гг., когда была создана первая вычислительная техника, казалось, что это задача инженеров и математиков. Но выяснилось, что люди и машины слишком часто не понимают друг друга. Чтобы разработать язык общения человека и машины, надо знать, как устроен язык, на котором общаются люди. Следовательно, развитие компьютерной техники невозможно без участия лингвистов.

Отношения между теорией и практикой всегда двусторонние. Практика нуждается в теории, но и сама ставит перед теорией вопросы, двигающие её вперёд. Создание новых алфавитов в бывшем СССР потребовало развития фонологии, потребности агитации и рекламы ведут к разработке теории речевого воздействия и, конечно, много нового в теоретической лингвистике появилось благодаря развитию компьютерной техники и информатики.

Даже начатое когда-то Гумбольдтом изучение национальных картин мира может иметь прикладной аспект. Сейчас американская реклама, наполненная словом *современный* и образами из жизни гигантского города, распространяется по всему миру. Но оказалось, что в Австрии, например, она часто не даёт эффекта Эта страна довольно консервативна, здесь ценятся слова и образы, связанные с нетронутой природой. Поэтому в австрийской рекламе ключевое слово — *традиция,* и американская картина мира не принимается Тем более неоднозначно американская реклама воспринимается в России или где-нибудь в Африке. Другой современный пример. Президент России Борис Николаевич Ельцин на встрече с японским премьер-министром Рютаро Хасимото заявил: «Будем называть друг друга только по именам: Борис и Рю». Он хотел, чтобы между ними установились более доверительные отношения Никто не подсказал президенту, что так можно говорить с американцем, немцем, но не с японцем. Японца, если он взрослый мужчина, по имени могут называть



Реклама должна учитывать местные особенности

ИВАНА ПРОСТИЛИ

Отношение к событию *P* не выражено	Отношение к событию *P* отрицательное	Отношение к событию *P* положительное	Пример фразы, выражающей событие *P*
довелось		***посчастливилось***	*видеть это*
побудить к, склонить на	***подбить на, подстрекнуть к***	*подвигнуть на*	*такой поступок —* ***такому поступку***
дойти до	***докатиться до, опуститься до***	***подняться до***	*такого положения в обществе*
	к несчастью, к сожалению	*к счастью*	*он не понимал по-русски*
произошло	*стряслось*		*нечто неожиданное*
расстался с, отказался от	***избавился от***	*пожертвовал*	*привычкой читать лежа —* ***привычки читать лёжа***

Эта задача интересна тем, что «абсолютно правильного» решения ее не существует. Языковое чутьё разных людей может значительно различаться, и то, что правильно для одного носителя языка, другому может показаться сомнительным и даже неверным. Например, очевидно, что в третью строку должен быть помещен глагол *толкнуть на,* однако одни признают правильность выражения *толкнуть на героический поступок,* другие — нет. Таким образом, этот глагол заносят либо в первую колонку, либо во вторую.

только старшие члены семьи: родители или старшие братья. Фраза возымела обратное действие по сравнению с ожидаемым.

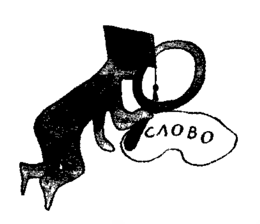
Имеет практическое значение и проблема пресуппозиции Обучаясь иностранному языку, сравнительно нетрудно запомнить слова и грамматические конструкции, но гораздо сложнее освоить то, о чём принято обычно умалчивать в иноязычном обществе. Проблема пресуппозиций встаёт и при автоматическом переводе, и при любом диалоге человека с машиной. Как научить машину понимать пресуппозиции, необходимые для восприятия текста? Как передать машине картину мира? Эти вопросы поставлены, но пока не решены. Фактов накоплено много, однако до создания теории ещё очень далеко.

И ОПЯТЬ МЫСЛЬ И ЯЗЫК

С проблемой картин мира тесно связана и другая вечная проблема — проблема языка и мышления. Очевидна прямолинейность многих прошлых представлений о том, что язык лишь пассивно отражает действительность. Язык — не зеркало мысли, мысль не только высказывается при помощи языка — она от него зависит, язык не только её оформляет, но и формирует. Отграничение языка от мысли, господствовавшее в структурной лингвистике, позволяет изучить язык лишь до определённых пределов

Проблема языка и мышления, как и многие другие фундаментальные проблемы, не может быть решена средствами одной лингвистики. Становится ясно, что лингвистика — это лишь часть комплексной науки о мыслительной деятельности человека. В эту науку входят и психология, и логика, и теория познания, и вычислительная математика. При таком понимании лингвистики из науки о правилах языка она должна превратиться в науку, изучающую человеческую деятельность. Лингвистика изучает теперь не только мыслительную деятельность человека, но и его социальную деятельность. Помимо комплексной науки о человеке лингвистика входит и в комплексную науку об обществе.

Обе большие науки только начинают создаваться. О языке известно, пожалуй, больше, чем о многих других видах человеческой деятельности, но всё ещё очень мало. Мы лишь частично можем ответить на вопрос о том, как человек говорит, и почти ничего не в состоянии сказать о том, почему и для чего он это делает. Решение фундаментальных проблем науки о языке — дело будущего.



Язык в мире людей

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА

В течение веков человечество волновал и продолжает волновать вопрос, как и почему люди начали говорить Этот вечный и интересный вопрос, однако, не поддавался и не поддаётся научному решению

Никто и никогда не наблюдал, как появляется язык Даже язык самых близких к человеку животных – обезьян, который оказался гораздо сложнее, чем представлялось ещё недавно, по двум важнейшим свойствам отличается от человеческого.

Первое свойство в науке называется *двойным членением*. Этот термин ввёл выдающийся отечественный исследователь финно-угорских языков Дмитрий Владимирович Бубрих (1890—1949) Высказывания человеческого языка делятся на части, обладающие значением (предложения, слова, морфемы); они могут различным образом комбинироваться. Эти части в свою очередь делятся на элементы, значением уже не обладающие звуки (фонемы), слоги. Каждая значимая единица состоит из незначимых, последние могут комбинироваться разными способами, образуя значимые единицы. Именно благодаря двойному членению количество высказываний, произносимых человеком, практически бесконечно. А у животных нет двойного членения, каждый сигнал значим. У человекообразных обезьян уже есть сложные «высказывания», состоящие из отдельных «слов», но дальше эти «слова» делиться не могут. Поэтому количество обезьяньих «высказываний» очень ограниченно Второе отличие устройство гортани у обезьян и других млекопитающих не позволяет произносить звуки человеческой речи. На это, как известно, способны некоторые птицы, но они лишь имитируют человеческую речь, не осознавая сути произносимого.

Когда-то разрыв между «языками» животных и человеческим языком был преодолен, но науке до сих пор неизвестно, как это произошло

Напротив, все известные в наши дни и в древности языки, начиная от языков великих цивилизаций и заканчивая языками самых отсталых племён, принципиально сходны. Все они звуковые (жестикуляция играет лишь вспомогательную роль), все обладают двойным членением, во всех есть первичный набор звуковых элементов (фонем), которые для каждого языка можно сравнивать по единым основаниям (гласные — согласные и т. д.), везде есть морфемы, слова, предложения

Между «языками» животных и языками людей есть качественный разрыв, и нет данных о том, как этот разрыв мог быть преодолён Не помогает здесь и сравнительно-историческое языкознание Уже сейчас лингвисты вышли в своих реконструкциях в доисторическую эпоху реконструированы языки, на которых говорили намного раньше, чем на Земле появилась письменность Но все они принципиально

ЗНАКИ ЖИВОТНЫХ

У животных осязание и обоняние развиты гораздо лучше, чем у людей. Поэтому осязательные и обонятельные знаки в общении животных встречаются чаще и играют более значительную роль. Многие насекомые помечают свой путь определенным запахом, который позволяет их сородичам повторить тот же путь. Дикие животные, например медведь, метят территорию, где живут и кормятся, чтобы отпугнуть чужака, показать, что она уже занята. Для этого они трутся о деревья и камни, оставляя на них клочья шерсти, сохраняющие их запах. Контакт между животными часто устанавливается с помощью касания, потирания друг о друга.

Животные пользуются и слуховыми знаками. Это крики птиц, рев медведя, рычание тигра, трубный зов слона, воркование голубей. Используя слуховые знаки, животные передают информацию, предупреждают об опасности, зовут друг друга. Общаются они и с помощью зрительных знаков: поз и телодвижений (например, позы угрозы, опасности или покорности).

не отличаются от реально известных. Все свойства, перечисленные ранее, реконструируются и для них. Никто не видел праиндоевропейцев и не может стопроцентно утверждать, что они говорили, а не пользовались, скажем, чем-то вроде языка жестов глухонемых. Однако реконструкции этого языка не дают основания подвергать сомнению его звуковой характер.

Поэтому все имеющиеся гипотезы о происхождении языка умозрительны. Они основываются на одном из трёх постулатов: либо язык получен от высших сил, либо древние люди вели себя так, как вели бы себя наши современники, если бы почему-то не имели языка, либо язык возник у человечества таким же образом, каким он появляется у каждого отдельного человека.

ДАР БОГОВ

Древнейшие представления о происхождении языка так или иначе основаны на идее получения людьми языка от каких-то высших сил. В египетском тексте, составленном около середины III тыс. до н. э., говорится, что творцом речи и «имени всякой вещи» был верховный бог Птах. Позднее в истории Древнего Египта религии не раз менялись, но всегда главному из богов приписывалось создание языка и дарование его людям. В древнейшем индийском памятнике Ригведе (около X в. до н. э.) говорится о «творцах — установителях имён». Арабы считали, что язык получен человеком от Аллаха, который знакомил с этим священным даром людей не сразу, а по частям. Лишь последний и самый великий из пророков Мухаммед получил от Аллаха весь язык (поэтому священный язык Корана никак нельзя изменять). Представления о божественном происхождении языка были и у многих других народов.

Иногда, впрочем, человек создавал язык сам, но опять-таки под наблюдением высшего существа. В Библии (Быт. 2.19—20) сказано: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым...». Однако в той же Библии раньше неоднократно употребляется формула: «И сказал Бог». Значит, Бог уже обладал языком изначально. Тем самым язык оказывается совместным созданием высшей силы и человека. Сходный взгляд существовал и у арабских учёных: они считали, что основу языка дал Аллах, но многие слова затем придумали люди.

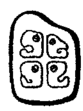
Таким же образом объяснялось и то, что на Земле существует много языков. В Древнем Египте во времена фараона Аменхотепа IV (Эхнатона; 1368—1351 гг. до н. э.) считалось, что бог Атон вкладывает речь в уста каждого младенца и так же наделяет каждый народ своим языком. А в Библии говорится о Вавилонском столпотворении: Бог «смешал языки» жителей Вавилона, попытавшихся состязаться с ним, воздвигая башню высотой до небес. В этой легенде отразился и облик древнего Вавилона, центра торговых путей, где звучала речь на многих языках.

Во всех религиозных концепциях язык, по крайней мере в главных своих чертах, неизменен и появляется сразу таким, каким он существует сейчас. Позже люди могут только портить и забывать божественный дар либо в лучшем случае добавлять к существующим словам ещё что-то. Религиозные концепции происхождения языка отражают при всей их наивности один реальный факт: человеческий язык — особый дар, и в природе ничего сходного нет. «Языки» животных слишком непохожи на него.

ДЕЛО ЛЮДЕЙ

Первые сомнения в божественном происхождении языка (как и в божественном устройстве мира вообще) появились в античном мире. Древнегреческие и древнеримские мыслители (Демокрит, Эпикур, Лукреций и др.) пришли к выводу, что язык создали сами люди без участия

Первые попытки научного подхода к проблеме возникновения языка были сделаны в античном мире.



Первоначально люди жили, говорят, неустроенной и сходной со зверьми жизнью, выходили вразброд на пастбища и питались вкусной травой и древесными плодами. При нападении зверей нужда научила их помогать друг другу, и, собираясь вместе от страха, они начали постепенно друг друга узнавать. Голос их был еше бессмысленным и нечленораздельным, но постепенно они перешли к членораздельным словам и, установив друг с другом символы для каждой вещи, создали понятное для них самих изъяснение относительно всего. А так как такие объединения имели место по всему миру, то язык оказался не у всех равнозвучным, поскольку каждые случайным образом составляли свои слова: отсюда разнообразие в характере языков, а первоначально возникшие объединения положили начало всем племенам.

(Из трактата Диодора Сицилийского «Историческая библиотека».)

Мы научаемся именам в большей или меньшей мере кто от отца, кто от матери. Если же кто не уверен в том, что мы вообше научаемся именам, и (думает), что мы рождаемся со знанием их, пусть он убедится на основании следующего: если кто новорожденного ребенка отошлет в Персию и там вырастит не слышашим эллинского языка, то ребенок будет говорить по-персидски; а если кто оттуда доставит сюда — то по-эллински. Так мы научаемся именам, а учителей не знаем.

(Из анонимных трактатов V в. до н. э. по теории языка и стиля.)

Только человек из всех живых существ одарен речью. Голос, которым можно выразить печаль и радость, свойствен и остальным животным, потому что их природные свойства развиты все-таки до такой степени, чтобы ощушать радость и печаль и передавать эти ощушения друг другу. Но речь способна выражать и то, что́ полезно и что́ вредно, равно как и то, что́ справедливо и что несправедливо.

(Из трактата Аристотеля «Политика».)

И наконец, почему удивительным может казаться.
Что человечество, голосом и языком обладая,
Под впечатлением разным отметило звуками вещи,
Если скоты бессловесные даже и дикие звери
Звуками разными и непохожими кликать привыкли
В случаях тех, когда чувствуют боль, опасенье
и радость?..
Стало быть, если различные чувства легко могут вызвать
У бессловесных зверей издавание звуков различных,
То уж тем более роду людей подобало в ту пору
Звуками обозначать все несхожие, разные вещи.

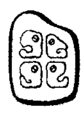
(Из поэмы Тита Лукреция Кара «О природе вещей».)

богов. Тогда же и были высказаны многие концепции происхождения языка. Распространение христианства вновь привело к победе представлений о божественном происхождении языка, но в XVII—XVIII вв. они стали подвергаться сомнению, а античные концепции начали возрождаться. Появление в европейских странах научной картины мира и исторического подхода к изучению человеческого общества привели к тому, что мыслители XVII и особенно XVIII вв. начали искать новые объяснения появления языка. Любопытно, что такие идеи возникли раньше теории Чарлза Дарвина о происхождении человека от обезьяны. Человек ещё считался Божьим творением, но творение языка уже рассматривалось как дело человеческое. К XVIII в. окончательно стало ясно, что языки меняются, что не все языки мира существуют изначально, что одни языки произошли от других Естественно было сделать ещё один шаг и предположить, что каждый язык когда-то появился впервые.

Однако представления о прошлом человечества и в античности, и в Новое время были ещё слишком упрощёнными. Казалось, что, несмотря на все исторические изменения, сущность человека постоянна; она может искажаться, но не может стать другой В XVIII в. ещё думали, что достаточно осознать законы разума, и всё прояснится. Реально же под «неизменной» сущностью скрывались привычки и предрассудки человека той или иной конкретной исторической эпохи.

И в античности, и в Новое время мыслители как бы ставили себя на место первобытного человека и думали, что бы они делали, если бы не умели говорить и хотели создать язык. В XVIII в. концепции такого рода стали предметом горячих споров и дискуссий. За последние два века их круг почти не расширился.

Самыми популярными были три концепции. Первая из них — звукоподражательная. Язык возник из подражания звукам природы: не имея вначале собственного языка, люди имитировали грохот грома, журчание ручья, шум ветра и дождя и, разумеется, голоса различных животных. Аргументом в пользу этой идеи считается наличие едва ли не в любом языке звукоподражательной лексики вроде русских *кукушка, хрюкать, гавкать* и т. д. Однако звукоподражательная теория вызвала сомнения уже в античности. Философ V в. до н. э. Горгий говорил, что звук не может передать что-либо ему неоднородное, например цвет У Платона сказано, что назвать петуха и прокукарекать — это не одно и то же. Как из звукоподражаний можно получить дру-



гую, бо́льшую часть слов, неясно. А слов типа *кукушка* в любом языке не так уж много. К тому же, по-видимому, это не древнейшие, а сравнительно новые слова

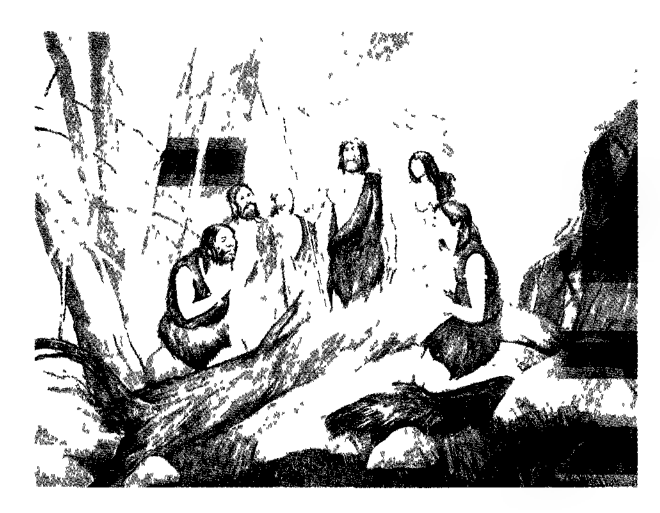
Другая концепция получила название концепции «общественного договора». Одним из первых ее выдвинул греческий ученый I в. до н э Диодор Сицилийский. Римский учёный I в. н. э Витрувий в своем знаменитом трактате «Десять книг об архитектуре» писал, что язык появился тогда, когда люди собрались возле порождённого молнией огня «Так как на этом сборище людей раздавались различные, производимые дыханием голоса, то под воздействием ежедневного навыка люди установили слова, какие пришлось, и затем, обозначив часто употребляемые вещи, начали, как это получилось самопроизвольно, говорить и так создали между собой речь».

В XVIII в. аналогичные идеи выдвинул знаменитый французский философ Жан Жак Руссо, которому принадлежит и само выражение «общественный договор» Поддержал эту концепцию в том же XVIII в. основатель политической экономии англичанин Адам Смит. Руссо и Смит считали, что первобытные люди когда-то договорились между собой о том, как пользоваться языком Язык был изобретен сознательно, а затем люди объединили свои усилия, и сложились единые правила пользования им

Авторы таких идей ориентировались прежде всего на то, как в современную им эпоху решался вопрос о норме языка. Учёные и целые учреждения вроде Французской академии тогда спорили и договаривались о том, что включать в норму «правильного» литературного языка, а что нет; находили компромиссы. Тогда предпринимались и первые попытки создать от начала и до конца целый язык, который мог бы стать международным (позже так появился язык эсперанто). Однако ясно, что всё это возможно, лишь если человек уже владеет каким-то языком. Концепция «общественного договора» ставила человека, уже обладающего достаточно высокой культурой, на место человека, который языка не имел.

Третья концепция, столь же умозрительная, но, пожалуй, наименее фантастическая, состоит в том, что человеческий язык произошёл не от звуков, воспринимаемых извне, а от звуков, произносимых самими людьми Любой человек может производить бессознательные и нечленораздельные выкрики, выражающие те или иные эмоции Некоторые элементы языка вроде междометий похожи на нечто промежуточное между такими выкриками и речью. Эта концепция тоже зародилась в античности Итак, по происхождению звуки речи аналогичны звукам, издаваемым животными; только человеческая речь сложнее

Позже эту концепцию развили английский философ конца XVII в. Джон Локк и французский учёный XVIII в Этьенн Бонно де Кондильяк. По их мнению, люди вначале издавали лишь бессознательные звуки, а затем постепенно научились контролировать их произнесение Параллельно с контролем над языком развивался и контроль над умственными операциями. Большое место отводилось языку жестов. Считалось, что первобытные люди лишь дополняли звуками жестикуляцию, а затем постепенно перешли на звуковую речь



Согласно теории общественного договора язык был изобретен сознательно

В XVII в сложилось представление о связи формирования языка с развитием человеческого мышления

ЯЗЫКИ ЖЕСТОВ И... ГОВОРЯЩИЕ ОБЕЗЬЯНЫ

Многие учёные считают, что передача сообщений с помощью жестов и пантомимы предшествовала возникновению звукового языка. Первые жестовые знаки изображали действия, указывали на предметы — иначе они не были бы узнаваемы, понятны. Жесты нередко сопровождались звуками, дополняющими образ, или выкриками, возгласами, выражающими призыв, радость, страх. Вождь мог жестами отдавать распоряжения; с помощью пантомимы охотник мог «рассказать» об удачной охоте; можно было также «разыграть» удачную охоту перед предстоящей — чтобы она имела успех. Так, по-видимому, складывались ритуалы.

Жесты, однако, не всегда удобны для передачи сообщений. Они должны быть замечены — значит, бессмысленно их использовать в темноте или если на тебя не смотрят. Звуки, сопровождавшие жест, постепенно перетягивали на себя основную роль — смысл закреплялся за звуком. Таким образом, по предположениям учёных, появился звуковой язык — так мы используем его и сейчас: звуки сопровождаем жестами.

Но по крайней мере в двух случаях жесты остаются основным способом общения: для тех, кто не слышит звуков, и для говорящих на разных языках.

Как средство межплеменного общения язык жестов был распространён у индейцев Северной Америки в конце XIX столетия; предполагают, что его использовали около 100 тыс. человек. С распространением английского языка роль языка жестов значительно уменьшилась.

Основную роль в жестовом языке играют, естественно, руки — важно, что они показывают, как движутся, где расположены. Так, в языке индейцев Северной Америки указательный палец правой руки, направленный на собеседника (остальные сжаты в кулак), означает «ты», поднятый вверх — «человек», два движущихся навстречу и соприкасающихся кончиками указательных пальца — «встретить», два скрещенных указательных пальца — «лагерь», скрещивание рук с поднятыми указательными пальцами — «торговля». Такой язык мог обеспечить необходимый минимум общения — обычно подобные языки содержали от нескольких десятков до нескольких сотен знаков.

Жестовые языки используются и тогда, когда речь запрещена: среди монахов-траппистов, давших обет молчания; у юношей некоторых австралийских племен в период подготовки к ритуалу вступления во взрослую жизнь.

У глухих используются два типа жестовых языков: пальцевая азбука и знаковый язык жестов. Они могут дополняться характерными движениями губ и соответственно чтением по губам. Некоторые системы сочетают эти способы. Пальцевая азбука — это перевод национального языка в жестовую форму; пальцами условно изображаются буквы алфавита. Существуют разновидности пальцевой азбуки и для слепоглухонемых: говорящий передаёт знаки своей рукой, используя ладонь и пальцы слушающего. Освоив такую азбуку, открыли для себя мир слов американка Елена Келлер и россиянка Ольга Скороходова, ставшие известными учёными. Собственно знаковые языки жестов — это самостоятельные, довольно сложные и развитые языки со своей грамматикой и богатым словарным составом, гораздо более сложные, чем лаконичные языки индейцев. В каждой стране существует свой знаковый язык жестов. В Америке такой язык на-

ЖЕСТЫ ПРИВЕТСТВИЙ

Современный человек, владеющий звуковым языком, вполне мог бы обходиться без жестов. Однако не обходится. Есть ситуации, где слова требуется подкрепить жестами, а иногда жесты предпочтительнее, чем слова. Во всём мире аплодируют в театре (правда, по-разному: складывая ладони пальцами друг к другу — на Востоке, или скрещивая их — в Европе), гладят ребёнка по головке, жмут друг другу руки, здороваясь или прощаясь. Впрочем, здороваться и прощаться можно тоже по-разному: можно кивнуть головой, можно помахать рукой, улыбнуться, раньше были приняты поклоны (при этом снимали шляпу) и реверансы, женщинам целовали руки — и сейчас эти жесты используются в определённых ситуациях: например, в строго официальной обстановке или в театре. У венгров до сих пор одно из распространённых приветствий звучит: *Целую ручки*.

Жесты приветствия и прощания часто совпадают, потому что по сути имеют общее содержание: это знаки «величания» либо выражения дружелюбия, они нужны и в начале общения, и в конце. Знаками «величания» выражают своё уважение, почтение к собеседнику (*реверанс* по-французски, кстати, и значит ‘уважение’), жестом подчёркивая дистанцию: склоняясь, снимая шляпу, на Востоке падая ниц. Открытые ладони при рукопожатии выражают дружелюбие. В современной жизни, правда, приветствие (кивок головы) все больше становится просто знаком узнавания и потому не требует повтора.

Есть жесты, характерные для какого-то народа: китайцы раньше, здороваясь, пожимали руки не друг другу, а каждый себе; индийцы складывали ладони перед грудью; лапландцы здоровались носами; европейцы часто обнимаются в знак приветствия.

Особые приветствия используют и определённые социальные группы людей: военные отдают честь (в армиях разных стран — по-разному); члены тайных обществ имеют свои особые тайные знаки приветствия. Среди тайных знаков любопытный жест — скрещённые пальцы. Дети используют его, говоря неправду, как бы снимая с себя ответственность за ложь (считается, что этот знак снимает грех лжи). Это очень

зывается «амслен» (American Sign Language), и он совсем не похож на британский язык жестов, используемый в Англии. Амслен считается четвёртым по распространенности языком в США после английского, испанского и итальянского. На нем разговаривают более полумиллиона человек, а также... некоторые обезьяны.

Самая знаменитая из говорящих обезьян — шимпанзе Уошо — начала обучаться амслену в возрасте 11 месяцев, когда была взята на воспитание в семью английских исследователей Гарднеров. Не удававшиеся ранее попытки обучить обезьян звуковому языку навели исследователей на мысль испробовать язык жестов. Обезьяну обучали простым жестам, демонстрируя предметы и одновременно складывая ее руки соответствующим образом. К двум годам Уошо могла составить десять простейших фраз, сочетая знаки; к четырем годам — уже 245 фраз из трех и более знаков; в пять лет она давала правильные ответы на 12 типов вопросов. В целом усвоение языка обезьяной было вполне сопоставимо с усвоением его ребенком, хотя она начала учиться позднее (английские дети обычно усваивают первые десять слов к 15 месяцам, 50 слов — к концу второго года жизни).

Может показаться, что речь идет о дрессировке умного животного, способного запомнить и соотнести несколько знаков для предметов с самими предметами — яблоком, водой, птицей. Но нет! Способы, которыми Уошо употребляла слова, доказывали иное: она расширяла значения слов, используя их в новых ситуациях: водой могла назвать сок и бутылку с вермутом, водяной птицей — лебедя. Она усваивала не только предметные, но и абстрактные знаки, например: «еще!», «хотеть», «нет». Рассердившись на служителя, который не давал ей пить, она выругала его: «Грязный Джек!» (слово грязный она знала в значении 'запачканный').

В 1979 г. в 14 лет, работая в Вашингтонском университете, Уошо усыновила детеныша — десятимесячного Лулиса — и стала сама с успехом обучать его языку людей.

Умница Уошо не единственная гениальная обезьяна. По специальным методикам обучаются амслену и другие обезьяны; их успехи в общем сравнимы с достижениями Уошо. Что интересно, они пытаются использовать амслен не только разговаривая с людьми, но и общаясь друг с другом. Существует шутка: обезьяны могут научиться говорить, но не хотят, чтобы их не заставили работать. Интересно, что захотят рассказать нам обезьяны, выучившись языку?

Поговорить бы с кем-нибудь...

древний знак. Когда-то он был тайным знаком, символизирующим крест, по которому первые христиане узнавали друг друга. Потом он приобрел общий смысл оберега — знака, оберегающего от зла. В нашем столетии он стал использоваться и как пожелание удачи.

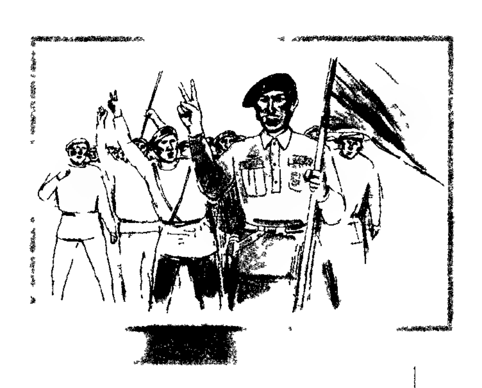
Существуют жесты приветствия, объединяющие единомышленников. Один из самых распространенных жестов такого рода — знак «V», символ победы. Это жест, образуемый указательным и средним пальцами руки, отвёрнутой от говорящего. Он появился в годы Второй мировой войны, предложил его диктор бельгийского радио Виктор де Лавелье. Он выбрал этот знак, потому что это первая буква фламандского слова *vrijheid*, а также французского *victoire* и английского *victory*, что значит «победа». Лавелье призвал всех рисовать повсюду этот знак как символ победы над оккупантами. Очень скоро, завоевав популярность в Бельгии, знак «V» перебрался во Францию. Вскоре он был переведен в азбуку Морзе (· · · –). В таком виде он очень напоминал начало Пятой (V!) симфонии Бетховена, знаменитую «тему судьбы». Его теперь не только рисовали на стенах, но и насвистывали на улицах.

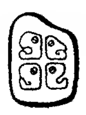
Оккупанты пытались бороться с этим знаком, применяя репрессии к тем, кто его рисовал. Однако это не помогало!

В Великобритании этот знак распространился благодаря премьер-министру Уинстону Черчиллю, который назвал его «приветствием победы».

В нашей стране с «приветствием победы» долгое время соперничал знак солидарности с испанскими антифашистами *¡No pasaran!* («Они не пройдут!») — поднятый кулак согнутой в локте правой руки.

В 1988—1991 гг. знак победы использовали сторонники карабахского движения в Армении, а в 1994—1996 гг. — чеченцы.





Идеи Дж. Локка и Э. де Кондильяка были важнейшим шагом вперёд по сравнению с концепцией «общественного договора»: формирование языка теперь связывалось с развитием человеческого мышления. Становление языка рассматривалось не как единовременный акт, а как исторический процесс, занимавший длительное время и имевший этапы. Тем самым эта концепция была в наибольшей степени противопоставлена традиционной библейской. Однако и новая точка зрения не подтверждалась никакими фактами. Ничего конкретного о ранних этапах становления человеческого языка и мышления всё равно не было известно.

В XVIII и в первой половине XIX в. был предложен новый критерий, казавшийся объективным: среди человеческих языков есть более развитые и более «примитивные», стоящие ближе к первобытному языку. В качестве критерия развитости выдвигалась степень морфологической сложности. Считалось, что чем язык в этом отношении проще, тем он примитивнее. Эти идеи развивал Вильгельм фон Гумбольдт. Античная эпоха тогда ещё считалась временем мудрости человечества, и сложность греческой и латинской морфологии этому, казалось бы, соответствовала. Но одним из самых «примитивных» языков по этой теории оказывался китайский, язык развитой культуры, тогда как многие языки «отсталых» народов имеют гораздо более сложную морфологию.

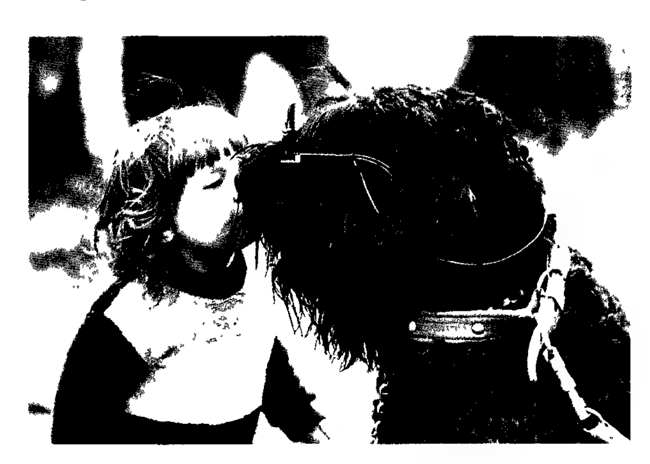
Со второй половины XIX в. наступило всеобщее разочарование в попытках решить проблему происхождения языка. Стало ясно, что степень морфологической сложности языка не позволяет говорить о том, насколько этот язык близок к «первобытному». А никаких других доказательств какой-либо из существовавших гипотез не было. И тогда Французская академия объявила, что больше не рассматривает работы по происхождению языка; это решение сохраняет силу по сей день. В XX в. лингвисты почти перестали заниматься этой проблемой; несколько больше она привлекает психологов и историков первобытного мира.

РЕБЁНОК И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

К началу XX в. стало ясно, что первобытные люди, не имевшие языка, не могли мыслить и рассуждать так же, как люди Нового времени, а значит, язык должен был возникнуть бессознательно. Напрашивается доступная наблюдению аналогия — становление речи у ребёнка. Процесс этот не внезапный, а постепенный; развитие речи у ребёнка проходит ряд этапов. Почему тогда не предположить, что первобытные люди формировали язык примерно так же, как это делают дети?

Одну из подобных концепций предложили в 40-х гг. XX в. выдающийся российский лингвист Николай Феофанович Яковлев и специалист по первобытному обществу Владимир Капитонович Никольский. Они исходили из того, что речь первобытного человека, как и речь совсем маленького ребёнка, не могла начинаться с отдельных звуков: «Человеческая речь даже в самом первобытном виде должна была состоять из целых мыслей и соответственно из целых предложений». Здесь прямая аналогия с ребёнком, который первоначально говорит целыми «словами-предложениями». В эту историческую эпоху, согласно Яковлеву и Никольскому, ещё не выделялись гласные и согласные звуки, а существовали лишь «выкрики-слоги». Их пережитками учёные считали «слоги-предложения» вроде русских *да, нет, на, ну, эй*, которые членораздельны лишь потому, что составляющие их звуки встречаются и в других словах. Есть в современном языке и чистые «слоги-предложения» вроде того, которое используется при общении человека с лошадью и условно записывается как *Тпру-у-у!*

По мнению Н. Ф. Яковлева и В. К. Никольского, «в языке нашего первобытного предка ещё не было слов», как нет их первоначально у ребёнка. Затем люди «научились выражать свои мысли несколькими словами-предложениями, развивающими и дополняющими одну и ту же мысль, а потом и сочетание мыслей». Появление «слова-понятия» авторы концепции связывали с переходом человечества от собирательства к



Ребенок начинает говорить целыми «словами-предложениями», «слова-понятия» и предложения из нескольких слов появляются позже

охоте. В то время «слова-понятия» оставались ещё внутри себя нераздельными, состояли лишь из одного звука и по своему значению были по сравнению с нашими словами ещё весьма неразвитыми, расплывчатыми, смутными. Они могли обозначать как предметы, так и действия, равняться по своему употреблению как нашим именам, так и глаголам». Но слова уже не всегда равны предложениям, предложения могут состоять из нескольких слов. Н. Ф. Яковлев и В. К. Никольский, как и В. фон Гумбольдт, считали, что ближе всего к такому строю стоят языки, подобные китайскому или вьетнамскому. В них слова объединяются в предложения простым соположением, без морфологических показателей, а границы между частями речи часто неопределённы. Ребёнок действительно проходит в развитии речи этап, когда высказывания образуются только соположением слов, которые ещё не делятся на основу и окончание. Лишь постепенно дети овладевают морфологией своего языка. По мнению Яковлева и Никольского, аналогичным образом шло становление морфологического строя в древнейших языках.

Эти идеи Н. Ф. Яковлева и В. К. Никольского очень интересны. Но то, что человечество должно проходить в языковом развитии те же этапы, что и каждый отдельный человек, — лишь гипотеза. Слишком велики и различия. Ребёнок рождается с уже развитыми органами речи, тогда как у людей, только начинавших говорить, они не могли быть такими. Н. Ф. Яковлев и В. К. Никольский исходили из того, что у человекообразных обезьян был примерно такой же речевой аппарат, что у человека; однако это не так. У ребёнка в мозгу, по-видимому, уже заложена некоторая программа, позволяющая ему освоить язык (идея знаменитого американского лингвиста Ноама Хомского), но у людей, лишь начинавших вырабатывать язык, её просто не могло быть. Во всяком случае, аналогия, как известно, не доказательство.

* * *

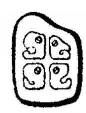
Итак, все существующие концепции происхождения языка могут быть более или менее развёрнутыми, более или менее правдоподобными. Но все они не более чем гипотезы, которые нельзя доказать, хотя по большей части нельзя и опровергнуть. Проблема происхождения языка стоит уже не одно тысячелетие, но и в XX в. из-за отсутствия фактов её не удалось решить. Может быть, что-то удастся сделать в XXI столетии.

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Один пятилетний мальчик, сын продавщицы из магазина «Одежда», как-то сказал: *«Я всех люблю одинаково, а мамочку* ***на один номер*** *больше»*. А другой, у которого отец был писателем и постоянно обсуждал в семье издательские дела, попросил: *«Папа, скажи* ***редактору*** *этой карусели — нельзя ли мне, наконец, покататься!»*. Это примеры из книги Корнея Ивановича Чуковского «От двух до пяти» показывают, что профессия родителей и связанная с этой профессией терминология влияет на речь детей. Среда, в которой живёт человек, всегда воздействует на его речевые навыки. Особенно податливы к такому влиянию дети. Однако взрослые тоже усваивают, часто неосознанно, языковые особенности окружающих — членов семьи, друзей, сослуживцев.

Воздействие социальной среды на язык и речевое поведение людей изучает *социолингвистика* — особое направление в языкознании, которое возникло и сформировалось в самостоятельную научную дисциплину в XX столетии. «Чистая» лингвистика изучает языковой знак сам по себе: его звуковую и письменную форму, значение, сочетаемость с другими знаками. Социолингвистику интересует то, как используют языковой знак люди: как влияют на это их возраст, пол, социальное положение, образование и общий культурный уровень.

Вот слово *добы́ча*. Описывая его с точки зрения «чистой» лингвистики, надо указать следующее: существительное женского рода, 1-го склонения, в форме множественного числа не употребляется, трёхсложное, с ударением на втором слоге, обозначает действие по глаголу *добывать (добыча угля)* или результат действия *(Охотник вернулся с богатой добычей)*. Социолингвист отметит ещё одно свойство этого слова: в языке горняков оно имеет ударение на первом слоге — *до́быча;* возможно здесь и употребление слова во множественном числе *(несколько до́быч)*. Такие профессионально обусловленные отклонения от привычных форм слова — предмет изучения социолингвистики.



Люди одной профессии или одного круга общения нередко вырабатывают свой *жаргон.* В старину, например, был известен жаргон офе́ней (бродячих торговцев). В наше время в своеобразный жаргон превратился язык программистов. Социолингвистика изучает групповые языки, речевое поведение человека как члена определённой группы.

Социолингвистика изучает также социальные условия, влияющие на выбор формы личного обращения. В каждом языке есть различные формы обращения к собеседнику. В русском языке две основные формы — на «ты» и на «вы». К незнакомому, взрослому или старшему по возрасту надо обращаться на «вы», а обращение на «ты» — знак более близких, сердечных отношений, как в известном стихотворении А. С. Пушкина:

*Пустое **вы** сердечным **ты***
Она, обмолвясь заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюблённой возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с неё нет силы;
*И говорю ей: как **вы** милы!*
*И мыслю: как **тебя** люблю!*

Русский речевой этикет — лишь один, причём довольно простой пример из этой области. В других языках, например в японском и корейском, правила вежливого обращения к собеседнику гораздо более сложные.

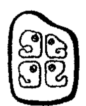
В разных ситуациях общения необходимо использовать разные языковые средства. Это хорошо понимали задолго до возникновения социолингвистики. Например, Пушкин писал *«В [светском] обществе вы локтем задели соседа вашего, вы извиняетесь — очень хорошо. Но гуляя в толпе под качелями, толкнули лавочника — вы не скажете ему: mille pardones! Вы зовёте извозчика — и говорите ему: пошёл в Коломну, а не — сделайте одолжение, потрудитесь свезти в Коломну».* Этот пример показывает, как меняется речь человека в разных ситуациях общения Собеседники могут общаться либо на равных, либо один из них чувствует своё превосходство (или зависимость). Общаясь друг с другом, человек как бы исполняет разные роли: отца, мужа, сына, начальника, подчинённого, сослуживца, пассажира и кондуктора, продавца и покупателя и т д. Роль влияет на характер речи: с отцом вы говорите не так, как со сверстником, а с продавцом магазина — не так, как с учителем. Представление о том, в каких ситуациях, при исполнении каких ролей каким языком надо говорить, формируется по мере того, как человек из ребёнка превращается во взрослого. Этот процесс называется *языково́й социализацией,* т. е. языковым «вхождением» в данное общество, его тоже изучает социолингвистика.

ОЛЬКА ИЛИ ОЛЕЧКА?

Смена формы обращения может говорить об изменении отношения говорящего к собеседнику. Например, если вместо нормального для ваших отношений с одноклассницей обращения *Оля* вы употребите отчуждающую форму — *Ольга,* можно заключить, что вы обижены; а если младший брат вместо привычного обращения *Олька* назовет сестру *Олечка,* то он, скорее всего, добивается ее расположения или участия. Возможно и переносное употребление форм, отмеченное особым тоном, когда *Олечка* становится сигналом обиды, а *Ольга* и даже *Олька* — знаком расположения, признания «своей» или «равной».

В некоторых обществах (государствах, странах, отдельных территориях) используется не один язык, а два или несколько. Обычно один из них — государственный и в этом смысле общеобязательный. Чтобы нормально жить в обществе, разговаривать с другими людьми, продвигаться по социальной лестнице, необходимо знать государственный язык, даже если он не родной. Процесс языковой социализации в этом случае усложняется: ребёнок должен усвоить не один, а два или несколько языков и понять, когда и какой использовать. Вопросы сосуществования разных языков в одном обществе — тоже компетенция социолингвистики.

Социолингвисты ставят перед собой и ещё одну задачу: регулировать развитие и функционирование языка (или языков), не полагаясь целиком на самопроизвольное течение языковой



МОЛОДЁЖНЫЙ ЖАРГОН

Молодежный жаргон — особая форма языка. С определенного возраста многие из нас окунаются в его стихию, но со временем как бы «выныривают» на поверхность литературного разговорного языка. Молодежный жаргон основан на игре со словом, на особом отношении к жизни, отвергающим все, что правильно, скучно, стабильно. Он использует словотворчество, шутку, поддразнивание. Нередко и люди старшего возраста сохраняют пристрастие к жаргону.

В лексике молодежного жаргона соседствуют две крайние черты. С одной стороны, конкретность, четкость определений: *хвост* — несданный экзамен или зачет, *тормоз* — медленно, туго соображающий человек. С другой стороны, аморфность, размытость значений; порой жаргонные слова и выражения невозможно точно перевести на литературный язык: *клевый* — трудно определимая положительная характеристика лица или предмета, заимствовано из офенского языка (языка бродячих торговцев XIX в.); *крутой* — положительная характеристика лица; *чувак* и *чувиха* — обозначения сверстников, заимствовано из цыганского языка; *достать* — что-то вроде вывести из терпения каким-то тупым, занудно повторяющимся действием; *наезжать* — совершать какое-либо действие агрессивного характера.

В последнее десятилетие молодёжный жаргон активно пополняет компьютерная лексика. Здесь есть и метафорически переосмысленные русские слова: *чайник, зависать, взломать*, и многочисленные англоязычные заимствования (в чистом виде или переиначенные): *юзер, хакер, винт, винды* (вместо Windows), *мыло, емеля* (от *англ.* e-mail — «электронная почта»).

Яркая особенность молодёжного жаргона — его быстрая обновляемость. Во времена молодости дедушек и бабушек деньги могли называться *тугрики, рупии*, во времена родителей — *монеты, мани*, у теперешней молодежи в ходу *бабки, баксы*.

Другая черта молодёжного жаргона — ограниченность тематики. Выделяется около десятка семантических классов наименований, внутри которых много синонимов. Это названия лиц (*чувак, лоб, мелкие, кони*), частей тела (*фонари, рубильник, клешни*), одежды и обуви (*шузы, свингера, прикид*), положительные оценки (*круто, клево, улет, отпад, аут*), названия некоторых действий и состояний (*вырубиться, приколоться, тащиться*) и др.

Часто жаргонную речь считают признаком низкой культуры. В 70-х гг. существовал такой анекдот:

Молодая девушка пришла устраиваться на работу.

— Вот ваше рабочее место.

— Ништяк.

— Вот ваши коллеги.

— Ништяк.

— А вы какое-нибудь еще слово знаете?

— Монтана.

— А что это такое?

— Не знаю. Знаю, что ништяк.

Но для многих людей жаргон становится любимой игрой, и та же многогранность позволяет создавать сложное взаимодействие смыслов. Количество значений, которые может приобрести знаменитое *дык* из жаргона митьков, просто не поддается перечислению.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МИТЬКОВ

Житие великого митька Иисуса по кликухе Христос...

Глава 1

1. В начале все было до фени.
2. И все до фени было Богу.
3. И до фени был всем Бог. <...>

Глава 10

1. И сказал вскоре Иисус братушкам: выступаем в Иерусалим!
2. И начали они сообшаться.
3. А когда шли по дороге, встречающие их чуваки ломали сучья и бросали под ноги.
4. А некоторые скидывали свой прикид и постилали на дороге
5. Так пришли они в Иерусалим и устроили там сразу же раздачу.
6. Лохам мало не показалось, и решили они замочить пришедших.
7. Но не к чему было поначалу пристебаться.
8. Задумали было устроить гнилой базар с крутым разворотом.
9. Но те, кто поумней, поняли, что это не тема.
10. И решили действовать ушло.
11. Приступили к Нему лохи иерусалимские и решили Его напрячь, спрашивая·
12. Платить ли бабки кесарю или послать?
13. Иисус им в ответ: заподлицо меня держите, пипл, ибо ясно — кесарю кесарево, а остальное на оттяг.
14. А вы по мизеру ташитесь и ловите каиф на чужом напряге. <...>
16. И пошел прочь Иисус, потому что не любил лохов. <...>

Глава 14

1. Понтий был не лохом, но чуваком был гнилым и мажорным.
2. Привели к нему Иисуса.
3. Понтий сразу же и пояснил: отрывался, чадо, так и будешь вкушать.
4. Иисус ему в ответ: знаешь ли ты, сынку, что со мной трудно бороться?
5. Тут решил Понтий, что говорящий просто оборзел, и решил ему-таки вломить.
6. Вывел Христа на плошадь, где шла тусовка, и спросил лохов: замочим его?
7. И лохи кричали: мочи его! мочи!
8. И послушался их Понтий.

Глава 15

7. И явился братушкам своим в сиянии, беззаботныи и укваш енный.
8. После чего вознесся к отцу своему, чуваку еше более крутому. <...>
10. И оттянулись по-божески вдвоем, в полный рост, на раз, беззаботно и несуетливо, разделив кайф и крутняк по-христиански.

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ

Есть грустная шутка о том, что вежливость люди придумали вместо доброты. На самом деле это не так. В основе вежливости, этикета лежат уважение к старшим, признание человеческого достоинства, наконец, доброжелательное отношение к окружающим. Формулы вежливости помогают людям жить вместе.

Этикетные правила распространяются на все социальные слои: существует этикет придворный и крестьянский. В традиционных обществах этикетные предписания нередко строже, чем в современных демократических странах. Особо известны приверженностью к строгому этикету кавказские народы.

Абхазы, для которых правила поведения — аламыс — не только этикет, но и кодекс чести, говорят: «Смысл жизни — в аламысе».

Нормы речевого этикета различаются у разных народов, но везде общеприняты нормы приветствия и прощания, благодарности и извинения, поздравления и пожелания. При этом каждый народ выбирает свои формулы речевого этикета.

Русское приветствие *С добрым утром!* — по форме поздравление; но эту форму нельзя применить в другое время суток: когда мы говорим *Добрый день!, Добрый вечер!, Спокойной ночи!,* мы высказываем пожелание. Пожеланием здоровья является и обычное *Здравствуйте.*

Формула приветствия в английском *How do you do?* — «законсервированный» вопрос, который не требует ответа по существу. Ответом должен быть повтор этого вопроса. На следующую после него фразу (тоже вопрос) *How are you?* («Как дела?») тоже не следует отвечать по существу (есть даже английский анекдот: зануда — это человек, который на вопрос *How are you?* отвечает со всей обстоятельностью).

«Законсервированные» формулы этикета подолгу живут в языке, но от частого употребления их фонетический облик стирается, упрощается, иногда первоначальный смысл приходится восстанавливать с трудом: *Спасибо! = Спаси Бог!, Прощай!* связано с *Прости,* английское *Good bye* («До свидания») — сокращенное *God be with you!* («Да будет с вами Бог!»).

Затемненный смысл формул вежливости проясняется ситуацией. Так, русское *пожалуйста* может иметь разные смыслы в контекстах приглашения, просьбы, благодарности, разрешения.

Формулы вежливости — традиционно «охраняемая» сфера лексики, но на некоторые из них мода меняется. Особенно этому подвержены приветствия и прощания в среде молодежи. Широко распространенное сейчас *пока!* совсем недавно шокировало, например, К. И. Чуковского. В конце концов Чуковский решил принять это слово: «Ведь точно такая же форма прощания с друзьями есть и в других языках, и там она никого не шокирует. Великий поэт Уолт Уитмен незадолго до смерти простился с читателями трогательным стихотворением „So long!", что и значит по-английски — „Пока!". Французское *à bientôt* имеет то же самое значение. Грубости здесь нет никакой. Напротив, эта форма исполнена самой любезной учтивости, потому что здесь спрессовался такой (приблизительно) смысл: будь благополучен и счастлив, *пока* мы не увидимся вновь» («Живой как жизнь»).

Не любую из ряда синонимических этикетных форм можно употребить в конкретной ситуации. Например, речевые обороты *До свидания!, Всего доброго!, Счастливо!, Пока!, Чао!, Всяких кактусов!* могут иметь значение 'до свидания', но вряд ли вы употребите один из трех последних, прощаясь с учителем. Выбор формы определяется отношениями между собеседниками, оцениваемыми по шкалам: «выше — ниже» и «свой — чужой». Более строгие формы чаще используются по отношению к вышестоящим и «чужим», чем к равным и «своим». Обращаясь к нижестоящим, тоже необходимо следовать правилам этикета: учитель, прощаясь с учеником, вряд ли скажет *Пока!* или *Чао!,* даже если он и молод. Это формы общения среди «своих» и «равных», а между ними позволено гораздо больше, чем по отношению к другим. Зато формы *До свидания! Всего доброго!* нейтральны, они применимы практически к любому лицу. Впрочем, *Всего доброго!* вряд ли уместно в устах ребёнка по отношению к взрослому: социальная позиция лица, выражающего пожелание, по-видимому, не должна быть существенно ниже того, кому оно адресовано. Возможно, это связано с древними представлениями о магической природе языка: пожелание должно иметь особую силу и исходить от лица, обладающего силой.

Значимым может оказаться и отсутствие формул вежливости — забыли попрощаться, не сказали «спасибо» — о вас скажут, что вы не вежливы, или решат, что вы обиделись.

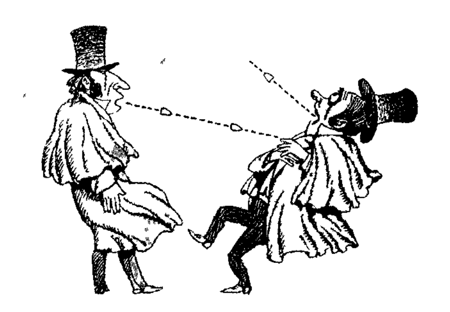
Таким образом, этикет — это осознание человеком своей социальной позиции среди других членов коллектива, умение соответствовать своему месту и признание за другим его законного места в социальной иерархии.

АНТИЭТИКЕТНОЕ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Даже для конфликтного общения предусмотрены свои этикетные формы. Несоблюдение этих форм принижает говорящего. В ссоре важно не уронить свое достоинство. 200 лет назад это звучало так: *Вы, сударь, мерзавец!* — перчатка, секунданты, дуэль. Никакой брани, никаких эмоций. Но это только между равными, а с низшими и браниться не считалось зазорным. Их социальный статус не требовал церемоний.

Если дело не зашло далеко, то обычной стратегией в конфликтном общении равных была пикировка (от *франц* piquer — «колоть»), обмен колкостями, «словесная дуэль». Любезные улыбки и изысканные выражения не скрывали язвительной насмешки, истинного отношения друг к другу. Но все это происходило в рамках учтивости, литературных форм речи, грубости и неристойности являлись признаком поражения, а не свидетельством силы. Опустившийся до них был смешон и достоин презрения. Умение вести словесный поединок — целое искусство. Многочисленные образцы этого жанра (например, в романах Александра Дюма) поражают блеском остроумия и отточенностью языка.

Тем не менее в конфликтной ситуации часто предпочитаются антиэтикетные формы поведения. Антиэтикетное поведение состоит в том, чтобы выказать пренебрежение собеседнику, принизить его социальный статус. Выразить это можно жестами и словами. Словесные действия — это насмешки и оскорбления, дразнилки, обзывания обидными прозвищами и просто брань.



У детей своя излюбленная форма принижения собеседника — дразнилки, традиционный жанр детского фольклора. Они основаны на рифме, звуковой игре. Нередко дразнилки складываются не столько по смыслу, сколько по созвучию: *Тили-тили тесто, жених и невеста* или *Плакса, вакса, гуталин, на носу горячий блин*. Часто дразнилки «прилипают» к собственным именам, так получаются *Маша-растеряша, Ленка-пенка, Андрей-воробей, не гоняй голубей.*

Прозвища-«обзывалки» — это также способ выразить пренебрежительное отношение к собеседнику. Обычно они высмеивают какую-нибудь отличительную черту человека, нередко чисто внешнюю, например *жирдяй*.

Есть и специальные обидные слова: *плакса, пискля, ябеда* (в древнерусском языке, между прочим, «ябеда» означало «должностное лицо, судья»), *мымра* (в словаре В. И. Даля — «человек угрюмого вида»).

В качестве прозвищ часто применяют названия животных в переносном значении. *Свинья* на многих языках означает человека, совершившего подлость или нечистоплотного (*насвинячил*). А вот корейцы этим словом могут ласково назвать невесту, связывая образ свиньи с домовитостью и богатством (иероглиф для значения 'дом' — свинья под крышей). Несмотря на то что собака издавна считается другом человека, с ее именем (в разных вариантах: *пес, щенок* и др.) связано много ругательств, причем довольно обидных; в арабском мире назвать кого-либо *собакой* — самое сильное оскорбление. Для русского уха оскорблением прозвучит *жаба*, а вот в польском ласково назвать маленькую дочку *жабкой* вполне нормально. Употребительное сейчас ругательство *козел* отмечено в подобном современному значении ('глуповатый самодовольный щеголь') еще у Даля.

Самая оскорбительная форма ругани — матерная брань. Для наших предков она служила средством общения с нечистой силой — лешим, домовым, чертом. С ее помощью изгоняли болезни (люди верили, что в заболевшего человека вселялись «демоны»), ограждали себя от нечистой силы. Считалось, что свистом подзывали черта (поэтому существует давний запрет свистеть в доме), а матерной бранью отгоняли.

Православная Церковь вела борьбу со «срамословием», со «словами погаными» как с проявлением язычества и связи с нечистой силой. В 1648 г. указом царя Алексея Михайловича было запрещено использовать матерные выражения: «...чтоб на браках песен бесовских не пели...».

Нередко бранные выражения адресованы не собеседнику, а непосредственно нечистой силе. Это отражено во многих разговорно-бранных формулах: *черт побери (подери, возьми)!* Такого рода выражения используются часто для того, чтобы дать волю чувствам: досаде, раздражению, злости, когда что-то не ладится и не на кого пенять. Интересно, что в русской речи образовался даже класс таких «безлично-ругательных» местоимений и наречий: *черт-те-что, черт-те-куда*. Экспрессивными выражениями являются и речевые обороты со словом *фига (кукиш, дуля)*, отсылающие к соответствующему жесту. Раньше этот жест также использовался как оберéг — от болезней, от ведьм.

При переходе «на личности» матерная брань оказывается одним из самых сильных способов оскорбления. Сила оскорбления обычно зависит от ценности образа: чем он выше, тем обиднее. Поэтому во многих языках в бранных и экспрессивных восклицаниях соседствуют имена Бога и черта, Богородицы и «чертовой матери» (сравните: французские *Pardieu!* (от dieu — «Бог», переводится «Черт возьми!») и *Diable!* — «Дьявол!», польское *Матка бозка ченстоховска!* — очень сильное ругательство именем Божьей Матери города Ченстохова).

В некоторых мужских и молодежных компаниях бранные обороты речи функционируют как некие междометия, способы связи предложений. Такая речь, даже лишенная оскорбительной направленности, звучит грубо и агрессивно. Неспроста общество выработало этикетные формы обращения для любых, в том числе и конфликтных, ситуаций. «Этикет — это разум для тех, кто его не имеет» (Ф. Вольтер).

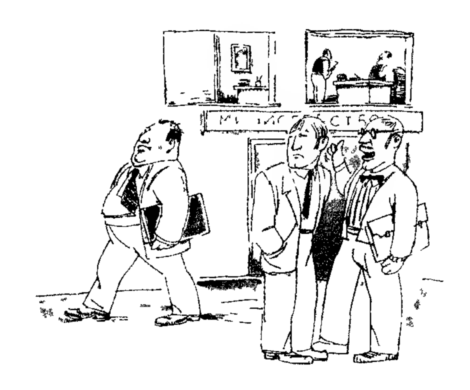
ПРОСТИТЕ...

Описать систему выбора форм обращения в речевом коллективе непросто. В одних случаях возможно употребить несколько форм, в других — только одну (например, к учителю полагается обращаться только по имени и отчеству). Бывает, что и никакой формы обращения выбрать нельзя. Например, как обратиться к незнакомой женщине? *Тетенька?* — только если вы еще ходите в младшую группу детсада; *Гражданка? Дама? Женщина? Сударыня?* В языке для этой ситуации сейчас нет формы, с которой согласится любая женщина. То же и для незнакомого мужчины. В этих случаях используют «пустое» обращение типа *Простите.*

В традиционных обществах (например, у индейских племен), а также в обществах с устоявшейся социальной структурой, обычно нет таких «пустых» форм обращений. Так, среди дунган (китайская народность, 100 лет назад мигрировавшая в Киргизию) традиционными формами обращения служат термины родства. Собеседника «примеряют» по возрасту к членам семьи и называют соответственно — *дедушка, бабушка, дядя, тетя, старший брат, младший брат, старшая сестра, младшая сестра*. Эти же обозначения «пристраиваются» к личным именам, а иногда — к обозначениям профессий особого, высокого статуса — священника, учителя, врача (например, *Ибрагимее* — «дедушка Ибрагим», *ахун-ее* — обращение к священнику, *Лабиян-неннен* — «тетушка Лабиян»).

ПАУЗЫ

Даже способы заполнения пауз в речи связаны с социальной ролью говорящего. Там, где преподаватель скажет *иначе говоря,* или *так сказать,* или просто *э-э,* ученик, подыскивая нужное слово, ввернет *это самое, эта, ну, как его* или просто *ну*. Но если школьник скажет э-э в подобной ситуации — это будет воспринято как попытка передразнить учителя, а не собственный способ заполнить паузу. *Э-э* оказывается речевым стереотипом, соотносимым с определённым социальным статусом.



Речь собеседников зависит от социального статуса каждого из них

жизни При этом надо учитывать, что одни люди легко принимают разные новшества, другие, напротив, отстаивают традиционность; некоторым нравится строгость иностранных научных терминов, а другие выступают за самобытность Изучая различия в оценках, можно выделять социально более и менее престижные формы речи, а это немаловажно для развития языковой нормы. Направление социолингвистики, которое занимается этими вопросами, носит название *языковой политики*.

Современная социолингвистика бурно развивается в самых разных направлениях. Она тесно связана с такими научными дисциплинами, как психолингвистика (наука об индивидуальных особенностях усвоения языка и владения им), социология, социальная психология, этнография и др.

ОФЕНИ

В России в XVI—XX вв. у бродячих купцов-коробейников был в ходу офенский язык (возможно, его название произошло от города Афины — среди коробейников было немало греческих купцов). В 1822 г. опубликовали такой текст на офенском языке: *«Масовской курехой стремыжный пендюх прохандырили труши. Масы биряли клыги и гомза. Кубы биряли бреять и в устреку кундяков и егренят А ламонные карюки курешали курески, ласые лашата грошались. А здебешний бендюх прихлят касы, и масы стехнем стоду чунаться»*.

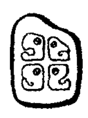
Отечественный офенолог В. Д. Бондалетов в 1974 г. предложил этому тексту литературный перевод: «Нашей деревней третьего дня проходили солдаты. Мы их угощали брагою и вином. Женщины подавали кушать и в дорогу им дали пирогов и яиц. А красные девки пели песни, малые же ребята смеялись.

А сегодня пожалуют священники, и мы будем богу молиться».

Офенский язык использовал русскую грамматику — словоизменение и словообразование. В лексике наряду с греческими основами («мас» по-гречески означает 'наш') и заимствованиями из других языков употребляли диалектные (*егренята, ласый, здебешний*) и русские слова, переиначенные по некоторым моделям. Вот одна из них: *кулото* — 'золото', *кустра* — 'сестра'.

1. Найдите некоторые русские слова, спрятанные в офенских.

2. Переведите на офенский текст: *Сегодня мы идем в солдаты. Пожалуйте к нам в деревню, ребята! Поедите пирогов, будем угощать вас брагой, песни петь, смеяться, будем красных девок вином угощать.*



ЯЗЫК И ВЛАСТЬ

Помните, как размышлял главный герой повести Андрея Сергеевича Некрасова «Приключения капитана Врунгеля» капитан Христофор Бонифатьевич Врунгель, выбирая имя для яхты, на которой он собирался отправиться в кругосветное путешествие? *«Назовите судно „Геркулес" или „Богатырь" - и перед ним льды расступятся сами, а попробуйте назовите судно „Корыто", оно и плавать будет, как корыто, и непременно перевернётся где-нибудь при самой тихой погоде»*.

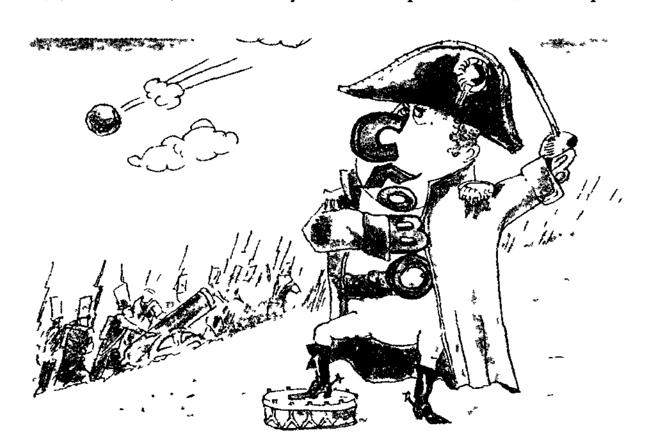
Люди всегда осознавали силу слова. Отсюда и раздумья над выбором имени, и высокие гонорары работников рекламы и психотерапевтов, и многочисленные гимны могуществу слова — от библейского *«В начале было Слово»* до строк поэтов Николая Гумилёва: *«Солнце останавливали словом,/Словом разрушали города»* и Владимира Маяковского: *«Слово — полководец человечьей силы»*.

Что это такое — «сила слова» и «власть языка»? Как они влияют на жизнь человека? Можно ли этому влиянию противостоять, и если можно, то как?

Человек живёт во внешнем мире — в семье, на работе, в школе, на улице, в городе или селе, в государстве, на планете Земля, во Вселенной. Важная часть этого мира — люди и взаимодействие с ними. Способность заставлять других действовать в соответствии со своими желаниями и есть власть. Средств добиться этого существует немало, но нас будет интересовать одно из них: слово.

Вы попросили о чём-либо своего собеседника и надеетесь, что тот просьбу выполнит. Или предупредили его, например, о гололёде на улице, полагая, что он будет осторожен. Договорились с ним о чём-то, обменялись обещаниями и теперь рассчитываете на дальнейшие согласованные действия. Практически любая фраза произносится с целью повлиять на действия собеседника. И даже обычное сообщение накладывает на слушающего некоторое обязательство: знать то, что ему сообщили; говорящему же это даёт основание действовать, исходя из этого знания.

Есть старая сказка про принца, который с самого рождения не разговаривал, и безутешные родители были уверены: наследник престола — глухонемой. Когда ему было 14 лет, он вдруг заявил за обедом, что суп пересолен «Почему же ты раньше молчал?» — спросили его. «Всё было в порядке», — ответил принц. Сказка эта, конечно же, «ложь», но «намёк» в ней важный. Принцу не нужно было проявлять свою власть над придворными, и поэтому он молчал. Заговорил он, когда потребовалось власть применить. Что же, выходит, всякое общение между людьми — это осуществление ими власти друг над другом? Попробуем разобраться.



Люди всегда осознавали силу слова.

ДЕЛАЙ ТАК, КАК Я ХОЧУ

Повлиять — это не то же самое, что заставить. Просьбу можно не выполнить, договорённость нарушить, сообщение пропустить мимо ушей, с утверждением поспорить, и даже приказа можно ослушаться. (Конечно, это ещё не означает избавиться от влияния — возможно, вас попросили сходить погулять именно для того, чтобы вы остались дома.)

Но для того чтобы согласиться или не согласиться с утверждением, выполнить или не выполнить просьбу и т. д., надо осознать сам факт просьбы, утверждения, договорённости. Язык устроен так, что сделать это не всегда легко. Вот простой пример: среди многочисленных шутливых определений оптимиста и пессимиста встречается следующее: пессимист говорит, что зал *наполовину пуст*, а оптимист — что, напротив, зал *наполовину полон*. Оба описания могут относиться к одной и той же ситуации — в зале заполнена примерно половина мест. Однако ситуация эта описывается по-разному, и если первое выражение скорее встречается в рассказе о провале, допустим, спектакля, то второе — в сообщении о его относительном успехе. Слов *провал* и *успех* нет, но слушатель тем не менее сделает все нужные выводы.

Вторжение и *мероприятия по восстановлению конституционного порядка; агрессия* и *военная помощь; фильтрационный лагерь* и *концентрационный лагерь; события, гражданская война* и *крупномасштабные столкновения вооружённых групп в борьбе за власть* — все эти языковые выражения рисуют различные образы одного и того же положения вещей и соответственно формируют разное к нему отношение.

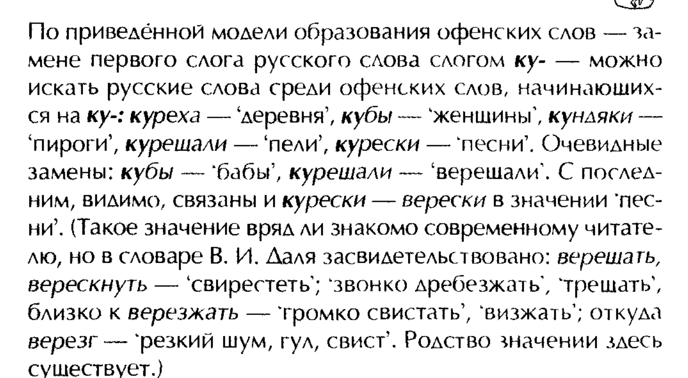
Выбор способа описания (*наполовину пустой* или *наполовину заполненный* зал), подводящий слушателя к определённым выводам, и есть использование («присвоение») власти языка.

Языковое общение в норме предполагает сотрудничество, в основе которого лежит *принцип кооперативности* общения. Но в реальности далеко не всякий диалог кооперативен. Цели участников диалога могут и не совпадать.

Если говорящий тщательно выбирает такой способ описания, который обеспечит нужное ему восприятие ситуации слушающим, а слушающий никакого особого «отбора» не ощущает, можно говорить о *языковом манипулировании*. (Возможна, впрочем, и обратная ситуация. Если тот, кто воспринимает текст, задумается над причинами, по которым автор выбрал данный способ описания, он может узнать нечто, о чём автор вовсе не собирался сообщать.)

Манипулированием называется такой вид взаимодействия между людьми, при котором один из них (манипулирующий) пытается осуществлять контроль за поведением другого (манипулируемого), побуждая его вести себя угодным манипулирующему способом: голосовать за нужное решение или нужного кандидата, платить налоги, слушаться родителей, служить в армии, приобретать какие-то товары и т. д.), а от

Цель манипуляции — добиться, чтобы человек действовал так, как нужно манипулятору, и сам был уверен, что он этого хочет



ОФЕНИ

По приведённой модели образования офенских слов — замене первого слога русского слова слогом **ку-** — можно искать русские слова среди офенских слов, начинающихся на **ку-**: ***куреха*** — 'деревня', ***кубы*** — 'женщины', ***кундяки*** — 'пироги', ***курешали*** — 'пели', ***курески*** — 'песни'. Очевидные замены: ***кубы*** — 'бабы', ***курешали*** — 'верещали'. С последним, видимо, связаны и ***курески*** — *верески* в значении 'песни'. (Такое значение вряд ли знакомо современному читателю, но в словаре В. И. Даля засвидетельствовано: *верещать, верескнуть* — 'свиристеть'; 'звонко дребезжать', 'трещать', близко к *верезжать* — 'громко свистать', 'визжать'; откуда *верезг* — 'резкий шум, гул, свист'. Родство значении здесь существует.)

В оставшихся претендентах: *куреха, кундяки* — трудно обнаружить русские слова. Если предположить, что концы слов заменены русскими суффиксами, то, возможно, *курёха* получилось из *дереха 'деревня', а *кундяк* из *крендяк 'крендель'. Хотя вероятно, что эти слова другого происхождения.

В переводе на офенский важно правильно образовать формы. Если считать, что в сочетании *уходим в солдаты* использовали глагол одного корня с *прохандырили* 'проходили', то нужную форму легко построить по модели: *про-ход-или — у-ход-им, про-хандыр-или — *у-хандыр-им*. Форма со значением 'пожалуйте' образуется от *прихлят* по модели: *прихлят — *прихлите* (по типу: *примчат — примчите*). От *бреять* 'кушать' по типу *сеять — посеять — посеете* получается **побреете*.

Следует обратить внимание на особенности перевода в исходном тексте глагола *бирять*: в одном случае — «угощать чем-либо», в другом случае — «подавать». По модели управления *биряли клыги, гомза, кундяков и егренят* (вин. п. — род. п.) более точен перевод «подавать». Тогда «угощать красных девок вином» должно быть: *бирять гомза* (вин. п.) *ламонным карюкам* (дат. п.).

Полный перевод: *Здебешний бендюх масы ухандырим в труши. Прихлите в масовскую куреху (к масам в куреху), лашата! Побреете кундяков, стехнем бирять клыги, курески курешать, грошаться, стехнем бирять гомза ламонным карюкам.*

каких-то действий воздерживаться. Причём делается это таким образом, что манипулируемый не осознаёт себя объектом воздействия. Ему кажется, что он сам вследствие рассуждения или душевного порыва захотел сделать именно так.

Существуют сферы жизни, где языковое манипулирование играет очень важную роль. Это прежде всего политическая пропаганда и реклама. Они очень близки: в одном случае вам продают (за ваши деньги) определённый товар, и это называется коммерческой рекламой; в другом (за ваши голоса как избирателей, за те же деньги в виде налогов) — определённую политику или политиков: это политическая реклама.

Элементы языкового манипулирования присутствуют в обучении и воспитании — вспомните тему известной песни «Ещё один кирпич в стене» группы «Пинк флойд». Впрочем, манипулирование в воспитании бывает и довольно безобидным, когда, например, плачущему малышу говорят интригующим голосом: *А кто это там? Смотри, собачка!*

Значительна роль языкового манипулирования в судебной практике. Адвокат в своей речи может назвать грабителей *лицами, нарушающими преграды и запоры, с помощью которых граждане стремятся охранить своё имущество*, а обвинитель разбитую витрину опишет как *печальное следствие акта чудовищного вандализма.*

Наконец, элементы языкового манипулирования есть и в нашем повседневном общении.

ЧЕЛОВЕК МАНИПУЛИРУЕМЫЙ

Чем всё-таки различаются «нормальное» речевое воздействие и манипуляция? Провести между ними чёткую грань можно не всегда. Для кого-то фраза *Премьером правительства назначен NN* — просто сообщение о кадровых перестановках в верхних эшелонах власти (которые ему глубоко безразличны), а для кого-то — сигнал о необходимости срочно что-то делать. В то же время в языке есть и «узаконенные» манипуляции, например просьбы в форме вопроса *Не могли бы вы?*. Способов манипулирования в любом языке много. Попробуем разобраться в них.

Воздействие может обращаться к чувствам человека, прежде всего примитивным: страху, гневу, ненависти. Многие слова эмоционально окрашены, и неудивительно, что, постоянно говоря о *предательстве, мародёрстве, бандитизме, разрушительной волне, неудержимом падении, подлых идеях, кошмарной интервенции, страшном нашествии, человеконенавистнических учениях, варварском нашествии, фальшивом лозунге, бешеном наступлении* и т. д. (это всего лишь несколько примеров из одной-единственной статьи в газете «Советская Россия»), человека можно обозлить, запугать и таким образом определить его поведение.

О ЧЁМ ЭТО ОН?

Одним из эталонов «языка для посвящённых» считается язык дипломатии. Вот реальный пример одного «супердипломатичного» высказывания в переводе с английского: *Хотя наша критика по поводу вмешательства в Камбодже остаётся в силе (оставляя в стороне все то, что свидетельствует обо всех ужасах режима Пол Пота), я думаю, не следует допускать, чтобы камбоджийская проблема была оправданием для того, чтобы игнорировать весь комплекс проблем, которые следует решить в интересах мира и стабильности в Юго-Восточной Азии, особенно когда не делают, исходя из одинаковых принципиальных предпосылок, одинаковых выводов по поводу иной действительности.* Понятно?

Обращение к таким эмоциям не редкость и в рекламе. Например, в рекламе лекарств, парфюмерии, косметики часто используют приём внушения беспокойства. Таковы слова об опасности кариеса и тревожная интонация в рекламе зубных паст и жевательной резинки: *Каждый раз после еды во рту нарушается кислотно-щелочной баланс* (уже сам этот наукообразный термин пугает) *и возникает опасность кариеса.* На приёме внушения беспокойства строится телевизионная реклама шампуня «Head & Shoulders». В лифте женщина замечает перхоть на плечах мужчины и с неприязнью отворачивается. Женский голос за кадром: ***Безупречный** внешний вид придаёт вам **уверенность** в себе, но одна маленькая деталь может **всё перечеркнуть.** Подчас незаметная для вас, она очевидна окружающим. Перхоть.* Последовательность слов *безупречный, уверенность, всё перечеркнуть* вызывают образ беды, обрушивающейся на благополучие. Впечатление усилено благодаря умелому распределению мужских и женских ролей: главный персонаж — мужчина, замечает перхоть женщина, и за кадром — женский голос. В конце рекламного ролика, вымыв предварительно голову рекламируемым шампунем, мужчина поднимается в офис по эскалатору. Женский голос за кадром: *Не давайте перхоти ни малейшего шанса. «Head & Shoulders». И вы всегда на высоте.* В этой фразе перхоть представлена как враг, и победа над ней — условие успеха.

К эмоциям обращались и главные лозунги президентской избирательной кампании 1996 г.:

Голосуй сердцем (призыв довериться чувствам) и *Голосуй или проиграешь* (внушение беспокойства).

Ещё одно начало, используемое для языкового манипулирования, — социальное самочувствие человека. Разделение на «своих» и «чужих», желание быть, как все, или, наоборот, не быть как все, осознание своего места в обществе и стремление его улучшить — всё это в значительной мере определяет поведение человека.

Например, говоря *мы*, автор текста как бы автоматически объединяет мнение слушающего со своим: ***Мы** все любим путешествия.* Применяя вместо слова *террористы* слово *повстанцы*, комментатор тем самым сообщает о своей солидарности с ними (и приглашает слушающего разделить её), а пользуясь, скажем, выражением *лица кавказской национальности*, дистанцируется от этих самых лиц, играет на противопоставлении «свой»—«чужой», предполагаемом у собеседника. Говоря подчёркнуто сложно, человек указывает: его слова предназначены лишь для тех немногих, кто способен понять. Тем самым он манипулирует как «посвящёнными» (их отношение к автору становится менее критическим, чем он того, может быть, заслуживает), так и «непосвящёнными»: им достаточно жёстко указывают на то, что их мнение безразлично, или же на то, что от них что-то скрывают.

В рекламе социальные мотивы используют особенно часто. Потребителю обещают повышение его социального статуса, приобщение к миру избранных: *«Filodoro» — колготки для маленьких принцесс;* к миру знаменитых: *«Lux» — мыло красоты для звёзд экрана;* к миру мастерски делающих своё дело: *«Max Factor International» — косметика для профессионалов*, или хотя бы тех, кому посчастливилось жить в слывущих благополучными странах и городах: *«L & M» — свидание с Америкой* (реклама сигарет); *Откройте для себя истинно американский шоколад «Hershey's!»; Джинсы «Jordache» — в них выросла вся Америка.*

Наконец, поведение человека определяется не только эмоциями, желанием быть, как все, стремлением к самоутверждению, но и представлениями о мире — *картиной*, или *моделью мира*. Она включает в себя образ действительности, т. е. представления о том, из чего устроен мир и как он развивается (например, объясняется ли мировое развитие замыслом или цепью случайностей), систему ценностей (к числу ценностей относятся, например, свобода, мир, безопасность, права человека, национальные интересы, соборность, жизненное пространство, торжество ислама, справедливость, мировое господство и т. д.) и рецепты деятельности (например, «Красота спасёт мир» или «России нужен кнут»). С помощью языковых средств все компоненты модели мира могут изменяться таким образом, что слушающий (если только он специально не подготовлен к «языковой борьбе» или не настроен на неё) не будет осознавать, что он является объектом речевого воздействия. Как же конкретно это делается?

ЯЗЫКОВЫЕ «ОТМЫЧКИ»

Первый инструмент, использующийся для речевого воздействия, — это выбор слов и выражений. Мы уже видели, что в значении многих слов есть эмоциональная составляющая. Часто эмоциональное воздействие совмещается с обозначением отношений «свой» — «чужой»: *зверства* — 'осуществляемые **ими** убийства', а *возмездие, зачистка* — 'осуществляемые **нами** убийства'; *угроза* — '**их** способность к нанесению удара', а *сдерживание* — '**наша** способность к нанесению удара'; *гибкость* — '**мой** компромисс', *беспринципность* — '**его** компромисс' и т. д.

Выбрав нужные слова, можно воздействовать и на образ действительности. Чаще всего употребляются эвфемизмы — слова, представляющие действительность в более благоприятном свете. Например, называя гражданскую войну *событиями*, говорящий использует излишне абстрактное описание ситуации; называя её *крупномасштабными столкновениями вооружённых группировок в борьбе за власть* (это, кстати, словарное определение гражданской войны), он разрушает единый образ — за сложными выражениями уже не видно события. Называя нечто *трагедией*, а не *преступлением*, говорящий тем самым делает неуместным разговор об ответственности, ибо у преступления виновник есть, а у трагедии его нет.

Один из видов эвфемизма — смещённые оценочные шкалы Например, на собачьих выставках оценка *хорошо* на самом деле означает 'плохо', *очень хорошо* — 'удовлетворительно', а *отлично* означает 'хорошо', настоящей же отличной оценкой является призовое место. Оценок ниже *хорошо* обычно не ставят, а просто выводят собаку с ринга.

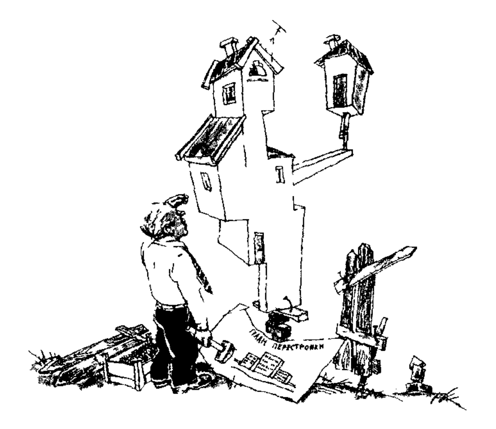
Достаточно много средств языкового манипулирования предоставляет синтаксис. Хорошо известный приём — пассивный залог вместо активного, а также многочисленные конструкции с отглагольными именами *(захвачены заложники, захват заложников).* При использовании пассивного залога о реальном производителе действия можно не упоминать: на первый план выходит само событие, а ответственность за него вроде бы никто и не несёт. Яркий пример приводит британский лингвист Тони Трю. Английская газета «Гардиан» писала: *«Спецназ открыл огонь и застрелил 11 африканских демонстрантов».* В газете «Таймс» сообщение о том же событии было ощутимо иным: *«11 африканцев были застрелены и 15 ранены, когда родезийская полиция открыла огонь по бесчинствующей толпе».* Здесь не только используются различные слова *(африканские демонстранты* и *бесчинствующая толпа),* но и сама конструкция фразы снимает с полицейских ответственность за гибель демонстрантов. Они не обозначены как производители убийства и даже связь между стрельбой и жертвами оформлена как временная (союз *когда*), а не причинная.

Для речевого воздействия важен и порядок элементов сочинительных конструкций. Помещая какой-то элемент на первое место, говорящий, например, может обозначать отношения «свой» — «чужой»: о *матче между «Спартаком» и «Ротором»* скажет болельщик «Спартака» или по крайней мере москвич, а о *французско-российской встрече на высшем уровне* — только француз.

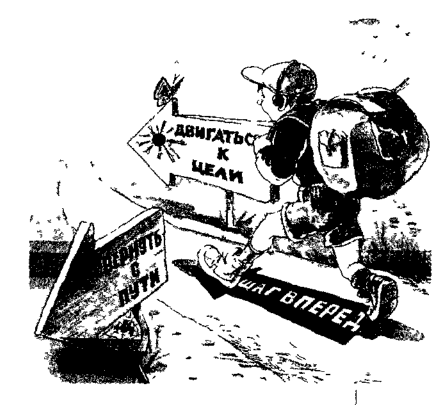
К числу языковых средств манипулирования относится особый жаргон. Использование таких слов, как *ельцинократия* или *красно-коричневые,* создаёт эффект своего (для кого-то) языка. Впрочем, для манипуляции могут употреблять действительно другой язык или диалект. Джеймс Картер (президент США в 1977—1981 гг.), выстраивая во время своей избирательной кампании образ простого парня, говорил с южным акцентом, которого у него, выпускника престижной военно-морской академии в Аннаполисе, на самом деле уже не было. И наоборот, русскоязычные украинские политики переходят на украинский язык при общении с русскими, чтобы подчеркнуть дистанцию.

Ещё одно эффективное средство манипуляции — метафоры. Система метафорических представлений — это часть образа действительности, и обращение к конкретным метафорам или введение новых метафор всегда затрагивает модель мира. Известнейший пример речевого воздействия — использование так называемой военной метафоры: *борьба за мир, война с бедностью, наступление на неграмотность, сражение с коррупцией* и т. п. Эта метафора побуждает видеть мир сквозь прорезь прицела, а там уж на войне как на войне, жертвы неизбежны, за ценой не постоим. Другая широко распространённая метафора — «архитектурная». Отсюда *перестройка* и *общий европейский дом,* а задолго до них было *окно в Европу,* ныне мы слышим про *построение правового государства* и *выстраивание властной вертикали.* Образ действительности меняется в зависимости от того, видится ли она как борьба, как

Метафора войны.



Метафора строительства



Метафора пути

ЭДУАРД СЕПИР И БЕНДЖАМИН ЛИ УОРФ

Американский лингвист Эдуард Сепир (1884—1939) родился в Германии Когда ему было пять лет, семья переехала в США В 1910—1925 гг он работал в Оттаве (Канада), потом стал профессором Чикагского и знаменитого Йельского университетов в США В течение всей своей жизни Э Сепир занимался изучением языков и культур североамериканских индейцев Он прославился книгой «Язык», впервые опубликованной в 1921 г и дважды издававшейся на русском В отличие от многих современных ему лингвистов Сепир был против изоляции лингвистики от других наук, изучал связи языка с культурои общественными процессами человеческой психикой Вслед за Вильгельмом фон Гумбольдтом он писал «Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать в значительной степени они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе „Реальный мир" в значительной степени неосознанно строится на основе языковых привычек той или инои социальнои группы Мы видим, слышим и вообше воспринимаем окружаюшии мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор предопределяется языковыми привычками нашего обшества»

Э Сепир известен также как автор классификации языков на основе их структурных свойств Он выдвинул идею *дрейфа языков*, согласно которой изменения в языках не случайны и соответствуют некоторому «предопределенному направлению» Например, все изменения в истории англиискоro языка со времен первых памятников его письменности и до наших дней связаны с движением от синтетизма (выражения грамматических значений внутри слова, сложной системой склонений и спряжений) к аналитизму (простой морфологии, выражения тех же значений предлогами и другими отдельными словами, а также порядком слов)

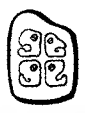
Идеи Сепира повлияли и на его ученика, также известного американского лингвиста Бенджамина Ли Уорфа

Бенджамин Ли Уорф (1897—1941), химик по образованию, работал инженером по технике безопасности Когда ему было более 30 лет, он заинтересовался наукои о языке Как вольнослушатель Уорф посешал курсы Эдуарда Сепира Ранняя смерть помешала ему он успел написать лишь несколько статеи, которые, однако, получили широкую известность

Б Л Уорф изучал язык и культуру индеицев племени хопи (штат Аризона США) и сопоставлял их с языками и культурой западных народов Он описал представления хопи о числе, времени и т д , отличные от привычных для европеицев и американцев Уорф считал, что необычность этих представлении связана с особенностями языка (у языка хопи нет грамматического выражения времени а число имеют лишь конкретные существительные) В связи с этим Б Л Уорф выдвинул гипотезу о том, что наши представления о времени, пространстве и материи неодинаковы для всех людеи но до некоторой степени обусловлены структурой того или иного языка Как он подчеркивал, «мы расчленяем природу в направлении подсказанном нашим родным языком» Такую гипотезу он сам назвал «гипотезой языковои относительности»

Гипотеза Б Л Уорфа за последние десятилетия обсуждалась учеными разных специальностей Собрано много фактов, подтверждающих ее, но вопрос о том, в какои степени эта гипотеза верна, остается нерешенным

Эдуард Сепир



строительство или, скажем, как движение по некоторой дороге (это так называемая метафора пути: *шаг вперёд, свернуть с пути, двигаться к цели* и т. д.).

Многие слова и выражения бывают неоднозначными, и это прекрасный инструмент манипуляции. Например, шекспировский Макбе́т был воодушевлён на преступления ворожбой ведьмы:

Лей кровь, играй людьми. Ты защищён
Судьбой от всех, кто женщиной рождён.

Кончилось это, как известно, поединком с появившимся на свет с помощью кесарева сечения Макдуфом, который всё-таки убил Макбета.

Другой пример — из рекламы. Слово *первый* может значить 'первый по порядку' или 'лучший'. Но обосновать превосходство товара бывает нелегко. Поэтому рекламодатели нередко употребляют слово в значении 'первый по порядку', при этом провоцируя оценочное понимание.

В кадре — кабинет стоматолога. Входит врач и говорит: *Мне доставляет удовольствие сообщить вам, что не содержащая сахара жевательная резинка «Dirol» с ксилитом одобрена теперь Минздравом России как первая жевательная резинка, которая нейтрализует кислоту, разрушающую зубы.*

В конструкцию *одобрена как первая жевательная резинка* вместо слова *первая* можно подставить прилагательное *лучшая*, но нельзя подставить порядковое числительное *вторая, третья* и т. д. Похожим образом устроена реклама конкурирующей фирмы: *Подушечки «Orbit» — первые жевательные подушечки, обладающие вкусом и всеми качествами «Orbit»* (логически более чем странное утверждение, но сейчас это неважно). *«Orbit» помогает предотвратить кариес. Вот почему «Orbit» — первая жевательная резинка, признанная Всемирной федерацией стоматологов.* Слово *первый* употреблено дважды. Один раз — в порядковом значении. Второе же его употребление, на самом деле тоже порядковое, может пониматься как оценочное из-за слов *вот почему*. Такую связь естественно установить между сообщением о качествах жевательной резинки и её оценкой; причинная же связь между действием резинки и порядковым номером её регистрации выглядит абсурдно, хотя формально утверждается именно это.

Такие вот маленькие хитрости.

Ещё одно золотое дно языковой манипуляции — пресуппозиция (от *лат.* prae — «впереди», «перед» и suppositio — «предположение»), т. е. информация, которая неявно содержится в высказывании. Например, спрашивая: *Разве вы не знаете, что беспорядки уже прекратились?*, говорящий в неявном виде сообщает, что беспорядки действительно прекратились (это пресуппозиция глагола *знать*, ведь знают то, что истинно, а что-то полагать можно и ошибочно), они имели место (это пресуппозиция глагола *прекращаться*); говорящий также уверен — слушающий знает

СЕРЕБРЯНЫЙ ИШАК И ЗАХУДАЛОЕ ОЗЕРО

Замечательный пример языкового манипулирования есть в книге Леонида Васильевича Соловьёва «Повесть о Ходже Насреддине». Кадий (судья и нотариус в одном лице) и Насреддин для того, чтобы придать правдоподобие сделке по обмену Насреддинова ишака на доходное озеро с домом и садом, нарекли животное Кумыш (Серебро) и записали его как четыре пуда и семь с половиной фунтов серебра (вес ишака), а с озером поступили ещё более изящно: *«Доходное озеро и принадлежащий к нему сад и дом, — сказал он* (кадий. — *Прим. ред.*) *многозначительным, каким-то вещим голосом и поднял палец. — Очень хорошо, запишем!.. Запишем в таком порядке: дом, сад и принадлежащий к ним водоём. Ибо кто может сказать, что озеро — это не водоём? С другой стороны: если упомянутые дом и сад принадлежат к озеру или, иначе говоря, — к водоёму, ясно, что и водоём в обратном порядке принадлежит к дому и саду. Пиши, как я сказал: дом, сад и принадлежащий к ним водоём!»*. В результате *«озеро волшебно превратилось в какой-то захудалый водоём, находящийся в некоем саду, перед неким домом»*.

ПОЧЕРК МАСТЕРА

На одновременном использовании языковых и логических средств манипулирования, ведущем к ошибочным выводам, основаны многие трюки Остапа Бендера. Так, нанимаясь на пароход художником (т. е. обеспечивая себе бесплатное путешествие по Волге в нужном ему направлении, да к тому же с бесплатным столом), он, как известно, выговорил право взять с собой мальчика-ассистента. Когда в последний момент под видом мальчика перед нанимателем предстал далеко не юный Киса Воробьянинов и завхоз-наниматель подозрительно спросил: *«Вот это ваш мальчик?»*, Остап не без резона заявил: *«Мальчик, разве плох? Кто скажет, что это девочка, пусть первый бросит в меня камень!»*. Сняв комнату у Васисуалия Лоханкина по объявлению *«Сд. пр. ком. в. уд. в. н. м. од. ин. хол.»* («Сдаётся прекрасная комната со всеми удобствами и видом на море одинокому интеллигентному холостяку»), Остап поселился в этой комнате с Балагановым и Паниковским. Лоханкин попытался протестовать, указывая на то, что сдавал комнату не трём, а одному — одинокому интеллигентному холостяку. *«Мон дьё, Васисуалий Андреич, — отвечал Остап беззаботно, — не мучьте себя. Ведь интеллигентный-то из всех трёх я один, так что условие соблюдено».*

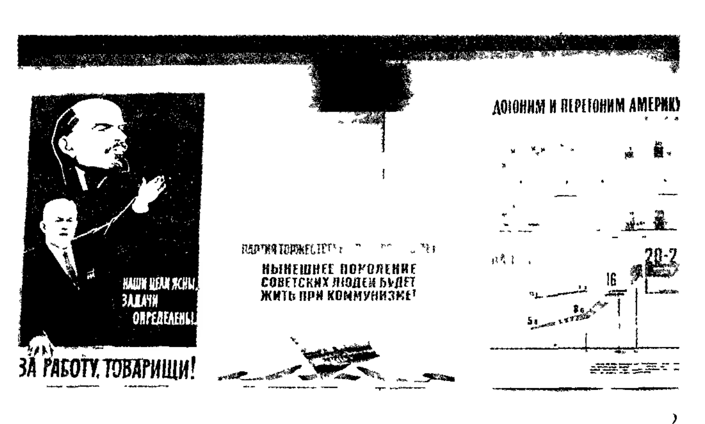
о прекращении беспорядков (часть значения слова *разве*). Навязывание тех или иных сведений через пресуппозиции активно используется в рекламе: *Почему автомобили «Вольво» самые безопасные?* Пресуппозиция: *Автомобили «Вольво» самые безопасные.*

ЗНАМЕНИТЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Первый хорошо изученный опыт масштабного языкового манипулирования относится ко времени Великой Французской революции. Наследие Французской революции — это, с одной стороны, свободомыслие энциклопедистов, а с другой — первые упражнения в насильственной ломке языка, например отказ от традиционных названий месяцев или привычных обращений. Позже в России по образцу французского *citoyen* (гражданин) будут введены обращения *гражданин* (после Февраля 1917 г.), а потом и *товарищ;* в Иране после исламской революции — обращение *брат (сестра).* Все они быстро приобрели официальную и отнюдь не «товарищескую» окраску. В СССР 60—70-х гг. сталкиваться с обращением *гражданин* человеку приходилось как раз тогда, когда с гражданскими правами ему предстояло проститься — так обращались к задержанным, подследственным и т. д. — вплоть до заключённых. Ко времени Французской революции восходит и традиция метафорического представления *свободы, славы, отечества* в виде весьма кровожадных существ, окружённых врагами и требующих постоянных жертв, причём врагом может оказаться кто угодно. Как писал Максимильен Робеспьер, «сегодня общественное мнение уже не может более распознавать врагов народа по явным признакам роялизма и аристократии, надо, чтобы оно распознавало их по более тонким признакам — отсутствию гражданских чувств и интриганству». За *врагами народа* во Франции последуют *враги народа* в СССР, *враги рейха* в Германии, *враги ислама* в Иране.

В Германии периодом интенсивного языкового манипулирования было 12-летнее нацистское господство. Например, специальным распоряжением министерства пропаганды от 22 августа 1936 г. было предписано во всех официальных текстах именовать погибших немецких солдат не *gefallenen* 'павшие', а *ermordeten* 'убитые', дабы подчеркнуть, что они не пали в битве с честным врагом, а были злодейски убиты; отступление называлось не иначе как

1



2

3

4

Языковое манипулирование принимает глобальный масштаб при тоталитарных режимах: 1, 2 — СССР; 3 — нацистская Германия; 4 — маоистский Китай

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ

На рубеже 70—80-х гг. XX в. появились понятия «лингвистического сексизма» и «лингвистического расизма». Под этими терминами понимают такое использование языка, которое подчеркивает приниженное положение женщин, расовых и национальных меньшинств, инвалидов и т. п.

Подобное принижение не обязательно является следствием злого умысла; оно заложено в самой структуре языка. Например, во многих европейских языках формы мужского рода могут применяться как к мужчинам, так и к женщинам: *Тот, кто хочет участвовать в семинаре, должен записаться на кафедре; Если человек заболел, он обычно обращается к врачу.* В английском и ряде других языков у слова со значением 'человек' есть второе значение — мужчина. При обращении к женщине по-английски ее традиционно полагается называть либо *мисс*, либо *миссис* (обязательно указывая ее семейное положение), для мужчин ничего подобного нет. Противники лингвистического сексизма требуют «политкорректности» — универсального обозначения. Ms. (по аналогии с Mr. 'мистер'), *афроамериканцы* вместо *чернокожие*, *альтернативно развитый* вместо *недоразвитый* и т. п.

К сожалению, эта идея проводится в жизнь агрессивно и создает нежизнеспособные способы выражения и даже откровенно нелепые табу. Так, звучали требования вообще исключить из языка слово *черный* как название цвета.

«И ДАЖЕ УЧЕНЫЕ...»

Языковое манипулирование встречается гораздо чаще, чем принято (и хочется) думать. Американский лингвист Джордж Лакофф (родился в 1941 г.) показал, что в академической дискуссии, считающейся идеалом рационального спора, в скрытой форме представлены практически все приемы «нечистоплотной» аргументации и словесной агрессии — т. е. весьма грубых разновидностей языковой манипуляции. Выражения типа *Несомненно, что...* и *Очевидно, что...* могут рассматриваться как запугивание (кто захочет признать, что не понимает очевидного?); выражение *Сказать это означало бы впасть в известное заблуждение* — как угроза, ссылки наподобие *ср. Фершлюгенхаймер 1954* — как обращение за защитой к авторитету (вроде *Ваську Косого знаешь?*); слова *Для того чтобы избежать позитивистских ошибок* — как отрицание авторитета, *Назовем такую теорию «узким» рационализмом* — как оскорбление; *В его вдохновляющей статье* — как лесть и т. д.

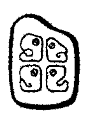
НОВОЯЗ

Джордж Оруэлл в знаменитом романе-антиутопии «1984» обобщил практику языковой манипуляции в различных странах, прежде всего в нацистской Германии и в СССР. Выдуманный писателем *новояз* (*англ.* Newspeak) стал образцом для изучения способов манипулирования. В приложении к роману «1984» излагаются принципы *новояза*. Само устройство этого языка не позволяет выразить на нем сколько-нибудь «неправильную» мысль, т. е. не соответствующую господствующей идеологии Океании мысль.

«Новояз должен был не только обеспечить знаковыми средствами мировоззрение и мыслительную деятельность приверженцев ангсоца (господствующей идеологии Океании. — *Здесь и далее прим. ред.*), но и сделать невозможными любые иные течения мысли. Предполагалось, что, когда новояз утвердится навеки, а старояз будет забыт, неортодоксальная, т. е. чуждая ангсоцу мысль, постольку, поскольку она выражается в словах, станет буквально немыслимой. Лексика была сконструирована так, чтобы точно, а зачастую и весьма тонко выразить любое дозволенное значение, нужное члену партии, а кроме того, отсечь все остальные значения, равно как и возможности прийти к ним окольными путями. Это достигалось изобретением новых слов, но в основном исключением слов нежелательных и очищением оставшихся от неортодоксальных (неположенных) значений. <...> Приведем только один пример. Слово *свободный* в новоязе осталось, но его можно было использовать лишь в таких высказываниях, как *свободные сапоги*, *туалет свободен*. Оно не употреблялось в старом значении 'политически свободный', 'интеллектуально свободный', поскольку свобода мысли и политическая свобода не существовали даже как понятия, а следовательно, не требовали обозначения».

Лексика новояза подразделялась на три класса. Класс *A* состоял из слов, обозначающих одно конкретное понятие: 'бить', 'лес', 'сахар'. В класс *B* были сведены все слова, имеющие какое-либо отношение к политике и идеологии; каждое из них имело четко зафиксированную оценочную составляющую. Слова этого класса были весьма абстрактны, а с точки зрения формы в них было много сокращений. Например, все, что имело отношение к свободе и равенству, называлось *мыслепреступление*. Мыслепреступление вредно; вникать же в суть мыслепреступления не следует, и для этого нет слов. Класс *C* состоял из технических терминов и использовался только специалистами.

«...Выразить неортодоксальное мнение сколько-нибудь общего порядка новояз практически не позволял. Еретическое высказывание, разумеется, было возможно — но лишь самое примитивное, в таком примерно роде, как богохульство. Можно было, например, сказать: *Старший Брат* (диктатор Океании) *плохой*. Но это высказывание, очевидно нелепое для ортодокса, нельзя было подтвердить никакими доводами, ибо отсутствовали нужные слова. <...> В сущности, использовать новояз для неортодоксальных целей можно было не иначе, как с помощью преступного перевода некоторых слов обратно на старояз (т. е. обычный английский язык)».



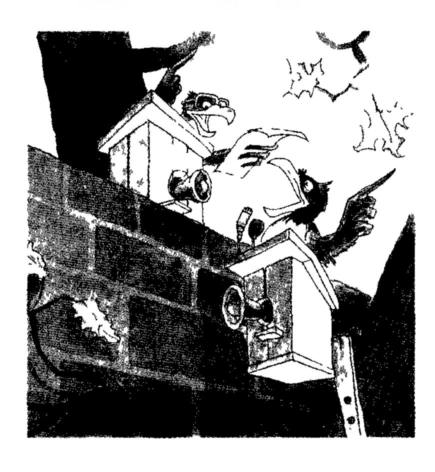
Frontbegradigung 'выравнивание линии фронта'. Весьма специфическое содержание приобрели слова *Volk* 'народ', *deutsch* 'немецкий', *Blut* 'кровь' и *Boden* 'почва', особенно в сочетании *Blut und Boden*. «Кровь и почва» — одна из главных категорий национал-социализма. Подобные усилия по мобилизации «властного потенциала» языка предпринимались и в других странах с фашистскими режимами.

Для Соединённых Штатов Америки пиком языкового манипулирования стали годы войны во Вьетнаме. Она велась по схеме «далёкой войны, которая тебя может и не коснуться». Для тех, кто занимался её пропагандистским прикрытием, было важно успокоить общественность. Поэтому «вьетнамский английский» (так был издевательски прозван язык этих публикаций) стал копилкой эвфемизмов. Многие из них, например *умиротворение* 'полное уничтожение', *защитная реакция* 'бомбардировка', *дружественный огонь* (буквальный перевод английского выражения *friendly fire* — когда 'по ошибке обстреливают или бомбят своих'), превратились в хрестоматийные примеры злоупотребления языком.

В ПОГОНЕ ЗА ИДЕАЛОМ

В языке есть множество способов навязать людям угодные манипулятору чувства и представления. Говорит ли это о «лживости языка»? Вряд ли. Основная вина за языковые «злоупотребления» ложится не на язык, а на тех, кто его применяет. Кроме того, возможность по-разному понимать одни и те же ситуации связана со способностью языка осваивать безгранично разнообразную реальность, иначе язык просто не смог бы выполнять свои функции.

Механизмы манипулирования неотделимы от языка. Одни и те же средства используются



Свобода прессы неотделима от дешевых сенсаций.

и для искажения истины, и для её прояснения. Мы видели, как обычное словарное определение гражданской войны становится средством злонамеренного эвфемистического описания действительности. Ни один из языковых механизмов не предназначен специально для манипулирования, но почти любой может быть для этого использован.

Говорить о языковом манипулировании, оставаясь в пределах строгой лингвистики, невозможно. Понятие «язык политики» используется довольно широко, но сказать, чем он отличается от обыденного, т. е. описать особенности его грамматики, словарного состава так же, как описываются особенности, скажем, китайского, французского или украинского языков по сравнению с русским, не удаётся. Но корректно ли тогда говорить о «языке политики»?

Общения без манипулирования не бывает, как не бывает свободы прессы без «нездоровых сенсаций». Это неприятно, но факт. Поэтому нужно учиться распознавать манипуляцию и противостоять ей. Общение, конечно, легче не станет, но здесь каждый сам должен решать, что важнее.

ЯЗЫК И СВОБОДА

В мире есть много вещей, которые сильнее человека: стихии природы, государство, даже его собственное тело. Но у людей есть невесомое, неощутимое оружие — язык. Они могут договориться — и построить дамбу против наводнения, сменить не устраивающее их правительство, спастись в самой безнадёжной ситуации.

В языке заключена огромная сила. Мышление формируется с помощью языка и поэтому оказывается с ним прочно связано. Сама по себе сила не может быть плохой или хорошей. Энергия Солнца может давать жизнь, а может убивать, химические препараты могут спасти от болезни, а могут отравить, сильный человек может защищать слабых, а может творить зло. Всё зависит от того, как и для чего сила применяется.

Изучать силу языка стали совсем недавно, но осознавали её всегда. Когда с кем-то случается

несчастье, близкие и знакомые стараются прийти или хотя бы позвонить, сказать несколько слов поддержки, даже если исправить уже ничего нельзя. Во время спортивных соревнований болельщики без устали кричат с трибун, и это прибавляет спортсменам воли к победе. Любящие по сотне раз на день повторяют друг другу: «Я люблю тебя», им как воздух необходим этот бесконечный разговор об одном и том же.

Язык предоставляет всем равные возможности пользоваться его силой. Один оскорбляет, другой спокойно спрашивает: «Тебе хочется, чтобы я обиделся?» — и обидчик сникает, как сдутый шарик. Это приём *экспликации* (от *лат.* explicatio — «истолкование», «объяснение»), т. е. прямого называния того, что скрыто присутствует в ситуации. Один кричит, нападает, другой спокойно, даже доброжелательно осведомляется: «А почему вы со мной разговариваете в таком тоне?» — и кричать уже не получается. Такую тактику называют «выход на метауровень». Прежде чем обсуждать предмет разговора, давайте обсудим, как мы будем разговаривать. Есть любители использовать язык для сплетен и интриг — сколько трагедий началось с чьего-то злого слова, но тот же язык предоставляет всем желающим возможность решить конфликт, просто спокойно поговорив (конечно, для этого нужно слышать друг друга, но то, что людям часто застилают глаза обида, гнев или чувство собственной непогрешимости, — уже не вина языка). Недоразумения и разногласия нужно обсуждать, а не раздувать умолчанием или неправдой — это основное правило общения. Кто-то заявляет тоном обвинителя: «Ты вечно включаешь телевизор на полную громкость!» — и получает скандал под орущий телевизор, а кто-то делится своей проблемой: «Мне так мешает, когда звук громкий» — и наслаждается тишиной и хорошей атмосферой в доме. Здесь действует ещё одно правило общения: в спорной ситуации говори о своих проблемах, а не о поступках других людей. Любое заключение о себе человек воспринимает как выпад и начинает защищаться, вместо того чтобы обсуждать вопрос.

На всякое языковое нападение есть языковой щит, на всякую манипуляцию — деманипуляция; любую неудачную, хотя и привычную модель общения можно, подумав, заменить удачной. В сказке Г. Х. Андерсена рассказывается, как ложь рассыпается в мгновение ока от слов маленького мальчика «А король-то голый!». Старое выражение «Называть вещи своими именами» особенно точно показывает могущество языка. Конечно, человечество знает примеры лжи более изощрённой и более злокачественной, чем обман андерсеновских портных, но это значит только то, что называть вещи своими именами очень сложно.

* * *

Наука о языке, от которого неотделима наша жизнь, на тысячелетия моложе, например, науки о далёких звёздах, и находится только в самом начале пути. Если вспомнить о скрытой в языке мощи, то становится понятной мудрость природы, так глубоко спрятавшей эти знания. Никто не позволит ребёнку щёлкать кнопками на атомной электростанции. Чтобы получить право понимать принципы действия такого орудия, как язык, человечество должно пройти определённый путь.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКИ МИРА

ПИСЬМЕННОСТЬ

ИСТОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

ЯЗЫК В МИРЕ ЛЮДЕЙ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

1. *Граник Г. Г., Бондаренко С. М., Концевая Л. А.* Секреты орфографии. — М.: Просвещение, 1994
2. *Граник Г. Г., Бондаренко С. М., Концевая Л. А., Владимирская Г. Н.* Секреты пунктуации. — М.: Просвещение, 1995.
3. *Добльхоффер Э.* Знаки и чудеса. — М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963.
4. *Крейдлин Г. Е., Кронгауз М. А.* Семиотика, или Азбука общения. — М.. МИРОС, 1997.
5. *Леонтьев А. А.* Путешествие по карте языков мира. — М.: Просвещение, 1981.
6. *Лингвистические задачи:* Пособие для учащихся старших классов. — М.. Просвещение, 1983.
7. *Одинцов В. В.* Лингвистические парадоксы. — М.: Просвещение, 1988.
8. *Панов М. В.* Занимательная орфография. — М.: Просвещение, 1984.
9. *Панов М. В.* И всё-таки она хорошая! — М.: Наука. 1964.
10. *Плунгян В. А.* Почему языки такие разные? — М., Русские словари, 1996.
11. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. — М.: Аспект Пресс, 1996.
12. *Сахарный Л. В.* К тайнам мысли и слова. — М.: Просвещение, 1983.
13. *Успенский Л. В.* Слово о словах. — М.: Издательский дом Русанова, Издательский дом «Пилигрим», 1997.
14. *Фолсом Ф.* Книга о языке. — М · Прогресс, 1974.
15. *Чуковский К. И.* Живой как жизнь. — М.: Изд-во «Детская литература», 1966.
16. Энциклопедический словарь юного филолога. — М: Педагогика, 1984.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ
Т. 10. ЯЗЫКОЗНАНИЕ. РУССКИЙ ЯЗЫК
Издание 3-е, переработанное и дополненное

Председатель совета директоров

М. Аксёнова

Председатель правления

Г. Храмов

Исполнительная дирекция

Г. Храмов
М. Аксёнова
М. Кисличенко
И. Кошелев
С. Суставова
А. Чулков

Главный редактор

М. Аксёнова

Главный художник

Е. Дукельская

Заместитель главного редактора, методологический редактор тома

А. Элиович

Ответственный редактор тома

Л. Петрановская

Научные редакторы разделов тома

В. Алпатов
Е. Муравенко
Н. Розанова
Л. Фёдорова

Научное рецензирование

Институт русского языка
Академии наук РФ

Редактирование и корректура

С. Суставова — начальник отдела
Ю. Евдокимова — старший редактор
Н. Мистрюкова — редактор
В. Николаенко — редактор
Т. Новицкая — редактор
Е. Чеканова — редактор
Т. Бросалина — корректор
С. Комарова — корректор
Л. Антонова — редактор проверки
С. Янышев — редактор проверки

Художественный редактор

М. Ефременко

Ассистенты художественной редакции

М. Ефременко
А. Пущина
М. Радина

Изготовление оригинал-макета

К. Иванов
Л. Харченко
Р. Сурин
А. Володарский

Технолог производства

Т. Любцова

Помощники ответственного редактора

О. Торпакова
Я. Токарева

Набор и считка

М. Кудрявцева — начальник отдела
Ю. Ашмарина
Ю. Антонова
Н. Гольдман
О. Демидова
Т. Поповская
И. Самсонова
Ф. Тахирова
Е. Терёхина
Е. Хохлова
Н. Шевердинская
О. Шевченко

Художники

А. Боровик
Н. Доброхотова
Т. Доброхотова
Е. Дукельская
А. Евдокимов
Е. Евдокимова
А. Ермаков
А. Замула
Ф. Каверин
Н. Краснова
Е. Ксенофонтова
Ю. Левиновский
Е. Ненастина
Н. Панин
Е. Самбор
Е. Сурикова
С. Товстиади
Ю. Тапонов
В. Челак
А. Шечкин
Ю. Юров

Фотографы

А. Джус
В. Джус
П. Кривцов
Ю. Любцов
Г. Макарычев
И. Пискарёв
Т. Шахвердиев
И. Стин
А. Фирсов

Фотоматериалы предоставлены

Институтом истории материальной культуры (Санкт-Петербург);
отделом рукописей Государственного Исторического музея;
Музеем книги Российской государственной библиотеки;
Музеем М. В. Ломоносова Российской Академии наук (Санкт-Петербург);
издательством «Большая Российская энциклопедия»;
агентством ФОТО ИТАР-ТАСС;
фотоагентством «Сипа Сел»;
Комплексным отделом литературы по искусству Всероссийской библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино

Суперобложка

В. Челак

Шмуцтитулы

Е. Дукельская

«Аванта+» выражает особую благодарность Японскому фонду культуры;
В. Доброхотовой, В. Шевченко, О. Кармаковой, И. Букринской, П. Васину.

В СЕРИИ «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ» ВЫШЛИ В СВЕТ ТОМА:

«Всемирная история»

«Биология»

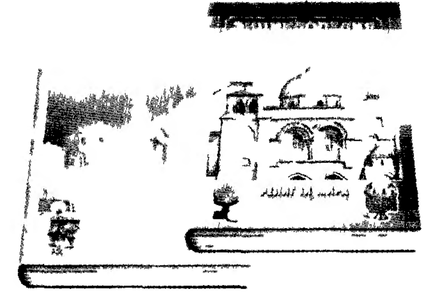
«География»

«Геология»

«История России» (часть 1)

«История России» (часть 2)

«История России» (часть 3)

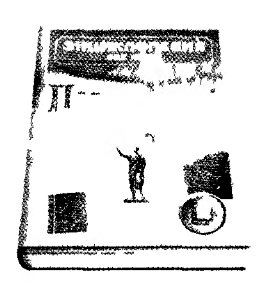

«Религии мира» (часть 1)

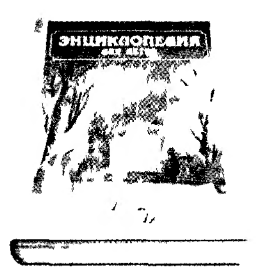
«Религии мира» (часть 2)

«Искусство» (часть 1)

«Искусство» (часть 2)

«Астрономия»


«Языкознание. Русский язык»



«Русская литература» (часть 1)

«Русская литература» (часть 2)

«Математика»

«Россия: физическая и экономическая география»

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Нас радует, что в адрес издательского объединения «Аванта+» приходит множество читательских писем. Нам хотелось бы сделать сотрудничество с Вами ещё более плодотворным. Нам важно знать Ваше мнение, поскольку мы создаём эту книгу для Вас. Пожалуйста, пишите нам о том, что Вам понравилось и особенно заинтересовало в статьях, показалось удачным в подходе к изложению материала или в оформлении книги. Мы будем благодарны также за любые критические замечания. Давайте подумаем вместе, как сделать «Энциклопедию для детей» необходимой и любимой книгой в каждом доме.

«Аванта+» осуществляет доставку почтой «Энциклопедии для детей» по России. Мы будем рады оказать Вам услугу, выполнив заказ на приобретение книг. Вы можете заказать все вышедшие в свет тома. Запросы об условиях доставки книг почтой направляйте по адресу: 123022, Москва, а/я 73, «Центр доставки „Аванта+"». Наш неизменный принцип — надёжность и постоянство, и это уже оценили многие читатели.

Фирменные магазины «Аванта+» — это:

— широкий ассортимент обучающей и развивающей литературы;
— розничная продажа «Энциклопедии для детей»;
— подписка на «Энциклопедию для детей» и продажа по абонементам вышедших томов.

Напоминаем, что подписка на многотомную «Энциклопедию для детей» даст Вам возможность получать вновь выходящие и ранее выпущенные тома серии по льготным ценам. Подписка на все тома «Энциклопедии для детей» продолжается. **Адреса магазинов «Аванта+»:**
Москва, ул. 1905 года, д. 8; Ореховый бульвар, д. 15, «Галерея Водолей», 2-й этаж
(ст. м. «Домодедовская»).

Телефоны:
в Москве: (095) 259-2305, 259-5412 (для справок);
(095) 259-7627, 259-6052 (оптовая продажа);

в Санкт-Петербурге: (812) 567-2746.

В серии «Энциклопедия для детей» вышли в свет тома:
«Всемирная история»,
«Биология», «География», «Геология»,
«История России» (части 1, 2 и 3),
«Религии мира» (части 1 и 2),
«Искусство» (части 1 и 2), «Астрономия»,
«Русская литература» (части 1 и 2),
«Языкознание. Русский язык», «Математика»,
«Россия: физическая и экономическая география»,
«Страны. Народы. Цивилизации».

Планируется выпуск томов:
«Техника»,
«Всемирная литература» (части 1 и 2),
«Искусство» (часть 3),
«Физика»,
«Химия»,
«Спорт»,
«Человек»,
«Общество».

«Аванта+» несёт ответственность за научный и художественный уровень томов серии «Энциклопедия для детей». Чтобы отличить «Энциклопедию для детей» издательского объединения «Аванта+» от энциклопедических серий других издательств, обращайте внимание на товарный знак на титульных листах томов:

Энциклопедия для детей. Том 10. Языкознание. Русский язык.
Изд. лиц. № 066781 от 21.07.99. Подписано в печать 09.08.99. Формат 84×108/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Гарамон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 73,92.
Тираж 2500 экз. Заказ № 730.

ЗАО «Дом книги „Аванта+"». 109472, Москва, Ташкентская ул., д. 24, корп. 1, стр. 1.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Тульская типография». 300600, Тула, пр-т Ленина, 109.

Признак	Северное наречие	Южное наречие
Фонетические явления		
Гласные звуки [о] и [а] в безударных слогах после твёрдых согласных	различаются (оканье): *д*[о]*ма́, д*[а]*ва́й, м*[о]*локо́, тр*[а]*вяно́й*	не различаются (аканье): *д*[а]*ма́, д*[а]*ва́й; м*[ъ]*локо́, тр*[ъ]*вяно́й*
Произношение [г]	взрывное [г]: *но*[г]*а,* [г]*усь;* чередуется с [к]: *но*[к], *берё*[к]*ся*	щелевое [γ]: *но*[γ]*а,* [γ]*усь;* чередуется с [х]: *но*[х], *берё*[х]*ся*
Что произносится на месте сочетания звуков [бм], [б’м’]	произносится [м̄], [м̄’]: *о*[м̄]*а́н, о*[м̄’]*е́н*	произносится [бм], [б’м’]: *о*[бм]*а́н, о*[б’м’]*а́н*
В положении между гласными в ряде форм глаголов и прилагательных звук [j]	отсутствует; гласные стягиваются: *рабо́т*[ае]*т, рабо́т*[аа]*т, рабо́т*[а]*т; но́в*[аа], *но́в*[а], *но́в*[ы]	присутствует. *рабо́т*[аjе]*т, но́в*[аjа], *но́в*[ыjи]
Грамматические явления		
У существительных среднего рода в именительном падеже множественного числа	безударное окончание ***-а: пя́тна, о́кна***	безударное окончание ***-ы: пя́тны, о́кны***
Формы дательного и творительного падежей множественного числа существительных	совпадают *подойти к дома́м, рядом с дома́м*	различаются: *подойти к дома́м, рядом с дома́ми*
В форме 3-го лица глаголов произносится	твёрдый звук [т]: *но́си*[т], *но́ся*[т]	мягкий звук [т’]: *носи*[т’], *но́ся*[т’]
В форме родительного падежа единственного числа существительных женского рода 1-го склонения	окончание ***-ы:*** *у сестры́, без воды́*	окончание ***-е:*** *у сестре́, без воде́*
Лексические явления (распространение слов)		
‘посуда для замешивания теста’	*квашня́, кваш́онка*	*дежа́, де́жка*
‘приспособление для доставания горшков из печи’	*ухва́т*	*рога́ч*
‘орудие для ручного обмолота’	*при́уз, молоти́ло*	*цеп*
‘приспособление для того, чтобы держать сковороды’	*сковоро́дник*	*ча́пельник, ча́пля*
‘колыбель, подвешиваемая к потолку’	*зы́бка*	*лю́лька*
‘всходы зерновых культур’	*о́зимь, озимя́*	*зе́лень, зеленя́*
‘вечерние собрания молодёжи’	*бесе́да*	*посиде́лки* и другие слова с корнем ***-сид-***
о собаке	*ла́ять*	*бреха́ть*